

В.И. Голдин

СОЛДАТЫ НА ЧУЖБИНЕ

*РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ,
РОССИЯ И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В XX-XXI ВЕКАХ*

Издание подготовлено с любезного разрешения автора.

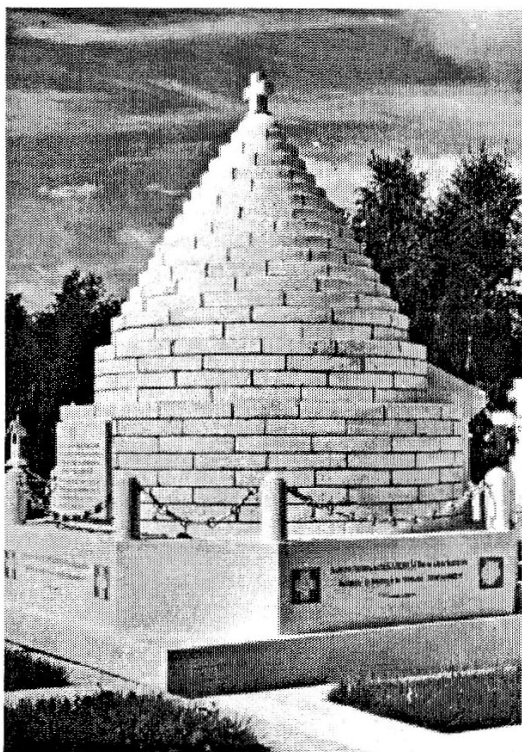
*Для подготовки издания был использован текст книги
В.И. Голдина «СОЛДАТЫ НА ЧУЖБИНЕ. РУССКИЙ
ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ, РОССИЯ И РУССКОЕ
ЗАРУБЕЖЬЕ В XX-XXI ВЕКАХ», вышедшей из печати в
2006 году в издательстве «СОЛТИ» (Архангельск).*

*Верстка выполнена Русским Обще-Воинским Союзом
<http://pereklichka.livejournal.com>.*

Электронное издание
Русский Обще-Воинский Союз
2011 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Глава 1. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И СКЛАДЫВАНИЕ РУССКОГО ВОЕННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	16
Глава 2. УЧРЕЖДЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА: ЕГО СОСТАВ, СТРУКТУРА И ЛИДЕРЫ.....	46
Глава 3. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 20-Е ГОДЫ: ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИКИ, «ВЕРХИ» И «НИЗЫ» ЭМИГРАЦИИ.....	63
Глава 4. РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ В КОНЦЕ 20-Х ГОДОВ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА И ЕГО ГИБЕЛЬ.....	93
Глава 5. РОССИЙСКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И РОВС В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ. ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР ВО ГЛАВЕ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА.....	109
Глава 6. НАРАСТАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ ОБЩЕ- ВОИНСКОМ СОЮЗЕ И ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ.....	151
Глава 7. ПАРИЖСКОЕ ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА.....	200
Глава 8. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА НА ЛУБЯНКЕ.....	213
Глава 9. РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ И РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	222
Глава 10. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РОВС В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	255
Глава 11. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ.....	273
Глава 12. РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.....	312
Глава 13. РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	325
Заключение.....	347
Документальные приложения.....	355
Указатель имен и биографические данные.....	396
Примечания.....	492
Список сокращений.....	521
Об авторе.....	522

Галлиполийский памятник

«Памяти генерала Кутепова
и его сподвижников»

Памятник дроздовцам

Генерал-лейтенант П.Н. Врангель

Вел. князь Николай Николаевич

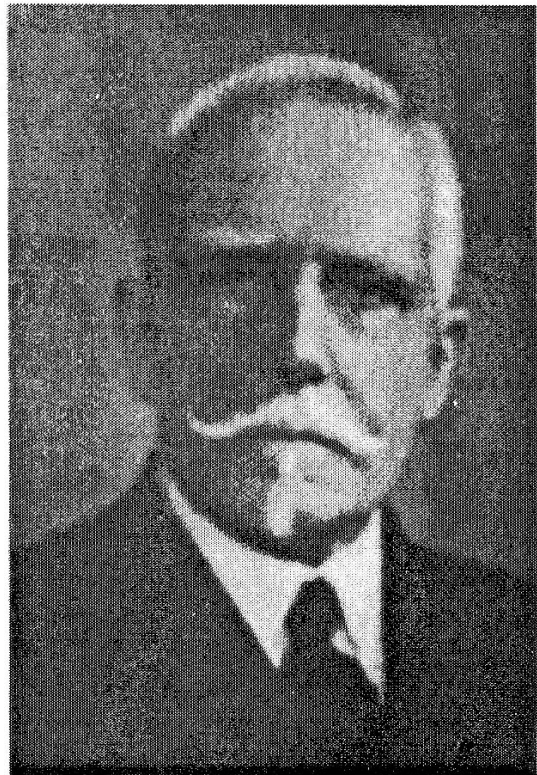
Генерал А.П. Кутепов

Генерал Е.К. Миллер

Генерал Ф.Ф. Абрамов

Генерал А.П. Архангельский

Генерал фон А.А. Лампе

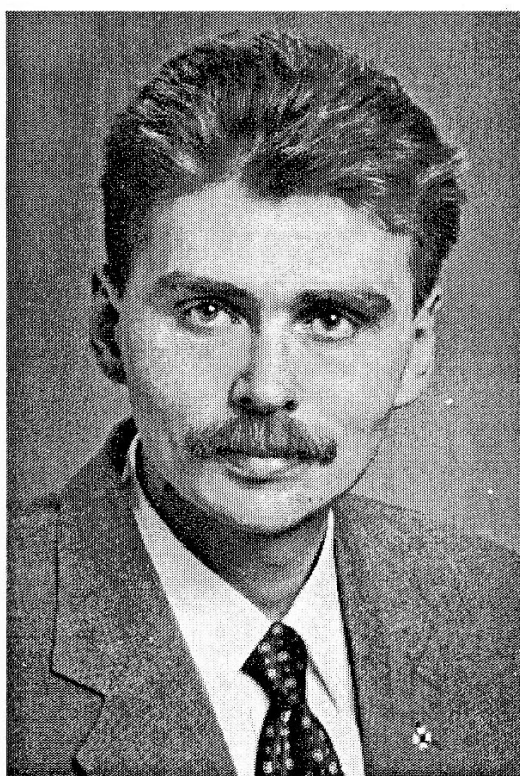
Генерал В.Г. Харжевский

Сотник Н.И. Иович

Поручик В.В. Гранитов

Капитан И.Б. Иванов

Генерал И.Г. Эрдели

Введение

Нет, нет! Не погибнет Россия!
Придет богатырь и спасет!..
Как с неба сошедший Мессия
Он голову «Змия» сотрет!
И минет страдания чаша
Над Русью рассеется чад
Да здравствует армия наша
Да здравствует Русский солдат!

Эти поэтические строки, написанные В.И. Диковым около столетия назад, и сегодня, в сложное и тревожное для России время заставляют нас задуматься над ролью и предназначением армии, смыслом воинского служения, судьбами военнослужащих в минувшем веке. Они были глубоко драматичны, а часто и трагичны. Политические кактаклизмы не раз ставили и часто ставят сегодня армию и военнослужащих в труднейшее положение. Но человек, избравший воинский путь, обязан быть верным принятой клятве, воинской присяге. Но, как показала новейшая история России, это само по себе труднейшее испытание. Рубежи 1917 и 1991 годов стали временем нелегкого выбора для миллионов российских солдат и офицеров.

Российская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война в стране буквально перевернули ход отечественной, а во многом и мировой истории в XX веке, и за пределами России оказались, как правило, вынужденно, несколько миллионов человек. Среди них было и несколько сот тысяч солдат и офицеров, абсолютное большинство которых принимали непосредственное участие в Гражданской войне, в ходе которых белые армии, в которых они сражались, потерпели поражение.

Объектом изучения в настоящей монографии является Российское военное Зарубежье¹, сформировавшееся в результате эмиграции, обусловленной, в свою очередь, исходом Гражданской войны в России, и ставшее поистине уникальным феноменом отечественной и мировой истории, сложнейшим и многогранным историческим, военным, военно-политическим, социальным, социокультурным и духовно-нравственным явлением XX века.

Предметом исследования станет процесс создания и деятельности на протяжении последующих 80 лет Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), одной из крупнейших и влиятельнейших организаций Зарубежной России, претендовавшей на то, чтобы стать консолидирующим ядром и ведущей силой не только Российского военного Зарубежья, но и всей российской послереволюционной эмиграции. Автор исследовал историю Русского Обще-Воинского Союза не как локальное и самодостаточное явление, но ставил перед собой задачу проанализировать его деятельность в общем контексте истории нашей страны, Российского Зарубежья и международных отношений в XX - начале XXI веков, рассмотреть взаимоотношения РОВСа с другими военными, политическими и иными эмигрантскими организациями и тем самым глубже раскрыть историческое прошлое российской послереволюционной эмиграции в ее взаимосвязи с сегодняшним днем.

Хронологические рамки этого исследования доведены до начала XXI века, когда Русский Обще-Воинский Союз отметил в 2004 году свое 80-летие и перенес центр тяжести своей деятельности в Россию, а Русское военное Зарубежье, Белая эмиграция превратились уже главным образом в достояние истории в связи с уходом из жизни их участников и героев. Деятельность же современного РОВСа осуществляется усилиями их потомков и идеологических преемников. Таким образом, Русский Обще-Воинский Союз изучается не только как сложное, многогранное (и качественно разное на различных временных этапах) явление и составная часть истории Российского Зарубежья и международных отношений, но и современности.

Центральное место в настоящей книге будет отведено следующим проблемам: роль Гражданской войны в России в формировании и деятельности русской военной эмиграции; исторические условия, предпосылки и цели создания Русского Обще-Воинского Союза, его роль и предназначение в эмиграции; основные этапы и содержание деятельности РОВСа; его взаимоотношения с другими эмигрантскими организациями, роль и место в жизни Российского Зарубежья; положение организаций РОВСа в странах пребывания, взаимоотношения с представителями органов власти и управления, военными и спецслужбами зарубежных государств, поиск внешних союзников в борьбе против СССР и советской власти. Значительное внимание в монографии будет уделено современным проблемам РОВСа, его деятельности в постсоветской России. Важным аспектом данного исследования является персонификация Русского Обще-Воинского Союза и послереволюционного Российского Зарубежья. Тема человека, межличностных отношений, внутреннего мира эмиграции красной нитью будет проходить в повествовании во многом благодаря использованию обширных эмигрантских и иных документальных материалов личного происхождения.

Эта книга является продолжением задуманной автором серии изданий, посвященных миру Русского военного Зарубежья в XX веке. Начало этой серии было положено монографией «Армия в изгнании», опубликованной в 2002 году, и продолжено монографией «Роковой выбор», вышедшей в свет в 2005 году². Данная тематика тесно и неразрывно связана с осуществляемым автором вот уже около 20 лет исследованием проблем истории и историографии Гражданской войны в России. Ведь именно она явилась основанием, фундаментом и историческим преддверием эмиграции.

Нельзя не заметить, что уже сами по себе используемые понятия - белоэмиграция, российская контрреволюция за рубежом, белая армия в изгнании, российская военная эмиграция, зарубежное русское воинство, Русское военное Зарубежье, Белая эмиграция, Зарубежная Россия не просто обращают нас к одной из сложных и драматичных страниц отечественной и мировой истории, но и несут в себе разное общественное, политическое и интеллектуальное, эмоциональное и содержательное восприятие, отражают характер и эволюцию отношения к этой сложной теме отечественной и мировой истории, ее героям и действующим лицам.

За восемьдесят с лишним лет, миновавших с начала великого российского послереволюционного «исхода», в нашей стране и за ее пределами сложилась обширная и разнообразная литература о Российском Зарубежье. При нижеследующем ее обзоре будет сделан особый упор на военную и военно-политическую его составляющую и, разумеется, литературу, в которой находила освещение деятельность Русского Обще-Воинского Союза.

Положение российской эмиграции, процессы, в ней происходившие с момента образования и особенно после окончания Гражданской войны, замыслы ее военных и политических лидеров вызывали острый интерес в нашей стране, но первоначально не столько исследователей, сколько публицистов, а также профессионалов вооруженных сил и спецслужб, которые продолжали борьбу, начатую в Гражданской войне на российской территории, а в дальнейшем превратившуюся в войну без границ и правил. Публикации и в том числе книги по этой теме, издаваемые в Советской России - СССР уже в 20-е годы, не только описывали жизнь и проблемы эмиграции³, но особое внимание уделяли военно-политическим планам ее руководства и реальным вредительским и террористическим действиям, раскрываемым заговорам и т.п.⁴ Эти публикации, как правило, были пронизаны духом непримиримости, обличения противника, жесткой идеологической заданности, тем более, что и предпосылки для этого, несомненно, имелись: жестокая борьба велась и на границах, и внутри страны, и за ее пределами. Работы той поры, публикуемые в СССР, стали, по существу, одной из важных составных частей продолжавшегося острейшего противоборства.

Характеризуя разные группы публикаций 20-х годов, отметим, что значительный интерес и сегодня представляют книги бывших эмигрантов, вернувшихся в то время из-за рубежа в СССР. В них авторы, исходя из собственного опыта и наблюдений,

описывали состояние и процессы, происходившие в эмиграции⁵. Стремление лучше понять эмиграцию и осмысление ее руководителями и видными политическими и военными деятелями уроков былых сражений обусловило издание в СССР в 20-е годы специальной мемуарной серии работ, ранее опубликованных за рубежом, под общим названием «Революция и гражданская война в описании белогвардейцев». Разумеется, и та, и другая группа изданий работ эмигрантов, публиковавшихся в СССР, требует в себе критического отношения, понимания того, в каких условиях, ради чего и как осуществлялись данные публикации.

В условиях наступившей в СССР на рубеже 20-х и 30-х годов новой эпохи, официально именовавшейся «переходом социализма в наступление по всему фронту», в отношении эмиграции в полной мере возобладал мотив, что врага надо не изучать, а непримиримо бороться с ним и уничтожать, поэтому на несколько десятилетий тема Русского Зарубежья оказалась фактически закрыта для профессионального исторического исследования.

Обширная литература об эмиграции, ее жизни, деятельности и борьбе была создана самими эмигрантами в 20-30-е годы. Спектр ее разнообразен по содержанию, идейно-политической направленности, мировоззренческим взглядам авторов. Особый интерес в русле предмета настоящего исследования представляют работы о военной эмиграции, адаптационных процессах и борьбе, формировании и повседневной жизни Российского военного Зарубежья. Сразу заметим, что особое место в эмигрантских публикациях этой поры занимали процессы, связанные с Русской Армией генерала Врангеля, составлявшей костяк военной эмиграции, командование которой пыталось взять в свои руки объединительные процессы в русской зарубежной военной среде, выработать программу действий и консолидации именно вокруг нее заброшенных на чужбину солдат и офицеров бывшей Императорской и белых армий. В этой литературе содержалось и официальное летописание истории военной эмиграции, начиная с ее первых символов, одним из которых стал, например, Галлиполи, повествование о жизни на чужбине, полной трудностей и лишений, нелегкой адаптации к новым условиям и продолжении непримиримой борьбы с советской властью в России, попытках найти зарубежных союзников в этой борьбе и др.⁶ Несомненный интерес представляют справочные издания межвоенного периода об эмигрантских воинских организациях, о жизни и деятельности эмигрантов в различных странах мира⁷. Вторая мировая война, ставшая временем тяжелейших испытаний для всего мира и русских эмигрантов в частности, свела к минимуму публикации, в которых находила освещение жизнь русской эмиграции⁸.

Значительное место в эмигрантской литературе занимали издания, посвященные лидерам Русского Обще-Воинского Союза и Российского военного Зарубежья - великому князю Николаю Николаевичу, генералам П.Н. Врангелю, А.П. Кутепову и Е.К. Миллеру. При этом проблемы похищения двух последних вызывали особый интерес в эмиграции и попытки разобраться в случившемся⁹. В целом же, в межвоенный период за рубежом выходило в свет более ста периодических русских военных изданий, часть публикуемых материалов которых представляет собой определенный историографический интерес с точки зрения характеристики современниками происходивших в эмиграции процессов, попыток понять смысл и значение Российского Зарубежья, представления на их страницах разнообразия взглядов и дискуссий, по тем или иным проблемам. Но в первую очередь, разумеется, эти издания составляют сегодня полезную источниковую базу для изучения истории российской военной эмиграции¹⁰.

Лишь в конце 50-х - начале 60-х годов, в условиях происходивших после смерти Сталина некоторых общественно-политических перемен, определенной переоценки ценностей в советской исторической науке, а также расширения источниковой базы и тематики исследований проблемы российской послереволюционной эмиграции и особенно интересующие нас военные и военно-политические аспекты ее истории вновь становятся предметом изучения в публицистической, а затем и в исторической литературе в нашей стране. В 60-е - первой половине 80-х годов очень непросто, но начинали

складываться определенные традиции систематического исследования истории эмиграции, появились специально посвященные ей монографические и иные издания¹¹. Вместе с тем, эта тема продолжала находиться под жестким политическим и идеологическим контролем, что обуславливало известную идеологическую зашоренность и снижало научную продуктивность появляющихся исследований.

Период советской «перестройки» с ее декларированной «демократизацией» и «гласностью» обнажил многие малоизученные или неисследованные проблемы истории, ее, как было принято тогда говорить, «белые пятна» и «черные дыры». Все вышесказанное в полной мере относилось и к истории эмиграции. Постепенно менялся сам подход, понятийный и терминологический аппарат исследований. На смену неуклонному и обязательному прежде обличению приходит стремление разобраться, понять, действительно исследовать, сопережить, а не проклинать эмиграцию, эмигрантов и изгнанников, людей, по своей и не своей воле оказавшихся на чужбине¹². Начинает складываться диалог по этой тематике с представителями Русского Зарубежья. Появляется, наконец, возможность заглянуть в отечественные архивы и исследовать, опираясь на хранящиеся в них ценные документы и материалы и в первую очередь самой эмиграции, которые начинают рассекречиваться с конца 80-х годов.

Конец 1991 года обозначил не только глубокий рубеж в политической истории нашей страны, но и в развитии исторической науки. В постсоветский период история эмиграции превратилась в одну из самых модных и, увы, нередко конъюнктурных тем. Не хотелось бы, как это часто происходит, идеализировать исследовательский процесс и его результаты. Нередко имел место переход из одной крайности в другую. Не просто отрицались старые подходы и отбрасывались догмы, штампы и стереотипы советской исторической литературы, со столь присущим ей многие годы обличением эмиграции, но происходила простая смена знаков, и идеализировались уже эмигранты, лидеры и активные деятели эмигрантских антибольшевистских организаций. В условиях, когда широко доступной становится эмигрантская и иностранная литература по этой теме, часто некритически использовались или просто заимствовались зарубежные подходы, оценки, интерпретации.

Тем не менее, несмотря на известные издержки, изучение истории российской послереволюционной эмиграции за последние десять с лишним лет, несомненно, продвинулось вперед. Существенно обновилась и расширилась методология исследований, появились качественно новые источниковые возможности и в первую очередь благодаря использованию недоступных ранее архивных коллекций. В научный оборот в нашей стране широко вошло понятие «Русское/Российское Зарубежье», а осмысление его феномена, важнейших характеристик и основных сторон жизнедеятельности становится предметом многочисленных конференций, исследовательских проектов, издаваемых сборников докладов, статей, материалов¹³. Расширился и приобрел качественно новый характер диалог с представителями Русского Зарубежья и в том числе с исследователями, занимающимися его историей. К изучению истории эмиграции приступает немало молодых исследователей, что само по себе, разумеется, ценно. Наряду со сложившимися и известными научными школами, начинают формироваться и новые исследовательские группы и центры по истории Российского Зарубежья и в том числе в регионах страны.

Творчески развивающийся научно-исследовательский процесс способствовал формированию новых научных подходов, появлению интересных, в том числе обобщающего и монографического характера, исследований об истории и историографии российской эмиграции¹⁴. Активно идет изучение ее региональной составляющей¹⁵. В целом же, за 90-е годы и уже в начале этого века была опубликована не одна сотня книг и тысячи статей, посвященных истории «великого исхода» за пределы страны граждан России после революции 1917 года и Гражданской войны, их жизни, деятельности и судьбам в зарубежье. Следует заметить в связи с характеристикой развития исследовательского процесса по истории эмиграции, что эта тематика является предметом актив-

ной диссертационной разработки, и за последние 10-15 лет защищено более десяти докторских и несколько десятков кандидатских диссертаций.

Значительно расширилась и качественно обновилась за последние годы и историческая литература о российской военной эмиграции. Издано немало интересных обобщающих работ и монографий, посвященных как Российскому военному (военно-политическому) Зарубежью в целом, так и отдельным проблемам его истории и борьбы¹⁶. При достаточно давних традициях изучения этой темы именно в последние 10 - 15 лет это направление научных исследований сложилось как комплексное и динамично развивающееся. Активизация интереса к тем или иным проблемам имеет свои мотивы и объяснения. Печально известные страницы нашей современности, всплеск экстремизма и различных террористических проявлений в России и в мире обусловили большой интерес и попытки качественно нового прочтения истории эмигрантского военно-политического экстремизма, белого «активизма» и терроризма в современных исторических исследованиях¹⁷.

Активно идущее в последние годы осмысление или переосмысление целого ряда проблем Второй мировой войны и, в частности, истории коллаборационизма, во многом объясняет и интерес к этим проблемам рассматриваемой нами тематики. Изучение российской эмиграции и, прежде всего поведения и действий Российского послереволюционного военного Зарубежья в годы Второй мировой войны, его взаимоотношений с германскими политиками и военными, различными политическими и военными российскими коллаборационистскими формированиями этой эпохи воплотилось в серию специальных изданий последних лет¹⁸, впрочем, весьма неоднородных по своему уровню и содержанию. Весьма редки исследования, посвященные истории и деятельности российской эмиграции в послевоенную эпоху холодной войны¹⁹.

В последние годы активно идет процесс персонификации Русского Зарубежья, опубликовано немало научных и научно-популярных изданий, повествующих о судьбах видных деятелей белого движения и военной эмиграции, материалов биографического и биобиблиографического характера о них²⁰. Вместе с тем, подобные публикуемые работы далеко неравноценны, опираются на качественно разную источниковую (далеко не всегда архивную) базу, а их авторы не всегда достаточно корректны в отношении истории и конкретных персоналий. История военной эмиграции тесно связана с историей Гражданской войны и белого движения в России, поэтому знание современной, интенсивно пополняющейся литературы по этой тематике и осмысление ее достижений, проблем, противоречий, направлений поиска и идущих дискуссий представляется целесообразным и необходимым²¹.

Деятельность Русского Обще-Воинского Союза и в первую очередь в межвоенный период находила, в той или иной мере, освещение, наряду со статьями и справочными изданиями, и в некоторых общих работах по истории российской эмиграции и особенно Российского военного Зарубежья, а также в виде глав ряда опубликованных книг, посвященных военной и военно-политической деятельности эмиграции и бело-эмигрантскому «активизму» и экстремизму²². Но лишь в вышеупомянутой монографии, опубликованной автором этих строк три года назад, история РОВСа впервые стала предметом системного и целостного осмысления. Настоящая книга продолжает и развивает эту тему.

Несомненный интерес представляют работы последних лет, посвященные страницам истории советских спецслужб и их борьбе против российской эмиграции и в первую очередь против военных и политических организаций Русского Зарубежья²³. Хотя в силу специфики предмета исследования, эти публикации дают ответы далеко не на все вопросы, а нередко рождают вопросы, на которые нет ответов. Нередко в них явно прослеживается слабое знание объекта чекистского противодействия – эмиграции и эмигрантов, международных отношений рассматриваемой исторической эпохи.

Впрочем, отмечая несомненные подвижки в изучении истории эмиграции и в том числе военной эмиграции, происшедшие в нашей стране за последние годы, заметим еще раз, что ее историографию ни в коей мере не следует идеализировать. На пове-

стке дня стоят сложные и актуальные проблемы дальнейшей разработки методологии и историографии этой темы, находящейся на стыке отечественной и мировой истории, ее измерения в различных направлениях и плоскостях современного исторического знания (культурное и социокультурное измерение, демографические процессы, осмысление истории эмиграции в контексте истории и методологии мировых миграций, международных отношений и др.). Актуальными проблемами остаются типология эмиграции, взаимоотношения центров и периферии Российского (в том числе военного) Зарубежья. Слабоизученным остается новое «великое переселение» российских эмигрантов после Второй мировой войны, жизнедеятельность послереволюционной российской эмиграции и ее организаций (в том числе военных и военно-политических) в послевоенный период, адаптация в новым историческим условиям послевоенного мира и «холодной войны», взаимоотношения послереволюционного Российского Зарубежья и его организаций с представителями и объединениями эмигрантской «волны» военного и послевоенного времени.

Отдельные интересные исследования по истории эмиграции появляются в странах СНГ. Отметим, например, обстоятельную монографию В.Д. Козлитина, посвященную русской и украинской эмиграции в Югославии в межвоенный период²⁴.

Различные аспекты истории российской послереволюционной эмиграции и жизни Российского Зарубежья оставались в последние десятилетия и в том числе в период бурных трансформаций конца XX века предметом внимания и изучения в зарубежной историографии, важной составной частью которой по-прежнему оставалась эмигрантская литература. Особое внимание в ней, как и раньше, уделялось различным аспектам и проблемам жизни и деятельности Русского Военного Зарубежья, борьбы эмиграции с советским режимом²⁵. Книги эмигрантов нередко издаются и переиздаются в современной России²⁶. В 2002 году в Оксфорде вышла в свет, пожалуй, первая обобщающая монография, принадлежащая перу иностранного историка, посвященная истории белой военной эмиграции в межвоенный период. Центральное место в ней уделено истории Русского Обще-Воинского Союза. Ее автором стал П. Робинсон²⁷.

Жизнь Русского военного Зарубежья и деятельность эмигрантских военных организаций и прежде всего ведущей из них - Русского Обще-Воинского Союза, судьбы его лидеров находили освещение в многочисленных статьях, публиковавшихся на страницах русскоязычных зарубежных периодических изданий.

Источниковой основой настоящего издания послужил обширный комплекс архивных документов, коллекции опубликованных документов и материалов, богатейшая периодическая печать эмиграции, разнообразная мемуарная литература. Исключительно важное и определяющее значение в работе над книгой имели документы и материалы семи российских архивов. В общей сложности автором изучены более тысячи дел из нескольких десятков архивных фондов, иначе говоря, десятки, если не сотни, тысяч документов.

Наиболее ценными и полезными для автора были документы бывшего Русского Заграничного Исторического Архива в Праге (РЗИА)²⁸, хранящиеся (большей частью) в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве. Особое значение имела работа, осуществлявшаяся на основе сплошного просмотра, с документами самого Русского Обще-Воинского Союза (ф.5826), штаба главнокомандующего Русской Армии и председателя РОВСа (ф.7518), а также III (ф.9116) и IV (ф.9109) отделов этого Союза. При этом заметим, что основная часть материалов двух последних фондов изучена автором и вводится в научный оборот впервые. Исключительную ценность имеет сосредоточенная в них служебная и сугубо личная и доверительная, не предназначенная для печати, переписка руководителей РОВСа о состоянии дел и проблемах, о финансово-экономической ситуации Союза, а также о его взаимоотношениях с другими организациями и лидерами Российского Зарубежья. Автором полностью изучены документы одного из наиболее известных для исследователей фонда генерала А.А. фон Лампе (ф.5853), начальника II отдела Русского Обще-Воинского Союза, затем «Объединения Русских Воинских Союзов» (ОРВС), а в дальнейшем, уже в послевоенные го-

лы начальника РОВСа. В них сосредоточена как делопроизводственная документация РОВСа и его II отдела, так и интересные материалы разнообразной переписки. Деятельность РОВСа в Чехословакии нашла отражение в материалах Русского Воинского Союза в Праге (ф.5845). Интересная информация извлечена из документальных коллекций одной из наиболее известных и активных организаций Русского военного Зарубежья - «Общества Галлиполийцев» (ф.5843 и 5759), входившей в состав РОВСа. Содержательные материалы о деятельности созданного на базе ряда отделов РОВСа наемного Второго мирового войны «Объединения Русских Воинских Союзов», просуществовавшего весь период войны, оказалось возможным извлечь из архивных коллекций его Юго-Восточного отдела (ф.5796) и Русского Воинского Союза в Праге (ф.5845).

Большой интерес и полезность имело знакомство с материалами личных фондов руководителей Русского Обще-Воинского Союза: генерала Е.К. Миллера (ф.7333), начальника I отдела, заместителя председателя, а затем председателя Союза; генерала Ф.Ф. Абрамова (ф.6460), начальника III отдела, заместителя председателя и начальника РОВСа; генерала А.С. Лукомского (ф.5829), начальника управления Американских и Дальневосточных воинских союзов при великом князе Николае Николаевиче, впоследствии находившегося в распоряжении председателей РОВСа Кутепова и Миллера; вице-адмирала, помощника председателя РОВСа, председателя Военно-Морского Союза М.А. Кедрова (ф.6666); заместителя начальника VI отдела РОВСа и Юго-Восточного отдела ОРВС в 30-е - начале 40-х годов и начальника РОВСа в 1960-70-х годах генерала В.Г. Харжевского (ф.5895) и, наконец, сподвижника великого князя Николая Николаевича генерала М.Н. Скалона (ф.5794). Использовались документы из архивных коллекций видного деятеля Российского военного Зарубежья генерала А.И. Деникина (ф.5827), а также ряда известных российских политиков и общественных деятелей, среди которых особо выделим близкого соратника генерала Врангеля и начальника его гражданской канцелярии Н.Н. Чебышева (ф.5955), а с другой стороны - постоянного оппонента РОВСа П.Н. Милюкова (ф.5856) и др. Значительная часть материалов выше-названных архивных фондов изучена и вводится в научный оборот впервые. В материалах личных коллекций содержится много исключительно ценной и конфиденциальной информации, откровенных размышлений и признаний видных деятелей Российского Зарубежья, непредназначенных для печати.

Большую ценность для автора представляла работа с микрофильмами Гуверовского института войны революции и мира, переданными на основе межгосударственного соглашения между США и Россией в ГАРФ, и в первую очередь с коллекцией генерала П.Н. Врангеля, значительная часть материалов которой вводится в научный оборот впервые. Наряду с этим автором изучены и в известной мере использованы материалы еще ряда фондов ГАРФа периода Гражданской войны и эмиграции, как органов государственной власти, управления, общественных организаций, так и личного происхождения, в большей своей части входивших ранее в состав РЗИА. Автор хотел бы выразить глубокую благодарность и признательность заведующей читальным залом Государственного архива РФ Нине Ивановне Абдулаевой и ее коллегам за большую помощь в работе над этой книгой.

В процессе работы над монографией автор опирался также на документы Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива (в том числе материалы Особого архива, являющегося сегодня составной частью РГВА), Российского государственного военно-исторического архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности России, Архива внешней политики РФ и Государственного архива Архангельской области. Весьма полезными, особенно при написании двух последних глав книги, явились документы текущего архива Русского Обще-Воинского Союза, любезно предоставленные нынешним председателем РОВСа капитаном И.Б. Ивановым.

Широко использовались опубликованные в книжных и журнальных изданиях в нашей стране и за рубежом документы и материалы эмиграции и, прежде всего, самого Русского Обще-Воинского Союза, а также других эмигрантских организаций, военных

и политических деятелей Российского Зарубежья²⁹. При работе над монографией изучены материалы из крупных документальных изданий последних лет, осуществленных или осуществляемых в нашей стране и в том числе реализуемых с участием российских спецслужб, советские исторические предшественники которых вели в свое время активную борьбу с эмиграцией и в первую очередь с военной ее частью³⁰. Полезными явились подготовленные и изданные в разные годы справочные издания о Российском Зарубежье³¹.

Ценной группой источников стали материалы периодической печати эмиграции. В общей сложности использованы материалы нескольких десятков журналов и газет и особенно русскоязычных изданий эмиграции. Большое значение имело изучение на основе сплошного просмотра таких ее ведущих изданий, как журналы: «Часовой», «Галлиполийский вестник», «Военный журналист», газеты: «Возрождение», «Последние Новости»; «Общее Дело» и др. В изучении проблем истории, а особенно жизни и деятельности Русского Обще-Воинского Союза в последние годы хорошим подспорьем, оказались журналы «Наши Вести» и «Вестник РОВС». В целом же, периодическая печать эмиграции - это богатейший и поистине бесценный источниковый пласт для исследования ее истории, хотя и своеобразный, требующий, как, впрочем, и любая группа источников, критического к себе отношения, внимательного источниковедческого анализа, тщательной перепроверки на достоверность.

Важным, полезным, хотя специфическим и нуждающимся во вдумчивом отношении при использовании, источником явились опубликованные и неопубликованные мемуарные материалы военных и политических деятелей Российского Зарубежья³². Несомненный интерес представляют мемуары работников советских спецслужб, которые вели борьбу против эмиграции³³. Полезными, хотя и требующими тщательной проверки на достоверность, являются мемуары чекистов-невозвращенцев, опубликованные в свое время на Западе, а спустя десятилетия и в нашей стране (А.М. Орлов, В.Г. Кривицкий, Г.С. Агабеков и др.)³⁴.

Настоящая книга является результатом многолетней работы автора над историей Гражданской войны в России и Российского Зарубежья (или историей эмиграции, как было привычнее говорить в 80-х - начале 90-х годов). Первые статьи и доклады автора на российских и международных конференциях относятся ко второй половине 80-х годов. В дальнейшем был реализован целый ряд отечественных и международных проектов, результатом чего стали сборники научных статей и докладов, подготовленные под руководством и редакцией автора³⁵, а также опубликованные им монографии и другие издания³⁶. Автор с благодарностью вспоминает творческий диалог и сотрудничество с такими видными российскими исследователями истории Гражданской войны и Русского Зарубежья, как профессора Г.З. Иоффе, А.Л. Литвин, Е.И. Пивовар, В.Д. Поликарпов, Б.А. Старков, Л.К. Шкаренков, доцент В.Г. Бортневский и др.

Качественно новому осмыслению и более широкому взгляду на рассматриваемые проблемы способствовало сотрудничество в рамках реализуемых совместных международных научных проектов с зарубежными коллегами, среди которых надо в первую очередь назвать профессора П. Дьюкса и его коллег из Абердинского университета (Шотландия), известных в международном научном сообществе сравнительно-историческим изучением истории революций и мировых миграций, покойного американского профессора Дж. Лонга, моего соавтора по ряду изданий³⁷, опубликованных в России и за рубежом, а также профессора Й.П. Нильсена, из университета Тромсё (Норвегия), авторитетного специалиста в области исторического североведения и российской эмиграции (автора ряда работ, в том числе монографии, посвященных П.Н. Милюкову).

Среди эмигрантов и их потомков, с которыми доводилось неоднократно встречаться и беседовать автору, хотелось бы выделить двух человек, общение с которыми исключительно много дало ему. Это видный ученый, известный в европейском научном сообществе профессор-нейрохирург, сын белого офицера, родившийся в 1929 году в Норвегии и много сделавший на склоне лет для собирания истории русской эмигра-

ции в этой стране, - Николаус (Николай Николаевич) Цветное, неизменный участник конгрессов соотечественников, которые стали проводиться в нашей стране в начале 90-х годов. В соавторстве с ним автором опубликовано исследование по истории русской эмиграции в Норвегии³⁸.

Особо хотелось бы сказать о Евгении Фрезер, которая родилась и провела свое детство в Архангельске, покинула его вместе с матерью после окончания Гражданской войны на Русском Севере и выехала к родственникам в Шотландию. Спустя более полувека, она издала книгу, ставшую сначала бестселлером на Западе, а уже в начале этого века, изданную, наконец, и в России - «Дом над Двиной». Уникальное повествование о «смутном времени» в России (иначе говоря, - об эпохе Российской революции и Гражданской войны), сохранившееся в памяти девочки, а запечатленное уже зрелой и много видевшей женщиной, стало интереснейшим свидетельством и прочтением той эпохи и вызвало широкий отклик в мире. Автору неоднократно приходилось бывать в уютном доме Евгении и Рональда Фрезеров в Эдинбурге и обстоятельно беседовать с человеком, сохранившим и на склоне лет, когда ей было уже за 90 лет, прекрасную память, интереснейшим рассказчиком, делившимся и неповторимыми размышлениями о собственной жизни в России и за ее пределами. Никогда не забыть автору первый визит в Эдинбург в 1995 году. Проговорив весь вечер с Е. Фрезер, я не сомкнул глаз ночью, ибо в моем распоряжении оказались шесть толстых папок с откликами русских эмигрантов и их потомков на ее книгу «Дом над Двиной», делившихся драматическими воспоминаниями о своей жизни в русском рассеянии. Эти письма пришли в Эдинбург из разных уголков мира. Все это, несомненно, оказало сильнейшее влияние на автора и его переосмысление истории Русского Зарубежья.

Эта книга продолжает, но, отнюдь, не завершает серию исследований и авторских изданий монографического характера по истории Русского Зарубежья. Автор пытался воссоздать и запечатлеть сложнейшую картину русского послереволюционного рассеяния, уделяя главное внимание военной эмиграции, стремился быть объективным (не впадая в ту или иную крайность) и максимально корректным в исследовании темы, изложении материалов, в оценках и выводах. Используя обширную источниковую базу, он стремился к тому, чтобы взявшие в руки эту книгу имели возможность обстоятельно ознакомиться с документами и свидетельствами времени, планами, оценками и раздумьями людей, которые жили и действовали в рассматриваемую сложнейшую историческую эпоху, в бурном ритме стремительно меняющегося времени. Приложение биографических материалов позволяет глубже понять основные вехи жизненного пути и судьбы людей, упоминаемых в этой книге. Автор будет благодарен за высказанные предложения и пожелания.

Глава 1. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И СКЛАДЫВАНИЕ РУССКОГО ВОЕННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Начало двадцатого столетия нашей эры стало временем глубоких перемен в жизни человеческой цивилизации, в которых воплотились воедино и достижения человеческой мысли и проблемы, остро вставшие перед мировым сообществом. Великая война 1914-1918 годов, как называли ее современники, или Первая мировая война, как называем ее мы, обнажила глубочайший кризис цивилизации, следствием которого стала серия войн и революций. Гражданская война в России 1917 -1922 годов явилась одним из крупнейших катаклизмов отечественной и мировой истории XX века. Масштабность, жестокость и кровопролитность этой войны, завершившейся, в конечном итоге, поражением антибольшевистских армий и формирований, и обусловили то, что несколько сот тысяч бывших военнослужащих и участников былых сражений вынуждены были покинуть родину. Это и обусловило формирование Российского (Русского) военного Зарубежья, феномен которого поистине уникален, а история его пронизывает весь минувший век и в определенной мере связана с нашей современностью.

Волны военной эмиграции выплескивались на зарубежные берега, уже начиная с 1918 -1919 годов, что было связано с конкретными событиями разгоравшейся в России Гражданской войны, тесно и органично связанной с иностранной военной интервенцией. Например, в конце 1918 года и в первые месяцы 1919 года вместе с германскими и австро-венгерскими войсками, эвакуировавшимися из России после поражения в Первой мировой войне, страну покинули и российские военнослужащие, входившие ранее в состав антибольшевистских национальных формирований политических режимов, существовавших на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики, сотрудничавших с интервентами и находившихся под их покровительством. Впрочем, значительная часть из этих военнослужащих возвратилась затем в Россию и участвовала в боевых действиях на белых фронтах и в первую очередь на европейской территории страны.

В конце 1919 - начале 1920 годов остатки армии генерала Н.Н. Юденича, а также ряда других воинских формирований, воевавших на территориях Северо-Запада и Запада бывшей Российской империи (Западной Добровольческой армии Бермондт-Авалова, Булак-Булаховича и др.), в общей сложности речь идет, вероятно, о десяти с лишним тысячах военнослужащих, эвакуировались в Прибалтийские страны, Польшу, Финляндию и затем растекались по другим странам Европы.

Стремительный распад Северного фронта белых в феврале 1920 года привел к тому, что лишь небольшой части военнослужащих из 55-тысячной армии удалось покинуть Россию. Несколько сот человек (главным образом офицеров и генералов) во главе с главнокомандующим Северным фронтом генералом Е.К. Миллером бежали на ледоколе « Козьма Минин» в Норвегию, а 870 солдат и офицеров этого фронта (по официальным данным белого командования) сумели с оружием в руках прорваться в Финляндию¹.

Эвакуация войск Добровольческой армии из Новороссийска, выход армейской группировки генерала Н.Э. Бредова из района Одессы в Польшу с последующим интернированием там, поражение и оставление территории России значительной частью войск адмирала А.В. Колчака, окончание советско-польской войны и другие рубежные события Гражданской войны в 1920 году привели к быстрому росту российской военной эмиграции. Завершение Гражданской войны на Украине, разгром национальных антибольшевистских воинских формирований и повстанческих движений заставили уцелевших военнослужащих и повстанцев искать прибежища за границей.

Наиболее крупная и организованная волна военной эмиграции выплеснулась осенью 1920 года в Турцию в результате поражения и эвакуации Русской Армии генерала Врангеля и распространилась затем на страны Юго-Восточной Европы и Тунис. Эта драматичная эпопея нашла освещение в воспоминаниях эмигрантов, во многих ху-

дожественных произведениях, публицистике и, наконец, в специальных работах историков.

12 ноября 1920 года главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель отдал приказ об эвакуации. На следующий день он сам на крейсере «Генерал Корнилов» отошел от берегов Крыма, а через день наблюдал за эвакуацией Ялты. Предполагалось эвакуировать до 75 тысяч человек, в том числе 30 тысяч военнослужащих строевых частей, но реальные масштабы значительно превзошли планируемые цифры. Для осуществления эвакуации в короткий срок, в экстремальных условиях поздней осени и под давлением вступивших в Крым войск Красной Армии были использованы все находящиеся в наличии и способные плавать не только военные и гражданские суда России, но и (в соответствии с заключенной 13 ноября 1920 года с политическими и военноморскими представителями Франции конвенцией) французские и некоторые другие иностранные транспорты. По сведениям штаба генерала Врангеля, из Крыма было вывезено на 126 судах 145693 человека. Среди них было, по различным данным, от 70 тысяч до более чем 100 тысяч различных категорий военнослужащих².

За успешную эвакуацию приказом главнокомандующего генерала Врангеля командующий Черноморским флотом контр-адмирал М. А. Кедров был произведен в вице-адмиралы с формулировкой «за отличия по службе»³. Военнослужащим врангелевской армии, не успевшим или не пожелавшим эвакуироваться из Крыма, была уготована тяжелая участь⁴. Впрочем, и эвакуированным из Крыма предстояло пройти тяжкие испытания на чужбине, о чем пойдет речь впереди.

Вступление войск Красной Армии на территории Закавказья и Средней Азии в начале 20-х годов также вызвало отток беженцев оттуда, в том числе военнослужащих и, прежде всего офицеров, военных специалистов, хотя, что касается последних, то речь идет, вероятно, о нескольких сотнях человек.

Остатки военнослужащих белых армий Сибири и Дальнего Востока отступали в 1920-22 годах за линию российской границы в Китай, в полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). В начале 20-х годов в Китае проживала четверть миллиона русских эмигрантов (а по некоторым данным, и значительно больше - более 400 или даже 500 тысяч) и в том числе более половины из них - в Маньчжурии. Некоторые беженцы обосновались также в Корею, Японию, Индокитае и на Филиппинах. Из общего числа эмигрантов в странах Дальнего Востока примерно 80 тысяч составляли бывшие военнослужащие⁵.

Волны дальневосточной эмиграции докатывались до США, Канады, Южной Америки и Австралии, где осело несколько десятков тысяч беженцев. Среди них были и тысячи бывших военнослужащих.

Добавим, что за пределами России в качестве эмигрантов оказались в 20-е годы и русские военные дипломаты, сотрудники бывших российских военных агентур и военных миссий, а также военнослужащие, выезжавшие за рубеж в годы Первой мировой и Гражданской войн в составе различного рода делегаций и миссий царского, Временного и последующих антибольшевистских правительств периода Гражданской войны и осевшие в иностранных государствах. Большую колонию беженцев составили бывшие военнослужащие, попавшие в плен в годы Первой мировой войны и осевшие на жительство в странах Европы.

В общей сложности, за пределами Советской России в начале 20-х годов оказалось примерно более 300 тысяч бывших солдат и офицеров Императорской и антибольшевистских армий периода Гражданской войны⁶.

Ядро военной эмиграции составили военнослужащие (и в первую очередь офицерство) белых армий и, прежде всего Русской Армии генерала Врангеля, главное командование которой и претендовало в дальнейшем на то, чтобы выступить в качестве организующей и сплачивающей Российское военное Зарубежье силы. Именно солдаты и офицеры армии генерала Врангеля и должны были составить основу будущей армии в новом походе против большевиков, который планировалось начать уже весной 1921 года.

Согласно подписанной 13 ноября 1920 года в Крыму конвенции между главнокомандующим Русской Армией генералом Врангелем, с одной стороны, Верховным комиссаром Франции на Юге России графом де Мартемом и французским адмиралом Дюминелем, с другой, все лица, эвакуированные из Крыма, поступали под покровительство Французской Республики, взамен чего французское правительство брало в залог русский военный и гражданский флот. Доходы от его продажи должны были покрыть часть расходов Франции на эвакуацию русских и последующие затраты на русских беженцев⁷. Генерал Врангель на первых порах искренне надеялся на всемерное содействие стран Антанты и, прежде всего Франции в обустройстве его войск в эмиграции. «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаванием, а получим помощь от Франции как должника за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы»⁸, - заявлял главнокомандующий Русской Армией впоследствии. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Прежде, чем продолжить повествование о делах и судьбах российской военной эмиграции, попытках сплочения военнослужащих в суровых условиях русского рассеяния, обратимся к личности и основным вехам жизненного пути человека, с именем которого во многом и был связан этот процесс собирания и консолидации. Автор имеет в виду генерала барона Врангеля.

Петр Николаевич Врангель являлся выходцем из старинного остзейского рода Врангелей, ведущего свою родословную с XIII века. Первое упоминание о его роде встречается в документе датского короля от 1277 года, а первое описание герба Врангелей относится к 1314 году. Его предки служили датским, шведским, прусским королям и, наконец, российской короне. Петр Врангель родился 15 августа 1878 года в городке Ново-Александровске Ковенской губернии. Его отец - барон Николай Георгиевич Врангель был одним из немногих представителей рода, избравших не военную карьеру, а деятельность на гражданском, деловом поприще. Он стал директором страхового общества «Эквитебль» в Ростове-на-Дону, где и прошли детство и юность Петра Николаевича. Окончив Ростовское реальное училище и Горный институт в Санкт-Петербурге, он служил вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Конном полку и по окончании положенного года отбывания военной повинности успешно сдал экзамены на чин корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище, после чего был зачислен в запас. Служил чиновником для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе, но эта должность не удовлетворяла его. И вот началась война с Японией, куда П.Н. Врангель и поспешил отправиться добровольцем. Он был зачислен сотником во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. Русско-японская война доказала, что военное поприще - это истинная стихия Петра Врангеля. Он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и досрочно произведен в подьесаулы.

В начале 1906 года Врангель стал штаб-ротмистром 55-го Драгунского Финляндского полка. В марте 1907 года он возвратился в чине поручика в Лейб-гвардии Конный полк. Затем были Николаевская академия Генерального штаба и Офицерская кавалерийская школа. По окончании Врангель служил командиром эскадрона Его Величества в своем родном полку. Петр удачно женился на дочери камергера Двора Его Величества Ольге Михайловне Иваненко. В их семье родилось трое детей: дочери - Елена и Наталья, а также сын Петр. Уже в эмиграции, в 1925 году появился на свет еще один сын - Алексей. В годы Первой мировой войны храбрый, честлюбивый и способный офицер прошел путь от ротмистра и командира эскадрона до генерал-майора, командира полка, бригады, дивизии и, наконец, корпуса, был удостоен новых наград. В 1917 году, когда в стране бушевала революционная стихия, а армия разваливалась, Врангель отправился в Крым, в одно из имений своей жены.

В стране разгоралась Гражданская война, властно втягивавшая в свои жернова тысячи и миллионы людей. С августа 1918 года П.Н. Врангель служит в Добровольческой армии - командир бригады, дивизии, корпуса. В ноябре 1918 года он произведен в

генерал-лейтенанты, а в конце декабря того же года принимает у генерала Деникина эту армию. Затем она была разделена на две, и генерал Врангель командовал Кавказской Добровольческой армией. Перенеся тиф, он вновь возвратился к командованию армией. Но усилившиеся к концу 1919 - началу 1920 года разногласия с главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генералом А.И. Деникиным привели к тому, что Врангель подал прошение об отставке, и 8 февраля 1920 года он вместе с генералами П.Н. Шатиловым и А.С. Лукомским был уволен со службы.

Деникин потребовал, чтобы Врангель покинул пределы ВСЮР, и последний отбыл в Константинополь. Но кризис в войсках генерала Деникина усиливался, как и недовольство его деятельностью в военных верхах. В результате 18 марта Врангель получил телеграмму от Деникина с предложением прибыть вечером 21 марта 1920 года в Севастополь. Он прибыл сюда на борту английского линкора «Император Индии», и 22 марта на заседании Военного совета под председательством генерала А.М. Драгомирова был единогласно избран главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Жесткой рукой генерал Врангель осуществил переформирование вверенных ему войск в Русскую Армию, которая после этого вела уже не только оборонительные, но и наступательные действия. Но все завершилось, в конечном итоге, уже описанной эвакуацией Крыма и эпопеей эмиграции. «Ломаюсь, но не гнусь», - таков был гордый фамильный девиз Врангеля, которому он был верен до конца дней своих.

Среди целей, которые поставил генерал Врангель по прибытии в Константинополь, были (наряду с заботой об эвакуированных им из Крыма воинских чинах и гражданских беженцах и обеспечением им сносного существования) организация взаимосвязи рассеянных по всему миру (и прежде всего по европейским странам) русских солдат и офицеров с армией, сплочение вокруг нее как ядра национальной России русской эмигрантского сообщества, а также убеждение мировой общественности, что борьба с большевизмом не есть задача одной только Белой армии⁹. Первое же совещание старших чинов в водах Босфора на борту крейсера «Генерал Корнилов» решило настойчиво преследовать цель сохранения всех национальных сил и в первую очередь национального ядра, которым, естественно, являлась армия - единственная реальная сила, находившаяся за рубежами России. Учитывая возможность возобновления вооруженной борьбы с большевиками, был намечен и приблизительный срок сохранения сосредоточенной, по возможности вооруженной армии - 1 мая 1921 года¹⁰.

Уже в первые недели и месяцы пребывания на турецкой территории главное командование Русской Армии пытается наладить эффективную работу служб разведки, контрразведки, поддерживать и укреплять связи с антибольшевистскими организациями в России, надеясь на то, что взрыв народного недовольства в стране ускорит возвращение военных эмигрантов на родину. Особое отделение - контрразведку Русской Армии по-прежнему возглавлял генерал Е.К. Климович, начальник Московского охранного отделения и начальник Департамента полиции в дореволюционной России. За налаживание и поддержание связи со всеми антибольшевистскими организациями, действовавшими в Советской России, и осведомление их о деятельности Русской Армии, ведение политической пропаганды на территории противника и в странах зарубежья, объединение вокруг армии зарубежной общественности отвечало информационное отделение штаба армии. Его возглавлял генерал А.П. Архангельский, а помощником у него был многоопытный кадровый военный разведчик полковник А.В. Станиславский. Главной целью Русской Армии в документах информационного отделения называлась борьба с большевистской диктатурой. Армия именовалась аполитичной и не связанной с партийными платформами. Указывалось, что Русская Армия будет поддерживать всякое антибольшевистское движение внутри России, имеющее народный, национальный характер, и признает всякое правительство, образованное волей народа в стране после свержения советской власти¹¹.

Мартом 1921 года датируется секретная памятная записка, подготовленная в недрах спецслужб Русской Армии и адресованная ее главному командованию. В ней упоминается о полученном от главного командования задании установить связь с различ-

ными политическими антибольшевистскими организациями, действующими в Советской России - Торгпром, Железнодорожный союз и др. Но автор послания, полковник Генерального штаба особенно настаивал на установлении связи с Народным ополчением Антонова и Народной Армией Северного Кавказа, возглавляемой генералом Пржевальским и рекомендовал использовать их в борьбе против власти большевиков. Предлагалось направить для связи с ними специальные группы по 3 - 6 человек¹². Хорошо известно, что в начале 20-х годов главное командование Русской Армии благословляло не только направление разведывательных, но и боевых групп в Советскую Россию, высадку десантов на территории советского Причерноморья.

Но вернемся к событиям в Турции в конце 1920 года. В стране складывалась весьма напряженная обстановка. Ширилось национально-освободительное движение, во главе которого стоял М. Кемаль-паша. Поддержку ему оказывало советское правительство. Французские, английские и греческие войска с трудом сдерживали разгоравшееся в Турции восстание, партизанскую борьбу. Очень непросто складывались и развивались в это время отношения оккупантов Антанты с русскими эмигрантами в Турции и особенно с главным командованием Русской Армии. Первый конфликт между французским командованием и генералом Врангелем произошел сразу по прибытии судов с русскими эмигрантами из Крыма в Константинополь 18 ноября 1920 года. Начальник штаба французского оккупационного корпуса генерал Дебре, минуя генерала Врангеля, отдал приказ русскому военному представителю в Турции генералу Черткову об отправке 10 тысяч русских солдат и офицеров на остров Лемнос и 20 тысяч - в Галлиполи. В тот же день генерал Врангель сообщил Дебре, что просит его и подчиненных ему офицеров по всем вопросам, касающимся Русской Армии, сноситься непосредственно с ним и подчиненными ему воинскими начальниками. Тем не менее, предписание французского командования было выполнено. На Лемнос были отправлены остатки кубанских казачьих частей, сведенных в Кубанский корпус под командованием генерала М.А. Фостикова, а в Галлиполи - 1-й армейский корпус под командованием генерала А.П. Кутепова (сформированный из остатков 1-й армии, которой он до этого командовал)¹³. Суда Черноморского флота перешли на базу французских ВМФ в Бизерте (Тунис).

Надежды и усилия генерала Врангеля, направленные на сохранение кадров Русской Армии и собиране зарубежного русского воинства для продолжения борьбы с большевиками, сталкивались с весьма скептическим отношением к этому правительств стран Антанты, которые полагали, что с падением Крыма вооруженная борьба с большевизмом потеряла смысл и более тяготели к урегулированию отношений с Советской Россией. Отношения Врангеля с высшими представителями союзников в Турции с каждым днем становились все хуже. Здесь сказывались различные факторы: во-первых, представители Антанты не ожидали, что на оккупированную и контролируемую их войсками территорию побежденной Турции, где обстановка была чрезвычайно сложной, выплеснется столь мощная волна русских беженцев (в несколько раз больше ожидаемой), в составе которой находилось и несколько десятков тысяч вооруженных людей; во-вторых, на плечи союзников легли нелегкие проблемы размещения, снабжения крымских беженцев и обеспечения контроля над ними, предотвращения возможного брожения, конфликтов и неприятных инцидентов, особенно вооруженных; в-третьих, союзники не верили в возможность продолжения успешной борьбы с большевиками и в силу этого не поддерживали идею генерала Врангеля сохранить армию.

Спустя несколько дней после прибытия войск Русской Армии в Турцию генерал Врангель и его начальник штаба генерал Шатилов встретились на борту флагманского корабля французской эскадры, крейсера «Вальдек Руссо» с группой высших политических и военных представителей Франции в Турции (верховный комиссар де Франс, граф де Мартель, генерал Нортайль де Бургон и др.). Здесь было подтверждено соглашение, подписанное 13 ноября в Крыму генералом Врангелем с графом де Мартеlem. Франция брала под свое покровительство русских, эвакуировавшихся из Крыма. Было принято к сведению заявление Врангеля о желании сохранить кадры армии в порядке

подчиненности и дисциплины. Но спустя некоторое время французы заявили, что «Армия Врангеля перестала существовать, и начальники ее не могут отдавать приказаний своим подчиненным». Французское правительство отказалось также рассматривать идею переброски его армии на другие театры военных действий. 30 ноября 1920 года представитель Антанты известил Врангеля о прекращении признания Южно-Русского правительства¹⁴, которое, впрочем, и до этого признавалось лишь как фактически действовавшее правительство.

Великобритания вообще отказала в помощи русским эмигрантам из Крыма, а французы готовы были оказывать такую помощь и снабжение Русской Армии лишь в течение кратковременного периода. Сокращение масштабов помощи и урезание пайков военным служащим стало важным средством давления на русское военное командование. Французские оккупационные власти в Турции с начала 1921 года взяли курс на распыление остатков Русской Армии генерала Врангеля, перевод военным служащих на положение гражданских беженцев и рассредоточение их по различным странам, включая массовое направление на работу на плантации в Бразилию, а также репатриацию в Советскую Россию. Различие взглядов на судьбу Русской Армии в эмиграции стало источником острых противоречий между генералом Врангелем и французскими властями.

Эвакуированные из Крыма в Турцию военным служащие Русской Армии были сведены в три корпуса - 1-й армейский, Кубанский и Донской и размещены на территории Константинопольского района с сохранением военной организации и оставлением части оружия в особых военных лагерях на Галлиполийском полуострове, на острове Лемнос, в Чаталджинском районе (лагеря Чилингир, Хадем-Киой, Санджак-Тепе, Кабакджа) и др.¹⁵

21 января 1921 года начальником штаба главнокомандующего Русской Армии было направлено циркулярное письмо в адрес ее представителей в Чехословакии, Греции, Сербии, Польше и Франции о необходимости сохранения армии как таковой, ибо борьба с большевиками не закончена и «Русской Армии снова предстоит играть крупную роль в деле освобождения своей Родины». При этом указывалось, что момент этот недалек. Вместе с тем, в письме отмечалось, что целый ряд распоряжений французского командования идет вразрез со стремлением главнокомандующего сохранить военную организацию и армию. Более того, подчеркивалась опасность, что «Союзное Командование станет на открытый путь разрушения армии, то есть ее организации, или, наоборот, к устранению Главнокомандующего от непосредственного руководства Армией». Для противодействия этому предписывалось принять необходимые меры, чтобы военная организация не разрушалась, а связь главнокомандующего с войсками не прерывалась, и в нужный момент их вновь можно было бы собрать на борьбу. В связи с этим главнокомандующий приказывал приступить в каждой стране, где есть или будут военным служащие на положении беженцев, к организации их союзов, обществ, артелей и т.п., ибо только создание организации могло удержать их от распыления и неизбежного разложения. Вся тяжесть работы по учету военным служащих, связи, организации и моральному руководству ими возлагалась на военным агентов. Это связывалось с потребностью сохранения армии, которой «снова придется играть крупную роль в деле освобождения своей Родины». В случае вынужденного ухода главнокомандующего от открытого руководства Армией считалось возможным и возникновение вопроса о закрытии военным агентур. Для того, чтобы парализовать подобные намерения, предписывалось теперь же военным агентов, где это возможно, сделать официальными помощниками уполномоченных по беженской части.

В соответствии с вышеизложенным военным представитель главнокомандующего Русской Армии во Франции стал именоваться помощником уполномоченного по беженской части в Болгарии и Румынии, военным представитель главнокомандующего в Польше стал и заведующим устройством русских беженцев в этой стране, были совмещены должности русского военного агента и заведующего устройством русских беженцев в Чехословакии и Греции. В Германии интересы Русской Армии представлял

Начальник Русской Делегации по делам военнопленных и беженцев в этой стране. Отказ от звания военного агента или военного представителя главнокомандующего мог происходить лишь в случае категорического требования соответствующего правительства о закрытии русских военных агентур¹⁶.

Зима 1920-21 года оказалась исключительно трудной для русских беженцев и в том числе для солдат и офицеров, расположенных в специальных военных лагерях в Турции. Особую обеспокоенность представителей Антанты вызывала ситуация в лагерях Чатаджинского района, в 50-60 км к северу от Константинополя, где располагались казачьи части Донского корпуса под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова, общей численностью до 20 тысяч человек. Положение казаков здесь было исключительно тяжелым: тысячи людей ютились прямо на грязных улицах, жили часто в непригодных для жилья помещениях, в хлебах, сараях, землянках. Полуголодный паек от союзного командования, предназначенный для беженцев, на деле оказывался голодным, когда доходил до них.

В Чилингарском лагере, где располагалась 3-я донская дивизия генерала Гусельщикова, условия жизни были особенно тяжелыми. Именно здесь вспыхнул голодный бунт, в ходе которого едва не погиб комендант лагеря генерал Курбатов. Затем в Чилингарском лагере возник холерный очаг, и он был окружен французскими солдатами, чтобы эпидемия не распространилась в Константинополь. Дефицит медикаментов и продуктов вел к массовой смерти людей здесь. В результате, несмотря на французскую охрану, ночные прорывы из Чилингара стали повседневным явлением. Уходили целыми частями, имитируя прорыв в одном месте, а прорывались в другом. За ночь проходили до 20 км. Военнослужащие надеялись уйти в Болгарию, но мало кому это удавалось, и они задерживались французскими солдатами, греческой полицией или просто гибли в пути. Оккупационные власти Антанты боялись, что при дальнейшем обострении обстановки в Чатаджинских лагерях или при приближении войск Кемаля-паши, русские воинские части, расположенные здесь, возмутятся, выступят с оружием в руках и захватят Константинополь. Гарнизон последнего был не в силах отбить подобное нападение, поэтому союзное командование приняло в декабре решение перевезти русские войска из Чатаджи на остров Лемнос. В ночь с 23 на 24 декабря 1920 года около двух тысяч человек вырвалось из Чатаджинских лагерей. Оставшиеся в течение нескольких месяцев (с декабря 1920 года по март 1921 года) были перевезены на остров Лемнос в Эгейском море. При этом не обошлось без новых инцидентов с французскими войсками. Вечером и в ночь с 12 на 13 января 1921 года произошло, например, столкновение и перестрелка казаков с французами в районе лагеря Санджак-Тепе, в ходе которых два француза и два казака были ранены, а две сотни Калединского полка ушли в Болгарию. Случаи бегства группами и в одиночку продолжались и в дальнейшем. Добавим, что французы приняли решение переместить Донской корпус из Чатаджи на Лемнос без ведома генерала Врангеля. Он высказал протест, но командующий оккупационным корпусом генерал Шарпи настаивал на своем. Лишь после произошедших столкновений с казаками французам пришлось обратиться к командующему Русской Армией, и тогда переезд состоялся без последующих эксцессов¹⁷.

На острове Лемнос в годы Первой мировой войны располагалась главная военно-морская и воздушная база англичан в Восточном Средиземноморье. Французы, столкнувшись с исключительной трудностью размещения и устройства русских в эмиграции, обратились за помощью к англичанам. Генерал Харрингтон дал согласие на размещение на Лемносе русских эмигрантов-военнослужащих. Уже в конце ноября 1920 года на этот остров были перемещены остатки кубанских казачьих частей, сведенные в Кубанский корпус. 17 декабря на Лемнос прибыл на броненосце «Прованс» генерал Врангель и провел здесь смотр войск. Донские, а также терские и астраханские казаки, перевезенные на Лемнос после кубанцев, оказались в еще более тяжелом положении. По данным Константинопольского беженского бюро, в начале февраля 1921 года на Лемносе находилось 12 тысяч кубанских казаков, 10 тысяч донских казаков и 2 тысячи терских казаков¹⁸. Казаки называли остров Лемнос «водяной тюрьмой». Условия пре-

бывания здесь были исключительно трудными как вследствие климата, так и материальных лишений, жесткого дисциплинарного режима.

В районе Галлиполи расположился лагерь 1-й армейский корпус, состоявший из наиболее дисциплинированных частей, элитных полков - Корниловского, Марковского, Дроздовского, Алексеевского, представлявших собой боевое ядро Русской Армии. Здесь был высок удельный вес офицеров, стоявших у истоков Белого движения и оставшихся верными идеологии Белого дела. Наряду с ними здесь были расквартированы шесть военных училищ, две офицерские школы и другие части.

Командиром 1-го армейского корпуса в Галлиполи был генерал А.П. Кутепов, которого прозвали на турецкий манер Кутеп-паша. Первые пароходы прибыли на Галлиполийский рейд уже 22 - 23 ноября и в последующие дни, выгрузка военнослужащих в Галлиполи произошла 27 ноября 1920 года. В экстремальных условиях поздней осени и зимы началось обустройство жизни и быта военнослужащих: в первую очередь строили бараки, рыли землянки, чтобы укрыться от пронизывающих ветров, дождя и снега. Необходимо было срочно развернуть лазареты и госпитали. Долину, где обустроивались русские беженцы, стоявшие здесь до этого лагерем англичане прозвали «долиной роз и смерти». Как вспоминал один из участников «галлиполийского сидения», роз они не увидели, но местность буквально кишела змеями и скорпионами. Печально известной стала так называемая «галлиполийская лихорадка».

Местные турецкие власти в целом безразлично относились к русским военным эмигрантам. Лагерь находился в непосредственном ведении французов. Французский комендант выдавал продовольственные пайки, накладывал дисциплинарные взыскания. Он командовал и местным воинским гарнизоном, состоявшим из отряда сенегальцев. Они выполняли функции охраны лагеря, недопущения возможных беспорядков, а также бегства русских военнослужащих в турецкую армию Кемаль-паши. На рейде стояло французское военное судно. Отношения русских военнослужащих с французским комендантом складывались весьма непросто. В декабре 1920 года, руководствуясь приказом свыше, назначенный новым комендантом лагеря подполковник Томассен, пригласил к себе командующего 1-м армейским корпусом (эти обязанности ввиду болезни генерала Кутепова временно исполнял начальник 1-й пехотной дивизии генерал В.К. Витковский). Томассен объявил, что Русская Армия не является больше таковой, а ее военнослужащие считаются беженцами; беженцем, а не главнокомандующим, является и генерал Врангель. В Галлиполи нет больше воинских начальников и армейского корпуса, продолжал французский офицер, и все беженцы подчиняются ему, подполковнику Томассену. Он потребовал сдачи оружия. Витковский категорически отказался выполнить требования французского командования. Русские войска были приведены в состояние повышенной боевой готовности, чтобы начать в случае необходимости боевые действия. Сенегальцы, в свою очередь, приняли меры предосторожности и окружили свои позиции колючей проволокой. В итоге, французы признали силу русских, отменили свой ультиматум, и инцидент был исчерпан¹⁹. Русские военнослужащие сохранили оружие и воинскую организацию.

Под командованием генерала Кутепова была проделана действительно колоссальная работа по обустройству военнослужащих в Галлиполи. В начале апреля 1921 года, по приведенным генералом Кутеповым данным, под его командованием в Галлиполи находилось 10 тысяч офицеров, 14 тысяч солдат и 2 тысячи юнкеров²⁰. Решая первоочередные вопросы жилья, быта, питания, лечения, командование стремилось наладить, насколько это было возможно, и досуг военнослужащих, снять настроения депрессии и безысходности. Для этого, в частности, в каждом полку был создан свой театр.

Вместе с тем, генерал Кутепов, человек решительный и беспощадный, делал все для поддержания порядка железной рукой, пресечения любых проявлений недовольства, недопущения побегов. Из русских юнкеров, размещенных здесь, формировались вооруженные караулы, следившие за неукоснительным поддержанием дисциплины. Они составляли костяк лагеря, их не жаловали и называли «кутеповскими опричника-

ми». Виновные направлялись на гауптвахту и в тюрьмы. Кутепова боялись седые полковники и даже генералы, но в то же время ему верили как солдаты, так и офицеры. По официальным данным, военно-полевому суду были преданы 75 солдат и офицеров, а 178 человек были осуждены корпусным судом. По крайней мере, два человека были расстреляны за агитацию, направленную на разложение армии²¹. Юнкера использовались и для охраны перешейка, ловили бежавших военнослужащих. Русское командование, принимая меры для пресечения бегства солдат и офицеров, вместе с тем, и искусственно завышало численность военнослужащих, чтобы составить представление об армии как сплоченной и боеспособной вооруженной силе, а также, чтобы получать дополнительные продукты питания и обмундирование. «Бежавшие из списков частей не вычеркивались. Кутепов запретил это делать, чтобы не вызвать уменьшения даваемого числа пайков... Состав корпуса в последнее время был около 16 тысяч, но в списках показывалось всегда 30 - 32 тысячи человек, - писал впоследствии один из участников «галлиполийского сидения». - Впрочем, лишние пайки до солдат не доходили»²².

Деятельность генерала Кутепова в Галлиполи вызывала различные толкования в тот период и в последующей литературе, его хвалили и хулили, пытались разобраться в сделанном им здесь. Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель следующим образом охарактеризовал деятельность Кутепова в годовщину пребывания корпуса в Галлиполи: «Величием духа, всеокрушающей силой, непоколебимой верой в правоту нашего дела и безграничной любовью к Родине и Армии он неизменно в самые трудные дни нашей борьбы вселял в свои части тот дух, который дал им силы на Родине и на чужбине отстаивать честь родных знамен... История в будущем оценит генерала Кутепова, я же высказываю ему мою безграничную благодарность за неизменную помощь и дружную поддержку, без которой выпавший на мою долю крест был бы непосилен»²³.

Видный церковный, общественный и политический деятель России и Русского Зарубежья профессор Карташёв подчеркивал, что Галлиполи - не просто благоустроенный лагерь беженских войск, но это явление, наполненное духовным, нравственным и священным национальным содержанием. «Историческое, эпическое, потрясающее Галлиполи есть зеркало его (Кутепова - В.Г.) души, - указывал профессор, - прекраснейший плод его бескорыстной любви к Матери-Родине». Размышляя же о культурно-историческом смысле Галлиполийского сидения, Карташёв говорил спустя годы: «Галлиполи ярко, образно выразило то, в чем весь смысл Зарубежной России. Мы все здесь с нашим разнообразным утверждением нашей русскости имели миссию доказать, что Россия бессмертна, что она воскреснет, что мы донесем ее в нашем духовном напряжении до дня освобождения»²⁴.

«Галлиполийское сидение» стало одной из легенд, символов и исходных страниц истории Русского военного Зарубежья, а основанное в 1921 году «Общество Галлиполийцев» явилось одним из первых и к тому же наиболее сплоченных и боеспособных воинских объединений, возникших в эмиграции. После создания в 1924 году Русского Обще-Воинского Союза оно вошло в его состав и стало одним из наиболее прочных его составных частей.

Среди русских солдат и офицеров, размещенных в Турции, постепенно происходила дифференциация. У части из них крепились антисоветские настроения, убежденность в правоте своего дела, решимость идти на крайние меры в борьбе с советской властью, готовиться к скорой и неизбежной будущей войне с ней. Развернулось стихийное создание различного рода воинских союзов, организаций, полковых объединений и т.п., призванных способствовать консолидации армии на чужбине, преодолению лишений и трудностей. У другой части оказавшихся в эмиграции военнослужащих укреплялись прямо противоположные настроения, росли отчаяние, апатия, пессимизм, желание вернуться на родину. Военное командование держав Антанты, несмотря на уверения русских генералов, не верило всерьез в возможность использования русских военных эмигрантов, находившихся здесь, в качестве боеспособной вооруженной силы в борьбе с Советской Россией или с Турцией, где ширилось национально-освободительное дви-

жение, руководимое Кемаль-пашой. А доставляемые эмигрантами постоянные беспокойства вызывали у руководства Антанты желание скорее переместить их из Турции.

Основная тяжесть расходов по содержанию русских беженцев легла на Францию, и уже к середине января 1921 года она затратила на эти цели 100 млн. франков. Напомним, между тем, что французы действовали отнюдь не бескорыстно. В соответствии с уже упомянутым выше ноябрьским (1920 года) соглашением в руки французских властей перешли увезенные из Крыма русские суда военного и гражданского флота, а также различного рода вывезенное казенное имущество (продовольствие, обмундирование, белье, обувь, мануфактура, артиллерийские грузы, уголь и пр.), Стоимость только вышеназванного имущества, попавшего в руки французов (без учета кораблей), составила примерно около 100 млн. франков²⁵. Тем не менее, французские власти считали, что они несут непомерные затраты и предприняли, с одной стороны, шаги по расширению международной помощи беженцам, а с другой стороны, - по переводу русских эмигрантов на самообеспечение, перемещению части из них в Бразилию и Перу и по эвакуации некоторых из них обратно в Россию. Уже в феврале 1921 года в Россию из Константинополя отправилось турецкое судно «Решид-Паша», имея на своем борту около 3600 бывших военнослужащих белых армий.

1 марта 1921 года начальник штаба Русской Армии генерал Шатилов подготовил текст послания русским военным агентам в Белграде, Софии, Афинах, Будапеште, а также начальнику русской военной делегации по делам военнопленных в Германии. Он указывал, что сохранение кадров армии всегда являлось первейшей задачей главкома. Но Франция сейчас настаивает на скорейшем распылении армии. Шатилов ссылаясь на просьбу главнокомандующего принять при содействии посланников новые решительные шаги для получения согласия правительств названных стран для приема под любым предлогом возможно большего числа офицеров и солдат. О результатах Шатилов просил телеграфировать в Константинополь²⁶.

Между тем, 14 марта 1921 года новый Верховный комиссар Франции в Константинополе генерал де Пелле направил генералу Врангелю официальное заявление о прекращении продовольственной помощи Русской Армии и беженцам с 1 апреля 1921 года и о решении своего правительства отправить в Россию новую партию русских беженцев. Он ссылаясь на то, что этот вопрос уже согласован с советскими властями. Эмигрантам предлагалось, в конечном итоге, либо вернуться в Россию, либо эмигрировать в Бразилию, или выбрать себе работу, которая могла бы обеспечить им существование. По французским данным, на содержание врангелевской армии было уже истрачено 200 млн. франков. Французы предлагали перевести 20 тысяч русских беженцев в Сербию, а 8 тысяч - в Болгарию и Румынию. Генерал Врангель обратился с протестом к Пелле и с жалобой к французским маршалам, считая возвращение своих бывших солдат в Советскую Россию недопустимым. Но ответа от маршалов Франции генерал Врангель так и не получил. С протестом против действий французов главнокомандующий Русской Армией обратился и в Лигу Наций. А тем временем в Советскую Россию отправился пароход «Кизил-Ермак», имея на борту 2700 репатриантов²⁷.

Все это заставило генерала Врангеля и казачьих атаманов искать возможность и вести переговоры о транспортировке частей Русской Армии из Турции на Балканы и в первую очередь в дружественные славянские государства - Болгарию и Сербию, ставшую составной частью Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Иным вариантом могло стать быстрое распыление частей армии в результате закрытия русских военных лагерей в Турции, репатриации части военнослужащих в Советскую Россию, вербовки во Французский иностранный легион, а также перемещения остальных солдат и офицеров в страны Европы и других континентов.

На одной из встреч с французскими представителями в это время Врангель заявил: «Если французское правительство настаивает на том, чтобы уничтожить русскую армию, наилучшим выходом было бы высадить ее с оружием в руках на берегу Черного моря, чтобы она могла, по крайней мере, достойно погибнуть». Положение осложнялось тем обстоятельством, что французы запретили генералу Врангелю и его начальни-

ку штаба генералу Шатилову выезжать из Константинополя. Наконец, Врангелю было предложено выехать в Париж для переговоров с правительством. Но когда тот попросил гарантии своего обратного возвращения, генерал Пелле заявил, что не может дать таковой, добавив при этом, что рассредоточение Армии является необходимым и не терпит отсрочки²⁸.

В конце марта 1921 года произошли новые инциденты на острове Лемнос. Французский комендант лагеря генерал Бруссо потребовал от размещенных здесь казаков сделать выбор: отправиться в Бразилию, выехать в Советскую Россию или же им предстояло распыление (то есть рассредоточение). Под дулами орудий своего миноносца, направленных на русский военный лагерь, французские офицеры с командами солдат стали обходить лагерь, убеждая эмигрантов сделать выбор. До трех тысяч солдат было направлено на транспорт «Решид-Паша», следующий в Одессу²⁹. Происходившее вызвало возмущение казаков и опасность их выступления против бывших союзников. Лишь вмешательство генералов Врангеля и Абрамова позволило предотвратить новый инцидент. Врангель, между тем, пытался при помощи русской зарубежной общественности, политиков и журналистов протестовать и предотвратить продолжение подобных действий французов.

Большую озабоченность французского командования в это время вызывали донесения разведки о том, что русские в Галлиполи собираются вырваться с полуострова и захватить Константинополь. Эти опасения не были лишены оснований. Весной 1921 года, когда отношения генерала Врангеля с французами приобрели особенно напряженный и острый характер, он не исключал собственного ареста и подготовил приказ следующего содержания: «1) За отказ склонять Армию к возвращению в Советскую Россию, я арестован французскими властями. Будущая Россия достойно оценит этот шаг Франции, принявшей нас под ее защиту. 2) Своим заместителем назначаю генерала Кутепова. 3) Земно кланяюсь Вам, старые соратники, и заповедую крепко стоять за Русскую честь». Существует и утверждение, что Врангель в случае своего ареста предписывал Кутепову перебить галлиполийский гарнизон (сенегальцев) и походным маршем двинуться на Константинополь, где велась подготовка к восстанию.

В среде русских военнослужащих в Галлиполи в это время муссировали слухи о возможности выступления против бывших союзников, в штабах чертили карты Галлиполийского полуострова, устраивались тревоги. Ближайшую к русскому гарнизону французскую батарею, стоявшую в наиболее узкой части полуострова, якобы, предполагалось захватить в первую очередь, и она уже считалась русскими военнослужащими своей. О серьезности подобных замыслов свидетельствовал несколько десятилетий спустя командир дивизии в 1-м армейском корпусе и заместитель Кутепова генерал В.К. Витковский. Урезание французами и без того полугодного пайка, выдаваемого солдатам и офицерам в Галлиполи, и угрозы французского командования полностью прекратить его выдачу, ярко выраженное стремление к распылению Русской Армии и Галлиполийских войск, в частности, заставили генерала Кутепова приступить, по утверждению генерала Витковского, к разработке плана похода на Константинополь. Эта работа завершилась уже летом 1921 года, и в августе войска были готовы к выполнению разработанного плана. Но изменившаяся обстановка в связи с достигнутой договоренностью и развернувшейся перевозкой войск на Балканы позволила отказаться от реализации разработанного в штабе генерала Кутепова плана военного похода русских войск на Константинополь³⁰.

В конце марта 1921 года Врангелю удалось, наконец, договориться с французами и направить на переговоры в Болгарию и Сербию своего начальника штаба генерала П.Н. Шатилова. В Болгарии он был принят царем Борисом и премьер-министром А. Стамболийским. В результате было согласовано решение о размещении части русских военнослужащих в Болгарии. В Сербии переговоры генерала проходили сложнее. Он получил согласие принца-регента Н. Пашича, но столкнулся с известным сопротивлением, в силу прежде всего финансовых соображений, со стороны министра финансов Веснина. Обещания генерала Шатилова в том, что часть расходов на русских беженцев

покроют Русско-Славянский банк, Американский Красный Крест и русский посол в США Б.А. Бахметьев сняли, в конце концов, возражения сербского министра финансов. Добавим, что в переговорах о перемещении русских беженцев на Балканы принимали участие и представители русской зарубежной общественности - Н.Н. Львов, А.С. Хрипунов и некоторые другие. Весной 1921 года переговоры о возможном перемещении русских военнослужащих велись также с Чехословакией, Венгрией, Грецией и даже с Японией о переправке русских солдат и офицеров на Дальний Восток.

17 апреля 1921 года правительство Франции выступило с резким заявлением по вопросу о Русской Армии. Генерал Врангель обвинялся в том, что оказывает сопротивление всем мерам, которые французские военные власти принимают, чтобы положить конец расходам, взятым на себя правительством Франции по чисто гуманитарным желаниям, ради того, чтобы не дать умереть крымским беженцам от голода и нищеты.

Главнокомандующий обвинялся в давлении на своих солдат, чтобы они не следовали нашим советам, говорилось в этом документе, и, в свою очередь, обвиняет Францию в том, что «мы выдаем казаков большевикам». «Такое отношение недопустимо», - указывалось в сообщении. Французское правительство утверждало, что Франция неожиданно и без совета с ней оказалась поставлена перед фактом массового бегства солдат и беженцев из Крыма, но, несмотря на громадные трудности, организовала помощь для 135 тысяч человек. Франция израсходовала на это более 200 млн. франков, из которых едва лишь четвертая часть была компенсирована пароходами и товарами, принадлежавшими бывшему Южно-Русскому правительству, утверждалось в документе. Французское правительство указывало, что оно в согласии с союзными державами настаивает, что вывезенные беженцы не составляют больше армии и помощь им оказывается из гуманитарных соображений.

«Едва лишь Южно-Русское правительство покинуло Крым, мы перестали признавать его существование, и раньше, впрочем, признавая его лишь в качестве фактически существовавшего правительства», - подчеркивалось в сообщении правительства Франции. Оно считало иллюзией возможность бороться с большевиками вооруженной силой, русской или иностранной, имеющей базу вне России. «Ввиду позиции, занятой генералом Врангелем и его штабом, лежащая на нас международная ответственность заставляет нас избавить крымских беженцев от его личного влияния, порицаемого, впрочем, всеми серьезными русскими элементами», - указывало французское правительство. Оно добавляло при этом, что не намерено прибегать к насилию к нему и русским офицерам, но прервет их связь с русскими солдатами в лагерях Галлиполи и Лемнос. Ссылаясь на большевистскую радиотелеграмму от 7 апреля, обещающую амнистию солдатам-казакам, мобилизованным крестьянам и мелким чиновникам врангелевской армии, желающим вернуться в Россию, уведомлялось, вместе с тем, что французское правительство не берется гарантировать его выполнения, и сами беженцы должны определяться. Но при этом подчеркивалось, что Франция не может продолжать до бесконечности снабжать их продовольствием даже при минимальном сокращении пайков, и свобода выбора должна была заключаться в следующем: эмиграция в Бразилию, где штат Сан-Паулу предоставил гостеприимство 20 тыс. земледельцев и согласился оплатить их путевые расходы, или добыча средств к существованию в соседних странах³¹.

В этих условиях главное командование Русской Армии и созданный под руководством генерала Врангеля Русский Совет поспешили вступить в контакт с французскими политическими и военными властями, в частности, с генералом де Пелле, чтобы сохранить за главнокомандующим распорядительные функции в отношении армии и обеспечить тем самым успешный переезд русских военнослужащих в Сербию и Болгарию, что означало и прекращение французских расходов на русских беженцев. В конце апреля 1921 года пришло, наконец, благоприятное сообщение от генерала Шатилова о готовности Сербии принять 7 тысяч, а Болгарии - 9 тысяч русских военнослужащих³².

В конце апреля - мае 1921 года начался процесс переброски русских военнослужащих из лагерей в Турции на Балканы. В результате уже летом 1921 года численность казаков, перевезенных в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство

СХС, с 1929 года - Королевство Югославия), составила 22 тысячи человек. Казаки были направлены в кавалерию, пехотинцы - в пограничную охрану, технические части - на строительство железных дорог. Осенью 1921 года в основном завершилась перевозка 1-го армейского, Донского и Кубанского корпусов Русской Армии генерала Врангеля из Турции в Королевство СХС и в Болгарию. К 12 февраля 1922 года в армии Врангеля в Болгарии состояло примерно 20 тысяч человек³³.

Передислокация Русской Армии из лагерей Константинопольского района в страны Балканского полуострова (и небольшой ее части в Чехословакию и ряд других стран³⁴) осуществлялась за счет средств, поступивших в адрес генерала Врангеля от бывшего посла России в США Б.А. Бахметьева, Совецания русских послов, финансового агента в Японии и сербского правительства³⁵. Чтобы облегчить положение военнослужащих, в конце 1922 года было решено использовать часть просроченных вкладов Петроградской Ссудной кассы, вывезенной из Крыма. Забегая вперед, заметим, что, по официальным данным финансово-контрольного комитета, на нужды армии было израсходовано в 20-е годы из средств, вырученных от их продажи, 36726241,6 динара³⁶.

Заметим, что перемещенные в Болгарию русские воинские части становились своего разменной картой в сложной политической игре, которая шла в этой стране, переживавшей трудное время, ибо она была союзницей Германии в Первой мировой войне. Если местные правые силы, и в том числе монархически настроенное офицерство, надеялись использовать их в борьбе с левыми и с правительством Болгарского земледельческого народного союза, то левые, в свою очередь, вели активную кампанию против русских белогвардейцев. В этот сложный процесс политической борьбы в Болгарии вмешивались и советские спецслужбы, вынашивавшие замыслы разгрома эмиграции и включения указанной страны в орбиту «мировой революции». Во многом «благодаря» их действиям весной 1922 года в этой стране разгорелся крупный политический скандал, связанный с обвинениями русского эмигрантского генералитета и офицерства в подготовке заговора с целью свержения действующего правительства. Результатом стала высылка из Болгарии большой группы русских генералов и старших офицеров, в том числе командира 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. Но спустя год с небольшим - 9 июня 1923 года правым силам Болгарии при поддержке армии и русских белогвардейцев удалось свергнуть правительство А. Стамболийского. Сам премьер был убит во время военного переворота. После этого отношение нового болгарского правительства к русским эмигрантам изменилось к лучшему.

А сейчас вернемся в 1921-й год. 15 октября в Константинополе произошло событие, вызвавшее немало шума и версий. Примерно в 5 часов вечера в стоявшую на рейде морскую яхту «Лукулл», являвшуюся местом пребывания генерала Врангеля, врезался итальянский пароход «Адриа», следовавший рейсом из Батуми. Примерно через две минуты яхта водоизмещением 600 тонн затонула. К счастью, ни генерала Врангеля, ни членов его семьи и никого из представителей главного командования на борту яхты в это время не находилось. На яхте в момент удара было до 50 членов экипажа во главе со старшим лейтенантом Степановым, а также несколько гостей-офицеров. На помощь оказавшемуся в воде экипажу поспешили военные катера с итальянского дредноута и английский катер. Спасенные были доставлены на американскую базу и в русское посольство. Погибли вахтенный начальник мичман Сапунов и матрос Красса, а также почти все документы и личное имущество генерала Врангеля.

Вслед за этим происшествием в посольском храме был отслужен молебен по случаю избавления главнокомандующего от гибели. 18 октября был издан специальный приказ генерала Врангеля о гибели яхты, на места было направлено официальное сообщение по этому поводу врио начальника штаба главнокомандующего генерала Кусонского. В прессе появились сообщения о злом умысле, о большевистском заговоре, осуществленном группой русских коммунистов, следовавших на пароходе из Батуми. Но капитан парохода Зелич объяснял случившееся сильным течением, в результате которого судно резко отбросило вправо и, несмотря на все усилия экипажа, избежать столкновения не удалось. После непродолжительной остановки в Константинополе па-

роход был отпущен и двинулся в порт назначения - Неаполь. Иск пароходной компании был предъявлен в общегражданском порядке³⁷.

Тем не менее, и в последующие годы, включая и день сегодняшний, исследователи продолжали и продолжают обращаться к этому эпизоду, пытаясь дать новые и нетрадиционные объяснения случившегося. Появилась уже и версия об итальянской подводной лодке, которая, якобы, протаранила яхту Врангеля, бытует и версия о большевистском заговоре, осуществленном советскими спецслужбами³⁸. Но серьезных документальных подтверждений в пользу этой версии нет. Так или иначе, но случившееся ускорило отъезд Врангеля и его окружения из Константинополя. В начале марта 1922 года генерал Врангель переехал в Королевство СХС, и новым местопребыванием его и главного командования Русской Армии становится город Сремски Карловци.

Вслед за перемещением военнослужащих в страны Юго-Восточной Европы Русская Армия генерала Врангеля фактически прекращает свое существование как боевая единица, переходит на самообеспечение и трансформируется в систему различных военных обществ и союзов. Но ее главнокомандующий поставил в качестве главной задачи сохранение любой ценой армейской организации. Врангель сформулировал это следующим образом: «Армия постепенно перейдет к новым формам и условиям жизни... Армия будет существовать в полускрытом виде, но Армия должна быть сохранена во что бы то ни стало»³⁹. Для сохранения организации армии необходимо было содержать большую часть штабов, а также обеспечивать лечебные заведения, инвалидов и временно безработных. Но средств оставалось мало, и они постепенно сокращались, поэтому штабы воинских частей и лица, не имевшие работы, стали содержаться за счет отчислений от зарплаты работающих чинов Русской Армии.

Важно подчеркнуть, что генерал Врангель стремился сохранить не только собственную армию, но установить контроль, наладить взаимодействие и обеспечить организацию под своим руководством военнослужащих бывшей Императорской и белых армий. Чтобы связать между собой и с армией офицеров, разбросанных по различным странам, и оказать им возможную поддержку, генерал Врангель еще в начале 1921 года обратился к российским военным агентам с предложением приступить к образованию военных союзов и обществ. Началась запись офицеров, «изъявивших желание по первому зову явиться в ряды армии (регистрация)». Таковых, как указывал позднее генерал Врангель, оказалось около 10 тысяч человек⁴⁰.

Сложные отношения складывались в эмиграции между главным командованием Русской Армии и казачеством. 22 июля 1920 года, в Крымский период Гражданской войны было заключено соглашение между главнокомандующим Русской Армией генералом Врангелем и атаманами Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск о подчинении казачьих воинских частей главному командованию для борьбы с большевиками. Но после эвакуации Русской Армии атаманы отказались признавать это соглашение, и их отношения с главным командованием приобрели неопределенный характер. Главное командование Русской Армии по-прежнему руководствовалось Крымским соглашением, в соответствии с которым атаманы признавались высшей властью казачьих войск, последние подчинялись в военно-административном отношении атаманам, но в строевом и оперативном отношении - главному командованию. В последующие годы предпринимались неоднократные попытки урегулировать эти отношения, но без особых результатов.

Обустройство русских военнослужащих за границей являлось исключительно сложной проблемой, как для них самих, так и для их военного командования, и для тех стран, где они оказались. Тем более, что налицо были серьезные расхождения интересов каждой из вышеназванных сторон. Самих военнослужащих волновали прежде всего вопросы личного материального обеспечения, труда и быта, судьбы их родных и близких, самоидентификации в новом социокультурном пространстве и определение дальнейших жизненных перспектив. Одним из ключевых для них вопросов являлось возвращение на родину, но пути, способы и сроки этого являлись темой острых дискуссий и, в конечном счете, собственного выбора и самоопределения. Одиночество было

одним из факторов, резко обостривших жизненную ситуацию эмигрантов. Например, в Королевстве СХС в 1921 году 69 % эмигрантов составляли мужчины, 68 % из них были в возрасте 19-45 лет, 70 % являлись одиночками, хотя большинство из них и состояло в браке, но жены и семьи остались на родине⁴¹.

Военное командование убеждало солдат и офицеров, что путь возвращения в Россию может быть только один - с оружием в руках и посредством свержения советской власти. А пока надо сохранять сплоченность, дисциплину, военную организацию и беспрекословно верить военному командованию, исполнять его приказы. Руководство стран, где оказались русские военнослужащие, было весьма озабочено пребыванием этих непростых иностранных людских контингентов, но вело себя к ним по-разному, в зависимости от многих обстоятельств. Но доминирующими мотивами их действий являлись, несомненно, приоритет интересов руководимых ими государств и их населения и попытка использовать русских эмигрантов для решения тех или иных актуальных для этих стран проблем. Решение вопросов эмигрантов, их кризисных жизненных ситуаций находилось, объективно говоря, на заднем плане для лидеров и политиков зарубежных стран русского рассеяния. И, наконец, совершенно отдельной темой являлись действия и борьба русских политиков в эмиграции, их взаимоотношения с армией и русскими военнослужащими.

В 1921 году в эмиграции предпринимаются попытки координации усилий и консолидации деятельности различных партий и организаций в виде более широких союзов и объединений. В январе этого года состоялся съезд бывших членов Учредительного Собрания, собравший правых эсеров и кадетов. В мае - начале июня 1921 года в баварском курортном городе Рейхенгалле прошел съезд правых монархистов, избравший Высший Монархический Совет (ВМС), возглавляемый Н.Е. Марковым 2-м. Совет сделал выбор в пользу прогерманской ориентации и обосновался в Берлине. В июне прошел съезд национального объединения (или Русский Национальный съезд), создавший Национальный комитет (он именовался также Русский Национальный комитет) в составе 74 человек под председательством бывшего министра Временного правительства А.В. Карташёва.

В этих условиях главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель предпринимает попытки наладить контакты и взаимодействие с различными организациями и политическими группировками эмиграции. Уже 15 ноября 1920 года на общем собрании представителей «русской общественности» в Константинополе была принята резолюция, предложенная членом Государственной Думы Н.В. Тесленко, в которой указывалось на поддержку русскими общественными деятелями (без различия партий) продолжающейся борьбы с большевиками. В лице генерала Врангеля они видели главу правительства и преемственного носителя власти, объединяющего русские силы в борьбе с большевиками. В Константинополе существовали две наиболее крупные русские общественно-политические организации надпартийного состава - Парламентский комитет и Политический объединенный комитет. Именно в переговорах с ними вырабатывается проект сотрудничества главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля и эмигрантской русской общественности в Константинополе, вылившийся в идею создания Русского Совета. Именно две вышеназванные организации выработали Положение о Русском Совете. Общие положения проекта организации этого органа были приняты Согласительной комиссией 23 февраля 1921 года.

7 марта на борту яхты «Лукулл» под председательством генерала Врангеля прошло совещание, в котором принимали участие 12 человек. Среди них были генерал Ю.Н. Данилов, а также Г. А. Алексинский, И.П. Алексинский, В.В. Мусин-Пушкин, А.И. Пильц и др. Завершается разработка Положения и программы действий Русского Совета. 11 марта датируется Воззвание Главнокомандующего, в котором указывалось, что на чужбине находится уже более 2 миллионов русских людей. В нем было заявлено о создаваемом Русском Совете и подчеркнуто: «Да воплотит Русский Совет, осуществляющий преемственную Русскую власть в полном объединении с Главнокомандую-

щим, Русскую национальную мысль». Здесь же указывалось, что в этот орган войдут представители общественных надпартийных и демократических организаций⁴².

Положение о Русском Совете было утверждено генералом Врангелем 12 марта 1921 года. В соответствии с Положением в его состав должны были войти 34 человека: 23 из них избирались, а 10 человек входили по приглашению главнокомандующего. Сам он становился председателем Русского Совета. В соответствии с Положением об этом органе в его состав должны были быть избраны представители от казачества, от горских народов и от общественных организаций (от объединенных бывших членов законодательных палат, от бывших земских гласных, от бывших городских гласных, от торгово-промышленных организаций, от финансовых организаций и от русских академических групп)⁴³.

Торжественное открытие Русского Совета состоялось 5 апреля 1921 года в здании русского посольства в Константинополе. В этом заседании приняло участие 14 его членов, среди которых были известные общественные и политические деятели: профессор И.П. Алексинский, ставший старшим товарищем председателя данного органа, граф В.В. Мусин-Пушкин, П.Н. Савицкий, Н.А. Ростовцев, князь П.Д. Долгоруков, Г.А. Алексинский, В.В. Шульгин и др. Заметим, что трое последних вошли в Русский Совет по приглашению его председателя генерала П.Н. Врангеля. С правом совещательного голоса в заседании участвовали генералы А.П. Кутепов, М. А. Фостиков и начальники отдельных русских воинских частей.

В речи генерала Врангеля были определены задачи Русского Совета, к которым он отнес обеспечение многообразных духовных и материальных нужд русского населения, сбережение живых сил для окончательной борьбы, сохранение остатков русского достояния. «Вы - блюстители единого святого начала Российской государственности. Вам предстоит воплотить эти начала перед миром... Первый долг Совета возвысить голос в защиту русской армии, над которой нависла угроза насильственного роспуска», - заявил, в частности, главнокомандующий, обращаясь к членам созданного им органа. В речах князя Долгорукова, И.П. Алексинского и Г.А. Алексинского, В.В. Шульгина, генерала Кутепова также активно звучали идеи объединения армии с национальной русской общественностью.

Принципиальные установки деятельности Русского Совета формулировались как «продолжение борьбы с большевиками, предоставление народам России свободного решения вопроса о формах ее государственного устройства, сохранение всех сил и средств, необходимых для воссоздания будущей России». В принятом обращении Русского Совета к Русской Армии подчеркивалось его единство с ней, готовность оказать ей духовную и материальную поддержку и указывалось, что в его состав вошли представители различных политических партий - социалисты-государственники, кадеты и правые, выборные земские и городские деятели, а также деятели науки, торговли, промышленники. Русский Совет заявил о намерении установить связь и объединить все антибольшевистские силы, действующие в эмиграции и в России, ведущие борьбу на границе с ней и на Дальнем Востоке. Были приняты обращения Русского Совета к русским людям на родине и на чужбине, к Совету Лиги Наций⁴⁴.

Созданный генералом Врангелем Русский Совет представлял собой некий симбиоз представительного и правительственного органа. Барон надеялся, что вошедшие в его состав авторитетные общественные и политические деятели, придерживавшиеся государственной и надпартийной платформы, будут способствовать выходу из изоляции, поддержке армии со стороны зарубежной и эмигрантской общественности и политиков. Но деятельность Русского Совета с первых шагов столкнулась с сильной оппозицией, как в зарубежных органах власти, так и в различных кругах российской эмиграции.

17 апреля 1921 года в сообщении французского правительства по вопросу о Русской Армии утверждалось, что генерал Врангель образовал в Константинополе своего рода русское правительство и претендует на то, чтобы сохранить на положении армии вывезенные им из Крыма войска, что противоречит позиции Франции и других держав.

«Все русские, находящиеся еще в лагерях, должны знать, что армии Врангеля больше не существует, что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им приказания, что они совершенно свободны в своих решениях и что впредь им не может быть предоставлено продовольствие», - подчеркивалось в этом документе и указывалось на намерение французских военных властей прервать связь русских офицеров с солдатами. Франция помогала им 5 месяцев, подошла к пределу своих возможностей, и русские должны поддерживать существование собственными силами.

В ответе Русского Совета французскому правительству от 22 апреля высказывалось искреннее сожаление, и отмечалась ошибочность его решения. Русский Совет реформировал правительственный орган, который временно заменил Южно-Русское правительство после эвакуации, говорилось в этом послании. Были выражены сожаление и протест по поводу намерения французов изолировать русских солдат от главнокомандующего и командного состава. Русский Совет представил подсчеты своей особой комиссии, свидетельствующие об ошибочности французского утверждения о том, что Франция потратила около 200 млн. рублей, покрыв стоимостью взятого русского имущества лишь четвертую часть затрат. По представленным особой комиссией данным, стоимость русского имущества, взятого французскими властями, составила на самом деле 144 млн. (а без округления - 144, 296 млн.) франков и были даны подробные цифровые выкладки по четырем категориям: интендантский груз, уголь, тоннаж и артиллерийский груз.

Ровно месяц спустя Русский Совет обратился к Верховному Комиссару Французской республики в Константинополе генералу Пелле, информируя его о переговорах с сербским и болгарским правительствами и принятых обязательствах (о перевозке русских военнослужащих в эти страны) и указал, что только при условии сохранения распорядительных функций за главнокомандующим Русской Армии возможен переезд русских солдат и офицеров в эти государства и перевод их на положение трудовых групп, что снимет расходы с Франции⁴⁵.

Но созданный под руководством барона Врангеля Русский Совет, хотя и собирался в дальнейшем на свои заседания ежемесячно и обсуждал широкий круг вопросов, связанных с текущей политикой, положением русских эмигрантов, и в том числе армии, не пользовался, вместе с тем, сколько-нибудь значительной популярностью и авторитетом в формирующемся Русском Зарубежье. Проблемы Русского Совета резко обострились в связи с перемещением армии из Турции в славянские страны. Учитывая, что главную роль в этом органе играли представители штаба главнокомандующего, его именовали в эмиграции «игрушечным правительством генерала Врангеля», «мертвым и никому не нужным учреждением»⁴⁶. Русский Совет прекратил свое существование в октябре 1922 года. Это время, по утверждению генерала Врангеля, характеризовал «в полной мере разброд русской зарубежной общественности». «Попытки объединить национально мыслящих людей вокруг созданного мною Русского Совета и Армии, как национального центра, закончились неудачей, - печально резюмировал главнокомандующий. - Армия осталась одинокой»⁴⁷.

П.Н. Врангель и в дальнейшем предпринимал действия, направленные на объединение вокруг армии широких политических сил. Но контакты с представителями различных политических течений и групп, как правило, не давали желаемых результатов. Политики, даже находясь за пределами России, предпочитали выяснять отношения и сводить старые счеты, поэтому объединительные процессы в расколотой революцией и Гражданской войной эмиграции шли трудно. Показателен в этом отношении конфликт между врангелевским командованием и Совещанием русских послов. Неспособность найти взаимопонимание привела сначала к отказу бывших послов от использования находившихся в их распоряжении средств на финансирование Русской Армии генерала Врангеля, что было весьма весомым аргументом в споре. Под давлением французского правительства Совещание русских послов приняло резкое заявление, в котором, в частности, говорилось: «Армия генерала Врангеля потеряла свое международное значение, и Южно-Русское правительство с оставлением территории естественно пре-

кратило свое существование». Высказываясь в пользу необходимости сохранения самостоятельной Русской Армии, Совещание предложило дело помощи русским беженцам сосредоточить в ведении Земско-Городского комитета помощи беженцам, ответственность за казенные средства и порядок их расходования оно взяло на себя⁴⁸. Это означало не что иное, как попытку устранения генерала Врангеля с политической арены и ослабления его влияния на армию и военнослужащих.

В целом же, положение Врангеля в этот период становилось все более сложным. Ему трудно было найти общий язык с политиками, что объяснялось отсутствием у него необходимого политического опыта, а также было обусловлено и острейшими распрями, сведением счетов, идейной и политической борьбой, развернувшейся в эмиграции. Главнокомандующий Русской Армией часто не воспринимался военнослужащими других белых армией как личность, имеющая легитимное право на командование ими и способная объединить армию на чужбине, при этом не просто сохранить военные кадры, но сплотить их и организовать для нового похода против большевистской России, в возможность и успех которого верили уже немногие.

В этих условиях генерал Врангель и его окружение пытаются найти те идеи и аргументы, которые могут сплотить и объединить именно вокруг армии широкие слои Русского Зарубежья. «Будучи прежде всего национальной, Русская Армия собрала под своими знаменами всех тех, кто стремится освободить Родину от врага народа, борется за русскую национальную идею», - подчеркивает Врангель в одном из писем в декабре 1921 года. - И вокруг Армии должны объединиться все - от республиканца до монархиста». «Будучи сам по убеждению монархист, я, как Главнокомандующий Русской Армией, вне партий», - продолжает он. - Национальные партии должны поддержать Армию, не пытаясь сделать ее орудием политической борьбы между ними»⁴⁹.

В первые месяцы 1922 года в различных документах (главного командования Русской Армии, разведывательных органов Польши и Советской России, освещающих ее планы и действия, и др.) содержится немало материалов, свидетельствующих о попытках сплотить русских военнослужащих за границей и договориться с руководством Франции, а также Королевства СХС, Румынии и Венгрии об организации совместных боевых действий против Советской России весной указанного года. В апреле 1922 года советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин предъявил на конференции в Женеве документы, свидетельствующие о планах новой интервенции. И, вместе с тем, внимательный анализ всего комплекса документов свидетельствует о глубоких противоречиях, существовавших между потенциальными союзниками, что делало реализацию замыслов и разрабатываемых планов делом трудно осуществимым. Это проистекало не только из сложных отношений между главным командованием Русской Армии, с одной стороны, правительствами и военными кругами стран Антанты, Румынии, Венгрии, Королевства СХС (и некоторых других государств), с другой. Противоречия по-прежнему раздирали и русскую эмиграцию, как политические, так и военные ее круги и группировки.

Весной 1922 года генерал Врангель, стремясь сплотить вокруг армии достаточно широкие политические силы, сделал ставку на непредрешенческое объединение центристского характера. Будучи монархистом, он не нашел, вместе с тем, общего языка с монархическими организациями. В этом часть политиков, а в дальнейшем и исследователей, усматривала его серьезную политическую ошибку. Впрочем, идеи монархизма были серьезно подорваны и дискредитированы, а само монархическое движение в эмиграции было настолько раздроблено и дезорганизовано, что найти взаимопонимание и наладить взаимодействие с его лидерами было исключительно трудно. Сам Врангель по-прежнему делал главную ставку на белую идеологию, считая, что именно она, будучи выношена и выстрадана в годы Гражданской войны, может быть идеологической основой для сплочения армии в эмиграции, а также тех общественно-политических кругов Русского Зарубежья, которые разделяли идеи Белого дела. Врангель полагал, что именно белая идеология может и должна быть главным антиподом

коммунистической идеологии и не разделял точку зрения, что есть только два политических мирозерцания - монархическое и республиканское⁵⁰.

В письме своему близкому сподвижнику Н.Н. Чебышеву от 9 марта 1922 года генерал Врангель ссылаясь на то, что в информации С.Н. Ильина содержится вся необходимая информация и идеология Белого дела. Вслед за этим он откровенно писал: «Как я, так, вероятно, и большинство Армии твердо верим в установление (а не восстановление) в России монархии, вопреки работе некоторых из заграничных эмигрантских организаций, дискредитирующих то дело, которому они служат. Этим организациям монархия нужна не как принцип, а как средство для возвращения власти в их руки». В качестве примера он приводил деятельность белградских монархических организаций, члены которых распределили уже все административные посты в будущей России. «С такого рода монархистами нам не по пути», - указывал Врангель. Он высказывал веру в то, что русский народ, как и 300 лет назад, найдет в себе силы вернуться к власти, соответствующей историческому укладу страны. «Но мы твердо убеждены в том, что силою штыка или хотением одного класса населения России нельзя навязать нежелательную для нее форму правления, хотя бы и монархическую, - продолжал генерал. - Только та власть будет прочной в России, которая будет отвечать народным чаяниям, которая будет выдвинута стихийной волей народа».

Вслед за вышесказанным, Врангель продолжал излагать любопытные суждения о роли эмиграции и эмигрантов в будущей России: «Эмиграции по-прежнему надлежит быть скромненькой и ждать голоса народного. Если же эмиграция хочет в будущем играть какую-либо роль, она должна готовиться к тому, чтобы при возвращении на Родину стать в служебные отношения к той власти, которая заменит собой большевистскую, отнюдь не претендуя на то, что ей - эмиграции - принадлежит в силу какого-то исторического права решающий голос. Недоверие к эмиграции, несомненно, в России существует. Требуется много такта и умения, чтобы подойти к этой новой для нас России и завоевать ее доверие». «Наша идеология понятие о России выдвигает на первый план, - резюмировал генерал, - будучи убежденными монархистами, мы не откажемся от служения Родине и в том случае, если в ней установится республиканский образ правления»⁵¹.

Там или иначе, но перед генералом Врангелем стояли сложнейшие проблемы сохранения и укрепления единства армии, объединения вокруг нее широких кругов зарубежной общественности. Ему предстояло определиться: самому ли пытаться решать эти трудные проблемы или искать опору и руководство в лице какой-либо другой силы или личности. Заметим, что уже в 1922 году в эмиграции разворачивается борьба за престолонаследие, и важным аргументом в этом споре могла стать позиция армии, Русского военного Зарубежья. 11 августа 1922 года генерал Врангель получил от великого князя Кирилла Владимировича телеграмму, в которой тот сообщал о принятии на себя местоблюстительства Государева престола и просил барона оказать ему творческое сотрудничество в великом деле спасения России. Врангель ответил, что как и громадное большинство его соратников, видит Россию такой, какой пожелает народ, веря, что народная мудрость вернет Россию, как и 300 лет назад, на ее исторический путь⁵².

Во второй половине 1922 - начале 1923 года особую и растущую озабоченность генерала Врангеля вызывали взаимоотношения именно с правыми и монархистскими организациями в эмиграции. Он указывал, что в целом ряде обращений Высшего Монархического Совета подчеркивалось желание оказать поддержку Армии и ему как главнокомандующему. Но, с другой стороны, ВМС и близкие к нему лица сетовали, что он (Врангель), якобы, отталкивает их от себя. В связи с этим барон подчеркивал, что единственный лозунг Армии - «Отечество» - надпартийный и непартийный, а лозунг - «За Веру, Царя и Отечество» является партийным лозунгом, который может быть принят, только когда он будет принят русским народом. «Всякое обращение Армии в партийную организацию или в орудие политической партии повлечет за собой гибель Армии, как национального ядра, - убежденно утверждал главнокомандующий. - Она будет распылена и уничтожена». Если в первые дни нашей борьбы и первые дни нашего из-

гнания Армию пыталась захватить в свои руки революционная демократия («учредителей, земгоры и ревнителю милюковского типа»), то ныне, по мнению Врангеля, ее пытаются вовлечь в свою игру политики правого лагеря. Офицерству, исповедующему, в главной своей массе, монархические убеждения, плохо разбирающемуся в обстановке сложного политического характера, кажутся соблазнительными лозунги правых демагогов, и в результате «великое смущение проникло в души многих», - с тревогой размышлял главнокомандующий⁵³.

Страстная политическая борьба, разгоравшаяся в эмиграции, оказывала влияние и на армию и грозила расколоть ее. Это вызывало самую серьезную озабоченность у генерала Врангеля, и 8 сентября 1923 года он издал приказ № 82 по Русской Армии, в котором, в частности, армейским чинам запрещалось входить в какие-либо политические организации и объединения. Сам Врангель находился в сложной ситуации и в связи с разгоравшейся борьбой за престолонаследие между великими князьями Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем. Непростые личностные взаимоотношения складывались и между генералами, в том числе находившимися в непосредственном окружении Врангеля.

Генерал П.Н. Шатилов, отчисленный 7 марта 1922 года главнокомандующим от должности начальника штаба Русской Армии (формально по его просьбе) и замененный на этом посту генералом Е.К. Миллером, оценивая ситуацию в армейских верхах в июле 1923 года, видел в сложных отношениях между генералами Врангелем и Кутеповым исключительную опасность для существования армии. Недоверие и подозрительность барона Врангеля к генералу Кутепову как к возможному претенденту на его место усиленно подогревались его ближайшим окружением. И хотя сам генерал Кутепов в общем-то не стремился к этому, но его авторитет и популярность в армии были, как признавали многие, больше, чем у Врангеля. Как, не без известных на то оснований, было замечено: «Если за Врангелем пойдут многие, то за Кутеповым пойдут все». В свою очередь, ревность и подозрительность со стороны главнокомандующего создавали сложную ситуацию для генерала Кутепова, порой заявлявшего в сердцах, что он все бросит и уйдет в частную жизнь, так как работать в таких условиях не может⁵⁴.

Раскол в армию и ее руководство по-прежнему вносили и монархисты во главе с Марковым 2-м, которые вели пропаганду и агитацию в пользу «монархистского» генерала Кутепова и его преимуществ перед «демократическим» генералом Врангелем⁵⁵.

Касаясь сложных взаимоотношений в генеральской среде, обратимся к характеристике человека, имя которого только что было названо и о деятельности которого подробно пойдет речь на протяжении следующих глав, - генералу П.Н. Шатилову. Близкий друг и доверенное лицо генерала Врангеля, он был человеком энергичным, но чрезвычайно увлекающимся, крайне честолюбивым, претендующим на первые роли, склонным к интриге. В связи с этим генерал П.Н. Врангель писал в 1923 году генералу Е.К. Миллеру: «Что же касается Шатилова, то убедительно прошу тебя найти способ, не затрагивая его самолюбия, удержать его от участия в политической работе. Ты знаешь, как он мне близок. Я знаю его ценные качества, но хорошо знаю и его недостатки. Умный, отличный работник и горячо преданный нашему делу, он лишен качеств, необходимых для общественно-политической деятельности, - тех самых качеств, которыми в полной мере обладаешь ты»⁵⁶.

В начале 20-х годов командование Русской Армии уделяет все возрастающее внимание возникающим на местах в эмиграции воинским союзам, обществам и организациям. Первые из них, появившиеся в 1920 -21 годах, носили рыхлый и неоформленный характер. Они рассматривались как временные объединения в условиях нахождения в эмиграции, которое предполагалось быть весьма непродолжительным. Для поддержания связей и установления контроля над ними в 1921 году в штабе Врангеля разрабатывается «Нормальный устав», на который должны были ориентироваться вновь образуемые воинские союзы и общества, а уже существующие организации призваны были принимать его как руководство, перерегистрировать собственные уставы или

принимать его полностью. Уставы воинских обществ и организаций направлялись в штаб генерала Врангеля на рассмотрение и утверждение.

Одной из наиболее крупных и дееспособных воинских организаций, возникших в это время в эмиграции, стало «Общество Галлиполийцев». Членами его могли стать все чины 1-го армейского корпуса, участники Галлиполийского сражения, получавшие это право в соответствии с приказом главнокомандующего от 15 ноября 1921 года. Они имели право ношения специального знака «Галлиполи». Устав «Общества Галлиполийцев» был утвержден генералом Врангелем 29 ноября того же года. Декларированными в Уставе целями организации стали объединение и организация взаимопомощи участников Галлиполийского сражения, собирание материалов по его истории, хранение и составление трудов по этому вопросу. Общество имело право устраивать собственные предприятия и арендовать их, организовывать лечебницы, санатории, колонии для детей и приюты для солдат, инвалидные дома, страховые и похоронные кассы, создавать учебные и военные учреждения, учреждать стипендии в учебных заведениях, организовывать библиотеки, музеи, выставки. Средства этой организации формировались за счет членских взносов, пожертвований русских национальных организаций, доходов от предприятий и учреждений, особых капиталов. Управление «Обществом Галлиполийцев» строилось следующим образом: съезд Общества, Совет общества. Правление общества. В результате учреждения организаций «Общества Галлиполийцев» в разных странах было создано Главное правление Общества. Как следует из отчета председателя последнего - генерала М.И. Репьева, осенью 1926 года действовали его Сербское, Болгарское, Бельгийское общества, «Общество Галлиполийцев» во Франции и Кавалерийское общество. Издавался специальный «Вестник Галлиполийцев»⁵⁷.

Стремясь подчинить создаваемые воинские организации, союзы и общества своему влиянию, Врангель и его окружение задумали «переход к замещению должностей председателей их и членов правлений путем назначения, а не выборов». Для унификации и руководства процессом создания воинских организаций и объединений в эмиграции в штабе главнокомандующего Русской Армией было разработано и разослано Положение о Главном Союзе Обществ и Союзов русских войск⁵⁸.

Создание воинских союзов имело свои особенности в каждой из стран русского рассеяния. Например, в Турции такое стремление проявилось сразу после прибытия эвакуированных русских воинских подразделений осенью 1920 года. Как следовало из доклада русского военного агента в этой стране Г.Г. Черткова, объединение в воинские союзы и общества облегчало задачу военного агента по взятию военнотружущих на учет и под покровительство. Но с другой стороны, различия создающихся союзов, разнообразие лозунги, выдвигаемые ими, в том числе в области политики, вызывали тревогу за разобщение военной среды. Но руководство «Нормальным уставом», утвержденным главнокомандующим 2 апреля 1921 года, способствовало, по утверждению Черткова, нормализации этой работы. Для «солидности» создаваемых союзов и упрочения их авторитета был создан Совет Союзов. При этом Чертков указывал, что, имея в виду неизбежное устранение рано или поздно должности военного агента, он намечал передачу дел вышестоящему органу, который должен был объединить воинские массы в Турции. Правда военный агент жаловался, что уже на первом этапе этому процессу мешала деятельность генерала Баратова, возглавившего несколько союзов и стремившегося захватить в свои руки руководство Советом Союзов⁵⁹.

В 1922 году растущую тревогу русского военного агента в Турции вызывала деятельность кемалистов. Он утверждал, что кемалисты негативно относятся ко всему иностранному и, в частности, к существованию христианских и русских организаций. Чертков считал, что после их прихода к власти объединение в воинские союзы будет не только неосуществимо, нежелательно, но даже прямо опасно. Тем более, указывал он, что кемалисты находятся в значительной степени под влиянием советского правительства и естественно будут всемерно побуждаться последним к преследованию именно воинских организаций.

В докладе генерала Черткова генералу Миллеру от 15 ноября 1922 года указывалось, что в после предполагаемой эвакуации 5 тысяч человек в Сербию в Турции «останется лишь серая масса беженцев, занятая добыванием куска хлеба, объединить которую сколько-нибудь действительным образом вряд ли представится возможным». Чертков считал нецелесообразным создание тайного объединения, ибо от небольшой ячейки не будет толку, а распространение подобных действий приведет к суровым карам. В лучшем случае, резюмировал военный агент, «с приходом кемалистов здесь создастся положение, подобное Болгарскому, с той разницей, что большевики, вероятно, будут распоряжаться с большей наглостью». «Все это заставляет отказаться от сохранения здесь военных организаций»⁶⁰, - заканчивал свой доклад русский военный агент в Турции.

Добавим в связи с вышеизложенным, что в 1922 году силы турецкого национально-освободительного движения под руководством М. Кемаль-паши одержали ряд крупных побед над оккупантами, и 15 октября того же года был заключен договор о перемирии. Летом 1923 года на конференции в Лозанне был подписан мирный договор, и правительство Кемаль-паши было признано представителями Антанты. Их войска покинули столицу Турции, а военные корабли были выведены из проливов. В октябре 1923 года Турция была провозглашена республикой. Приход к власти М. Кемаль-паши, которого связывал с Советской Россией договор о дружбе и братстве от 1921 года, означал ликвидацию возможностей для деятельности русских эмигрантских военных организаций в Турции. Но в то время, как в этой стране деятельность русских воинских организаций и союзов постепенно свертывалась, в других странах и в первую очередь на Балканах она приобретала широкие масштабы.

Генерал Врангель предпринял попытку регистрации всех бывших военнослужащих. Она проводилась распоряжениями представителей главнокомандующего, военных и морских агентов в тех странах, где проживали военнослужащие. В распространенной анкете содержались пункты, касающиеся службы в антибольшевистских армиях, настоящего пребывания в обществах и союзах и др. Особое значение имел третий пункт анкеты, в котором запрашивалось, имеет ли военнослужащий «возможность и желание стать в ряды армии или флота по зову Главнокомандующего». К 1 марта 1922 года в штаб главнокомандующего должны были быть доставлены регистрационные списки на офицеров. Поясняя разворачивающийся процесс, правая рука и начальник штаба главнокомандующего генерал Шатилов указывал, что составляются не мобилизационные списки, а выясняются те, кто выскажет свое желание стать в любой момент в ряды армии и находиться на учете на случай, когда возникнет возможность Армии вернуться на родную землю и будет положено начало Русской Армии⁶¹.

В эмиграции возникали военные организации разных типов и форм: объединения военнослужащих отдельных воинских подразделений старой российской или белых армий; по признаку принадлежности к определенным военно-учебным заведениям, соединениям, специальностям и родам войск; объединения по странам, территориям и регионам; военно-административные, военно-благотворительные, мемориальные и другие объединения. Все более активные и целенаправленные действия генерала Врангеля и его штаба в 1923 - 1924 годах, направленные на установление своего контроля над созданными и создающимися военными организациями и союзами, были обусловлены, с одной стороны, опасностью растекания военнослужащих по огромному пространству Европы и других континентов, утраты их боевого духа и готовности к новой войне с большевиками, а с другой, - необходимостью, используя новые организационные формы, сплочения «армии в изгнании», демонстрации политикам и общественному мнению стран Запада ее боеспособности и высокого морального духа.

В приказе от 18 июля 1923 года П.Н. Врангель, характеризуя основные этапы истории пребывания Русской армии в эмиграции, указывал на новые формы сохранения армии, которая, «не пытаясь стать национальным ядром, является главной из слагающих сил в борьбе с большевиками». Большая часть сил и средств должна быть на-

правлена, по его мнению, внутрь России, а армия, если и может нравственно рассчитывать, то только на часть этих средств⁶².

Уже упоминавшийся ранее приказ генерала Врангеля № 82 от 8 сентября 1923 года подводил итоги работы по объединению русских воинских чинов в эмиграции. «Ныне, после трех с половиной лет изгнания, армия жива, - указывалось в приказе, - она сохранила свою независимость, она не связана ни договорами, ни обязательствами, ни с государствами, ни с партиями, она собственным трудом обеспечивает свое существование... Армия перешла на трудовое положение». Врангель зачислял офицерские союзы и общества в состав армии и обязывал всех офицеров, считающих себя в составе армии, записаться в один из офицерских союзов, состоящих при военных агентах или военных представителях в данной стране. Главнокомандующий подчеркивал свое решительное требование «не допускать обсуждения каких-либо вопросов характера политического - предоставив обсуждение «программ», «платформ», «тезисов» и «лозунгов» тем, кто видит в этом спасение Родины, и, памятуя, что для воина есть один лозунг - приказ начальника».

Напомним, что в этом документе содержалось и требование к офицерам, состоящим в союзах, выйти из состава каких-либо политических организаций, если же те или иные лица уклонялись от этого, они подлежали исключению из союзов. Если какой-либо из союзов признавал возможным «оставить в числе своих членов офицеров, отказывающихся влиться в состав армии или отказавшихся выйти из состава той или иной политической организации», то он не мог оставаться в числе союзов, входящих в состав армии, и не мог в дальнейшем рассчитывать на ее помощь⁶³. Это был еще один важный шаг, направленный на консолидацию офицерского ядра, недопущение участия воинских чинов в политиканстве и в «политических играх», ослабление влияния на них политиков и политических организаций, а тем самым - на воссоздание и сплочение «армии в изгнании», усиление роли и влияния командования и персонально генерала Врангеля.

Вообще же, в 20-е годы за рубежом развернулась большая и многосторонняя работа по сплочению бывших военнослужащих. Она велась при посредстве воинских союзов, обществ, артелей и других организаций, но отнюдь не ограничивалась этим. Военнослужащих и прежде всего офицеров сплачивала надежда вернуться домой, и они принадлежали к той части эмиграции, которая наиболее активно сопротивлялась ассимиляции, в том числе и культурной. Сохранение воинских традиций, символики, ритуалов, верность профессиональной и кастовой военной культуре, присяге, стремление поддерживать традиционные для воинской среды приказные отношения, дисциплину наряду с взаимоуважением, поддержкой, взаимопомощью и взаимовыручкой, ощущением чувства локтя своих товарищей по оружию - все это призвано было стать важными морально-нравственными атрибутами, сплачивающими Русское военное Зарубежье, способствующими выживанию и сохранению воинского духа в суровых реалиях русского рассеяния.

Генерал Врангель отводил важную роль поддержанию на высоком уровне военных знаний и мастерства русского офицерского корпуса в эмиграции, подготовке и переподготовке офицерских кадров. Еще в 1921 году главнокомандующий Русской Армии высказался за открытие Русской военной академии в Белграде, предложив руководство ею бывшему профессору Николаевской академии Генерального штаба, видному и авторитетному за рубежом ученому и военному теоретику генералу Н.Н. Головину, труды которого были переведены на иностранные языки. Тот жил в эмиграции в Париже и читал историю Первой мировой войны во Французской Высшей военной школе. Генерала Головина приглашали и в США, в Стэнфордский университет. В ответ на предложение генерала Врангеля Головин объяснил несостоятельность такого проекта без руководителей, преподавателей, учебных пособий, тщательной подготовки. В связи с этим Врангель поручил ему развернуть такую подготовку. В 1922 году генерал Головин создал Курсы высшего военного самообразования, которые приобрели широкую

популярность в эмиграции. К 1925 году было создано 52 подобных кружка, объединявших более 550 учащихся⁶⁴.

Но, разумеется, не только генерал Врангель заботился о мерах по обеспечению тесных взаимосвязей, поддержанию высокого профессионального уровня и компетентности русских офицеров в эмиграции. Генерал А.М. Драгомиров, проживавший в Королевстве СХС, подготовил в начале 1924 года секретную Записку о необходимых среди военной эмиграции подготовительных работах по воссозданию Русской Армии. Большое значение в этом деле он придавал созданию повсеместно офицерских обществ профессионального типа, объединяющих офицеров по роду службы, публикации военных изданий, таких, как, например, «Военный сборник», «Информационный сборник» с обеспечением их финансовой поддержки, финансированию военной библиотеки в Белграде, поиску средств для продолжения проведения ежегодных конкурсов по военно-научным вопросам. Автор этого документа считал также необходимым разработку организационных, тактических и технических вопросов, Уставов и Положений⁶⁵.

Важными опорными пунктами сплочения военной эмиграции становятся образовательные институты и учреждения, как специального военного (о чем пойдет речь в дальнейшем), так и невоенного характера. Главными центрами русского высшего и среднего специального образования в Европе становятся Чехословакия и Франция и в первую очередь столицы этих стран - Прага и Париж. На Дальнем Востоке подобным центром становится Харбин. Значительную часть студентов составляли именно военнослужащие, получившие возможность наряду с приобретением гражданского образования и мирных профессий создавать в учебных заведениях свои объединения и группы. Некоторые из них в ряде случаев использовались и как завуалированные центры антисоветской диверсионно-террористической деятельности.

В деле борьбы за консолидацию Русского военного Зарубежья важная роль принадлежала его идеологам, среди которых особое и почетное место занимал видный философ и правовед, один из идейных творцов и певцов Белой идеи профессор И.А. Ильин, которого высоко ценил генерал Врангель. Речи и статьи и брошюры Ильина были остры, полемичны, глубоки по смыслу, подводили итоги Белой борьбы и звали к ее продолжению, внушая веру в конечную победу. «Русская Белая армия победила, - заявлял профессор Ильин в своей речи, произнесенной в Берлине 19 ноября 1923 года и опубликованной под названием «Государственный смысл Белой армии», - и мы утверждаем эту победу, несмотря на оставление ею национальной территории, на ее переход в гражданское обличье, на дряхлеющие в России злодеяния советского строя». «Мы, белые изгнанники, - не беглецы и не укрывающиеся обыватели, - подчеркивает профессор Ильин в другом своем выступлении. - Мы не уклонились от борьбы за Россию, но приняли ее и повели ее всею силою и любовью, и волею. И ныне заявляем, - пусть слышат и друзья и враги; борьба не кончилась, она продолжается»⁶⁶.

В рассматриваемый период и в последующие годы, генерал Врангель и его окружение внимательно присматривались к деятельности различных возникающих и действующих за границей антисоветских организаций, нередко инструктируя подчиненных об отношении и взаимодействии с ними. Например, 7 июля 1924 года был подготовлен и направлен на места документ о взаимоотношениях с Международной Лигой по борьбе с большевизмом, возникшей по инициативе Т. Обера. Подчеркивалось, что она не является учреждением партийным и по существу преследует те же цели, которые ставит перед собой и Армия. Поэтому главнокомандующий рекомендовал «всем национально-мыслящим русским воинам» принимать в той или иной форме участие в деятельности Лиги⁶⁷. Ближайшим помощником Т. Обера являлся Ю.И. Лодыженский, руководитель Российского общества Красного Креста в Женеве, с которым сотрудники Врангеля в дальнейшем поддерживают довольно тесные отношения. Например, корреспондентом Лиги в Берлине являлся генерал А.А. фон Лампе, представитель генерала Врангеля в Берлине, возглавивший осенью 1924 года II отдел созданного бароном Русского Обще-Воинского Союза. В 1924 - 27 годах Лига Обера провела свои междуна-

родные конференции в Париже, Женеве, Лондоне и Гааге, прилагая усилия для сплочения и консолидации действий различных антикоммунистических организаций.

Складывание сотрудничества главного командования Русской Армии и Лиги Обера с самого начала вызвало неудовольствие Высшего Монархического Совета. 20 августа 1924 года в помещении ВМС в Берлине состоялось собрание на тему «Отношение к белому интернационалу и Лиге Обера». Открывая его, председатель ВМС Н.Е. Марков 2-й заявил, что сначала руководимая им организация сочувственно отнеслась к «предприятию Обера». Но затем выяснилось, что Лига не дает средств русским антибольшевикам, а, напротив, требует пожертвований от них, приглашает русских эмигрантов записываться в ее ряды. Марков задал собравшимся вопрос, не является ли участие в Лиге Обера и жертвования на нее расточением скудных русских сил и средств. Обсуждение этого вопроса вызвало противоположные суждения. При этом высказывалось мнение, что на самом деле истинной причиной изменения позиции руководителя Высшего Монархического Совета в отношении Лиги Обера является то, что от последней не последовало обращение к ВМС, если не возглавить ее, то принять участие в русской секции. Кроме того, высказывалось предположение, что Т. Обер получил, якобы, взнос от генерала Врангеля в сумме 20 тыс. франков⁶⁸. Так или иначе, но представители военных не были приглашены на вышеназванное собрание, а выявившееся расхождение стало еще одним из пунктов разногласий главного командования Русской Армии и руководства Высшего Монархического Совета.

8 февраля 1924 года генерал Врангель издал принципиально важный приказ № 5, направленный на усиление своего влияния на русские офицерские союзы и общества в Европе. В целях объединения их вокруг Русской Армии, согласования всех мероприятий по проведению в жизнь этого объединения и облегчения связей обществ и союзов с Армией, рассредоточенной на Балканах, генерал-лейтенанту Юзефовичу приказывалось объединить руководство работой офицерских обществ и союзов в Финляндии, Эстонии, Литве и Латвии, генерал-майору фон Лампе поручалась аналогичная работа в Германии, Венгрии и Чехословакии, генерал-лейтенанту Хольмсену - во Франции, Бельгии и Англии. Все они, а также генерал-лейтенант Махров, непосредственно подчинялись помощнику главнокомандующего генералу Миллеру, который находился в Париже. В странах Балканского полуострова генералам Ронжину, Неводовскому, Геруа и полковнику Флорову предписывалось продолжать работу по руководству и объединению обществ и союзов в тех странах, где они находились. Эти лица, а также полковник Базаревич, подчинялись помощнику Врангеля генералу Абрамову. Союзу объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС приказывалось продолжать свою работу⁶⁹.

25 июня 1924 года генерал Кусонский, исполняющий обязанности начальника штаба главнокомандующего, в письме генералу Миллеру уведомил его о том, что главнокомандующий намерен сделать следующий шаг на пути к объединению русского офицерства в эмиграции, а именно - объединить все офицерские союзы и общества в один «Русский Обще-Офицерский Союз» (РООС) в составе Русской Армии, начальником которого будет сам генерал Врангель. Все общества и союзы, объединяющиеся в РООС, должны были являться его секциями и сохраняли свои названия. Внутри РООС предполагалось образовать следующие отделы: 1) Западноевропейский (с центром в Париже), состоящий из офицерских союзов во Франции, Италии, Бельгии, Дании и Англии; 2) Среднеевропейский (с центром в Берлине), включающий в себя эти общества и союзы в Германии и Венгрии; 3) Прибалтийский (с центром в Лейпциге) с союзами и обществами в Польше, Финляндии, Латвии и Литве; 4) Балканский (с центром управления в Белграде), объединяющий общества, действующие на территории Королевства СХС, Греции, Турции и Болгарии. Отдельно временно выделялись союзы в Болгарии, подчиняющиеся начальнику воинских частей в этой стране. В конце июля 1924 года генерал Кусонский подготовил по приказу генерала Врангеля проект постановления о «Русском Обще-Офицерском Союзе» с четырьмя территориальными отделениями - западноевропейским, среднеевропейским, прибалтийским и балканским и

представил его проект бюджета⁷⁰. Готовя создание подобной масштабной организации, Врангель вел и сложные политические консультации.

Особое место в расколотив интригами российской эмиграции по-прежнему занимала тема престолонаследия, а это являлось, по существу, и вопросом о том, кто возглавит эмиграцию. В острой борьбе за это право между великими князьями Кириллом Владимировичем и Николаем Николаевичем генерал Врангель все более склонялся в пользу последнего, что обуславливалось прежде всего тем обстоятельством, что дядя последнего российского императора являлся в 1914—1915 годах верховным главнокомандующим и пользовался большим авторитетом в армии. В 1923 году, когда в правых кругах эмиграции родилась мысль о руководстве великим князем Николаем Николаевичем «национальным движением», генерал Кутепов прислал бывшему главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу Деникину письмо, спрашивая его мнение по этому поводу. Последний ответил следующее: «Николай Николаевич пользуется популярностью. Это знамя, которое надо хранить на почетном месте. Но если он выступит официально, то ввиду современной международной обстановки и отсутствия крупных средств и возможностей ничего серьезного ему сделать не удастся. А годы бездеятельности набросят тень и на популярность, и на авторитет»⁷¹.

Тем не менее, весной 1923 года главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель заявил о своем безоговорочном подчинении великому князю Николаю Николаевичу. 12 мая в письме великому князю барон призвал принять от него трехцветное знамя, поднятое пять лет назад генералами Алексеевым и Корниловым⁷². В начале мая 1923 года великий князь Николай Николаевич переехал в окрестности Парижа, Шуаньи. А 5 мая начальник штаба Врангеля генерал Миллер и состоявший в распоряжении барона генерал Шатилов торжественно отбыли из Королевства СХС в Париж для ведения переговоров с общественными и политическими организациями по созданию общего политического объединения за границей. 15 мая они прибыли в Париж с письменной инструкцией Врангеля, в которой указывалось, что после образования политического объединения при великом князе Николае Николаевиче с главнокомандующего должна была быть снята вся политическая, финансовая и другая работа, не связанная непосредственно с жизнью Армии⁷³.

Вскоре великий князь принял у себя группу политических, общественных деятелей и представителей военного командования. В их числе были председатель Высшего Монархического Совета Н.Е. Марков 2-й, председатель Совещания послов М.Н. Гире, начальник штаба главнокомандующего генерал Е.К. Миллер, военный представитель в Париже генерал И.А. Хольмсен и морской агент в Париже капитан I ранга Н.Н. Дмитриев. В ходе этой и последующих встреч обсуждался широкий круг политических вопросов. Касаясь проблемы престолонаследия, великий князь Николай Николаевич заявлял, что лишь в условиях, когда в России установится монархический государственный строй и подтвердится гибель Государя и всей Царской семьи можно всерьез обратиться к этому вопросу. Пока же это преждевременно. Великий князь указывал, что армия и офицерские союзы должны стоять вне политики. Он утверждал, что не считает возможным для себя возглавить какое-либо политическое объединение, но его окружением велась подготовка к тому, чтобы объединить именно вокруг него широкое национальное движение в эмиграции и прежде всего военные организации. Генерал Врангель подчеркивал впоследствии, что когда в Париже с согласия великого князя Николая Николаевича «началась работа по объединению политических и общественных групп эмиграции под Его Главенством, перед Главным Командованием встал вопрос о необходимости строго и совершенно определенно разграничить области работы и ответственность за нее между Парижем и Белградом»⁷⁴.

Несколько раз с великим князем встречался в это время начальник штаба главнокомандующего Русской Армией генерал Миллер, которого Николай Николаевич хорошо знал со второй половины 80-х годов (когда Миллер молодым офицером после окончания военного училища служил в Лейб-гвардии гусарском полку Его Величества, которым командовал великий князь) и питал доверие. В ходе встреч в Шуаньи наедине

с великим князем (что делалось тем довольно редко и в порядке исключения) генерал Миллер обсуждал по поручению Врангеля вопросы взаимоотношений Николая Николаевича с армией.

Вместе с тем, в ходе парижских консультаций вскоре выяснилось, что ситуация с созданием планируемого политического объединения складывается весьма сложная. Каждая из группировок, образно говоря, «тянула одеяло на себя» и пыталась реализовать прежде всего собственные цели, как правило, в ущерб другим участникам потенциального альянса. В частности, монархисты-марковцы явно вынашивали замысел не объединения вокруг великого князя Николая Николаевича, а его руководства или прикрытия его именем своих групп. Они продолжали свои интриги против генерала Врангеля, а сам великий князь не спешил объявлять о взятии на себя руководства антибольшевистской борьбой.

15 декабря 1923 года генерал Врангель утвердил наделавшее много шума предписание № 04109, в котором подчеркивалось, что «армия отныне находится под покровительством великого князя Николая Николаевича». Вся политическая работа - зарубежная и в Советской России (разведка, установление связи, пропаганда, информация) и ответственность за нее передавалась из Белграда в Париж. В качестве переходной меры генерал Врангель предписал своему начальнику штаба генералу Миллеру «всю работу по агентуре, пропаганде в Советской России, по информационной части, по советским учреждениям в Европе, по обследованию политического положения в иностранных государствах и другим, не связанным непосредственно с управлением армией и заведованием состоящими при ней Офицерскими союзами», передать временно военному представителю во Франции. Тот должен был передать все органы, ведающие этими отраслями работы, в ведение учреждения или лица по поручению великого князя Николая Николаевича. Во исполнение указанного предписания все органы и чины, которые вели работу по указанным направлениям, откомандировывались от штаба главнокомандующего и управлений военных представителей. Вместе с ними передавались и средства, предназначенные для указанной деятельности⁷⁵.

Резюмируя принятое решение, генерал Врангель указывал: «Большая нравственная ответственность спадает с меня. Отныне все вопросы политические - международного характера, по объединению национальных русских сил и т.п. не лежат более на мне и на представителях армии»⁷⁶. Но великий князь Николай Николаевич не спешил издавать приказ или распоряжение и не давал официально согласия на взятие армии под свое покровительство. К тому же, его взаимоотношения с генералом Врангелем складывались очень непросто, и не последнее место здесь занимали сложные личные отношения Врангеля и Кутепова.

В январе 1924 года великий князь Николай Николаевич высказал пожелание генералу Врангелю принять Кутепова. В конце февраля - начале марта 1924 года Врангель несколько раз встречался с великим князем. В переписке со своими сподвижниками барон сообщал, что был принят исключительно сердечно, чем великий князь, видимо, хотел подчеркнуть сердечное отношение свое к Армии. Были обсуждены основные большие вопросы (об офицерских союзах, казачий и др.). Великий князь предлагал поручить генералу Кутепову «разведку внутри России, пропаганду, информацию». Врангель, в свою очередь, указывал на необходимость вывести Кутепова из своего подчинения и поставить в прямую непосредственную зависимость от великого князя.

Врангель в письмах генералу Шатилову и Абрамову Врангель высказывал, вместе с тем, сомнение, удастся ли Кутепову «в настоящей, исключительно трудной обстановке справиться с возложенной на него задачей». Впрочем, резюмировал он, «при всех условиях присутствие вблизи Великого Князя близкого Армии человека должно быть признано желательным». 21 марта 1924 года генерал Врангель освободил Кутепова от обязанностей своего помощника и начальника Галлиполийской группы в Болгарии⁷⁷. Великий князь возложил на генерала Кутепова вышеназванные направления деятельности, которые нередко определялись таким понятием, как работа «по связи с Россией»⁷⁸, под которой подразумевались поиск контактов и налаживание взаимодействия с анти-

советскими организациями, действующими в этой стране, организация разведывательной, подрывной работы и т.п.

А еще раньше, 8 февраля того же года Врангель освободил с выражением «сердечной благодарности за труды» от должности начальника своего штаба генерала Миллера. Барон указывал, что не имеет возможности оставить Армию и поручает Миллеру представлять ее в зарубежном национальном объединении, борясь с враждебными «белому делу» течениями и руководя офицерскими обществами и союзами в странах Западной Европы. Но в доверительном письме генералу Шатилову Врангель откровенно писал о том, что стояло за этим его решением: «Из двух зол приходится выбирать меньшее, и я решаюсь последовать твоему совету - поручить Е.К. (Евгению Карловичу Миллеру - В.Г.) объединение деятельности в Западной Европе. Решение это, конечно, неправильное, однако другого выхода нет - отход Е.К. от нашей работы в настоящих условиях дал бы огромный козырь в руки наших врагов, возвращение же его в Карловци (место близ Белграда, где располагалась резиденция главнокомандующего и его штаб - В.Г.) грозило бы мне воспалением печени и выбытием из строя, отчего дело также не выиграло бы. Исполняю твое пожелание и возлагаю на Е.К. объединение военных представителей Западной Европы, на тебя же одновременно возлагаю задачу сыпать ему перцу...»⁷⁹.

Весной - летом 1924 года генерал Шатилов продолжал информировать Врангеля о политических событиях в кругах российской эмиграции во Франции и, в частности, о заявлениях и действиях великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича, их продолжающейся борьбе. 20 апреля Шатилов с пометками «не для печати», «для личного осведомления» направил Врангелю ставший ему известным интересный материал о планируемом интервью великого князя Николая Николаевича американским и европейским газетам. Касаясь будущего государственного устройства России, тот должен был заявить, что это будет зависеть от воли русского народа, которому чужды идеи коммунизма и социализма, и призывал отказаться от чувства мести. Земля должна была перейти в руки лиц, фактически ею пользующихся. А прежние владельцы должны были при посредстве государства получить соответствующее вознаграждение. О Красной Армии планировалось заявить, что она - «плоть от плоти русского народа» и с падением советской власти должна слиться с остатками старой Российской Императорской Армии, сосредоточенной за рубежом, в кадрах Русской Армии, и образовать вместе с нею Национальную русскую силу.

В том же письме генерал Шатилов информировал Врангеля, что 23 марта великий князь Кирилл Владимирович подписал, но не опубликовал свой «Манифест». В нем высказывались обвинения в адрес великого князя Николая Николаевича, что, в свою очередь, разрушало надежды на улаживание династического вопроса и возглавление общего национального фронта именно Николаем Николаевичем с подчинением ему членов Императорской Фамилии, в том числе и великого князя Кирилла Владимировича. Шатилов докладывал, что этот раскол очень беспокоит монархические круги эмиграции. Среди членов Монархического объединения во Франции (председатель - А.Ф. Трепов) зреет мысль о своем политическом съезде, но не монархистов, а лиц, стоящих на платформе «национальной идеи», сообщал далее Шатилов, но их сдерживает отсутствие денежных средств, и они могут попросить отпустить их из Казны имени ЕГО Императорского Высочества (то есть от великого князя Николая Николаевича). В письме сообщалось и о конфликте между Высшим Монархическим Советом (Марковым П) и редактором «Русской Газеты» Ефимовским. Последний, по словам Шатилова, утверждал, что Марков его обманул, и хочет сблизиться с близкими к Армии кругами. 12 апреля 1924 года на заседании «Союза Офицеров-Участников Великой Войны» Ефимовский держался солидарно с позицией главного командования Русской Армии⁸⁰.

7 мая 1924 года Шатилов направил Врангелю из Анъера новое письмо. Главной темой вновь являлось престолонаследие и «Манифест» великого князя Кирилла Владимировича. Шатилов сообщал, что в среде правых эмигрантских организаций готовится вопрос и указание о незаконности этого «Манифеста» и о каком-либо законном

праве его автора на престол. Единственным носителем какой-либо законной власти, оставшейся со времени Императорской России может быть лишь великий князь Николай Николаевич, ибо он был назначен последним монархом (Николаем II) верховным главнокомандующим Русскими вооруженными силами, и это решение не было отменено Николаем II, но отнято у князя Николая Николаевича Временным правительством⁸¹.

В мае 1924 года в русской эмигрантской и иностранной печати было опубликовано заявление великого князя Николая Николаевича, изложенное им в беседе с директором американского агентства «Ассошиэтед Пресс». Характеризуя тяжелое положение, сложившееся в России, он, вместе с тем, высказал убежденность, что за эпохой разрушения должна начаться созидательная работа. «Мы не должны здесь, на чужбине, предекать за русский народ коренных вопросов его государственного устройства, - заявил великий князь. - Они могут получить разрешение только на русской земле в согласии с чаяниями русского народа». Определяя в то же время контуры будущего обустройства России и организации власти, великий князь Николай Николаевич указывал, что власть должна быть национальной, внеклассовой и внепартийной, быть твердой и сильной, но в то же время справедливой и просвещенной, она должна стать на охрану священной, праволичной и гражданской свободы, собственности, правопорядка. В заявлении констатировалось право народов, входящих в состав российского государства, на свободное развитие их национальной жизни. Касаясь одного из ключевых вопросов российской жизни - земельного вопроса, великий князь заявлял, что земля, которой пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята, и высказывался за закрепление ее в полную их собственность новой государственной властью. Он указывал и на невозможность взыскания с крестьян того, что погибло или было расхищено в начале революции.

Что касается организации и будущего российской промышленности, то великий князь в своем заявлении высказывался за право собственности и инициативы. Центральный вопрос, который, очевидно, был поставлен американским собеседником и на который отвечал великий князь, был связан с призывом его соотечественников к нему встать во главе движения во имя освобождения Родины. «Я ничего не ищу для себя и, как старый солдат, могу только сказать, что я готов отдать все свои силы и жизнь на служение родине, - заявлял великий князь Николай Николаевич. - Но стать во главе национального движения я сочту возможным только тогда, когда убежусь, что наступило время и возможность для принятия решения в соответствии с чаяниями русского народа»⁸².

Тем временем продолжались контакты генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича. И именно ему главнокомандующий Русской Армии направил летом 1924 года проект документа о создании Русского Обще-Офицерского Союза. Но ответа не получил. Проблема взаимоотношений великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля и в связи с этим положение в армии вызывала в это время большой интерес и немало версий и сплетен в эмиграции. Например, генерал Лампе сообщал из Берлина в Париж генералу Миллеру, что на заседании Высшего Монархического Совета обсуждался вопрос о том, что генерал Врангель, якобы, приезжал в Париж и предъявил ультиматум великому князю Николаю Николаевичу с требованием назначить себя его заместителем, угрожая в ином случае изъять переданные ему материальные средства. Из этих же кругов распространялись слухи, что главнокомандующий, якобы, «затирает» великого князя и т.п.⁸³

Соратники генерала Врангеля - генералы Миллер и Хольмсен, поддерживавшие в то же время известные контакты с великим князем Николаем Николаевичем, все решительнее ставили вопрос о необходимости выяснить отношение великого князя к собиранию офицерства в эмиграции: намерен ли он объединить офицерство вокруг Армии или вне ее, с подчинением определенному лицу. Выяснив это мнение, необходимо сделать его достоянием офицерства, указывал генерал Миллер в июньском (1924 г.) письме Врангелю⁸⁴, добавляя, что пока имя великого князя используется для прикрытия частных авантюр.

В докладной записке, подготовленной генералом Миллером и поданной генералом Хольмсенем великому князю Николаю Николаевичу 12 июля 1924 года, указывалось, что еще в мае 1923 года Врангель объявил, что видит в лице великого князя Главу национального движения, за которым он поведет Армию в полной уверенности, что все зарубежное воинство с восторгом откликнется на зов своего бывшего Верховного Главнокомандующего. При этом Врангель стремился объединить разбросанное военное офицерство вокруг Армии как единственного военного центра. Но Высший Монархический Совет, указывалось в этом же послании, счел возможным обратиться к офицерству через голову Главнокомандующего и старших начальников, убеждая их, что они могут и не считаться с мнением генерала Врангеля. В результате взамен объединения вокруг Армии вызревала перспектива создания мощного единого офицерского союза с центром в Париже. Средством привлечения монархистами офицеров на свою сторону стал лозунг «За Веру, Царя и Отечество», и именно это воплотилось в документе, составленном Союзом русских офицеров-участников Великой войны в Королевстве СХС 18 мая 1924 года. В заявлении в печати, опубликованном в газете «Вера и Верность» (№42) указывалось, что этот документ будет представлен великому князю Николаю Николаевичу как жалоба на главнокомандующего. Подобное выступление Белградского Союза против главнокомандующего имело влияние и на другие страны. В итоге, в докладной записке подчеркивалось, что офицерство ждет от великого князя ответа - кто прав: генерал Врангель, выступающий против партийного и группового раскола офицерства, или монархисты. В этом же документе указывалось и на движение великого князя Кирилла Владимировича, объявившего о создании своих «Императорских Российской Армии и Флота». Борьба с подобными настроениями, направленными на то, чтобы оторвать офицерство от Армии и Главнокомандующего, указывалось в докладной записке, генерал Врангель мог бы, заявив, что следует по одобренному великим князем Николаем Николаевичем пути⁸⁵. Изложив существо проблем, авторы документа ожидали ответа и последнего слова великого князя Николая Николаевича.

Таким образом, в расколоте раздорами эмиграции, в острой борьбе с политиками разных направлений и в том числе с монархистами, подвергаясь нападкам с разных сторон, генерал Врангель искал точку опоры для сохранения Русской Армии, правда в ином виде, и объединения вокруг нее бывших военнотружущих Императорской и белых армий. Именно это, по его мнению, оставляло шанс на продолжение борьбы с большевиками и возвращение с оружием в руках и в качестве победителей в Россию. Понимая свои ограниченные возможности, так как он виделся многим в эмиграции лишь как командующий одной из белых армий периода Гражданской войны, и будучи монархистом по своим политическим убеждениям, генерал Врангель стремился найти поддержку в Императорском Доме Романовых и персонально в лице великого князя Николая Николаевича. Только это, по его убеждению, могло спасти армию и объединить эмиграцию для нового этапа борьбы с советской властью при поддержке иностранных сил.

Глава 2. УЧРЕЖДЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА: ЕГО СОСТАВ, СТРУКТУРА И ЛИДЕРЫ

Российское эмигрантское сообщество было пронизано разнообразными противоречиями. Интрига внутривластной борьбы в эмиграции получила новое развитие 31 августа 1924 года, когда великий князь Кирилл Владимирович издал Манифест о принятии на себя титула «Императора Всероссийского». Это решение углубило раскол в Императорском Доме в Русском Зарубежье. Императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич решительно осудили это заявление¹. Все вышесказанное, в свою очередь, оказало сильное влияние на последующие события и развитие процессов в политических и военных кругах российской эмиграции.

Истины ради, следует заметить, что провозгласивший себя императором всероссийским под именем Кирилл I великий князь Кирилл Владимирович не был серьезной политической фигурой, способной объединить Российское Зарубежье. И это объяснялось целым рядом причин. Еще в начале века он вопреки династическим традициям и запрету православной церкви женился на своей двоюродной сестре Виктории-Мелите, герцогине Саксен-Кобургской, к тому же ранее уже состоявшей в браке и разведенной, за что был лишен императором Николаем II права на престолонаследие. В эмиграции хорошо помнили и его поведение после победы Февральской революции, когда во главе Гвардейского флотского экипажа, его командир и контр-адмирал великий князь Кирилл Владимирович с красным бантом на груди поспешил присягнуть на верность Временному правительству.

В эмиграции самозванного монарха иронически именовали «царь кобургский», по названию месторасположения родового поместья его супруги Виктории Федоровны, герцогини Саксен-Кобургской. Она активно продвигала мужа на российский императорский престол. Супруги поддерживали тесные связи с монархически настроенными кругами германских военных, надеясь при их помощи реализовать свои глобальные планы. В 1922 году в Кобург для участия в торжествах по случаю «дня Германии», устраиваемых Викторией, приезжал лидер НСДАП, будущий фюрер фашистской Германии А. Гитлер. Герцогиня, в свою очередь, посетила несколько слетов германских штурмовиков. Впрочем, подобные политические игры весьма не нравились властям Баварии, которые спустя несколько лет заставили великого князя покинуть пределы своей земли.

Но, вернувшись в 1924-й год, заметим, что самопровозглашение великого князя Кирилла Владимировича российским императором вызвало известное смятение в эмиграции. Видный юрист и сподвижник генерала Врангеля И.А. Ильин вскоре подготовил Записку с анализом Манифеста, доказывая его юридическую и политическую несостоятельность и указывая также на личную непопулярность претендента на российский престол. В заключение этого документа высказывалась надежда на то, что «эта затея будет столь же исторически несостоятельна, сколь политически эфемерно ее начало»². Так или иначе, но издание Манифеста от 31 августа 1924 года привело к углублению раскола в российской эмиграции и в том числе в ее военных кругах.

На следующий день после провозглашения Манифеста Кирилла Владимировича произошло другое знаковое событие в жизни эмиграции и прежде всего формирующегося Российского военного Зарубежья. Генерал Врангель собрал в своей резиденции в Сремских Карловцах 1 сентября 1924 года высших чинов армии и огласил текст приказа № 35 о создании Русского Обще-Воинского Союза. Это была организация более широкого состава, нежели планируемый ранее к созданию Русский Обще-Офицерский Союз, хотя офицерство и должно было составить ядро РОВСа. Сам термин «общевоеинский» означал, что в Союз могли и должны были войти военнослужащие различных родов войск, армии и флота, а также казачество, которое и сейчас в эмиграции старалось держаться особняком. РОВС призван был объединить в своем составе (вокруг генерала Врангеля и его Русской Армии) солдат и офицеров бывшей Императорской, белых армий и других антибольшевистских воинских формирований. По замыслу своему

Русский Обще-Воинский Союз должен был, если и не собрать в своих рядах всю военную эмиграцию, то, по крайней мере, стать ее ведущей организацией и объединяющим ядром и ускорить процесс формирования Российского военного Зарубежья как единого целого, сплоченного общностью воинских традиций, потребностью взаимопомощи и взаимоподдержки, объединения русских военнослужащих на чужбине, в странах русского рассеяния, сохранения их боевого братства, а самое главное - во имя продолжения борьбы с советской властью и возвращения с оружием в руках и с победой на родину.

В Русский Обще-Воинский Союз включались все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельные воины, не могущие по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества и союзы, пожелавшие числиться в составе Русской Армии. Внутренняя жизнь отдельных организаций сохранялась в неизменном виде, а РОВС выступал в качестве объединяющей их структуры. Таким образом, с Русской Армией в состав РОВСа объединялись все те воинские организации, которые до этого не имели с ней связей. Общее управление делами РОВСа возлагалось на штаб главнокомандующего Русской Армией. Было создано пять территориальных отделов РОВСа.

В этот же день, 1 сентября 1924 года был принят еще ряд документов о Русском Обще-Воинском Союзе. В утвержденном генералом Врангелем «Временном положении о Русском Обще-Воинском Союзе» цель его определялась следующим образом: «...объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов старой Императорской Армии». Задачи Союза сводились к укреплению начал воинской дисциплины, к общему руководству и согласованию деятельности обществ и союзов, воинских частей и отдельных групп, вошедших в его состав, а также к оказанию материальной и моральной помощи своим членам. Во главе РОВСа в соответствии с Временным положением стоял главнокомандующий Русской Армией. Отделы Союза возглавляли председатели, назначаемые главнокомандующим и подчиняющиеся ему непосредственно³. С учреждением Русского Обще-Воинского Союза понятия РОВС и Армия начинают отождествляться и, как указывалось в «Справке о РОВС», подготовленной несколько лет спустя, «Армия стала Р.О.В.Союзом»⁴.

Таким образом, создание РОВСа должно было укрепить позиции генерала Врангеля, вставшего во главе новой организации. Чтобы повысить авторитет и влияние Русского Обще-Воинского Союза среди военнослужащих, способствовать развитию объединительных процессов в военной эмиграции вокруг РОВСа и избежать ненужных политических интриг и инсинуаций, генерал Врангель обратился к великому князю Николаю Николаевичу с предложением стать почетным председателем Союза⁵.

Разъясняя в сентябре своим сподвижникам смысл создания РОВСа, генерал Врангель, подчеркивал, что образование этого единого и мощного Союза «венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с Русской Армией и, сохраняя ныне существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, приводит все в стройную систему». Врангель особо подчеркивал, что образование РОВСа «подготавливает возможность на случай необходимости, под давлением общей политической обстановки, принять Русской армией новую форму бытия, в виде воинских союзов». Это позволяло Армии, по его убеждению, существовать в этом виде при любой политической обстановке⁶.

Выступая 13 сентября 1924 года в Париже на конференции Национального союза с докладом об армии, ближайший сподвижник Врангеля генерал Миллер указывал, что с изменением политической обстановки «изменились условия жизни Армии, изменяются формы, в которые выливается временно организация нашей Русской, хотя и не вооруженной, но военной силы, но сама Армия остается той же, и в силу закона притяжения масс, она ширится и развивается вовлечением в свою орбиту бывшего ранее разбросанного, а ныне постепенно организовываемого зарубежного русского офицерства».

Докладчик отметил, что офицерские союзы существуют во всех странах Европы, где разрешено их образование: в Сербии, Болгарии, Греции, Венгрии, Германии, Бельгии, Франции, Англии, Италии, Дании, вольном городе Данциге. В ряде стран их создание не было разрешено - Чехословакия, Польша, Финляндия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония. Офицерство в своем тяготении к взаимному сближению находило выход в создании рабочих артелей или группировалось вокруг авторитетных офицеров, и, подчеркивал генерал Миллер, - «отовсюду «тянутся нити к Главному Командованию». Утверждая, что почти все офицерство в политическом отношении объединяет антибольшевизм, генерал Миллер, вместе с тем, указал на недопустимость принадлежности офицеров к той или иной политической группировке, ибо это вносит раздоры и споры в офицерскую среду. «Армия стоит на трех китах, - подчеркивал он: 1) абсолютная непримиримость с советской властью; 2) безграничная жертвенность всех чинов ее ради спасения родины; 3) горячая вера в высокое призвание Армии, верность национальному знамени, полное доверие к своему Главнокомандующему и радостное нетерпение следовать по указанному им пути за Великим Князем Николаем Николаевичем»⁷.

Генерал Врангель продолжал в это время поддерживать контакты с великим князем Николаем Николаевичем, надеясь убедить его встать во главе антибольшевистской борьбы с опорой на Русскую армию и РОВС. Это способствовало бы и повышению их статуса и авторитета в российской эмиграции, и решению сложных вопросов, стоявших перед ними. 12 сентября 1924 года генерал Врангель пишет великому князю письмо, которое напоминает попытку объясниться и выработать общие позиции в отношении дальнейшего взаимодействия. Главнокомандующий упоминал, что испрашивал у него указания по некоторым вопросам, но, не получив их, принимал самостоятельные решения, руководствуясь стремлением к объединению Зарубежного воинства Армии. В последнее время, продолжал генерал, «некоторые круги» вынашивали мысль о необходимости «объединения Зарубежного воинства вне Армии и ограничения деятельности Главнокомандующего лишь заботами о воинских частях», ссылаясь при этом, что действуют, руководствуясь высказываниями великого князя. В итоге перед каждым офицером встал вопрос, «держаться ли Армии или объединяться вне Армии». Все это привело его, объяснял генерал Врангель, к отдаче приказа от 1 сентября (о создании РОВСа), но он считает возможным внести в него изменения, если бы руководство согласилось принять великий князь. Автор письма указывал, что лицо, которое великому князю угодно было бы поставить во главе Союза, стало бы в зависимости от главнокомандующего. Как бы резюмируя изложенное в письме и не исключая попытки разъединения воинских союзов и главнокомандования, Врангель пишет: «Приемлю смелость доложить Вашему Императорскому Высочеству, что решение о выделении воинских союзов из ведения Главного Командования было бы ошибочно, что этим не будет предотвращено дальнейшее расслоение офицерства..»⁸.

Предложения генерала Врангеля, характер и возможные способы взаимоотношений великого князя Николая Николаевича с Русской Армией и Русским Обще-Воинским Союзом становятся предметом продолжительных размышлений последнего и вызывают особенно большой интерес и оживленное обсуждение в его окружении. 18 октября 1924 года генерал П.К. Кондзеровский направляет великому князю послание, связанное с письмом генерала Врангеля от 12 сентября, в котором обобщенно излагает историю армии и воинских союзов в эмиграции и высказывает предложения о целесообразных действиях.

Кондзеровский связывал начало создания союзов и обществ с концом 1920 года, когда генерал Врангель, наблюдая, что значительная часть чинов отрывается в эмиграции от своих воинских частей, стремился объединить их вокруг офицерских союзов и обществ. Главным ядром их являлись Балканы, где высадилась и расселилась Русская Армия. Но автор послания указывал, что одновременно с этими союзами стали зарождаться и другие, главным образом в Западной Европе, где число чинов Русской Армии Врангеля первоначально было весьма незначительным и преобладали чины других Белых армий или лица, не принимавшие участия в Гражданской войне. Одни из этих сою-

зов, отмечал Кондзеровский, довольно спокойно отнеслись к включению в состав Армии Врангеля, другие - неохотно, а третьи - даже с некоторым упорством, и в результате несколько союзов до настоящего времени не вошли в состав его армии и таким образом в РОВС. В дальнейшем, все офицерские союзы и общества были объединены Врангелем в две большие группы: 1) Западноевропейские во главе с генералом Миллером, подчиненным непосредственно Врангелю, и 2) Балканские, подчиненные непосредственно Врангелю. В каждой отдельной стране существующие союзы и общества объединялись в лице представителя генерала Врангеля в этой стране, подчиненного генералу Миллеру или начальнику штаба главнокомандующего. Следующим шагом стало создание РОВСа, в котором выделялись пять отделов, три из которых через своих председателей подчинялись прямо генералу Врангелю, а два (1-й и 3-й) подчинялись Врангелю через генерала Миллера.

Характеризуя сложившуюся в настоящее время ситуацию, генерал Кондзеровский указывал, что «офицеры, несмотря на тяжелые условия существования, с равным единодушием предоставили себя в полное распоряжение Вашего Императорского Высочества», и этот вопрос требует быстрого разрешения и самым безболезненным способом. По мнению автора послания, приказ № 35 о РОВСе включал в него уже вошедшие в состав Русской Армии воинские союзы и общества или те, которые пожелают войти в нее. Все остальные оставались как бы необъединенными и брошенными на произвол судьбы. Поэтому Кондзеровский предлагал озаботиться объединением именно этих союзов, которых приказ № 35 не коснулся. Для этого он считал необходимым передать их под названием «Объединенные Русские Офицерские Организации» в ведение особого генерала, назначенного по указанию великого князя «из числа старейших генералов Российской Армии». В заключение приближенный к великому князю автор письма запрашивал его: «Благоугодно ли будет Вашему Императорскому Высочеству одобрить представляемые соображения и в утвердительном случае преподать указания о возглавлении «Объединенных Русских Офицерских Организаций». На этом документе имеется пометка: «Доложено и в общем одобрено»⁹.

Вслед за этим в Шуаньи, в окружении великого князя рождается целый ряд проектов, касающихся взаимоотношений с генералом Врангелем, Русской Армией и РОВСом. Все войсковые части и группы Русской Армии, находящиеся в Балканских государствах и переселяемые в другие страны, предлагалось оставить в подчинении Врангелю как главнокомандующему. Все офицерские союзы и общества в странах Западной Европы и в других частях света предполагалось изъять из состава РОВСа, объединив их под названиями: «Русские офицерские общества, находящиеся в Западной Европе» или «Русские офицерские общества, находящиеся в Западной Европе и в других частях света», или «Объединение Русских Офицерских Организаций». Для объединения деятельности организаций, не входящих в состав Русской Армии и оставшихся вне приказа № 35, предлагалось назначить особое лицо, как один из вариантов оно именовалось Начальником канцелярии «Объединенных Русских Офицерских Организаций» (ОРОС). Судя по всему, уже упомянутый выше генерал Кондзеровский играл во всем этом особую роль, поэтому в одном из таких подготовленных проектов распоряжения великого князя указывалось: «Таким человеком (начальником канцелярии ОРОС - В.Г.) я избираю генерала Кондзеровского; в необходимых случаях он будет получать указания от меня». К проектам, рождавшимся в окружении великого князя, прилагались схемы руководства и управления офицерскими организациями¹⁰.

5 ноября 1924 года генерал Врангель получил телеграмму от Е.К. Миллера, в которой сообщалось, что великий князь Николай Николаевич просит его срочно прибыть во Францию и остановиться в его замке в Шуаньи. Одновременно он информировал главнокомандующего, что отношение к нему изменилось от враждебного к благожелательному¹¹. Утром 9 ноября генерал Врангель прибыл в Париж, где на железнодорожном вокзале его встречали генералы Миллер, Шатилов, Хольмсен и Фок. Затем на автомобиле он отправился в Шуаньи на встречу с великим князем. 13 ноября генерал Врангель прибыл в его резиденцию. Собеседники обсудили ряд вопросов, требующих

немедленного решения. 16 ноября Николай Николаевич отдал барону распоряжение, в котором, ссылаясь на письмо императрицы Марии Федоровны от 7/20 октября 1924 года, призвал всех одинаково мыслящих с Ее Величеством и им самим «объединиться и продолжить работу на дело Спасения России». «Для полного объединения в моем лице всех военных, - заявил великий князь, - принимаю на себя руководство через Главнокомандующего, как Армией, так и всеми военными организациями». Все приказания войсковым частям и военным организациям должны были отдаваться им через главнокомандующего. Впредь все начальники отдельных частей, военных учреждений, заведений и организаций, председатели офицерских союзов и объединений должны были уже не избираться, а назначаться великим князем Николаем Николаевичем.

Распоряжение великого князя Николая Николаевича от 16 ноября 1924 года не предназначалось для печати. Но завершалось оно следующими словами: «Приказываю Главнокомандующему объявить настоящее мое распоряжение всем, кому надлежит, к точному и неуклонному исполнению»¹². Заметим, что начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича капитан II ранга Г. Граф поспешил сделать заявление, в котором объявил действия великого князя Николая Николаевича антиимператорскими.

В ходе встречи с генералом Врангелем великий князь Николай Николаевич заявил о недопустимости одновременного пребывания воинских чинов в Армии, Русском Обще-Воинском Союзе, а, с другой стороны, в политических организациях. Но для поддержания связей с дружественными политическими организациями, каждой военной организации разрешалось допускать отдельных своих членов в эти организации по выбору председателей военных организаций и с согласия отделов РОВСа¹³. Вводимая система назначения руководителей воинских учреждений и организаций, офицерских союзов и объединений великим князем должна была означать переход к воинскому началу и конец выборного начала, свойственного для общественных организаций. Общее руководство деятельностью в отдельной стране или в группе стран должен был осуществлять руководитель соответствующего отдела РОВСа. При председателях отделов Союза допускалось создание так называемых «Советов», переименовываемых в «Советания при председателе отдела», чем подчеркивался их совещательный характер. Это, в свою очередь, должно было облегчить председателям отделов РОВСа единообразное выполнение распоряжений главнокомандующего.

Врангель передал в ведение великого князя как верховного главнокомандующего все денежные средства, материальные ценности, бывшие у него и обеспечивавшие существование армии и помощь офицерским союзам и обществам. Кроме того, для ведения антибольшевистской борьбы в 1924 году была основана «Казна Великого Князя Николая Николаевича» (иное бытовавшее наименование - «Казна национального вождя - Великого Князя Николая Николаевича») и был объявлен сбор средств в нее. В дальнейшем она стала именоваться «Фондом Спасения России»¹⁴. Генерал Миллер был определен в качестве докладчика по сметным предложениям, а вскоре он был освобожден от должности помощника главнокомандующего и назначен заведующим финансовой частью при великом князе Николае Николаевиче. В непосредственном подчинении генерала Миллера находился бывший начальник финансового отдела Русской Армии А.И. Цакони. Один раз в месяц Миллер делал великому князю доклад о состоянии финансов РОВСа.

30 ноября 1924 года были изданы рескрипты великого князя, в соответствии с которыми выстраивалась структура управления Армией и были определены лица, ответственные за эту деятельность: генералы Кутепов и Скалой состояли в распоряжении великого князя; генерал Миллер, как уже упоминалось, назначался заведующим финансовой частью с непосредственным докладом у Его Высочества; генерал Кондзеровский назначался начальником канцелярии великого князя по военным вопросам¹⁵. Информация об этом была сообщена генералу Врангелю.

П.Н. Врангель положительно оценил происшедшее в результате встречи в Шуаньи и в посланиях своим ближайшим сподвижникам - генералам Шатилову и Кусонскому, а также Н.Н. Чебышеву, писал: «Неясному, двойственному положению, длив-

шесю более 1 1/2 года, положен предел... Великий Князь, принимая на себя руководство зарубежным воинством, будет окружен близкими Армии людьми, людьми, которым особенно близки ее интересы... Рубикон, наконец, перейден»¹⁶.

И хотя выше автор этой книги уже неоднократно касался имени, жизни и деятельности великого князя Николая Николаевича, будет, видимо, целесообразно представить сейчас более подробную биографию и характеристику жизненного пути этого политического деятеля и военачальника. Он родился 16 (28) ноября 1856 года в Петербурге, в семье великого князя Николая Николаевича (Старшего), третьего сына императора Николая I и великой княгини Александры Петровны (урожденной принцессы Ольденбургской). То, что отец занимал видные посты в Русской армии (генерал-инспектор по инженерной части, а затем генерал-инспектор по кавалерийской части, командующий войсками гвардии и Петербургского военного-округа, главнокомандующий Русскими войсками на Европейском театре военных действий в Русско-турецкой войне 1877- 78 гг.), во многом предопределило и блестящую военную карьеру великого князя Николая Николаевича (Младшего). Смолоду он был зачислен в Лейб-гвардии гусарский Его Величества полк и в гвардейский саперный батальон. Получил военное образование в Николаевском военно-инженерном училище. В 1876 году блестяще, с серебряной медалью окончил академию Генерального штаба, в связи с чем его имя было выгравировано на мраморной доске академии. Был зачислен в офицеры Генерального штаба и назначен флигель-адъютантом при императоре Александре II. Участник Русско-турецкой войны 1877-78 гг., награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием. В 1884 - 94 годах командовал кавалерийским полком, затем бригадой и, наконец, дивизией. В 1893 году был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1894 году - в генерал-адъютанты. В 1895 - 1905 годах являлся генерал-инспектором кавалерии.

В 1905 году великий князь Николай Николаевич становится активным сторонником графа СЮ. Витте в предоставлении населению России конституционных прав. Это привело к тому, что у него появилось много врагов и недоброжелателей при Дворе. Одни считали, что он проявил слабость перед наступающими грозными революционными событиями, другие подозревали его в честолюбивых помыслах овладения тронном, третьи обвиняли его в «либерализме». В действительности великий князь оставался монархистом, хотя и считал возможным проведение определенных реформ и эволюцию абсолютной монархии в сторону конституционной. Что касается революции и революционеров, то он полагал необходимым использование оружия для предотвращения их попыток захвата власти.

В 1907 году великий князь женился на сестре жены своего брата Петра Николаевича, великой княгине Анастасии Николаевне, рожденной княжне Черногорской. Она воспитывалась в Петербурге, в Смольном Институте, и первым браком была замужем за принцем Георгием Лейхтенбергским. Ее брак с великим князем Николаем Николаевичем стал бездетным.

В 1905 году великий князь стал одним из инициаторов создания Совета государственной обороны, призванного координировать деятельность высших военного и морского управлений с деятельностью высших государственных учреждений по вопросам обороны и безопасности страны. С 1905 и по 1908 года он становится председателем Совета государственной обороны и возглавляет его до упразднения в 1908 году. Одновременно с вышеуказанным назначением великий князь Николай Николаевич стал главнокомандующим гвардией и войсками Петербургского военного округа, занимая эти должности до 1914 года. Он являлся и председателем Высшей аттестационной комиссии, в силу чего хорошо знал командный состав вооруженных сил.

Рубежной вехой в биографии великого князя Николая Николаевича стало его назначение верховным главнокомандующим Русскими армиями после начала Первой мировой войны. В соответствии с основными указаниями русского «Положения о полевом управлении войсками в военное время» в случае большой войны, угрожавшей существованию или достоинству русского государства, во главе всех вооруженных сил должен был стать действующий монарх, то есть Николай II. Но он не обладал ни должной

подготовкой и опытом, ни сильной волей и характером. Масштаб войны и интересы государства потребовали, чтобы монарх назначил верховного главнокомандующего из старших по возрасту, наиболее опытных в военном деле и близких к Армии великих князей. Безусловно, что наиболее достойным, уважаемым и опытным в военном деле среди членов Императорского Дома Романовых был великий князь Николай Николаевич. В пользу его кандидатуры высказывалось и правительство. В результате с 20 июля (2 августа) 1914 по 23 августа (5 сентября) 1915 года великий князь занимал должность верховного главнокомандующего. Война способствовал росту его популярности в армии, обществе и народе. И даже тяжелые поражения и «великое отступление» 1915 года преимущественно не связывались с его именем. Но именно эти события и стали формальным предлогом для Николая II, чтобы отстранить «дядю Николашу» (как его называли в ближайшем окружении монарха) от занимаемой должности. И, несмотря на возражения и увещания большей части министров, Николай II сам стал во главе Армии. Здесь сказались и давнее желание самого монарха непосредственно предводительствовать Армией, и интриги Двора против великого князя, и настояние императрицы, и, наконец, давнее стремление к этому и усилия влиятельного «старца» - Григория Распутина, ибо великий князь Николай Николаевич не давал ему вмешиваться в дела Армии.

Великий князь был назначен Кавказским наместником и главнокомандующим Кавказской отдельной армией. Его победы над турками способствовали росту его популярности в армии и обществе. В начале марта 1917 года он был одним из главнокомандующих, которые советовали Николаю II отречься от престола. Это предьявлялось великому князю в дальнейшем в качестве обвинения некоторой частью эмиграции. Своим последним решением отрекающийся монарх вновь назначил великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим Русскими армиями. И хотя последний принял это назначение, о чем уведомил председателя Временного правительства князя Львова и прибыл 11 (24) марта в Ставку, но в тот же день правительство объявило о состоявшемся отстранении его от этой должности, мотивируя это тем, что народное мнение решительно и настойчиво выступает против назначения кого-либо из Дома Романовых на государственные должности. Великий князь не стал возражать, и глубоко уязвленный отошел в сторону.

Он уехал в Крым, где пережил большевистскую революцию, а затем германскую оккупацию. По утверждению генерала Ю.Н. Данилова, возглавивший Добровольческую армию генерал М.В. Алексеев приглашал великого князя Николая Николаевича встать во главе армии. Но тот ответил, что хотя и считает борьбу против большевиков, как интернационалистов, принципиально допустимой, но может стать во главе войск лишь тогда, когда это будет отвечать желаниям широкого национального объединения. «Если меня примет Добровольческая армия, но против меня будет Сибирская армия, - то в братоубийственную войну из-за своей личности я не пойду», - ответил великий князь посланцу генерала Алексева¹⁷.

В конце марта 1919 года на английском дредноуте «Мальборо» великий князь Николай Николаевич отбыл через Константинополь в Италию. С 1922 года он проживал в Антибе (Франция), а в 1923 году переехал поближе к Парижу - в Шуаньи. В эмиграции великий князь Николай Николаевич пользовался большой популярностью и прежде всего у бывших военнослужащих Императорской армии, для которых он оставался верховным главнокомандующим эпохи Великой войны. В нем видели некую объединяющую фигуру представители различных политических сил Русского Зарубежья. Великий князь, указывал, что к нему постоянно обращаются с разных сторон, и его совет требует, чтобы он выполнил свой долг, если может оказаться полезен для целей объединения. Но он не может связывать этого дела с какой-либо партией, классовыми или личными интересами, а может служить только родине в целом. Особые надежды возлагали на великого князя Николая Николаевича монархисты. Сам он, безусловно, придерживался монархических убеждений, хотя, как уже указывалось ранее, еще в 1905 году не чужд был и идеи предоставления конституционных прав для народа. Но в эмиграции он призывал прежде всего к объединению во имя России, не предпринимая ее

будущего государственного устройства. Это должно было произойти уже на родине после освобождения ее от большевиков¹⁸. Тем не менее, его имя активно использовалось правыми кругами эмиграции и монархистами, и в том числе для борьбы с генералом Врангелем. Их упорно сталкивали друг с другом, и об этом еще пойдет речь в дальнейшем.

Приказом генерала Врангеля № 53 от 3 декабря 1924 года объявлялось содержание распоряжения великого князя Николая Николаевича от 16 ноября и вносились дополнения в приказ № 35 о создании Русского Обще-Воинского Союза. Все военные организации, сохраняя свои названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления, установленный действующими уставами, должны были иметь ныне председателя не «выборного», а назначенного великим князем Николаем Николаевичем. «Выборность» членов правлений сохранялась, но председателю союза (общества) предоставлялось право их отвода. Замена членов правления осуществлялась путем замещения или выборов. Общее руководство деятельностью всех военных организаций в данной стране или группе стран осуществлялось председателями отделов РОВСа, назначаемыми великим князем Николаем Николаевичем. При них создавались в качестве совещательных органов особые «совещания» из председателей союзов, обществ и начальников военных организаций, входящих в данный отдел, и русских военных представителей в этих странах. Положение о Совещаниях при председателях отделов было утверждено председателем РОВСа генералом Врангелем. Полковые объединения, создаваемые в разных странах, сохранялись, но их руководители также назначались¹⁹.

В конце ноября - первой половине декабря 1924 года генерал Врангель провел в Париже и Берлине ряд встреч и совещаний с председателями организаций, согласных подчиниться руководству его и великого князя Николая Николаевича, начальниками войсковых групп, офицерских союзов, обществ и объединений, разъясняя суть происшедшего на встрече в Шуаньи. В ходе пребывания барона в Германии, где его влияние было невелико, он особо подчеркивал, что Русская Армия является единой. Нет Северной, Южной, Юго-Западной и Восточной армии, Врангеля и Юденича, утверждал барон. Все белые армии были по духу Единой Русской национальной армией, во главе которой ныне находится генерал Врангель, облеченный доверием великого князя Николая Николаевича, - сообщалось в информационных сводках РОВСа²⁰.

В ходе пребывания генерала Врангеля в декабре 1924 года в Берлине состоялся ряд его встреч с политическими и общественными деятелями эмиграции. 15 декабря на квартире начальника II отдела РОВСа генерала фон Лампе был организован «официальный чай» для русских политических деятелей. В этой встрече участвовало и большинство членов Высшего Монархического Совета (кроме его председателя Н.Е. Маркова 2-го, находившегося за пределами Германии), отношения которого с генералом Врангелем носили сложный и напряженный характер. Но во время состоявшегося затем ужина все присутствующие члены ВМС, как свидетельствовал фон Лампе, приветствовали председателя РОВСа, а А.М. Масленников договорился даже до того, что пожелал видеть генерала Врангеля «во главе России».

Изложенное выше, впрочем, не означало урегулирования отношений РОВСа и его председателя, с одной стороны, и Высшего Монархического Совета, с другой. Более того, представители ВМС не участвовали в официальном чествовании и банкете по случаю прибытия генерала Врангеля в Берлин, состоявшемся 16 декабря. Этому предшествовала страстная полемика на заседании оргкомитета по организации чествования председателя РОВСа. Представители ВМС настаивали, чтобы первый тост на банкете был провозглашен за великого князя Николая Николаевича, так как сама возможность приветствовать генерала Врангеля появилась у них с момента его назначения великим князем на должность главнокомандующего. Только с этого момента он перестал быть для ВМС «самозванцем». Но члены оргкомитета по организации чествования генерала Врангеля отвергли предложение Высшего Монархического Совета, полагая, что такой тост вызовет очередное выступление сторонников великого князя Кирилла Владимиро-

вича. А все это превратит банкет в «посмешище для левых кругов». Добавим, что представителя последних проигнорировали чествование генерала Врангеля в Берлине²¹.

Создание Русского Обще-Воинского Союза и деятельность его председателя генерала Врангеля вызывали весьма неоднозначную реакцию в политических кругах эмиграции и, в частности, среди монархистов. Заметим, что в Берлине так и не состоялась встреча генерала Врангеля и председателя Высшего Монархического Совета Маркова 2-го, который вернулся в столицу Германии в конце пребывания там председателя РОВСа и ожидал его появления с визитом у себя. Но генерал Врангель проигнорировал лидера ВМС, видимо, памятуя его предшествующие резкие нападки в свой адрес. Что касается их дальнейших отношений, то генерал фон Лампе оказался прав, предсказывая, что монархисты, освещая для Парижа (великого князя Николая Николаевича) пребывание генерала Врангеля в Германии, будут подчеркивать его «бонапартизм» и «дискредитирование имени великого князя»²².

В опубликованном, например, в феврале 1925 года «Вестнике кружка русских верноподданных на юге Франции» была помещена статья «К чему сводится Монархизм генерала Врангеля». Во время последней поездки в Берлин, указывалось в ней, он обходился молчанием как роль великого князя Николая Николаевича, так и монархическое движение вообще. Врангель стремится проводить на первый план Русскую Армию и свою личность, как самоцель, довлеющую при всяком государственном строе в России, утверждали авторы. Врангеля обвиняли в том, что он считает нецелесообразным базироваться исключительно на монархически настроенные круги эмиграции, а ищет контакта с ее демократическими элементами, не смущаясь их партийной окраски, и в том числе с эсерами (в качестве примера приводилось его взаимодействие в Белграде с военной организацией полковника Махина, старого эсера, действовавшего в свое время в районе Иркутска и имевшего, якобы, отношение к гибели адмирала Колчака)²³.

Осенью 1924 года в соответствии с приказом генерала Врангеля № 35 от 1 сентября началось формирование отделов Русского Обще-Воинского Союза. В тот же день его приказом № 37 были назначены председатели отделов Союза. Заметим, забегая вперед, что своим приказом от 31 июля 1925 года генерал Врангель предписал именовать председателей отделов РОВСа более строгим воинским термином - начальники²⁴.

I отдел РОВСа должен был объединить в соответствии с приказом Врангеля №35 офицерские союзы и общества, войсковые части и группы, расположенные на территории Франции, Англии, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии. Его возглавил генерал Миллер, оставшийся по совместительству помощником главнокомандующего Русской Армии. В январе 1925 года в связи с упразднением III отдела РОВСа в состав I отдела вошли также союзы, расположенные в Польше, Данциге, Эстонии, Литве, Латвии. В орбиту влияния I отдела РОВСа вошло и руководство организациями русских военнослужащих, перевезенных на работы из Балканских стран и Польши. Первый отдел РОВСа стал самым крупным и влиятельным в этой организации, и его деятельности генерал Врангель уделял особое внимание.

Париж, где располагалось управление I отдела РОВСа, был одним из главных центров Русского Зарубежья и российской военной эмиграции, роль которого возрастала в 20-е годы по мере переезда во Францию бывших русских военнослужащих из других стран Европы. Хотя сам генерал Врангель и его штаб по-прежнему оставались в Королевстве СХС, но в Париже находились его уполномоченные и доверенные лица, управление I отдела РОВСа, включавшего в себя первоначально 15²⁵, а в дальнейшем 28 различных воинских организаций, союзов и обществ. Наконец, в Шуаньи, под Парижем проживал великий князь Николай Николаевич, осуществлявший через генерала Врангеля верховное руководство армией и военными организациями.

30 ноября 1924 года во Франции состоялось первое совещание офицерских обществ, после которого их вовлечение в Русский Обще-Воинский Союз резко активизировалось. Были предприняты большие усилия для легализации, как их деятельности, так и I отдела РОВСа в целом. Он был зарегистрирован французскими властями 12 марта 1925 года под названием «Union Generale des Anciens Combattants russes en

France»²⁶. Несколько лет спустя Русский Обще-Воинский Союз как единая организация был зарегистрирован в Париже под названием «Federation Generale des Associations des Anciens Combattants russes»²⁷. Власти Франции, состоявшие в это время из представителей центристских и правых политических партий, в целом благоприятно относились к русским эмигрантам, и в том числе к бывшим военнослужащим. Исключением стал лишь период 1924 -25 годов, когда у власти находился Левый блок (Картель Левых), а правительство возглавлял Э. Эррио, установивший дипломатические отношения с СССР, что осложнило на время положение эмиграции.

С 1923 по 1926 год во Францию организованными группами переехало из Сербии, Болгарии и Польши около 10 тысяч человек. За это же время одиночным порядком из названных стран во Францию прибыло не менее 1500 человек. С 1928 года, когда границы Франции вновь были открыты для иностранных рабочих, сюда начался новый переезд бывших русских военнослужащих и прежде всего из Болгарии. В 1928 году во Францию прибыло не более 500 человек из Болгарии, а из Сербии и Польши переезда почти не было²⁸. Эмигранты сосредотачивались главным образом в наиболее крупных центрах - Париже, Лионе, Марселе и др. В результате процесса перемещения военнослужащих из Болгарии и Сербии во Францию сюда полностью переехали Лейб-гвардии Казачий и Лейб-гвардии Атаманский дивизионы, а также штабы целого ряда частей и соединений, например, 1-го армейского корпуса, Корниловского ударного полка, Марковского полка и ряда других. Все это сопровождалось большой работой по расселению и материальной поддержке военнослужащих, осуществлением мер их юридической защиты, созданием клубов, читален, библиотек, выпуском информационных бюллетеней и т.п. Вся эта работа по организации переезда и устройства русских воинских чинов во Франции находилась со стороны РОВСа под контролем генерала Шатилова.

После перехода генерала Миллера на должность начальника финансовой части при великом князе Николае Николаевиче он сдал 13 декабря 1924 года должность председателя I отдела РОВСа генералу Шатилову, который стал по поручению генерала Врангеля временно исполнять эти обязанности впредь до назначения особого лица. Руководство именно этим, во многом ключевым отделом РОВСа, стало предметом острой борьбы между генералом Врангелем и окружением великого князя Николая Николаевича. Врангель предполагал видеть в качестве начальника I отдела своего давнего и доверенного сподвижника генерала Шатилова. Но великий князь и его окружение вынашивали планы продвижения на эту должность престарелого, но близкого Николаю Николаевичу генерала графа А.А. Адлерберга, который был специально вызван им в конце января 1925 года из Загреба в Париж, «дабы лично убедиться в его физической пригодности» новому назначению.

Узнав об этом, Врангель категорически протестует, указывая в письме начальнику военной канцелярии при великом князе генералу Кондзеровскому, что от начальника I отдела требуется широкий кругозор, исключительная работоспособность, он должен близко стоять к войсковым частям. Их число, напомним, быстро росло в связи с переездом сюда отдельных воинских чинов и групп военнослужащих из других стран. 19 февраля Кондзеровский пишет Врангелю, что великий князь отверг все семь предложенных на этот пост кандидатур (в том числе и генерала Шатилова) и называет мотивы, по которым это было сделано в отношении каждого из них. Касаясь Адлерберга, в письме указывалось, что если он физически хорошо сохранился, то является наиболее подходящей кандидатурой, ибо его высокие нравственные качества имеют в Париже первостепенное значение. Два помощника начальника отдела облегчат его работу. В заключении письма указывалось, что великий князь не лишает Врангеля права представлять кандидатов, но, если он не считает возможным остановиться на таковых, то может сам выбрать лицо для назначения на вакантную должность.

В ответном письме Кондзеровскому для великого князя главнокомандующий пишет, что согласен, если сам Николай Николаевич наметит лицо для назначения, но предварительно испросит его (Врангеля) мнение, - таков порядок старой Императорской армии. Он по-прежнему резко возражает против назначения графа Адлерберга на

эту должность, мотивируя это тем, что он из старых офицеров, и его имя незнакомо значительной части чинов. Находясь в Загребе на второстепенной должности - председателя Загребского отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС, Адлерберг, по данным Врангеля, справлялся с нею с трудом, и, тем более, вряд ли справится с работой на новом посту²⁹.

20 февраля генерал Врангель предлагает на пост начальника I отдела еще одну кандидатуру - военного представителя во Франции генерала И. А. Хольмсена. Он мотивирует это и таким весьма важным аргументом, как сокращение на одну треть расходов I отдела в результате совмещения должности его председателя с должностью военного представителя³⁰. 3 апреля 1925 года Врангель писал Шатилову: «Начальником I отдела будет генерал Хольмсен, но я горячо надеюсь, что ты по-прежнему, как и в бытность начальником I отдела генерала Миллера, останешься по существу моим ближайшим помощником, руководя работой I отдела. Учитывая свойства Ивана Алексеевича (Хольмсена - В.Г.), я полагаю, что это будет еще легче, чем в бытность начальником I отдела генерала Миллера»³¹.

Тем не менее, это назначение находилось в стадии обсуждения еще несколько месяцев. Генерал Адлерберг произвел по поручению великого князя обследование работы управления I отдела и сделал ему личный доклад. В свою очередь, генерал Врангель на личной аудиенции у великого князя 29 июня 1925 года доложил ему о сложившемся «неправильном положении», когда уже семь месяцев во главе наиболее важного отдела стоит лицо, лишь временно исполняющее эту должность, и ходатайствовал о желательности назначения генерала Хольмсена. 3 июля в письме Кондзеровскому Врангель вновь ставит этот вопрос. В конце концов, 8 июля начальник военной канцелярии великого князя сообщает главнокомандующему, что он доложил своему патрону об этом, и у того нет возражений. 11 июля Хольмсен проинформировал Кондзеровского, что вступил в исполнение должности начальника I отдела, приняв ее от генерала Шатилова. А 31 июля 1925 года генерал-лейтенант И. А. Хольмсен возглавил этот отдел РОВСа уже в соответствии с приказом Врангеля. Генерал Шатилов по приказанию главнокомандующего вступил в исполнение должности начальника рабочих групп и частей Русской Армии на территории Франции и Бельгии³².

Автор намеренно подробно остановился на развитии ситуации с назначением начальника I отдела РОВСа, чтобы показать, с одной стороны, те интриги и подковерную борьбу, которые сопровождали образование Русского Обще-Воинского Союза и решение кадровых вопросов в нем, а с другой, - сложное складывание взаимоотношений между генералом Врангелем и великим князем Николаем Николаевичем, что проявлялось и в технологии согласования новых назначений. Генерал Хольмсен занимал одну из ключевых в РОВСе должность начальника его I отдела до апреля 1930 года, когда (уже в бытность председателем Союза генерала Миллера) его сменил на этом посту генерал Шатилов. Но уже 5 апреля 1927 года генерал Врангель направил письмо Хольмсену, а 18 мая - официальный приказ о назначении генерала Шатилова, состоящего в его (Врангеля) распоряжении, по совместительству и начальником частей и групп Русской Армии во Франции. Сам Хольмсен должен был сосредоточиться на помощи безработным военнослужащим и изыскании средств для этого³³. Таким образом, реальная власть в I отделе РОВСа и контроль за развитием ситуации здесь сосредотачивались в руках доверенного лица Врангеля генерала Шатилова.

Имея сильные позиции во Франции, РОВС и его I отдел пользовались весьма слабым влиянием на территориях других подведомственных этому отделу европейских государств, где проживали бывшие русские военнослужащие. Генерал Хольмсен, сообщая о развитии ситуации начальнику штаба главнокомандующего генералу П. А. Кусонскому в декабре 1925 года, указывал, что в Польше и лимитрофных государствах, за исключением Данцига и отчасти Финляндии (организация во главе с полковником Архиповым, а фактически именно он с осени 1923 года являлся военным представителем здесь), не удалось создать постоянных организаций даже временного характера или организаций полувоенного характера. Причины заключались в отрицательном отношении

к этому местных властей, запрете создавать офицерские организации и местном шовинизме, проявлявшемся в арестах и высылках активистов РОВСа, влиянии советского правительства, позициях генералов Глазенапа, Новикова и др., пытавшихся от имени русских национальных организаций вести партизанскую борьбу на советской территории, а также сменой лиц в руководстве местных русских организаций и отсутствием преемственности в их деятельности³⁴.

II отдел Русского Обще-Воинского Союза состоял из офицерских обществ, союзов и войсковых групп, расположенных в Германии и Венгрии, а позднее и в Австрии. По данным генерала Архангельского на 1925 году, о вхождении в состав РОВСа заявили 4 воинские организации, существующие здесь³⁵. Председателем II отдела РОВСа был назначен генерал-майор А. А. фон Лампе, живший в Берлине.

Указывая на трудности становления и деятельности Русского Обще-Воинского Союза в Германии, фон Лампе писал в 1924 году генералу Миллеру: «Берлин представляет собой центр оппозиции планам и решениям командования со стороны Высшего Монархического Совета, с одной стороны, и пункт, где менее всего офицеров, служивших под начальством ген. Врангеля, с другой»³⁶. Вместе с тем, генерал Врангель придавал большое значение Германии в политической жизни Европы и решению русского вопроса. Фон Лампе многократно повторял в своей переписке 20 - 30-х годов высказывание Врангеля, которое стало своего рода лейтмотивом его деятельности. В 1920 году барон, первый раз назначая его в Берлин, подчеркнул: «Помните, что русский узел может быть развязан только в Берлине»³⁷.

Характеризуя положение РОВСа в Германии в письме генералу Кусонскому в конце января 1926 года, генерал фон Лампе указывал, что управление отдела действует легально. Вместе с тем, уточнял он, в Германии право легального существования с утвержденным уставом имеют только союзы и общества, ведущие предпринимательскую коммерческую деятельность (осуществляют содержание общежитий, проводят вечера с платой и т.п.). На таких началах работали только Союз взаимопомощи офицеров бывшей Российской Армии и Флота и Союз увечных воинов. Остальные существовали с ведома властей, но без утвержденного устава. В Венгрии действовало Общество Галлиполийцев, но без устава. В Австрии воинский союз действовал легально, но местными властями был произведен арест его руководителя вместе с канцелярией. Указывая на многообразные трудности деятельности РОВСа и воинских союзов, и организаций на территории II отдела, генерал фон Лампе интересовался у Кусонского, как идет процесс легализации отделов Союза в других странах и с каким уставом³⁸.

III отдел Русского Обще-Воинского Союза в соответствии с приказом генерала Врангеля № 35 от 1 сентября 1924 года должен был состоять из офицерских обществ, союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии. Приказом № 37 от того же числа его председателем назначался русский военный представитель в этих государствах генерал-лейтенант П.С. Махров. 2 декабря того же года он был утвержден в должности председателя этого отдела великим князем Николаем Николаевичем. Затем, в результате расформирования III отдела (как официально объяснялось, - по финансовым соображениям) генерал Махров был назначен начальником Польско-Прибалтийского отдела (подотдела или района, как указывалось также в документах) в составе I отдела.

Но уже в феврале 1925 года великий князь Николай Николаевич заявил, что генерала Махрова он считает уволенным с должности, и сотрудничество его в Польско-Прибалтийском отделе РОВСа нежелательно. Генерал Врангель пытался выяснить, что ставится тому в вину, но получил туманный ответ, что «его предыдущая деятельность не оправдывает назначения на эту ответственную должность». Среди высказывавшихся предположений была, например, его близость Савинкову. Так или иначе, но 17 июня генерал Кондзеровский (фактически излагая мнение великого князя) откровенно заметил, что в декабре генерал Махров был утвержден председателем III отдела, так как с января 1925 года эта должность ликвидировалась, и в настоящее время предстоит то же самое: его оставляют на должности начальника Польско-Прибалтийского района, так

как с 1 сентября эта должность ликвидируется. Эта переписка заканчивается уведомлением Врангеля 29 июля 1925 года, что с 1 сентября того же года генерал Махров освобожден от должности начальника Польско-Прибалтийского отдела, ввиду сокращения ассигнований по смете³⁹.

Вообще же, деятельность Русского Обще-Воинского Союза на территориях указанных стран была чрезвычайно затруднена, а генералу Махрову, жившему в Данциге, было запрещено посещать Польшу и Прибалтийские государства, поэтому он ограничивался лишь перепиской в индивидуальном порядке. Ситуация в этом отношении не изменилась и в дальнейшем, а возможности создания и деятельности русских военных организаций в этих странах фактически отсутствовали или, по крайней мере, были чрезвычайно затруднены. Что касается третьего по порядку нумерации отдела РОВСа, то, забегаая вперед, заметим, что с июля 1925 года этот номер получил бывший V отдел Союза.

Во второй половине 1925 года в РОВСе (одновременно с решением судьбы генерала Махрова) начинается проработка вопроса о переподчинении воинских союзов, обществ и организаций Прибалтийских стран, Польши и Данцига (которые первоначально входили в состав III отдела, а после его ликвидации были включены в состав I отдела) II отделу Союза. 16 декабря того же года фон Лампе в письме генералу Кусонскому указывал, что теоретически вхождение союзов лимитрофных государств в состав II отдела «географически» правильно и желательно. Вместе с тем, он настаивал на необходимости исключить из этого списка Польшу, учитывая антагонизм между Берлином и Варшавой. Генерал фон Лампе сетовал и на то, что усилиями отдела из одного человека (т.е. его самого) невозможно обеспечить предполагаемое увеличение масштабов работы. Он указывал также, что начальнику отдела желательно хотя бы раз в год соприкоснуться с союзами в других странах, тем более учитывая чрезвычайно трудную ситуацию с возможностями деятельности воинских организаций в государствах, которые могли пополнить состав II отдела Союза. Но возможность их посещения затруднялась скудностью финансовых ресурсов РОВСа, а главное - теми ограничениями, которые были введены правительствами указанных стран. Тем не менее, несмотря на высказанные сомнения и существующие реальные проблемы, в дальнейшем воинские союзы указанной группы стран (за исключением Польши, которая оставалась в составе I отдела) были включены в состав II отдела РОВСа.

IV отдел РОВСа должен был в соответствии с приказом генерала Врангеля от 1 сентября 1924 года объединить общества, союзы, воинские части и войсковые группы в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а также в Греции. Затем он охватил Румынию и Бразилию. Руководил им с 1924 по 1933 год генерал от инфантерии Э.В. Эрк. Добавим, что Белград справедливо считался важнейшим военным центром эмиграции, а в Сремских Карловцах находился штаб генерала Врангеля.

V отдел РОВСа в соответствии с вышеуказанным приказом генерала Врангеля призван был объединить офицерские общества, союзы, воинские части и войсковые группы, находящиеся на территории Болгарии и Турции. Его председателем стал генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, сохранявший за собой по-прежнему и должности помощника главнокомандующего Русской Армии и начальника всех частей и управлений ее, расположенных в Болгарии, а также командира Донского корпуса. В 1925 году в состав отдела входило шесть офицерских союзов и обществ в Болгарии и Турции. После упразднения III отдела РОВСа в старом его виде приказом генерала Врангеля от 31 июля 1925 года V отдел был переименован в III отдел. Руководил им по-прежнему генерал Абрамов.

На начало января 1926 года в состав III отдела входило 14 воинских союзов, групп и обществ. Ни один из них не был легализован, что генерал Абрамов объяснял условиями Нейенского договора стран Антанты с Болгарией, бывшим участником Четверного Союза, потерпевшего поражение в Первой мировой войне. Согласно этому договору на территории Болгарии не должно было существовать офицерских организаций. Но, как информировал Абрамов генерала Кусонского, неофициально болгарское

правительство доброжелательно относится к нашим организациям, как имеющим характер взаимопомощи.

В ходе осуществленной в дальнейшем реорганизации Русского Обще-Воинского Союза вновь созданный V отдел РОВСа стал руководить военными союзами и организациями, действующими в Бельгии и Люксембурге. Его начальником был назначен генерал-майор Б.Г. Гартман, до этого (с 1 февраля 1925 года) руководивший бельгийским подотделом Союза⁴⁰.

В докладе о деятельности Русского Обще-Воинского Союза с 16 ноября 1924 по 1 апреля 1925 года указывалось, что в связи с обращениями офицерских организаций, созданных в Америке (речь идет о США), они были сведены в два отдела РОВСа - к западу и востоку от Кордильер. Председателем первого из них (с центром в Калифорнии) стал генерал барон А.П. Будберг (заметим, что великий князь Николай Николаевич дал согласие на его назначение лишь после повторного ходатайства генерала Врангеля), а второго (с центром в Нью-Йорке) - генерал В.А. Лехович. Распоряжение генерала Врангеля об образовании двух Североамериканских отделов РОВСа было издано 31 мая 1925 года.

Деятельность организаций РОВСа в США имела несомненную специфику. Это определялось в первую очередь их удаленностью от России. Организации РОВСа в Европе (и на Дальнем Востоке) вели непосредственную работу, направленную на СССР, вынашивали планы нового антибольшевистского похода, что объективно способствовало и их большей боевитости, нацеленности на подготовку к решительным действиям в скором времени. Организации РОВСа в США были прежде главным образом средством поддержания взаимосвязей бывших военнослужащих, оказания взаимной помощи и поддержки, сохранения армейских традиций. Но в силу отсутствия непосредственных возможностей боевой работы отсюда против СССР, здесь отсутствовала та особая военная инфраструктура, которая создавалась в Европе и на Дальнем Востоке: система подготовки и переподготовки офицерства, военная работа с эмигрантской молодежью, ячейки, боевые группы и отряды для непосредственного проникновения в Россию и т.п.

Создание структур Русского Обще-Воинского Союза развертывалось и на Дальнем Востоке. Руководство РОВСом в Харбине взял на себя генерал М.М. Плешков. Что касается Шанхая, то с ним, как отмечалось в вышеуказанном докладе, не удалось установить связь⁴¹. Заметим, что рескриптом великого князя Николая Николаевича на имя главнокомандующего генерала Врангеля от 26 июня 1925 года (по другим данным - 31 июля 1925 года) все воинские союзы и организации, находящиеся в Америке (и в первую очередь оба Североамериканских отдела РОВСа) и на Дальнем Востоке, были изъяты из подчинения генерала Врангеля и непосредственно подчинены верховному главнокомандующему через генерала А.С. Лукомского. Ему были подчинены и другие союзы, и организации, существовавшие на американском континенте («Союз в Южной Америке», охватывавший Аргентину и бразильский штат Сан-Паулу и находившийся в Бразилии «Союз русских воинов», ранее входивший в состав IV отдела РОВСа). Согласно воспоминаниям Лукомского, в мае 1925 года он вернулся с Дальнего Востока, где посетил по заданию великого князя Николая Николаевича Японию и Китай (включая Маньчжурию), и тот, предписав ему находиться в своем распоряжении, поручил объединение военных организаций на Дальнем Востоке и в Америке (заметим, что Лукомский в 1923 - 24 годах побывал в США), которые были выделены из РОВСа⁴², а, точнее сказать, из подчинения барона Врангеля.

Объясняя в письме Врангелю свое решение о подчинении воинских союзов и организаций на Дальнем Востоке и в Америке генералу Лукомскому, великий князь Николай Николаевич мотивировал это его лучшим знанием обстановки в этих регионах, а также тем, что разрешение всех возникающих там вопросов будет происходить быстрее, чем при сношениях этих организаций со штабом главнокомандующего в Сремских Карловцах. Генералу Врангелю предписывалось все отдаваемые им приказы и руководящие указания по Русскому Обще-Воинскому Союзу сообщать генералу Лукомскому, чтобы не было разногласий в направлении деятельности военных союзов и организа-

ций, находящихся вне круга ведения председателя РОВСа. Генерал П.Г. Бурлин был назначен помощником генерала Лукомского на Дальнем Востоке. Добавим, что в августе 1926 года организации РОВСа в этом регионе пополнились «Союзом участников Великой и Гражданской войн» на Филиппинских островах, председателем которого был утвержден лейтенант флота Штюрмер. В 1928 году был образован Дальневосточный отдел РОВСа, который возглавил проживавший в Дайрене генерал от артиллерии М.В. Ханжин. Военные организации в Канаде были подчинены генералу А.М. Ионову⁴³.

В дальнейшем в структуре Русского Обще-Воинского Союза происходили постоянные реорганизации, о чем пойдет речь в последующих главах.

Одной из самых секретных и таинственных организаций являлась так называемая «Внутренняя линия» Русского Обще-Воинского Союза.

Спустя годы, во второй половине 30-х годов ее деятельность станет предметом скандальных разоблачений и страстного обсуждения. Точное время ее возникновения является предметом дискуссий. По одним данным, она возникла еще в первой половине 20-х годов, по другим - в середине 20-х или даже несколько позднее - в 1926 или 1927 году. Инициативу ее создания связывают с именем генерала Кутепова. Есть мнение, что организатором «Внутренней линии» РОВСа в Болгарии был полковник А. А. Зайцов⁴⁴, тесно сотрудничавший с генералом Кутеповым.

Цель учреждения «Внутренней линии» обычно связывают с обеспечением внутренней безопасности РОВСа: не допустить проникновения в организации Союза и в ряды белого офицерства в эмиграции большевистских агентов и предупредить переход эмигрантов (прежде всего военнослужащих и членов РОВСа) на службу к большевикам, их сотрудничество с советскими спецслужбами. Поэтому ее нередко характеризовали как контрразведку РОВСа или что-то вроде нее, откуда и происходило само наименование - «Внутренняя линия» (работа внутри РОВСа), в отличие от «внешней», то есть деятельности, нацеленной на работу в СССР. К характеристике функций «Внутренней линии» нередко добавлялась и такая, как осведомление и информирование, то есть добывание по секретным каналам информации о ситуации внутри Русского Обще-Воинского Союза и укрепление таким образом его положения и авторитета начальников (потерявших прежние возможности влияния на своих подчиненных и карательную власть) изнутри, посредством особых, закрытых и специфичных методов. В дальнейшем подобная деятельность (с проникновением вовнутрь) применялась в отношении отдельных воинских организаций или даже гражданских и политических обществ, союзов и организаций, не входивших в систему РОВСа.

Учреждение и работу «Внутренней линии» Русского Обще-Воинского Союза традиционно связывали с Болгарией и ее столицей Софией, рассматривая их как центр деятельности этой секретной организации. Отсюда офицеры, привлеченные для подобной деятельности, разъезжались по разным странам, сохраняя связь с Софией, и одновременно они призваны были обслуживать и взаимодействовать с генералом Кутеповым, привлеченным великим князем Николаем Николаевичем для секретной деятельности против России. В какой мере «Внутренняя линия» и ее сотрудники были связаны с «работой в России»? - этот вопрос являлся и является предметом дискуссий. Существуют мнения, что такая взаимосвязь имела место, как, впрочем, и прямо противоположные: цели и деятельность «Внутренней линии» не имели отношения к «работе в России», но имели «исключительно местное, зарубежное значение». Последнюю точку зрения отстаивал, например, видный деятель РОВСа П.Н. Шатилов, тесно взаимодействовавший, по его признанию, с «Внутренней линией», когда являлся начальником I отдела Союза в первой половине 30-х годов⁴⁵. К деятельности «Внутренней линии», решаемым ею задачам, методам и характеру работы, взаимоотношениям с другими организациями и с РОВСом, как таковым, автор будет еще неоднократно обращаться на страницах этой книги.

Важное место в системе РОВСа занимали Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина, учрежденные в 1927 году на базе уже характеризовавшихся

выше Курсов высшего военного самообразования. Об их создании и деятельности речь еще специально пойдет в дальнейшем.

Председателю РОВСа подчинялись не только начальники отделов, но и части 1-го армейского и Донского корпусов, Кавалерийской и Кубанской дивизий (имевшие свои внутренние организации для объединения кадров), расположенные в Югославии, Франции и Болгарии. Местные организации Русского Обще-Воинского союза создавались в отдельных населенных пунктах и районах, которые возглавляли начальники, подчинявшиеся главе РОВСа в данной стране. Подчиняясь воинской дисциплине, в обязательном порядке входили в состав РОВСа члены таких крупных самостоятельных организаций, как «Общество Галлиполийцев», «Союз офицеров Генерального Штаба», «Союз участников I Кубанского похода», «Союз офицеров-участников Великой войны», «Военно-морской Союз», «Общество русских офицеров в Королевстве СХС», «Гвардейское объединение», «Общество офицеров-артиллеристов», «Объединение офицеров кавалерии и конной артиллерии» и др. Забегая вперед, заметим, что в начале 30-х годов в РОВС входило около 200 союзов и организаций⁴⁶.

Весьма непросто для Русского Обще-Воинского Союза был казачий вопрос. Главное командование добивалось подчинения себе, а руководство РОВСа - вхождения в состав этой организации Союза казачьих войск, станиц и групп. Как уже указывалось в предыдущей главе, атаманы Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск отказались в эмиграции признавать соглашение о подчинении казачьих воинских частей единому командованию, заключенное ими в Крыму летом 1920 года с главнокомандующим Русской Армии генералом Врангелем. Контакты, осуществлявшиеся между генералом Врангелем и руководством казачьих войск в ноябре 1924 года после создания РОВСа, не дали желаемых для барона результатов. Атаманы заявили, что казачьи станицы не входят в подчинение главнокомандующему, хотя барон и настаивал, что казачьи станицы и группы офицеров (как боевые единицы) должны подчиняться ему. Об этом начальник штаба главнокомандующего генерал Кусонский уведомил начальников отделов РОВСа в январе 1925 года. 28 апреля 1925 года генерал Врангель направил через генерала Кондзеровского послание для великого князя Николая Николаевича в дополнение к своему докладу от 12 марта того же года, в котором указывалось на ненормальность и запутанность отношений казаков со своими начальниками, а с другой стороны, атаманов «Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека» с верховным главнокомандующим и РОВСом. Барон ходатайствовал о получении определенных указаний по этому вопросу.

Великий князь поручил генералу Лукомскому выступить посредником в диалоге с атаманами, но, как вспоминал последний, его старания только обострили отношения: «Видимо, атаманы были обижены посредничеством и хотели говорить только непосредственно с Великим Князем». 12 октября 1925 года состоялась встреча великого князя Николая Николаевича с войсковыми атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, носившая, как подчеркивалось, «совещательный и осведомительный характер». Итогом встречи стало заявление войсковых атаманов, что если международная и внутренняя обстановка изменится и возникнет реальное дело, то может быть решен вопрос об объединении казачьих войск с общими силами, но «в период подготовительной работы они не считают возможным признать Великого Князя Николая Николаевича вождем и следовать его указаниям». В итоге великий князь заявил, что не видит возможности вести какую-либо согласованную работу с атаманами⁴⁷. Контакты с участием великого князя, генерала Врангеля, а после его смерти - нового председателя РОВСа генерала Кутепова с войсковыми атаманами и прежде всего с Донским атаманом Богаевским для установления дружественных отношений продолжались и в последующие годы. В результате ряд казачьих станиц и групп вошел в состав РОВСа.

Коснемся еще одного сложного для эмиграции вопроса - церковного раскола в результате отхода митрополита Евлогия от Карловацкого Собора Епископов. Руководство Русского Обще-Воинского Союза занимало здесь нейтральную позицию и запрещало чинам Союза принимать активное участие в борьбе церковных течений и в

том числе в печати. Генерал Врангель в письме начальнику I отдела РОВСа в связи с поступающими запросами о церковных настроениях разъяснял, что это дело совести каждого, влиять на них не нахожу возможным, и воинским начальникам РОВСа не следует воздействовать на религиозную совесть чинов Союза. Военное духовенство, указывал барон, подчинено начальникам воинских частей во внутреннем их распорядке, но каноническое влияние недопустимо⁴⁸.

К концу 20-х годов Русский Обще-Воинский Союз объединил вокруг себя большинство военных организаций российской эмиграции. Исключение составляли лишь организации, открыто включавшие в свои программы политические лозунги (ибо РОВС по-прежнему руководствовался принципом неучастия в политической деятельности), а также военные организации, входившие в сферу влияния великого князя Кирилла Владимировича (прежде всего созданный в 1924 году «Корпус офицеров Императорской Армии и Флота», преобразованный в 1926 году в «Корпус Императорских Армии и Флота») - так называемые «Кирилловны». Добавим, что не считалось возможным принимать в РОВС иностранных подданных. Непринятие чинами РОВСа иностранного гражданства считалось важным условием сохранения прочности Союза, веры и нацеленности его чинов на скорое возвращение на родину. В специальном распоряжении РОВСа, датированном 1925 годом, указывалось, что «принятие нашими чинами иностранного гражданства является совершенно недопустимым и угрожающим интересам нашего общего дела»⁴⁹.

Сведения о численности Русского Обще-Воинского Союза в 20-е годы существенно различаются. По данным штаба главного командования Русской Армии, в 1925 году РОВС насчитывал в своих рядах 40 тысяч человек. Иногда в дальнейшем эта численность оценивалась в 50 - 60 тысяч человек⁵⁰. Дело в том, что в рассматриваемый период отсутствовал строгий и организованный учет чинов РОВСа. Часть военнослужащих и даже офицеры, первоначально входя в его состав, постепенно, в сложных условиях выживания в эмиграции и будучи разбросаны по разным странам и регионам утрачивали с ним связь. Особенно это касалось лиц, являвшихся членами РОВСа, но не входивших в другие военные организации, бывшие составными частями этого Союза. «Такие чины РОВС при ныне существующем порядке остаются совершенно без всякого руководства со стороны начальников отделов и мало-помалу отходят от идеи армии»⁵¹, - констатировалось в одной из сводок Русского Обще-Воинского Союза в 1927 году. Лишь позднее предпринимаются попытки введения системы учета чинов РОВСа. В начале 30-х годов вводятся личные карточки и книги учета. Одним из основных критериев принадлежности к РОВСу становится уплата членских взносов. В документах РОВСа и в выступлениях его руководителей традиционно указывалось, что в случае начала военных действий против СССР его ряды многократно увеличатся.

Таким образом, создание Русского Обще-Воинского Союза стало важным событием в жизни российской эмиграции. РОВС превратился в ключевой компонент, организационное ядро формирующегося в тяжелых условиях русского зарубежного рассеяния Российского военного Зарубежья. Руководство РОВСа пыталось сплотить вокруг Союза разбросанные по всему миру широкие и достаточно разнородные массы бывших военнослужащих Императорской и белых армий и прежде всего офицерство, стремясь при помощи мощной единой военной организации предотвратить их интеграцию в зарубежное сообщество. Это осуществлялось посредством создания в рамках РОВСа разветвленной инфраструктуры военных союзов, обществ и объединений, сочетая черты централизации (насколько это было возможно в это время), строгого подчинения, единоначалия и дисциплины, а с другой стороны, свойственной воинским коллективам взаимной поддержки и взаимопомощи, формирования системы военного образования, повышения квалификации и переподготовки офицерских кадров, вовлечения в ряды воинских объединений растущую эмигрантскую молодежь. Все это делалось не только ради сохранения военной организации как таковой, но во имя поддержания в военной среде высокой мобильности, боеготовности, способности продолжать борьбу с советской властью, достижения военного реванша и возвращения на родину с победой.

Вместе с тем, в сложившейся структуре Русского Обще-Воинского Союза при формальном единоначалии фактически существовали два центра - Париж (Шуаньи), олицетворяемый именем великого князя Николая Николаевича и его окружения, и Белград (Сремски Карловци) в лице главнокомандующего и председателя РОВСа генерала Врангеля и его штаба. Отсутствие должного взаимопонимания между этими двумя центрами, сохранение взаимной подозрительности и напряженности во взаимоотношениях препятствовало совместной работе, выработке и реализации единой стратегии и тактики действий Русского Обще-Воинского Союза и сил российской военной эмиграции.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 20-Е ГОДЫ: ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИКИ, «ВЕРХИ» И «НИЗЫ» ЭМИГРАЦИИ

На протяжении 20-х годов происходил сложный процесс формирования из разрозненных и разбросанных по разным странам групп эмигрантов Российского Зарубежья, объединенного системой взаимосвязей, организаций и союзов, общностью интересов, языка и культуры, стремлением сохранить в изгнании общие узы и лучшие традиции российской истории и культуры. В свою очередь, в системе формирующейся Зарубежной России, известного организационного единства и социокультурного пространства без границ, важной составляющей становилось Российское военное Зарубежье, с объединяющими его традициями военной культуры, органически присущим военному сообществу чувством локтя, боевого товарищества, взаимоподдержки и взаимопомощи, верности долгу, присяге, дисциплине. Более того, генерал Врангель и его соратники по Русскому Обще-Воинскому Союзу считали именно Армию ядром Национального Движения и Национальной России. Но складывающемуся Российскому Зарубежью было присуще и многообразие противоречий. К их числу относились, в частности, сложные взаимоотношения военных и политиков и само по себе отношение военных к политике.

Русский Обще-Воинский Союз и его лидеры, претендовавшие на сплочение вокруг себя и руководство Российским военным Зарубежьем, требовали от своих чинов неучастия в политической жизни, запрещали им входить в какие-либо политические партии и организации. Эта тема являлась поистине притчей во языцах в эмиграции, вызвала немало вопросов у современников, а впоследствии - и у исследователей, обращавшихся к его истории. Руководство РОВСа формально руководствовалось принципом невмешательства армии в политику, принятым в императорской России, а с другой стороны, полагало, что в условиях острой политической борьбы в эмиграции участие в политических партиях и организациях нарушит единство и подорвет боевое братство русского зарубежного воинства. Но, по мнению целого ряда современников, а в дальнейшем и части историков, подобная внешняя аполитичность препятствовала складыванию более широкого и действенного союза различных антибольшевистских сил в эмиграции¹.

За формальным неучастием чинов РОВСа в политической жизни и деятельности политических партий и организаций все-таки стояла приверженность правым политическим убеждениям, солидарность и моральная поддержка с их стороны правых и в первую очередь монархистских организаций. Хотя и среди последних, как уже указывалось ранее, не было единства и, более того, налицо была острая конфронтация. Сам генерал Врангель (как и все последующие руководители РОВСа) был монархистом по политическим убеждениям, поддерживал определенные личные контакты с руководителями монархистских организаций, например, Высшего Монархического Совета, но официально открещивался от монархических лозунгов «для армии, которая ставит себе задачей свержение большевизма, для обеспечения народу свободного волеизлияния по вопросу о будущей форме государственного устройства России»².

В начале 1925 года развернулся новый раунд дискуссии между Высшим Монархическим Советом и сторонниками генерала Врангеля. На страницах «Нового Времени» была опубликована статья В.Х. Даватца и Н.Н. Львова, обвинявшая Маркова 2-го и его сторонников в том, что они систематически подрывают авторитет генерала Врангеля и стремятся захватить контроль над Русской Армией.

В ответе председателя ВМС отвергались предъявленные ему обвинения и подчеркивалось: «Мы, монархисты, действительно и безоговорочно в государственном отношении подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу, - но не заявили этим отказа от своих убеждений и монархического идеала в России». В сводке ВМС за 1925 год указывалось, что «генерал Врангель, подчинившись формально Великому Князю, продолжает упорно вести свою линию, опираясь на общественных деятелей, ранее бывших левыми, теперь же связанных с масонами». Впрочем, сам Марков 2-й уточнял, что это утверждение не означает предъявления генералу Врангелю обвинения в масонстве, но указывает на тот факт, что он продолжает самостоятельную политическую деятельность и находится под влиянием деятелей, враждебных монархическому движению³.

Генерал Врангель ставил во главу угла деятельности возглавляемой им организации Белую идею и идеологию. И в этом отношении он получал всемерную поддержку со стороны своих соратников и опирался прежде всего на работы видных мыслителей Русского Зарубежья, разделявших и развивавших подобные взгляды. Среди них особая роль по-прежнему принадлежала профессору И. А. Ильину. «Белое движение не нами начиналось, не нами и кончится», - утверждал последний. «Придет время, когда белое движение примет форму патриотического ордена и породит национальную политическую партию, - писал Ильин в своей работе «Белая идея». - Сейчас это время еще не пришло, белая организация еще оторвана от своего государственного лона, она еще не освободила Россию.

И потому она имеет и должна иметь ныне форму невооруженной армии, облеченной в ризу «Общевоинского союза» (РОВС - В.Г.). Эта организация не завершила еще своего исторического испытания. И задача ее ныне состоит в том, чтобы углубить, очистить и укрепить свой дух, соблюсти свои личные силы и свою организацию, осознать свою идею и пребыть до конца в верности своему знамени⁴. Эти мысли в полной мере разделял и проводил в жизнь генерал Врангель.

Председатель РОВСа в дискуссиях по-прежнему высказывался в защиту непредвиденного будущей формы правления в России. В одной из своих речей он заявил: «Я не ошибусь, если скажу, что громадное большинство моих соратников мыслит будущую Россию под Московским Царем! Так мыслю и я. Однако с той минуты, как волею судьбы я оказался во главе Русской Армии, я принял то знамя, которое в минуты развала России впервые поднял генерал Корнилов и на котором начертано одно слово - «ОТЕЧЕСТВО», я призываю Русских людей всех оттенков политической мысли идти со мной. Ныне Армия на чужбине. Она - последнее ядро Национальной России. Вокруг этого ядра собираются Русские люди, которые ставят Россию выше партий и лиц. Со дня, когда Армия станет орудием одной определенной партии, она перестанет быть национальным ядром. Каждый из нас, Русских Воинов, сознательно относящихся к происходящему вокруг нас, конечно, имеет определенные политические убеждения, но в целом, Армия вне политики. Точнее, вне политиканства! То знамя, которое из рук генералов Алексеева, Корнилова и Деникина перешло ко мне, я сохранию на чужбине. Я скорее сожгу это знамя, чем изменю начертанное на нем слово - «ОТЕЧЕСТВО»⁵.

Ситуация в руководстве РОВСа в середине - второй половине 20-х годов развивалась достаточно сложно, а нередко приобретала острый конфликтный характер. Такая обстановка, например, сложилась летом 1925 года. В июне генерал Врангель приехал во Францию и в ходе встреч и бесед с великим князем Николаем Николаевичем и людьми из его окружения пытался разрешить возникшие вопросы и сгладить острые углы взаимоотношений. По мнению генерала Шатилова, близкого Врангелю человека (в личной откровенной и доверительной переписке они именовали друг друга соответ-

ственно «Петруша» и «Павлуша»), приезд барона в Париж был необходим, так как его длительное отсутствие дало значительно развиться интриге, которая велась против главнокомандующего и армии справа. Цели ее, по утверждению Шатилова, заключались в том, чтобы «создать вокруг великого князя какой-то фундамент, минуя армию (для чего последнюю - ослабить или даже разрушить)», внушить ему чувство недоверия к Врангелю⁶. Несмотря на состоявшуюся личную встречу и беседу барона с великим князем, их взаимоотношения оставались весьма сложными, а круг неразрешенных вопросов - обширным.

9 июля 1925 года Врангель пишет большое, довольно резкое и откровенное письмо генералу Лукомскому, человеку из ближайшего окружения великого князя, явившееся продолжением их беседы, состоявшейся накануне, и ответом на датированное 8 июля письмо названного генерала. Врангель прежде всего поставил вопросы о доверии к себе со стороны великого князя и условиях, при которых он может быть полезен и продолжать занимать должность главнокомандующего и председателя РОВСа. «Бессовестная травля меня Высшим Монархическим Советом во главе с Марковым, травля, ставшая общим достоянием и вынесенная на страницы прессы, ведется при полном непротивлении свыше, и глава ВМС, заявивший о «безоговорочном подчинении» Великому Князю и ведущий работу против Главнокомандующего, идущего за Великим Князем Армии, явно пользуется расположением Его Императорского Высочества», - с горечью писал Врангель. Начальник канцелярии великого князя Н.Л. Оболенский разослал одобренные своим патроном указания в части, касающейся Армии, в корне расходящиеся с приказом великого князя от 16 ноября 1924 года. «Генералы, не пожелавшие подчиниться... Великому Князю через Главнокомандующего, и продолжающие настаивать на «непосредственном подчинении» и отказывающиеся подчиняться «врагу Национальной России, Генералу Врангелю», на свои непосредственные обращения к Его Императорскому Высочеству» получают личные милостивые ответы», - продолжал сетовать автор письма, перечисляя и еще целый ряд обид и претензий. «В настоящее время уход в тяжелые для Армии дни, когда средства наши на исходе, когда вокруг Армии ведется жестокая политическая борьба, был бы в глазах Армии бегством крысы с тонущего корабля, - резюмировал генерал. - «Служа Родине, а не лицам», я готов пренебрегать всеми личными против меня выпадами, однако, не могу допустить того, что грозило бы сохранению целостности порученной мне Великим Князем Армии». Врангель сформулировал условия, при которых он мог быть полезен порученному делу: широкая осведомленность о взглядах, решениях и предположениях великого князя Николая Николаевича, его полное доверие и твердая поддержка, очевидные для армии, ее друзей и врагов, широких слоев эмиграции, право и возможность свободно выбирать своих помощников. Подобных условий нет налицо в настоящее время, констатировал председатель РОВСа и, акцентируя внимание на доверии великого князя, считал невозможным без этого нести ответственность за порученное дело. Указывая на то, что великий князь не имеет при себе лица, «объединяющего военные вопросы», пользуется опытом и знаниями генерала Лукомского, давая ему на заключение «отдельные вопросы, касающиеся Армии», Врангель просил адресата довести вышеизложенное до сведения Его Императорского Высочества.

Основные положения изложенного письма достаточно красноречивы и говорят сами за себя, хотя адресат - генерал Лукомский и вызывает определенные вопросы, ибо он критически или даже негативно относился к барону. По некоторым данным, Лукомский не раз высказывал в великокняжеском окружении мысль о том, чтобы Врангелю подчинялись только воины Южного фронта, а остальные - «особому лицу», состоящему при великом князе Николае Николаевиче. Да и в указанном письме Врангель отрицал его упреки в свой адрес в какой-то «угрозе» и готовности идти за великим князем «постольку поскольку». Генерал Лукомский в своих воспоминаниях писал о высказанном, якобы, Врангелем предложении, чтобы великий князь Николай Николаевич сделал его (Врангеля) своим заместителем, помощником и единственным ответственным докладчиком, а при этих условиях барон предлагал ему (Лукомскому) быть его начальни-

ком штаба. По утверждению Лукомского, он отказался принять это предложение (в том случае, если великий князь примет предлагаемую Врангелем схему), ибо они «поразному смотрят на разные вопросы» и это принесет вред, и посоветовал барону самому откровенно поговорить об этом с великим князем⁷.

Поведение и действия генерала Врангеля подвергались критике не только со стороны его противников и откровенных оппонентов, но в ряде случаев и близких ему людей. В письме, направленном Врангелю 28 августа 1925 года генералом Шатиловым, указывалось, например, что он всемерно поддерживал его, но сейчас не узнает его и отказывается работать с ним: «Ты легко отказался от возглавления Р.О.В.С., разделив его между собой и Лукомским, - утверждал Шатилов. - Ты создал обстановку, при которой я и Хольмсен превратились в третьестепенных служащих...». «Я слишком большой сторонник Армии, - продолжал автор, - чтобы видеть, как ее стараются унижить и даже разрушить наши сторонники справа при попустительстве Великого Князя и не иметь возможности с этим бороться». Шатилов просил освободить его от занимаемой должности. В ответном письме от 3 сентября 1925 года Врангель просил его остаться⁸.

Итак, ситуация в Русском Обще-Воинском Союзе осложнялась непростыми личностными взаимоотношениями в его верхах, борьбой за расстановку кадров и руководство ключевыми отделами, тяжелым финансовым положением Союза, когда ассигнования на финансирование Армии и содержание штата РОВСа были минимальными, но в то же время значительные средства выделялись на «заграничную работу» генерала Кутепова, продолжавшего интриговать против Врангеля⁹. Свою роль играла и удаленность генерала Врангеля, жившего в Сремских Карловцах, от Парижа, превращавшегося в столицу русской эмиграции. Заметим в связи с этим, что представленное в июле 1925 года генералом Врангелем на рассмотрение великого князя Николая Николаевича предложение о перенесении центрального органа управления Русского Обще-Воинского Союза во Францию (что мотивировалось сокращением расходов и штатов в результате совмещения его с наиболее дорогостоящим I отделом РОВСа) было отвергнуто последним. Врангелю было предписано оставаться вместе со своим штабом на Балканах. Вероятно, великий князь и его окружение не хотели видеть Врангеля во Франции, понимая, что это приведет к усилению его роли и влияния на дела эмиграции¹⁰.

В свою очередь, генерал Кутепов жил в Париже, часто встречался с великим князем Николаем Николаевичем, в распоряжении которого находился, и пользовался его полным доверием и поддержкой. Все это вело к возрастанию роли Кутепова в эмиграции и в деятельности РОВСа, укреплению его контроля над центральным аппаратом Союза. Добавим, что на сложных взаимоотношениях генералов Врангеля и Кутепова активно и умело играли советские спецслужбы, подливая масла в огонь взаимных подозрений и недоверия. Касаясь этой больной для него темы, генерал Врангель в письме Шатилову 26 января 1926 года заметил: «Единственно серьезное - подлая игра А.П. Кутепова, серьезное не потому, что сам он был противником сильным, а потому, что для огромного большинства офицеров он остается моим бывшим помощником, близким мне человеком, роль которого неизменно мною оттенялась. До настоящего времени огромное большинство продолжает считать его своим»¹¹.

После передачи всех денежных средств в распоряжение великого князя Николая Николаевича председатель РОВСа генерал Врангель оказался полностью зависим от него в финансировании Армии. Финансовое положение было трудным и грозило стать критическим. 5 августа 1925 года по приказанию генерала Врангеля и под председательством помощника главнокомандующего и начальника III отдела РОВСа генерала Абрамова состоялось совещание старших начальников Русской Армии, обсудившее мероприятия по сохранению организации Русского Обще-Воинского Союза (Русской Армии) после прекращения сметных отпусков на содержание Армии. В ходе обсуждения отмечалось, что Армия за время пребывания за рубежом вполне доказала свою жизнеспособность и уже в настоящее время обеспечивает свое существование собственным трудом. Выражалась уверенность, что и после прекращения денежной помощи

организация Русской Армии останется непоколебимой, хотя и потребует от чинов больших и тяжелых жертв. Вместе с тем, старшие начальники обращались к верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу с просьбой не оставить армию без помощи. Участники совещания указывали, что для обеспечения заработков всех лиц командного и кадрового состава в случае прекращения денежной помощи чины Русской Армии должны быть уведомлены об этом не менее чем за два месяца. После этого удовлетворение нужд войсковых организаций должно происходить не по смете, а за счет случайных поступлений. Наиболее существенной потребностью и предметом особого беспокойства называлось сохранение санитарной помощи, ибо в случае отсутствия средств пришлось бы закрыть войсковые госпитали в Болгарии и Королевстве СХС¹².

В докладе, представленном генералом Врангелем великому князю Николаю Николаевичу летом 1925 года, содержались предложения по сокращению расходов и штатов, что должно было привести к сокращению ассигнований на Русский Обще-Воинский Союз со 145 до 76 тыс. франков в месяц. Ежемесячная смета расходов осенью того же года выглядела следующим образом: содержание главнокомандующего составляло 6 тыс. франков в месяц, а с его канцелярией и ближайшими помощниками - 11850 франков; начальник штаба главнокомандующего получал 2700 франков, а всего расходы на штаб составляли 14850 франков; управление начальника войсковых групп во Франции и Бельгии получало 8200 франков, в том числе его начальник - 2500; управление II отдела имело в своем распоряжении 4900 франков, а его начальник - 2500; начальник III отдела получал 6 тыс. левов, а в целом расходы на его управление составляли 46,7 тыс. левов; расходы IV отдела составляли 47750 динар, в том числе его начальник получал 3500 динар. Непредвиденные расходы по Русскому Обще-Воинскому Союзу были запланированы в сумме 12 тыс. франков. В итоге, общая сумма расходов на центральное управление РОВСа и его отделы составляла 76 тыс. франков в месяц¹³.

31 октября 1925 года великим князем Николаем Николаевичем была утверждена смета расходов РОВСа на первое полугодие 1926 года из расчета 71 тыс. франков в месяц. В силу финансовых затруднений с 1 января 1926 года прекращала свое существование канцелярия главнокомандующего, о чем генерал Врангель уведомил в своем приказе от 25 декабря 1925 года. Но Союз ждал худшие неприятности. 30 декабря 1925 года генерал Миллер, заведующий финансовой частью при великом князе, доложил ему, что действующая смета РОВСа может быть обеспечена только до 1 марта 1926 года. Он напомнил великому князю, что генерал Врангель должен быть уведомлен об этом за два месяца. Но великий князь отложил это предупреждение ввиду возможности новых поступлений и предпринял усилия по поиску средств. И лишь 12 января генерал Кондзеровский от имени великого князя уведомил генерала Врангеля об окончании сметных ассигнований с 1 марта 1926 года¹⁴.

Это вызвало не просто недовольство, но негодование барона, ибо данное решение проистекало, по его мнению, не только из общего тяжелого финансово-экономического положения эмиграции и зарубежного воинства в частности, но и из субъективных факторов - отношения к нему со стороны великого князя и особенно его окружения. Были нарушены и согласованные сроки уведомления. К тому же Врангель знал, что значительные средства выделялись, и их планировалось выделять в дальнейшем на финансирование управления генерала Кутепова, на содержание канцелярии по военным делам великого князя и управления начальника Дальневосточных и Американских военных союзов генерала Лукомского, генералу Головину на составление описания действий Российских Армий под началом великого князя Николая Николаевича в Великую войну, на содержание целого ряда лиц, находящихся в распоряжении великого князя.

«Через шесть недель все будут на улице, от главнокомандующего до солдата», - негодовал генерал Врангель, получив январское уведомление великого князя о прекращении финансирования Армии. Но, как заметил барон своей жене, «зная, с кем я имею

дело, я принял заблаговременные меры, и если положение и тяжелое, то не безвыходное». 16 января 1926 года генерал Врангель издает приказ, извещающий о прекращении сметных ассигнований на РОВС с 1 марта 1926 года. Он призывает, опираясь на уже накопленный опыт перевода армии на самообеспечение, принять все меры для сохранения воинских частей и войсковых союзов, привлечения средств частных и правительственных организаций для помощи РОВСу, пополнения войсковых запасных капиталов и капиталов взаимопомощи, трудоустройства отдельных военнослужащих и др. «Армия не умрет. Армия будет жить», - таков был лейтмотив этого приказа¹⁵.

Характеризуя же финансово-экономическую ситуацию, Врангель писал генералу Миллеру 2 февраля того же года, что (так как все средства он передал в свое время великому князю Николаю Николаевичу) достояние Армии состоит: 1) из «неприкосновенного фонда» («из коего в последнее время в связи с постоянным урезанием сметы приходилось покрывать ряд нужд»); 2) незначительных остатков от предельных отпусков; 3) невыданных трехмесячных ликвидационных пособий. «Сегодня РОВС обеспечен до 1 июля»¹⁶, - резюмировал генерал Врангель. Он сообщал также о развернувшемся процессе сокращения штатов и о том, что всему личному составу отделов РОВСа предложено частично стать на частные заработки.

В этот критический период председатель РОВСа немало и небезынтересно размышлял о сложившейся ситуации и ее причинах. В письме генералу Шатилову 25 января 1926 года Врангель заметил, что отношение великого князя к значению Армии является и результатом «малопочтенной работы русских правых кругов» в отношении ее. Спустя пять дней председатель РОВСа писал в Берлин начальнику II отдела генералу Лампе, что прекращение финансирования имеет причины более глубокого порядка: «Белая мысль чужда Великому Князю. Он верит в predeterminedный призыв русского народа оттуда из России». Врангель указывал, что еще два года назад в первых словах к Армии, великий князь высказывал идею мирного возвращения, «когда нас примут те, кто в России». В этой ситуации, по мнению барона, белая армия могла быть для великого князя лишь помехой. «В сложившихся условиях передо мной стоят две задачи», - подчеркивал генерал Врангель: 1) отразить ближайшую угрозу, изыскать средства и сохранить организацию, объединяющую более 35 тысяч офицеров и представляющую собой огромную национальную ценность; 2) искать все возможности для использования Армии по ее прямому назначению - продолжения белой борьбы, опираясь на всех тех, кто готов бороться с III Интернационалом, соотечественников и иностранцев. Прекращение великим князем финансирования Армии, когда он «отдавшему себя Ему Армию предоставляет самой себе», резюмировал председатель РОВСа, имеет и положительную сторону - «возвращение мне некоторой свободы и важно решить поставленные задачи»¹⁷.

14 февраля 1926 года барон Врангель откровенно писал своей жене: «Приходится окончательно прийти к заключению, что можно рассчитывать только на свои собственные силы. На Великом Князе надо поставить крест. В связи с этим придется и работу вести по-иному, а, следовательно, и место жительства переменить... Все это предположения - расскажу, когда приеду в Париж. Пока об этих предположениях никому ни слова»¹⁸.

Генерал Врангель по-прежнему опирался в своей деятельности на группу близких людей, которым доверял. Среди них были, в частности, генералы П.Н. Шатилов и А.А. фон Лампе, а также А.И. Гучков, И.А. Ильин, А.П. Полунин и некоторые другие. Размышляя о происходящем в письме генералу Шатилову 1 февраля 1926 года, главнокомандующий писал: «Вера в predeterminedный будущий призыв Великого Князя из России и близкое падение советской власти, которую свергнет сам русский народ, опасения, что связывая себя с Белой Армией, Великий князь становится одной стороной, которая боится и не доверяет другой, - все это вместе взятое заставляет бояться Армии и не доверять ей, внутреннее желание ее безболезненного устранения, как препятствия на пути достижения заветной цели... Отсюда то недоверие, та подозрительная боязнь, которая заставляет меня, естественного, казалось бы, помощника Великого Князя, быть

осведомленным не более любого обывателя, бить может, и того меньше. Что делается в области внутренней работы в России, какие меры предпринимаются для использования открывающихся возможностей в связи с изменяющейся международной обстановкой, какие ближайшие задачи ставит себе Великий Князь? Я ничего не знаю. Быть может, никакой работы и нет, и в убеждении в неминуемом будущем призыве из России сейчас не делается ничего»¹⁹.

Тем не менее, контакты и переписка генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича продолжали иметь место. Выкраивались средства, хотя и весьма скудные, на поддержание работы РОВСа и прежде всего его управленческих структур. Например, на март-май 1926 года эти ассигнования составляли по 750 - 800 долларов ежемесячно. Летом удалось получить от Совещания русских послов (М.Н. Гирса) и от генерала Миллера (иначе говоря из средств, привлеченных и выделенных великим князем Николаем Николаевичем) 84 тыс. франков на содержание управлений отделов Русского Обще-Воинского Союза на ближайшие два месяца²⁰.

В апреле 1926 года в Париже состоялся эмигрантский форум под громким названием - Российский Зарубежный съезд (он именовался также Всемирный русский съезд или съезд Зарубежной России), организационный комитет которого возглавлял П.Б. Струве. В его работе приняли участие 420 делегатов, представители от 26 стран. История подготовки и проведения этого форума весьма любопытна и показательна с точки зрения эволюции взглядов и поведения в отношении него руководителей Армии и РОВСа и представления на нем их интересов. Съезд вынашивал идею создания Центра Зарубежной России. Он намерен был объявить великого князя Николая Николаевича главой широкого национального фронта. Но этот форум (как и подготовка к нему) обнаружил и глубокие противоречия его участников и трудную совместимость различных его фракций и группировок, невозможность выработки единой программы и стратегии действий.

В центре дискуссии оказался уже сам вопрос об участии военнослужащих в этом форуме. 1 августа 1925 года начальник штаба Врангеля генерал Кусонский в своем предписании, ссылаясь на повеление великого князя Николая Николаевича, указывает, что представители военных организаций не могут участвовать в предстоящем в Париже съезде Зарубежной России, как преследующем политические задачи. Спустя несколько дней, 6 августа Врангель также пишет генералу Лукомскому о невозможности участия представителей Армии в предстоящем Зарубежном съезде, а 20 августа излагает свою позицию и запрашивает мнение великого князя Николая Николаевича в письме, адресованном начальнику его военной канцелярии генералу Кондзеровскому. В сентябре барон получает ответ, что великий князь не встречает препятствий к предоставлению членам РОВСа права участвовать в выборах представителей на Зарубежный съезд от общественных и профессиональных организаций и быть избранными представителями на этот форум от этих организаций. Ссылаясь в последующей переписке на мнение великого князя, генерал Врангель констатировал возможность участия в съезде чинов РОВСа, но не как представителей воинских организаций, а в качестве членов общественных, профессиональных организаций или персонально избранных лиц. Аналогичные разъяснения дает и генерал Кусонский. Представлять интересы Армии на съезде должны были прежде всего дружественные ей гражданские лица, среди которых Врангель называл митрополита Антония, С.Н. Палеолога, В.В. Шульгина, Н.Н. Чебышева, Н.Н. Львова. Массовое уклонение от использования права участия в выборах делегатов съезда, указывал председатель РОВСа, могло быть истолковано как саботаж съезда, который мог стать значительным шагом в объединении зарубежных сил. Так или иначе, лейтмотивом являлось то, что Армия должна находиться вне политики, и на съезде, решающем политические задачи, военнослужащие не могли принимать участия как представители Армии, воинских и партийно-политических организаций.

На съезде прозвучал целый ряд основополагающих докладов, призванных дать ответы на принципиальные вопросы и выработать программу действий эмиграции в борьбе с большевиками в Советской России и международным коммунизмом. Так, в

докладе редактора парижской эмигрантской газеты «Возрождение» Ю.Ф. Семёнова «Сущность и назначение Зарубежной России» подчеркивалось, что каждый эмигрант не может не быть воином за дело Национальной России. Несколько докладов было посвящено положению в Советской России и политике большевиков.

Международной борьбе с коммунизмом посвятил свой доклад Ю.И. Лодыженский, призвавший к объединению сил в международном масштабе для борьбы с Коммунистическим интернационалом.

Съезд принял обращение к великому князю Николаю Николаевичу, приветствуя в его лице «твёрдого носителя российской государственной идеи и славного Верховного Вождя христоролюбивого Российского Воинства». «По Вашему зову все русские люди без колебаний отдадут себя делу освобождения Родины», - подчеркивалось в обращении. Великий князь выразил свою благодарность делегатам съезда. С целью подчеркнуть единение эмигрантов и Армии съезд принял специальное обращение к Русской Армии и ее вождям - генералам Врангелю, Деникину, Кутепову, Миллеру, Юденичу, Хорвату и Дитерихсу. На съезде была предпринята попытка создания исполнительного органа при великом князе Николае Николаевиче для консолидации эмиграции. Но устранить противоречия и достичь единства действий Зарубежной России в борьбе с Советской Россией не удалось.

Резюмируя итоги съезда, генерал Врангель с горькой иронией писал: «После Зарубежного съезда общественность оказалась у разбитого корыта. Ни одна из групп не оказалась достаточно сильной, и в чувстве собственного бессилия все ищут союзников. Сплоченное, организованное и сохранившее чистоту знамени зарубежное воинство привлекает к себе внимание, и с ним ищут сближения и те, и другие». Врангель указывал, что группы национального Комитета и конституционалисты-монархисты и ранее были близки Армии, и подчеркивал сохранившуюся и в настоящее время близость. Председатель РОВСа отмечал также, что в числе руководителей Высшего Монархического Совета произошли значительные перемены, и новое руководство готово, по видимому, сделать многое, чтобы исправить свою вину за прошлое²¹.

По итогам Зарубежного съезда образовались две группировки - Русское Зарубежное Патриотическое объединение и Российское Центральное объединение, и в связи с этим развернулась полемика о том, может ли РОВС и его отдельные чины участвовать в их работе. Генерал Врангель, оценивая происшедшее на съезде, указывал, что первое объединение создали правые группы, а второе - левые. Каждое из этих объединений доказывало, что оно не политическая, а национально-патриотическая организация, и поэтому к ним приказ № 82 не может быть применен.

Первоначально великий князь Николай Николаевич, даже не посоветовавшись с генералом Врангелем, дал устное разрешение А.Н. Крупенскому на участие военных в этих объединениях. Затем генерал Лукомский направил письмо Врангелю, настаивая, чтобы он не сопротивлялся вхождению офицеров в эти группировки. На встрече с председателем РОВСа в Париже Лукомский, выступая уже от имени великого князя, повторил то же самое, заметив, что им известно о намерении Врангеля запретить офицерам вступать в эти группировки. Барон, в свою очередь, направил письменный доклад великому князю о недопустимости вступления офицеров в политические организации, добавляя, что без его поддержки не может руководить Русской Армией (РОВС). Вслед за этим Лукомский от имени великого князя продолжил переговоры с ним об этом. В конце концов, 5 июня 1926 года последовал рескрипт великого князя Николая Николаевича, подтверждавший приказ № 82 в отношении этих двух указанных политических группировок. Доведенный до Врангеля через генерала Кондзеровского он заявил, что эти две группировки еще окончательно не организованы и работа их не определена в одном направлении, поэтому будет преждевременно разрешить чинам РОВСа участвовать в их деятельности. Генерал Врангель возражал и против участия чинов РОВСа в сборах, организуемых этими объединениями в Фонд (Казну) Спасения России, рассматривая это как политическую деятельность, но великий князь Николай Ни-

колаевич отдал ему распоряжение о разрешении участия воинских чинов в этом, ибо указанный фонд находился в его распоряжении²².

Весной 1926 года, когда шла подготовка к Российскому Зарубежному съезду, в эмиграции начались выборы делегатов и развернулась дискуссия вокруг планируемого проведения после этого форума так называемого Монархического съезда, призванного собрать представителей монархических организаций различных направлений и оттенков. 28 апреля генерал Кусонский направил начальникам отделов РОВСа распоряжение генерала Врангеля, в котором указывалось, что в ряде мест уже имеются случаи без ведома и согласия свыше выборов на съезд лиц, состоящих в Русском Обще-Воинском Союзе. Если персональное участие членов РОВСа и может иметь место в Зарубежном съезде, так как он имеет целью «широкое объединение зарубежных сил на основах, провозглашенных Великим Князем Николаем Николаевичем, указывалось в распоряжении, то участие членов Союза в Монархическом съезде, с втягиванием в борьбу между отдельными фракциями монархического лагеря «является совершенно недопустимым»²³. Но подобное предписание генерала Врангеля неизбежно должно было привести и привело к новым резким нападкам на него со стороны монархистов Русского Зарубежья.

Таким образом, председатель Русского Обще-Воинского Союза генерал Врангель продолжал находиться в это время в поле нелицеприятной критики, интриг и попыток установления все более жесткого контроля над его деятельностью со стороны окружения великого князя Николая Николаевича. Например, 23 апреля 1926 года начальник канцелярии по военным делам при великом князе генерал Кондзеровский предписал направлять для одобрения всю информацию, не касающуюся непосредственно жизни РОВСа, а носящую характер или общий, или политический. Усиливалась изоляция генерала Врангеля, готовилась ликвидация его штаба. Его связи с Армией предполагалось ослабить и посредством переезда его из Королевства СХС предположительно в Брюссель. Все это должно было в итоге привести к отходу или отстранению генерала Врангеля от дел и занимаемой должности председателя РОВСа и главнокомандующего.

В мае 1926 года генерал Врангель специально прибыл из Королевства СХС во Францию, чтобы встретиться с великим князем Николаем Николаевичем и обсудить комплекс назревших вопросов о будущем армии, РОВСа и себя лично. Интересным источником о сложившейся ситуации и развитии событий с участием генерала Врангеля во Франции в это время являются письма близкого ему человека, с которым барон доверительно обсуждал происходящее, - генерала Шатилова. Они датируются 6 и 8 июня 1926 года и адресованы генералу Кусонскому, а копии их были направлены генералу фон Лампе в Берлин. Шатилов писал Лампе, что, если Кусонский признает целесообразным, он может показать эти письма генералам Абрамову и Барбовичу, при условии, что они никому не будут о них говорить. При всей несомненной субъективности автора писем - генерала Шатилова они дают достаточно подробное и интересное представление о том, что происходило в это время в руководстве Русского военного Зарубежья и как складывались личные взаимоотношения его лидеров.

Характеризуя ситуацию в Париже - Шуаньи (резиденции великого князя Николая Николаевича), генерал Шатилов в своем письме от 6 июня указывал: «Положение для Русской Армии складывается чрезвычайно тяжелое. Может быть за все время нашего изгнания никогда еще наша судьба не находилась под такую сильную угрозой удара, направленного на истребление нашего армейского организма. Как ни грустно сознавать это, но удар этот направляется не нашими врагами, а окружением того Лица, которое мы признали своим Вождем, да, конечно, и Им самим». Шатилов писал, что уже во время первых дней пребывания Врангеля в Брюсселе, куда тот приехал до посещения Франции, он докладывал ему «о той сгущенной атмосфере, которая к тому времени создалась в ШУАНЬИ». Но Врангель не соглашался с ним в оценке ситуации и был уверен в возможности дальнейшего сотрудничества с великим князем. Первая встреча председателя РОВСа и великого князя, казалось бы, давала основания рассчи-

тивать на улучшение в дальнейших их отношениях. Но, продолжал Шатилов, это впечатление складывалось недолго. Вскоре выяснились серьезные расхождения позиций по вопросам участия военнослужащих в составе образовавшихся после Зарубежного съезда «Патриотического» и «Центрального» объединений. Две недели назад у великого князя состоялось совещание его подчиненных из ближайшего окружения (Кутепов, Скалой, Оболенский, А.Ф. Трепов и др.) для обсуждения мероприятий по дальнейшему объединению общественности после Зарубежного съезда, куда был приглашен и генерал Врангель. Но его заранее предупредили, что его точка зрения (как и остальных военных участников совещания) «нежелаема быть высказана». Поэтому барон участвовал в этом совещании как статист.

Далее генерал Шатилов сообщал, что 5 июня получил через генерала Кондзеровского приказание великого князя о переложении не позднее 1 августа 1926 года работы штаба главнокомандующего на управление I отдела, о сокращении сметы еще на 150 долларов и о переезде генерала Врангеля в Брюссель. Последнему предписывалось также сообщать обо всех суммах, находящихся в его распоряжении и которые будут поступать впредь. Если новых финансовых средств изыскано не будет, то великий князь предупреждал о возможности изменения в этом случае организации РОВСа. «Ты не можешь себе представить, какое тяжелое чувство я испытал, читая это распоряжение, - писал Шатилов Кусонскому. - Оно сплошь пропитано недоверием П.Н. (Петру Николаевичу Врангелю - В.Г.) и желанием отнять у него возможность производить по своему усмотрению даже самые мелкие ассигнования. Как видишь, обстановка сложилась совершенно нетерпимая. Полное игнорирование Петра Николаевича ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ и проявление недоверия к первому подчеркивается в каждом сношении, в каждом разговоре с людьми, непосредственно работающими с Е.И.В. (Его Императорским Высочеством - В.Г.). Мало того, намеченные шаги совершенно ясно для меня направлены к полному уничтожению всего того, что было с таким трудом достигнуто за 6 лет нашего изгнания». Генерал Шатилов утверждал, что следующим шагом после передачи функций штаба управлению I отдела будет замена генерала Хольмсена (начальника этого отдела) Лукомским с сосредоточением в его руках всех докладов по РОВСу и резюмировал: «Во всем этом деле окружению В.К. (великого князя - В.Г.) надо было бы осуществить мероприятия, которые вынудили бы П.Н. (Врангеля - В.Г.) уйти самого, так как прямое отчисление для них было бы невыгодно. Работа в этом направлении уже началась».

Обобщая вышеизложенное, генерал Шатилов писал, что сношения Кондзеровского, последнее предписание великого князя, не разрешающее вопроса о применении приказа № 82, и его уклонение от принятия докладов Врангеля, беседы Лукомского с последним - «все это свидетельствует о желании создать обстановку, при которой сохранение П.Н. (Врангелем - В.Г.) за собою должности ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО стало бы невозможно». «Мне всегда казалось, - продолжал Шатилов свои размышления, - что окружение В.К. (великого князя - В.Г.) очень желает уничтожить наш армейский организм, с тем, чтобы лишить П.Н. (Врангеля - В.Г.) возможности иметь неустанное влияние на своих соратников. Однако я еще недавно думал, что ШУАНЬИ никогда не решится подрубить тот сук, на который оно отчасти и само опирается, и не согласится на уход П.Н. Однако в последние дни я убедился в том, что эти мои предположения неверны, и сегодня было этому убедительное доказательство». Шатилов ссылается на состоявшуюся встречу и беседу генералов Врангеля и Лукомского, в ходе которой последний заявил, что «в нынешних условиях взаимного недоверия, единственным выходом из положения был бы, пожалуй, отход П.Н. (Врангеля - В.Г.) от работы», и о возможности этого высказался и сам барон.

6 июня состоялась продолжительная беседа Врангеля и Шатилова, в ходе которой они анализировали сложившуюся ситуацию и искали выход из создавшегося положения и пути противодействия ликвидационным настроениям, существующим в окружении великого князя. Но шансы на успех в борьбе с Шуаньи были невелики. Сложность положения генерала Врангеля усугублялась, по мнению Шатилова, и тем обстоя-

тельством, что в эмиграции усиливалось разочарование деятельностью великого князя Николая Николаевича, и в данной ситуации люди из окружения последнего могли выставить именно председателя РОВСа виновником этого: «При таких условиях могло произойти прямое его отчисление, что Армия переживет еще более тягостно, нежели уход его в порядке необходимости сберечь возможно дольше последние остатки наших средств».

На следующий день, 7 июня, генерал Врангель должен был ехать в Шуаньи для встречи с великим князем по вызову последнего. «Лично у меня мало надежды на то, - писал Шатилов, - что это свидание может урегулировать сложившиеся ненормальные отношения. Я прежде всего уверен в том, что В.К. (великий князь - В.Г.) просто не даст П.Н. (Врангелю - В.Г.) высказаться. Если же наступит некоторое смягчение отношений, то все равно дальнейшая работа окружения постепенно создаст обстановку, еще худшую нынешней». Шатилов видел шанс на спасение в отъезде генерала Врангеля в Сремски Карловци, но добавлял, что этого не позволяют средства, а, кроме того, уже поступило распоряжение великого князя о его переезде по финансовым соображениям в Брюссель. «Дай Бог, чтобы все то, что я написал, хотя бы в части являлось ошибочным или преувеличением, - подводил итоги своих невеселых раздумий в письме Кусонскому генерал Шатилов, - чему я, однако, не верю совершенно. Поведать же тебе свои мысли я счел своим долгом».

В конце письма его автор поставил еще один вопрос: как сделать так, чтобы возможный отход генерала Врангеля от дел не привел бы к разрушению сложившейся армейской организации. Он считал необходимым принять меры, чтобы все начальники отделов остались бы на месте, а также обеспечить поддержку друг друга, дожидаясь момента, когда «разложение в рядах общественности выведет В.К. (великого князя - В.Г.) из строя» и когда «только имя П.Н. (Врангеля - В.Г..) сможет вновь сплотить нашу армейскую среду»²⁴.

8-м июня датируется следующее письмо генерала Шатилова Кусонскому, в котором речь идет уже об итогах состоявшегося свидания Врангеля с великим князем Николаем Николаевичем. По выражению автора письма, Врангель «высказался до дна», заранее испросив у великого князя разрешения на это. Он начал с того, что указанное в письме генерала Кондзеровского сокращение сметы на 150 долларов можно осуществить только за счет сокращения должности главнокомандующего. Он добавил, что не только это заставляет его ставить вопрос о своем уходе, но и отсутствие доверия к нему со стороны великого князя, ибо условие существования Армии виделось барону в том, чтобы «все, от главнокомандующего до рядового были пронизаны одной идеей». Врангель заявил, что в настоящее время поколеблен авторитет великого князя, и многие общественные круги ищут другого выхода из положения, посягая на Армию и пытаясь привлечь его, главнокомандующего, на свою сторону. Он сравнил сложившуюся ситуацию с положением после развала Новороссийска (в конце 1919 - начале 1920 года), когда все недовольные Деникиным старались создать интригу с опорой на его, Врангеля, имя. Он заявил, что боится этого и просит освободить его от должности, передав заранее подготовленный проект приказа о своем уходе. Барон подчеркнул, что считает более полезным для дела не отчисление его великим князем, а освобождение от должности своим приказом.

Ответ великого князя заключался в том, что о его недоверии Врангелю не идет речи, и тот сам просил его стать во главе дела. Уход генерала он считал невозможным, так это было бы бегством с поля сражения, а, во-вторых, - он, великий князь, осуществляет задачи, которые будут сорваны уходом Врангеля. Вместе с тем, хозяин Шуаньи упомянул, что Врангель беседует с различными общественными деятелями, на что последний отвечал, что все беседы ведутся в частном порядке и ради сохранения армии. Барон просил дать ему возможность самостоятельно распоряжаться всеми поступающими к нему средствами, чтобы упредить те шаги, которые великий князь в случае истощения средств предпримет, и получил согласие последнего²⁵.

Таким образом, был взят своего рода тайм-аут с сохранением статус-кво. Отношения великого князя и председателя РОВСа формально сохранялись и поддерживались, и все как будто оставалось на своих местах. Но на деле, шаг за шагом происходило дальнейшее ослабление позиций и изоляция генерала Врангеля, свертывалась деятельность его штаба, а он сам готовился к тому, чтобы покинуть Балканы, что означало не что иное, как ослабление его связей с армией. Иначе говоря, события развертывались по второму из предсказанных генералом Шатиловым возможных сценариев взаимоотношений между генералом Врангелем, с одной стороны, и великим князем Николаем Николаевичем с его окружением, с другой.

8 июля 1926 года состоялась встреча и беседа генерала Врангеля с журналистом «Нового Времени». Предметом беседы стало ситуация в Русском Обще-Воинском Союзе в связи с возможным отъездом Врангеля в Брюссель. В настоящее время, сообщил он, происходит переход Армии на трудовое положение и самообеспечение, и на иждивении казны остались лишь центральное управление РОВСа, управления его отделов (военные представительства) и штаб главнокомандующего. С целью дальнейшего сокращения расходов работу штаба планируется возложить на управление I отдела РОВСа, на территорию деятельности которого планировал переехать и сам барон. Текущая работа штаба сводилась, по утверждению Врангеля, к подысканию работы переехавшим с Балкан в Западную Европу, а его переезд туда же облегчит эту работу, и к тому же это даст ему возможность не ложиться бременем на последние скудные остатки казны²⁶.

18 июля 1926 года генерал Кусонский направил циркулярное послание, адресованное начальникам отделов РОВСа, председателям офицерских союзов и обществ, начальникам частей, воинских групп и рабочих партий. В нем указывалось, что в связи с предстоящим отъездом генерала Врангеля из Королевства СХС в ряде органов русской и иностранной печати появляются тенденциозные заметки, например, о сложении им должности главнокомандующего, об упразднении организации, об изменении порядка управления и т.д. Предупреждая, что подобные сообщения будут появляться и в дальнейшем, в письме со ссылкой на распоряжение Врангеля предписывалось разъяснять в подведомственных и подчиненных организациях, что об уходе его с занимаемого поста нет никакой речи, и перемена им местопребывания ничего не изменяет ни в организации РОВСа, ни в порядке управления и связи²⁷.

14 октября 1926 года генерал Врангель издал, находясь еще в Сремских Карловцах, приказ № 29. В нем указывалось, что по его представлению верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с целью сокращения расходов возложил работу штаба главнокомандующего на управление I отдела РОВСа. К 1 ноября 1926 года штаб главнокомандующего расформировывался, а дела и архивы переходили к начальнику I отдела. Все доклады, донесения, представления от начальников отделов и войсковых групп, направляемые генералу Врангелю, следовало адресовать на управление начальника I отдела РОВСа, на имя генерала Кусонского. С 1 ноября в соответствии с приказанием великого князя местом временного пребывания Врангеля становилась столица Бельгии - Брюссель. В непосредственном подчинении генерала Врангеля после его отъезда из Королевства СХС оставались «в общем порядке службы» начальник кавалерийской дивизии генерал Барбович и начальник Кубанской казачьей дивизии генерал Зборовский, но по вопросам местного характера они подчинялись начальнику IV отдела. В связи с предстоящим переездом председателя РОВСа в Брюссель из подчинения начальника I отдела Союза был изъят начальник бельгийского подотдела генерал Гартман и непосредственно подчинен генералу Врангелю. Центральным и Главным правлениям офицерских обществ и союзов (которые по Положению о РОВСе должны были находиться в той стране, где находится начальник Союза) было предписано оставаться в Королевстве СХС и ждать новых указаний²⁸.

Расформирование штаба главнокомандующего Русской Армией в Сремских Карловцах и переезд самого генерала Врангеля в Брюссель знаменовали собой существенные изменения в конфигурации и соотношении сил в руководстве Русского Обще-

Воинского Союза. Тем самым, свертывалось двоецентрие, фактически существовавшее в нем ранее в виде Шуаньи (резиденции великого князя Николая Николаевича, политического и военно-политического центра РОВСа) и Сремских Карлович (месторасположения председателя РОВСа, главнокомандующего Русской Армией и его штаба), олицетворявших непосредственную связь с Белым движением и непримиримой борьбой с большевиками в годы Гражданской войны в России. Оставление главнокомандующим частей Русской Армии, расквартированных и находившихся на трудовом положении в Королевстве СХС, важном центре формирующегося Русского военного Зарубежья, и переезд в периферийную Бельгию объективно ослабляли позиции генерала Врангеля и его влияние в Русском Обще-Воинском Союзе и в кругах военной эмиграции. Хотя барон и пользовался по-прежнему несомненным и высоким моральным авторитетом и формально сохранял за собой право издания приказов по РОВСу.

Происходившие перемены укрепляли или, по крайней мере, призваны были укрепить позиции в Русском Обще-Воинском Союзе и в Российском военном Зарубежье великого князя Николая Николаевича (который воспринимался широкими слоями эмигрантов-военнослужащих как бывший верховный главнокомандующий периода Великой войны), а также его претензии (или претензии его окружения) на роль вождя эмиграции и будущей Национальной России.

Все происходившее повышало и акции генерала Кутепова, превращавшегося в своего рода антагониста генерала Врангеля, который воспринимался, с одной стороны, как ближайший сподвижник и доверенное лицо великого князя Николая Николаевича, а с другой, - олицетворял собой решительность и бескомпромиссность действий эмиграции против советской власти, выступая как руководитель и уполномоченное лицо великого князя в деле проведения активной (особой) работы против СССР, организации подрывной и террористической деятельности в этой стране, приближая тем самым будущую войну с большевиками и достижение столь желанного и закономерного рванша.

3 ноября 1926 года генерал Врангель в сопровождении личного секретаря Н.М. Котляревского отбыл в Брюссель, где проживала его семья. Последней остановкой председателя РОВСа на югославской территории по пути в Бельгию стало местечко Субботица, где состоялась встреча и прощание генерала с боевыми соратниками. Вслед за главнокомандующим в Бельгию отбыли также два его ближайших помощника по военной части - генералы П.А. Кусонский²⁹ и А.П. Архангельский.

Финансово-экономическая ситуация в РОВСе в это время продолжала оставаться сложной, и это по-прежнему вызывало большую озабоченность генерала Врангеля. В его письме начальникам отделов Союза от 28 августа 1926 года указывалось на дефицит средств и пути самообеспечения отделов Русского Обще-Воинского Союза: взносы офицерских собраний и союзов, привлечение частных капиталов, устройство концертов, вечеров, взимание платы с лиц, обращающихся за справками, рекомендациями, удостоверениями и т.п. К 1927 году на средства главного командования содержались только канцелярия главнокомандующего и управления I - IV отделов, располагавшиеся соответственно в Париже, Берлине, Софии и Белграде. Общий бюджет РОВСа составлял 15 тысяч франков в месяц³⁰.

Длительное нахождение в эмиграции и старение воинского контингента армии, с одной стороны, а с другой, - взросление растущего за пределами Родины контингента эмигрантской молодежи поставило на повестку дня вопрос о необходимости работы с последней и привлечения ее к деятельности Русского Обще-Воинского Союза. 4 декабря 1926 года генерал Кондзеровский направил письмо генералам Врангелю и Лукомскому, в котором говорилось о крайней желательности пополнения существующих полковых объединений молодыми людьми, обучения их физическим упражнениям и спорту, ознакомления с традициями и укладом Армии и воинской дисциплиной. 12 декабря того же года генерал Врангель издал приказ №42 о работе с молодежью. Начальникам отделов предписывалось принять все меры для сближения русской молодежи с Армией. Разрешалось принимать в офицерские и другие организации молодых людей,

ранее не служивших, включать их в число членов РОВСа при условии, что они не состоят в политических организациях³¹.

Актуальной для Русского Обще-Воинского Союза проблемой являлась дисциплина его членов. Основной инстанцией и единственной принудительной силой для офицерства в эмиграции выступали суды чести, учрежденные приказом генерала Врангеля № 34 в 1925 году. За серьезные дисциплинарные проступки генералы и офицеры могли быть исключены из своих воинских союзов и объединений, а вслед за этим и из РОВСа. Для солдатских чинов сохранялась власть воинских начальников, и высшей мерой с их стороны могло стать исключение подчиненных из воинских частей.

Поддержание боевого духа военнослужащих «армии в изгнании», сохранение и приумножение высокого боевого мастерства офицеров, осмысление с этой целью опыта только что минувших сражений Первой мировой и Гражданской войн занимало важное место в деятельности Русского Обще-Воинского Союза и в целом Российского военного Зарубежья. Большой вклад в изучение и популяризацию в военной эмиграции истории и военного искусства Первой мировой и Гражданской войн вносили генералы А.К. Байов, А.В. Геруа, Н.Н. Головин, Б.А. Штейфон, полковник А.А. Зайцов и др. В этом списке нельзя не назвать и имя генерала А.И. Деникина, добавив, впрочем, что он с самого начала держался в эмиграции особняком и чем далее, тем более превращался в оппонента РОВСа (или его превращали в такового). Большое значение для воссоздания истории Белой борьбы имело начатое в Берлине издание альманаха «Белое дело», осуществлявшееся по инициативе и при активнейшем участии начальника II отдела РОВСа генерала фон Лампе. Руководящие документы Русского Обще-Воинского Союза предусматривали разработку организационных, тактических и технических вопросов, связанных с комплектованием армии и обучением войск, пересмотр уставов и других положений. Для подбора и систематизации этих материалов была создана специальная военно-научная комиссия.

Особую и исключительно важную роль в военно-научной работе эмиграции, создании системы подготовки и повышения квалификации военных кадров играл по-прежнему генерал Н.Н. Головин. В его работе «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» был обобщен накопленный в последние годы боевой опыт, который необходимо было знать и использовать в современной практике военного строительства и в военном образовании. Успешно развивались созданные им «Курсы высшего военного самообразования». Деятельность генерала Головина получила одобрение великого князя Николая Николаевича, который высказался за создание «Военно-научных курсов систематического изучения современного военного искусства» в Париже. Великий князь считал, что в их основе должно лежать Положение о бывшей Императорской Николаевской Академии в редакции 1910 года, а окончившие курсы должны были причисляться к Генштабу будущей Российской Армии.

22 марта 1927 года в Париже были открыты Зарубежные Высшие военно-научные курсы, возглавляемые генералом Головиным. Он поставил перед ними следующие задачи: 1) поддержание трудами учебного персонала русской военной науки на уровне современных требований; 2) создание кадра русских офицеров с современным высшим военным образованием, способных мыслить и творить во всех вопросах, связанных с военным делом; 3) распространение военных знаний среди русской военной эмиграции. Курсы были зарегистрированы при правительстве Франции как «Общество русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий» и через год переименованы с благословения великого князя Николая Николаевича в «Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина». В основу их была положена система обучения в Николаевской военной академии. Прохождение курса обучения было рассчитано на 4,5 - 5 лет. При Зарубежных Высших военно-научных курсах были учреждены военно-училищные курсы, дававшие среднюю военную подготовку и возможность продолжать в дальнейшем обучение на высших курсах. К преподаванию были привлечены ведущие русские военные ученые-эмигранты.

В письме генерала Головина от 3 декабря 1928 года задачи Зарубежных Высших военно-научных курсов определялись следующим образом: 1) привлечь широкий командный состав бывшей Армии для военно-научной разработки многочисленных вопросов, выдвинутых мировой войной; 2) издание военно-научных работ для распространения военных знаний среди русского офицерства по различным странам мира; 3) возможность многочисленным русским офицерам в Париже получить высшее военное образование в рамках современной военной академии. Он информировал, что к настоящему времени привлечены 16 лиц в качестве лекторов для разработки важнейших отделов военной науки; напечатано более 2500 страниц военно-научных трудов. Среди 86 обучаемых слушателей 47 были старшего класса, 39 - младшего класса, а также около 30 вольнослушателей³².

Для чинов РОВСа была создана также Офицерская школа усовершенствования военных знаний, в которой они знакомились с новейшими достижениями мировой военной науки. В 1927 году в Белграде были созданы годовые курсы современного военного дела, призванные способствовать обновлению теоретических знаний офицерства. Для генералов и опытных офицеров организовывались лектории, военно-научные общества, офицерские собрания. Во второй половине 20-х годов в Белграде были организованы три конкурса на лучший военно-научный труд. Офицерами и генералами было прочитано более 200 докладов³³.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза предпринимало и активные шаги по привлечению в свой состав и к военному обучению эмигрантской молодежи. С этой целью в 20-е годы в ряде стран Европы была создана сеть военно-учебных заведений по образцу существовавших в императорской России военных училищ и кадетских корпусов. Создавались общества военного самообразования и военного воспитания молодежи с целью формирования резервов военных кадров Русской армии. Генерал Врангель издал в 1926 году циркуляр о приеме молодых эмигрантов в войсковые части и полковые объединения в качестве кандидатов, а в 1930 году было введено в действие «Положение о приеме в воинские организации РОВС молодых людей, ранее в войсках не служивших»³⁴.

Подготовка и повышение квалификации военных кадров, осмысление проблем военной теории и, в частности, опыта Гражданской войны, причин неудач белых армий в борьбе с большевиками - все это было направлено, в конечном счете, на воссоздание через РОВС и при посредстве его новой русской армии, выработку военно-политической доктрины и стратегии реванша в новой войне с большевиками.

Усилия руководства Русского Обще-Воинского Союза, направленные на единение российской военной эмиграции, поддержание ее боевого духа и готовности к новым военным испытаниям, неизбежной грядущей войне с большевиками, сочетались с попытками организации так называемой «активной работы» на советской территории, созданием в СССР антисоветского подполья, поддержкой и расширением здесь антибольшевистского движения. Впрочем, необходимо заметить, что при жизни генерала Врангеля работа по сбору средств на «активную работу» и их использованию формально пыталась быть отделена от официальной деятельности Русского Обще-Воинского Союза. «Активная работа» сосредотачивалась в руках генерала Кутепова, находившегося в непосредственном распоряжении великого князя Николая Николаевича и работавшего под его личным руководством. Генерал Врангель, как утверждал впоследствии генерал Миллер, оказывал лишь небольшое финансовое содействие этой работе из средств, имевшихся у него в свое время от продажи Петроградской ссудной кассы.

Наряду с заброской террористических групп и высадкой десантов, в белоэмиграции с начала 20-х годов вынашивались замыслы и более масштабных операций против Советской России. В конце 1925 года на секретном совещании у великого князя Николая Николаевича с участием генералов Врангеля, Деникина, Кутепова, Эрдели, Лукомского и представителей английского (капитан Хенкен) и французского (адмирал Дюгюи) генеральных штабов обсуждался вопрос о подготовке повстанческих отрядов для начала новой гражданской войны на территории СССР. Численность повстанче-

ских отрядов предполагалось довести до 6 тысяч человек. Генералы Кутепов и Эрдели информировали о деятельности антисоветского подполья в СССР и предложили безотлагательно заняться практической подготовкой новой антисоветской интервенции. Но представители Антанты заявили лишь о моральной поддержке обсуждаемых планов, но от практических обещаний уклонились³⁵.

Вместе с тем, сложное материальное положение русских военных эмигрантов заставляло их самих и их командиров размышлять о применении профессиональных знаний в горячих точках мира. В майской переписке 1925 года между генералами П.Н. Шатиловым и В.К. Витковским обсуждалась, например, полученная информация о том, что командир Дроздовского стрелкового полка генерал А.В. Туркул собирается определить своих подчиненных на службу в Иностраннный легион Испанской армии в Марокко и ведет предварительные переговоры. Но эта акция была воспрещена генералом Врангелем³⁶, который хотел сохранить русские воинские контингенты для продолжения борьбы с большевиками.

В 1925 - 27 годах происходило резкое обострение англо-советских отношений. Консервативное правительство Великобритании последовательно придерживалось линии на изоляцию СССР. В июне 1926 года английское правительство вручило Совнаркому ноту, в которой обвиняло его во вмешательстве во внутренние дела Англии. В Европе англичане делали, в частности, ставку на сближение Германии с Антантой и разрыв Германии с СССР, а в Азии - на ослабление позиций СССР в Китае, где сложно и противоречиво развивались революционные события и в то же время разгоралась гражданская война. В ноте от 23 февраля 1927 года английское правительство обвиняло СССР в нарушении англо-советского торгового договора и во вмешательстве во внутренние дела Китая.

Реагируя на происходящие международные перемены, генерал Врангель писал 26 февраля 1927 года Н.Н. Чебышеву: «Общая обстановка складывается сейчас так, что открывается возможность работы, еще недавно закрытая». Среди некоторой части иностранных кругов, продолжал он, начинает проявляться интерес к русским национальным силам, «желают говорить и идут говорить». Вместе с тем, председатель РОВСа указывал на предвзятость зарубежного освещения русского вопроса и ссылаясь на то, что беседа с Вандервельде его еще раз в этом убедила. Врангель подчеркивал необходимость вести активный диалог и в Лондоне, и в Берлине³⁷.

Внимательно и с особой надеждой белые генералы присматривались к событиям, разворачивавшимся в 20-е годы на Дальнем Востоке, с одной стороны, они надеялись на столкновение Японии и СССР и новую японскую интервенцию на советский Дальний Восток. С другой стороны, разгоравшаяся гражданская война в Китае также давала шанс на столкновение войск китайских милитаристов с Советским Союзом. И если руководство СССР направляло своих военных советников в Китай в помощь левым силам, то немало русских офицеров здесь служило в войсках их противников.

Первая попытка создать русский легион из бывших военнотружущих-эмигрантов была предпринята китайским маршалом Чжан Цзо-Лином для борьбы против генерала Фын Юй Сяна. Формирование отряда было поручено генерал-майору М.М. Плешкову, к которому в Мукден прибыло более 300 добровольцев. Но они оказались без дела, так как противники заключили перемирие. В 1924 году по распоряжению маршала Чжан Цзо-Лина был сформирован «Русский отряд» под командованием генерала К.П. Нечаева, на поступление в который смотрели как «просто на работу или службу». Его численность достигла 4 тысяч человек, и в составе войск Чжан Цзо-Лина он сражался против войск Гоминьдана, поддерживаемых в тот период СССР. В 1927 году специальный «Русский отряд» был создан при «Международном волонтерском корпусе» в Китае. Начальником отряда являлся капитан I ранга Н.Г. Фомин. Отряд состоял из двух рот по 125 штыков в каждой. Инспектором и почетным советником по делам при командире корпуса полковнике английской службы Гордоне был генерал-лейтенант Глебов. Вместе с тем, руководство Русского Обще-Воинского Союза не переоценивало возникавшие здесь возможности, и в марте 1927 года генерал Врангель в

предписании начальникам отделов РОВСа опроверг распространявшиеся сообщения о, якобы, готовившейся отправке русских офицеров на службу китайскому маршалу Чжан Цзо-Лину³⁸.

Весенние события 1927 года, характеризовавшиеся разрывом дипломатических отношений Англии с СССР (27 мая), а также провокациями и вооруженными налетами отрядов китайских милитаристов (при активном участии англичан) на советские дипломатические и экономические учреждения в Китае, резко обострили международную ситуацию и активизировали интерес Русского Зарубежья к событиям на Дальнем Востоке, обусловили участие ряда русских военных эмигрантов (и их вооруженных формирований) в происходивших там вооруженных столкновениях.

В июне 1927 года начальник группы русских войск в Шаньдуне полковник М.А. Михайлов направил рапорт генералу Лукомскому, уполномоченному великого князя Николая Николаевича на Дальнем Востоке, в котором содержалась подробная информация о противоречивой ситуации с русскими военными служащими, участвовавшими в гражданской войне в Китае. В войне Северного Китая с красным Югом принимали участие, по сообщению Михайлова, в составе Шаньдунских войск генерала Чжан-Цзун-Чана 65-я дивизия под командованием генерал-лейтенанта Нечаева в составе 166-й бригады (около 300 штыков) и 176-й китайской бригады с русскими инструкторами (около 600-700 штыков), 6 броневых поездов под командованием генерал-майора Чехова, конвойная сотня при китайском маршале, Русский Авиационный отряд и 2-й Конный полк (400 сабель и 6 пулеметов «Кольт»), разворачивающийся в Конную бригаду.

Сам генерал Нечаев был тяжело ранен еще в 1926 году, и у него была ампутирована часть ноги. Полковник Михайлов докладывал о сложной ситуации, сложившейся у генерала Нечаева и его окружения в отношении ориентации на одного из претендентов в борьбе за царский престол. Несмотря на неоднократные напоминания полковника Михайлова, Нечаев так и не принял никаких мер к установлению связей с генералом Бурлиным, помощником генерала Лукомского. Напротив, начальник штаба генерала Нечаева и его идейный вдохновитель (по утверждению Михайлова) генерал-майор китайской службы (в прошлом войсковой старшина Забайкальского казачьего войска) Куклин являлся представителем Жадвойна. Последний, в свою очередь, был представителем великого князя Кирилла Владимировича. Более того, во время отсутствия по ранению генерала Нечаева Куклин перевел Жадвойну на нужды организации великого князя Кирилла Владимировича, деньги, собранные в дивизии в Особую казну великого князя Николая Николаевича, Полковник Михайлов докладывал также, что несмотря на все его усилия по устранению из командного состава 65-й дивизии всех лиц, нейтральных или не выражавших открыто подчинения великому князю Николаю Николаевичу, генерал Куклин, наоборот, стремился насаждать при помощи генерала Нечаева своих людей.

По утверждению Михайлова, китайцы не рассматривали русских военнослужащих как союзников в борьбе с красными, а генерал Нечаев, со своей стороны, никаких мер к этому не предпринимал, хотя шовинистические настроения китайских генералов можно было использовать для этого. Встречаясь с японцами (Квантунским генерал-губернатором Сиракава и помощником японского военного атташе в Пекине), полковник Михайлов доказывал необходимость перевести русские части в Китае на положение, в котором в свое время находился Чехословацкий корпус в России. Ему было указано, что это возможно при некоторых условиях и после изменения международной политики. Участие белых русских в войне в Китае было негласно санкционировано дипломатическим корпусом в Пекине. Но формально русские оставались наемниками, и генерал Нечаев подчеркивал, что это облегчает ему взаимоотношения. В заключении своего рапорта полковник Михайлов резюмировал, что будет все-таки неправильно утверждать, что генерал Нечаев не подчиняется великому князю Николаю Николаевичу. Во всяком случае, утверждал автор рапорта, он (Нечаев) «безусловно не пойдет с Атаманом Семёновым, так как сам мнит себя Атаманом не меньше Семёнова»³⁹. Забегая

вперед заметим, что после убийства маршала Чжан Цзо-Лина в 1928 году отряд генерала Нечаева был расформирован.

18 июня 1927 года по указанию великого князя Николая Николаевича и под председательством генерала Лукомского состоялось совещание в связи с событиями на Дальнем Востоке, призванное рассмотреть вопросы, имеющие «чрезвычайное значение». Актуальность совещания объяснялась и тем обстоятельством, что Русское Зарубежье было плохо осведомлено о ситуации здесь. В нем принимали участие как политики и гражданские лица, например, Трепов, Крупенский, Оболенский, Трубецкой, Алексинский, так и генералы Кондзеровский, Кутепов, Краснов и др. Генерал Врангель, приглашенный принять участие в совещании, проигнорировал его, направив письмо с адрес генерала Лукомского⁴⁰. Своим сподвижникам председатель РОВСа объяснял это недоброжелательным отношением к нему генерала Лукомского, непосредственно отвечающего по поручению великого князя за дальневосточное направление (да и всего окружения Николая Николаевича). Врангель полагал, что собранные лица вряд ли в состоянии принять необходимые и компетентные решения в отношении Дальнего Востока.

Генерал Лукомский, открывая указанное совещание, поставил вопрос, какое значение может иметь Дальний Восток в общей работе по подготовке свержения власти большевиков в СССР. По его мнению, этот регион имел большое значение, ибо здесь находились значительные общественные и белогвардейские вооруженные силы, боевые ячейки во многих городах Китая и, вместе с тем, здесь не было организованных сил, на что указывал и великий князь Николай Николаевич. Генерал Кутепов подчеркнул в своем выступлении, что перед совещанием стоят слишком широкие задачи, которые будут решаться в полном объеме, когда будут деньги. Пока же он предложил обсудить на совещании интересующие великого князя вопросы: об идее создания буферного государства на Дальнем Востоке и что следует предпринять, если такое государство будет создано, а также об отношении к участию во внутриусобной борьбе в Китае отряда генерала Нечаева.

Сам генерал Кутепов выразил отрицательное отношение к идее буферного государства, подчеркнув, что пусть лучше там стоит Красная армия, чем будет буфер под протекторатом Японии. Против идеи буферного государства высказался и генерал Савич, указав, что его создание с санкции других стран доставит нам много хлопот. Другое дело, если там будет создано какое-либо новообразование вроде Дона, Кубани или Терека. И.П. Алексинский предложил подойти к этому вопросу с другой стороны и высказался за освобождение от большевиков хотя бы части России путем создания буферного государства. Там будет русская власть, и бояться, по мнению Алексинского, было нечего, ибо это будет все-таки русское государство. Генерал Лукомский заметил, что идею буферного государства поддерживает генерал Хорват. Но в итоге Лукомский, учитывая настроения большинства участников совещания, предложил по этому вопросу следующую формулу: «Образование буферного государства под протекторатом Японии и при условии расплаты за это в будущем компенсациями - нежелательно». За это высказалось большинство, а против - три участника совещания.

Второй вопрос, поставленный генералом Лукомским перед участниками совещания, заключался в том, полезно ли для русских участие в составе армии маршала Чжан Цзо-Лина. В ходе обсуждения были высказаны противоположные точки зрения. Указывалось, в частности, на то, что в ходе военных действий в Китае уже выбыло из строя 1500 русских, считавших, что делают там русское дело. Спускаемые из центра указания не запрещали участия русских в указанной армии, но рекомендовали стараться переходить на систему инструкторов в учебных частях.

В результате совещания было выработано единое мнение о необходимости иметь на Дальнем Востоке представительство великого князя Николая Николаевича. Итогом совещания стала формула генерала Лукомского в правке генерала Головина: «Дальний Восток может иметь серьезное значение как в подготовке, так и в свержении коммунистической власти в России только в связи с общей обстановкой»⁴¹.

Особые надежды возлагались руководством военной эмиграции на внутренний раскол в партии большевиков, государственном руководстве и в Красной армии. В информационной справке «Внутреннее положение в ВКП(б) к началу 1928 года», подготовленной аналитическим отделом РОВСа для начальников территориальных отделов, руководителей военных обществ и организаций, отмечалась высокая степень вероятности раскола партии. Контрразведка РОВСа внимательно следила за состоянием Красной армии. Членам подпольных структур ставилась задача «проникать в Красную армию, обращая особое внимание на связь с отдельными лицами из ее командного состава». Предполагалось нанести удар изнутри по РККА и, захватив руководство в ней и уничтожив структуры ВКП(б), повернуть ее на свою сторону⁴².

Особую роль в организации боевой работы российской военной эмиграции и в первую очередь РОВСа против СССР играл генерал Кутепов. В мае 1922 году, как уже упоминалось, он, тогда командующий 1-м армейским корпусом, был арестован по обвинению в участии в подготовке переворота с целью свержения правительства Стамбульского в Болгарии и выслан в Королевство СХС. В 1923 году он создал боевую организацию, объединившую бывших белых офицеров, жаждавших активной борьбы против советского режима. Кутепов являлся поборником активных антисоветских действий, считая, что в России нужно вызвать «революционную детонацию». Огромную роль в этом должны были сыграть, по его мнению, террористические акты, призванные устроить большевистское руководство и создать благоприятную обстановку для массовых антисоветских выступлений населения.

В начале 1924 года великий князь Николай Николаевич предложил Кутепову возглавить подпольную борьбу против СССР. Официальное руководство этой деятельностью он принял, как уже указывалось выше, 21 марта этого года, когда генерал Врангель своим приказом освободил его от обязанностей помощника главнокомандующего и начальника Галлиполийской группы в Болгарии. С 30 ноября 1924 года генерал Кутепов руководил секретной работой РОВСа в качестве лица, состоящего при великом князе. В этот же день великий князь предписал генералу Врангелю отдать распоряжение всем военным представителям и военным агентам сообщать получаемые ими сведения о России, большевиках и о работе их в этих странах генералу Кутепову⁴³.

В последующие годы генерал Кутепов продолжал быть главным организатором деятельности, которая именовалась «активной работой», а в закрытых документах называлась также «тайной борьбой РОВСа» против СССР. В ней использовались все средства. Белоэмигрантские боевики, и в том числе из кутеповской организации, совершили в 20-е годы немало террористических актов против советских политических деятелей и дипломатов. В СССР забрасывались специальные эмиссары и группы для организации антисоветского подполья и повстанческого движения. Эта работа финансировалась из средств так называемого «Фонда Спасения России», который в документах РОВСа именовался также «Особой казной для ведения политической работы по связи с Россией»⁴⁴. Впрочем, эффективность работы Боевой организации генерала Кутепова снижалась не только ее ограниченной численностью, но и прежде всего активным противодействием чекистов.

Так или иначе, но Русский Обще-Воинский Союз в 20-е годы (как, впрочем, и в последующий период) активно вынашивал замыслы военного реванша, постоянно подпитывал сознание эмигрантов слухами и версиями об идущих военных приготовлениях, неизбежных совместных боевых действиях с западными союзниками против СССР. Особые надежды возлагались на недовольство крестьян и их массовое повстанческое движение, разложение Красной армии, советского аппарата, раскол в ВКП(б) и пр. Весьма популярны были планы заговора, проникновения сторонников белого движения в структуры власти и, если не разложение и овладение ими, то парализация их в решающий момент борьбы. В секретной записке, подготовленной в РОВСе в 1928 году, подчеркивалось: «РАССЧИТЫВАТЬ НА СВЕРЖЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ПУТЕМ ШИРОКИХ НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ НЕЛЬЗЯ (выделено в тексте - В.Г.). Массы населения сами по себе не будут свергать нелюбимую власть, но не

будут и поддерживать ее; наоборот, они будут приветствовать ее падение. Само же падение власти может быть произведено тщательно подготовленным активным меньшинством». При этом подготовительной стадией должно было стать «возможно большее проникновение в аппарат советской власти для его дезорганизации и парализования в момент действий или, в лучшем случае, для использования этого аппарата против самой коммунистической власти». Особое значение придавалось проникновению в Красную армию, обращая особое внимание на связь с отдельными лицами из ее коммунистического состава. Рекомендовалось использовать партийные распри в коммунистической партии, обостряя их и доводя до открытого столкновения⁴⁵.

Но пока военные верхи эмиграции и руководство РОВСа вынашивали планы реванша в борьбе с советской властью, основная масса бывших военнослужащих овладевала сложным искусством выживания. Положение их было исключительно трудным, и это относилось как к офицерам, так и к рядовому составу. Драма офицерства заключалась прежде всего в том, что, принимая участие в Гражданской войне, потерпев в ней поражение и будучи выброшено за пределы родины, оно в абсолютном большинстве своем лишилось возможности заниматься своим профессиональным ремеслом - военным делом, получая при этом достойную оплату за свой труд. Бывшие офицеры, посвятившие себя профессиональной военной карьере, как правило, не умели делать ничего другого. Поэтому они стояли перед непростым выбором - становиться наемниками в зарубежных армиях и воинских формированиях или искать иное трудовое поприще, овладевать гражданскими профессиями, зарабатывая на жизнь себе и своим семьям. Выбор в пользу первого варианта делали немногие, тем более, что и спрос на военных наемников после окончания Первой мировой войны был невелик, а конкуренция высокая, когда в мире были миллионы людей уже несколько лет повоевавших, приобретших большой опыт на этом поприще. Часть из них была готова заниматься этим и впредь, поэтому конкуренция за места в Иностраннных легионах и других подобных воинских формированиях была высока. Но главной причиной того, что бывшие русские офицеры не стремились стать иностранными военными наемниками, было все-таки другое: верность данной родине клятве, надежда вернуться в Россию и служить своей стране. Поэтому поиск мирных трудовых занятий, овладение гражданскими профессиями на чужбине рассматривалось обычно как дело временное и вынужденное.

Формировавшийся за пределами родины особый мир Русского военного Зарубежья поддерживался прежде всего усилиями офицерства, в основной массе своей считавшего свое пребывание в эмиграции временным явлением, мечтавшего и надеявшегося вскоре вернуться домой. Стремление сохранить свою идентичность, профессиональные военные узы, верность традициям, товарищам по оружию высоко ценились именно в офицерской эмигрантской среде. Это воплощалось в создании и деятельности воинских объединений, союзов, обществ, кружков, подписке на русские военные эмигрантские издания, праздновании дат и событий русской военной истории (и особенно Великой и Гражданской войн, рубежных вех Белого движения) и др. Как уже упоминалось выше, постепенно в эмиграции складывается широчайшая и разветвленная сеть различных форм и видов воинских (главным образом офицерских) союзов, обществ, организаций и объединений: бывших выпускников определенных военных учебных заведений, военнослужащих различных родам войск, тех или иных воинских частей и формирований; объединений по профессиональному признаку; участников важных событий Первой мировой и Гражданской войны; воинских объединений по странам, регионам, местам проживания и т.п.

Важной формой объединения и поддержания тесных связей бывших военнослужащих являлось формирование и деятельность войсковых рабочих групп и артелей, организованное перемещение при сохранении привычной военной организации целых воинских частей из страны в страну с целью коллективного обеспечения трудовой занятости в крупных зарубежных промышленных центрах, на предприятиях, о чем уже частично шла речь выше. Добавим лишь, что уже к апрелю 1925 года в результате переезда войсковых рабочих групп из чинов Русской Армии, проживавших в Балканских

странах и Польше (из последней ехали бывшие офицеры и солдаты 3-й армии), во Франции и Бельгии насчитывалось около 80 таких групп, общей численностью до 3,5 - 4 тысяч человек⁴⁶.

Армейская организация помогала существовать и обеспечивала заботу о лицах, оказывавшихся в трудном положении. Руководство Русского Обще-Воинского Союза и его отделов взяло под свое крыло и активно занималось этим процессом. Одним из наиболее известных профессиональных объединений бывших военнослужащих являлась, например, деятельность русских таксистов в Париже. Представители рядовой массы военнослужащих и особенно бывшие крестьяне и казаки оседали также в сельской местности, занимаясь привычным им сельскохозяйственным трудом. Казачьи станицы, например, становились традиционной формой трудовых, бытовых и воинских объединений, которые активно пытались быть использованы в дальнейшем руководством казачьих объединений и также лидерами Русского Обще-Воинского Союза. Добавим, что вообще многие русские воинские союзы и общества, существовавшие за рубежом, имели статус организаций взаимопомощи, и подобное благотворительное прикрытие обеспечивало их существование.

Интересным явлением стало обучение бывших офицеров гражданским специальностям в высших и средних специальных учебных заведениях, переход их в социальный статус студентов (учащихся), что приобрело, например, достаточно массовый характер в Чехословакии. Это способствовало, с одной стороны, профессиональной адаптации бывших военнослужащих на чужбине, а с другой стороны, давало им своеобразную жизненную паузу, способствовало формированию их объединений на этом новом поприще, где активно функционировали различные воинские организации, а бывшие офицеры нередко совмещали пребывание на студенческой скамье с выполнением особых поручений командования и генерала Кутепова в работе по «связи с Россией». К тому же, подобные академические объединения нередко служили формой прикрытия воинских союзов в тех странах, где была затруднена их организация и деятельность (например, «Академический союз» в Варшаве под руководством генерала Симанского, «Русский студенческий национальный союз в Германии» и др.).

Особой, интересной и многоаспектной темой является психология бывших военнослужащих на чужбине. Важным и одним из наиболее болезненных ее элементов являлась личная тема, одиночество, семейная и бытовая неустроенность. Большинство военнослужащих утратили свои связи с семьями, родными и близкими. Одиночество, трудность устройства своей личной и семейной жизни осложнялись тем, что для многих военнослужащих было невозможно вступить в брак, так как в России оставались их жены и семьи. К тому же, неустроенные русские военнослужащие и не относились в странах их проживания к числу завидных и желанных женихов. Несколько более благоприятно складывалась эта ситуация в балканских странах - Болгарии и Королевстве СХС, где налицо была известная славянская общность языка и религиозных конфессий.

В военной среде особенно болезненно давали о себе знать психологические последствия, драмы и травмы Первой мировой и Гражданской войн. Состояние людей, которые несколько лет непрерывно воевали, а затем вместо отдыха оказались на чужбине, утратив все, что имели раньше, было, несомненно, чрезвычайно сложным и тяжелым. Почему произошла трагедия и они оказались вне Родины, что ждет их впереди - это были те мучительные вопросы, на которые было трудно дать конкретный и ясный ответ. В умах, чувствах, психике и жизнедеятельности бывших военных, и в первую очередь офицеров, были весьма распространены, сочетались и (или) накладывались друг на друга такие мотивы и желания, как жажда возмездия, надежда взять реванш у сторонников советской власти и с победой вернуться в Россию, к своим родным и близким, стремление вернуть себе былое положение и привилегии, а пока выжить, сохранить свою русскую самобытность и традиции, дисциплину, чувство локтя, взаимовыручки, без которых не могут существовать воинские коллективы.

Непримиримость, злопамятность, мстительность, столь характерные для эмигрантской среды, не исключая и военной ее части, нередко воплощались в сведение сче-

тов с конкретными личностями, теми или иными группами эмигрантов. Например, для руководства Русского Обще-Воинского Союза своего рода исчадием ада стал генерал Деникин и его окружение. Действия А.И. Деникина в прошлом, настоящем и будущем характеризовались преимущественно, как вредные для Армии, в них виделось и стремление захватить руководство РОВСо. Его и сторонников превратили в некое пугало, а в печати, симпатизирующей Союзу, традиционно присутствовали антиденикинские материалы и особенно в периоды переживаемых им кризисов.

Особой и весьма болезненной в эмиграции и в том числе в его военной среде являлась тема патриотизма. Патриотическая идея переживала кризис - на это указывали многие, а известный врач-психиатр, в прошлом участник Белой борьбы на Юге России, профессор Н.В. Краинский утверждал, что патриотизм совершенно уничтожен; вся эмиграция охвачена бредом отречения от прошлого⁴⁷. Зависимость от зарубежных стран и иностранцев нередко превращалась в угодничество и низкопоклонство. Трудные жизненные условия, неустроенность и неопределенность, нищета, безденежье и безработица нередко вызывали стремление получить иностранное гражданство, чтобы тем самым облегчить свое положение. Но это, в свою очередь, Ослабляло военную организацию Русского Зарубежья, и руководство РОВСа вслед за основанием Союза приняло решение, что иностранные подданные не могут быть его членами. Для него было характерно желание взять на вооружение патриотическую идею и пробудить патриотические чувства. Продолжение борьбы с большевиками трактовалось как патриотический долг, стремление вернуть единую и великую Россию. Теме исторического величия прежней, дореволюционной России, скрепленного героическими боевыми традициями и военной мощью, уделялось большое внимание в эмигрантской военной печати.

С самого начала эмигрантская военная среда была весьма неоднородна. И чем дольше длилось пребывание на чужбине, тем меньше оставалось надежд на возвращение, тем сильнее становились апатия, разброд, неверие в возможность борьбы, стремление уйти в личную жизнь или даже любой ценой заслужить прощение советской власти, пойти на сотрудничество с ней и получить право возвратиться домой, к своим семьям, родным и близким. И на этом активно играли представители СССР и прежде всего сотрудники советских спецслужб. Они шаг за шагом усиливали свое проникновение в эмигрантскую среду, расширяли возможности получения информации о происходящем в ней и в первую очередь в Русском военном Зарубежье, активизировали борьбу с ним и особенно с Русским Обще-Воинским Союзом.

Интересны размышления о состоянии, психологии, морали и нравственности Русского военного Зарубежья, принадлежащие перу проживавшего в Болгарии генерала А.Д. Болтунова и озаглавленные «О возможных способах формирования Русской Армии за границей». Они датированы 3 июля 1927 года. В последние годы генерал Врангель внушает европейской общественности и эмиграции, что наша армия существует, - писал генерал. В свой последний приезд в Сербию председатель РОВСа утверждал, что для свержения большевиков нужен внешний толчок, но для этого не требуется ни одного иностранного солдата, и мы можем обойтись собственными силами. Но, по мнению генерала Болтунова, это утверждение продиктовано интересами большой политики, а для специалиста - это рабочая политическая гипотеза, и предстоит серьезная работа. Армия, по мнению Болтунова, погибла на Юге, в Крыму, Таврии, и сегодня то, что выдается за Армию, на деле - «скопище отдельных личностей, связанных привычками и мечтами». Среди них он выделяет три категории: 1) окончательно опустившиеся люди, которые составляют меньшинство; 2) обуржуазившиеся и обросшие мохом обывательщины офицеры, каковых большинство; 3) еще вполне сохранившиеся офицеры, которые после некоторой теоретической подготовки готовы будут занять командные должности и встать в строй. Солдаты постарели, обуржуазились и без казарменного режима перестали быть солдатами, и их нельзя брать в расчет. Вся эта масса охватывает около 90 % офицеров и 10 % солдат.

Боевые офицерские организации, по мнению Болтунова, - ненормальное явление и могут существовать только посредством импровизации при нависшей над офицерст-

вом опасностью в бунтующей армии. Психология подобной организации сводится к самообороне, стремлению вернуть утраченный государственный строй и свои привилегии, построена на мести и, отчасти, на идее защиты Родины от красного засилия.

В своих размышлениях генерал Болтунов обращал внимание на возрастной фактор: люди на 7 -10 лет постарели, вчерашние юнкера и гимназисты ищут случая учиться и жениться. «Пафос борьбы совершенно погас», - резюмировал он. Кадровое и некадровое офицерство потеряло за границей необходимость к самообороне. Хотя оно и существует в тяжелых условиях жизни и работы, но терпит в ожидании будущих благ. Некоторые мечтают о возмездии, но сердце отходчиво, особенно русское, - замечает генерал. Идеалисты, выступающие за идею Родины, почти все погибли на полях боев, и за границей их мало - единицы, а подделяющихся под них симулянтов много. Стремление вернуть утраченные привилегии разрослось в эмиграции до уродливых форм, поэтому учет старшинства в чинах ведется с чрезвычайной болезненностью, встречи на праздниках выстраиваются по ранжиру. «Это не Армия, а игра в солдатики», - с горечью резюмировал генерал Болтунов. Стимулов борьбы, с риском положить жизнь за дело спасения Родины нет, а есть мечта о должностях.

Кто же будет рядовым бойцом? Как сформировать армию? По мнению генерала Болтунова, существовали два способа: мобилизация и вербовка. Но для проведения мобилизации необходимо было согласие правительств стран, где находятся эмигранты, и содействие местной полиции. Стоял и вопрос, кто будет призывать. При этом требовалось реализовать два необходимых условия - вознаграждение в будущем в чинах и должностях. Вербовка предполагала заключение контракта, и здесь особую роль призваны были играть деньги, а ее осуществление опять-таки было возможно только с помощью местной полиции. К тому же, предстояло получить разрешение на формирование русских воинских частей⁴⁸. Все вышеизложенное создавало сложные и трудно разрешимые проблемы на пути создания Русской Армии за границей.

Растущее разложение эмиграции, охватившее и бывших военнослужащих, весьма беспокоило военное командование, генералитет и руководство Русского Обще-Воинского Союза. В активизации деятельности различных воинских объединений, обществ, организаций и союзов, развитии системы военного образования, переобучения и совершенствования военных знаний, приобщении к чтению русской эмигрантской военной периодики, созданию и функционировании библиотек, архивов, мемориальных музеев, выставок, православных храмов, совместном проведении праздников, поддержании старых и создании новых традиций они видели средства поддержания должного душевного состояния и устойчивой психологии бывших военнослужащих, веры в успех борьбы и неминуемой победы над большевиками.

В распоряжении генерала Врангеля в адрес начальников отделов Русского Обще-Воинского Союза от 5 мая 1926 года содержался перечень Дат, которые надлежит обязательно отмечать торжественными богослужениями: 1) 3/16 июля - день мученической кончины Государя Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны и Государя Наследника цесаревича Алексея Николаевича: в этот же день помиловать и всех остальных членов Императорского Дома, погибших от руки большевиков; 2) 27 июля / 9 августа - день тезоименитства Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича; 3) 2 /15 ноября - день основания Добровольческой Армии с поминовением всех усопших и убитых Вождей Добровольческой Армии, а также Генерала Каледина и Адмирала Колчака⁴⁹.

Для руководства русской военной эмиграции тема праздников и поддержания традиций была важным условием и одновременно средством обеспечения идентичности Русского военного Зарубежья, поддержания морального и боевого духа и сохранения боеспособности бывших военнослужащих. Заметим, что это удавалось в большей мере в отношении офицеров, нежели рядовой солдатской массы, которая быстрее адаптировалась к условиям жизни на чужбине, воспринимала местные условия жизни и традиции. Поэтому поддержание устойчивых связей командиров со своими подчиненными, противодействие «трудовому вращению» значительной массы бывших военно-

служащих с одновременной утратой ими боевых качеств и желания сражаться за цели и идеалы Белого дела рассматривалось руководителями военной эмиграции и в первую очередь Русского Обще-Воинского Союза в качестве важнейшей задачи.

Вернемся, однако, к ситуации в руководстве Русского Обще-Воинского Союза во второй половине 20-х годов. Несмотря на сложные отношения с великим князем Николаем Николаевичем и его окружением и уход на некоторое время в «политическую тень», генерал Врангель прилагал максимум усилий для консолидации военной эмиграции и укрепления позиций РОВСа. Будучи фактически отстранен от подрывной работы, которую вела организация Кутепова против СССР, Врангель весьма скептически относился к этой деятельности, не раз предупреждал великого князя и самого Кутепова об опасности провокаций со стороны советских спецслужб, угрозы советской азефщины. Происшедшие весной 1927 году скандальные разоблачения легендарного чекистами «Треста» и провалы боевой работы Кутепова пошатнули авторитет последнего и вновь резко повысили статус генерала Врангеля. Он с самого начала испытывал недоверие к так называемому «Монархическому Объединению Центральной России» и ее руководителям и предостерегал от сотрудничества с ними, как с провокаторами, и после провала «Треста» даже с известным злорадством писал: «Попались на удочку ГПУ почти все организации, огромное большинство политических деятелей чувствует, что у них рыльце в пушку, что углубление вопросов обнаружит их глупую роль»⁵⁰.

В конце мая - начале июня 1927 года генерал Врангель провел десять дней в Париже и по возвращении в Брюссель отправил ряд писем своим сподвижникам по Русскому Обще-Воинскому Союзу, информируя их о развитии событий, ситуации в окружении великого князя и своем видении взаимоотношений с ним и задач Союза. Состоявшийся разрыв Великобританией дипломатических отношений с СССР и призывы прессы Франции, Италии и других стран последовать британскому примеру создали, по мнению барона, благоприятные возможности для борьбы и нашей политической работы. Но, вместе с тем, он констатировал отсутствие в Зарубежном Национальном центре способности объединения широких национальных сил: «Надежды на Великого Князя не оправдались. Он оказался всецело в руках нескольких лиц, отделивших его непроницаемой стеной от широких кругов». Врангель указывал, что круг общения великого князя резко сократился и кроме Н.Л. Оболенского, генералов Лукомского и Кутепова он не принимает никого. Отсутствие видимой работы объяснялось ранее окружением великого князя тем, что сам характер работы исключает возможность ее видимого проявления, ибо главная ее часть ведется в России. Но сейчас, после провалов там стала очевидной, по мнению Врангеля, несостоятельность этих объяснений. «Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения известного провокатора Опперпуга-Стауница-Касаткина, - писал председатель РОВСа 9 июня 1927 года генералам Абрамову и Барбовичу, - вскрывают в полной мере весь крах трехлетней работы А.П. Кутепова. То, о чем я неоднократно за эти три года говорил и Великому Князю, и самому Александру Павловичу, оказалось, к сожалению, правдой. А.П. (Александр Павлович Кутепов - В.Г.) попал всецело в руки советских Азефов, явившись невольным пособником излавления именем Великого Князя внутри России врагов советской власти»⁵¹.

Все вышеизложенное нанесло, по убеждению генерала Врангеля, жестокий удар имени самого великого князя Николая Николаевича. Его пребывание в Париже и встречи с представителями русских общественных кругов привели барона к выводу, что те, кто недавно говорил о необходимости подчинения Вождю, сейчас считают необходимым действовать помимо него. Повторялись дни Ростова и Новороссийска с той лишь разницей, что тогда обвиняли Деникина, а сейчас великого князя, но в обоих случаях Врангеля убеждали взять дело в свои руки. «Как и тогда не считаю возможным идти этим путем, - писал председатель РОВСа. - Я не разделял тех надежд, которые возлагали на Великого Князя, но раз пойдя с ним, я не могу стать на путь предательства. Если бы открылась возможность служить Родине помимо Великого Князя, я, ставя Родину

выше лиц, этой возможностью конечно воспользуюсь, но воспользуюсь открыто, не посягая на Тот Авторитет, который я сам признал».

Уточняя свою позицию и линию поведения в отношении вышеназванных лиц, генерал Врангель сообщал в переписке с генералами Шатиловым и Кусонским, что не может отождествлять себя с теми, кто именем великого князя ведет работу, ибо считает ее ошибочной. Вместе с тем, он утверждал, что сделает все, чтобы избежать осложнений не только с самим великим князем, но и с его людьми, ведущими работу. Врангель подчеркивал, что здесь надо быть осторожными, чтобы нас - Армию не отождествляли с общеполитической работой великого князя Николая Николаевича, а с другой стороны, не обвиняли в оппозиции, иначе говоря, не дать втянуть себя в «политическую кухню», которую делают лица, ведущие работу именем великого князя. «Я, решительно отмежевываясь от той политической работы, которая именем Великого Князя ведется, ограничу свою деятельность исключительными заботами о вверенном мне Великим Князем зарубежном воинстве, считая, что сохраняя зарубежную русскую армию, я вношу уже большую лепту в национальное дело»⁵², - подчеркивал председатель РОВСа.

Трудно угадывать будущее, размышлял в это время генерал Врангель, но высказывал надежду, что жизнь покажет правильное решение и назревший большой вопрос может разрешиться сам собой. Он имел в виду состояние здоровья великого князя Николая Николаевича. Во время совещания, проводимого накануне отъезда барона из Парижа великим князем, с ним случился удар. Правда через час он оправился и даже пожал руки участникам совещания, но это был уже второй удар, и как полагал Врангель, это заставит великого князя прийти к выводу о невозможности для него вести какую-нибудь работу.

Головной болью председателя РОВСа продолжало оставаться финансово-экономическое положение Союза, ибо имеющихся средств должно было хватить лишь до конца 1927 года, поэтому он считал необходимым использовать оставшееся время, чтобы полностью перейти на самообеспечение. Касаясь других первоочередных действий, которые предстояло предпринять, генерал Врангель считал необходимым напрячь все силы к сохранению остатков Армии, представляющей в настоящих условиях, по его мнению, единственную реальную политическую силу; принять все меры к поиску связей с внутри-русскими национальными силами; закрепить и развить связи с дружественными русскими зарубежными кругами, а также с государственными и общественными иностранными кругами, заинтересованными в борьбе с коммунизмом⁵³.

Возвращаясь к отношениям генералов Врангеля и Кутепова, заметим, что в июне 1927 года состоялась их личная встреча, когда последний пришел к барону. «В искренность А.П. Кутепова я также не верю, - делился барон своими размышлениями с генералом Шатиловым. - Кто раз предал, всегда готов предать и второй». Вместе с тем, он считал, что Кутепов ищет сближения, и в интересах общего дела не видел оснований отталкивать. 21 июня Врангель писал, но на этот раз генералу Барбовичу: «С Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, которому не подготовлен, я указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трехлетней работы, от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание его несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества»⁵⁴.

8 июля генерал Врангель получил сообщение из Парижа от генерала Шатилова о том, что князь Ф.Ф. Юсупов вернулся из Лондона, где встречался с ветераном британской разведки Оливером Локкером-Лампсоном, специалистом по русским делам, который являлся влиятельным членом парламента от партии консерваторов и оказывал тайную поддержку кутеповской организации. Тот выражал разочарование деятельностью кутеповцев и выражал готовность наладить связи и сотрудничество с другой, более жизненной и умелой организацией. Он высказывал также заинтересованность во встрече с генералом Врангелем. Тот, в свою очередь, одобрительно отнесся к возможности более тесной работы с британской разведкой. Тем не менее, поддержка кутеповцев анг-

личанами продолжалась и в дальнейшем. В конце 1927 года генерал Кутепов вновь получил от них 200 тысяч фунтов на подрывную деятельность против СССР⁵⁵.

Тем временем генерал Врангель вынашивал планы создания собственного центра и выработки концепции подрывной деятельности в СССР. Генерал Шатилов направил в 1927 году письмо Врангелю, в котором указывал, что «работа в России должна начинаться с самого начала» и предлагал не привлекать к ней лиц, которым она поручалась ранее. В июле 1927 года по указанию председателя РОВСа генерал Шатилов представил докладную записку по организации такой работы. Основные направления ее виделись в следующем: «1) непрекращающиеся политические акции в отношении виднейших вождей нынешнего правительства и его представителей на местах; 2) нащупывание активных контрреволюционных элементов и образование среди них национальных ячеек; 3) искание связей с постоянным составом красной армии; 4) установление ячеек в рабочей среде и связь с районами крестьянских восстаний; 5) создание более крупных контрреволюционных центров с филиалами на местах». Главный и конспиративный центр борьбы с большевиками должен был располагаться на территории Франции. Для прикрытия создаваемого центра подрывной деятельности предлагалось использовать редакцию какой-либо эмигрантской газеты, имевшей филиалы на территории Финляндии, Литвы, Эстонии и Румынии, через которые на территорию СССР можно бы было транспортировать агитационные материалы, оружие, боеприпасы и пр. На советской территории должны были быть созданы конспиративные пункты связи от границы до конечных центров. В прилагаемой к докладной записке схеме предполагалась организация 5 приграничных ячеек, 9 головных и 15 промежуточных пунктов для связи с 6 крупными центрами СССР. Расходы на первый год работы создаваемого центра оценивались в 360,4 тыс. франков. Генерал Врангель одобрил предложения и утвердил годовой бюджет будущего центра в сумме почти 600 тысяч франков. В дальнейшем предполагалось покрывать расходы внутри СССР путем эмиссии советских рублей⁵⁶.

Осенью 1927 года между председателем РОВСа и великим князем состоялся обмен мнениями (при посредстве начальника военной канцелярии генерала Кондзеровского) относительно деятельности «Братства Русской Правды» (БРП). В зарубежной печати в это время широко проходила информация о террористической деятельности этой организации в СССР и гибели ее членов там, о сборах в пользу ее отрядов. В ответ на запрос генерала Врангеля об отношении к БРП, возможности членов РОВСа вступать в ее ряды и участвовать в ее активной работе в СССР и вне его последовал ответ от имени и по поручению великого князя, что подчиненные ему органы, работающие в России и за рубежом, к БРП отношения не имеют. Но отношение самого великого князя к издаваемой ею газете «Русская Правда» - «вполне сочувственное».

В продолжение этой темы заметим, что 7 ноября 1927 года генерал Врангель изложил свое мнение о БРП в письме Н.Н. Чебышеву. Он сообщал, что в последнее время ему удалось полностью осветить эту организацию, узнать кто ею руководит, кто ведет работу в Зарубежье, с кем организация связана в России, каковы ее цели и денежные источники. Генерал встречался с одним из главных руководителей Братства, который приезжал к нему. В результате, председатель РОВСа пришел к выводу, что БРП не есть «дугая организация», как «Трест» (предположения об этом звучали в эмигрантской печати). Признавая факты деятельности боевых отрядов Братства, а также связанных с ними повстанческих отрядов на сопредельной с западной границей советской территории, генерал, вместе с тем, считал, что публикуемые сводки в зарубежной печати производят впечатление шумихи и игры на юношей, способных на необдуманные поступки. Председатель РОВСа не преминул в своем письме (и в беседе с одним из руководителей БРП) бросить камушек в огород генерала Кутепова и великого князя Николая Николаевича, утверждая, что нельзя вести работу под знаменем, пропитанном ядом ГПУ (подразумевая то, что Братство ориентировалось на имя великого князя), тем более, что оказалась провалена часть «братьев», участвовавших в делах генерала Кутепова. Барон согласился с мнением руководства БРП, что боевая работа на советской тер-

ритории должна вестись местными силами, а люди из Зарубежья могут лишь осложнить ее. Генерал Врангель сообщил своему адресату, что уведомил начальников отделов РОВСа о деятельности БРП⁵⁷.

Среди обсужденных генералом Врангелем в ходе встречи в Шуаньи с великим князем Николаем Николаевичем вопросов одним из главных стало финансовое положение РОВСа. Барон докладывал, что удалось сделать для перевода для самообеспечения за полгода. Высказывалась надежда свести смету Союза к началу 1928 года к 15 тыс. франков в месяц⁵⁸.

Вернувшись в конце октября 1927 года из Парижа, где находился шесть недель, генерал Врангель информировал руководителей отделов РОВСа, что видел там многих и имел возможность обсудить насущные вопросы. Он отметил положительные сдвиги, происшедшие в западном общественном мнении в отношении большевиков, их восприятие как «мирового зла». В этих условиях усилилось желание говорить с русскими враждебными большевикам кругами. Но «наши внутренние распри, общее разложение Зарубежья, отсутствие единого объединенного центра», а также непростительные последние «провалы» мешали, по утверждению Врангеля, взаимодействию с заинтересованными иностранными партнерами и были выгодны только враждебным русскому делу кругам⁵⁹. Провалы кутеповских боевиков помешали и планировавшемуся осенью 1927 года визиту генерала Врангеля в Англию. Британский Форин Оффис отказал ему в визе.

Генерал Врангель, посещая в 1927 году Сербию, следующим образом определял программу белого движения и преемника его традиций - Русского Обще-Воинского Союза: «Мы боремся за Россию. Мы готовы идти со всеми партиями, которые искренне желают отдать силы свои на службу русскому народу, и со всеми теми, которые там, в самой России, делают то же дело, что и мы. Мы не ищем для себя ничего и думаем, что русский народ сам должен определить свою будущую судьбу. Он сам выберет себе форму будущего правления, монархию или республику. Он определит себе взаимные отношения между различными народностями, составляющими Россию, и решит все те основные вопросы, на которых будет построено существование народа»⁶⁰.

Вместе с тем, процессы, происходившие в военной эмиграции, весьма настораживали и вызывали беспокойство председателя РОВСа. 9 декабря 1927 года он направляет циркуляр начальникам отделов Союза и генералам, начальникам основных воинских соединений. Врангель указывает на то, что в ходе объездов воинских групп в разных странах он пришел к выводу, что «дух за последнее время несколько поколеблен». Многолетняя беспросветная жизнь беженца, черный, подчас невыносимый труд, окружающая обстановка, распри, политические дразги русских зарубежных кругов, отсутствие действенной работы Русского Зарубежья - все это «смущает сердца доселе крепких духом людей». На это влияет и стремление стран Западной Европы к установлению нормальных отношений с Советской Россией. Падает вера, теряется надежда, одних засасывает жизнь, другие ищут пути в виде «евразийства», «масонства» и др., третьи становятся жертвами провокаций ГПУ или попадают в руки всевозможных политических авантюристов, - указывал председатель РОВСа. Долг начальников - бороться с этими негативными явлениями, поддерживать дух русского зарубежного воинства, Меры и способы борьбы генерал Врангель видел в осведомлении, частных беседах, переписке и др. Для сохранения Армии и спайки военнослужащих генерал считал необходимым бороться «и с непротивленчеством, и с болтай-активизмом» и ждать призыва верховного главнокомандующего к борьбе⁶¹.

Подводя главные итоги 1927 года, генерал Врангель указывал, что в течение него Русский Обще-Воинский Союз продолжал развиваться, втягивая в себя все более или менее заметные группы офицеров, и вне его оставались только организации великого князя Кирилла Владимировича и группы, руководители которых ставят политическую борьбу выше деятельности РОВСа. В политической области Союз сохранил полную независимость от каких-либо политических партий. Врангель констатировал, что на РОВС не повлияли ни евразийство, ни церковный раскол, и подчеркнул недопусти-

мость вмешательства в церковные распри. Генерал приказал принять все возможные меры для борьбы с упадническими настроениями, проникшими в среду РОВСа, по его мнению, в связи с затянувшимся пребыванием за рубежом⁶².

Обратимся еще к одному важному источнику этого времени - письму Врангеля генералу Шатилову от 2 января 1928 года. «Не могу обольщать тебя призрачными надеждами, - подчеркивал он, - общее положение исключительно неблагоприятно». Он напоминал, что еще год назад писал ему о том, что та карта, на которую делали ставку бита. Сейчас расчет, по мнению барона, мог быть только на собственные силы, что означало сохранение армии и перевод ее на самообеспечение, и эта задача может считаться завершенной. Вторая задача заключалась в развитии связи с дружественными иностранными и русскими кругами Зарубежья, а также национальными силами в России. Но наметившийся было сдвиг в русском вопросе у некоторых иностранных государств, дальнейшего развития не получил, и положение продолжает оставаться смутным. Русские национальные общественные круги за рубежом переживали ныне, по утверждению председателя РОВСа, полное разложение. Благоприятно складывавшееся внутреннее положение в России не только не было использовано, но при невольном посредстве Зарубежья внутренняя национальная работа разгромлена, и «пока не будут вырваны корни, пущенные туда зарубежными национальными кругами при посредстве ГПУ, пути нам туда закрыты»⁶³. Врангель подразумевал под вышесказанным негативные последствия провалов в работе в СССР генерала Кутепова и стоявшего за ним великого князя Николая Николаевича.

Итак, при всей сложности ситуации генерал Врангель настойчиво искал пути выхода из сложившегося положения. Но активизация деятельности и рост популярности барона были прерваны его неожиданной тяжелой болезнью в марте 1928 года и смертью месяц спустя - 25 апреля. Уже тогда в эмигрантских кругах и в печати прозвучали предположения о том, что его болезнь и смерть явились результатом террористической акции ОГПУ. Этой точки зрения придерживалась и семья генерала, которая высказала свою версию событий. Обстоятельным исследованием этой темы стала книга В.Г. Бортневского «Загадка смерти генерала Врангеля».

Как «семейная версия», так и суждения, высказываемые многими исследователями, связывают внезапную и стремительно развивавшуюся болезнь барона с появлением и проживанием в доме Врангеля в Брюсселе за несколько дней до начала болезни неизвестного им ранее человека, выдававшего себя за брата денщика Врангеля Якова Юдихина, бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. Генерал не смог отказать в просьбе своему денщику, который ранее, впрочем, никогда не говорил о существовании у него брата. Гость прожил в доме барона несколько дней и уехал. В дальнейшем выяснилось, что этот человек был матросом советского торгового судна, стоявшего в это время в Антверпене. Вскоре неожиданно исчез и сам денщик. А 18 марта генерал неожиданно заболел. Мать генерала, баронесса М.Д. Врангель так вспоминала его болезнь: «Тридцать восемь суток сплошного мученичества! - Его силы пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался встать. Призывал секретаря, делал распоряжения до последней подробности»⁶⁴.

В Брюсселе упорно циркулировали слухи об отравлении барона и о том, что он, якобы, ранее говорил своему другу, что ему надо предпринять крайние меры предосторожности в отношении питания, так как опасается отравления. Врангеля лечил русский врач немецкого происхождения Вейнерт, приглашались бельгийские врачи, три раза приезжал из Парижа давний друг и соратник генерала по антибольшевистской борьбе, профессор медицины И.П. Алексинский. Барон жаловался ему: «Меня мучает мой мозг. Я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно развертываются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг, против моего желания, лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Меня страшно утомляет эта работа мозга... Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы... приказы, приказы!».

Профессор Алексинский утверждал, что делалось все необходимое для лечения генерала, но какая-то форма инфекции пробудила скрытый туберкулез в верхушке левого легкого. Врангель никогда не болел туберкулезом, и у него не было признаков этой болезни. Но она стремительно прогрессировала, и врачи не могли ее остановить⁶⁵. Правда на первый день православной Пасхи, которая пришлось на 15 апреля, Врангелю вдруг стало легче, он почувствовал себя здоровым и заявил родным, что собирается подниматься. Но в полдень произошел сильнейший нервный припадок, от страшного внутреннего напряжения и возбуждения генерал минут сорок кричал не своим голосом, резко ослабла работа сердца. Вызвали духовника протоиерея В. Виноградова. Но мысли умирающего генерала были связаны с Россией и армией. После исповеди и причастия Врангель сказал: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом».

Организм больного сопротивлялся из последних сил, врачи пытались сделать все, что могли, но оказались бессильны. 25 апреля в 9 часов утра 49-летний генерал скончался со словами: «Боже, спаси Армию!».

Друзья и близкие барону Врангелю люди, получив известие о его смерти, не могли поверить, что так быстро и неожиданно произошла страшная развязка. И.А. Ильин писал из Берлина секретарю Врангеля Котляревскому: «Дорогой Николай Михайлович! Мне только что сообщили о Вашей телеграмме. Ни ум, ни сердце, ни вера в Бога не принимают кончины Петра Николаевича... Впору возроптать! Ради Бога, прежде всего, до всего остального удостоверьтесь, заставьте *врачей удостовериться*, что это не летаргический сон! Именно летаргический сон бывает при *сердечных неврозах*. Не хороните его *до трупных пятен*, до полной объективной *несомненности*, что это настоящая смерть. Лучше отложить похороны на день, на два. Подумайте только: в этом необычном человеке все было необычно. Это ОСОБОЕ строение *организма, души, инстинкта*. В смертной тоске обнимаю Вас братски»⁶⁶.

При вскрытии в теле генерала Врангеля было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения. Такое могло случиться только при отравлении пищи туберкулином. По воспоминаниям дочери генерала баронессы Е.П. Мейндорф, их семья жила очень просто, необходимые меры предосторожности не предпринимались, и сделать это было нетрудно. Члены семьи генерала Врангеля были уверены, что «интенсивный туберкулез» был результатом действий агентов ОГПУ. У советских спецслужб уже имелись необходимый опыт и возможности, ибо с начала 20-х годов в ВЧК-ОГПУ в этом направлении работала специальная лаборатория.

Мнения или предположения о физическом устранении генерала Врангеля чекистами были широко распространены в эмиграции и в том числе в руководстве РОВСа. Спустя три года после смерти генерала Врангеля, во время посещения Белграда новым председателем РОВСа генералом Миллером в апреле 1930 года он так отвечал на вопрос о причинах внезапной смерти барона: «Я не могу сказать, что он отравлен, но столь внезапная смерть, столь здорового человека и обстоятельства, сопровождавшие его смерть, дают основания этому, в особенности, когда известно, что из себя представляет противник»⁶⁷.

В современной исторической литературе существуют разные мнения относительно причин смерти барона П.Н. Врангеля. Часть исследователей склоняется к тому, что он погиб в результате спецоперации ОГПУ⁶⁸, другие утверждают, что это суждение не подтверждено серьезными аргументами⁶⁹. Думается, что лишь документы советских спецслужб могут поставить точку в этом споре⁷⁰.

Великий князь Николай Николаевич, при жизни не жаловавший генерала Врангеля и часто относившийся к нему по наущению своего окружения весьма предвзято, в посмертном приказе Русскому Обще-Воинскому Союзу писал: «С назначением Главнокомандующим генерал Врангель вселил в Армию дух, давший ей возможность вести долгую. Тяжелую борьбу с превосходящими силами врагов. После беспримерной эвакуации Крыма, генерал Врангель на чужбине, при самых тяжелых обстоятельствах сохранил кадры доблестных частей Армии. Благодарное чувство к заслугам горячо лю-

бимого Главнокомандующего генерала Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех русских людей»⁷¹.

Генерал Врангель был первоначально захоронен на брюссельском кладбище Юкль-Кальвет. На панихиде присутствовало много видных деятелей русской эмиграции, и среди них был генерал Деникин, многие годы конфликтовавший с бароном, но посчитавший нужным отдать ему последний долг. Секретарь генерала Врангеля Котляревский писал генералу Миллеру, что баронесса О.М. Врангель приобрела хороший участок на новом (не более 15 лет) кладбище на горе в окрестностях города за 6,3 тыс. бельгийских франков, и здесь прах генерала будет покоиться до перевозки в Белград. Дело в том, что, находясь на смертном одре, барон Врангель, прощаясь со своей супругой, баронессой О.М. Врангель и секретарем Н.М. Котляревским, выразил желание быть захороненным в Белграде.

29 сентября 1929 года его тело было извлечено с бельгийского кладбища и, проследовав по территории нескольких стран, где происходили последние прощания русских военнослужащих и представителей эмигрантской общественности с генералом, было перезахоронено в октябре в русском православном храме Св. Троицы в Белграде. На церемонии перезахоронения 6 октября присутствовали новый председатель РОВСа генерал Кутепов, начальники отделов Союза и видные руководители Русского военного Зарубежья - генералы Абрамов, Экк, Барбович, Драгомиров, Шатилов и другие, а также представители 192 эмигрантских делегаций, представлявших различные воинские и гражданские организации. Это само по себе подчеркивало ту роль, которую играл Русский Обще-Воинский Союз и его основатель, и первый председатель в жизни и деятельности Российского Зарубежья. На позолоченной доске была нанесена славянской вязью надпись: «Образ сей, сооружен русскими людьми в рассеянии сущими, в память погребения здесь до перенесения в родную землю Главнокомандующего Русской Армией Генерала Барона Петра Николаевича Врангеля»⁷².

После смерти генерала Врангеля его семья оказалась в нелегком положении. Отвечая на вопрос корреспондента журнала «Иллюстрированная Россия», остались ли после генерала какие-нибудь средства, профессор Алексинский с грустью заметил: «Никаких средств после него не осталось. Вместе с ним жили, кроме жены и четверых детей, мать и теща. Жили они очень скромно. Генерал Врангель жил бедным рыцарем, бедным рыцарем он и умер»⁷³.

Таким образом, формирующееся в 20-е годы Российское Зарубежье было сложным, многогранным и противоречивым феноменом, особую роль в котором играли взаимоотношения военных и политиков.

Становление, существование и деятельность российской военной эмиграции стали важным явлением в жизни Зарубежной России. В свою очередь, Русский Обще-Воинский Союз играл значимую роль в сплочении российского воинства в эмиграции, объединил большинство военных эмигрантских организаций. И вместе с тем, его программные и организационные задачи оказались решены лишь частично. Руководство РОВСа, опираясь на созданную инфраструктуру союза, сумело наладить определенные связи и взаимодействие русских военных организаций, прежде всего в европейских странах, и в известной мере на других континентах, но ему не удалось сохранить, а точнее воссоздать единства армии, превратив ее в ядро широкого военно-политического движения за рубежом, признаваемого в качестве мощной и влиятельной силы как западными политиками и военными, так и советским руководством.

Противоречия в российской военной эмиграции, интриги и личные амбиции как в самом руководстве РОВСа, так и в его взаимоотношениях с представителями других зарубежных общественно-политических движений и организаций, вели к изоляции военно-политических лидеров Российского Зарубежья от основной массы эмигрантов, в том числе бывших солдат и офицеров, ослаблению роли и влияния РОВСа. Ограниченные финансовые возможности организации также негативно сказывались на ее деятельности. Налицо был и острый идейно-политический кризис, растущее неверие большинства эмигрантов в возможность новой и на этот раз победоносной войны с со-

ветской властью. Тем более, что Русский Обще-Воинский Союз не сумел организовать дееспособное антисоветское подполье в СССР, попытки активных действий на советской территории неизменно проваливались, а замыслы создания массового антибольшевистского движения оказывались фикцией. Впрочем, это являлось не только результатом неудачных действий РОВСа и его руководства, но и следствием того противодействия, которое оказывалось его усилиям и операциям со стороны советских спецслужб.

Глава 4. РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ В КОНЦЕ 20-Х ГОДОВ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА И ЕГО ГИБЕЛЬ

После смерти генерала Врангеля верховное руководство РОВСом продолжало находиться в руках великого князя Николая Николаевича. Его приказом от 29 апреля 1928 года председателем Русского Обще-Воинского Союза был назначен генерал Кутепов (с указанием, что по всем вопросам, касающимся РОВСа, он докладывает ему). И хотя об этом генерале уже неоднократно шла речь в нашем повествовании, остановимся подробнее на основных вехах его жизненного пути.

Родился Александр 16 сентября 1882 года в небольшом северном провинциальном городке под названием Череповец, входившем тогда в состав Новгородской губернии. Ныне это крупный центр российской металлургии на Европейском Севере страны. Заметим, что Кутепов - фамилия, полученная мальчиком при усыновлении в 1893 году. Родился же Александр в семье личного дворянина Константина Матвеевича Тимофеева. Кроме него, в семье Константина Матвеевича и Ольги Андреевны Тимофеевых было еще трое младших детей - сыновья Борис, Сергей и Андрей. После смерти мужа мать Александра вышла в 1893 году замуж вторично, на этот раз за работавшего в Череповецком лесничестве Павла Александровича Кутепова, который в том же году был переведен лесничим во второе Холмогорское лесничество Архангельской губернии. Дети О.А. Тимофеевой от первого брака были усыновлены П.А. Кутеповым. Так Александр Константинович Тимофеев становится Александром Павловичем Кутеповым. От брака Кутеповых появились на свет две дочери и, соответственно, сестры Александра - Раиса и Александра. Мать Александра рано ушла из жизни, и в дальнейшем все дети (за исключением Александра, избравшего военную карьеру и покинувшего семью) находились на попечении отца - почетного мирового судьи и надворного советника П.А. Кутепова¹.

Семья переехала в Архангельск, и учился А.П. Кутепов в Архангельской губернской мужской гимназии. Еще в детские годы ярко проявились его черты лидера. С раннего детства его тянуло к военной службе, и каждую свободную минуту он бегал в казармы, наблюдал учения. А когда подрос, стал ходить вместе с солдатами в походы, увлекался военным делом. Это и определило его жизненный выбор. В документах гимназии, в списке учеников, выбывших по окончании курса в течение 1901 года, сохранилась запись: «Кутепов Александр, православный, чиновник (имеется в виду социальное положение отца - В.Г.), выбыл в июне 1901 года. Для поступления на военную службу»². Его зачисляют вольноопределяющимся в Архангельске, а в августе он покинул город и поступил в Петербургское Владимирское военное училище.

Прекрасно окончив его и имея право выбора места службы, Кутепов избрал 85-й пехотный полк, находившийся на фронте войны с Японией. Подпоручик Кутепов рекомендовал себя храбрым и способным офицером, свидетельством тому полученные в Русско-японской войне боевые ордена: Св. Анны 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами. После окончания войны поручик Кутепов переведен «за оказанные боевые отличия» и с сохранением армейского стар-

шинства в Лейб-гвардии Преображенский полк, в рядах которого числились все российские императоры. Он становится командиром учебной роты этого полка. В составе полка Кутепов прошел всю Первую мировую войну, будучи сначала командиром 4-й роты, потом - командиром роты Его Величества, командиром 2-го батальона (на этой должности в 1916 году произведен в чин полковника) и, наконец, в 1917 году стал командиром этого элитного полка. Трижды тяжело ранен, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. В дни Февральской революции в Петрограде пытался защитить старую власть, командуя сборным отрядом, но безуспешно.

В декабре 1917 года полковник Кутепов прибыл в Ростов и вступил в Добровольческую армию. В конце декабря - начале января он являлся начальником гарнизона Таганрога с непосредственным подчинением генералу Каледину и организовал оборону города. В Кубанском походе командовал 3-й ротой 1-го офицерского (впоследствии Марковского) полка. В марте 1918 года был помощником командира Корниловского полка полковника Неженцева, и после смерти последнего был назначен 30 марта генералом Корниловым командиром этого полка. В июне 1918 года - участник 2-го Кубанского похода, и после смерти генерала Маркова стал командиром 1-й пехотной дивизии. После взятия в конце 1918 года Новороссийска был назначен Черноморским генерал-губернатором и «за боевые отличия» произведен в генерал-майоры. Затем, командуя частями 1-го армейского корпуса, «за боевые отличия» в ходе Харьковской операции был произведен 23 июня 1919 года в чин генерал-лейтенанта.

Осенью 1919 года корпус под командованием генерала Кутепова дошел до Курска и Орла. А затем началось тяжелое отступление до Новороссийска, в ходе которого Кутепову удалось все-таки сохранить боеспособность элитных белогвардейских добровольческих дивизий - Корниловской, Дроздовской, Марковской и Алексеевской. В марте 1920 года корпус Кутепова был переброшен в Крым, принимал участие в боях в Северной Таврии. После ухода генерала Деникина в марте 1920 года с должности главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Кутепову предлагали занять его место, но он отказался, предложив кандидатуру генерала Врангеля. После разделения генералом Врангелем своей армии на две Кутепов 4 сентября 1920 года был назначен им командующим 1-й армией. В ноябре 1920-го последовала трудная эпопея эвакуации, а вслед за ней и Галлиполийское сидение. Генерал Кутепов был назначен Врангелем помощником главнокомандующего и командующим 1-м армейским корпусом в Галлиполи, куда были сведены все части Русской Армии, кроме казачьих. 20 ноября 1920 года Кутепов был произведен генералом Врангелем «за боевые отличия» в генералы от инфантерии.

Особой и рубежной вехой в биографии генерала стало Галлиполийское сидение, о котором уже рассказывалось ранее. Сам Кутепов, покидая Галлиполи, заметил: «Я знаю каждую извилинку, каждый камень этой дороги. Закрылась история Галлиполи, и я могу сказать закрылась почетно»³.

В декабре 1921 года генерал Кутепов с частями 1-го армейского корпуса эвакуировался в Болгарию. Вместе со штабом корпуса он дислоцировался в г. Велико-Тырново. 12 мая 1922 года при рассмотрении болгарскими властями дела по обвинению русских военнослужащих в участии в заговоре с целью свержения правительства Стамболийского генерал Кутепов был приглашен к начальнику Генерального штаба Болгарии полковнику Тополджикову, арестован здесь по правительственному приказу и выслан в Королевство СХС.

8 ноября 1922 года генерал Кутепов был назначен помощником главнокомандующего Русской Армией, а в марте 1924 года освобожден генералом Врангелем от этой должности и поступил в распоряжение великого князя Николая Николаевича, возглавив тайную боевую работу против СССР. Напомним, что после вступления в ноябре 1924 года великого князя Николая Николаевича в верховное руководство через генерала Врангеля армией и воинскими организациями генерал Кутепов в соответствии с рескриптом Его Высочества от 30 ноября по-прежнему состоял в распоряжении великого

князя, осуществляя и на протяжении последующих лет руководство секретной работой против СССР.

Оппоненты генерала Кутепова в среде русской военной эмиграции, отдавая должное его заслугам, высокой мобильности, организованности и решительности, вместе с тем, указывали, что он не получил должного для военачальника его уровня образования - не учился и не имеет диплома военной академии. В связи с этим надо заметить, что генерал много занимался самообразованием, размышляя над уроками Первой мировой и Гражданской войн и внимательно изучая современный опыт военного искусства.

28 апреля 1928 года генерал Кутепов в соответствии с приказом великого князя Николая Николаевича занял пост председателя Русского Обще-Воинского Союза. Но он отказался от должности главнокомандующего, каковым являлся генерал Врангель, ссылаясь на то, что он действует вне российской территории, где нет внешнего облика вооруженной силы⁴. 8 мая приказом великого князя Николая Николаевича начальник его военной канцелярии генерал-лейтенант Кондзеровский был подчинен генералу Кутепову как председателю РОВСа. Это было важным шагом на пути ликвидации того фактического двоевластия, которое сложилось в бытность председателем РОВСа генерала Врангеля, когда Кондзеровский был своего рода промежуточной фигурой между Врангелем и великим князем при существующем у последнего и его окружения недоверии к барону. В свою очередь, генерал Кутепов, объявляя повеление великого князя своим приказом от 11 мая, назначил помощником начальника военной канцелярии председателя РОВСа генерал-лейтенанта Стогова⁵, который в недалеком будущем сменит генерала Кондзеровского на этом посту.

Ситуация в эмиграции в целом и в ее военных кругах в частности в это время была очень сложной. Настроения безысходности, отчаяния, бессмысленности дальнейшей борьбы и первостепенной необходимости собственного выживания захлестывали ее. Один из корреспондентов генерала фон Лампе писал ему в апреле этого года: «Вы правы, в «вождей» сейчас не верит никто, эмиграция затянулась надолго, и я начинаю бояться, что в борьбе за выносливость она начинает сдавать. В «вождей» не верят, обвиняют их в неподвижности, в устарелости методов и... никто в то же время ничего нового придумать не может...»⁶.

В этих условиях приход к руководству Русского Обще-Воинского Союза решительного, с прекрасной боевой аттестацией и незапятнанной личной репутацией генерала, к которому, несмотря на скандалы вокруг «Треста», доверие еще не было исчерпано, давало определенный шанс этой организации. В приказе генерала Кутепова № 8 от 14 августа 1928 года указывалось, что РОВС должен составить действительно общую и мощную организацию, послушную воле нашего Верховного Главнокомандующего и Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича⁷.

Касаясь первых шагов нового председателя РОВСа, генерал Миллер писал 30 мая 1928 года в Софию начальнику III отдела Союза генералу Абрамову следующее: «У нас Кутепов понемногу осваивается, конечно не всех это назначение удовлетворило и заменить покойного П. Н-ча (Петра Николаевича Врангеля - В.Г.) ему будет невозможно; но в общем, со стороны организаций и войсковых частей, и союзов делаются нужные шаги, чтобы показать «Последним Новостям», что их предположение, что свободные выборы дали бы другое лицо на должность Председателя Союза не соответствуют действительности»⁸.

Изменения, внесенные в структуру и штаты РОВСа в первый период руководства им генералом Кутеповым (при сохранении верховной власти в руках великого князя Николая Николаевича), были небольшими, но весьма принципиальными. Приказом генерала Кутепова от 29 августа 1928 года был учрежден Дальневосточный отдел РОВСа, и его начальником был назначен генерал от артиллерии М.В. Ханжин, в прошлом военный министр в Омском правительстве адмирала А.В. Колчака⁹. С формальной стороны это было сделано на основе повеления великого князя Николая Николаевича по представлению генерала Лукомского, состоявшего при нем и ведавшего всеми

Зарубежными Русскими военными организациями на Дальнем Востоке и в Америке, для удобства управления. Но, если мы вспомним, что в свое время (в июле 1925 года) все воинские союзы и организации на Дальнем Востоке были изъяты повелением великого князя из подчинения председателя РОВСа генерала Врангеля, то принятое сейчас решение о создании Дальневосточного отдела в составе Союза имело принципиально важное значение. В бытность генерала Ханжина руководителем Дальневосточного отдела РОВСа его организации были учреждены в Дайрене, Мукдене, Тяньцзине и Шанхае.

Иной характер и смысл имел приказ генерала Кутепова от 1 ноября 1928 года об упразднении с 1 ноября должности начальника частей и групп Русской Армии на территории Франции (и подчинении их непосредственно начальнику I отдела генералу Хольмсену) и освобождение от этой должности генерала Шатилова¹⁰. Это означало не что иное, как освобождение и выведение из управленческой структуры РОВСа человека, близкого генералу Врангелю, с которым, как уже повествовалось выше, у Кутепова были сложные и нередко весьма напряженные отношения.

При генерале Кутепове в качестве председателя РОВСа происходит объединение в одних (его) руках официальной (открытой) деятельности Союза и законспирированной (так называемой «активной» или «специальной») работы против СССР. Правомерность и целесообразность этого впоследствии (после похищения генерала Кутепова и при председательстве генерала Миллера) вызовет острые дискуссии в руководстве и в рядах Русского Обще-Воинского Союза.

Уже с весны 1928 года здоровье великого князя Николая Николаевича стало заметно сдавать. Первое время, правда, организм еще упорно боролся с болезнью. Но преклонный возраст больного вызывал опасения у его приближенных. Обострение стало особенно заметно осенью, и близкие настояли на его переезде на юг Франции. 30 октября, отъезжая для лечения в Антиб (на ту же дачу, где он проживал после переезда из Италии во Францию в 1922 году), великий князь передал свои функции в отношении Русского Обще-Воинского Союза генералу Кутепову, о чем тот уведомил в своем приказе от 1 ноября. Это было последнее путешествие великого князя. В Антибе в десятых числах декабря он заболел воспалением легких. 17 декабря того же года председатель РОВСа был вызван к великому князю, и в ходе встречи и беседы, состоявшейся через день, тот разрешил Кутепову на время своей болезни самостоятельно разрешать вопросы, донося ему.

В преддверии ожидаемого вскоре ухода из жизни великого князя Николая Николаевича в кругах командования Русского Обще-Воинского Союза начинается обсуждение перспектив Союза и его руководства. С этой точки зрения вызывает определенный интерес письмо генерала Барбовича генералу Шатилову от 4 января 1929 года. По мнению автора письма, никто из «упомянутых кандидатов» (к сожалению, списка их у нас нет) «заменить Николая Николаевича, естественно, не может». Но Барбович полагал, что у генерала Кутепова имеются все юридические и моральные основания для возглавления РОВСа (назначен великим князем; близок Белому движению, известен активной борьбой за свою Родину и имеет связь с ней; способен изыскивать материальные средства), поэтому всякая попытка заменить его равносильна самозванству. Вместе с тем, автор письма считал необходимым образование при председателе РОВСа совещания в составе помощников главнокомандующего во Франции генерала Миллера как представителя общества и генерала Шатилова как возглавителя армейских частей, а также генералов Драгомирова и Абрамова. Генерал Барбович высказывался за создание «Политического центра» и сотрудничество с политическими организациями «с близкими идеалами»¹¹.

Совершенно очевидно, что генерал Шатилов должен был согласиться далеко не со всем в адресованном ему письме, памятуя прежде всего его весьма сложные и напряженные отношения с великим князем и генералом Кутеповым. Но развитие событий опередило получение названного письма и, тем более, ответ на письмо Барбовича, близкого и доверенного в прошлом сподвижника генерала Врангеля.

Вечером 5 января 1929 года великий князь, казалось бы, чувствовал себя еще неплохо и направил поздравительную телеграмму с праздником (по случаю сочельника) чинам русской армии за рубежом. Он, как и всегда, призывал к единению, заканчивая свой призыв словами: «Памятуйте о России!». Жить ему оставалось всего несколько часов. Внезапно наступило ослабление деятельности сердца, и в 9 часов 30 минут вечера он умер, сохраняя сознание до последней минуты, в окружении своих родных. При прощании тело великого князя было одето в форму кавказских казачьих войск, а почетный караул составили бывшие русские военнослужащие. Затем тело было покрыто боевым Андреевским флагом с «Mercuria». Этот флаг был спасен черноморскими моряками и хранился в Париже. Телеграммы соболезнования в связи со смертью великого князя Николая Николаевича поступили от правительств, политических деятелей и военачальников ряда европейских стран. В Италии и Королевстве СХС был объявлен траур. 8 января гроб с телом великого князя Николая Николаевича был перевезен на автомобиле в г. Канны, где временно помещен в имеющемся при церкви склепе. В той же церкви было решено устроить для более постоянного пребывания гроба почившего усыпальницу и над нею маленькую часовню.

6 января генерал Кутепов вступил в высшее управление Русским Обще-Воинским Союзом, приняв на себя исполнение обязанностей, выполняемых до этого верховным главнокомандующим¹². Таким образом, в руках А.П. Кутепова оказалась вся власть над этой организацией и одновременно ответственность за нее. В циркуляре-письме генерала Кутепова к начальникам отделов РОВСа от 9 февраля 1929 года он заверял их в своей преемственности деятельности и заветам великого князя Николая Николаевича и сообщал, что у его гроба будет воздвигнута мраморная доска 1 метр высотой и 50 см шириной, стоимостью 5000 франков¹³. К полугодовому дню кончины великого князя была сооружена большая доска из зеленого мрамора. На левой стороне ее, между двумя серебряными ветвями - лавровой и дубовой, серебряными же буквами была начертана надпись: «Верховному Главнокомандующему Русской Армии, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу», а ниже - «от русского зарубежного воинства». Под надписью был помещен большой белый крест Св. Георгия с черно-желтыми лентами, на которых были указаны даты рождения и смерти бывшего верховного главнокомандующего Русской армии и верховного руководителя Русского Обще-Воинского Союза.

Возглавив Русский Обще-Воинский Союз после смерти великого князя Николая Николаевича, генерал Кутепов оказался в нелегком положении. Он не обладал необходимым политическим опытом, но должен был защитить и утвердить позиции РОВСа в Российском Зарубежье. «Я не претендую быть вождем русской эмиграции, но я предлагаю всем вести работу со мной»¹⁴, - заявил председатель РОВСа после смерти великого князя и, надо признать, действительно получил поддержку со стороны ряда видных эмигрантских деятелей и организаций. Кутепов намерен был прибегнуть к тактике активной борьбы с большевиками, что, в случае успеха, должно было повысить и его политические акции, а также роль и значение возглавляемой им организации. Генералу предстояло реабилитировать себя за те поражения, которые он потерпел ранее от ОГПУ, возглавляя по поручению великого князя боевую работу против СССР.

Возглавление генералом Кутеповым РОВСа пришлось на тяжелый период вступления западной цивилизации в 1929 году в тяжелейший и невиданный ранее по своим масштабам мировой экономической кризис, который ударил особенно больно по русским эмигрантам и обострил и без того сложную финансовую ситуацию Союза. Генерал Кутепов был намерен предпринять определенную реорганизацию РОВСа и его управления, осуществить кадровые перестановки в руководстве. Предстояло не просто сохранить, но попытаться расширить ряды Союза, для чего новый его председатель активизировал работу с такими категориями эмигрантов, как военные моряки, казачество, молодежь и др. Необходимо было заручиться поддержкой в борьбе с СССР со стороны ведущих иностранных государств и их лидеров, получить их помощь и содействие в работе Русского Обще-Воинского Союза.

Особое значение генерал Кутепов придавал финансированию активной антибольшевистской деятельности. 16 января 1929 года в письме генералу Абрамову в Софию он пишет: «Я думаю сборов в Особую Казну» прекращать не следовало бы. Я предлагаю переименовать ее в «Фонд Спасения России имени Великого Князя Николая Николаевича». Распоряжаться фондом буду я сам при помощи доверенных людей». Он интересуется в связи с этим мнением генерала Абрамова. Эта тема поднимается и в ряде других документов и интервью генерала Кутепова. Он указывает, что раньше не имел к «Особой Казне» никакого отношения, но сейчас к нему поступают деньги от нескольких организаций, ранее вносивших деньги в нее, и таким образом уже собралось несколько тысяч франков. Кутепов считает необходимым продолжить дело этих сборов на патриотические цели, не слишком централизуя эту организацию, и ставит в пример подобного рода деятельность в Королевстве СХС¹⁵.

Заметим, что в дальнейшем «Фонд Спасения России» (ФСР) (иногда вместо слова «России» в документах будет использоваться слово «Родины») будет играть важную роль в финансировании деятельности военной эмиграции, направленной против СССР. А проблема сборов средств в ФСР будет занимать важное место в документах РОВСа и переписке его лидеров. Впрочем, как утверждал впоследствии генерал Миллер, эта осуществленная Кутеповым реорганизация удовлетворила не всех, ибо при жизни великого князя средства из нее шли далеко не исключительно на работу в России, но она «подкармливала кое-кого из генералов интимного окружения». Поэтому генерал П.Н. Краснов, являвшийся в свое время одним из инициаторов идеи казны Великого Князя, вносивший в течение многих лет свою лепту в нее и попутно, по утверждению Миллера, кормившийся от нее, после организации Главного Комитета ФСР, обеспечивавшего расходование поступавших средств исключительно «на Работу в России и ее организации», «переметнулся» в «Братство Русской Правды»¹⁶. Впрочем, истины ради, заметим, что генерал Краснов фактически сотрудничал с БРП с самого ее основания.

После смерти великого князя Николая Николаевича генерал Кутепов был весьма обеспокоен поступавшими к нему сведениями о том, что Высший Монархический Совет и круги, близкие к великому князю Кириллу Владимировичу, собираются провозгласить последнего императором. Поэтому в февральском циркулярном предписании председателя РОВСа начальникам его отделов указывалось, в частности: «Всех чинов Союза, признавших Великого Князя Кирилла Владимировича - ИМПЕРАТОРОМ, немедленно исключить из Р.О.В.С. властью соответствующих начальников». В случае признания Высшим Монархическим Советом великого князя Кирилла Владимировича императором всем членам РОВСа, которые принимали участие в работе Монархической партии, но по особым разрешениям оставались в Союзе, предписывалось немедленно выйти из последней. В ином случае, они исключались из РОВСа, как перешедшие в «политическую организацию»¹⁷.

Из принципиальных изменений, внесенных генералом Кутеповым в структуру управления РОВСом после смерти великого князя, стало упразднение с 1 апреля 1929 года должности уполномоченного великого князя Николая Николаевича по делам Америки и Дальнего Востока, на которой состоял генерал Лукомский. Объявляя об этом в своем приказе по Русскому Обще-Воинскому Союзу от 20 февраля 1929 года, генерал Кутепов объяснил, что все начальники названных отделом переходят ныне в его непосредственное подчинение¹⁸. Это означало складывание единообразной структуры организации и управления Союзом через его отделы и окончательную ликвидацию того ненормального положения, которое в силу специфических и уже объясненных ранее причин сложилось в свое время при великом князе Николае Николаевиче и генерале Врангеле.

Генерал Лукомский с 1 апреля 1929 года переводился в распоряжение генерала Кутепова, выполняя (как свидетельствуют его воспоминания) различные поручения в качестве «спеца» при нем, а затем при его преемнике - генерале Миллере. С точки зрения Лукомского, генерал Кутепов уже не был тем «Национальным Вождем», которым был в свое время великий князь Николай Николаевич. Впрочем, тот же Лукомский,

действительно близкий и доверенный человек великого князя, признавался после его смерти генералу Деникину, что Николай Николаевич «испытал горькое разочарование во взятой им на себя миссии», имея в виду верховное руководство Русским Обще-Воинским Союзом¹⁹. Так или иначе, но генерал Кутепов воспринимался эмиграцией как военный руководитель и лидер крупной и влиятельной военной организации, но не как общеизвестный и авторитетный политический лидер, способный объединить Русское Зарубежье и претендовать на будущее руководство страной в случае возвращения в Россию. Впрочем, последнее было пока весьма отдаленной и призрачной перспективой, за которую предстояло вести трудную и упорную борьбу, собирая все сколько-нибудь боеспособные силы эмиграции и надеясь на благоприятное развитие событий в самой России.

6 июня 1929 года приказом генерала Кутепова был освобожден от исполнения обязанностей начальника военной канцелярии генерал Кондзеровский с формулировкой «вследствие всемерного сокращения расходов». Правда, он и сам просил уволить его с занимаемой должности, ссылаясь на болезнь. Так или иначе, но был устранен второй (наряду с Лукомским) человек, который в ближайшем окружении великого князя Николая Николаевича отвечал за связи с армией и решение военных вопросов. Тем самым, образно говоря, были окончательно разорваны нити, связывавшие и подчинявшие РОВС Шуаньи - великому князю Николаю Николаевичу и делавшие Союз зависимым от его ближайшего окружения. Начальником военной канцелярии РОВСа тем же приказом Кутепова был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Стогов²⁰. Что же касается генерала Кондзеровского, то добавим лишь, что 16 августа 1929 года он умер в Париже.

Из происшедших в это время кадровых перемен обратим внимание на освобождение приказом генерала Кутепова от 8 апреля 1929 года генерала В. А. Леховича от должности начальника II Североамериканского отдела РОВСа в связи с переездом его в Европу. Исполняющим должность начальника отдела был назначен полковник В.В. Николаев²¹.

Характеризуя Русский Обще-Воинский Союз в одном из интервью после смерти великого князя Николая Николаевича, генерал Кутепов определил его как внепартийную организацию, ведущую борьбу с III Интернационалом за спасение России, и, указав на заслуги генерала Врангеля и великого князя в создании и укреплении Союза, подчеркнул, что он впитал почти все русские воинские организации, многие казачьи организации, различные военно-морские группы, военные союзы, общества, объединения, нередко включающие в свой состав по несколько тысяч человек. Кутепов отметил, что внутренняя жизнь этих организаций - самостоятельная. «Армия перешла на «трудное положение», - подчеркнул председатель РОВСа, - но несмотря на это, она по духу осталась армией». Объединения ее воинов существуют по всему миру и имеют свои библиотеки, церкви, помещения для собраний, организуют врачебную помощь. РОВС, его отделы и организации, отметил генерал Кутепов, оказывают материальную помощь своим нуждающимся членам, организуют бесплатные обеды для лиц, временно оказавшихся безработными, содействуют в получении виз. Председатель РОВСа привел пример, что во время острой безработицы в Париже Союзом организовывалась бесплатная выдача железнодорожных билетов в местности, где было легче получить заработок. Сила объединений - в их организованности и единстве, подчеркнул генерал Кутепов. В условиях наступающего мирового экономического кризиса он издал в 1929 году приказ № 28 об образовании особых благотворительных комитетов при отделах РОВСа и Центрального благотворительного комитета при председателе Союза.

Определяя программу действий и размышляя в связи с этим о будущем России, генерал Кутепов во время посещения Чехословакии с формальной целью инспектирования частей Русской Армии и деятельности РОВСа здесь указывал: «Наш лозунг - непредрешение будущей формы правления в России. Ее изберет сам русский народ, который сумеет учесть сдвиги, происшедшие в результате революции. А наша задача - спасти честь русского имени и помочь России сбросить большевистское ярмо»²².

Решительность и бескомпромиссность боевого генерала пугала его врагов. Кутепов непосредственно руководил рядом тайных организаций. Им было налажено и взаимодействие с Международной Лигой борьбы с III Интернационалом. В начале 1928 года эта международная антикоммунистическая организация, возглавляемая по-прежнему Т. Обером, объявила об учреждении русской секции Лиги, которая имела своих представителей в 17 странах. В письме, направленном генералу Кутепову от руководства этой организации в августе 1928 года, выражалась благодарность за прием и внимание, а его представитель приглашался на совещание Лиги. Высказывалась также надежда на систематическое получение от князя Трубецкого (в соответствии с поручением, данным ему председателем РОВСа) обзора положения в России²³.

Генерал Кутепов и в качестве руководителя Русского Обще-Воинского Союза продолжал придерживаться тактики активных террористических действий на советской территории. В мае - июне 1928 года кутеповский боевик Бубнов провел две недели в Москве с целью организации убийства члена Политбюро ЦК ВКП(б) и главного редактора газеты «Правда» Н.И. Бухарина, но безуспешно. В перечне объектов терактов, как свидетельствовала информация от источников советских спецслужб в РОВСе, значились также Сталин, Крыленко, Менжинский и другие руководящие работники ОГПУ, партийных и советских органов.

6 июля 1928 года члены боевой организации Кутепова Г. Радкович и Д. Мономахов бросили бомбы в бюро пропусков ОГПУ. После взрыва оба террориста бежали. Настигли их близ Подольска. Здесь погиб Радкович - последний супруг и сподвижник известной террористки и доверенного лица генерала Кутепова М.В. Захарченко-Шульц (по одним источникам, он был убит в перестрелке, по другим - застрелился). Не вернулся назад и Мономахов - участник теракта в Ленинградском партклубе в 1927 году (по одним данным - он был убит, по другим - пропал без вести). И хотя вернувшийся после неудачной попытки покушения на Бухарина Бубнов направил генералу Кутепову доклад, в котором утверждалось, что организовать систематический террор в СССР невозможно и нецелесообразно, председатель РОВСа не собирался отказываться от избранной тактики²⁴.

В ноябре 1929 года в СССР была заброшена группа в составе трех офицеров - В.А. Анисимова, В.И. Волкова и С.С. Воинова. Первый из них сломал ногу и застрелился, а двое других вернулись и вскоре были заброшены в СССР вновь. Но во время этого нового похода оба погибли. В декабре 1929 года в СССР был заброшен член Кутеповской боевой организации капитан П.М. Трофимов, также погибший здесь²⁵.

Террористические группы забрасывались в СССР прежде всего через Финляндию, Латвию и Эстонию. Но их деятельность была малорезультативной. Все меньше боевиков возвращалось на базы: многие гибли в схватках с чекистами или кончали жизнь самоубийством, оказавшись в безвыходном положении, других арестовывали, судили. Некоторых террористов чекистам удавалось перевербовать, усиливая тем самым свои агентурные возможности в РОВСе. И, тем не менее, Кутепов был убежден: «Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожить»²⁶. Он и действовал в соответствии с этим убеждением.

Вместе с тем, подобные действия генерала Кутепова вызывали не только поддержку, но и оппозицию в эмиграции. Одним из ярких выразителей последней был генерал Деникин, который считал террористические акты против большевистских руководителей практикой «бессмысленной, вредной и приводящей к прислужничеству белых лидеров иностранным правительствам»²⁷. Кстати, А.И. Деникин создал в 1929 году вместе с С.П. Мельгуновым и А.О. Гукасовым газету «Борьба за Россию», призванную служить популяризации его взглядов в эмиграции.

Сам генерал Кутепов осознавал, что свержение большевиков будет во многом или даже в решающей степени зависеть от действий иностранных государств и их вооруженного вмешательства или прямых военных действий против СССР. Поэтому вопрос об условиях и характере взаимодействия с ними русской военной эмиграции в

борьбе с большевиками приобретал для руководства Русского Обще-Воинского Союза особо большое значение и, вместе с тем, являлся весьма сложным для решения.

Особый интерес и в то же время озабоченность председателя РОВСа вызывало развитие событий на Дальнем Востоке. Осенью 1928 года генерал Лукомский в письме Кутепову информировал о возможном развитии событий во взаимоотношениях Японии с русскими военными эмигрантами здесь: «По-видимому, японцы хотят сформировать русский отряд, который должен быть подчинен Чжан-Шуэ-Ляну (сыну убитого маршала Чжан-Дзо-Лина²⁸) и, якобы, помочь очистить Монголию от красных. При этом генералу Бурлину было сказано японским генералом Таканаяги, что если переговоры будут успешны, то японцы окажут помощь через китайцев. Получив же помощь для работы в Монголии, можно будет развить интенсивную работу и на русской территории».

22 октября 1928 года в ответном письме генерал Кутепов сообщал Лукомскому, что ему известно о настроении национально-мыслящих кругов в Советской России: «Там считают, что проникновение советской власти в Монголию, даже под флагом III Интернационала, в сущности есть продолжение национальной русской политики, которую вела наша дипломатия Императорского периода». «Я лично в общем держусь этого же мнения», - заметил Кутепов. Вместе с тем, он счел необходимым уточнить, что «в Монголии, по-видимому, не очень разбираются в разнице между большевиками и не-большевиками», и тех и других считают русскими». Поэтому председатель РОВСа указывал: «Мне кажется, что при обсуждении японских предложений, касающихся Монголии, следует внимательно взвесить вышеизложенные предложения, чтобы не восставать против себя мнения национально мыслящих кругов в Советской России и не повредить интересам не только большевиков, но и национальной России»²⁹.

29 апреля 1929 года генерал Кутепов в связи с назревающим кризисом и впоследствии разразившимся острым военно-политическим конфликтом на КВЖД встретился и дал указания представителю РОВСа на Дальнем Востоке на случай столкновения Китая (а возможно и Японии) с СССР. Он подчеркивал исключительную сложность этого вопроса, так как, с одной стороны, желательно сражаться с властью красного Интернационала, но с другой, - нельзя бить по национальным интересам России. Эти интересы - КВЖД и русское влияние в Монголии - сформировались до большевиков. «Мои руководящие указания следующие, - резюмировал генерал Кутепов, - без особых гарантий со стороны Китая и Японии, я считаю полезным для русских воздержаться от участия в войне между Китаем (или Японией) и СССР». Но учитывая, что это воздержание для русских эмигрантов, живущих на китайской территории, будет невозможно, Кутепов считал, что в военных действиях должны принять участие лишь отдельные лица и исключительно на добровольной основе: «Русские национальные организации могут оказать помощь в борьбе с СССР лишь в случае определенной гарантии о ненарушении национальных интересов России». Под этим председатель РОВСа подразумевал официальные заявления Китая и Японии и их реальную помощь в формировании значительных и самостоятельных русских отрядов для направления на советскую территорию для борьбы с большевиками³⁰.

Явное обострение политической борьбы в СССР и осложнение социально-экономической ситуации в конце 20-х годов внушало генералу Кутепову надежду, что именно «активные» методы борьбы будут наиболее эффективны и дадут желаемый результат - падение власти большевиков. Он надеялся, что недовольство крестьянства советской властью выльется в массовое повстанческое движение, и считал необходимым готовить и направлять в СССР кадры для руководства им. Председатель РОВСа уделял особое внимание положению в Красной армии. Его ближайший сподвижник, генерал Стогов свидетельствовал, что ценные сведения о ней сосредотачивались у полковника Зайцова, считались секретными и никому не сообщались. Правда, сам он (Стогов) получал для информации некоторый материал о Красной армии³¹. Кризисное развитие международных отношений в мире вселяло в генерала Кутепова надежды на неизбежность новой международной интервенции против СССР, и он прилагал активные усилия в этом направлении, поддерживая тесные отношения с западными (и прежде всего

с английскими) спецслужбами и политиками. События 1929 года и прежде всего вооруженный конфликт на КВЖД, в котором принимали участие и бывшие белогвардейцы, были, казалось бы, еще одним подтверждением грядущих потрясений, к которым РОВС и его руководители активно готовились.

Во время руководства генерала Кутепова РОВСом география Русского Обще-Воинского Союза расширялась. В него в частности вошли «Союз русских воинов в Бразилии» и «Кружок по изучению Великой войны» в Австралии³². В справке о Русском Обще-Воинском Союзе, переданной в свое время в Русский Заграничный Исторический Архив, а сегодня хранящейся в Государственном архиве РФ, датированной 18 мая 1929 года, указывалось, что РОВС объединяет не менее 50 - 60 тысяч человек, и выражалась убежденность: «Число это, конечно, возрастет в несколько раз, как только Русскому Зарубежному Воинству предоставится возможность активной работы по освобождению родины от большевистской власти»³³. В другом документе в числе крупнейших организаций, входящих в РОВС, назывались уже Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека (куда входили атаманы Донского, Терского и Кубанского войск) и Казачий Союз³⁴. Генерал Кутепов действительно прилагал большие усилия для нормализации отношений Русского Обще-Воинского Союза с казачеством. Он вел, в частности, переговоры по этому поводу с атаманом Войска Донского генералом А.П. Богаевским. И, тем не менее, в этих отношениях по-прежнему оставалось много неопределенностей.

Генерал Кутепов предпринял активные усилия для укрепления влияния Русского Обще-Воинского Союза на морское офицерство и включения его в ряды возглавляемого им Союза. С этой целью он привлек на свою сторону вице-адмирала М. А. Кедрова, руководителя знаменитой крымской эвакуации в ноябре 1920 года, последнего командующего Черноморским флотом. Находясь в эмиграции, тот продолжил образование и получил диплом инженера путей сообщения. Французские власти даже сделали ему предложение принять его на правительственную службу, если он примет французское гражданство, но русский военный моряк ответил отказом. Как вспоминал Кедров в рукописи «Моя автобиография», к нему в 20-е годы не раз обращались с предложением создать военно-морскую организацию по образцу РОВСа. Но он не согласился на подобные предложения генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича. Отрицательно ответил Кедров и на предложение великого князя Кирилла Владимировича о создании военно-морской организации, но под эгидой последнего. Здесь следует напомнить, что великий князь был военным моряком, имел звание контр-адмирала и пользовался поддержкой ряда старых адмиралов, находившихся в эмиграции. Кирилл Владимирович предлагал также Кедрову стать членом Высшего Совета Блустителя Престола, но вице-адмирал отказался. Мотивируя свои отказы, он писал, что подобные его действия привели бы к расколу морской семьи.

После смерти великого князя Николая Николаевича генерал Кутепов обратился к Кедрову с просьбой поддержать его, объясняя это, по утверждению вице-адмирала, якобы, тем, что не чувствует себя уверенно среди политических течений. Председатель РОВСа просил Кедрова образовать Военно-Морской Союз хотя бы из морской молодежи. Вице-адмирал писал впоследствии, что после колебаний все-таки согласился и создал Военно-Морской Союз в единении с Русским Обще-Воинским Союзом. Чины флота, входившие в состав РОВСа, могли продолжать состоять и входить в состав его организаций. А руководство РОВСа нашло соответствующим, чтобы морские чины Союза, не входящие в Военно-Морской Союз, вошли бы в группу ВМС.

Вице-адмирал Кедров стал председателем этой созданной военно-морской организации. В своем обращении в качестве председателя Военно-Морского Союза от 3 октября 1929 года он ссылаясь на многочисленные обращения молодых офицеров (более 150 офицеров и морских гардемарин) об объединении в Военно-Морской Союз и сообщал о своем решении разделить Союз на 11 групп по числу объединений, входящих в него, а председателей объединений утверждал председателями групп. Вслед за этим генерал Кутепов назначил Кедрова вторым помощником председателя Русского Обще-Воинского Союза. РОВС осуществлял и специальное финансовое субсидирование дея-

тельности Военно-Морского Союза. В состав его могли входить не только морские офицеры и гардемарины, но и сухопутные офицеры, служившие на судах военного флота в годы Первой мировой и Гражданской войны, а также офицеры торгового флота. При Военно-Морском Союзе был создан свой суд чести. По свидетельству Кедрова, создание Военно-Морского Союза встретило широкий отклик среди морской молодежи и офицерства, но некоторое сопротивление среди старых адмиралов, главным образом «легитимистов»³⁵.

В конце 1929 года происходит определенное сближение генерала Кутепова с одной из самых энергичных фигур военной эмиграции и РОВСа генералом Шатиловым. В связи с этим 14 ноября генерал Стогов писал из Парижа в Софию генералу Абрамову, что на днях состоится приказ о назначении Шатилова на его прежнюю должность - во главе всех армейских групп во Франции. Автор письма подчеркивал, что действительно нет лучше выбора, а генерал Хольмсен с трудом справлялся со всей работой³⁶. Назначение генерала Шатилова на должность начальника частей и групп Русской Армии во Франции состоялось в конце 1929 года.

В 1929 году Кутеповым были издан приказ, подтверждающий распоряжение великого князя Николая Николаевича и приказ генерала Врангеля от 1926 года о привлечении молодежи в Русский Обще-Воинский Союз. Молодые люди могли поступать в полковые объединения, военные союзы и организации. Конечной целью являлась подготовка из молодежи младшего командного состава. В РОВС могли быть приняты как получившие, так и не получившие среднее образование молодые люди. Молодежь, принятая в состав военной организации, принимала участие в общих собраниях офицеров, но без права голоса. Молодые люди могли сдавать экзамены сначала на унтер-офицера, а затем на младший офицерский чин. Руководства и программы экзаменов составлялись и утверждались распоряжением председателя РОВСа. С начала 1930 года генерал Кутепов дал указание открыть военно-училищные курсы под руководством генерала Головина при его Зарубежных Высших военно-научных курсах. Они предназначались для молодых людей, желающих теоретически познакомиться с обязанностями младшего офицера в строю. Основными требованиями для поступающих были следующие: возраст - не моложе 16 лет; годные к военной службе; знания, равные четырем классам русского кадетского корпуса или гимназии и наличие рекомендации от военной организации, при которой состоят, или от лица, известного в эмиграции³⁷.

В 1929 году в Париже началось издание журнала «Часовой». Главный редактор и заведующий издательством «Часового» бывший капитан Добровольческой армии и чин РОВСа В.В. Орехов давно вынашивал замысел его издания. Эта работа началась еще в 1926 году по поручению генерала Шатилова. В 1928 году возник проект осуществления информационного издания Русского Обще-Воинского Союза - «Осведомитель Р.О.В.С.». В мае того же года Орехов представил генералу Кутепову проспект и основные идеи для будущего журнала. 19 февраля 1929 года он направил рапорт генералу Кутепову, в котором просил отдать приказ или направить циркулярное письмо в отделы Союза с указанием, что журнал «Часовой» будет выполнять задачи намечавшего к изданию «Осведомителя Р.О.В.С.», и в связи с невыходом последнего именно его необходимо поддерживать. «Это придаст нам положение единственного военного органа печати, в некоторых вопросах долженствующего являться официозом РОВСа», - подчеркивал Орехов.

Но в официальных письмах за подписью генералов Кондзеровского и Стогова в связи с изданием «Часового» указывалось, что он, отнюдь, не является официальным органом РОВСа, хотя редакция и изъявляет готовность помещать приказы, распоряжения и официальные материалы Союза.

Вместе с тем, заинтересованные лица информировались ими, что предполагавшееся издание особого официального органа Русского Обще-Воинского Союза задерживается на неопределенное время. В таких условиях рождался ставший впоследствии одним из самых популярных изданий военной эмиграции - журнал «Часовой». К этому следует добавить, что этот журнал, формально являвшийся независимым, получал до-

тацию от РОВСа и уже в силу этого публиковал его официальные материалы. К тому же, в бытность А.П. Кутепова председателем РОВСа, его взгляды и замыслы вполне разделялись редакцией «Часового», что обуславливало лояльность этого издания к Союзу и нередко давало основания называть журнал его официозом, выражающим в первую очередь мнение самого генерала.

Кутепов прилагал большие усилия по укреплению Русского Обще-Воинского Союза, исповедуя прежний основополагающий принцип, что сам РОВС и его отделы, будучи организациями военными и состоящими из военнослужащих, должны стоять вне рамок партийности. В интервью представителю русской зарубежной прессы в июле 1929 года А.П. Кутепов говорил: «Чтобы армия была духовно здорова, нужно, чтобы чины ее возвысились над своими партийными убеждениями, чтобы они забыли о своей партийности и служили лишь общенациональным целям. Это не значит, что армия «аполитична», она имеет свое определенное политическое лицо, она хочет восстановить национальную Россию, хочет возрождения Российской Государственности». «Я лично не скрываю того, - продолжал председатель РОВСа, - что считаю для России наиболее подходящей монархическую форму правления; многие чины армии думают также, но из этого не следует, что наша армия - армия монархическая»³⁸.

В целом, в рассматриваемый период времени в РОВСе велась активная работа не только по подготовке к свержению советского режима, но и по выработке программы строительства новой России. Любопытен в этом отношении документ под названием «Общие положения», датированный 16 июля 1929 года. «Возрожденную Россию нужно строить отнюдь не копируя старой России, но не обрывая связи исторической преемственности с лучшими традициями прошлого, - указывалось в нем. - Коренные вопросы государственного устройства России и, в частности, выбор формы правления считалось невозможным предрешить на чужбине, но разрешить только принимая во внимание все реальные условия в момент ее освобождения. К работе по восстановлению России должны были быть привлечены «все живые силы общества». «Надо признать и учесть все глубокие сдвиги, которые революция произвела в жизни русского народа, стремиться повернуть вспять колесо истории было бы безумием, - подчеркивалось в этом документе. - Возмездия за содеянные в течение революции преступления против старых законов быть не может». Здесь же уточнялось, что не только бывшие «советские работники», но даже бывшие коммунисты, искренно принявшие новый строй, не могут быть привлечены к ответственности за их прошлое.

Отвлекаясь от изложения этого документа, заметим лишь, что историческое прошлое жестокой гражданской войны и кипевшая у активистов военной эмиграции ненависть к новым хозяевам России и поддержавшим их в ходе былых сражений миллионам сограждан вряд ли сделало бы возможным подобный (без жестокой мести) вариант развития событий в будущем. В какой-то мере об этом свидетельствует и следующий тезис цитируемого выше документа: «После освобождения от коммунистического ига Россия будет нуждаться в периоде диктатуре». Но в дальнейшем обещалось, что страна пойдет по пути некоторой децентрализации и широкого местного самоуправления.

Во главу угла экономического вопроса в анализируемом документе ставился принцип частной собственности, но при этом указывалось, что не отрицается необходимость и полезность государственного хозяйства. Среди основных положений содержался и тезис о том, что интересы крестьян и рабочих должны быть всемерно приняты во внимание при разрешении аграрного и промышленного вопроса³⁹. Но без конкретного наполнения этот тезис звучал голословно.

Вопросы организации будущей России находят отражение и в других документах Русского Обще-Воинского Союза. Например, проживавший в Париже генерал-майор Д.А. Правиков выступил с инициативой уже в настоящее время озаботиться подготовкой административно-полицейского аппарата для обслуживания будущей, освобожденной от большевиков России. Он направил записку генералу Кутепову с предложением организовать в эмиграции Военно-Административный кружок, который нахо-

дился бы в тесном единении с Русским Обще-Воинским Союзом. Очевидно, что это предложение очень заинтересовало председателя РОВСа, который посчитал этот вопрос актуальным и имел личную встречу и беседу с генералом Правиковым⁴⁰.

В 1929 году в Русском Обще-Воинском Союзе был поднят вопрос о его регистрации во французских органах власти как главного учреждения бывших русских военнослужащих, объединяющего отделы в разных странах Европы, Америки и Азии. Проект Положения о РОВСе был подготовлен к январю 1930 года, подписан генералом Кутеповым и передан им в январе (незадолго до своего похищения) в парижскую префектуру для регистрации, что сыграло свою важную роль в последующей легитимации его преемника в качестве председателя Союза. Но об этом пойдет речь уже в следующей главе книги.

Энергичные действия нового председателя Русского Обще-Воинского Союза, его решительность и бескомпромиссность на фоне внутреннего и международного кризиса СССР на рубеже 20-х и 30-х годов вызвали растущее беспокойство советского руководства. Используя богатый опыт «Треста», чекисты организуют ряд оперативных игр с РОВСом, легендируя контрреволюционные организации, действующие на советской территории. К их числу относятся, в частности, операция «Заморское» с участием легендированной антисоветской организации под названием «Северо-Кавказская военная организация» и «С-4» («Синдикат-4») с участием легендированной «Внутренней русской национальной организации» и др. Генерал Кутепов и возглавляемый им Союз были поистине опутаны невидимой паутиной, которую умело плели советские спецслужбы.

Тревожная информация, поступавшая в ОГПУ из-за границы о замыслах генерала Кутепова, включая планы террористических актов в отношении высокопоставленных деятелей советского государства и партии большевиков, руководителей армии и спецслужб, намерение перейти в благоприятно развивающейся ситуации к крупномасштабным вооруженным операциям на территории СССР, опирающимся на недовольство народа, вызвало у чекистов не просто тревогу и обеспокоенность, но и обуславливало их желание перейти в сложившейся чрезвычайной ситуации к новым методам противодействия противнику.

Летом 1929 года в ОГПУ разрабатывается план захвата генерала Кутепова и вывоза его в Москву. Операция по похищению председателя РОВСа была разработана при непосредственном участии председателя ОГПУ В.Р. Менжинского и руководителя Иностранного отдела этого ведомства М.А. Трилиссера, а затем его преемника С.А. Мессинга. Непосредственным руководителем этой операции стал Я. И. Серебрянский, руководитель Особой группы, которая первоначально действовала в составе Иностранного отдела ОГПУ, затем - при председателе ОГПУ и, наконец, перешла в непосредственное подчинение наркома внутренних дел (ее неофициально именовали «группа Яши»). Замысел операции заключался в том, чтобы захватить и доставить председателя Русского Обще-Воинского Союза в Москву. Впрочем, как свидетельствуют документы, разработка председателя РОВСа и его организации велась чекистами по нескольким направлениям. Поэтому в январе 1930 года, до последнего воскресенья месяца, когда произошло похищение генерала Кутепова в Париже, он имел личные встречи во Франции и за ее пределами с эмиссарами ОГПУ, действовавшими в рамках разных операций, направленных против РОВСа и Русского Зарубежья.

В воскресенье, 26 января 1930 года в 10 часов 30 минут утра генерал Кутепов покинул квартиру в доме, где проживал в Париже с семьей, по адресу ул. Русселе, д.26. Он сказал жене, что идет в церковь Союза Галлиполийцев, где будет проходить панихида по генералу Каульбарсу, а затем на одно из военных собраний. Он обещал быть к обеду, в час дня, а после этого вместе с женой и сыном выехать за город. Председатель Галлиполийского Собрания генерал Репьев был предупрежден о его намерении быть на панихиде к 12 часам дня. Но там генерал Кутепов не появился, что, впрочем, не вызвало тревоги. Его коллеги решили, что председатель РОВСа занят срочными делами и не смог быть на прощании с покойным. Тревога была поднята домашними около 3 часов

дня, когда обычно пунктуальный генерал не появился домой к обеду. Его вестовой Федоров, живший вместе с семьей Кутепова, выяснил, что его нет ни в Галлиполийском Собрании, ни у кого из хороших знакомых. После этого домашние поставили в известность полицию.

В половине седьмого вечера в дом, где проживал генерал с семьей, прибыл уполномоченный префектуры для выяснения обстоятельств. Начались поиски, хотя первоначально не исключалось, что генерал Кутепов задержался по делам, срочно выехал в предместье Парижа или стал жертвой несчастного случая. К 23 часам префектура пришла к выводу, что генерал действительно исчез. Допуская возможность похищения его большевиками, власти по телеграфу дали информацию об исчезновении Кутепова на границы, в порты и в аэропорты. Радиограммы о случившемся вместе с фотографией генерала были посланы во все полицейские и пограничные инстанции, всем военным атташе Франции за границей.

К концу дня 26 января стало очевидно вся серьезность случившегося и большая вероятность того, что совершено преступление. На следующий день началось следствие. К середине дня после завершения опроса госпиталей и полицейских комиссариатов окончательно отпала версия несчастного случая. Было отброшено и предположение об отъезде Кутепова по срочному служебному делу. В таком случае он всегда предрешал начальника своей канцелярии князя Трубецкого. Версия, существовавшая в военных кругах, о тайном отъезде генерала в Россию (которая еще какое-то время существовала в эмиграции) также была признана несостоятельной, ибо об этом должны были знать, по крайней мере, князь Трубецкой и полковник Зайцов, ближайший помощник Кутепова и фактически начальник контрразведки штаб-квартиры РОВСа.

На ноги были подняты все розыскные органы Парижа. О случившемся было доложено главе правительства Франции А. Тардьё. Тот находился на конференции в Лондоне, но распорядился провести энергичное расследование и раскрыть преступление, не жалея сил и средств. Он и в последующие дни ежедневно звонил по телефону из Лондона в Париж, интересуясь ходом следствия. К розыску исчезнувшего председателя РОВСа были привлечены около 400 агентов сыскной полиции.

27 января был издан приказ по РОВСу, в котором сообщалось, что 26 января 1930 года генерал Кутепов ушел из дома и более не возвращался. «Ввиду безвестного отсутствия председателя Русского Обще-Воинского Союза, генерала от инфантерии Кутепова, я, как старший заместитель его, вступаю в должность председателя Русского Обще-Воинского Союза», - приказывал подписавший приказ генерал Е.К. Миллер⁴¹. Тема исчезновения председателя РОВСа генерала Кутепова оказалась в центре внимания эмигрантской и иностранной печати.

Вообще же, в эти дни не было недостатка в самых разнообразных версиях исчезновения Кутепова. Одна из крупнейших французских газет задалась вопросом - не последовал ли он примеру генерала Слащёва. Другая призывала по французской традиции «искать женщину»: если та будет найдена, то и Кутепов будет обнаружен «живым и невредимым». Публиковались непроверенные слухи или откровенно дезинформационные материалы, вроде того, что генерал вылетел на аэроплане из аэропорта Бурже. Несомненно, что в сеянии слухов и распространении дезинформации, помимо ушедших до сенсаций журналистов, свою роль играли и чекисты. Так или иначе, но полиция тщательно проверяла все поступившие сообщения, которые могли пролить свет на исчезновение генерала Кутепова. Но большинство средств массовой информации объясняли исчезновение председателя Русского Обще-Воинского Союза его похищением агентами ОГПУ.

28 января жена генерала - Лидия Давыдовна Кутепова подала официальное заявление прокурору Франции, в котором отвергала появившуюся версию самоубийства и требовала возбуждения дела о насильственном похищении мужа. В. А. Маклаков как председатель Эмигрантского комитета официально довел до сведения министерства иностранных дел Франции информацию о похищении генерала Кутепова.

Тема похищения председателя РОВСа стала предметом обсуждения и во французском парламенте. Часть депутатов даже поставила вопрос о разрыве отношений с СССР. Советское полпредство в Париже и наркомат по иностранным делам СССР категорически отвергали высказывавшиеся в адрес советского государства обвинения и энергично протестовали против развернувшейся во французской прессе необоснованной, по их утверждению, травли советских дипломатов, угрожая отзывом своего полпреда из Парижа⁴².

Ведущееся французским властями официальное следствие и частные расследования показали, что за генералом Кутеповым и его домом велась постоянная слежка. В конце 1929 года угроза покушения становилась все более очевидной, звучало много телефонных звонков с угрозами генералу Кутепову. Вместе с тем, у генерала не было постоянной охраны. Несмотря на настояния своих близких об ее организации, не знавший страха генерал отвечал категорическим отказом. Кутепов ограничивался тем, что пользовался услугами таксистов - бывших офицеров, членов Галлиполийского Союза, которые на время следования выполняли функции его телохранителей. Специальная бригада таксистов-галлиполийцев, машинами которых он пользовался, включала около тридцати специально отобранных людей, хорошо известных генералу и пользовавшихся его доверием. Но Кутепов не хотел отвлекать от дела людей ради собственной безопасности. К тому же, он не хотел посвящать лишних людей в тайные дела, которыми занимался.

Следствие длилось несколько месяцев, были проведено множество допросов, опрошены сотни свидетелей, исписано много бумаги, но в результате разрозненные факты не складывались в единую картину происшедшего. Следствие не смогло предъявить кому-либо обвинения в совершении преступления. Оно не пришло к выводу, какова судьба генерала Кутепова, жив ли он и если да, то где находится. Никто не был привлечен к ответственности, арестован и тем более судим. Следствие зашло в тупик и было прервано. Оно было возобновлено осенью 1937 года в связи с вновь открывшимися обстоятельствами после похищения генерала Миллера и началом следствия по делу генерала Н.В. Скоблина и его жены Н.В. Плевицкой. Главным здесь стала попытка выяснить, какую роль играли генерал Скоблин и его жена в покушении на генерала Кутепова. Но и в ходе дополнительного расследования не удалось сколько-нибудь значительно продвинуться вперед и прийти к однозначным результатам.

Если попытаться резюмировать усилия французской полиции, службы национальной безопасности и следствия, то они пришли к выводу, что было совершено преступление, генерал Кутепов был похищен и убит. Тела его найти не удалось. Поэтому наряду с версиями, что он был убит во Франции и здесь же захоронен, высказывалось и предположение, что тело убитого генерала было доставлено на борт советского судна «Спартак» и доставлено в СССР. Вина за похищение и убийство генерала Кутепова возлагалась таким образом на Советский Союз, а исполнителями его выступали чекисты, в той или иной мере сотрудничавшие при этом с иностранными коммунистами. Но убедительно доказать все это и предъявить аргументированные обвинения для судебного процесса французские розыскные и следственные органы не сумели.

Лишь в конце 80-х годов советскими спецслужбами было признано, что генерал Кутепов был похищен в результате спецоперации ОГПУ в Париже, доставлен на советское судно «Спартак», но погиб, согласно официальной версии спецслужб, от сердечного приступа во время следования указанного судна в СССР⁴³. Тем не менее, эта официальная версия и сегодня не получила единодушного признания. По-прежнему имеют место версии, что он оказал сопротивление при задержании и был убит похитителями (заколот ножом) или же умер в Париже от сердечного приступа после введения морфия похитителями, для того, чтобы прекратить его сопротивление при захвате и борьбе, продолжавшейся в автомашине, и был похоронен в пригороде Парижа, во дворе дома одного из агентов советской разведки.

Замыслы, план и само проведение данной операции, ее организаторы, участники и многое другое, связанное с похищением председателя РОВСа генерала Кутепова, по-

прежнему вызывает много вопросов. Впрочем, это уже тема отдельного разговора и исследования, специальной книги, над которой уже несколько лет работает автор и которая станет продолжением цикла по истории Русского военного Зарубежья.

Где покоится прах Александра Павловича Кутепова неизвестно, но на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа в Париже находится символическая могила боевого генерала. Мемориальная доска генералу Кутепову была установлена в храме-памятнике русской эмиграции в Брюсселе с указанием, что он пропал без вести.

Несмотря на то, что генерала Кутепова не удалось доставить живым в СССР, ОГПУ считало, что основные цели операции выполнены. Был нанесен сильный удар по Русскому Обще-Воинскому Союзу, который советское руководство считало постоянным источником опасности для СССР, уничтожен его руководитель, наиболее сильный и авторитетный лидер военной эмиграции, являвшийся последовательным сторонником решительных и активных действий против советского государства и видевший перспективу в организации нового вооруженного похода против него совместно со странами Запада. В результате похищения генерала Кутепова ослабли позиции «активистов» в руководстве РОВСа и резко сократились масштабы террористической деятельности, ведущейся из-за рубежа, в самый трудный для руководства СССР момент, когда страна находилась на грани новой крестьянской войны, что могло вылиться в дальнейшем в широкомасштабную гражданскую войну. Несомненно, что эмиграция была напугана и еще более дезорганизована этой акцией, осуществленной ОГПУ.

«Кого похитил у нас враг, - задавался вопросом в речи на собрании, устроенном РОВСом 25 января 1931 года и посвященном годовщине похищения генерала Кутепова, один из видных деятелей русской эмиграции профессор А.В. Карташёв, и сам отвечал, - вождя. А.П. Кутепов - вождь Божию милостью. Это - особый дар, особая социальная, политическая, национальная, культурная и духовная ценность». «Вожди бывают разной породы, - продолжал свои размышления профессор. - Генерал Кутепов есть вождь христоролюбивого воинства. В этом - его исконная реальность». Другой известный деятель Русского Зарубежья П.Б. Струве, размышляя о деятельности генерала Кутепова в эмиграции, отмечал, что он активно искал новые формы и пути борьбы с большевизмом. Кутепов, по его утверждению, не строил расчетов на вооруженную интервенцию в обычном смысле в целях воссоздания фронтовой борьбы. Так или иначе, этот генерал и председатель РОВСа открыл, по мнению Струве, целую эпоху в истории белой борьбы, «эпоху, органически связанную с прошлым, но создающую новые формы и открывающую новые пути»⁴⁴.

Драматически сложились судьбы членов семьи генерала Кутепова: жены - Лидии Давыдовны и сына Павла, которому в момент похищения отца было 5 лет (по другим данным - еще не исполнилось 5 лет). В 1930 году они переехали к сестре матери в Ригу, а в 1935 году - в Югославию. Павел учился в кадетском училище. РОВС в 30-е годы, а затем и созданное накануне Второй мировой войны Объединение Русских Воинских Союзов оказывали даже в начальный период Великой Отечественной войны материальную помощь семье генерала Кутепова, о чем подробнее пойдет речь в дальнейшем⁴⁵.

Последующие данные о судьбе Павла Кутепова и выборе, сделанном им в годы Второй мировой войны, прямо противоположны. По одним источникам, он служил в Русском Охранном корпусе, сформированном в Югославии в сентябре 1941 года генералом Скородумовым по договоренности с немцами и был адъютантом генерала Штейфона, сменившего Скородумова в должности командующего корпусом. В мае 1945 года корпус сдался англичанам, и Павел был выдан ими советской контрразведке. Автор имеет основания придерживаться именно этой точки зрения. По другим данным, Кутепов-младший в годы войны стал участником югославского движения Сопротивления, в сентябре 1944 года перешел линию фронта и служил переводчиком в Красной Армии. Но в итоге все источники сходятся на том, что после войны он был судим и приговорен к 10 годам (или даже к 25 годам) заключения, которые провел во Владимирском центральном лагере. Был реабилитирован и освобожден после смерти Сталина, в 1954

году. Жил в Иваново и работал на текстильных предприятиях города. С 1960 года много лет работал в отделе внешних сношений Московской Патриархии, был главным редактором бюро переводов и информации. Умер в декабре 1983 года. В его семье было два сына. Один из них - Александр, был назван этим именем в честь деда. Так снова появился на свет Александр Павлович Кутепов.

Л. Д. Кутепова после переезда в Югославию жила в этой стране до прихода к власти коммунистов во главе с И.Б. Тито. Затем переехала в Париж. В 1945 году приехала в Прагу, где была арестована советской контрразведкой. Она была осуждена на 10 лет, в 1954 году реабилитирована и освобождена. В пору так называемой «оттепели» в СССР Кутеповой при помощи друзей удалось перебраться во Францию, где она и умерла в 1959 году.

Похищение генерала Кутепова явилось рубежным пунктом в жизни и истории российской военной эмиграции. Происшедшее поставило немало трудных вопросов, а будущее настойчиво требовало ясных и внятных ответов в отношении жизненных перспектив военных эмигрантов и Российского Зарубежья в целом. Эмигрантов ждали новые нелегкие испытания.

Глава 5. РОССИЙСКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И РОВС В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ. ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР ВО ГЛАВЕ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА

Начало 30-х годов знаменовало собой и складывание качественно новой и исключительно сложной ситуации в жизни Российского военного Зарубежья и всей эмиграции. Мировой экономический кризис, начавшийся еще в 1929 году, прокатился в начале 30-х годов по всем развитым странам мира, как, впрочем, и по всем другим государствам русского рассеяния, и наиболее болезненно ощутили его последствия на себе прежде всего русские эмигранты. Произошло резкое обострение международных отношений, в мире складываются очаги грядущей мировой войны. Укрепление позиций милитаристских и правоэкстремистских сил в мире, как в Европе, так и на Дальнем Востоке, внушало руководителям российской эмиграции и в том числе Русского Обще-Воинского Союза надежды на неизбежность военно-политической конфронтации и прямого вооруженного столкновения между вышеназванными силами и СССР. В свою очередь, события, происходившие в советской стране с рубежа 20-х и 30-х годов и именовавшиеся там «великим переломом» и «развернутым наступлением социализма по всему фронту», сопровождались острой политической борьбой, массовыми протестами крестьянства и повстанческим движением. Это, в свою очередь, вызывало надежды в эмиграции на скорый крах советской власти и возвращение на родину.

Все вышеизложенное означало и начало качественно нового этапа в истории и деятельности Русского Обще-Воинского Союза. Уход из жизни прежних вождей Союза - генерала Врангеля, великого князя Николая Николаевича и генерала Кутепова способствовал приходу к руководству РОВСом новых лидеров, оценке и переоценке ценностей, стратегии и тактики деятельности этой организации, поиску новых путей и методов ее работы, внесению корректив во взаимоотношения с другими организациями Русского Зарубежья.

В связи с исчезновением Кутепова его обязанности были возложены на генерала Е.К. Миллера, который с 1929 года являлся старшим помощником председателя РОВСа. Заметим, что впервые руководителем ведущей организации Российского военного Зарубежья стал человек, не связанный боевыми дорогами Гражданской войны с

Югом России. К моменту вступления на пост председателя Русского Обще-Воинского Союза генералу Миллеру было 62 года.

Евгений-Людви́г Карлович Миллер¹ родился 25 сентября 1867 года в городе Двинске в старинной дворянской немецкой семье лютеранского вероисповедания. Его предки многие годы служили в России. Еще в детстве избрав военную карьеру, Миллер в 1884 году окончил Николаевский кадетский корпус, а в 1886 году - Николаевское кавалерийское училище (которое впоследствии несколько лет возглавлял). За отличные успехи в учебе его имя было увековечено на мраморной доске училища, а сам он, произведенный в корнеты, был направлен в Лейб-гвардии гусарский Его Величества полк, которым командовал великий князь Николай Николаевич.

В 1889 году Е.К. Миллер поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и в 1892 году окончил ее курс по первому разряду с производством в штаб-ротмистры гвардии. После кратковременной службы в Финляндском военном округе был переведен в феврале 1893 года в Генеральный штаб. Вскоре он женился на дочери генерал-адъютанта Н. Шилова Наталье Николаевне, фрейлине императрицы, внучке жены А.С. Пушкина, урожденной Н.Н. Горчаковой, в браке с которой родились и выросли две дочери - Мария и София, а также сын Николай. Е.К. Миллер имел в совладении с братьями и сестрами дом в Петрограде, но судьба военнослужащего нечасто позволяла ему жить здесь.

Около десяти лет Миллер был русским военным агентом в ряде европейских стран: с 1898 года являлся военным агентом России в Брюсселе, а затем - в Гааге и Риме. В 34 года он был произведен в чин полковника. В 1907-1909 годах командовал 7-м гусарским Белорусским полком. Затем несколько месяцев исполнял обязанности командира 7-й кавалерийской дивизии и в том же 1909 году был произведен в чин генерал-майора. В 1909 -10 годах генерал Миллер занимал должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба и руководил, в частности, деятельностью всех военных агентов России за границей.

В 1910-12 годах генерал Миллер был начальником Николаевского кавалерийского училища. В приказе начальника Главного управления военно-учебных заведений генерала от инфантерии Забелина от 24 октября 1912 года в связи с переводом генерала Миллера на должность начальника штаба Московского военного округа указывалось: «В лице уважаемого Евгения Карловича вверенное мне ведомство теряет и редкого по высоким качествам человека, и выдающегося начальника военно-учебного заведения. За время начальствования генерал Миллер всегда проявлял высокий такт, твердую волю и полное умение руководить учебным и строевым делом вверенного ему училища, а также и хозяйственной его частью». Выражая сожаление по поводу перевода Миллера, генерал Забелин, вместе с тем, был убежден, что «новая ответственная должность даст случай развиться еще плодотворнее и шире его таланту на пользу дорогой нам всем Русской Армии»².

В 1912 -14 годах Е.К. Миллер служил начальником штаба Московского военного округа. С началом Первой мировой войны генерал Миллер выехал на театр боевых действий с Австро-Венгрией, будучи назначен начальником штаба 5-й армии, которой командовал генерал Плеве. 27 июля 1914 года он выехал на театр военных действий, а в сентябре войска 5-й армии перешли границу с Австро-Венгрией и нанесли тяжелое поражение австро-венгерской армии. Лавры победы в Галицийском сражении достались престарелому Плеве, хотя специалисты отмечали прежде всего заслуги и стратегический талант генерала Миллера. С наилучшей стороны он проявил себя и в Лодзинском сражении с немцами осенью 1914 года. И в целом, в сражениях Великой войны генерал Миллер неоднократно в сложнейших ситуациях демонстрировал свои незаурядные полководческие способности. В 1915 году был произведен в чин генерал-лейтенанта. 28 декабря 1916 года он вступил в командование 26-м армейским корпусом на Румынском фронте. За боевые заслуги генерал Миллер был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Равноап-

стольного князя Владимира, а также государственными наградами Люксембурга, Италии, Нидерландов, Черногории, Болгарии и Бельгии³.

Революционное брожение в армии в 1917 году вызвало решительное противодействие генерала Миллера. 7 апреля в ходе стычки с солдатами он был ранен, арестован ими и под конвоем отправлен в Петроград. Военный министр Временного правительства А.И. Гучков отчислил его в резерв чинов Петроградского военного округа, а осенью 1917 года генерал Миллер был направлен представителем Ставки при Итальянском Главном командовании. В Италии он получил известие о свержении Временного правительства и приходе к власти большевиков. Советскую власть он признать отказался.

Весной-летом 1918 года борьба в России, все обостряясь, приобрела ярко выраженные черты гражданской войны. Антибольшевистские силы во многом связывали свои надежды на успех с поддержкой держав Антанты. В мае 1918 года российский посол в Риме М.Н. Гире обратился к генералу Миллеру с просьбой «представить ему соображения о силе десанта, потребного для продвижения на Москву из Архангельска»⁴.

Летом 1918 года генерал Миллер был вызван в Париж российским послом здесь М. А. Маклаковым для руководства переформированием русских войск, находящихся во Франции и Македонии. Е.К. Миллер составил докладную записку о решении этой задачи, но непосредственно к выполнению этих обязанностей так и не приступил. В октябре 1918 года во французское министерство иностранных дел поступила телеграмма от посла Франции в России Ж. Нуланса, находившегося в Архангельске вместе с дипломатическим корпусом стран Антанты, с просьбой направить туда генерала Миллера. 2 ноября российскому послу в Италии М.Н. Гирсу пришла телеграмма от председателя Временного правительства Северной области Н.В. Чайковского: «Прошу передать генералу Миллеру: «Предлагаю Вам должность военного генерал-губернатора Северной области и командующего формируемыми русскими частями, для чего прошу немедленно прибыть в Архангельск. Вашим помощником полагаю назначить генерала Марушевского. О согласии телеграфируйте»⁵.

Получив согласие на выезд от российского посла во Франции Маклакова и договорившись в ходе беседы с начальником Генерального штаба Великобритании Г. Вильсоном о взаимодействии с войсками Антанты на Севере, генерал Миллер 25 декабря 1918 года выехал из Лондона и 13 января 1919 года прибыл в Архангельск, где, напомним, провел свои детские и юношеские годы его предшественник по руководству РОВСом - А.П. Кутепов.

Е.К. Миллер получил назначение на должность генерал-губернатора Северной области с предоставлением ему в отношении русских войск области прав командующего отдельной армии и стал членом правительства, управляющим отделом иностранных дел. Во многом его усилиями была, наконец, создана белая армия Севера. На заседании правительства Северной области 30 мая 1919 года Миллеру была выражена глубокая благодарность и признательность «за воссоздание русской армии, управление генерал-губернаторством и отделом иностранных дел», и он был произведен в генералы от кавалерии⁶. Но, истины ради, заметим, что, видимо, сам Е.К. Миллер считал это решение несоответствующим всем канонам производства в чины и, находясь в эмиграции, именвал себя по-прежнему генерал-лейтенантом.

10 июня 1919 года указом Верховного Правителя адмирала Колчака войска и флот Северной области были слиты в одно целое с сибирскими вооруженными силами, а генерал Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северном фронте⁷. Летом-осенью 1919 года в Северной области фактически складывается режим военной диктатуры генерала Миллера, подкрепленный постановлением Совета министров в Омске о предоставлении ему прав Главного Начальника Края с подчинением непосредственного Верховной власти⁸. В феврале 1920 года Е.К. Миллер становится заместителем председателя Временного правительства Северной области, а фактически его гла-

вой (так как председатель ВПСО Н.В. Чайковский с февраля 1919 года находился в Париже).

В условиях стремительно происходившего распада Северного фронта генерал Миллер вместе со своим окружением 19 февраля 1920 года на ледоколе «Козьма Минин» покинул Архангельск и в конце февраля прибыл в Норвегию. История неудачной эвакуации Северной области, когда абсолютное большинство солдат и офицеров попало в плен к большевикам, стало впоследствии в эмиграции предметом нередких нападок на генерала Миллера. В Норвегии он принял на себя власть Северного правительства и учредил Временный комитет по делам беженцев в Норвегии и Финляндии. Впрочем, генерал пробыл в этой стране недолго и летом 1920 года отправился через Женеву, где проживала его семья, в Париж. Здесь он был назначен главноуполномоченным генерала Врангеля и военным представителем в Париже. В конце апреля 1922 года генерал Миллер прибыл в Сремски Карловци (Королевство СХС) и возглавил штаб главнокомандующего Русской Армией. Но в мае 1923 года он был командирован в Париж для решения вопросов реорганизации Армии в связи с объединением ее усилий и переходом под эгиду великого князя Николая Николаевича. Большой опыт военно-дипломатической службы помогал генералу Миллеру успешно решать вопросы с иностранными политиками и дипломатами, представителями Дома Романовых за границей, Совещанием русских послов и другими инстанциями.

В феврале 1924 года генерал Врангель с выражением благодарности освободил его от обязанностей начальника своего штаба и поручил представлять Армию в Парижском Политическом совещании в качестве помощника главнокомандующего. Так началась его совместная деятельность с великим князем Николаем Николаевичем, который знал его задолго до этого и доверял ему. Рескриптом великого князя Николая Николаевича от 30 ноября 1924 года генерал Миллер был назначен начальником финансовой части при верховном главнокомандующем, что свидетельствовало о его большом личном доверии к генералу. На основании вышеизложенного генерал Врангель освободил его в декабре от обязанностей помощника главнокомандующего. Таким образом, генерал Миллер перешел полностью на работу под руководством великого князя, которая продолжалась до смерти последнего. Миллер, заведя финансовую часть, иначе говоря, денежными средствами Русской Армии и РОВСа, переданными генералом Врангелем великому князю Николаю Николаевичу, успешно освоил во многом новую для себя, исключительно важную и ответственную сферу деятельности. После смерти великого князя генерал Миллер исполнял те же обязанности и при генерале Кутепове, а в 1929 году занял и должность старшего помощника (заместителя) председателя РОВСа при генерале Кутепове.

Друзья и сослуживцы характеризовали генерала Миллера как человека добросовестного, скромного, исключительно трудолюбивого, пунктуального, исполнительного, добропорядочного семьянина. Вместе с тем, новый председатель Русского Обще-Воинского Союза был, в общем-то, малоизвестен в широких кругах военной эмиграции, тем более, что ядро ее составляли военнослужащие, воевавшие в годы Гражданской войны на Юге России, которые мало что знали о его заслугах и деятельности на Севере страны.

Итак, 27 января 1930 года генерал Е.К. Миллер вступил в руководство Русским Обще-Воинским Союзом. Но, как показывает анализ документов Союза и прежде всего переписки его руководящих деятелей, все было отнюдь не просто, и легитимация генерала Миллера как преемника Кутепова в качестве председателя РОВСа вызывала немало вопросов.

28 января начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе, получив информацию агентства Вольфа об исчезновении Кутепова, немедленно пишет письмо генералу Миллеру. Он информирует его, что 9 октября 1929 года по пути в Белград для похорон генерала Врангеля⁹ он беседовал с генералом Кутеповым и поставил вопрос о ненормальности того, что он, последний назначенный начальником РОВСа, не имеет законного заместителя. Кутепов отвечал, что понимает это, но по некоторым причинам не

может исправить ситуацию гласно и хранит у себя подписанный приказ, что в случае несчастья его заместителем является генерал Миллер. «Довожу это до сведения, - писал фон Лампе, - и подчиняюсь во исполнение воли моего последнего законного начальника только Вам». 31 января генерал фон Лампе направляет новое письмо генералу Миллеру, в котором со ссылкой на его приказ о вступлении в должность, опубликованный в газете «Возрождение», делает вывод, что Миллеру было известно содержание его разговора с Кутеповым от 9 октября, и резюмирует - «это радует, ибо разговор происходил без свидетелей».

2 февраля генерал Миллер пишет ответное письмо фон Лампе, в котором выражает признательность за сообщение о содержании разговора с Кутеповым, но, вместе с тем, сообщает, что его документов на этот счет найдено не было. Но незадолго до похищения Кутепов подписал устав РОВСа на французском языке, представленный в префектуру для легализации Союза, где Миллер был назван его первым заместителем. Медлить было нельзя, и он взял на себя всю тяжесть и самого дела, и самостоятельного решения вопроса о руководстве РОВСом. В ином случае, по утверждению Миллера, могла наступить смута, последовать самочинные выступления, разговоры о выборах, а все это дало бы повод к обвинению его самого в трусости. «Перекрестясь, написал и подписал приказ», - продолжал Миллер и, хотя в приказе умышленно нет слова «временно», но он надеется, что Кутепов вернется живым¹⁰.

Дополнительную информацию о подготовке регистрации РОВСа, что послужило юридическим основанием для генерала Миллера к вступлению в должность председателя РОВСа, мы находим в письме генерала Шатилова генералу Абрамову от 2 февраля 1930 года. Он сообщал, что много раз говорил с Кутеповым о назначении его заместителя, в том числе в день кончины великого князя Николая Николаевича и в дальнейшем. Кутепов соглашался, но заявлял, что хочет подумать, посоветоваться и окончательного решения все не принимал. Шатилов энергично поднимал и вопрос о регистрации РОВСа во французских учреждениях, но Кутепов согласился не сразу, а генерал Хольмсен утверждал, что это не пройдет, французские власти не дадут разрешения. В конце концов, Кутепов согласился и поручил Шатилову готовить регистрацию. Тогда автор письма вновь поднял вопрос о замещительстве, так как в регистрационных документах надо было указать 1 - 2 лиц, являющихся его помощниками. После раздумий Кутепов сказал, что первым помощником назначает генерала Миллера и просит переговорить с вице-адмиралом Кедровым, чтобы тот стал его вторым помощником. Шатилов утверждал, что именно он предложил кандидатуру Кедрова как представителя морского офицерства. Тот не возражал и, переговорив с ним, Кутепов произвел эти назначения.

Положение о Русском Обще-Воинском Союзе, писал Шатилов, было подготовлено за неделю до покушения на Кутепова, подписано и сдано в префектуру полиции для регистрации. Когда выяснилось исчезновение генерала Кутепова, Шатилов утверждал, что на встрече с его ближайшими сотрудниками (князем Трубецким, Зайцовым и Миллером) поднял вопрос о том, оставил ли тот какие-либо распоряжения о замещительстве, и подчеркивал, что Союз нельзя оставлять без начальника хотя бы на несколько дней, тем более в условиях, когда начался розыск Кутепова. Выяснилось, что никаких распоряжений генерал Кутепов не оставил и ни в одной из канцелярий никаких указаний нет. Тогда Миллер как старший из помощников Кутепова (что было зафиксировано в регистрационных документах, переданных в парижскую префектуру) вступил в должность председателя РОВСа¹¹.

В дальнейшем генерал фон Лампе признался новому председателю РОВСа, что мешало генералу Кутепову публично объявить о назначении Миллера своим заместителем¹². Оказывается он не хотел делать это в обход командующего другим белым фронтом в годы Гражданской войны в России - генерала Н.Н. Юденича, который неожиданно стал сопротивляться этому назначению. Кутепов, по словам фон Лампе, считал, что издать и опубликовать приказ о назначении Миллера своим заместителем означает разорвать с Юденичем, чего он не хотел.

29 января 1930 года после молебна о здравии и благополучии генерала Кутепова в походной церкви Галлиполийцев в Париже, где присутствовали чины РОВСа, состоялось собрание его старших начальников, председателей военных союзов, начальников частей и групп. Открыл его генерал Миллер, известивший собравшихся, что он вступил в председательство Русского Обще-Воинского Союза как старший заместитель и надеется на поддержку всех председателей воинских организаций и старших чинов. Вместе с тем, Миллер выразил надежду, что отсутствие генерала Кутепова временное, и он вскоре снова будет среди друзей и коллег.

Выступившие после Е.К. Миллера генералы Хольмсен и Шатилов попытались ответить на вопросы, как и почему случилось происшедшее, и были ли предприняты все необходимые меры предосторожности. В частности, по мнению генерала Шатилова, особо опасным для генерала Кутепова было продолжение непосредственного руководства работой против России. По его словам, он предлагал председателю РОВСа передать эту работу другому лицу, но тот отказался, мотивируя это недостатком средств. Некоторые меры безопасности в отношении генерала Кутепова предпринимались, в частности, дежурили такси для его поездок, водителями которых были верные люди; он не обращался к встречным таксистам, но, как показала жизнь, принимаемых мер предосторожности оказалось недостаточно. К Кутепову неоднократно обращались офицеры с предложением использовать должность его адъютанта, чтобы всегда находиться при нем, но он неизменно отвечал отказом, мотивируя это нежеланием отрывать людей от работы. Но, очевидно, этому было и иное объяснение: генерал не хотел, чтобы кто-то знал или присутствовал при его секретных встречах.

В этот же день - 29 января в Париже состоялось и еще одно любопытное событие. На квартире известного предпринимателя и издателя газеты «Возрождение» А.О. Гукасова состоялось собрание группы общественных деятелей, среди которых был и вышедший ранее из РОВСа для занятий политической работой генерал Суворов. На эту встречу были приглашены также генералы Хольмсен, Миллер и вице-адмирал Кедров. Тема собрания была, казалось бы, неподходящей для преимущественно гражданской аудитории - замещение генерала Кутепова, иначе говоря, кто должен возглавить РОВС после его исчезновения. Такое предложение было сделано приглашенному первым вице-адмиралу Кедрову, но он, по свидетельству генерала Шатилова, категорически отказался, указав, что недопустимо в военной среде решать вопрос о замещении помимо принципа преемственности. Он заявил, что для того, чтобы уберечь военную среду от раскола, во главе РОВСа должен стать генерал Миллер. И когда прибыли Хольмсен и Миллер, решение было принято в пользу последнего¹³.

Вышеизложенное интересно с точки зрения попыток гражданских лиц и общественно-политических кругов эмиграции вмешаться в вопрос о назначении нового председателя РОВСа и выдвижении ими своей кандидатуры на эту должность. Это означало понимание с их стороны той важной роли, которую играл Русский Обще-Воинский Союз не только среди военнослужащих, но и в Российском Зарубежье в целом. Продвижение своего человека в его руководители означало бы резкое повышение в эмиграции влияния той общественно-политической группировки, которой это бы удалось, и могло привести к утрате РОВСом (Армией), своей декларируемой независимости от партий, политики и политиков.

Итак, генерал Миллер возглавил Русский Обще-Воинский Союз в сложной обстановке закулисной борьбы и интриг, направленных в том числе и против него. Добавим, что в это время витала идея о создании некоего постоянного совета при председателе РОВСа в качестве распорядительного органа (куда могли войти, отнюдь, не только старшие начальники Союза), который мог отодвинуть генерала Миллера на второй план. В руководящих кругах РОВСа всерьез высказывались опасения о возможности захвата руководства Союза генералом Деникиным или выдвижения на должность его председателя генерала Гурко. Хотя, как свидетельствует анализ всего комплекса документов российской военной эмиграции, эти опасения были явно безосновательными.

Названные генералы не претендовали на руководство Русским Обще-Воинским Союзом, а распространяемые слухи были фактически высосаны из пальца.

Проблема заключалась в другом: новый председатель РОВСа не пользовался (в отличие от своих предшественников) широкой известностью и популярностью в военных кругах эмиграции, и ему предстояло утвердиться, доказать своей деятельностью соответствие должности, которую он занял. Активные сторонники генерала Миллера (и соответственно противники названных ранее лиц) - генералы фон Лампе, Шатилов и другие стремились укрепить позиции нового председателя (а тем самым и свои собственные), призывая в своих письмах всех начальников отделов РОВСа и других лиц начальствующего состава поддержать его публично (от имени отделов, 1-го армейского корпуса, дивизий) и в частных письмах. Обсуждалась возможность собрания старших начальников Армии и РОВСа в Париже, но генерал Миллер не считал возможным разрешить его в настоящее время, так как не было уверенности в гибели генерала Кутепова.

В итоге, генерал Миллер был действительно поддержан в этот период в качестве председателя Русского Обще-Воинского Союза начальниками отделов Союза и другими старшими начальниками, а также лицами среднего командного состава. И вместе с тем, вопросы и сомнения оставались. Тот же генерал фон Лампе, яростный сторонник того, чтобы именно генерал Миллер занял пост председателя РОВСа, и немало сделавший для этого, откровенно писал в это время в своем дневнике: «Миллер - честный человек немало мужества надо иметь, чтобы принять тяжелое наследие, но он человек не сильный и склонный более к консервированию существующего, чем к активному развертыванию дела». «Разве что Павел Николаевич надавит», - добавлял он¹⁴, имея в виду генерала Шатилова. Заметим к тому же, что Миллер пользовался репутацией скорее штабиста, нежели боевого генерала, каким был его предшественник, и это также вызывало серьезные вопросы и сомнения в его способности стать достойным преемником генерала Кутепова в качестве руководителя РОВСа. Поэтому генералу Миллеру предстояло конкретными делами доказать правомерность своего пребывания в должности председателя Союза, активизировать его деятельность, вселить в его чинов и всех военных эмигрантов надежду на скорое и победоносное возвращение на родину.

7 февраля генерал Миллер издал приказ № 2 по РОВСу, в котором указывал, что похищением генерала Кутепова нанесен большой удар не только Союзу, но и всему Русскому национальному делу. Миллер сообщал, что правительство Франции приняло энергичные меры по розыску генерала Кутепова. Новый председатель РОВСа заявлял, что заслуги генерала Кутепова не забудутся, и подчеркивал, что цель Союза - Россия, а наша сила - в единении¹⁵.

15 и 21 февраля 1930 года в отделы Русского Обще-Воинского Союза были направлены почтотелеграммы генерала Миллера в связи с похищением генерала Кутепова и своим вступлением в председательство РОВСа. «В тяжелом постигшем нас так неожиданно горе, - говорилось в этом документе, - единственным утешением служит то единодушие и готовность всех и впредь идти по пути, указанному нашими вождями, которые выявились во всех ответах на мой приказ о вступлении в должность председателя Русского Обще-Воинского Союза». Генерал Миллер призвал на удары врага из-за угла теснее сомкнуть ряды и отвечать такими же ударами. Он выразил благодарность всем чинам РОВСа и веру в успех грядущей борьбы, ради конечной цели - свержения советской власти¹⁶.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза предпринимало в это время собственные меры по поиску генерала Кутепова, наряду с расследованием, которое вели французские власти. В январе 1930 года к этой работе был привлечен известный юрист, бывший прокурор Судебной Палаты В. Д. Жижин, тесно сотрудничавший с РОВСом. Он должен был обработать все материалы по так называемой «русской линии», включая допросы эмигрантов, систематизировать все поступающие сведения и доказать вину большевиков в похищении генерала Кутепова. Жижин призван был поддерживать повседневную связь и оказывать всемерную помощь французскому следствию. Наряду

с деятельностью комиссии Жижина, к действиям по розыску Кутепова был привлечен и созданный в РОВСе во второй половине 1930 года контрразведывательный аппарат, возглавляемый генералом К.И. Глобачевым. Свои усилия в этом направлении прилагал и бывший ближайший помощник Кутепова по «специальной» работе полковник А.А. Зайцов. Но, как показало время, все их действия не принесли желаемых результатов.

В циркуляре начальника III отдела РОВСа генерала Абрамова от 10 марта 1930 года начальникам подведомственных отделов и воинских частей указывалось на следующие цели похищения генерала Кутепова: стремление устранить наиболее опасного врага советской власти; внести раскол в ряды РОВСа по вопросу последующего руководства; демобилизовать организацию распространением тяжелых слухов об измене генерала, его бегстве к большевикам и в том числе с общественными деньгами или об его похищении одной из эмигрантских организаций и т.п.; спровоцировать эмигрантов на незаконные действия против представителей и агентов СССР за границей, с тем, чтобы подобные действия привели к возмущению западного общественного мнения против эмигрантов¹⁷.

Касаюсь же самого генерала Абрамова, заметим, что секретным приказом генерала Миллера № 6 от 22 марта 1930 года он, являвшийся помимо должности руководителя III отдела Русского Обще-Воинского Союза еще и первым помощником председателя РОВСа, был назначен первым заместителем председателя этой организации¹⁸. Добавим, что это назначение было, вероятно, неслучайным. Генерал Миллер хорошо знал Ф.Ф. Абрамова еще по совместной службе в годы Первой мировой войны: с 1915 года генерал Абрамов был генерал-квартирмейстером XII армии, начальником штаба которой и его непосредственным руководителем был Миллер. После того, как осенью 1923 года генерал Миллер поступил в распоряжение великого князя Николая Николаевича, генерал Абрамов временно исполнял в конце 1923 - 24 годах обязанности начальника штаба генерала Врангеля. В 30-е годы генерал Абрамов по-прежнему жил в Софии, и вторым помощником председателя РОВСа был назначен 31 марта 1930 года живший в Париже вице-адмирал М.А. Кедров. Это должно было способствовать дальнейшему укреплению связей Русского Обще-Воинского Союза с военными моржами-эмигрантами и развитию РОВСа как организации, включающей в свой состав представителей всех родов войск.

Генерал Миллер, встав во главе Русского Обще-Воинского Союза, прилагает большие усилия и для урегулирования отношений с казачеством. В ходе его переговоров с атаманом Войска Донского генералом А.П. Богаевским было выражено взаимное желание установить дружественные отношения и работать в полном согласии¹⁹.

Новый председатель РОВСа произвел целый ряд перемен в расстановке руководящих кадров в штаб-квартире этой организации. Князю СЕ. Трубецкому было поручено руководство информационной работой, и он по-прежнему возглавлял гражданскую канцелярию Союза, официально именуемую сейчас общей канцелярией. Начальником военной канцелярии 6 июля 1930 года вновь был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Стогов. Помощником начальника канцелярии с 1 декабря 1930 года стал генерал-лейтенант П.А. Кусонский, состоявший до этого в распоряжении председателя РОВСа. Руководителем секретной боевой работы РОВСа против СССР, которой раньше руководил сам генерал Кутепов, становится генерал А. М. Драгомиров, состоявший генералом для поручений при председателе Союза. В распоряжении председателя РОВСа находились генерал-лейтенанты А.П. Архангельский, Н.Э. Бредов и А.С. Лукомский.

31 марта 1930 года начальник I отдела РОВСа генерал И.А. Хольмсен был освобожден от этой должности и назначен генералом для поручений при председателе Союза. Начальником I отдела РОВСа был назначен генерал от кавалерии П.Н. Шатилов, который, находясь ранее в распоряжении председателя РОВСа, с конца 1929 года являлся и начальником групп и частей Русской Армии во Франции. VI отдел входили организации РОВСа во Франции с колониями, Италии, Чехословакии, Польши, Дании, Финляндии и Египта. Приказом по РОВСу от 4 апреля 1930 года «для облегчения деятельности начальника I отдела» все организации в Эстонии, Литве и Данциге передавались с 1 мая

во II отдел. Спустя почти два месяца, 30 мая 1930 года председатель РОВСа издал приказ, в соответствии с которым «в связи с образованием новых воинских организаций в ряде государств» все воинские чины, находившиеся в Англии, Голландии, Испании, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Персии, включались в состав I отдела РОВСа²⁰.

II отдел Русского Обще-Воинского Союза с центром в Берлине по-прежнему возглавлял генерал-майор А. А. фон Лампе. В его состав входили организации РОВСа в Германии, Венгрии, Австрии, Данциге, Литве, Латвии и Эстонии. Не произошло изменений и в руководстве III, IV и V отделов - ими руководили соответственно генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, генерал от инфантерии Э.В. фон Экк и генерал-майор Б.Г. Гартман. Забегая вперед, заметим, что 21 января 1933 года престарелый генерал Экк был освобожден от должности начальника IV отдела РОВСа и его возглавил генерал-лейтенант И.Г. Барбович. В состав III отдела РОВСа входили воинские организации в Болгарии и Турции; IV отдела - в Югославии, Греции и Румынии; V отдела - в Бельгии и Люксембурге.

Образованный в Чехословакии в соответствии с приказом председателя Русского Обще-Воинского Союза от 31 мая 1930 года VI отдел возглавил генерал от инфантерии Н.А. Ходорович, являвшийся до этого начальником всех организаций РОВСа в этой стране. Но, забегая вперед, заметим, что вскоре этот отдел стал ареной острой внутренней борьбы и интриг, одним из эпизодов которой стали столкновения между начальником отдела Ходоровичем и генералом Харжевским, возглавлявшим в Чехословакии Общество Галлиполийцев. Сложившаяся ситуация неоднократно обсуждалась руководством РОВСа, и уже в 1932 году было принято решение об отстранении Ходоровича от руководства VI отделом Союза. Этот отдел был расформирован. А в июне 1933 года начальником подотдела в Чехословакии было решено назначить капитана I ранга Подгорного, с подчинением его начальнику I отдела²¹.

Начальником 1-го Североамериканского отдела по-прежнему являлся генерал от инфантерии А.П. фон Будберг, а 2-й Североамериканский отдел возглавлял полковник В.В. Николаев. Военными организациями РОВСа в Южной Америке руководил полковник Кушелевский. Но приказом по Русскому Обще-Воинскому Союзу от 16 июня 1930 года был учрежден Южно-Американский отдел РОВСа, начальником которого был назначен генерал-майор Н.Ф. Эрн, проживавший в Парагвае. Военными организациями, входившими в РОВС в Канаде, руководил генерал-майор А.М. Ионов. С 3 июля 1930 года он был назначен начальником Канадского отдела РОВСа.

Начальником Дальневосточного отдела РОВСа после освобождения (по его личному ходатайству) генерала от артиллерии М.В. Ханжина был назначен 19 июня 1930 года генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Этот отдел объединял воинские организации и союзы, находившиеся в Китае, Маньчжурии и Японии. В Шанхае, где проживал генерал Дитерихс, находились «Союз служивших в Российской Армии и Флоте» (под начальством генерал-лейтенанта К.Ф. Вальтера) и «Союз первопоходников и добровольцев Юга России». В Тяньцзине находился «Союз служивших в Российской Армии и Флоте» во главе с полковником Бендерским, в Харбине - «Офицерский Союз», возглавляемый генерал-майором А.В. Бордзиловским, а в Дайрене бывшие русские военнослужащие объединялись вокруг проживавшего здесь генерала М.В. Ханжина. Отделом РОВСа в Мукдене руководил генерал-майор П.П. Петров. Организацию РОВСа в Австралии под названием «Кружок по изучению Великой войны» возглавлял полковник И.И. Попов²².

Войсковые организации в Югославии, Франции и Болгарии были подчинены председателю РОВСа непосредственно через своих командиров корпусов и дивизий. По вопросам местной жизни они подчинялись начальникам отделов, на территориях которых находились. Командиром 1-го армейского корпуса был генерал-лейтенант В.К. Витковский, живший в Париже, а Донским корпусом по-прежнему командовал проживавший в Софии генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Начальником Кавказской дивизии был генерал-лейтенант И.Г. Барбович, живший в Белграде, а Кубанской дивизии - генерал-майор В.Э. Зборовский, проживавший в Пожароваце в Югославии.

Все чины Русского Обще-Воинского Союза, живущие в одном населенном пункте, объединялись в группу РОВСа в нем, которую возглавлял начальник, подчиненный начальнику отдела Союза. Приказом РОВСу от 18 апреля 1930 года²³ были введены правила снабжения всех его чинов личными карточками и ведения личного состава. Личные карточки выдавались и подписывались командирами отдельных частей, начальниками групп РОВСа и председателями воинских союзов. Лица, состоявшие в нескольких из них, имели одну личную карточку. Срок действия ее составлял один год. Вводились также книги учета. Важнейшим критерием принадлежности к РОВСу становится уплата членских взносов.

Таким образом, в результате произведенных назначений сложился новый центральный аппарат Русского Обще-Воинского Союза, уточнялись функции и сферы работы его руководящих деятелей, налаживались связи и формировались отношения центрального управления с региональными отделами, а их, в свою очередь, - с местными группами Союза. Заметим, что в начале 30-х годов в РОВС входило около 200 воинских союзов, обществ и организаций²⁴. Происходило упорядочение учета членства в РОВСе. Но взаимоотношения и сама атмосфера в руководстве Русского Обще-Воинского Союза оставляли желать лучшего.

Об этом свидетельствуют, например, письма генерала Шатилова генералу Абрамову от 2 сентября и 3 октября 1930 года. Автор жаловался на то, что сыграв в свое время «крупную роль» в укреплении положения генерала Миллера после прихода его к руководству РОВСом после Кутепова, оказался сейчас в сложном положении. Шатилов сетовал на недоброжелательство к нему окружения Миллера, что сказалось и на поведении последнего. Всегда корректный председатель РОВСа стал разговаривать с ним в резких тонах и отказывать во всех просьбах. Миллер, по утверждению Шатилова, приблизил к себе генералов Драгомирова, Стогова и Лукомского, а автор письма оказался в стороне. Но еще несколько месяцев назад Стогов, по утверждению Шатилова, заявлял ему, что не уясняет прав Миллера на заместительство, и считал, что пост председателя РОВСа должны занять генералы Экк или Ханжин. Лукомский, полагая назначение Миллера неправильным, предлагал, по утверждению автора письма, созвать генеральский «совдеп» и заявлял, что общественность (в лице Гукасова и его приближенных) выступает за заместительство Кедрова. Близкие же генералу Кутепову князь Трубецкой и полковник Зайцов заявляли тогда в присутствии Миллера, что их патрон называл своим заместителем генерала Юденича. Кстати, Трубецкой с его канцелярией переходил в подчинение генерала Драгомирова, что усиливало позиции последнего. Но Драгомиров, писал Шатилов, по-видимому, еще не приступал к своей работе (по связи с Россией), и к нему только на днях приехал из США генерал Глобачев, рекомендованный Лукомским для контрразведывательной работы. Вместе с тем, сам Драгомиров, с которым, по признанию Шатилова, у него были сложные отношения, указал Шатилову на необходимость поближе подойти к офицерству, что автор письма считал несправедливым упреком, ибо он и так поддерживал тесные отношения с рядовыми членами Союза.

С переходом князя Трубецкого в подчинение генерала Драгомирова усиливались позиции генерала Стогова, который превращался на деле в начальника как военной, так и гражданской канцелярии. Он постепенно создавал себе положение начальника штаба и, по утверждению Шатилова, оказывал все большее влияние на генерала Миллера. Особняком держался вице-адмирал Кедров, полагавший, в частности, что возглавляемый им Военно-Морской Союз является пасынком РОВСа. «Не угодить всем», - грустно констатировал в связи с этим сам председатель Русского Обще-Воинского Союза в письме генералу Абрамову²⁵.

Возникавшие трещины, обиды во взаимоотношениях руководящих деятелей РОВСа, лиц в окружении нового председателя Союза, постепенно усиливаясь, привели, в конечном итоге, к серьезному кризису в руководстве Союза, что негативно сказалось не только на нем самом, военной эмиграции, но и оказало воздействие на все Русское Зарубежье.

10 апреля 1930 года генерал Миллер перевел штаб-квартиру РОВСа с рю де Карм в Париже на улицу Колизе, 29, в дом, принадлежавший семье видного в прошлом российского предпринимателя С.Н. Третьякова. «Случайность, обернувшаяся для нас неожиданной удачей», - так прокомментировал это один из сотрудников Иностранного отдела ОГПУ в Париже²⁶. Дело в том, что С.Н. Третьяков в 1929 году был завербован ИНО ОГПУ и по настоянию своих новых руководителей вернулся к семье. Это позволило разместить в его доме специальную технику и на протяжении нескольких лет успешно вести с его помощью прослушивание всех разговоров в управлении Русского Обще-Воинского Союза.

По указанному адресу - Колизе, 29 переехал и журнал «Часовой». Не являясь официальным изданием РОВСа, этот журнал был по-прежнему тесно связан с его руководством и публиковал в своих номерах приказы Русскому Обще-Воинскому Союзу. Будучи в апреле 1930 года в Югославии, генерал Миллер характеризовал журнал как пользующийся исключительной популярностью и отвечающий потребностям массы зарубежного воинства. Он высказал пожелание о его широком распространении. Руководство РОВСа целевым образом финансировало журнал «Часовой», и эти расходы составили с 16 июля 1929 по конец декабря 1930 года 57,5 тысяч франков²⁷. Добавим, что РОВС осуществляет также спонсирование некоторых ведущих организаций военной эмиграции - Галлиполийского Собрания, Военно-Морского Союза²⁸ и др.

Похищение генерала Кутепова вызвало среди руководства и членов РОВСа серьезную озабоченность безопасностью его преемника. Некоторые группы и воинские части выступили с предложением отчислять периодически известные средства для охраны генерала Миллера. С целью обеспечения его безопасности была приобретена автомашина «Сизер Фрер» стоимостью 14 тысяч франков, и на недостающие от этой суммы 9 тысяч франков была объявлена подписка среди чинов РОВСа во Франции. Предполагалось, что каждый член этой организации должен внести по 5 франков. Впоследствии эта подписка была распространена и за пределы этой страны. Содержание машины возлагалось на казну РОВСа. Предполагалось, что при председателе Русского Обще-Воинского Союза должен был постоянно находиться адъютант или дежурный офицер, выполнявший и функции телохранителя. Эту должность занял в 1930 году ротмистр Изюмов. Кроме того, для охраны председателя РОВСа устанавливалось по особой инструкции постоянное дежурство офицеров частей, групп и ячеек Союза в Париже. Рассматривалась возможность командировать на дежурство офицеров-шоферов.

Служба дежурств должна была приступить к деятельности с 9 марта 1930 года. Просуществовала она до 1934 года. Но вводимые по горячим следам после похищения генерала Кутепова меры обеспечения безопасности председателя РОВСа в дальнейшем были сведены к минимуму в силу финансовых затруднений организации. Добровольная охрана постепенно слабела. Дежурные стали опаздывать. Все чаще раздавались голоса: кому нужен генерал Миллер. Забегая вперед, заметим, что в 1934 году по личному желанию генерала Миллера, не хотевшего затруднять более офицеров несением охраны, институт дежурных офицеров был устранен²⁹.

2 августа 1930 года, когда генерал Миллер вместе с дочерью и адъютантом Изюмовым возвращался из Эпине в Париж, близ местечка Жювизи их автомобиль столкнулся со встречным грузовиком. Машина председателя РОВСа была смята и не подлежала восстановлению, дочь генерала и его адъютант были ранены и доставлены в госпиталь. Правда, их раны оказались незначительными, в основном это были порезы. Сам генерал Миллер остался невредим. В кругах РОВСа шли разговоры, что это покушение ГПУ, но сам генерал не обращался к французским властям, будучи убежден, что «расследование ни к чему не приведет»³⁰. Денег на содержание адъютанта не было, и спустя несколько лет с верным Изюмовым генералу Миллеру пришлось расстаться.

Будучи заместителем генерала Кутепова короткий период времени, Миллер не знал обо всех сторонах работы РОВСа, о состоянии дел в разных странах и организациях, не был посвящен в боевую работу Союза и не информирован о секретной деятельности организации. Поэтому новый председатель РОВСа начал свою деятельность с

инспекционных поездок в Югославию, Чехословакию и Болгарию, чтобы разобраться с практической деятельностью РОВСа, состоянием боевой работы, руководимой ранее непосредственно Кутеповым, и активизировать разведывательную работу.

По мере знакомства с боевой деятельностью РОВСа генерал Миллер выразил неудовлетворение ее состоянием и результатами и назвал мелкими булавочными уколами разного рода «бессистемные покушения, нападения на советские учреждения и поджоги складов». Оставшиеся боевики были не в состоянии вести сколько-нибудь серьезную работу против СССР. Причем, Миллер делал свои выводы, не только посещая местные отделы и организации РОВСа и знакомясь с руководителями и состоянием остатков боевых групп, но и встречаясь с представителями зарубежных спецслужб. Например, начальник русской секции 2-го отдела польского генштаба Р. Врага трижды встречался с новым председателем РОВСа, обсуждая вопросы взаимодействия. Врага откровенно говорил о неудовлетворительном состоянии дел в группе боевиков генерала В.Г. Харжевского, который, находясь в Чехословакии и руководя западным направлением боевой работы РОВСа на СССР со времени Кутепова, тесно взаимодействовал и с польскими спецслужбами³¹.

В ходе инспекционных поездок и знакомства с работой отделов и организаций РОВСа в Европе новый председатель Русского Обще-Воинского Союза излагал свое видение современных проблем и будущего Русской Армии в эмиграции, отвечал на принципиальные вопросы. Например, находясь в Белграде в апреле 1930 года, он следующим образом изложил свое видение объединения эмиграции: «Считаю, что объединение на программной базе бессмысленно. Всякий, кто подходил бы к объединению на программной базе, достиг бы обратных результатов». Отвечая на вопрос о политической платформе РОВСа и его программе, генерал Миллер подчеркнул, что он не имеет ее и стоит вне политики и партий. Генерал Миллер утверждал, что объединение должно происходить ради общего дела - борьбы с большевиками. Он призвал в этом деле «подражать нашим прежним революционерам».

Председатель РОВСа в своем выступлении в Белграде обратил внимание и на личностный фактор - необходимость установления приятельских отношений между лицами, стоящими во главе активных организаций. Отвечая в том же Белграде на вопрос журналиста о будущем советской власти, генерал Миллер вытащил и продемонстрировал пачку бумаг с информацией о крестьянских протестах в СССР: уничтожении скота, имущества при коллективизации и пр. Характеризуя выступления крестьянства, он заявил: «Не поддаются учету убийства, сколько их происходит каждый день в селах... Советская власть не может долго продержаться». «Русские крестьяне не могут больше обмануться, - продолжал генерал Миллер, - и все то, что я держу в руках, это, так сказать, известия о взрыве». Он выразил уверенность, что вскоре придет наибольший из них и последний. «Я - не пророк, не хочу определять точный срок, - резюмировал председатель РОВСа, - но верю, что скоро упадут с Кремля красные флаги»³².

24 июня 1930 года симпатизировавшая Русскому Обще-Воинскому Союзу парижская эмигрантская газета «Возрождение» поместила беседу с генералом Миллером. Характеризуя ближайшие задачи РОВСа, он подчеркнул значение внутренних и организационных задач и среди них - приобщение к Союзу подрастающего поколения и тех юношей, которые по молодости не могли участвовать в Гражданской войне. Необходимую подготовку им должны были дать военно-училищные курсы в Париже и унтер-офицерские курсы в Белграде. Председатель РОВСа высказался за создание подобных курсов и в других крупных пунктах русского расселения.

Предметом обсуждения в беседе стали и события на Дальнем Востоке, которые генерал назвал симптоматичным и значимым явлением, и участие в них должны были, по его мнению, принять участие все дальневосточные организации РОВСа. Миллер указал и на необходимость сбора денежных средств для благоприятного развития событий в этом регионе. Много горючего материала, по заявлению генерала, находится в Европейской России. Но при этом председатель РОВСа подчеркнул, что перед русской эмиграцией стоит крупная задача. Прежние мелкие булавочные уколы - бессистемные

покушения на отдельных советских комиссаров, нападения на советские учреждения, поджоги складов и т.п. приучали население к борьбе с советской властью, подрывали ее авторитет и свое дело сделали. Но они сейчас не могут дать положительного результата в борьбе за свержение советской власти. Теперь, подчеркивал генерал Миллер, ставку необходимо сделать на подготовку крупных выступлений и согласование действий населения. Он призвал энергично собирать деньги для Фонда Спасения Родины, указывая, что, если каждый эмигрант пожертвует по 1 - 2 франка, то в результате будут получены огромные деньги, которые можно использовать прежде всего на Дальнем Востоке, а также на другие расходы.

Поездки генерала Миллера по Европе в ряде случаев сопровождались эксцессами. В ходе посещения Миллером Чехословакии, например, в мае 1930 года коммунисты организовали протесты и поставили вопрос в парламенте о его высылке из страны. Распространялись слухи, что он приехал сюда для вербовки наемников в русские противобольшевистские части, ведет переговоры о получении в стране оружия для их вооружения, посетил и провел переговоры с видным в прошлом генералом и соратником адмирала Колчака, одним из руководителей Чехословацкого корпуса, воевавшего в России в годы Гражданской войны, Р. Гайдой. В результате представитель РОВСа в Чехословакии генерал Ходорович сделал официальные опровержения в своем заявлении для местной прессы по поводу страстно будируемых вопросов: 1) при посещении генерала Миллера не было речи о наборе в русские противобольшевистские части; 2) генерал Миллер и он не были у Гайды и не вели с ним переговоров; 3) не было переговоров от имени РОВСа о возвращении русских исторических знамен и не было даже мысли об этом. Чехословацкая пресса стала жертвой дезинформаторов-провокаторов, - заявил генерал Ходорович³³.

Добавим, что наряду с подобными неприятными эпизодами, поездка генерала Миллера в Чехословакию была насыщена по содержанию, включала много рабочих встреч и была весьма полезна. «Сплоченность и непоколебимое единство», - так озаглавил свою статью в пражской эмигрантской газете «Россия и Славянство»³⁴ о пребывании председателя РОВСа в Чехословакии его близкий соратник Н.А. Цуриков. Добавим, что в Праге генерал Миллер посетил и с интересом ознакомился с материалами учрежденного здесь несколько лет назад при поддержке МИД Чехословакии Русского Заграничного Исторического Архива. Вернувшись в Париж, он издал приказ РОВСу от 24 мая 1930 года, в котором предписывал всем военным организациям посылать туда свои вестники и другие материалы и документы³⁵.

В ноябре 1930 года генерал Миллер совершил инспекцию организаций РОВСа в Болгарии, в которые входило более 6700 человек³⁶. Здесь он сделал весьма яркое заявление, характеризуя роль и место Русского Обще-Воинского Союза в жизни Русского Зарубежья: РОВС нельзя уже мыслить в пределах его членов - это действенное волевое ядро русской эмиграции, вокруг которого группируется все больше и больше общественных организаций. Идея РОВС жизненна и отвечает чаяниям русского национального движения»³⁷.

В декабре того же года председатель РОВСа совершил новую поездку в Югославию, где проживала одна из самых крупных российских военных колоний эмигрантов (всего 30 тысяч русских, в том числе 8 тысяч - в Белграде³⁸). В начале декабря 1931 года генерал Миллер в сопровождении князя Трубецкого по приглашению Голландского комитета по борьбе с коммунизмом посетил эту страну и ознакомился также с деятельностью организаций РОВСа здесь. Вслед за этим он совершил инспекционную поездку в Бельгию, где встретился с начальником V отдела РОВСа генералом Гартманом и чинами Союза, проживающими в этой стране.

В результате знакомства с состоянием дел на местах и работой против СССР генерал Миллер поставил задачу собирания и подготовки крупных сил для будущей борьбы. Для этого новый председатель РОВСа считал необходимым не просто сохранить кадры, но обеспечить дальнейшее развитие системы подготовки и переподготовки офицерских кадров, создание кадров специалистов для развертывания партизанской

войны в тылу Красной армии, обучение эмигрантской молодежи военно-диверсионному делу.

В приказе председателя Русского Обще-Воинского Союза от 11 ноября 1930 года подчеркивалось: «...будем верить, что недалеко то время, когда членам РОВСа, усиленным всеми, способными носить оружие русскими людьми, проживающими за рубежом, предстоит принять участие и в том новом этапе Белой борьбы, который уже возникает на территории СССР»³⁹. Год спустя, генерал Миллер вновь указывал, что главная задача РОВСа - «сохранить и укрепить в эмиграции наши военные элементы для свержения советской власти». В связи с этим он подчеркивал, что нельзя допустить, чтобы русские военнослужащие действовали как наемники на стороне той или иной политической иностранной партии⁴⁰.

Большое значение уделялось по-прежнему совершенствованию и повышению уровня военных знаний русского офицерства в эмиграции. Осенью 1930 года было объявлено об открытии Военно-технических курсов в Париже для изучения военно-инженерного дела по программе Николаевской Инженерной академии. Продолжительность обучения составляла три семестра, каждый из которых длился около 8 месяцев. Курсы возглавил председатель объединения бывших воспитанников Николаевской Инженерной академии и Инженерных училищ генерал-майор Е.Ю. Бем. В октябре того же года в Белграде были открыты начальные, средние и высшие курсы военной подготовки под общим руководством генерала М.Н. Промтова. Вслед за этим там же были учреждены Зарубежные Высшие военно-научные курсы как отделение Парижских курсов с той же программой, которые возглавил генерал А.Н. Шуберский. В 1931 году в Белграде были организованы Заочные курсы, действовавшие в соответствии с директивами и по указаниям генерала Головина. Из выпускников Зарубежных Высших военно-научных курсов профессора Головина в Париже в 1932 году был создан Институт по изучению Мировой войны и мира, просуществовавший до 1940 года⁴¹.

1930 год становится качественно новым рубежом в деятельности спецслужб РОВСа. Похищение генерала Кутепова привело во многом к дезорганизации деятельности его секретной организации, ибо многие нити были завязаны персонально на него. Ближайший помощник Кутепова - полковник А. А. Зайцов был посвящен далеко не во все секреты и детали проводимой его шефом «закрытой» деятельности, да и не обладал авторитетом, необходимым для ведения секретной работы, направленной против СССР. В этих условиях генерал Миллер попытался, как уже указывалось выше, создать специальный аппарат, во главе которого назначил генерала Драгомирова, официально занимавшего должность генерала для поручений. Что касается стратегии и тактики работы по «связи с Россией» и на советской территории, то генерал Миллер отказался от ставки на активную террористическую деятельность, как малорезультативную, по его мнению, и, напротив, ведущую к большим потерям среди агентуры и членов антисоветских организаций.

Предложенная председателем РОВСа новая тактика заключалась в том, чтобы направить основные усилия на создание тайных опорных пунктов на территории СССР и подпольных, хорошо законспирированных организаций, которые могли бы в нужный момент возглавить повстанческое движение, восстания с целью свержения советской власти. Главное внимание должно было быть уделено не диверсионно-террористической, но разведывательной деятельности. Этому казалось бы способствовало массовое недовольство крестьян коллективизацией, трудности, порожденные «наступлением социализма по всему фронту», не только в сельской местности, но и в городах.

Но деятельность генерала Драгомирова и его сподвижников с самого начала и в последующие годы вызывала острую дискуссию и разнообразие суждений, как в руководстве Русского Обще-Воинского Союза, так и в более широких кругах военной эмиграции в связи с темой «активной работы» Союза и Русского военного Зарубежья против СССР. Кстати, касаясь самого назначения генерала Драгомирова на руководство той сферой деятельности, которой в 20-е годы занимался генерал Кутепов, председа-

тель РОВСа генерал Миллер указывал, что оно состоялось тогда, когда от этой должности отказались его другие ближайшие сподвижники. Первым это предложение после похищения генерала Кутепова новый председатель РОВСа сделал генералу Шатилову. Но тот категорически отказался, заявив, что «он по своему характеру совсем для этой работы не годится». «И только безрезультатно испробовав все возможности в Париже, я обратился к АМД (Абраму Михайловичу Драгомирову - В.Г.), - вспоминал спустя несколько лет генерал Миллер, - который согласился только по чувству долга, предупредив меня, что он совсем не сведущ в такой работе»⁴². В конце же августа 1930 года председатель РОВСа писал в Софию генералу Абрамову, что Драгомиров знакомится с делом, подбирает понемногу нужных людей и выражал надежду, что в ближайшее время дело пойдет энергично, «как того требуют обстоятельства в России»⁴³.

Работа на Россию под общим руководством генерала Драгомирова сосредоточилась на двух основных направлениях: западном, которым ведал генерал Харжевский, проживавший в Чехословакии, и южном, румынском, за которое отвечал полковник Жолондковский, живший в Румынии. После провалов, связанных с деятельностью «Треста», и последующих, не увенчавшихся особыми успехами действий боевиков Кутепова, работа «по связи с Россией» на северном направлении (главным образом через Финляндию) была почти полностью прекращена. Некоторые попытки возобновить деятельность здесь в первой половине 30-х годов предпринимались, но не дали результатов. Ситуация в отношении попыток использования северного (финского) направления в работе против СССР меняется в 1934 - 35 годах, о чем пойдет речь в дальнейшем.

Под руководством генерала Драгомирова стал действовать и специальный контрразведывательный аппарат, который возглавил прибывший в Париж в 1930 году по вызову из США бывший жандармский генерал К.И. Глобачев, выпускник Николаевской академии Генерального штаба. До революции он являлся начальником Охранного отделения в Варшаве, а затем - в Петрограде. По убеждению генерала Миллера, необходимость создания контрразведывательного отдела проистекала из негативного опыта деятельности генерала Кутепова, объединявшего в одном лице руководство РОВСом и специальной работой и попадавшего в результате в ловушки «Трестов» и тому подобных имитируемых чекистами организаций. Председатель РОВСа характеризовал Глобачева, как человека порядочного, воспитанного и прямого, и считал его кандидатуру на посту руководителя контрразведки Союза более удачной, чем другого жандармского генерала - П.П. Заварзина. Когда же Миллера убеждали, что по «специальным способностям» Глобачев уступает Заварзину, он отвечал, что «зато с ним можно разговаривать просто и с уверенностью, что он говорит все искренно и только то, что знает, без прикрас и тенденциозности»⁴⁴. Эти человеческие качества, по мнению руководителя РОВСа, были более значимы, чем уровень специальной подготовки.

Другая секретная организация РОВСа - «Внутренняя линия» продолжала в 30-е годы действовать в Болгарии. Ее непосредственным руководителем был капитан К.А. Фоссом, работавший, в свою очередь, под общим руководством генерала Абрамова. Эта организация тесно взаимодействовала с болгарской военной разведкой и Дирекцией болгарской полиции. Им передавалась добытая «Внутренней линией» информация о деятельности болгарских коммунистических организаций и их лидеров, готовившихся ими террористических актах. Сам К.А. Фосс состоял на службе в болгарском военном министерстве с 1925 по 1941 год и получил несколько болгарских военных и гражданских орденов за успехи в борьбе с коммунистическими террористическими организациями.

Капитан Фосс характеризовался как способный и талантливый разведчик, успешно руководивший работой «Внутренней линии». Он в совершенстве владел четырьмя иностранными языками, свободно и без переводчика общался с представителями западных спецслужб, обсуждая с ними планы совместной борьбы с коммунистами, в том числе работы против СССР. Капитан Фосс по линии военного министерства Болгарии охранял работу и подготовку боевиков, готовившихся в перспективе для забро-

ски в СССР, доставал деньги для обеспечения пребывания боевиков в лагерях, отвечал за их питание, обмундирование и поездки.

Ближайшим сподвижником К. А. Фосса по работе «Внутренней линии» в Болгарии был другой российский эмигрант - капитан А. А. Браунер, являвшийся, по некоторым данным, с 1934 по 1944 год штатным сотрудником болгарской Дирекции полиции и начальником противокommунистической и противотеррористической группы. Он также обеспечивал невмешательство полицейских органов в военную работу III отдела РОВСа⁴⁵.

С 1930 года «Внутренняя линия» стремилась распространить свою деятельность из Болгарии на Францию. Как вспоминал впоследствии генерал Шатилов, назначенный весной 1930 года начальником I отдела РОВСа (и признававший, что с этого времени поддерживал связь с «Внутренней линией», хотя и не являлся ее членом), после похищения генерала Кутепова к нему явился капитан Н.Д. Закржевский, сообщивший, что им получен приказ из Софии возглавить группу офицеров, ранее обслуживавших генерала Кутепова по части осведомления о настроениях эмиграции и по борьбе с большевистской агентурной работой. Ему было поручено осведомлять о своей деятельности в Париже генералов Шатилова и Глобачева.

В 1930 году действительно имели место попытки наладить определенное взаимодействие между организациями Драгомирова - Глобачева и Абрамова - Фосса. Об этом свидетельствует, например, письмо того же Шатилова генералу Абрамову от 6 октября 1930 года. Сообщая в Софию о строительстве аппарата генерала Драгомирова, Шатилов информировал о прибытии к нему Закржевского, который провел у него несколько дней. Начальник I отдела РОВСа писал, что он произвел на него хорошее впечатление, но сетовал на небольшую осведомленность Закржевского, которому следует побольше ознакомиться с настроениями нашего офицерства. «Его освещение могло бы очень мне пригодиться», - замечал Шатилов, указывая, что он мог бы сообщить ему ряд сведений, которые помогли бы ему лучше разбираться в общей обстановке, наблюдении и работе. Генерал Шатилов сообщал Абрамову, что считал бы желательным связать Закржевского с генералом Глобачевым, приступившим к организации контрразведывательной работы под общим руководством генерала Драгомирова. «Я - сторонник централизации и полагал бы нужным усилить Глобачева такими работниками, как Закржевский», - писал Шатилов Абрамову. «Нет ли препятствий с твоей стороны», - спрашивал он своего болгарского коллегу.

Капитан Закржевский, прибывший из Болгарии во Францию по поручению Фосса и Абрамова, возглавил здесь организацию «Внутренней линии». Но складывавшиеся уже в это время и обострявшиеся в дальнейшем день за днем противоречия между Драгомировым и Глобачевым, с одной стороны, Абрамовым и Шатиловым, с другой, препятствовали складыванию должного взаимодействия названных специальных служб РОВСа. Об этом свидетельствует и цитируемое октябрьское письмо Шатилова Абрамову. Касаясь деятельности капитана Закржевского во Франции и характера взаимоотношений и взаимодействия «Внутренней линии» в его лице и руководимого генералом Шатиловым I отдела РОВСа, последний утверждал, что Закржевский получал инструкции из Софии и согласовывал их с его (Шатилова) указаниями и пожеланиями⁴⁶.

В распоряжение генерала Драгомирова был передан информационно-пропагандистский отдел, руководимый князем Трубецким. Он был призван вести свою деятельность, как среди населения «за чертополохом» (то есть в СССР), так и среди иностранцев, формируя у них благоприятное отношение к военной эмиграции и деятельности РОВСа в том числе. По мнению генерала Миллера, прежняя «активная работа» с ее положительными или отрицательными эффектами (имея в виду террористическую деятельность), должна была отойти на второй план. В качестве аргумента он ссылался и на деятельность революционеров-коммунистов, ибо совершаемые ими покушения не приближали, по его словам, переворот и переход власти в руки большевиков. Но их пропагандистская деятельность была неизмеримо более эффективной и создавала благоприятные предпосылки для прихода к власти. Этому и следовало, по убеждению

генерала Миллера, учиться современной эмиграции, не гоняясь за внешними эффектами в антисоветской борьбе.

Генерал Миллер считал, что работа генерала Драгомирова и его соратников должна была, как и при Врангеле, и при великом князе Николае Николаевиче, «стоять совершенно вне РОВСа». Это обуславливалось спецификой самой секретной работы, а также необходимостью избавить Союз и его организации, действовавшие в эмиграции легально, от обвинений в незаконной деятельности. «Генералу Кутепову и мне за ним поневоле пришлось нарушить мудрое правило Петра Николаевича (Врангеля - В.Г.), что лица, связанные с РОВС, не должны иметь никакого отношения и знать даже ничего не должны о конспиративной работе», - писал генерал Миллер одному из своих соратников в Германию. «Наша организация является совершенно открытой, законно зарегистрированной и все старшие чины ее поименно известны местным властям, - продолжал председатель РОВСа, - и, естественно, если хотя бы самая невинная наша конспиративная работа могла бы быть уловлена большевиками, они используют это для обвинения нашей организации в таких действиях, которые послужат поводом к репрессиям». Миллер предупреждал, что их переписка может находиться под надзором органов ГПУ и местной контрразведки, и призывал быть весьма осторожным и подтверждать в письмах свою непричастность к работе, относящейся к СССР⁴⁷.

Тайная подрывная работа против СССР требовала больших финансовых вливаний. «Как вера без дела мертва, так и самый лучший план ничего не стоит без средств к его осуществлению, - размышлял генерал Миллер и добавлял, что об этом забывают сторонники «активных действий»⁴⁸. Секретная антисоветская деятельность, направленная на СССР, велась прежде всего на средства «Фонда Спасения России» (ФСР), пополняющегося добровольными сборами, для чего в разных странах были созданы особые комитеты. И только по мере нехватки этих средств главным командованием выделялись некоторые дополнительные суммы. «С большим трудом и напряжением собираются деньги в Фонд Спасения России, и расходовать их приходится с большой выдержкой и бережливостью, чтобы ни один грош не пропал даром», - писал председатель РОВСа в августе 1931 года. - Все планы требуют таких материальных средств и кроме того и политических условий, каких у нас пока нет. Надо прежде всего собрать средства»⁴⁹.

Подводя итоги работы по сбору средств в ФСР в 1931 году, начальник военной канцелярии РОВСа генерал Стогов указывал, что эти сборы проводятся русскими эмигрантами в 34 странах. Первое место по собранным суммам занимала Югославия (где комитет по сбору средств возглавлял генерал Барбович), второе место - Франция, третье - Чехословакия, четвертое - Болгария, а далее шли соответственно США, Италия и Польша. Анализируя работу по сбору средств, генерал Стогов указывал, что за исключением Югославии, Франции, Чехословакии, Люксембурга, Финляндии, Туниса, Алжира и Сирии, в других странах объем собираемых средств несколько снизился и призвал активизировать эту деятельность⁵⁰. Но нараставший мировой экономический кризис чрезвычайно затруднил ее.

Тем не менее, руководство РОВСа и в дальнейшем уделяло работе с «Фондом Спасения России» самое серьезное внимание, указывая, что сам Союз не нуждается в деньгах Фонда, и отвергало обвинения, что они идут на содержание аппарата РОВСа. Напротив, руководство Союза подчеркивало, что оно снабжает Фонд своими средствами, и они идут только на работу в самой России. В инструктивном письме РОВСа о «Фонде Спасения России» с грифом «совершенно секретно» указывалось, что он по своему замыслу является организацией, предназначенной лишь для сбора средств на ведение активной работы, а каждый жертвователь является участником широко разветвленной самой активной организации и активным борцом с большевизмом⁵¹.

Забегая вперед, заметим, что проблема сбора средств в ФСР и в дальнейшем оставалась актуальной, но, вместе с тем, весьма сложной для руководства РОВСа. Генерал Абрамов писал, например, из Болгарии генералу Миллеру в начале 1934 года, что в 1933 году удалось собрать всего 80 тыс. левов. Нет оснований думать, утверждал он,

что 1934 год даст больше, поэтому надо сокращать расходы без ущерба для дела и облегчить задачу помощи ФСР из Казны Главного Командования⁵².

Большое значение новый председатель Русского Обще-Воинского Союза уделял работе с эмигрантской молодежью, продолжая тем самым линию, избранную генералами Врангелем и Кутеповым. Генерал Миллер обратился к молодежи Русского Зарубежья, призывая ее к работе РОВСа на всех направлениях, и выдвинул лозунг: «Молодежь, под знамена!», что было положительно воспринято большей частью эмигрантских организаций. 5 июня 1930 году было принято особое «Положение о приеме в воинские организации Русского Обще-Воинского Союза молодых людей, ранее в войсках не служивших». Декларированные цели этого документа заключались в том, чтобы усилить РОВС в боевом отношении, предоставить молодым людям возможность поступать в этот Союз, формировать у них высокие моральные качества, готовить их к исполнению обязанностей сначала унтер-офицера, а затем (при известных условиях) и к производству в офицеры. Это положение распространялось на лица в возрасте не менее 16 и не старше 30 лет, физически годных к строевой службе, не опороченных по суду, не состоявших под судом и следствием. Окончившие полный курс кадетских корпусов зачислялись в юнкера, окончившие высшую или среднюю школу, или имевшие образование, соответствовавшее 6 классам средней школы, становились вольноопределяющимися, остальные - охотниками. Обучение и подготовка к экзаменам на унтер-офицера и в первый офицерский чин производились по программам, утвержденным председателем РОВСа⁵³.

Русские молодежные, детские и юношеские организации существовали практически во всех странах, где находились сколько-нибудь крупные колонии российских эмигрантов. Наиболее массовыми из них были: «Эмигрантский Союз Русского Сокольства за Границей» учрежденный на съезде в Праге в 1923 году (в 1935 году Русское сокольское движение за границей объединяло в своих рядах 47 обществ и 9 гнезд; почетным старостой общества «Русский Сокол» в Болгарии, основанного в 1927 году, был начальник III отдела РОВСа генерал Абрамов); «Национальная организация витязей», зачатки которой были созданы в 1922 году Н.Ф. Фёдоровым, участником Гражданской войны в Северо-Западной армии генерала Юденича, а сама организация под этим названием сложилась в 1934 году (почетным «витязем» был председатель Военно-Морского Союза и помощник председателя РОВСа вице-адмирал Кедров); «Организация Русских Скаутов за Границей», учрежденная в 1920 году полковником О.И. Пантюховым, отделы, организации и отряды которой существовали в различных странах; Национальная Организация Русских Разведчиков (НОРР), созданная в 1928 году полковником П.Н. Богдановичем.

Последняя из названных организаций с самого начала своей деятельности поддерживала связи и теснейшим образом сотрудничала с РОВСом. В деятельности НОРР, как и других русских молодежных организаций, важное место занимали военно-патриотическое воспитание и военная подготовка молодых людей, и бывшие русские военнослужащие, в том числе чины РОВСа, принимали в ее проведении активное участие. В специальных лагерях НОРР проходила подготовка добровольцев, отобранных для Кутеповской боевой организации. Они готовились к переходу границы СССР и для работы по заданию разведки РОВСа. Руководителями и инструкторами в этих строго засекреченных лагерях были опытные боевики, ветераны походов в СССР, ходившие туда по несколько раз и успешно возвращавшиеся. В Болгарии в таком лагере вели, например, подготовку полковник НА. Зуев и мичман С.С. Аксаков с помощником инженером А. Разумеевым. Зуев и Аксаков четырежды успешно совершали походы в СССР. Лица, проходившие специальную подготовку в Болгарии, совершали рейды в СССР и возвращались через румынскую границу по договоренности с румынскими спецслужбами и пограничниками, оплачивая услуги последних⁵⁴.

Организация рот, стрелковых дружин, эскадронов, военно-училищных курсов при отделах Русского Обще-Воинского Союза, при русских гимназиях, при группах и объединениях воинских организаций во всех странах русской диаспоры, создание ис-

торических кружков в учебных заведениях дали новый импульс работе по военно-патриотическому воспитанию эмигрантского юношества и подготовке военных кадров. Для преподавательской и инструкторской деятельности были мобилизованы все старшие, а нередко и иные офицеры РОВСа.

В борьбе Русского Обще-Воинского Союза за влияние на эмигрантскую молодежь особого внимания заслуживает тема его взаимоотношений с НСРМ-НСНП. Эта организация стремилась объединить в 20-е - 30-е годы эмигрантскую молодежь, вынашивавшую идеи активной антибольшевистской борьбы, но которую не удовлетворяла деятельность «отцов». Первые подобные организации возникают в Болгарии, Королевстве СХС и ряде других стран в 1924 году и в последующие годы. В сентябре 1929 года болгарский и югославский союзы объединились в единую организацию, получившую название «Национальный Союз Русской Молодежи за Рубежом» (НСРМ). В июне 1930 года в Белграде прошел Первый съезд представителей союзов и групп русской национальной молодежи, который и считается официально моментом основания НСРМ. Были выработаны программные положения деятельности Союза. Центральное место занимала работа по освобождению России от власти III Интернационала и широкое единение ради этого со всеми ведущими борьбу с коммунизмом организациями, группами и лицами, независимо от политического мировоззрения. Было признано возможным и необходимым применение террора в борьбе с советской властью. К этому времени (и даже ранее) Русский Обще-Воинский Союз и НСРМ поддерживали тесные связи и сотрудничество, а документы вышеупомянутого I съезда были направлены и в Союзы Национальной Молодежи, существовавшие при отделах РОВСа.

Но вскоре начинают наблюдаться первые ростки противоречий, вылившиеся спустя несколько лет в публичные скандалы. НСРМ стремится к максимальной самостоятельности и освобождению от опеки и практики «старших». В конце 1931 года в Белграде состоялся II съезд НСРМ. Здесь было изменено название Союза, который стал именоваться «Национальный Союз Нового Поколения» (НСНП). Был определен возрастной ценз для его членов: в Союз могли поступать только родившиеся после 1895 года. Это должно было оградить «новое поколение» от «грехов и предрассудков прошлого» и от влияния «старших», что нашло воплощение и в изданной в начале 1932 года брошюре под названием «Ошибки эмиграции, настоящее ее положение и наш долг». Одним из главных недугов эмиграции было названо уклонение от личного участия в борьбе. НСНП провозгласил программу активной борьбы с советской властью, организации на территории СССР своих ячеек и повстанческих групп. Террор считался одним из успешных методов борьбы с большевизмом⁵⁵.

На втором году руководства РОВСом генералом Миллером стало очевидно, по утверждению генерала Шатилова, что попытка привлечь в наши ряды молодежь не увенчалась ожидаемым успехом. Молодежь не удовлетворялась «пассивной ролью», ибо большинство было рядовыми членами РОВСа. Да и отказ генерала Миллера от «активной борьбы» также, по мнению Шатилова, играл свою роль и вел к частичному оттоку кадров из РОВСа в НСНП. В ходе состоявшейся встречи председателя РОВСа с тремя начальниками крупнейших отделов Союза обсуждалась сложившаяся ситуация. В результате ее генерал Миллер согласился с мнением своих собеседников, настаивавших на видоизменении известного приказа №82, запрещавшего членам РОВСа входить в состав политических организаций. Начальники отделов доказывали, что нарождавшиеся политические организации молодежи не имели достаточного количества кадров для руководства, и им поневоле приходилось черпать их из РОВСа. Генерал Миллер предлагал разрешить членам Русского Обще-Воинского Союза вступать в политические организации только на руководящие посты, но генерал Шатилов, по его утверждению, настоял на том, чтобы не ограничиваться этим, и Миллер согласился. Впрочем, все это, как доказывал впоследствии Шатилов, не означало стремления начальников РОВСа захватить руководство НСНП в свои руки.

В это же время руководство «Внутренней линии» в Болгарии выработало инструкцию (ее получил и руководитель этой организации во Франции капитан Закржев-

ский), в которой указывалось на необходимость дополнительно перенести свою деятельность на оказание поддержки «национальным организациям молодежи» и в первую очередь НСНП. Это совпадало и с мнением генерала Шатилова. Все эти действия, по последующим утверждениям организаторов подобных акций, не означали попытки захвата этой организации и установления контроля над ней со стороны РОВСа и «Внутренней линии», как доказывали впоследствии их оппоненты из руководства НСНП. Но последние расценивали развитие ситуации иначе, утверждая, что еще с 1932 года стали ощущать действие темных и тайных сил внутри своей организации. Все вышеизложенное привело в дальнейшем к нарастающим конфликтам между НСНП и РОВСом и, наконец, к расхождению⁵⁶.

Актуальным оставался вопрос о взаимоотношениях Русского Обще-Воинского Союза с другими эмигрантскими организациями, ведущими подрывную деятельность в СССР, в частности, с «Братством Русской Правды». Эта террористическая организация по-прежнему пользовалась значительным влиянием среди экстремистски настроенных слоев эмиграции. Существовал Центр БРП, ее фонд - «Русская освободительная казна», издавалась «Русская Правда». 2 февраля 1931 года генерал Миллер доверительно писал в Софию генералу Абрамову об отрицательной, по его мнению, агитации в пользу Братства генерала Краснова, который «иносказательно превозносит деятельность БРП как единственно активной организации», которая смущает многих. Не «сменовеховство» ли это, размышлял председатель РОВСа⁵⁷.

В конце 1931 года деятельность БРП и отношение в ней Русского Обще-Воинского Союза стали предметом обсуждения в переписке генералов Лампе и Миллера. Начальник II отдела Союза в письме председателю РОВСа 21 ноября 1931 года указывал, что он считал бы полезным в той или иной мере использовать БРП и характеризовал ее как надпартийную организацию, хотя и допускал возможность ее уклона в сторону легитимистов. При всем малом доверии к БРП, отвечал генерал Миллер 8 декабря, она собирает средства, которые идут на террористическую работу в России, поэтому «не решаюсь высказываться в том смысле, что ей не надо давать». Приветствую Вашу мысль, продолжал он, чтобы во главе отделов «Братства Русской Правды» стояли люди, сочувствующие Русскому Обще-Воинскому Союзу, как например князь Ливен. Есть правило, что членам РОВСа не разрешается входить в БРП, но если крепкий, хорошо знакомый вам человек встанет во главе какого-либо отдела по работе Братства в России, то в данном случае можно делать исключение, резюмировал председатель РОВСа. Генерал Миллер добавлял в связи с этим, что на Дальнем Востоке Братство играет подсобную роль в общем плане действий РОВСа, руководимых генералом Дитерихсом⁵⁸.

Деятельность «Братства Русской Правды», как и отношение к нему со стороны Русского Обще-Воинского Союза, и в дальнейшем являлись предметом дискуссии в эмиграции, запросов к руководству РОВСа со стороны его организаций. 3 февраля 1933 года, например, генерал Миллер распространил ответ на поступающие к нему подобные обращения. Он напоминал, что еще генералы Врангель и Кутепов определяли БРП, как самостоятельную тайную организацию, ведущую антибольшевистскую деятельность. При этом Врангель указывал, что чины РОВСа не имеют права быть членами тайных организаций, не входящих в Союз. Вместе с тем, чины РОВСа могли сочувственно относиться к деятельности Братства и делать личные пожертвования в ее «Русскую Освободительную Казну». Но первоочередной долг чинов РОВСа заключался в направлении взносов в «Фонд Спасения Родины имени Великого Князя Николая Николаевича», и лишь после этого они могли жертвовать на другие цели. Чинам РОВСа запрещалось быть активными сборщиками по линии БРП.

Генерал Миллер касался в своем послании и утверждения, что публикация информации о террористических актах БРП в СССР может соблазнить более активно настроенных чинов РОВСа вступать в него. Но БРП, указывал председатель Союза, прибегает к осуществлению акций на советской территории только усилиями местных жителей, постоянно живущих там, а не посылаемых из-за границы. А помощь им оказыва-

ется сбором средств, печатанием прокламаций и другой деятельностью, не требующей подвига. Касаясь же публикации в журнале «Часовой» писем Верховного Круга БРП, Миллер утверждал, что там могло бы быть помещено письмо, являющееся ответом на вопрос, заданный «Часовым», но для последнего как чина РОВСа некорректно предоставлять свои страницы для рекламирования деятельности Братства, результаты которой он не может проверить⁵⁹.

Важной темой для Русского Обще-Воинского Союза и его руководства оставались взаимоотношения с легитимистами, то есть сторонниками великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя в 1924 году императором. Смерть великого князя Николая Николаевича, а затем похищение генерала Кутепова создавали, казалось бы, важные предпосылки для складывания их взаимодействия в борьбе против СССР. Первоначально обе стороны вроде бы делали шаги навстречу друг другу. 23 февраля 1930 года великий князь Кирилл Владимирович выразил в послании генералу Миллеру сожаление и скорбь в связи с преступлением против Кутепова, именуя его «искренним патриотом и отличным офицером» и выразил готовность к единой борьбе с врагом⁶⁰.

Вскоре была налажена систематическая переписка между председателем РОВСа и канцелярией Его Императорского Высочества. 27 июня 1930 года на квартире генерала М. Алянчикова, вр.и.д. начальника Округа Корпуса Императорских Армии и Флота состоялась его встреча с генералом Миллером. Последний заявил, что РОВС на 90% настроен монархично, не говоря о его руководителях. Он подчеркнул желательность после исчезновения генерала Кутепова дружной работы ради достижения единой цели. Председатель РОВСа заявил также, что ввиду усиливающегося движения на Дальнем Востоке, он дал указание о совместной работе там с Корпусом Императорской Армии и Флота. В ответ на донесение генерала Алянчикова о состоявшейся встрече на его имя 2 июля поступило письмо от начальника канцелярии великого князя Кирилла Владимировича капитана I ранга Г. Графа, который высказался в пользу желательности единой борьбы совместно с РОВСом и за объединение всех военных организаций вокруг Государя.

24 июля на совещании РОВСа, где обсуждался вопрос об оказании помощи восставшим на Дальнем Востоке, приняли участие руководитель парижской группы Союза легитимистов генерал Лохвицкий и председатель Союза Младороссов Казем-Бек. Было принято решение о поддержке борьбы в этом регионе, в том числе ведущейся генералом Дитерихсом. После того, как июльское послание из канцелярии великого князя было передано генералу Миллеру, он поблагодарил за него, и в своем письме от 18 сентября высказался за единую работу, прежде всего на Дальнем Востоке, и пригласил представителей Союза Легитимистов принять участие в следующем совещании. Вместе с тем, генерал Стогов с сожалением констатировал, что один из руководителей легитимистов на Дальнем Востоке генерал Жадвойн летом 1930 года издал распоряжение о воспрещении чинам «легитимного движения» даже бывать на собраниях инакомыслящих.

27 сентября в ответном послании, адресованном генералу Миллеру, начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича Граф от его имени поддержал совместную борьбу с большевиками на Дальнем Востоке и выразил готовность оказать содействие Русскому Обще-Воинскому Союзу. Он изложил в послании программу великого князя: 1) борьба с коммунизмом под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество»; 2) отказ от всякого иностранного вмешательства в борьбу; оказание содействия внутренним русским национальным силам; 3) отказ от всяких комбинаций, которые приведут к нарушению экономических интересов России. Для совместной работы с РОВСом великий князь выразил готовность назначить своего представителя при центре этого Союза для связи с ним. Этот представитель должен был быть посвящен во все планы, распоряжения и действия РОВСа по борьбе с коммунизмом, и тот должен был осведомлять великого князя о предпринимаемых действиях. Это касалось всех вопросов деятельности РОВСа, в том числе сношений с иностранными правительствами, изыскания средств, денежных операций. Все действия должны были предприниматься с обоюдной

го согласия центра РОВСа и главного представителя великого князя Кирилла Владимировича. Возможно было и назначение специального представителя великого князя к генералу Дитерихсу. В вопросах административного управления в местностях, которые были бы освобождены от большевиков, также должны были учитываться указания великого князя. В заключении послания указывалось, что если эти вопросы будут разрешены, великий князь Кирилл Владимирович назначит своего представителя для связи с Русским Обще-Воинским Союзом и обсуждения планов работы.

В ответе генерала Миллера подчеркивалось, что, к большому сожалению, условия, изложенные великим князем, могут быть истолкованы только как отказ с его стороны принять участие в русском деле. Вместе с тем, председатель РОВСа заявлял, что он готов к сотрудничеству, если его доводы все-таки убедят не уклоняться в сторону политических партий, пока сохраняется военное объединение.

Но итогом всей переписки и диалога стало следующее резюме: «Ввиду того, что генерал Миллер столь решительно отверг основной лозунг воинства «За Веру, Царя и Отечество», Его Императорское Высочество не нашел возможности продолжить переписку по этому вопросу». 16 октября 1930 года великий князь выпустил «Обращение к Русским людям», а котором доказывал правоту вышеуказанного лозунга для объединения в борьбе с большевиками. Генерал Миллер, в свою очередь, считал, что он не может изменить идеологии движения РОВСа ради сотрудничества с Союзом Легитимистов⁶¹.

В доверительной записке, подготовленной вслед за этим и датированной январем 1931 года, исходившей из кругов, близких к руководству РОВСа, указывалось, что легитимисты исходили из убеждения, что 85 % эмиграции составляют монархисты, и думали, что если великий князь Кирилл Владимирович объявил себя императором, то 85 % эмигрантов поддержат его. В свою очередь, агенты ГПУ, по утверждению авторов указанного документа, также делали ставку на это, внедрились в легитимистское движение и развернули кампанию против Армии и РОВСа. Созданное движение против Армии и ее вождей раскололо эмиграцию и сыграло на руку ГПУ. Выполнив свои цели, сейчас, надо думать, агенты ГПУ ушли из среды легитимистов, констатировалось в записке, сохранив только личные связи с некоторыми руководителями этого движения. В адрес Русского Обще-Воинского Союза со стороны его оппонентов высказывалась критика, что Союз слаб в идеологическом отношении, имеет примитивную идеологию, основывающуюся главным образом на отношениях бывших соратников, и указывалось, что основываясь на национальной идее, делая ставку на национализм, этой организации удастся гораздо лучше объединить эмиграцию. РОВС, в свою очередь, не соглашался с этим, подчеркивая, что у него не было и нет идеологии, а цельность и единство достигаются дисциплиной и готовностью к освобождению России⁶².

Следующий раунд дискуссии между Русским Обще-Воинским Союзом и легитимистами разворачивается весной - летом 1931 года. Вот как излагалось и интерпретировалось развитие событий в секретной записке РОВСа о взаимоотношениях Союза и легитимистов, подготовленной 17 сентября 1931 года. В ней указывалось, что еще с весны 1930 года явно проявилось настойчивое желание легитимистов подчинить себе эмигрантские организации. Именно к этому времени было отнесено первое открытое выступление великого князя Кирилла Владимировича против РОВСа. В ответ на предложение генерала Миллера о совместных действиях по сбору денег для дальневосточных повстанцев прозвучали условия сотрудничества: подчинение Кириллу Владимировичу как законному Императору с передачей всех сумм РОВСа, что нарушало идеологию Союза (быть вне политики) и вело к уничтожению и разложению организации. Затем это требование прозвучало вторично, и после отказа генерала Миллера подчиниться переписка была прекращена. С этого времени великий князь Кирилл Владимирович считает РОВС враждебной себе организацией, хотя Союз и не считает легитимистов врагами.

В указанном документе отмечалось также, что в ходе расследования похищения генерала Кутепова начальник Парижского отдела Корпуса Императорской Армии и

Флота встал на защиту большевистских агентов Попова и де Роберти и убедил в этом Бурцева. Канцелярия великого князя по главе с Графом приняла закулисное участие в этом наступлении, поддерживая связь с генералом Дьяконовым. Во время судебного процесса этого генерала против газеты «Возрождение» Граф специально приехал из Парижа, чтобы убедить председателя Союза Младороссов Казем-Бека выступить свидетелем со стороны генерала Дьяконова. В свою очередь, роль Дьяконова в той борьбе, которую повели легитимисты с РОВСом, указывалось в секретной записке Союза, чрезвычайно странна и заслуживает особого внимания. По данным РОВСа, у французских властей имелись сведения, что Дьяконов в течение нескольких лет является агентом большевиков, и если он до сих пор официально не разоблачен; то только потому, что не имеется явных и неопровержимых улик. По мнению авторов анализируемого документа, вся деятельность генерала Дьяконова и его советы Бурцеву и Графу служат к выгоде только большевиков. «У нас составилось полное убеждение, что этот человек и является ловким агентом советской власти, выполняющим ее задания одновременно по двум направлениям: по линии РОВС и по линии легитимистского движения», - подчеркивалось в секретном документе РОВСа.

С весны 1931 года легитимисты, утверждалось все в той же секретной записке РОВСа, организовали новую атаку против Русского Обще-Воинского Союза, указывая, что в рядах Союза до 90 % монархистов, и РОВС должен признать Императора, а если не сделает этого, то ответственность ложится на верхи этой организации. Атаки против него развернула и газета младороссов «Искра» (№ 2 и 3 за 1931 год). Утверждалось также, что на секретном совещании лидеров легитимистского движения в Париже в июне 1931 года был, якобы, разработан план разложения РОВСа, подготовленный генералом Алянчиковым, в соответствии с которым предлагалось из членов Союза образовывать небольшие ячейки легитимистского характера.

В записке РОВСа содержалось также утверждение, что в апреле 1931 года в Политбюро ЦК ВКП(б) был обсужден вопрос о русской эмиграции и было, якобы, принято постановление об усилении монархического движения среди эмиграции как средства сопротивления национальной работе в России. Вслед за этим, в мае 1931 года в берлинской резидентуре ГПУ было принято, якобы, следующее решение: 1) всякая работа эмиграции за Национальную Россию без политической окраски вредна для СССР; 2) необходимо принять все меры для борьбы в эмиграции с РОВСом; 3) необходимо принять все меры к усилению легитимистского движения, стараясь включить в него все активные элементы эмиграции. По утверждению авторов записки, советская власть считает РОВС самым серьезным противником, поэтому разложение Союза является срочной задачей ГПУ. Памятуя, что большинство членов РОВСа - монархисты, предполагается использовать враждебность верхов легитимистского движения в отношении РОВСа и посредством легитимистов - разложить Союз. Общий вывод данной секретной записки сводился к следующему: «Легитимистское движение стало на ложный путь, работает на пользу нашего общего врага и делает антинациональное дело»⁶³. Впрочем, в ряде стран, как, например, в Королевстве СХС, у Русского Обще-Воинского Союза в дальнейшем складывались добрососедские отношения с Корпусом Императорских Армии и Флота, ибо, как указывал один из руководителей Союза здесь генерал Барбович⁶⁴, РОВС никогда не был нападающей стороной.

Мировой экономический кризис 1929 -1933 годов больно ударил по различным странам (и в том числе ведущим государствам Запада) и слоям населения. В полной мере его тяжесть ощутила на себе российская эмиграция и ее организации, в том числе Русский Обще-Воинский Союз. Многие его члены оказались без работы. Чтобы как-то улучшить ситуацию, приказом начальника III отдела РОВСа генерала Абрамова от 25 ноября 1931 года был образован Фонд помощи безработным РОВС. Он должен был работать с 1 декабря 1931 по 1 апреля 1933 года, организуя помощь кровом, теплом и питанием нуждающимся⁶⁵. Приведем еще один, весьма красноречивый факт, относящийся к этому исключительно трудному периоду в жизни РОВСа и всей российской эмиграции. В канун наступающего 1932 года начальник военной канцелярии Союза генерал

Стогов направил от имени председателя РОВСа обращение к чинам этой организации. В нем указывалось на желательность того, чтобы воинские части, организации и отдельные офицеры «ввиду переживаемого экономического кризиса», отказались бы на предстоящих Рождественских праздниках и в Новый год от письменных поздравлений и визитов, внося взамен эти суммы на безработных. Подобные взносы предлагалось направлять по указанию начальников отделов РОВСа или в свои части, общества и союзы, или в тот центр, на который возложена организация помощи безработным. В заключении этого письма указывалось, что «принимая лично к руководству это предложение, генерал Миллер не будет отвечать на приветствия, если бы таковые и следовали вопреки настоящему извещению»⁶⁶.

Сам генерал Миллер высказывал надежду, что предстоящий год станет переломным и приведет к вскрытию социально-экономического нарыва в СССР, выздоровлению мирового организма и избавлению от «злокачественной заразы коммунизма». Он полагал, что режим Сталина приближается к своему тупику, что должно привести или к крушению всей коммунистической верхушки, либо к провалу всей системы. Считая, что «мировой экономический кризис, возможно, побудит коммунистов сделать последнюю и решающую ставку на мировую революцию», председатель РОВСа призывал своих сторонников к тому, чтобы «эта ставка была бита». Генерал Миллер утверждал, что русский народ продолжает прозревать и «надо принять все меры и оказать нашу помощь наиболее активным элементам в России, стремящимся к освобождению русского народа от коммунизма». Он призывал найти общий язык с национально настроенными кругами русского народа в СССР. «Мысли и пожелания» генерала к наступающему 1932 году завершались надеждой и призывом «вступить, наконец, на путь действительного единения внутри самой эмиграции», прекращения скандалов, поиска чужих ошибок, нетерпимости взглядов и т.п.⁶⁷

Последнее пожелание, высказанное генералом Миллером, свидетельствовало о продолжающихся процессах разброда и разложения эмиграции, которые не могли не затронуть и военную среду Русского Зарубежья. Мировой экономический кризис содействовал углублению этих негативных процессов, охватывая и пронизывая не только экономические и социальные, но и политические, культурные, психологические и иные сферы человеческого бытия. «То, что переживает теперь культурный мир, есть агония страшной психической эпидемии», - размышлял в своей книге о психологии революции и эмиграции, изданной в Белграде в 1931 году, известный российский ученый-психиатр и сам эмигрант Н.В. Краинский. Эта эпидемия длится уже 15 лет, - добавлял он. Весьма резко характеризовал он и процессы, происходившие в Русском военном Зарубежье: «Остатки Императорской армии охвачены гибельным бредом аполитичности и непредрешенства, совершенно и навсегда выводящим из строя. Эти доктрины стоят в противоречии со всею структурой психики и с биологией инстинкта самосохранения и самозащиты»⁶⁸.

А тем временем русская военная эмиграция связывала особые надежды с Дальним Востоком, где происходили бурные события, и именно здесь РОВС надеялся на достижение своих целей. Еще в августе 1930 года новый Начальник Дальневосточного отдела РОВСа генерал Дитерихс провел собрание представителей местной русской эмиграции. Он информировал о телеграмме генерала Миллера, где говорилось о собрании общественных деятелей для организации сбора средств и перевода в его (Дитерихса) распоряжение на поддержку борьбы с коммунизмом на Дальнем Востоке. Дитерихс подробно информировал о повстанческом движении на советском Дальнем Востоке. По его данным, шесть устойчивых, но плохо оснащенных оружием отрядов вели борьбу в Забайкалье под лозунгом «За советы без коммунистов». На Амуре действовало много маленьких отрядов, плохо снабженных и вооруженных. Они боролись под лозунгом «За советы без коммунистов, но со своим президентом». В Приморье, по словам Дитерихса, вели борьбу несколько прочно сбитых партизанских отрядов. При наличии оружия и материальной поддержки эти отряды могли бы приступить и к более широким операциям на Дальнем Востоке. По мнению генерала, идеи государства-буфера, идеи

сибиряков-областников, также как и иностранная поддержка, вполне приемлемы для свержения советской власти на Дальнем Востоке, что стало бы началом уничтожения ее по всей стране⁶⁹.

16 сентября 1930 года на дальневосточном совещании представителей эмиграции в Пекине были обсуждены планы взаимодействия в борьбе с советской властью и одобрено Положение о Дальневосточном объединении эмиграции⁷⁰. Архивные и иные документы и материалы начала 30-х годов, в частности, переписка генералов Миллера, Стогова, а также живших и действовавших на Дальнем Востоке генералов Хорвата, Главы русской эмиграции на Дальнем Востоке, Дитерихса, Бурлина и Ханжина, капитана I ранга Фомина, старшины Русской национальной общины в Шанхае, содержат интересную и разнообразную информацию о планах и действиях русской военной эмиграции этого региона и ее противоречиях.

Генерал Дитерихс, который наряду с Дальневосточным отделом РОВСа возглавлял и Дальневосточный отдел Фонда Спасения России, провел 19 апреля 1931 года совещание в Шанхае, где присутствовали представители организаций, ведающие сбором средств в указанный Фонд, а также чины РОВСа. М.К. Дитерихс выделил три течения среди военной эмиграции на Дальнем Востоке: активное, группирующееся вокруг РОВСа; легитимистов и примиренческое к советской власти. Приводя слова великого князя Кирилла Владимировича из его письма генералу Миллеру после похищения Кутепова, Дитерихс призвал к совместной борьбе с большевиками, указав, что местные представители легитимистов искажают волю своего главы, и запретил чинам РОВСа вести агитацию против легитимистов. Начальник Дальневосточного отдела РОВСа заявил, что объединение эмиграции необходимо и должно быть Национальным, а РОВС должен относиться к такому национальному объединению, как армия к народу. По его мнению, такое объединение было легче создать здесь на Востоке, чем на Западе⁷¹. Но реальное развитие событий отнюдь не свидетельствовало в пользу этого тезиса.

Военно-политические процессы на Дальнем Востоке приобрели качественно новый характер, когда в результате вторжения Японии в Маньчжурию осенью 1931 году и ее оккупации здесь возник очаг будущей Второй мировой войны. Японское командование и оккупационные власти заявляли о своем лояльном отношении к русским эмигрантам и готовности решать их правовые и другие проблемы, но в обмен требовали послушания и поддержки японской агрессии. Это привело к расколу российской эмиграции в Маньчжурии: часть ее пошла на сотрудничество с японцами, другая часть (среди них было много офицеров и чинов РОВСа) с недоверием и неприязнью отнеслись к японским оккупантам.

Ситуация в этом регионе и отношение Русского Обще-Воинского Союза к происходящим здесь событиям занимает важное место в документах РОВСа и переписке его руководителей в эти годы. В декабре 1931 года генералы Миллер и Стогов направляют циркуляр в адрес начальников отделов и военных организаций Союза в связи с тем, что в некоторых государствах безответственные лица проводят среди офицеров вербовку на Дальний Восток, пользуясь японо-китайским конфликтом и утверждая, что он открыл возможности для партизанских и более серьезных действий на советской территории Дальнего Востока. Безработица, голод и другие тяготы, обусловленные мировым экономическим кризисом, подталкивали эмигрантов к тому, чтобы откликнуться на эти призывы. Руководство РОВСа подчеркивало, что относится с недоверием к подобным призывам, именовало эту деятельность преступной и провокационной, связанной с выманиванием денег, и указывало, что она вносит разложение в Союз⁷².

В начале весны 1932 года генерал Дитерихс распространяет «Призыв к Белой Русской Эмиграции всего мира». В этом документе говорилось, что третий раз за последние годы Дальний Восток потрясается событиями, имеющими большое значение для белой эмиграции. В 1929 году произошло столкновение Китая и СССР (конфликт на КВЖД), но мы, констатировал Дитерихс, оказались разъединенными и без денег, чтобы выявить себя в деле и самостоятельно вступить в борьбу. Эмиграция ждала помощи от Китая, но ее не могло быть, указывалось в этом документе. В 1930 году развернулось

повстанческое и местное партизанское движение на Дальнем Востоке, но сбор средств дал только 5 тысяч долларов, а нужны были тысячи и сотни тысяч. В результате движение было подавлено. В настоящее время, указывал Дитерихс, происходит выступление японцев на Севере в соприкосновении с советскими интересами и нужен сбор средств для борьбы. Генерал Дитерихс считал необходимым собрать для успешной борьбы 1,5 млн. долларов⁷³.

В связи с воззванием генерала Дитерихса генерал Миллер направляет 17 марта 1932 года письмо в Берлин генералу фон Лампе, призванное рассеять сомнения последнего. «Мы - эмиграция должны быть сильны своей сплоченностью и имеющимися у нас средствами, - указывал председатель РОВСа, - чтобы представлять собою такую силу, которую интересно иметь союзником или попутчиком в борьбе с коммунистической властью». «Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы японцы, так или иначе, но при разрешении своей проблемы с СССР - первой втянули белую эмиграцию в борьбу», - настаивал генерал Миллер. «Будет ли это под флагом буфера, под нашим национальным флагом в результате восстаний местного населения, нами при помощи японцев поддержанного и разожженного в большой пожар, - безразлично», - продолжал он. «Наша задача первая - не строить Россию, - подчеркивал генерал, - а свергнуть советскую власть». А для этого нужны деньги, чтобы хотя бы начать мы могли не жалкими просителями, а реальной, сознающей свои силы стороной. Председатель РОВСа указывал, что, возможно, это последнее обращение генерала Дитерихса за деньгами, ибо, если их у него не будет, то «он по этой причине не в состоянии будет явиться интересным союзником для японцев», и «они решат свою задачу без нас». Тогда национальным элементам на Дальнем Востоке просто не будет места в деле борьбы с большевиками.

Генерал Миллер откровенно писал фон Лампе и о трудностях работы по сбору средств, ибо это нельзя разъяснять открыто и публично - «запротестуют гг. советчики», а возможно делать лишь в документах, не предназначенных для печати. Приходится недоговаривать в документах для широкого распространения, - «чтобы меня - председателя РОВСа не могли притянуть к ответственности, что я публично призываю к сборам для свержения признаваемой правительствами Франции и для Вас Германии - власти». В связи с вышеизложенным генерал Миллер пояснял позицию и тактику, избранную генералом Дитерихсом, который, якобы, выступает сам по себе на территории не то Китая, не то Международных концессий и подписывается персонально, а не как начальник отдела РОВСа. Все это делалось, чтобы не дать повода для протестов советских политиков и дипломатов.

Председатель Русского Обще-Воинского Союза сообщал генералу фон Лампе, что для интенсификации сбора средств для Дальнего Востока здесь при генерале Дитерихсе еще в 1930 году был создан самостоятельный отдел Фонда Спасения России для работы в этом регионе. Миллер не разделял суждения (или даже уверенности) Лампе, что воззвания не могут дать материального результата. Он опровергал и сомнения начальника II отдела, что Дитерихс действительно смог собрать до 5 тысяч долларов, а также высказанное Лампе предположение, что часть денег в таком случае дали «организации». Председатель РОВСа писал, что за последние полтора года у него в Париже было собрано и переслано более 100 тысяч франков, предназначенных жертвователями для Дальнего Востока. Причем он подчеркивал, что эту сумму составили мелкие личные пожертвования, добавляя: «Ни одна организация не дала ни гроша - да и не могла бы дать - все наши политические и общественные организации бедны, как церковные крысы».

Генерал Миллер убеждал фон Лампе в том, что дело сбора средств не так безнадежно, как тому представляется, но требует разъяснений и убеждений со стороны всех. Поэтому председатель РОВСа настаивал, чтобы фон Лампе всемерно активизировал работу по сбору средств для антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке. «У Вас имеется такой источник огня, могущего зажечь своим словом даже совсем остывающего человека, как И. А. Ильин», - писал генерал Миллер Лампе. Председатель РОВСа

расценивал задачу сбора и переправки средств эмигрантов в распоряжение генерала Дитерихса для борьбы с большевиками на Дальнем Востоке, как исключительно важную и экстренную. Миллер утверждал, что людской материал, во всяком случае на первое время, у генерала Дитерихса имеется, но чтобы использовать эти отряды на советской территории нужны деньги, на экстренном сборе и отправке которых он и настаивал. Когда решается такая задача, думать о том, что кризис не позволит кому-нибудь дать 5 франков (для Германии - это 1 марка, уточнял автор письма) - «смертный приговор нашей эмиграции», - подчеркивал председатель Русского Обще-Воинского Союза. Идея сбора средств среди эмигрантов для борьбы с СССР на Дальнем Востоке была поддержана и всемерно популяризировалась редакцией журнала «Часовой»⁷⁴.

Весной 1932 года в организации Русского Обще-Воинского Союза рассылается специальное циркулярное письмо, за подписью генерала Миллера, датированное 15 апреля и посвященное событиям на Дальнем Востоке. С основными положениями его надлежало ознакомить чинов этой организации. В этом документе указывалось, что рассчитывать на свержение советской власти внутренними силами без толчка извне не приходится. Ни одно пограничное с СССР государство не выступит против него с целью свержения коммунистического строя, если не последует каких-либо особых международных событий. В связи с этим именно Япония рассматривалась в качестве главного возможного союзника русских сил по борьбе с советской властью.

Столкновение Японии с СССР руководство РОВСа считало неизбежным. Призывая к сплочению и организации военной дальневосточной эмиграции, председатель РОВСа, вместе с тем, указывал в своем циркулярном письме, что «во-первых, русские действия в крупном масштабе для свержения советской власти на Дальнем Востоке немислимы без сговора с Японией и, во-вторых, что отсутствие такого сговора могло бы лишь увеличить последующую опасность для Русских интересов на Дальнем Востоке со стороны Японии». Миллер утверждал в связи с этим: «Япония, если сочтет для себя выгодным и своевременным, выступит против СССР и вне зависимости от сговора с Русскими национальными силами, но отсутствие такого сговора может лишь отягчить дальнейшее развитие России на Дальнем Востоке». «Пропустить такой исторический момент было бы равносильно преступлению перед Отечеством, - указывалось в письме. - Если мы не используем его, и Япония, без нашего участия, то есть без участия Русских национальных элементов, разрешит Дальне-Восточную проблему в узких пределах своих японских интересов, то можно опасаться, что в дальнейшем будет исключена всякая возможность применения в этих краях наших сил»⁷⁵.

Кризисная ситуация в международных отношениях в условиях мирового экономического кризиса и прежде всего развитие ситуации на Дальнем Востоке привлекали пристальное внимание и вызывали крайнюю обеспокоенность другого видного деятеля Российского военного Зарубежья и постоянного оппонента Русского Обще-Воинского Союза генерала Деникина. Добавим, что взаимоотношения названного генерала с РОВСом серьезно обострились с приходом к руководству этого Союза генерала Миллера, окружение которого подозревало Деникина в интригах против своей организации и в стремлении захватить руководство ею в свои руки. Оценивая эту ситуацию сегодня, очевидно, что Деникин к этому не стремился, но лидеры РОВСа пытались обыграть эту, якобы, существующую угрозу для сплочения Союза вокруг нового руководства.

Позиция генерала Деникина в отношении событий, происходивших на Дальнем Востоке в начале 30-х годов, соответствовала все тем же принципиальным установкам, которые он сформулировал еще несколько лет назад: 1) Русское воинство не может принимать участия в войне в рядах союзников и пособников большевиков, а также тех, кто поднимется для расчленения России; 2) Русское воинство должно принять самое широкое участие во всякой коалиции, имеющей целью освобождение России от большевиков; 3) Русское воинство должно беречь свою кровь, не ввязываясь в чужие распри и не жалеть жизни для русского дела. Именно это и должно было лечь, по утверждению Деникина, «в основу нашего отношения» к развертывавшимся событиям⁷⁶.

В мае 1932 года РОВС, как и в целом российская военная и политическая анти-большевистская эмиграция во Франции, пережил острый и опасный для себя момент, связанный с убийством русским эмигрантом, бывшим офицером П.Т. Горгуловым французского президента Поля Думера. Руководители эмигрантских организаций боялись, что на них будет возложена ответственность за убийство президента Франции, что приведет к соответствующим санкциям, и поспешили отмежеваться от убийцы, называя его кто сумасшедшим, кто - даже большевистским агентом. Кстати, по утверждению генерала Шатилова, незадолго до покушения к начальнику контрразведки РОВСа генералу Глобачеву поступило донесение от «Внутренней линии» о прибытии в Париж Горгулова, с точной характеристикой последнего, основываясь на которой можно было ждать от него самых невероятных преступлений⁷⁷. Впрочем, опасения руководителей эмигрантских организаций оказались напрасны. Репрессий со стороны французских властей в отношении русских эмигрантов не последовало. На похоронах президента Думера среди шести тысяч приглашенных были и руководители Русского Обще-Воинского Союза - Миллер, Кедров, Шатилов, а также ряд других генералов-эмигрантов. В итоге, по оценке руководящих деятелей РОВСа, доброжелательное отношение к русской эмиграции во Франции осталось почти прежним, правда, периодически полиция производила проверку документов эмигрантов, вызывая их в комиссариат, и возникли лишь некоторые осложнения для лиц, выезжающих за границу, при выдаче нансеновских паспортов⁷⁸.

Положение в возглавляемом генералом Миллером Русском Обще-Воинском Союзе было сложным. Сказывались разоблачительные скандалы второй половины 20-х годов и, наконец, похищение самого генерала Кутепова, что вызвало длинный шлейф слухов, обвинений, предположений и разбирательств. Все это вело к деморализации эмиграции и в том числе военной ее части, растущему неверию в возможность реванша и свержения советской власти. Эмигранты и в том числе бывшие военные все более погружались в вопросы собственного жизненного обустройства на новых местах жительства. Потеря жизненной перспективы, трудности жизни и быта, тревога за детей и близких - все это создавало в конечном итоге и благоприятные возможности для агентурно-вербовочной работы советских спецслужб среди эмигрантов. Понимая это и стремясь противостоять подобным действиям, генерал Миллер, сам имеющий большой опыт работы в системе военной разведки, создал в РОВСе, как уже упоминалось, еще в октябре 1930 года небольшой контрразведывательный отдел, который возглавлял генерал Глобачев. Но похвастаться сколько-нибудь крупными разоблачениями советских агентов ему было не суждено.

1932-й год, на который возлагал такие надежды, как уже упоминалось выше, генерал Миллер, привел к финансовому краху организации. Дело в том, что основные денежные средства РОВСа были вложены в широко рекламируемую и считавшуюся весьма надежной и высокодоходной организацией - спичечную империю шведского предпринимателя Ивара Крегера. Но в действительности дела этого спичечного короля шли трудно, и в 1932 году империя лопнула, как карточный домик. Сам И. Крегер застрелился 12 марта 1932 года в своих роскошных парижских апартаментах, а потери Русского Обще-Воинского Союза составили 7 миллионов франков. Удалось сохранить лишь несколько сот тысяч активов РОВСа, невложенных в империю Крегера.

Разорение Русского Обще-Воинского Союза стало умелой операцией советской разведки, которая, зная о трудном положении шведского спичечного короля, убедила через подставных лиц руководство РОВСа вложить все деньги в это предприятие. Еще в 1922 году на службу к большевикам пришел Владимир Петрович Багговут-Коломийцев. Способный финансист, он побывал в СССР, высоко ценился руководством Высшего совета народного хозяйства. Работая за границей, Багговут-Коломийцев установил тесные связи с английскими деловыми кругами. Стал одним из ближайших сотрудников Крегера. Зная его тяжелое положение дел, советский агент способствовал через третьих лиц помещению денег РОВСа именно к Крегеру, и в результате деньги организации рассеялись как дым⁷⁹.

Так или иначе, но период руководства генералом Миллером Русским Обще-Воинским Союзом был связан с нараставшими, как снежный ком, проблемами и кризисными явлениями. /Для всех и прежде всего членов организации была очевидна низкая эффективность ее деятельности, росло неверие в ее будущее и, соответственно, недоверие руководству РОВСа. Отказ от активной боевой работы на советской территории и нежелание генерала Миллера идти на риск вызывали недовольство и протесты радикально настроенных офицеров и генералов. Надежды на внутренний взрыв советской империи не оправдывались. Массовые протесты и повстанческое движение крестьянства, чей пик пришелся на первую половину 1930 года, в дальнейшем стремительно пошли на убыль. Органам советской власти и ее силовым структурам удалось, несмотря на трудности, сохранить контроль над ситуацией в стране и вскоре восстановить его в полном объеме. Военная же эмиграция погружалась в болото скандалов, разборок, слухов, взаимного недоверия.

Уже в 1932 году и в последующие годы в самом Русском Обще-Воинском Союзе и на страницах эмигрантской печати развернулась дискуссия о его деятельности, стратегии, тактике и результативности работы, взаимоотношениях с другими эмигрантскими организациями, о действиях руководителей Союза, в адрес которых нередко высказывалась весьма нелицеприятная критика. В разгоравшиеся конфликты все активнее втягивался генералитет.

23 февраля 1932 года приказом генерала Миллера был исключен из РОВСа бывший начальник группы Союза в Лионе генерал Д.П. Мельницкий. Основанием для исключения явилось выдвигание им обвинений против своего начальника, оказавшихся, как говорилось в приказе, необоснованными, а также распространение ложных, порочащих начальника сведений. Этим начальником являлся никто иной, как руководитель I отдела РОВСа генерал Шатилов. Но исключением Мельницкого из Союза дело не кончилось. Грубые нападки, доходящие до прямых оскорблений, приводят к тому, что генерал Шатилов вызывает генерала Мельницкого на дуэль, которая дважды переносилась. Дуэль должна была состояться в княжестве Монако. Руководителем поединка должен был стать генерал Кусонский, занимавший должность помощника начальника военной канцелярии РОВСа, а за дуэльные pistols отвечал генерал Скоблин (командир Корниловского ударного полка и одновременно секретный агент ИНО ОГПУ). Он же должен был доставить на своей машине к месту дуэли и обратно генерала Мельницкого и его секунданта. Но, в конце концов, это скандальное дело закончилось тем, что Мельницкий принес письменное извинение, которое было опубликовано в журнале «Часовой»⁸⁰.

30 апреля 1932 года приказом председателя Русского Обще-Воинского Союза из него был исключен генерал П.С. Махров, видный в прошлом деятель РОВСа. Он возглавлял, напомним, III отдел, а затем Польско-Прибалтийский отдел Союза в 1924 - 25 годах. Поводом для исключения стало его сотрудничество с февраля 1932 года в органе Союза Младороссов газете «Младоросская Искра». 26 февраля того же года состоялась его личная встреча и двухчасовая беседа с генералом Миллером, который пригласил Махрова, учитывая его прежнее высокое положение в РОВСе. Миллер пытался убедить в необходимости прекращения сотрудничества с младороссами, учитывая их неприемлемую для Союза политическую позицию. Затем они обменялись письмами. И, тем не менее, генерал Махров не отказался от сотрудничества с младороссами и их газетой. 21 апреля 1932 года районное правление «Общества Русских Офицеров Генерального Штаба» во Франции приняло решение о недопустимости его дальнейшего пребывания в Союзе, но предложило, чтобы он сам заявил о выходе. Но Махров отказался, и тогда 26 апреля состоялось решение об его исключении, на основании которого и был издан приказ председателя РОВСа.

В ответ генерал Махров публикует в эмигрантской печати открытые письма генералам Миллеру и Драгомирову, а в газету «Новое Русское Слово» направляет материал «За что меня исключили из Русского Обще-Воинского Союза (письмо в редак-

цию)». РОВС, оставаясь организацией аполитичной, продолжает жить идеями белого движения, а его руководители, утверждал автор, ведут политику на свой страх и риск.

Но за 12 лет многое изменилось в России, выросло новое поколение, исключительные сдвиги произошли и в самой коммунистической партии. За эти годы многое изменилось и в Европе. Новые политические движения ищут новые ценности, выход из тупика. Но в РОВСе «непредрешенная политика» руководителей получила характер «окаменелости». Для них за 12 лет, по мнению Махрова, ничего не изменилось. Особенно это проявилось в событиях на Дальнем Востоке, где налицо готовность идти против Красной армии и русского народа вместе с японцами. Когда в марте 1932 года генерал Деникин сделал доклад по дальневосточному вопросу, стремясь выявить грани между патриотами и предателями, это вызвало смятение руководства РОВСа с его пораженческой политикой. Оно предприняло попытки свести на нет его выступление, а журнал «Часовой» опубликовал грубую статью против Деникина. Тогда Махров, разделяя его взгляды, поместил свое письмо в «Последних Новостях», озаглавив его «"Часовой" о выступлении ген. Деникина», и в младоросской «Искре» под названием «Интервенция». Он полагал, что следует быть русскими и бороться только с нынешним русским правительством, как в Гражданскую войну, преступно толкать молодежь на выступления авантюристического характера на стороне врагов России. Эта критика и явилась подлинной причиной его исключения из РОВСа, утверждал генерал Махров⁸¹.

В это же время разгорался острый конфликт в Чехословакии между начальником VI отдела генералом Ходоровичем и офицерскими союзами и прежде всего галлиполийцами. Побывавший там по поручения председателя РОВСа генерал А.П. Архангельский крайне негативно оценивал сложившуюся в Чехословакии ситуацию и деятельность упомянутого начальника отдела, характеризуя его как противника активности, человека «мертвого» и указывая, что у него, с другой стороны, нет чувства такта, элементарной осторожности. «Склеить» отношения конфликтующих сторон было уже невозможно⁸². В результате VI отдел был реорганизован в подотдел в Чехословакии и включен в состав III отдела РОВСа, хотя у начальника последнего - генерала Абрамова это не вызывало никакого энтузиазма.

В происходивших в эмиграции дискуссиях широко обсуждались вопросы состояния и результатов работы Русского Обще-Воинского Союза и в том числе вновь и вновь поднималась проблема так называемой «активной работы», направленной против СССР. Начальник военной канцелярии РОВСа генерал Стогов в доверительном письме генералу Абрамову 28 июля 1932 года, размышляя об «активизме», как о конспиративной работе в СССР, доказывал, что давно пора прийти к тому, что было при великом князе Николае Николаевиче, когда А.П.К. (генерал Кутепов), докладывал ему в присутствии А.С.Л. (генерала Лукомского), кн. Н.Л.О. (князя Оболенского) и М.Н.С. (генерала Скалона) о способах и методах борьбы. Именно в таком случае, по мнению Стогова, и могло бы выясниться, что могут делать «местные начальники» и в первую очередь начальники отделов. В письме затрагивались и другие вопросы так называемого «активизма», т.е. выступления на собраниях, деятельность информационной части и (может быть) генерала Глобачева с его отделом⁸³.

В октябре 1932 года начальник III отдела и заместитель председателя РОВСа генерал Абрамов высказался за реорганизацию управления Союза и прежде всего в пользу радикального сокращения центрального аппарата, в том числе за упразднение аппарата Драгомирова и Глобачева, совмещение с целью сокращения расходов начальника I отдела и начальника штаба РОВСа. В данном случае речь шла персонально о генерале Стогове, а под сокращение попадали бы также уже упомянутые генералы Драгомиров и Глобачев. При этом сокращении Абрамов считал возможным создание Осведомительного бюро, которое будет заниматься информационной и политической работой. Генерал Абрамов ставил и вопрос об омоложении управленческого персонала, выдвижения молодых, требующих к тому же и меньших затрат, чем старики⁸⁴.

В ноябре того же года шесть начальников воинских частей, присутствовавших на созванном генералом Миллером совещании для обмена опытом так называемой «ак-

тивной работы» указали на неправильность и неумелость руководства этой работой, большие и безрезультатные траты средств. Высказанная точка зрения была поддержана всеми участниками совещания, кроме генерала Драгомирова, непосредственно отвечавшего в РОВСе за эту работу, и генерала Миллера⁸⁵. Последний был убежден, что «активная работа» в ее старом понимании и с характерной ей тактикой устарела. Он считал главным не шумные эффекты, связанные с террористической деятельностью в СССР, а призывал ехать и действовать там без шума и надолго, настаивал на необходимости создания на советской территории ячеек сочувствующих, отказываясь от заманчивой идеи входить в связь с уже готовыми, существующими там организациями.

Руководство Союза пыталось использовать для сплочения РОВСа и укрепления единства военной эмиграции юбилейные даты в истории Белого движения. Таковыми становятся 15-летия основания Добровольческой армии и ее Первых походов. И вместе с тем, эти события и подготовка к их празднованию вызвала новый раунд дискуссий в эмиграции и прежде всего в ее военной среде. Одним из поводов для этого стала попытка создания группой бывших военнослужащих Добровольческой Армии так называемого «Союза Добровольцев». Генерал Миллер и его окружение заподозрили в этом недобрые происки в отношении РОВСа генерала Деникина и его сподвижников. В связи с этим Е.К. Миллер направил А.И. Деникину специальное письмо с приложением устава «Союза Добровольцев».

9 ноября 1932 года датируется ответное письмо генерала Деникина. Он сообщал, что разговаривал по поводу «Союза Добровольцев», но с его уставом познакомился только по копии в письме председателя РОВСа. Автор письма подчеркивал, что в этом эпизоде усматривает не злонамеренность отдельных лиц, а нечто более серьезное - внутренний кризис, переживаемый Русским Обще-Воинским Союзом: «Р.О.В.С, существованию которого я придаю большое значение в силу возможностей активной борьбы и в целях поддержания в моральном и в материальном отношении заброшенного на чужбину воинства, переживает тяжелый кризис». Деникин указывал, что сам факт его существования нервнрует правящие круги Союза, а для умаления его лица порочилась и идея борьбы, что вызывало соответствующий протест в военной среде. Каждое собрание, посвященное памятной годовщине борьбы, сопровождается трениями, подозрениями и интригами, и это вновь происходит вокруг 15-летия основания Добровольческой Армии. Правда, автор письма оговаривался, что не относит сказанное персонально к своему адресату, но это является делом чьих-то злонамеренных рук. В заключении своего послания Деникин отказывался вмешаться в происшедший конфликт в предлагаемой форме одностороннего публичного осуждения «Союза Добровольцев», но обещал сообщить свою точку зрения его организаторам «в твердой уверенности, что они посчитаются с ней и не предпримут никаких шагов, которые могли бы подорвать существование РОВСоюза»⁸⁶.

13 ноября 1932 года в помещении Галлиполийского Собрания в Париже состоялся банкет, посвященный 15-летию создания Добровольческой армии. Выступивший с речью председатель РОВСа генерал Миллер призвал вспомнить имена и образы основателей Белого Движения - адмирала Колчака, генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Маркова, Врангеля, Кутепова. Создание и укрепление РОВСа явилось, по его словам, небывалым чудом в истории народов, ибо воинские союзы были созданы не только для помощи друг другу, но и другим организациям и для продолжения борьбы с большевиками. С приветствиями к соратникам обратились генералы Юденич, Скоблин, Шатилов и атаман Донского войска Богаевский, а также вице-адмирал Кедров, было зачитано поздравительное письмо от отсутствующего генерала Деникина⁸⁷.

В начале 1933 года военная эмиграция отметила 15-летие Первых походов, инициаторами празднования выступили Союзы 1-го Кубанского похода, Дроздовского и ряда других полков. Вместе с тем, имела место и сложная интрига, связанная с тем, в чьих руках окажется организация празднования и кто будет играть здесь ключевую роль - председатель РОВСа генерал Миллер или считавшийся его главным оппонентом генерал Деникин. Миллер обратился с письмом к Деникину, в котором призвал его ор-

ганизовать совместное торжество, которое откроет Миллер, а затем выступит Деникин. Последний согласился с этим предложением, а затем развернулись трудные переговоры, предшествовавшие празднованию⁸⁸.

В это время начальник I отдела РОВСа генерал Шатилов выступил с инициативой образования Национального центра эмиграции. Он изложил смысл и необходимость его создания в письме заместителю председателя РОВСа и начальнику его III отдела генералу Абрамову 5 января 1933 года. По мнению Шатилова, после смерти великого князя Николая Николаевича в эмиграции исчез облик Политического центра. РОВС не является таковым, что связано с личностью генерала Миллера, малопопулярного в эмигрантской среде. Шатилов настаивал на достижении секретного сговора с «небольшим числом влиятельных руководителей эмигрантских организаций». Инициатива здесь должна принадлежать РОВ-Су, а маленький секретный совет должен выработать тактику единого центра, начать негласные переговоры с представителями эмиграции и правительств Румынии, Югославии и Болгарии. Необходимо выработать положительную политическую программу, ибо таковой пока нет. Генерал Шатилов сообщал, что он говорил об этом с Миллером, тот положительно отнесся к его предложению, но дальше этого дело не пошло. Шатилов писал, что он встречался с генералом Н.В. Саввичем, опытным политическим деятелем. Тот высказался в пользу создания Политического национального центра, признав особую роль в этом РОВСа, как самой крупной эмигрантской организации, но добавил, что генерал Миллер, в силу отсутствия необходимых качеств и авторитета в политических кругах эмиграции, не сможет руководить этим центром. Шатилов высказал сожаление, что Миллер стоит во главе РОВСа, и писал, что если бы его руководителем был генерал Абрамов, то он мог бы стать и руководителем Национального центра.

14 января Шатилов пишет Абрамову новое письмо, в котором сообщает о совещании, состоявшемся у генерала Миллера. Шатилов, которого поддержал и генерал Драгомиров, высказался за создание Центра при генерале Миллере на манер бывшего Особого совещания и призвал для этого пригласить к себе для обсуждения важных вопросов квалифицированных и известных в эмиграции людей. Но совещание не завершилось каким-либо результатом, и генерал Шатилов резюмировал, что в итоге он убедился в несоответствии Миллера для руководства большим делом при условии взятия на себя большой ответственности. «Несмотря на скромность Е.К. (Евгения Карловича - В.Г.), он не хочет сдавать своих позиций и хочет при развитии событий в России во что бы то ни стало оказаться в центре событий, по крайней мере, в эмиграции», - подводил итог своим размышлениям генерал Шатилов⁸⁹.

В феврале 1933 года генерал Миллер неожиданно заболел. Возникшее нагноение на верхней губе превратилось в карбункул, держалась высокая температура. Пошли слухи, что у него началось заражение крови. Для консультаций был срочно вызван профессор Алексинский, который сделал впрыскивание и положил Миллера в русскую клинику Нейна, где можно было сделать быструю операцию в случае необходимости. В результате председатель РОВСа не смог принять участие в праздновании 15-летия Первых походов. Поэтому на главном торжестве его заменял вице-адмирал Кедров, и здесь не обошлось без интриги: Кедров, как утверждал Шатилов в своем письме в Берлин генералу фон Лампе, хотел провозгласить первый тост за присутствовавшего на банкете генерала Деникина, и начальник I отдела с трудом убедил его провозгласить первый тост за больного председателя РОВСа⁹⁰.

Заметим, что вышеупомянутая история с «Союзом Добровольцев» имела свое продолжение. 30 апреля 1933 года генерал Миллер направил в отделы РОВСа специальный циркуляр №380, в котором уведомлял, что в сентябре 1932 года в Париже без его разрешения и ведома был создан «Союз Добровольцев», не входящий в состав Русского Обще-Воинского Союза. Указанный Союз преследовал те же цели, что и РОВС, почти полное совпадение демонстрировали и положения его Устава. Он привлекал в свои ряды всех добровольцев, участников борьбы с большевиками на всех белых фронтах. Таким образом, «Союз Добровольцев» представлял собой, по мнению генерала

Миллера, организацию как бы параллельную с РОВСом, но независимую от него. При успехе своей деятельности эта организация могла отвлечь часть членов РОВСа. Поэтому генерал Миллер запрещал чинам возглавляемого им Союза входить в «Союз Добровольцев», а те, кто уже записались, должны были выйти из него или из РОВСа. В письме генералу Абрамову 1 мая председатель РОВСа добавлял, что генералу Неводовскому за создание сначала Объединения, а затем Союза Добровольцев был объявлен устный выговор генералом Эрдели, председателем Союза Офицеров-Участников Войны⁹¹.

Вместе с тем, в личной переписке ближайших сподвижников Миллера - генералов Абрамова и Стогова в это время высказываются серьезные сомнения в целесообразности подобного распоряжения председателя РОВСа, ибо пока за ним (Союзом Добровольцев) ничего нет, кроме отдельных лиц, а «воспрещение» заставит публику заинтересоваться, в чем дело. Очевидно, эти сомнения дошли до генерала Миллера. 25 мая в письме в Софию генералу Абрамову он подробно описывает развитие событий вокруг «Союза Добровольцев» и генерала Деникина на протяжении нескольких месяцев, доказывая правомерность и целесообразность своих действий⁹². Но все происшедшее еще более осложняло общую ситуацию в эмиграции, и в частности в ее военной среде, обостряло межличностные отношения ее лидеров и видных деятелей.

Одним из организаторов атак на Русский Обще-Воинский Союз и его руководство выступает в 1933 году парижская эмигрантская газета «Единый Фронт», редактируемая старшим лейтенантом флота в отставке А. Павловым. Она из номера в номер публикует резкие материалы, направленные против генералов Миллера и Шатилова, о характере которых говорят даже названия статей: «Черные маршалы серого возглавителя», «Долой Шатилова» или «Судите Шатилова сами», и т.п. Речь в них шла не только о современной деятельности этих руководителей РОВСа, но и высказывались обвинения в их адрес, относящиеся к периоду Гражданской войны. Генерала Миллера обвиняли в бегстве из Архангельска, предательской сдаче Северной области и вверенных ему войск в феврале 1920 года, а Шатилова - в незаконном присвоении чина (генерал-майора) и ордена, а также в том, что он вел предательские переговоры с Троцким о сдаче в Крыму.

Высказывая критику в адрес руководства Русского Обще-Воинского Союза, «Единый Фронт» выдвинул идею проведения съезда РОВСа со следующей программой: 1) персонально обсудить фигуру главнокомандующего и председателя Союза; 2) создать при нем совет, чтобы подготовить всевоинский съезд для выработки единомыслия, чтобы помочь России и друг другу и решить, что делать в случае «непредвиденных катастроф»; 3) организовать для желающих добровольные курсы политической грамотности и социальных наук; 4) войти в общение с достойными уважения русскими общественными организациями и французскими благотворительными обществами, чтобы: а) снять или построить в Париже бараки для русских безработных, снабдить их топливом и походными кухнями; б) открыть питательные пункты - столовые и кооперативные лавки; в) получить 1-2 деревни на юго-западе Франции, которые покинуты населением. Речь шла и об улучшении положения русских рабочих на французских заводах и 4000 русских шоферов. «Единому фронту трудящихся и военных нужен здоровый тыл», - подчеркивала газета. Она указывала, что в съезде РОВСа могут принять участие все военные⁹³. Свои атаки на руководство Союза указанное издание продолжает и в последующие годы.

Генерал Миллер, в свою очередь, в приказе Русскому Обще-Воинскому Союзу от 18 апреля 1933 года⁹⁴ охарактеризовал публикации «Единого Фронта», как пасквиль. Констатируя, что старший лейтенант Павлов находится в отставке и его дело как гражданского лица не может быть рассмотрено судом чести «Военно-Морского Союза», генерал запрещал ему входить в учреждения РОВСа, а чинам Союза воспрещалось входить в сношения с ним.

На стороне руководства Русского Обще-Воинского Союза в это время развернувшихся дискуссий, сопровождавшихся нелюбезными обвинениями, выступают в первую очередь такие эмигрантские издания, как газета «Возрождение» и журнал «Ча-

совой». В 1933 году в этом журнале появилась даже специальная рубрика «В защиту достоинства Русского Обще-Воинского Союза». Кстати, в № 106 журнала «Часовой» публикуется и интересная беседа с бывшим секретарем Сталина Б.Г. Бажановым, посвященная деятельности Иностранного отдела ОПТУ. В ней указывалось, с одной стороны, на возрастающую роль ИНО в последние годы (который, по утверждению, Бажанова, поглотил всю военную разведывательную работу, которую ранее вело Разведывательное управление РККА, но и все более выполняет подготовительную работу революционного характера, лежавшую ранее на «братских компартиях» разных стран), а с другой стороны, - на то, что именно РОВС является центральной мишенью агентов ИНО, которые стараются, в том числе, подорвать единство и авторитет Союза⁹⁵.

Этот же аргумент активно пытался использовать и председатель РОВСа генерал Миллер. 15 апреля 1933 года в письме генералу Абрамову он подчеркивал, что давно предупреждал подчиненных начальников о состоявшемся постановлении заграничного ГПУ - ввести в русские заграничные организации своих чекистов и разложить организации изнутри. Жизнь, писал генерал, подтверждает правильность этого утверждения: со всех сторон появляются лица, стремящиеся любыми путями посеять рознь, причем происходит это не только в Европе, но и в других регионах мира. В доказательство этого Миллер ссылался на письмо, поступившее в его адрес с Дальнего Востока⁹⁶.

В это же время предметом обсуждения и острой критики в РОВСе продолжала оставаться активная работа Союза против СССР. В мае 1933 года пять начальников частей 1-го армейского корпуса подали генералу Миллеру меморандум о необходимости преобразования всего аппарата, который вел активную, секретную работу против СССР. По их мнению, существующий аппарат был пригоден только для ведения разведки, связи и для довольно слабой пропаганды, а не для боевой работы против большевиков. Тем более, что этот аппарат, руководимый генералом Драгомировым, действовал, по их утверждению, безотчетно и бесконтрольно. Осенью того же года, эти вопросы стали предметом обсуждения генерала Миллера с прибывшими по его вызову в Париж начальниками III и IV отделов РОВСа⁹⁷.

В этой обстановке острых споров и конфликтов, связанных с деятельностью Русского Обще-Воинского Союза, периодически все же проявлялись и некоторые обнадеживающие тенденции, предпринимались шаги, направленные на привлечение в его состав новых членов. Например, 30 апреля 1933 года был издан циркуляр генерала Миллера, в соответствии с которым разрешалось зачислять членами и сореволюционерами РОВСа лиц, никогда в Армии не служивших, но за годы эмиграции сроднившихся с идеологией Союза и внутренней жизнью армейских групп на местах. Их зачисление в ряды РОВСа производилось начальниками отделов по ходатайству начальников армейских групп⁹⁸.

3 августа 1933 года начальник военной канцелярии Русского Обще-Воинского Союза генерал Стогов направил письмо генералу Абрамову, в котором обращал внимание на некоторые наметившиеся позитивные сдвиги в отношениях к РОВСу со стороны организаций легитимистов. Это касалось прежде всего Союза Младороссов, стремившегося, по утверждению автора письма, приблизиться к Русскому Обще-Воинскому Союзу и установить с его представителями нормальные отношения, отказавшись от нападков и наскоков в отношении РОВСа. Стогов ссылался на публичное выступление главы Союза Младороссов А.Л. Казем-Бека на собрании в Париже 22 мая 1933 года, в котором, в частности, указывалось: «Даже и не сочувствуя политической линии верхов РОВСоюза, Младороссы готовы оказать ему в его охранительной роли полную поддержку». При этом лидер указанной организации подчеркивал, что члены его Союза являются продолжателями борьбы, начатой на Юге России первыми вождами. Генерал Миллер получил от Казем-Бека приглашение пожаловать на собрание парижских очагов Союза Младороссов, в котором указывалось, что после преступления Горгулова, тяжело отразившегося на всей эмиграции, он не считает возможным развитие каких-либо тяжб в нашей зарубежной среде. Казем-Бек особо оговаривался, что не имеет никакого отношения к старшему лейтенанту Павлову и его кампании против РОВСа. В

ответном письме Казем-Беку генерал Миллер сообщал, что не будет в Париже во время проведения собрания Младороссов, но поддержал высказанную ранее своим адресатом точку зрения о вреде всех тяжб в зарубежной общественной среде.

В послании генерала Стогова Абрамову содержалось указание на тот факт, что в Югославии после нескольких лет неприязненных отношений состоялась встреча генерал Барбовича с одним из видных деятелей легитимистов и руководителей Императорской Армии и Флота генералом Апухтиным. В ходе нее стороны пришли к мысли о необходимости избегать публичных выпадов и нападок в печати на воинские организации и их возглавителей, что, вместе с тем, не означало уступок или компромиссов в идеологии. Здесь же автор письма, с сожалением вспоминал распоряжение одного из руководителей легитимистов на Дальнем Востоке генерала Жадвойна, запрещавшее чинам этих организаций бывать на собраниях инакомыслящих, и констатировал, что чинам РОВСа, идя навстречу желанию прекратить выпады против своего Союза, надо не забывать уроков прошлого. В завершающей части письма генерал Стогов указывал, что генерал Миллер подтвердил свое неоднократное распоряжение о запрете чинам РОВСа делать выпады против русских зарубежных организаций, ведущих борьбу против советской власти, если только «они не являются отповедью на наскоки с их стороны»⁹⁹.

Тем временем, в процессе нарастающего кризиса в Русском Обще-Воинском Союзе явственно выявлялись самые разные точки зрения, тенденции и личные амбиции. Это в полной мере касалось, например, начальника I отдела РОВСа генерала Шатилова. Он был одним из самых энергичных и думающих руководителей РОВСа, серьезно размышлявших над процессами, происходившими в Союзе, способами и вариантами преодоления кризисных явлений и повышения роли этой организации в жизни военной эмиграции и в борьбе с большевиками. Шатилов весьма невысоко оценивал действующего председателя РОВСа генерала Миллера, и, как явствует из его личной переписки, хотел бы видеть на этом месте генерала Абрамова, который, впрочем, не испытывал никакого желания занять эту должность. Оппоненты Шатилова часто обвиняли его в том, что он, в силу личных амбиций, сам хотел бы возглавить РОВС.

Добавим, что генерал Шатилов использовал в своих интересах «Внутреннюю линию» РОВСа и ее возможности для контроля над ситуацией в Союзе и подчинения родственных ей организаций, а также для укрепления своих позиций и борьбы с оппонентами. Последние, в свою очередь, требовали от руководства РОВСа и его председателя ограничить личные амбиции этого радикально настроенного генерала и запретить ему выступать от имени всей организации. Так или иначе, но именно генерал Шатилов, возглавлявший важнейший отдел Русского Обще-Воинского Союза, живший и действовавший в Париже, центре РОВСа и российской эмиграции, где сходились многие ее жизненные нити, постепенно превращался в главную фигуру в руководстве Союза для столкновения разных позиций, нарастающей и все более жесткой критики.

Осенью 1933 года острота дискуссии вокруг фигуры Шатилова достигает своего пика. Он сам в личной переписке серьезно размышлял о своем уходе с поста руководителя I отдела РОВСа, также как и о настроении, и готовности генерала Миллера принять решение об освобождении его с этой должности для преодоления серьезного внутреннего кризиса в Союзе. Но сам председатель РОВСа в это время еще не принял определенного решения в отношении генерала Шатилова. С одной стороны, Миллер еще летом не исключал возможности передачи в его руки руководства всей «активной работой» в СССР вместо генерала Драгомирова. Но, с другой стороны, до председателя РОВСа доходила информация о закулисной деятельности и интригах генерала Шатилова, как против генерала Драгомирова, так и против него самого. Пройдет несколько лет и в мартовском (1936 года) письме генералу Абрамову Миллер недоуменно (или, напротив, сознательно, зная о доверительных отношениях между Абрамовым и Шатиловым) задаст ему вопрос, почему, отказавшись в 1930 году от руководства предлагавшейся ему особой (секретной) деятельностью против СССР, Шатилов создал в 1933 году за его спиной из чинов РОВСа специальную организацию и пытался организовать работу, дублирующую деятельность генерала Драгомирова и вносящую дух разложе-

ния в Союз¹⁰⁰. Речь шла о деятельности «Внутренней линии», чем дальше, тем больше становящейся притчей во языцах.

Одним из острых вопросов, вызвавших широкое обсуждение в рядах русской военной эмиграции в 1933 году, стало дело генерала А.В. Говорова, возглавлявшего во Франции отдел Союза Участников 1-го Кубанского, генерала Корнилова, Похода. В августе 1933 года генерал Шатилов и председатель Главного правления названного Союза генерал Казанович приходят к заключению о необходимости замены генерала Говорова в качестве председателя отдела Союза Первопоходников во Франции. Но 1 октября 1933 года общее собрание чинов этого Союза во Франции высказывается в пользу сохранения генерала Говорова на этом посту и протестует против действий Шатилова. Но это являлось нарушением приказа № 53 генерала Врангеля от 1924 года о том, что должности председателей воинских организаций замещаются по назначению. К тому же, генерал Говоров вынес этот вопрос на публичное обсуждение, выступив на страницах газеты «Последние Новости».

В результате 17 октября 1933 года генерал Говоров был исключен приказом генерала Миллера из Русского Обще-Воинского Союза «за выступление явно антидисциплинарного характера, вносящее раскол в ряды РОВС». Но 30 октября последовало заявление генерала Деникина, почетного председателя Союза Участников 1-го Кубанского, генерала Корнилова, Похода, о выходе отдела Союза Первопоходников во Франции из РОВСа. Председатель Главного правления этого Союза генерал Казанович, проживавший в Белграде, выразил сожаление по поводу заявления Деникина¹⁰¹.

Этот вопрос стал предметом полемики в РОВСе и в среде военной эмиграции в целом, ибо он грозил подорвать единство и организационные основы Союза. Тем более, что, напомним, сам генерал Деникин не был членом РОВСа, но постоянно рассматривался руководством этой организации в качестве той фигуры, которая может быть призвана к руководству Союза внешними силами в условиях его серьезного внутреннего кризиса. И на этом активно играл, например, генерал Шатилов, призывая к сплочению РОВСа и в том числе на антиденикинской основе. В конце концов, эта ситуация разрешилась следующим образом: председателем французского отдела Союза Участников 1-го Кубанского Похода был назначен 4 ноября 1933 года генерал от кавалерии Эрдели, а 15 ноября в соответствии с приказом начальника I отдела РОВСа генерала Шатилова на общем собрании участников Союза Первопоходников во Франции было избрано новое Правление этой организации. Так или иначе, но даже формальное разрешение этого вопроса не снимало всю остроту обнаружившихся острых разногласий в военной эмиграции и в РОВСе как ее ведущей и крупнейшей организации.

Осложнялись взаимоотношения Русского Обще-Воинского Союза и журнала «Часовой». По мнению Шатилова, которое он изложил в письме генералу фон Лампе в Берлин 30 ноября 1933 года, «Часовой» перестал быть официозом РОВС и превратился в орган его редактора - капитана В.В. Орехова: «РОВС - это Орехов, другого направления лиц там нет». Шатилов утверждал, что ни Миллер, ни Стогов не обращают, к сожалению, внимания на политическое содержание журнала (частично финансируемого, напомним, РОВСом), никаких директив ему не дается. «Орехов - флюгер и оппортунист», - писал генерал Шатилов, главное для него - деньги. Характеризуя отношение ряда руководителей РОВСа к журналу «Часовой», Шатилов утверждал, что генерал Абрамов разделяет его мнение, несколько более благоприятное отношение к этому изданию у генерала Барбовича, а положительно к «Часовому» относится вице-адмирал Кедров, ибо журнал уделяет большое внимание возглавляемому им Морскому Союзу, без которого тот не может существовать и нуждается в его поддержке. Как резюмировал свое личное мнение генерал Шатилов: «Я не буду жалеть, если «Часовой» кончит свое существование»¹⁰².

Глубокие кризисные явления в мире и в Русском Зарубежье вызывали острую полемику среди эмигрантов и разнообразие суждений. «И среди этого ужаса и хаоса, я убежден, большинство из вас не утратили Веру в Бога, в Россию, в грядущее Ее воскресение, не потеряли волю к борьбе с заклятым врагом России и готово всегда пожертво-

вать жизнью своей на благо дорогой Родины», - писал, обращаясь к своим соратникам 15 августа 1933 года в связи с выходом в свет первого номера «Вестника Общества Галлиполийцев», командир 1-го армейского корпуса генерал Витковский. Видный эмигрантский публицист В.М. Левитский, тесно сотрудничавший с РОВСом, в своей статье «Крестьянская война в СССР и задачи эмиграции» указывал, что «равнодушные толпы эмиграции к кровавой борьбе на русской земле становятся зловещим». Лозунг «Позовут - пойдем, а до политики нам нет дела - самообман», - доказывал он. Но оба - и Витковский, и Левитский признавали растущую роль СССР в мире и мировой политике и с горечью констатировали, что за рубежом находится немало желающих сотрудничать с ним и использовать его в своих интересах¹⁰³.

Внутренний кризис в Русском Обще-Воинском Союзе был органично и неразрывно связан с возможностями, проблемами, трудностями и перспективами борьбы против СССР. Этим вопросам был посвящен ряд важных внутренних документов РОВСа, относящихся к данному периоду времени. Одним из них становится записка под названием «Соображения по некоторым вопросам международного положения», относящаяся к декабрю 1933 года. «Ни одно из государств не встало на путь решительной борьбы с коммунизмом в России, - констатировалось в этом документе. - Есть только государства, на выступление которых в той или иной форме нет возможности рассчитывать, и такие, у которых такое выступление не исключено». Признавая происходившее в последнее время сближение СССР и Франции, указывалось, вместе с тем, что даже до этого Франция и ее союзники не выступили бы против СССР открыто, ни в форме тайной поддержки русских организаций, стремящихся к ниспровержению советского режима. «Приходится только удивляться той неправильной оценке большевиков, что Франция - «глава антибольшевистского блока держав», - отмечалось в цитируемом документе. Новые тенденции советско-французских отношений сказались на том, что если ранее отношение к политической русской эмиграции было терпимым, а иногда - благожелательным, то сейчас - едва терпимым в официальных кругах: «Франция стремится деполитизировать русскую эмиграцию» и делает «шаг в сторону ее русской денационализации и офранцузенья».

Сближение в советско-французских отношениях могло оказать воздействие и на Югославию: если здесь с самого начала было радушное отношение к русской эмиграции, то сейчас, по оценке авторов цитируемого документа, мог произойти значительный перелом под французским влиянием.

Значительное внимание в документе уделялось Германии, германо-советским отношениям и их роли для эмиграции. Германия была страной наиболее поддерживающей коммунистический режим в СССР, констатировали авторы документа. Но при известных условиях активное выступление ее против СССР было более вероятным, чем Франции, а при нынешнем политическом строе вероятность такого выступления повысилась и «надо делать все, что в наших силах для выступления Германии против СССР и использовать его».

Исходя из вышеизложенного, формировалась точка зрения РОВСа на развитие международных процессов и действий Союза от Дальнего Востока до Европы: «1) мы считаем своими союзниками всех тех, кто является врагом СССР, но не национальной России и готовы дать нам в этом гарантии; 2) в случае выступления какой-либо державы против СССР, но без гарантии того, что выступление это направлено против интересов России (например, стремление ее расчленения), мы должны стараться всемерно использовать создавшееся положение в русских интересах, но не можем покрывать такое выступление иностранной державы нашим национальным флагом». При этом подчеркивалось, что данная точка зрения является традицией в русской эмиграции, и ее придерживались генералы Врангель, Кутепов и великий князь Николай Николаевич, и ей надо следовать и в дальнейшем: «наша тактика должна быть гибкой».

«В случае, если бы Германия, в той или иной форме, выступила на борьбу с коммунистической властью, центр тяжести сил русской национальной эмиграции естественно перенесся бы туда», - указывалось в анализируемом документе. Вместе с тем,

подчеркивалась необходимость считаться с тем фактом, что огромное большинство эмигрантов живет во Франции и союзных с ней странах, и это заставляет проявлять особую осторожность в вопросах выявления идейно-политической ориентации в зарубежье¹⁰⁴.

С благоприятным развитием ситуации в Германии руководство Русского Обще-Воинского Союза связывало большие надежды. Еще 13 августа 1932 года генерал Миллер писал генералу фон Лампе: «Я считаю чрезвычайно важным установить непосредственные отношения с влиятельнейшими политическими деятелями сегодняшней и завтрашней Германии». Он просил фон Лампе сообщить свои возможности в этом отношении. При этом председатель РОВСа полагал, что социал-демократы к этой категории на несколько лет принадлежать уже не будут. «В конце концов, только гитлеровское движение, как мне кажется, способно повести борьбу с коммунизмом и может быть и с социализмом», - подчеркивал руководитель РОВСа. Он высказывал надежду, что это движение может увлечь за собой антисоциалистические и антикоммунистические элементы других стран¹⁰⁵.

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году и связанные с этим перспективы совместной борьбы с коммунизмом вызвали особый интерес у руководства Русского Обще-Воинского Союза. Первой реакцией генерала Миллера на известие о занятии Гитлером поста канцлера и формировании им нового правительства стало письмо генералу фон Лампе 1 февраля 1933 года, в котором выражалась надежда, что «национальные русские элементы могут и, казалось бы, должны встретиться с руководителями германской политики для общих целей обеих сторон». Начальник военной канцелярии РОВСа генерал Стогов в письме тому же адресату 4 февраля вслед за Миллером с завистью констатировал умение немцев сговориться ради дела и вместе работать на пользу отечества. «И нам приходится пожалеть, - продолжал он, - что наши вожди различных партий и политических группировок не могут додуматься до такой простой истины - надо в жертву общему делу принести все личные честолюбия»¹⁰⁶.

25 марта 1933 года генерал Миллер пишет большое (9,5 машинописных страниц) письмо в Берлин генералу фон Лампе, посвященное формированию отношений эмиграции с новой Германией. «По поводу возможности сохранить добрые отношения с СССР при одновременном уничтожении коммунистов у себя в Германии, - подчеркивает он одну из главных своих идей, - не нужно быть пророком, чтобы усомниться в возможности этого». «Мне только одно непонятно, почему партия Гитлера носит название Национал-СОЦИАЛИСТОВ (выделено в тексте - В.Г.), - замечает генерал Миллер. - Я бы понял название Национал-Демократов или Национал-Либералов, но причем тут социализм, когда именно социализму объявлена самая беспощадная война?... Но это, конечно, в данную минуту уже не важно, когда определилась в отношении социализма отрицательная сущность партии». Он ставит перед начальником II отдела РОВСа две главные задачи: 1) взять в свои руки разрозненные попытки сближения с соответствующими правительственными органами в борьбе против немецких коммунистов и русских большевиков; 2) вести кампанию против расчленения России, исходя из интересов Германии как государства и как народа¹⁰⁷.

Новая ситуация в Германии ставит перед эмиграцией и руководством РОВСа в частности немало сложных и принципиально важных вопросов. Они были связаны, например, с взаимоотношениями с немецкими национал-социалистами, сотрудничеством с новыми властями в борьбе против коммунистов, вхождением русских эмигрантов в состав гитлеровской национал-социалистической партии и другие правые политические организации, о взаимодействии с правыми и профашистскими русскими эмигрантскими организациями в этой стране. В новых условиях резко возрастает роль и значение II отдела РОВСа с центром в Берлине и его начальника генерала фон Лампе. Последний, напомним, любил повторять тезис-напутствие, адресованное ему генералом Врангелем еще во время его первой командировки в столицу Германии в 1920 году: «Помните, что русский узел может быть развязан только в Берлине». Фон Лампе считал, что ныне настала качественно новая и благоприятная ситуация для реализации это-

го напутствия отца-основателя Русского Обще-Воинского Союза. Поэтому после прихода к власти правительства Гитлера генерал фон Лампе вместе с представителем Соединения послов в Германии С.Д. Боткиным, профессором И. А. Ильиным и рядом других лиц обратился с приветствием к нему.

Приход фашистов к власти в Германии привел к резкой активизации деятельности здесь праворадикальных русских эмигрантских организаций. Часть русского офицерства, проживавшего в этой стране, выразила готовность к вхождению в состав местных профашистских и военизированных организаций (как, например, «Стальной шлем») и тесному сотрудничеству с ними, официальными властями и их репрессивно-карательными органами в деле совместной борьбы с немецким и советским коммунизмом. В одном из писем, направленных генералу Миллеру весной 1933 года из Германии, сообщалось, что на одно из собраний, организованных немецкими национал-социалистами, пришло 700 русских эмигрантов и до 300 человек записались в партию Адольфа Гитлера¹⁰⁸. Все это поставило немало деликатных вопросов перед генералом фон Лампе, обязанным в своей деятельности руководствоваться основными принципами РОВСа и наблюдать, чтобы входящие в его состав воинские организации и их чины находились вне политики и не участвовали в работе русских и иностранных партий и политизированных организаций.

Фон Лампе предупреждал руководителей воинских объединений и офицеров-членов РОВСа, чтобы они не допускали самочинных действий, хотя и самих искренних, но противоречащих уставным положениям Союза. Он внимательно наблюдал и информировал председателя РОВСа генерала Миллера о создании и работе в Германии таких профашистских организаций (именуемых в их переписке «русской накипью»), как Российское Освободительное Национальное Движение и Русское Национал-Социалистическое Движение (трудящихся) (РОНД) (основатели и руководители - офицеры Димитриев и А. Пельхау-Светозаров, а затем -П.Р. Бермондт-Авалов), Балтийский Союз (руководитель - генерал Арцишевский), и деятельности таких колоритных фигур правого и профашистского политического спектра, как генералы К.В. Сахаров, П.В. Глазенап, П.Р. Бермондт-Авалов. Привлекал внимание генерала АА. фон Лампе и АА. Вонсяцкий, создавший в 1933 году в США «Всероссийскую Фашистскую Организацию» и побывавший в сентябре 1933 года в Германии вместе с вождем Союза Младороссов А.Л. Казем Беком и др.

Четкое следование чинов Русского Обще-Воинского Союза в Германии приказу № 82 занимало особое место в переписке между генералами Миллером и фон Лампе. Председатель РОВСа поддержал фон Лампе, который в переписке со Светозаровым предупредил последнего, что нельзя служить двум богам одновременно и предложил членам его организации выйти из РОВСа. Более того, генерал Миллер писал руководителю II отдела Союза, что «можно исключить из РОВСа 30 - 40 наиболее беспокойных и недисциплинированных элементов, потрясших воинский облик русских, - не Бог весть какая потеря для РОВСа»¹⁰⁹. Добавим, что у генерала фон Лампе, с симпатией относившегося к германскому фашизму как стратегическому союзнику в борьбе с коммунизмом и СССР, были планы создания в Германии «Русской группы по содействию национал-социалистам в борьбе против коммунизма» при РОВСе (в противовес РОНД), которыми он делился с генералом Миллером¹¹⁰. Лампе считал это целесообразным и с точки зрения традиционных обвинений РОВСа в антантофильстве или во франкофильстве, что мешало его работе в Германии и взаимоотношениям с новыми властями и правящей национал-социалистической партией.

4 октября 1933 года генерал фон Лампе информировал генерала Миллера о том, что во время визита Вонсяцкого и Казем-Бека в Германию была предпринята попытка декларировать создание некоего единого фронта против большевиков, в который, якобы, объединились фашисты Вонсяцкого, Союз Младороссов, РОНД, еще одна фашистская организация, и к ним предполагалось присоединить РОВСа. Но 28 сентября РОНД был распущен распоряжением прусской государственной тайной полиции. Генерал фон Лампе в связи с этим подчеркивал: «Членов РОВ Союза, в свое время ушедших в

«РОНД» и теперь частично пытающихся вернуться в РОВС, я буду пропускать обратно с большим выбором, если вообще пропускать буду»¹¹¹.

Но во взаимоотношениях русских эмигрантских организаций и новой власти в Германии было много недоразумений и вопросов, ибо последние не церемонились даже с арестами ряда видных русских эмигрантов. Не миновала чаша сия и генерала фон Лампе, симпатизировавшего новой власти. Он был арестован 28 июля 1933 года, провел в одиночном заключении 42 дня и был освобожден лишь ввиду необходимости присутствия около тяжело больной дочери (которая, добавим, умерла в конце 1933 года). Правда, сам фон Лампе усматривал в своем аресте большевистскую провокацию и результат ложного доноса со стороны бывшего штабс-капитана И.С. Коноплева-Горного¹¹².

26 октября 1933 года фон Лампе с пометкой «совершенно секретно» сообщал председателю РОВСа генералу Миллеру, что хотя его дело еще не окончено и в исполнение своих обязанностей он не вступал, но, основываясь на его указаниях из Парижа, начал частные переговоры с представителем 1-го отдела (иностранных сношений) Национал-социалистической партии Германии - отдела Розенберга по вопросу о совместных действиях против большевиков. Лампе выражал убежденность в грядущем разрыве Германии и СССР и призывал направить в Берлин специального уполномоченного от генерала Миллера. Но председатель РОВСа настороженно отнесся к инициативе Лампе и начатым им переговорам, резюмируя в ответном письме от 1 ноября, что это «сильно отдает попыткой дешевой провокации или некрасивой разведки с целями неизвестными»¹¹³.

Таким образом, уже вскоре после прихода фашистов к власти в Германии становится очевидно, что при общности ряда их и Русского Обще-Воинского Союза основополагающих установок, и прежде всего общности главной цели - непримиримой борьбы с коммунизмом, налицо были и серьезные противоречия и разногласия в отношениях к политике, русскому вопросу и др., что в полной мере будет проявляться в дальнейшем.

Происходившее в это время советско-французское сближение, с одной стороны, весьма затруднило антисоветскую деятельность русской военной эмиграции, а с другой, - переход власти в Германии к фашистам ставил перед руководством РОВСа серьезный вопрос о возможности и целесообразности переноса штаб-квартиры Союза из Парижа в Брюссель, либо в Голландию, а, возможно, в перспективе и в Германию¹¹⁴.

Этот вопрос, например, неоднократно возникал в переписке генералов Миллера и фон Лампе в 1933 - 34 годах. Это должно было снять обвинения в антантофильстве Русского Обще-Воинского Союза (и, якобы, даже в получении денег от французского генштаба) и могло бы позитивно сказаться на взаимоотношениях Союза с руководством Германии. Но, забегаая вперед, заметим, что перенос центра РОВСа из Парижа в Брюссель состоялся только в 1938 году.

Русская эмиграция в целом и руководство РОВСа в частности продолжали внимательно следить за развитием событий Дальнем Востоке, где Япония, захватив Маньчжурию и основав под своей эгидой марионеточное государство Маньчжоу-Ди-Го, явно вынашивала замыслы последующих экспансионистских действий. В связи с этим в кругах Русского военного Зарубежья высказывались суждения о том, что все это неминуемо приведет к скорому столкновению Японии и СССР. А это может быть использовано в своих интересах русскими военными эмигрантами. Например, видный военный теоретик РОВСа и военной эмиграции генерал Головин посвятил анализу современной стратегической ситуации на Дальнем Востоке свой доклад от 1 марта 1934 года. По его мнению, первая главная операция японской армии должна была быть осуществлена против Приамурья, а вторая в Маньчжурии, если туда двинутся советские войска. Япония должна была организовать и превентивное воздушное наступление. Шансы Сталина, по мнению генерала Головина, заключались во втягивании в борьбу с Японией враждебных ей государств и прежде всего США и в ставке на мировую революцию, распространении большевизма на Востоке Азии¹¹⁵.

Руководство РОВСа пыталось наладить контакты с представителями японского военного командования. 20 марта 1934 года генерал Шатилов информировал, например, генерала Абрамова, что в Париж прибыл командированный японским Генеральным штабом молодой офицер, который получил, по-видимому, задание собрать полную информацию о наших эмигрантских организациях. Автор письма сообщал, что уже виделся с этим японским эмиссаром и предстоят еще встречи. «Постараюсь на этот раз не выпустить его из своего общения»¹¹⁶, - резюмировал Шатилов.

Подобные действия руководства Русского Обще-Воинского Союза, его наметившееся сближение с нацистами и японскими милитаристами и существующие здесь соблазны для эмиграции вызывали критику со стороны генерала Деникина, опубликовавшего в 1934 году брошюру «Международное положение, Россия и эмиграция». Он считал, что в сложных современных условиях нужна идейная работа эмиграции в русле интересов национальной России и техническая работа, заключающаяся в подготовке путей для активной борьбы. Генерал утверждал, что при этом необходимо воспользоваться международной конкуренцией¹¹⁷.

Ситуация на Дальнем Востоке и действия Японии здесь и в дальнейшем привлекали пристальное внимание руководителей российской военной и политической эмиграции. Но для руководства Русского Обще-Воинского Союза в политике Японии и в развитии дальневосточной ситуации было больше разочарований, нежели обнадеживающих вестей. И это было связано с резким осложнением положения организаций и чинов РОВСа в результате политики, проводимой японскими оккупационными властями в Маньчжурии, о чем подробнее пойдет речь в следующей главе.

Вернувшись же к рубежу 1933 и 1934 годов в истории РОВСа, обратим внимание на интересный документ Союза под названием «Возможные формы борьбы с коммунистической властью в России», снабженный пометкой «секретно». В первом разделе «Проникновение и пропаганда в СССР» указывалось, что при существующих условиях полицейского режима пропаганда весьма затруднена, хотя и имеет благоприятную почву и прежде всего в деревне. Отмечалась важность переброски в СССР нелегальной литературы и особо подчеркивалась необходимость того, чтобы Германия оказала давление на Финляндию и Эстонию для нелегального перехода границы здесь, переброски литературы, а также организации радиопропаганды.

В разделе «Организационная работа в СССР» указывалось, что в стране действует ряд антибольшевистских организаций, хотя они немногочисленны и не связаны между собой, иначе в них легче было бы проникнуть агентуре ГПУ и разрушить их. У зарубежных организаций существует связь с некоторыми из них. Указывалось на необходимость значительно развить работу по созданию организаций и прежде всего в Красной Армии, для чего нужны люди, прибывающие из-за границы. Тайные организации в СССР должны быть связаны с реальным и близким делом. Третий раздел, названный «Террор», подчеркивал необходимость организации систематического террора в СССР. Низовой террор - неорганизованный, указывалось в документе, имеет распространение, особенно в деревне. Но должен быть налажен систематический террор против верховной власти, при этом необходимо расстроить главный аппарат принуждения - ГПУ. Центральный террор должен быть очень хорошо организован и иметь систематический характер. Для этого есть люди, но нет материальных и технических условий и возможностей. Заключительный раздел назывался «Местные восстания и партизанская деятельность». Здесь указывалось, что хотя местные восстания и вспыхивают, но не могут привести к политическим последствиям, так как у населения почти нет оружия. Подчеркивалась необходимость: а) одновременного удара по центральной советской власти и дезорганизации ее; б) внешней войны (интервенции), а также использования местных восстаний. Указывалось, что русские организации обладают кадрами для организации партизанского движения¹¹⁸.

Подробную характеристику общего состояния и развития внутренних процессов в Русском Обще-Воинском Союзе в конце 1933 - начале 1934 годов дает обстоятельный секретный документ этой организации, находящийся в нашем распоряжении. РОВС

определяется как «организация надпартийная, не связанная с какой-либо политической русской партий». Ее задача - «сохраняя традиции русской армии, продолжать борьбу за освобождение своей Родины от коммунистического ига». Русский Обще-Воинский Союз характеризуется как самая могущественная русская национальная организация в эмиграции, и «все усилия большевиков по борьбе с эмиграцией направлены исключительно против РОВСа». Союз имеет свои отделы и отделения по всему миру¹¹⁹, за исключением нескольких стран, пограничных с СССР, где нет официальных организаций РОВСа (Польша, Румыния и Турция). Почти полное истощение средств привело к тому, что все организации Союза живут за счет отчисления членских взносов, и лишь лица, их платящие, считаются членами РОВСа. Его общая численность составляла более 40 тыс. человек. Но предполагалось, что в случае активных действий против СССР все бывшие члены частей, несостоящие в РОВСе, вступят в него.

Большинство Русского Обще-Воинского Союза составляло офицерство, а состав нижних чинов был ограничен. Возрастной состав Союза (абсолютное большинство которого составляли офицеры - участники Гражданской войны) определялся как сравнительно высокий, и лишь возраст младших чинов (не считая вступающей в организацию молодежи) составлял около 32-35 лет. Подчеркивалось, что главное командование уделяет особое внимание повышению теоретической подготовки чинов РОВСа для будущих военных действий. В больших центрах созданы специальные курсы, большое значение придавалось заочному образованию. Важную роль играли особые курсы для эмигрантской молодежи, благодаря которым предполагалось увеличить численность РОВСа по крайней мере в два раза.

«Вся подготовка для массового использования РОВСа имеет в виду случай столкновения Советской России с какой-либо из пограничных держав, - подчеркивалось в документе. - Самостоятельное же открытое выступление РОВСа при современном международном положении является вряд ли осуществимым». Тем не менее, действительная борьба в России со стороны РОВСа не прекращается и ведется тайным образом, указывалось в анализируемом документе, хотя и затрудняется хорошо отлаженной работой ГПУ, большими затратами и необходимостью установления связи с официальными органами пограничных стран, что идет в ущерб конспирации. РОВС имел возможность пропускать своих людей в некоторых пунктах западной границы СССР, располагая своими людьми там и решая ряд задач как боевого, так и пропагандистского значения. При этом подчеркивалось, что усиление этой деятельности представляется особенно необходимым в последнее время, ввиду ожидания начала серьезных выступлений, вследствие развала коммунистического аппарата, чудовищного нажима на сельское и городское население, а миллионы голодных и бездомных рассматривались как готовые контингенты для пополнения кадров вооруженных партизанских отрядов. Это актуализировало проблему накопления сил, готовых к выступлению в больших городах и промышленных районах, направления туда опытных руководителей и пропагандистов, доставки ручного оружия и пулеметов и прежде всего через Черное море, ибо его прибрежные районы рассматривались как центры вероятных восстаний. Важное внимание уделялось и Дальнему Востоку.

В заключении документа указывалось, что «РОВС с радостью пойдет на сотрудничество с государством, заинтересованным в свержении советской власти и образовании общенационального правительства в России». При этом главным считалось признание неприкосновенности нынешних границ России¹²⁰.

Итак, 1934 год стал в каком-то отношении рубежным в истории РОВСа и Российского военного Зарубежья. Окончание мирового кризиса внушало надежды на улучшение положения русских эмигрантов. В его рядах активизировались дискуссии о будущем эмиграции, путях возвращения на родину. Русский Обще-Воинский Союз не стал в этом отношении исключением. Его состояние и пути оздоровления ситуации, программа действий, стратегия и тактика, пути борьбы - все это стало предметом закрытого, в высших кругах руководства, а затем и публичного обсуждения. Попытки преодолеть надвигающийся и обостряющийся кризис призваны были не только улуч-

шить ситуацию внутри РОВСа, повысить его дееспособность, но и во многом определяли развитие процессов в широких кругах военной эмиграции и ее будущее.

Глава 6. НАРАСТАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ ОБЩЕ-ВОИНСКОМ СОЮЗЕ И ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

Завершение мирового экономического кризиса, отнюдь, не означало стабилизации обстановки в мире. Продолжалось балансирование на грани войны и мира, обострялись существующие противоречия, появлялись новые очаги напряженности. Рост милитаризма и фашизма, стремление германского руководства к пересмотру итогов Первой мировой войны и сложившихся границ, экспансионистские претензии Японии, расширявшей свою агрессию на Дальнем Востоке, - все это дестабилизировало ситуацию в мире. Обострение ситуации в Европе, связанное с растущей угрозой со стороны германского фашизма, заставляло европейские страны искать выход из сложившейся ситуации. Некоторые из них видели его в сближении с Советским Союзом, позиции которого в мире укреплялись. В 1933 году были подписаны дипломатические отношения между СССР и США. В 1934 году СССР был принят в Лигу Наций и получил постоянное место в Совете Лиги. Начинаются переговоры о создании системы коллективной безопасности в Европе, и в 1935 году были подписаны договоры СССР о взаимной помощи с Францией и Чехословакией.

Эти события и происходившее сближение в отношениях Советского Союза с двумя названными европейскими странами, являвшимися важнейшими центрами русской эмиграции, негативно сказались на отношениях властей указанных государств к эмигрантским политическим и военно-политическим организациям, включая и Русский Обще-Воинский Союз. Ограничивались возможности антисоветской пропаганды и действий эмигрантских организаций. Нарастали и иные проблемы, и трудности в среде Русского Зарубежья. Тяжелое социально-экономическое положение большинства эмигрантов, длительное пребывание за границей, неверие в возможность вернуться на родину, усилившиеся настроения безысходности, связанные и со старением эмиграции, - все это вело к росту конфликтов и противоречий в эмигрантской среде. Углубление противоречий, перераставших в расколы, стало в полной мере характерно и для Российского военного Зарубежья, и его ведущей организации - Русского Обще-Воинского Союза.

Начальник военной канцелярии РОВСа генерал Стогов, характеризуя общее положение в эмиграции, откровенно писал из Парижа 23 января 1934 года в Софию генералу Абрамову: «Дрязги, путаница во всем и везде... Можно подумать, что люди точно нарочно перестали понимать друг друга, даже в самых простых обыденных делах. Вавилонская башня какая-то». Автор характеризовал ситуацию в РОВСе и его отделах и завершал свое письмо следующим образом: «Говорили в старину: «Гром не грянет, мужик не перекрестится», - а вот, кажется, гром не только грянул, но раскаты его продолжают, а мужик, да и барин - креститься еще не начали»¹.

Впрочем, и в этих сложных условиях руководители эмиграции стремились использовать каждый повод для собирания ее, укрепления единства, демонстрации воли и решимости. Такая попытка была предпринята, например, 26 января 1934 года - в день похищения генерала Кутепова большевиками. Этот день широко отмечался в эмиграции, как день скорби, день клятвы, день ненависти к большевикам и борьбы с ними². В этот день в разных странах русского рассеяния были проведены памятные собрания, организован сбор средств в Фонд Спасения России. Самое деятельное участие в этом принимали организации и чины Русского Обще-Воинского Союза.

30-е годы, как, впрочем, и предшествующий период, характеризовались сложными отношениями между различными эмигрантскими организациями и объединениями. При наличии, казалось бы, единой общей цели - борьбы с большевиками, их взаимодействию мешали расхождения в политических взглядах, стратегии и тактике, взаимные подозрения и недоверие лидеров и т.п. Попыткой как-то сгладить эти отношения и наладить взаимодействие стал II съезд национальных организаций и групп, состоявшийся с 31 марта по 3 апреля 1934 года в Париже. На нем присутствовали руководители и представители различных военных и гражданских организаций, эмигрантских газет и др. Первым с приветствием к съезду обратился от имени Русского Обще-Воинского и Военно-Морского Союзов председатель РОВСа генерал Миллер. Он призвал, в частности, к борьбе с внутренним врагом - ослаблением национального самосознания и апатией и подчеркнул необходимость поднять дух эмиграции, сплотить молодежь, преодолеть разлады, изжить сомнения. «Выше голову, тверже шаг», - под бурные аплодисменты зала закончил генерал свое выступление.

Добавим, что Русский Обще-Воинский Союз сыграл важную роль в подготовке и проведении этого съезда. Его генеральным секретарем стал секретарь управления IV отдела РОВСа в Белграде ротмистр А.Н. Коморовский, председателем президиума съезда был избран уже знакомый читателю капитан А.А. Браунер, чин РОВСа и один из руководителей его «Внутренней линии» в Болгарии. Участники форума выразили персональную благодарность начальнику I отдела Союза генералу Шатилову за помощь в его созыве. В принятой резолюции II съезда национальных организаций и групп подчеркивалось: «Съезд Национальных организаций и групп приветствует носителя Белой Идеи и продолжателя Белой Борьбы - Русский Обще-Воинский Союз». Председатель РОВСа заверил делегатов, что национальные организации всегда найдут помощь возглавляемого им Союза. Съезд, казалось бы, сделал шаг в сплочении эмиграции, было создано постоянное совещание национальных организаций, которое возглавил один из наиболее известных в прошлом кутеповских боевиков, - капитан В.А. Ларионов. Была отмечена особая роль РОВСа, названного стержнем, вокруг которого организуется национальная работа эмиграции³.

Но уже ближайшие месяцы покажут, что существовавшие в Русском Зарубежье глубокие противоречия преодолеть не удалось. Более того, острые дискуссии вскоре развернутся в эмиграции именно вокруг Русского Обще-Воинского Союза и кризиса в его рядах. Кстати, только что упомянутый II съезд национальных организаций в Париже, спустя некоторое время, будет характеризоваться руководством Национального Союза Нового Поколения, как попытка объединить НСНП и РОВС под эгидой последнего. По утверждению руководителей НСНП, тайное участие в созыве упомянутого съезда принимали 25 представителей «Внутренней линии» РОВСа, которые и готовили сценарий подчинения этой организации «молодого поколения» РОВСу. Руководители последнего, в свою очередь, отрицали это обвинение, уточняя в дальнейшем, что в указанном форуме принимали участие не 25, а 5 - 6 сотрудников «Внутренней линии», избранных на законных основаниях⁴.

В рассматриваемый период времени активно обсуждаемой темой в кругах военной эмиграции и в Русском Обще-Воинском Союзе становится целенаправленная организация политической работы и создание с этой целью при председателе РОВСа в Париже политического руководящего органа под названием Осведомительное Бюро (ОБРО). Разработчиком проекта его создания становится Н.А. Цуриков, который, как предполагалось, и должен был возглавить этот орган. Реализация данного проекта, по мнению Цурикова, знаменовала бы собой создание своего рода «третьей линии» РОВСа, если обозначать первой линией чисто воинскую, руководимую генералом Стоговым, а второй - особую работу, возглавляемую генералом Драгомировым. Расшифровывая содержание деятельности по этой, так называемой «третьей линии», Цуриков имел в виду проведение информационно-инструкционной (оценка положения в СССР и в мире), национально-политической, а также агитационной работы, распадавшейся, в

свою очередь, на идеологическую (направленную на формирование антикоммунистического мировоззрения) и тактическую (формирование идеи борьбы)⁵.

В 1934 году эта тема обсуждалась на ряде совещаний в Русском Обще-Воинском Союзе и в том числе его руководством. Но положительного решения по поводу создания Осведомительного Бюро так и не было принято. Анализ официальных документов РОВСа и материалов личной переписки его руководителей позволяет указать на ряд факторов, предопределивших такой исход: осторожно-подозрительное отношение военных к самой теме политической деятельности, недопонимание сущности проекта, финансовые затруднения в его реализации, нежелание привлекать гражданских лиц к деятельности военных и военной организации, недостаточная известность самого Цурикова в широких военно-политических кругах эмиграции и др.

К вышеизложенному следует добавить и то, что речь шла по сути своей о серьезной реорганизации РОВСа и поэтому здесь столкнулись разные интересы и личностные амбиции. Генерал Абрамов, высказавшись за то, что в основе нового органа должна лежать программа Цурикова, а в перспективе необходима выработка Политической программы РОВСа, которая должна давать чинам Союза генеральную линию для их работы в сторону СССР, предложил поставить во главе Политико-Руководящего органа при председателе РОВСа под названием Осведомительное Бюро генерала Шатилова. Именно он должен был стать и докладчиком председателя Союза по всем вопросам ОБРО. Представители Осведомительного Бюро на местах должны были избираться начальниками отделов, подчиняться им, а по своей линии - генералу Шатилову. В качестве таких представителей генерал Абрамов указывал Левитского - во Франции, Браунера - в Болгарии, Коморовского - в Югославии и Цурикова - в Чехословакии. Эти представители ОБРО на местах должны были направлять начальнику Осведомительного Бюро свои предложения, планы и пр. как по линии идеологической, так и по линии информационной.

В предложениях генерала Абрамова содержалась и идея создания никому не подчиненного Политического совещания в составе представителей РОВСа, НСНП, РСХД, РОТС, Сокола и Студенческого Союза, а также учреждения Политико-инструктивного центра в Софии. Но изложенный проект означал не что иное, как резкое повышение роли в жизни и деятельности Русского Обще-Воинского Союза генерала Шатилова.

Именно он, по замыслу Абрамова (и в соответствии с прилагаемой рабочей схемой реорганизации), должен был, сохраняя должность начальника I отдела, стать не только начальником Осведомительного Бюро, но и начальником штаба РОВСа. Ему должен был подчиняться князь Трубецкой со своим Информационным отделом⁶. Все вышеизложенное, по сути своей, предопределялось близкими и доверительными личными отношениями генералов Абрамова и Шатилова и означало согласованную ими программу реорганизации РОВСа. Но, учитывая сложное и неоднозначное отношение в руководящих кругах Русского Обще-Воинского Союза к генералу Шатилову, его подобное возвышение в результате реорганизации и обрекало на неудачу проект ОБРО.

Тем не менее, программа РОВСа в ее политико-идеологическом оформлении относилась к числу важных и значимых направлений деятельности Союза. В марте 1934 года генерал Миллер направил начальникам отделов РОВСа проект программных лозунгов (их число составляло 15) с предложением дополнительно внести в перечень те, которые они признают желательными. Для рассылки предназначалась и записка «Подлинная сущность разногласий», составленная Н.А. Цуриковым. В ней указывалось, что период с конца 1933 по начало 1934 года характеризовался значительным числом выступлений и заявлений руководителей отдельных организаций, политических партий и групп (ГШ. Миллюков, А.Л. Казем-Бек, Е.К. Миллер, А.И. Деникин, П.Н. Крупенский, А.Ф. Керенский, Ю.Ф. Семёнов, а также Российского Имперского Союза, кружков Белой идеи и др.). По мнению автора, это обуславливалось ожиданием возможного внешнего удара по СССР. При этом важной проблемой являлось соотношение внешнего удара и внутреннее разложение СССР. Лишь при внешнем ударе, полагал Цуриков, не

удастся устранить СССР, тем более, что в дальнейшем необходимо было нанести удар из России по III Интернационалу⁷. Поэтому программа и последовательность антисоветских действий, взаимоотношение внутренних и внешних сил, методы и приемы борьбы - все это вызывало разнообразие суждений и во многом обуславливало противоречия и разногласия в Российском Зарубежье.

В это же время руководство Русского Обще-Воинского Союза пыталось навести порядок в учете чинов Союза, обеспечить, чтобы в воинских частях и армейских группах не было бы лиц, не входивших в его состав. Ключевым инструментом для этого являлись личные карты РОВСа. Начальники воинских частей, председатели армейских обществ, союзов и групп обязывались командованием, чтобы все чины, входящие в их состав, имели и личные карты РОВСа⁸.

Одной из самых сложных проблем для Русского Обще-Воинского Союза оставалось его финансово-экономическое положение. Уже в конце 1933 года было намечено значительное сокращение отпуска средств. Новое сокращение ассигнований планировалось с 1 июля 1934 года. В апреле 1934 года начальник I отдела генерал Шатилов внес генералу Миллеру проект реорганизации центральных учреждений РОВСа, исходя из финансовых соображений, из того, что казна Союза истощается, и жизнь управления (если не предпринять экстренных мер) должна закончиться в конце февраля 1935 года. А ликвидация управления при таких условиях грозит развалом РОВСа. Шатилов считал необходимым заблаговременно принять меры, чтобы деятельность Союза не прекратилась при истощении казны, чтобы имеющиеся остатки были растянуты на возможно более продолжительное время. Предлагалось общее сокращение ассигнований на основные структуры РОВСа, его центр и отделы, упразднение всех или целого ряда учреждений центрального аппарата (руководимых, например, Драгомировым, Глобачевым и Трубецким), сокращение и совмещение должностей в системе управления (например, совмещение должности председателя РОВСа и начальника I отдела с переездом их управлений в Галлиполийское собрание и др.), максимальное использование возможностей местного самофинансирования. В результате предлагаемого Шатиловым сокращения ассигнований ежемесячная смета расходов по центральному управлению и трем отделам Союза должна была составить предписанную генералом Миллером сумму - 38 тыс. франков в месяц⁹.

В 1934 году в отделы Русского Обще-Воинского Союза направляется распоряжение его председателя генерала Миллера, в котором указывалось на установление обязательного сбора со всех чинов Союза на самообеспечение работы РОВСа и разных его частей и обществ (из этих средств обеспечивалась работа ближайших и основных частей или обществ; работа РОВСа в целом, а также деятельность соответствующего регионального отдела, чинов его управления, канцелярии, информации и пр.); вторым обязательным сбором являлся сбор в Фонд Спасения России¹⁰.

Вернувшись к предложениям генерала Шатилова, заметим, что как показывает анализ материалов его личной переписки, в его структурно-финансовых предложениях (в том числе и по центральному аппарату РОВСа) содержались элементы интриги и устранения в результате сокращения лиц, которые не устраивали его лично. Речь шла персонально о начальнике военной канцелярии генерале Стогове, помощнике председателя РОВСа вице-адмирале Кедрове, начальнике контрразведки генерале Глобачеве, руководителе особой (секретной) работы против СССР генерале Драгомирове, руководителе информационной работы князе Трубецком (его международную работу предлагалось передать Лодыженскому и его Бюро при Лиге Обера, а сбор сведений об СССР возложить на Левитского), начальнике II отдела генерале фон Лампе, генерале Хольмсене и некоторых других. Более того, высказывавшееся Шатиловым в это время предложение об объединении председательства РОВСа в лице одного из начальников отделов с последующим пояснением, что он мог временно находиться на своем постоянном местожительстве в Софии, означало не что иное, как замену генерала Миллера Абрамовым. В предложениях содержалась и мысль об усилении самостоятельности I отдела и передачи в его ведение функций аппарата Глобачева, т.е. контрразведки, при сокра-

шении самого Глобачева и его сотрудников». Иначе говоря, речь шла о резком повышении роли генерала Шатилова в РОВСе.

Вместе с тем, сам он считал, что в руководстве РОВСа существует два направления - новаторское и консервативное. К первому Шатилов относил себя и, в известной мере, помощника начальника канцелярии генерала П.А. Кусонского, а также представителей периферии: генерала Ф.Ф. Абрамова (хотя он был одновременно и первым заместителем председателя РОВСа, но редко появлялся в Париже и не оказывал существенного влияния на жизнь и руководство Союза) и, судя по всему, начальника IV отдела генерала Барбовича, а, возможно, и генерала фон Лампе. К консервативному направлению в руководстве генерал Шатилов относил всех остальных. Глубокие разногласия по существенным вопросам политики и деятельности Русского Обще-Воинского Союза ближайших сподвижников председателя Союза Шатилов считал проявлением серьезной болезни парижского центра РОВСа. Генерал Миллер, по мнению Шатилова, лавировал между ними и старался находить компромиссы. «Болезнь центра в том, что он совершенно оторвался от жизни и настроений низов и даже той среды нашего среднего командного состава, который как раз является создателем настроений нашего офицерства, - утверждал начальник I отдела РОВСа. - Во многом виноват возрастной состав участников центрального аппарата». Шатилов считал необходимым омоложение командного состава Союза, проведение реорганизации центра, приобщение организаций к политической работе национального направления и расширение активной работы на Россию. Но, по его мнению, даже проводимые совещания и принимаемые нужные решения блокировались консервативным большинством центрального управления РОВСа¹².

В руководстве Русского Обще-Воинского Союза продолжалась острая борьба вокруг так называемой «активной работы» и лиц, призванных заниматься ее организацией. Генералы Шатилов и Абрамов в 1933 - 34 годах все активнее настаивали на отстранении генералов Драгомирова и Глобачева. Но генерал Миллер, до поры, до времени, считал необходимым их пребывание на своих постах, полагая нецелесообразным их сокращение, даже ради экономии средств, что означало бы возвращение к ситуации времен генерала Кутепова. А это, по убеждению председателя РОВСа, отрицательно сказалось бы на деле. Да и острый дефицит компетентных руководящих кадров играл свою роль. Кто будет руководить работой Драгомирова, обращается Миллер с вопросом в письме генералу Абрамову 22 марта 1934 года и в сердцах добавляет - «не Харжевский же, присяжный неудачник»¹³. Так или иначе, но этот вопрос оставался пока открытым. Вместе с тем, развернувшаяся борьба и активные интриги, разумеется, не шли на благо общего дела, а вели к противоположным результатам.

Но наблюдавшиеся уже в 1930 году и обострившиеся день за днем и год за годом противоречия между Драгомировым и Глобачевым, возглавлявшими разведку и контрразведку РОВСа, с одной стороны, Абрамовым, и Шатиловым, наиболее тесно связанными с деятельностью «Внутренней линии», с другой, препятствовали складыванию должного взаимодействия названных специальных служб Русского Обще-Воинского Союза. Его председатель генерал Миллер знал, как свидетельствуют материалы его переписки с начальниками отделов РОВСа, о сложных взаимоотношениях между названными генералами, но не персонифицировал (не связывал) Абрамова, Шатилова и Фосса с деятельностью «Внутренней линии».

Спустя несколько лет генерал Миллер будет утверждать, что сам термин «Внутренняя линия» он впервые услышал от капитана Фосса только весной 1935 года. Но, судя по документам РОВСа, он давно знал самого Фосса, как выполняющего специальную работу (контрразведывательного и разведывательного характера) по поручению генерала Абрамова. По крайней мере, в письме последнему 20 августа 1933 года Миллер просил полнее написать о деятельности генерала Харжевского, ведавшего (по линии генерала Драгомирова) подрывной работой против СССР из стран Центральной и Южной Европы, через границы Польши и Румынии, а также ответить на вопрос, как он

соприкасается с Фоссом. Миллер также просил Абрамова сообщить мнение самого капитана Фосса¹⁴.

В нашем распоряжении имеются интересные материалы мартовской (1934 года) переписки генералов Абрамова и Миллера, в центре которой находился обмен мнениями о деятельности генерала Драгомирова и секретной работе Русского Обще-Воинского Союза. Председатель РОВСа выступал своего рода арбитром в споре между генералами Абрамовым и Драгомировым вокруг фигуры капитана Фосса, жившего, напомним, в Болгарии и являвшегося руководителем «Внутренней линии» РОВСа в этой стране. Генерал Абрамов жаловался Миллеру, что Драгомиров считает Фосса своим агентом и предъявляет ему такие требования, которые исключают возможность работы последнего с ним. Генерал Миллер сетовал, что не может понять расхождений Абрамова и Драгомирова, и добавлял, что капитан Фосс, выполняя поручения Драгомирова, может докладывать о них Абрамову как начальнику III отдела. Но то, что генерал Миллер считал недоразумением, было на самом деле совершенно иным, а именно - глубокими противоречиями между руководителями двух фактически самостоятельных секретных служб РОВСа.

В письме генералу Абрамову 19 марта 1934 года Миллер вспоминал, что генерал Драгомиров принял в свое время его настойчивое предложение возглавить работу, руководимую прежде Кутеповым (сделанное после обсуждения его кандидатуры с другими ответственными сотрудниками РОВСа), не с радостью, но как тяжелый крест и жертву. Он предупредил, что не знаком с работой, которую ему предстоит вести, ни принципиально, т.е. теоретически, ни конкретно. До конца 1931 года генерал Драгомиров, по утверждению Миллера, действовал по шаблону, как при генерале Кутепове. Но его работа против СССР, ведущаяся под непосредственным контролем и руководством генерала Харжевского, приводила к негативным результатам: направляемые эмиссары гибли, как почти все их предшественники. Тогда генерал Драгомиров сделал, по мнению председателя РОВСа, правильный вывод и изменил план работы: «Речь идет не о красивых фейерверках, а о собирании горючего материала, о проникновении вглубь дома, чтобы зажечь пожар». Драгомиров заменил и человека, непосредственно отвечающего за работу против СССР. Вместе с тем, генерал Миллер сетовал на острую нехватку финансовых средств, без чего трудно было вести успешную работу в СССР. Он жаловался, что так и не удастся получить крупную сумму денег в Швейцарии, депонированную на имя генерала Кутепова. Другие неприятности были связаны с падением котировок нефтяных бумаг видного бизнесмена Детердинга, который обещал помогать РОВСу, как ранее делал это при Кутепове, а другой их верный союзник - видный чехословацкий политик К. Крамарж потерял большую часть состояния.

В этом же письме генерал Миллер касался работы аппарата генерала Глобачева, подведомственного генералу Драгомирову. Изложенное здесь мнение председателя РОВСа было ответом на суждения Абрамова, не отрицавшего необходимость контрразведывательной работы, но считавшего самого Глобачева, не соответствующим должности, а его аппарат слишком дорогостоящим. Генерал Миллер указывал на знание Глобачевым техники дела и «репертуара» врагов, а также на такие его качества, как профессиональная честность и добросовестность, отсутствие блефа и очковтирательства. Он добавлял, что стоимость аппарата генерала Глобачева - 5 тыс. франков в месяц, а, кроме того, несколько сот франков идет на аналогичные расходы генерала Шатилова, а также капитана Фосса (у Абрамова). Впрочем, заглядывая в будущее, генерал Миллер замечал, что предвидит время, когда не будет крупных денег и придется ликвидировать контрразведывательную деятельность (как было во времена Кутепова). Он добавлял, что плохо верит в любительскую контрразведку, что сводится к слежке за младороссами, братчиками (активистами «Братства Русской Правды»), выяснению личных счетов и доносам¹⁵.

В 1934 году Русским Обще-Воинским Союзом была создана организация «Белая идея», занимавшаяся заброской в Советский Союз террористических и разведывательных групп на северном направлении, через Финляндию. Подбором кадров для этой ор-

ганизации и переброской боевиков в СССР занимался капитан Ларионов, знаменитый в ровсовских кругах после организации взрыва в Ленинградском Центральном партклубе в 1927 году. Первоначально в «Белую идею» были отобраны 20 молодых людей, которых стали готовить к эффективной боевой работе. Сам Ларионов учил их стрельбе, метанию гранат, изготовлению и закладке взрывчатки, умению ориентироваться на местности, маскироваться. Молодых диверсантов учили разведке места теракта и отходу после взрыва. Ларионов занимался с ними и языком, отучая боевиков от старой лексики и обогащая их словарный запас послереволюционным «новоязом».

Первыми полный курс подготовки прошли Прилуцкий и Носанов. Капитан Ларионов представил их генералу Миллеру, который, в свою очередь, передал их генералу Скоблину, ведавшему северным направлением боевой работы РОВСа. Прилуцкий и Носанов были направлены в Финляндию к генералу С.Ц. Добровольскому, представителю РОВСа в этой стране, имевшему тесные связи с финскими спецслужбами. Они прошли дополнительную подготовку в одной из финских разведшкол и были заброшены в СССР. Недалеко от Ленинграда они были обнаружены, началась перестрелка, но им удалось уйти. Впоследствии Носанов сменил капитана Ларионова, перебравшегося в Германию и поступившего на службу к нацистам. У Носанова сложились хорошие рабочие отношения с генералом Скоблиным, хотя ранее отношения последнего с Ларионовым, который был крайне честолюбив, были откровенно плохими. Но парадокс ситуации заключался в том, что генерал Скоблин был секретным агентом ОПТУ, и вся информация о планах и заброшке в СССР разведывательных и диверсионных групп РОВСа через Финляндию попадала к чекистам. И вообще в этот период времени советские спецслужбы обладали обширной сетью агентов и хорошей системой информирования обо всем, что происходило в РОВСе. Это сводило на нет боевую работу Союза против СССР.

Но вернемся к ситуации в руководстве Русского Обще-Воинского Союза в первой половине 1934 года. К числу руководителей Союза, наиболее активно искавших и предлагавших пути его реорганизации и хотя бы некоторого оздоровления ситуации, был, как уже указывалось выше, начальник I отдела генерал Шатилов. Он по-прежнему весьма критично, а нередко и откровенно негативно относился к деятельности генерала Миллера на посту председателя Русского Обще-Воинского Союза и соответствующим образом характеризовал в своей переписке (и в первую очередь с генералами Абрамовым и фон Лампе) его действия и политику: «Е.К.М. (Е.К. Миллер - В.Г.) проявляет исключительную работоспособность, но она кроме вреда ничего не приносит, так как он все равно не справляется со всем, что к нему попадает в руки, а, главное, неминуемо все сейчас же забывает. Вследствие этого, весьма часто его работоспособность ограничивается только исполнением текущих дел, причем важные вопросы сначала откладываются, а потом просто забываются»¹⁶. Оппоненты генерала Шатилова, в свою очередь, настороженно и с опасением относились к суждениям радикально настроенного генерала о реорганизации РОВСа. Они даже распространяли слухи о готовящемся им «дворцовом перевороте», в результате которого будет устранен генерал Миллер, и к руководству Союзом придет то ли сам Шатилов, то ли при его помощи - генерал Абрамов, то ли - они вместе.

Генерал Миллер в сложившейся трудной ситуации настойчиво искал компромиссы, пытался примирить разные группы в своем окружении, трудно принимал решения, а еще сложнее обстояло дело с их реализацией. Часто Миллер вел себя весьма непоследовательно, то заявляя, например, о необходимости срочного сокращения ассигнований, ввиду финансового кризиса Союза (в том числе о проведении в жизнь предложений генерала Шатилова с 1 мая 1934 года), то колеблясь, когда дело касалось сокращения и в первую очередь близких ему людей. Общая ситуация осложнялась ухудшением здоровья генерала Миллера, нарастающей депрессией, бессонницей. Это являлось следствием переутомления, перенесенного в 1933 году тяжелого заболевания и, наконец, преклонного возраста.

Интересны откровенные размышления самого председателя Русского Обще-Воинского Союза, высказанные им в весьма доверительной личной переписке со своим заместителем и начальником III отдела Союза генералом Абрамовым весной 1934 года. «О легенде моего «сваления» (т.е. устранения - В.Г.) я впервые услышал месяца полтора назад и вторично из Вашего письма», - писал Миллер Абрамову 22 марта и добавлял, - но как Вы знаете, мысль о моем уходе, за несоответствием требованиям данного времени и данной обстановки, меня заботит уже года два. Прошлогодня же болезнь не прошла для меня незаметно и бесследно»¹⁷.

К этому же времени относятся и чрезвычайно любопытные раздумья председателя РОВСа, где он сравнивает себя со своими предшественниками, дает оценку себе, своей деятельности на этом посту и весьма самокритично пишет о собственных недостатках. Отчасти они зависят от того, размышлял генерал Миллер, что «я был далеко от главного ядра - от Добровольческой армии, для которой я - человек чужой», а также от моего возраста и следовательно болезни, но, отчасти, «от моего характера и тут - 66 лет, - себя не переделаешь». «Той волевой силы, активной, которая нужна сейчас и которая так определенно и ярко выявлялась у П.Н.Вр. (Петра Николаевича Врангеля - В.Г.) и в достаточной мере имелась у А.П. (Александра Павловича Кутепова - В.Г.), и которой не было достаточно у Вел. Князя, у меня ее тоже недостаточно, - признается Е.К. Миллер. - И это может отразиться пагубно на всем нашем деле, если наступят события, позволяющие принять широкое участие в борьбе».

Продолжая свои размышления, генерал Миллер писал: «Есть люди, которые могут быть только на первых ролях, и тогда они блестящи, а на вторых ролях они или невыносимы, или просто малоудовлетворительны - таким был П.Н. Вр. (Петр Николаевич Врангель - В.Г.); есть, наоборот, люди, которые на вторых ролях могут быть хороши и даже очень - и без лишней скромности скажу, что причисляю себя именно к хорошим, но для **первых ролей мне не хватает воли и вкуса к власти, личного честолюбия, и потому и умения изображать из себя важную фигуру и т.п.**» (выделено мною - В.Г.). Подчеркнем и следующее нелегкое признание генерала Миллера: **«Конечно, я сделал большую ошибку, что, зная себе цену, я вообще 27 Января 1930 года согласился на основании какого-то эфемерного указания А.П-ча (Александра Павловича Кутепова - В.Г.) о том, что я являюсь товарищем председателя РОВС, стать во главе РОВС; но не судите меня строго за это - в ту минуту отказаться, помимо некоторого смятения, которое это могло вызвать на несколько дней, ведь это было бы всеми понято, как трусость».** «Не могу сказать, что совершил какой-то акт смелости, приняв после похищения генерала Кутепова должность председателя РОВС», - оговаривался Миллер, но вновь подчеркивал, что у многих и особенно военных психологически его отказ от этого воспринимался бы именно как трусость, и на это он пойти не мог. Вместе с тем, он считал своим упущением то, что не созвал через шесть месяцев после исчезновения Кутепова съезд Старших начальников для обсуждения этого вопроса, и добавлял, что «это, несомненно, не только ошибка, но и большой грех мой перед нашим большим Русским Делом». Миллер признавался, что не может даже себе дать отчет, почему он этого не сделал, оговариваясь, что, конечно, не из честолюбия и корыстных, т.е. материальных соображений.

Возвращаясь к исходному тезису о своем устранении с занимаемой должности, генерал Миллер писал Абрамову: «Повторяю, сваливать меня незачем, об этом могут говорить только люди или злоумышленные, или совершенно не знающие ни меня, ни П.Н-ча (Павла Николаевича Шатилова - В.Г.), но от сознания того, что я не удовлетворяю тем требованиям, даже скромно сформулированным, которые обстоятельства требуют от Председателя РОВС, до настойчиво преследующей меня мысли о необходимости передать бразды правления более молодому и энергичному, более предприимчивому, немножко авантюристическому человеку всего один шаг»¹⁸.

В переписке с Абрамовым генерал Миллер подробно рассуждал о предложениях генерала Шатилова по реформированию Русского Обще-Воинского Союза и о самом реформаторе. Указывая на то, что они познакомились по службе только четыре года назад¹⁹, Миллер признавался, что его всегда удивляло, как мог генерал Врангель рас-

статься с ним после всего, что их связывало за время Гражданской войны и в такое время (весной 1922 года), когда предстояла громадная работа по постепенному переходу армии на рабочее положение, почему генерал Кутепов сохранил Хольмсена и уволил именно Шатилова, когда средства не позволяли сохранить их обоих и т.д. Теперь председатель РОВСа указывал, что он понимает, в чем дело. Шатилову были свойственны ценные качества и способности: богатство идей, быстрая работа головой, энергия, темперамент, вокруг него никогда не было сонного царства. И в то же время ему, по утверждению генерала Миллера, были присущи легкомыслие (в том числе в отношении к деньгам), неосновательность, отсутствие точности в докладах и пр. Идеальный вариант был бы, рассуждал председатель РОВСа, если бы Шатилов был начальником, а он - начальником штаба. Но в настоящее время генерал Миллер считал это невозможным. Он отвергал и суждения Шатилова (которые, заметим, во многом разделял и генерал Абрамов) о необходимости увольнения генералов Драгомирова, Глобачева и Стогова. Поэтому председатель РОВСа стремился убедить своего заместителя в нецелесообразности подобных действий, ибо полноценных замен названным лицам не было.

В своем письме от 22 марта 1934 года председатель РОВСа вновь и вновь возвращался к личности Шатилова. Возможно, что если генерал Шатилов встанет во главе РОВСа, то чувство своей ответственности заставит его быть и осмотрительнее и вдумчивее, размышлял генерал Миллер, возможно бывшие промахи чему-нибудь научили его. «Не скрою от Вас, - писал он, вместе с тем, генералу Абрамову, - что лично я спокоен за судьбы РОВСа не буду при возглавлении его ПНШ-м (Шатиловым -В.Г.)». Тем не менее, Миллер считал, что сам он может все-таки ошибаться, и вспоминал 1922 год, когда генерал Врангель назначил его своим заместителем - начальником штаба вместо генерала Шатилова, и тот не проявлял ни намеков на недоброжелательство, имеющееся обычно между Предшественником и преемником, но помогал ему советом и делом в Сремских Карловцах. Поэтому Миллер указывал, что был бы рад, если бы наши взаимные роли перевернулись на 180 градусов в сравнении с 1922 годом, и он мог бы отплатить Шатилову тем же²⁰.

Но в приложении к этому письму генералу Абрамову председатель Русского Обще-Воинского Союза приводил материалы анкетирования, проведенного среди старших начальников Союза, с целью выявить наиболее достойного, по их мнению, заместителя и преемника Миллера, которые свидетельствовали явно не в пользу генерала Шатилова, что, как признавался сам Миллер, его очень удивило и огорчило. В списке содержались фамилии 14 генералов и двух старших морских офицеров (вице-адмирала М.А. Кедрова и капитана I ранга Я.М. Подгорного). Из 24 поданных голосов 20 было за генерала Ф.Ф. Абрамова, в том числе 15 человек рассматривали его в качестве первого кандидата. На втором месте со значительным отставанием был генерал А.М. Драгомиров (за него было подано 11 голосов, в том числе 4 человека рассматривали его в качестве первого кандидата), на третьем - вице-адмирал М.А. Кедров (соответственно -10 и 3 голоса). И лишь четвертым в этом списке был генерал П.Н. Шатилов, за которого было подано всего 7 голосов (и лишь один из голосовавших рассматривал его в качестве первого кандидата). Генерал Барбович получил 8 голосов (на один голос больше, чем Шатилов), но его (как и следующих за ним далее в списке лиц) никто не рассматривал в качестве первого кандидата. Генералы П.Н. Краснов, В.К. Витковский, И.Г. Эрдели и А.С. Лукомский получили по 2 голоса, а остальные лица - по одному. Резюмируя эти результаты, генерал Миллер писал Абрамову о своей готовности сдать пост, за который он не держится, но задавался вопросом - кому. Он просил Абрамова посмотреть на анкетный результат и сказать, что он думает о нем, какой выход найти из этого тупика²¹.

В своем следующем письме генералу Абрамову от 28 марта 1934 года генерал Миллер продолжал размышлять над сложными взаимоотношениями лиц в его ближайшем окружении. В центре его внимания вновь оказалась фигура генерала Шатилова. Миллер жаловался на трудности работы с ним, констатируя, что совместной работы у него с Шатиловым вообще не существует, и о том, что делается по РОВСу во Франции, он знает меньше, чем о происходящих событиях и жизни чинов Союза в Югосла-

вии и Болгарии. Доклады же Шатилова сводились, по утверждению председателя РОВСа, исключительно к денежным просьбам. Остаться работать с одним Шатиловым, если в его руках окажется вся работа генералов Драгомирова и Стогова, на увольнении которых тот настаивал, наряду с исполнением Шатиловым по-прежнему и обязанностей начальника I отдела РОВСа, генерал Миллер не хотел. В таком случае, рассуждал он: «Я окажусь просто в роли президента Французской Республики с той только разницей, что последний и не несет ответственности за все, что во всех областях будет делать П.Н. (Павел Николаевич Шатилов - В.Г.)». «Если же с такой ролью буду пытаться не примириться, то вместо помощи и сотрудничества у нас будет вечная борьба и в гораздо больших размерах, нежели ныне, моя роль сведется к расхлебыванию тех каш, которые заварит П.Н.», - писал председатель РОВСа. - Взять на себя ответственность поручить ему работу А.М.Д. (Абрама Михайловича Драгомирова - В.Д.) я просто не могу, ибо ни нужной осторожности и осмотрительности, ни настойчивости и привычки продумывать вопрос до конца, раньше, чем решаться, по моему мнению, у него нет»²².

Проходит менее двух недель и 9 апреля Миллер направляет в Софию, генералу Абрамову новое письмо, в котором обсуждает вопрос о своем возможном преемнике и отходе (по крайнем мере, временном) от дел. «Спорить против очевидности преемника не приходится», - замечает он. Но перечисляя потенциальные кандидатуры - генералов Драгомирова и Шатилова, вице-адмирала Кедрова²³, председатель РОВСа указывает, что можно спорить до бесконечности, кто из них больше подходит на эту должность, но «ясно одно, что ни один из них явным, очевидным доверием и авторитетом среди большинства наиболее ответственных старших чинов РОВСа не пользуется в данную минуту».

Если судить по этому письму (да и по другим документам), то генерал Миллер доверял и видел преемника только в человеке, которому адресовалось его послание, - генерале Абрамове. Далее в своем апрельском письме Абрамову председатель РОВСа размышлял уже о том, как найти форму, чтобы его уход не стал темой пересудов и новых сплетен, поисков человека, которому это будет поставлено в вину. Такой фигурой, по мнению Миллера, мог стать генерал Шатилов, учитывая его поведение и действия, критику и обвинения по адресу действующего руководителя Союза, а также заявления на тему «усиления активизма». Но удаление Шатилова, считал автор письма, нанесет вред и внесет разложение в ряды РОВСа. Далее генерал Миллер сообщал в письме, что у него состоялась встреча с профессором Алексинским, который лечил его в прошлом году. Авторитетный врач подтвердил то, что ощущал и автор письма - сильное переутомление, с такими симптомами, как бессонница ночью и сонливость днем, потеря памяти, невозможность сосредоточиться на каком-либо вопросе. «Да когда же ты, наконец, поймешь, что тебе пора на покой», - заявил Алексинский Миллеру.

Поэтому действующий председатель РОВСа видел наиболее безболезненный выход из создавшейся ситуации в том, чтобы сначала уехать в отпуск, что никого не поразит, а затем через месяц - полтора, ввиду выяснившейся необходимости в более продолжительном отдыхе, передать официально руководство РОВСом Абрамову. Миллер обещал ему передать фактически все дела перед отъездом в двухмесячный отпуск, чтобы он получил полную свободу рук во всех вопросах. Например, генерал Драгомиров должен был сделать ему отчет о своей работе и ее результатах, после чего именно Абрамову предстояло принять решение в отношении него²⁴.

Итак, генерал Миллер, казалось, принял принципиальное решение о своем уходе, наметил преемника - генерала Абрамова и в апреле срочно вызвал его из Софии в Париж для вступления в исполнение обязанностей председателя РОВСа. Это не вызвало особого энтузиазма генерала Абрамова, который спустя месяц с небольшим так характеризовал происходившее и свое к этому отношение в письме генералу Миллеру: «Я принял Ваше предложение как приказание, вызванное исключительностью создавшегося положения, несмотря на возбужденное мною еще в том году ходатайство об освобождении меня от замещения председателя РОВС». Он мотивировал это также пониманием необходимости немедленного вступления в должность во избежание ос-

ложнений, могущих иметь место в период временного замещения, а также в связи с предстоящей реорганизацией управления председателя Союза и необходимостью сокращения расходов на аппарат²⁵.

Генерал Абрамов прибыл в Париж в мае 1934 года и приступил к переговорам с генералом Миллером. В центре их обсуждения оказались вопросы продолжительности и характера передаваемых генералу Абрамову полномочий. Тем временем в эмигрантской печати и в кругах военной эмиграции центральной становится тема возможного ухода генерала Миллера с поста председателя РОВСа и обсуждение кандидатуры его преемника, а в связи с этим - перспектив и возможных путей реорганизации Союза.

Тон дискуссии был задан передовой статьей под названием «В Русском Обще-Воинском Союзе» в парижской газете «Возрождение» 11 мая 1934 года. В ней указывалось, что РОВС переживает внутренний кризис, и у многих друзей Союза это вызывает естественную тревогу. Союз характеризовался как ядро эмиграции, генерал Врангель задумывал создать его как нечто, представляющее нацию в изгнании. По мнению газеты, все другие группировки - политические, общественные, благотворительные, бытовые объединялись вокруг РОВСа, составляя то, что получило наименование Зарубежной России. «В этом свободном, непринужденном и незакрепленном уставом объединении всех русских организаций вокруг РОВС должна была сохраниться идея русской нации», - подчеркивалось в статье. После этих высокопарных слов в адрес Русского Обще-Воинского Союза сообщалось, что генерал Миллер вынужден по состоянию здоровья временно покинуть свой пост, что требует особой ответственности нынешних руководителей Союза. В статье содержался призыв сплотиться вокруг Русского Обще-Воинского Союза и не дать ему ослабить себя, укреплять всеобщее доверие Союза к своим руководителям и содействовать объединению всех других организаций вокруг РОВСа.

Сам генерал Миллер так характеризовал происходящее в своем письме генералу фон Лампе в Берлин 15 мая 1934 года: «Я, действительно, чувствую себя переутомленным, вернее ощущаю пониженную работоспособность», поэтому обратился к профессору Алексинскому, «который и прошлым году выходил и спас меня от серьезной болезни». Тот рекомендовал на несколько месяцев полный покой, не думать о делах РОВСа и тогда можно надеяться избавиться от бессонницы и снова взяться за дело. Это последствия прошлогодней болезни и недостаточного внимания к себе, резюмировал генерал Миллер, надо было два месяца отдохнуть тогда. Он просил в связи с этим приехать Абрамова как своего заместителя и поставил его в известность, что отпуск может затянуться, и не скрывал, что если надежда профессора Алексинского не оправдается, то его отход от дел может стать окончательным.

Слухи об оставлении им поста председателя Русского Обще-Воинского Союза, указывалось в этом же письме Миллера, стали распространяться еще в апреле во время съезда национальных организаций, а когда приехал генерал Абрамов пошли сплетни, слухи и шумиха: «Почему Абрамов? Почему их не спросили? Ведь РОВС - самое крупное и ценное общественное образование». Сведения, что Абрамов не предполагает оставаться в Париже, вернется в Софию и будет руководить оттуда, вызвали новые вопросы и обсуждение: «Значит во главе всего П.Н.Ш. (П.Н. Шатилов - В.Г.) и может будет заворачивать всем Союзом, и пошла гулять губерния». «Я знал, что П.Н.Ш не пользуется симпатиями в наших эмигрантских организациях, но никогда не ожидал, что произойдет такой Бум, - признавался генерал Миллер. - Кругом все закричали о развале РОВСа, если только за старшего в Париже останется П.Н.Ш., ибо невольно все руководство перейдет к нему». Статьи о ситуации в РОВСе появились в газетах «Возрождение» и «Последние Новости». Генерал Лукомский и особенно вице-адмирал Кедров завели разговор о том, что если бы генерал Миллер уходил совсем, то следовало бы собрать какое-то совещание старших начальников, как это было сделано в Крыму (в 1920 г.) и решить вопрос о его преемнике. «Как Вы знаете, - писал в связи с этим генерал Миллер, - я своевременно сделал опрос старших начальников РОВСа и результаты моего опроса таковы, что я имел полное право считать генерала Абрамова тем генера-

лом, который пользуется всеобщим доверием и уважением. С меня было этого достаточно».

Завершая свое письмо генералу фон Лампе, председатель Русского Обще-Воинского Союза указывал, что он сдает дела Абрамову, а сам на 3 - 4 недели уезжает в Баньолсьюр Орн - маленький курорт в центре Франции, где имеются источники с живой водой, а затем - июль и август планирует провести с женой и сыном (его семьей, приезжающей в отпуск из Марокко) в деревне в окрестностях Парижа, насладиться природой, отдохнуть от людей, и 1 сентября вернется к исполнению своих обязанностей. Все текущие дела генерал Миллер передавал Абрамову, а политическую работу оставлял за собой²⁶.

В это время генерал Розанов (не являвшийся членом РОВСа), а также генерал Лукомский (за которыми, как предполагалось, стоял вице-адмирал Кедров), выступают с идеей проведения совещания генералов и старших начальников («генеральского Совдепа», как о ней иронически отзывались оппоненты). А генерал Розанов даже разослал 14 мая ряду генералов приглашения прибыть в Галлиполийское Собрание 17 мая для обсуждения положения в Русском Обще-Воинском Союзе в связи с болезнью генерала Миллера и предложил последнему председательствовать на этой встрече. Но председатель РОВСа отказался, так как все это планировалось без него ведомо²⁷.

В результате созыв этого совещания 17 мая был сорван, что, впрочем, не означало, что исчезла сама идея его проведения. Тем более, что ее активно выдвигали и поддерживали газета «Возрождение» и журнал «Часовой», между которыми и руководством Русского Обще-Воинского Союза нарастали противоречия. Следствием этого стало, например, циркулярное разъяснение от имени председателя РОВСа 11 мая 1934 года. В нем указывалось, что журнал «Часовой», равно как и его редактор, капитан Орехов, никакого отношения к управлению Русского Обще-Воинского Союза не имеют; журнал «Часовой» ни в какой мере не является ни официальным, ни неофициальным органом РОВСа. При всех сношениях с редактором этого издания Ореховым предлагалось смотреть на него, как на одного из чинов Союза, капитана Марковской железнодорожной роты и редактора совершенно частного, независимого от управления РОВСа, военного издания²⁸.

Развернувшаяся шумиха и обсуждение в широких эмигрантских кругах ситуации в РОВСе и того, как скажется возможная смена его председателя на деятельности Союза и в целом на Русском Зарубежье, заставили генерала Миллера пойти на попятную и в корне изменить свое первоначальное намерение. Он решил поста председателя РОВСа не оставлять, но уйти в отпуск, возложив временное исполнение обязанностей председателя Союза на генерала Абрамова. Но это не устраивало последнего, о чем он и сообщил в письме Миллеру 2 июня. Положение временного заместителя является всегда трудным, указывал Абрамов, и, тем более, в пору намеченной генералом Миллером на июнь кардинальной реорганизации центрального управления, сопряженной с сокращением сметных расходов, ликвидацией целых отделов и увольнением сотрудников. Генерал Абрамов просил освободить его от временного замещения обязанностей председателя РОВСа, считая это ненужным, так как сам генерал Миллер планировал оставаться во Франции и в ближайшее время приступить к своим обязанностям. Абрамов ссыпался также на то, что его пребывание в Париже отрицательно сказывается на работе III отдела РОВСа, к тому же он еще в 1932, а затем осенью 1933 года ходатайствовал об освобождении его от обязанностей заместителя председателя Союза²⁹. И, тем не менее, генералу Миллеру удалось убедить Абрамова остаться.

6 июня 1934 года были изданы приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу № 17 генерала Миллера, извещавший о его отбытии в отпуск на три месяца и вступлении во временное исполнение должности председателя РОВСа его заместителя генерала Абрамова, и подписанный последним приказ № 18 о вступлении временно в эту должность. На следующий день генерал Шатилов издал циркуляр, адресованный начальникам и председателям воинских организаций I отдела, в котором разъяснялась сложившаяся ситуация и сопутствующие ей события. В нем указывалось также, что решение

генерала Миллера об отдыхе совпало с сокращением бюджета РОВСа, ввиду отсутствия новых поступлений. При этом разъяснялось, что сокращения затронули центральный аппарат РОВСа и все расходные статьи на 30 %, но не коснулись Фонда Спасения России и поступлений в него, направляемых на противобольшевистскую работу³⁰.

14 июня Шатилов пишет письмо начальнику IV отдела РОВСа в Белграде генералу Барбовичу, в котором с удовлетворением констатировал изменения, происшедшие в Русском Обще-Воинском Союзе в последние недели и дни: вступление в исполнение обязанностей председателя Союза генерала Абрамова, освобождение от обязанностей начальника военной канцелярии Союза генерала Стогова и занятие этой должности генералом Кусонским. «Ввиду последнего обстоятельства сразу изменилась наша внутренняя обстановка, - писал Шатилов. - Все мы - единомышленники и работа идет в дружественных, полных взаимного доверия, тонах. Если бы это случилось раньше, теперь бы мы не испытывали всего того, что так нарушало единство нашей работы и тех злостных нападков, которые клонились к внесению в наши ряды разложения и тревоги». Автор письма добавлял, что перед отъездом генерал Миллер утвердил «нашу смету», сведя ее к 35 тыс. франков в месяц. По ней не были предусмотрены расходы на содержание генералов Драгомирова, Глобачева, Стогова, Хольмсена, а двое последних вместе с Изюмовым уже сокращены. «Свершилось то, что мы рекомендовали 12 месяцев», - с удовлетворением резюмировал генерал Шатилов.

Указывая на продолжающиеся атаки газеты «Последние Новости», «уже не на отдельных лиц командования, а на нашу систему», Шатилов информировал Барбовича о статьях, которые планировалось направить в различные издания для противодействия нападкам этой газеты, редактируемой Милуковым. По мнению генерала Шатилова, редактор «Часового» Орехов «подло изменил, ... переходит в ряды наших врагов и ведет нескрываемую агитацию, главным образом против Абрамова». Автор письма объяснял эту «измену» в том числе и сведением к минимуму субсидий журналу со стороны главного командования. Орехов же приходил уже к генералу Кусонскому, замечал Шатилов, интересуясь вправе ли его издание оставаться на улице Колизе, 29, где располагалось управление РОВСа, так как не согласен с позицией генерала Абрамова, отказавшегося от созыва генеральского совещания. Орехов, по утверждению Шатилова, не просто настаивает на таком совещании, но и, ссылаясь на кризис РОВСа, требует замены его нынешнего руководства. Генерал Шатилов выдвигал предположение, что Орехов хочет замены Миллера Кедровым, хотя не исключал, что за ним стоит и Деникин. В связи с вышеизложенным Шатилов предлагал сделать официозом Русского Обще-Воинского Союза журнал «Галлиполийский Вестник».

Генерал Шатилов касался в своем письме и будирующих действий генерала Туркула, командира Дроздовского полка, но полагал, что тот не идет за кем-либо, а просто хочет своего выдвижения на какую-либо активную и ответственную должность, связанную с деятельностью конспиративного характера, и полагал, что уход генерала Драгомирова обещает ему доступ к активной работе. «Туркула надо все время держать около себя», - резюмировал Шатилов.

В указанном письме содержалась и информация о посещении генералом Абрамовым редакции газеты «Возрождение» и встрече с ее издателем А.О. Гукасовым и редактором Ю.Ф. Семеновым, которые выразили неудовлетворение деятельностью генерала Миллера и хотели бы, чтобы он не возвращался к руководству РОВСа. Они, как и Шатилов, хотели бы видеть вместо Миллера генерала Абрамова, но возражали против переноса управления Союза в Болгарию³¹.

Это письмо генерала Шатилова знаменовало, казалось бы, долгожданные позитивные перемены в Русском Обще-Воинском Союзе и выход из кризиса по его сценарию. Но уже 15 июня и в последующие дни происходят события, которые существенно изменили расстановку сил в руководстве Союза и привели к уходу из него самого Шатилова.

День 15 июня 1934 года становится поистине черным для генералов Абрамова и Шатилова. Их вызвали в префектуру полиции Парижа, где предложили добровольно и

немедленно покинуть пределы Франции, предупредив, что в ином случае они будут насильственно высланы. Официально это мотивировалось «изменением новым руководством направления деятельности последнего», т.е. Русского Обще-Воинского Союза³². Эту акцию можно объяснить также тем обстоятельством, что правительство Франции выступало за развитие отношений с СССР в связи с растущей германской угрозой. В это время шли переговоры Франции с СССР о подписании совместного договора, который должен был стать важным звеном в формирующейся системе коллективной безопасности в Европе, направленной против фашистской Германии и призванной противодействовать опасности германского реванша. В сложившейся международной ситуации власти Франции стремились пресечь деятельность тех лиц из Числа эмигрантов, которые придерживались крайне антисоветских взглядов и, не ограничиваясь этим, призывали к активизации действий, направленных против советского государства.

Генерал Шатилов, размышляя над случившемся в письме генералу Барбовичу 17 июня, указывал, что, по его сведениям, большевики взволновались отъездом генерала Миллера и приходом на его место Абрамова, которого советский посол в Париже Довгалевский характеризовал на встрече в МИД Франции, как второго Кутепова, ожидая активизации антисоветской деятельности. Кроме того, советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов на встрече в Женеве с министром иностранных дел Франции Л. Барту, якобы, поднимал эту же тему, ставя перед французской стороной вопрос о необходимости соответствующих действий против Русского Обще-Воинского Союза. Генерал Кусонский объяснял происшедшее также тем, что изменения в руководстве РОВСа, якобы, вызвали у французских властей подозрения в усилении прогерманской ориентации в его руководстве и деятельности³³. По секретным данным, полученным в Русском Обще-Воинском Союзе, за кампанией, развернутой против него, стоял и Иностранный отдел ОГПУ, считавший генералов Абрамова и Шатилова более опасными противниками, нежели престарелый Миллер.

В эмигрантской печати высказывалось также предположение, что свою негативную роль в этой истории сыграли и «небылицы», распространявшиеся его недоброжелателями, например, редактировавшейся П.Н. Милюковым газетой «Последние Новости», формировавшей атмосферу недоброжелательства вокруг Русского Обще-Воинского Союза³⁴.

15 июня вышел в свет очередной номер журнала «Часовой», передовой материал которого, подготовленный его редактором, был посвящен развитию ситуации в Русском Обще-Воинском Союзе. В публикации выражалась солидарность со статьей в газете «Возрождение» от 11 мая и обосновывалась идея проведения Военного Совещания. К его работе предлагалось привлечь всех старших военных начальников Российской Императорской и Добровольческой армий, верных идее Белой Борьбы, и нынешних руководителей отделов и наиболее значимых организаций РОВСа, а также начальников войсковых подразделений. Положения, принятые на Военном Совещании, должны были бы, по мнению редактора «Часового», укрепить единство РОВСа и прекратить борьбу честолюбий³⁵.

Резкое обострение кризиса, развернувшаяся полемика в печати и выдвинутые обвинения в адрес ряда руководящих деятелей Русского Обще-Воинского Союза заставили вмешаться генерала Миллера. Он вынужден был, прервав отдых, срочно вернуться в Париж и попытаться добиться в министерстве иностранных дел Франции отмены решений о высылке из страны генералов Шатилова и Абрамова. Он уверял, что ничего принципиально нового в Союзе не произошло, и он по-прежнему руководит его деятельностью, хотя и находится в настоящее время на отдыхе под Парижем³⁶. Начальник канцелярии РОВСа генерал Кусонский систематически информировал руководителей отделов и подотделов Союза о развитии ситуации. Шел поиск взаимоприемлемого компромисса во взаимоотношениях властей Франции и Русского Обще-Воинского Союза, и этот процесс хорошо прослеживается в сохранившихся документах.

27 июня генерал Шатилов направляет циркуляр в адрес начальников и председателей воинских организаций I отдела РОВСа. Он информирует их о сложившейся

крайне неблагоприятной ситуации, подчеркивая, что «никогда еще не было такого». Характеризуя международную ситуацию, Шатилов указывает, что Франция не только сблизилась с СССР, но и готовится заключить с ним военный договор. Япония стремится сохранить дружеские отношения с СССР. В Германии в русском вопросе доминирует сепаратистское течение. Малая Антанта признала советскую власть, и к этому готовится и Болгария. Англия и Италия заключили торговые отношения с СССР и безразлично относятся к судьбам России. Единственная светлая точка, по мнению Шатилова, - это Югославия.

Развернувшаяся борьба в эмиграции распространилась, по утверждению Шатилова, и на военную среду, а посторонние силы стремятся внести раскол в Русский Обще-Воинский Союз. И внутри него есть лица, занимающие враждебную позицию в отношении его руководителей, а их действия поддержаны частью русской прессы, заявляющей о потере руководящими лицами авторитета и популярности. Главным объектом нападок, по заявлению Шатилова, является он сам. Поэтому еще полтора месяца назад, указывалось в циркулярном письме, он обратился к председателю РОВСа с просьбой об отставке с должности начальника I отдела для внесения таким образом успокоения в нашу среду. Однако генерал Миллер тогда не согласился с ним. Но нападки и доносы продолжались, что и воплотилось в решение французских властей о его высылке. Ныне они разобрались в лжесвидетельстве, и вопрос о высылке его и Абрамова принял благоприятный оборот. Тем не менее, считал Шатилов, хотя генерал Миллер и просит отложить решение, он не может оставаться больше на посту начальника I отдела: «Слишком моя личность привлекает к себе враждебность со стороны многих лиц и даже политических эмигрантских организаций. Мой долг отвести от РОВСа те выступления, которые направлены против меня лично и задевают весь РОВС». Поэтому, извещает Шатилов своих подчиненных, он подал председателю Русского Обще-Воинского Союза рапорт об освобождении³⁷.

29 июня 1934 года приказом РОВСу генерал Шатилов был освобожден (согласно его ходатайства от 27 июня) от должности начальника I отдела с выражением традиционной в таком случае благодарности за четырехлетнюю работу на этом посту и направлен в распоряжение председателя Союза. Начальником I отдела был назначен генерал от кавалерии Эрдели, являвшийся до этого председателем Союза Офицеров-Участников Великой войны во Франции³⁸.

На следующий день, узнав о происшедшем в Париже, начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе пишет из Берлина начальнику канцелярии Союза генералу Кусонскому, что он огорчен уходом Шатилова и выражает тревогу, что теперь примутся за следующего, а им, несомненно, будет сам председатель Русского Обще-Воинского Союза генерал Миллер. 9 июля генерал Кусонский, извиняясь за задержку, направляет ответное письмо фон Лампе. Он признает, что уход Шатилова - большая потеря для дела. Но последним поводом для генерала Миллера и для самого автора письма было то равнодушное, граничащее со злорадством отношение подчиненных Шатилова к его готовящейся высылке из Франции. «Вокруг П.Н. (Шатилова - В.Г.) да и Ф.Ф. (Абрамова - В.Г.) образовалась или образовывалась пустота - в ней нельзя было оставаться», - продолжал генерал Кусонский. Он признавался, что Шатилов хотел видеть в этой должности его (видимо, с совмещением с должностью начальника канцелярии), но генерал Абрамов промолчал, а он сам не напрашивался.

27 июня генерал Шатилов подал рапорт, на следующий день генерал Миллер переговорил с Эрдели и 29-го вышел приказ. За кандидатуру Эрдели были и генерал Абрамов, и сам Кусонский. Характеризуя нового начальника I отдела, последний указывал в своем письме фон Лампе, что Эрдели не может вызвать упреков, ругани и тревоги, интимно близок к Миллеру и имеет связи с французами, которым импонирует, что он - первопоходник. Что касается недостатков Эрдели, то, по мнению Кусонского, он - слишком покладист, а как первопоходник - не совсем благополучен в отношении деникинцев. «Его первые шаги мне нравятся», - писал Кусонский и, наоборот, указы-

вал, что ни ему, ни Абрамову совершенно не нравится поведение Шатилова после ухода, и «он - единственный виновник, что у нас остается неприятный осадок»³⁹.

Тема кризиса Русского Обще-Воинского Союза выплеснулась на страницы эмигрантской печати и стала предметом обсуждения в самом Союзе. На это не могло не реагировать и руководство организации. 30 июня 1934 года начальникам отделов и подотделов РОВСа был направлен циркуляр в связи с публикацией статьи «Кризис в Общевоинском Союзе». Утверждалось, что это не более, чем вымысел, а целью статьи является деморализация РОВСа. В циркуляре говорилось также, что штаб-квартира этой организации не планирует переезжать в другую страну⁴⁰. Хотя заметим, что материалы переписки руководящего состава РОВСа в июне - июле 1934 года свидетельствуют об обмене мнениями в отношении перемещения центра Союза в Бельгию или в Голландию.

Отрицая официально наличие кризиса в Русском Обще-Воинском Союзе, его руководящие деятели в переписке между собой достаточно откровенно и небезынтересно размышляли о происходящем и его причинах. «Кампания против РОВСа складывается и строится также на многогранном основании, - писал генерал Кусонский в Берлин генералу фон Лампе, - тут и слабость главы, и обсуждение заместителя (хотя Е.К. охотно передал бы власть, если бы таковой нашелся), тут и нападки на Шатилова, тут и Деникинцы, тут и происки честолюбия Кедрова и т.д., и т.д. Не менее любопытно Кусонский рассуждал о причинах происходящего: «И безработица играет роль - людям нечего делать (безработные: Кедров, Стогов, Лукомский, Витковский, Фок, Туркул, Мацылев и пр.), поневоле всякая чушь лезет в голову и занимаются пересудами. О более глубоких и постоянно действующих причинах (долголетнее пребывание, деклассирование, озлобленность и др.) я уже не говорю»⁴¹.

В июле генерал Кусонский по распоряжению генерала Абрамова рассылает оповещение о развитии событий в связи с требованием французских властей о высылке из страны генералов Шатилова и Абрамова. Он извещает, что 28 июня генерал Миллер был приглашен в МИД Франции к директору департамента Европейских стран, который выразил сожаление об ошибочно принятом решении о их высылке на основании совершенно неверных сведений. Он уведомил, что это решение отменено и уверил также в доброжелательном отношении МИД к русской эмиграции и к РОВСу, в частности, Этот чиновник заверил также, что сближение Франции с СССР не может отразиться на отношении французского правительства к русской эмиграции во Франции.

Правда, и в дальнейшем эта тема еще известное время муссировалась в прессе. Сообщалось, например, что генералу Абрамову отказано в продлении французской визы, но вслед за этим последовало опровержение этого со стороны РОВСа. В конечном счете, высылка генералов была действительно отменена или отложена. Видимо, французские власти удовлетворились тем, что такой возмутитель спокойствия, как генерал Шатилов, покинул свой пост. В дальнейшем этот генерал занимался тем, чем и еще примерно три тысячи русских в Париже - работал таксистом. На руководящую работу в РОВСе он более не вернулся, хотя в различного рода интригах принимал активное участие, о чем пойдет речь в дальнейшем. Ситуация с генералом Абрамовым завершилась на этом этапе приказом Русскому Обще-Воинскому Союзу от 17 июля следующего содержания: «Ввиду нежелательности дальнейшего пребывания ген. Абрамова вне Софии председатель РОВ Союза ген. Миллер, продолжая находиться в непосредственной близости к Парижу на отдыхе, вступил в исполнение своих обязанностей»⁴². Тем самым возникший инцидент с французскими властями был исчерпан.

Но ситуация в РОВСе и вокруг него продолжала оставаться достаточно сложной. Наряду с наличием внутренних конфликтов в Союзе и борьбой конкурирующих групп в его руководстве, дискуссией в эмиграции, полемикой в прессе, происходили и другие весьма неприятные эпизоды. 1 июля 1934 года был совершен налет на квартиру, которую занимал председатель РОВСа. Дежуривший здесь ротмистр Изюмов был, якобы, от имени генерала Ознобишина вызван на свидание в церковь. Вслед за этим дверь в квартире генерала была взломана и унесены служебные бумаги и письма, особую

ценность среди которых представляла переписка с генералом Барбовичем о расходовании средств из «Фонда Спасения России» и некоторые другие документы, которые могли быть использованы для компрометации РОВСа. Проведенное расследование не позволило прояснить, было ли это делом рук оппонентов Русского Обще-Воинского Союза или чекистов. Прошло еще несколько месяцев и произошел взрыв бомбы на площадке второго этажа здания на улице Колизе, 29, где размещалось управление РОВСа. И в этом случае не удалось ясно понять, кто стоял за инцидентом.

7 сентября генерал Миллер сообщал генералу Абрамову, что забронированный фонд РОВСа составляет 65 тыс. франков, из которых на его отдел приходится 2600 долларов. В письме упоминалось, что эти данные являются дополнением секретного предписания от 20 июля 1934 года⁴³.

9 сентября 1934 года генерал Миллер посетил полковой праздник Корниловского ударного полка в Париже. В своей речи, среди прочих проблем, он высказался за укрепление единства эмиграции и сотрудничество с другими антибольшевистскими эмигрантскими организациями. Председатель РОВСа призвал делать это не для партийных споров о программах и взаимных враждебных выступлений, а сотрудничать и иногда поступать в них, чтобы в эти организации, члены которых в массе своей не прошли военной школы, передать лучшие воинские традиции Русской Императорской армии⁴⁴.

Тем временем судьбы отставников из бывшего руководства РОВСа складывались по-разному. В наиболее тяжелом положении оказался генерал Драгомиров, что с горечью признавал сам генерал Миллер, уговоривший его в свое время возглавить секретную работу Союза против СССР: «Я ввел его в гибельную сделку, ибо..., когда ему пришлось вернуться в Белград, он оказался в буквальном смысле слова выброшен на улицу без копейки»⁴⁵. Впрочем, Драгомиров не отошел от дел Союза и продолжал рассматриваться как одна из возможных кандидатур на руководство им в будущем. Генерал Глобачев вернулся к семье, жившей в США, и отошел от активной деятельности в РОВСе.

Ушедший в отставку генерал Шатилов продолжал внимательно анализировать процессы, происходившие в руководстве РОВСа, и его переписка на эту тему небезынтересна. По его мнению, такие лица, как генералы Лукомский, Стогов (к которым примкнет по возвращении из отпуска начальник 1-го армейского корпуса генерал Витковский), а также ставший исполнителем их решений Эрдели, стремятся ликвидировать «шатиловские корни», устранив с занимаемой должности генерала Кусонского, низведя до положения командира (Корниловского) полка генерала Скоблина, разрушив организацию Закржевского («Внутренняя Линия» во Франции) убрав полковника Станиславского (являлся начальником канцелярии I отдела РОВСа при генерале Шатилове). В другом письме Шатилов утверждал, что эти лица склоняются к сотрудничеству с Деникиным и его сторонниками, а вице-адмирал Кедров, вместе с Лукомским и Ореховым, даже, якобы, встречались и беседовали с ним.

Шатилов считал, что деникинцы пошли на сближение с РОВСом, чтобы устранить генерала Миллера в качестве его председателя и захватить руководство Союзом. По мнению Шатилова, лишь совместные усилия таких начальников отделов, как Абрамов, Барбович, фон Лампе, и начальника канцелярии Кусонского могут дать положительные результаты, привести к энергичным действиям, привлекая и выдвигая ценные элементы из среды РОВСа, побороть ликвидационные настроения генерала Миллера, связанные с опустением кассы Союза. Действиям генерала Туркула Шатилов дал следующую характеристику: «беспрерывно агитирует против всех и вся», утверждает, что «молодых генералов не оценили на верху и там сплошная гниль, и нужно всех повыгонять».

Большую тревогу у генерала Шатилова вызывали планы центрального управления РОВСа превратить его в профессиональную организацию и ликвидировать политическое лицо Союза. «Но, только обратив РОВС в политическую силу, можно почерпнуть силы для непримиримости против большевизма и стремления к борьбе с ним», -

утверждал Шатилов. Касаясь своего отношения к Русскому Обще-Воинскому Союзу, генерал Шатилов резюмировал: «Между мной и РОВСом проведена черта, которую я сам ломать не хочу. Ко мне было много обращений, но я их все отвергал. Я до конца буду совершенно лоялен к РОВСу и его возглавителю»⁴⁶.

Но 30 декабря 1934 года генерал Шатилов пишет довольно резкое письмо генералу Миллеру. Он критикует избранную руководством Русского Обще-Воинского Союза новую примирительную тактику, линию на общее сближение с другими организациями ради прекращения травли Союза, считая, что это повлекло за собой уступки в области стратегии и ряд унижительных для Союза мероприятий. В качестве примера Шатилов приводит распоряжение о рассмотрении «Последних Новостей» как органа, где могут помещаться всякие сообщения РОВСа. Но эта газета всегда выступала против Союза, указывал автор письма, а сейчас его руководство относится терпимо к антинациональной позиции «Последних Новостей». А в итоге Союз теряет расположение газеты «Возрождение», которая, по утверждению Шатилова, всегда относилась к РОВСу, как к политической силе, которую должны поддерживать все национальные организации. Он указывает также на ослабление центра РОВСа, наметившееся сотрудничество Эрдели с Деникиным и идею созыва нового съезда. «В результате - те общественные круги, которые раньше относились к тебе, как к возглавителю РОВСа с должным уважением, - писал Шатилов, обращаясь к Миллеру, - теперь не жалеют слов, чтобы обвинить тебя в отступлении от прежних позиций, в измене нашей идеологии и прежним друзьям... Приобретение новых друзей в погоне за желанием не подвергать себя нападкам аморальных элементов оттолкнуло от верхов РОВСа часть нашей верной опоры и соседей-друзей. Мы уже потеряли много, но не приобрели ничего существенного».

Шатилов писал, что он полгода молчал после отчисления от должности начальника I отдела, но сейчас выходит из положения оторванности, ибо происходит нечто непонятное в РОВСе. Он подчеркивал, что вместе с Врангелем создавал Русский Обще-Воинский Союз и оставляет за собой сейчас право выхода из него в знак протеста, хотя и гордится членством в РОВСе⁴⁷.

В январе 1935 года генерал Шатилов направил два письма в Софию генералу Абрамову. В них он с большой тревогой писал о процессах, происходивших в РОВСе, и о его проблемах - «нет творческой работы, особенно по политическому вопросу, отсутствует ознакомление с событиями в России... деньги на исходе», о происках деникинцев, пытающихся, по его сведениям, овладеть Союзом. Ссылаясь на сведения, полученные от генерала Фока, он утверждал, что Миллер решил уходить. Он намерен передать заместительство Эрдели. Тот согласился принять его, но только временно, а потом соберет «Совдеп» и предложит избрать председателем РОВСа Деникина. Ссылаясь на генерала Туркула, Шатилов писал, что тот секретно встречался с генералом Деникиным и сообщил ему, что большинство членов РОВСа его не примет. На что Деникин, якобы, ответил, что чины РОВСа подчинятся принятому решению и тому, кто окажется у руководства. В связи с этим Шатилов считал необходимым принять меры, чтобы воспрепятствовать такому изложенному им и вполне вероятному сценарию развития событий. «Конечно, мы продержимся еще известное время, но если не принять нужных мер, мы будем во Франции свидетелями полного нашего распада»⁴⁸, - резюмировал он. И хотя и в этом письме есть строчка, что его решение отойти от дел РОВСа не изменилось, но, очевидно, что Шатилов, отнюдь, не устранился в полной мере от них, а, напротив, использовал и скрытые каналы «Внутренней линии» (взаимодействуя с Фоссом и Заржевским) для влияния на ситуацию и политику Союза.

Конец 1934 года характеризовался рядом весьма неприятных для руководства РОВСа международных событий. В октябре 1934 года был убит король Югославии Александр I, который оказывал всемерную поддержку русской эмиграции в этой стране и в том числе деятельности ее военных организаций. Эмигрантская печать и, в частности, органы, симпатизировавшие Русскому Обще-Воинскому Союзу и способствовавшие проведению в жизнь его линии (как, например, «Вестник Общества Галлиполий-

цев»), опубликовали специальные траурные статьи. Венки к гробу короля Югославии были преподнесены от Русского Обще-Воинского Союза и его IV отдела. Председатель РОВСа генерал Миллер объявил месячный траур для всех членов Союза, а начальник IV отдела генерал Барбович объявил для своих чинов траур продолжительностью 6 недель, а общий траур - 6 месяцев⁴⁹. Все это должно было свидетельствовать о том вкладе, который внес ушедший из жизни король Югославии в жизнь и деятельность русской эмиграции в этой стране.

Большую тревогу руководства РОВСа вызывал разворачивавшийся политико-дипломатический диалог между СССР, с одной стороны, и Францией, и Чехословакией, с другой. Оно, не без оснований, ожидало от этого осложнений в условиях жизни и деятельности русских эмигрантских колоний в этих странах и в первую очередь воинских организаций. Советско-французское сближение и активизация деятельности советских спецслужб во Франции, и в целом в Европе, препятствовали и попыткам активной работы против СССР. Иностраный отдел Главного управления государственной безопасности получил из надежного источника и передал руководству НКВД сообщение о встрече генерала Миллера с руководителем парижского филиала «Национального Союза Нового Поколения» (НСНП) В.Д. Поремским. Дело в том, что когда генерал Миллер увидел обращение этой дружественной РОВСу организации с призывом к террористическим актам против крупнейших вождей в СССР, в частности, против Кирова, он приказал немедленно отмежеваться от этого лозунга. И вот в разговоре с Поремским по вопросу об отмежевании РОВСа от статьи «Чего они боятся», помещенной в газете «За Россию», Миллер откровенно заявил своему собеседнику, что РОВС в связи с хорошими взаимоотношениями СССР с Францией вынужден был сделать такое заявление, иначе Союзу угрожали большие неприятности. Но лично он, Миллер, и РОВС полностью разделяют взгляды, высказанные в органе НСНП. Генерал Миллер советовал быть осторожными, потому что по настоянию советского правительства боевые антибольшевистские организации могут быть закрыты, а это принесет большой вред борьбе против СССР⁵⁰.

Заметим, что 1934-35 годы становятся временем охлаждения и серьезного осложнения отношений между двумя дружественными и союзническими в прошлом организациями - РОВСом и НСНП. По утверждению руководителей последнего, в 1934 году происходила выкристаллизация тайной организации в НСНП. Они имели в виду проникновение агентов «Внутренней линии» в ряды своего Союза с целью захватить руководство им и подчинить РОВСу, поэтому в 1934 году провели чистку своей организации. Прямо противоположное суждение высказывал впоследствии руководитель «Внутренней линии» РОВСа во Франции капитан Закржевский. Он утверждал, что с лета 1934 года возглавители НСНП столкнулись с противодействием руководителей Русского Обще-Воинского Союза попыткам его (НСНП) расширения за счет членов РОВСа (главным образом в провинции). Лидеры НСНП сеяли слухи, что РОВС умер, ничего не делает, и дискредитировали его начальников. В этих условиях летом 1934 года руководство РОВСа направило письмо с протестом против подобных действий на имя Рождественского, а в 1935 году - на имя М.А. Павлова. В них указывалось, что НСНП обращает свой «активизм» на внутренний, эмигрантский фронт и пошел против тех, кто фактически своими руками, трудом и энергией помогли ему встать на ноги⁵¹.

Отношения между РОВСом и НСНП стали в конце 1935 - начале 1936 года предметом обмена мнениями между генералами Миллером и Абрамовым. Поводом послужила рассылка III отделом РОВСа справки-информации о деятельности НСНП, осуждающей ее руководителей. Генерал Миллер упрекал Абрамова за нападки на «молодых» и указывал, что считал бы ошибкой распространение этих материалов, посланных, видимо, по «Внутренней линии», ибо это было бы на руку большевикам и вбило бы клин между РОВСом и НСНП. Генерал Абрамов утверждал, что еще в 1934 году Исполнительное бюро НСНП развернуло наступление против РОВСа в Болгарии, но в результате большая часть членов НСНП ушла из болгарского отдела этой организации (из 200 человек осталось всего около 30), и в настоящее время НСНП в стране пред-

ставлено небольшой группой членов. В декабре 1935 года Болгарский центр НСНП разослал в провинцию провокационный циркуляр по поводу Белградских событий (ареста в Белграде в начале декабря секретаря IV отдела РОВСа ротмистра Коморовского и др.). Поэтому справка от 20 декабря, указывал генерал Абрамов, стала ответом на высказанные обвинения и была рассчитана на Болгарию.

Абрамов доказывал, что руководимый им III отдел РОВСа не ведет работы против НСНП и враждебности к нему не проявлял. Характеризуя лидеров этого Союза, генерал Абрамов утверждал, что М.А. Георгиевский - единственный фактический возглавитель НСНП, а его председатель - В.М. Байдалаков является не более, чем ширмой, ибо он - человек чрезвычайно работоспособный, но неумелый и безвольный. Современными действиями руководство НСНП, по мнению начальника III отдела РОВСа, старалось доказать свою работоспособность, а о взаимном договоре о ненападении с НСНП говорится уже давно. Генерал Миллер, в свою очередь, пытался сгладить происшедшее, встретившись и обсудив ситуацию с руководителем отдела НСНП во Франции В.Д. Поремским, а также добившись того, чтобы с Поремским и Рождественским поговорили и некоторые другие лица вне РОВСа⁵².

Так или иначе, но происходившие столкновения сводили на нет возможности взаимодействия и совместной дружной и эффективной работы этих организаций.

Происшедшие в середине 1934 года перемены в руководстве Русского Обще-Воинского Союза резко осложнили деятельность «Внутренней линии». Сменивший генерала Шатилова в должности начальника I отдела РОВСа генерал Эрдели узнал, по его утверждению, о ее деятельности во Франции по сводкам, получаемым от капитана Закржевского.

Но в этих так называемых «агентурных сводках» содержались, по мнению Эрдели, не столько сведения о большевистских агентах, сколько сплетни о внутренней жизни РОВСа и оговоры разных лиц. В результате генерал Эрдели обратился к Е.К. Миллеру: «Читать эту литературу не желаю и поощрять ее не могу». В конце концов, председатель РОВСа, по утверждению Эрдели, согласился с ним, распорядился прекратить деятельность «Внутренней шиши» во Франции, рассчитаться с Закржевским по почтовым расходам и дел с ним не иметь. Вслед за этим Закржевский уехал из Франции. Сам генерал Миллер в послании генералу Абрамову в феврале 1936 года писал: «Вы помните, конечно, какое уродливое направление приняла деятельность Закржевского последнее время при ПНШ (Павел Николаевич Шатилов - В.Г.), когда объектом слежки и донесений по «в.л.» («Внутренней линии» - В.Г.) явились я, ген. Стогов, ген. Эрдели, начальник I отдела, и наши разговоры вдвоем, которые могли стать достоянием доносящего только, если кто-либо подслушивал за дверью, и т.п.». Впрочем, в указанном письме генералу Абрамову председатель РОВСа признавался, что фактически деятельность «Внутренней линии» во Франции не прекращалась, несмотря на официальное распоряжение генерала Эрдели⁵³.

Постоянной заботой и тяжелой проблемой для руководства РОВСа оставалось ухудшавшееся финансово-экономическое положение Союза. Осенью 1934 года было объявлено о новом сокращении сметных ассигнований на работу центрального управления и отделов Союза с начала 1935 года. Уведомляя начальника II отдела РОВСа генерала фон Лампе о сокращении его пособия до 500 франков (и покрытия расходов на его канцелярию из сборов с организации), начальник канцелярии Союза генерал Кусонский, заметил, что он понимает, что жить на эти деньги для безработного (каковым был фон Лампе) почти невозможно в Германии и добавил, что не будет осуждать, если он, не найдя заработка, будет вынужден переменить место жительства. Может быть, в порядке некоего утешения, Кусонский писал фон Лампе, что сокращение жалований уже коснулось всех, и даже сам Миллер завтракает бутербродами, которые приносит из дома. Генерал Кусонский откровенно признавался, что затрудняется ответить, что будет после 1 июля 1935 года, так как средства РОВСа стремительно таяли⁵⁴.

Все это вело к нарастанию различных конфликтов. Например, в середине 1934 года к руководству Союза и в газету «Возрождение» обратилась вдова генерала Куте-

пова, протестуя против сокращения ее пенсионного оклада. Ее уведомили, что при сокращении расходов центрального управления ее оклад невозможно сохранить на прежнем уровне (2000 франков), но идет поиск иных источников и предполагается целевой сбор денег для этого от членов РОВСа. 25 октября того же года генералы Миллер и Кусонский направили циркуляр в адрес начальствующего состава РОВСа, посвященный положению вдовы главнокомандующего баронессы О.М. Врангель, его матери М.Д. Врангель и вдовы генерала Кутепова Л.Д. Кутеповой. В нем указывалось, что на руках вдовы Врангеля малолетний сын, к тому же старший сын еще не окончил обучения, а мать генерала находится в преклонном возрасте. Что касается вдовы Кутепова, то хотя ей и были выделены 100 тысяч франков из сумм, собранных на розыски генерала, но она занимается воспитанием сына, и сумм с процентов от этого капитала недостаточно на жизнь. Поэтому в циркуляре подчеркивалось, что долг и честь чинов РОВСа помочь им, для чего организовывался специальный сбор средств⁵⁵.

В январе 1935 года генерал Миллер получил письмо от вдовы генерала Врангеля, в котором та сообщала о получении письма генерала Репьева от имени «Центрального комитета по сбору и распределению денежных средств почетным пенсионеркам» (к их числу относилась и вдова генерала Кутепова) и 1500 франков. Она благодарила, но извещала, что отказывается от такой помощи сейчас, когда соратники ее мужа живут в материальном положении много хуже, чем она. Вместе с тем, она писала, что пенсию от РОВСа, «организации, созданной моим мужем и которую он возглавлял, я считаю своим нравственным долгом получать». «Если же Главнокомандование решает лишить меня и мою семью этого пособия, - продолжала О.М. Врангель, - то мне остается только подчиниться». При этом она сообщала, что на сей раз не будет выступать в печати⁵⁶. За этим последовала переписка и трудные объяснения генералов Миллера и фон Лампе с вдовой и матерью генерала Врангеля о том, что тяжелое финансовое положение РОВСа не позволяет выплачивать пенсию из его средств, но заставляет идти на организацию специальных сборов по отделам Союза для выплаты денег «почетным пенсионеркам».

Добавим, что 11 января 1935 года начальникам отделов и подотделов РОВСа был направлен циркуляр об обязательных сборах с чинов Союза. В нем говорилось, что распоряжением генерала Миллера установлен обязательный сбор для обеспечения пенсии вдовы и матери генерала Врангеля и семьи генерала Кутепова. Но некоторые начальники указывают на то, что существует и так много сборов, и они выполняют сбор в «Фонд Спасения Родины». В связи с этим в циркуляре пояснялось, что членские взносы организации и сборы в вышеуказанный фонд являются долгом перед Родиной, а пенсионные сборы на мать и супругу Врангеля, и семью Кутепова - долгом чести⁵⁷.

Накапливавшееся подспудно в Русском Обще-Воинском Союзе недовольство выплеснулось наружу 23 февраля 1935 года, когда к генералу Миллеру неожиданно явились 14 начальников частей и групп 1-го армейского корпуса в Париже во главе с его начальником генералом Витковским⁵⁸. Среди них были генерал Пешня - командир Марковского полка, генерал Скоблин - командир Корниловского полка, генерал Туркул - командир Дроздовского полка, генерал Фок, командир артиллерийской бригады 1-го армейского корпуса, а также командир железнодорожной роты, редактор журнала «Часовой» Орехов и др. Это событие получило впоследствии даже такие громкие определения, как «восстание» или «дворцовый переворот».

Генерал Витковский доложил председателю РОВСа, что прибывшие с ним войсковые начальники хотели бы быть принятыми им и переговорить по ряду вопросов. Они были приглашены и заслушаны генералом Миллером. Интерпретации состоявшегося разговора, поставленных вопросов, выдвинутых требований или высказанных пожеланий различаются в разных источниках. В информации с грифом «не подлежит разглашению», разосланной начальником канцелярии РОВСа генералом Кусонским начальникам отделов Союза 15 марта, указывалось, что прибывшие выразили обеспокоенность слухами об уходе генерала Миллера с должности председателя, следствием чего явилось бы возглавление Союза Деникиным, и далее в общей форме изложили ряд

пожеланий. Генерал Миллер предложил разработать их в конкретной форме и обсудить. В итоге генералы Фок, Скоблин, Туркул и капитан Орехов предложили такой проект. 24 марта в письме фон Лампе Кусонский сообщает, что «командиры» прочли записку «с пожеланиями, граничащими с требованиями»⁵⁹.

Согласно информации советского агента Третьякова, подслушивавшего и записывавшего эту встречу, а затем передавшего эти материалы своему куратору, от которого они поступили в Москву и были доложены руководству НКВД, события в ходе встречи развивались следующим образом. Прибывшие вручили председателю РОВСа меморандум, суть которого сводилась к следующему: к моменту похищения генерала Кутепова главное командование РОВСа обладало огромным моральным престижем и, кроме того, имело крупные средства. Последние годы жизни Кутепова характеризовались активной борьбой с большевиками. Теперь у главного командования авторитета нет, и борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии, и поэтому уже давно потерял среди эмигрантов всякий престиж. Особый комитет по розыску генерала Кутепова истратил массу денег, но ничем не помог французам найти следы преступления. Предлагалось провести реорганизацию РОВСа и превратить его в настоящий центр Русского Зарубежья. В ином случае, лица, подписавшие документ, угрожали выйти из этой организации⁶⁰.

В нашем распоряжении имеется документ, принадлежащий перу одного из инициаторов выступления 23 февраля и, судя по всему, одного из авторов вышеупомянутой записки (меморандума) генерала Фока. И хотя этот документ - письмо Фока Миллеру датируется 26 сентября 1936 года, но в нем перечислены основные положения вышеупомянутого меморандума начальников частей и групп 1-го армейского корпуса. Сравнение этого текста с вышеупомянутой интерпретацией С.Н. Третьякова позволяет признать корректность донесения советского секретного агента в Москву. Основные положения, а по существу обвинения, «мятежных» командиров в адрес руководства Русского Обще-Воинского Союза и в первую очередь в адрес его председателя генерала Миллера были следующими: 1) авторитет главного командования РОВСа совершенно утрачен в глазах 1-го армейского корпуса, многие или совсем отходят от Союза или переходят во вновь создающиеся организации - младороссов, имперцев (Имперский Союз - В.Г.) и др.; 2) авторитет борьбы, ведущейся РОВСом, уже более не существует: «голос везде один - с трагического дня 26 января 1930 года активная борьба с коммунизмом прекратилась»; 3) авторитет РОВСа упал в среде общественных деятелей и в иностранных кругах; 4) денежные средства РОВСа расходуются совершенно безотчетно и бесконтрольно; 5) особый удар престижу РОВСа нанесен деятельностью Комитета по розыскам генерала Кутепова: «работа лиц, ведавших розыском, поистине была преступной»; 6) политика РОВСа не имеет никакой определенной линии; 7) внутреннее положение РОВСа представляет совершенно хаотическое соединение частей Армии, объединений и союзов с разными правами и обязанностями и с разной юридической ответственностью; 8) на основе повсеместного недоверия к главному командованию рождаются и ширятся слухи о Вашем уходе с поста Председателя (речь шла о генерале Миллере - В.Г.); отсутствие единой воли и твердого руководства; 9) сборы в Фонд Спасения Родины катастрофически упали, и чины некоторых организаций категорически отказываются от внесения денег, большая часть которых уходит на печатание информации по теоретическим вопросам и оплату личного состава информационного отдела; 10) Вы, как председатель РОВСа не отражаете идей, настроений и стремлений, возглавляемой Вами национальной добровольной военной организации: «командование не может проводить только свои мысли, свои представления об активной работе, а обязано, по примеру погибших вождей белого движения, вести РОВ Союз по стопам действительно активной борьбы с большевиками». Авторы документа настаивали на осуществлении программы коренных реформ в управлении Русским Обще-Воинским Союзом: «В случае невыполнения наших условий, мы, предвидя неизбежный конец РОВС, вынуждены будем выйти из его состава для того, чтобы организовавшись продолжать дело, начатое нашими вождями»⁶¹.

В конце концов, генералом Миллером была создана смешанная комиссия из представителей ведущих организаций РОВСа под председательством генерала Репьева. Впоследствии генерал Миллер признавался в письме Абрамову⁶², что он планировал назначить председателем этой комиссии генерала Шатилова, но тот, якобы, не проявил к этому интереса.

В результате встречи с войсковыми начальниками 1-го армейского корпуса председатель РОВСа утвердил комиссию по реорганизации управления Союза в составе: Фок, Скоблин, Туркул, Орехов, Мацылев, Соколовский, Чекотовский, Оприц, Лебедев, Кусонский, Ставицкий, Твердый. На первом заседании комиссии полковником Соколовским от имени группы офицеров были сформулированы причины, вызвавшие недовольство деятельностью РОВСа и обусловившие потребность его реформы:

1. Отсутствие сведений о финансовом положении РОВСа и распространение слухов о предстоящей его ликвидации.
2. Отсутствие всякой видимой работы РОВСа, как за границей, так и, главным образом, в России.
3. Катастрофическое падение сборов в «Фонд Спасения Родины».
4. Прекращение с молчаливого согласия РОВСа расследования по делу Кутепова.

Выступивший от имени группы войсковых начальников генерал Фок сформулировал следующие задачи реорганизации РОВСа:

1. Сохранение кадров.
2. Подготовка политической обстановки, когда кадры могли бы потребоваться России.
3. Объединение вокруг РОВСа всех русских национальных организаций.
4. Продолжение активной борьбы с большевиками всеми способами вплоть до жесточайшего террора, как в России, так и за границей.
5. Разрешение финансового вопроса для проведения вышеизложенных задач.

Выступивший генерал Туркул заявил, что, по его мнению, задача РОВСа чрезвычайно проста: борьба с большевизмом не на жизнь, а на смерть. Но в ходе прений сторон выяснилось, что при Кутепове в «Фонд Спасения Родины» (эти средства шли целевым образом на работу в России) собирали до 600 тысяч франков в год, а теперь - лишь 140 тысяч франков⁶³.

Как развивались события в дальнейшем? Имеющиеся в нашем распоряжении документы РОВСа свидетельствуют, что генералом Фоком и капитаном Ореховым был подготовлен проект реорганизации Центрального Управления Союза. К старой управленческой структуре (председатель РОВСа, его заместитель, второй помощник, начальник канцелярии, а также начальники региональных отделов, при которых существовали начальники канцелярий или секретари) добавлялись Совет председателя РОВСа (в другом варианте - Совет при председателе), Особое управление Союза, а также Главный комитет «Фонда Спасения Родины».

Особую дискуссию вызвала идея создания Совета председателя (или при председателе) РОВСа. В него должны были войти его заместитель и второй помощник председателя, начальники отделов, командиры 1-го армейского и Донского корпусов, начальники Кавказской и Кубанской казачьих дивизий (в соответствии с дополнением к проекту реорганизации в его состав предполагалось ввести также председателя Общества изучения мировой войны, председателя Особого управления РОВСа и председателей воинских организаций по выбору председателя Союза). Совет председателя Русского Обще-Воинского Союза определялся в соответствии с внесенным проектом, как «высший орган управления РОВСа» (ранее высшая власть в Союзе принадлежала его начальнику), то есть, по существу, на смену традиционному высшему принципу единоначалия, характерному для армии, приходил принцип коллегиальности руководства, хотя в проекте и содержалась оговорка, что «он (Совет - В.Г.) созывается в исключительно важных случаях для решения кардинальных вопросов». В качестве дополнений к проекту реорганизации Центрального Управления, составленному Фоком и

Ореховым, были внесены, по существу, поправки, касающиеся именно этого Совета, который именовался уже Советом *при* председателе РОВСа и определялся, как «высший *совещательный* орган» *при* председателе Союза. Кроме того, вносилась еще одна принципиальная корректура: он «созывался в важнейших случаях *по решению председателя РОВСа*».

Не менее принципиальный характер носило и предложение о создании Особого управления при РОВСе. В его руках сосредотачивалась в соответствии с проектом «вся работа по сношениям с иностранцами, изыскание средств, связи с зарубежными общественными организациями, общее руководство борьбой против большевиков». Особое управление включало в себя: 1) орган активной борьбы; 2) политический отдел (ведавший отношениями с иностранными и эмигрантскими организациями); 3) финансовую комиссию; 4) иностранный центр. Особое управление состояло из пяти человек, которые намечались комиссией по реорганизации и утверждались председателем РОВСа. Это новое управление, по кругу находящихся в его компетенции вопросов, превращалось в важнейший орган в системе Союза. В состав его должны были войти пять человек, которые намечались комиссией по реорганизации и утверждались председателем РОВСа. Предлагаемый принцип комплектования нового управления подчеркивал, с одной стороны, роль комиссии по реорганизации, а с другой, - означал особый и исключительно важный статус и самого управления, и его председателя, на должность которого, как полагали многие руководящие деятели РОВСа и наблюдатели, претендовал прежде всего генерал Туркул.

Важную роль призван был играть и создаваемый Главный комитет «Фонда Спасения России» (в его состав должны были войти представители от главного командования, от строевых частей, Особого управления РОВСа и общественности по выбору Особого управления), ибо, напомним, аккумулируемые здесь средства шли исключительно на антибольшевистскую работу в СССР. Включенные в состав этого управления лица призваны были кардинально улучшить работу по сбору средств и тем самым создать благоприятные возможности для усиления боевой работы, что, в свою очередь, должно было снять упреки в бездеятельности руководства РОВСа⁶⁴. Генерал Абрамов в майском письме генералу Миллеру сочувственно относился к идее расширения состава Главного комитета ФСР, но считал неудобным и нецелесообразным ставить во главе его председателя РОВСа, ибо он является основным лицом, которое расходует собираемые средства. Лучше, полагал генерал, поставить во главе этого органа авторитетного и пользующегося общим доверием лица из общественности.

Заседания комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа проходили в марте - апреле 1935 года. В качестве постоянных членов в ее составе работали генерал-лейтенанты: Репьев (председатель), Ставицкий, Твердый, Кусонский; генерал-майоры: Чекотовский, Суворов, Фок, Лебедев, Скоблин, Туркул, Оприц; полковники Соколовский, Мацылев и капитан Орехов. Генерал Фок, один из инициаторов и самых активных участников обсуждения, подчеркивал, что цель реорганизации заключается в том, чтобы повысить роль РОВСа в продолжении Белой Борьбы, ведении политической работы среди эмиграции и в международном масштабе, а также информационной и финансовой деятельности. Он указывал, что проповедь ведения активной борьбы должна занимать центральное место в деятельности РОВСа, наряду с проведением террористических актов внутри страны и возможно вне ее, наносить ущерб большевикам даже в постоянных мелочах. Самым трудным вопросом Фок считал финансовый, учитывая то, что средства иссякают. Он указывал, что важно знать, какие имеются средства, ознакомиться с ними и пресечь вредные слухи о потерях их. Он считал необходимым вести борьбу и после прекращения денежных отпусков за счет взносов членов РОВСа⁶⁵.

Широкий круг вопросов, связанных с деятельностью и реорганизацией Союза, поднимали и обсуждали, высказывая разные мнения, и другие участники комиссии. Сам генерал Миллер в письме генералу Абрамову, характеризуя работу комиссии Репьева, именовал ее «болтовней», а вопрос об Особом управлении называл лежащим в об-

ласти громких названий. В личной беседе с генералом Кусонским Миллер размышлял, что ради пресечения этой «болтовни» целесообразно поставить во главе активной работы РОВСа генералов Туркула и Скоблина, деятельных участников происходящих событий, что заставит их успокоиться⁶⁶.

Происходившие в Париже события вызывали большой интерес и широкое обсуждение не только здесь, но и за пределами Франции. Генерал фон Лампе в письме начальнику III отдела и заместителю председателя РОВСа генералу Абрамову определяет происходящее в Париже как «дворцовую революцию», Проект реорганизации управления должна рассмотреть «смешанная комиссия», а это равно, по его мнению, уничтожению центрального командования и замене его 5-членной директорией под названием «Особое управление». Оно «будет действовать помимо Начальников отделов, по указаниям не командования, а «Особого управления», - продолжал комментировать события в Париже фон Лампе. - Начальникам отделов, особенно Европейских, надо быть солидарными, - не во имя собственного положения, а во имя целостности РОВСа».

Довольно резкое письмо направил 20 марта из Софии в Париж генералу Витковскому начальник III отдела Союза генерал Абрамов: «Спрашиваю тебя - Владимир Константинович - как второе лицо после Эрдели в Париже. Вы, старшие начальники I корпуса, ведете опасную игру,... сеете ветер, пожнете бурю». Он брал под защиту генерала Миллера, утверждая, что РОВС держится только благодаря доверию к личности председателя Союза, а его уход (к которому он сам уже два года стремится) приведет к хаосу наверху и вызовет развал организации. Абрамов считал, что выступление в Париже подрывает единство РОВСа. Миллер, по его мнению, уже принял решение в духе «требований» 23 февраля еще раньше их выявления, а состоявшееся выступление только задержит его осуществление. «Наш долг - быть солидарными с Е.К. (Миллером - В.Г.) и вносить успокоение в разгоряченные сердца и головы не в меру активных своих помощников», - настаивает генерал Абрамов.

Свое негативное отношение к событиям в Париже генерал Абрамов сообщает и фон Лампе в Берлин. И уже тот в ответном письме в Софию пишет: «Присоединяюсь к Вам - не идти на подчинение представительному органу при Председателе РОВСа». Нужна и поддержка других начальников отделов, чтобы больше неповадно было повторять трюков, подобных «23 февраля», - добавляет фон Лампе. Что касается генерала Абрамова, то заметим, что он высказал в ходе последующего обсуждения ряд конкретных предложений о совершенствовании системы управления и деятельности РОВСа, о некоторых из них уже шла или пойдет еще речь. Здесь же обратим внимание на письмо Абрамова генералу Барбовичу от 16 мая 1935 года, в котором он считал необходимым дополнить Управление председателя РОВСа Общим отделом (генерал Кусонский), Политическим отделом (князь Трубецкой), а также ввести финансовую комиссию, которая сняла бы с председателя Союза моральную ответственность за расходование казны⁶⁷.

24 марта датируется письмо генерала Кусонскому фон Лампе, в котором уточнялись некоторые детали, связанные с «выступлением» в Париже. Автор писал, что «командиры», вручая 23 февраля 1935 года генералу Миллеру записку «с пожеланиями, граничащими с требованиями», утверждали, что они, якобы, направили копии их начальнику III отдела РОВСа генералу Абрамову и начальнику IV отдела генералу Барбовичу и просили председателя Союза никого не посвящать в содержание их записки. Но Кусонский уже тогда вел переписку по поводу развернувшихся событий с генералами Абрамовым и Лампе, в результате выяснилось, что начальники отделов РОВСа не получали никаких материалов от участников парижского «выступления». Генерал Кусонский поставил и вопрос о роли Шатилова в происшедшем в Париже, указывая, что «его закулисная работа - лишь предположение», и добавлял: «Его престиж среди начальников невысок (2-3 человека), и вряд ли он мог рассчитывать на успех». Генерал Эрдели, по мнению Кусонского, находился в стороне от происшедшего⁶⁸.

Подозреваемый в закулисном подстрекательстве выступления в Париже генерал Шатилов направляет 2 апреля письма Абрамову и фон Лампе. Он категорически отвергает свою причастность к этому событию, утверждая, что не был поставлен в извест-

ность о подготовке этого выступления командирами корпуса, ни с кем из них не говорил и поэтому удивлен, что «инициаторы имеют виды на меня». По мнению Шатилова, это выступление вызвано тревогой его участников за судьбу РОВСа, опасением ликвидационной деятельности, а также действиями Деникина, что означает и их полное недоверие генералу Миллеру. Поэтому командиры решили действовать сами.

С точки зрения автора указанного письма, генерала Шатилова, они получили почти полную моральную поддержку массы, но слабость выступления заключалась в том, что они не имеют «морального возглавителя», а также хорошо продуманной и реальной программы. Все это и было учтено Миллером, который создал комиссию для согласования различных точек зрения. Шатилов полагал, что Эрдели может уйти в отставку, а сам Миллер возглавит и I отдел, а это, по мнению автора письма, означало ликвидацию центра РОВСа. Выступление командиров означает не только недоверие центру, но и стремление самим приобщиться к руководящей деятельности РОВСа, утверждал Шатилов, а многие из инициаторов выступления видят себя в той или иной роли. Самым популярным среди них он считал генерала Туркула, и многие именно его видят во главе Особого отдела (Управления). Генерал Миллер должен был совместно с начальниками отделов восстановить взаимное доверие в РОВСе и дать возможность большому числу молодых командиров приобщиться к общей работе. А в настоящее время, по мнению Шатилова, Миллер «не борется даже за самое существование РОВСа, за судьбы которого несет ответственность, а плывет по течению»⁶⁹.

11 апреля генерал Кусонский в письме фон Лампе вновь касался роли генерала Шатилова в парижских событиях: Он признавал, что тот был самой яркой фигурой среди высшего генералитета РОВСа, и его отход являлся большой потерей, но считал это почти исключительно виной самого Шатилова. После своего ухода он стал распускать слухи, что «его ушли», а это является ложью, начал поносить Эрдели. Именно Шатилов, по утверждению Кусонского, распустил по Парижу слух, что генерал Миллер уходит, оставляя своим заместителем Эрдели, а тот передает власть Деникину. Цитируемые нами ранее письма Шатилова действительно свидетельствуют об этом. Но подобные слухи и предположения, утверждал начальник канцелярии РОВСа, опять-таки были ложью. А все это сыграло большую роль в выступлении начальников 1-го армейского корпуса. «Я не говорил и не писал, но считаю, что Шатилов стоял за кулисами «выступления», - резюмирует генерал Кусонский, хотя и странно оговаривается, - но думаю не совсем так». Впрочем, два дня спустя в письме генералу Абрамову Кусонский, сообщая о приезде капитана Фосса и его предстоящей встрече с генералом Шатиловым, писал, что дал Фоссу указание успокоить Шатилова, сказав, что Центр не приписывает ему инициативу выступления 23 февраля⁷⁰.

13 апреля генерал Абрамов в письме генералу Миллеру размышлял о выступлении командиров 1-го армейского корпуса и деятельности комиссии генерала Репьева. Он писал, что первоначально рассматривал выступление 23 февраля как спорадическое явление и не имеющее глубоких корней, чем и объяснялось отстранение от него начальника I отдела РОВСа (генерала Эрдели) и командира 1-го армейского корпуса (генерала Витковского). Но затем, когда предъявленный меморандум развернулся в целую программу новых положений, вытекающих из неудовлетворенности существующими порядками, ситуация, по мнению Абрамова, изменилась и встал вопрос о дальнейшем пребывании на своих постах генералов Эрдели и Витковского. Если решится вопрос об Особом управлении, размышлял генерал Абрамов, то его председатель должен стать и командиром 1-го армейского корпуса (и председателем Галлиполийского Общества). По его мнению, комиссия генерала Репьева должна была указать кандидата на пост председателя этого управления, и Абрамов требовал заставить инициаторов парижского выступления 23 февраля назвать имена тех, кто, по их мнению, может вести дела в Союзе по их «положению» о РОВСе, полагая, что в ином случае подобные выступления неминуемо повторятся в будущем. Абрамов утверждал, что председатель Особого управления должен стать по совместительству и заместителем председателя РОВСа и вновь просил освободить себя от этих обязанностей. Впрочем, спустя ровно месяц, ге-

нерал Абрамов писал Миллеру, что никакой надобности в учреждении при председателе РОВСа Особого управления с распорядительными функциями нет. «Всякие коллективы вносят собою безответственность», - добавлял он⁷¹.

Сам генерал Шатилов, личность и деятельность которого вызывали столько споров, в дальнейшем постепенно отходил от работы Русского Обще-Воинского Союза. В письме генералу Абрамову 27 декабря 1935 года он с обидой писал, что постепенно обрывается его последняя связь по линии РОВСа, и он постепенно оказывается вне его жизни. Он не соглашался с обвинениями, что виноват в этом сам. Ссылаясь на то, что он уходил и при Врангеле, и при Кутепове, Шатилов писал, что даже тогда каждый из них поддерживал с ним связь и использовал для пользы нашей работы. По утверждению Шатилова, генерал Миллер повел себя иначе, дав понять, что он совершенно не нужен, да и генерал Кусонский (с которым он раньше, как свидетельствуют документы, поддерживал дружеские отношения) приложил к этому руку. Шатилов сообщал, что решил подчиниться создавшемуся положению и ушел из РОВСа, заявив Миллеру, что не считает себя больше находящимся в его распоряжении⁷². Несмотря на осложнение отношений, генерал Шатилов официально из РОВСа не выходил и поддерживал личную переписку с рядом руководящих деятелей Союза (в частности, с генералом Абрамовым).

В начале июня 1936 года произошел обмен посланиями между генералами Шатиловым и Миллером, свидетельствовавший об остроте и сложности их отношений. Председатель РОВСа проинформировал Шатилова, что в настоящее время составлен список новых членов Русского Комитета (в Париже), которых рекомендуется выбирать. В связи с этим генерал Миллер спрашивал своего адресата, хочет ли тот, по-прежнему, состоять в этом комитете или нет, так как некоторое время назад ему сказали, что он (Шатилов) просил Коковцова освободить его от участия в нем. В ответ генерал Миллер получил весьма резкий ответ Шатилова: «При той постановке вопроса о моем участии, с которой ты обратился, ответ мне совершенно ясен. Мою, с твоей точки зрения, бесполезность для работы, мне кажется, можно было бы уже и не выявлять»⁷³.

Тем не менее, в дальнейшем генерал Шатилов был использован руководством РОВСа для установления отношений с режимом генерала Франко в ходе развернувшейся Гражданской войны в Испании. Но речь об этом еще пойдет впереди.

Ярко выраженное негативное отношение начальников отделов РОВСа к событиям в Париже, равно как и серьезные внутренние расхождения самих участников «выступления» во взглядах на реорганизацию Союза и его центра, привели к тому, что каких-либо существенных изменений в нем не произошло. Как Миллер, так и Кусонский остались на своих местах, идеи Совета и Особого управления не были реализованы. Правда, одним из очевидных последствий парижских событий стало освобождение в апреле 1935 года генерала Эрдели от должности начальника I отдела РОВСа, которую по совместительству занял сам генерал Миллер. «По-видимому, гора работы «Смешанной комиссии» родила мышь - курсы Туркула и Левицкого, - иронично отзывался об итогах «реорганизации» генерал фон Лампе и продолжал, - это займет честолюбцев и, конечно, Слава Богу». «Но думаю, что сам факт заседаний комиссии и дебатов в ней окончательно расколет наши верхи в Париже на две части - «молодых» и «стариков», - размышлял Лампе в письме генералу Абрамову, - и, во-вторых, даст вкус к подобного рода выступлениям». Тот, в свою очередь, в письме генералу Миллеру от 18 мая подчеркивал, что усиление активности в работе РОВСа зависит от двух главных факторов - денежные средства и подбор кадров: «Без наличия этого никакие «Особые управления» и «Советы» делу не помогут»⁷⁴.

Так или иначе, но выступление 23 февраля 1935 года и последовавшие за ним события обнажили глубокие противоречия, существовавшие в РОВСе, выявили серьезное недовольство деятельностью его руководства, обозначили глубокий раскол в Союзе, расхождение видений и путей кардинального его оздоровления и повышения эффективности деятельности и поставили серьезные вопросы в отношении не только его будущего, но и перспектив всего Русского военного Зарубежья.

Весьма актуальным оставался вопрос о руководителе РОВСа (учитывая то, что генерал Миллер явно досиживал свой срок), а также его заместителе и потенциальном преемнике. Кризис февраля - весны 1935 года обострил этот вопрос, тем более, что генерал Абрамов, очевидно и под воздействием происшедших событий, поставил перед Миллером вопрос о своем окончательном отказе от заместительства и просил дать ему замену. Этот вопрос не сходил и со страниц личной переписки руководящих деятелей РОВСа. Например, начальник IV отдела Союза генерал Барбович в письме генералу Абрамову 4 июня 1935 года, называя в качестве других заместителей генерала Миллера имена вице-адмирала Кедрова, Шатилова и себя самого, указывал, что ни один из них не будет принят и половиной состава РОВСа, и причины для этого существуют самые разнообразные. М. А. Кедров, добавлял он, будучи вторым заместителем и первым помощником Е.К. Миллера по месту жительства, ничего не предпринимает, чтобы помочь РОВСу и Миллеру. Барбович высказывался за примирение генералов Миллера и Шатилова⁷⁵.

Летом 1935 года по распоряжению генерала Миллера был произведен секретный опрос старейших членов и начальствующего состава Русского Обще-Воинского Союза в отношении наиболее приемлемой, по их мнению, кандидатуры на должность заместителя председателя РОВСа (а в перспективе - его вероятного преемника). На первом месте по результатам опроса, поступившим к 8 августа, оказался генерал Драгомиров, набравший 23 голоса, на втором - начальник IV отдела РОВСа генерал Барбович, получивший 22 голоса, на третьем - генерал Шатилов, но он в два раза уступил Барбовичу, набрав 11 голосов. Кедров и Головин получили по 9 голосов, Витковский, Кусонский, Зинкевич и Краснов - по 5; Казанович и Абрамов - по 4 (вероятно, на числе голосов, поданных за Абрамова, сказалось то, что он раз за разом категорически отказывался от занимаемой должности заместителя). Кроме них в списке кандидатов оказалось еще 14 генералов, получивших от одного до трех голосов⁷⁶.

Итоги проведенного опроса стали предметом обсуждения в личной переписке руководящих деятелей РОВСа. Например, 22 августа генерал Кусонский касается этой темы в письме генералу Барбовичу, а спустя неделю последний размышляет о сложившейся ситуации в послании генералу Абрамову. Оба генерала полагали, что в случае ухода Абрамова с поста заместителя председателя РОВСа на эту должность нет ни кандидатуры, ни охотников. Опрос дал формальное большинство генералу Драгомирову, но он, во-первых, сам решительно отказывался от этой должности, а во-вторых, не обладал, по мнению авторов писем, той гибкостью, которая была необходима «в условиях нашей жизни и при данных обстоятельствах». Касаясь своей кандидатуры (а он стал вторым в опросе старших начальников), генерал Барбович самокритично указывал, что его назначение заместителем не удовлетворило бы ни его самого, ни чинов РОВСа, ибо он не обладает данными, необходимыми для председателя в современной обстановке. Но при этом генерал Барбович оговаривался, что если Абрамов решил освободиться от должности, то в таком случае генералу Миллеру надо отдать приказ о втором заместителе, затем после освобождения через несколько месяцев Абрамова от обязанностей первого заместителя назначить на его место второго заместителя. «Как старый солдат я не считаю возможным отказаться от самого тяжелого служебного долга»⁷⁷, - писал Барбович в завершении письма.

Одним из главных претензий военачальников к руководству РОВСа являлось фактическое свертывание работы на Россию. Ситуация здесь действительно обстояла неблагоприятно. Начальник I отдела генерал Шатилов докладывал генералу Миллеру в свое время, что в 1933 году в СССР было переброшено 18 человек, но они «связь до Москвы так и не дотянули». В 1934 - 35 годах действиями НКВД была разрушена вся работа, ведущаяся на СССР через Югославию и Румынию.

По признанию эмиссара РОВСа в Румынии полковника Жолондковского, была разгромлена не только румынская линия Союза, но и нарушены все организации всех разведок здесь. Причем, заместитель председателя РОВСа и начальник его III отдела генерал Абрамов и капитан Фосс, ближайший сотрудник Абрамова и руководитель

«Внутренней линии» РОВСа, утверждали, что «достижений» Жолондковского не было и ранее, и он всех обманывал. Они отвергали какую-либо связь Жолондковского с убийством Кирова в Ленинграде в декабре 1934 года, о чем заявлял полковник. По их мнению, Жолондковский тратил получаемые от РОВСа пять тысяч франков на свои личные нужды, ведя неприличный образ жизни, и на взятки Мурузову - одному из руководителей румынских спецслужб. Все посылки людей в СССР, по утверждению генерала Абрамова, производились Жолондковским на английские деньги, а счет представлялся им генералу Миллеру. Абрамов настаивал на сокращении отпуска денег Жолондковскому и отзыве его из Румынии. Генерал Барбович, начальник IV отдела РОВСа в Югославии, в октябре - ноябре 1934 года направил к Жолондковскому для дальнейшей переправки в СССР двух террористов - Е.К. Дмитриева и А.А. Богдановича. Оба они были расстреляны в СССР в декабре 1934 года. Барбович был особенно возмущен и огорчен тем, что Жолондковский даже не сообщил ему о гибели его офицеров, и об этом он узнал из советской печати. Генерал был убежден, что румынский канал переправки провален и больше не существует⁷⁸. Заметим, что эта информация была передана в марте 1935 года генералом Скоблиным по каналам советской разведки в СССР и доложена руководству НКВД.

Материалы переписки руководящих деятелей РОВСа в 1935 году свидетельствуют о постепенном отстранении от организации секретной работы против СССР, а также от дела сборов в «Фонд Спасения России», предназначенный для финансирования «активной работы», полковника Жолондковского и генерала Харжевского. В мае - июне 1935 года им сохранялись еще ассигнования в сумме по 600 франков в месяц (из них 500 фр. составляло жалованье, а 100 - расходовались непосредственно на работу). Осенью того же года Харжевский получал 100 франков в месяц на почтовые расходы, а Жолондковскому средства уже не выделялись⁷⁹.

В руководящих кругах РОВСа в связи с провалами конспиративной работы против СССР активно обсуждались вопросы ее реорганизации и централизации, шел поиск новых направлений проникновения в эту страну и обсуждалось назначение новых руководителей так называемой «активной работы». Но парадокс заключался в том, что к руководству этой работой генералом Миллером активно продвигался командир Корниловского ударного полка и «по совместительству» секретный агент НКВД генерал Скоблин, информировавший о ней своих московских хозяев и во многом парализовавший ее. Сложным оставался и вопрос о финансировании этой деятельности, ибо, по признанию генерала Миллера, происходило катастрофическое сокращение поступлений в Фонд Спасения России⁸⁰, являвшегося, напомним, одним из ее основных спонсоров.

В середине 30-х годов в эмиграции появляется серия публикаций или, напротив, рукописей, предназначенных не для печати, а для служебного пользования, и посвященных работе чекистов по разложению эмиграции, методам, приемам и тактике чекистской деятельности. Их авторами являлись Н.Н. Чебышев, В.М. Левитский, А.А. Амфитеатров и др. Подобные материалы призваны были осмыслить опыт работы советских спецслужб против эмиграции и противодействовать их деятельности.

Левитский, например, подготовил брошюру (на правах рукописи) под названием «Планы разложения эмиграции (от «Трестов» до «Комиссий» оборонцев)». В ней он попытался систематизировать и выделить основные этапы работы агентов большевиков и ГПУ с 1922 по 1935 год. Он следующим образом сформулировал основные положения программы их деятельности, которые они пытались реализовать, взаимодействуя с эмигрантскими организациями: 1) коммунизм не разрушает страну, а восстанавливает ее мощь и международное положение; 2) эмиграция должна терпимо ждать завершения внутреннего кризиса; 3) коммунистам не удалось пропитать своим духом Красную Армию; в ней сохранились национальные идеи, и она готова защищать национальные интересы России; 4) в СССР успешно работают мощные контрреволюционные организации; они пропитали сверху донизу весь партийный и советский аппарат и научились обманывать власть; их руководители лучше эмиграции знают обстановку, тщательно

оберегают национальные интересы России и, не подвергая страну новым испытаниям, имеют полную возможность свергнуть советскую власть, когда признают это необходимым; 5) эмиграция не имеет права действовать на антибольшевистском фронте на свой страх и риск. Она обязана подчиняться директивам московских антибольшевиков, которые должны руководить ее наиболее ответственными выступлениями. Особо вреден террор, он путает все планы подлинных спасителей России, мешает их хорошо отлаженной работе и подвергает страшной опасности тех, кто каждый день рискует жизнью. «Ждать, не мешать, слушаться директив», - эти требования выдвигали, по утверждению Левитского, все представители красных в нашей среде с 1922 по 1935 год.

В 1935 году агенты Москвы выдвинули, по мнению автора, еще одно требование: угроза нападения на СССР, его раздела и захвата требует от эмиграции активной помощи СССР; на этой основе предпринимаются попытки создания в эмиграции так называемого «оборонческого» фронта и укрепления лево-демократического сектора эмиграции на основе утверждения, что остальные - агенты Гитлера⁸¹.

С начала 1936 года в материалах переписки генерала Миллера часто и тревожно звучала тема «Внутренней линии». Он упоминает, что впервые услышал этот термин весной 1935 года от капитана Фосса. Но тот говорил лишь о таком направлении ее деятельности, как контрразведка во Франции, главным преимуществом которой была работа под руководством Туркевича бесплатно. Председатель РОВСа указывал, что неоднократно слышал от генерала Шатилова о возможностях «Внутренней линии» проводить в массы желаемые начальству взгляды как бы помимо начальства. Впрочем, генерал Миллер добавлял, что он не мог понять, почему такие невоенные и демократические приемы являлись более предпочтительными в сравнении с нормальным порядком, используемым военной организацией, и не симпатизировал подобным рассуждениям Шатилова. Но так как председатель РОВСа, по его словам, полагал, что это касается только I отдела, за который отвечал генерал Шатилов, он не препятствовал ему и интересовался работой Туркевича, только как подсобной генералу Глобачеву.

Доставленные для ознакомления генерала Миллера в первые месяцы 1936 года документы «Внутренней линии» (как, например, «Идеология Организации», а также нечто вроде Положения о ней, датированное еще 1 октября 1933 года) позволили ему утверждать, что по характеру своему она является «Орденом» или «государством в государстве», руководители которой ставили ее выше РОВСа. Всей работой этой организации - боевой, разведывательной, агитационно-пропагандистской и технической ведал какой-то «Центр». «Куда же дальше идти по линии создания государства в государстве», - с возмущением писал Миллер генералу Абрамову в апреле 1936 года и добавлял, что ничего этого ему не было известно и никогда не докладывалось. По утверждению генерала Миллера, задачи, которые ставила себе «Внутренняя линия», «были в общих чертах теми же, которые были поставлены АМД-ву (Драгомирову - В.Г.), то есть была попытка дублирования его работы только с негодными средствами». Председатель РОВСа с возмущением характеризовал уродливые направления деятельности организации капитана Закржевского во Франции, когда объектом слежки и донесений по «Внутренней линии» являлись он сам, а также генерал Стогов и начальник I отдела РОВСа генерал Эрдели⁸². Это и послужило основанием для попытки прекращения последним во второй половине 1934 года деятельности «Внутренней линии» во Франции. Впрочем, как признавал генерал Миллер, несмотря на официальные распоряжения генерала Эрдели, эта организация не прекратила свою работу.

Председатель РОВСа во многом связывал деятельность «Внутренней линии» во Франции с именем генерала Шатилова, который сам признавался ему, что когда Закржевский остался без руководства (после действий Эрдели), то именно он взял его под свое крыло и возглавил его деятельность. Кстати, и анализ материалов переписки генерала Шатилова свидетельствует о том, что он поддерживал тесную связь с Закржевским. При этом генерал Миллер не исключал, что Шатилов руководил деятельностью «Внутренней линии» не только во Франции, но и всей этой организацией в целом, хотя и тщательно скрывал это от него. Председателя РОВСа весьма интересовал вопрос,

продолжает ли генерал Шатилов играть какую-то роль в деятельности этой организации в настоящее время или нет. Миллер считал, что это должен был знать капитан Фосс, и задавался вопросом, что если не генерал Шатилов, то кто же возглавляет сейчас всю организацию «Внутренней линии», считающей себя стоящей над РОВСОМ и «Национальным Союзом Нового Поколения».

«Как видите у меня возник целый ряд вопросов и кроме Вас мне не к кому обратиться, чтобы вывести меня из этого тумана, которым я чувствую себя окутанным вследствие умышленно в свое время утаенной от меня всей этой организации, в которую привлекались почти исключительно члены РОВ Союза»⁸³, - писал генерал Миллер в Софию генералу Абрамову 2 марта 1936 года. Остается вопросом, почему председатель РОВСа обращается именно к генералу Абрамову: то ли зная о его прежних дружеских отношениях с генералом Шатиловым или же подозревая его самого в руководстве этой организацией, так как она активно действовала на территории возглавляемого им III отдела Союза и от ее имени с ним взаимодействовал капитан Фосс, доверенное лицо Абрамова.

Как следует из материалов переписки генерала Миллера, он восстановил деятельность «Внутренней линии» во Франции (прекращенной ранее на основании распоряжения начальника I отдела генерала Эрдели) по просьбе приехавшего из Болгарии капитана Фосса, но поставил при этом определенные требования. Смысл их сводился к тому, что Закржевский должен был докладывать о всех действиях «Внутренней линии» генералу Скоблину, а последний - Миллеру; все указания и информации по «Внутренней линии» на территории I отдела РОВСа должны были исходить непосредственно от председателя Союза или с его одобрения; Закржевский никому не должен был сообщать, что передается или происходит по «Внутренней линии». Но сам генерал Миллер признавался в феврале 1936 года, что он не знает, выполнял ли капитан Закржевский первые два его указания, но, как стало известно председателю РОВСа, тот по-прежнему (несмотря на официальный запрет) ставил генерала Шатилова в известность обо всем, что происходило по «Внутренней линии».

В январе 1936 года Е.К. Миллер сообщал генералу Абрамову, что выслал капитану Фоссу 1000 франков из средств «Фонда Спасения России», но о назначении и расходовании этих средств сведений не имеет и поэтому не может сказать, насколько они расходуются по прямому назначению ФСР. Напомним, что средства этого Фонда предназначались для секретной работы в России. Председатель РОВСа писал также, что расход на «Внутреннюю линию» во Франции составляет 350 франков в месяц, но опять-таки сопровождал эту информацию замечанием, что ему неизвестно, по прямому ли назначению ФСР расходуются эти деньги⁸⁴.

Делясь размышлениями и беспокойством по поводу «Внутренней линии» в февральском (1936 года) письме генералу Абрамову, председатель РОВСа замечал, что если ее деятельность на территории вверенного ему III отдела удовлетворяет, то он может только радоваться этому. Вместе с тем, автор письма указывал, что не может признать нормальным ее деятельность на территории I отдела и поэтому отдал по этому поводу совершенно определенные указания генералу Скоблину. Генерал Миллер просил все информации, справки и пр., исходящие от Фосса, присылать во Францию в двух экземплярах: один - ему, второй - Скоблину⁸⁵.

Но злая ирония заключалась в том, что тем самым в руки секретного агента советских спецслужб попадала вся информация о деятельности «Внутренней линии» в эмиграции и в отношении СССР. К тому же, он мог использовать возможности этой секретной организации для разжигания противоречий внутри РОВСа и в борьбе против руководства Союза, чем и не преминул воспользоваться. Добавим, что с 1934 года, генерал Скоблин, вошедший в доверие председателю Русского Обще-Воинского Союза, возглавлял по его поручению, работу против СССР, ведущуюся через Финляндию. То есть он обладал обширной информацией не только о работе «Внутренней линии», но и о деятельности по так называемой «внешней линии» РОВСа. Советские спецслужбы имели благодаря ему прекрасные возможности получать широкую и достоверную ин-

формацию о жизни РОВСа и настроениях его чинов, а также о разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельности его спецслужб.

Деятельность «Внутренней линии» Русского Обще-Воинского Союза стала и одной из причин нарастающего в это время конфликта между РОВСом и «Национальным Союзом Нового Поколения». Руководство «Внутренней линии» пыталось продвинуть к ее руководству своих людей и тем самым подчинить РОВСу. Об этих действиях стало известно руководству НСНП, что и вызвало его негативную реакцию и подлило масла в огонь и без того непростых эмигрантских взаимоотношений «отцов» и «детей». 6 февраля 1936 года председатель отдела НСНП во Франции В.Д. Поремский посетил генерала Миллера в управлении РОВСа на Колизе, 29, в Париже. Он поставил перед председателем Русского Обще-Воинского Союза ряд сложных вопросов, касающихся взаимоотношений руководимых ими организаций, в том числе о деятельности «Внутренней линии». Но генерал Миллер, по утверждению руководства НСНП, счел выдвигаемые обвинения недостаточно обоснованными и назвал их «странной цепью совпадений»⁸⁶.

Сам председатель РОВСа, характеризуя взаимоотношения Союза и НСНП в письме генералу Абрамову 8 февраля 1936 года, назвал весьма немаловажным и фактор межличностных отношений, в связи с чем высказал свое мнение о лидерах НСНП. Он полагал, что к М.А. Георгиевскому нет оснований относиться с полным доверием, а наоборот - надо держать ухо востро. В.М. Байдалаков и В.Д. Поремский, по мнению генерала Миллера, производили лучшее впечатление, но на них отрицательное влияние оказывал Георгиевский. Много выше их по характеру и прямоте был, по оценке председателя РОВСа, глава парижского отделения НСНП Рождественский. В любом случае, считал Миллер, «с НСНП нам жить рядом и что-то делать впереди», поэтому он полагал необходимым устранить предлоги для взаимных обвинений⁸⁷.

Осенью 1935 года произошел разрыв между Русским Обще-Воинским Союзом и Младоросской партией (ранее «Союз Младороссов»), руководимой Казем-Бекком. В информационном бюллетене IV отдела РОВСа от 18 ноября 1935 года была помещена статья «Младоросская партия и отношение ней Р.О.В.С.». В ней говорилось, что РОВС всегда избегал полемики с инакомыслящими противокommунистическими организациями и даже не отвечал на выпады с их стороны. Но сейчас председатель РОВСа утверждал, что младороссы сошли с позиции непреклонной непримиримости и борьбы с коммунистической властью в России, претендуют на имя «второй советской партии» и тем самым вычеркнули себя из числа русских национальных антикоммунистических организаций. «В таких условиях и пока позиция младороссов коренным образом не изменится никакого единения с ними у РОВС быть не может»⁸⁸, - подчеркивалось в указанном издании.

Наряду с конфликтами, расхождениями и разрывами с другими эмигрантскими организациями сложной оставалась и ситуация в самом Русском Обще-Воинском Союзе. Она еще более обострилась в 1936 году, что было связано с именем генерала А.В. Туркула. Он и ранее выступал с критикой деятельности руководства РОВСа, требуя реорганизации Союза и активизации его действий. В начале 1936 года генерал Туркул в разговоре с генералом Миллером поделился проектом создания нового союза комбатантов, в противовес существующему, но, по его словам, мертвому. В основу нового союза должна была лечь деятельность объединения Дроздовского стрелкового полка, возглавляемого генералом Туркулом. Это предложение не вызвало особых возражений председателя РОВСа.

17 июля 1936 года на собрании новой организации в Париже был утвержден ее устав. На русском языке название организации звучало как «Военно-политическое движение», а на французском - «Национальный Союз русских участников войны». В дальнейшем эта организация традиционно именовалась в документах Российского военного Зарубежья, как «Русский Национальный Союз Участников Войны» (РНСУВ). Генерал Туркул обратился к Имперскому Союзу и НСНП с призывом объединиться вокруг своего Союза. Узнав об этом из сообщения газете «Возрождение», генерал Мил-

лер прервал свое лечение и вернулся в Париж. Руководство РОВСа пришло к заключению, что у нового военного союза «политическая» программа. Как следует из письма генерала Кусонского генералу Абрамову от 30 июля 1936 года и ряда других документов, в ходе состоявшейся в июле беседы генерала Миллера с Туркулом председатель Русского Обще-Воинского Союза указал ему на несовместимость руководства самостоятельной политической организацией с пребыванием в РОВСе. Миллер предложил Туркулу уйти с должности руководителя новой организации и руководить ею из-за кулис, но не уходить из РОВСа и оставаться во главе Дроздовцев. Председатель РОВСа считал этот выход более желательным. Другим вариантом, по его мнению, был выход (временный) руководителя РНСУВ из РОВСа. Туркул обещал подумать, но затем позвонил Миллеру и известил его, что подает рапорт генералу Витковскому о выходе из РОВСа. Миллер согласился с его решением, а Туркул обещал Витковскому не вести борьбу с РОВСом, если его не будут трогать⁸⁹.

Генерал Миллер, именуя новую организацию политической, заявил, что в соответствии с приказом № 82 от 8 сентября 1923 года ее члены не могут оставаться членами РОВСа. Приказом Е.К. Миллера от 28 июля генерал Туркул, «ввиду желания посвятить себя политической деятельности», был освобожден от должности командира Дроздовского полка и уволялся из РОВСа на основании его рапорта от 27 июля 1936 года. Начальникам отделов Союза было направлено циркулярное письмо генерала Кусонского от 28 июля, объясняющее увольнение генерала Туркула из РОВСа. Кусонский призывал сохранять хладнокровие, хотя и указывал, что дело Туркула будет использовано врагами для внесения смуты и раздоров. А в личном письме генерал Кусонский, комментируя вышеназванный приказ председателя Союза, указывал, что тем самым «мы для французских властей отгородились от русских фашистов».

В ходе встречи в штаб-квартире РОВСа между Миллером и Туркулом состоялся резкий разговор. Но, желая завуалировать происшедшее и состоявшийся разрыв, председатель Союза назвал в своем приказе генерала Туркула «одним из виднейших и доблестных участников гражданской войны» и пожелал ему успехов на новом поприще. «Помогать ему в преследовании обеих целей - и действий против большевиков, и популяризации фашистского учения я всегда буду рад, - писал 31 июля генерал Миллер в Софию генералу Абрамову. - Но ответственности за его дела нести не хочу и не могу оставлять ее и на РОВ Союзе»⁹⁰. Сам генерал Туркул, несмотря на приказ председателя РОВСа от 28 июля, разослал своим помощникам в разные страны сообщение, что продолжает считать себя командиром Дроздовского полка.

3 августа 1936 года под председательством генерала Фока состоялось экстренное общее собрание чинов Дроздовских частей во Франции и Бельгии, которое приняло решение просить председателя РОВСа об отмене своего решения и поручало председателю собрания генералу Фоку довести об этом до сведения генерала Миллера. В ответ генералу Фоку был объявлен выговор приказом по I отделу Русского Обще-Воинского Союза. 23 августа Фок подал рапорт на имя генерала Миллера, в котором указывал, что после объявленного ему выговора он не может состоять в рядах РОВСа. Тем временем, руководствуясь постановлением вышеупомянутого собрания Дроздовских частей, полковники Колосовский и Силкин направляют генералу Миллеру рапорты с просьбой не считать чинов Дроздовского стрелкового полка и Дроздовского конного дивизиона, находящихся во Франции, в составе РОВСа. В ответе генерала Миллера, направленного им, а также генералам Витковскому, Репьеву и Фоку, указывалось, что компетенция общих собраний господ офицеров не может распространяться (в соответствии с порядком, установленным еще в войсковых частях Императорской армии) на вопросы служебного порядка. Председатель РОВСа отмечал также, что в собрании от 3 августа участвовала только часть Дроздовцев и прежде всего из Парижа. Констатируя тенденцию на выход Дроздовцев из РОВСа вслед за генералом Туркулом, генерал Миллер указывал, что в соответствии с правилами должна соблюдаться процедура индивидуального выхода из Союза⁹¹.

26 августа было созвано собрание старших чинов I отдела Русского Обще-Воинского Союза, которое после доклада генерала Кусонского, обсуждения и заключительного слова председателя Союза Миллера поддержало принятое им в отношении генерала Туркула решение. В тот же день приказом генерала Миллера по I отделу РОВСа генерал Фок был объявлен выбывшим из Союза по собственному желанию. Миллер направил ему личное письмо с выражением благодарности за борьбу с большевиками в годы Гражданской войны, совместную работу за рубежом и в РОВСе. 29 августа приказом генерала Миллера Русскому Обще-Воинскому Союзу предписывалось в связи с выходом генерала Туркула из состава Союза и до назначения нового командира Дроздовского полка или возвращения Туркула в состав организации, чтобы группы Дроздовцев непосредственно или через начальников групп 1-го армейского корпуса подчинялись начальникам соответствующих отделов РОВСа⁹². Но все это не разрешило ситуацию, ибо вызвало, с одной стороны, недовольство генерала Туркула и его радикально настроенных сподвижников, а с другой, - недовольствие сторонников Миллера, считавших, что он напрасно пошел на широкое обсуждение этой темы, допустил собрание дроздовцев и пытается найти какой-то компромисс с генералами и офицерами-активистами (то есть сторонниками активных и решительных действий РОВСа и прежде всего направленных против советского государства).

Журнал «Часовой» опубликовал от имени редакции в связи с «делом Туркула» статью под названием «В Русском Обще-Воинском Союзе». В ней указывалось, что Туркул создал военно-политическую организацию, объединяющую лиц, способных вести политическую борьбу против большевиков и ставящую цели: изучение политической международной обстановки, методов борьбы с большевизмом, политическое развитие офицеров. Считая РОВС организацией военно-профессиональной, Туркул не стал включать свой союз в его состав. По мнению редакции «Часового», история с Туркулом и его организацией еще раз поставила перед РОВСом вопрос о необходимости реформ в Союзе. Этот вопрос поднимался несколько раз, но попытки его решения оказывались паллиативны. Редакция журнала оговаривалась, что эта статья - не упрек возглавляемым РОВСа, а попытка помочь им, но было очевидно, что на самом деле это продолжение старой дискуссии о характере РОВСа, ибо редакция журнала «Часовой» считала необходимым проведение его реформ, активизацию и изменение характера деятельности, «чтобы наши части не превращались в военно-общественные группы». Постоянный оппонент Русского Обще-Воинского Союза и его руководства - парижская газета «Последние Новости» опубликовала в связи с происходящими событиями статью под названием «Спор между собой (Агония РОВ Союза)»⁹³.

История с генералом Туркулом и созданной им организацией означала не просто конфликт поколений в Русском Обще-Воинском Союзе и его руководстве, обострение обнаружившегося еще ранее противоречия между «стариками» и «молодыми», но и новый раскол в Союзе, который привел к уходу из него людей, жаждавших активной военно-политической деятельности против большевиков, недовольных руководством РОВСа и в поиске союзников обращавших взоры на Германию. Начальник II отдела генерал фон Лампе писал 14 августа 1936 года из Берлина в Болгарию генералу Абрамову по поводу действий «наших комсомольцев», имея в виду генерала Туркула и его молодых соратников, что все это тяжело сказывается на общей ситуации в Русском Обще-Воинском Союзе⁹⁴.

В знак протеста против исключения Туркула из РОВСа и объявления выговора ему самому генерал Фок не только вышел из Союза, как уже упоминалось выше, но спустя ровно месяц после приказа Миллера о его отчислении, он отправляет ему 26 сентября большое (9 машинописных страниц) и чрезвычайно резкое письмо (с пометкой «доверительно, не для печати») с обвинениями, ставя вопрос об уходе председателя РОВСа с занимаемой должности.

По утверждению Фока, при генерале Кутепове Русский Обще-Воинский Союз представлял собой «крупнейшую в эмиграции военную, национальную организацию, сильную духом, непримиримую к большевикам и богатую денежными средствами».

Неприкосновенный капитал, полученный генералом Кутеповым от полковника Подтягина, достигал 7 млн. франков, а сборы в Фонд Спасения России доходили до 40 тыс. франков в месяц. Чины РОВСа по указанию Кутепова выполняли ответственные поручения в России, те, которые Миллер называл «булавочными уколами». Слово генерала Кутепова, подчеркивал автор письма, было авторитетным. Ситуация резко изменилась с вступлением на пост председателя Русского Обще-Воинского Союза генерала Миллера. Он очень скоро сошел с пути активной борьбы с большевиками, по которому неустанно вели его предшественники в годы Гражданской войны и в 20-е годы. Большевики, по утверждению генерала Фока, не ошиблись в своих расчетах, устраняя Кутепова, ибо РОВС под руководством Миллера стал превращаться «формально в профессиональную организацию, однако и в этом смысле невысоко отвечающую даже этой скромной задаче - нет действительной помощи больным, увечным, нетрудоспособным и старикам, что же касается профессиональных военных знаний, то эта широкая работа проводится помимо Вас, и началась она инициативой Великого Князя Николая Николаевича и генерала Головина, под общим руководством которого и ведется».

Генерал Фок, обвиняя Миллера в утрате традиций «активной работы», описывает высказывавшееся недовольство и протесты в связи с этим командиров 1-го армейского корпуса и других лиц на совещаниях 1932-35 годов, их упреки в неудовлетворительной организации деятельности в этом направлении в адрес генерала Драгомирова и самого Миллера. Фок напоминает основные обвинения и требования, изложенные группой начальников частей и групп 1-го армейского корпуса в феврале 1935 года, а затем о действиях генерала Туркула по созданию «Русского Национального Союза Участников Войны», после отчисления которого из РОВСа дроздовцы отказались выдвигать другого человека на должность командира полка, а командиры Дроздовского полка в Париже подали рапорт о выходе из Союза, что ведет к развалу последнего.

«Что Вы - человек, по своей психологии чуждый борьбе, учитывал и генерал Кутепов, который, считая Вас своим заместителем, как старшего из чинов, на время своих отлучек, приказ о Вашем заместительстве по РОВ Союзу на случай оставления им поста Председателя Союза не отдавал, - продолжал жестко и нелюбезно генерал Фок. - Мне, как и Вам, достоверно известно лицо, предназначавшееся генералом Кутеповым в его заместители, но которое упорно отказывалось (речь, вероятно, идет о генерале Абрамове - В.Г.). Вступив в исполнение обязанностей председателя РОВС по чисто формальным основаниям, в трагические минуты исчезновения генерала Кутепова, Вы не могли не чувствовать своего несоответствия занимаемому посту председателя активно-боевой организации - наследницы белой борьбы».

Фок предъявляет также генералу Миллеру обвинения в неправомерном, единоличном и бесконтрольном расходовании финансовых средств РОВСа, покупке спекулятивных бумаг (акций Крегера), игре на бирже и т.п. Обвиняя генерала Миллера в развале Русского Обще-Воинского Союза, Фок писал: «Я считаю, дабы сохранить РОВ Союз от окончательного развала и вернуть его к исполнению основной задачи - к активной борьбе с большевиками, что Вам надо уйти от занимаемого Вами поста и найти способ передать его в более сильные руки лица волевого, твердого, правильно понимающего обстановку и широкие национальные задачи в борьбе с большевиками». Автор письма утверждал, что это необходимо сделать для пользы русского национального дела, и выражал готовность, если он не прав, предстать перед общественным судом⁹⁵.

Тема генерала Туркула и его сторонников остается актуальной для РОВСа и всего Русского военного Зарубежья и в дальнейшем. 6 ноября 1936 года генерал Кусонский информировал генерала Абрамова в письме в Софию о встрече Е.К. Миллера с двумя членами правления туркуловского «Русского Национального Союза Участников Войны» - полковником В.В. Чернощекковым и А.А. Лодыженским. «Союз преследует цель укреплять непримиримость, пробудить в военных кругах, а затем и во всей эмиграции, стержень которой он должен составлять, волю к борьбе и ко всякого рода активности; союз составляет военно-политическую партию, он также имеет целью бороться со всеми упадочными настроениями и подготовить эмиграцию к грядущим событиям»,

- так резюмировал Кусонский впечатления о программе действий Союза, возглавляемого генералом Туркулом. Выработанная (но еще не напечатанная) программа РНСУВ, носила, по мнению Кусонского, «обычный фашистский характер, но с различными деталями по вопросам рабочему, земельному и пр. и пр.». Планируемый «активный» характер деятельности организации Туркула включал, например, готовность пойти на физическое устранение П.Н. Милюкова, редактора газеты «Последние Новости».

Соратники генерала Туркула в ходе беседы с генералом Миллером убеждали его дать разрешение чинам Русского Обще-Воинского Союза вступать в РНСУВ. «Намерение у них клонится к тому, чтобы вытянуть из РОВС все, что в нем, по их мнению, еще осталось пригодного, получить, так сказать, самое ценное из имущества организации, обреченной на гибель, обратить эти остатки в политическую партию с лозунгами, завоевывающими все более сторонников во всем мире, и тогда стать и господами положения, к которым придет и иностранная моральная и материальная помощь, не говоря о том, что они станут «стержнем» (слово из их устава) русской эмиграции», - излагал свои впечатления от встречи генерал Кусонский. - иллюзий и фантазий хоть отбавляй, но пока... ничего не сказано, чуть ли не потому, что мешает генерал Миллер своим замышлением»⁹⁶.

За действиями и поездками генерала Туркула внимательно следили как его сторонники, так и оппоненты, и противники. В конце зимы - весной 1937 года генерал Туркул совершил поездку в Бельгию и Германию. В Брюсселе состоялся банкет дроздовцев, на котором присутствовали начальник V отдела РОВСа Гартман, а также генерал Архангельский. Оживленное обсуждение и противоречивые оценки вызвало пребывание генерала Туркула в Германии. С одной стороны, в Париже и Берлине распространялись слухи о его полном взаимопонимании с немцами, их финансовой поддержке Туркула и его организации и что он находится чуть ли не в переписке с самим канцлером Германии А. Гитлером. Но начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе утверждал, что ничего подобного на самом деле нет: у Туркула нет ни денежной поддержки из Германии, ни серьезных связей там.

Фон Лампе сообщал в Париж, что в период пребывания в Германии Туркул встречался с генералом Бискупским, начальником управления делами русской эмиграции в этой стране, и А.В. Меллером-Закомельским, представителем главы профашистской организации «Российского Национального и Социального Движения» полковника Н.Д. Скалона. В частности, с генералом Бискупским Туркул, по сведениям фон Лампе, обсуждал планы более тесного сотрудничества с германскими властями, возможного переселения в Германию и размещения здесь в специальных лагерях 3,5 - 4 тыс. своих сторонников. Начальник II отдела РОВСа утверждал, что генералу Туркулу не удалось добиться в Германии сколько-нибудь значительных успехов и в том числе финансовых вливаний. Фон Лампе оценивал поездку Туркула в Берлин, как фиаско, добавляя, что он не встречался там ни с кем, кроме русских эмигрантов. Тем не менее, действия Туркула вызвали серьезную озабоченность генерала Миллера, который, в частности, задавался вопросом, откуда у его оппонента берутся денежные средства⁹⁷. Добавим, что генерал Туркул приступил к изданию своей газеты - «Сигнал», а впоследствии и журнала - «Военный Журналист».

Истины ради, заметим, что с генералом А.В. Туркулом из Русского Обще-Воинского Союза ушли в итоге не все дроздовцы. Значительная часть из них (по некоторым данным, - около половины) осталась в Союзе во главе с бывшим начальником штаба Дроздовской дивизии генерал-майором Ф.Э. Бредовым (младшим)⁹⁸.

Состояние Русского Обще-Воинского Союза, стратегия и тактика его действий продолжают находиться в центре острых дискуссий, как в самом Союзе, так и в Российском Зарубежье. Это становится предметом обмена мнениями и внутри руководства РОВСа, и формулирования генералом Миллером существа своих взглядов по дискутируемым проблемам для ориентировки ближайшего круга своих соратников. В результате генерал Кусонский рассылает начальникам отделов РОВСа выдержки из письма одного из начальников отделов и ответ генерала Миллера от 15 августа 1936 года. В цен-

тре обсуждения находится тема «специальной активной работы» и в связи с этим зависимость сборов в «Фонд Спасения России» от результатов ее, а также состояние РОВСа и предстоящее проведение сборов для поддержания его организации, то есть центра и руководящих органов управления Союза. Осмысление «активной работы» сквозь призму истории РОВСа привело к сформулированному в указанном документе выводу, что в 20-е годы она финансировалась из средств «Казны Великого Князя Николая Николаевича», пополняемой из добровольных взносов, и лишь небольшие дополнительные суммы выделялись из средств самого РОВСа (полученных от продажи Ссудной кассы). Причем генерал Врангель не участвовал в расходовании средств. РОВС не был связан с работой, ведущейся на средства «Казны Великого Князя», лишь в редких случаях из него черпались отдельные люди для «активной работы» в СССР, но это не вызывало, по утверждению авторов переписки, упреков в бездеятельности, разочарования и суждений, что Русский Обще-Воинский Союз скоро умрет.

Кроме «специальной работы», ведущейся непосредственно в СССР, средства «Казны Великого Князя» расходовались в 20-е годы и на деятельность информационного (информационно-пропагандистского) отдела, руководимого князем Трубецким. Его работа велась как в отношении советского населения (путем направления в СССР и распространения там листовок и специальной литературы), так и в зарубежных странах, посредством воздействия на политиков и общественное мнение. В качестве наиболее удачного примера приводилось предоставление соответствующих сведений британским консерваторам в 1927 году, результатом чего, в частности, стал разрыв ими отношений с СССР в мае того же года. В материалах указанной переписки подчеркивалось большое значение пропагандистской работы и в 30-е годы. Причем, по утверждению авторов, в новой тактике борьбы большевиков против РОВСа и эмиграции, принятой на съезде ИНО ОГПУ в Берлине в мае 1931 года, центральное место заняли провокационная агитация, разжигание расколов и споров в Союзе и Русском Зарубежье. Именно пропаганда, по мнению генерала Миллера, а не отдельные покушения, принесла успех борьбе революционеров в России в начале века, и этому у них следовало учиться.

Одним из итогов цитируемой переписки и рассылки ее материалов генералом Кусонским является печальный вывод, сделанный начальником отдела РОВСа, с которым согласился и генерал Миллер: «В отношении реальных успехов у нас нет никаких надежд, а в отношении гибели РОВСа как легальной организации - шансов сейчас неизмеримо больше, чем в первые годы активной борьбы». Особые опасения вызывал возможный полный разгром легального аппарата РОВСа, что привело бы к исчезновению и самого Союза. Что касается «активной борьбы», то она, по мнению авторов, будучи начата главным образом для подъема духа, принесла вследствие неудач большие сомнения в будущем⁹⁸.

Еще более интересен по содержанию документ генерала Миллера, разосланный генералом Кусонским начальникам отделов Русского Обще-Воинского Союза 28 ноября 1936 года. В преамбуле этого документа председатель РОВСа указывал, что его переписка в последние месяцы с некоторыми начальниками отделов Союза, а также личное общение с его чинами привели к необходимости точной формулировки некоторых актуальных вопросов текущей внутренней жизни и потребности дать по ним свои руководящие указания. Первая категория вопросов касалась «существа работ, ведущихся РОВСом против III Интернационала». Вторая категория вопросов была связана с настроениями широких кругов чинов РОВСа, в которых «частично проявлялись тенденции упадочности духа и мысли».

В результате генерал Миллер свел эти задаваемые вопросы к четырем главным: 1. Работа, которая велась против советской власти генералами Врангелем и Кутеповым, благодаря своему активному характеру поддерживала в наших рядах нужное настроение, поднимала наш дух и укрепляла веру в наших «Вождей»; 2. Отсутствие в настоящее время видимости (подчеркнуто в тексте - В.Г.) активной работы приводит к обратным результатам, а те - к падению духа и утрате веры в начальников; 3. Борьба против

советской власти, начатая нами, якобы, для подъема духа в наших рядах и укрепления веры в свои силы, вследствие неудач в этой работе, имевших место в прошлом и настоящем, рискует давать как раз обратные результаты, т.е. упадок духа, разочарование в своих силах и в организационных способностях своих руководителей, сознание несокрушимости своего врага, а в итоге - рост недоверия к своему возглавителю; 4. Наблюдающееся уменьшение поступлений в Фонд Спасения Родины объясняется, главным образом, отсутствием отчетов в расходовании средств, неимением конкретных данных о факте ведения «активной» борьбы против советской власти и незнанием, какая именно работа финансируется этим фондом.

Суждения и заключения генерала Миллера по этим вопросам были сформулированы в специальной Записке № 124, снабженной грифом «совершенно секретно», при этом автор жестко инструктировал начальников отделов: «Вы обязуетесь ее никому не давать и не показывать, а хранить у себя до востребования». Ценность этого документа заключается в том, что в нем была предпринята попытка выделить и охарактеризовать основные этапы истории военной эмиграции и РОВСа, оценить деятельность его руководителей в контексте характера и методов ведущейся ими борьбы и дать ответы на сформулированные выше вопросы.

Характеризуя деятельность генерала Врангеля, Миллер писал, что после эвакуации Крыма и в Константинополе он не оставлял надежды перенести борьбу с большевиками на русскую почву, поэтому стремился поддерживать вспышки народных восстаний в России, «дабы не дать погаснуть в населении воли к победе». Автор Записки резюмировал, что длительным этот период быть не мог, ибо у Врангеля отсутствовали крупные средства, необходимые для такого метода действий, и он разочаровался в людях, предлагавших свои услуги и использованных с этой целью. Начиная борьбу с советской властью из-за рубежа, генерал Врангель не ставил, по мнению Миллера, целью такой работы поддержание соответствующего настроения среди чинов Русской Армии. И, напротив, неудачи этих попыток борьбы не вызывали падения духа в воинских чинах. Тем более, что войска в Галлиполи и на Лемносе о них не знали и ими не интересовались.

В рамках второго периода своей деятельности (1922 - 24 гг.) Врангель, по утверждению генерала Миллера, не вел никакой активной работы в СССР, т.к. по опыту предыдущих лет пришел к заключению о бессмысленности трат денег на эту работу, для которой не было ни опытных организаций, ни подготовленных и добросовестных руководителей. Он рассчитывал, что внутренние процессы в советской России вызовут обострение ненависти народа против коммунистов и тогда должна сложиться новая обстановка, которую можно будет так или иначе использовать. Действительность, по мнению Миллера, подтвердила «правильность суждений Врангеля и удивительную способность предвидеть будущность». Тем временем Врангель принимал все меры к сохранению кадров Русской Армии в новых условиях ее существования и создал Русский Обще-Воинский Союз, объединивший в своем составе не только воинские части Русской Армии, но и многочисленный контингент русских военнослужащих, находившихся во всех странах русского рассеяния. В это же время Врангель отклонил и несколько попыток со стороны большевистских агентов (руководителей «Греста», в том числе приехавших в Сремски Карловци) отвлечь РОВС в орбиту тех, якобы, антибольшевистских организаций, которые работали в советской России. В рассматриваемый период деятельности имели место, писал генерал Миллер, и кустарные попытки отдельных сил, несвязанных с РОВС, вести активную работу в советской России, эксплуатируя доверчивость иностранцев и используя героическую самоотверженность отдельных лиц, чаще всего чинов Русской Армии. Но отсутствие активной работы в этот период не вызывало в среде чинов РОВСа, по мнению Миллера, ни упадка духа, ни падения авторитета генерала Врангеля как вождя.

В условиях третьего периода (1924 - 28 гг.) генерал Врангель, по утверждению автора Записки, не вел никакой работы в советской России, но великий князь Николай Николаевич, возглавивший не только русских воинов за рубежом, но и вообще боль-

шинство русской эмиграции, пригласил генерала Кутепова в свои сотрудники, поручив ему начать активную работу против советской власти и руководить ею. Средства на ведение этой работы выделялись из «Казны Великого Князя Николая Николаевича», переименованной после его кончины в «Фонд Спасения России». Эта активная работа в советской России под руководством генерала Кутепова и великого князя, хотя и не дала, по мнению генерала Миллера, решительных результатов, но отвечала новой обстановке, создавшейся, как на Родине, так и за границей. При этом автор Записки особенно положительно оценил организацию информирования за рубежом обо всех действиях III интернационала и советского правительства, подчеркнув, что на этот метод борьбы ассигновали средства и его предшественники, и он сам.

В 1924 - 30 годах генерал Кутепов руководил работой против советской власти - сначала в качестве помощника великого князя, а потом в качестве его преемника. Эта работа проводилась по трем линиям: 1) организационная; 2) пропагандистская; 3) «специальная». Но вся она, по утверждению генерала Миллера, велась «совершенно вне РОВСа», и генерал Кутепов, в прошлом создатель Галлиполи и командир 1-го Армейского корпуса был освобожден генералом Врангелем от должности, чтобы показать, что нет никакой связи между армией (т.е. РОВС) и работой, порученной Кутепову великим князем. Само похищение генерала Кутепова свидетельствовало, по мнению Миллера, о значении личности генерала Кутепова как вождя Русской Национальной Заграницы. О работе в советской России (в период Кутепова) широкие круги РОВСа узнавали, главным образом, по фактам неудач, но не высказывали при этом, указывал автор Записки, ни критики, ни недовольства, ни жалоб, что их не осведомляли о том, что делается Главным Командованием в деле активной борьбы с большевиками.

Четвертый период, начавшись в 1930 году, продолжался, по мнению генерала Миллера, и в настоящее время. После гибели генерала Кутепова стала очевидна необходимость пересмотра методов возможной борьбы. Было признано, что недостаток опыта и материальных средств не дают оснований рассчитывать на возможность ведения работы в прежнем направлении с достаточной вероятностью на успех. С другой стороны, были учтены новые, глубокие сдвиги в психологии русского народа, ибо проведение первой пятилетки, раскулачивание, удар по крестьянину-хозяину привели к тому, что большевики, по утверждению председателя РОВСа, своими собственными мероприятиями агитировали против себя. Поэтому решено было главную энергию направить на организационную часть, на образование за границей (в СССР) опорных пунктов или «ячеек», могущих сыграть свою роль в нужную минуту. Именно по этому пути и велась систематическая работа, хотя она и тормозилась недостатком средств. Центр этой работы был перенесен, по словам Миллера, из Парижа в другое место, ибо парижская обстановка препятствовала ее проведению и облегчала деятельность большевистских агентов.

Исходя из вышеизложенного, председатель РОВСа сделал два главных вывода: 1) Борьба русских патриотов против коммунистов, захвативших Россию, началась с момента этого захвата и продолжается по настоящее время, как на территории России, так и за границей; 2) перемена методов борьбы и тактики диктуется совокупностью условий, но отнюдь не означает прекращения борьбы. Генерал Миллер оставляет именно за руководством Союза право на выбор методов борьбы и тактики, подчеркивая, что если бы рядовая масса, непосвященная во все детали работы, требовала бы всегда и всюду одной тактики, то это обрекло бы движение на несомненные поражения.

Касаясь одной из актуальных проблем - успешности сбора средств в «Фонд Спасения Родины», предназначенных для подрывной работы в СССР, генерал Миллер в анализируемой Записке (основываясь на информации сборщиков) пришел к выводу, что это зависит от трех факторов: 1) степени ознакомления жертвователей с сущностью работы, проводимой на средства ФСР; 2) степени развития «активной» работы по борьбе с советской властью, причем о результатах ее должны осведомляться жертвователи; 3) общего экономического положения (впрочем, Миллер, не придавал серьезного значения последнему фактору, т.к. сумма сбора составляла 50 сантимов - 1 франк в месяц).

Отсутствие видимых результатов борьбы не могло быть признано, по мнению генерала, убедительным и основательным аргументом, объясняющим уменьшение притока средств в ФСР. И ранее, указывал он, можно было говорить лишь о неудачах, а не об успехах, но именно отсутствие неудач ставится в последний период в вину руководителям дела некоторыми кругами эмиграции. Требование отчета за секретную работу - что это наивность или провокация, задавался вопросом председатель РОВСа. Жертвователи не могут не понять, писал он, что самая суть дела, на которое они жертвуют, такова, что расходы оглашению не подлежат. Поэтому провокация и преступная глупость, считал Миллер, требовать документальных отчетов от людей, работающих в советской России. Об этой деятельности могут знать только руководители и непосредственные участники дела.

«Победит тот, у кого окажутся крепче нервы», - подчеркивал немецкий генерал Гинденбург в начале Мировой войны. Цитируя этот тезис, председатель РОВСа констатировал, что русские нервы оказались слабее немецких. Неужели и сейчас наши нервы окажутся слабее, чем у большевиков, задавался он вопросом в конце Записки, адресованной своим ближайшим соратникам, и сам себе отвечал - не хочется этому верить¹⁰⁰.

Таковы размышления, суждения и выводы генерала Миллера, касающиеся ряда актуальных вопросов истории и деятельности Армии и Русского Обще-Воинского Союза в условиях эмиграции, содержания стратегии и тактики борьбы. Сохранение кадров и единства Русского военного Зарубежья, предостережение от авантюрного «активизма», создание опорных пунктов в СССР и выжидание благоприятного момента для выступления, что ставилось в зависимость от внутренних процессов и назревания общего кризиса в советской стране и от ее неизбежного политического и вооруженного столкновения с капиталистическими странами, - вот основные идеи избранной председателем РОВСа тактики, которую он и пытался последовательно отстаивать. Но Миллер не встречал должного понимания и поддержки, а, напротив, сталкивался с растущей оппозицией со стороны части радикально настроенных офицеров и генералов. Да и тянувшееся уже более полутора десятка лет мучительное безвременье вынужденной эмиграции оставляло у его участников, в том числе бывших военнослужащих, все меньше надежд на будущее возвращение на родину.

Тем временем Русский Обще-Воинский Союз все острее сталкивался с дефицитом финансовых средств, остатки которых пытались растянуть на возможно больший период времени. 12 июня 1936 года генерал Миллер направляет письмо начальникам отделов РОВСа, где размышляет о сложившейся тяжелой финансово-экономической ситуации и в связи с этим о судьбе РОВСа. Сейчас средства подходят к концу, сообщает он своим адресатам. Изначально управления отделов существовали за счет денег генерала Врангеля, затем Кутепова, а также членских взносов. В связи с исчерпанием средств в настоящее время впервые за все время эмиграции встал вопрос и о судьбе управлений отделов (ранее содержавшихся частично за счет ассигнований из центра), и о целесообразности сохранения Центрального управления РОВСа. Миллер напоминает, что он совмещает председательство в РОВСе с должностью начальника I отдела, имея помощника по Центральному управлению. Целесообразно ли обложение чинов РОВСа еще и взносом на Центральное управление, запрашивает он своих коллег и подчиненных. Председатель Союза предлагает следующий расклад членских взносов чинов РОВСа: 1 франк - на управление отдела (может быть и меньше, делает пометку он); 1 франк - на расходы Центрального управления; 50 сантимов - в пенсионный фонд; 50 сантимов - на «Фонд Спасения Родины». Миллер считает, что такой порядок обложения придется, видимо, вводить с 1 января 1937 года.

Начальник II отдела генерал фон Лампе направляет ответное письмо 25 июня, в котором, подчеркивает главное: Центр должен существовать, и от этого зависит и существование самого РОВСа, и, если нет других источников, то нужно обеспечивать это за счет членских взносов. 26 июня ответное письмо в Париж направляет начальник III отдела генерал Абрамов. Он сообщает, что вопрос обсужден не только на собрании на-

чальников частей и групп РОВСа в Софии, но были запрошены и начальники групп в провинции. Абрамов информирует генерала Миллера о высказанном единодушном мнении о необходимости сохранения управлений Центра и отделов РОВСа наряду с поддержанием таковых и их организаций. Это должно быть основой существования Союза. В материальной поддержке центральных управлений и региональных отделов должны принять участие все организации Русского Обще-Воинского Союза.

Вместе с тем, генерал Абрамов пишет, что введение нового всеобщего обложения чинов РОВСа специально для содержания управлений и отделов нежелательно и невозможно для большинства. Все чины РОВСа должны платить единый обязательный взнос в свою часть (в Болгарии эта сумма составляет 15 -16 левов, из этих денег командиры частей должны ежемесячно направлять часть денег на содержание управлений Центра и отделов РОВСа). Абрамов считает, что эти суммы должны выплачиваться неукоснительно, вплоть до исключения неплательщиков из состава части и РОВСа, и уточняет, что исключаться должны лица, которые не платят взнос два месяца подряд. Вместе с тем, начальники частей могут давать льготы для неспособных платить полный взнос - безработным, неимущим. Для них взнос должен составлять 50 сантимов или 2 лева. Пожертвования в Фонд Спасения Родины имени Великого Князя Николая Николаевича должны производиться по-прежнему, независимо от обязательного членского взноса в свою часть. В соответствии с этой схемой отчисления для управлений Центра и III отдела в Болгарии должны были составлять примерно 5 тыс. левов, из них 1500 левов (230 - 250 франков) отправлялись бы в Центр, а остальная сумма оставлялась на III отдел¹⁰¹.

Сложное материальное положение многих военных эмигрантов, а также процесс старения ставили перед их организациями и прежде всего Русским Обще-Воинским Союзом немало трудных вопросов. В июльском номере Информационного бюллетеня IV отдела РОВСа за 1935 год сообщалось о внесении в Скупщину Югославии законопроекта, облегчающего лицам славянского происхождения переход в югославское подданство. В связи с этим давалась ссылка на ряд постановлений по этому поводу руководителей РОВСа, начиная от великого князя Николая Николаевича до генерала Миллера. Не поощряя переход членов РОВСа в иностранное подданство, указывалось, что не будет чиниться препятствий, особенно в отношении Королевства Югославии, «в тех случаях, когда вопрос этот ставится в прямую связь с возможностью существования».

В апреле 1937 года генерал Барбович извещал генерала Миллера об обеспечении старости проживавших в Югославии русских эмигрантов, участников Первой мировой войны. Он сообщал об обращении в военное министерство Югославии по поводу лиц, прослуживших 10 лет в правительственных учреждениях и достигших 65-летнего возраста, а также военных инвалидов, потерявших 60 - 100 % трудоспособности, и вдов, мужья которых были убиты на войне или умерли до издания закона. Барбович писал о положительном отношении югославского военного министра и о том, что есть шансы, чтобы 257 лиц русской национальности, находившихся на государственной службе в Югославии, получили бы в итоге по закону материальную помощь. На территории Югославии, сообщал также начальник IV отдела РОВСа, находятся 437 русских участников Великой войны, достигших 65-летнего возраста, не имеющих службы или частичного заработка и старость которых не обеспечена. Кроме них, в Югославии проживали 106 вдов и 90 человек в возрасте до 65 лет, но потерявших трудоспособность на 60 -100 %¹⁰². Таким образом, наряду с военными и политическими, суровые быденные проблемы повседневной жизни становились все более актуальными и значимыми и в первую очередь для простых эмигрантов, но в известной степени и для руководителей их организаций.

Руководство РОВСа пыталось использовать тобой повод для улучшения ситуации в Союзе и сплочения его рядов. 12 июля 1936 года генерал Кусонский уведомил начальников отделов и подотделов Русского Обще-Воинского Союза о том, что 11 августа (по старому стилю) 1936 года исполняется 50 лет производства генерала Миллера в первый офицерский чин. В связи с этим в Париже была создана инициативная группа

под председательством вице-адмирала Кедрова. Она приняла решение: 1) признать чествование генерала Миллера весьма желательным, причем наметить его в виде торжественного собрания со специально нанятым для этого залом; для этой цели прослушать приветственные речи и адреса, полученные юбиляром, а затем предложить всем собравшимся бокал шампанского; 2) шире привлечь к чествованию, кроме воинских, и другие национальные организации; 3) само чествование наметить на конец сентября - начало октября, принимая во внимание каникулярное время и массовый отъезд из Парижа. Инициаторы торжества просили оповестить об этом все подведомственные воинские и общественные организации и заблаговременно прислать юбиляру письменные приветствия, датируя их днем производства Миллера в офицеры - 11/24 августа.

В результате осень 1936 года прошла под знаком этого своеобразного юбилея председателя РОВСа. Сам юбиляр немало размышлял в это время не только об итогах пройденного им пути, но и о причинах крушения Российской Империи - великого государства и о том, все ли сделали он и его соратники, чтобы предотвратить это, а также о состоянии эмиграции и Русского Обще-Воинского Союза. «Чем дальше в лес, тем больше дров: чем дольше мы пребываем в ненормальном положении военных эмигрантов, тем все сложнее становятся взаимоотношения чинов Р.О.В.С. - вверх, вниз и в стороны»¹⁰³, - писал Миллер в Берлин генералу фон Лампе 24 сентября 1936 года.

4 октября в парижском зале «Гужон» состоялось главное торжество. Оно открылось молебном, который отслужил митрополит Евлогий. От имени комитета по организации чествования юбиляра приветствовал его председатель, вице-адмирал М.А. Кедров. С приветственными речами выступили представители более 60 организаций, начиная с тех, в деятельности которых принимал участие генерал Миллер и которые были связаны с этапами его жизненного пути: объединения выпускников Николаевского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, военнослужащих Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, «Общества северян» и др. Многочисленные приветствия в адрес юбиляра поступили от более чем ста национальных, военных и гражданских организаций, а также более 300 адресов и приветствий пришли из разных стран мира, где проживали русские эмигранты¹⁰⁴.

Заметим, вместе с тем, что самого генерала Миллера в это время по-прежнему занимала тема своего преемника. В ходе секретного опроса старейших чинов РОВСа, организованного им в 1936 году, самым достойным кандидатом вновь был назван генерал А.М. Драгомиров¹⁰⁵.

Торжественное чествование генерала Миллера и приветствия в его адрес, заполнившие русские эмигрантские газеты, не могли снять остроту противоречий, существовавших в Русском Обще-Воинском Союзе.

16 октября 1936 года казначей «Фонда Спасения России» В.В. Попов в письме генералу Абрамову заметил: «Я считаю дело Центра РОВ Союза конченным. Единственным спасением могло бы быть перенесение, ввиду происходящих и назревающих здесь событий, Центра в другие страны. Однако, Е.К. (Миллер - В.Г.), связанный семьей, Булони не покинет». Не менее сложно обстояло дело и со сбором средств в ФСР. Для подтверждения этого приведем строчки из вышеуказанного письма: «Будучи всегда с Вами откровенен, скажу и на сей раз, что дело Фонда скомпрометировано окончательно и бесповоротно», - писал Попов Абрамову. Автор сообщал о бесплодных двухлетних попытках организации парижского комитета ФСР: «Никто, вплоть до самого завалящего полковника не захотел стать во главе Комитета». Попов утверждал, что его никогда и не удастся образовать, так как «слишком много вранья набралось за это время вокруг Фонда, и сейчас уже ничего и никто не сделает»¹⁰⁶. При этом Попов с горечью добавлял, что деньги дают Младороссам, НСНП и готовы дать даже Солоневичу.

В декабре того же года Попов растерянно писал тому же адресату в Софию: «В конце концов, я совершенно не понимаю, кто же действительно «наш»?». Он добавлял, что, основываясь на письмах Абрамова, считал таковым генерала Скоблина. Но за последние месяца два его отношения с генералом Миллером резко изменились, и он «дружит» с генералами Туркулом, Фоком и др., отказался перечислять деньги в Фонд.

Генерал Миллер, продолжал Попов, «по обыкновению, как страус, прячет голову под крыло и велел мне еще раз написать генералу С. (Скоблину - В.Г.) с комплиментами по адресу корниловцев». Перечисляя далее имена генералов, перешедших в оппозицию, он спрашивал, на кого же можно опереться в Париже, ибо остались только бездеятельный генерал Пешня да генерал Витковский, добавляя, что о последнем говорить не приходится, ибо он «не только нуль, но нуль со знаком минус». Вспоминая генерала Шатилова, Попов с горечью добавлял, что тот и сам «не пойдет сейчас в спасители», тем более, что и отношение Колизе обидно для него повернулось на 90 градусов¹⁰⁷.

О возвращении генерала Шатилова в руководящий костяк Русского Обще-Воинского Союза размышлял и генерал фон Лампе. В письме генералу Кусонскому в Париж 6 марта 1937 года он указывал на необходимость втянуть его обратно в РОВС. «Знаю я его недостатки, - писал фон Лампе, - но в отсутствии напористости его никто упрекнуть не может (скорее наоборот)»¹⁰⁸. А это качество Шатилова начальник II отдела Союза считал особенно ценным в настоящее время, когда надо было дать отпор разлагающей работе и разрушительским стремлениям типа действий генерала Туркула.

Тем временем жизнь и деятельность российской эмиграции во Франции серьезно осложнялась тем обстоятельством, что на парламентских выборах здесь весной 1936 года победу одержали левые политические силы, объединенные в Народный фронт. Созданное им правительство Франции возглавлял Л. Блюм, а затем до 1938 года - К. Шотан. Совершенно естественно, что французские левые, пришедшие к власти, не питали никаких положительных эмоций к российской эмиграции и в том числе к ее военным организациям, а, напротив, по настоянию советского правительства прилагали усилия по ограничению возможностей их деятельности. Были заморожены (или, по крайней мере, чрезвычайно затруднены) отношения эмигрантов и в том числе РОВСа с французской политической полицией, Генеральным штабом, военной разведкой и контрразведкой. Это заставляло радикально настроенных эмигрантов искать выход из сложившегося положения, не исключая и возможности перенесения центра своей политической деятельности и работы военных организаций, в том числе РОВСа, в какую-либо другую страну.

После прихода к власти фашистов в Германии в белом движении в эмиграции усиливался интерес к теме фашизма и надежды на сотрудничество с ним в борьбе с СССР. Эмигрантский писатель Иван Лукаш подготовил обращение о действиях эмиграции в связи с политическими событиями в Германии. Он предлагал командировать к Гитлеру кого-либо из молодых генералов (например, Н.В. Скоблина, от которого советская разведка и узнала об этом) или общественных деятелей, знакомых с германской ситуацией. Предполагалось уговорить Гитлера создать международный добровольческий корпус для борьбы с коммунизмом. Корпус должен был состоять из нескольких соединений, причем русское соединение составило бы ядро корпуса и находилось бы под командой молодых генералов, прошедших гражданскую войну. Если бы в какой-то стране обозначилось коммунистическое движение, то туда предлагалось направить этот корпус или его отдельные соединения¹⁰⁹.

Генерал Миллер в письме генералу Абрамову в Софию 4 ноября 1935 года, высказываясь по существу фашистского направления, определил его как определенно национальное, которое можно было бы только приветствовать. В качестве примера он назвал выпускаемый генералом С.Ц. Добровольским журнал «Клич», который «очень полезен и интересен». Вместе с тем, он указал на недостаточную моральную твердость К.В. Родзаевского и его Всероссийской фашистской партии. Председатель РОВСа отметил рост русских фашистов в Болгарии, но при этом высказал опасение, что тлетворное влияние на них оказывает все тот же Родзаевский, который к тому же подчинился, по его утверждению, атаману Семёнову, а через него штабу Квантунской армии¹¹⁰.

Отношения Русского Обще-Воинского Союза и властей фашистской Германии складывались очень сложно, и для этого был целый ряд причин. Во-первых, руководство фашистской Германии занималось широким комплексом проблем, и ему было просто не до русских эмигрантских организаций, в том числе РОВСа. Во-вторых, гер-

манские власти с подозрением относились к Русскому Обще-Воинскому Союзу, как к антантофильской или франкофильской организации, ибо центр ее находился в Париже. В-третьих, учитывая отношение германских нацистов к славянству и русскому вопросу, они с большой настороженностью относились к русским организациям в Германии и тем более к военному Союзу, состоявшему преимущественно из бывших офицеров, даже если руководство его и предлагало властям фашистской Германии сотрудничество в совместной борьбе с коммунизмом. Так или иначе, но начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе откровенно писал генералу Миллеру 25 апреля 1936 года, что в настоящее время совместный фронт, который стремились создать в Берлине вместе с германскими властями, рухнул, и это дело надо начинать сначала, ради совместной борьбы с большевиками, несмотря на разочарования¹¹¹.

С 1 мая 1936 года германские власти назначили начальником Управления делами русской эмиграции в Германии генерала В.В. Бискупского. В 1918 году он командовал войсками гетмана Скоропадского и тесно сотрудничал с немецкими оккупантами на Украине. И весь его последующий жизненный путь характеризовался тесным сотрудничеством с правыми политическими и военными кругами Германии. Покинув вместе с германскими интервентами Украину в 1919 году, Бискупский претендовал на то, чтобы возглавить Добровольческий корпус генерала фон дер Гольца. В том же году он руководил так называемым «Западнорусским правительством» в Берлине, непризнанным генералом Юденичем, как, впрочем, и другими руководителями российского белого движения.

В марте 1920 году Бискупский участвовал в капповском путче и после его подавления бежал вместе с генерал-фельдмаршалом Людендорфом. Стал одним из руководителей общества «Ауфбау», созданного при помощи все того же Э. Людендорфа для налаживания взаимодействия русских правых эмигрантов и германских националистов. По некоторым данным, в доме Бискупского после неудачного «пивного путча» 1923 года скрывался А. Гитлер. И в дальнейшем Бискупский постоянно жил в Германии, имел широкие связи с нацистами и в политических кругах Третьего рейха, в военном министерстве, министерстве пропаганды, иностранном отделе НСДАП, гестапо. Был лично знаком с А. Гитлером, Г. Герингом, А. Розенбергом. Все это и предопределило его назначение на должность начальника Управления делами русской эмиграции в Германии. Руководство РОВСа без восторга приняло это назначение, потому что Бискупский поддерживал великого князя Кирилла Владимировича, тесно взаимодействовал с ним и был произведен им в генералы от кавалерии «Корпуса Императорской Армии и Флота».

Помощником генерала Бискупского в качестве начальника вышеуказанного управления стал СВ. фон Таборицкий, достаточно колоритная фигура. Он приобрел известность как участник покушения на П.Н. Милюкова во время его лекции в Берлине в марте 1922 году. Тот остался тогда невредим, но был убит заслонивший его и пытавшийся обезоружить террориста В.Д. Набоков.

Генерал фон Лампе ожидал, что с образованием Управления, специализированно занимающегося русскими эмигрантами в Германии, у его организации могут возникнуть серьезные проблемы, и даже попросил у Миллера на всякий случай полномочий на закрытие отдела РОВСа в этой стране. 26 мая 1936 года генерал Миллер ответил ему: «Оставление наших организаций в Германии лицом к лицу с Б. (Бискупским - В.Г.) крайне нежелательно, и я готов идти на какие угодно уступки, но не лишать наши организации Вашего руководства»¹¹². Забегая вперед скажем, что в дальнейшем по представлению фон Лампе и согласованию с руководством РОВСа организация, руководимая этим генералом, получила самостоятельный статус и название - «Объединение Русских Воинских Союзов».

Тем не менее, руководство РОВСа по-прежнему искало контакты и взаимопонимание с руководством Германии, возлагая на него особые надежды в борьбе с большевизмом в СССР. Генерал Миллер в ходе беседы с одним из немецких журналистов указывал ему, что Германия может справиться с ненавистным ей коммунизмом корот-

ким ударом по большевистской головке. В таком случае вся эмиграция будет на ее стороне, больше того - пусть Германия дает средства, а эмиграция даст необходимый людской материал. В связи с письмом генерала Драгомирова (руководившего ранее Особой работой РОВСа) председатель Русского Обще-Воинского Союза заявил, касаясь международных вопросов: «В данный момент РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом»¹¹³.

31 июля 1936 года, размышляя об идеологии и практике фашизма, генерал Миллер писал в Софию генералу Абрамову: «Скажу откровенно, что по мере развития хода событий в Европе, я все более проникаюсь мыслью, что фашистское учение о государственном устройстве является может быть единственным якорем спасения от коммунизма при прогнившем парламентском режиме. Поэтому к мысли о популяризации фашистских лозунгов и среди эмиграции, и вообще среди военных и чинов РОВ Союза, в частности, я отношусь вполне сочувственно»¹¹⁴. Продолжая эту тему в письме генералу Кусонскому (20-21 августа того же года), председатель РОВСа вновь подчеркивал свое сочувствие фашизму, который должен прийти на смену прогнившему парламентско-демократическому устройству. Он указывал, что уже написал циркуляр с приказом организовать подписку на журнал «Клич» - «единственно серьезный, но, вместе с тем, и не скучный, а бодрящий фашистский орган». В связи с этой темой генерал Миллер вновь обращается к больному для него вопросу взаимоотношений с генералом Туркулом. Если он хотел что-то сделать для распространения фашистской идеологии, то «незачем ему было стулья ломать», - писал председатель РОВСа. Туркулу, по мнению Миллера, нужно было доложить работу своей комиссии по этим вопросам, о чем он ему несколько раз говорил, но тот отговаривался, что работа комиссии еще не закончена. Генерал Миллер утверждал, что Туркул просто хотел создать свой Союз рядом с РОВСом¹¹⁵.

В условиях четко выраженного сближения руководства Русского Обще-Воинского Союза с нацистами и растущих надежд на то, что именно действия фашистской Германии приведут к краху советской власти в СССР, что даст возможность эмигрантам вернуться на родину, в кругах Российского военного Зарубежья по-прежнему присутствовали и иные взгляды. Наиболее известным и последовательным сторонником «оборонческой позиции» оставался генерал Деникин, которого энергично поддерживал и бывший видный деятель РОВСа генерал Махров. В 1936 году последний заявлял, что когда Германия и Япония угрожают СССР войной, «оборончество исходит из инстинкта самосохранения нации». «Оборончество и национализм - тесно связаны», - подчеркивал и доказывал Махров¹¹⁶.

Что касается дальневосточной ситуации, то после оккупации Японией Маньчжурии в 1931 году события здесь развивались далеко не так, как хотелось бы руководству Русского Обще-Воинского Союза. Японское командование и оккупационные власти, заявляя о своем лояльном отношении к русскому населению Маньчжурии и готовности помочь в решении его проблем, потребовали взамен беспрекословной поддержки политики Японии. Это привело к расколу русской эмиграции. Часть ее, среди которых были и представители военных, в первую очередь, легитимистов заявили о своей готовности сотрудничать с оккупантами. Другие, в основном представители интеллигенции и значительная часть русского офицерского корпуса, связанного с РОВСом, высказывали недоверие и неприязнь к японским оккупантам. 28 декабря 1934 года для удобства административного управления и контроля за эмигрантами было создано Бюро по делам российских беженцев на территории Маньчжоу-Ди-Го (Маньчжурской империи) (БРЭМ), формально подчинявшееся министру народного благосостояния империи, а фактически - японской военной миссии, которая и финансировала его. Все состоящие на учете русские эмигранты должны были признать и подчиниться БРЭМ, жить и действовать по его указаниям, а на самом деле - по предписаниям японцев.

Первым председателем Бюро был назначен генерал-лейтенант В.В. Рынков, а его заместителем - генерал-лейтенант А.П. Бакшеев. После смерти Рычкова в мае 1935 года

эти обязанности исполнял генерал Бакшеев. Одним из руководящих деятелей БРЭМ являлся председатель Союза Военных, глава движения легитимистов на Дальнем Востоке, генерал от кавалерии В.А. Кислицин. С легитимистами у Русского Обще-Воинского Союза всегда были напряженные и неприязненные отношения, и вхождение в состав руководства БРЭМ ее лидера еще более осложнило положение чинов Союза в Маньчжурии. Впрочем, в эмигрантской печати можно было встретить и указания на то, что Кислицин перешел от легитимистов на сторону атамана Семёнова, который и поставил его во главе Союза Военных¹¹⁷.

Кстати, тема атамана Семёнов и, в частности, его тесных связей с японцами в это время привлекала усиленное внимание Русского Зарубежья. Весьма негативно высказывались об этом, заметим, не только руководители РОВСа, но и их всегдашний оппонент генерал Деникин. 9 мая 1935 года генерал Кусонский направил в отделы Русского Обще-Воинского Союза отношение в связи с записью в армию атамана Семёнова (так называемую Народную Армию Спасения Отечества) и деятельностью вербовщиков, а также в связи с запросом двух представителей РОВСа на Дальнем Востоке. «Атаман Семёнов не прекращает своей вредной деятельности со времен Адмирала Колчака, преследуя исключительно личные цели, поэтому доверять каким-либо посулам Атамана или его Представителей по меньшей мере неблагоприятно», - подчеркивалось в указанном документе. «Хозяева страны - японцы не заинтересованы в переселении сюда русских из других государств», - добавлял генерал Кусонский, подчеркивая, что нельзя рассчитывать на устройство. Под большим сомнением, по его мнению, было и устройство на железную дорогу, в ее охрану и другие места.

Полгода спустя в информационном бюллетене Русского Обще-Воинского Союза был опубликован материал под названием «Дальневосточная эмиграция, «Бюро» и регистрация военных». В нем с тревогой указывалось на аресты в Харбине видных представителей русской эмиграции, в том числе начальника штаба РОВСа здесь. Заключенные в тюрьму русские генералы и профессора на седьмой день заключения были приговорены к высылке из Маньчжурии, так как проявили «вредительскую деятельность» в отношении прояпонского Бюро по делам российских эмигрантов и политики марионетного государства. Сообщалось об ожидаемых новых арестах лиц, не желающих подчиняться указаниям Квантунской армии и верных русскому национальному делу. Под угрозой лишения службы проводилась обязательная регистрация всех русских военнослужащих.

Тем не менее, подчеркивалось в информационном бюллетене РОВСа, громадная часть эмигрантов не подчиняется этим указаниям. РОВС, Хорватовское объединение, Братство Русской Правды, Национальный Союз Нового Поколения и организованные казаки (кроме забайкальского казачества) не идут на признание Семёнова, а за ним только остатки Забайкальских войсковых формирований, капшелевцы, участники Ледяного похода и созданные на японские средства харбинские фашисты Родзаевского. «Эмиграция в целом не верит и никогда не будет верить Семёнову», - подчеркивалось в документе¹¹⁸. Здесь же назывались имена ближайших сподвижников японцев и атамана Семёнова - генералы Бакшеев и Кислицин.

4 ноября 1935 года генерал Миллер в письме генералу Абрамову положительно оценивая фашистское направление, подверг, вместе с тем резкой критике деятельность Всероссийской фашистской партии Родзаевского, указав на его подчинение атаману Семёнову, а через него Квантунского штабу, подчеркнув, что это чревато нежелательными и вредными для Русского Дела последствиями¹¹⁹. Добавим, что К.В. Родзаевский был и одним из руководителей вышеупомянутого БРЭМ, критической оценке деятельности которого уделялось значительное внимание руководящими деятелями и органами РОВСа и в последующие годы.

Тем временем у японского командования в Маньчжурии зрели замыслы объединения разрозненных эмигрантских отрядов в единую русскую воинскую часть. Такой план был разработан полковником Кавабэе Торасиро из штаба Квантунской армии¹²⁰,

что воплотилось в дальнейшем в создание «Русского отряда Асано», о котором речь пойдет впереди.

Поиск новых политико-идеологических ориентиров и союзников происходил одновременно с продолжающимися спорами о будущей России и ее государственном устройстве. Например, в марте 1936 года на заседании небольшого совещания из ближайших сотрудников генерала Миллера, так называемой «Звездной палаты», была обсуждена записка, представленная генералом М.М. Зинкевичем. Не отрицая желательности кратких и ясных лозунгов, привлекательных в борьбе с СССР и четко представляющих будущее новой России, участники обсуждения подвергли, вместе с тем, критике лозунги, предложенные Зинкевичем, и прежде всего федеративного устройства будущего государства. Генерал Лукомский подчеркивал, например, что подобный лозунг будет соблазнителен для иностранцев и центробежных сил, но затруднит работу будущего Вождя.

Он считал, что первоначально в России будет установлена диктатура. Сам генерал Миллер в письме генералу Абрамову в связи с состоявшимся обсуждением указывал, что «мы стоим на позициях непредрешения». По мнению председателя РОВСа, попытка заявить в виде лозунга о будущем государственном устройстве (монархия, республика, федеративное государство) вызовет «лишь опасное брожение и быть может раскол среди нас». Миллер подчеркивал, что главным остается свержение советской власти, хотя не отрицал и необходимости четко определиться, за что боремся¹²¹.

В 30-е годы отдельные русские офицеры-эмигранты использовали свое профессиональное мастерство в войнах, ведущихся в разных концах света. Например, в 1935 году Парагвай успешно завершил войну с Боливией, начавшуюся еще в 1932 году. Военный успех парагвайцев был предопределен действиями русских офицеров-эмигрантов, бывших белогвардейцев. Примечательно то, что в противовес русским боевыми действиями боливийской армии руководили немцы. Добавим, что парагвайцы к началу боевых действий имели не армию, а лишь небольшой вооруженный отряд. Но усилиями русских офицеров Парагвай сумел в короткий срок создать хорошо подготовленные вооруженные силы. Всего в военных действиях Парагвая против Боливии участвовало около 80 русских добровольцев, пятая часть русской колонии в Парагвае. 5 человек погибли в боях, и их именами были названы улицы в столице страны - Асунсьоне.

В числе лиц, заслуживших особый авторитет в ходе военных действий на стороне Парагвая, следует назвать в первую очередь генералов Эрн, Беляева и Бобровского. Генерал-майор Н.Ф. Эрн с 1923 года был преподавателем военной школы, а затем профессором военной академии в Парагвае. С 20-х годов возглавлял отдел РОВСа в Парагвае, а в 1930 году стал начальником учрежденного Южно-Американского отдела Союза. В годы войны руководил созданием военных укреплений и до декабря 1934 года находился на фронте. Был произведен в генерал-лейтенанты парагвайской армии. После окончания войны Эрн был назначен генерал-инспектором парагвайской армии и председателем комиссии по ее реорганизации. Генерал И.Т. Беляев занимался непосредственно театром военных действий и находился в распоряжении начальника парагвайской армии. Был провозглашен национальным героем. В день его смерти в Парагвае был объявлен национальный траур. Тело генерала Беляева было погребено в специальном пантеоне. Прекрасно зарекомендовал себя в ходе военных действий и генерал Бобровский, военный инженер, специалист по дорожной части. После окончания войны русские добровольцы, оставшиеся в Парагвае, были зачислены в армию на высокие командные должности. «Русские создали себе в глазах парагвайского народа особо привилегированное положение», - писал, анализируя итоги парагвайско-боливийской войны, генерал Стогов¹²².

Вообще же, тема будущей большой войны и позиции в ней российской эмиграции и Русского Обще-Воинского Союза все более занимала их руководителей по мере очевидного ее приближения. В апреле 1936 года в докладе Н. А. Цурикова в Софии на тему «Советское правительство, иностранцы, война и позиция эмиграции» предпола-

лось, что в случае войны иностранного государства против СССР эмиграция разделится на пораженцев и оборонцев. При этом автор, не без серьезных на то оснований, заметил, что возможная война не может быть ни предотвращена, ни вызвана волей эмиграции. Указывая на возможные сценарии развития событий будущей войны, Цуриков подчеркивал: «С иностранцами, без иностранцев или даже несмотря на иностранцев, - русские патриоты должны использовать войну для успеха борьбы»¹²³.

В августе того же года начальник военной канцелярии генерал Кусонский направляет в адрес начальников отделов и подотделов РОВСа с пометкой «не для печати» указания генерала Миллера о действиях в случае возникновения военных действий между европейскими странами. Русским, принявшим иностранное подданство, предписывалось соблюдать законы и распоряжения правительства этого государства. Русским эмигрантам, не принявшим иностранного подданства, надлежало иметь в виду, что «кровь и жизнь их принадлежит России и может ей понадобиться, поэтому им не следует добровольно принимать участие в вооруженной борьбе государств между собою, тем более, что, в противном случае, они могли бы встретиться на поле брани со своими же братьями, такими же русскими офицерами в рядах противника». Тем более недопустимо, указывал генерал Миллер, добровольное участие в рядах армии - союзницы Красной Армии. В сложных случаях, когда борьба русских эмигрантов способствовала бы свержению советской власти, им надлежало руководствоваться мнением начальника отдела РОВСа. В срочных случаях эмигранты должны были сами решать, можно ли вступать в ряды армии государства, стоящего на резко антикоммунистической позиции и ведущего открытую борьбу с советской властью. В случае войны какого-либо государства с СССР, ослабления вследствие этого советской власти и создания более благоприятной обстановки задачей всей эмиграции должно было стать непосредственное содействие революционным и национально настроенным элементам среди населения России для свержения советской власти и провозглашения в России национального правительства¹²⁴.

Отвечая на специальный запрос об итало-абессинском конфликте и возможности участия в нем русских добровольцев, генерал Миллер указывал, что их жизнь и кровь нужны России¹²⁵.

Особой и исключительно значимой для Русского Обще-Воинского Союза темой оказалась Гражданская война в Испании 1936 - 39 годов. Она стала политическим водоразделом и для всей российской эмиграции. Различные ее организации, группировки и лидеры осмысливали ее сквозь призму российской Гражданской войны, вновь перечитывали те драматические страницы истории России, мысленно проходили по ступеням Великого Российского Раскола и вооруженного противостояния 1917 -22 годов. Они находили себе аналоги, союзников или противников в событиях разворачивающейся испанской драмы второй половины 30-х годов. Российская эмиграция воспринимала Гражданскую войну в Испании не только как внутреннее дело небольшого государства на юге Европы, но и как прообраз большой войны, ибо чем далее, тем более становилось очевидно, что эта война раскалывает Европу на союзников и противников республиканской или франкистской Испании, а ее исход будет определять дальнейшее соотношение политических сил на континенте и перспективы грядущей войны против СССР.

Вышедшая 1 августа 1936 года эмигрантская газета «Новая Россия», редактируемая А.Ф. Керенским, опубликовала большую статью под названием «Испанские Корниловы», в которой, описывая жуткие события, разворачивавшиеся в Испании, проводила аналогию с Россией 19-летней давности и сравнивала июльский мятеж 1936 года в Испании с мятежом под руководством генерала Корнилова в России, который подорвал основы молодой российской демократии. В противовес этому августовский номер журнала «Часовой» поместил передовую статью от имени редакции под красноречивым названием «Привет испанским Корниловцам»¹²⁶. В последующие несколько месяцев острая дискуссия между «Новой Россией» и «Часовым» по поводу испанских событий продолжалась.

Журнал «Часовой» и в дальнейшем систематически помещал статьи и материалы в защиту франкистской Испании, а его главный редактор В.В. Орехов посетил штаб-квартиру генерала Ф. Франко, где лично приветствовал борьбу испанских мятежников. Аналогичную позицию занимало в отношении испанских событий руководство Русского Обще-Воинского Союза. Уже 15 августа 1936 года председатель РОВСа генерал Миллер характеризовал Гражданскую войну в Испании как интернациональную борьбу с коммунизмом во имя спасения мировой культуры и всех нравственных основ и, в конечном счете, за усиление или ослабление коммунизма. Он считал участие в Гражданской войне в Испании «продолжением нашей Белой борьбы», указывая на желательность направления добровольцев из числа чинов Союза туда. В начале осени 1936 года председатель РОВСа наладил связи с представителями режима генерала Франко («Белой Испании» - как официально именовался он в документах РОВСа), что открыло возможность для отправки отдельных русских белых офицеров в Иностранский легион. Но многих останавливала опасность раствориться в нем, к тому же русские могли служить в нем только рядовыми.

25 декабря 1936 года генерал Миллер издает циркуляр № 845 о порядке приема в армию генерала Франко. Русские добровольцы должны были получить удостоверения о благонадежности за подписью председателя РОВСа и его указания о переходе границы. Они принимались в ряды франкистской армии с понижением в чинах. Через французскую границу удалось отправить четыре группы добровольцев, но пятая была задержана французскими жандармами, перекрывшими границу, что крайне затруднило транспортировку белогвардейских добровольцев через нее. Заметим, что среди отправившихся воевать в Испанию оказался и давний возмутитель спокойствия в РОВСе 67-летний генерал А.В. Фок. «Те из нас, кто будет сражаться за национальную Испанию против III Интернационала, а также, иначе говоря, против большевиков, тем самым будет выполнять свой долг перед белой Россией»¹²⁷, - заявил он.

Генерал Миллер, сообщая в феврале 1937 года Абрамову об отъезде Фока, не преминул заметить в адрес своего недоброжелателя, что тот не сдал более 3000 франков, хранившихся у него, а не у казначея Галлиполийского Общества, и остался должен более 700 франков полковнику Мацьлеву из денег Галлиполийского объединения в Париже. Председатель РОВСа добавлял, что официально этот вопрос пока не поднят, но неизвестно, удастся ли избежать оглашения¹²⁸, а иначе говоря - скандала. О судьбах русских офицеров-эмигрантов, отправившихся воевать в Испанию, еще пойдет речь в дальнейшем.

Особую позицию в отношении Гражданской войны в Испании и возможности участия в ней русских эмигрантов занял генерал Деникин. Он указывал, что наши симпатии и пожелания успехов были на стороне генерала Франко, но в Испании нет России и следует побережь русскую кровь. Он отрицательно относился к участию в чужой гражданской войне¹²⁹.

Гражданская война в Испании стала не только своего рода продолжением Гражданской войны в России, когда РОВС, будучи наиболее влиятельной организацией военной эмиграции, направлял бывших белогвардейцев сражаться на стороне генерала Франко против коммунизма, а

Советский Союз оказывал помощь республиканской Испании, в том числе и направляя туда своих добровольцев, но и обнажила глубокий раскол в самой российской эмиграции, ибо часть эмигрантов сражалась на стороне республиканцев.

Все это явилось, в свою очередь, составной частью углублявшихся в Русском Обще-Воинском Союзе и Зарубежной России кризисных явлений и процессов, которые подводили их к опасной черте, за которыми могли последовать необратимые явления распада Российского Зарубежья и прежде всего его военно-политических структур, полная утрата надежд на возможность продолжения борьбы с советской властью и возвращение на родину, следствием чего могла стать и ускоренная интеграция русской диаспоры в зарубежное сообщество.

Глава 7. ПАРИЖСКОЕ ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

1937 год вошел в советскую историю как год «большого» или «великого» террора. Этот год стал роковым и для Русского Обще-Воинского Союза и всего Российского Зарубежья, ибо тщательно спланированное и организованное похищение председателя РОВСа генерала Миллера обернулось тяжелым ударом для всей российской эмиграции и углубило кризисные процессы, происходившие в ее среде.

Вступление в Новый 1937-й год было ознаменовано для чинов РОВСа традиционным приветствием их председателя. Генерал Миллер уверял в приближении сроков освобождения Родины и призывал своих соратников к единению и непримиримости к советской власти. Ни он, ни его соратники не подозревали, чем обернется наступающий год для руководителя РОВСа. Ему суждено было вернуться домой, но не как освободителю России, а в качестве узника НКВД.

В 1937 году Русский Обще-Воинский Союз состоял, согласно официальным данным справочника «Русские в Париже», из 10 отделов и 3 подотделов. I отдел объединял Францию (с колониями и протекторатами), Данию, Голландию, Польшу, Италию, Англию, Швейцарию, Египет и Персию. Начальником этого отдела был по-прежнему сам генерал Е.К. Миллер по совместительству с председательством в РОВСе. Начальником канцелярии I отдела был полковник А.В. Станиславский. II отдел объединял Германию, Австрию, Венгрию, Латвию, Литву и Эстонию. Руководил отделом неизменный генерал А.А. фон Лампе. III отдел вел работу в Болгарии и Турции, а его начальником был по-прежнему генерал Ф.Ф. Абрамов. IV отдел объединял Югославию и Грецию (добавим, что сюда по-прежнему входила и Румыния), а начальником его был генерал И.Г. Барбович. V отдел, как и ранее, вел работу в Бельгии и Люксембурге, а его начальником был все тот же генерал Б.Г. Гартман. 1-й Северо-Американский отдел по-прежнему охватывал районы США к западу от Кордильер, и руководил им по-прежнему генерал барон А.П. фон Будберг, проживавший в Сан-Франциско. 2-й Северо-Американский отдел курировал районы США к востоку от Кордильер, а его начальником был генерал Е.С. Имнадзе, имевший своим местопребыванием Нью-Йорк. Начальником Канадского отдела являлся генерал А.М. Ионов, живший в Монреале, а Южно-Американского - генерал Н.Ф. Эрн, проживавший в Асунсьоне (Парагвай). Дальневосточным отделом по-прежнему руководил генерал М.К. Дитерихс, имевший свое местопребывание в Шанхае.

РОВС имел свои подотделы в Финляндии (начальником которого был генерал В.А. Альфтан, находившийся в Гельсингфорсе), в Чехословакии (начальник - капитан I ранга Я.И. Подгорный, живший в Брно) и Австралии (начальник - полковник В.В. Корженевский, проживавший в Квинсленде).

Наиболее разветвленная сеть групп РОВСа была во Франции, где они имелись в 39 городах¹.

Тем временем положение в российской военной эмиграции и в Русском Обще-Воинском Союзе вызывало растущую обеспокоенность в их руководящих кругах. «Русская эмиграция, вырванная из почвы, лишившаяся живительных основ, по закону, применимому ко всем эмиграциям всех времен и народов, была и есть больна, - размышлял в письме фон Лампе начальник канцелярии РОВСа генерал Кусонский 7 марта 1937 года. - РОВС составлял более здоровую, более крепкую часть эмиграции, но и он ДОЛЖЕН (выделено в тексте - В.Г.) был уступить времени и одряхлеть, а «старость - не радость», болезни и для РОВС стали неизбежными». «Более здоровая часть головки РОВ Союза старалась бороться с наступающей дряхлостью организма и обнаруживавшимися в нем от времени до времени болезнями, борется и до сих пор, - продолжал Кусонский, - но в последнее время стала очень осторожна, так как лишилась уверенности в том, что организм достаточно еще крепок, чтобы выдержать применение хирургического метода лечения». Далее генерал Кусонский не слишком лицеприятно прошелся по личности своего непосредственного руководителя - генерала Миллера, возложив при этом вину на генерала Шатилова, который после похищения генерала Кутепова «из

чисто эгоистических соображений провел ЕК-ча (Евгения Карловича - В.Г.) в председатели, сыграв на очень развитом у последнего чувстве долга». Сейчас же, продолжал автор письма, когда достойного заместителя не имеется, «приходится поддерживать настоящего главу всеми силами и средствами, памятуя пользу общего дорогого нам дела».

В этом письме Кусонского даются характеристики целого ряда видных деятелей РОВСа, особое место среди которых занимала фигура генерала Шатилова: «Вспоминая П.Н. (Павла Николаевича - В.Г.) я много раз задавался вопросом, как бы он поступил в том или ином случае.. не могу себе определенно сказать самому - что было бы лучше - удары топором, хирургия или нерешительные «методы лечения». Кусонский в целом отрицательно отозвался о прозвучавшем в предыдущем письме предложении фон Лампе о втягивании Шатилова обратно в РОВС. Характеризуя же поездку Шатилова в Испанию, автор письма счел этот опыт неудачным, так как действия его были энергичны, но крайне легкомысленны и стоили массу денег. И вообще, по мнению Кусонского, генерал Шатилов бесцеремонен, имея дело с казенными деньгами. Автор письма попенял Шатилову и за его поддержку генерала Скоблина, «бывшего его первым другом, а сейчас вставляющего ему исподтишка палки в колеса». А в свое время Шатилов советовал генералу Миллеру назначить Скоблина командиром 1-го корпуса вместо негодного Витковского. Последнему Кусонский дает уничтожающую характеристику в связи с прозвучавшим ранее предложением фон Лампе назначить его по совместительству на место генерала Туркула в качестве командира дроздовцев: «Назначить Витковского командиром Дроздовского полка, как ты советуешь, было бы равносильно накласть себе самому г... (прости за выражение), ибо такое назначение никем бы или почти никем бы не было признано и, следовательно, мы сами поставили бы себя в смешное и недостойное положение». Поддерживая предложение фон Лампе о необходимости сплочения здоровых сил, могущих дать отпор наскокам Туркула и ему подобных, генерал Кусонский с грустью констатирует, что «не так уж много осталось этих здоровых клеток в организме РОВ Союза». Так как вопрос заместительства не разрешен и не видно его удовлетворительного решения, то генерал Кусонский заканчивал свое письмо пожеланием «побольше лет здравствовать Е.К.М.»²(Миллеру - В.Г.).

Центральное место в переписке руководящих деятелей Русского Обще-Воинского Союза занимала в 1937 году тема заместителя генерала Миллера и его преемника в качестве руководителя этой организации. «Вопрос заместительства повис в воздухе и не дай Бог, что случится - в Париже во главе станет Кедров, что едва ли кого-либо устроит?» - размышляет и задается вопросом в письме генералу фон Лампе все тот же Кусонский в марте 1937 года. Абрамов отречется, предрекает автор письма, а от Драгомирова отрекутся другие. 13 апреля уже генерал фон Лампе в письме Кусонскому ставит в качестве центрального все тот же вопрос о заместительстве и пытается разобраться в ситуации. Сегодня первым заместителем является Абрамов, но он в Болгарии и не хочет возглавить РОВС. Второй заместитель - генерал Барбович в Югославии, но он дискредитирован, замечает фон Лампе, ситуацией с арестом местными властями Коморовского (секретаря управления IV отдела РОВСа). В каком качестве выступает сегодня Кедров, пытается выяснить у Кусонского автор письма. «Нужен **настоящий** заместитель, который **может и хочет** принять должность и ее **тяготы**», - подчеркивает генерал фон Лампе. Он предлагает как вариант решения назначить на свое место настоящего заместителя, что означало бы, что центр возглавления переместился бы в Германию. Но кого, задается вопросом автор письма и замечает, что не может утверждать, что местная власть приветствовала бы такое решение³.

В письме генерала Кусонского фон Лампе от 15 апреля того же года вопрос о заместительстве председателя Русского Обще-Воинского Союза рассматривался в исторической ретроспективе, специально и подробно. Автор письма вспоминал, что первый заместитель председателя генерал Абрамов был назначен своим заместителем еще генералом Врангелем и, строго говоря, должен был вступить в должность после его смерти и, тем более, после смерти генерала Кутепова. Но в первом случае великий

князь Николай Николаевич назначил своим приказом Кутепова, но должен был назначить ему заместителя, чего не сделал. Этого не сделал и сам генерал Кутепов после смерти великого князя Николая Николаевича, что оказалось уже много хуже. Когда Кутепов был похищен, то, «ты знаешь, - замечает Кусонский, - П.Н. (Павел Николаевич Шатилов - В.Г.) из собственных видов провел на должность Председателя Е.К-ча (Евгений Карлович Миллер - В.Г.) - пользуясь особо развитым у последнего чувства долга». Прошло несколько лет, продолжал Кусонский, и «когда трон стал пошатываться», был произведен секретный «плебисцит», который привел к весьма единодушному голосованию за генерала Абрамова, что, конечно, укрепило его кандидатуру. Два года назад, когда вновь Абрамов стал неофициально отказываться, вновь был произведен уже более широкий плебисцит, вновь подтвердивший «волю народа» видеть на этом посту генерала Абрамова, подкрепленного вторым заместителем в лице генерала Барбовича. Заметим в связи с этим тезисом генерала Кусонского, что приводимые автором этой книги результаты голосования от 8 августа 1935 года, опровергают его утверждение. Большинство голосов на самом деле получил генерал Драгомиров.

Но вернемся к апрельскому письму генерала Кусонского. После белградской истории (с Коморовским), продолжал он, Абрамов пришел к выводу, что генерал Барбович не годится на должность заместителя начальника РОВСа, но не предлагал кого-либо другого и перестал писать о своем нежелании замещать должность в случае ухода генерал Миллера. За последние полтора года Абрамов лишь два раза затронул эту тему. Первый раз он порекомендовал выдвинуть вице-адмирала Кедрова на должность не то второго или даже первого заместителя. Но Кусонский в ответ, признавая его заслуги, вновь указал на его недостатки. Второй раз уже Кусонский писал Абрамову, что тот остается первым заместителем и в случае ухода генерала Миллера, и отказа вступить в должность должен указать своего преемника и назначить начальника I отдела РОВСа. Но тогда, писал Кусонский Абрамову, вся ответственность ляжет на него. Тот не возражал, и на этом обсуждение этого вопроса между ними прекратилось.

Размышляя о дальнейшем возможном развитии событий, генерал Кусонский предполагал, что если Миллер покинет свою должность (добавляя, что не думает, что это произойдет, если только тот не умрет), то Абрамов примет ее, но останется в Болгарии и сохранит за собой больше номинальное, чем действительное руководство, и предоставит начальникам отделов «полную мощь». Автор письма заметил, что к такой «эволюции» дело клонится уже давно. Вопрос о начальнике I отдела придется разрешать генералу Абрамову, и этот вопрос, по мнению Кусонского, играет важнейшую роль, ибо в Париже находится центр русской эмиграции. Автор письма предполагал, что Абрамов, видимо, вновь зайкнется о Кедрове. Кусонский полагал, что в данное время не ожидает сложностей со стороны генералов Драгомирова и Туркула. Первый, по его мнению, имел очень ограниченное количество сторонников и вряд ли пожелает занять должность. Второй не только не приобрел в последнее время новых сторонников, но и часть потерял. В его адрес звучит много обвинений. По мнению автора, кроме Дроздовцев и генерала Скоблина (который десять раз переменит свою позицию) за ним никто не пойдет: «Какой же это председатель РОВС. Он - все-таки не такой уж дурак, чтобы этого не понимать». Лучше бы иметь настоящего заместителя, резюмировал генерал Кусонский, но где его взять. Что касается предложения фон Лампе о перемене места проживания председателя РОВСа, то он советовал быть с этим осторожным и полагал, что говорить об этом преждевременно. «Вопрос о замеществе выражен настолько, насколько он может быть выражен, - заканчивал свое письмо фон Лампе начальник канцелярии Союза. - Если ты что-нибудь придумаешь в этом направлении, то я скажу спасибо, но до сих пор никто и ничего нового придумать не мог»⁴.

20 апреля генерал фон Лампе в письме Кусонскому продолжал обсуждать все тот же вопрос. Он утверждал, что Кедров совершенно не подходит на должность председателя РОВСа и начальника I отдела Союза, и подчеркивал необходимость совершенно ликвидировать подобную возможность захвата этих должностей с его стороны. Автор письма выражал согласие с высказанным Кусонским предложением, что Абра-

мов примет должность председателя РОВСа, но останется в Болгарии. «А та «мочь», которую мы получим - просто излишня и вредна», - подчеркивал автор письма. Лампе предлагал, чтобы начальником I отдела стал Кусонский или Шатилов, и указывал, что это надо предпринять теперь же. «Первое решение зависит от тебя, - писал он Кусонскому, - ты - естественный начальник I отдела». Автор письма предлагал сам написать об этом Абрамову, если Кусонскому неудобно. Предлагая решать этот вопрос сейчас и готовить такой приказ, фон Лампе опасался, что потом будет хаос. В противовес мнению, высказанному в письме Кусонского, он замечал, что «Туркул именно «такой дурак», что захочет занять место и не потому, что он дурак». В заключении автор письма подчеркивал необходимость не откладывать решение этого вопроса - «этот зуб надо вырвать» и еще раз выражал готовность в случае, если Кусонский это одобрит, сам написать Миллеру и Абрамову⁵.

Шло время, но актуальность вопроса о заместителе и будущем преемнике генерала Миллера не только не уменьшалась, но, напротив, возрастала. И вот уже 1 июня 1937 года фон Лампе ставит этот вопрос в письме генералу Шатилову. Автор письма выражает удовлетворение, что Шатилов опять взялся за дело и указывал на свое отрицательное отношение к его прежнему разрыву с центром. Лампе вновь выразил свою озабоченность тем, что передача номинальной власти центра генералу Абрамову приведет к назначению нового начальника I отдела РОВСа. Автор письма выражал беспокойность и тревогу и другим: «Меня искренне огорчает обстоятельство, что между Вами и П.А.К. (Кусонским - В.Г.) уже не черная кошка, а целый черный медведь». Не могу понять, что между вами произошло, писал фон Лампе и добавлял, что не верит в небрежное отношение Кусонского к памяти генерала Врангеля⁶.

Надежды на будущее руководителя Русского Обще-Воинского Союза во многом связывали с неминуемым и достаточно скорым военным столкновением между крепнущей фашистской Германией и СССР. Фашизм как политическое учение и государственная практика вызывал растущий интерес и настоятельные рекомендации к изучению в РОВСе.

В циркуляре генерала Миллера начальникам отделов и подотделов РОВСа, начальникам воинских частей и групп, председателям военных организаций от 2 января 1937 года подчеркивалось: «Мною уже неоднократно указывалось о необходимости всем чинам Русского Обще-Воинского Союза быть основательно осведомленными не только с теорией фашизма (национал-социализма), но и с тем, как на практике применяют эти теории в государственном порядке - в Италии, Германии, Португалии и др. Указывалось мною и на то, что в настоящее время фашизм со всеми его видоизменениями, обусловленными особенностями данных государств, завоевывает все больше и больше последователей и не будет преувеличением сказать, что переживаемая нами эпоха может быть охарактеризована как эпоха борьбы новых, фашистских форм государственного устройства с отживающей формой - парламентарного демократизма. Ввиду изложенного, а также потому, **что мы, чины Русского Обще-Воинского Союза, являемся как бы идейными фашистами** (выделено мною - В.Г.), ознакомиться с теорией и практикой фашизма для нас обязательно». Рекомендовалось организовать ряд докладов в воинских организациях на тему фашизма и в связи с этим рекомендовалось использовать указатель литературы, опубликованный в журнале «Клич». Спустя несколько месяцев в организации РОВСа по распоряжению генерала Миллера был препровожден экземпляр записки «Творческая работа национал-социализма» для обсуждения в кружках самообразования и др.⁷

В информационном бюллетене IV отдела РОВСа также была помещена рекомендация об использовании ярко антибольшевистского журнала «Клич», издающегося в Брюсселе раз в два месяца, помещающего очень интересную информацию об СССР и, главное, серьезно трактующего фашизм и поместившего в последние месяцы ряд статей о его теории и устройстве фашистских государств⁸.

В июне 1937 года в письме генералу Абрамову председатель РОВСа более подробно и обстоятельно изложил замысел и характер издания журнала «Клич», который

выпускался в Выборге генералом Добровольским и печатался в Брюсселе. «Это проповедь очень здравых идей, положенных в основу фашистского и национал-социалистического учения о государстве», - писал генерал Миллер. Касаясь личности своего бывшего соратника по Гражданской войне на Севере России, полевого военного прокурора Северной области генерала С.Ц. Добровольского, автор письма характеризовал его как очень талантливого писателя-публициста и вообще умного и образованного человека. При зарождении своего издания генерал Добровольский имел в виду его распространение в СССР как агитационного и пропагандистского материала. Генерал Миллер признавался, что он это начинание одобрял и чем мог поддерживал. Председатель РОВСа старался распространять журнал в Русском Зарубежье и, кроме того, около 150 экземпляров передавал в разные руки для переправки в СССР. Но с течением времени, признавался генерал Миллер, эти возможности сократились и теперь остались 1 - 2 адреса за границей, куда он посылает журнал «Клич» для переправки в СССР, но не имеет уверенности, что они проникают туда. За недостатком средств журнал стал выходить реже (4 раза в год) и от каждого издания оставалось до 100 журналов для переправки в СССР, но так как отсутствуют верные пути для этого, то и главная цель издания не реализуется. В связи с этим председатель РОВСа запрашивал Абрамова, нет ли возможности отправки указанного журнала в СССР, пользуясь командами советских пароходов из Болгарии⁹.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза внимательно следило за деятельностью, и прежде всего в Германии, своих «конкурентов» из правых и профашистских организаций, среди которых особое внимание привлекали «Российское Освободительное Национальное Движение» и «Российское Национал-Социалистическое Движение», а после их роспуска - «Российское Национально-освободительное Движение» и «Российское Национальное и Социальное Движение». В сообщениях генерала фон Лампе в Париж весной 1937 года особое внимание уделялось, например, ожидаемому приезду в Берлин генерала Краснова и связанным с этим опасениями о том, что «конкурентам» удастся привлечь его на свою сторону. 20 апреля того же года фон Лампе с удовлетворением писал генералу Кусонскому, что «конкурирующая» организация полковника Скалона и Меллер-Закомельского выгнала из своей среды тех генералов, которые ушли от нас в поисках «активности» (Барсов, Давыдов). «В сущности, это логично», - резюмировал начальник II отдела РОВСа. Весьма беспокоила фон Лампе и деятельность генерала Туркула и его «активистов». Он высказывал опасение, что в ход может быть запущен действенный аргумент, представляющий Туркула и его сторонников «германофилами» из РОВСа в противовес «франкофилам» во главе с генералом Миллером¹⁰.

В переписке генерала фон Лампе с руководством РОВСа в Париже в 1937 году затрагивался и вопрос о возможном перемещении в Германию русских эмигрантов, сочувствующих борьбе Германии против большевиков. Начальник II отдела Союза замечал даже, что если бы это было возможно, то Русский Обще-Воинский Союз переместил бы в Германию более 47 тыс. военнослужащих¹¹. Тема эта обсуждалась и в связи с аналогичными планами генерала Туркула. Но экономические и иные причины и, в частности, то, что германское законодательство ограничивало труд иностранцев, делало указанные выше планы нереальными.

Заметим, что тема Германии в связи с перспективами антисоветской борьбы Русского Зарубежья неоднократно обсуждалась на страницах эмигрантской печати. Например, в конце лета - осенью 1937 года на страницах журнала «Часовой» были опубликованы две статьи С.Л. Войцеховского. Он, в частности, обращал внимание эмигрантов, что А. Гитлер на съезде германских национал-социалистов охарактеризовал проблему коммунизма как мировую и призвал к борьбе с этой «мировой чумой». Автор полагал, что можно по-разному относиться к «Майн Кампф», но именно нацисты призывают сейчас к решительной борьбе с коммунизмом. Поэтому, по мнению Войцеховского, следовало видеть в их деятельности не только «германскую опасность» России, но и готовность поднять знамя борьбы с коммунизмом, что и надо использовать Русскому Национальному Движению¹².

Нескрываемые симпатии у части российской эмиграции и в первую очередь в Русском Обще-Воинском Союзе вызывала борьба генерала Франко против республиканцев в Испании. Организации отправки белых добровольцев на этот фронт борьбы с коммунизмом, как официально трактовало происходившее руководство РОВСа, оно уделяло в 1937 году значительное внимание.

В секретном циркуляре, направленном генералом Кусонским в адрес начальников отделов и подотделов РОВСа 4 февраля 1937 года, подчеркивалось, что генерал Миллер приветствует всех выразивших желание отправиться в Испанию. В этом документе указывалось на возникшую возможность формирования отдельных русских частей, в которые зачислялись и офицеры, и унтер-офицеры любого возраста, но физически здоровые. По прибытии 1000 русских добровольцев был бы создан русский батальон, а затем и русская батарея. Указывались маршруты, по которым добровольцы могли прибыть в Испанию: из Франции, через Италию, через Португалию, с Балкан¹³.

Активным поборником деятельного участия РОВСа в Гражданской войне в Испании на стороне Франко был генерал Шатилов. Он активно воздействовал на генерала Миллера и его канцелярию, настаивая на укреплении связей с главной штаб-квартирой генерала Франко¹⁴. Принципиальное значение в этом отношении имела поездка генерала Шатилова в Испанию. Генерал Миллер признавал, что подготовка этой поездки велась за его спиной, но когда возможность переговоров возникла и по смыслу телеграфного ответа можно было заключить, что деньги на поездку обеспечены, он не мог отказаться от вступления в переговоры. Что касается кандидатуры Шатилова, то, по признанию председателя РОВСа, он «был бесспорно лучшим из имеющихся около меня и очень хорошим представителем для переговоров».

В результате именно генерал Шатилов был направлен в начале 1937 года через Рим в Испанию, и по поручению председателя РОВСа провел переговоры с бывшим военным агентом в Париже полковником Бароссо, уполномоченным на это генералом Франко. Причем, посетив испанскую Саламанку, главную штаб-квартиру мятежников, генерал Шатилов сравнивал ее с русским Екатеринодаром 1918 года. Он привез генералу Миллеру письмо оттуда с предложениями об активизации сотрудничества. Для облегчения получения виз и сокращения стоимости (или разрешения бесплатного) проезда русских белых добровольцев в Испанию представители РОВСа вступили в контакты с министерствами иностранных дел Германии и Италии. Генерал Миллер в письме фон Лампе в Берлин 5 февраля 1937 года подчеркивал: «Ваши хозяева (немцы - В.Г.) должны быть довольны, что наша точка зрения на борьбу, происходящую в Испании, совершенно совпадает с их взглядами и поведением»¹⁵.

Подобные контакты и складывающееся взаимодействие с представителями фашистских режимов в испанских делах призваны были способствовать лучшему взаимопониманию и дальнейшему укреплению сотрудничества РОВСа с правящими кругами Германии и Италии в борьбе с коммунизмом на мировой арене и в будущей, считавшейся неизбежной войне с СССР.

Но после возвращения генерала Шатилова из Испании дело застопорилось, и генерал Миллер констатировал в середине февраля 1937 года, что все свелось к принципиальным обещаниям, а в деньгах - полный крах. Он выражал неудовольствие, что генерал Скоблин, горевший ярким пламенем, сразу потух, а потом и совсем скис. Председатель РОВСа высказывал предположение, что Скоблин, по-видимому, хочет вести свою линию, опираясь на генерала Туркула. Уточним, что дело, разумеется, было не в связях генерала Скоблина с Туркулом и возглавляемым им РНСУВ, но в сотрудничестве его с советскими спецслужбами, которые заинтересованы были не в отправке русских эмигрантов-белогвардейцев в Испанию, а в прямо противоположном - срыве этих замыслов. Что касается действий Шатилова, то генерал Миллер высказывал в своем письме от 15 февраля надежду, что благодаря его напористости в энергии удастся отправить на следующей неделе первую партию товара, а затем, возможно, и увеличить его отсылку. Речь, в действительности, шла о переправке белоэмигрантов-добровольцев в Испанию.

Вместе с тем, председатель РОВСа, учитывая его непростые отношения с генералом Шатиловым, с долей иронии писал, что каждый раз при встрече с ним тот уверял, что сядет на такси, но до сих пор не вернулся к прежнему заработку. В связи с этим Миллер высказывал опасение, что тот может не вернуть оставшиеся 290 франков долга за поездку в Испанию. «Он - искренно способный человек, быстро разбирающийся и обладающий нужной энергией и напористостью, - размышлял генерал Миллер о Шатилове, - но за время одного разговора трижды готовый изменить свое мнение, сам себе противоречащий на каждом шагу и слишком легко принимающий свои желания и надежды за действительность»¹⁶.

Первоначальные замыслы и принципиальные договоренности об отправке русских добровольцев к генералу Франко оказалось на деле нелегко претворить в жизнь. В июле 1937 года, рассказывая в письме генералу Абрамову о своих усилиях по развитию отношений с франкистской Испанией, Шатилов информировал и о возникших трудностях в отправке туда русских добровольцев: финансовая служба Франко не выделила на это ожидаемых средств; итальянский МИД, в силу соглашения с Англией, не позволил реализовать возможность (более дешевой) отправки добровольцев через территорию Италии; безрезультатны оказались и переговоры о транспортировке их через Германию на средства последней. Поэтому, заручившись согласием генерала Миллера, Шатилов выражал надежду на отправку добровольцев от генералов Барбовича и Абрамова, о чем и писал последнему¹⁷.

Осенью 1937 года журнал «Часовой» объявил об открытии сбора средств в «Фонд помощи русским воинам в Испании». В опубликованной в этом журнале информации сообщалось, что первый взнос в сумме 150 злотых внес небезызвестный Б. Коверда из Варшавы, убивший в 1927 году советского посланника в Варшаве П.Л. Войкова. Редакция «Часового» внесла в названный Фонд 500 бельгийских франков¹⁸. Эта инициатива получила поддержку в правых и военно-политических кругах российской эмиграции.

Тем временем в глазах советского руководства Русский Обще-Воинский Союз оставался самой опасной организацией российской эмиграции, и эта опасность возрастала в условиях неумолимо надвигавшейся новой мировой войны. Это усиливало стремление уничтожить эту организацию или, как ни странно это на первый взгляд может показаться, взять под свой контроль ее деятельность. В действительности же такая возможность у советских спецслужб на самом деле существовала, и связано это было с вербовкой и продвижением в руководство РОВСа своего суперагента - генерала Николая Васильевича Скоблина, командира Корниловского ударного полка, олицетворявшего собой молодое поколение в руководящих кругах РОВСа и Российского военного Зарубежья. Большую помощь в его деятельности оказывала ему жена - знаменитая русская певица Надежда Васильевна Плевицкая, чрезвычайно популярная в эмиграции и в том числе среди офицерства и высшего руководства РОВСа.

Советская разведка в 20-е - 30-е годы расширяла свою агентуру не только в среде военной эмиграции (наиболее ценными из этих агентов являлись уже названные генералы П.П. Дьяконов и Н.В. Скоблин), но и среди гражданских лиц. Она имела здесь немало информаторов и агентов, освещавших как жизнь эмиграции в целом, так и развитие ситуации и события, происходившие в военной среде. Наиболее видным представителем чекистской агентуры в деловом мире российской эмиграции являлся, несомненно, С. Н. Третьяков, в прошлом крупный российский предприниматель, член Временного правительства и Омского правительства при Верховном Правителе адмирале А.В. Колчаке. Третьяков сыграл особую и, можно даже сказать, выдающуюся роль в освещении и работе советской разведки против Русского Обще-Воинского Союза. Его жизненный путь и история сотрудничества с советской разведкой станут, как и деятельность других только что названных и неназванных лиц, предметом отдельного повествования. Здесь же заметим лишь, что Третьяков являлся ключевой фигурой в осуществлявшейся чекистами в течение нескольких лет, с января 1934 года, операции по

прослушиванию штаб-квартиры РОВСа в Париже на улице Колизе, 29, ибо он сам проживал в этом доме и сдавал принадлежавшие ему здесь помещения руководству Союза.

Среди успешных операций чекистов нельзя не упомянуть хотя бы вербовку в СССР Николая Абрамова, сына начальника III отдела и заместителя председателя РОВСа генерала Ф.Ф. Абрамова, ставшего руководителем Союза после похищения в 1937 году Е.К. Миллера. В 1931 году Н.Ф. Абрамов под видом сбежавшего в Германии с советского судна матроса прибыл при помощи генерала фон Лампе к своему отцу в Софию и, на протяжении нескольких лет находясь здесь, освещал для советской разведки деятельность Русского Обще-Воинского Союза. И перечень подобных примеров можно продолжить.

Таким образом, в 20-е - 30-е годы советские спецслужбы шаг за шагом укрепляли свои позиции, расширяли возможности и добились больших успехов в борьбе с российской военной эмиграцией и Русским Обще-Воинским Союзом. Они готовились нанести решающий удар по этой организации, которую рассматривали в качестве своего главного зарубежного противника, и планировали если не покончить с ней полностью, то взять ее деятельность под свой полный контроль.

Эти задачи и призвана была решить операция советских спецслужб по похищению председателя РОВСа генерала Е.К. Миллера. Коснемся в этой книге лишь некоторых ее аспектов. Одной из главных (если не главной) целей похищения генерала Миллера являлось стремление советских спецслужб продвинуть к руководству РОВСа своего агента генерала Скоблина, хорошо известного в широких кругах военной эмиграции. Исчезновение генерала Миллера было для генерала Скоблина хорошим шансом на то, чтобы, если не занять кресло председателя Русского Обще-Воинского Союза, то, по крайней мере, войти в руководство этой организации, занять один из ключевых постов в ней (например, одного из заместителей председателя или начальника I отдела Союза). Было очевидно, что дни военачальников старшего поколения (Абрамова, Кедрова и др.) в руководстве РОВСа были сочтены, и даже если бы кто-то из них занял пост председателя Союза, то только на время. На авансцену вскоре неминуемо должны были выйти новые лидеры, уже заявившие о себе и своих претензиях на руководство на протяжении последних лет, молодые генералы, а это в первую очередь Туркул и Скоблин.

Внезапное исчезновение председателя Русского Обще-Воинского Союза скорее всего привело бы к тому, что его место автоматически занял бы один из его заместителей - генерал Абрамов или вице-адмирал Кедров. Но выше уже много говорилось о генерале Абрамове, который не изъявлял особого желания занять должность председателя РОВСа и не намеревался покидать Болгарию. К тому же, в связи с решением французского руководства от 1934 года о высылке генерала Абрамова из страны было весьма проблематично, что он сможет на длительное время вернуться во Францию и руководить отсюда деятельностью Союза. А перенесение правления РОВСа в любую другую страну создало бы много трудно разрешимых организационных и иных проблем. Ни вице-адмирал Кедров, ни другие возможные кандидаты из числа генералов старшего поколения, вроде Драгомирова или Барбовича, не пользовались единодушной поддержкой ни в РОВСе, ни в Русском военном Зарубежье в целом. Все это было хорошо известно руководству советских спецслужб. Поэтому вполне вероятен был бы новый «бунт молодых генералов», который мог быть к тому же спровоцирован усилиями советских агентов. Старое руководство РОВСа было бы обвинено в развале организации, находящейся на грани полного краха из-за их неспособности и отсутствия доверия к ним членов Союза. В рамках такого сценария событий следующим шагом была бы полная смена руководства РОВСа и выдвижение новой плеяды молодых энергичных лидеров, облеченных доверием организации, и среди них обязательно был бы генерал Скоблин. А приход его к руководству неизбежно завершил бы разложение и распад Союза.

Но для осуществления одной из подобных комбинаций важен был первый и эффективный ход. А им должен был стать захват действующего председателя РОВСа генерала Миллера. Как нам известно сегодня, непосредственное руководство операцией по

похищению «Деда», под таким псевдонимом проходил в оперативной разработке чекистов генерал Миллер, осуществлял СМ. Шпигельглаз, опытный чекист, один из руководителей разведки ГУГБ НКВД. К подготовке и осуществлению этой операции, проводимой названным ведомством, были привлечены и некоторые сотрудники советской военной разведки, о чем вспоминал ставший впоследствии невозвращенцем один из ее видных деятелей В.Г. Кривицкий¹⁹.

За несколько дней до чекистской операции по похищению генерала Миллера в Париже состоялся праздник корниловцев. Главные его мероприятия прошли 18 (панихида, собрание и банкет) и 19 сентября. Принять участие в юбилее - 20-летию Корниловского полка были приглашены не только корниловцы, но и руководители, и видные деятели всех эмигрантских военных организаций - Союза Первопоходников, Союза Добровольцев и др. В празднике участвовали генерал Миллер, выступивший с речью об истории полка, и многие видные деятели РОВСа. Принял участие в торжестве и всегдашний оппонент этой организации генерал Деникин. Из Бельгии приехала для участия в празднике дочь генерала Корнилова - Н.Л. Корнилова-Шапрон.

Освещая состоявшийся Корниловский праздник в письме в Софию генералу Абрамову 20 сентября, генерал Кусонский подчеркивал, что его целью было отпраздновать возможно пышно и показать, что Корниловцы (читай Скоблин) могут объединить белое движение, и это было, несомненно, достигнуто²⁰. Действительно, этот праздник стал своего рода бенефисом генерала Скоблина. Он имел возможность показать свои прекрасные организаторские качества, способность объединить вокруг себя представителей различных организаций и течений Русского военного Зарубежья. Скоблин использовал праздник для нового сближения с генералом Миллером и имел возможность продемонстрировать широким кругам военной эмиграции, что их недавняя размолвка канула в лету, и именно он является одним из самых доверенных и близких председателю РОВСа людей. Все это создавало прекрасные возможности для подъема популярности и авторитета генерала Скоблина и его продвижения вверх, что было исключительно важно в связи с теми драматическими событиями, которые должны были вот-вот произойти.

22 сентября 1937 года в начале первого часа дня генерал Миллер вызвал к себе начальника канцелярии РОВСа генерала П. А. Кусонского и сообщил, что уходит на свидание и затем после завтрака вернется в управление. Затем он неожиданно добавил: «Не считайте меня сумасшедшим, но я оставляю Вам на всякий случай записку в конверте, которую прошу сейчас не вскрывать». Тот ответил, что сумасшедшим его не считает, записку не вскрыет и вернет нераспечатанной²¹. Генерал Кусонский работал в управлении еще два с лишним часа и около трех часов покинул его, не справившись, на месте ли председатель РОВСа. Удивительная забывчивость или головотяпство генерала Кусонского вызывали впоследствии много вопросов и даже являлись предметом специального расследования. Так или иначе, но хватились председателя РОВСа лишь вечером, когда в 20 часов в управление Русского Обще-Воинского Союза явилось несколько членов Общества Северян, объединявшего участников гражданской войны на Севере России, воевавших там под началом генерала Миллера. На это время он назначил собрание этого общества, на котором должен был выступить и сам. Примерно в 21 час поручик В.В. Асмолов, служащий управления, находившийся здесь в качестве сторожа, позвонил по просьбе собравшихся членов Общества Северян жене генерала Миллера, спрашивая ее, не знает ли она, где муж. Та с крайним удивлением и обеспокоенностью ответила, что ее муж, всегда предупреждавший ее, если не обедает дома, на этот раз не известил ее и до сих пор не явился. Она попросила Асмолова позвонить в полицию и сделать заявление об исчезновении мужа. В управление РОВСа был вызван генерал Кусонский, который лишь примерно в 23 часа вскрыл записку генерала Миллера, в которой говорилось о предстоящем у него свидании совместно с генералом Скоблиным, организованном по инициативе последнего, с двумя немецкими офицерами.

Уже ночью в парижской гостинице «Паке» разыскали генерала Скоблина и пригласили в управление РОВСа. В ходе состоявшегося разговора с вице-адмиралом Кед-

ровым и генералом Кусонским он категорически отрицал, что встречался в этот день с генералом Миллером. А когда было решено всем вместе отправиться в полицию, Скоблин внезапно исчез. С этого времени начались поиски не только Миллера, но и Скоблина, хотя и по разным причинам. В отношении генерала Миллера крепло подозрение, что он похищен, а в отношении Скоблина - что он был участником этого похищения. Французская полиция была поставлена на ноги и предприняла срочные меры по розыску, как генерала Миллера, так и Скоблина²². На границы были посланы сообщения об исчезновении председателя РОВСа и переданы его приметы.

Не вдаваясь в детали происшедшего и последующего расследования (которые станут в будущем предметом отдельной книги) заметим лишь, что после захвата генерала Миллера в Париже, он был связан, захлороформирован, погружен в большой деревянный ящик и на автомашине доставлен в Гавр. Ящик, с запакованным в него генералом, внесли на борт советского теплохода «Мария Ульянова», который, не дожидаясь окончания разгрузки, срочно покинул этот французский порт. Генерал Миллер был доставлен в Ленинград, а оттуда в Москву, где и содержался в качестве секретного узника Лубянки до 1939 года.

Генерал Скоблин некоторое время скрывался в Париже, а затем был переправлен советской разведкой в республиканскую Испанию. О дальнейшей судьбе Скоблина существует ряд версий, заслуживающих отдельного рассмотрения, но, по утверждению источников из отечественных спецслужб и по мнению большинства исследователей, он и погиб в Испании.

Зловещие слухи о похищении генерала Миллера поползли 23 сентября по эмигрантскому Парижу, постепенно множась и распространяясь в кругах Русского Зарубежья. В этот день начальник канцелярии Русского Обще-Воинского Союза генерал П.А. Кусонский направил циркуляр № 310 начальникам отделов и подотделов РОВСа. В нем налагалась его версия событий исчезновения генерала Миллера, а затем и генерала Скоблина. «Лично я полагаю, - завершал направляемый в организации РОВСа текст генерал Кусонский, - что мы имеем дело с более тяжким случаем, чем похищение генерала Кутепова»²³.

27 сентября в адрес начальников и председателей военных организаций I отдела РОВСа ушел циркуляр за подписью нового руководителя этого отдела, вице-адмирала Кедрова, посвященный исчезновению генерала Миллера. В нем давалась характеристика председателя РОВСа и итогов его деятельности в этом качестве, описывалась история исчезновения генерала Миллера, включая разбирательство с генералом Скоблиным и розыск, начатый французскими компетентными органами. В третьем часу ночи 23 сентября, утверждалось в документе, сухопутные и морские границы Франции оказались под усиленным наблюдением пограничных властей. Но до сих пор добиться каких-либо ощутимых результатов в розыске председателя РОВСа не удалось. Автор документа характеризовал генерала Миллера как тактичного, скромного, деликатного в личном общении человека, который мог производить на людей, мало знающих его, впечатление «не бойца». Но Кедров категорически утверждал, что такое мнение ошибочно. Генерал Миллер был идейным и активным борцом с коммунизмом, и большевики везде могли чувствовать в нем непримиримого врага. «Генерал Миллер честно послужил России», - подчеркивалось в рассылаемом циркуляре²⁴.

В эмигрантской переписке содержалось немало размышлений об исчезновении генерала Миллера и о его деятельности. Если ранее многие считали его слабым руководителем, не представлявшим серьезной угрозы для большевиков, при котором деятельность РОВСа была сведена к минимуму, то ныне признавались его опыт, наличие старых иностранных связей, желание сохранить ядро организации, ее кадры. Признание большевиками опасности и вредности деятельности РОВСа подтверждалось устранением двух ее лидеров. Система работы большевиков против эмиграции и, в частности, против Русского Обще-Воинского Союза была, по мнению респондентов, простой и понятной и сводилась к следующему: купить тех, кто продажен; убить того, кого ку-

пить нельзя; оклеветать тех, кто не продается, и убить которых не удастся. Но, кроме того, обмазать грязью всех - и кого купили, и кого убили²⁵.

В переписке содержалось немало интересных рассуждений о причинах похищения генерала Миллера и связанных с этим планах большевиков. Предполагалось, в частности, что с отказом от должности председателя РОВСа генерала Абрамова и отсутствием других серьезных и авторитетных кандидатов ставка могла быть сделана на «молодых», и руководство советских спецслужб вполне могло бы иметь во главе РОВСа своего агента - генерала Скоблина. А тогда и с Русским Обще-Воинским Союзом, и со всей эмиграцией было бы мгновенно покончено²⁶.

В среде военной эмиграции звучали призывы к активности, обсуждалась и тема мести большевикам за похищение уже второго председателя РОВСа. Но в итоге возобладало мнение, сформулированное генералом Красновым в письме генералам Кусонскому и Лампе. Он с грустью вспоминал, что в свое время эмигранты не могли отомстить за похищение генерала Кутепова, «потому, что не могли отомстить». Генерал Краснов указывал, что «мы не можем и теперь пока отомстить за нанесенный нам удар», и призывал помнить о воинском долге и дисциплине. Полагая, что время для мщения пока не пришло, он подчеркивал, что «мы отомстим в первой же нашей с ними (большевиками - В.Г.) схватке»²⁷.

Призывы к терпению и выдержке взяли верх. Особые усилия прилагались для того, чтобы не допустить выступлений эмигрантской молодежи. Выход на улицу привел бы к столкновениям с полицией, что было признано опасным и нецелесообразным, так как ударило бы прежде всего по самому Русскому Обще-Воинскому Союзу и в целом по Российскому Зарубежью.

24 сентября информация об исчезновении генерала Миллера появилась в русской эмигрантской прессе и в абсолютном большинстве иностранных газетных изданий. «Исчез генерал Миллер, заместитель генерала Кутепова, похищенного большевиками», - с таким передовым заголовком вышла, например, в этот день в Париже популярная эмигрантская газета «Возрождение». «Вчера Париж и в особенности русская часть его населения были изумлены, взволнованы, потрясены сенсационным слухом, - писал журналист этой газеты, - генерал Миллер бесследно исчез».

Эмигрантская и зарубежная печать в целом достаточно единодушно утверждала, что председатель РОВСа не просто исчез, но был похищен, и обвиняла в этом советское правительство и спецслужбы. Хотя истины ради заметим, что и в ней все же, в ряде случаев, звучали сомнения в этом, высказывались иные версии, связываемые, в частности, с прогерманскими взглядами и связями генерала Скоблина.

В эмигрантской печати, как и в личной переписке эмигрантов, высказывалось немало критических замечаний по поводу того, что были забыты уроки похищения генерала Кутепова, и вновь отсутствовала охрана у председателя РОВСа. Причинами этого называли и финансовые трудности, и убежденность в том, что генерал Миллер не представлял особой угрозы для большевиков, и у тех, казалось бы, не было необходимости его посещать.

В центре внимания полиции и репортеров находилась фигура жены генерала Скоблина - Н.В. Плевицкой. Утром 24 сентября она была арестована французской полицией. Ее поместили в женскую тюрьму Петит Рокет, расположенную рядом со знаменитым кладбищем Пер-Лашез.

Одновременно с официальными розыскными действиями и следствием по делу об исчезновении генерала Миллера, которое вели французские компетентные органы, свое расследование организовал и Русский Обще-Воинский Союз. 5 октября 1937 года заместитель председателя РОВСа и начальник его I отдела вице-адмирал Кедров учредил Особую Комиссию по делу генерала Скоблина²⁸ под председательством генерала И.Г. Эрдели.

Спустя несколько дней в газетах появляется интервью с генералом Эрдели. Сам он, возглавив Особую Комиссию, оказался перед непростым выбором. Дело в том, что он работал шофером такси, и сейчас ему предстояло, руководя комиссией, или сокра-

тить рабочее время, или временно отказаться от своей работы. Имея свободу в выборе членов комиссии, Эрдели приступил к ее комплектованию. Он предполагал, что в ее составе будет 4 - 5 человек. Эрдели сообщил, что получил согласие участвовать в работе комиссии у командира Марковского полка генерала М. А. Пешни, а также провел переговоры с бывшим сенатором Н.Н. Таганцевым. Тот призван был поддержать работу комиссии своим высоким юридическим и моральным авторитетом. Генерал Эрдели сообщил, что если Таганцев сам не сможет войти в комиссию, то в нее войдет кто-то по его рекомендации. Комиссия была независима, по утверждению Эрдели, от РОВСа и «Общества Галлиполийцев». Генерал заявил, что, расследуя дело Скоблина, комиссия займется и «Внутренней линией». Особая Комиссия не могла принимать решения и санкции против кого-либо, но должна была доложить свои выводы вице-адмиралу Кедрову, а последующие меры по ее докладу призваны были принять председатель РОВСа и его помощники. Отвечая на вопрос, сколько времени займет работа его комиссии, генерал Эрдели отвечал, что об этом сказать трудно, но полтора месяца будет достаточно²⁹.

Реалии работы Особой Комиссии оказались более сложными, чем предполагалось. Она приступила к работе лишь 20 октября. Ее деятельность была весьма затруднена в силу ограниченности источников информации, отсутствия собственного следственного и разведывательного аппарата, компетентных специалистов. Все собранные документы находились в руках французских следственных властей и были недоступны членам Особой Комиссии. Они не имели возможности знакомиться даже со многими документами РОВСа, которые были изъяты представителями французских следственных властей. Поэтому в распоряжении Особой Комиссии находился весьма ограниченный круг документов и источников информации.

Особая Комиссия под руководством генерала Эрдели завершила свою работу не через полтора месяца, как первоначально предполагал ее председатель, а через четыре с лишним месяца - 28 февраля 1938 года, и представила доклад новому начальнику I отдела РОВСа генералу Витковскому. 1 марта тот издал приказ по отделу о результатах деятельности Особой Комиссии по делу генерала Скоблина и объявил благодарность ее членам³⁰. Записка, оставленная генералом Миллером, была признана единственным ключом к раскрытию тайны его исчезновения: «Более раннее ее вскрытие не могло уже воспрепятствовать похищению генерала Миллера, но оно могло и должно было помешать бегству Скоблина». Комиссия согласилась со сделанным в связи с этим ранее заявлением самого генерала Кусонского. Было признано, что исчезновение председателя РОВСа было тщательно и до мелочей продумано могущественной организацией с огромными средствами и возможностями, что выдавало «руку Москвы». Отдельный пункт выводов был посвящен Скоблину и Плевицкой: генерал был признан «наводчиком», который завлек председателя РОВСа в западню, воспользовавшись его доверием. Это доверие он снискал «при неоспоримом содействии и руководстве своей жены Плевицкой». Принципиальное значение имел вывод о том, что у Скоблина не было других пособников в РОВСе в деле похищения генерала Миллера.

Большое внимание в работе и выводах Особой Комиссии было уделено деятельности «Внутренней линии» РОВСа, о чем специально пойдет речь в дальнейшем. Заметим здесь лишь, что она пришла к заключению о непричастности этой организации к похищению генерала Миллера, хотя и осудила деятельность «Внутренней линии» и ее руководителей³¹.

Преемник Миллера в качестве председателя РОВСа генерал Абрамов отрицательно относился к расследованию Особой Комиссией Эрдели деятельности «Внутренней линии». Он высказался за роспуск этой комиссии или замену ее председателя. Но вице-адмирал Кедров не пошел навстречу требованиям генерала Абрамова, что предопределило последующие напряженные отношения председателя РОВСа с Особой Комиссией генерала Эрдели, о чем еще пойдет разговор впереди.

Официальное следствие, которое вели французские следственные власти по делу Скоблина и Плевицкой, было закончено 22 июня 1938 года. Суд над Плевицкой начал-

ся 5 декабря того же года. Рассмотрение ее дела велось судом присяжных Департамента Сены. Плевицкая не признала себя виновной. Тем не менее, 14 декабря 1938 года суд вынес свой приговор. Он признал Н.В. Плевицкую виновной по всем статьям обвинения и осудил ее к 20 годам каторжных работ, а в дальнейшем ей в течение 10 лет запрещалось жительство во Франции³². Кассационная палата отказалась пересмотреть приговор, а министр юстиции отказал в просьбе о помиловании.

26 июля 1939 года в суде присяжных Департамента Сены состоялся заочный процесс в отношении Н.В. Скоблина, который был признан виновным и приговорен к пожизненной каторге.

Судьба Русского Обще-Воинского Союза после похищения ее председателя генерала Миллера вызывала много вопросов в эмиграции. По мнению одних, дело шло к его распаду. Другие полагали, что он будет существовать и при преемниках исчезнувшего Миллера, каковыми называли его ближайших сподвижников - генералов Абрамова и Кусонского, вице-адмирала Кедрова и др. Существовала и точка зрения, что в руководстве организации должны произойти принципиальные перемены, связанные с приходом к власти молодых генералов или даже генерала Деникина, не входившего ранее в эту организацию и, более того, оппозиционно к ней настроенного, но популярного у части эмигрантов, бывших военнослужащих. Деникин занимал антигерманскую позицию и с этой точки зрения был близок французам. Реальное развитие событий могло показать лишь время, и об этом пойдет речь впереди. Здесь же заметим лишь, что похищение генерала Миллера нанесло сильный удар и по Русскому Обще-Воинскому Союзу, и по Российскому военному Зарубежью, и в целом по эмиграции, привело к дальнейшему нарастанию трудностей и усилению кризисных явлений и процессов. А это и было главной целью советского руководства и спецслужб.

Глава 8. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА НА ЛУБЯНКЕ

29 сентября 1937 года, после семнадцати с половиной лет пребывания на чужбине генерал Миллер вновь ступил на российскую землю. Но произошло это не так, как ему мечталось, и на родине он оказался не по доброй воле. Председатель Русского Обще-Воинского Союза прибыл в Ленинград на борту парохода «Мария Ульянова» под охраной похитивших его чекистов. Здесь генерала Миллера ждал тюремный эскорт, и он был немедленно этапирован в Москву. Председатель РОВСа становится секретным узником Лубянки под номером 110. По прибытии генерала Миллера в Москву начинались его допросы на Лубянке. Дело его вел следователь Н.П. Власов.

В выцветшей от времени папке с надписью «Материалы на Миллера Е.» (с пометкой «Материал передал 5 марта 1949 г. Абакумову» и подписью, весьма напоминающей автограф Л.П. Берии), с которой автору удалось ознакомиться около десяти лет назад в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России, содержится 29 листов большого размера, исписанных мелким почерком с обеих сторон: письма генерала Миллера жене, генералу Кусонскому, предназначенные для отправки в Париж, показания председателя РОВСа, его письма наркому внутренних дел Н.И. Ежову, митрополиту московскому Сергию и некоторые другие материалы. Документы эти поистине уникальны. Они позволяют воссоздать облик этого человека, оценить его поведение в неволе, понять тревоги и надежды. Эти материалы дают возможность глазами генерала взглянуть на процессы, происходившие в Русском Обще-Воинском Союзе и в эмиграции, и, наконец, понять и оценить то, чего добивались от Миллера чекисты, в какой степени его ответы удовлетворяли их, что он стремился скрыть от них.

Уже в ходе первой встречи со следователем Миллер передает ему письма своей жене и генералу Кусонскому с просьбой передать их адресатам. В письме жене, которую он ласково и по-домашнему именует «Тата» (напомним, что ее звали Наталья Николаевна) генерал пишет, что не может ей сообщить, где он, но подчеркивает, что «после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром», он жив и здоров, физически чувствует себя хорошо. Впрочем, содержащаяся в письме фраза, что он «проездом видел знакомые места», не оставляет сомнений, что он таким образом ясно дал понять, что находится в СССР.

Миллер пишет, что обращаются с ним «очень хорошо, кормят отлично». Сообщая, что вышел из Управления (РОВСа) в Париже без пальто, предполагая черед полтора часа вернуться, генерал добавляет, что здесь ему «дали новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки». Он шлет приветы детям и внукам, высказывает надежду, что сможет указать адрес, по которому жена может писать ему. Все письмо пронизано беспокойством за жену и семью и надеждой, что когда-либо им все-таки удастся встретиться. Трудно сказать, надеялся ли генерал Миллер на это на самом деле или только хотел таким образом успокоить жену и семью. Но, очевидно, что он все-таки предполагал, что ему удастся каким-то образом поддерживать письменную связь с родными.

29-30 сентября датируется письмо Миллера, адресованное генералу Кусонскому, но, видимо, оно писалось чуть раньше, ибо автор отмечает, что прошла почти неделя после их прощания, а произошло это 22 сентября. Вторая часть письма посвящена разного рода вопросам частного и личного характера, связанным главным образом с денежными вопросами и обещаниями. Наиболее интересна для нас первая часть письма, где генерал Миллер описывает личные ощущения накануне своего похищения в Париже: «Было у меня какое-то подсознательное предчувствие, что Н.В.С. (Николай Васильевич Скоблин - В.Г.) увлечет может быть на что-то опасное. Но, конечно, ничего подобного происшедшему я не ожидал и в мыслях не имел». «Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я не могу, ибо такого содержания письмо, несомненно, не было бы Вам послано», - продолжает председатель

РОВСа. «Я выбыл из строя», - резюмирует он, но все-таки завершает письмо фразой: «Будущее в руках Божьих. Может быть когда-нибудь и увидимся еще»¹.

Трудно сказать, надеялся ли генерал Миллер, что это его письмо дойдет до адресата. Автор был хорошо знаком с разведывательным делом, и много лет им профессионально занимался. Может быть основной частью письма с вопросами частного и личного характера, удовлетворением денежных просьб он надеялся закамouflировать его первый абзац. Но возможно, что для него все-таки главным было удовлетворение перечисленных просьб и разрешение денежных расчетов. Для читающих же этот документ сегодня, очевидно, что письмо, в котором был указан главный виновник и участник его похищения - генерал Скоблин, никогда не могло быть отправлено адресату.

Особый интерес у руководства НКВД вызывала боевая работа Русского Обще-Воинского Союза, его связи с другими эмигрантскими антисоветскими организациями и их подрывная деятельность, направленная против СССР. По требованию следователя генерал Миллер в начале октября в письменном виде представил сведения о секретной работе, которая велась РОВСом с 1930 по 1937 год, когда он являлся председателем Союза и руководил этой работой, или же она велась с его одобрения. Чекистов интересовали основные направления и содержание этой работы, лица, которые ею занимались и др. К сожалению, текста этих показаний в деле генерала Миллера не содержится. Но, как следует из косвенных источников, председатель РОВСа не представил тех сведений, которые требовали чекисты.

9-10 октября 1937 года Миллер по настоянию следователя составляет записку под названием «Повстанческое движение в Советской России» и дополнение к ней, а также отвечает на задаваемые вопросы. Содержащиеся в деле генерала Миллера письменные материалы дают представление о его показаниях. Он писал, что первые предложения о поддержке повстанческого движения в Советской России получил еще в 1921 году, будучи в Париже главноуполномоченным генерала Врангеля. В частности, Миллер упоминал имя генерала Глазенапа, который обещал в случае получения денежной субсидии в несколько десятков тысяч франков двинуть свои войска через границу, поднять восстание местного населения и через три недели захватить Петроград. Генерал Миллер вспоминал, что представил по этому поводу доклад генералу Врангелю, но получил от него приказ не вступать ни в какие разговоры с генералом Глазенапом. Это и было им исполнено. В начале 20-х годов поступил и ряд других аналогичных предложений, которые, по утверждению генерала Миллера, были отвергнуты.

Узник Лубянки утверждал, что с осени 1923 по январь 1930 года, занимая другие должности, он не имел какого-либо отношения и информации о повстанческой работе в СССР. Став председателем РОВСа, Миллер получал предложения от ряда эмигрантских организаций и их деятелей о поддержке крестьянского повстанческого движения в СССР («Крестьянская Россия», возглавляемая эсером С.С. Масловым, Имперский Союз, генерал Дитерихс, начальник Дальневосточного отдела РОВСа, Национально-Трудовой Союз Нового Поколения и др.). Миллер писал, что в 1930 году получил информацию от начальника Дальневосточного отдела РОВСа генерала Дитерихса о большом повстанческом движении, начавшемся в Приморской области, Приамурском крае и в Забайкалье. Дитерихс считал желательным поддержать это движение. Генерал Миллер указывал, что обсуждал эту ситуацию с представителем Совещания послов в Париже М.Н. Гирсом, который высказал сомнение в возможности достижения серьезного успеха операции в такой удаленности от крупных местных эмигрантских центров - Харбина и Шанхая.

Миллер признавал, что в переписке с генералом Дитерихсом эта тема обсуждалась и в дальнейшем. С осени 1930 года повстанческие операции замерли и возобновились весной 1931 года. Но выяснилось, по утверждению председателя РОВСа, что посылка морем из Европы оружия и всего необходимого для повстанцев в Шанхай невозможна по правилам, установленным в европейских портах, а о покупке собственного парохода не приходилось и мечтать. К тому же, весной 1931 года помощь была бы уже запоздалой, так как имели место лишь отдельные вспышки, и повстанческое движение

было погашено. Миллер ссылался на то, что спустя 7 лет уже не помнит каких-либо фамилий лиц, связанных с этими повстанческими выступлениями и упоминавшихся в донесениях генерала Дитерихса. Даже материалы, приведенные в настоящей книге, о деятельности РОВСа и генерала Миллера в отношении Дальнего Востока свидетельствуют о том, что узник Лубянки стремился скрыть многое из планов и действий Союза и военной эмиграции, которые были связаны с названным регионом.

В показаниях генерала Миллера есть упоминание о контактах в 1930 году с крупной организацией, действовавшей в отношении Юга России через Румынию и имевшей свой центр там. Но все завершилось, по его утверждению, безрезультатно. В дополнениях к своим показаниям 10 октября председатель РОВСа упоминал о крупном восстании на Северном Кавказе в 1932 или 1933 году, но которое прошло совершенно мимо его, и картина которого стала известна эмиграции уже после дела из доклада В.М. Левитского.

В целом же, генерал Миллер утверждал, что за последние семь с половиной лет, т.е. за время его руководства РОВСом, кроме местных крестьянских бунтов, вызванных чисто местными причинами, ничего серьезного в СССР и не происходило. В его показаниях указывалось, что за эти 7,5 лет с его ведома было послано в СССР и пересекло советскую границу всего пять человек. Один из них погиб в 1931 году после прибытия в Москву, двое перешли финляндскую границу в 1933 году и вынуждены были вернуться через два-три дня, а двое погибли чуть ли не при самой попытке перейти границу в 1934-1935 годах. «Я даже не представляю себе о каких попытках поднять повстанческое движение стараниями РОВСа при таких условиях может идти речь», - подчеркивал председатель Русского Обще-Воинского Союза.

Е.К. Миллер указывал в своих показаниях, что в них нет ничего сенсационного о деятельности РОВСа, и отвечал в связи с этим, что ничего такого и не было. Он называл себя врагом всяких бессмысленных авантур и утверждал, что его главным долгом было сберечь армию, «сохранить ее и ее сыновей для России», и он посвящал все свои силы этому предсмертному завету генерала Врангеля, считая это своей главной задачей. «Кому суждено спасти Россию и вывести ее на исторический путь Великой Державы при условии благоденствия и многочисленности народов и в первую очередь Русского народа - Вам ли, нам ли или нам всем общими усилиями - это один Господь Бог знает», - писал генерал Миллер и вновь подчеркивал, что беречь армию было его первым долгом².

Если подвести итог показаниям председателя РОВСа по самым важным для НКВД вопросам, то, очевидно, что он так и не представил сколько-нибудь ценной, полезной и ожидаемой информации и прежде всего по вопросам организации секретной работы и повстанческой деятельности, которая могла быть использована в борьбе с эмиграцией, всячески уходил от какой-либо конкретики, указания имен. Генерал Миллер неоднократно подчеркивал, что до 1930 года всей секретной работой руководил генерал Кутепов, а он лично не был о ней осведомлен. Его же самую деятельность в качестве председателя РОВСа сосредотачивалась на управлении Союзом. Он ссылался при этом, что вся секретная работа велась другими лицами, и ему докладывались только результаты. Но ни имен этих организаторов подобной деятельности, ни ее конкретных и содержательных результатов в его показаниях нет.

Следователя, как и ожидал генерал Миллер, не удовлетворила его записка. Он назвал ее, по словам Миллера, «неисчерпывающей» и, оставив ее у генерала, предложил ему дополнить ее некоторыми сведениями, обещая специально зайти к нему за ней, но так и не сделал этого (как утверждал генерал в письме наркому Ежову в декабре 1937 года).

В ходе одного из допросов в начале октября следователь предложил ответить Миллеру на вопрос, как он видит для себя выход из создавшегося положения. Мнение генерала было изложено в показаниях и зафиксировано в специально подготовленной им записке, которую он предоставил следователю 10 октября. Председатель РОВСа указывал в связи с этим: «Выход лично для меня не зависит ни в какой мере от меня и

потому рисовать себе его все равно, что писать на воде». Но он подчеркивал, что заданный вопрос заставил его задуматься над гораздо более важным вопросом, где его личность и судьба являются только маленьким эпизодом, - о разделении русского народа на две группы: эмиграцию и население СССР.

Генерал Миллер видел выход из сложившегося положения в предоставлении свободы слова для населения СССР, реальном повышении его уровня жизни. Он считал, что его (Миллера) «ликвидация» в той или иной форме приведет только к новому озлоблению в эмиграции так же, как это было после похищения генерала Кутепова. «Если бы нам (то есть Миллеру и Кутепову - В.Г. Дело в том, что чекисты уверяли Миллера, что генерал Кутепов жив и здоров) дана была возможность лично убедиться объездом обоим вместе хотя бы части страны в том, что население не враждебно ко власти, что положение его улучшается, что оно довольно установившимися порядками в области экономической и общегосударственной - административной, и что оно не стремится в массе к перемене власти и общегосударственного порядка, одним словом, что существующее положение отвечает «воле народа», - заявлял генерал Миллер, - то наш долг был бы об этом сообщить эмиграции, дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию, население которой получило наконец такое правительство и такое государственное устройство, которое его удовлетворяет и соответствует улучшению его благосостояния». «А там уже будет зависеть от Советского Правительства, - продолжать рассуждать узник Лубянки, - дать желающим вернуться возможность послать своих ходочков и вообще поставить возвращающихся в такие условия жизни, чтобы они не противоречили бы нашим заявлениям. Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет, а вопрос о необходимости борьбы и самоуничтожения русских людей отпадет для большинства эмиграции тотчас же, в самое ближайшее время»³.

Интересны размышления в данных генералом Миллером показаниях о положении эмиграции, ее настроениях (в частности в зависимости от возраста эмигрантов) и надеждах. Характеризуя позицию РОВСа, генерал подчеркивал, что он (как и большинство эмиграции) «стоит вне политических партий, не предрешает политического устройства России и ставит его в зависимость от свободно выявленной воли народа».

11 октября генерал Миллер письменно дает показания о своей работе в качестве заведующего финансовой частью РОВСа при великом князе Николае Николаевиче, а затем генерале Кутепове. Он отвергает высказанные в его адрес следователем сомнения о том, что не был осведомлен о работе генерала Кутепова. Миллер утверждал, что деньги, переданные генералом Врангелем великому князю Николаю Николаевичу, расходовались исключительно на содержание армии и ее административного персонала. Работа генерала Кутепова, по утверждению генерала, велась на деньги, отпущенные из «Казны Великого Князя», которая составлялась из добровольных пожертвований эмиграции. Этими деньгами, писал Миллер, заведовал генерал Болдырев, состоявший при великом князе. По распоряжению последнего генерал Болдырев передавал средства Кутепову, и никто кроме них (и отчасти полковника Зайцова), по утверждению Миллера, не знал, куда и на кого они расходовались. Не имел он, якобы, отношения к секретным расходам генерала Кутепова на работу в СССР и когда состоял в его распоряжении после смерти великого князя Николая Николаевича. Так это или нет на самом деле остается вопросом и вызывает серьезные сомнения, но, по крайней мере, как следует из материалов следствия, генерал Миллер твердо стоял на своем и не сообщил чекистам каких-либо сведений о финансировании секретной работы генерала Кутепова в СССР да и, очевидно, о содержании этой деятельности.

10 октября 1937 года состоялся последний допрос генерала Миллера следователем Власовым. Он обещал зайти к нему за письменными показаниями на следующий день, но ни тогда, ни позднее у него уже не появился. О причинах этого можно лишь догадываться. Вероятно чекисты, не получив от председателя РОВСа сведений, которые могли бы использовать в целях публичной дискредитации Союза и для борьбы с ним, а также для использования в ходе открытого процесса против генерала Миллера,

взяли своеобразный тайм-аут. Им надо было подумать над тем, как и в каких целях можно было бы использовать своего пленника. Время, в принципе, работало на них. Чередой шли судебные процессы, в которых секретный узник Лубянки мог быть каким-либо образом использован. Да и само по себе содержание в строго изолированном заключении (даже без права прогулок во внутреннем дворе тюрьмы) могло сломить генерала и заставить его рассказать, в конце концов, все, о чем он знал, но отказывался сообщать.

4 ноября генерал Миллер передал начальнику тюрьмы для дальнейшего направления по принадлежности три письменных заявления. Два из них касались денежных вопросов. Генерал просил вернуть по назначению во Францию находившиеся у него при аресте деньги Общества Северян, а также ряда других лиц и организаций. Миллер также просил разрешить передать начальнику тюрьмы для использования на свои личные нужды в тюрьме остальные находившиеся при нем его собственные деньги (примерно 200 франков). Третье заявление генерала Миллера касалось его жены и семьи, которых ему хотелось успокоить. Он просил разрешения передать своей жене короткую успокаивающую записку без подписи, ибо супруга узнала бы его по почерку. Миллер просил также разрешения проставить на этой записке адрес промежуточного посредника, по которому жена могла бы послать ему ответ. Он указал, чтобы она писала исключительно про себя, детей и внуков, о их жизни и здоровье, отнюдь не касаясь никаких вопросов политики, эмиграции и т.п. Но ответа на свои заявления генерал так и не получил.

21 декабря 1937 года секретного узника Лубянки посетили в его камере два гостя. Одним из них был нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов. Состоялась беседа, в ходе которой генералу Миллеру был задан целый ряд вопросов, в том числе касавшихся взаимоотношений советской власти и эмиграции. Видимо, нарком решил сам взглянуть на бывшего председателя Русского Обще-Воинского Союза, захваченного в ходе операции, проведенной его ведомством, и, побеседовав, составить личное представление об узнике и перспективах взаимоотношений с ним, возможности использования в каких-либо целях. Трудно сказать, было ли это посещение инициативой самого Ежова или за этим стоял сам Сталин. Последнее, по крайней мере, исключать нельзя.

Возвращаясь к объяснению причин посещения наркомом НКВД генерала Миллера, хотелось бы указать на следующее принципиальное обстоятельство. В условиях разгоравшейся в СССР истерии поиска «врагов народа» осенью 1937 года в стране начинаются массовые аресты участников белогвардейского заговора РОВСа, где-то их называют и офицерской фашистской организацией, созданной агентурой РОВСа. Арестован и репрессирован по этому «делу» в СССР был не один десяток тысяч человек⁴. Сам генерал Миллер, естественно, и не подозревал, что агентура и актив его Союза в СССР исчисляется десятками тысяч человек. В своих показаниях он утверждал совсем другое. Поэтому, может быть, целью посещения председателя РОВСа Ежовым и было желание лично познакомиться с Миллером и оценить возможность использования его в публичном процессе, обличающем Русский Обще-Воинский Союз, его деятельность в СССР и его иностранных руководителей и пособников.

Заметим лишь, что Миллер не знал, кто находится перед ним, и понял это (как следует из его последующего письма) лишь в момент ухода наркома.

Любопытно, что парижская газеты «Возрождение» 14 января 1938 года поместила заметку под названием «Генерал Миллер жив и находится в СССР». В ней сообщалось, что недавно состоялся его допрос в присутствии высших сановников и агентов ГПУ. Недели раньше эта газета утверждала, что генерал Скоблин также находится в СССР, куда прибыл через Финляндию, и служит в ГПУ в Ленинграде под именем Андрей Догов. «Эти сведения проверяются в осведомленных кругах», - сообщала эта газета. Любопытно, была ли указанная заметка результатом утечки информации из недр НКВД или чистой догадкой, гаданием на кофейной гуще.

На следующий день после посещения его камеры Ежовым, 22 декабря, генерал Миллер направил личное письмо наркому внутренних дел. Он сообщал о своих встре-

чах со следователем Власовым и показаниях, данных ему, добавляя, что они не встречались (и, соответственно, не было допросов) уже более двух месяцев. Поэтому он прилагал к письму, адресованному Ежову, свои письменные показания и записки с ответами на вопросы, которыми интересовался следователь. Повторял Миллер и свои просьбы, высказанные ранее в заявлениях, переданных начальнику тюрьмы, на которые он не получил ни ответа, ни удовлетворения. Генерал уведомлял наркома Ежова, что помимо занимаемой должности председателя РОВСа был участником ряда мелких профессиональных и общественных организаций эмигрантов, а в некоторых из них состоял председателем (Общество взаимопомощи бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища; Общество бывших офицеров 7-го гусарского Белорусского полка, которым он командовал в свое время; Общество Северян; Русский комитет, шефствующий над Русским Корпусом-Лицеом в Версале; Комитет помощи престарелым и больным воинам и их семьям). Миллер беспокоился, что у него во время похищения находились деньги этих обществ и их отчетность. Он просил разрешить ему послать непосредственно генералу Кусонскому или через свою жену указания ему по этим вопросам. Заметим, что Миллер указывал в письме, что он хотел бы обсудить эти вопросы с наркомом, который обещал посетить его в ближайшее время.

В письме генерала Миллера наркому Ежову содержался и целый ряд других просьб, касающихся возможности разрешать ему прогулку на воздухе (хотя бы во внутреннем дворе тюрьмы), возвращения ему изъятых часов (так как в результате пребывания в одиночке и в строгой изоляции потерял счет времени, стал страдать бессонницей) и разрешения пользоваться тюремной библиотекой. Он просил также разрешить ему писать воспоминания о своем детстве, юности, а также довести их до ноября 1917 года. Впервые за 53 года со дня поступления на государственную службу, указывал генерал, у него появилось свободное время для воспоминаний, которые он хотел посвятить своим детям, ибо ранее, в силу условий службы и жизни, мог уделять им очень мало внимания. 13 лет службы Миллер провел в свое время за рубежом, был свидетелем многих интересных событий, встречался с людьми, уже вошедшими в историю. Поэтому, считал он, его воспоминания могут быть полезными. Миллер убеждал, что по роду службы не имел отношения к внутренней политике, поэтому не будет касаться болезненных вопросов политики, а тем более не намерен обращаться к последующей эпохе, «разделению русских людей на Белых и Красных». «Само собой, - продолжал генерал, - что в настоящих условиях моего существования все мои писания могут быть процenzурованы». Миллер просил выдать ему чернила, перо и тетради.

Генерал писал, что с момента прихода в сознание на пароходе 23 сентября и до настоящего времени отношение к нему было предупредительным и заботливым. Он имеет «прекрасный обильный стол», а в помещении царит полная тишина. Об этом генерал Миллер просил разрешения сообщить своей жене, аргументируя это тем, что в 1930 году они совершенно иначе представляли себе условия пребывания генерала Кутепова в советской тюрьме (если он доехал до Москвы живым). Миллер утверждал, что «установление объективных верных сведений среди эмиграции по этому вопросу, вместо тенденциозных предвзятых догадок, было бы в интересах Советского Правительства и преследуемых им целей сближения с границей»⁵. Это письменное заявление было передано генералом Миллером на имя шефа НКВД через начальника тюрьмы 28 декабря 1937 года.

Ожидаемая генералом Миллером новая встреча с наркомом внутренних дел СССР не состоялась. Он не получил и ответа на свое письмо, адресованное ему, а высказанные там просьбы не были удовлетворены. Само письмо было подшито в личное дело секретного узника Лубянки. Судя по всему, не происходили и встречи Миллера, и его допросы следователем. Прошло несколько месяцев и, кажется, забытый своими похитителями генерал пишет новое письмо наркому Ежову. Оно было датировано 30 марта 1938 года и начиналось с того, что на днях минуло полгода с его насильственного задержания «агентами Советского Правительства в Париже» и содержания в одиночном заключении в тюрьме ГПУ. Миллер констатировал внимательное отношение и

нормальные условия его содержания в тюрьме (за исключением лишения права прогулок на открытом воздухе, необходимых для его здоровья). И вместе с тем, он отмечал, что «полная изолированность от внешнего мира и столь же полная оторванность от моей семьи, из которой я был вырван столь внезапно и неожиданно и для которой я пропал бесследно, делают мое положение бесконечно тяжелым, и с каждым днем тяжесть его только увеличивается».

Миллер вновь просил разрешить отправку жене «хотя бы самого краткого письма с уведомлением, что я жив и относительно благополучен, дабы она и дети не мучились неоправданными страхами за мое существование». «Это было бы лишь актом человеколюбия по отношению к больной старушке и к моим детям, ничем перед Вами не виноватыми, - писал генерал наркому НКВД, - Я так ярко вспоминаю как тяжело страдала от неизвестности жена генерала Кутепова, а с ней и все мы, хорошо знавшие его, рисуя себе картину всех тех ужасов и физических страданий, которые должны были его ожидать в Москве. Сделать все, что в моих силах, чтобы уверить ее в неосновательности этих страхов, мой священный долг». Миллер просил сообщить жене адрес, по которому она могла бы дать сведения о себе и детях, и уверял, что она сохранит тайну их отношений, если ей будет на это указано.

Генерал Миллер просил также разрешения в связи с Великим Постом отговорить в одной из московских церквей (по выбору чекистов), для чего посещать там ежедневно обедню, а затем побывать на исповеди и, наконец, причастаться. Он уверял, что опасение быть встреченным кем-либо из знакомых и узнанным несостоятельно, ибо покинул Москву в 1917 году и с тех пор неузнаваемо изменился. Он выражал готовность перевязать лицо повязкой, строго соблюдать свое инкогнито и во всем подчиниться сопровождающему лицу. Любопытно, что в качестве дополнительного аргумента Миллер привел суждения Ленина о свободе вероисповедания, которые он извлек из прочитанных им в тюремной библиотеке первых двух томов сочинений вождя большевиков. «Ввиду этого я предполагаю, что заветы В.И. Ленина чтятся и соблюдаются его учениками и преемниками, нынешними распорядителями судеб русского народа, в полной власти которых я сейчас нахожусь», - писал Е.К. Миллер и обращался с вышеупомянутой просьбой⁶.

Но и это письмо генерала осталось без ответа. Об этом свидетельствует третье письмо генерала Миллера, адресованное им наркому Ежову и датированное 16 апреля 1938 года. В нем он просил разрешения передать Митрополиту Московскому свое письмо с просьбой о доставке ему Евангелия и Библии, а также другой литературы по Истории Церкви. Миллер вновь просил также права пользоваться бумагой и пером при чтении литературы из тюремной библиотеки и делать выписки из читаемых книг.

Узник Лубянки просил поручить кому-либо из помощников наркома, знакомых с обстоятельствами его похищения, посетить его в тюрьме и осветить волнующие вопросы: о положении его жены, детей и внуков и о том, что ждет его самого в дальнейшем. Но и на это свое письмо генерал Миллер не получил ответа, а само оно, так же как и его письмо на имя Митрополита Московского Сергия с просьбой о передаче ему во временное пользование на два-три месяца требуемой духовной литературы, было вшито в его личное дело.

Проходит еще три с лишним месяца без каких-либо изменений в положении узника и без выполнения его просьб. 27 июля генерал пишет новое письмо в адрес все того же человека, которого он по-прежнему считал единственным, способным изменить ситуацию с ним - наркома Ежова. «На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда предательски завлеченный на чужую квартиру я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа», - так начиналось это письмо генерала. - Будучи тотчас связан - рот, глаза, руки и ноги - и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на Советский Пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя - на полпути между Францией и Ленинградом».

Письмо генерала Миллера пронизано беспокойством за судьбу жены и детей и прежде всего за состояние здоровья жены: «Хотя первые дни после прибытия в Москву

я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей». Любопытны и последующие рассуждения бывшего председателя РОВСа: «Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен. Да и все эти семь с половиной лет со дня вступления моего в должность Председателя РОВСоюза сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленника Советской власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне естественно должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою судьбу».

Большую тревогу генерал Миллер высказывал в отношении своей жены, мучаясь безвестностью: «Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в очень болезненных приступах при всяком волнении или беспокойстве. Моя жена по матери своей родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой - бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестра, большую нервность», свойственную семье Гончаровых, вызывая мучительные страдания, нервность эта по счастью до последнего времени не отражалась на психике моей жены. Но меня берет ужас от неизвестности, как на ней отразилось мое исчезновение. Не отразилось ли оно на голове, хватило ли у нее сил перенести этот удар, горше, нежели смерть близкого человека от болезни, тут на глазах? Какое мучение для нее жить все время под гнетом неизвестности и худших опасений, не имея ни одного спокойного, радостного дня! 41 год мы прожили вместе!».

Разумеется, эта неизвестность была мучительна не только для жены и семьи генерала, но и для него самого, о чем он откровенно пишет шефу НКВД: «Убедительно прошу Вас в данном случае посмотреть на мою просьбу с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, которые с каждым днем становятся невыносимее: 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я может быть стал невольным убийцей моей жены, вызвав ее физическую или духовную смерть и лишив наших детей не только отца, но и матери, вследствие неосторожной доверчивости к гнусному предателю - когда-то герою гражданской войны в рядах Добровольческой Армии».

Вообще, это письмо Миллера являлось более резким по тону и содержанию, нежели предшествующие послания Ежову. «Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции и гнета самодержавия, ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещающая установить режим свободы и неприкосновенности личности, с воспрещением кого бы то ни было сажать в тюрьму или высылать без суда, захочет сделать из меня средневекового шалтонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV, ради сохранения моего инкогнито?». Вместе с тем, при известной резкости своего послания, генерал, учитывая ситуацию, смещает акценты ответственности за происшедшее с ним: «Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед свершившимся фактом, поставило Вас и Все Советское Правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки скрывать мое нахождение в СССР., но все же я не могу не обращаться к Вашему чувству человечности: за что вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей - моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали».

Ставя в качестве центрального вопрос о разрешении ему наконец установить связи с семьей на приемлемых для чекистов условиях, Миллер касается и вопроса о своем будущем: «О своей дальнейшей судьбе я сегодня не пишу Вам, в ожидании что вы исполните Ваше обещание и еще раз зайдете в мою камеру для личного разговора, или пришлете ко мне доверенное лицо, коему я мог бы изложить и свои мысли, вы-

званные отчасти разговором Вашим о возможности и желательности привлечь отдельных эмигрантов к мысли о возвращении в СССР.»

Из этого письма следует, что состояние здоровья генерала заметно ухудшилось, и он просил Ежова приказать передать начальнику тюрьмы пачку рецептов из своего бумажника, выписанных в Париже, чтобы можно было посоветоваться с тюремным врачом о средствах лечения своих недугов⁷.

Судя по всему, это письмо стало последним, направленным генералом Миллером в адрес наркома Ежова. По крайней мере, в его архивном деле подобных документов более не содержится. Отчаялся ли генерал получить удовлетворение своих просьб или были какие-то другие причины и обстоятельства сказать трудно. Но нельзя не добавить, что в это время над самим Ежовым уже навис дамоклов меч. 22 августа 1938 года первым заместителем наркома НКВД был назначен первый секретарь ЦК компартии Грузии Л. П. Берия, а 29 сентября он стал и начальником ГУГБ НКВД СССР. Дни Ежова в качестве наркома внутренних дел, да и вообще в этой жизни, были сочтены.

25 ноября 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Н.И. Ежов был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел, и тогда же на эту должность был назначен Л. П. Берия. Таким образом, судьба генерала Миллера оказалась в руках нового наркома. Впрочем, непонятно даже, знал ли генерал об изменениях, происшедших в руководстве НКВД, и если да, то связывал ли с этим какие-либо надежды или нет.

25 марта 1939 года в Париже выходит № 209 журнала «Часовой», посвященный памяти генерала Миллера. Редактор этого журнала В.В. Орехов, который в свое время испортил много крови генералу, указывал, что здесь умышленно не пишется о нем как о Председателе РОВСа, но как о Человеке - «добром, благородном, верном старой России, ее традициям и ее хорошему барству, лучшим представителем которого являлся Миллер». Заметим, что в это время, когда абсолютное большинство эмигрантов было уверено, что генерала уже давно нет на этом свете, он был еще жив, но дни его были уже сочтены.

Последние документы, содержащиеся в личном деле генерала Миллера, свидетельствуют о его последнем дне жизни - 11 мая 1939 года. Именно этим днем датируются решение Военной Коллегии Верховного Суда СССР, подписанное его председателем В.В. Ульрихом, о немедленном приведении в исполнение приговора в отношении Петра Васильевича Иванова (под этим именем содержался генерал Миллер в тюрьме), осужденного к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года. Нарком внутренних дел Л.П. Берия отдал распоряжение начальнику Внутренней тюрьмы НКВД Миронову о выдаче арестованного П.В. Иванова, содержащегося под № 110, коменданту НКВД Блохину. Последним документом, содержащимся в деле Миллера, является акт, подписанный Блохиным и Мироновым, о том, что приговор приведен в исполнение в 23 часа 5 минут, а в 23 часа 30 минут его труп сожжен в их присутствии в крематории⁸.

Так закончился земной путь председателя Русского Обще-Воинского Союза генерала Евгения Карловича Миллера.

7 мая 1996 года Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) заслушал обращение председателя Русского Обще-Воинского Союза поручика В.В. Гранитова относительно генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера, похищенных агентами большевиков в Париже. По документам некоторых рассекреченных архивов КГБ были установлены данные об их смерти. Вместе с тем, архиепископ Серафим, Брюссельский и Западно-Европейский, недавно обратил внимание на то, что церковное отпевание генералов не было совершено. Председатель РОВСа просил благословения для совершения отпевания РПЦЗ генералов Кутепова и Миллера. В результате рассмотрения внесенного обращения Архиерейский Синод РПЦЗ постановил совершить отпевание мученически скончавшихся генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера в Синодальном соборе в г. Нью-Йорке, во время предстоящего Архиерейского Собора, вечером 11 сентября 1996 года. Был издан циркулярный указ о совершении панихиды по погибшим генералам во всех храмах Русской Зарубежной Церкви в тот же день или в

ближайшее воскресенье. Так, спустя несколько десятилетий после смерти генералов Кутепова и Миллера Русская Православная Церковь Заграницей выполнила свой последний долг в отношении погибших руководителей Русского Обще-Воинского Союза.

Глава 9. РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ И РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Похищение генерала Миллера углубило кризис в Русском Обще-Воинском Союзе и резко осложнило общую ситуацию в рядах Российского военного Зарубежья. Проблемой, требующей скорейшего разрешения, был поиск достойного преемника исчезнувшего председателя РОВСа. Напомним, что тема лидерства и преемственности в руководстве Русского Обще-Воинского Союза занимала важное место в дискуссиях в этой организации и вокруг нее с середины 30-х годов (точнее - даже с 1934 года), и она приобрела первостепенную значимость после исчезновения генерала Миллера. Никто из представителей старого генералитета не проявлял особого желания занять пост руководителя РОВСа. О своих претензиях ранее заявляли так называемые «молодые» генералы. Но генерал Н.В. Скоблин был разоблачен как большевистский агент. Генерал А.В. Туркул, создавший и возглавивший «Русский Национальный Союз Участников Войны», был исключен из состава РОВСа и, по существу, изолирован. А еще один человек из плеяды «молодых» генералов - командир Марковского полка М. А. Пешня (которого, впрочем, никто и не рассматривал всерьез в качестве претендента на руководящие роли в РОВСе) умер в конце 1937 года.

Но проблема заключалась не только и не столько в возрастных различиях и видении перспектив, и характера деятельности РОВСа, но прежде всего в глубоком общем кризисе руководства. «Генералы потеряли свой авторитет уже давно, генералам не верят», - так вполне справедливо характеризовал ситуацию один из активистов РОВСа. Развивая и поясняя свою мысль, автор продолжал: «Ведь в течение последних лет наши генералы только и делали, что выносили на публичное обсуждение свои споры, раскалывались, откалывались, интриговали». Конечно, сегодня благополучно вступит в должность председателя РОВСа Ф.Ф. Абрамов или М.А. Кедров, рассуждал автор, завтра будет И.Г. Барбович или А.А. Архангельский, но что скажут эти имена офицерству. С преемственностью белого движения будет покончено¹.

После исчезновения генерала Миллера в штаб-квартире Русского Обще-Воинского Союза в Париже царили нервозность и растерянность. Утром 23 сентября генералу Абрамову ушла телеграмма из Парижа за подписями вице-адмирала Кедрова и генерала Кусонского об исчезновении генерала Миллера. В тот же день в письме генералу Абрамову Кусонский предупредил, что назначение генерала Шатилова начальником I отдела РОВСа (очевидно, автор письма считал возможным это, зная давние, достаточно близкие и доверительные отношения Абрамова и Шатилова) может вызвать волнение в силу его дружбы с генералом Скоблиным. Автор письма высказывался за назначение вице-адмирала Кедрова начальником I отдела (если сам Абрамов не переедет в Париж). В этот же день, 23 сентября М.А. Кедров, вследствие известного отсутствия генерала Миллера и впредь до вступления в должность председателя РОВСа его первого заместителя генерала Абрамова, принял на себя временное исполнение обязанностей председателя Союза².

Каких-либо известий о судьбе председателя РОВСа не появлялось, также как и ожидаемых сообщений из Софии от генерала Ф.Ф. Абрамова, начальника III отдела и заместителя председателя Союза, первоочередного претендента на занятие должности руководителя Русского Обще-Воинского Союза. Сам генерал Абрамов получил известие об исчезновении генерала Миллера не в Софии, где постоянно проживал, а находясь по случаю в Белграде. Он не рвался занять пост председателя РОВСа и, зная результаты секретного опроса в 1936 году генералом Миллером руководителей отделов и старейших членов Союза о желательных кандидатурах на этот пост в будущем, немедленно обратился к генералу от кавалерии А.М. Драгомирову с пред-

ложением возглавить Русский Обще-Воинский Союз. Но получил отказ последнего принять это предложение.

Вслед за циркуляром начальникам отделов и подотделов Русского Обще-Воинского Союза от 23 сентября об исчезновении генерала Миллера, о содержании которого уже шла речь выше, генерал Кусонский направил 24 сентября новый циркуляр в адрес начальников отделов и подотделов РОВСа. Он информировал их, что каких-либо новых сведений о генерале Миллере не поступало, также как и распоряжений от генерала Абрамова. «У меня произведена выемка абсолютно всех дел, - писал генерал Кусонский, - так что я лишился буквально всего, до адресной и денежной книг включительно, и вести переписку по каким-либо старым вопросам придется лишь по памяти. Отношение уголовного розыска и вообще властей к нам хорошее и предупредительное». Циркуляр датировался 14 часами. А в 14 часов 10 минут к этому циркуляру была сделана приписка: «Только что получена телеграмма генерала Абрамова о вступлении в должность председателя РОВСа». Абрамов принял это решение, все еще находясь в Белграде и получив отказ генерала Драгомирова занять должность руководителя Русского Обще-Воинского Союза. В приказе генерала Абрамова указывалось также, что вице-адмирал Кедров, оставаясь в должности помощника начальника РОВСа, должен вступить в исполнение должности начальника I отдела этого Союза. Своим приказом № 1 о вступлении в должность начальника РОВСа генерал Абрамов оставлял за собой и руководство III отделом Союза и оговаривал свое пребывание в Софии. Выступая в 7 часов вечера в Офицерском собрании в Белграде на заседании Совета объединенных офицерских обществ в Югославии, генерал Абрамов объявил приказ о своем вступлении в должность начальника РОВСа³.

В тот же день вице-адмирал Кедров издал приказ № 31 по I отделу РОВСа, в котором сообщалось, что генерал Абрамов назначил его своим помощником и начальником I отдела Союза, и он вступил в исполнение должности начальника этого отдела. Начальником канцелярии I отдела остался опытный профессиональный разведчик полковник Станиславский. Правда, он в это время уже не мог даже читать сам и нуждался в операции обеих глаз и удалении хрусталиков. 27 сентября вице-адмирал Кедров направил циркуляр начальникам и председателям воинских организаций I отдела РОВСа, в котором указывал на необходимость дать верный и обоснованный фон, на котором произошли события, и установить точку зрения руководства РОВСа на отдельные факты, связанные с исчезновением генерала Миллера. В нем объяснялось отсутствие личной охраны председателя РОВСа, ибо в 1934 году тот сам отменил должность «дежурного офицера», ибо не хотел затруднять офицеров несением охраны. То, что генерал Миллер, уходя на свидание «с германским военным агентом в Прибалтике», устроенное Скоблиным, оставил записку, объяснялось тем, что председатель РОВСа допускал возможность ловушки. В циркуляре указывалось также, что с 18 по 21 сентября Скоблин имел продолжительные секретные беседы с генералом Миллером. По утверждению Кедрова, бегство Скоблина было свидетельством его гнусного предательства. «Генерал Миллер честно послужил Родине», - подчеркивалось в цитируемом документе⁴.

28 сентября генерал Кусонский направил в адрес начальников отделов и подотделов Русского Обще-Воинского Союза осведомление о вопросах, которые были заданы ему сотрудниками французского уголовного розыска в связи с исчезновением генерала Миллера. Среди них был вопрос о том, являлся ли председатель РОВСа германофилом или франкофилом. Кусонский отвечал, что генерал Миллер питал симпатии к Бельгии, Италии и Франции, где работал в годы Великой войны. Он признавал, что с Германией были связаны надежды, когда Гитлер объявил войну коммунизму, но за этим не последовало реальных действий. А генерал фон Лампе был арестован в Германии за связь с Парижем. В связи с вопросом французских следственных органов о том, что генералу Абрамову за его германофильство было отказано жить во Франции, и он проживает в Болгарии, Кусонский отвечал, что МИД Франции признал в свое время допущенную им ошибку и разрешил Абрамову жить в этой стране сколько угодно времени. А сейчас он предполагает жить в Болгарии.

Отвечая на вопрос, что побудило генерала Скоблина пойти на предательство, Кусонский указывал на исключительно корыстные основания. Решение убрать генерала Миллера по заданию большевиков означало, по словам Кусонского, нанесение удара по самой активной антикоммунистической и наиболее жизненной, и сильной организации в русской эмиграции. В ре-

зультате Скоблин мог претендовать на некоторое повышение по службе, а это означало его новые возможности для работы на большевиков. В связи с вопросом, что уже через два дня появился новый председатель РОВСа, Кусонский отвечал, что все произошедшее очень болезненно сказалось на организме Союза. Это было тем более неприятно, что предатель оказался «из нашей среды», указывал начальник канцелярии РОВСа.

Кусонскому был задан также вопрос об отправке русских офицеров в Испанию, к генералу Франко. Он отвечал, что это действительно имело место, но до введения французскими властями запрета и закрытия границы с Испанией. Тогда к генералу Франко было отправлено около 30 офицеров. Кусонский указывал, что проводилась также специальная вербовка и отправка русских эмигрантов к красным, но объяснял, что его организация этим не занималась, и поэтому он не знает, сколько офицеров - членов РОВСа выехало в республиканскую Испанию⁵.

В приказе генерала Абрамова, изданном в Софии 29 сентября 1937 года, давалось описание исчезновения генерала Миллера, начатого расследования, подозрений, павших на генерала Скоблина, и исчезновении последнего. В результате «преемственно, согласно установленного генералом Миллером порядка замещения», указывалось в этом документе⁶, в должность председателя РОВСа и вступил генерал Абрамов с оставлением за собой должности начальника III отдела и пребыванием в Софии. Кроме назначения вице-адмирала Кедрова начальником I отдела, других изменений в руководстве произведено не было.

Генерал Абрамов обещал своим сподвижникам прибыть в Париж в октябре, а до этого времени просил генерала Кусонского исполнять обязанности начальника канцелярии и казначея РОВСа. По его прибытии предполагалось решить вопрос о пребывании Кусонского в этих должностях. 30 сентября генерал Абрамов, находясь в Софии, издал свой приказ РОВСу № 2. Ввиду того, что генерал-майору Скоблину было предъявлено тягчайшее обвинение в предательстве, он отчислялся от должности командира Корниловского ударного полка и предавался суду чести генералов при начальнике I отдела РОВСа⁷.

В последующей переписке генерала Кусонского из Парижа с находившимся в Софии Абрамовым содержалась информация о развитии событий во Франции и, в частности, в связи со следствием по делу генерала Скоблина. Кусонский информировал, например, нового председателя РОВСа о расследовании связей Скоблина с генералами Туркулом и Шатиловым. Первый из них не только был вызван на допрос, но дома у него был произведен обыск. Обнаружившееся предательство генерала Скоблина нанесло сильный удар по А.В. Туркулу. Известный публицист и общественный деятель эмиграции Н.А. Цуриков заявил, что тот «бросил Миллера в объятия предателя». Впрочем, парадокс ситуации заключался в том, что если бы не выявилось предательства Скоблина, то Туркул, с его напряженными отношениями с председателем РОВСа, стал бы первым обвиняемым. Что касается генерала Шатилова, то Кусонский писал генералу Абрамову, что какое-либо назначение его (видимо, обсуждался вопрос о назначении Шатилова на какой-то из ответственных постов в РОВСе) немислимо, ибо он рассматривается как ближайший друг Скоблина⁸.

Что касается финансов РОВСа, то после похищения генерала Миллера у Кусонского как казначея Союза оставалось, по его свидетельству, 916 долларов и 169 фунтов стерлингов. Руководитель Финансового комитета в Париже, основанного Земгором и Совещанием русских послов, М.В. Бернацкий ежемесячно переводил ранее генералу Миллеру 950 франков (в том числе 200 - на содержание матери генерала Врангеля баронессы М.Д. Врангель) и обещал передавать эту сумму руководству РОВСа и далее. Кроме того, в Марокко предполагалось получить двумя взносами 40 тысяч франков из общей суммы 80 тысяч, «невывплаченных по злосчастной закладной»⁹. В письме начальника канцелярии I отдела полковника Станиславского генералу Абрамову 16 ноября 1937 года высказывалось предложение попытаться получить деньги в Америке, например, от 4 - 5 богатых людей, может быть даже от американцев (речь шла о ежемесячной субсидии в 400 - 500 долларов). Автор письма добавлял, что такие попытки предпринимались по инициативе генерала Кусонского еще при Миллере¹⁰.

В октябре 1937 года расходы на хозяйственные, канцелярские и прочие расходы с выдачей содержания вице-адмиралу Кедрову составляли 2000 франков. С 1 ноября содержание Кедрова составило 2000 франков, Кусонского и Станиславского - по 1500 франков, поручика Асмолова 500 франков; хозяйственные и канцелярские расходы начальника управления РОВСа и I

отдела составляли 1500 франков; канцелярские расходы управления начальника РОВСа - 500 франков и непредвиденные расходы - 1500 франков. Таким образом, общая сумма ежемесячных расходов составляла 8 тыс. франков. Супруге генерала Миллера было выдано пособие в сумме его трех месячных окладов¹¹.

Вступление генерала Ф.Ф. Абрамова в руководство Русским Обще-Воинским Союзом не вызвало какого-либо энтузиазма в кругах русской военной эмиграции и непосредственно в РОВСе. Дело в том, что как об этом уже шла речь выше, он, являясь заместителем генерала Миллера, в течение целого ряда лет упорно пытался отказаться от этой должности и не рассматривал себя в качестве его преемника в должности руководителя РОВСа. Об этом было хорошо известно в руководящих кругах Русского Обще-Воинского Союза и Российского военного Зарубежья, поэтому вступление генерала Абрамова в должность начальника РОВСа рассматривалось как вынужденная необходимость и не предполагалось, что он займет эту должность всерьез и надолго. В документах той поры он нередко характеризовался как человек медлительный и малоавторитетный в кругах военной эмиграции. Отрицательно сказывались на репутации генерала Абрамова и подозрения в адрес его сына Николая (ранее жившего в СССР и переехавшего к отцу в Софию в 1931 году, работавшего в РОВСе и его «Внутренней линии») в сотрудничестве с советской разведкой. В 1937 году к расследованию подозрений в отношении Н.Ф. Абрамова приступила болгарская полиция, и в начале ноября 1938 года он (вместе с женой) по настоянию полиции вынужден был как нежелательный иностранец покинуть Болгарию и поселился в Париже.

Генерал Абрамов выступал с идеей переноса штаб-квартиры РОВСа в Софию, что вызвало дискуссию в эмиграции, которая разделилась на сторонников и противников этой акции¹². Впрочем, перенос центра РОВСа в Софию с аргументацией, что в период нахождения у власти во Франции правительства Народного фронта возможности деятельности этой организации здесь были весьма ограничены, отнюдь, не означал, что в Болгарии для нее существовали хорошие возможности, должная безопасность и поле деятельности. Здесь также активно действовали коммунисты и не исключены были возможности терактов против РОВСа и его руководства, к осуществлению которых могли быть привлечены и македонцы. Деятельность генерала Абрамова в качестве руководителя РОВСа с территории Болгарии осложнялась тем обстоятельством, что в 1936 году эта страна признала советское правительство и приняла первого советского посла - Ф.Ф. Раскольников. В силу соглашения между СССР и Болгарией руководство последней обязывалось не допускать на своей территории деятельности враждебных Советскому Союзу организаций. Поэтому болгарские власти предложили генералу Абрамову покинуть страну.

В ходе последующих развернувшихся консультаций выяснилось, что официальные власти Болгарии не имеют ничего против его прежней деятельности в качестве начальника III отдела РОВСа, но решительно возражают против превращения Софии в столицу этой организации, что неминуемо должно было привести, по их мнению, к резкой активизации в стране антисоветской деятельности. Заверения генерала Абрамова, что его руководство РОВСом носит чисто номинальный характер и не будет означать перемещения центра Союза в Софию в виде новых учреждений и отдельных лиц, а его деятельность не будет отличаться от прежней, длившейся на протяжении 15 лет, не изменило решения болгарского правительства об оставлении этим генералом Болгарии. Болгарское правительство, ссылаясь на договор о восстановлении дипломатических отношений с СССР, указывало, что, не имея ничего против Абрамова лично, «не может допустить в силу принятых обязательств пребывания на территории Царства возглавления столь неприятельской для большевиков организации». Болгарское правительство настаивало на выполнении его распоряжения «по возможности быстро»¹³. Все это поставило генерала Абрамова перед трудным выбором.

Генерал Кусонский, состоявший с Абрамовым в постоянной переписке, 21 октября 1937 года предлагал ему следующие варианты возможных действий: 1) начальником остается Абрамов с пребыванием в Софии; 2) Абрамов, оставаясь начальником РОВСа, переезжает в Париж (впрочем, автор письма оговаривался, что против этого могут быть как сам Абрамов, так и французы, которые могут не дать ему даже временной визы); 3) передача всей власти вице-адмиралу Кедрову (но сам Кусонский в этом и последующих письмах высказывался против данного варианта); 4) упразднение должности начальника РОВСа и его управления (автор пись-

ма добавлял, что это не пугает его, ибо в дальнейшем можно наладить связь письмами и путем плебисцита высшего командного состава определить какого-либо кандидата на должность начальника Союза); 5) вновь обратиться к генералу Драгомирову¹⁴.

Генерал Абрамов обращался осенью 1937 года с предложением принять должность председателя РОВСа к генералам Барбовичу и Архангельскому, вице-адмиралу Кедрову, капитану I ранга Подгорному, но от всех получил решительный отказ. Тем временем на страницы эмигрантской печати выплеснулась дискуссия о расположении центра Русского Обще-Воинского Союза. Газета «Возрождение» выступила 22 октября с претенциозной статьей, требуя оставления центра РОВСа в Париже. Иной точки зрения придерживалась редакция журнала «Часовой» опубликовавшая 5 ноября две статьи по этому поводу. Она считала нелогичным оставление центрального управления РОВСа в Париже, ибо у власти в стране находилось правительство Народного фронта, которое рассматривало СССР в качестве своего союзника. Журнал напоминал, что именно в столице Франции произошли два страшных злодеяния и были похищены большевиками председатели РОВСа генералы Кутепов и Миллер, поэтому вполне оправдано перенесение центра Союза в другую страну, где он будет в безопасности от «международных гангстеров». В связи с попытками сторонников сохранения центра РОВСа в Париже апеллировать к именам Врангеля и Кутепова «Часовой» напоминал, что Врангель вообще не жил в Париже и не стремился к этому, а Кутепов жил и действовал в антибольшевистской Франции, а сейчас политическая ситуация в стране кардинально изменилась. Поэтому обосновывалась целесообразность перенесения центра РОВСа в Югославию. Давним сторонником переноса центра Союза из Парижа в другую страну выступал и генерал фон Лампе. В своей статье в этом же номере журнала «Часовой» он поддерживал идею переноса, указывая и на то, что генерал Врангель не сожалел, что избрал Брюссель¹⁵.

Осенью 1937 года разгоравшийся на протяжении нескольких лет конфликт между Русским Обще-Воинским Союзом и НТСНП, который в 1936 году стал именоваться «Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения» (НТСНП), приобрел характер скандала, шумных публичных обвинений и выяснения отношений. Дело началось с того, что Белградский центр НТСНП обвинил «Внутреннюю линию» в службе большевикам. 6 октября начальник отдела НТСНП во Франции ВД. Поремский посетил помощника начальника РОВСа и руководителя его I отдела вице-адмирала Кедрова. В доверительной беседе он рассказал о «преступной», по его утверждению, деятельности «Внутренней линии» в РОВСе и внутри других эмигрантских организаций. Вслед за этим Кедров поручил генералу Эрдели и созданной под его руководством «Особой Комиссии» изучить деятельность «Внутренней линии».

9 октября на публичном собрании, организованном НТСНП в Социальном музее (по другим данным, - в Социальном институте) в Париже, прозвучали разоблачительные обвинения в адрес тайного сообщества, именуемого «Внутренней линией» Русского Обще-Воинского Союза. Ей инкриминировалась провокационная деятельность, разложение РОВСа и ряда других эмигрантских организаций и прежде всего НТСНП. В первой части указанного собрания прозвучали доклады, посвященные теории провокации. После перерыва в центре обсуждения оказалась непосредственно «Внутренняя линия» РОВСа и ее провокационная деятельность. С докладом о «Внутренней линии» выступил Б.В. Прянишников, представитель НТСНП в Лионе. Его выступление сопровождалось цитированием документов, в том числе писем, что должно было создать впечатление проведенного документального обследования. Прянишников высказал подозрения о «естественности» смерти генерала Врангеля, а также об истории похищения генерала Кутепова и исчезновения генерала Миллера. Он отнес их в разряд событий, связанных с существованием «тайной организации, возглавляемой генералами». «Еще 6 месяцев назад за такое заявление нас объявили бы провокаторами», - заметил Прянишников. Он сослался на письмо, датированное 11 декабря 1933 года, в котором указывалось на то, что «Внутренняя линия» в теперешней форме существовала еще 6 лет назад на Балканах. В указанном письме она определялась как «организация орденового типа». В документах, по утверждению Прянишникова, она именовалась также «Российским освободительным союзом». В 1931 году центр тяжести «Внутренней линии» переместился в Париж, а во главе ее, как утверждал Прянишников, встал генерал Шатилов, действовавший в ней под псевдонимом Павлов. В числе ее активных деятелей были названы Н.Д. Закржевский, В.А. Ларионов и В.М. Левитский.

Целью «Внутренней линии» было, по утверждению докладчика, стремление «захватить влияние в Русском Обще-Воинском Союзе и в других национальных организациях». От ее участников бралось «честное слово офицера» о неразглашении деятельности этой тайной организации, а в отдельных случаях агентам выдавались специальные удостоверения за подписью Шатилова. Прянишников высказал предположение, что в 20-е годы сотрудники «Внутренней линии» привлекались к работе на Россию. Завершив в 1932 году работу по захвату РОВСа, эта тайная организация с осени 1933 года приступила, по утверждению докладчика, к захвату НТСНП, ведя одновременно пропаганду против генерала Миллера и в кружках «Белой идеи». Специально откомандированные члены РОВСа были направлены для захвата руководства НТСНП в Болгарию и Францию. До 1934 года ни генерал Миллер, ни генерал Лампе, по мнению Прянишникова, не знали о «Внутренней линии», а когда узнали, то председателя РОВСа убедили в том, что она нужна и полезна, и он сам возглавил ее. Прянишниковым было высказано также обвинение, что «Внутренняя линия» руководилась и использовалась советскими агентами, в связи с чем было названо имя генерала Скоблина¹⁶. Более того, учитывая то обстоятельство, что генерал Скоблин возглавлял «Внутреннюю линию» (во Франции) представители НТСНП утверждали, что через нее и РОВС «оказался в руках большевиков»¹⁷.

Названным собранием НТСНП, отнюдь, не исчерпывались факты резких нападок руководителей и членов названной организации на Русский Обще-Воинский Союз и его «Внутреннюю линию». Эта тема стала, в частности, предметом докладов НТСНП в Льеже, Брюсселе и Белграде, а также выступлений на страницах печати.

Осенью 1937 года в эмиграции развернулась страстная дискуссия в связи с обвинениями, выдвинутыми НТСНП в адрес «Внутренней линии» и РОВСа. Были опубликованы, в частности, заявления П.Н. Шатилова, Н.Д. Закржевского, В.М. Левитского и других с опровержением сделанных разоблачений. В. А. Ларионов процитировал письмо генерального секретаря НТСНП Георгиевского от 4 января 1934 года генералу Шатилову (возглавлявшему в то время I отдел РОВСа), в котором тот заявлял, что «если бы не Ваша (т.е. Шатилова - В.Г.) помощь, то во Франции вообще не было бы Союза». Ныне же ситуацию изменилась. «НТСНП, полагая, что РОВС действительно тяжело болен, решил «придушить дядюшку», чтобы воспользоваться на правах родственника кое-каким добришком», - утверждал автор статьи. «Но РОВС еще «не развалился» и найдет внутренние силы, чтобы перенести очередной большевистский удар», - завершал свою статью-отповедь в адрес руководителей НТСНП капитан Ларионов¹⁸.

После того, как Левитский пригрозил привлечь НТСНП к суду за клевету, обвинения были сняты с него и с Ларионова, а в отношении Шатилова и Закржевского сделаны некоторые оговорки. В печати и на собраниях эмигрантов активно развернулась дискуссия вокруг сделанных НТСНП разоблачений. Лишь некоторые члены РОВСа, как например генерал Эрдели, пытавшийся в свое время прекратить деятельность «Внутренней линии» во Франции, поддержали их. «Особая комиссия», возглавляемая им, приступила к расследованию деятельности «Внутренней линии»¹⁹. В то же время большинство рядовых членов и часть руководителей Русского Обще-Воинского Союза стремились как в печати, так и на специальных собраниях опровергнуть обвинения, выдвинутые НТСНП в адрес «Внутренней линии», воспринятые и как обвинения в отношении РОВСа. Известный политический деятель Русского Зарубежья и в прошлом близкий сотрудник генерала Миллера Н.А. Цуриков послал из Праги письмо на имя Исполнительного бюро НТСНП, в котором указывал на статью генерального секретаря этой организации М.А. Георгиевского, опубликованную в № 63 газеты «За Родину», и полученный им (Цуриковым) отрицательный ответ на предложение осудить выступление НТСНП во Франции против РОВСа. В связи с изложенным Цуриков отказывался от звания Почетного Члена НТСНП²⁰.

Начальник РОВСа (и, как уже неоднократно указывалось ранее, один из фактических руководителей «Внутренней линии») генерал Абрамов направил в октябре 1937 года вице-адмиралу Кедрову предписание, чтобы «Особая Комиссия» генерала Эрдели не касалась «осведомительной» или «внутренней линии». Но, судя по всему, сам Кедров был не согласен с этим требованием. Он ознакомил с предписанием начальника РОВСа генерала Кусонского, и уже тот в личном письме на имя Абрамова высказал сомнения в целесообразности его требований. «Комиссия Эрдели послужила клапаном для выпуска паров накаленного котла», - писал Кусонский. - Она уже работает, опросила многих и уже заявила, что в процессе своей работы, вероятно,

столкнется с «Внутренней линией». Не сомневаюсь, что она уже приняла показания о том или ином деятеле «Внутренней линии», например, о Скоблине, и, если дающий показания заикнется о «Внутренней линии», его что приостанавливать, задавался вопросом автор письма, но тогда об этом заговорит весь Париж. Опубликованное заявление Закржевского, по утверждению Кусонского, уже расхолаживает публику, и она начнет успокаиваться, поэтому клапан в виде комиссии Эрдели должен быть открыт. Ссылаясь на свое знание парижской обстановки, генерал Кусонский полагал, что предписание Абрамова Кедрову - опасный шаг, и советовал отказаться от него²¹.

14 ноября 1937 года «Информационный бюллетень IV отдела РОВС» поместил материал под названием «Реванш большевиков», где давалась развернутая характеристика сложившейся ситуации. Речь шла и о действиях большевиков на внешнеполитической арене, их террористической деятельности, новым ярким подтверждением которой стало похищение генерала Миллера. Несмотря на это борьба продолжалась, но и в ней отрицательную роль играла так называемая оппозиция «Его Величества», под которой подразумевалась деятельность НТСНП. Его парижский отдел, а затем организации в Брюсселе и Лионе выступили с обличениями «Внутренней линии», способствуя, по утверждению бюллетеня, дезинформации общественного мнения в демократических странах. Главные обвинения были выдвинуты в адрес белого активизма, ненавистного как западным демократиям, так и всем оппозиционерам. «Поднялась вся муть и грязь эмигрантского дна», - утверждало издание РОВСа. Отношения между РОВСом и НТСНП выворачивались, по его мнению, наизнанку, что было только к радости большевиков и их пособников, обвинения же «Внутренней линии», а через его голову РОВСу, наносили большой ущерб для Русского Дела.

В центре внимания в вышеназванной статье была деятельность «Внутренней линии». Она была учреждена, по утверждению «Информационного бюллетеня», еще генералом Кутеповым с целью бороться с проникновением внутрь РОВСа и на пути его работы большевиков и провокаторов и существовала фактически в I и III отделах Союза. «Каждая действенная активная организация для своей охраны от большевиков имеет под тем или иным названием свою внутреннюю линию», - подчеркивалось в статье. В указанных отделах РОВСа «внутренние линии» были основаны на началах децентрализации, а их начальники были в курсе проводимой работы. В статье указывалось, что генерал Скоблин был начальником этой линии в I отделе, а не всей линии, с осени 1935 до декабря 1936 года. Но при этом авторы статьи доказывали, что несмотря на естественное стремление большевиков проникнуть во «Внутреннюю линию» и вероятное (несомненное) проникновение некоторых их агентов в эту организацию, это не означало (при существовавшей системе децентрализации), что они проникали во все ее секреты и направляли ее работу. К работе во «Внутренней линии» привлеклись, по утверждению бюллетеня, очень достойные офицеры, всегда готовые жертвенно служить делу борьбы с советской властью, и проникновение предателя Скоблина не давало права утверждать, что все обслуживающие эту организацию лица были предателями. Целью «Внутренней линии» по сути была контрразведка, указывалось в статье, и отвергалось обвинение НТСНП в ее участии в похищении вождей РОВСа для поднятия престижа этой «умирающей» организации и для того, чтобы уронить подобным способом престиж «соседней» организации (т.е. НТСНП). В заключении публикуемой статьи содержался призыв к читателям - сторонникам Белой борьбы, сплотиться вокруг своих начальников и сохранить доверие к себе²².

17 ноября 1937 года начальник IV отдела РОВСа генерал Барбович утвердил решение Совета объединенных офицерских обществ о взаимоотношениях с НТСНП. В нем отвергались подозрения, что РОВС стремится подчинить эту организацию себе, а также обвинения в покушениях на жизнь ее руководителей, а с другой стороны, отклонялись и обвинения в адрес лиц, выполнявших особые задания. В итоге генерал Барбович предложил чинам РОВСа, состоящим одновременно в НТСНП, сделать определенный выбор между двумя этими организациями для устранения недоразумений. Чинам РОВСа предписывалось выйти из комитетов содействия, осуществлявших сбор средств для НТСНП²³. Поистине между этими двумя организациями явно пробежала, образно говоря, уже не черная кошка, а существо, неизмеримо больших размеров. Споры и конфликты, которые приобрели характер скандала, перерастали по существу в разрыв отношений.

С протестом против нападков НТСНП в отношении РОВСа выступил и ряд близких последнему эмигрантских организаций. Например, организация «Белая идея» опубликовала документ под названием «Где ГПУ», в котором поместила выдержки из так называемого «Курса общетехнической подготовки НТСНП». В этом инструктивном документе содержались указания членам НТСНП о разложении других организаций и о том, как это необходимо делать: проникновение к организации, роспуск слухов и т.п. Все это обрекало русскую эмигрантскую молодежь на грустную участь. По мнению руководителей организации «Белая идея», целью выступления НТСНП было не разоблачение, а сведение личных счетов; не очистка рядов от провокаторов, а внесение розни в ряды национальных организаций; не служение идее Национальной Революции, а самореклама; не борьба с большевиками, а борьба с РОВСом. Руководителей и членов НТСНП призывали встать на честную дорогу и начать подлинную борьбу за Россию²⁴.

Завершался трудный и трагический для РОВСа 1937 год, но тема его взаимоотношений с НТСНП по-прежнему занимала важное место в деятельности отделов и организаций Союза. 18 декабря исполняющий обязанности начальника I отдела РОВСа генерал Витковский направил специальный циркуляр по этому поводу начальникам и председателям воинских организаций. Констатируя, что за последние два месяца к нему поступают с мест многочисленные письменные заявления об обострении взаимоотношений между местными организациями РОВСа и НТСНП, генерал Витковский изложил свои письменные указания. Они сводились к следующим: 1) чинам I отдела РОВСа запрещалось состоять в составе НТСНП и Комитета содействия этому Союзу; чины, желающие сохранить такую связь, должны были подать рапорты о выходе из РОВСа; 2) обратный прием подобных лиц в РОВС был возможен только с особого разрешения начальника I отдела; 3) отмена этого распоряжения могла быть произведена специальным распоряжением начальника I отдела только в том случае, если руководители НТСНП откажутся от своей нынешней тактики по отношению к РОВСу²⁵.

28 февраля 1938 года генерал Эрдели представил Витковскому выводы Особой Комиссии по делу Скоблина, которые были объявлены в приказе начальника I отдела от 1 марта того же года. О них уже шла речь в нашей книге. Напомним лишь, касаясь «Внутренней линии», что она была признана непричастной к похищению генерала Миллера. Кстати, в представленных материалах Особой Комиссии указывалось, что в составе «Внутренней линии» работало не более 30 чел. Вместе с тем, в выводах Особой Комиссии была осуждена ее деятельность и действия ее руководителей (генерала Шатилова, капитанов Фосса и Закржевского). Высказывалось сожаление по поводу того покровительства, которое оказывало их деятельности командование. Указывалось, что «Внутренняя линия» внедрилась в Русский Обще-Воинский Союз, т.е. в воинское объединение, построенное по принципам воинского подчинения, «в виде некоей тайной силы», которая «образовала у себя независимую от местных начальников РОВСа линию подчиненности, во главе с особым центром, ускользавшим от влияния возглавителя РОВСа», и являлась орудием интриг и личных честолюбивых целей. Это привело к ущербу для РОВСа и его руководителя. Работа во «Внутренней линии» отравляющим образом повлияла на некоторых ее участников. Комиссия признала, что благодаря деятельности «Внутренней линии» «вокруг главы РОВСа генерала Миллера искусственно создавалась атмосфера пустоты и общего недоброжелательства, невольно толкнувшая ближе к Скоблину, искавшим войти в его доверие». В итоге, польза, ожидавшаяся при создании «Внутренней линии», оказалась невелика. Члены Особой Комиссии пришли к единодушному выводу, что «Внутренняя линия» «должна быть упразднена». Специальный пятый параграф приказа генерала Витковского от 1 марта 1938 года звучал следующим образом: «В дополнение к ранее уже имевшим место указаниям -ныне приказываю, так называемую «Внутреннюю Линию» упразднить и всякую деятельность по этой линии прекратить»²⁶.

Тем не менее, дискуссия о «Внутренней линии» продолжалась. Журнал «Галлиполийский Вестник», например, излагая основные выводы «Особой Комиссии», подчеркнул, что к похищению генерала Миллера она непричастна, «и изображение ее деятельности, как это было представлено в общественных докладах в Париже и других городах Франции и Бельгии является резким искажением действительности»²⁷. Заметим в связи с вышеизложенным, что генерал Абрамов учредил собственную комиссию по обследованию деятельности «Внутренней линии». Она не нашла ничего предосудительного в деятельности этой организации²⁸. Поэтому, несмотря

на все трудности, эта организация продолжала свою деятельность в Русском Обще-Воинском Союзе.

Развитие событий в РОВСе после нанесенного ему тяжелого удара внимательно отслеживалось и анализировалось чекистами. Дней через десять после исчезновения генерала Миллера С.Н. Третьяков доложил своему куратору из советской резидентуры в Париже - «Николаю» о состоявшемся у него разговоре с вице-адмиралом Кедровым, который сказал, что лишь временно принял на себя обязанности начальника I отдела РОВСа. Он очень тяготился этими обязанностями, и главная причина нежелания исполнять их заключалась в том, что у Русского Обще-Воинского Союза нет денег. Миллер, по утверждению Кедрова, оставил почти пустую кассу - не более 30 тысяч франков. У сотрудников советской разведки было подозрение, что Кедрова обманывают с тем, чтобы уменьшить его личные претензии «к оставшемуся ломтю общественного пирога». Но вскоре им удалось узнать, что в откровенной беседе с сотрудником управления РОВСа поручиком Асмоловым полковник Станиславский, принявший у генерала Кусонского всю кассу и счетоводство, заявил, что средств у главного командования хватит лишь на пять месяцев. Подслушивающая аппаратура в штаб-квартире РОВСа продолжала активно использоваться. Третьяков записывал и регулярно передавал своему куратору разговоры, происходившие в управлении РОВСа. По заявлению последнего: «Они свидетельствовали, что РОВС находится в тяжелейшем кризисе, из которого вряд ли выйдет. Мы разрушили РОВС»²⁹.

Осенью 1937 года представители эмиграции в Париже неоднократно контактировали с министерством иностранных дел и влиятельными французскими политиками в отношении предоставления визы на въезд во Францию генерала Абрамова. Но материалы переписки Кусонского с Абрамовым свидетельствуют, что французские власти не спешили решать этот вопрос. 14 ноября, например, Кусонский писал в Софию о состоявшейся беседе Маклакова, бывшего посла России во Франции и председателя Русского эмигрантского комитета в Париже, с министром колоний Франции Мутэ, который, по его утверждению, благожелательно относился к русским. «С твоей визой продолжают тянуть, и в этом может помочь только время», - писал Кусонский. Он сообщал также, что предстоит высылка из Франции немалого числа русских, замешанных в последних событиях и косвенно к ним причастных. Речь шла об убийстве И. Рейсса, похищении генерала Миллера, а также о лицах, подозреваемых в связях с Берлином и симпатизировавших Франко. «Отношение правительства (Франции - В.Г.) к РОВСу скорее доброжелательное», - успокаивал, вместе с тем, генерала Абрамова автор письма³⁰.

Тем временем генерал Абрамов и руководящие деятели РОВСа активно обсуждали вопрос о возможных кандидатах на должность заместителя начальника Союза. В переписке генералов Абрамова, Лампе, Кусонского, Чекотовского в октябре-декабре 1937 года, например, активно обсуждалась кандидатура генерала А.П. Архангельского. Генерал Кусонский, давая в письме Абрамову хорошую аттестацию Архангельскому, указывал, вместе с тем, на полное отсутствие у него способностей командовать и приказывать. Генерал Чекотовский, в свою очередь, писал Абрамову, что Архангельского не знают многие «в массах», но те, кто знает, признают его, как «лицо к нам давно стоящее, в течение многих лет», и его кандидатура вызывает «почти полное удовлетворение»³¹.

15 ноября 1937 года генерал Абрамов обратился с письмом к бывшему профессору Николаевской академии Генерального штаба генералу А.А. Гулевичу с предложением возглавить Русский Обще-Воинский Союз. В письме Абрамова генерал Гулевич именовался «старейшим и авторитетным из начальников в РОВС». Автор письма добавлял, что его согласие будет положительно воспринято начальниками отделов Союза. Абрамов просил Гулевича вступить в должность председателя РОВСа с 1 декабря 1937 года. 22 ноября генерал Гулевич телеграфировал свое согласие и указал на желательность немедленного объявления по телеграфу о его вступлении в должность. В тот же день Гулевич отправил письмо Абрамову, в котором, по его последующему утверждению, не указывал каких-либо условий вступления в должность председателя РОВСа. Но когда его посетил по поручению Абрамова генерал Кусонский, Гулевич заметил, что он поставит известные условия и тогда окончательно даст положительный ответ. Об этом Кусонский и уведомил Абрамова письмом от 19 ноября. В ответ генерал Абрамов направил Гулевичу письмо, датированное 24 ноября, в котором выражал желание ознакомиться с сущностью означенных условий. Генерал Гулевич ответил, что будет по вступлении в долж-

ность считать себя обладателем всей полноты власти и действовать по долгу совести во имя РОВСа и Родины. Какие-либо ограничения власти при ее восприятии он считал неприемлемым. «В частности, доведу до Вашего сведения, - писал Гулевич Абрамову, - что, вступив в должность, я предполагаю упразднить так называемую «внутреннюю линию» и назначить Комиссию для приема денежной отчетности и сумм РОВСа».

Но генерал Абрамов всемерно покровительствовал деятельности «Внутренней линии», и желание генерала Гулевича ликвидировать ее его не устраивало. 27 ноября Абрамов письменно информировал Гулевича, что окончательное решение о его назначении задерживается в связи с необходимостью сношений с начальниками отделов, так как «верховная» власть никогда не была абсолютной и ограничивалась всегда согласием последних. «При первом обращении к Вам и последующих ответах - я действую не единолично, а по соглашению с ближайшими начальниками», - указывал генерал Абрамов. Он обещал выяснить вопрос в течение 7 - Юдней³².

Генерал Абрамов приступил к консультациям с начальниками отделов и рядом авторитетных деятелей РОВСа. Анализ документов их переписки свидетельствует о том, что и Абрамов, и его коллеги считали условия генерала Гулевича неприемлемыми и несоответствующими установленному порядку отношений. Сам Абрамов подозревал, в частности, что Гулевич действует так в силу советов вице-адмирала Кедрова. Генерал Кусонский в письме Абрамову сообщил, что при Гулевиче, в качестве председателя РОВСа, именно Кедров планируется быть его первым помощником. Касаясь перспектив председательства РОВСа, Кусонский предлагал следующую последовательность действий: 1) самому Абрамову остаться председателем Союза, находясь в Софии, если это невозможно, то 2) Абрамову переехать в Белград или Брюссель, если нет, то 3) убедить генерала Драгомирова, что долг перед РОВСом требует принятия им этой должности, ибо положение безвыходное; 4) предложить эту должность Стогову или Архангельскому без предъявления каких-либо условий³³.

Так или иначе, но переговоры Абрамова с Гулевичем зашли в тупик. 28 декабря 1937 года генерал Гулевич направил Абрамову письмо, в котором, кратко излагая историю их взаимоотношений, заявил, что прошло уже полтора месяца, а вопрос остается открытым. «Не входя в рассмотрение причин, вызывающих столь вредные для пользы дела промедления, я признаю своевременным заявить, - писал Гулевич, - что считаю себя освобожденным от принятых 15 ноября обязательств по отношению ко мне Вас лично и начальников отделов». Вслед за этим он проинформировал о состоявшихся переговорах газету «Возрождение», и эта тема выплеснулась в эмигрантскую печать³⁴.

Тем временем в системе управления Русским Обще-Воинским Союзом был осуществлен ряд организационных решений. С 1 ноября 1937 года князь СЕ. Трубецкой был освобожден от обязанностей начальника информационного отделения РОВСа «в связи с сокращением штатов». Это мотивировалось, в свою очередь, иссяканием казны Главного Командования и падением поступлений в Фонд Спасения России. Сдав отчет, передав остаток средств информационного отделения генералу Кусонскому и получив выходное пособие в 2400 франков, а также 1500 франков из средств Фонда Спасения России, князь Трубецкой окончил свою штатную деятельность в Русском Обще-Воинском Союзе. Генерал Абрамов выразил ему благодарность за 14 лет сотрудничества с руководством РОВСа на пользу Союза. В письме начальника РОВСа князю Трубецкому от 6 ноября сообщалось, что в ближайшее время весь I отдел и Управление начальника РОВСа перейдут на добровольно-бесплатное обслуживание своих организаций, и это становится общим уделом Русского Обще-Воинского Союза³⁵.

19 ноября 1937 года генерал Кусонский с известным беспокойством писал генералу Абрамову в Софию, что долгое отсутствие начальника вызывает некоторое волнение. Тем более, не секрет, заметил он, что пребывание Кедрова в должности начальника I отдела РОВСа является не только временным, но и очень недолговечным. Начальник канцелярии этого отдела полковник Станиславский называл в качестве возможных кандидатур на эту должность генералов Чекотовского, Стогова и Витковского. По его мнению, назначение последнего было бы наиболее справедливым с точки зрения старшинства. 21 ноября вице-адмирал Кедров был освобожден генералом Абрамовым от исполнения должности начальника I отдела и помощника начальника Союза, как это следовало из приказа, «по его личному ходатайству». Ему была объявлена благодарность за проделанную работу. Временно исполняющим обязанности начальника I отдела

стал генерал Витковский. 2 марта 1938 года он был назначен начальником этого отдела на постоянной основе. Начальником канцелярии при нем стал полковник Мацьлев. 1 января 1938 года подотдел в Чехословакии был приказом генерала Абрамова переименован в VI отдел РОВСа, а его начальником был назначен капитан I ранга Подгорный³⁶.

Непростая ситуация сложилась с подотделом РОВСа в Финляндии. Об этом подробно рассказывал генерал Кусонский в письме Абрамову 10 ноября 1937 года. Уже более года, как подотдел в Финляндии был изъят из подчинения начальнику I отдела и передан в непосредственное подчинение начальнику РОВСа. Летом 1937 года начальнику этого подотдела генералу от инфантерии В.А. Альфтани было дано предписание сдать дела полковнику М.Н. Архипову. Но после похищения генерала Миллера этот вопрос остался открытым. Генерал Кусонский был убежден в необходимости замены генерала Альфтана, аргументируя этот тем, что с он не откликается на запросы молодых, критикует их планы и желания, не симпатизирует генералу Добровольскому, косится на его лекции, посвященные фашизму, и издаваемый им журнал «Клич». Он - «очень порядочный, твердый, но неуживчивый и ворчливый старик», - завершал генерал Кусонский характеристику Альфтана, добавляя, что вместе с генералом Миллером был склонен к его освобождению от дел.

Лучшим кандидатом на должность начальника подотдела РОВСа в Финляндии Кусонский считал вышеупомянутого полковника Архипова, своего приятеля и однокашника по Академии Генерального штаба, который еще до Альфтана был представителем РОВСа в Финляндии и возглавлял деятельность Союза в этой стране. Но затем он попросил освободить его от этой должности, и последние годы стоял в стороне, был инертен. Именно к Архипову с предложением вновь возглавить РОВС в Финляндии обращался летом 1937 года генерал Миллер. Немаловажным обстоятельством в его пользу было то, что он и генерал Добровольский были женаты на сестрах, близки между собой и предполагалось, что будут работать вместе и дружно. Добавим, что в период Гражданской войны в России они оба служили в Северной области.

Среди других возможных кандидатов на руководство подотделом РОВСа в Финляндии Кусонским были названы полковник Фену и капитан Шульгин (но если бы выбор пал на последнего, то тогда автор письма считал целесообразным преобразовать подотдел в отделение)³⁷. Забегая вперед, заметим, что официальное освобождение генерала Альфтана состоялось лишь 12 ноября 1938 года, а его преемником в качестве начальника подотдела РОВСа в Финляндии стал капитан Шульгин.

К осени 1937 - зиме 1938 года относится имеющаяся в нашем распоряжении переписка генералов Абрамова, Кусонского и Головина, связанная с деятельностью и оплатой услуг последнего. Н.Н. Головин осуществлял научное, учебное и административное руководство Зарубежными Высшими военно-научными курсами, а также занимался написанием истории Первой мировой войны на Русском Фронте и был подчинен непосредственно председателю РОВСа при Кутепове и Миллере. Генерал Абрамов обещал сохранить финансирование его деятельности и выдаче через М.В. Бернацкого 500 франков в месяц, но генерал Кусонский был противником этого, убеждая начальника РОВСа, что генерал Головин и так живет богаче «нас с тобою»³⁸.

21 декабря генерал Кусонский направляет письменную благодарность генералу Абрамову за продление своего пребывания в должности до нового года. 8 дней спустя, 29 декабря он же разослал циркуляр начальникам отделов и подотделов Русского Обще-Воинского Союза, извещавший, что предписанием председателя РОВСа от 23 декабря освобожден от занимаемой должности начальник военной канцелярии с 1 января 1938 года. Кусонский информировал также, что он уже сдал бумаги и деньги казначею Фонда Спасения Родины В.В. Попову. В циркуляре сообщалось, что до сих пор неизвестно, кто будет начальником РОВСа и будет ли у него начальник штаба и канцелярия. Всю служебную переписку предписывалось направлять на адрес генерала Абрамова, а денежные вопросы и расчеты решать с В.В. Поповым. Генерал Кусонский выражал благодарность начальникам отделов и подотделов РОВСа за сотрудничество, а также за сочувствие и моральную поддержку в течение последних трех месяцев, подчеркивая, что до этого не возникало ни малейших недоразумений³⁹.

Заметим, что перипетии происходивших в РОВСе событий становились, известны советской разведке, благодаря подслушивающей аппаратуре, установленной в штаб-квартире РОВСа в Париже. В одном из донесений Третьяков сообщал о встрече и разговоре генерала Ку-

сонского и Попова: «Тон секретаря фонда «Спасения Родины» сильно изменился: раньше он был почтительным, теперь же скорее снисходительно-подозрительный. Кусонский заявляет, что ему причитается трехмесячное вознаграждение за ревностную и многолетнюю работу в РОВСе. Он хотел бы получить свое выходное пособие в долларах. Попов кисло заявляет, что по этому поводу он поговорит с начальством. Попов уходит. Кусонский печатает на машинке». В этом же донесении Третьяков сообщает о встрече и разговоре вице-адмирала Кедрова и генерала Кусонского, состоявшемся на следующий день: «Отпустивши Попова, адмирал Кедров прошел в кабинет к Кусонскому, расхаживает по комнате и громко разговаривает начальническим тоном. Кедров негодует, что его обвиняют в том, что он струсил и отказался принять на себя председательство в РОВС. Адмирал просит помнить, что он морской офицер, и ему не подобает возглавлять чисто армейскую организацию. Кроме того, он вовсе не хочет принимать на себя ответственность за организацию накануне финансового краха. Если уж кого следует обвинять в трусости, так это генерала Абрамова, который прекрасно мог бы управлять, если не из Болгарии, так из Сербии. Почему не обвиняют в трусости Барбовича, который в свое время отказался от должности первого заместителя Миллера по вовсе уже неизвестным причинам? Кедров уходит из кабинета Кусонского и вызывает к себе Станиславского, но тот еще не готов к докладу и просит его отложить до завтрашнего дня. Адмирал доволен. Он отпускает секретаря 1-го отдела. Работает молча около пятнадцати минут. В 1 час 40 мин. покидает штаб»³⁰.

Тем временем руководство РОВСа пыталось использовать любой подходящий повод и дату для поднятия боевого духа Союза. Генерал Лампе, например, издал 1 ноября 1937 года приказ в связи с 20-летием начала борьбы и белого фронта. 11 ноября этой же дате был посвящен специальный приказ начальника РОВСа генерала Абрамова. 28 ноября военные организации по инициативе РОВСа провели торжественное собрание в Париже, посвященное 20-летию Белой борьбы. Помимо РОВСа и десяти его организаций в празднике приняли участие еще 16 эмигрантских организаций. Участие в праздничном собрании в Париже приняли вице-адмирал Кедров, генералы Эрдели и Стогов, выступившие с докладами на юбилейном торжестве, и др.³¹

28 декабря, в канун Нового года, генерал Абрамов издал приказ РОВСу № 78. Указывая на то, что 1937 год был трудным для РОВСа (трагическая гибель генерала Миллера, утрата командиров двух доблестнейших полков - генералов Скоблина и Пешни, покушение на целостность Союза), начальник Русского Обще-Воинского Союза призывал к верности до конца своему долгу перед Родиной и выражал веру в ее скорое воскрешение³².

Сложившаяся ситуация в Русском Обще-Воинском Союзе оставалась предметом острых дискуссий и различных высказываемых суждений в эмиграции. 30 декабря, в канун наступающего Нового года, начальник I отдела генерал Витковский направил письмо издателю парижской газеты «Возрождение» А.О. Гукасову, по поводу опубликованной в ней (№4111) статьи «В Русском Обще-Воинском Союзе». По мнению генерала, общий наставительно-менторский тон статьи не отвечал достоинству РОВСа и являлся ошибочным со стороны газеты. Автор письма указывал на то, что неверность излагаемых фактов является чрезвычайно прискорбной, а на этом основании делаются абсолютно необоснованные и даже тенденциозные выводы. Витковский доказывал ошибочность утверждения газеты, что в течение трех месяцев РОВС, якобы, является обезглавленным. Генерал Абрамов стоял во главе Союза, и хотя болгарские власти выступали против пребывания главы РОВСа там, но не препятствовали в исполнении этих обязанностей до передачи преемнику. Генерал Витковский стремился доказать вымысел утверждений «Возрождения» об имевших, якобы, место интригах в отношении вице-адмирала Кедрова и генерала Гулевича. Задержка в назначении преемника генерала Абрамова обусловлена, по утверждению автора письма, целым рядом причин и условий, и это требует особой выдержки и спокойствия³³.

Тем временем генерал Абрамов вновь обратился к генералу Драгомирову с просьбой возглавить РОВС. Тот высказал предварительное согласие, но при условии перенесения центра РОВСа в Белград, в связи с чем обратился с запросом к правительству Югославии. Но в это же время, генерал Абрамов вторично написал в Брюссель генералу Архангельскому, прося его принять должность руководителя РОВСа, если откажется генерал Драгомиров.

5 января 1938 года генерал Абрамов направил письмо начальнику 2-го Североамериканского отдела РОВСа генералу Имнадзе, в котором благодарил его за 20 присланных экземпля-

ров брошюры «Генерал Е.К. Миллер» и выражал благодарность генералу Ионову, начальнику канадского отдела Союза, за достойное чествование бывшего председателя РОВСа, похищенного большевиками. В этом же письме Абрамов рассказывал о своих попытках найти преемника в качестве начальника РОВСа. Он признавался, что условия, выдвинутые генералом Гулевиным, заставили его вновь обратиться к генералу Драгомирову. Но это зависит от разрешения югославского правительства на перенос центра РОВСа в Белград, и ожидание тянется с 2 декабря 1937 года. Если бы Драгомиров дал согласие, то, по словам Абрамова, кандидатура генерала Гулевича отпала бы сама собой, а он (Абрамов) остался бы во главе III отдела в Софии. Все изложенное - строго конфиденциально, предупреждал Абрамов Имнадзе, иначе будут распространяться небывицы³⁴.

Комментируя ситуацию в руководстве РОВСа, журнал «Часовой» 10 января 1938 года информировал читателей о том, что стало известно о принятом генералом Абрамове решении уйти по частным обстоятельствам в отставку с должности председателя Русского Обще-Воинского Союза. Этот пост предлагался заслуженному профессору Военной академии генералу Гулевичу, и тот согласился, но затем что-то произошло. Решения предстоит ждать в ближайшее время, - сообщал «Часовой»³⁵. Заметим, впрочем, что кандидатура генерала Гулевича, отнюдь, не вызывала единодушного приятия в эмиграции³⁶.

22 февраля 1938 года военная эмиграция широко отметила 20-летие Первого Кубанского (Ледяного) Похода, чему был, в частности, посвящен и специальный номер «Первопоходника».

Генералом Абрамовым тем временем был произведен целый ряд новых назначений на руководящие должности. 9 февраля 1938 года командиром Корниловского ударного полка (которым ранее командовал генерал Скоблин) был назначен полковник И.М. Кондратьев, проживавший в городе Бургасе, Болгария. Последний поспешил обратиться ко всем корниловцам, утерявшим связь с полком, с просьбой восстановить таковую, указав свой болгарский адрес³⁷.

По утверждению В.Н. Буткова, в 30-е годы молодого члена РОВСа в Болгарии, а в конце 90-х годов - председателя этого Союза, генерал Абрамов, стремясь сконцентрировать военное руководство вокруг себя в Болгарии, произвел и целый ряд других назначений на руководящие должности лиц, проживавших в Болгарии. Командиром Марковского полка (вместо умершего в декабре 1937 года М.А. Пешни) был назначен генерал-майор Жданов, а командиром Дроздовского полка - генерал-майор Бредов (младший). Оба они жили в Софии. По данным того же Буткова, вместо генерала Витковского, жившего в Париже, командиром 1-го армейского корпуса был назначен бывший командир Алексеевского полка генерал-майор М.М. Зинкевич, а командиром указанного полка стал его бывший помощник и заместитель генерал-майор Ангелеев; на должность начальника штаба РОВСа был назначен полковник Ясевич. Генерал Абрамов, якобы, назначил и возглавляющих артиллерийские, технические, бронетанковые и саперные части. Впрочем, представляется, что не все данные, приводимые капитаном Бутковым, являются выверенными и точными³⁸.

В эмиграции и ее печатных органах тем временем продолжалась дискуссия о состоянии и перспективах РОВСа. 10 марта 1938 года в № 208 журнала «Часовой» была, например, помещена передовая статья под названием «Сохраним Русский Обще-Воинский Союз!» с подзаголовком «Необходимо Военное Сопещание». В ней был опубликован и приказ № 5 начальника I отдела генерала Витковского от 1 марта 1938 года о результатах деятельности Особой Комиссии по делу генерала Скоблина, о котором уже говорилось ранее. Статья начиналась с выражения глубокого удовлетворения в связи с «доброй и честной работой» Особой Комиссии и приказом генерала Витковского, который именовался начальником, не побоявшимся правды, и высказывалась убежденность, что он войдет в историю русской эмиграции «как достойный и мужественный руководитель в момент недоверия, разочарования и апатии».

В этой статье указывалось, что еще в 1934 году было ясно, что Русский Обще-Воинский Союз переживает тяжелый кризис: от него отходили люди, значительные средства, которыми он располагал, быстро таяли, руководители не считались с мнениями членов Союза. Напоминалось, что тогда журнал «Часовой» выступил со статьей об этом (№ 128), призывая, в частности, к созыву Военного Сопещания, но в результате редакцию журнала объявили чуть ли не врагом РОВСа. Сейчас, редакция вновь ставила вопрос о созыве Военного Сопещания для разрешения

сложившегося глубокого кризиса. Она считала действия генерала Абрамова на посту председателя РОВСа неудачными, тем более, что именно он покровительствовал «Внутренней линии».

В статье «Часового» сообщалось, что сам генерал Абрамов уже обращался к генералу Гулевичу, одному из самых авторитетных генералов, о передаче тому руководства Русским Обще-Воинским Союзом. Тот после переговоров с рядом видных военачальников высказал согласие в направленной телеграмме, а генералу Кусонскому сообщил, что, вступив в руководство РОВСом, распустит «Внутреннюю линию» и назначит приемную комиссию по проверке средств Союза (если в начале 1930 года РОВС располагал 7,5 млн. франков, то в настоящее время - 20-30 тыс. франков, и никакой формальной отчетности не существует). Он считал, что нельзя исключать из РОВСа за неуплату членских взносов, но в то же время не подвергать контролю руководителей Союза. Необходимо реорганизовать фонд имени Великого Князя Николая Николаевича, чтобы он отныне служил для сохранения организации. Ни один член РОВСа не должен был, по мнению Гулевича, уклоняться от членских взносов, но при этом знать, что руководители организации решили сохранить ее до конца. Генерал Гулевич высказал и ряд других пожеланий: восстановление в рядах РОВСа традиций Российской Императорской армии, чтобы чувство ответственности прививалось всем без исключения членам Союза. Он предлагал пересмотреть внутреннюю структуру РОВСа: соединить мелкие воинские части, сократить число начальников; сделать так, чтобы каждый офицер, входящий в РОВС, чувствовал себя равным членом его. Важней задачей являлось привлечь к себе молодежи, ввести для нее занятия, дать ей работу. Но после заявления генерала Гулевича и особенно в части роспуска «Внутренней линии» и наведения порядка в финансовых документах и отчетности, Абрамов вообще перестал писать Гулевичу, чем поставил того в очень сложное положение. После этого Абрамов вступил в переговоры с генералом, назначение которого, по мнению редакции журнала «Часовой», вызвало бы в РОВСе недоумение и, весьма возможно, и новый раскол.

Редакция «Часового» считала, что именно Военное Собрание и новое руководство Русского Обще-Воинского Союза смогут оздоровить деятельность Союза и сохранить его. Для решения вопроса о достойном возглавителе РОВСа и предстояло созвать Военное собрание. В его состав предлагалось привлечь Членов Российского Императорского Дома великих князей Бориса Владимировича и Андрея Владимировича, а также еще трех князей и большой группы авторитетных старших офицеров (в общей сложности было названо 45 имен) - руководителей отделов РОВСа, генералов и полковников.

По мнению редакции журнала, перед РОВСом было два пути: 1) превратиться окончательно в союз некоторого количества бывших участников гражданской войны, и тогда совершенно безразлично, кто будет его председателем, и эта статья теряет силу; 2) сплотить в своих рядах все Русское Воинство Зарубежом, а это можно сделать только перейдя от политики «закрытых дверей» к широкому объединению вокруг себя военных организаций. Но тогда судьбы РОВСа должны решать не 3 - 4 человека, а авторитетные представители всех воинских организаций, близких к идее Союза. «Сохранить РОВС как большую национальную силу - наш общий долг», - призывала редакция журнала³⁹.

Этот материал, опубликованный журналом «Часовой», вызвал страстную дискуссию в эмиграции и прежде всего среди военнослужащих. Со специальным письмом к редактору журнала «Часовой» обратился генерал Витковский. Указывая, что «Часовой» - независимый орган, ничем не связанный с РОВСом, начальник I отдела, тем не менее, подчеркнул другое, а именно то обстоятельство, что его редактор (В.В. Орехов) много лет состоит в рядах Союза. «А это обязало Вас воздержаться от одобрения или порицания моих действий как Вашего Начальника», - писал генерал Витковский. Кроме того, вся указанная статья и содержащаяся в ней идея Военного Собрания, по мнению начальника I отдела, ни по своему содержанию, ни по форме не могла способствовать укреплению Русского Обще-Воинского Союза. Это письмо Витковского, адресованное журналу «Часовой», было опубликовано в «Галлиполийском Вестнике»⁴⁰.

Названная статья в журнале «Часовой» была осуждена и в специальном письменном циркуляре (№82 от 18 марта 1938 года) начальника VI отдела капитана I ранга Подгорного, адресованном начальникам и председателям организаций этого отдела. Это выступление было названо самым тягостным «дружеским» ударом в спину в ряду тех средств, которыми сочли нужным «спасать» Союз его так называемые «друзья» после похищения генерала Миллера. Началь-

ник VI отдела осуждал журнал за то, что он фактически главным виновником всех бед считал генерала Миллера. По мнению Подгорного, этот генерал всегда говорил подчиненным самую горькую правду, но как старый и опытный командующий не спешил открывать перед врагом слабые стороны своей армии и не давал случая их испытать. Подгорный называл оскорблением для офицера обвинение в расходовании казенных сумм без отчетности. В связи с этим начальник VI отдела приводил иные примеры, свидетельствующие о личной скромности и непритязательности генерала Миллера. Тот специально и вынужденно ездил на службу в метро рано утром с рабочими по удешевленным тарифам. Подгорный приводил и свидетельство И. Солоневича, вспоминаявшего как он был поражен и огорчен во время приема его Миллером, увидев, что его брюки на видном месте были тщательно заштопаны. Генерал Гулевич, указывал Подгорный, не смог бы произвести обещанной проверки финансовой отчетности РОВСа, т.к. все документы были изъяты французской полицией.

Начальник VI отдела РОВСа осуждал нападки «Часового» на генерала Абрамова как, якобы, «старого и несомненного покровителя» «Внутренней линии» и брал его под защиту. К тому же, капитан I ранга ссылаясь на то, что в приказе генерала Витковского о результатах работы «Особой Комиссии» генерала Эрдели указывалось, что в составе «Внутренней линии» было не более 30 чел., большинство из которых «осталось духовно здоровыми». Подгорный осуждал основные предложения журнала «Часовой» (и в том числе о созыве «Военного Сопровождения»), утверждая, что они льют воду на мельницу врага и способствуют разложению РОВСа. Указанную статью «Часового» «нельзя читать без скорби и возмущения»⁴¹, - так завершал свою статью один из руководящих деятелей Русского Обще-Воинского Союза.

Тем временем нападки на РОВС продолжались. Своим главным противником «слева» (не говоря, разумеется, о коммунистических организациях), руководство Союза по-прежнему считало П.Н. Миллюкова и его газету «Последние Новости», не упускавшую ни одного случая, чтобы не уколоть РОВС и его руководство. Атаки против РОВСа велись и со стороны целого ряда правых и профашистских эмигрантских организаций, в том числе объединявших в своих рядах бывших военнослужащих. Среди них был по-прежнему «Русский Национальный Союз Участников Войны» генерала Туркула. 15 марта 1938 года издаваемая РНСУВ газета «Сигнал» в своей передовой статье в очередной раз подвергла резкой критике состояние дел в РОВСе, указав, что в нем царят рутина и самолюбование.

«Российское Национальное и Социальное Движение», поддерживавшее тесные союзнические связи с РНСУВ, в это же время так высказывалось в адрес военной эмиграции и РОВСа: «Армии нет. Есть только рабочие, торговцы, служащие, шоферы, балалаечники, носильщики и т.д. и т.д., которые действительно 17 лет тому назад были военными, но которые все свои военные качества невосвратимо утратили... «Армейский» смысл РОВСа давно утрачен». «Осведомительный Вестник Отдела Пропаганды РНСД» писал 16 марта 1938 года: «РОВС переживает тяжкий, может быть, смертельный кризис». Орган РНСД высказывался за коренную реформу РОВСа, призывая его встать на платформу национально-политического самообразования и борьбы за национально-политические идеалы, что приведет его к братскому союзу с РНСД, РНСУВ, а также с Всероссийским Фашистским Союзом Дальнего Востока и другими национально-политическими организациями⁴². Таким образом, РОВСу и его руководству приходилось не только сталкиваться с острой критикой и предложениями радикально реформировать Союз, идущими изнутри самой организации, но и отбивать атаки из эмигрантской среды, как справа, так и слева. Все это ставило генерала Абрамова не только в нелегкую ситуацию, но, по существу, загоняло его в угол, особенно учитывая сложные отношения в качестве начальника РОВСа с властями Болгарии.

Одним из последних распоряжений генерала Абрамова в качестве начальника РОВСа стал циркуляр начальникам отделов Союза № 93 от 5 марта 1938 года об организации повторительных курсов для офицеров. Развивающиеся мировые события, подчеркивалось в этом документе, обязывают каждого из чинов проверять свою готовность к участию в борьбе в новых условиях ее ведения. За 17 лет пребывания в эмиграции ее участники отстали в знаниях по специальности и, чтобы их восполнить, начальник РОВСа приказывал образовывать в каждом отделе Союза повторительные курсы для всех офицеров, сохраняющих способность к выполнению задач. В I и IV отделах, по мнению генерала Абрамова, имелось достаточное количество офице-

ров, прошедших средние и высшие военно-научные курсы генерала Головина. Они являлись готовыми кадрами руководителей для подготовительных занятий с офицерами на местах и в группах чинов. В других отделах предлагалось привлечь в качестве руководителей этих курсов бывших офицеров Генерального штаба. Особое внимание обращалось на необходимость усвоения всеми офицерами боевых уставов Красной армии, сжатых сведений о тактике броневых и воздушных сил и др. Предписывалось изучение ежемесячных сводок и обзоров общеполитического характера, публикуемых в каждом номере «Галлиполийского Вестника». Начальникам отделов приказывалось освежить именные списки офицеров всех групп и частей, прошедших те или иные курсы. Начальник РОВСа указывал, что с течением времени принцип старшинства в чине должен уступить место принципу соответствия по совокупности данных. Начальникам отделов предписывалось донести об исполнении этого приказа к 1 мая 1938 года⁴³.

В этот же день, 5 марта генерал Абрамов направил распоряжение начальникам отделов Русского Обще-Воинского Союза, не разрешавшее одновременно входить в РОВС и НТСНП или РНСУВ. В этом случае чины РОВСа должны были выйти из организации. Начальник РОВСа ссылался при этом на приказ № 82 от 1923 года⁴⁴.

В письме генерала Кусонского Абрамову от 15 марта 1938 года предметом обсуждения становится финансовое положение Русского Обще-Воинского Союза. Кусонский упоминает, что Абрамов собирается передать («сберечь») своему преемнику 15 тыс. франков. Автор письма замечает при этом, что Абрамов ничего не писал о 40 тыс. франков, которые собирался получить из Марокко, и задается вопросом, получил ли он их или еще не получил. Генерал Кусонский упоминал, что в свое время генерал Миллер (по ходатайству генерала Шатилова и, если не ошибается, вице-адмирала Кедрова) дал 25 тыс. франков А. С. Хрипунову. Два года назад Миллер беседовал с последним об этих деньгах, но выяснилось, что тот купил на них акции и надо было найти желающих купить их. Хрипунов нашел таковых на покупку двух или трех акций (общей стоимостью 100 -200 франков), но этим дело и ограничилось. Генерал Кусонский упоминал, что финансовым советником генерала Миллера был Е.М. Балабанов, который и вел переписку с Женевою, где хранились деньги РОВСа до полного их израсходования. Кусонский думал, что не погашена и ссуда, выданная в свое время генералом Миллером вице-адмиралу Кедрову. Эта сумма, по его мнению, составляла не более 10 тыс. франков⁴⁵.

После трехмесячной паузы правительство Югославии дало отрицательный ответ генералу Драгомирову на его запрос о возможности пребывания в должности председателя РОВСа в пределах Королевства. 18 марта тот сообщил об этом генералу Абрамову вместе со своим отказом возглавить РОВС. 20 марта были изданы циркулярное распоряжение начальника Русского Обще-Воинского Союза за № 096 (с пометкой «не для печати») и приказ № 16 о передаче этой должности Архангельскому.

В циркулярном распоряжении излагались обстоятельства, вынудившие генерала Абрамова сложить с себя полномочия председателя Союза: невозможность легально возглавлять РОВС, находясь на своем постоянном месте жительства в Софии, а также отсутствие возможности свободно перемещаться из одной европейской страны в другую для сохранения единства Союза, как это было до 1930 года; неудачные переговоры с генералом Драгомировым и др. Все это заставило генерала Абрамова обратиться к генералу Архангельскому, одному из ближайших, как указывалось в документе, сотрудников генерала Врангеля в 1921 - 23 годах по созданию РОВСа.

В этот же день, 20 марта генерал Абрамов издал приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу № 16, в котором сообщалось: «Происшедшие за последние пять месяцев события не позволяют мне продолжать исполнение обязанностей начальника РОВС на месте моего постоянного проживания». Поэтому Абрамов приказывал вступить в исполнение должности начальника РОВСа 66-летнему генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому и призывал членов Союза оказать ему поддержку. В приказе сообщалось также, что до этого генерал Гулевич отказался от этой должности, хотя, как указывалось в документе, сначала хотел оговорить условия с генералом Кусонским. Генерал Абрамов направил и личное письмо генералу Гулевичу, в котором указывал, что «целый ряд неблагоприятно сложившихся обстоятельств не позволил мне использовать мое первое обращение к Вам». Он просил извинить, если неосуществленное решение дос-

тавило ему неприятности, и сообщал, что начальником РОВСа им назначен генерал Архангельский⁴⁶.

23 марта генерал А.П. Архангельский издал в Брюсселе, где постоянно проживал, приказ № 17 о вступлении в должность начальника РОВСа. Вся служебную переписку предлагалось направлять на его имя в Брюссель⁴⁷.

Генерал Архангельский, в отличие от своих предшественников на посту председателя Русского Обще-Воинского Союза, не занимал видных командных или штабных должностей ни в Императорской армии, ни в годы Гражданской войны в России, по большому счету, его нельзя назвать авторитетной и влиятельной фигурой в военной эмиграции и в целом в Российском Зарубежье. Генерал Архангельский стал своего рода компромиссной фигурой в сложной и во многом тупиковой ситуации, возникшей в руководстве Русского Обще-Воинского Союза.

Выходец из потомственных дворян, Алексей Петрович Архангельский окончил 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище, а затем и Николаевскую академию Генерального штаба. В декабре 1912 года получил генеральский чин (звание генерал-лейтенанта присвоено уже при Временном правительстве в августе 1917 года). В годы Первой мировой и Гражданской войны был дежурным генералом Главного штаба. В «смутное время» - с мая 1917 года (при Временном правительстве) и затем при советской власти до декабря того же года Архангельский занимал должность начальника Главного штаба. После этого возглавлял Управление по командному составу в Главном штабе, преобразованном в мае 1918 года во Всероссийский главный штаб. Поддерживал связь с Московским отделением антибольшевистского «Национального центра». Прибыв в феврале 1919 года в Добровольческую армию, генерал Архангельский настоял на судебном разбирательстве и был оправдан судом и специальным приказом генерала Деникина, как «кристально честный человек». Было признано, что его деятельность препятствовала созданию большевиками боеспособной армии⁴⁸. Он становится членом комиссии по рассмотрению наградных представлений, помощником начальника общего отдела Военного управления. С начала эмиграции генерал Архангельский - начальник общего отдела и дежурный генерал штаба, а с декабря 1920 по 1926 год - начальник отделения личного состава и начальник информационного отделения штаба главнокомандующего Русской Армией.

Главным аргументом в пользу назначения генерала Архангельского председателем РОВСа была близость его в свое время к генералу Врангелю, начальником штаба которого (как указывалась в ряде эмигрантских изданий) тот, якобы, был в течение двух последних лет жизни барона. Напомним, что на самом деле эта должность была ликвидирована с 1 ноября 1926 года, и генерал Архангельский был одним из двух ближайших сотрудников генерала Врангеля (наряду с секретарем барона - Котляревским) после его переезда в Брюссель. Он скреплял подписи в приказах Врангеля, издаваемых в Брюсселе. Являлся председателем «Общества офицеров Генерального штаба» в Бельгии.

Кандидатура генерала Архангельского на должность начальника РОВСа обсуждалась, как уже указывалось выше, еще осенью 1937 года. Но в ответ на запрос Ф.Ф. Абрамова генерал Кусонский 7 ноября того же года следующим образом аттестовал А.П. Архангельского: «Я очень люблю АЛА (Алексея Петровича Архангельского - В.Г.), считаю его умным и очень преданным нашему делу человеком, но «командовать» даже отделом вряд ли бы он смог, даже со своими подчиненными в Карловцах, когда все получали содержание, он не справлялся. Мнения он высказывает хорошие, умные, но пока не несет за это ответственность. Репутация у него хорошая, но, повторяю, приказывать что-либо вряд ли он сможет»⁴⁹.

Но, как говорится, «на безрыбье и рак - рыба», поэтому за отсутствием других кандидатур именно генерал Архангельский вынужден был встать во главе Русского Обще-Воинского Союза. Кстати, начальником канцелярии РОВСа он назначил генерала Кусонского, срочно переехавшего к нему к концу апреля - началу мая 1938 года в Брюссель. Этих генералов связывали многолетние тесные отношения, а некоторые даже называли Архангельского давним протеже генерала Кусонского. Последний поселился в мансардной комнате у генерала Архангельского, получил службу (за нищенское, по его словам, жалованье в 750 франков), и лишь вечерами имел возможность помогать новому начальнику РОВСа⁵⁰.

В конце апреля 1938 года новый начальник Русского Обще-Воинского Союза посетил Францию и в его честь, в связи со вступлением в должность руководителя РОВСа по инициати-

ве Российского Национального объединения и Торгово-Промышленного Союза был организован банкет, на который собрались представители различных эмигрантских групп, организаций и объединений. Среди присутствующих были великий князь Андрей Владимирович, генералы Витковский, Гулевич, Граббе и др. Председатель оргкомитета профессор М.В. Бернацкий подчеркнул, что это чествование генерала Архангельского является символом национально-политического идеала русской эмиграции. Великий князь Андрей Владимирович указал в своем выступлении, что «знамя борьбы, которое генерал Архангельский принял от несших его до конца трагически погибших его предшественников - генералов Кутепова и Миллера - это знамя борьбы олицетворяет самое святое, что у нас есть, знамя, вокруг которого мы все объединяемся». Председатель Общества русских адвокатов О.С. Трахтерев заявил: «Мы приветствуем армию без оружия, армию без страны, но армию, которой боятся ее враги». Граф В.Н. Коковцов приветствовал Архангельского от Русского Комитета Объединенных Организаций, Ю.Ф. Семёнов - от газеты «Возрождения», Я.И. Савич - от Высшего Монархического Совета, П.И. Менделеев - от Союза дворян, И.И. Тхоржевский - от Национального объединения русских писателей и журналистов во Франции, а генерал Н.Н. Головин - от военных кругов эмиграции⁵¹. Все это, казалось бы, должно было символизировать единство различных слоев и группировок Русского Зарубежья, надежды, возлагаемые ими на нового председателя РОВСа, и поддержку его. Но это не должно было рождать иллюзий, что впереди у генерала Архангельского безоблачные дни. В действительности его ждали нелегкие испытания.

Перед отъездом из Парижа в Брюссель генерал Архангельский подчеркнул, что главной задачей Русского Обще-Воинского Союза остается борьба с советской властью. Он заявил о том, что с «Внутренней линией» РОВСа покончено. Новый начальник РОВСа высказался за усиление работы по образованию офицерства и, в частности, за проведение для него политических семинаров, призвал уделять особое внимание молодому пополнению РОВСа и настаивал не только на сохранении Союза, но и на укреплении его связи с другими организациями. В своем приказе от 3 апреля, посвященном памяти генерала Миллера, Архангельский признал, что приемо-проверочная комиссия по финансам Русского Обще-Воинского Союза под председательством генерала Витковского, назначенная генералом Абрамовым, так и не смогла приступить к деятельности, ибо все документы и отчетность находились у французских судебных властей. Начальник РОВСа указал в данном приказе, что это рождает нежелательные намеки в адрес генерала Миллера и всего Союза, и призвал генерала Витковского к скорейшему получению от судебных властей документов и денежной отчетности РОВСа⁵².

Генерал Архангельский с первых дней пребывания в должности начальника Русского Обще-Воинского Союза попытался использовать для укрепления своего авторитета былую близость к основателю РОВСа генералу Врангелю. 8 мая 1938 года на всех местах русского рассеяния по инициативе Союза и его начальника были устроены панихиды и торжественные собрания, посвященные десятилетию смерти Врангеля. Многолюдное собрание, как информировал журнал «Часовой», состоялось и в Брюсселе⁵³. С заключительным словом и призывом к единению к собравшимся обратился новый начальник РОВСа.

Положение слабеющего РОВСа в эмиграции становилось все более сложным, авторитет Союза падал. Он подвергался критике со стороны различных организаций и лиц. Активным критиком Русского Обще-Воинского Союза являлся, например, И.Л. Солоневич, известный публицист, бежавший в 1935 году из ГУЛАГа, живший в Софии и издававший здесь газету «Голос России». Он был сторонником и проповедником так называемой «народной монархии». Солоневич обвинял РОВС и его руководство в утрате политического капитала, оставленного генералом Врангелем, а также морального и денежного капитала. Указывая на аполитичность РОВСа и сохранявшийся запрет его членам вступать в политические группировки и партии, Иван Солоневич упрекал также начальство Союза в непонимании значения политической (невоенной) борьбы с большевиками и утверждал, что это ведет к отмиранию политической ценности и значения Союза как антибольшевистской национальной силы, которая может быть решающим фактором в объединении и использовании всех антибольшевистских элементов Русского Зарубежья. Солоневич отмечал также нежелание стареющего руководства РОВСа уступить свое место более молодым силам. Он считал необходимым укрепление связей Союза с

фашистской Германией и перенесение центра РОВСа в Берлин, доказывая невозможность его нахождения во Франции, где господствует Народный фронт.

В связи с критикой и обвинениями И.Л. Солоневича и его «Голоса России» в адрес Русского Обще-Воинского Союза и его руководства последние вступили в ним в полемику. Они утверждали, что главное в деятельности Союза - активный антибольшевизм, «борьба с большевиками всеми способами и средствами на всех путях встречи и соприкосновения с ними». По содержанию и делам своим РОВС - «величина политическая, но надпартийная», а отмена приказа № 82 могла, по их мнению, привести к политическому ослаблению или даже к разложению Союза. В связи с постановкой вопроса о переносе центра РОВСа в Германию утверждалось, что эта страна занята более важными делами и надо договориться с ней о будущем. В сложившейся обстановке считалось более правомерным уже осуществленное перенесение центра РОВСа в Брюссель. В связи с обвинениями руководства Союза в старении и нежелании уступить места молодым силам доказывалось, что это утверждение неправомерно, ибо среди начальников отделов РОВСа имелись молодые генералы: начальник I отдела генерал Витковский - 52 года, начальник II отдела генерал Лампе - 53 года и др.⁵⁴

Между тем, отношения между РОВСом, с одной стороны, и И. Л. Солоневичем и его газетой «Голос России», с другой, продолжали оставаться чрезвычайно напряженными. 3 февраля 1938 года в редакции «Голоса России» прогремел взрыв. Жертвами его стали жена И. Л. Солоневича Тамара Владимировна и его секретарь студент Н. Михайлов. Чудом спаслись сам Солоневич и его сын Юрий, долго работавшие в предыдущую ночь и спавшие в соседней комнате. Как выяснилось в ходе следствия, пакет принес утром в редакцию молодой человек, говоривший по-болгарски с легким русским акцентом. Когда секретарь Ю. Михайлов попытался вскрыть этот пакет, напоминая связку книг, и раздался взрыв. Полицейское расследование установило, что упаковка взрывного устройства была произведена в Софии, но не смогло прийти к точному выводу о том, кто стоял за этим покушением. Существовали две главные версии: оно было осуществлено агентами НКВД или боевиками РОВСа из «Внутренней линии». Журнал «Часовой», не питавший ни ранее, ни после этого каких-либо симпатий к И.Л. Солоневичу, поспешил опубликовать информацию о случившемся за подписью своего редактора - В.В. Орехова под названием «Новое злодеяние большевиков». Но сам И. Л. Солоневич считал организаторами покушения боевиков из РОВСа, принадлежавших к «Внутренней линии», учитывая напряженные и конфликтные отношения с ними⁵⁵.

И после покушения, уже в бытность генерала Архангельского начальником РОВСа, дискуссия и борьба в эмиграции между сторонниками Русского Обще-Воинского Союза, с одной стороны, и И.Л. Солоневича, с другой, продолжалась. В полемике с ним участвовал целый ряд военных эмигрантских изданий - варшавская газета «Меч», журналы «Армия и Флот», «Галлиполийский Вестник» и др. Русское офицерство, признавая положительную и талантливую работу Солоневича в качестве свидетеля жизни современной России, «не последует за «Голосом России», призывающим к разрушению основ существования РОВСа, завещанных нам генералом Врангелем, и к бунту «берлог» против «канцелярий»⁵⁶, - читаем мы, например, в одной из подобных полемичных публикаций. Представители РОВСа в Болгарии, преследуя И.Л. Солоневича, требовали закрыть его газету «Голос России», называя ее провокаторским изданием, за которым стоят большевистские агенты. В конце концов, сторонникам РОВСа удалось добиться своего: в августе 1938 года указанная газета была закрыта, а вслед за этим Солоневич переехал в Германию.

Весьма сложно развивались отношения между Русским Обще-Воинским Союзом и «Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения». В центре раздора была, как уже указывалось ранее, деятельность «Внутренней линии», которая непримиримо осуждалась руководством НТСНП, требовавшим ее роспуска. Напомним, что деятельность «Внутренней линии» РОВСа была осуждена и Особой Комиссией генерала Эрдели. По ее мнению, «Внутренняя линия», «возбудила к себе недоверие соприкасавшихся с РОВСом национальных организаций молодежи, следствием чего явился публичный скандал «разоблачений», вредный для всей эмиграции в целом». Осудив Белградский центр НТСНП, «подавший сигнал к необоснованным и вредным для всего русского дела обвинениям «Внутренней линии» в службе большевикам,

Особая Комиссия осудила руководителей этой организации и признала необходимым упразднение «Внутренней линии»⁵⁷.

Вместе с тем, выводы «Особой Комиссии» генерала Эрдели, утвержденные начальником I отдела РОВСа генералом Витковским, касались деятельности «Внутренней линии» прежде всего во Франции, но не могли распространяться на всю ее организацию. Для этого должно было состояться специальное решение нового начальника РОВСа - генерала Архангельского. В нашем распоряжении имеется письмо от 6 апреля полковника А. А. Зайцова (в прошлом ближайшего сотрудника генерала Кутепова в области секретной работы, активно участвовавшего в ней и в дальнейшем) генералу Абрамову в Софию. Он сообщал, что представился генералу Архангельскому и сделал ему доклад, в котором просил сохранить прежнюю организацию секретной работы, то есть подчинение ему (Абрамову) и прежний порядок работы капитана Фосса. Зайцов запрашивал генерала Абрамова относительно организации дальнейшей работы, т.е. останется ли он (Абрамов) во главе ее и будет ли центр по-прежнему находиться в Софии, что автор письма считал единственно верным решением, будет ли работать капитан Фосс, кому он (Зайцов) должен быть подчинен и каковы будут его взаимоотношения с генералом Архангельским. Иначе говоря, полковник Зайцов хотел знать, останется ли в силе старая организация, что он считал правильным, или генерал Абрамов предполагает предоставить решение всего новому начальнику РОВСа. «В этом случае, какой линии мне держаться», - запрашивал автор письма⁵⁸.

Ответа на это письмо обнаружить не удалось. Но, как свидетельствуют документы, генерал Абрамов не спешил ликвидировать старую организацию секретной деятельности, включая и работу «Внутренней линии». Генерал Архангельский также не форсировал принятия решения о судьбе этой организации. Прошел еще год, прежде чем такое решение было принято.

15 сентября 1938 года в Белграде состоялась встреча генерала Архангельского и начальников отделов РОВСа генералов Абрамова, Барбовича и Витковского с председателем НТСНП В.М. Байдалаковым, в ходе которой обсуждались вопросы урегулирования сложившихся конфликтных отношений и восстановления сотрудничества этих организаций. В результате этой встречи была признана необходимость и возможность сотрудничества названных организаций на следующих основаниях: 1) взаимная полная искренность отношений; 2) со стороны НТСНП признавалась «героическая борьба на благо России», которая совершалась и совершается старшим поколением, включенным в РОВС, а последний отдавал должное НТСНП как организации, «горячо и жертвенно работающей на благо России»; 3) в своей деятельности обе организации признавались совершенно самостоятельными; 4) установление для согласования действий и взаимной информации деловых контактов в центре и на местах⁵⁹. Генерал Архангельский учредил «Особую комиссию», призванную разобраться с деятельностью «Внутренней линии» в Болгарии.

По-прежнему напряженно складывались отношения Русского Обще-Воинского Союза со сторонниками генерала Туркула, объединенными в «Русский Национальный Союз Участников Войны». РНСУВ учредил к 1939 году свои отделы во Франции, Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Аргентине и Уругвае. К числу своих главных задач организация генерала Туркула относилась «политическую подготовку и деятельность в России»⁶⁰. РНСУВ издавал газету «Сигнал» и журнал «Военный журналист», которые не упускали случая, чтобы не подвергнуть критике руководство и политику РОВСа.

Вскоре после прихода к руководству РОВСа генерала Архангельского, 15 апреля 1938 года им был издан приказ № 23. В нем высказывались надежды в связи с назревающими на родине событиями и содержался призыв к укреплению дисциплины и сплоченности Союза. Основной воинской организации назывались строгая дисциплина, высокая культура чести и достоинства, беззаветное выполнение служебного долга, безукоризненная офицерская этика, готовность служения Родине. Чинам РОВСа предписывалось быть готовыми к продолжению службы, для чего следовало быть в курсе состояния, организации, тактики Красной Армии, знакомиться с главными явлениями политической, экономической, социальной жизни на родине и в главных иностранных государствах, где формируются новые пути национального возрождения и социальных реформ. Было предписано организовать повторительные курсы по освежению военных знаний, что по сути своей повторяло циркуляр генерала Абрамова от 5 марта 1938 года. Генерал Архангельский указывал и на необходимость быть верными приказу № 82, но при этом было

избрано его более либеральное толкование: чины РОВСа должны были выбирать между Союзом как военной организацией и какой-либо политической организацией, чтобы вести более полезную работу на Россию. Если тот или иной чин РОВСа делал выбор о вступлении в какую-либо политическую противобольшевистскую организацию, это не рассматривалось как измена, и ему предоставлялась возможность вернуться в Союз по представлению начальников⁶¹.

Тем не менее, вопрос о характере РОВСа, отношении его и членов Союза к политической работе, взаимоотношениям их с эмигрантскими политическими организациями и возможности одновременного членства в РОВСе и в них оставался предметом дискуссии и в дальнейшем. И буквально в следующем номере журнала «Часовой» (после того, как в № 214 было опубликовано вышеупомянутое распоряжение генерала Архангельского) публикуется статья полковника П.В. Дена «Русский Обще-Воинский Союз и национальные политические организации». Автор следующим образом определял существующий выбор: или РОВС должен всецело отдаться политической работе, превратившись в политическую партию, и приказ № 82 теряет смысл, или сохранить в чистоте и сплоченности кадры русского воинства. Сам он являлся сторонником второго варианта, считая, что чисто политические задачи должны решать национальные (эмигрантские) политические организации. В то же время, по мнению полковника, пребывание в РОВСе не должно было препятствовать вступлению в национальные политические организации⁶², а это являлось ничем иным, как оппортунистическим подходом, если следовать строгим изначальным канонам Русского Обще-Воинского Союза.

Развернувшийся обмен мнениями на страницах журнала «Часовой» по вопросу о характере Русского Обще-Воинского Союза и его взаимоотношениях с другими национальными организациями был продолжен статьей генерала С.Ц. Добровольского, видного деятеля РОВСа, близкого и доверенного соратника генерала Миллера. Он поддерживал приказ № 82 генерала Врангеля и № 23 генерала Архангельского, заявляя, что иначе РОВС из единой по духу и задачам организации превратится в конгломерат организаций и партий с базаром мнений. Добровольский подчеркивал, ссылаясь на пример армий Италии и Германии, что «в решающую минуту РОВС положит свой меч на нужную чашу политических весов во имя спасения Национального возрождения нашей Родины». Генерал призвал не только изучать теорию фашизма и национал-социализма (ссылаясь на приказ № 10 генерала Миллера от 2 января 1937 года об этом), но и как эта теория применяется на практике, рекомендуя проведение в организациях РОВСа докладов по этой тематике⁶³.

Важное место по-прежнему занимала тема укрепления финансового положения Русского Обще-Воинского Союза. Центральное правление Общества офицеров Генерального штаба выступило с инициативой создать из добровольных взносов особый денежный фонд под названием «Капитал РОВС». Для этого предлагалось ежемесячно отчислять 10% от всех сумм и средств, собираемых войсковыми частями, группировками, офицерскими обществами и союзами. Эти деньги должны были направляться начальнику РОВСа на текущие расходы и положить начало резервному (мобилизационному) фонду, денежным операциям в связи с возвращением на родину. Журнал «Галлиполийский Вестник», популяризируя эту инициативу, писал, что в некоторых крупных воинских частях принято решение отчислять 30 - 40 и даже 60% на вышеуказанные цели⁶⁴.

После прихода к руководству РОВСом генерала Архангельского во многом выравниваются отношения Союза и журнала «Часовой». Его редакция, приветствуя А.П. Архангельского в связи со вступлением в должность, выразила надежду, что тяжкий период несчастий для РОВСа окончился назначением Возглавителя, в руках которого судьба Союза. Изложив в № 208 свое видение положения в организации, которой журнал более 9 лет помогал, его редакция получила много откликов. Но она указывала, что не хотела бы осложнять положение нового начальника РОВСа, и поэтому все пожелания и отклики о ситуации в Союзе будут сообщены ему⁶⁵.

В сентябре 1938 года генерал Архангельский прибыл в Югославию и совершил объезд воинских частей и групп в Новом Саду, Сремских Карловцах, посетил Кадетский корпус в Белой Церкви. С целью обсуждения положения в Русском Обще-Воинском Союзе и принципиальных вопросов его развития 15-23 сентября 1938 года в Белграде состоялся съезд старших начальников Союза, в котором, наряду с Архангельским, приняли участие генералы Драгомиров, Абрамов, Казанович, Витковский, Барбович и Зинкевич. 28 сентября текст постановления съез-

да был утвержден генералом Архангельским. Цель Белого движения, продолжателем дела которого по спасению России был назван РОВС, была определена как: 1) освобождение России от большевизма; 2) восстановление в России национально-правовой государственности, отвечающей религиозному национальному самосознанию народа. В качестве ближайших задач Русского Обще-Воинского Союза были названы: 1) укрепление организационного единства РОВСа; 2) оживление его деятельности при развитии самостоятельности отдельных чинов; 3) привлечение воинских организаций и отдельных чинов в его состав; 4) военная подготовка; 5) политическая подготовка - изучение положения в России; 6) работа с молодежью; 7) укрепление материальной базы; 8) укрепление отношений с другими организациями.

Большое внимание на совещании было уделено так называемой «Особой работе», иначе говоря, тайной подрывной деятельности против СССР. В принятом постановлении указывалось, что «Особая работа» должна продолжаться, невзирая на встречающиеся препятствия. «Фонд Спасения России», предназначенный для этой работы, должен был оставаться на особом счету, вне других сумм РОВСа и находиться в полном и безотчетном распоряжении начальника Союза. Он должен был формироваться из добровольных сборов. Была подчеркнута благожелательность РОВСа во взаимоотношениях с другими русскими организациями, ориентируясь на организационное единство и линию подчинения последних. Предполагалось их добровольное вхождение, но руководствуясь при этом военными правилами и распоряжениями. Неукоснительным принципом являлось подчинение организаций начальникам. При начальнике РОВСа должен был существовать совет и финансовая комиссия; положительно была оценена и такая форма, как съезд начальников отделов и высших начальников. При обсуждении вопроса об омоложении командного состава было признано целесообразным выдвижение на руководящие должности, не считаясь с чинами и возрастом. В ходе обсуждения вопроса о прессе РОВСа было признано целесообразным иметь свой печатный орган. Было обсуждено предложение В.М. Левитского о «Белой Газете» и признано важным расширить подписку на «Галлиполийский Вестник»⁶⁶.

В 1938 году были предприняты новые шаги в деле улучшения и развития системы военного обучения русского офицерства в эмиграции. Русский Военно-научный институт в Белграде объявил в июле 1938 года об организации им специальных курсов для русских офицеров и интеллигентской молодежи продолжительностью 6 месяцев с общим объемом теоретической и практической подготовки в 130 часов. При общем руководстве генерала Головина руководителем специальных курсов был генерал М.М. Зинкевич. С целью же дать возможность окончившим Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина совершенствоваться в военных знаниях в Белграде еще в 1936 году был создан «Институт по изучению проблем войны и мира», аналогичный созданному в Париже в 1932 году.

В условиях ожидаемого и очевидного приближения новой войны против СССР и потребности подготовки кадров, которые будут заниматься вопросами государственной и административной деятельности на освобожденной от советской власти территории России, в системе военного обучения значительно большее внимание уделяется политико-административным и юридическим проблемам, государственному строительству. В конце 30-х годов в Югославии и Болгарии начинает работать Административно-политическая школа заочного обучения, где слушатели серьезно изучают правовые, политические, экономические вопросы, историю России. Высшие военно-научные курсы генерала Головина дополняются отделом военной прокуратуры и политическими отделами по изучению администрации и государственного устройства СССР⁶⁷.

Осенью 1938 года в непростой ситуации, сложившейся внутри и вокруг Русского Обще-Воинского Союза, он и его новый начальник неожиданно получили поддержку со стороны видного белого военачальника времен Гражданской войны генерала П.Н. Краснова, отношения у Союза с которым в эмиграции складывались не просто, а иногда и напряженно. Краснов опубликовал в октябрьском номере «Галлиполийского Вестника» свою статью под названием «Кризис Русского Обще-Воинского Союза». «На Русскую Армию на чужбине идет поход», - писал автор и уточнял, что одни участвуют в нем умышленно, по воле врагов России, другие - по невежеству. «Тело Русской Армии на чужбине - Русский Обще-Воинский Союз - цело, - продолжал генерал Краснов, - оно ослабело от долгого «недоедания», вынужденной неподвижности, кое-где

затронуто язвами сомнения. Колебания, апатии, разочарования, но все это вполне излечимо и можно поправить в короткое, сравнительно, время». Именно РОВС, по мнению этого известного военачальника и писателя, стал основой Освободительной армии в отвоевании России, в борьбе с Коммунистическим интернационалом. Краснов призывал к обновлению и возвращению военных знаний, созданию Казны РОВСа, к сбору всех под полковые знамена⁶⁸.

С 17 по 29 марта 1939 года генерал Архангельский совершил поездку в Болгарию, посетив города Софию, Перник, Бургас и Пловдив. На встрече с ним в Софии участвовало более 600 чинов РОВСа. В своей речи перед собравшимися генерал Архангельский дал краткую, но емкую характеристику вождей РОВСа, своих предшественников: генерала Врангеля - «рыцаря-начальника и талантливого администратора», генерала Кутепова - «рыцаря-солдата и создателя Галлиполи», генерала Миллера - «кристально честного и глубоко преданного Родине человека и начальника, которого мы при жизни недостаточно оценили и которого, к нашему стыду, большевики оценили лучше нас», генерала Абрамова - «известного командира Донского корпуса и руководителя III отдела Воинского Союза». Вступать на пост начальника РОВСа после целой плеяды славных вождей генерал Архангельский назвал непосильной задачей, но подчеркнул вслед за этим, что должен был повиноваться приказу начальника. Он призвал не прекращать борьбу. Значительное внимание в его выступлении было уделено Русскому Обще-Воинскому Союзу и политике.

РОВС - не аполитичен, подчеркнул генерал, он борется против большевиков, за воссоединение России на ее исконных началах. «Самое наше пребывание за рубежом, не для спасения личной жизни, не для мирного выживания, а для продолжения борьбы есть акт политический», - заявил Архангельский. «Нет и не может быть аполитичных армий, - продолжал начальник РОВСа. - Но чины армии не могут заниматься политикой, оставаясь в рядах армии».

Касаясь устранения большевиками генералов Кутепова и Миллера, генерал Архангельский напомнил призыв Е. Пугачёва: «Руби столбы, забор сам повалится». Начальник РОВСа призвал к необходимости политической подготовки, чему уделяли внимание и Врангель, и Кутепов, и особенно генерал Миллер. Лекции, брошюры, кружки для изучения политических, социальных и экономических вопросов генерал Архангельский признал ценным и нужным делом. Начальник РОВСа призвал собравшихся к полноценной военной подготовке - организации подготовительных курсов для изучения уставов, тактики и др. Он подчеркнул значение создаваемых в течение последнего полугодия групп и кружков для изучения военного искусства. Красная Армия, заявил генерал, - многочисленна, технически хорошо вооружена, но имеет изъяны в духовном отношении, свидетельством чему - шпионство, назначенчество в ней и пр. «Не смущайтесь, что нас сравнительно мало - сила не в количестве, а в той силе духа, который заложен в нас. Эту силу духа и нашу спайку, и единство и сохраните», - призвал генерал Архангельский своих подчиненных⁶⁹.

Наряду со знакомством с состоянием и работой местных русских воинских организаций для визита генерала Архангельского в Болгарию были еще две серьезных причины: подведение итогов обследования «дела Николая Абрамова», сына начальника III отдела генерала Абрамова, подозреваемого в сотрудничестве с советскими спецслужбами, и работа «Особой комиссией», посвященной деятельности «Внутренней линии» в Болгарии.

Генерал Кусонский в письме генералу фон Лампе в Берлин об итогах визита начальника РОВСа Архангельского в Болгарию заметил: «Принимали его так, что мне это напомнило времена П.Н. Врангеля, выносили на руках и в Софии, и в Бургасе, и в Пловдиве». Объясняя это, Кусонский пояснял, что «это то «добро», без которого не бывает «худа», - публика подчеркивала единение в РОВСе и вокруг РОВСа, как результат травли Солоневича и парижских газет. Генерал Зинкевич в письме тому же Лампе указывал, что генерал Архангельский имеет поддержку, и отмечал его большой жизненный опыт и прекрасную память⁷⁰.

Вернувшись из Болгарии, генерал Архангельский издал 5 апреля 1939 года важный приказ о назначении заместителей начальника РОВСа. Ими стали: 1-й заместитель - генерал от кавалерии А.М. Драгомиров; 2-й заместитель - начальник IV отдела Союза генерал-лейтенант И.Г. Барбович; 3-й заместитель - начальник I отдела генерал-лейтенант В.К. Витковский⁷¹. Из новых кадровых назначений отметим и состоявшееся за несколько месяцев до этого - 1 ноября 1938

года назначение начальником Кавалерийской дивизии генерал-майора В.Н. Выгрна (ранее являвшегося командиром 1-й бригады этой дивизии) вместо генерал-майора Б.В. Гернгросса⁷².

По возвращении начальника РОВСа в Брюссель из Болгарии, после знакомства на месте с расследованием по делу сына начальника III отдела РОВСа генерала Абрамова Николая Абрамова генералом Архангельским были подведены итоги и уроки этого дела. Напомним, что сам Николай Абрамов покинул Болгарию вместе с женой еще 13 ноября 1938 года по требованию местных властей, как нежелательный иностранец. Тем не менее, на протяжении предшествующих нескольких лет он вел работу здесь в пользу советской разведки, что, подчеркнем, не было неопровержимо доказано ни болгарскими властями (ограничившимися в итоге высылкой Н.Ф. Абрамова с женой из страны), ни следствием, организованным Русским Обще-Воинским Союзом.

5 апреля был издан циркуляр генерала Архангельского о деле Н.Ф. Абрамова и о его расследовании, проведенном в марте 1939 года генерал-майором Артамоновым и полковником Дрейлингом. В заключении начальника РОВСа, оформленном затем в его приказ от 12 апреля, указывалось: 1) что нельзя было привлекать сына начальника отдела РОВСа к секретной работе, несмотря на какие угодно способности, так как в ней почти неизбежны провалы, а это негативно отразится на авторитете начальника и всего РОВСа; разъяснения капитана Фосса, что Н.Ф. Абрамов был предварительно проверен, не были признаны удовлетворительными; в вину начальнику III отдела было поставлено то, что он допустил сына к секретной работе; 2) подозрения в отношении Н.Ф. Абрамова не были тотчас доложены Фоссом генералу Абрамову, хотя он обязан был это сделать, не дожидаясь подтверждения подозрений и доказательств; было признано правильным, что капитан Фосс изолировал Н.Ф. Абрамова и осведомил о своих подозрениях болгарские власти, но он должен был начать с доклада генералу Абрамову; 3) период наблюдения за Н.Ф. Абрамовым затянулся слишком долго, хотя уже ко времени образования комиссии полковника Петриченко Фосс имел достаточные данные для твердой уверенности в виновности Абрамова⁷³. Все это нанесло ущерб и авторитету начальника III отдела генералу Абрамову и Русскому Обще-Воинскому Союзу в целом.

Заметим, что эта история имела свое продолжение. На страницах эмигрантской печати развернулась шумная дискуссия вокруг дела Николая Абрамова и последствиях его для начальника III отдела РОВСа. В ответ на развернувшуюся газетную травлю и обвинения в адрес последнего ряд органов эмигрантской военной печати и прежде всего журнал «Галлиполийский Вестник» выступают в защиту генерала Абрамова, публикуя письма генералов и старших офицеров в его поддержку. На страницах указанного журнала было помещено и письмо полковника Петриченко, председателя Особой Комиссии при III отделе РОВСа по делу Николая Абрамова. Он опровергал основные обвинения, высказанные в статье, опубликованной в газете «Возрождение» 17 марта 1939 года. Полковник Петриченко утверждал, что ни местные власти, ни Особая Комиссия, производившая расследование, до сего времени не располагают неопровержимыми документами связи Николая Абрамова с большевиками; существуют лишь серьезные подозрения и только. Нет данных о непосредственных встречах сына генерала с резидентом ГПУ и чекистами в Софии. Ни в тюрьме, ни под арестом Н.Ф. Абрамов не находился и в службе у большевиков никогда не признавался⁷⁴.

17 мая 1939 года генерал Кусонский направляет письмо генералу Абрамову, ссылаясь на полученное из Белграда письмо и распространяемых слухах о его предстоящем уходе. До Брюсселя дошла информация, что казаки хотят в таком случае «хлопнуть дверью» и тоже выйти из РОВСа. Генерал Архангельский, встревоженный этим, решил в таком случае, по утверждению Кусонского, чуть ли не сам уйти, связывая случившееся с историей с его (генерала Абрамова) сыном. Вместе с тем, по мнению Кусонского, генерал Архангельский «в буквальном смысле слова пожертвовал своим авторитетом, чтобы не уронить твой авторитет и сделал все возможное, чтобы не уронить последний». Уход генерала Абрамова со своей должности грозил тяжелыми последствиями для РОВСа, и Кусонский убеждал начальника III отдела не делать этого, а, напротив, связаться с ним и генералом Архангельским, успокоив их⁷⁵. Заметим, что, в конце концов, эту сложную ситуацию удалось урегулировать, и генерал Абрамов остался на своем посту в Софии.

12 апреля 1939 года был издан приказ генерала Архангельского, посвященный деятельности «Внутренней линии», ставшей поистине притчей во языцах. Деятельность ее, напомним, была прекращена приказом начальника I отдела РОВСа генерала Витковского в 1938 году. Но это касалось только территорий, подведомственных этому отделу, и прежде всего Франции. Напомним, однако, что эта организация зародилась и широко развернула свою деятельность в Болгарии, откуда распространила уже свои щупальца на Францию. Генерал Абрамов, будучи начальником РОВСа, препятствовал прекращению деятельности «Внутренней линии» в Союзе и, продолжая находиться в должности начальника III отдела Союза, фактически покрывал ее.

После похищения генерала Миллера, генерал Абрамов в условиях скандала, развернувшегося вокруг деятельности «Внутренней линии», создал для расследования комиссию старших начальников РОВСа во главе с генералом А.М. Драгомировым. Она вела свою деятельность одновременно с Особой Комиссией генерала Эрдели и взаимодействовала с ней. Сам И.Г. Эрдели побывал в 1938 году в Софии и тщательно расследовал деятельность капитана К. А. Фосса, стараясь найти документальные подтверждения его связи с генералом Скоблиным. Генерал Эрдели побывал и в военном министерстве Болгарии, встретившись, в частности, с начальником разведслужбы Генерального штаба полковником Г. Костовым. Последний многие годы тесно сотрудничал с капитаном Фоссом и встал на его защиту. По некоторым данным, за время своей деятельности Фосс раскрыл более десяти так называемых коммунистических «конспирации», обезвредил сотни болгарских террористов. На него было совершено более десяти покушений, но все были неудачными.

В результате расследования обвинения с К. А. Фосса в связи с генералом Скоблиным и с участием «Внутренней линии» в похищении генерала Миллера были сняты. И тем не менее, в сложившейся ситуации генерал Абрамов вынужден был отстранить Фосса от руководства «Внутренней линией» РОВСа. По сведениям, приводимым капитаном Бутковым, генерал Абрамов назначил на место К. А. Фосса капитана Я.Г. Яренко, известного в эмиграции музыканта, одного из руководителей популярного в Софии салонного оркестра, где играли и многие русские музыканты. Этот оркестр часто выезжал в другие страны, как Европы, так и Азии. Яренко использовал эти поездки для своей секретной деятельности, встреч с сотрудниками иностранных спецслужб и заброски своих агентов в СССР.

За капитаном Фоссом по требованию полковника Костова была сохранена сеть его информаторов по Болгарии. Он продолжал вести активную работу по борьбе с коммунистическими организациями по линии военного министерства Болгарии и вместе с капитаном Браунером поддерживал тесные связи с Яренко и его сотрудниками. Они в тесном сотрудничестве с болгарской полицией наладили контроль над деятельностью советского посольства в Софии, организовали группы наружного наблюдения за всеми его служащими, стараясь воспрепятствовать работе сотрудников советских спецслужб, действовавших под дипломатическим прикрытием, и, по свидетельствам современников, делали это успешно.

Капитан Яренко был назначен и координатором всех молодежных организаций в Болгарии, как военных, так и примыкающих к РОВСу: НОРР и «Витязей». Он лично отбирал кандидатов в Кутеповскую боевую организацию и назначал тех, кто должен был пройти специальную подготовку в летних и зимних лагерях. Начальником спецлагеря был назначен хорунжий И.И. Назаров, прекрасный атлет и стрелок, инструктор по джиу-джитсу и боксу. Он дважды ходил со специальными заданиями в СССР, был там ранен⁷⁶.

По утверждению В.Н. Буткова, генерал Абрамов возложил общее руководство «работой на Россию» на генерал-майора М.М. Зинкевича. Таким образом, с 1938 года именно он возглавил эту деятельность. Если это на самом деле так, то уже упоминавшиеся специальные курсы, открытые Русским военно-научным институтом в Праге во второй половине 1938 года, которыми руководил Зинкевич⁷⁷, могли использоваться для подготовки специалистов по так называемой «особой» или секретной работе, нацеленной на СССР.

Но вернемся к результатам болгарской поездки начальника Русского Обще-Воинского Союза А.П. Архангельского в марте 1939 года, где он, в частности, занимался и вопросом «Внутренней линии» РОВСа. По возвращении в Брюссель он издал, как уже упоминалось 12 апреля, специальный приказ РОВСу В этом приказе указывалось прежде всего на то, что «Внутренняя линия», зародившись в Болгарии, вела наблюдение за агентурой большевиков и способ-

ствовала укреплению РОВСа изнутри. С 1934 года «Внутренняя линия» вела работу исключительно в среде Союза, и во многих случаях ее деятельность давала прекрасные результаты, отмечалось в приказе. Но в итоге начальник Русского Обще-Воинского Союза, призывая ввести эту работу в нормальное русло, приказывал прекратить действия так называемой «Внутренней линии» в III отделе РОВСа и там, где она еще осталась, и уничтожить ее. Архангельский призывал также покончить с рознью и тем более с враждой в РОВСе⁷⁸.

Тем не менее, есть сведения, что охарактеризованная выше разведывательная и контрразведывательная деятельность капитана Яренко в Болгарии в сотрудничестве с Фоссом, Браунером, с одной стороны, военным министерством, и дирекцией полиции этой страны, с другой, продолжалась и в дальнейшем до начала Великой Отечественной войны. По данным Буткова, последняя группа боевиков готовилась Яренко в 1940 - 41 годах для отправки в СССР через Персию, но этому помешала начавшаяся война⁷⁹.

Непростой проблемой для руководства Русского Обще-Воинского Союза являлись взаимоотношения с Российским Императорским Домом. Еще осенью 1937 года в качестве возможного руководителя РОВСа назывался, например, пасынок великого князя Николая Николаевича князь Сергей Романовский герцог Лейхтенбергский. Среди его достоинств называли то, что он являлся членом династии Романовых, был далек от гзызни, развернувшейся в РОВСе, характеризовался как тактичный человек и патриот⁸⁰.

Претензии на руководство Русским Обще-Воинским Союзом по-прежнему высказывались и со стороны другой группировки, боровшейся за наследие царского престола. После смерти 12 октября 1938 года в Париже великого князя Кирилла Владимировича восприемником звания главы Российского Императорского Дома был провозглашен 31 октября 1938 года его сын Владимир Кириллович. Добавим, что председатель РОВСа генерал Архангельский принял участие в похоронах великого князя Владимира Кирилловича. Вслед за этим «легитимисты» начали зондаж позиции генерала Архангельского в отношении признания им и подчинения великому князю Владимиру Кирилловичу.

В этой ситуации генерал Архангельский направил 25 ноября 1938 года письмо начальникам отделов РОВСа с пометкой «доверительно». В нем говорилось, что «один из старейших и уважаемых генералов» обратился с письмом к нему, в котором высказывалось пожелание в целях слияния «непредрешенцев» и «легитимистов» подчинить РОВС великому князю Владимиру Кирилловичу. Генерал Архангельский сообщал, что 22 ноября он отправил ответное письмо этому генералу. В нем указывалось его согласие с утверждением, что Россия должна стать монархией и во главе ее должен быть представитель Российского Императорского Дома, в лице которого надо видеть будущего Императора Всероссийского. Но в настоящее время, писал Архангельский, главная задача - борьба с большевиками, и надо избегать того, что может повредить ее успеху. А подчинение Главе Императорского Дома - еще не Императору - есть открытое провозглашение монархического принципа и поднятия монархистского флага. РОВС в свое время, продолжал генерал, подчинялся великому князю Николаю Николаевичу как Верховному Главнокомандующему во время войны, человеку, не считавшему себя претендентом на Престол и пользовавшемуся огромным авторитетом в эмиграции. Великий князь Николай Николаевич считал, что вопрос о форме правления должен быть решен на родной земле, и подчинение ему не означало принятие ярко монархического лозунга. Сейчас, по мнению генерала Архангельского, дело обстоит иначе. Великий князь Владимир Кириллович являлся претендентом на Престол, и подчинение ему было бы равно изменению нашей тактики и идеологии и могло вызвать новый раскол в среде РОВСа.

Кроме того, подчинение Русского Обще-Воинского Союза великому князю Владимиру Кирилловичу означало бы, по мнению генерала Архангельского, и подчинение его ближайшему окружению и в первую очередь начальнику управления по делам Главы Российского Императорского Дома капитану I ранга Г. Графу и пр., а это было бы не в интересах России. Вместе с тем, утверждая, что нет оснований для подчинения РОВСа великому князю Владимиру Кирилловичу, председатель Союза полагал, что у его организации, с одной стороны, и «легитимистов», и Корпуса офицеров Императорской Армии и Флота, с другой, нет оснований враждовать друг с другом, ибо «суть у нас одна», а вопросы тактики, целесообразности «не должны нас разделять». Генерал высказывал надежду, что «связь, которая начала укрепляться между РОВСом и

Царственным Домом не оборвется и будет крепнуть - ради строительства Великой Императорской России». Высказываясь в принципе за объединение эмиграции вокруг великого князя Владимира Кирилловича, генерал Архангельский считал, что нужны значительные усилия, чтобы такое объединение было работоспособным и реально происходил процесс сближения различных русских зарубежных организаций⁸¹.

В последующие месяцы состоялся ряд встреч великого князя Владимира Кирилловича с руководящими деятелями и чинами РОВСа. 16 декабря 1938 года он посетил Галлиполийское Собрание в Париже, где ему были представлены чины I отдела РОВСа. 18 декабря начальник этого отдела генерал Витковский принял участие в общем приеме великого князя Владимира Кирилловича многочисленными русскими организациями. Чины РОВСа принимали участие в охране великого князя, что невозможно было представить ранее.

10 января 1939 года начальник РОВСа генерал Архангельский направил циркуляр начальникам отделов, отделений, воинских частей, офицерских союзов и обществ в связи с обращением великого князя Владимира Кирилловича к эмиграции с призывом к объединению около его имени и постановкой на очередь дня вопроса о создании «Великой Украины», что вызвало многочисленные вопросы и волнения в эмигрантской среде. В циркуляре начальника РОВСа указывалось, что призыв великого князя к объединению вызвал живой отклик среди национально-мыслящей части русской эмиграции, отчаявшейся найти путь к объединению и истосковавшейся по общепризнанному авторитету, который мог бы говорить от имени эмиграции и защищать интересы России. Русская Православная церковь благословила великого князя в его объединительных усилиях. РОВС, указывалось в циркуляре генерала Архангельского, не мог остаться в стороне от этого движения.

В этом документе положительно оценивалось заявление великого князя - Главы Императорского Дома, что он высоко ценит героическую борьбу Добровольческой армии, а дело РОВСа считает продолжением Белого движения. Что касается вопроса о Деловом объединении эмиграции вокруг великого князя Владимира Кирилловича, то, по мнению начальника РОВСа, он не получил надлежащего разрешения. Если таковое объединение состоится и будет носить общенациональный, а не узкопартийный характер, указывалось в циркуляре, то в этом объединении и, тем более, в работе делового органа или центра примет участие и РОВС в лице его начальника, сохраняя свою идеологию. В связи с высказывавшимся мнением о подчинении РОВСа великому князю Владимиру Кирилловичу, как в свое время великому князю Николаю Николаевичу, в циркуляре подчеркивалось, что РОВС подчинялся последнему как верховному главнокомандующему, не считавшему себя претендентом на Престол и всегда заявлявшему, что этот вопрос может быть решен только на Родной Земле, и это не нарушало идеологии Белого движения. Подчинение же РОВСа великому князю Владимиру Кирилловичу (хотя он и не требует этого), указывалось в документе начальника Союза, означало бы не только немедленное восприятие монархического лозунга, но и шло бы дальше, и равносильно было укреплению шатающейся уже советской власти. Это дало бы ей повод для агитации, что «белые» несут за собой монархию, а с ней - урядников, кулаков, помещиков и месть за содеянное за эти годы, и восстановление «проклятого царского режима». Подчинение РОВСа великому князю Владимиру Кирилловичу, разъяснял начальник РОВСа, «внесло бы изменения в нашу идеологию, спаивающую нашу среду», означало бы внесение раскола в нее, а также нанесло бы ущерб самому великому князю. Генерал Архангельский высказывался за совместную борьбу против большевизма, а это означало бы и оказание, когда потребуется, помощи великому князю Владимиру Кирилловичу.

В связи с вопросом о создании «Великой Украины», идею которой вынашивали украинские круги в Польше при поддержке Германии, то РОВС, указывалось в циркуляре его начальника, выступает за защиту российской государственности и является врагом сепаратистских движений на русской территории. «Интересы Национальной России превыше всего», - подчеркивал генерал Архангельский⁸².

1 февраля 1939 года в Париже состоялась встреча Главы Императорского Дома и генерала Архангельского. В ней участвовали чины РОВСа (и прежде всего его I отдела), а с другой стороны произведенный в чин контр-адмирала начальник управления по делам Главы Российского Императорского Дома Г.К. Граф. Великий князь высоко отозвался о борьбе белых армий

и деятельности РОВСа: «Русский Обще-Воинский Союз, являясь наибольшим ядром Русского Зарубежного Воинства, должен стремиться к сохранению своего единства и сплоченности. Когда настанет момент, Я призову всех к исполнению своего долга перед Родиной, и мне отраднее знать, что РОВС готов откликнуться на Мой призыв». Поблагодарив за высказанную высокую оценку, генерал Архангельский рассказал о Русском Обще-Воинском Союзе. Итогом встречи стало заявление, что речь не идет о подчинении РОВСа великому князю, а об объединении эмиграции и прекращении нежелательной борьбы в ней. Приказом от 9 февраля 1939 года генерал Архангельский объявил чинам РОВСа Обращение Главы Императорского Дома от 6 февраля, в котором великий князь Владимир Кириллович с удовлетворением отзывался о состоянии РОВСа и его вхождении в общее объединение эмиграции, при этом существующие организации (в том числе РОВС) продолжали действовать на прежних основаниях. Эта же мысль была подчеркнута в приказе генерала Архангельского, призвавшего к единству и сплоченности РОВСа⁸³.

Во время своего пребывания в Болгарии в марте 1939 года генерал Архангельский вновь коснулся вопроса о призыве великого князя Владимира Кирилловича к объединению эмиграции. Ссылаясь на свой приказ, начальник РОВСа заявил, что Союз вошел в такое объединение, но при полной самостоятельности своих основных положений и своей идеологии⁸⁴. Диалог между руководством Русского Обще-Воинского Союза и Главой Российского Императорского Дома великим князем Владимиром Кирилловичем продолжал развиваться и в дальнейшем.

Генерал Деникин, указывая на возобновившиеся попытки широкого эмигрантского объединения, связанного с именем великого князя Владимира Кирилловича, весьма критически относился к возможности достижения желаемого результата: «чтобы сохранить монархическое знамя незапятнанным - надо поставить его в красный угол, под образа, а не вовлекать в круговорот эмигрантской грызни, сведения счетов, политических распрей и личных амбиций». Генерал считал, что лозунгом должно быть «свержение советской власти и защита России», полагая, что нет иного пути, чем тот, которым шло белое движение⁸⁵.

Сложная военно-политическая ситуация в рассматриваемый период времени складывалась на Дальнем Востоке. Япония вела военные действия с Китаем, конфликты то и дело возникали на советской границе. Поэтому часть российской военной эмиграции связывала свои планы возвращения на родину с сотрудничеством с Японией и ее вооруженными силами. В свою очередь, японское командование прилагало усилия по возможному использованию русских военных эмигрантов в боевых действиях против СССР. В 1938 году по плану, разработанному в штабе Квантунской армии, формально в составе армии Маньчжоу-Ди-Го на станции Сунгари-2 была создана воинская часть, получившая название «Русский отряд Асано» или «бригада Асано». Она была названа так по фамилии японского советника полковника Асано, фактически являвшегося и ее командиром, помощником его был майор Наголин (Наголян). Первоначально личный состав этого формирования насчитывал 200 человек, затем его численность увеличилась до 700 человек, разделенных на пять рот. В составе «Русского отряда Асано» находились кавалерийские и пехотные подразделения, развернулась подготовка молодых эмигрантов к войне с СССР. Это соединение находилось под полным контролем японского командования, а его личный состав проходил специальную подготовку в школе при японской миссии в Харбине, открытой в мае 1938 года. Особое внимание на занятиях уделялось организации партизанских действий. Лекции на эту тему читали лидер русских маньчжурских фашистов К.В. Родзаевский и члены японской военной миссии. Отдельные группы курсантов и слушателей готовились к разведывательно-диверсионной деятельности⁸⁶.

Японское командование и оккупационная администрация в Маньчжурии продолжала тесно взаимодействовать и использовать в своих интересах Бюро по делам русских эмигрантов, полностью контролируя эту организацию. Кстати, в марте 1938 года в руководстве БРЭМ произошли изменения: 13 марта его начальник генерал Бакшеев подал в отставку по болезни, аналогичные заявления подали первый и второй секретари Бюро - И.В. Сергеев и В.Н. Виноградов. Исполняющим обязанности начальника БРЭМ был назначен руководитель Российского фашистского союза К.В. Родзаевский, а члены президиума генералы Л.Ф. Власьевский и В.А. Кислицин были назначены его советниками. В первом заявлении Родзаевского прозвучала мысль о том, что Бюро должно быть как бы отцом всех местных эмигрантов. Он постарался развеять опасения в том, что как руководитель одной из организаций будет необъективен к другим, и

призвал к активной поддержке БРЭМ со стороны эмиграции. Кстати, Родзаевский в дальнейшем писал об этой организации, как «о фактическом русском отделе японской военной миссии»⁸⁷. Родзаевского в должности начальника БРЭМ сменил генерал Кислицин. В тесном сотрудничестве с ним работали Власьевский и Родзаевский. Деятельность БРЭМ по-прежнему находилась под полным контролем японских оккупационных властей.

Вооруженные конфликты Японии с советскими войсками на озере Хасан и реке Халхин-Гол в 1938 и 1939 годах, хотя и завершились неудачно для японской стороны, внушали, тем не менее, части эмигрантов определенные надежды на грядущую и неизбежную войну с СССР. На базе «Русского отряда Асано» предполагалось подготовить и развернуть более массовые вооруженные подразделения из русских эмигрантов, предназначенные для вторжения в СССР. Несмотря на сохранявшиеся на Дальнем Востоке разногласия между БРЭМ и легитимистами, с одной стороны, и чинами и сторонниками РОВСа, с другой, у последних также существовали планы использования советско-японской войны в своих интересах, взять реванш в борьбе с большевиками и возвратиться на родину.

Глубокие изменения происходили в рассматриваемый период времени в европейской политике, что не могло не сказаться на деятельности Русского Обще-Воинского Союза и Российского военного Зарубежья, тем более что большинство военных эмигрантов проживали и действовали именно в Европе. Резкое обострение международных отношений и в первую очередь на европейском континенте в это время было обусловлено усиливающейся вооруженной экспансией Германии. В марте 1938 года она насильственно присоединила к себе Австрию. В специальной статье в первом номере журнала «Вестник Галлиполийцев» начальник VI отдела РОВСа капитан I ранга Я.И. Подгорный подробно проанализировал эту успешно проведенную Германией военную операцию с использованием воздушного десанта и моторизованных войск. В результате аншлюса Австрии резко ухудшилось стратегическое и экономическое положение Чехословакии. «А без Национальной Великой России молодым славянским государствам будет очень тяжело отстаивать независимость»⁸⁸, - справедливо писал Подгорный. Прошло несколько месяцев и самые худшие предсказания военных и политиков начинают сбываться.

29 сентября 1938 года на встрече глав правительств Германия и Италия, с одной стороны, Франция и Великобритания, с другой, было заключено соглашение (получившее красноречивое определение - «Мюнхенский сговор»), предусматривавшее отторжение от Чехословакии и присоединение к Германии Судетской области. Это предопределило скорое исчезновение Чехословакии как самостоятельного государства. Стремление политиков Англии и Франции направить германскую аннексию на Восток и ускорить войну против СССР, осознание колоссальной опасности, нависшей над человечеством, - все это вызывало сложную реакцию и дискуссию в среде российской эмиграции. Разнообразие мнений выплеснулось, например, в публичную дискуссию в русскоязычной зарубежной печати. Выступая на страницах журнала «Часовой» 15 октября 1938 года, начальник V отдела РОВСа генерал Гартман от имени русских национальных организаций осудил выступления газеты «Последние Новости» о том, что русская эмиграция жаждет войны и призывает западные державы к открытию военных действий. Реальная угроза войны, нависшая над каждой страной, расценивалась в его обращении как страшная катастрофа для современной культуры и цивилизации⁸⁹.

Весной 1939 года уже упомянутый Гартман в официальной информации следующим образом характеризовал развитие ситуации в Европе. 20 марта Чехословакия как самостоятельное государство прекратило существование. Чехия и Моравия вошли в состав Германии. Словакия стала самостоятельным государством под охраной Германии. Подкарпатская Русь вошла в состав Венгрии. Следует предполагать, замечал Гартман, что западное направление международной политики остается в полной силе, и РОВС это интересуется прежде всего с точки зрения уничтожения коммунизма в России⁹⁰.

В рассматриваемый период ведущие военные журналы эмиграции - «Армия и Флот», «Галлиполийский Вестник», «Часовой» и другие внимательно анализировали меняющуюся военно-стратегическую ситуацию, состояние вооруженных сил различных и прежде всего ведущих стран, их основные характеристики. Руководство Русского Обще-Воинского Союза в этих условиях целенаправленно ориентировало эмигрантские военные организации на углубление и

обновление военных знаний. Специальным объявлением по РОВСу 15 марта 1939 года⁹¹ в дополнение к объявлению от 20 августа 1938 года и приказу по Союзу № 23 рекомендовалось выписывать: 1) газету «Русский Инвалид», где публиковались «Письма по военному самообразованию» генерала Головина; 2) журнал «Армия и Флот», где печатались лекции, читаемые на специальных Парижских курсах; 3) отдельные выпуски «Тактики в задачах» под руководством и редакцией генерала Головина; 4) Лекции и задачи, издаваемые в Белграде специальными Белградскими курсами под руководством генерала Шуберского.

В условиях приближения Второй мировой войны и с ее началом все более возрастало значение «Объединения Русских Воинских Союзов» (ОРВС) с центром в Берлине, в которое в августе 1938 году был преобразован II отдел РОВСа. Сделано это было по настоянию немецких властей. Начальником Объединения стал бывший начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе. 22 октября 1938 года начальник Русского Обще-Воинского Союза генерал Архангельский издал специальный приказ РОВСу, в котором выделение II отдела в самостоятельную группу с переименованием его в «Объединение Русских Воинских Союзов» объяснялось современным политическим положением в Европе и нежелательностью для германских властей, чтобы русские военнослужащие, проживавшие в Германии, подчинялись эмигрантскому военному центру, находящемуся вне пределов этой страны. В приказе высказывалась уверенность в том, что ОРВС в своей самостоятельной деятельности будет единодушным с РОВСом и образует тесный общий фронт в борьбе против коммунизма. Генерал Архангельский выражал уверенность в том, что в недалеком будущем «все мы воссоединимся в единой Национальной Российской Армии». Начальник РОВСа разрешал военнослужащим состоять одновременно в РОВС и ОРВС⁹².

2 ноября 1938 года генерал Архангельский направил начальникам отделов РОВСа и ряду генералов специальное письмо с разъяснением причин создания ОРВС, что обуславливалось взаимоотношениями военной эмиграции и РОВСа с властями Германии. В этом документе подчеркивалось, что германское правительство всегда ревниво относилось к тому, что центр РОВСа находился во Франции, а с приходом национал-социалистов и фюрера генерал фон Лампе был арестован и обвинен в шпионаже за сношения с Парижем. После гибели генерала Миллера и решения генерала Абрамова оставаться в Софии германские власти выразили свое удовлетворение этим, но предупредили, что если центр Русского Обще-Воинского Союза вновь окажется во Франции, они примут меры к закрытию, по крайней мере, II отдела РОВСа. Учитывая это, генерал фон Лампе в октябре 1937 года направил специальный доклад генералу Абрамову, обосновывая необходимость, в случае передачи им должности человеку, живущему во Франции, отдать приказ о выделении II отдела в самостоятельную единицу, независимо от того, кто будет начальником РОВСа. После назначения генерала Архангельского начальником РОВСа германские власти поставили вопрос ребром. В результате, объяснял Архангельский, он и Лампе пришли к заключению о необходимости оставления II отдела в РОВСе. Но в случае отказа германского правительства признать это было решено преобразовать его в самостоятельный отдел, что и было в итоге сделано. ОРВС должен был и далее получать от центра и отделов Русского Обще-Воинского Союза информацию, но указания РОВСа не должны были уже касаться его. Тем самым предполагалось сохранить проживающие в Германии и сопредельных странах военные кадры для соединения в служении Родине⁹³.

Руководство «Объединения Русских Воинских Союзов» более лояльно, нежели РОВС, относилось к вхождению его чинов в состав политических организаций. В соответствии с приказом фон Лампе от 15 ноября 1938 года они могли это делать в индивидуальном порядке, предварительно испросив разрешения у начальника ОРВС⁹⁴. Процесс структуризации новой организации получил качественно новое развитие с вхождением в него VI отдела РОВСа после оккупации немцами Чехословакии. 20 апреля 1939 года фон Лампе писал в связи с этим генералу Архангельскому: «Несмотря на то, что я получаю едва ли не лучшие элементы, я НЕ (выделено в тексте - В.Г.) рад этому. Я просто не знаю, как я справлюсь с такой задачей при моих средствах и возможностях. Все имеет свои пределы». Автор письма высказывал пожелание, чтобы генерал Архангельский прибыл в Прагу для встречи и, как можно предполагать, обсуждения вопросов реорганизации Союза⁹⁵.

В апреле 1939 года Архангельский подготовил проект приказа о выделении из состава РОВСа его VI отдела. Получив мнения и предложения по проекту от генерала фон Лампе и на-

чальника VI отдела РОВСа капитана I ранга Я.И. Подгорного, генерал Архангельский издал 6 мая 1939 года приказ № 15, в соответствии с которым, «ввиду последовавших в Центральной Европе перемен и создавшегося для VI отдела РОВСа нового положения» он выделялся из Союза в самостоятельную группу во главе в капитаном I ранга Подгорным. Архангельский высказывал также здесь принципиальное согласие с распоряжением Подгорного № 93 от 15 апреля о вхождении в «Объединение Русских Воинских Союзов», возглавляемое генералом фон Лампе.

17 мая уже начальник ОРВС издал приказ № 7 по своему Объединению, в соответствии с которым «Союз Русских воинских организаций» (бывший VI отдел РОВСа), объединявший воинские организации в бывшей Чехословакии, во главе с капитаном I ранга Подгорным и его заместителем генералом Харжевским зачислялся в ОРВС. Фон Лампе указывал в своем приказе, что «два бывших отдела РОВСа, оставаясь верными заветам Российской Императорской Армии и идеологии Белого Движения, должны объединиться, дабы общими усилиями продолжать Белую борьбу за освобождение нашей многострадальной Родины от коммунистического рабства»⁹⁶. Процесс реорганизации бывшего VI отдела РОВСа в составе ОРВС завершился в результате поездки генерала фон Лампе в Прагу в ноябре 1939 года.

В 1939 году победой франкистов завершилась Гражданская война в Испании. Руководство РОВСа, которое с самого начала войны находилось на стороне генерала Франко, приветствовало такой исход войны, оценивая его как важную победу в мировой борьбе с коммунизмом. Уже 1 февраля 1939 года после падения Барселоны в передовой статье журнала «Галлиполийский Вестник» подчеркивалось: «Победил генерал Франко, победила Белая Испания, победили принципы истинной свободы, права, красоты и правды». В статье указывалось, что это будет иметь положительное значение для Русского Обще-Воинского Союза с точки зрения создания Белого антикоммунистического фронта⁹⁷.

Всего на стороне Франко участвовало в Гражданской войне 72 русских добровольца, большинство из которых были членами РОВСа (из них, в свою очередь, большинство составляли марковцы, боевые соратники генерала Фока). Русские добровольцы приехали в Испанию из разных стран, в большинстве своем европейских (главным образом Франции), но некоторые из них прибыли из более дальних и экзотических точек. Например, Н.Э. Барк приехал воевать в Испанию с Мадагаскара, где до этого проживал. Наиболее крупным подразделением был «Русский добровольческий отряд», формирование которого началось в апреле 1937 года. К апрелю 1938 года в нем насчитывалось 27 русских офицеров-добровольцев, а максимальная его численность достигала 35 человек. Другое русское подразделение именовалось по-испански «Герилье Сан Хорхе» (партизанский отряд Святого Георгия) и насчитывало в своем составе не более взвода. 10 русских офицеров воевали в Иностранном легионе, а 4 - в Испанской Фаланге.

Из 72 русских добровольцев, воевавших в Испании, 34 было убито и целый ряд ранен (в том числе легионер Н.П. Зотов, например, - 5 раз). В начале сентября (по другим данным, в конце августа) 1937 года, попав в окружение на Арагонском фронте, застрелился генерал А.В. Фок; в этом же бою погиб и командир взвода капитан Я.Л. Полухин. В связи с этим 11 ноября 1937 года был издан специальный приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу, в котором после уведомления о случившемся, указывалось: «Вечная память и слава доблестным соратникам, павшим смертью храбрых в борьбе с нашим общим врагом - Коммунистическим Интернационалом». Оба были посмертно награждены высшей испанской боевой наградой - коллективной лауреадой. Тяжело ранен в Испании был другой русский генерал - Н.В. Шинкаренко, кстати говоря, немало писавший об испанских событиях (прежде всего в журнале «Часовой») под псевдонимом Н. Белогорский.

Русские добровольцы участвовали в параде победы в Валенсии 3 мая 1939 года. 30 июня 1939 года большинство из них было уволено из армии в звании сержантов, кроме лиц, получивших офицерский чин. После окончания войны русские, служившие в рядах армии Франко, получили в октябре 1939 года испанское подданство, и большинство из них продолжало службу в Иностранном легионе. Некоторые принимали участие во Второй мировой войне и в боевых действиях против СССР на советско-германском фронте. Победа сторонников Франко в Гражданской войне в Испании вызвала ликование в рядах его русских поклонников-эмигрантов и в том числе в РОВСе. Опыт этой войны стал предметом внимательного изучения в русской военной эмиграции⁹⁸.

Подводя краткие итоги участия русских эмигрантов в Гражданской войне в Испании, нельзя не указать на то обстоятельство, что эта война углубила раскол в Российском Зарубежье, ибо, по различным данным, от нескольких сот до почти тысячи русских эмигрантов участвовали в ней в составе интербригад на стороне республиканцев, в том числе более ста из них погибло⁹⁹.

Шел 1939 год и постепенно политическая атмосфера в мире и прежде всего в Европе все более накалялась. В воздухе пахло военной грозой. За несколько месяцев до начала Второй мировой войны журнал «Часовой» рассматривал на своих страницах два возможных варианта развития предстоящих военных событий и участия в них РОВСа: если эта война будет вестись под флагом освобождения России - участвовать в ней в составе вооруженных сил; если борьба будет вестись против большевиков, но не за русское единство, - постараться вложиться в эту борьбу на русской территории и помогать тем русским силам, которые неизбежно пробудятся¹⁰⁰. 1 августа 1939 года был издан приказ начальника РОВСа генерала Архангельского о 25-летию Мировой войны. Он стал не только напоминанием о былых событиях и уроках минувшего, но и актуализировал современные проблемы. «Приближается час, в который должна будет решаться судьба отечества нашего», - говорилось в этом документе и содержался «призыв быть готовыми и не посрамить Земли Русской»¹⁰¹.

В канун начала Второй мировой войны, в августе - начале сентября 1939 года, состоялись два форума российской эмиграции. В августе великий князь Владимир Кириллович пригласил в С. Бриан руководителей и представителей различных эмигрантских организаций и в том числе начальника РОВСа генерала Архангельского для обсуждения вопросов, «волнующих эмиграцию». Среди прибывших были представители «Российского национального объединения», «Русского Национального Союза участников войны», РОВСа, Торгрома, эмигрантских газет и др. Генерал Кусонский писал в связи с этим событием фон Лампе в Берлин: «Лично я почти уверен, что выйдет крыловский «квартет». Он добавлял, что советовал генералу Архангельскому уклониться от этого «круглого стола», но потом согласился, чтобы хотя бы попенять на необдуманные действия Графа, начальника управления делами Главы Российского Императорского Дома, и генерала Апухтина, начальника Корпуса Императорской Армии и Флота.

Съезд в С. Бриане проходил с 12 по 14 августа. Среди заслушанных докладов был представлен доклад известного деятеля РОВСа и военного теоретика Союза полковника А. А. Зайцова «Боевые ценности Красной Армии», в котором указывалось, что все достижения ее сведены на нет разрухой, внесенной чистками 1937 - 38 годов, что привело к преобладанию роли политического аппарата армии. Резюмируя итоги встречи, генерал Архангельский указывал, что обмен мнениями и кулуарные разговоры проходили в атмосфере мирного обсуждения взаимных противоречий и стремления подчеркнуть и выявить то, что сможет сплотить различные эмигрантские организации. Он рассматривал съезд как шаг в этом направлении. Полезной, по мнению начальника РОВСа, оказалась и проходившая «в очень дружественных тонах» встреча с Г.К. Графом. Архангельский выражал надежду, что со стороны его собеседника будут предприняты «надлежащие шаги для восстановления нормальных отношений» между РОВСом и Корпусом Императорской Армии и Флота и не будут допускаться более усилия по укреплению последнего за счет возглавляемого им Союза, что происходило до этого¹⁰². Впрочем, изложение в доверительных письмах генерала Архангельского информации о состоявшейся встрече свидетельствовало о многообразии существующих в эмиграции противоречий и о том, что разрешить их и наладить взаимодействие различных эмигрантских организаций будет весьма непросто.

Заслуживает внимания и съезд белых организаций - так называемый Белый съезд, состоявшийся в Румынии в августе - сентябре 1939 года. Его представители пытались выработать общую платформу и оценки в отношении ключевых проблем современности, что воплотилось в его итоговой резолюции. Не могла не удовлетворить представителей Русского Обще-Воинского Союза оценка, данная ему на этом форуме: «РОВС есть драгоценное достояние России и ее национальной эмиграции. Мы должны всячески поддерживать его дух и крепость. Его неудачи - суть наши общие неудачи, его ошибки - наши общие ошибки, его враги - наши общие враги». Осуждались все попытки расколоть РОВС. Общее положение дел в Советской России определялось участниками съезда как острый кризис советского строя. Характеризуя общее положение в Европе и вопрос о войне, принятая резолюция определяла европейскую политику последних 20 лет как близорукую и ошибочную, а Версальский мир - как вредный и несправедливый. Все

это способствовало, по мнению участников съезда, зарождению воинственности в диктаторских странах. «Назревает новая чудовищная войны, - указывалось в принятой резолюции. -Этой войны может хотеть только Сталин».

Касаясь будущего России в контексте грядущей войны и интервенции, участники Белого съезда указывали, что ждать спасения России от интервенции - безнадежно и нелепо, а спасти ее от большевизма посредством иностранного завоевания есть мысль нелепая, противонациональная и предательская. Характеризуя русскую эмиграцию, в принятой резолюции указывалось, что она выполняет мировую задачу - является напоминанием миру о мировой опасности безбожного большевизма. За последние годы, констатировалось в резолюции, в эмиграции произошли упадок духа, уход в иностранный быт, неверие в самостоятельные силы русского народа, грызня и интриги, доверчивость к иностранным правительствам, а также к невозвращенцам и беглецам. Характеризуя крайне правые течения, указывалось на раскол и грызню, свойственные для них, а с другой стороны, - на их стремление разложить РОВС. Русский фашизм определялся как течение больное и слепое подражание Западу. В резолюции содержался и ряд других интересных оценок и характеристик (о НТСНП, об эмигрантской прессе и др.)¹⁰³. Таким образом, состоявшийся Белый съезд и выработанный итоговый документ интересны прежде всего с точки зрения определения болевых точек и актуальных вопросов современности и характеристики развития международных и иных процессов, а также положения в российской эмиграции.

Во второй половине 30-х годов, когда стало очевидно приближение новой большой войны, военными эмигрантскими организациями и прежде всего Русским Обще-Воинским Союзом были предприняты попытки активизации военной подготовки русской молодежи за границей. В это время существовали различные формы военной подготовки для эмигрантской молодежи, система этой подготовки постоянно совершенствовалась. В 1938 (или даже в 1937) году в Софии была создана Рота Молодой Смены имени генерала Кутепова. Рота состояла из трех взводов по сорок человек в каждом. Занятия и специальные тренировки проводились по особой программе три раза в неделю и были направлены на подготовку будущих кутеповских боевиков. Командиром роты был назначен полковник А.И. Федотов. Он же вел Военно-училищные курсы при III отделе РОВСа в Софии. Здесь работали и Унтер-офицерские курсы. Дополнительная военная подготовка слушателей велась в специальных летних тренировочных лагерях. Под Софией, при болгарском аэроклубе был создан «Русский отдел», и чины РОВСа с Унтер-офицерских и Военно-училищных курсов проходили там курс самолетостроения. Руками курсантов был построен планер «Петр Великий», на котором проводились испытания и сдавались экзамены по специальности. III отдел РОВСа тесно взаимодействовал и фактически курировал работу отдела Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР) в Болгарии, численность которого в 1938 году составлял около 480 человек. Тесно связанные с РОВСом отделы НОРР активно действовали накануне Второй мировой войны также во Франции, Югославии, Китае и ряде других стран.

В Белграде существовала рота допризывной подготовки подполковника М.Т. Гордеева-Зарецкого. Там же действовали Военно-училищные курсы IV отдела РОВСа, где проходила обучение молодежь русской эмигрантской колонии. В Брюсселе успешно действовала Русская Стрелковая Дружина имени генерала Врангеля под командованием полковника А.Н. Левашова. На базе ее были организованы Военно-училищные курсы при V отделе РОВСа. Унтер-офицерские и Военно-училищные курсы, а также курсы других профилей успешно действовали при Дальневосточном отделе РОВСа. Многочисленные военные курсы работали при НОРР на Дальнем Востоке. Аналогичная работа среди русской эмигрантской молодежи велась и в других странах русского рассеяния и действующих там организациях. Например, в русских «сокольских обществах» за рубежом накануне Второй мировой войны существовало 75 действующих организаций, объединявших около 5700 молодых людей¹⁰⁴. В национально-патриотических организациях, созданных для эмигрантского юношества, было объединено в конце 30-х годов, по некоторым оценкам, до 10 тысяч человек¹⁰⁵.

Тема омоложения Русского Обще-Воинского Союза и, в частности, его руководства по-прежнему постоянно присутствовала как в обсуждениях в рядах Союза, на страницах эмигрантской печати, так и в личной переписке его видных деятелей. Показателем в этом отношении обмен посланиями между генералами Абрамовым и Кусонским в конце июля - начале августа 1939

года, за месяц до начала Второй мировой войны. Генерал Абрамов в очередной раз поднял тему омоложения Союза и его командного состава в переписке, что он уже не раз делал и на протяжении предшествующих лет, и получил довольно резкую отповедь генерала Кусонского, вероятно выражавшего не только свое мнение, но и начальника РОВСа генерала Архангельского. «Ты считаешь, что старикам с их буржуазными пережитками, т.е. с офицерскими понятиями о чести, дисциплине, взаимоотношениях и пр., и пр. следует отойти в сторону, дав дорогу тем, у кого эти понятия созвучны с молодежью, т.е. с потерявшими или никогда не имевшими этих понятий, - писал Кусонский из Брюсселя. - Если так и можно было бы считать, то лишь в том случае, если старики остались или в одиночестве, или, по крайней мере, в явном меньшинстве - пока этого нет, а если или когда настанет такой момент, то старикам действительно придется уйти, но тогда и от молодежи нужно будет отнять наименование воинского союза, или какие же это будут воины».

Вопрос об омоложении, по мнению Кусонского, заключался в ином, против чего он особенно не возражал. Но каждый или почти каждый раз, когда к этому вопросу подходим практическим, писал генерал, то оказывается, что «преемники, более молодые, хуже предшественников-стариков, да и какие ни будь старики, мы, как в семье, настолько привыкаем к ним, настолько оказываемся связанными с ними пережитым, что замена новыми людьми отзывается болезненно». «Не знаю, ясно ли я выражаюсь», - завершал свои размышления 1 августа 1939 года генерал Кусонский¹⁰⁶.

Так или иначе, но пройдет всего месяц и Русский Обще-Воинский Союз, как и все Российское Зарубежье окажется в новой, сложной и драматичной ситуации, которую, с одной стороны, давно ждали, но которая готовила и много неожиданных сюрпризов. Эта наступавшая новая историческая эпоха называлась Второй мировой войной.

Глава 10. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РОВС В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторжение вооруженных сил Германии 1 сентября 1939 года в Польшу стало началом невиданного по своим масштабам катаклизма мировой истории - Второй мировой войны. Но этот день совпал с пятидесятилетием Русского Обще-Воинского Союза, чему и был посвящен специальный приказ генерала Архангельского. В нем указывалось на то, что время подтвердило правильность основ организации и ее жизнедеятельности. РОВС оценивался как хранитель лучших традиций Российской Императорской Армии, и подчеркивалась его главная цель - борьба за освобождение и восстановление Великой России. Начальник Союза указывал на необходимость укрепления основ РОВСа. В приказе содержался призыв к воинским чинам, отошедшим от Союза, возвращаться в родные ряды, части и организации¹.

В связи с пятидесятилетием РОВСа генерал Архангельский обратился с приветствием к великому князю Владимиру Кирилловичу, который, в свою очередь, направил начальнику Союза приветственный рескрипт, который тот объявил чинам Союза своим приказом № 27 от 25 октября 1939 года. Великий князь высказывал благодарность за изложенные в его адрес начальником и чинами РОВСа пожелания и «готовность Союза отдать свои силы и жизнь за освобождение и восстановление России на ее исконных исторических началах». Он высоко оценивал Белую борьбу и подчеркивал важность «сберечь Союз и обереечь его от всего, что нарушило бы его волю для борьбы за освобождение и восстановление России на ее исконных исторических началах». «Укрепляя себя, Союз должен всеми силами стремиться к единению и сплочению всего Русского Зарубежного Воинства, особенно в теперешний грозный час», - указывалось в рескрипте Главы Российского Императорского Дома².

Начало Второй мировой войны вызвало и новый раскол российской эмиграции, что стало очевидным, выплеснувшись в разнообразии мнений на страницы русскоязычной зарубежной печати. В приказе генерала Архангельского указывалось, что «чины РОВСа должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину»³. Но это звучало весьма двусмысленно и могло трактоваться даже как призыв встать с оружием в руках на сторону тех стран, где проживали русские эмигранты.

Более точно начальник Русского Обще-Воинского Союза определил позицию РОВСа и военной эмиграции в отношении развернувшейся войны на совещании начальников групп и председателей организаций, входивших в V отдел Союза, 28 сентября 1939 года. По мнению генерала Архангельского, война обязала русских людей к честному исполнению возложенных на них правительствами обязанностей. Но русский вопрос по-прежнему не разрешен, и ни одно правительство не включило в цели войны восстановление национальной России. Это обстоятельство, по утверждению докладчика, обязывало РОВС хранить нейтралитет⁴.

Спустя несколько дней после начала войны редактор журнала «Часовой» В.В. Орехов в статье «В эти дни» констатировал, что соглашение большевиков с Гитлером явилось их временным крупным дипломатическим успехом. Касаясь позиции русских эмигрантов, автор писал: «Спокойно и беспристрастно мы должны будем оценить положение и произвести неизбежную переоценку и совершенно неизбежную критику всего происшедшего». Орехов подтверждал принципиальную позицию, высказанную журналом еще несколько месяцев назад: «Пора нам делать нашу русскую политику и «сохраняя признательность и уважение» к странам, нас приютившим, с достоинством вести работу и борьбу только за Россию и во имя России»⁵. В декабре 1939 года редактор этого популярного в рядах военной эмиграции издания уточнял свою позицию: «Политическая эмиграция не имеет никакого права вмешиваться в настоящий европейский конфликт до тех пор, пока одна из стран не объявит, что в числе целей войны есть и борьба с узурпировавшими русскую власть большевиками»⁶.

Журнал «Часовой» не обошел стороной и весьма интересовавшую военную эмиграцию проблему изменения в результате советско-германских соглашений конфигурации западных границ в пользу СССР. В передовой статье «Коммунизм умрет! Россия вечна!» это издание указывало на бескровный захват СССР половины польского государства и возвращение Западной Украины, Западной Белоруссии, Галиции, Советский Союз становится фактически хозяином Прибалтики, контролирует Румынию и Балканы, нависает всей тяжестью на Венгрию. Это небывало крупный для СССР военный и дипломатический успех, - признается в статье. Но возвращаясь к этой теме в ноябре 1939 года, В.В. Орехов публикует передовую статью под красноречивым названием «Нет, это еще не Россия». В ней подчеркивалось: «Не Россия возвращается на свои земли. Не Русская Армия перешла польскую границу»⁷. Воспользоваться дальнейшим бурным течением политических и военных событий в Европе и мире таким образом, чтобы вернуться в Россию в качестве хозяев и поднять над ней национальное знамя, - именно эта мысль становится лейтмотивом размышлений и действий российской военной эмиграции и в том числе руководства РОВСа в это переломное время.

Между тем, советско-германские соглашения августа-сентября 1939 года серьезно дезориентировали русскую военную эмиграцию. Особенно озадачена была та ее часть, которая именно с Германией связывала надежды на уничтожение большевизма. Добавим, что в это время германские власти пошли и на аресты целого ряда активистов Русского Зарубежья. Был распущен ряд их организаций, например, «Русский Национальный Союз Участников Войны» генерала Туркула, переехавшего в 1938 году в Германию. Германофильски и профашистски настроенным русским военным эмигрантам оставалось лишь надеяться, что заключенные Германией с СССР соглашения носят временный характер, и их столкновение неизбежно, причем в ближайшем будущем.

Особенно важной и актуальной тема взаимоотношений с руководством Германии являлась для «Объединения Русских Воинских Союзов», центр которого распола-

гался в Берлине. Начальник ОРВС генерал фон Лампе в приказе от 2 сентября 1939 года, на следующий день после вторжения Германии в пределы Польши и начала Второй мировой войны указывал, что подавляющая часть чинов возглавляемого им Объединения проживает на территории вновь созданной Велико-Германии, «государства, вошедшие в состав которой оказали нам гостеприимство и дали нам приют после тяжелых переживаний наших в период русской революции и борьбы на белых фронтах Гражданской войны в России». Генерал напоминал, что «основными принципами наших воинских организаций, образовавшихся на чужбине, всегда были верность традициям наших Белых Вождей, непримиримость по отношению к коммунизму в России и невмешательство во внутреннюю и политическую жизнь приютивших нас стран». «Ныне Велико-Германия переживает решительный исторический момент своего бытия», - высокопарно подчеркивал фон Лампе и отмечал, что это волнует чинов Объединения. «В такие дни мы должны быть исключительно лояльными по отношению к давшей нам кров стране, - верноподданно подчеркивалось в этом приказе. - Долг признательности за многолетнее гостеприимство обязывает (выделено в тексте - В.Г.) нас всеми силами отзываться на обращения ее представителей к нам в том или ином случае, стараясь, как и чем можно помочь ей в ее переживаниях, разумеется, оставаясь верными нашим основным принципам»⁸.

14 сентября генерал фон Лампе направил в соответствии с установленными германской стороной требованиями отчет начальнику Управления по делам русской эмиграции в Германии генералу Бискупскому о деятельности ОРВС за месяц, в котором подчеркивалось, что начало военных действий Германии против Польши и объявление войны Германии со стороны Англии и Франции, естественно, отразилось на настроениях членов Объединения. Среди многих вопросов в числе главных были следующие: как выразить свое сочувствие к приютившей стране и не изменится ли благожелательное отношение германских властей к нашим воинским организациям вследствие заключения германо-советского пакта. В связи с этим фон Лампе с удовлетворением констатировал утверждение германским судом 7 сентября Устава ОРВС, занесенного в реестр под № 12350. Это позволяло закончить реорганизацию воинских союзов. Объединение состояло из шести объединений, образующих соответственно I-VI отделы ОРВС. В соответствии с нацистскими канонами, отраженными в Уставе ОРВС, евреи не могли быть членами Объединения. В результате поездки генерала фон Лампе в Прагу в начале ноября 1939 года им был издан приказ от 5 ноября, в соответствии с которым «Союз Русских воинских организаций», бывший VI отдел РОВСа, в Праге и протекторате Богемии и Моравии переименовывался в Юго-Восточный отдел ОРВС⁹. Руководство его оставалось прежним: начальником был капитан I ранга Подгорный и его заместителем - генерал Харжевский.

Война Германии с Польшей, положившая начало Второй мировой войне, поставила перед российской эмиграцией и ряд других непростых вопросов. Управляющий делами Российского Общественного Комитета в Польше, сотрудник Боевой организации генерала Кутепова в 20-е годы СЛ. Войцеховский вспоминал, что по первому варианту раздела Польши между Германией и СССР граница должна была пройти по рекам Висла и Нарев, и к большевикам должно было отойти предместье Варшавы Прага с православной митрополией, что привело к массовому и поспешному бегству отсюда русских эмигрантов. Но затем было принято решение провести границу по реке Буг, что сократило масштабы бегства, но отток русских беженцев все равно происходил¹⁰.

Другим сложным вопросом являлась судьба русских, мобилизованных польским правительством и попавших в плен к немцам. Но, как указывал впоследствии генерал Архангельский, германские власти в целом положительно относились к русским эмигрантам, «видя в них непримиримых врагов коммунизма». В результате они освобождали из плена русских, призванных польским правительством, освобождая их к тому же от польского подданства и т.д.

К моменту капитуляции Польши в этой стране существовали три основные российские эмигрантские организации: Русское Благотворительное Общество в Польше,

Русский Попечительский об эмигрантах Комитет в Польше и уже упомянутый Российский Общественный Комитет в Польше. Германские власти приняли решение о закрытии в учреждаемом генерал-губернаторстве благотворительных и просветительных организаций и создании взамен их национальных самоуправлений, в том числе русского.

1 октября 1939 года к командующему немецкими войсками в Польше явилась делегация Российского Общественного Комитета, приветствуя немцев от имени русского населения Варшавы. В результате его руководитель СЛ. Войцеховский был назначен начальником образованного в этой стране Управления делами русской эмиграции. Все русские эмигрантские организации подчинялись ему. Думается, что в выборе кандидата на должность сыграли свою роль и политические взгляды СЛ. Войцеховского. Он сам вспоминал спустя десятилетия, что возглавляемый им ранее Российский общественный Комитет противники называли «реакционным» и считали выразителем «монархических» мнений; в комитетской квартире на ул. Гурского в Варшаве были размещены портреты российских монархов¹².

С приходом немцев русские военные эмигранты создали в Польше Варшавский Воинский Союз на правах отдела «Объединения Русских Воинских Союзов». В июле 1940 года германские оккупационные власти издали декрет о ликвидации всех русских организаций, существовавших в Польше до прихода немцев, а Управление делами русской эмиграции было переименовано в Русский Комитет. В нем было зарегистрировано около 10 тысяч человек. В начале 1941 года он стал именоваться Особый Русский Комитет, а возглавлял его по-прежнему СЛ. Войцеховский. Согласно информации, полученной генералом Архангельским из Германии, кандидатуру Войцеховского рекомендовал немецким властям генерал Бискупский¹³.

События сентября 1939 года, начало Второй мировой войны, поражение Польши и так называемая «странная война», развернувшаяся после объявления Великобританией и Францией войны Германии, кардинально изменили жизнь русской эмиграции в Европе. 28 сентября генерал Архангельский выступил на военном собрании в Брюсселе перед чинами РОВСа о современных проблемах. Особое внимание в докладе начальника Русского Обще-Воинского Союза было уделено положению СССР в связи с развивающимися событиями. Сталин и СССР возвратили российские земли, ранее присоединенные к Польше, и, возможно, это же произойдет с территориями Эстонии и других лимитрофов, в связи с чем, резюмировал Архангельский, Сталина, возможно, назовут «великим собирателем земель русских». Но коммунизм, утверждал начальник РОВСа, - это мертвая вода, а не живая. Надежды эмиграции были связаны с неизбежным будущим столкновением фашистской Германии и СССР.

Происходящие в Европе события привели к тому, что многие страны приступили к мобилизации своих армий, но русские были призваны в ряды армии лишь во Франции. Это коснулось молодых людей в возрасте до 32 лет, а лица в возрасте до 48 лет прошли регистрацию. Формирование сейчас русских национальных отрядов неприемлемо и противоречит русским интересам, заявил генерал Архангельский, а идея образования особого русского легиона во Франции осуществления не получила. Начальник I отдела РОВСа генерал Витковский поддерживал связь с русскими чинами, мобилизованными во французскую армию. Он поставил перед французскими властями вопрос о наиболее рациональном использовании призываемых в армию русских эмигрантов, в зависимости от специальных знаний и способностей. Что касается Бельгии, то она в развертывавшейся в Европе войне придерживалась нейтралитета, а после поражения Польши вела себя, по утверждению начальника РОВСа, деликатно и не могла высказывать своих симпатий¹⁴. Это предопределяло и тактику поведения русских эмигрантов в Бельгии.

Проходили неделя за неделей, складывавшиеся в месяцы. Подходил к концу 1939 год. Война в Европе расширялась, охватывая новые страны. «Мы вступаем в 1940 год при зареве разгорающейся войны, - говорилось в приказе № 1 генерала Архангельского РОВСу от 1 января 1940 года. - В вооруженное столкновение советской власти с небольшим, но крепким духом народом, втянуто и наше Отечество». Начальник РОВСа

высказывал надежду на свержение советской власти и восстановление национальной мощи России¹⁵.

Советско-финляндская война 1939 - 40 годов вызывала, с одной стороны, большой интерес, а с другой, - и существенные расхождения мнений и оценок в Российском Зарубежье. Вышедший в свет 5 декабря 1939 года журнал «Часовой» посвятил начавшейся войне передовую статью под названием «Советское вторжение в Финляндию», в которой назвал Сталина советским Чингисханом. Вспоминая 1918 год, когда Финляндия сыграла роль барьера против коммунизма, журнал желал успехов генералу Маннергейму в этой войне¹⁶. Практически в каждом последующем номере тема и события этой войны освещаются и исследуются на страницах указанного ведущего журнала Русского военного Зарубежья, с удовлетворением констатируются проблемы, с которыми столкнулась Красная Армия в войне с Финляндией, указывается на обнаружившуюся ненадежность советских войск и бездарность большевистского командования.

Редактор «Часового» В.В. Орехов в статье «Мысли белогвардейца», опубликованной 1 января 1940 года, сравнивал испанскую и финскую войны. Он подчеркивал, что ныне сложилась качественно иная ситуация, ибо «на карту поставлен престиж советской власти и прежде всего престиж внутренний». Огромное количество убитых, раненых и пленных могут привести к волнениям в Красной Армии. «Наш долг - долг русской эмиграции - принять посильное участие в борьбе с большевиками, всегда, везде и при всяких обстоятельствах», - подчеркивал автор. Не следует преувеличивать собственные силы, ибо эмиграция не может выставить армий и корпусов, но может, по мнению Орехова, создать значительный русский отряд, который привлечет всех ненавидящих советскую власть. Автор считал возможным также помочь финнам нашей пропагандой. «И если Финляндия захочет нашей помощи, мы должны будем вложиться в эту борьбу, памятуя, что каждая пуля против Красной армии нам выгодна, каждый удар по большевикам идет на пользу России и каждая неудача Сталина - радость русского народа», - подчеркивалось в статье¹⁷.

Война СССР с Финляндией вызвала активный отклик со стороны руководимого генералом Туркулом «Русского Национального Союза Участников Войны». «Почти вся эмиграция сходилась в том, что всякая война, которая даст оружие русскому народу, приведет к падению советскую власть. - подчеркивалось в передовой статье журнала РНСУВ «Военный Журналист» под красноречивым названием «Война Финляндии и русский участок борьбы против Коминтерна». «Почти вся эмиграция также считала, - указывалось в этой статье, - что именно внешняя война советской власти даст возможность эмиграции включиться в борьбу против Коммунистического интернационала. Казалось очевидным, что тот, кто будет воевать против СССР, будет использован эмиграцией». Финляндская война делит эмиграцию на актив и балласт, подчеркивалось в названной статье официоза РНСУВ и указывалось, что во главе борьбы должен стать генерал Туркул, имеющий в своем распоряжении организацию, могущую стать стержнем общественного движения актива русской эмиграции. Предполагалось, что широкое военно-политическое движение эмиграции под руководством генерала Туркула должно было быть санкционировано великим князем Владимиром Кирилловичем¹⁸.

В Российском Зарубежье в это время не раз звучали предложения оказать помощь Финляндии в войне с СССР и в том числе со стороны генерала Архангельского, возглавлявшего РОВС и Главный комитет Фонда Спасения России. О замыслах и реальных действиях Русского Обще-Воинского Союза в отношении Финляндии в условиях войны между СССР и Финляндией повествует отчет Архангельского от 30 марта 1940 года.

По утверждению начальника РОВСа, эта война была одним из наиболее благоприятных для русской эмиграции случаев, и притом в наиболее выгодных для нее условиях, для проникновения на территорию СССР и возобновления вооруженной борьбы с большевиками. Это было обусловлено, по мнению генерала Архангельского, рядом факторов: 1) основной вопрос, который мог стоять между Национальной Россией и Финляндией, - независимость последней, по-видимому, можно было считать решенным

в благоприятном для Финляндии смысле: все зарубежные представители Национальной России с Главой Российского Императорского Дома во главе высказались за сохранение независимой Финляндии; 2) национальные русские интересы в отношении обеспечения русских границ были бы лучше охранены при участии русских эмигрантов в борьбе за свободу Финляндии и за освобождение России; 3) борьба в Финляндии давала русским эмигрантам большую, чем в каком-либо другом месте и случае, возможность перенесения борьбы на территорию России и ведение ее самостоятельно, а не в составе чужих войск и под чужим флагом; 4) наличие во главе финской армии фельдмаршала Маннергейма, много сделавшего в свое время для борьбы с красными и настаивавшего на помощи России в ее Белой борьбе, казалось обеспечивало и в настоящее время в большей или меньшей степени помощь русским эмигрантам в перенесении борьбы на территорию СССР, это касалось и помощи материальной, пока последние не стали бы твердой ногой на родной земле; 5) принятие русскими эмигрантами такой помощи от Финляндии казалось вполне логичным и естественным, так как они вместе вели борьбу с общим врагом - советской властью; 6) в такой борьбе русские эмигранты были бы независимы от какой-либо великой державы и, следовательно, имели бы возможность наиболее полно обеспечить интересы Национальной России.

Правда, по мнению генерала Архангельского, существовала опасность, что втягивание русской эмиграции в войну с Финляндией могло быть истолковано Германией, как то, что эмигранты становились как бы на сторону противоборствовавшей с ней коалицией во время продолжавшейся Второй мировой войны, и в таком случае Германия могла бы помешать им в их борьбе вместе с Финляндией против СССР. Но генералу Архангельскому и его сподвижникам внушало оптимизм то обстоятельство, что отдельные русские эмигранты ездили из Германии в Финляндию для борьбы с красными (А. Мельский, И. Солоневич), а такие поездки не могли бы состояться без разрешения или даже прямого поощрения германских властей.

В такой сложившейся в ходе войны между СССР и Финляндией ситуации начальник РОВСа генерал Архангельский считал себя обязанным обратиться к маршалу Маннергейму с предложением об участии русских эмигрантов в борьбе против общего врага и просил его высказаться о возможности такого участия, чтобы затем, после получения принципиального согласия, обсудить вопрос о форме участия. Число русских добровольцев, по мнению Архангельского, зависело бы от средств и отношения государств, в которых проживали члены РОВСа, хотя было ясно, что крупного отряда собрать и отправить в Финляндию не удастся. Но это участие и помощь в войне должны были выражаться не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии, для поднятия восстаний и развязывания гражданской войны в СССР.

Это обращение начальника Русского Обще-Воинского Союза к маршалу Маннергейму основывалось на многочисленных письмах и заявлениях и, как утверждал Архангельский, на общем желании чинов РОВСа принять участие в борьбе против советской власти. Соответствуя целям и задачам Союза, оно соответствовало, по мнению генерала, и общему негодование, охватившему мир, после нападения СССР на Финляндию, что давало основания рассчитывать на помощь русским добровольцам со стороны цивилизованных стран.

Но Маннергейм ответил Архангельскому, что в настоящем периоде войны не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением, хотя и добавил, что трудно предвидеть, какие возможности могут открыться в будущем. А еще несколько ранее получения ответа фельдмаршала стало, по утверждению начальника РОВСа, известно, что финское правительство, отдав распоряжение своим дипломатическим представителям за границей содействовать поступлению добровольцев в финскую армию, запретило принимать русских, проживавших в Финляндии, и лишь позднее, в январе 1940 года, они были мобилизованы.

Отказ маршала Маннергейма принять русских добровольцев заключался, по мнению генерала Архангельского, в причинах политического характера. Советская

власть, утверждал он, объявила войну не Финляндии и финскому народу, а выступала с «поддержкой» искусственно созданного ею «народного правительства» Куусинена против «белобандитов и клики Таннера - Маннергейма», т.е. советское правительство начало борьбу на платформе гражданской войны в Финляндии, борьбы красных против белых. Принять борьбу в этой плоскости, полагал начальник РОВСа, финны не могли, т.к. это грозило бы единству нации, и внешняя война могла бы действительно перейти в войну гражданскую, губительную для всякой страны, а тем более для такой маленькой, как Финляндия. Финскому правительству необходимо было создать полное единение народное, а его можно было сохранить, лишь ведя национально-освободительную войну против русских. Именно на таких условиях, считал Архангельский, самая крупная группа финляндского Сейма - социалисты - и гарантировали правительству полную поддержку со стороны представляемых ими групп населения. Ведением национально-оборонительной войны против «русских» единство финской нации было действительно сохранено, и в стране произошел огромный национальный подъем.

Но при таких условиях участие в войне на стороне финнов русских, да еще окрашенных в «белый» цвет, для Финляндии было недопустимо, оно не только вызвало бы недоумение в стране, но и дало бы повод советскому руководству вести агитацию о «захватно-белогвардейских» планах финнов, «поддерживаемых русскими белогвардейцами». При этом финны, по мнению начальника РОВСа, считали, что вред от такой агитации не может быть компенсирован даже значительностью сил русских добровольцев на фронте. Кроме того, финское правительство, ведя, в соответствии с заявлением маршала Маннергейма, «борьбу на жизнь и смерть, один против пятидесяти», не могло расширить ее рамки и поставить себе задачей, помимо оборонительной, еще и наступательную войну, вызывая гражданскую войну в СССР, как бы это ни было выгодно для Финляндии. Она все время могла думать только об оборонительной войне, и все время мечтала о скорейшем ее окончании, понимая, что длительная война грозит ей полным истощением и гибелью¹⁹. В этих размышлениях и объяснениях генерала Архангельского, относящихся, напомним, уже ко времени после окончания советско-финляндской войны, было немало здравого смысла, и с ними во многом можно согласиться.

Обстановка в ходе советско-финляндской войны несколько изменилась в середине февраля 1940 года в результате захвата в плен значительного числа красноармейцев, что, по мнению генерала Архангельского, открывало возможность «применения наших сил». Добавим к этому и другое немаловажное обстоятельство: усиливавшееся истощение внутренних сил Финляндии в войне с СССР заставляло ее руководство искать и прибегать к различным дополнительным ресурсам, в том числе и к попыткам использования советских военнопленных в борьбе с Красной армией.

В феврале 1940 года из Парижа в Финляндию выехал Б.Г. Бажанов, в прошлом член партии большевиков, помощник генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина и секретарь Политбюро ЦК компартии, в 1928 году бежавший из СССР. Перед своей поездкой он имел встречу и продолжительную беседу с начальником РОВСа по вопросу о возможности участия Союза в войне Финляндии против СССР. Сам Бажанов в опубликованных мемуарах писал, что он хотел образовать Русскую Народную Армию из бывших красноармейцев, только добровольцев, «не столько для того, чтобы драться, сколько чтобы предлагать подсоветским солдатам переходить на нашу сторону и идти освобождать Россию от коммунизма». Он исходил из того, что население, уставшее от кошмаров коллективизации ежовщины, должно массово подняться против советской власти.

В штаб-квартире маршала Маннергейма в Сен Микеле состоялась его встреча с Бажановым. Тот изложил свой план распропагандирования взятых финнами в плен красноармейцев и привлечения на свою сторону для борьбы с советской властью. Маннергейм согласился предоставить ему такую возможность в одном из лагерей для военнопленных, хотя и выразил сомнение в успешности реализации вынашиваемого Бажановым замысла²⁰.

План действий, обсужденный Баженовым с генералом Архангельским накануне поездки в Финляндию, сводился к тому, чтобы развернуть агитацию среди советских военнопленных, доказывая им, что они обмануты советской властью. В случае успеха агитации из пленных должны были формироваться небольшие «русские народные отряды» для партизанских и иных действий в тылу Красной Армии и для привлечения красноармейцев для борьбы против советской власти. В случае успеха эти отряды должны были быть развернуты в строевые отряды «Русской Народной Армии». К командованию отрядами, а позже частями этой армии, предполагалось привлечь чинов Русского Обще-Воинского Союза и в первую очередь офицеров, сначала на добровольной основе и в зависимости от их подготовки, а затем, по мере развития событий, и прочих чинов Союза и других воинских организаций.

Правительство Финляндии, с согласия Маннергейма, одобрило этот план в середине февраля 1940 года. Для эксперимента был избран один из лагерей для военнопленных, в котором находилось около 500 бывших красноармейцев, в абсолютном большинстве русские и украинцы, а также некоторое количество представителей национальных меньшинств. В результате агитации значительную часть из них²¹ удалось убедить вступить в ряды «Русских Народных Отрядов». Пленные, сделавшие такой выбор, были переведены в другой лагерь, и там из них были сформированы пять небольших отрядов, во главе которых были поставлены офицеры из чинов РОВСа. Бажанов утверждал, что РОВС специальным приказом предоставил в его распоряжение свой финляндский отдел (заметим, что на самом деле объединение РОВСа в Финляндии именовалось подотделом). Эти офицеры были зачислены офицерскими чинами и в финскую армию.

Формирование командного состава для создаваемых Баженовым отрядов происходило очень непросто. Прежде всего пришлось отказаться от мысли использовать для этой цели пленных командиров Красной Армии. Бажанов объяснял это тем, что на них решили не тратить времени, ибо «два-три получекиста-полусталинца уже успели организовать ячейку и держали офицеров на терроре». Генерал Архангельский утверждал, что когда пленных красноармейцев спросили, с какими начальниками они желают идти на фронт, с лицами из командного состава Красной Армии или с белыми офицерами - эмигрантами, они все выразили желание, чтобы ими командовали последние, и именно это обусловило принцип отбора комсостава. Но и офицеры-эмигранты очень непросто адаптировались в новой обстановке и к предъявляемым им требованиям. Бажанов признавал, что нужно было потратить немало времени, чтобы они нашли общий язык с солдатами: «Они говорили на разных языках, и мне нужно было немало поработать над офицерами, чтобы они нашли нужный тон и нужные отношения со своими солдатами»²².

Формирование отрядов затянулось. В начале марта они готовились к выступлению на фронт. Но туда успели отправить лишь один отряд численностью 35-40 человек во главе с капитаном Киселёвым. Его деятельность была признана успешной, ибо за несколько дней «народоармейцы» сумели привлечь на свою сторону и перевести за линию фронта красноармейцев в числе, превышающем численность отряда²³. Но 13 марта Финляндия подписала перемирие, война окончилась, и начатый эксперимент прекратился. Генерал Архангельский резюмировал это следующим образом: «Наметившееся было для нас «окно» для перенесения нами борьбы на родную территорию, едва начав открываться, захлопнулось окончательно...»²⁴.

Советско-финляндская война и ее итоги получили самые разные отклики в Русском Зарубежье и в том числе среди военнослужащих. Часть из них рассматривала ее как не вполне реализованный или нереализованный шанс для прямой вооруженной борьбы с большевиками. Но подобные призывы и действия не нашли значительного отклика среди эмигрантов. Слишком сложной была финская тема и ее наследие, как в контексте дореволюционной истории, так и с точки зрения опыта Гражданской войны в России, когда лидеры белого движения неудачно пытались привлечь Финляндию к

вооруженной борьбе против Советской России и с ее отказом приступить к широко-масштабным военным действиям связывали провал похода на Петроград.

Многие эмигранты-военнослужащие исповедовали идею «единой и неделимой России», и государственная независимость Финляндии была им не по нутру. Извечный оппонент РОВСа, генерал Деникин писал (правда уже после окончания Второй мировой войны) в адрес генерала Архангельского, вспоминая события советско-финляндской войны: «Вы, «в интересах, якобы, русского национального дела» предложили контингенты РОВСа Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть «национального дела» в том, что русские сражались бы в рядах финляндской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но Россию вообще и русский народ»²⁵.

Анализируя итоги и делая выводы из советско-финляндской войны сразу после ее окончания, журнал «Часовой» указывал, что она «явилась вновь совершенно неожиданным для всех успехом СССР», и признавал боеспособность Красной Армии, части которой оказались послушными в руках командования, дрались в тяжелой обстановке, неся серьезные потери. Высказывалось суждение, что пока части Красной Армии не будут разбавлены запасными (старших возрастов, зараженными современными на строениями деревни), они будут сражаться и в другой войне. Командный состав, по мнению журнала «Часовой», также показал свою надежность. Вместе с тем, крестьянская масса, утверждалось в этом журнале, «испорчена советской властью неглубоко». Высказывались также надежды, что эта война позволила ее советским участникам сравнить и увидеть разницу между советской действительностью и жизнью Европы, что должно было сказаться на процессах в армии и обществе. Характеризуя послевоенное положение Финляндии, один из авторитетных экспертов РОВСа полковник А.А. Зайцов указывал, что подписанный 13 марта 1940 года в Москве мирный договор с Финляндией и произведенное изменение границ привели к тому, что оборона этой страны становится трудно разрешимой²⁶.

Вместе с тем, сам генерал Архангельский, руководство РОВСа и Главного Комитета ФСР полагали, что в новой международной обстановке возрастают возможности вооруженного столкновения с СССР. В директиве Главного Комитета Фонда от 14 марта 1940 года указывалось, что возникают большие возможности для возобновления нами открытой борьбы с советской властью и предписывалось отправление одиночек в массовом порядке для участия в военных действиях, а также организация пропаганды среди пленных красноармейцев и формирование из них отрядов для действий против СССР. Главный Комитет учредил для этого особый сбор в ФСР со специальным назначением отправки добровольцев в соответствующие места для борьбы с коммунизмом и СССР²⁷.

Вообще же, судя по ряду документов, финансовая ситуация руководства РОВСа в это время несколько улучшилась. Отвечая в связи с этим 27 апреля на вопрос генерала Абрамова, генерал Кусонский писал, что был предусмотрителен и обеспечил получение всех остатков (кроме 25 тыс. франков Хрипунова и то небольшую часть смогли получить)²⁸.

После окончания советско-финляндской войны начальник РОВСа генерал Архангельский направил специальную записку великому князю Владимиру Кирилловичу с осмыслением ее опыта и результатов. Он получил ответ от начальника управления по делам Русского Императорского Дома контр-адмирала Графа, в котором указывалось, что великий князь разделяет взгляды генерала и выводы его послания²⁹.

Свои выводы по итогам советско-финляндской войны сделали генерал Туркул и возглавляемый им «Русский Национальный Союз Участников Войны»: «Опыт финской войны показал, что подсоветские люди политически незрелы, поэтому было бы не только ошибочно, но и преступно предоставлять этим людям решать судьбы будущей Российской империи». Но итоги войны показали, по мнению руководства РНСУВ, и полную беспомощность эмиграции: «На этот раз русским национальным силам не удалось использовать состояние внешней войны, в котором находилась коммунистическая

власть. И несомненно наше поражение». И, тем не менее, ситуация не казалась РНСУВ бесперспективной. «Логика событий увлекает советы в большую войну, которая дает возможность русскому народу подняться против Коммунистического Интернационала», - читаем мы на страницах его журнала «Военный Журналист». - До новой возможности включиться в борьбу нам остается очень немного времени, а на этот раз мы обязаны быть готовы»³⁰ (выделено в тексте - В.Г.).

Генерал Туркул не считал возможным рассчитывать на внутренний переворот в России, а полагал необходимым объединить усилия идеологически близких эмигрантских организаций, создать эмигрантский национальный центр во главе с главнокомандующим, кандидатуру которого предстояло определить. «Если мы не создадим соответствующего центра, возглавляемого будущим главнокомандующим, - утверждал председатель РНСУВ, - мы опять опоздаем, как опоздали в Финляндии». Как следует из материалов органа РНСУВ журнала «Военный Журналист», главнокомандующим будущей военно-политической акции должен был стать председатель этого Союза генерал Туркул, назначенный великим князем Владимиром Кирилловичем. В конечном счете, именно объединение эмиграции, обеспечение ее поддержки из-за рубежа и слияние ее усилий с национальными русскими силами на российской земле могли обеспечить, по мнению РНСУВ и его председателя, успех антисталинской борьбы. Генерал Туркул утверждал, что настоящих союзников у русского белого дела нет, и хотя возлагал определенные надежды на интервенцию в СССР и считал необходимым работать в этом направлении и сотрудничать с интервентами, но был убежден, что пути их неизбежно разойдутся³¹.

Происходившие на европейской и мировой арене события, связанные с разворачивавшейся Второй мировой войной, вызвали разнообразие оценок и толкований в кругах российской эмиграции, а с другой стороны, заставляли возвращаться к своим актуальным внутренним проблемам, обсуждать программу, стратегию и тактику борьбы против СССР. Но выработать единство действий, и в том числе эмигрантских военных организаций, было не суждено. Страстные дискуссии и взаимные нападки продолжались. В начале 1940 года «Военный Журналист», печатный орган РНСУВ, например, весьма резко высказался в адрес идей непредрежденства, весьма популярных в годы Гражданской войны в Белом движении и разделяемых руководством Русского Обще-Воинского Союза: «Непредрежденство - страшное зло, главным образом потому, что оно избавляет его сторонников от обязанности продумать, разработать и сформулировать основные вопросы будущего государственного устройства России». Председатель РНСУВ генерал Туркул утверждал, что либерализм и демократия с парламентаризмом отжили свой век, а Россия была и будет монархией, и выдвинул политическим лозунгом своей организации «Бог, Отечество и Социальная справедливость». На страницах своего журнала А.В. Туркул опубликовал серию статей в защиту монархии и ее современного толкования³². Политические заявления генерала Туркула и его критика в адрес других эмигрантских движений и организаций вызывали, в свою очередь, ответную негативную реакцию с их стороны.

В конечном счете, в условиях разгоравшейся Второй мировой войны, которая неизбежно должна была втянуть в свою орбиту и СССР, русской эмиграции предстояло сделать непростой выбор внешних союзников в предстоящей борьбе. Ставку можно было сделать на бывших союзников России в Первой мировой войне или попытаться заключить альянс с коалицией фашистских держав, возглавляемых Германией. Если руководители ОРВС и РОВСа, не говоря уже о РНСУВ, все более тяготели в пользу поддержки держав германского блока, то наиболее последовательным сторонником союза с Францией и Великобританией среди эмигрантов был генерал Деникин. Он выступал против альянса с Германией в силу этических соображений и считал необходимым хранить верность прежним союзникам. Весной 1940 года он обратился к главам английского и французского правительств с меморандумом, обосновывая свою точку зрения на необходимую политику союзников против большевиков. Основное содержание этого документа было изложено в апрельском номере журнала «Часовой».

Деникин полемизировал с публикациями западноевропейской прессы и официальными заявлениями о целях борьбы для защиты «западной культуры» и христианства от «восточного варварства». Он указывал, что в данном случае налицо известная доля лицемерия и оскорбление русского народа, а также немудрая политика к державам не западной культуры, которых стремятся вовлечь в свою орбиту. Восточная культура хранит в себе не меньшие духовные ценности, нежели западная, утверждал генерал Деникин. Что касается марксизма-ленинизма - коммунизма, то это, подчеркивал автор, вовсе не русское изобретение, а продукт, перенесенный на русскую почву с Запада. Дело не в борьбе культур, доказывал западным политическим лидерам Деникин, а в том, что большевизм чужд, враждебен и ниспровергает всякую культуру.

Но главными для генерала Деникина были актуальные проблемы политической борьбы, «борьбы с наступающим, организованным и вооруженным панкоммунизмом», которая, считал он, должна быть бескомпромиссна. По его мнению, борьба против СССР в связи с выяснившимися политическими течениями могла происходить в двух аспектах: или против большевизма, за освобождение и восстановление России, или против России, с целью ее балканизации и раздела. Борьба против России, с ее необъятными размерами, громадными людскими и материальными ресурсами, и силами, подорванными войной на западном фронте, потребует больших жертв, доказывал автор, и окончится так, как кончались другие нашествия на Россию. Крушение же великой империи вызвало бы невероятный хаос во всем мире и новую полосу бесконечных войн и революций. Но задуть Россию все равно невозможно, утверждал Деникин, даже после временного бессилия она поднялась бы и объединилась вновь, восстанавливая с оружием в руках свое право на жизнь и привлекая в свою орбиту всех недовольных. Наоборот, борьба против большевизма, за освобождение России, доказывал генерал государственным лидерам Англии и Франции, потребовала бы от западных стран наименьших усилий и жертв. Он считал, что, быть может, нужен будет только один сильный толчок и дальнейшая дипломатическая и материальная помощь, чтобы вызвать «внутренний взрыв», чтобы «русский народ, уверовав в искренность намерений держав, откликнулся на их призыв, поднялся против ненавистной власти и покончил сам с мировым злом большевизма»³³.

Чем более разгоралась Вторая мировая война на европейском континенте, тем больше проблем возникало и для русских эмигрантов. Сохранять выжидательную и нейтральную позицию становилось все труднее. Военной эмиграции и ее руководителям надо было, в конце концов, делать выбор между воюющими коалициями. Особенно остро этот вопрос встал в мае-июне 1940 года, когда развернулись бои между немецкими войсками и вооруженными силами союзников, завершившиеся поражением последних. Среди части русских эмигрантов во Франции звучали в ходе этой войны призывы встать на защиту страны, приютившей их, и даже организовать мобилизацию русских во французскую армию.

В возникшей сложной ситуации начальник I отдела РОВСа генерал Витковский выступил против этого, аргументируя свою позицию тем, что «русская кровь может быть пролита только за русскую землю». Он и председатель Эмигрантского комитета Маклаков протестовали против мобилизации русских эмигрантов во французскую армию. Несмотря на это, французское правительство мобилизовало их в порядке воинской повинности. Руководство РОВСа в лице его председателя генерала Архангельского и начальника канцелярии генерала Кусонского поддерживало позицию Витковского. Генерал Кусонский в письме фон Лампе в Берлин 25 июня 1940 года указывал, что «РОВС держит себя превосходно», и Витковский - на месте. Позицию, занятую I отделом РОВСа и генералом Витковским, приветствовал и журнал «Часовой». Генерал Архангельский в письме от 28 июня того же года в качестве центрального ставил вопрос о судьбе русских военнопленных, отбывавших воинскую повинность во французской армии. При этом он с удовлетворением указывал на то, что удалось добиться отказа от формирования русских отрядов, ибо это было бы бессмысленным, «так как Русский вопрос не ставился и о Национальной России никто не говорил»³⁴.

Добавим, что тремя днями раньше Кусонский в письме генералу фон Лампе указал на ярко выраженные, по его мнению, симпатии, проявившиеся у русских эмигрантов-военнослужащих: «Не хотел тебе писать, но теперь могу сказать, что судя по письмам огромное большинство русских, независимо от страны их проживания, были явными германофилами, иногда даже страстными. Эти симпатии были до такой степени мало скрываемы, что на них обратили внимание иностранцы, которые никогда не могли понять, почему БЕЛЫЕ русские на стороне немцев»³⁵. Если это было на самом деле так, то подобные настроения, вероятно, можно объяснить прежде всего тем, что значительная часть русских эмигрантов, бывших белогвардейцев, именно с немцами, фашистской Германией, а не с демократическими странами Запада, начинала связывать надежды на грядущую и неминуемую войну с СССР и крах коммунизма.

28 июня 1940 года начальник РОВСа генерал Архангельский обратился с Памятной запиской к германскому правительству, касавшейся военнопленных французской армии, среди которых были и русские. Он просил об облегчении их участи, ссылаясь на то, что ему известно благожелательное отношение правительства Германии к русским эмигрантам, ибо оно видит в них непримиримых врагов коммунизма. Он ссылаясь при этом на пример освобождения немцами попавших к ним в плен в сентябре 1939 года русских, призванных польским правительством, что было положительно оценено эмигрантами. Помимо освобождения из плена русских солдат французской армии, Архангельский просил дать им возможность работать по специальности, а молодежи продолжить образование.

Председатель РОВСа в своем послании германскому правительству высказывал также просьбу оказать материальную помощь нуждающимся эмигрантам, особенно не имеющим французского подданства. Генерал ставил эти же проблемы, обращаясь и к начальнику Управления по делам русской эмиграции в Германии генералу Бискупскому. Характеризуя тяжелое материальное положение русских во Франции, он предлагал рассмотреть вопрос о возможности перемещения части из них в Германию³⁶. Тема переезда части русских офицеров-эмигрантов из Франции в Германию обсуждалась и в последующие месяцы в переписке генералов Архангельского и фон Лампе³⁷. Забегая вперед, заметим, что в письме, полученном генералом Архангельским из Германии в конце марта 1941 года, сообщалось, что в эту страну привезено 3 тыс. русских эмигрантов³⁸.

Вернувшись же к теме русских, ставших немецкими военнопленными, добавим, что это касалось и эмигрантов, мобилизованных в ряде других стран. В эмигрантской переписке, например, активно обсуждался вопрос о судьбе сына генерала Кусонского - Алексея³⁹, который был мобилизован в бельгийскую армию и попал в плен к немцам. Сам он, предположительно, был отправлен в лагерь для военнопленных в Германию, а в Бельгии у него остались жена и двое детей.

Размышляя об итогах германской военной кампании в Европе в мае - июне 1940 года, затронувшей и русских эмигрантов, начальник РОВСа генерал Архангельский писал генералу Краснову 3 июля 1940 года: «С окончанием войны во Франции окончилась и трагедия русских воинов, вынужденных силою бороться за чуждое им дело. Перестала литься русская кровь и, надо надеяться, если ей суждено впредь проливаться, - то только за русское национальное дело». В этом же письме начальник РОВСа коснулся и расширения советских границ на запад, последним актом чего явилось присоединение Прибалтики в июне 1940 года: «В разгар мировой войны Сталин продолжает раздвигать пределы страны, включая в нее все, что принадлежало России раньше и что должно принадлежать по национальным признакам. Тяжко приходится присоединяемым, так как подпадают под действие «тяжелой воды» коммунизма..., но Бог даст, это ненадолго, найдется «живая вода», и Русский Богатырь восстанет»⁴⁰.

По мере оккупации Германией все новых европейских стран актуальной становилась проблема взаимоотношений немецких оккупационных властей с русскими военными эмигрантами, их организациями и прежде всего с РОВСом. Нередко немцы начинали с массовых арестов подозрительных лиц, среди которых оказывались и русские

эмигранты. Такие аресты происходили и в самой Германии. Например, фон Лампе в письме Архангельскому 28 августа 1940 года сообщал об аресте в Германии генералов Врцинского и Штубендорфа⁴¹. В Германии, Бельгии, а затем и в ряде других стран были созданы Управления по делам русской эмиграции. Во главе их ставились русские эмигранты, уже зарекомендовавшие себя тесными отношениями с руководством фашистской Германии. Управление по делам русской эмиграции в Германии возглавлял, напомним, генерал В.В. Бискупский (его деятельность распространяется затем и на ряд других территорий III рейха, в частности, Чехию), в Бельгии - Ю. Л. Войцеховский, а в Польше аналогичным органом, именованным Русским Комитетом руководил С.Л. Войцеховский. Их отношения с эмигрантскими организациями и, в частности, с РОВСОм складывались часто очень непросто.

После германского blitzkriega и поражения Франции положение в Европе кардинально изменилось. Размышляя об этом, начальник РОВСа генерал Архангельский писал 5 июля 1940 года: «Предстоит новый акт войны - надо думать последний. Схватка, верно, будет жестокая и решительная - поставлено на карту обеими сторонами очень многое. Затем, я уверен, последует и освобождение нашей Родины. Как и когда сказать трудно, но надо думать - неизбежно». Он полагал, что несмотря на сохраняющийся союз с СССР, отношение Германии к коммунизму - непримиримое. Затем Германии, ставшей колониальной империей, рассуждал Архангельский, понадобятся и рынки с покупательной способностью и верный сосед. То есть речь пойдет о России. В связи с этим генерал указывал, что отношение немцев к бедам русских и к проблемам русских эмигрантов - подчеркнуто хорошее. «В предвидении событий, которые рано или поздно будут, - несмотря на собирание земли русской, - нам надо быть готовыми, держаться крепче, поддерживать связь, изучать, что делается в СССР - его структуру, организацию, надо хорошенько ознакомиться с принципами, положенными в основу строения тоталитарных государств и воспитания народа, давших и дающих такие хорошие результаты, - писал генерал Архангельский. - Надо во что бы то ни стало сохранить Русский Обще-Воинский Союз, значение которого не только не упало, но возросло. Надо поддерживать связь. Сейчас это очень трудно, но необходимо»⁴².

Военные действия Германии в Европе затруднили связи и деятельность организаций РОВСа в разных странах. Немецкая военная цензура вводила дополнительные ограничения в переписке. Председатель РОВСа вынужден был признать, что часто даже в случае сохранения организаций жизнь их замерла. Дефицит финансов также чрезвычайно затруднял деятельность Союза. «Денежные дела РОВСа очень плохи», - откровенно писал генерал Архангельский в одном из своих писем летом 1940 года⁴³. В оккупированных странах организации РОВСа пытались наладить контакты с новыми властями, но складывались они очень непросто. Немцы весьма настороженно относились к деятельности русских эмигрантских организаций и в том числе к РОВСу. При этом многое зависело от руководителей немецких оккупационных администраций на местах и начальников Управлений по делам русской эмиграции.

Во Франции после вступления немецких войск в Париж эмигранты создали Русский Представительный Комитет, который получил поддержку от наиболее крупных организаций эмиграции - РОВСа, РНСУВ, НТСНП, Союза Легитимистов и др. Его возглавил Ю.С. Жеребков, внук одного из генерал-адъютантов Николая II. Но к созданию и деятельности этого нового органа отрицательно отнеслись либерально-демократические круги российской эмиграции во Франции и представлявший их интересы Эмигрантский комитет, который возглавлял по-прежнему В.А. Маклаков.

После поражения Франции в войне с Германией положение I отдела РОВСа, во главе которого здесь по-прежнему стоял генерал Витковский, Военно-Морского Союза, неизменно возглавляемого вице-адмиралом Кедровым, и ряда других эмигрантских организаций в этой стране оказалось весьма сложным. Генерал Краснов обоснованно писал, что они в течение многих лет ориентировались на страны Антанты и в новых условиях не могли рассчитывать на сочувственное отношение к себе со стороны германской власти⁴⁴.

Приказом главнокомандующего германскими вооруженными силами во Франции от 28 августа 1940 года воспрещалась всякая деятельность иностранных учреждений и организаций, что вызвало, в частности, многочисленные обращения русских эмигрантских организаций. В конце концов, приказом главнокомандующего германскими вооруженными силами во Франции от 9 апреля 1941 года был учрежден «Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции» как единственный официальный посредник между властями и русской эмиграцией. Его возглавил полковник В.К. Модрах. Продолжал свою работу и Русский Представительный Комитет, возглавляемый Жеребковым, который поддерживал тесные связи с немецкими оккупационными властями.

Руководитель РОВСа на Юге Франции генерал М.А. Свечин вошел в состав французского «Легиона Комбатантов», созданного коллаборационистом маршалом Петеном.

Разделение Европы на территорию, уже оккупированную и еще не оккупированную немцами, создавало исключительные трудности для деятельности и взаимоотношений эмигрантов и их организаций, в том числе Русского Обще-Воинского Союза. Тем более, что обстановка в каждой из пока самостоятельных европейских стран и российских эмигрантских организациях в них имела свои особенности. Как свидетельствуют материалы переписки руководителей Русского Обще-Воинского Союза, исключительно сложная ситуация складывалась, например, в крупнейших - III и IV отделах РОВСа (центрами которых являлись соответственно Белград и София, а руководителями - по-прежнему генералы Барбович и Абрамов)⁴⁵, находившихся на территориях стран, пока не оккупированных фашистскими державами. В этих условиях изолированный в Брюсселе начальник РОВСа генерал Архангельский пытался использовать любую возможность для связи с соратниками. Например, осенью 1940 года журнал «Галлиполийский Вестник» опубликовал короткое сообщение о том, что генерал Архангельский передает привет и пожелания всем чинам РОВСа «с прежней стойкостью перенести все невзгоды в связи с новыми мировыми событиями, памятуя, что за мраком последует и рассвет»⁴⁶.

Стремительно меняющаяся ситуация в Европе и мире заставляла руководителей РОВСа искать пути взаимодействия и сотрудничества в первую очередь с германскими властями ради выживания Союза и с надеждой в перспективе на совместную с германской армией вооруженную борьбу против СССР. Начальник РОВСа генерал Архангельский со второй половины лета - осенью 1940 года вел переписку и надеялся прибыть из Брюсселя в Берлин для встреч с генералами Бискупским и фон Лампе, а также представителями германских властей, чтобы разрешить комплекс сложных вопросов настоящего и будущего Русского Обще-Воинского Союза. Но его приезд в Германию так и не состоялся. Причину срыва своего визита сам начальник РОВСа объяснял сохраняющейся «дружбой» Германии с СССР⁴⁷.

Напомним, в связи с этим, что осенью 1940 года Гитлер предлагал советскому руководству присоединиться к Тройственному пакту и продолжить сотрудничество с целью совместной борьбы против Британской империи. В ноябре того же года эта тема подробно обсуждалась в ходе визита советского наркома по иностранным делам В.М. Молотова в Берлин⁴⁸. В связи с изложенным приезд генерала Архангельского в это время в Берлин был совершенно не ко времени. 20 декабря 1940 года один из ветеранов РОВСа, первый заместитель председателя Союза генерал Драгомиров направил из Белграда письмо генералу Архангельскому, в котором размышлял о сложившемся положении дел. Центральный вопрос, который он ставил в письме, заключался в том, будет ли идейная атмосфера войны благополучна коммунизму, или она будет способствовать выздоровлению русского народа от коммунистического угара⁴⁹.

У начальника «Объединения Русских Воинских Союзов» генерала фон Лампе сложилось хорошее взаимопонимание с начальником Управления по делам русской эмиграции в Германии генералом Бискупским. Фон Лампе систематически (сначала раз, а потом два раза в месяц) направлял Бискупскому рапорты о ситуации в отделах

ОРВС. Бискупский, в свою очередь, в ходе одной из бесед с фон Лампе так целенаправленно выстраивал линию поведения Объединения: «Спокойно, без всякой критики, сохраняя единство и дружеское взаимопонимание, терпеливо ожидать решения вопроса, занимаясь своей повседневной работой, и тем самым сберечь как свое положение, так и положение всей русской эмиграции, проживавшей в Германии»⁵⁰. Добавим, что жившему в Берлине генералу фон Лампе было неизмеримо легче поддерживать отношения с организациями РОВСа на территории оккупированных немцами европейских стран, нежели фактически изолированному в Брюсселе генералу Архангельскому.

26 июня 1940 года генерал фон Лампе пишет письмо в Брюссель генералу Архангельскому. «Вы правы, события понеслись чрезвычайные, и в них хочется где-то видеть залог перемен и для нашей Родины, - читаем мы в этом послании. - Думается, что впереди предстоит многое, и судьбы Европы и мира, по-видимому, сильно изменятся». Центральным вопросом, который поднимался в письме, было сохранение Русского Обще-Воинского Союза и возможное воссоединение возглавляемых этими генералами организаций - РОВСа и ОРВС. Касаясь первой части вопроса - сохранения РОВСа, фон Лампе информировал Архангельского, что генерал Бискупский говорил об этом с германскими властями, и выражалась надежда, что у Архангельского больше не будет неприятностей. Начальник ОРВС указывал, что ему близок вопрос о воссоединении их организаций и предлагал Архангельскому написать ему официальное письмо об этом, упомянув, почему их организации разошлись, и указав свое желание вновь соединиться. Фон Лампе обещал перевести такое письмо и передать на рассмотрение германским властям. Он добавлял, что такого же мнения придерживается и генерал Бискупский⁵¹.

С осени 1940 года в ходе развернувшегося диалога генералов Архангельского и фон Лампе начинается процесс переподчинения и вхождения еще части союзов РОВСа (в частности, в Дании, Люксембурге и др.) в «Объединение Русских Воинских Союзов»⁵². ОРВС активизирует свою деятельность и в Польше. Вообще же, судя по всему, германские власти, по-прежнему весьма настороженно относились к деятельности РОВСа, сеть воинских союзов и организаций которого располагалась во многих странах мира, в том числе на неконтролируемой Германией территории. Поэтому германские власти ужесточали контроль над организациями РОВСа и его центральным руководством. С другой стороны, укрепление ОРВС, официально именуемой независимой и дружественной Русскому Обще-Воинскому Союзу организацией, объективно вело к ослаблению и децентрализации РОВСа, к уменьшению влияния Союза и его руководства на жизнь и дела русской военной эмиграции. Впрочем, немецкие власти весьма настороженно относились и к идее централизации русских воинских организаций в рамках «Объединения Русских Воинских Союзов».

Сложная ситуация в Русском Обще-Воинском Союзе в новых военно-политических условиях стала предметом любопытных размышлений первого заместителя начальника РОВСа генерала А.М. Драгомирова в уже упомянутом выше письме генералу Архангельскому 20 декабря 1940 года. «Все, что Вы пишете в письме генералу Имнадзе (информация от 16 октября 1940 года) об общем положении нашей эмиграции, о видах на будущее, о наших текущих задачах, все Ваши указания на такт, сдержанность, скромность и т.п. - все это полностью отвечает моим взглядам и мыслям, которые я постоянно высказывал и продолжаю высказывать и теперь», - указывал Драгомиров. Он констатировал «чрезвычайный сдвиг ИДЕЙ», внесенный войной, и видел в нем «самые благоприятные условия для воссоединения по окончании войны национальной России, на многовековых основах ее бытия». По мнению генерала, надвигался «новый мировой порядок». «Если действительно весь Старый Свет ныне группируется на Западе вокруг оси Берлин - Рим, а на Дальнем Востоке - около Японии, а середина этого огромного океана земель и народов самой судьбою как бы предназначена для руководящей роли России, то просто голова кружится от одной мысли о грандиозности задач, стоящих перед нами и о величайшей ответственности», - писал Драгомиров.

Размышляя о перспективах перемен в СССР и планах Сталина, генерал полагал, что идейная атмосфера к концу войны все-таки не будет благоприятной коммунизму и происходит выздоровление русского народа, а РОВС внес и вносит большой вклад в этот процесс. Констатируя перерыв связей с начальником РОВСа генералом Архангельским, делящийся уже более полугодом, Драгомиров утверждал, что это особенно подчеркнуло «всю ВНУТРЕННЮЮ СИЛУ СЦЕПЛЕНИЯ РОВС» (здесь и далее выделено в тексте документа - В.Г.), не произошло перерыва моральных связей. «Заботы, Вас мучающие, о формальном объединении всех отделов РОВС - мне представляются совершенно ВТОРОСТЕПЕННЫМИ и ни в коей мере не ЗЛОБОДНЕВНЫМИ, - писал автор письма. - Мы себя за эти 1/2 года не чувствовали никогда забытыми или заброшенными». Он не считал необходимым проведение каких-либо перемен (в том числе личных), полагая, что они «были бы вредны для нашего общего дела». Во всей эмиграции только РОВС, по мнению генерала Драгомирова, сохранил незыблемой свою идеологию, и роль его должна расти с каждым новым днем»⁵³.

5 апреля 1941 года началось вторжение войск Германии в Югославию, что вызвало сложную реакцию многочисленной русской эмиграции в этой стране. Часть эмигрантов заявила о готовности вступить в ряды югославской армии в качестве добровольцев. Среди них были, например, генералы Барбович и Зборовский, полковник Рогожин и др. Но война носила молниеносный характер, и их заявления, и силы не были востребованы. Начальник РОВСа генерал Архангельский, считая судьбу Югославии предрешенной, в письме генералу фон Лампе 11 апреля заявляет о целесообразности включения в состав ОРВС IV и V отдела РОВСа. Тем временем в условиях германской оккупации вносились определенные изменения в жизнь русских эмигрантов и их взаимоотношения с властями. По некоторым данным, немцы уже в апреле вместо Державной комиссии учредили в Белграде Бюро по делам русских беженцев в Сербии, которое первоначально возглавил инженер Иванов. В июне (а по другим данным даже в мае) 1941 года немецкими властями была произведена определенная реорганизация Бюро, которое стало именоваться в документах как «Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии». Начальником его приказом главнокомандующего немецкими войсками в Сербии был назначен генерал М.Ф. Скородумов. Вступая в должность возглавлятеля русской эмиграции здесь, он объявил 16 июня обращение к русской эмиграции. Скородумов призвал духовенство к поднятию духа эмигрантов. Все военные организации предполагалось свести в один военный отдел. Учебный отдел должен был заниматься делом воспитания и образования учащихся. Важным пунктом обращения являлось финансовое положение эмиграции. Обращение содержало призыв к единству эмиграции»⁵⁴.

6 апреля генерал Архангельский и генерал Гартман, начальник V отдела РОВСа, были вызваны в германскую оккупационную администрацию, где им в резкой форме было объявлено о запрещении ведения всякой политической, социальной и воинской работы. Они должны были согласовывать свою деятельность с начальником Управления по делам русской эмиграции в Бельгии Ю.Л. Войцеховским. Тот, как рассказывал о происшедшем генерал Кусонский в письме фон Лампе 6 мая 1941 года, должен был то ли закончить, то ли продолжать незаконченные дела по РОВСу. Войцеховский, по словам Кусонского, указал руководителям Русского Обще-Воинского Союза, что вся деятельность русских организаций (которые не могут быть государством в государстве) должна согласовываться с ним и местными русскими лейтерами. Кусонский в связи с этим с известной завистью констатировал, что фон Лампе и Бискупский в Германии понимают друг друга с полуслова, а в свое время они же указывали, что германское командование не имеет ничего против генерала Архангельского и РОВСа. Сейчас, продолжал генерал Кусонский, ситуация изменилась: у Архангельского и Гартмана «заткнуты рты, и они поставлены под контроль».

Автор письма характеризовал сложившееся положение, как ненормальное. Он видел три выхода или варианта дальнейшего развития событий: 1) «уйти» Архангельского (чего добивался еще Солоневич, добавлял он), что нанесло бы ущерб должности председателя РОВСа и отрицательно сказалось бы на его преемниках; 2) замолчать мо-

мент и возвысить голос в другое время, но это привело бы к исчезновению центра, и автор письма не видел в этом выгоды для германцев; 3) восстановить права генерала Архангельского на исполнение обязанностей начальника РОВСа и право общаться с чинами и в том числе с фон Лампе как начальником объединения, «начальником независимым, но духовно связанным со всем РОВС». Может быть, было бы правильным и естественным решением, продолжал Кусонский, перевести Архангельского в Берлин и согласовывать его деятельность с Бискупским, но это должно быть согласовано с последним. Начальник канцелярии РОВСа уверял, что Архангельский не собирается мешать Войцеховскому, а готов помогать ему в работе, «но не в деле разрушения наших воинских организаций». В конце письма его автор высказывал надежду, что фон Лампе и Бискупскому удастся урегулировать эту сложную ситуацию⁵⁵.

Новые сложности возникали у Русского Обще-Воинского Союза и во Франции. Как вспоминал два десятилетия спустя начальник I отдела РОВСа генерал Витковский, 12 апреля 1941 года в управлении возглавляемого им отдела в Париже, на Колизе, 29 раздался телефонный звонок из немецкой полиции безопасности. Он был приглашен туда на следующий день и уведомлен, что по распоряжению немецких властей не должен заниматься ни политической, ни организационной работой, а также не мог продолжать руководить деятельностью I отдела. Ему, якобы, было заявлено, что СССР является союзником Германии, поэтому он должен заболеть, назначить помощника, отойти от работы и не появляться в управлении РОВСа. В ином случае ему угрожали принятием «санкций». В результате 13 апреля В.К. Витковский встретился с генералом Стоговым и начальником канцелярии I отдела Союза полковником Малышевым и издал приказ вверенному ему отделу, что ввиду болезненного состояния и по требованию врачей не может исполнять обязанности начальника отдела и поручает их временное исполнение генералу Стогову. Так продолжалось до начала военных действий фашистской Германии против СССР⁵⁶.

15 мая начальник РОВСа генерал Архангельский в письме генералу фон Лампе жаловался на сложные отношения с начальником Управления по делам русской эмиграции в Бельгии Ю. Л. Войцеховским и констатировал, что жизнь Русского Обще-Воинского Союза замерла. Он указывал на существующее мнение о том, что РОВС должен быть уничтожен, а на его месте создана другая организация. Но начальник Союза высказал категорическое несогласие с этим, заявляя, что ни он, ни генерал Гартман так действовать не будут. В ответных письмах в Брюссель генерал фон Лампе сообщал, что подобное развитие ситуации производит на него удручающее впечатление, и информировал, что обратился в немецкие инстанции для ее урегулирования, полагая, что на местах все зависит от немецкого командования. Фон Лампе соглашался с необходимостью сохранения РОВСа, но при этом обсуждал с немецкими властями вопрос о присоединении к своей организации (т.е. к ОРВС) IV и V отделов Союза и сообщал в Брюссель о том, что это признано желательным и, вместе с тем, предложено повременить с данной реорганизацией. Но и это генерал фон Лампе считал успехом⁵⁷.

Таким образом, в начальный период Второй мировой войны прежде единый Русский Обще-Воинский Союз распадается фактически на две формально независимых, хотя и дружественных объединения, и руководящим центром деятельности русских военных организаций постепенно и фактически становится «Объединение Русских Воинских Союзов», возглавляемое генералом фон Лампе.

21 мая 1941 года, за месяц до нападения фашистской Германии на СССР генерал фон Лампе направил главнокомандующему сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршалу фон Браухичу письмо (над текстом которого он работал с начала мая) следующего содержания: «Русские военные эмигранты с первого дня героической борьбы Германии за свое существование с глубоким вниманием присматриваются к событиям, связанным с этой борьбой, и не считая себя в праве сказать свое слово, всеми силами стараются заменить ушедших в армию на фронт бойцов на их должностях в глубоком тылу, чтобы хотя бы в небольшой степени принять участие в борьбе Германии против Англии, векового врага Национальной России.

Для нас нет никаких сомнений в том, что в последний период борьбы она выразится в военном столкновении Германии с Союзом Советских Социалистических Республик. Это неизбежно уже в силу того, что коммунистическая власть, стоящая во главе нашей родины, никогда не сдержит ни своих договоров, ни своих обещаний уже по самой своей коммунистической сущности.

Мы твердо верим, что в этом военном столкновении доблестная Германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей ее коммунистической властью совнаркома. Мы верим в то, что в результате этой борьбы придет мир и благополучие не только для Германии, но и для Национальной России, верными которой остались мы, политические русские военные изгнанники, за все двадцать лет нашего пребывания вне России. Мы верим также, что в результате борьбы, которую ведет Германия, родится союз между Германией и Национальной Россией, который обеспечит мир Европы и процветание Вашего и Нашего Отечества.

И потому теперь, когда наступает новый, быть может самый решительный час, самая решительная стадия борьбы, в которой мы уже не можем удовольствоваться скромной ролью в тылу, а должны принять то или иное активное участие - я считаю своим долгом заявить Вашему Превосходительству, что я ставлю себя и возглавляемое мною Объединение Русских Воинских Союзов в распоряжение Германского Верховного Командования, прося Вас, господин Генерал-фельдмаршал, дать возможность принять участие в борьбе тем из чинов его, которые выразят свое желание это сделать и физически окажутся пригодными»⁵⁸.

Неизбежность скорой войны Германии с СССР была очевидна для всей русской эмиграции и, разумеется, для Русского военного Зарубежья и его лидеров. Выбор политической линии, характера и тактики взаимоотношений с германскими властями и командованием в этих условиях приобретал особое значение, также, как и сложный выбор, который необходимо было сделать в предстоящей войне каждому русскому, находившемуся на чужбине. Станет ли война Германии против СССР именно той иностранной военной интервенцией, которая столь давно ожидалась значительной частью эмиграции и в первую очередь военными, смогут ли русские эмигранты и особенно бывшие военнослужащие принять участие в этой войне и на каких условиях, приведет ли эта борьба к желанному реваншу в борьбе с советской властью, чем это обернется для Родины - дать ответы на эти и другие сложные вопросы, которые на протяжении двух предшествующих десятилетий неоднократно и страстно дискутировались в Российском Зарубежье и в том числе в руководящих кругах Русского Обще-Воинского Союза, должна была жизнь и реальное развитие событий уже в ближайшие дни, недели и месяцы.

Глава 11. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Начало боевых действий Германии против СССР 22 июня 1941 года знаменовало собой не только кардинальную веху в истории Второй мировой войны и человеческой цивилизации, но и в истории Русского Зарубежья и в жизни военной эмиграции. Каждый из русских эмигрантов должен был сделать выбор. Он сводился к одному из следующих вариантов: 1) встать на сторону фашистской Германии (и даже принять участие в боевых действиях) в надежде с ее помощью устранить ненавистный советский режим и избавить страну от «коммунистического ига»; 2) встать на позиции оборончества, поддержать СССР в развернувшейся страшной войне, когда встал вопрос о самом существовании их Отечества; создание антигитлеровской коалиции объективно способствовало расширению числа сторонников этой позиции и их возможностям участвовать в борьбе с фашизмом; 3) занять выжидательную и нейтральную позицию.

В первые же дни войны ведущие политические, военные и духовные лидеры эмиграции заявили о своих позициях. «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма - большевизма, который поработил и угнетает народы России в течение двадцати четырех лет, - говорилось в последовавшем 26 июня обращении Главы Российского Императорского Дома великого князя Владимира Кирилловича, - Я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»¹. Это обращение было объявлено приказом начальника «Объединения Русских Воинских Союзов» генерала фон Лампе 20 июля 1941 года.

«Встанем все друзья, как один человек, на честный, ратный бой с красным дьяволом, - призывал эмигрантов из Парижа митрополит Русской Православной Церкви Заграницей Серафим. - Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский, Великий Князь Димитрий Донской, Святейший Патриарх Гермоген и все наши Угодники и молитвенники за Русскую Землю да благословят нашу священную войну со слугами сатаны. Да здравствует Великая Наша Россия»². Образы великих сынов и патриотов России, как уже названных выше А. Невского и Д. Донского, оказались в центре развернувшейся острейшей идеологической борьбы, ибо советское руководство использовало их имена как исторические символы многовековой борьбы русских людей за спасения своего Отечества и для придания войне с Германией и ее союзниками характера Великой Отечественной войны.

Начальник «Объединения Русских Воинских Союзов» генерал фон Лампе в целях разъяснения своего видения начавшейся войны Германии с СССР приступил к распространению своего майского письма № 392 генерал-фельдмаршалу фон Браухичу, текст которого приведен в предыдущей главе. С предложением к германским властям использовать все антибольшевистские местные русские силы для посильного участия в борьбе обратился начальник III отдела РОВСа генерал Абрамов. С обращением к российской эмиграции, в котором содержался призыв письменно подтвердить готовность участвовать в общей борьбе совместно с Германией против СССР, выступил 22 июня Комитет Взаимопомощи Русской эмиграции во Франции. «Наступил час, который трепетно ждали русские националисты двадцать долгих лет, - говорилось в этом обращении. - Судьбы грядущей России отныне тесно связаны с судьбами национал-социалистической Германии». Российским эмигрантам предлагалось явиться в названный комитет и письменно подтвердить готовность «слить на любом поприще их усилия с усилиями внутри-российских националистов и жертвенностью национал-социалистической Германии в общей борьбе за общее дело»³. И перечень подобных примеров можно продолжить. В целом ряде европейских стран, оккупированных Германией или находившихся с ней в союзнических отношениях, русскими эмигрантскими организациями была начата запись желающих участвовать в войне с большевиками с оружием в руках.

22 июня начальник Юго-Восточного отдела ОРВС капитан I ранга Подгорный, получив «радостную весть о войне Германии», как признавался он сам, немедленно связался со своим шефом в Берлине генералом фон Лампе и получил от него санкцию на действия, осуществленные в последующие дни. 23 июня каждому члену ОРВС был разослан приказ № 10 по Юго-Восточному отделу в связи с началом войны, где содержалась и копия письма генерала Лампе фельдмаршалу фон Браухичу. 24 июня Я.И. Подгорный был принят заместителем рейхспротектора в Богемии и Моравии. В ходе беседы с участием представителей немецкого командования начальник Юго-Восточного отдела ОРВС ознакомил их с письмом фон Лампе Браухичу и заявил о готовности русских эмигрантов участвовать в войне Германии против советской власти. Ему была выражена благодарность за проявленные чувства. С указанным письмом фон Лампе и позицией Объединения в войне был ознакомлен и начальник немецкого гарнизона Праги⁴.

24 июня в Праге было распространено распоряжение начальника Управления делами российской эмиграции генерала Бискупского. Начальникам опорных пунктов Управления предписывалось обеспечить полное спокойствие, все эмигранты должны были оставаться на местах службы, воздерживаясь от критики и комментариев настоящих и будущих событий. Если германским властям понадобится сотрудничество эмигрантов или отдельных эмигрантских групп, то они обратятся к начальнику Управления, указываясь в распоряжении⁵.

25 июня представители Юго-Восточного отдела ОРВС в Братиславе направили приветственный адрес германскому командованию в связи с началом военных действий против СССР. 26 июня руководством ОРВС в Праге было проведено собрание начальников отделений пражской группы, где была обсуждена сложившаяся в связи с войной Германии против СССР ситуация.

Начальник ОРВС генерал фон Лампе установил связи с начальниками III и IV отделов РОВСа в Болгарии и Югославии генералами Абрамовым и Барбовичем и получил ответ, что они присоединяются к его решению и выражают готовность действовать сообща⁶. Тем временем в адрес генерала фон Лампе и начальников отделов РОВСа, поступало много заявлений от руководителей и рядовых чинов этих организаций, а также военнослужащих, не состоявших в них. Они заявляли о готовности вести борьбу против большевиков вместе с Германией.

В связи с тем, что прошло уже более месяца, а ответа от фельдмаршала фон Браухича все не было, генерал фон Лампе 27 июня подготовил письмо Гитлеру и новое послание фон Браухичу. Последнее было передано им 30 июня подполковнику Цинке для передачи главнокомандующему сухопутных сил вермахта. Письмо для фюрера было передано 5 июля министру Мейснеру. 10 июля фон Лампе получил ответ от последнего, что его письмо передано в главное командование вермахта (ОКБ). Но возможность использования русских белоэмигрантов в германской армии уже была обсуждена 30 июня 1941 года на совещании представителей верховного командования вермахта, главного командования СС, министерства иностранных дел и отдела внешнеполитических связей НСДАП. Допуская к участию в «крестовом походе» представителей всех европейских народов, немцы делали исключение для чехов и русских военных эмигрантов. Это обосновывалось тем, что участие бывших белогвардейцев в войне на стороне Германии могло дать возможность советской пропаганде говорить о реставраторских намерениях немцев, что, в свою очередь, усилит сопротивление Красной армии⁷. Но в действительности немецкое руководство, вынашивавшее планы борьбы со славянством и уничтожения российского государства, не желало сотрудничать с русскими военными эмигрантами - сторонниками Великой, Единой и Неделимой России.

3 июля генерал фон Лампе направил циркуляр начальникам отделов «Объединения Русских Воинских Союзов». В нем информировалось о его письме фельдмаршалу Браухичу от 21 мая и сообщалось, что после объявления войны Германии СССР он (Лампе) установил связь с начальниками III и IV отделов РОВСа, представляющих наиболее многочисленную часть армии Врангеля, и получил их ответы с присоединением к

его решению и выражением готовности действовать сообща. «Я имею основания не сомневаться, что такое же решение примут и начальники I (Париж) и V (Брюссель) отделов Русского Обще-Воинского Союза», - сообщал генерал фон Лампе, добавляя, что все делается с ведома и разрешения начальника РОВСа генерала Архангельского. Он информировал далее, что направил в настоящее время второе письмо Браухичу, а также Гитлеру. «Считаю в данное время Объединение являющимся в какой-то степени «мобилизованным»», - указывал начальник ОРВС. Фон Лампе призвал начальников отделов Объединения приложить все свои силы для сохранения личного состава «в настоящем его виде», который был предложен германскому командованию⁸.

6 июля генерал фон Лампе пишет письмо начальнику РОВСа генералу Архангельскому. Заявление Гитлера и начало войны Германии против СССР 22 июня было тем моментом, подчеркивается в письме, который глубоко потряс всю русскую эмиграцию. Именно этого ожидали 21 год. Со всех сторон пишут, предлагая содействие, добавлял фон Лампе. Он информировал также, что еще 21 мая написал письмо фон Браухичу, говоря, что война Германии с СССР неизбежна и предлагая свое Объединение в распоряжение германского командования для борьбы. Так как ответа не поступило, информировал автор письма начальника РОВСа, он вновь написал командованию и непосредственно обратился к Гитлеру. Характеризуя общее распоряжение германских властей в адрес эмигрантов, фон Лампе так определял его: «русская эмиграция должна оставаться на местах, работать по-прежнему и ждать, пока к ней обратятся»⁹.

В этот же день, 6 июля, в Сметановом зале Городского Дома в Праге состоялось собрание представителей русской эмиграции, посвященное началу войны Германии против СССР. Все 1500 мест в зале были заполнены. Организаторами этого форума выступили Опорный пункт Управления делами русской эмиграции в протекторате Богемии и Моравии и его начальник К. А. Ефремов, а также русские национальные организации. Среди выступавших на этом форуме был и представитель Юго-Восточного отдела ОРВС прапорщик Малюшицкий, поддержавший войну Германии против СССР и заявивший, что Объединение отдало себя в распоряжение германских вооруженных сил для участия в борьбе¹⁰.

Оживленный обмен мнениями и дискуссии развернулись после начала военных действий Германии против СССР среди русских военных эмигрантов в Болгарии. Они нашли освещение в переписке между их представителями на местах и генералом Абрамовым. 25 июня 1941 года датируется, например, письмо, направленное в его адрес из села Кочериново от А.И. Альбояна. «События переживаемых дней так взбудоражили меня, что я потерял сон и покой, - писал автор. - Верю, что приближается день падения большевиков, и мне кажется сидеть в такое время, сложа руки, в качестве простого наблюдателя, не принимая в событиях никакого участия - больше, чем преступление. Одинаково со мной думает и тот десяток оставшихся верными Белой Идее, который переживает события также как я». Он информировал о появившихся в газетах сообщениях о записях добровольцев в местах русского рассеяния. Вместе с тем, в письме говорилось, что информация по радио и в газетах «вносит порядочный сумбур», а автор привык все делать по распоряжению от РОВСа и поэтому ждет его распоряжений.

Альбоян интересовался, что делается в центре, есть ли связь с генералом Архангельским и каковы его взгляды и распоряжения. События идут с головокружительной быстротой, констатировалось в письме, и «уже может быть завтра мы должны будем принять активное участие». Вместе с тем, Альбоян указывал, что большинство из эмигрантов связаны семьями и обязательствами. «Предпринимается ли что-нибудь с нашей стороны, каков взгляд германцев на наше участие и пользуемся ли мы у них нужным доверием?» - спрашивал автор письма. «Хоть происходит далеко не то, чего мы так страстно ожидали, но все же идет борьба за свержение большевистского строя и потому приходится мириться и как-то надо участвовать в событиях», - резюмировал он. В другом письме Альбояна мы читаем, что он получил письмо от генерала Харжевского, в котором тот извещал, что их позиция в начавшейся войне Германии против СССР давно определена и содержалась ссылка на письмо генерал-фельдмаршалу Браухичу,

предоставлявшее всех русских белых воинов в распоряжение германского командования.

Генерал Абрамов издал распоряжение чинам Союза, находящимся в Болгарии, о регистрации для участия в боевых действиях. И в следующем письме Альбоян ссылается на то, что оно «вызвало страшную муку нашего эмигрантского болота». Особенно много грязи от людей, которым доверяли, замечает автор письма: «Даже не ставят в известность о Вашем распоряжении, критики его нет, но и изъявивших желание зарегистрироваться мало». Альбоян приводит в качестве примера старшего группы РОВСа - генерала Ефимова, который заявил, что не получал распоряжения генерала Абрамова, а после того, как автор письма ознакомил его с ним, заявил: «Я считаю, что пусть будет Россия коммунистической, но в нынешних рамках, чем потеряет хоть один клочок земли». В письме указывалось, что близкую названную позицию занял и полковник Матушевский, старший группы Дроздовского полка. Альбоян и в другом своем послании - от 9 июля 1941 года ссылался на письма, в которых их авторы ставили свою позицию в зависимость от того, чтобы не произошло расчленения Германией территории России¹¹.

10 июля генерал Абрамов направил специальное письмо одному из русских военных эмигрантов, проживавших в Софии, именно в связи с проблемой возможного расчленения Германией СССР. Касаясь высказанного тем мнения о необходимости массового протеста со стороны русской эмиграции в «направлении будущего расчленения России», Абрамов заметил, что в таком «протесте» сейчас «очень и очень нуждается и товарищ Джугашвили». «Но перед нами стоит вопрос, - подчеркивал генерал, - кого бы поддержать в ходе мировой борьбы, хотя бы идейно, - Гитлера ли, поставившего целью раздавить мировую коммунистическую заразу в лице правящего аппарата СССР, - или товарища Джугашвили, - ведущего Русский народ к полной коммунизации и старяющегося, в час смертельной для него опасности, прикрыться затоптанным им в грязь знаменем Единой Неделимой России». «Я, как и большинство фактически сражавшихся с большевиками в течение 1918-1920 гг. на полях Дона и Кубани, - продолжал Абрамов, - иду на стороне Гитлера». По его убеждению, «протест» против расчленения России «будет уже вторым этапом в борьбе за восстановление Великой России, и нести его должна будет новая национальная Власть возрожденной России»¹². В дальнейшем генерал Абрамов не просто идейно поддерживал борьбу фашистской Германии против СССР, но и принимал активное участие в формировании русских казачьих частей в составе германской армии.

Ближайший сподвижник и доверенное лицо генерала Абрамова, в прошлом руководитель «Внутренней линии» капитан Фосс в 1941 году со своей группой в двадцать человек отправился добровольцем на Восточный фронт. Но его давние оппоненты из НТСНП написали на него донос в гестапо. В результате К.А. Фосс был арестован уже в России и привезен в Берлин. Оттуда был направлен официальный запрос начальнику Фосса по многолетней работе на военное министерство Болгарии начальнику разведслужбы Генерального штаба этой страны полковнику Костову. Тот вызвал своих сослуживцев, работавших вместе с капитаном Фоссом, и ознакомил их с запросом гестапо и обвинениями в его адрес со стороны НТСНП. Все они были категорически отвергнуты, и полковник Костов направил соответствующий ответ в гестапо. После этого капитан Фосс был освобожден и продолжал службу в абвере (по некоторым данным, - в гестапо) на оккупированных территориях СССР¹³.

Русская эмиграция и ее военные руководители внимательно следили за развитием событий на советско-германском фронте. Генерал фон Лампе в письме великой княжне Вере Константиновне 11 июля, ссылаясь на сведения от человека, который прилетал на несколько часов в Берлин с фронта, сообщал, что Москва и Санкт-Петербург уже эвакуированы. Он писал далее, что главный удар вермахт нацеливает в перспективе прямо на Москву, а красные используют старый русский способ - затягивать противника вглубь страны. «Но только поможет ли это сейчас при таких темпах? - размышлял генерал. - Так можно очень легко отскочить за Урал и тогда война затянется, так что, надеюсь, что и нас, наконец, вспомнят»¹⁴.

В Российском Зарубежье в начальный период войны Германии с СССР были весьма распространены надежды на то, что немцы воюют с врагами России - большевиками, во имя ее освобождения. В эмиграции активно муссировались разного рода слухи о сотрудничестве видных представителей Русского Зарубежья с руководством нацистской Германии и в связи с этим о планах организации власти в постсоветской России. В одном из июльских (1941 года) писем мы читаем, например, о том, что фюрер предложил, якобы, великому князю Кириллу Владимировичу создать правительство для России. Тот назначил его министром-председателем генерала Бискупского, а в правительственный кабинет вошли генералы Краснов и фон Лампе, Марков второй, князь Юсупов и граф Сумароков-Эльстон¹⁵. Но шли дни и становилось очевидно, что надежды на формирование некоего русского правительства в эмиграции шиты белыми нитками. Постепенно происходило и освобождение от иллюзий, что Германия воюет во имя Национальной России. Тем не менее, среди части эмигрантов были распространены настроения, выражаемые словами - «хоть с чёртом, но в Россию». Это во многом также объясняло поток заявлений, которые шли от эмигрантов, бывших военнослужащих, в организации ОРВС и РОВСа с просьбой направить их на Восточный фронт.

В связи с большим количеством заявлений от русских военнослужащих - эмигрантов в адрес Управления «Объединения Русских Воинских Союзов» с выражением готовности принять активное участие в борьбе германской армии против коммунизма и невозможностью ответить каждому отдельно Управление ОРВС распространило в июле 1941 года обращение, в котором информировало, что начальник Объединения предпринимает повторные шаги для того, чтобы русским военнослужащим была предоставлена возможность осуществить их стремление. В нем сообщалось, что в настоящее время точка зрения немецкого командования на это отрицательная, но окончательного решения еще не принято. Здесь указывалось также, что единственная форма участия в борьбе в настоящее время - это поступление на службу переводчиками, для чего надлежало обращаться в Управление генерала Бискупского в Берлине. В этом документе сообщалось, что о всяком изменении взглядов германского командования русские военнослужащие будут немедленно поставлены в известность¹⁶.

В это же время руководимое генералом фон Лампе Объединение решало и возникающие частные вопросы, в том числе касающиеся ритуалов, взаимоотношений и поведения военнослужащих. 19 июля 1941 года он разъяснял, например, как чинам ОРВС в Велико-Германии надлежит пользоваться германским национальным приветствием - поднятием руки и произнесением приветствия «Хайл Гитлер». Оно считалось обязательным для чинов Объединения, в силу общей воинской вежливости и оказания уважения обычаям принявшей их страны в двух случаях: «при встрече со знаменами германских войск и организаций СС, СА и иных и если в вашем присутствии исполняется Германский национальный гимн». «Во всех остальных случаях, как-то: приветствие при входе в официальные учреждения или присутственные места, общественные организации, магазины и т.п. - вопрос поднятия руки и произнесения приветствия «Хайл Гитлер» предоставляется такту каждого из чинов Объединения»¹⁷, - указывал начальник ОРВС.

Возвращаясь к вопросу о том, как встречали начало войны Германии против СССР руководители российских эмигрантских организаций (и особенно военных), заметим, что это известие горячо приветствовал начальник «Бюро по защите русских интересов в Сербии» генерал Скородумов, убежденный в том, что в программу фашистской Германии входит восстановление Национальной России. По распоряжению Скородумова на фронтоне здания Бюро висел лозунг «Победа Германии - освобождение России». Он выражал готовность сформировать и направить русские части из эмигрантов для участия в боевых действиях вместе с немецкими войсками против СССР. В издаваемом в Белграде «Русском Бюллетене» от 20 июля 1941 года было опубликовано обращение Скородумова к русским эмигрантам, в котором он называл предателями и агентами большевиков лиц, призывающих быть нейтральными или на стороне страны советов, и требовал осведомлять о них возглавляемое им Бюро¹⁸.

Назначенный германскими властями летом 1941 года управляющим делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков 25 июля определял позицию, занятую ими в отношении русской эмиграции следующим образом: 1) пока не привлекать эмиграцию к активному участию в войне против СССР; 2) выражая благодарность за выражение чувств и пожеланий части эмиграции, просить всех выполнять свой долг на местах, работая там, где они находятся и сохраняя спокойствие. «Многие из Вас, услышав о решении германских властей, - продолжал Жеребков, - сочтут его для себя обидным и несправедливым - многие из Вас искренне рвутся возобновить борьбу, прекращенную 21 год назад». Управляющий делами русской эмиграции во Франции так сформулировал свое мнение по этому поводу: «Участие эмигрантов в борьбе принесло бы мало реальной пользы германской армии, но в то же время дало бы пищу и без того активной советской пропаганде, убеждающей русский народ, что с германскими войсками идут реакционеры, золотопогонники, помещики и т.п.». Он указал на то, что среди эмигрантов действительно осталось немало реакционеров, надеющихся вернуться к дореволюционной жизни с поместьями, слугами, орденами, землями и, более того, получить новые за выслугу лет, проведенных в эмиграции.

Далее в сообщении Жеребкова были высказаны не менее резкие слова в адрес русских эмигрантов: «Тем, кто полагает, что нынешняя война является продолжением белой борьбы, я должен пояснить, не умаляя доблести и жертв участников добровольческой эпопеи, что это не так. Белая армия не начертала на своих знаменах определенного лозунга, кроме борьбы против большевиков; германская же армия несет новые идеалы, новые учения, которые завоюют и подневольный советский народ». Отвечая на вопрос, зачем организовывалась запись с заявлениями об отдаче в распоряжение национал-социалистической Германии для борьбы с большевиками, если не привлекаете к участию в войне, Жеребков отвечал, что это было делом внутренним и добровольным и осуществлялось не по распоряжению немецких властей, а должно было показать им и самим русским наличие в эмиграции живых сил, готовых к борьбе с большевиками. «Россию будут строить не эмиграция и ее вожди, а те, кто своею кровью смывает яд и отраву большевизма - немцы, - подчеркивал Жеребков. - Что будет с Россией, какие формы ей понадобятся, знает один человек - Фюрер»¹⁹.

Кстати, касаясь развития событий с русскими эмигрантами и их организациями во Франции после начала Великой Отечественной войны, заметим, что, как следует из воспоминаний генерала Витковского, ему, вынужденному устраниваться по настоянию германских властей в апреле 1941 года от исполнения обязанностей начальника I отдела Русского Обще-Воинского Союза «по болезни», 24 июня того же года было «возвращено право выздороветь». В тот же день В.К. Витковский издал приказ о возвращении к обязанностям начальника I отдела РОВСа²⁰.

Отношения русских эмигрантов с германскими властями складывались, отнюдь, не безоблачно и безболезненно, а в ряде случаев завершались и трагически. Начало войны Германии против СССР вызвало новую серию арестов русских эмигрантов и в том числе военнослужащих и чинов РОВСа. Например, в день начала войны с СССР немцы произвели аресты русских эмигрантов в Бельгии, среди которых оказался и начальник канцелярии РОВСа генерал П.А. Кусонский. Несмотря на ходатайства генералов Архангельского, фон Лампе, Бискупского и других лиц, дававших ему положительные рекомендации и ручавшихся за него²¹, Кусонский продолжал оставаться в заключении. 26 августа 1941 года он был жестоко избит эсэсовцами в концлагере и умер. Во Франции были арестованы генерал Шатилов, а также заместитель начальника I отдела РОВСа в неоккупированной зоне этой страны генерал Киреев и ряд других чинов Союза, особенно причастных к «Внутренней линии». Шатилов пробыл в заключении 10 месяцев и был освобожден лишь летом 1942 года по ходатайствам представителей эмигрантских организаций. Этому способствовал и управляющий делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков. Добавим, что нам представляются безосновательными обвинения Б. Прянишникова и В. Клавиша в том, что Шатилов являлся агентом НКВД²², и лишь после окончания войны уже при генерале фон Лампе, его бывшем

подчиненном (служившем под началом Шатилова генерал-квартирмейстером в штабе Кавказской армии генерала Врангеля), ставшем председателем РОВСа, был реабилитирован и стал почетным членом Союза.

При чистке русских эмигрантов во Франции в июне 1941 года был арестован и заключен в тюрьму генерал А.И. Деникин. Впрочем, вскоре он был освобожден, но его антигерманские брошюры оказались под запретом. В этой же стране был арестован и начальник Управления Главы Русского Императорского Дома великого князя Владимира Кирилловича контр-адмирал Г.К. Граф.

В Чехии были арестованы известные деятели РОВСа Н. А. Цуриков и генерал В.Г. Харжевский. Последний (как и Шатилов, Фосс и некоторые другие русские эмигранты) был привлечен к следствию в связи с деятельностью «Внутренней линии». Но арест Харжевского оказался непродолжительным и в дальнейшем, до сентября 1942 года, он являлся начальником русской воинской группы ОРВС в Праге. В Загребе был арестован по обвинению в распространении коммунистической литературы сын бывшего председателя РОВСа генерала Миллера - Николай. Он был перевезен в Грац и содержался в местной тюрьме. Лишь после многочисленных ходатайств эмигрантских организаций он был освобожден осенью 1941 года. Все эти факты арестов известных деятелей РОВСа²³ и Русского Зарубежья вносили смятение в среду эмиграции и вызывали сомнения в возможности плодотворного сотрудничества с немцами и совместной борьбы с оружием в руках против большевиков.

Война, начатая фашисткой Германией против СССР, расколола русскую эмиграцию и в том числе ее военную часть. Многие активисты ее военных организаций и в первую очередь РОВСа и ОРВС, а также «Российского Национального Союза Участников Войны» восприняли ее как представившуюся, наконец, и столь давно ожидавшуюся возможность реализовать свои мечты о вооруженной борьбе с большевизмом. Прежде всего о них и их деятельности и пойдет речь в этой главе. Другая часть, среди которых были и некоторые чины РОВСа, надеялась на победу их родной страны над захватчиками, полагая при этом, что война вызовет внутри СССР необратимые перемены, возродит силы народа и приведет, в конце концов, к устранению большевистского режима. Из бывших вождей белого движения подобные взгляды наиболее последовательно выражал генерал Деникин. Он полагал, что народ, вставший на защиту Родины и получивший в свои руки оружие, свергнет ненавистную сталинскую диктатуру. Но даже если этого не произойдет, и «народ русский, и армия отложат расчеты с внутренним захватчиком и встанут единодушно против внешнего», то и активность белой эмиграции должна быть направлена «не в пользу, а против внешних захватчиков»²⁴.

Значительная часть эмиграции и в том числе бывших военнослужащих не могла пока определиться и сделать свой выбор в столь сложной ситуации нового этапа Второй мировой войны, непосредственно затронувшей и судьбы их бывшей родины. Часть эмигрантов, включая и бывших солдат и офицеров белых армий, просто симпатизировала своей отчизне и ее гражданам, оказавшимся в тяжелейшей ситуации, но чаще всего не отваживаясь делать это публично. И мало кто из них (в том числе лиц, прошедших боевыми дорогами Гражданской войны, непримиримо сражаясь против Красной армии) был готов прийти сейчас на помощь СССР и своему народу и вступить в вооруженную борьбу с гитлеровцами на территориях других стран, оккупированных фашистской Германией. Впрочем, и здесь были свои исключения. Например, генерал П.С. Махров, стоявший у истоков создания РОВСа и возглавлявший в период его образования в 1924 году III отдел Союза, а в 1941 году живший во Франции, так описывал, спустя годы, свою реакцию на начало вторжения Германии в СССР: «День объявления войны немцами России, 22 июня 1941 года, так сильно подействовал на все мое существо, что на другой день, 23-го, я послал заказное письмо Богомолу (советский посол во Франции - В.Г.), прося его отправить меня в Россию для зачисления в армию, хотя бы рядовым»²⁵. Но его письмо было подвергнуто цензуре, и генерал Махров был арестован французскими властями и заключен в лагерь Берне. Лишь 7 декабря 1941 года

он был освобожден по ходатайству французского генерала Нисселя, возглавлявшего в период Первой мировой войны военную миссию Франции в России.

Тем временем, уже летом 1941 года в эмиграции возник такой непростой вопрос, как отношение к раненым и пленным красноармейцам. 24 августа в ответном письме великой княжне Вере Константиновне на ее предложение организовать им помощь по линии Красного Креста генерал фон Лампе заявил, что не разделяет такую точку зрения, так как «немцы в своем воображении как-то сольют тогда и красных, и нас», Он добавил, что как участник Гражданской войны не может «красных считать своими», а то, что «мы родились в России, не делает нас родными». Впрочем, заметил генерал, в этом отношении с ним спорят и в первую голову его собственная жена. Фон Лампе заявил также, что считает более правильным, чтобы немцы поручили эмиграции просмотреть состав красных пленных и отобрать тех, кто может стать своим. Эта тема имела продолжение в их последующей переписке. 25 ноября фон Лампе уведомил великую княжну, что был в гестапо 10 дней тому назад и подал заявление от имени Красного Креста, прося указать, как отнестись к желанию многих наших помочь пленным. Ответа пока нет. Видимо причина известного изменения первоначальной позиции генерала заключалась в следующих строках его письма: «По отзывам наших офицеров, ездивших с комиссией в лагеря, ужас того положения, в которое попали пленные, - НЕ (выделено фон Лампе - В.Г.) поддается описанию и минимум, что вымрет от начавшего уже косить тифа - это 50 % всего состава пленных... Кошмар! Говорят, что легче там, где коменданты-австрийцы и тяжелее там, где сидят на должности коменданта - баварцы»²⁶.

3 августа генерал фон Лампе в письме Архангельскому размышлял о судьбе своих писем, направленных Гитлеру и Браухичу. Сообщая, что фельдмаршалу фон Браухичу эти письма переданы, но ответа все нет, он добавлял: «хорошо, что нет отрицательного ответа». Информирова о действиях германских властей в отношении русских эмигрантов, фон Лампе писал, что Бискупскому приказано, чтобы «эмиграция спокойно оставалась на своих местах и ждала дальнейшего»²⁷. 16 августа были получены сведения от генерала Краснова, что русским эмигрантам отказано в участии в боевых действиях совместно с немецкой армией.

В официальном ответе фельдмаршала фон Браухича, которое фон Лампе получил, наконец, 17 августа, просто уведомлялось, что «в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии». В тот же день генерал фон Лампе выпустил приказ № 46, в котором изложил всю историю взаимоотношений с германским командованием, начиная с письма фельдмаршалу фон Браухичу 21 мая 1941 года, текст которого был также опубликован в этом приказе. Ознакомив с ответом германского командования, генерал фон Лампе прокомментировал его: «Этот ответ указывает на то, что в данное время и в предложенной мной форме применение русских воинских частей в борьбе неприменимо». «Чины Объединения не связаны более в своих решениях, принятым мною на себя, от лица всего Объединения обязательством, - указывалось в этом приказе начальника ОРВС, - и поэтому **предоставляю** (здесь и далее выделено в тексте документа - В.Г.) каждому из них право в дальнейшем осуществить свое стремление послужить делу освобождения Родины - **путем использования каждым в индивидуальном порядке** предоставляющихся для этого возможностей (занятие должностей переводчиков в германской армии и ее тылу, поступление на службу на почту и т.д.)».

Уточняя взаимоотношения членов ОРВС, участвующих в войне против СССР, с Объединением, генерал фон Лампе указывал:

«1. Чинам Объединения, которые поступят на ту или иную, связанную с борьбой за освобождение России службу, **держат связь** со своими начальниками воинских групп, входящих в состав Объединения.

2. Начальникам отделов Объединения и представителям на местах вести учет всех подчиненных им чинов, получивших службу, а также поддерживать связь, позволяющую снестись с каждым из них во всякое время»²⁸.

Размышляя о причинах отказа германского командования в предоставлении права русским эмигрантам воевать с большевиками на Восточном фронте, генерал фон Лампе писал 24 августа великой княжне Вере Константиновне, что «по-видимому, нам не доверяют». В среду эмиграции пробралось столько провокаторов (Скоблин, Абрамов и др.), что «нас надо «очистить»». Но уже произведенные немецкими властями аресты адмирала Графа, генералов Шатилова, Кусонского и других начальник ОРВС именовал «оригинальнейшей чисткой». Любопытно еще одно размышление генерала фон Лампе. Указывая на сопротивление, оказываемое немцам в СССР, он заметил: «Ведь никто из них, решительно никто не понимает или, вернее, не хочет понять, что сопротивление помимо многих причин обусловлено и тем, что в заявлениях немецкого командования нет слов о том, что Германия в России не преследует никаких захватных целей и что России не грозит разделение на части. А это бы ослабило сопротивление»²⁹. Но, заметим, дело как раз и заключалось в том, что фашистская Германия вела войну против русских и в целом против неполноценной, по убеждению фашистов, славянской расы, исповедуя расовые и человеконенавистнические принципы, ради истребления «недочеловеков», лишения их государственности и раздела территорий, где они проживали. Этого то ли не знали (что маловероятно), то ли старались замолчать, надеясь в перспективе на лучшее, руководители Российского военного Зарубежья.

В сложившейся ситуации русские эмигранты-антибольшевики активно искали пути участия в развернувшейся борьбе и приложения своих сил на родине. Об этом красноречиво свидетельствует, например, одно из писем, направленных генералу Архангельскому из Германии 19 сентября 1941 года. «С германской точки зрения конечно совершенно понятно и ясно, отчего нас не пускают туда, куда нам хочется. Но во всем есть две стороны: быть может нам найдется возможность исполнить свой священный долг перед Россией! - писал автор этого послания. - «Родители и учителя» там очень нужны! Многие из нас недостаточно молоды и сильны для активной борьбы, но достаточно энергичны и здоровы, чтобы «учить и увещевать». Разные «спецы» нужнее нужного на Руси, и наш опыт за границей не должен пропадать даром»³⁰.

В сложной политической обстановке разгоравшейся войны, когда позиции РОВСа и его руководителей серьезно ослабли, и они сталкивались с острой конкуренцией, в частности, со стороны эмигрантских групп и движений, ориентирующихся на национал-социализм, предпринимались, тем не менее, попытки доказать жизнеспособность Союза, его организаций и платформы деятельности. «Флаг РОВСа - старый, испытанный, перенесший целый ряд испытаний и нисколько не изменивший свой внутренний облик первых дней своего существования»³¹, - читаем мы, например, в одном из документов Русского Обще-Воинского Союза начального периода Великой Отечественной войны.

Но русская военная эмиграция была, отнюдь, не единодушна в отношении происходящего и в желании принять участие в войне против СССР на стороне фашистской Германии. Генерал Деникин резко писал в адрес председателя РОВСа Архангельского: «Челобития Ваши и начальников отделов РОВСа о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России, и к физическому истреблению ее населения, - такие челобитные иначе как преступными назвать нельзя»³².

Тем временем, уже с лета 1941 года Русский Обще-Воинский Союз и Объединение Русских Воинских Союзов стали нести первые потери среди своих чинов, направленных на Восточный фронт в качестве определенного круга специалистов, нужных германской армии. 27 сентября последовал первый подобный приказ по ОРВС, уведомлявший о смерти 10 августа под Рославлем переводчика Владимира Новицкого.

Размышляя о сложностях взаимоотношений русских военных эмигрантов с германскими властями и их совместной борьбы с СССР, генерал фон Лампе писал 27 октября 1941 года председателю РОВСа генералу Архангельскому: «Власть сейчас не со-

всем представляет себе, как будет и как сможет жить дальше Россия, в каком бы виде она ни была зафиксирована - людей нет, аппарата нет, все разрушено, а жить надо, и работа населения нужна не только для самой России. Тут надо предпринимать что-то героическое, и я надеюсь (!), что без нас не обойдется»³³.

Заметим, что руководителям РОВСа и ОРВС по-прежнему была близка тема монархии и монархизма, и они по возможности поддерживали контакты с некоторыми представителями Дома Романовых и отслеживали действия ряда из них. Тот же фон Лампе делился с великой княжной Верой Константиновной информацией, полученной от управляющего делами российской эмиграции во Франции Жеребкова, о том, что был план привлечь для объединения всех русских организаций в Париже князя Гавриила Константиновича, но это оказалось невозможным из-за взглядов немцев на монархический вопрос. Ссылаясь на того же Жеребкова, генерал фон Лампе сообщал, что великий князь Владимир Кириллович, якобы, «предоставил себя в распоряжение А. Гитлера». «Правда это или нет сказать не могу», - комментировал начальник ОРВС это известие. Сам Глава Российского Императорского Дома лишь изредка давал знать о себе. Так, например, в сентябре 1941 года он направил послание Председателю Собора Русских Архиереев и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополиту Анастасию, посвященное происходящему освобождению народов России «от страшного ига большевистской сатанинской власти» и важности восстановления приходов, развития приходской жизни и удовлетворения духовных религиозных потребностей народов освобождаемой России³⁴.

Осенью 1941 года переписка между руководителями РОВСа и ОРВС генералами Архангельским и Лампе и консультации с немецкими властями о присоединении IV отдела РОВСа с центром в Белграде (возглавляемого генералом Барбовичем) к ОРВС завершились отказом немецкого руководства одобрить такое решение. Это было обусловлено нежеланием немцев усиливать централизацию русских воинских организаций и лежало в русле общей политики германского руководства в отношении русской эмиграции. Было признано целесообразным сохранить ситуацию так, как она есть, до конца войны³⁵.

В это время в «Объединении Русских Воинских Союзов» возникали и более частные вопросы, требовавшие решения. Одним из них являлась, например, финансовая поддержка ближайших родственников ушедших из жизни руководителей Русского Обще-Воинского Союза. В документах Юго-Восточного отдела ОРВС мы находим упоминание об обращении сына генерала Кутепова Павла, проживавшего в Сербии, в Белой Церкви, к начальнику этого отдела капитану I ранга Подгорному с вопросом о том, будет ли он получать пособие для продолжения своего обучения. В свое время регулярная помощь его матери и вдове генерала - Л.Д. Кутеповой оказывалась из учрежденного генералом Миллером Фонда почетных пенсионеров, который пополнялся из взносов русских воинских организаций. Но в мае 1940 года, а затем с апреля 1941 года связь неоднократно нарушалась и поддержка прекращалась. Подгорный ответил на письмо сына генерала Кутепова, обещая продолжать финансовую поддержку. Осенью 1941 года Кутеповым было послано 8 тыс. крон, а в январе 1942 года еще столько же. Вместе с тем, руководство Юго-Восточного отдела ОРВС обратилось к начальникам групп и организаций Объединения с просьбой организовать сбор средств и через Фонд почетных пенсионеров оказывать помощь не только Кутеповым, но и матери генерала Врангеля баронессе М.Д. Врангель, находившейся в тяжелом положении в Брюсселе³⁶.

Заметим, что не только в Европе, но и в Азии, вторжение фашистской Германии в СССР вызвало надежды значительной части русской эмиграции на скорый крах советской власти в стране. В этих условиях, уже 26 июня 1941 года начальник прояпонского Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи генерал В.А. Кислицин, всегдашний оппонент РОВСа, обратился к правлению Главного бюро по делам русских эмигрантов с призывом «осознать ответственность переживаемого момента,... прекратить рознь, сплотиться вокруг меня как начальника Главного бюро». Он назвал

фашистскую агрессию «очистительной грозой», которая приведет «к освобождению России»³⁷.

«Русский отряд Асано» был приведен в боевую готовность. С началом войны в программу подготовки личного состава были внесены изменения. Большая часть занятий посвящалась пропагандистской работе, изучению подрывного дела, а также советского строя. Одна из групп «асановцев», прошедших подготовку по новой программе, в составе 400 человек была конспиративно переброшена в район с. Кумаэр, чтобы принять участие в разведывательно-боевых операциях против Красной Армии. Но развитие событий на советско-германском фронте заставило японское командование отказаться от намеченных планов.

С 1941 года развернулось создание новых русских воинских отрядов. Возглавляли их чины маньчжурской армии из числа японцев и русские военные эмигранты. На станции Сунгари-2 расположился, например, Сунгарийский русский воинский отряд под командованием капитана Казияма, его заместителем был поручик Рычков. Несколько эскадронов полковника Я.Я. Смирнова были размещены на станции Сунгари, а пехотный отряд майора А.Н. Гукасова расположился на станции Ханьдаохерзи.

В декабре 1941 года российская военная эмиграция на Дальнем Востоке оказалась в сложной политической ситуации в связи с начавшейся атакой японцев на американскую базу Пёрл-Харбор войной Японии с США и Великобританией. Лидерам эмигрантских организаций необходимо было определиться со своим выбором и заявить о поддержке той или иной из воюющих сторон. Руководители ГБРЭМ генералы В.А. Кислицин и Л.В. Власьевский выступили в Харбине с официальным заявлением, в котором выразили полную поддержку Японии и обещали, что российская эмиграция приложит все необходимые усилия к установлению «нового порядка» в Азии.

С 1942 года все русская эмигрантская молодежь в Маньчжурии подлежала мобилизации в «Русский отряд Асано» и другие воинские формирования, которые готовились вступить в боевые действия против СССР вместе с Квантунской армией Японии. Заметим, что службу в этом отряде проходил и сын бывшего начальника Дальневосточного отдела РОВСа генерала Ханжина Василий. Военная служба для него закончилась печально: в сентябре 1945 года он умер от туберкулеза³⁸.

Шли дни, недели, месяцы драматичного и трагического для нашей страны 1941 года. Происходившее в СССР, перипетии боевых действий и будущее страны по-прежнему чрезвычайно волновали русскую эмиграцию, и в адрес германских властей и ее эмиссаров на местах направлялось много вопросов. Вот как отвечал на них, например, 22 ноября управляющий делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков. В связи с распространяющимися слухами о том, что немцы решили уничтожить и поделить Россию, Жеребков указывал, что главное - завоевание Советского Союза и освобождение русского народа. В руки эмиграции нельзя передавать управление, так как в ней не оказалось национальных группировок, за 23 года она не смогла договориться и представляет собой аморфную массу. Лишь под руководством Германии решается судьба России и русского народа. Характеризуя настроения русской эмиграции во Франции, Жеребков отмечал, что если в первые недели после 22 июня 1941 года для нее были характерны подъем и энтузиазм, то затем наступил период некоторого упадка духа. Отвечая на распространяемые слухи, что русская эмиграция никогда не будет допущена в Россию, Жеребков утверждал, что если русская эмиграция, кроме отдельных лиц, до сих пор не участвует в активной борьбе против большевиков, то кроме тех причин, о которых он уже говорил 25 июля, есть и еще одна - отчасти сама эмиграция. В ней нет единения, большинство вождей и руководителей занимаются политиканством, и эмиграция утратила свое политическое лицо. Если бы 22 июня немецкие войска по приказу Гитлера не перешли бы советскую границу, русский народ перестал бы существовать, утверждал Жеребков.

В сообщении управляющего делами русской эмиграции во Франции выражалась благодарность за сотрудничество с немецкими властями барону М.А. Таубе, сенатору и управляющему министерством народного просвещения царского правительства, про-

фессору Петербургского университета и одного из университетов Германии, который был назначен германской администрацией экспертом по русским делам; генералу, профессору Н.Н. Головину, назначенному председателем Совещания при управляющем делами русской эмиграции во Франции, который возглавил все союзы и объединения бывших русских военнослужащих в этой стране, а также полковнику В.К. Модраку, председателю «Комитета взаимопомощи русских эмигрантов во Франции», покидающему Комитет и отправляющемуся в Россию. Забегая вперед, добавим, что приказом германского главнокомандования во Франции от 21 апреля 1942 года названный Комитет был переформирован в Управление делами русской эмиграции во Франции, а Жеребков стал именоваться начальником этого Управления³⁹.

Пока шли сложные консультации руководителей русской военной эмиграции с представителями германского верховного командования, многие бывшие белогвардейцы пытались попасть на фронт, хотя бы в качестве переводчиков, специалистов военно-строительных и других вспомогательных организаций, инструкторов для работы с военнопленными красноармейцами. Набором на Восточный фронт занимались Управления по делам русской эмиграции в Германии и Франции. Управляющий делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков вместе с генералом Н.Н. Головиным, возглавившим работу с военными организациями эмигрантов, зарегистрировали более 1500 русских офицеров, готовых участвовать в войне с большевиками. Из зарегистрированных лиц на фронт было отправлено первоначально около 200 человек, носивших специально созданную для них форму, отдаленно напоминавшую форму старой русской армии. Многие из них были отмечены в дальнейшем германским руководством.

Участие в работе по отправке русских эмигрантов-военнослужащих на Восточный фронт пытался принимать и I отдел РОВСа, хотя условия деятельности его и были чрезвычайно трудными. 7 июля 1942 года начальник отдела генерал Витковский направил письмо начальникам групп, в котором указывал, что в связи с начавшимися отправлениями на восток, многие обращаются к нему с вопросом об отношении к этому. Витковский отвечал, что чем больше честных русских патриотов поедет на восток - тем лучше для нашего дела. Генерал информировал, что до настоящего времени уехало из Парижа для работы в России 3 партии офицеров, общей численностью около 25 человек, но ныне наступила задержка, так как в Берлине создана специальная комиссия из представителей различных ведомств для выработки общих правил и норм для отправки русских белых в освобожденные районы. Витковский указывал, что в ближайшее время ожидается возобновление отправки, прием заявлений ведется Управлением по делам русской эмиграции во Франции, и на днях возобновляется медицинский осмотр добровольцев комиссией из немецких врачей.

Но с июня 1942 года по решению ставки верховного командования Германии отправка бывших белых офицеров-эмигрантов на Восточный фронт была полностью прекращена, а в соответствии с его директивой № 46 от 18 августа 1942 года бывших эмигрантов, в том числе белых офицеров, отозвали с фронта⁴⁰.

Кстати, касаясь развития ситуации в русской военной эмиграции во Франции, укажем на то, что приказом генерала Н.Н. Головина от 9 сентября 1942 года генерал В.К. Витковский был заменен в должности начальника I отдела РОВСа на генерал-майора Е.Ю. Бема⁴¹.

Заметим, что попасть на Восточный фронт стремились эмигранты-военнослужащие не только из уже указанных стран. В войне приняли участие, например, более десяти добровольцев, сражавшихся в свое время на стороне франкистов в Испании⁴². Они воевали в составе различных формирований: испанской «Голубой дивизии», итальянских воинских частях, наконец, в русских добровольческих формированиях в составе германской армии.

Летом 1941 года на Восточном фронте началось формирование первых вооруженных отрядов под руководством и с участием эмигрантов. Происходило это по инициативе немецкого командования на местах. Например, при штабе немецкой группы армий «Север» для сбора информации о противнике был создан 1-й русский зарубеж-

ный батальон. Его организатором стал бывший офицер, участник Гражданской войны на Юге России, а впоследствии начальник штаба Варшавского подотдела РОВСа штабс-капитан Б.А. Смысловский. Он имел обширные связи в германских вооруженных силах, ибо еще в 20-е годы (по другим данным - в начале 30-х годов) окончил высшие военные курсы Труппеампе, являвшиеся завуалированной формой академии Генерального штаба рейхсвера, поскольку Версальский мирный договор запрещал Германии иметь военную академию. По некоторым данным, он уже в 20-е годы сотрудничал с немецкой разведкой, а перед началом Великой Отечественной войны был кадровым сотрудником абвера под псевдонимом фон Регенау. Весной 1941 года он вместе с начальником русских военнослужащих и чинов «Объединения Русских Воинских Союзов» в генерал-губернаторстве (ранее - начальником Варшавского подотдела РОВСа) генералом Трусовым встречался в Берлине с начальником ОРВС генералом фон Лампе, обсуждая вопрос участия и сплочения русских военных эмигрантов в будущей войне Германии против СССР.

У Смысловского было свое видение взаимоотношений русской военной эмиграции и фашистской Германии в борьбе против СССР, которое он излагал следующим образом: «Русский народ не может сбросить с себя коммунистического ига без постоянной помощи. Каждый русский военный эмигрант должен принять участие в вооруженном столкновении Германии с Россией, несмотря на цели, преследуемые германской политикой. Германская армия на своих штыках не несет Российское национальное правительство, но зато несет уничтожение советской власти, которая уже 24 года убивает тело и дух русского народа. Биологическая сила русского народа, по сравнению с той же силой германского народа, настолько велика, что нам, русским, не приходится опасаться, что немцы нас проглотят и переварят»⁴³.

В результате переговоров с ответственными сотрудниками Генерального штаба сухопутных сил Германии Смысловскому удалось в июле (или даже в июне) 1941 года получить разрешение на формирование русского учебного разведывательного батальона, а фактически - школы для подготовки разведчиков и диверсантов для действий в советском тылу. Батальон был сформирован летом 1941 года. Первоначально в состав его входили эмигранты, в том числе немало чинов РОВСа, но затем ряды стали пополняться и бывшими красноармейцами из числа военнопленных и перебежчиков. Солдаты и офицеры батальона носили немецкую форму с бело-сине-красными нарукавными нашивками. Сам Смысловский был произведен в майоры по германскому генштабу и по-прежнему носил фамилию Регенау. «Мы - русские, и нас интересует только борьба с СССР», - заявлял он⁴⁴.

В 1941 - 42 годах было сформировано и подчинено Смысловскому в качестве инспектора при Главном командовании 12 русских учебно-разведывательных батальонов. В конце 1942 года Смысловский был произведен в чин подполковника и назначен начальником созданного им «Зондерштаба Р» («Особый штаб «Россия»), секретной организации для наблюдения и борьбы с партизанами. Эта структура была организационно подчинена абверовскому штабу «Валли» и действовала в Варшаве под вывеской «Восточная строительная фирма Гильген». Главные резидентуры «Зондерштаба Р» действовали в Пскове, Минске, Киеве и Симферополе и поддерживали связь с местными резидентурами. Общая численность сотрудников «Зондерштаба Р» составила более 1000 человек⁴⁵. Часть сотрудников использовалась и для разведывательной деятельности в тылу советских войск.

«Зондерштабу Р» были подчинены и созданные русские учебно-разведывательные батальоны, номинально составлявшие «Особую дивизию Р», предназначенную для борьбы с партизанами и проведения разведывательно-диверсионной работы в советском тылу. Командиром дивизии был назначен сам Смысловский, которому в начале 1943 года было присвоено звание полковника. Численность дивизии определялась в 10 тысяч, а, по другим данным, - даже в 20 тыс. человек⁴⁶. «Зондерштаб Р» поддерживал связи с отрядами Украинской Повстанческой Армии, польской Армии Крайовой и с некоторыми другими антисоветскими группировками.

В декабре 1943 года Смысловский был арестован, а созданные им структуры были расформированы. Объяснения этого существенно разнились⁴⁷. Так или иначе, но в активной деятельности Смысловского наступил вынужденный полугодовой перерыв.

В конце августа - начале сентября 1941 года в г. Велиш в составе 9-й армии вермахта началось формирование другого русского отряда. Инициатором создания отряда (роты) стал русский эмигрант из Парижа ротмистр Заустинский, назначенный его командиром, а также полковник Сакирич, ротмистр Карцев, капитан Козлов, князь Мещерский (парижский), О. Горбачевский, А. Власов, Шурюгин и др. Военнослужащие отряда имели свой отличительный знак - белый крест на черном поле, носимый на левом рукаве. Отряд принимал участие в боевых действиях против советских войск в районе Вязьмы-Ржева-Зубцева и Сычевки⁴⁸.

Другим опытом участия русских эмигрантов в войне на Восточном фронте явилась попытка создания весной-летом 1942 года с разрешения командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге так называемой «Русской Национальной Народной Армии» (РННА) под руководством проживавшего ранее в Берлине русского эмигранта и сотрудника абвера, радиоинженера С.Н. Иванова. Активное участие в формировании РННА принимали полковник К.Г. Кромиади, участники Гражданской войны в Испании И.К. Сахаров, граф Г.П. Ламсдорф и др. Ядро РННА составили офицеры-эмигранты, а личный состав - военнопленные, отбираемые в концлагерях. Местом дислокации этого формирования по решению фельдмаршала фон Клюге стал поселок Осинторф в 6 км от станции Осинковка, располагавшейся на железной дороге Орша-Смоленск в Белоруссии. В марте 1942 года численность этого подразделения составила 400 человек, а в августе - 1500 солдат и офицеров. Если русские эмигранты, основавшие это соединение, рассматривали его как прообраз армии, которая будет вести борьбу против большевиков, то немцы подходили к нему более прагматично, используя его для борьбы с партизанами, подготовки диверсантов, разведчиков и заброски его отдельных подразделений в советский тыл для разложения частей Красной Армии. Эмигранты именовали свое формирование Русской Национальной Народной Армией, а в немецких документах оно значилось, как «русский батальон специального назначения», «подразделение абвера 203» или «соединение «Граукопф»».

Свое боевое крещение РННА получила в мае 1942 года в боях против Действовавшего в немецком тылу в районе Вязьмы и Дорогобужа 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П.А. Белова. Из 300 бойцов созданного подразделения около ста перешли на советскую сторону и лишь 120 вернулись назад с незначительным числом присоединившихся к ним красноармейцев. С 6 по 15 августа 1942 года на сторону партизан перешло около 200 военнослужащих РННА, что свидетельствовало о низком идейном и моральном духе в воинских частях армии. Обеспокоенность немцев вызывала и относительная автономия русских частей, которыми командовали офицеры-эмигранты, нередко позволявшие себе излишне смелые суждения о национально-ориентированном характере борьбы, которую они вели. В результате в конце августа 1942 года офицеры-эмигранты были отстранены от командования и отправлены в Берлин. Соединение прошло в дальнейшем ряд переформирований и переименований, и в 1943 году было подчинено немецкому командованию в качестве 700-го Восточного полка особого назначения. РННА как предполагаемая основа русской антибольшевистской армии прекратила свое существование⁴⁹.

Обобщая опыт первых попыток создания эмигрантских воинских формирований или использования бывших белогвардейцев в качестве специалистов в войне Германии против СССР, заметим, что этот процесс происходил достаточно трудно, сопровождался конфликтами и эксцессами. В основе их лежало недоверие в первую очередь германских политиков, а в известной мере и военного командования к русским эмигрантам и в том числе бывшим военнослужащим. Эту позицию достаточно четко выразил А. Гитлер, выступая на совещании в июле 1943 года: «Они (русские эмигранты - В.Г.) видят не наши национальные идеи, а в перспективе они видят свои собственные задачи. Каж-

дый народ думает о себе и ни о чем другом. Все эти эмигранты и советчики хотят только подготовить себе позицию на будущее время»⁵⁰.

Тем временем, руководство Русского Обще-Воинского Союза в лице его начальника генерала Архангельского было фактически изолировано в Брюсселе, имея посредством ограниченной переписки весьма отрывочную информацию о происходящих событиях и в том числе о деятельности отделов и местных организаций Союза. Положение самого А.П. Архангельского оставалось сложным. В 1942 году генералу фон Лампе поступили сведения об обыске, произведенном у начальника РОВСа и взятой подписке. Правда, сам генерал Архангельский был оставлен на свободе. Некоей отдушиной стали поздравления, поступившие в его адрес летом 1942 года в связи с 50-летием пребывания в офицерских чинах. Такое поздравление пришло и от генерала фон Лампе, «начальника братской нам русской воинской организации», как именует ОРВС Архангельский в ответном письме⁵¹.

Более активно, нежели РОВС, как свидетельствуют документы, продолжало действовать в годы Великой Отечественной войны «Объединение Русских Воинских Союзов». Генерал Лампе, по-прежнему находивший неплохое взаимопонимание с немецкими властями, пытался поддерживать связи и переписку с начальниками отделов, союзов и групп ОРВС, отвечать на интересующие их вопросы. 1 июня 1942 года он, например, в связи с поступающими запросами направляет в адрес начальников отделов Объединения сводную информацию о русских формированиях в составе германской армии и о возможностях для русских эмигрантов-военнослужащих поступить в них. В этом перечне названы украинские и татарские формирования («видимо из бывших советских граждан и красноармейцев», - уточняет Лампе); переводчики на службе в германской армии; специальные отряды, ведущие вооруженную борьбу против красных партизан в немецком тылу (набор по двум последним категориям велся в Берлине у заместителя начальника Управления делами российской эмиграции в Германии С.В. Таборицкого); работа в организации Шпеер (водители); Русский охранный корпус под командованием генерала Штейфона - борьба с партизанами в Сербии и охрана там немецких складов (вербовка добровольцев с 18 до 55 лет велась в Сербии, Хорватии, Венгрии, Румынии, Греции, Болгарии; вербовка в пределах Германии (рейха) и Западной Европы не разрешалась); отряды, формируемые С. Ивановым, бывшим представителем организации Вонсяцкого («Всероссийская Фашистская Организация») в Германии.

Каждый член ОРВС, указывал фон Лампе, может выбирать любую возможность (в соответствии с его приказом от 17 августа 1941 года), но при этом, подавая заявление в эту организацию, должен направлять его копию начальнику группы, а тот обязан сообщать ему (фон Лампе); после вступления в эту организацию член ОРВС не должен был терять связи со своей группой, союзом. Генерал подчеркивал, что это имеет значение не только для Объединения, но и для каждого его члена в случае использования Объединения в целом для борьбы против большевиков⁵².

В ноябре 1942 года генералом фон Лампе были изданы приказы № 64 и 66 по ОРВС, посвященные 25-летию Белой борьбы, и выражена надежда, что Родина потребует их к себе. 20 ноября 1942 года начальник ОРВС разъясняет для желающих вступить в Русское национал-социалистическое движение (начальник - полковник Скалой) о необходимости предварительно испрашивать разрешения у него и напоминает свой приказ от 15 ноября 1938 года о том, что члены объединения могли персонально входить в политические организации⁵³. В приказе по ОРВС от 9 декабря 1942 года был назван круг лиц - 8 человек, составляющих Совет при начальнике ОРВС на 1943 год. В структуру Объединения в это время входят 10 отделов в Германии, Юго-Восточный отдел (центр - Прага), Южный отдел (центр - Будапешт), Западный отдел, отдельные группы в Братиславе, Риге, Прикарпатской Руси и объединение русских воинских чинов в Генерал-губернаторстве⁵⁴.

1 декабря 1942 года генерал фон Лампе посетил генерала Бискупского. В ходе состоявшейся беседы Бискупский не сказал ничего нового и обнадеживающего в отно-

шении возможности для русских эмигрантов принимать участие в боевых действиях на Восточном фронте. Он указал, что в настоящее время вопрос о предоставлении права эмиграции принять участие в разворачивающихся на родине событиях не считается актуальным, и это решение откладывается до конца военных действий на Востоке. Исключение могло быть сделано лишь в отношении отдельных эмигрантов, удовлетворяющих предъявляемым требованиям и соответствующих интересам немецкого государства⁵⁵.

В июле 1943 года в специальном приказе ОРВС генерал фон Лампе указывал на распространение разного рода слухов и пересудов в русской эмиграции вокруг различных формирований, поездок на Восточный фронт, работе в занятых германской армией областях. Он писал, что понимает патриотические и антибольшевистские настроения чинов Объединения и проинформирует их о любых возникающих возможностях, но советовал не увлекаться слухами⁵⁶.

В отличие от ранее названных локальных формирований, в создании которых принимали участие офицеры-эмигранты, более реальным воплощением мечты белоэмигрантов о борьбе с большевиками и возвращении с победой на Родину явилось создание Русского Корпуса в Сербии. Создание здесь крупного русского воинского соединения было далеко не случайно, ибо в Сербии находилась крупная колония русских эмигрантов и действовал влиятельный IV отдел РОВСа. У истоков формирования корпуса стоял начальник «Бюро по защите интересов Русской Эмиграции в Сербии» (созданное в июне 1941 года оно в дальнейшем в документах часто именовалось как «Русское Бюро в Сербии») генерал М.Ф. Скородумов. Это был монархист-легитимист и человек высокого самомнения, о чем свидетельствуют даже издаваемые им документы. «Я верю в Божье Провидение, - читаем мы, например, в его обращении к русским эмигрантам, опубликованном в июле 1941 года. - Судьба привела меня на ответственный пост руководителя Русской Эмиграции». Призывая эмиграцию к единству, он назвал предателями и провокаторов тех, кто заявляет: «Скородумов скоро слетит», и дураками тех, кто называет его «немецким чиновником», советуя им обратиться к психиатру, профессору Краинскому⁵⁷.

С началом войны Германии против СССР генерал Скородумов обратился к немецким властям с предложением сформировать из русских эмигрантов самостоятельную воинскую часть (по некоторым данным - дивизию) и отправить ее на Восточный фронт как ядро будущей русской национальной армии. Сотрудники Бюро во главе с генералом Штейфоном разработали и представили немецкому военному командованию план по формированию русского воинского соединения. Но несколько дней спустя помощник германского посла в Югославии дал ответ генералу Скородумову, что никаких русских воинских частей и соединений разрешено быть не может⁵⁸. Тогда в условиях ширящейся партизанской войны в Югославии генерал Скородумов обратился к сербским властям, прося о защите русской эмиграции. Когда те ответили, что бессильны помочь, он обратился к оккупационным германским властям в этой стране с просьбой создать своего рода силы самообороны для защиты семей белоэмигрантов, подвергавшихся террору со стороны коммунистических партизан.

Сербское население действительно относилось в то время к бывшим русским белогвардейцам враждебно. Происходило много инцидентов, столкновений и избиений русских эмигрантов. 31 августа 1941 года генерал Скородумов опубликовал обращение к русским эмигрантам, начинавшееся со слов: «Наступило то время, о котором я 10 лет твердил и 10 лет призывал создать скрытую армию, чтобы быть готовыми к надвигающимся событиям, и в годовщину Великой войны зову всех русских людей к спешной и самостоятельной работе по самоорганизации». Начальник «Русского Бюро в Сербии» призывал «с помощью Вождя Рейха и доблестной Германской армии» свергнуть и уничтожить сталинский режим. «Чтобы спасти Россию, нужны деньги и подвиг, нужны последние жертвы», - подчеркивалось в обращении. «Дайте денег, дайте героев, дайте мучеников, дайте патриотов», - призывал генерал Скородумов⁵⁹.

Он обратился к сербскому министру Л. Лютичу, которому немецкое командование дало разрешение формировать антибольшевистский сербский корпус с просьбой дать русским эмигрантам оружие, но тот с сожалением ответил, что помочь не может, так как ему самому немцы оружия выдали меньше, чем необходимо. Тогда начальник Русского Бюро вновь обратился к немцам, а именно - к начальнику штаба немецкого главнокомандующего на Юго-Востоке полковнику Кeviшу. Тот предложил Скородумову немедленно отдать приказ всем способным носить оружие русским эмигрантам вступать в немецкие полки в местах их дислокации. Но генерал отказался издать такой приказ, ссылаясь на то, что «белые как политические эмигранты могут воевать только против большевиков, а, вступая в немецкие полки, которые могут быть переброшены на другие фронты, русские будут вынуждены воевать и против некоммунистических государств, что для белых абсолютно невозможно». Начальник Русского Бюро добавил, что он может отдать приказ лишь о формировании отдельного русского корпуса для борьбы на Восточном фронте и во время формирования он может принять участие и в борьбе против сербских коммунистов. После долгих переговоров Кeviш заявил, наконец, что главнокомандующий разрешил формирование Отдельного Русского Корпуса и пообещал после ликвидации коммунистов в Сербии перебросить его на Восточный фронт.

Развернулась подготовка к формированию корпуса, но тут вмешалось немецкое посольство и, выражая интересы и видение национал-социалистической партии, выступило категорически против этой идеи. Несмотря на это, немецкое командование, заинтересованное в создании этого соединения для борьбы с сербскими партизанами, издало 12 сентября за подписью начальника штаба главнокомандующего оберста Кeviша свой приказ, гласивший: «Начальнику Бюро генералу Скородумову разрешается призвать всю эмиграцию в Сербии для формирования Русского Охранного Корпуса и такой формировать». Видимо новое название, введенное в приказе (и как бы оговаривавшее охранные функции этого соединения), призвано было охладить разгоревшиеся вокруг корпуса политические баталии. Скородумов и Кeviш подписали условия его создания и использования. Суть их сводилась к следующему: лишь командир корпуса приносил присягу и подчинялся немецкому командованию; остальные чины подчинялись только ему и русским начальникам, им назначенным; корпус не мог дробиться на части, а его отдельные подразделения не могли быть приданы немецким частям, и должен был действовать как единое целое; корпус должен был быть экипирован в русскую форму, но ни в коем случае не в сербскую или немецкую; после окончания формирования и подавления коммунистического движения в Сербии немецкое командование обязывалось перебросить его на Восточный фронт; корпус не мог быть использован ни против какого-либо другого государства, ни против сербских националистов Д. Михайловича, а только против коммунистов⁶⁰.

12 сентября 1941 года генерал Скородумов издал приказ № 1 о мобилизации всех русских военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет. Он подписал приказ как командир **Отдельного** (выделено мною - В.Г.) Русского Корпуса. О политических целях создаваемого формирования ничего не говорилось, но в конце приказа содержались слова: «С Божией помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию».

Приказ генерала Скородумова был опубликован в «Русском Бюллетене» вместе с заметкой от имени штаба корпуса, в которой указывалось: «Корпус предназначен для действий в России. Но сроки для этого нашего участия не нами решаются - не от нас зависят. Между тем, на нас лежит еще другая обязанность... Сейчас приютившая нас, русских земля (Сербия) находится после военной катастрофы, в которую ее толкнули темные силы, в тяжелом положении. Ища свою скорую окончательную гибель, под диктовку из Красной Москвы, подняли голову коммунистические элементы, стараясь всевозможными эксцессами еще более ухудшить положение оказавшего нам братское гостеприимство народа. Русская эмиграция хочет и должна отблагодарить сербский народ за долготелее гостеприимство. ... Исполнив наш долг в отношении при-

ютившей нас страны, - мы с гордым чувством исполненного долга будем готовы и достойны отправки на нашу родину - Россию»⁶¹. Таким образом, выстраивались последовательность действий создаваемого формирования: сначала боевые действия с коммунистическим партизанским движением в Сербии, а затем отправка в СССР для участия в вооруженной борьбе совместно с Германией против советских войск и для свержения советской власти.

Но широковещательные заявления генерала Скородумова (также как и, вероятно, звучавшая еще в августовском обращении идея «восстановления Православной Национальной Русской Империи») вызвали недовольство немецких политических кругов, и 14 сентября, не пробыв в должности командира корпуса и 48 часов, генерал Скородумов был отстранен от должности командира корпуса и арестован гестапо. Он находился под арестом три недели, а затем под угрозой направления в концлагерь дал подписку⁶² и был освобожден. Был закрыт и «Русский Бюллетень», а его редактор арестован. Офицер гестапо изъял у начальника штаба корпуса генерала Штейфона приказ полковника Кeviша о формировании корпуса.

Вслед за этим последовало реформирование корпуса в подразделение с более скромным названием - Русскую Охранную Группу с подчинением ее немецкому хозяйственному управлению в Сербии. Под этим названием и под руководством генерала Б. А. Штейфона соединение, невзирая на внутриусобную борьбу немецких военных и политиков, продолжало формироваться. На 20 сентября был назначен сбор казаков в казармы. Основную часть формирующегося соединения составило кубанское казачество (донские казаки проживали в большинстве в Болгарии и в ряды корпуса вступили при первой представившейся возможности - к лету 1942 года). Кубанский войсковой атаман генерал-майор В.Г. Науменко проживал в это время в городе Краево, который был несколько месяцев изолирован германскими войсками из-за убийств здесь из засады немецких военнослужащих, поэтому походным атаманом Кубанского казачьего войска был назначен генерал-майор В.М. Ткачев. 1-й полк формирующегося соединения состоял из батальона кубанских казаков (3-й по нумерации), 2-го батальона, куда вошли бывшие чины различных родов войск, служившие в годы Гражданской войны в России в составе Русской Армии, и 1-го батальона, состоявшего из необстрелянной и наскоро обученной эмигрантской молодежи (его именовали еще «юнкерским»). Средний возраст военнослужащих составлял 40 - 50 лет⁶³.

В составе формирующегося соединения было много чинов Русского Обще-Воинского Союза, и этому способствовало также назначение его командиром генерала Штейфона, сменившего легитимиста Скородумова. Генерал Драценко из Загреба доносил 27 октября 1941 года начальнику РОВСа Архангельскому, что у него зарегистрировано 1500 русских военнослужащих. Касаясь же эмигрантских политических перипетий в связи со всей этой историей, генерал фон Лампе писал 28 декабря 1941 года генералу Архангельскому: «Генерал Барбович очень доволен назначением вместо Скородумова генерала Крейтера (в качестве начальника Русского Бюро в Сербии - В.Г.)», что внесло «большое успокоение в русскую среду». Заметим, что генерал В.В. Крейтер являлся бывшим начальником штаба дивизии и корпуса генерала Барбовича, возглавлявшего в дальнейшем IV отдел РОВСа. В состав Бюро помимо генерала Крейтера вошли также генералы Б.А. Штейфон, В.Э. Зборовский, В.Г. Науменко и полковник СИ. Базаревич. Начальник ОРВС добавлял в вышеназванном письме, что командир Охранного корпуса генерал Штейфон заслужил высокую оценку германского командования⁶⁴. В том же письме сообщалось, что потери корпуса составили до 300 человек, а это само по себе свидетельствовало о тяжелых боях, которые вели его части⁶⁵.

30 января 1942 года датируется циркуляр уполномоченного начальника Управления делами русской эмиграции в протекторате Богемии и Моравии К. А. Ефремова, в котором сообщалось о наборе добровольцев в Русский Охранный Корпус под командованием генерала Штейфона для вооруженной борьбы с большевиками. В циркуляре содержался призыв к содействию по формированию корпуса добровольцами, и уточня-

лось, что он состоит из пехотной, технической и казачьей частей, артиллерии и кавалерии⁶⁶.

В конце 1941 - начале 1942 года было сформировано три пехотных полка из русских эмигрантов, проживавших в Югославии и Болгарии. Активную роль в отправке эмигрантов-добровольцев из Болгарии в Сербию играл начальник III отдела РОВСа генерал Абрамов. 1 июня 1942 года он писал в Брюссель начальнику РОВСа генералу Архангельскому, что с 20 марта по 1 июня отправлено в Белград 38 партий общим количеством в 1850 человек. Абрамов сообщал, что уехали все начальники частей и групп на местах, остались только лица более предельного возраста (55 лет и старше). В июне планировалось осуществить одну отправку, а в июле - еще три. Сам Абрамов посетил Белград по приглашению в мае 1942 года, где имел возможность ознакомиться с формированием Русского Корпуса, о чем и информировал начальника РОВСа. Абрамов писал, в частности, что все уехавшие из Болгарии в Сербию удовлетворены условиями службы⁶⁷.

Во второй половине 1942 года приток добровольцев в корпус замедлился. К концу ноября 1942 года в составе этого соединения насчитывалось около 8 тысяч солдат и офицеров, в абсолютном большинстве своем эмигрантов, участников Гражданской войны в России, проживавших в Югославии. Лишь малую часть добровольцев составляла эмигрантская молодежь, выросшая на чужбине. Так или иначе, но в одном строю находились 70-летние старики и 15-летние мальчишки. Вербовка русских добровольцев в Германии и странах Западной Европы была запрещена немцами. 30 ноября 1942 года приказом немецкого командования Русская Охранная Группа была включена в состав вермахта с переименованием в Русский Охранный Корпус, (хотя, как указывалось выше, это наименование соединения использовалось уже в документах и материалах конца 1941 - начала 1942 гг.).

О судьбе немецкого полковника Кевиша - крестного отца-основателя, если так можно выразиться, Русского Корпуса вспоминал в своих послевоенных мемуарах генерал фон Лампе. 1 июля 1942 года он должен был лететь в Белград, куда его приглашал генерал Штейфон. Но фон Лампе поехал поездом. А в это время как раз и умер полковник Кевиш. 15 июля в Берлине для прощания с ним побывала депутация Русской Охранной группы (как она тогда именовалась) во главе с генералом Штейфоном. Она возложила венок на могилу человека, который стоял у истоков Русского Корпуса. Кстати, генерал фон Лампе вспоминал, что когда он вернулся в Берлин из Сербии, то узнал, что германское командование разрешило пополнять это формирование за счет эмигрантов из стран Юга Европы. Исходя из своего опыта общения с командованием и военными служащими Русского Корпуса, начальник ОРВС писал, что надеждой каждого добровольца была мечта о борьбе с коммунистами и в том числе непосредственно в России, «обеспечивая этим возрождение Национальной России и будущий тесный союз ее и Национал-Социалистической Германии»⁶⁸.

В январе 1943 года командование корпуса обратилось к германским властям с ходатайством о его пополнении добровольцами из советских военнопленных. В марте 1943 года за их счет численность корпуса увеличилась на 300 чел. и был сформирован 4-й полк. В дальнейшем была разрешена и осуществлялась вербовка в корпус на территориях Буковины, Бессарабии и в районе Одессы, а также среди военнопленных. Есть данные, что в 1943 году его численность составила уже 16 тыс. чел. К концу июля 1944 года был последний, 5-й полк и таким образом корпус состоял из пяти полков трехбатальонного состава⁶⁹.

Всего в корпусе в годы войны служили и воевали добровольцы из 11 стран Европы: Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Латвии, Польши, Румынии, Франции, Хорватии и России. К концу 1944 года из названия соединения исчезло слово «охранный», и оно стало называться «Русский Корпус»⁷⁰.

Несмотря на предшествующие договоренности, корпус был переименован в «Шюцкор», переодет в немецкую форму и так и не был направлен на Восточный фронт. Но его командир генерал Штейфон был в итоге произведен в чин генерал-

лейтенанта вермахта, а в 1944 году награжден германским Крестом военных заслуг II класса с мечами. Бригадами и полками корпуса командовали генералы-эмигранты В.Э. Зборовский, Д.П. Драценко, И.К. Кириенко, полковники А.И. Рогожин, Б.С. Гескет, Б.А. Мержанов и др. Что касается генерала Скородумова, то после освобождения из-под ареста в октябре 1941 года он три года занимался сапожным ремеслом. В 1943 году немцы, по его словам, предлагали ему вновь возглавить русскую эмиграцию в Сербии и корпус, но он отказался, заявив, что вернется туда только простым солдатом, когда советские войска перейдут границу Сербии. Генерал действительно вступил в корпус рядовым в 1944 году и прошел вместе с ним в боях всю финальную часть войны.

В начале января 1945 года генерал Штейфон встречался в Берлине с генералом Власовым, где вел переговоры о возможности включения его корпуса в Русскую Освободительную Армию, но попытки Власова добиться у германского командования разрешения перебросить корпус в Германию успехов не имели, да и реальных возможностей для этого уже не существовало. К маю 1945 года в Русском Корпусе насчитывалось около 4500 солдат и офицеров, что составляло примерно четверть от общего числа военнослужащих, прошедших через его ряды. Всего через это соединение прошло 17 090 человек, в том числе около 5 тысяч граждан СССР. Есть существенно различающаяся оценка потерь личного состава корпуса. Эти потери составили, по одним данным, - более тысячи убитых, около 3300 раненых, 2300 пропавших без вести; по другим оценкам, общие потери составили 11506 чел. Особенно велики были потери среди офицерства. Средний возраст чинов Русского Корпуса составлял 50 лет. Причем, по некоторым данным, корпус на 80 % состоял из чинов РОВСа⁷¹.

Осенью 1941 года были предприняты первые попытки немецкого командования по формированию казачьих воинских подразделений на оккупированной советской территории. Это достаточно большая, интересная, но вполне самостоятельная тема исследования. Поэтому здесь она будет затронута лишь в связи с участием в этом процессе представителей Русского военного Зарубежья. В 1941 году под эгидой и надзором войск СС началось формирование казачьих сотен и команд, главным образом в качестве антипартизанских формирований. 15 апреля 1942 года Гитлер разрешил использовать казачьи части на советско-германском фронте. Развернулось формирование казачьих полков.

В сентябре 1942 года в Новочеркасске был собран Казачий Сход и избран атаман Войска Донского. Им стал СВ. Павлов, бывший царский, а затем белогвардейский офицер, военный летчик в период Первой мировой войны. Он в 1918 - 20 годах сражался на стороне белых на Юге России. После эвакуации белыми Новороссийска в 1920 году он остался в Советской России, жил по чужим документам и, окончив вуз, работал инженером-конструктором. В формируемые на оккупированных советских территориях казачьи части вступали не только донцы, но и кубанцы, и терцы. 15 ноября 1942 года походным атаманом Павловым и его окружением была подготовлена и представлена германским властям «Декларация Войска Донского»⁷². Но подобное своеобразие новоявленного атамана и его претензии на государственное самоопределение и самоуправление Дона не нравились немцам. Полковник Павлов не раз арестовывался, но освобождался по ходатайству и усилиями генералов вермахта. От рассмотрения же представленной Декларации с претензиями на закрепление за казачеством их земель и права на собственную государственность, суверенитет и самоуправление немцев «спасло» советское наступление конца 1942 - начала 1943 года, выбившее германские войска и их казачьих союзников с Дона.

Германские власти предпочитали разыгрывать то, что в первую очередь играло им на руку, и среди подобных идей было провозглашение нового Казачьего Сполуха против советской власти, продолжение той борьбы, которая велась казачеством в годы Гражданской войны в России. И здесь в качестве союзников и идеологических сподвижников им нужны были уже эмигранты, которые в период Гражданской войны и сражались с советской властью. Из наиболее видных деятелей Русского Обще-Воинского Союза особую роль в сотрудничестве с немецкими властями и их союзни-

ками играл генерал Ф.Ф. Абрамов, являвший, напомним не только начальником III отдела этого Союза, но и командиром Донского корпуса, а также представителем Донского атамана в Болгарии. В этих качествах он активно занимался вопросами сотрудничества казаков с германским командованием и их союзниками.

19 октября 1942 года состоялась встреча генерала Абрамова вместе с кубанским атаманом генералом Науменко с главнокомандующим германскими войсками в Сербии. В ходе встречи было достигнуто соглашение о выделении самостоятельных казачьих частей в Русской Охранной Группе. В ноябре 1942 года от имени генерала Абрамова как командира Донского корпуса и представителя Донского атамана в Болгарии эмигрантам рассылалась информация о возрождении Донского корпуса в Новочеркасске и создании специального Центра обучения. Этим процессом, осуществлявшимся при содействии германского командования, было охвачено около 2000 казаков⁷³. Генерал Абрамов принимал в дальнейшем активное участие в создании и инспектировании казачьих воинских частей.

В ноябре 1942 года германское командование принимает решение о создании крупного соединения казачьих войск под командованием полковника германской кавалерии Гельмута фон Паннвица. Формирование его разворачивается на территории Польши. В апреле 1943 года это соединение было преобразовано в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию. Ее решено было использовать для защиты интересов Третьего рейха на Балканах и для борьбы с югославскими партизанами. В процессе формирования дивизии, в целях укрепления ее идейного и боевого духа и повышения боеспособности вновь и вспомнили о белоэмигрантах. И здесь на первый план вышел уже другой человек, старый и проверенный союзник немцев еще по 1918 году, бывший командующий Донской армии и атаман Войска Донского 74-летний генерал от кавалерии и известный военный писатель П.Н. Краснов. В 1936 году он переехал из Франции в Германию. Разделяя идеалы фашизма, генерал Краснов в годы Великой Отечественной войны восхвалял победы германского оружия на Восточном фронте в своем журнале «Казачий Сборник».

В 1943 году у германских властей возникла мысль использовать не только писательский и пропагандистский талант генерала Краснова, но и его самого как духовное знамя в борьбе казачества против сталинского режима, как человека, олицетворяющего преемственность поколений в борьбе с советской властью и Второй Сполох казачьей войны против большевиков. 15 июля 1943 года в Берлине состоялась встреча генерала от кавалерии Краснова и генерал-майора фон Паннвица, а в сентябре того же года Краснов посетил 1-ю казачью кавалерийскую дивизию и присутствовал при ее присяге Гитлеру. В конце сентября дивизия отправилась с карательными функциями в Югославию. В ее составе насчитывалось 18555 человек, в том числе 14315 казаков и 4240 немецких солдат и офицеров⁷⁴.

Тем временем генерал Краснов со всем своим талантом военного стратега и писателя приступил к разработке программного документа под названием «Декларация Казачьего Правительства», которая в ноябре 1943 года была представлена германским властям. Этот документ ждала другая судьба, нежели Декларацию Павлова в 1942 году, и объяснялось это во многом кардинально изменившейся ситуацией на советско-германском фронте. 10 ноября того же года Декларация, подготовленная генералом Красновым, была подписана начальником штаба верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом Кейтелем и министром восточных территорий Розенбергом. Тем самым казаки получили в Третьем рейхе не просто статус полноправных союзников, но и военнотружущих правительства в изгнании. Впрочем, о формировании некоего казачьего правительства речь не шла, да и война уже бушевала вдали от родных казачьих земель. Казаки, верные «союзническим» обязательствам, воевали за интересы Германии везде, где они находились - в Югославии, Польше, Франции, Белоруссии.

Удовлетворенный подписанием Декларации генерал Краснов обратился к казакам: «Услышал Господь молитвы наши! Пришло, что ждали казаки! Пришло от германской власти удостоверение признания казачьих заслуг перед миром, обещание за-

щиты и покровительства вождя германского народа Адольфа Гитлера! Пришло утверждение за казаками прав и преимуществ служебных - возможности постоять за честь отчизны, родных казачьих войск! Самобытности, стяжавшей казакам историческую славу - славу отцов и дедов! Неприкосновенности земельных угодий - своего порога и угла!». Но Краснов не забыл упомянуть и об обязательствах, которые следовало выполнять: «Война с коммунизмом не окончена. Где будет окончательная победа Германии над коммунизмом и его уничтожение, нам не дано знать. Где бы это ни было, мы, казаки должны везде, где нам укажут, не щадя жизни своей споспешествовать этой победе. После нее будут свободными Дон, Кубань и Терек, свободное казачество под защитой Германии Адольфа Гитлера. Бог в помощь казаки! В час добрый!»⁷⁵.

Так в исполнении доблестного белого генерала состоялось оформление национально-государственной самостоятельности и самобытности казачества. Трудно сказать, действительно ли сам генерал и бывший казачий атаман верил в полной мере в то, в чем пытался уверить других - это вопрос его чести и совести. Но, по крайней мере, обе стороны были удовлетворены. Генерал Краснов, по мнению немцев, прекрасно сыграл отведенную ему роль. Гитлеровское руководство достойно увенчало труды давнего союзника Германии еще со времен Гражданской войны в России. В конце марта 1944 года 1944 года генерал Краснов стал начальником Главного управления казачьих войск в составе министерства восточных территорий Германии. Его начальником штаба был назначен его племянник Семен Краснов, которому старый генерал выторговал чин генерал-майора немецкой кавалерии. В штаб П.Н. Краснова были пристроены в дальнейшем и два других его племянника.

Начальником Казачьего резерва стал старый товарищ генерала Краснова генерал А.Г. Шкуро, фигура, вызывавшая самые разные толкования еще в период той войны с большевиками и ставшая поистине притчей во языцах в эмиграции. Тем не менее, он активно занялся привлечением офицеров-казаков из эмиграции для службы в создаваемых под немецкой эгидой казачьих частей. Рейхсфюрер Гиммлер удостоил Шкуро звания генерал-лейтенанта СС. Генерал фон Лампе в целом положительно отзывался о генерале Шкуро, замечая, что «репутация его хуже, чем он сам». Он упоминал, что главнокомандующий генерала Врангель был когда-то против него, но с тех пор прошло много лет. Касаясь требований генерала Шкуро к подбору эмигрантских военных кадров, фон Лампе оговаривался, что брать каждого эмигранта он не может, а должен брать казаков, относя к ним и первопоходников, и офицеров, женатых на казачках⁷⁶.

О деятельности казачьих генералов-эмигрантов и о судьбе казачьих формирований на заключительной стадии войны специально пойдет речь в конце этой главы.

Особая тема - это отношения русской военной эмиграции и ее руководства и так называемого Русского Освободительного Движения (Освободительного Движения Народов России), связанного с конца 1942-43 года с деятельностью генерала Власова и его окружения. Генерал-лейтенант Красной Армии А.А. Власов, сдавшийся в плен 12 июля 1942 года после окружения и разгрома возглавляемой им 2-й ударной армии, принял предложение немцев о сотрудничестве и подписал обращение Русского комитета «К бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза». Оно положило начало мощной антисоветской пропагандистской компании под лозунгами Русского Освободительного Движения для борьбы за свержение Сталина и его режима, для чего декларировалось создание союзной Германии Русской Освободительной Армии (РОА). Но для германского руководства это была прежде всего идеологическая и пропагандистская акция, направленная на ослабление своего военного и политического противника, и до второй половины 1944 года, когда ситуация на Восточном фронте кардинально изменилась, немцы и не помышляли всерьез о создании РОА. А деятельность генерала Власова и его окружения сталкивалась со многими препятствиями со стороны различных германских учреждений.

С самого начала отношение российской эмиграции и прежде всего Русского военного Зарубежья к генералу Власову и его инициативам было сложным и настороженным, как, впрочем, и отношение Власова и его окружения к эмиграции. 23 марта 1943

года генерал фон Лампе направил циркуляр чинам своего «Объединения Русских Воинских Союзов» в связи с публикациями в русской зарубежной печати обращений и воззваний за подписью «Русский Комитет» в Смоленске или его начальника генерал-лейтенанта Власова, ныне освобожденного из немецкого плена. В этих документах говорилось о борьбе против большевиков, что вызывало большой интерес среди членов ОРВС. Но фон Лампе со ссылкой на начальника Управления по делам русской эмиграции в Берлине генерала Бискупского указывал, что это касается только военнопленных, бывших чинов Красной Армии и жителей земель, занятых германской армией на Востоке. Начальник ОРВС обещал довести до чинов Объединения, если эта позиция изменится.

В марте 1943 года в связи с публикацией в газете «Заря» открытого письма генерала Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» генерал фон Лампе с известной грустью констатировал: «Вся затея с Власовым основывается исключительно на красных, с несомненным запретом не связываться с белыми. Нас не только не хотят, но, почему-то, значительно превышая нашу ценность, нас опасаются (больше, чем красных). И до этого нам пришлось дожить»⁷⁷.

В отличие от большинства людей из его окружения генерал Власов внимательно относился к эмиграции, считая ее носительницей старых традиций русского народа, его духовных устоев, культурных и религиозных идей, нарушенных большевиками, своего рода связующим мостом между новой и старой Россией. Обращаясь к старым эмигрантам, он говорил: «Во время Гражданской войны мы воевали друг против друга, но тогда каждый из нас защищал свою правду, как он ее понимал. В результате вы войну проиграли и вынуждены были покинуть Родину, а мы ее хотя и выиграли, но очутились в положении не лучше вашего. Коммунисты обманули нас и, захватив власть, утвердили над нами невыносимую диктатуру. Иначе говоря, и белые, и красные одинаково Гражданскую войну проиграли. Давайте забудем прошлые обиды и, как братья, как дети одной матери, пойдем освобождать наш народ от постигшего его несчастья». Власов добавлял: «Поймите меня правильно, история вспять не идет. Не за реставрацию и возвращение старых порядков мы идем, мы боремся за народные права, завоеванные Февральской революцией и отнятые коммунистами в октябре»⁷⁸.

Заметим, что последние слова генерала Власова вряд ли могли получить поддержку у большинства представителей старой военной эмиграции, считавших, что именно с Февральской революции началось разрушение старого государства и его армии. Генерал Бискупский, действуя с ведома министерства по делам оккупированных восточных территорий, издал приказ, запрещавший русским эмигрантам какое бы то ни было участие во власовском движении, определяя его как «подозрительное по симпатиям к демократии»⁷⁹.

Руководители ведущих организаций Российского военного Зарубежья и в первую очередь РОВСа и ОРВС внимательно следили за тем, что происходило с декларированными генералом Власовым инициативами, критически анализировали заявления самого генерала и людей из его ближайшего окружения, особенно когда это касалось оценок деятельности белого движения и военной эмиграции и возможностей взаимного сотрудничества. Например, в информационных материалах III отдела Русского Обще-Воинского Союза нашли освещение материалы состоявшейся в апреле 1943 года 1-й антибольшевистской конференции военнопленных командиров и бойцов Красной Армии, вступивших в ряды Русского Освободительного Движения. В докладе генерал-майора В.Ф. Малышкина, претендовавшего на лавры идеолога названного Движения, прозвучала следующая характеристика белого движения: «Белое движение возникло как движение против советской власти. Это совершенно правильно. Но это движение не имело прогрессивных начал для Русского народа, это движение было, в лучшем случае, безыдейным движением, а чаще всего - это было движение, направленное к реставрации старой дворянско-помещичьей России. ... Наоборот, лозунги, выдвинутые большевизмом на фоне белого движения, значительно выиграли, и это помогло большевизму увлечь Русский народ за собой.... Бывшим участникам белого движения мы можем со-

вершенно определенно сказать: тот, кто думает о реставрации отживших государственных форм - тому с нами не по пути, тех мы не можем принять в свои ряды Эмиграции, как единого целого, в настоящее время не существует. За 25 лет выросло новое молодое поколение. ... И тот, кто стоит на платформе идей Русского Освободительного Движения, того мы принимаем в свои ряды с распростертыми объятиями». Оценивая это заявление, руководство III отдела РОВСа с известной обидой указывало, что отказ от идей реставраторства произошел еще в декларациях генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича⁸⁰.

Анализируя происходившее в окружении генерала Власова, начальник ОРВС генерал фон Лампе писал 8 июня 1943 года начальнику Юго-Восточного отдела своего Объединения полковнику Гегела-Швили (который в июле 1942 года был назначен на эту должность вместо капитана I ранга Подгорного): «Многое из того, что говорят Власов и Малышкин, вполне отвечает и нашим взглядам и тому, что мы говорили и говорим. Но многое еще неясно, и еще нельзя сказать... сможет ли РОА иметь успех в борьбе против Красной Армии. Однако утверждения, что национальная идея у РОА «чистая» и «настоящая», а у большевиков «ложная» и «опошленная» - мало для того, чтобы выбить из рук Сталина его оружие - ставку на «патриотизм» и на «Отечественную против «захватчиков» войну». Мы будем верить, что РОА будет иметь успех и сможет стать Кадром Русской Национальной Армии». Генерал фон Лампе, касаясь взаимоотношений власовцев и белых эмигрантов, жаловался: «Хуже всего, что если эмиграции идти к Власову разрешат, то пойдет полтора человека. К Шпееру эмигрантов брали на рядовые должности, а сейчас красных офицеров берут на должности командные. Так что эмигранты-офицеры оказываются подчиненными офицерам (с позволения сказать) красным, и иногда им подчиняться не хотят». Но все вышеизложенное вполне соответствовало политике германских властей, руководствовавшихся принципом «разделяй и властвуй». На совещании в резиденции Гитлера в Бергхофе 8 июня 1943 года обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе русских воинских формирований в вермахте и судьбе генерала Власова. Окончательное» решение фюрера было следующим: русских в единую армию под командованием Власова не объединять, все разговоры о РОА вести в пропагандистских целях⁸¹.

Сам генерал Власов размышлял в это время о целесообразности использования белых эмигрантов и в том числе офицеров в Русской Освободительной Армии. Его сомнения пытался переломить начальник III отдела РОВСа генерал Абрамов. В своем письме от 10 июня 1943 года Абрамов предлагал Власову в случае, если тот сочтет возможным и желательным, использовать силы русской эмиграции. Абрамов советовал включить представителя Русского Зарубежья в состав Русского Комитета, от имени которого была обнародована «Смоленская декларация». Абрамов предлагал Власову ходатайствовать о переводе офицеров из Русского Охранного Корпуса в РОА, так как, по сведениям Абрамова, в ней испытывалась нехватка офицерских кадров. Русский Охранный Корпус и его командный состав, по словам генерала Абрамова, были извещены о существовании РОА и с воодушевлением восприняли информацию о ней и Русском Комитете⁸². Эта тема станет предметом последующего обсуждения, и к ней мы еще вернемся в дальнейшем.

Но если генерал Абрамов в этот период и в дальнейшем был расположен к конструктивному сотрудничеству с генералом Власовым, о чем еще пойдет разговор впереди, то это еще не означало, столь же единодушного положительного восприятия последнего руководством РОВСа и ОРВС, а также Русским военным Зарубежьем в целом. Например, уже упомянутый ранее генерал Краснов, видный и добросовестный сторонник, а затем и чиновник германской администрации, которого познакомили с генералом Власовым 29 мая 1943 года в Берлине, неприязненно отнесся к бывшему советскому генералу, еще совсем недавно верой и правдой служившему советской власти и сталинскому режиму, а в немецком плену заявившему о готовности сотрудничать с фашистской Германией. Последующие их встречи не изменили этого отрицательного отношения генерала Краснова к Власову.

Российское военное Зарубежье пыталось разобраться и высказать свое мнение в отношении формирования Восточных легионов в составе немецкой армии и их взаимосвязи с созданием и деятельностью Русского Комитета. Руководство Русского Обще-Воинского Союза высказалось по этому поводу следующим образом: «По-видимому, эти формирования были только опытом, а теперь формирования военнопленных становятся на более широкую ногу. Во что выльются подобные формирования, - сказать еще трудно. ... Трудно также сказать, насколько сделанное до сих пор в области формирований... отвечает задачам Русского Комитета». Конечное резюме РОВСа было следующим: «Во всяком случае, пока ясно одно, - что все эти формирования будут только из военнопленных, и что национальная Русская эмиграция к ним не привлечена»⁸³.

Оценивая деятельность и идейно-политическую программу генерала Власова и его окружения спустя годы, в своих мемуарах, опубликованных через 15 лет после окончания Второй мировой войны, начальник ОРВС (а по время издания своей книги - начальник РОВСа) генерал фон Лампе писал следующим образом: «Когда в Германии зародилась РОА -то познакомившись ближе с ее командиром, генералом Власовым, я увидел, что и сам генерал и его соратники не только осведомлены о подробностях борьбы белых, идейными преемниками которых они себя считали и задачу которых хотели продолжить»⁸⁴. Так или иначе, но в годы войны большинство эмигрантских организаций, в том числе РОВС и ОРВС, заняли по отношению к генералу Власову и его инициативам выжидательно-настороженную позицию.

По мере ухудшения положения фашистской Германии во Второй мировой войне постепенно менялось и отношение немецкого военного и политического руководства к использованию любых сил, которые могли бы участвовать в войне и непосредственно в боевых действиях на их стороне: это относилось и к старым русским эмигрантам, и к выразившим готовность к сотрудничеству с немцами бывшим советским военными служащим. Немецкая газета «Рейхсгезетцблатт» опубликовала 5 мая 1944 года указ фюрера от 25 апреля об отбытии воинской и государственной трудовой повинности бесподданными. Текст указа гласил: «1. Бесподданные, постоянно проживающие на территории Рейха, могут привлекаться к отбыванию воинской и государственной трудовой повинности наравне с германскими подданными. 2. Распоряжения, необходимые для проведения и дополнения этого указа, издаются Начальником Штаба Главнокомандующего Вооруженными силами и Рейхсарбейтфюрером, каждым в пределах своей компетенции, по соглашению с причастными высшими имперскими инстанциями»⁸⁵.

В конце мая 1944 года начальник Юго-Восточного отдела ОРВС полковник Гегела-Швили со ссылкой на газету и информацию от начальника Объединения генерала фон Лампе своим особым приказом довел до подчиненных указ фюрера. «Назрело время исключительной важности для эмиграции, - комментировал Гегела-Швили этот указ, - нам, бывшим военным должно быть ясно, что закон не подлежит обсуждению». Он призвал воздерживаться от толков и пересудов и обещал, что все, что ему станет известно по этому вопросу, он будет незамедлительно сообщать⁸⁶. Таким образом, в критической для Третьего рейха ситуации русские эмигранты-военнослужащие могли быть уже использованы и в качестве «пушечного мяса», а также для исполнения трудовой повинности, чтобы высвободить таким образом часть немцев для участия в боевых действиях.

Тем временем германские власти продолжали жестко контролировать деятельность русских эмигрантских организаций, отдавая соответствующие распоряжения в адрес их руководителей. Эти распоряжения и указания подлежали немедленному и неукоснительному исполнению.

Например, 18 июня 1944 года начальник ОРВС генерал фон Лампе издал приказ своему Объединению, в котором, ссылаясь на распоряжение германских властей, поступившее накануне, указывал, что по их требованию право состоять в ОРВС имеют только «эмигранты», т.е. лица, покинувшие Россию по политическим причинам до 22 июня 1941 года. Всем неэмигрантам предписывалось немедленно выйти из ОРВС, а начальники отделов Объединения должны были теперь же исключить из списков вверен-

ных им отделов всех подходящих под указанное определение и списки представить генералу фон Лампе⁸⁷.

Поражения немецких войск на советско-германском фронте и быстрое перемещение линии фронта на запад все чаще заставляло русских эмигрантов, и прежде всего активно сотрудничавших с германскими властями, мучительно размышлять о своей судьбе. Вот как вспоминал об этом времени руководитель Русского Комитета в Польше С.Л. Войцеховский: «Все чаще возникал передо мной вопрос: чем кончится война для русских эмигрантов, доверивших мне свою судьбу? Что ждет их в случае все менее вероятной победы Гитлера? Принудительное переселение куда-либо в Бургундию или Ломбардию было бы счастливой участью. Расовое помешательство сулило худшее». Войцеховский вспоминал также, что однажды полицейский офицер, к которому он обратился с прошением об облегчении чьей-то участи, откровенно сказал ему: «Я Вас очень уважаю, но если фюрер прикажет, я Вас, конечно, расстреляю». Председатель Русского Комитета писал впоследствии о самоубийственном поведении немцев в Польше и в России и при этом откровенно признавался, что в сложившейся ситуации выбора практически не было: «Поражение Германии грозило не немецкой, а советской пулей»⁸⁸.

Летом 1944 года в условиях стремительно развивавшегося советского наступления в Белоруссии с выходом в Польшу перед С.Л. Войцеховским встала непростая задача организации эвакуации русских эмигрантов из этой страны. Как следует из его воспоминаний, он успел организовать выезд русских беженцев из Варшавы до вспыхнувшего там 2 августа 1944 года антифашистского восстания. Впрочем, как следует из эмигрантских документов, сильная варшавская военная группа (до 500 чел.) оказалась распылена. Кстати сказать, в жестоком подавлении восстания в Варшаве самое активное участие приняли части Русской штурмовой бригады СС под командованием полковника войск СС Каминского и казаки Доманова, также находившиеся на немецкой службе.

Покинув Польшу, С.Л. Войцеховский встретился в августе 1944 года в Берлине и обсудил сложившуюся ситуацию с генералом Бискупский, многолетним начальником Управления по делам русской эмиграции в Германии, переживавшим, заметим, в это время трудные дни. В ходе налета и бомбардировки союзной авиацией Берлина сгорело его имущество и архив Управления, располагавшийся в доме на Блейбтрейштрассе, 27. Но более страшным было другое: он попал под подозрение в причастности к покушению на Гитлера 20 июля 1944 года. В дневнике бывшего германского посла в Риме Ульриха фон Гасселя, арестованного по этому делу, обнаружили запись разговора с Бискупским, который резко отзывался о Гитлере и Розенберге⁸⁹. Ходили слухи, что им был составлен и список будущего русского правительства из эмигрантов. Впрочем, как свидетельствуют находящиеся в нашем распоряжении документы, в последующие месяцы генерал Бискупский вел активную деятельность, в том числе участвовал в объединительном процессе русских антибольшевистских организаций, и, судя по всему, нависшая над ним опасность прошла стороной.

В это же время чрезвычайно драматично развивалась ситуация с русскими эмигрантами в Болгарии. В результате стремительного советского наступления и сентябрьского восстания в Софии, распространившегося на всю страну, мало кому из большой колонии русских эмигрантов удалось эвакуироваться. Недобрые слова в эти дни и впоследствии высказывались в эмиграции в адрес генерала Абрамова, который уверял эмигрантов, что все будет хорошо, чем во многом фактически и воспрепятствовал их своевременному выезду из этой страны. Сам он сумел сделать это в самый последний момент, бежав из Болгарии, по одним данным, - на самолете, а по другим, - успев выехать в Сербию на последнем уходящем поезде. В двадцатых числах сентября генерал Абрамов уже прибыл в Берлин и, объясняя случившееся, утверждал, что значительная часть эмиграции верила в то, что Болгария не будет занята Красной Армией, ибо «американцы этого не допустят». Эта вера, по мнению Абрамова, и привела к тому, что в решающий момент эмигранты и, в частности, чины III отдела РОВСа не эвакуирова-

лись из Болгарии и остались на милость большевиков, которые заняли страну без помехи со стороны англо-американцев. Правда, и сейчас еще отдельные русские бегут в Сербию, добавлял начальник III отдела Русского Обще-Воинского Союза⁹⁰. Сам же он активно включился в процесс объединения усилий эмигрантов и сторонников генерала Власова.

В целом, Русское Зарубежье летом - осенью 1944 года стремительно слабело и теряло свои позиции. Перестала существовать русская эмиграция в Болгарии, Польше (из большой варшавской группы в 500 чел. едва ли известно о ста - читаем мы в одном из писем⁹¹), Франции (оттуда прибыли в Германию Ю.С. Жеребков со своим штабом, великий князь Владимир Кириллович, поселившийся в Аморбах у сестры Марии Кирилловны, принцессы Лейнингенской, и отдельные группы эмигрантов). У лидеров эмигрантских организаций были утрачены связи с эмигрантскими колониями в Италии, Греции, Венгрии, Словакии, Бельгии, Голландии, Финляндии. Исключительно трудная ситуация складывалась в Сербии, откуда уже эвакуировалась часть эмигрантов, а Русский Корпус вел тяжелые бои, неся большие потери. Сама по себе эвакуация с обжитых мест была для многих эмигрантов делом исключительно трудным, это касалось в том числе и зажиточной части представителей Русского Зарубежья, которые теряли почти все нажитое. Поэтому в эмиграции развернулась дискуссия (главным образом в переписке) о перспективах развития боевых действий на фронтах Второй мировой войны, целесообразности и сроках эвакуации. При этом, если большинство ее участников считало необходимым покинуть территории, занимаемые Красной Армией, то в отношении ее союзников высказывались разные мнения. Для лиц, сотрудничавших с германскими властями, главным являлся вопрос о том, будут ли англо-американцы выдавать русских эмигрантов большевикам.

Но драматическое и трагическое, явно преобладавшее в это время, и в том числе в жизни Русского Зарубежья, иногда чередовалось с иными моментами. Так, в сентябре 1944 года было пышно отмечено 75-летие белого генерала и видного сановника германской администрации П.Н. Краснова. Он получил многочисленные поздравления, как от германских властей, так и из различных уголков казачьего зарубежного рассеяния, от командования казачьих формирований, находившихся на немецкой службе.

Неблагоприятное развитие событий на советско-германском фронте заставляло думать и пытаться действовать руководителей Российского военного Зарубежья. 8 сентября начальник ОРВС генерал фон Лампе направил секретное распоряжение в адрес начальников отделов своего Объединения. Ссылаясь на поступающие сведения (хотя и оговариваясь, что не берет на себя ответственности за их точность) о возможности в ближайшем будущем изменения положения русской военной эмиграции и чтобы не быть в связи с этим застигнутым врасплох, фон Лампе просил срочно дать сведения о рекомендуемых ими чинах отделов: 1) офицерах Генерального штаба и офицерах, окончивших курсы генерала Головина или аналогичные им воинские курсы; 2) офицерах - кандидатах на должность командира полка и выше, всех родов войск, не считаясь с чинами; 3) в какой роли, по мнению рекомендуемых, они могли быть использованы. Генерал фон Лампе особо оговаривался, что эту работу надо вести индивидуально, сугубо доверительно, не допуская слухов⁹².

24 сентября 1944 года генерал фон Лампе писал начальнику Юго-Восточного отдела ОРВС полковнику Гегела-Швили: «Вы знаете мою точку зрения о необходимости в последнюю минуту братья за оружие для самозащиты. Только с этой точки зрения я могу приветствовать «формирования» и тому подобное. Но мне начинает казаться, что все делается для того, чтобы как бы ни был решен вопрос - оказалось поздно»⁹³. Начальник РОВСа генерал Архангельский с сожалением констатировал (как бы кивая в сторону немцев): «Нас не только не допускают в РОА, но во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними»⁹⁴.

В одном из сентябрьских писем генерал фон Лампе подробно размышлял о перспективах взаимоотношений старой военной эмиграции с генералом Власовым и его соратниками, что стало особенно важной темой после сентябрьской встречи Власова с

рейхсфюрером СС Гиммлером. Он упоминал, что к нему от Власова ходят многие, и он принимает всех и разговаривает доброжелательно. Фон Лампе предполагал, что и сам Власов не минует его. Касаясь основного мотива, начальник ОРВС подчеркивал, что им нужны офицеры и при том старшие. Фон Лампе полагал, что если германские власти нашли способ говорить с казаками, то найдут способ говорить и с русскими. Но при этом начальника ОРВС очень беспокоила линия поведения и характер взаимоотношений генерала фон Власова с эмигрантами: «Самое скверное, если Власов будет вызывать к себе поодиночке, - приведет к хаосу в среде русской эмиграции». «Эмиграция организована по указаниям германских властей, и потому надо с ней говорить как с организованной единицей, - считал генерал фон Лампе. - Для этого существует генерал Бискупский, который возглавляет русскую эмиграцию в Германии». Именно это автор письма и хотел подчеркнуть в разговоре с Власовым в ходе их возможной встречи. «Я считаю, что, в конечном счете, нам надо самим братья за оружие», - утверждал начальник ОРВС. РОА - не худшая тому возможность, полагал он, указывая, вместе с тем, что тут существует масса шероховатостей. «Во всяком случае, нам во «Власовском» вопросе надо, как и всегда, быть едиными и не давать использовать себя по частям», - подчеркивал фон Лампе. С этой точки зрения его тревожили слухи, что «Туркуловцы все время сватают Власову Туркула», который, по мнению автора, «пойдет на что угодно». Взаимопонимание и единство поведения и действий военной эмиграции начальник ОРВС считал важным фактором во взаимоотношениях с генералом Власовым и германскими властями⁹⁵.

Тяжелое для Германии и ее союзников положение на фронтах Второй мировой войны и вынужденная эвакуация русских эмигрантов из стран постоянного проживания требовали принятия и других решений, направленных на консолидацию действий ведущих военных организаций эмиграции. 25 сентября 1944 года генерал фон Лампе издал приказ № 96 «Объединению Русских Воинских Союзов». В нем указывалось, что за последнее время в связи с изменением положения на фронтах значительное число чинов РОВСа оказалось на территории Велико-Германии, вне возможности установить связь с начальником этого Союза, находящимся в г. Брюсселе. Фон Лампе «как законный заместитель начальника Русского Обще-Воинского Союза» приказывал: всем чинам РОВСа, эвакуированным по военным действиям на территорию Велико-Германии, немедленно зарегистрироваться в отделах и группах Объединения Русских Воинских Союзов и войти в подчинение начальников таковых, оставаясь, конечно, членами РОВСа по-прежнему. Начальникам отделов и групп ОРВС предписывалось принять меры для оповещения чинов Русского Обще-Воинского Союза об этом в их районе⁹⁶.

В сентябре 1944 года состоялась встреча генерала Власова с ближайшим сподвижником А. Гитлера Гиммлером. Вслед за этим, осенью 1944 года под патронажем последнего развернулся процесс объединения различных ветвей русского антисоветского движения, что воплотилось в подготовку и проведение в Праге учредительного форума и создания Комитета Освобождения Народов России (КОНР). Но уже подготовительный цикл, работа над проектом Манифеста, согласование состава делегатов учредительного собрания и состава КОНР выявило много трудноразрешимых противоречий в отношениях между генералом Власовым и его сторонниками, с одной стороны, и Русским Зарубежьем, с другой. Ценным источником, иллюстрирующим это, является осенняя переписка между начальником ОРВС генералом фон Лампе и начальником Юго-Восточного отдела этого Объединения полковником Гегела-Швили. Этих лиц связывали сугубо доверительные отношения, и фон Лампе рассматривал полковника Гегела-Швили в качестве своего преемника на посту начальника ОРВС.

В письме от 4 октября генерал фон Лампе информирует, что у Власова идут совещания, в одном из которых он участвовал вчера вместе с генералами Бискупским и Абрамовым. «Пока не знаю, как я буду на все реагировать. Надо больше ориентироваться», - откровенно пишет начальник ОРВС в Прагу. Он указывает, что, возможно, «необходимость не оставлять интересы белых (здесь и далее выделено в тексте письма - В.Г.) без нужной защиты, может заставить меня пойти лично несколько дальше, чем

мне бы это желательно». Автор письма замечает, что «уже написал Власову протест против того, что в манифесте будущего комитета (правительства) ничего не сказано о белых бойцах войны 1917 - 1920 гг. в России»⁹⁷.

6 октября начальник ОРВС информировал, что специально виделся с генералом Власовым, чтобы побудить его принять через Гиммлера меры по выводу Русского Охранного Корпуса из тяжелых боев, которые он ведет в Сербии, ибо он представляет собой последние кадры русской эмиграции. В связи с этим фон Лампе замечает, что Власов говорит о единении со всеми, в том числе с эмиграцией. «В этом отношении на встречу ему идут все, что пока формировались, кроме генерала Краснова», - указывает генерал фон Лампе. Он добавлял, что Краснов повторяет свою борьбу с Деникиным, и если тогда вмешались французы, то сейчас это должны сделать немцы.

8 октября начальник ОРВС сообщает Гегела-Швили о двух своих встречах с Власовым за последнее время, в том числе один раз - наедине. При этом фон Лампе констатирует полную неопределенность полномочий Власова и его возможностей. В дальнейшем начальник ОРВС специально обратит внимание полковника Гегела-Швили на гадания о переговорах Власова с Гиммлером⁹⁸. Тем самым он подчеркивал по существу, что от содержания, характера и итогов этих переговоров и будут зависеть перспективы будущего объединительного процесса различных русских антибольшевистских организаций и движений.

22 октября генерал фон Лампе пишет в Прагу, что вчера к нему приходил от Власова генерал Закутный, предлагая ему войти в формирующийся Русский Комитет. Автор письма добавляет, что таким образом произошло событие, которое предвосхитили беженские сплетни, которые давно уже ввели его в «штаб Власова». Подводя итоги состоявшейся встречи, фон Лампе указывает, что решил отказаться от сделанного ему предложения, мотивируя это тем, что положительно относясь к движению генерала Власова, идущему против большевиков, не видит цели вхождения в Комитет, где громадное большинство лиц (предполагается 104 чел.) ему совершенно неизвестны. «В спасительную силу комитетов я давно не верю, - добавляет начальник ОРВС, - вернее никогда не верил». Он просит Гегела-Швили не говорить никому о своем принятом решении⁹⁹.

28 октября в своем письме в Прагу тому же адресату генерал фон Лампе попутно касается и объединительного процесса, инициированного генералом Власовым. Он комментирует происходящее следующим образом: все сосредоточились на акции Власова, «а там настоящий холостой ход». Фон Лампе указывает, что сегодняшний день - воскресенье ему придется потратить на встречу с другим эмиссаром Власова - генералом Малышкиным (спустя несколько дней начальник ОРВС укажет, что эта встреча состоялась 29 октября). Как и 21 октября на встрече с Закутным, последует приглашение, предвосхищает автор письма развитие событий и, определяя свою позицию, добавляет, - «надо рассуждать, а не просто отрицать, конечно, я буду настаивать на своем». 5 ноября в адрес начальников групп и отделений «Объединения Русских Воинских Союзов» следует специальное объявление начальника ОРВС с информацией о положении в организациях генерала Власова и о взаимоотношениях с ними. «Слухи о моем вхождении в окружение Власова распространяются задолго до первых предложений», - указывает генерал фон Лампе, добавляя, что «их появление носит почти что провокационный характер», и подчеркивает свою верность заветам почивших вождей. Он обещает информировать чинов Объединения о дальнейшем развитии событий¹⁰⁰.

12 ноября генерал фон Лампе направляет информацию начальникам отделов ОРВС, в которой сообщает, что 11 ноября получил приглашение на «предварительное совещание членов и кандидатов Комитета освобождения народов России» (при генерале Власове). После ответа начальника ОРВС, что он не считает себя ни членом, ни кандидатом Комитета, он получил приглашение встретиться лично с генералом Власовым. Такая встреча состоялась 12 ноября. Генерал Власов подробно рассказал о своей встрече с рейхсминистром Риббентропом, осведомил о причинах перенесения первого торжественного заседания в Прагу. «Разговор носил откровенный и сердечный характер, -

резюмировал генерал фон Лампе. Он подтвердил свое решение помогать Власову в исполнении его задач, но настаивал на том, что форма этого сотрудничества «может быть решена только после того, как Комитет выявит совершенно открыто свое отношение к бойцам Белых армий». Генерал Власов, «по-видимому, считая невозможным изменение уже составленного манифеста Комитета», дал начальнику ОРВС слово заняться после возвращения из Праги специальным воззванием Комитета к белым¹⁰¹.

Весьма критическим было отношение к подготавливаемому программному документу и других видных представителей российской эмиграции. Генерал Бискупский заявил, что как монархист он не может высказаться по проекту Манифеста. Отрицательную реакцию со стороны руководителей белоэмиграции вызвал тезис Манифеста о прогрессивном характере народной революции 1917 года¹⁰².

14 ноября 1944 года состоялось торжественное заседание учредительного форума русских антибольшевистских организаций в Праге. На заседании в Испанском зале Пражского града собралось около 600 человек. Среди них были протектор Богемии и Моравии К.Г. Франк, представитель германского правительства обергруппенфюрер СС В. Лоренц и ряд других видных сановников фашистской Германии. Среди участников форума были представители военной эмиграции - генералы Бискупский, фон Лампе, Туркул и др. На заседании в Праге был учрежден Комитет Освобождения Народов России. От Русского Обще-Воинского Союза в его состав вошел генерал Ф.Ф. Абрамов, еще в 1943 году высказывавшийся в поддержку объединительных усилий генерала Власова и активно предлагавший ему использовать ресурсы и возможности Российского военного Зарубежья. В состав КОНР вошел и генерал Е.И. Балабин. В годы Второй мировой войны он являлся атаманом общеказачьего объединения в Германии, Словакии и Венгрии, в 1944 году был назначен начальником управления казачьих формирований. Впоследствии он оказывал всемерную поддержку усилиям генерала Власова, служил в штабе казачьих войск при штабе РОА, являлся членом Совета казачьих войск КОНР.

Генерал фон Лампе, принявший участие в торжественном заседании в Праге (а 18 ноября - в Берлине), уклонился от вхождения в состав КОНР. В Праге он обговорил с Власовым их предстоящую встречу в Берлине для обсуждения вопроса о форме своего «участия в деле и порядке привлечения к нему чинов Объединения». Необходимость проведения такой специальной встречи в столице Германии была подтверждена и в ходе беседы указанных лиц во время торжественного заседания в Берлине 18 ноября. Информировав 19 ноября о развитии событий полковника Гегела-Швили, фон Лампе еще раз подчеркнул необходимость издания специального обращения генерала Власова к офицерам и солдатам Белых армий, подобно тому, как это было сделано в Манифесте в отношении к офицерам и солдатам армии Краснова. Кстати, сам генерал Краснов категорически отказался входить в состав КОНР. Что касается генерала фон Лампе, то он еще более утвердился в необходимости специального обращения Власова к белым офицерам и солдатам, ознакомившись с двумя первыми номерами новой газеты РОА. Начальник ОРВС с возмущением писал, что в них все сопротивление красным начинается с кронштадского восстания, «то есть с того времени, как наши были уже на Галлиполи». «Умолчание тенденциозное и... мало понятное!», - с горечью восклицал генерал фон Лампе. - Его надо как-то пробить и то обращение, которого я добиваюсь и которое мне генерал Власов обещал, будет этим тараном! Иначе положение белых в рядах РОА всегда будет неприятным. Это мне стало теперь совершенно ясно». Впрочем, в этом письме полковнику Гегела-Швили фон Лампе не исключал того, что достигнутый успех может заставить Власова забыть о данном ему слове¹⁰³.

В материалах генерала фон Лампе мы находим текст документа, который мог быть предлагавшейся им вставкой в Манифест КОНР или же проектом специального обращения генерала Власова. Вот его текст: «Офицеры и солдаты Белой армии, вас, много лет назад всей душой вложившихся в борьбу против большевиков, зовем мы в свои ряды. Пусть не будет ни белых, ни красных, и в Россию вернутся только верные

ей русские люди»¹⁰⁴. Но этому или подобному документу так и не суждено было появиться на свет за подписью генерала Власова.

13 декабря генерал фон Лампе направляет в Прагу полковнику Гегела-Швили новое письмо с информацией о взаимоотношениях с генералом Власовым. Он констатирует, что «холостой ход» у Власова обнаруживается буквально во всем. «Все тормозится и кем - я не очень понимаю», - замечает он. «Не хорошо и с обращением к белым, - продолжает автор письма. - С одной стороны, конечно, как звать, не имея права принять отозвавшихся на такой зов. С другой стороны, Власов проговорился мне, что нет никого, кто был бы против этого обращения». Вслед за этим у Гегела-Швили появляется информация от начальника ОРВС, что «обращение генерала Власова к офицерам и солдатам Белых армий составлено в приемлемых для меня выражениях и готово к опубликованию в газете «Воля народа», - но задерживается ввиду отсутствия разрешения властей на прием в РОА русских военнослужащих-эмигрантов». К этому добавлялось, что генерал Власов надеется в ближайшем времени такое разрешение получить. В связи с вышеизложенным указывалось, что возможно идти окольными путями и вступить в РОА на несоответствующее офицерам-эмигрантам положение, но этого следовало избегать. Чинам Объединения предписывалось ждать¹⁰⁵.

Следующее письмо генерала фон Лампе полковнику Гегела-Швили датируется 26 декабря 1944 года. Автор письма сообщал о своей встрече с другим ближайшим сподвижником Власова - генералом Трухиным. «Я по-прежнему добиваюсь от генерала Власова обращения к белым, признания их борьбы и приглашения к себе», - подчеркивал фон Лампе, но добиться этого ему пока так и не удалось. Более того, он информировал Гегела-Швили о появлении в Берлине генералов Крейтера (который был начальником Русского Бюро в Сербии, а, по некоторым данным, являлся в это время начальником штаба Русского Корпуса) и генерала Туркула, занимающихся, по мнению автора письма, демагогией и проектирующих «общее обращение уже не Власова, а нас к белым с призывом идти ... в РОА». Начальник ОРВС был категорически против этого, и его точку зрения разделял генерал Бискупский. Вместе с тем, фон Лампе с грустью констатировал, что вышеназванные лица могут сделать это и без него. Фон Лампе добавлял, что генерал Крейтер уже вошел в КОНР, от чего он сам пока уклоняется¹⁰⁶.

В тот же день генерал фон Лампе пишет письмо генералу Абрамову. Он информирует его, что при последнем свидании с Власовым тот подтвердил свое намерение объявить обращение к белым, после чего автор письма обещал ему прийти на заседание президиума (КОНР) и вести разговор о своей дальнейшей работе с ним. Но обещанное воззвание так и не появилось. Фон Лампе жаловался, что ему не понравилось выступление генерала Крейтера 17 декабря, о чем и сказал ему в ходе состоявшейся на следующий день встречи. Тот предлагал автору письма выпустить совместное письмо к белым с призывом идти в РОА, но фон Лампе ему в этом категорически отказал. После этого генерал Крейтер обещал начальнику ОРВС поддержать его точку зрения об обращении к белым самого Власова. Но фон Лампе не особенно ему верил, ибо тот, пригласив в Берлин генерала Туркула, побывал с ним у Власова, а потом, не повидавшись ни с Бискупским, ни с автором письма уехал из столицы Германии. Начальник ОРВС утверждал, что ни Крейтер, ни Туркул белых офицеров не представляют, и добавлял, что надеется на содействие настоящих белых. Вполне вероятно, что тем самым автор письма давал генералу Абрамову понять, что надеется и на его поддержку в сложившейся ситуации¹⁰⁷.

Будучи занят и озабочен развитием объединительных процессов между русскими антибольшевистскими организациями и взаимоотношениями с генералам Власовым, начальник ОРВС генерал фон Лампе, как следует из его переписки, занимается и другими вопросами. Им, в частности, была подготовлена работа о Белом движении, объемом 80 страниц, которую он планировал издать тиражом в 200 экземпляров, адресуя ее прежде всего «приехавшим соотечественникам»¹⁰⁸ (речь, вероятно, шла о соратниках генерала Власова и членах других новообразованных в годы Второй мировой

войны организаций из бывших советских граждан), которые ничего не знали об этом движении, его целях и программе.

Наступил новый 1945-й год, а ситуация во взаимоотношениях между генералом Власовым и представителями российской военной эмиграции принципиально не менялась. В первой декаде января генерал фон Лампе дважды виделся с Власовым, а также встречался с его соратником генералом Жиленковым. Обещания генерала Власова об опубликовании обращения к белым так ничем и не завершились. Проходит еще несколько дней и вместо опубликования обращения к белым генерал Власов направляет личное письмо генералу фон Лампе, которое предполагалось для публикации в печати, в случае согласия последнего. Комментируя полученное письмо, начальник ОРВС констатировал, что оно составлено «в таких общих выражениях, что он не усмотрел в них возможностей, которых добивался для чинов Объединения в своих переговорах, и он отказался от опубликования письма в газете, что предоставлено на его решение». На этом, резюмировал фон Лампе, закончились и переговоры. 21 января начальник ОРВС издает приказ Объединению в связи с большим количеством поступающих обращений о вступлении в РОА. Генерал фон Лампе подтвердил свой приказ от 17 августа 1941 года (о котором уже шла речь выше, и текст которого приводится в приложениях к настоящей книге), дающий право чинам ОРВС решать вопрос своего дальнейшего служения Родине в индивидуальном порядке. Желающим вступить в РОА предписывалось подать прошение с краткой записью по службе по команде. Генерал фон Лампе обещал передать все полученные заявления начальнику штаба РОА генералу Трухину¹⁰⁹.

Несмотря на то, что обещанное генералом Власовым обращение к солдатам и офицерам Белых армий так и не увидело свет, генерал фон Лампе по-прежнему поддерживал тесные рабочие связи с генералом Власовым и его окружением, продолжались и их переговоры о более тесном сотрудничестве и вхождении начальника ОРВС в созданные Власовым органы. В результате 1 февраля 1945 года было сообщено, что генерал фон Лампе вошел в резерв генералов РОА, а 27 февраля (после третьего настоятельного предложения генерала Власова) вошел в Комитет Освобождения Народов России. Впрочем, во внутренней информации по ОРВС сообщалось, что фон Лампе вступил в резерв генералов РОА не как начальник Объединения, а в порядке персональном¹¹⁰.

Вслед за созданием Комитета Освобождения Народов России развернулось формирование его вооруженных сил. Его основу составила создаваемая Русская Освободительная Армия генерала Власова. Помимо уже упомянутых генералов Абрамова, Балабина и фон Лампе, о присоединении к Русской Освободительной Армии заявили председатель РОВСа генерал Архангельский, его первый заместитель генерал Драгомиров, управляющий делами русской эмиграции в Югославии генерал Крейтер, передавший Власову остатки ценностей, вывезенных генералом Врангелем из России в 1920 году. Генерал Н.Н. Головин незадолго до своей смерти разработал Устав внутренней службы РОА.

В 600-й пехотной (русской) дивизии (1-й дивизии РОА), формирование которой началось в ноябре 1944 года, ряд командных должностей заняли представители белоэмигрантов: командиром 1-го полка стал бывший капитан Марковского полка, выпускник Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Головина в Париже подполковник (потом полковник) А.Д. Архипов. Старшим адъютантом генерала Власова, а затем командиром еще одного полка этой дивизии РОА становится другой белый офицер - полковник И.К. Сахаров, бывший участник Гражданской войны в Испании на стороне Франко, а его начальником штаба служит майор, граф Г.П. Ламсдорф, также воевавший в Испании. Начальником личной канцелярии генерала Власова был назначен полковник К.Г. Кромиади (псевдоним - Санин), а другой белый офицер, соратник и помощник Кромиади по Русской Национальной Народной Армии, полковник В.М. Кравченко был назначен заместителем начальника пропагандистских курсов РОА в Дабендорфе. В районе Мюнзингена (Бавария) был создан запасной офицерский батальон, куда направлялись офицеры белых армий, чины РОВСа и ОРВС.

Вместе с тем, в частной переписке чинов ОРВС в первые месяцы 1945 года можно найти много критических высказываний в отношении формирования вооруженных сил КОНР и возможностей вступления эмигрантов в РОА: «все наше освободительное движение опоздало, по крайней мере, на один год», «события последних месяцев требовали бы уже готовую армию, а ее нет даже в зачатке». Даже в марте 1945 года, как следует из материалов переписки, эмигранты не могли понять, существует ли на самом деле разрешение генерала Власова о приеме в РОА эмигрантов или об этом говорится только на страницах газет. Сам генерал фон Лампе в отданном им распоряжении ОРВС от 1 марта предписывал для облегчения вступления чинам Объединения в РОА направлять ходатайства непосредственно на его имя¹¹¹.

28 января 1945 года Гитлер утвердил Власова главнокомандующим новообразованными русскими формированиями - Вооруженными Силами Комитета Освобождения Народов России. Еще осенью 1944 года начались контакты между генералом Власовым и командованием Русского Корпуса, наиболее крупным и в основном эмигрантским воинским формированием. В начале октября к генералу Власову с письмом от генерала Штейфона прибыл его адъютант, который встречался с ним вместе с генералом фон Лампе. В декабре эти переговоры были продолжены генералом Крейтером. Наконец, в январе 1945 года в Берлине состоялась личная встреча генералов Власова и Штейфона, в ходе которой последний заявил о готовности возглавляемого им Русского Корпуса подчиниться Власову как главнокомандующему и включить свое соединение в состав Вооруженных сил КОНР. Таким образом, появилась возможность командировать в РОА опытный командный состав из корпуса. Но попытки Власова добиться переброски Русского Корпуса в Германию не имели успеха в связи с экстремальной ситуацией заключительной фазы войны¹¹².

В конце войны на военно-политической авансцене Русского Зарубежья вновь появляется противоречивая фигура известного в прошлом деятеля РОВСа, а затем видного оппонента этой организации генерала А.В. Туркула. Он проявляет нескрываемый интерес к власовскому движению, но настороженно воспринимается его руководством. В декабре 1944 года Туркул был кооптирован в состав КОНР с сохранением чина. По согласованию с германским командованием вновьявленный генерал-майор ВС КОНР приступает в начале 1945 года к формированию под Зальцбургом (Австрия) собственного воинского соединения, именованного в документах «отдельным корпусом», «группой Туркула», «казачьей бригадой» и даже «4-й дивизией РОА». Численность этого войскового соединения весной того же года превысила 5000 человек. Его отдельные полки формировались в Линце (наиболее сильный, численностью около 1000 человек), Люблянах, Виллахе и Зальцбурге¹¹³.

Но взаимоотношения генерала Туркула с окружением генерала Власова носят достаточно сложный характер, что находит и противоречивое отражение, как в документах той поры, так и в последующих исследованиях. По некоторым данным, начальник штаба ВС КОНР генерал Трухин отклонил просьбу генерала Туркула о зачислении во власовскую армию, и потребовалось личное вмешательство самого главнокомандующего, чтобы исправить эту ситуацию. Правда, по другим данным, сам генерал Туркул не захотел подчиниться генералу Власову, называя его «большевиком» и «красным». Но 25 марта 1945 года генерал Власов издал приказ о подчинении Русского Корпуса генералу Туркулу, хотя, истины ради заметим, что этот приказ остался на бумаге. Русскому Корпусу не удалось соединиться с войсками генерала Туркула, составив единое мощное войсковое формирование ВС КОНР¹¹⁴.

Все эти противоречивые реалии препятствовали объединению усилий старой военной эмиграции и власовского движения. Несмотря на дефицит командных кадров в ВС КОНР, большинство белых офицеров не находило места в его рядах.

Отношения власовцев и белых эмигрантов, вступавших в РОА и ВС КОНР, были сложными. Свою роль здесь играли политические разногласия, ибо первые часто смотрели на вторых как на «реакционеров», сторонников «старого режима», «монархистов». В свою очередь, последние в большинстве своем не любили генерала Власова и

не верили ему, но считали, что надо объединиться для борьбы с советской властью и большевиками в эти трудные для Русского Зарубежья и Третьего рейха дни. Споры, происходившие в годы Второй мировой войны, продолжались и после ее окончания.

Во второй половине 1944 года на военно-политической сцене Русского Зарубежья вновь появился в прошлом деятель РОВСа, ставший полковником вермахта, о котором уже шла речь ранее в этой главе, - Б.А. Смысловский. После шестимесячного следствия по его делу, происходившего по приказу Гитлера под наблюдением фельдмаршала Кейтеля, он был оправдан, освобожден из-под ареста и награжден орденом Германского Орла. Смысловский возглавил организацию партизанской войны в советском тылу и информационную службу Восточного фронта. Из сформированных и разбросанных по фронту русских учебно-разведывательных батальонов им было начато формирование 1-й Русской национальной дивизии.

По некоторым данным, генерал Власов предлагал Хольмстону-Смысловскому пост начальника штаба ВС КОНР, но тот отказался. Он сам объяснял это тем, что не мог принять манифест «Комитета Освобождения Народов России» как политическую и социальную программу и расходился в вопросе о статусе русских вооруженных сил, которые считал лишь частью вермахта¹¹⁵. Но вполне вероятно, что как профессиональный разведчик, он прекрасно понимал грустные перспективы РОА, которая должна была вскоре исчезнуть вместе с гибнущей фашистской Германией.

2 февраля 1945 года последовал приказ о создании на базе 1-й Русской национальной дивизии «Зеленой армии особого назначения», которой полковник Смысловский командовал под псевдонимом Артур Хольмстон. Это 6-тысячное соединение состояло из бывших курсантов разведшкол и новобранцев из лагерей военнопленных. Все командные должности в нем занимали бывшие офицеры-белоэмигранты, в том числе дополнительно направленные ОРВС. 10 марта приказом германского главного командования это соединение было переименовано в «1-ю Русскую Национальную Армию» (1-я РНА). Ее командующему - Хольмстону-Смысловскому было присвоено воинское звание генерал-майора вермахта. Предполагалось, что в 1-ю РНА может вступить Русский Корпус генерала Штейфона, а также 3-я дивизия РОА под командованием генерал-майора М.М. Шаповалова, который еще в начале 1943 года, будучи полковником, служил начальником штаба в «Особой дивизии Р», которой командовал тогда Смысловский¹¹⁶. Но катастрофическое развитие событий на фронтах войны не позволило реализовать эти замыслы.

В конце 1944 - начале 1945 года генерал Власов прилагал значительные усилия для того, чтобы найти общий язык с генералом Красновым и включить казачьи воинские формирования в состав Вооруженных Сил КОНР. Но этого так и не произошло. Генерал Краснов не просто не желал сотрудничать с Власовым, но через генерала Кестринга пытался еще в сентябре 1944 года уговорить Гимmlера разрешить ему формирование стотысячной казачьей армии для переброски ее на удерживаемую германскими войсками небольшую территорию западной части Украины. Но рейхсфюрер СС не поддавался уговорам. Во-первых, он не слишком верил своим казачьим соратникам, да и не имел оснований считать, что им удастся создать столь многочисленное воинское формирование. Во-вторых, боевой дух и боеспособность казачьей вольницы при соприкосновении с советскими войсками не внушали Гимmlеру особых надежд. В результате казачьи части из Польши и Югославии были переброшены в Северную Италию для помощи Б. Муссолини в борьбе с партизанами.

9 февраля 1945 года генерал Краснов, так и не поддавшийся на уговоры генерала Власова войти в состав КОНР, был командирован своим шефом - министром восточных территорий Германии А. Розенбергом из Берлина в Италию. 25 февраля 1-я казачья кавалерийская дивизия фон Паннвица была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, а сам он - генерал-майор кавалерии был произведен в чин генерал-лейтенанта войск СС. Это было составной частью общего реформирования восточных коллаборационистских формирований под эгидой войск СС, которая началась осенью 1944 года.

В апреле - мае 1945 года в Италии развернулись завершающие сражения на европейском театре Второй мировой войны. Генерал Краснов считал необходимым для казаков капитулировать в Италии перед высадившимся британским оккупационным корпусом. Но командир Казачьего Стана (Отдельного казачьего корпуса) генерал Доманов вступил в бой с ним по приказу немецкого командования и был разбит. Отступая через альпийские снежные перевалы, казаки Доманова 27 апреля соединились с немецкими войсками у австрийского города Катчак. Вместе с членами казачьих семей сюда вышло 30 тыс. человек. В конце апреля в Австрию, к казакам Доманова прорвались из Хорватии остатки корпуса генерала фон Паннвица. 28 апреля (по другим данным - еще 29 марта) он был избран казаками походным атаманом.

В начале мая после самоубийства Гитлера и капитуляции Берлина генерал Краснов предпринимал последние шаги для спасения казачества, служившего фашистской Германии. Он пишет одно за другим два письма английскому фельдмаршалу Александру, вместе с которым служил в 1919 году в армии генерала Юденича. Майор Александер был награжден тогда Юденичем русским орденом, а генерал Краснов получил английский орден. Но ответа на свои письма Краснов не получил. 26 мая казачьи части сдали оружие англичанам, офицерский и рядовой состав казаков были размещены в разные лагеря. В конце мая в австрийском городе Линце состоялась передача англичанами 50 тысяч казаков и членов их семей советской стороне. 31 мая советскому конвою были переданы в Юдинбурге генерал Краснов вместе с тремя своими племянниками, а также генерал Шкуро и горский князь Султан Килыч-Гирей. Советской стороне были переданы и генералы фон Паннвиц и Доманов вместе с офицерским корпусом их формирований. Среди 2756 выданных офицеров 1430 были старыми эмигрантами и не являлись советскими гражданами¹¹⁷. В январе 1947 года Краснов, Шкуро, Доманов, Султан Килыч-Гирей и фон Паннвиц были повешены в соответствии с приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР¹¹⁸.

Начальник ОРВС генерал фон Лампе был одним из тех, кто выступал за слияние РОА с белой эмиграцией, указывая, что в рядах Русского охранного корпуса напрасно гибнут в качестве рядовых офицеры, а в РОА их было мало. Но этого, по его утверждению, не хотело немецкое командование¹¹⁹. В последние дни существования фашистской Германия, когда ее руководство отчаянно выискивало последние воинские резервы для спасения, над эмигрантами нависла угроза попасть в ряды немецкого фольксштурма. Фон Лампе утверждал впоследствии, что он считал это неприемлемым для находившихся под его руководством воинских организаций и дал сигнал тем, кто прислушивался к нему, уходить на юг и запад¹²⁰. Сам генерал с сотрудниками покинул Берлин 10 февраля 1945 года и двинулся на юг с остановками в Альтенбурге и Карлсбаде. 26 апреля фон Лампе прибыл в город Линдау, который через четыре дня был занят французскими войсками. Осенью 1945 года советская сторона потребовала выдачи генерала. Фон Лампе был арестован и 42 дня провел в тюрьме, но все-таки был освобожден и в дальнейшем переехал из Германии во Францию.

В 1944 году, после освобождения Бельгии союзными войсками на волосок от смерти оказался живший в Брюсселе начальник Русского Обще-Воинского Союза генерал А.П. Архангельский. Советское руководство потребовало его выдачи. Но он в итоге отделался легким испугом - пятидневным арестом, и его репатриации в СССР не следовало.

Приближение конца война заставляло русских эмигрантов, сотрудничавших с фашистской Германией, лихорадочно искать пути спасения. В феврале 1945 года бывший начальник Управления делами русских эмигрантов во Франции, член КОНР Ю.С. Жеребков, представитель этой организации при германском МИД, передал представителям Международного Красного Креста меморандум КОНР с просьбой обратить внимание на политический характер движения и ходатайствовал о предоставлении политического убежища его военнотружущим, попавшим в плен к союзникам. Сам он в конце войны пытался прибыть в Швейцарию, но власти этой страны отказали ему в визе. Тогда Жеребков нелегально перешел границу и был интернирован американцами.

На Западе, на территориях, куда вступали английские, французские и американские войска, искали убежища и другие деятели эмиграции, сотрудничавшие с гитлеровцами. К американцам вышла большая часть воинской группировки генерала Туркула. Ее штаб в Зальцбурге перешел с приходом американцев на гражданское положение и был преобразован в «Бюро комитета Русского Красного Креста» под председательством генерала Выграна. При бюро действовал негласный «Комитет русских невозвращенцев», возглавляемый генералом Туркулом.

В апреле 1945 года части 1-й Русской Национальной Армии генерала Хольмстона-Смысловского отступают с территории Германии, неся большие потери и утратив большую часть личного состава, через Австрию, и в ночь с 2 на 3 мая колонна штаба и части численностью до 1000 чел. перешли швейцарские границы княжества Лихтенштейн, где добровольно разоружились под швейцарские гарантии политического убежища. В штабной колонне отступающих находилось и несколько десятков гражданских беженцев, среди которых были великий князь Владимир Кириллович со свитой и Русский Комитет из Польши во главе с СЛ. Войцеховским. Все они были интернированы. Несмотря на требования советских властей, парламент и правительство Лихтенштейна отказались выдать Хольмстона-Смысловского и его сподвижников. Спустя два с лишним года, после переговоров с США его боевым соратникам было разрешено выехать в Аргентину¹²¹.

Коснемся финальных страниц военной истории Русского Корпуса на Балканах. К осени 1944 года он насчитывал в своих рядах более 11 тыс. солдат и офицеров¹²². В конце 1944 - первые месяцы 1945 года корпус вел тяжелые оборонительные бои против советских войск и югославских партизан И.Б. Тито, неся большие потери. Из Сербии Русский Корпус с боями вышел в Боснию и Хорватию. В ходе боев были, например, тяжело ранены и умерли от ран видные деятели РОВСа: генерал-майор В.Э. Зборовский, начальник Кубанской казачьей дивизии в эмиграции, а затем начальник казачьей войсковой группы в Югославии, командир 1-го полка Русского Корпуса, генерал-майор М.М. Зинкевич, командир Алексеевского пехотного полка, начальник группы 1-го армейского корпуса в Болгарии, командир батальона в 5-м полку Русского Корпуса и полковник Г.С. Гескет, командир 4-го полка этого корпуса. Капитуляция Германии застала Русский корпус в Словении. 30 апреля 1945 года в Загребе умер от сердечного приступа генерал Штейфон, и его должность занял полковник А.И. Рогожин. Остатки Русского Корпуса численностью в 4,5 тыс. человек осуществили прорыв в Австрию. 12 мая около 4 тыс. чел. в районе города Клагенfurта сложили оружие и сдались английским войскам¹²³. Русский Корпус как вооруженная сила прекратил свое существование. После пяти лет полугодного существования большинство военнослужащих корпуса перебралось на жительство в Аргентину и США.

Разумеется, не все русские военные эмигранты (и даже члены РОВСа) избрали сторону гитлеровцев, считая, что их война с СССР дает им столь долгожданный шанс на реванш в борьбе с большевиками за поражение в Гражданской войне. Вице-адмирал Кедров, в прошлом один из руководителей РОВСа, в годы Второй мировой войны встал на патриотические позиции. 12 февраля 1945 года МА. Кедров в составе делегации русских патриотов из 8 человек во главе с В.А. Маклаковым посетил в Париже советского посла В.А. Богомолова. Двухчасовая беседа завершилась рукопожатиями. В конце Второй мировой войны вице-адмирал Кедров приветствовал победу Красной Армии и ее союзников над Германией. Вместе с тем, он остался на антибольшевистских позициях и советского паспорта не принял¹²⁴.

Еще более интересна судьба капитана I ранга Г.Е. Чаплина, одного руководителей антибольшевистского переворота в Архангельске 2 августа 1918 года, видного деятеля северной контрреволюции в годы Гражданской войны. В эмиграции он проживал в Англии, ибо с англичанами еще в годы Первой мировой войны свела его военная судьба, и он был удостоен британских военных наград, как в тот период, так и позднее - во время Гражданской войны и интервенции Антанты на Русском Севере. В 1930 году председатель Русского Обще-Воинского Союза генерал Миллер назначил Чаплина

председателем включенного в состав I отдела РОВСа «Союза участников Гражданской войны в Англии». Чаплин всегда придерживался последовательно антисоветских позиций. С началом Второй мировой войны он обращается в Генеральный штаб Великобритании с предложением создать русский добровольческий корпус, который бы сначала сражался против Германии, а потом - «против союзников Гитлера большевиков». 53-летний русский офицер вступает в британскую армию, получив чин майора и должность командира 120-й роты Королевского корпуса пионеров.

6 июня 1944 году он во главе инженерного отряда высадился в Северной Франции, затем одним из первых вступил в Брюссель, участвовал в оккупации Германии. Обратим внимание и еще на одну интересную деталь: в июле 1944 года Чаплин был вызван в штаб-квартиру фельдмаршала Монтгомери и принят одним из высших офицеров его штаба. Тот рассказал о проекте создания воинской части из бывших русских военнопленных и предложил Чаплину принять командование ею в чине генерала английской службы. Одновременно он был проинформирован, что советскому правительству послан запрос по этому поводу. Чаплин согласился и остался при штабе, но занять предложенную должность ему было не суждено, так как советские власти выразили энергичный протест против этого замысла. Так или иначе, но за участие во Второй мировой войне на стороне противников фашистской Германии Г.Е. Чаплин был удостоен особой благодарности Верховного командования, высшего британского ордена и чина полковника британской армии¹²⁵.

Последовательный критик Русского Обще-Воинского Союза генерал Деникин отрицательно относился к коллаборационизму и в том числе к сотрудничеству с фашистами руководителей РОВСа и ОРВС, указывая, что «на поклон к немцам шли прихвостни, мракобесы и часть сбитой с толку мирной эмиграции»¹²⁶. В письме генералу Архангельскому в 1946 году Деникин оценивал деятельность его и руководства Союза в годы войны как ошибочную или даже преступную: «Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос, что было бы, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели»¹²⁷.

Действительно, большинство бывших офицеров и тем более рядового состава белых армий осталось в стороне от бушующих сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн, предпочитая отсидеться в эпоху военно-политических бурь: не видя выбора, полагая, что победа фашистской Германии не даст возможностей возродиться России, а победа сталинского Советского Союза лишь укрепит те порядки, против которых они в свое время безуспешно боролись или, наконец, просто не имея физических возможностей принимать активное участие в разворачивающихся событиях. Нередко война вновь неумолимо разводила членов семей по разные стороны фронтов и баррикад. Например, генерал Ф.Ф. Абрамов активно сотрудничал с гитлеровцами, был введен в 1944 году в состав созданного под эгидой рейхсфюрера Гимmlера Комитета Освобождения Народов России, а его сын Николай, участвовавший в борьбе с фашистами в одесском подполье, погиб здесь в 1943 году.

Некоторая и относительно небольшая часть русских военных эмигрантов, руководствуясь главным образом патриотическими соображениями, заняла в этой войне антифашистские позиции и принимала участие в боевых действиях против гитлеровцев в оккупированных ими странах Европы, участвуя в Движении Сопротивления. Их число постепенно увеличивалось по мере неудач фашистской Германии, побед Красной армии и расширения Движения Сопротивления в Европе. На кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем стоит памятник, сооруженный Анной Воронко-Гольдберг в честь сына и его соратников, павших в 1939 - 45 годах. На нем высечены 242 фамилии русских эмигрантов, в своем большинстве бывших военнослужащих, сражавшихся против фашизма на фронте или в Движении Сопротивления. Десять из них были удостоены высочайшей военной награды Франции - ордена «Крест Освобождения»¹²⁸.

Но часто судьбы русских эмигрантов, сражавшихся с фашистами и уцелевших в борьбе, были весьма незавидными, если они оказывались на территориях, куда вступа-

ла Красная Армия и где начиналась большая чистка, осуществляемая советскими органами государственной безопасности. Вчерашним участникам борьбы с фашизмом предъявлялся суровый счет за их участие в Гражданской войне на стороне противников советской власти. Они депортировались в СССР, и многие из них попадали в советские лагеря¹²⁹. В качестве примера можно привести судьбу генерала С.Н. Войцеховского. После окончания Гражданской войны в России он, в прошлом один из организаторов Чехословацкого корпуса в России, служил в армии Чехословакии с 1921 по 1939 года и был произведен в чин генерала армии. Впоследствии в годы Второй мировой войны он стал одним из организаторов военной подпольной антифашистской организации «Оборона народа». 11 мая 1945 года Войцеховский был в Праге арестован сотрудниками СМЕРШ, доставлен в СССР, судим и умер в 1951 году в лагере под Тайшетом.

Вступление СССР в войну против Японии и разгром советскими войсками японской Квантунской армии в августе 1945 года привели к ликвидации Российского военного Зарубежья на Дальнем Востоке. В годы Второй мировой войны наиболее активно в антисоветскую деятельность и военно-мобилизационные мероприятия вовлекались русские эмигранты и эмигрантская молодежь, проживавшие в Маньчжурии. Координирующую роль в этой деятельности выполняло Главное бюро по делам российских эмигрантов здесь и его руководители генералы Кислицин, Бакшеев, Власьевский, лидер Российского Фашистского Союза Родзаевский, а также атаман Семёнов. В конце 1943 года бригада «Асано» была развернута в имевшие кавалерию, пехоту и отдельные казачьи подразделения «Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го». Но в литературе и источниках встречаются и другие наименования бывшей бригады «Асано»: «Русский отряд маньчжурских войск», «21-й отдельный кавалерийский полк армии Маньчжурии». Это подразделение по-прежнему было базой для японской разведки при комплектовании разведывательных и диверсионных отрядов.

В 1943 году усилиями генералов Семёнова, Бакшеева и Власьева из бывших белых казаков были сформированы 5 полков, 2 отдельных дивизиона и отдельная сотня, которые были сведены в Захинганский казачий корпус под командованием генерала Бакшеева. Это формирование подчинялось начальнику японской военной миссии подполковнику Х. Таки.

В Маньчжурии была создана также организация под названием «Союз резервистов», добровольческие отряды которого должны были пополнять воинские формирования. Их численность достигала 6 тысяч человек, которые обучались по специальной программе, получали обмундирование и денежное довольствие. В случае военных действий с СССР они обязаны были явиться к месту регистрации, где поступали в распоряжение японских воинских частей. Большое внимание уделялось формированию специальных и диверсионно-разведывательных отрядов и групп, участники которых использовались для заброски и подрывной деятельности в СССР, а также для борьбы с китайскими партизанами в Маньчжурии¹³⁰.

Судя по документам, различные военизированные формирования охватывали большую или, по крайней мере, значительную часть мужского русского населения в Маньчжурии. Но в действительности в непосредственную военную работу была вовлечена сравнительно небольшая часть русских эмигрантов. Тяжелое положение военного времени заставляло их прежде всего изыскивать средства для выживания своих семей. Когда началось наступление Красной Армии против Квантунской армии в Маньчжурии, российские эмигранты не принимали активного участия в боевых действиях.

Тем не менее, многие эмигранты и в первую очередь бывшие военнослужащие, проживавшие на территориях стран Дальнего Востока и прежде всего Китая (Маньчжурии), куда вступали советские войска, были арестованы. Среди них был, например, бывший начальник Дальневосточного отдела РОВСа генерал М.В. Ханжин. Он был арестован 15 сентября 1945 года в Дайрене вместе с сыном Алексеем и этапирован в СССР. 30 октября 1946 года решением Особого Совещания он был приговорен к 10 годам заключения и провел последующие 9 лет в печально знаменитом Владимирском центре. После смерти Сталина был освобожден по амнистии (вместе с сыном) в 1954

году. Встретиться со своей женой престарелому генералу было уже не суждено: она умерла еще в 1946 году. Ханжин пережил ее на 15 лет и умер 20 декабря 1961 года в Дзямбуле. Спустя 30 лет он был посмертно реабилитирован¹³¹.

В августе - сентябре 1945 года в Маньчжурии были арестованы руководители Главного бюро по делам российской эмиграции генералы А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, а также руководитель Российского Фашистского Союза К.В. Родзаевский. Захвачен был и человек, которого руководители советской власти традиционно считали своим злейшим, наиболее опасным и коварным врагом на Дальнем Востоке. Речь идет о лице, формально стоявшем за кулисами ГБРЭМ, но нередко фактически дирижировавшим его деятельностью, а также руководившим работой целого ряда других антисоветских организаций, давно и тесно сотрудничавшем с японцами, - атамане и генерале Г.М. Семёнове. Из руководства ГБРЭМ «повезло» лишь генералу В.А. Кислицину, который умер своей смертью в Харбине в мае 1944 года.

В конце августа 1946 года в Москве состоялся судебный процесс по делу лиц, именовавшимися «семеновцами». Вместе с указанными выше персоналиями на скамье подсудимых находились также начальник «Монархического Объединения» Восточной Маньчжурии Б.Н. Шептунов, секретарь Родзаевского Л.П. Охотин, советник японской военной разведки в Маньчжурии, бывший министр финансов в Омском правительстве адмирала А.В. Колчака И.А. Михайлов и участник Гражданской войны, князь Н.А. Ухтомский. Атаман Семёнов был приговорен к повешению, Бакшеев, Родзаевский, Власьевский, Шептунов и Михайлов - к расстрелу. Приговоры в отношении их были приведены в исполнение 30 августа 1946 года. Ухтомский и Охотин были приговорены соответственно к 20 и 15 годам исправительно-трудовых лагерей¹³².

В целом же, исход Второй мировой войны predetermined судьбу Русского военного Зарубежья и всей российской послереволюционной эмиграции. Десятки тысяч эмигрантов, участвуя или в большинстве своем даже не участвуя в ней на стороне фашистской Германии, но живших в странах, куда вступила Красная армия, были арестованы и попали на родину уже в качестве заключенных. У уцелевших солдат и офицеров, прошедших Гражданскую войну в рядах белых армий, исчезли последние надежды дождаться перемен на своей Родине и вернуться домой. Не оправдались и иллюзии, связанные с тем, что русский народ, разгромив фашистских захватчиков, поднимет оружие против сталинского режима. Начался «великий исход» русских эмигрантов из стран Европы и Азии, которые попадали в зону влияния и контроля СССР. Значительная часть эмигрантов периода Российской революции и Гражданской войны предпочла покинуть беспокойную Европу и бурлящую Азию и переселиться на другие континенты и в первую очередь в Америку, оказавшись еще дальше от Родины. Русская военная эмиграция была дезорганизована и прекратила свое существование как организованная политическая и военно-политическая сила.

Глава 12. РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Послевоенный период стал временем новых тяжелых испытаний для старой русской военной эмиграции. Вместе с тем, она предпринимала попытки адаптироваться к новым условиям. В обстановке глубоких перемен в мире, колоссального распространения влияния СССР и социалистических идей происходило перемещение значительной части эмигрантов в другие страны и на другие континенты, где они пытались обжиться в новой ситуации, сохраняя по возможности свою идентичность и организационные связи. Пришедший на смену военно-политическому сотрудничеству в рамках антигитлеровской коалиции в условиях Второй мировой войны период «холодной войны» возродил у стареющих белых генералов и офицеров, а также воспитанной или рожденной уже в эмиграции молодежи надежды на будущее.

Реализация этих надежд напрямую зависела от политики западных держав в отношении СССР. На лавры главного советника стран Запада в русском вопросе претендовал генерал Деникин, переехавший в конце 1945 года из Франции в США. Он не был скомпрометирован сотрудничеством с фашистской Германией и ее союзниками в годы Второй мировой войны, как многие другие белые генералы и лидеры Российского военного Зарубежья, поэтому к нему прислушивались на Западе.

В январе 1946 года А.И. Деникин обратился к командующему американскими войсками Д. Эйзенхауэру с призывом остановить насильственную выдачу СССР советских военнопленных. Отстаивая лозунг «Защита России и свержение большевизма», генерал Деникин 14 июня того же года направил правящим кругам Великобритании и США записку под названием «Русский вопрос». Он считал недопустимым смешивать большевизм и «великую, единую и неделимую России». Пытаясь оценить замыслы и приоритеты советской политики, Деникин утверждал, что из-за тяжелого внутреннего положения СССР советское правительство воздержится вести дело к Третьей мировой войны и возьмет курс на разжигание мировой революции, подрыв мира в других странах. Особые опасения генерал высказывал в этой связи за Францию, Италию и Испанию, где произошедшие громадные потрясения создали почву для коммунистических соблазнов.

Генерал Деникин предостерегал западные демократии от повторения главной ошибки Гитлера. «Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма, - настаивал генерал. - Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как войну Отечественную». «Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, - продолжал свои рассуждения Деникин, - то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота»¹.

После окончания Второй мировой войны, размышляя над уроками ее истории и приступив к собиранию материалов для книги «Вторая мировая война, Россия и зарубежье», генерал Деникин счел необходимым высказать резкие слова в адрес своих вчерашних оппонентов - тех лидеров Российского Зарубежья, которые в рассматриваемый период проводили близорукую или даже преступную политику, которая нанесла ущерб и русским эмигрантам и Национальной России, интересам Отечества. Генерал Деникин делает это на одном из закрытых эмигрантских собраний, а затем, в 1946 году пишет письмо начальнику Русского Обще-Воинского Союза А.П. Архангельскому. Он указывает, что уже прозвучавшее в самом начале Второй мировой войны заявление Архангельского, по существу, обращало воинов-эмигрантов в ландскнехтов. Но если действия и поведение начальника РОВСа в начальный период войны, включая и советско-финляндскую войну с попыткой направления добровольцев из РОВСа на помощь Маннергейму, автор письма считает ошибками, то последующее сотрудничество с гитле-

ровской Германией именовал преступлением. Деникин осуждал действия Русского Корпуса, подавлявшего сербское национальное восстание против немецкого завоевания, и заявление начальника РОВСа, что русских эмигрантов Германия не использует в войне на Восточном фронте.

В заключении письма генерал Деникин вновь повторил свои слова, сказанные им в канун крушения Российской империи: «Берегите офицера! Ибо от века и донныне он стоит верно и бесценно на страже российской государственности». «К Вам и к тем, что с Вами единомышленны, эти слова не относятся»², - адресуясь к генералу Архангельскому и его соратникам, заявил Деникин в самом конце своего письма.

Это выступление генерала Деникина вызвало резко негативную реакцию у генерала Архангельского и его окружения. Начинается очередной раунд дискуссии в эмиграции, связанный уже с обсуждением действий ее лидеров и различных групп в годы только что минувшей войны, которая внесла колоссальные перемены в мировую политику и в положение СССР в мире. Добавим, что дни жизни самого генерала Деникина были сочтены. Он умер в Детройте от разрыва сердца 7 августа 1947 года.

Тем временем генерал Архангельский стремился восстановить единство Русского Обще-Воинского Союза, вынужденно нарушенное в годы Второй мировой войны, пытался наладить связи с территориальными отделами и местными организациями РОВСа, воинскими группами, обществами и союзами, разбросанными по странам и континентам. Решать эти задачи было исключительно сложно в условиях вынужденного массового перемещения чинов Союза в завершающий период и после окончания войны. Важное место в деятельности генерала Архангельского и его соратников занимало оказание помощи эмигрантам и прежде всего чинам РОВСа, оказавшимся в лагерях для перемещенных лиц и находившимся под угрозой выдачи советской стороне. Нередко, особенно в западных оккупационных зонах, удавалось освободить бывших эмигрантов от преследования, а в случае необходимости организовывать их побег.

Неизмеримо сложнее было действовать в советской зоне оккупации, но и здесь иногда удавалось совершать чудеса. В 1946 году, например, из советской пересыльной тюрьмы в польском городе Ратиборе руководителю Пражского Галлиполийского землячества Г.А. Губину и его соратникам, удалось, представившись сотрудниками МВД Чехословакии, добиться освобождения и препровождения в эту страну около 30 арестованных эмигрантов, проживавших ранее там. Губину удалось убедить начальника тюрьмы, что как чехословацкие граждане, они должны быть судимы на территории этой страны. В результате арестованные, которым грозило суровое наказание в СССР, были освобождены начальником тюрьмы, переданы Губину и его сподвижникам и вернулись в Чехословакию³.

С окончанием Второй мировой войны отпала необходимость в существовании «Объединения Русских Воинских Союзов». Оно прекращает свою деятельность, а его начальник генерал фон Лампе назначается заместителем начальника РОВСа. Находясь в Германии, он активно объезжал лагеря для перемещенных лиц, создавая в них группы из бывших чинов РОВСа и ОРВС и при первой возможности организуя их переезд в Южную Америку, США, Австрию, Марокко⁴. В дальнейшем фон Лампе сам переезжает во Францию и продолжает свою деятельность уже здесь.

В трудной послевоенной ситуации массового перемещения и адаптации русских эмигрантов и в том числе чинов РОВСа на новых местах жительства деятельность многих организаций Союза была дезорганизована. Но имели место и отдельные исключения. В послевоенные годы заметно активизировалась, например, деятельность марокканского подотдела РОВСа, куда прибыла большая группа перемещенных лиц (более 50 человек) из Германии. В ее составе были и два будущих руководителя Русского Обще-Воинского Союза - генерал В.Г. Харжевский и капитан В.Н. Бутков. Начальником подотдела РОВС в Марокко был полковник Генштаба, завершивший Гражданскую войну в Русской Армии, АА. Подчертков⁵. Здесь издавался ежемесячный бюллетень подотдела РОВСа. Впрочем, после национально-освободительной революции в Марок-

ко в 1953 году начался постепенный отъезд эмигрантов и в том числе чинов РОВСа из этой страны.

В условиях массового переезда бывших военнослужащих и в их числе чинов РОВСа в США и с учетом безусловного лидерства этой страны в западном мире актуальной задачей становится не просто консолидация русских военных эмигрантов за океаном, но и возрастание их роли в жизни Русского Обще-Воинского Союза. Поэтому бывший начальник I отдела РОВСа генерал Витковский, переехавший после Второй мировой войны в США и ставший начальником Североамериканского отдела Союза, в 1954 году был назначен вторым помощником начальника РОВСа⁶.

Возможности прямого противостояния и боевой работы РОВСа в СССР в послевоенный период были сведены к минимуму, а практически исчезли, и центр тяжести борьбы во многом сместился в другую сферу. «Теперь Белая борьба вступила в свою настоящую, самую ответственную фазу - идеологической борьбы», - указывал ветеран и один из видных деятелей Русского Обще-Воинского Союза генерал А.М. Драгомиров⁷.

В условиях резкого обострения международных отношений в годы «холодной войны» предпринимались попытки нового собирания сил и объединения российской эмиграции. В связи с этим поднимался и вопрос о том, смогут ли представители белоэмиграции исполнить подобную объединяющую роль. В ноябре 1947 года в журнале «Часовой» была опубликована статья его редактора и члена РОВСа В.В. Орехова под названием «Белое Дело и его наследники». Именно Русский Обще-Воинский Союз рассматривался в ней в качестве наследника и преемника белых фронтов. В указанной статье было помещено и письмо генерала Драгомирова генералу Архангельскому. «Наша роль, борцов за белые идеалы не только не окончена, но она только **начинается** (выделено в тексте - В.Г.), - утверждал автор письма, - все, что мы делали в течение прошедших 30 лет, было только **прологом** к настоящей борьбе». «Поэтому так обидно думать, как опрометчиво и нелепо разыграла этот пролог наша эмиграция, поставив на первый план не вековые, неумирающие основы нашей русскости, нашей своеобразности и неповторимой духовной общности, а мелкие политические, партийные и кружковые интересы, которые нас в это время раскололи и, в конце концов, привели к разброду, - размышлял генерал Драгомиров. - Теперь приходится начинать все сначала и, прежде всего, **пересмотреть свои собственные ряды** и всюду, где мы рассеяны, искать объединения». Автор письма высказывал председателю РОВСа благодарность за его глубоко проникшие в сердце слова, которые «вдохнули в нас новый прилив мужественной стойкости и зажгли перед нами яркий светоч той цели, которая перед нами стояла».

Редактор журнала «Часовой» указывал в названной статье, что Русский Обще-Воинский Союз рассеян сегодня по всему миру, множество его чинов томится в бараках этапных лагерей, нищие и потерявшие все, кроме надежды в Россию, и резюмировал: «Эта надежда себя оправдает». В.В. Орехов высказывал пожелание крепости и терпения РОВСу, а его начальнику - генералу Архангельскому, пользующемуся исключительным уважением всего Российского Зарубежья, желал довести большое национальное дело, за которое он и его соратники борются, до победного конца⁸.

В 1948 году исполнилось 10 лет пребывания генерала Архангельского на посту начальника Русского Обще-Воинского Союза. Журнал «Часовой» поместил на своих страницах в это время статью, характеризующую основные вехи его нелегкой деятельности в этот исключительно трудный период в должности начальника РОВСа, подчеркивая при этом, что Архангельский поддерживает идею объединения российской эмиграции⁹.

Журнал «Часовой», установивший в послевоенные годы добрые отношения с Русским Обще-Воинским Союзом и немало делавший для популяризации его, активно пропагандировал идею объединения эмиграции и создания с этой целью «Русского Национально-освободительного Центра» или «Российского Национального Центра». В 1948 году на базе довоенных эмигрантских группировок и организаций по инициативе общественных деятелей А.В. Байкалова, Г.Е. Чаплина, Э.Э. Десфонтейнеса и редактора

журнала «Часовой» В.В. Орехова было создано «Российское Национально-освободительное Движение». Последний из названных лиц и возглавил его. Движение объединяло представителей первой (послереволюционной) и второй (вызванной миновавшей войной) волн российской эмиграции. Впоследствии оно было переименовано в «Российское Национальное Объединение» (РНО), которым по-прежнему руководил В.В. Орехов. К концу 50-х годов представительства и отделения РНО существовали в 14 странах мира. Своей главной задачей Движение считало организацию политически активных элементов эмиграции для совместной и согласованной борьбы за освобождение России от ига большевиков. Оно стояло на позициях непредрешенчества, считая что принципиальные вопросы государственного устройства и организации жизни новой России могут быть решены только на родной земле после свержения советской власти¹⁰.

Впрочем, эмиграцию и в условиях «холодной войны» по-прежнему раздирали разного рода противоречия, раскалывали взаимные подозрения. Например, один из признанных и авторитетных идеологов Белого дела профессор И.А. Ильин, много сделавший для РОВСа, с большим подозрением относился к одному из активных деятелей эмиграции уже неоднократно упоминавшемуся капитану первого ранга Г.Е. Чаплину. После окончания Второй мировой войны тот по-прежнему находился на британской военной службе (до выхода в отставку в 1947 году). Он служил в британской оккупационной зоне Германии и даже был комендантом лагеря советских военнопленных, высказывая определенные надежды на использование последних в антисоветской деятельности. «Эти люди пойдут с нами, если поверят в честность нашей работы и в то, что никакие тайные силы не будут стремиться к разделу или порабощению России», - писал Чаплин. Подобные его суждения наряду с активной работой внутри эмигрантских организаций дали основание Ильину поставить знак равенства между деятельностью Чаплина и провокационной деятельностью чекистской организации «Трест» в 20-е годы. В нем и его соратниках - Орехове и Байкалове Ильин видел угрозу «старому» руководству РОВСа¹¹.

Тем не менее, остатки надежд на лучшее будущее еще сохранялись и у разбросанных по всему миру чинов РОВСа, и в рядах российской эмиграции. 1949 год, знаменовавший своего рода апофеоз «холодной войны», когда обнажился глубокий и опасный раскол мира на полярные и противоборствующие системы, стал и годом четвертьвекового юбилея Русского Обще-Воинского Союза. Юбилей воплощал в себе и определенные надежды на ренессанс этой одной из ведущих российских эмигрантских организаций, переживавшей сейчас явно не лучшие времена.

Профессор И.А. Ильин, шедший нога в ногу с РОВСом с момента его основания и друживший еще с генералом Врангелем, писал в канун юбилея, размышляя над итогами пройденного Союзом за четверть века пути, его ролью в жизни Русского Зарубежья: «Он искал не власти, а **служения** (здесь и далее выделено в тексте - В.Г.), отстаивал не партийное дело, а **национально-государственное, объединял**, а не разделял, жертвовал, а не приобретал. Он носил в себе дух **национальной патриотической армии**, а не частного сообщества граждан, организовавшихся для легального, а по теперешнему времени, может быть и полуполигального или даже и вовсе нелегального захвата власти. Этому духу Р.О.В.С. доселе и оставался верен». Продолжая раздумья над современным состоянием Союза, Ильин резюмировал: «Ныне он не есть армия, ибо силою вещей законная русская власть исчезла, и у этой бывшей славной армии нет ни верховной власти, ни территории, ни оружия, ни настоящей воинско-армейской организации. Но он **есть кадр русской армии, орденом спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволением**»¹². К 25-летию РОВСа профессор Ильин написал статью «Что такое Русский Обще-Воинский Союз (Р.О.В.С.)», которая публикуется в приложениях к настоящей книге.

С 1949 года председатель РОВСа генерал Архангельский становится по совместительству и председателем Совета Российского Зарубежного Воинства, что было признанием его авторитета в кругах военной эмиграции и его заслуг в деле консолидации

Российского военного Зарубежья. Одновременно это было и признанием особой роли Русского Обще-Воинского Союза в жизни эмиграции и особенно ее военных кругов.

Заметим, что в послевоенные годы создается целый ряд новых эмигрантских военных организаций, объединяющих уже главным образом участников событий Второй мировой войны. Например, 1 ноября 1945 года в лагере Келлерберг в Австрии был создан «Союз Чинв Русского Корпуса». К концу 40-х годов чины корпуса в большинстве своем переехали в Южную Америку, в основном в Аргентину, куда и переместилось руководство Союза. Возглавлял его полковник А.И. Рогожин. Заметим, что именно этот Союз придаст новый импульс деятельности Русского Обще-Воинского Союза спустя сорок с лишним лет, и из его рядов выйдет несколько руководителей РОВСа.

В конце 1947 года в Аргентине по инициативе и под руководством генерала Хольмстона-Смысловского было создано «Российское Военно-Национальное Освободительное Движение имени Генералиссимуса А.В. Суворова», именуемое еще иначе как «Суворовский Союз». Его основой стали кадры 1-й Русской Национальной Армии, избежавшие репатриации. Союз представлял собой военно-политическую организацию монархической направленности, ставившую целью создание Российской Национальной Освободительной Армии. Хольмстон-Смысловский редактировал газету Союза «Суворовец». В середине 50-х годов он переехал в США, где выступил в прессе с резкими нападениями на РОВС, именуя его «мертвой» организацией¹³.

Генерал Архангельский, возглавивший одновременно с Русским Обще-Воинским Союзом и Союзом Российского Зарубежного Воинства, призван был способствовать объединению и координации усилий в деятельности военных организаций и военнослужащих первой и второй волн российской эмиграции.

С целью консолидации эмиграции и демонстрации ее единства и готовности к продолжению антисоветской борьбы с 1950 года в странах русского рассеяния в день прихода большевиков к власти в России - 7 ноября начинает массово отмечаться «День Непримиримости», традиция которого восходит еще к началу 30-х годов.

Новые надежды в эмигрантов вселила смерть советского политического лидера - И.В. Сталина в марте 1953 года. Эмигрантская печать той поры воплощала в себе и выражала подобные надежды. Даты истории, напоминавшие о событиях и вехах борьбы с большевиками, переплетались в эмигрантских газетах и журналах того времени с описанием современных возможностей борьбы с СССР. Показателен в этом отношении, например, журнал «Доброволец», орган внутренней связи кадров РОА, издававшийся генералом Туркулом. Номер 11 этого издания за ноябрь 1953 года открывался передовой статьей «Ноябрьские даты», где напоминалось о захвате большевиками власти 36 лет назад и о формировании Добровольческой армии для борьбы с ними, а также об обнаружении 14 ноября 1944 года в Праге Манифеста КОНР - политической платформы Российского Освободительного Движения. «Господь Бог не дал этому началу победы», - с грустью констатировалось в статье, но подчеркивалось вместе с тем, что эта борьба с коммунизмом ведется сегодня и народами СССР, и всем свободным человечеством во главе с США. В этом же номере было помещено «Обращение Российского политического комитета к населению России» в связи со смертью Сталина, а также опубликована статья «О стратегических возможностях атомных бомбардировок».

Шло время, чины РОВСа старели, уходили из жизни. Союз по существу все больше превращался в мемориальную организацию, хотя его руководство никогда не признавало этого, всячески подчеркивая, что члены РОВСа настроены на непримиримую борьбу с советской властью и будут вести ее до конца своей жизни. Многолетний и престарелый начальник Русского Обще-Воинского Союза генерал Архангельский постепенно готовил себе преемника, укрепляя позиции в Союзе генерала фон Лампе. 25 марта 1954 года Архангельский назначил его своим первым помощником, (вторым помощником - генерала Витковского), а 30 июня 1955 года - временно исполняющим обязанности начальника РОВСа. 25 января 1957 года генерал Архангельский, почти 19 лет являвшийся начальником Русского Обще-Воинского Союза, со ссылкой на возраст и

состояние здоровья официально сдал эту должность генералу А. А. фон Лампе. Через два дня генерал Архангельский был произведен в почетные члены РОВСа¹⁴. Первым помощником начальника Союза генерал фон Лампе назначил генерала В.Г. Харжевского, возглавлявшего объединение частей и групп 1-го армейского корпуса и являвшегося председателем Общества Галлиполийцев. «Имеет право на жизнь нация, которая в числе своих сынов имеет белых бойцов, - подчеркивал новый руководитель РОВСа генерал фон Лампе. - Их заветы, заветы погибших, мы хранить должны и должны их сохранить, и донести до освобожденной России! Носителем же этих заветов является наш Русский Обще-Воинский Союз»¹⁵.

Ко времени назначения на должность руководителя РОВСа генералу фон Лампе исполнился уже 71 год. За плечами Алексея Александровича была долгая жизнь, участие в Русско-японской и Первой мировой войне. В годы Гражданской войны в России он служил в Вооруженных силах Юга России и в Русской Армии. В 1920-24 годах выполнял функции военного представителя Русской Армии в Германии, Дании, Венгрии. С момента основания Русского Обще-Воинского Союза и в течение последующих 14 лет существования он возглавлял II отдел РОВСа в Берлине, а с момента учреждения в 1938 году Объединения Русских Воинских Союзов и до конца деятельности этой организации в годы Второй мировой войны был ее начальником. О последующей его карьере в РОВСе уже шла речь в этой главе. Добавим, что он был не только видным деятелем и руководителем Русского Обще-Воинского Союза, но и известным летописцем Белого движения и русской военной эмиграции, издателем популярного в Русском Зарубежье альманаха «Белое дело».

Среди утвержденных генералом фон Лампе как начальником Русского Обще-Воинского Союза документов был один, имевший исключительно важное и принципиальное значение для РОВСа. Речь идет о «Положении о Русском Обще-Воинском Союзе (Р.О.В.С.)», принятом 1 декабря 1958 года. Напомним, что 1 сентября 1924 года одновременно с изданием ряда приказов о создании РОВСа генералом Врангелем было утверждено и «Временное Положение» о нем. Но за тридцать с лишним лет в жизни Союза произошли большие перемены, которые и должно было отразить и воплотить в себе новое Положение. Основным принципом Русского Обще-Воинского Союза было провозглашено «беззаветное служение Родине, непримиримая борьба против коммунизма и всех тех, кто работает на расчленение России». РОВС обязался сохранять основы и лучшие традиции, и заветы Российской Императорской армии и армий Белых фронтов Гражданской войны в России. В утвержденном Положении был зафиксирован принцип непредрешенчества: «Русский Обще-Воинский Союз не предрешает государственного строя России и считает для себя обязательными заветы Вождей Белого движения». В принятом документе особо оговаривалось, что предметом особых забот РОВСа «является помощь нуждающимся и, в особенности, престарелым и больным членам Союза».

В специальном разделе «О составе Союза» указывалось, что он состоит «из добровольных объединений и союзов, как частей Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ армии, так и армий БЕЛЫХ фронтов Гражданской войны в России, а также русских воинских организаций, возникших за рубежом». При этом в разделе «Вступление в Союз» уточнялось, что право вступления в РОВС предоставляется также и «воинским организациям новой и новейшей эмиграции». Эти положения имели принципиально важное значение для Русского Обще-Воинского Союза, который понес большие потери в годы Второй мировой войны и в результате послевоенных репрессий против его членов. Сокращение численности РОВСа происходило и в результате естественной убыли, так как начинал сказываться возраст его членов: ведь даже лицам, прошедшим дорогами российской гражданской войны молодыми (в двадцать, двадцать с лишним лет), было уже под шестьдесят, а что говорить об остальных. Сказывались, разумеется, и пережитые потрясения, смена (часто неоднократная) места жительства, страны (и континента) пребывания. Поэтому проблема пополнения РОВСа и не только за счет эмигрантской молодежи, а за счет представителей второй волны эмиграции (и уже их детей), превраща-

лась в исключительно важную, и от этого зависела жизнеспособность и будущее Союза. Но решать проблему привлечения эмигрантской молодежи в ряды РОВСа было очень нелегко, так как именно она (в отличие от своих отцов) успешно ассимилировалась и активно интегрировалась в зарубежную среду. Десятилетия отрыва от родной земли, от России, несомненно, играли свою роль.

В разделе «Организация Союза» было записано, что «все без исключения чины объединений, организаций и союзов, входящих в состав Русского Обще-Воинского Союза, автоматически состоят также членами Русского Обще-Воинского Союза». При выходе из своих организаций они одновременно выходили и из РОВСа, и, наоборот - при выходе из него, они исключались из своих основных организаций. Воинские чины, не состоящие в организациях, объединениях и союзах, а также других подразделениях РОВСа, могли быть по их желанию зачислены в Союз распоряжением соответствующих начальников отделов. Но в таком случае они находились на особом учете, числились в резерве чинов отдела, хотя и пользовались всеми правами чинов РОВСа. Для пополнения личного состава РОВСа устанавливалось зачисление в его ряды совершеннолетних сыновей членов Союза (в качестве наследственных членов) и совершеннолетних членов национальных организаций русской эмиграции по рекомендации их руководителей. Допускался прием лиц, не состоящих в организациях, но разделяющих идеологию РОВСа и имеющих письменную рекомендацию не менее двух членов Союза. Все эти лица зачислялись первоначально соревнователями и по истечении года по постановлению правлений организаций или по распоряжению начальников отделов РОВСа получали права действительных членов Союза.

Для обеспечения легитимности существования и деятельности отделов РОВСа в каждой стране, кроме Положения о РОВСе, они руководствовались уставами, согласованными с законами страны и зарегистрированными местными властями.

В разделе «Управление Союза» указывалось, что во главе РОВСа стоит его начальник, назначающий сам своего преемника приказом по Союзу. РОВС делился на территориальные отделы, во главе которых стояли начальники, назначаемые и сменяемые приказами начальника Союза. Внутри отделов могли создаваться отделения, начальники которых назначались начальниками отделов и утверждались начальником РОВСа. Общее руководство Союзом осуществлял его начальник через начальников отделов и отделений РОВСа. При начальнике РОВСа мог быть образован совет старших начальников Союза, действующий по указаниям начальника, как орган совещательный. Аналогичные советы могли быть созданы и при начальниках отделов Союза, их распоряжением.

В специальном разделе Положения под названием «Политика Союза» указывалось, что политическую линию РОВСа ведет его начальник, «соображаясь раньше всего с интересами Национальной России и в соответствии с общемировой политической обстановкой». Члены Союза, руководствуясь приказом генерала Врангеля № 82, не могли состоять членами политических партий. Но они могли входить (кроме должностных лиц) в национально-политические организации русской эмиграции, программы которых не противоречили целям и задачам РОВСа. Но это право в каждом случае должно было подкрепляться отдельным разрешением соответствующего начальника отдела Союза; он же мог и аннулировать данное им разрешение. Специально оговаривалось, что одновременное занятие ответственных должностей в Союзе и национально-политической организации не разрешается.

Удаление чинов РОВСа из его рядов осуществлялось: а) в дисциплинарном порядке (генералов и штаб-офицеров решением начальника РОВСа, а обер-офицеров - решением начальников соответствующих отделов); б) по приговору Судов Чести. Лица, удаленные из РОВСа, одновременно исключались и из организаций, входящих в Союз¹⁶.

Принятое «Положение о Русском Обще-Воинском Союзе» стало основополагающим документом Союза, регламентирующим различные стороны его организации и деятельности. Оно действует и в настоящее время.

Приказы генерала фон Лампе в период возглавления им РОВСа знаменовали главным образом веки истории этого Союза, славные даты летописи борьбы с большевиками и русской военной истории. 15 ноября 1957 года генерал фон Лампе отдал приказ РОВСу № 7 в связи с 40-летием формирования Добровольческой Армии и начала борьбы с большевиками. 1 сентября 1959 года им был издан приказ РОВСу № 24, посвященный 35-летию этого Союза, призванного объединить всех, как подчеркивалось в нем, оставшихся верными Родине. Генерал фон Лампе призывал «донести наши белые силы до желанного успешного конца, ибо мы - Белые и Белыми должны остаться до самого конца, какой бы он ни был и когда бы он ни наступил»¹⁷. Летом 1964 года специальный приказ генерала фон Лампе был посвящен 50-летию Первой мировой войны. В нем говорилось о значении этого события в истории России и человечества, содержался призыв к чинам РОВСа сохранять единство своих рядов¹⁸.

Шло время, старшее поколение ветеранов Белого движения и Русского Обще-Воинского Союза доживало свой век. В 1955 году ушел из жизни генерал А.М. Драгомиров, в 1959 году - генерал А.П. Архангельский. В 1962 году во Франции умер генерал П.Н. Шатилов, личность и деятельность которого вызывала в прошлом много бурных споров и неоднозначных, а нередко и полярных суждений. Добавим, что в последние годы жизни былые страсти вокруг его имени улеглись, и он доживал свой век как один из уважаемых ветеранов Русского Обще-Воинского Союза и антибольшевистской борьбы. 8 марта 1963 года погиб под колесами автомобиля в США генерал Ф.Ф. Абрамов. В последние дни Второй мировой войны он скрылся в союзной оккупационной зоне. В 1948 году Абрамов перебрался в США и до своей смерти проживал в доме пенсионеров Казачьего комитета. Уходили из жизни и давние оппоненты РОВСа в эмиграции. В 1957 году умер в Западной Германии генерал А.В. Туркул, попортивший в 30-е годы много крови руководству РОВСа и исключенный из Союза в 1936 году. Он был похоронен во Франции, на Сен-Женевьев де Буа, в пантеоне русской эмиграции, на участке дроздовцев.

Тем временем годы брали свое, и, очевидно, предчувствуя скорую кончину, генерал фон Лампе издал 19 мая 1967 года приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу, в котором говорилось, что в случае невозможности исполнять им обязанности в стране пребывания или смерти начальником Союза становится генерал-майор В.Г. Харжевский, а до установления связи с ним руководство отделами РОВСа в Европе возлагалось на полковника В.В. Щавинского. К этому времени структура РОВСа на европейском континенте выглядела следующим образом: I отдел находился во Франции, II отдел - в Германии, V отдел - в Бельгии и VII отдел - в Австрии¹⁹. Спустя 9 дней - 28 мая 1967 года генерал фон Лампе умер в Париже и был похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Последующие 12 лет начальником Русского Обще-Воинского Союза был видный его деятель Владимир Григорьевич Харжевский, о котором уже неоднократно упоминалось в этой книге. Но сейчас пришло время рассказать о нем и его жизненном пути поподробнее. Заметим, кстати, что Харжевский был и последним генералом на посту начальника Русского Обще-Воинского Союза. В.Г. Харжевский родился 6 (19) мая 1892 года в семье личного почетного гражданина в Подольской губернии. Окончил реальное училище в Виннице и впоследствии стал студентом Горного института в Петрограде. В 1911 году поступил на службу вольноопределяющимся в 47-й пехотный Украинский полк, прапорщик запаса. Первая мировая война застала его студентом Горного института. В годы войны он прошел путь от прапорщика до штабс-капитана, командира батальона и полкового адъютанта на Румынском фронте. В конце 1917 года вступил в отряд полковника Дроздовского и в его составе совершил рейд от Ясс до Новочеркасска. Затем воевал в составе Дроздовского полка, а затем Дроздовской дивизии в Добровольческой армии, участник 2-го Кубанского похода. Командир офицерского батальона, а затем 2-го стрелкового Дроздовского полка, полковник. В сентябре 1920 года в возрасте 28 лет Харжевский был произведен в чин генерал-майора. Осенью 1920 года во время болезни генерала Туркула он являлся начальником Дроздовской дивизии. Затем последовала эвакуация, пребывание в Галлиполи, переезд с Дроздовским полком в

Болгарию. В 1922 - 24 годах он был назначен наблюдающим за начальниками рабочих партий Галлиполийской группы в Софии.

Последующие 20 лет жизни Харжевского были связаны с Чехословакией. Он окончил Пшебрамскую горную академию в Праге и приобрел специальность горного инженера. Но его деятельность была по-прежнему связана главным образом с военно-политическим поприщем Российского Зарубежья. Генерал Харжевский руководил Обществом Галлиполийцев в Праге, являлся председателем объединения частей и групп 1-го армейского корпуса здесь. Но в первую очередь следует напомнить, что еще со времени генерала Кутепова Харжевский был одним из организаторов так называемой «специальной работы» против СССР, тесно взаимодействовал в этом качестве со 2-м бюро Генерального штаба Польши и с рядом других спецслужб зарубежных стран. В конце 30-х годов он являлся заместителем начальника VI отдела РОВСа, а затем - заместителем начальника Юго-Восточного отдела ОРВС и начальником русской воинской группы в Праге. В 1945 году Харжевский перебрался в Германию, а в 1949 году - в Марокко и, наконец, переехал и оставшуюся часть своей жизни прожил в США. Здесь он стал председателем объединения 1-го армейского корпуса и общества Галлиполийцев. 27 января 1957 года был назначен помощником начальника Русского Обще-Воинского Союза, а 19 мая 1967 года - начальником РОВСа. Одновременно генерал Харжевский возглавлял и Дроздовское объединение. Таким образом, вместе с новым начальником центр управления РОВСа впервые переместился из Европы за океан, в США.

По выражению одного из отечественных историков Российского Зарубежья, в начале 60-х годов РОВС превратился в опереточную организацию. В действительности, эта слабеющая и быстро теряющая своих уходящих из жизни членов организация была профессиональным объединением, но не в чистом виде, ибо профессии ее членов были разнообразными, а по признаку общности военного прошлого, совместной воинской службы и борьбы. Известный деятель Русского Обще-Воинского Союза, писатель и публицист Н.А. Цуриков, повторяя и развивая мысль генерала Врангеля, указывал, что в отличие от многих профессий, дающих кусок хлеба, главная и общая для всех чинов РОВСа «профессия» есть «противобольшевизм»²⁰. С этим нельзя не согласиться. Постепенно утрачивая функции военной и военно-политической организации в чистом виде, с присущими ей в первые десятилетия существования формами и методами политической и боевой работы, и в том числе на территории СССР, Русский Обще-Воинский Союз все больше превращался в идейно-политическое объединение военных эмигрантов, ветеранов борьбы с советской властью. Они стремились сохранить у современников память о Белом движении, знание не только прошлой, но и настоящей борьбы за Россию, которую они вели как профессиональные антибольшевики.

50-летие революционных событий 1917 года в России вновь, как и полвека назад, разделило мир на празднующих или симпатизирующих СССР и миру социализма, и рассматривающих те далекие события как драму и трагедию российской и мировой истории. Осень 1967 года прошла в Русском Зарубежье под знаком полувековой годовщины начала борьбы с большевиками и советской властью. Журнал «Часовой» опубликовал обращение «К российской эмиграции», в котором, в противовес советской власти, праздновавшей 50-летие Октября как величайшее событие в истории, утверждалось, что это на самом деле годовщина диктаторской, эксплуататорской и террористической власти. Специальные обращения от имени эмиграции были направлены в ООН и Комитет по правам человека. На страницах названного журнала был помещен и проект меморандума, предназначенного для отправки в Комитет по правам человека²¹.

1 ноября 1967 года генерал Харжевский издал приказ РОВСу, посвященный 50-летию Белой борьбы. Он напоминал суждения вождей о Белой идее, слова профессора И.А. Ильина о ее значении и религиозной сущности, о стойкости в борьбе за Веру и Правду. Всем чинам РОВСа предписывалось служить Белой идее до конца и отметить юбилей собраниями, посвященными годовщине и значению Белой борьбы²². Былые события Гражданской войны в России, перипетии военных походов и сражений, жесто-

кой и непримиримой борьбы вновь воскресали в памяти их участников, разделенных ныне тысячами километров и границами государств, в которых они ныне проживали.

1 сентября 1974 года Русскому Обще-Воинскому Союзу исполнилось полвека. В его отделах, обществах и организациях, разбросанных по всему миру, прошли юбилейные праздничные мероприятия. Поздравления в адрес РОВСа поступали от различных эмигрантских организациях. Редактор журнала «Часовой» В.В. Орехов опубликовал в сентябрьском номере своего издания статью «Мысли белогвардейца», в которой делился раздумьями по поводу личности и деятельности основателя РОВСа генерала П.Н. Врангеля. Он называл его одним из самых прозорливых вождей Белого Движения, сумевшим, увы, слишком поздно исправить многие его ошибки. Автор статьи проводил известные аналогии между событиями, ознаменовавшими финал Гражданской и Второй мировой войны: «Его (Врангеля - В.Г.) героическую борьбу не только не поддерживали, но даже пытались заставить его пойти в Каноссу к большевикам, то есть то же самое, что было проделано много лет спустя в Лиенце, Платлинге и других местах с таким чудовищным предательством, о котором должны краснеть европейские народы». «Генерал Врангель, оставив с нами родную землю, спас многие десятки тысяч жизней русских людей, - подчеркивал В.В. Орехов, - и это он фактически создал Российское Зарубежье, которое полвека защищало русское имя и идею свободной России»²³.

На страницах «Информационного бюллетеня Русского Национального Объединения» (публикуемого внутри журнала «Часовой») тот же В.В. Орехов выступил уже как руководитель этой организации с приветственной статьей «Пятьдесят лет Русскому Обще-Воинскому Союзу». «Основатели Российского Национального Объединения, по-прежнему продолжающие дело, начатое Белыми Вождями в полном единении с Р.О.В.-Союзом, шлют его возглавителю генералу Харжевскому и представляющему Р.О.В.С. в Европе полковнику Щавинскому и всем верным их сподвижникам сердечный привет с верой в конечное торжество нашей Правды», - подчеркивалось в приветствии. «Как бы ни были тяжелы испытания, сколько бы ни было соблазнов, как бы его не травили наши враги и, подчас, увлекающиеся несбыточными иллюзиями эмигранты, Русский Обще-Воинский Союз продолжает существовать как знамя Свободной России, на котором начертано и не стерто слово «Отечество», - писал В.В. Орехов, как бы забыв о былых разногласиях и противоречиях 30-х годов, - и верим, что исполнит свой долг перед родиной до конца»²⁴.

Передав в 1979 году после 12-летнего возглавления Русского Обще-Воинского Союза руководство им капитану М.П. Осипову, Харжевский умер два года спустя в американском городе Лейквуде, где и проживал ранее.

На смену уходящим из жизни престарелым генералам к руководству РОВСа приходили представители более молодого поколения, не удостоенные столь высоких званий и наград, как их предшественники. Но и они, прошедшие в свое время дорогами Гражданской войны в России, находились уже в весьма преклонном возрасте. Например, капитану Михаилу Петровичу Осипову, которому передал бразды правления РОВСом 87-летний генерал Харжевский, было к моменту вступления в должность уже 80 лет. Он окончил Ярославский кадетский корпус и Сергиевское артиллерийское училище. Воевал в 1918 году в 8-м Украинском корпусе, а затем в артиллерии Добровольческой армии. Прошел Галлиполи, звание капитана получил в 1924 году в Болгарии. Окончил в Париже Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина. Состоял в Алексеевском артиллерийском дивизионе. К работе в РОВСе был привлечен генералом фон Лампе. Являлся казначеем Союза. Генерал Харжевский назначил М.П. Осипова своим заместителем, а затем передал ему должность начальника РОВСа, которую тот занимал четыре года.

В свою очередь, преемником капитана Осипова после его смерти в декабре 1983 года стал войсковой атаман В.И. Дьяков. Своим заместителем он назначил поручика П.А. Калениченко, а поручик А.М. Ермилов был назначен исполняющим обязанности начальника отделов РОВСа в Европе. Журнал «Часовой» в статье «Белая годовщина», опубликованной в 1984 году в канун годовщины Ледяного похода (1918 г.), так писал

об истории Белого движения и Русского военного Зарубежья: «Если распятая Россия проходит по сей день свою Голгофу, то в личной жизни каждого Белого воина была своя собственная тропа мучений, унижений и скорби. Утрата родных и близких, горечь поражения и гранитная вера в Россию - вот основные черты, которыми отличалась Белая Русская Эмиграция. И все же, несмотря на трудности и лишения, Белая Россия несет и по сей день Идею Белой Борьбы и Единой Неделимой». «Теперь, по словам В.В. Орехова, уходящие «пулеметными очередями» Белые должны знать, что их пример живет сегодня среди их потомков и расширяется в самой России, чему есть вещественные доказательства»²⁵, - утверждалось в статье.

В июле 1984 года начальником Русского Обще-Воинского Союза становится поручик П.А. Калениченко, сменивший В.И. Дьякова. Начальником отдела в США он назначил капитана Б.М. Иванова. Новый руководитель РОВСа выражал глубокую озабоченность дальнейшим существованием Союза, «так как подавляющее большинство его чинов уже ушло в лучший мир, а оставшиеся почти все достигли преклонного возраста, дойдя до предельной черты их жизни». Калениченко так размышлял об идущем процессе смены поколений (в том числе в руководстве РОВСа) и о задачах Союза: «Придет наш последний час, мы умрем, как и наши предшественники, со спокойной совестью солдата, выполнившего честно и до конца свой долг перед Родиной. Не страшен нам и суд истории. .. Нам же необходимо приложить все усилия, чтобы из молодежи, разделяющей нашу идеологию, создать, пусть даже немногочисленную, но стойкую смену, которой мы можем передать хранящийся в наших сердцах «Немеркнувший Светоч», который они принесут на нашу Родину, когда там начнется Возрождение Национальной России... Наш долг донести до России СВЕТОЧ, зажженный генералом Алексеевым, а не ужасаться, что в Руководстве «докатались до подпоручиков». Донесут-то СВЕТОЧ, может быть правнуки этих подпоручиков, хотя их и будет не так много. Но наш долг сделать так, чтобы они были»²⁶.

В это время Русский Обще-Воинский Союз уже почти полностью состоял из глубоких стариков-ветеранов Гражданской войны в России. Некоторое омоложение Союза произошло во второй половине 80-х годов, когда в РОВС влился Союз ЧинОВ Русского Корпуса и ряд других белых организаций с более молодым составом²⁷. Но это не изменило принципиально и качественно общую ситуацию. Эмигрантская молодежь, дети и внуки эмигрантов первой и второй волн в лучшем случае с уважением относились к идеям, которым были верны их отцы и деды, но для большинства из них Белая идея уже была пустым звуком. В лучшем случае, молодежь, наставляемая представителями старших поколений, стремившимися дать своим детям и внукам русское «национальное образование», участвовала в деятельности НОРР, ОРЮР, «Витязей», но воинские организации «стариков» их не привлекали. Даже объединения выпускников зарубежных кадетских корпусов отказывались вступать в РОВС, а позднее встали на путь открытой конфронтации с ним.

Попытки привлечь в состав и к работе РОВСа представителей третьей волны эмиграции из СССР (60-х - 80-х годов) успеха не имели. Лишь единицы были привлечены к работе Союза. Более того, по некоторым свидетельствам, представители третьей волны эмиграции развернули ожесточенную «войну» против участников Белого движения и сторонников Белой идеи. Тем временем возраст членов Русского Обще-Воинского Союза брал свое, связи с СССР и возможности влиять на развитие ситуации в этой стране практически отсутствовали, и надежд оставалось все меньше и меньше.

Поручик П.А. Калениченко ушел из жизни в 1987 году, когда в СССР развернулась «перестройка», и мало кто предполагал тогда, что она завершится крахом правящего в стране режима. Журнал «Часовой» в 1987 году писал о том, что Русское Зарубежье относится к горбачевской «перестройке» трояко: 1) оптимисты склонны торжествовать, будто в России происходит подлинная революция и вот-вот от тоталитаризма не останется и следа; 2) пессимисты не желают считаться с некоторыми переменами, полагая, что они обречены на неудачу, как хрущевская «оттепель» и косыгинские реформы 60-х годов; 3) люди, относящиеся к происходящим событиям с осторожностью,

не впадающие в крайность и выступающие как наблюдатели, исключительно объективно оценивающие происходящие события²⁸.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза не связывало особых надежд с декларированными советской властью переменами. Новый начальник РОВСа капитан Б.М. Иванов, сменивший П.А. Калениченко в июне 1986 года, так характеризовал проблемы, задачи и характер деятельности Союза, задаваясь трудными вопросами о его будущем и перспективах: «Наше пребывание в чужих странах отнюдь не прекратило борьбу с коммунизмом, оно только изменило его форму. Коммунисты действуют пропагандой, мы же обязаны вести контрпропаганду... Мы не должны забывать, что от рук коммунистов погибли генерал Кутепов, генерал Миллер и многие другие. Мы должны помнить, что до сих пор мы - «бельмо на советском глазу»... Своей непримиримостью, своей борьбой мы исполняем наш долг перед Родиной и завет генерала Врангеля... Мы, члены Русского Обще-Воинского Союза, продолжаем крепко держать в руках Национальное Трёхцветное Знамя... С каждым годом нас меньше, и меньше! Руки слабеют. Нам нужны молодые крепкие руки. Нужны русские люди. Нужны те, кому мы можем передать свою непримиримость к безбожной коммунистической власти, свою любовь к поработанной Родине нашей, народу ее. Где же ВЫ - РУССКИЕ ЛЮДИ с РУССКОЙ ДУШОЙ, с РУССКИМ СЕРДЦЕМ? Где Вы - наша смена?! Где Вы, кому мы можем передать нами хранимое Бело-Сине-Красное национальное знамя Великой Страны Российской? Кто донесет его до воскресения Святой Руси и передаст его РУССКОМУ национальному правительству, свободному народу российскому? Тогда закончится 1-й Кубанский Поход!»²⁹.

Капитану Б.М. Иванову удалось дожить до дня падения столь ненавистной ему и его соратникам советской власти, на борьбу с которой участники белого движения и чины РОВСа положили свою жизнь. Добавим, что Борис Михайлович стал последним председателем РОВСа, участником Гражданской войны в России, прошедшим ее в боевых рядах Корниловского ударного полка и Корниловской дивизии. В 90-е годы уходили из жизни последние ветераны Белой борьбы в годы Гражданской войны в России. Одновременно падала и идейно-политическая роль Русского военного Зарубежья.

Новая Россия провозгласила себя преемником дореволюционной России, трехцветный колор вернулся на Родину. Но все это сопровождалось страшной для народов драмой и трагедией распада СССР, государственности, того территориального, культурного и человеческого пространства, которое веками собирала и сплачивала вокруг себя Россия, сначала дореволюционная, а затем (после революции 1917 года и распада имперской государственности, сопровождавшейся Гражданской войной), советская Россия. Центробежные процессы в конце 80-х - начале 90-х годов стремительно набирали силу, а ряд рубежных событий 1991 года весьма напоминал аналогичные рубежи и вехи процесса распада 1917 года (хотя, разумеется, аналогии в истории весьма условны, что в полной мере относится к вышеприведенному сравнению двух эпох).

Так или иначе, но развивающиеся в СССР в это время процессы вызывали весьма неоднозначную реакцию в эмигрантских кругах и, в частности, в рядах Русского Обще-Воинского Союза. С одной стороны, налицо была нескрываемая радость по поводу ослабления советского государства и власти КПСС, непрерывная и непримиримая борьба с которыми велась в течение более 70 лет. Но, с другой стороны, эмигрантов тревожила судьба Отечества, исторической России, беспокоила нависшая угроза повторения распада государственности, подобного тому, который страна пережила в 1917 году. Чинов РОВСа, бывших военнослужащих, в свою очередь, особенно заботили судьбы и будущее Армии, являвшейся для них наиболее ярким олицетворением государственности и государственной мощи, гарантом будущего страны и ее могущества.

В сентябре 1991 года, после неудачи в августе так называемого «путча ГКЧП», в условиях драматических событий ускоряющегося распада единой государственности в обращении РОВСа к военнослужащим Вооруженных Сил России, принятом на съезде в Буэнос-Айресе, прозвучали такие строки: «Нельзя не заметить, как с Запада нашей стране грозит новый эксперимент, на этот раз «демократический». Демократия в ее не-

русской редакции может принести нашей стране новые беды, но и наиболее губительными могут стать: новая братоубийственная война, распад страны на ее составные части и ликвидация Вооруженных Сил как стража национальных интересов Российского государства». В последующие месяцы и годы эти предостережения, увы, оказались печальной реальностью.

В конечном итоге, советский офицерский корпус, по мнению руководства РОВСа, в критических событиях 1991 - 92 годов показал свою полную несостоятельность в деле защиты интересов и единства страны. Он не смог воспрепятствовать расчленению СССР (исторической России), то есть фактически изменил данной присяге. Произошло это в силу отсутствия чувства ответственности и долга перед Родиной, и вина за это возлагалась на разлагающую школу советского «воспитания». Армия не повернула штыки против КПСС, а ее офицерский корпус, в своей основной массе, принял присягу и стал служить новым хозяевам.

Тем самым рухнула многолетняя мечта русской послереволюционной эмиграции (и прежде всего Русского военного Зарубежья), зародившаяся еще в конце 20-х годов, о том, что выступление патриотически-настроенной части офицерского корпуса Красной Армии против правящего политического режима с привлечением на свою сторону основной части вооруженных сил вызовет общенародное восстание в СССР и приведет к свержению коммунистической власти. Это, в свою очередь, должно было привести к призыву эмиграции к возвращению на родину и воссозданию с ее помощью исторической России, а при посредстве бывших военнослужащих императорской и белых армий - новой Российской Армии, основывающейся на свойственных ей исторических традициях. Так или иначе, но с распадом СССР начался новый период отечественной истории, а также истории Русского Обще-Воинского Союза и Российского Зарубежья.

Глава 13. РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Начало 90-х годов было ознаменовано и началом новой эпохи в жизни России. Это было время еще не исчерпанных надежд на демократизацию общества и модернизацию страны, увы, вскоре обернувшихся шоком так называемой «шоковой терапии», которая была избрана властями новой России в качестве средства лечения социальных и экономических болезней и которую в народе метко окрестили «шоком без терапии», становлением политического режима, руководители которого заботились прежде всего о собственных интересах, а вместо процветающего общества и капитализма «с человеческим лицом» формировался криминально-олигархический капитализм. Трудно и болезненно происходило размежевание государственного и территориального пространства бывшего СССР, исторической России. Миллионы семей в одночасье оказались разделены незадачливыми политиками.

Переживая за происходившее в России, председатель Русского Обще-Воинского Союза поручик В.В. Гранитов писал 9 января 1992 года в личном письме в Санкт-Петербург: «С большой тревогой наблюдаю происходящие у Вас события. Идея независимых республик явно подсказана зарубежными «друзьями» России, для которых возрождение Государства Российского мерещится недопустимым кошмаром»¹.

Волна кровавых конфликтов на пространстве СССР в заключительный период его существования обернулась вспышками гражданской войны на территории, по крайней мере, пяти ставших независимыми (после Беловежских соглашений и расчленения Советского Союза) государств. Ряд тревожных событий, происходивших в жизни новорожденной России в первые годы ее существования, ставил ее перед реальной угрозой новой широкомасштабной гражданской войны. Под прикрытием звучных лозунгов и красивых слов о демократизации и военной реформе происходило ослабление и деморализация вооруженных сил новой России. Реальностью ельцинской России стало катастрофическое падение объемов производства, уровня жизни населения, человеческого потенциала нации, ослабление международного престижа страны, возникали и усиливались разнообразные риски и угрозы ее безопасности.

Вместе с тем, в новых исторических условиях после распада СССР Русский Обще-Воинский Союз получил возможность легально действовать в России. В 1992 году страну посетил председатель РОВСа поручик В.В. Гранитов, возглавивший Союз в 1988 году. Владимир Владимирович родился в 1915 году в семье офицера. Вместе с родителями эмигрировал из России после окончания Гражданской войны. Жил в Югославии, где окончил русскую гимназию, а затем университет. Получил военное образование, окончив Военно-училищные курсы при IV отделе РОВСа и Высшие военно-училищные курсы генерала Головина в Белграде. Служил в рядах Русского Корпуса с момента его основания. Занимал различные офицерские должности до командира роты включительно, получил звание обер-лейтенанта. После войны жил в Германии, Аргентине, США. С 1 июля 1988 года был назначен заместителем председателя РОВСа, а с 1 августа того же года - председателем этого Союза. Одновременно Гранитов являлся и председателем Союза Чинов Русского Корпуса.

В.В. Гранитов так охарактеризовал эволюцию задач Союза: «Свое боевое значение кадра Белой армии РОВСа выполнил во время Второй Мировой войны, а еще раньше - в испанскую гражданскую войну 1936 -1939 годов. Но в настоящее время кадры РОВСа имеют значение, конечно, чисто символическое. Потому, что осталось нас очень мало, и те, кто остались, уже в преклонном возрасте. Борьба вооруженная, слава Богу, сейчас и не нужна. А наша задача теперь: передать нашим младшим братьям здесь, в России, то, чем мы жили, тот дух, в котором мы были воспитаны, и который является вечным духом для Российского Государства. И только благодаря нему, мы надеемся, это государство возродится». В своем интервью в Санкт-Петербурге в сентябре 1992 года Гранитов выразил надежду на расширение работы РОВСа в России: «То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я был настроен гораздо мрачнее. И сейчас я

считаю, что, конечно, наш долг работать вместе с вами, русскими патриотами-антикоммунистами в России». Отвечая как руководитель военной организации на вопрос о том, какой должна быть Русская Армия, Гранитов назвал следующие ее основные характеристики: она должна быть оснащена по последнему слову техники и всегда быть на высоте, не чувствовать себя принадлежностью какой-либо партии, а быть слугой своего Отечества. «Я надеюсь, что наш девиз «За Веру, Царя и Отечество», когда-нибудь станет девизом возрожденной Русской Армии»², -подчеркнул руководитель РОВСа.

Поручик Гранитов, как и его предшественники в этой должности, исповедовал монархические убеждения и видел монархию в качестве оптимальной формы государства в России. Размышляя в 1992 году в личном письме над будущим государственным устройством страны, В.В. Гранитов писал: «Я лично считаю, что при многонациональном составе нашего государства только монархия может обеспечить действительное равенство перед законом для каждого его гражданина». И, вместе с тем, он счел нужным пояснить свое видение, акцентировав внимание на своеобразии России: «Однако монархия западного образца, также как и демократия западного толка, нам не подходят. Для возрождения же нашей самобытной православной русской монархии, с ее идеей служения царя народу, требуются специальные условия. Помимо выращенного и воспитанного в этой идее монарха, необходимы и соответствующая религиозная и нравственная настроенность и исповедание этой идеи большинством населения. Монархию еще нужно заслужить у Господа Бога»³.

В сентябре 1993 года Гранитов обратился в МИД РФ с просьбой о разрешении открытия отделов Русского Обще-Воинского Союза на территории России. Союз, численность которого в предшествующие десятилетия быстро сокращалась, вследствие как послевоенных репрессий, так и естественных причин ухода из жизни его членов, находившихся в преклонном возрасте, нуждался в том, чтобы пустить корни на Родине, получить приток молодого пополнения. Вместе с тем, поручик Гранитов осторожно и ответственно относился к вопросу организации структур и организаций РОВСа в России. Он опасался, что они могут быть объявлены «агентами нелегальной иностранной организации». Свои опасения по этому поводу и В.В. Гранитов, и другие зарубежные деятели Русского Обще-Воинского Союза высказывали в это время неоднократно, о чем свидетельствует, например, один из инициаторов и основателей российского отдела РОВСа и нынешний председатель Союза И.Б. Иванов. «Мы вас подставлять и рисковать жизнями своих соратников в России не хотим», - не раз говорили ему в то время эмигрантские коллеги и соратники. Политическая ситуация в России в 1992 - 93 годах была шаткой и неопределенной, и развитие событий могло происходить по самым разным и том числе неожиданным сценариям.

Поэтому, желая обезопасить структуры РОВСа, которые могли быть образованы и действительно создавались в дальнейшем на территории Российской Федерации, от возможных обвинений в «нелегальной деятельности в пользу иностранной организации» (а за этим мог последовать и разгром созданных структур), В.В. Гранитов и обратился официально в МИД РФ. Это давало возможность РОВСу всегда сослаться в случае необходимости на то, что власти РФ были уведомлены о деятельности Союза. Кроме того, эта акция носила характер зондажа, ибо позволяла проверить, насколько новые российские власти, провозгласившие себя «демократическими», относятся к Белым.

Никаких последующих реальных шагов по легализации (регистрации) организаций РОВСа в Российской Федерации ни со стороны властей РФ, ни со стороны РОВСа сделано не было. Письмо председателя Русского Обще-Воинского Союза «утонуло» в недрах МИДа, но это было для него и его соратников и положительным результатом: протеста со стороны МИДа не последовало, и поручик Гранитов посчитал, что можно было уже совершенно открыто приступать к развертыванию деятельности РОВСа в России, чем он со всей активностью и занялся.

В сентябре 1993 года в Российской Федерации было создано первое Представительство РОВСа. В том же году в Россию было перенесено издание журнала «Наши

Вести», основанного в 1945 году в Австрии как органа Союза Чинов Русского Корпуса. Журнал превратился в важнейшее средство популяризации Русского Обще-Воинского Союза и информации о его деятельности в Зарубежье и России⁴.

В январе 1995 года председателем РОВСа был утвержден документ под названием «Основные идеологические принципы работы подразделений Русского Обще-Воинского Союза в России». В нем были сформулированы основные цели их работы, которые кратко можно сформулировать следующим образом: распространение объективных правильных сведений о дореволюционном прошлом России, Русской Армии, Белом движении и Белой идеологии, а с другой стороны, об антирусской и антигосударственной деятельности вождей революции; разъяснение роли Русской Православной церкви в истории России и в создании российской государственности и содействие возрождению православия в народе; очищение русской культуры, языка и повседневной жизни от «советчины»; возвращение городам и улицам прежних дореволюционных названий и уничтожение памятников революционным вождям и героям и их развенчание. Главный упор разъяснительной работы предлагалось направлять на более молодые возрасты и уделять особое внимание вопросу образования и патриотического воспитания подрастающего поколения, вовлекая в свою орбиту преподавателей средних школ, проводя непосредственную работу с молодежью и организуя для этого подразделения допризывной подготовки молодежи.

Особо оговаривалось в данном документе принятие некоторыми подразделениями имен боевых полков Белой Армии и ношение их формы, подчеркивалась необходимость уважительного отношения к воинским званиям, чинам и боевым орденам, не допуская никакой бутафории. В документе указывалось, что подразделения РОВСа в России не могут создаваться самотеком, а лишь с ведома и согласия Управления этого Союза, либо непосредственно председателя РОВСа, либо через уже существующие в России подразделения Союза. Конечная цель создания подразделений Русского Обще-Воинского Союза в России определялась как «создание в Российской Федерации, как и в других странах СНГ массового движения за восстановление единого Российского Государства»⁵.

22 февраля 1996 года распоряжением председателя РОВСа поручика Гранитова был утвержден созданный в Санкт-Петербурге (на основании данного им в сентябре 1993 года разрешения старшему унтер-офицеру И.Б. Иванову) 1-й отдел Русского Обще-Воинского Союза в России, И.Б. Иванов был утвержден председателем этого отдела. В качестве руководства для его работы председатель РОВСа утвердил «Временное положение для организации и последующей деятельности Отделов Русского Обще-Воинского Союза в России»⁶.

Развитие политических событий в России в 90-е годы и в дальнейшем сделало совершенно неактуальным вопрос о регистрации структур РОВСа в стране. По мнению руководителей Русского Обще-Воинского Союза, регистрировать его в Российской Федерации было бы целесообразно, если бы политическое руководство страны заявило о разрыве с коммунистическим прошлым, но оно этого, как считали в РОВСе, не сделало.

Поручик В.В. Гранитов возглавлял Русский Обще-Воинский Союз 11 лет и много сделал для сохранения и распространения его традиций, популяризации РОВСа и его дела и в том числе на Родине. «Идейный светильник Белого дела, должен быть возвращен в Россию и, слава Богу, это уже происходит, - подчеркивал он. - В России уже имеются наши последователи. Их еще мало. Тем больше усилий требуется от нас и от них. Время не позволяет ждать. Возрождение России должно произойти раньше, чем интернациональные силы окончательно расчленият государство и возьмут всю страну под свой контроль, либо оно будет отложено надолго. Поэтому, учитывая, что наши силы и возможности далеко не безграничны, необходимо концентрировать наши усилия на воспитании молодежи, как будущих строителей России, на Армии, так как только национально мыслящая русская Армия сможет обеспечить возрождение Государства Российского, вопреки желаниям сильных мира сего»⁷.

В декабре 1998 года в ознаменование 80-летия со времени начала Белой борьбы в России Русским Обще-Воинским Союзом была учреждена одноименная медаль. В Положении о медали «В память 80-летия Белой борьбы» было определено шесть категорий лиц, которые могли быть награждены ею: 1) чины Белых армий периода Гражданской войны; 2) русские добровольцы - участники антикоммунистической борьбы в Гражданской войне в Испании 1936 - 1939 гг.; 3) участники антикоммунистической борьбы в годы Второй мировой войны в рядах Русского Корпуса, РОА, Вооруженных Сил КОНР, казачьих и иных вооруженных антикоммунистических формирований; 4) лица, имеющие наследственное право на ношение знака 1-го Кубанского (Ледяного) похода и нагрудных знаков, посвященных пребыванию в военных лагерях за границей после эвакуации из Крыма; 5) члены РОВСа и других Белых воинских организаций Русского Зарубежья; 6) лица, разделяющие Белую идеологию, внесшие конкретный вклад в борьбу с коммунизмом и активно способствующие продолжению Белой борьбы путем распространения объективных сведений по истории и идеологии Белого движения или деятельностью по воспитанию русской молодежи в духе Православия, русского патриотизма и антикоммунизма⁸. Тем самым выстраивалась взаимосвязь между событиями и участниками разных эпох истории антикоммунистической борьбы в России и за ее пределами.

События, происходившие в постсоветской России в 90-е годы, вызывали живой интерес у стареющих ветеранов Русского Зарубежья, чинов РОВСа в России и за ее пределами. Отношение РОВСа и его российского отдела к развитию событий в России, действиям властей и президента Б.Н. Ельцина было весьма критическим. Это было связано с резким ухудшением социально-экономического положения страны, глубоким расхождением обещаний представителей власти и реальных дел. Особенно задевало руководителей РОВСа то обстоятельство, что новые лидеры страны оставались, по существу, равнодушны к Белой идее, Белому движению и его традициям. Не произошло ожидаемой реабилитации, а вслед за этим и популяризации вождей и участников Белого движения. Напротив, активисты РОВСа с горечью констатировали, что «для сегодняшних «демократов» Белая идея столь же враждебна и смертельно опасна, как и для коммунистов». Как бы откликаясь на призыв Б.Н. Ельцина о поиске национальной идеи и полемизируя с ним, начальник отдела РОВСа в России И.Б. Иванов заявил, что «Белая идея и есть та единственно возможная и единственно существующая национальная идея» которую несколько лет «искали» политические советники Ельцина⁹.

Предметом особой озабоченности и тревоги руководителей и членов РОВСа (и, прежде всего, его отдела в России) было состояние российских вооруженных сил. Действия президента Ельцина и его окружения, которые официально именовались «военной реформой», а на деле вели к снижению боеспособности, морального и боевого духа войск (что со всей катастрофичностью проявилось в первой чеченской войне) вызывали возмущение и резкую критику в российских и зарубежных кругах РОВСа. Тем более, что ослабление российской армии и флота происходило на фоне американских претензий на мировое господство и реальных действий США в качестве мирового жандарма, что ярко проявилось в 90-е годы в событиях в Югославии.

15 апреля 1999 года начальник 1-го отдела РОВСа в России И.Б. Иванов издал распоряжение № 13, посвященное ситуации в Югославии, в котором ставился и вопрос о целесообразности отправки туда русских добровольцев. В сложившейся военно-политической обстановке отправка добровольцев не представлялась целесообразной, ибо в Югославии достаточно своих людей и в том числе военных специалистов. В распоряжении высказывалось сожаление, что сербы не получают от России поставок современного оружия и прежде всего средств ПВО. Чинам РОВСа в России предписывалось сосредоточить усилия на моральной поддержке сербов через пропагандистскую работу в России и на Украине. Вместе с тем, в распоряжении не исключалась возможность отправки русских добровольцев в Сербию и в первую очередь в случае проведения НАТО сухопутной военной операции против Югославии. Поэтому чинам отдела, желающим отправиться туда в качестве добровольцев, если изменившаяся военно-

политическая обстановка потребует этого, предлагалось доложить об этом рапортом начальнику отдела. При этом в распоряжении подчеркивалось, что в качестве добровольцев нужны только опытные специалисты: подрывники и диверсанты, а также специалисты зенитно-ракетных и радиотехнических войск. В заключении указывалось на необходимость четко следовать основной линией при проведении пропагандистской работы по Югославии: «Россия ни в коем случае не должна быть втянута в прямой конфликт со странами НАТО - сегодня это было бы самоубийством для России»¹⁰.

Предметом дискуссии и основанием для весьма критического, а нередко и негативного отношения РОВСа к властям постсоветской России являлось разное отношение к рубежным событиям в отечественной истории XX века, историческому прошлому армии. Примером этого стало отношение к такой исторической дате, как 7 ноября. Государственные власти постсоветской России оставили этот день как государственный праздник, именуя его Днем примирения и согласия. По мнению руководителей РОВСа¹¹, это название должно было противостоять не большевистскому Дню Великой Октябрьской социалистической революции, а эмигрантскому Дню Непримируемости. Сама же постановка вопроса о добровольном примирении с историческим злом была названа ими кощунственной. Лидеры РОВСа и его отдела в России добивались установления оценки событий 7 ноября 1917 года, прихода большевиков к власти как «величайшей катастрофы», настаивали на ликвидации всех последствий господства «советской антикультуры», атрибутов и символики врагов российского государства, требовали уничтожения всех форм чиновничества «коммунистических преступников».

В канун 80-летия событий 1917 года последовало специальное распоряжение начальника 1-го отдела РОВСа в России И.Б. Иванова, предписывавшего организовать на местах проведение Дня Непримируемости, а также достойно отметить 80-летие начала Белой борьбы. Предписывалось подключить к проведению Дня Непримируемости на местах представителей всех союзных организаций: монархических, православных, казачьих, ОРОП, военно-исторических клубов и т.п. Учитывая трудности объединения всех этих сил воедино и часто возникающие «трения» по частным вопросам, в распоряжении особо подчеркивалось, что «РОВС должен сыграть тут роль объединяющей силы, как организация неполитическая»¹².

Предметом принципиальных расхождений Русского Обще-Воинского Союза с властями России являются воинские праздники. Руководители РОВСа были и остаются противниками сохранения дня 23 февраля как главного воинского праздника страны, хотя и переименованного из Дня Красной (Советской) Армии в День Защитника Отечества. В частности, 23 февраля 1998 года последовало специальное заявление российского отдела РОВСа, именовавшее 23 февраля днем поработителей Отечества. Приветствуя празднование 300-летия Российского Флота летом 1996 года, РОВС призывал вернуться и к многовековым традициям Российского Воинства, у которого главным праздником был День Св. Великомученика и Победоносца Георгия - 26 ноября / 9 декабря¹³.

В 1999 году после смерти В.В. Гранитова председателем РОВСа становится капитан Владимир Николаевич Бутков. Он родился в 1916 году в семье священника на Дону, и вместе с семьей после революции эмигрировал в Болгарию, где и прошли его детство и юность. С 16 лет вступил в ряды Русского Обще-Воинского Союза. Окончил унтер-офицерские и военно-училищные курсы при III отделе РОВСа и был произведен в корнеты. Затем окончил младший класс военно-научных курсов генерала Головина. В годы Второй мировой войны служил командиром батальона в соединении генерала Туркула и был произведен в капитаны. После войны были лагерь для перемещенных лиц в Австрии, переезд в Марокко, а затем в США. В марте 1999 года председатель РОВСа поручик Гранитов назначил его своим заместителем, а с 1 июня того же года Бутков возглавил Союз.

Приказом нового председателя Русского Обще-Воинского Союза были произведены изменения в его системе управления и произошли новые назначения. Первым заместителем председателя РОВСа с 14 августа 1999 года стал поручик (с 1 января 2000

года - штабс-капитан) В.А. Вишневский, представитель Союза в Вашингтоне. Вторым заместителем председателя РОВСа был назначен штабс-капитан (с 1 января 2000 года - капитан) И.Б. Иванов, начальник отдела Союза в России. Казначеем РОВСа с 1 ноября 1999 года стал сотник А.Г. Рытиков. Обязанности секретаря Союза по-прежнему исполнял поручик (с 1 января 2000 года - штабс-капитан) Д.Г. Брауне. С 1 октября 1999 года был учрежден Совет чинов РОВСа при председателе Союза. В его состав вошли: В.А. Вишневский, Д.Г. Брауне, а также штабс-капитан В.Ф. Жуков, начальник Национальной организации российских разведчиков, доктор медицины, подьесаул А.А. Голубинцев, офицер штаба Главного управления казачьих войск, и профессор Нью-Йоркского университета Н.Е. Гиацинтов, потомственный марковец.

В.Н. Бутков произвел назначения новых представителей РОВСа в странах Русского Зарубежья, а также подтвердил полномочия чинов, ранее исполнявших обязанности представителей Союза в зарубежных странах и в столице России. В результате список представителей РОВСа в 1999 году выглядел следующим образом: в Австралии - штабс-капитан Г. С. Жеромский, в Аргентине - штабс-капитан Д.В. Домрачев, в штате Аризона и в г. Лос-Анжелосе (штат Калифорния, США) - поручик Б.Ф. Руммель, в г. Вашингтоне - штабс-капитан В.А. Вишневский, в Венесуэле - поручик Н.А. Гоженко, в Германии - Н.А. Гамбурцев, на Западном побережье США - штабс-капитан Д.Г. Брауне, в Канаде - поручик В.Н. Гриценко, в Москве - капитан С.В. Волков, в штате Флорида (США) - поручик Д.П. Агабеков (Бек), во Франции - поручик А.А. Максимов. 19 января 2000 года представителем РОВСа в Бельгии был назначен протоиерей Н. Семёнов, внук генерала Н.Н. Духонина. В январе того же года ввиду продолжительной болезни секретаря РОВСа Д.Г. Браунса на эту должность был назначен подьесаул Я. Л. Михеев, произведенный в есаулы; он же был назначен и казначеем Союза¹⁴.

В 1999 году исполнилось 75-летие Русского Обще-Воинского Союза. В обращении его председателя В.Н. Буткова указывалось, что он «был в среде русской политической эмиграции основным ядром борьбы против коммуно-большевизма на нашей Родине и творил великое дело сплочения всех русских патриотов».

В соответствии с «Положением о РОВСе» при начальнике отдела Русского Обще-Воинского Союза в России был создан Совет старших чинов отдела. Капитан Бутков утвердил его в следующем составе: капитан С.В. Волков, представитель РОВСа в Москве, капитан А.Г. Малов, представитель отдела в Воронеже, и поручик А.Л. Никитин, представитель отдела в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии¹⁵.

1 сентября 1999 года Русскому Обще-Воинскому Союзу исполнилось 75 лет. Его председатель капитан Бутков в своем обращении по случаю юбилея подчеркнул, что РОВС «был в среде русской политической эмиграции основным ядром борьбы против коммуно-большевизма на нашей Родине и творил великое дело сплочения всех русских патриотов». «Мы отметили эту дату молитвою и поминовением всех почивших вождей и воинов и всех, скончавшихся на своем посту борца за русские национальные идеалы в тяжелой жизни русской эмиграции», - указал В.Н. Бутков. Для зарубежных чинов РОВСа, людей, находящихся в преклонных годах, ветеранов эмиграции этот юбилей был во многом и итогом их жизненной деятельности. Надежды в будущее РОВСа во многом связывались с Россией и деятельностью российского отдела Союза. Поэтому капитан Бутков подчеркивал в своем юбилейном обращении, что теперь РОВС возвращается в Россию и новые верные белые соратники принимают эстафету у уходящих старых белых воинов¹⁶.

16 октября 1999 года в Санкт-Петербурге, в дворце М.Ф. Кшесинской состоялось собрание общественности, посвященное 75-летию юбилею РОВСа, а также 70-летию другой антикоммунистической организации - Российского Имперского Союза-Ордена. В юбилейном собрании участвовали и представители ряда других организаций, в том числе Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХОН), которому в 1999 году исполнилось 35 лет. Лидеру ВСХОН, известному деятелю российского антикоммунистического движения И.В. Огурцову и ряду активных

членов этой организации были вручены медали РОВСа «В память 80-летия Белой борьбы».

Капитан В.Н. Бутков принял руководство Русским Обще-Воинским Союзом уже тяжело больным и, пробыв в должности председателя Союза немногим более полугода, 11 февраля 2000 года скончался. Но за несколько дней до смерти - 7 февраля, будучи в госпитале, он объявил себя находящимся в месячном отпуске по болезни и передал исполнение обязанностей председателя Союза своему первому заместителю штабс-капитану В.А. Вишневному. Одновременно приказом Буткова с 7 февраля на должность первого заместителя председателя РОВСа был назначен капитан И.Б. Иванов с оставлением его в должности начальника отдела Союза в России, ответственного за всю организационную и административную работу в стране¹⁷. После смерти Буткова пост председателя РОВСа автоматически занял штабс-капитан В.А. Вишневский.

Владимир Александрович Вишневский родился в Хабаровске в июле 1920 года в военной семье. Своих родителей потерял в младенчестве и был взят под опеку дедушкой и бабушкой. В конце Гражданской войны был эвакуирован из Хабаровска во Владивосток, а в конце 1922 года вместе с кадетским корпусом, в котором воспитывался его дядя - Н. Вишневский, был вывезен в Шанхай. Оттуда был переправлен в Королевство СХС, где окончил русскую начальную школу в Белграде, а затем 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус в 1938 году и Югославскую военную академию в 1940 году. Принимал участие во Второй мировой войне: сначала как подпоручик Югославской Королевской Армии, а затем в рядах Русского Корпуса, где был произведен в чин лейтенанта вермахта. После окончания войны жил в Австрии, Венесуэле, США. Был привлечен капитаном Бутковым к работе в РОВСе и назначен в 1999 году, как уже упоминалось выше, представителем РОВСа в Вашингтоне и первым заместителем председателя Союза, с производством по линии РОВСа в чины поручика и штабс-капитана. Добавим, что Вишневский стал последним эмигрантом - руководителем Русского Обще-Воинского Союза.

Ввиду постоянного сокращения (в силу естественных причин, ухода из жизни) и преклонного возраста членов зарубежной части РОВСа, что не позволяло им активно участвовать в его работе, штабс-капитан Вишневский, вступив в должность председателя Союза, сразу же поставил вопрос о дальнейшей судьбе организации. Им был проведен опрос, в ходе которого чины зарубежной части РОВСа должны были ответить на вопрос, считают ли они возможным и нужным продолжение работы Союза в Зарубежье, или же они считают, что настало время свернуть его работу в эмиграции, проводя все необходимые организационные мероприятия. Опрос показал, что мнения чинов РОВСа разделились. Часть высказалась за закрытие Союза в Зарубежье. Другие же члены РОВСа, а также целые организации и объединения, входящие в его состав, выступили за продолжение работы, считая закрытие ошибкой. Учитывая отсутствие единства мнений чинов РОВСа, В.А. Вишневский отложил решение поднятого им вопроса, оставив его открытым¹⁸.

Тем временем предпринимались попытки активизировать деятельность РОВСа в России, с опорой на отдел Союза в этой стране. Его представительства существовали к концу 90-х годов в целом ряде российских городов, включая Дальний Восток (Владивосток к Уссурийск), и деятельность его стала распространяться на Украину. В состав отдела РОВСа в России влилась молодежь и, в частности, молодые офицеры. Но по признанию начальника отдела капитана И.Б. Иванова, деятельность Союза в России проходила в трудных условиях. Против него велась борьба с использованием различных средств: внедрение в его ряды агентов под видом «единомышленников», попытки подкупа и вербовки отдельных членов РОВСа, прямое давление, провокации, направленные на дискредитацию Союза, и попытки нейтрализовать его работу посредством втягивания в различного рода дразги и т.п.

Причины этого руководство отдела РОВСа в России видело и в традициях КГБ, рассматривавшего Союз как «военно-террористическую организацию», и в том, что так называемые «демократические» власти России и ряда других новообразованных госу-

дарств, «располозовавших Русскую Землю на безобразные куски», видели опасность в патриотической Белой идеологии, исповедуемой Русским Обще-Воинским Союзом. По утверждению руководства отдела РОВСа в России, Белая Идея враждебна и смертельно опасна и для коммунистов, и для сегодняшних «демократов». Именно она является единственно возможной и единственно существующей национальной идеей, поиск которой развернули по призыву Ельцина его советники и сторонники. А если Белый голос будет услышан и подхвачен народом, то антирусским и антигосударственным силам в России придет конец¹⁹.

Начальник отдела РОВСа в России капитан И.Б. Иванов активно участвовал в дискуссии о судьбах РОВСа, считая необходимым продолжать его деятельность, корректируя задачи Союза в русле требований современности. В своей программной статье «Новое время ставит новые задачи» Иванов подчеркнул, что главная и триединая цель РОВСа и Белого движения остается неизменной: защита Православной Веры, полное освобождение России от коммунизма-большевизма и возрождение Единой, Великой и Неделимой России в ее естественных исторически сложившихся границах и возрождение таким образом Исторической России. Но, вместе с тем, сам РОВС, сменивший в своих рядах несколько поколений белых борцов, претерпел принципиальные изменения и в своей организации, и в своем составе, что предопределило и его новые задачи. Его долг и главную задачу как наследника и хранителя Белой Идеи, старейшей русской антикоммунистической организации начальник отдела РОВСа в России видел в том, чтобы пропагандировать те христианские и патриотические идеалы, за которые сражалось Белое движение во время Гражданской войны и в последующие годы, указывать русскому народу правильные духовные, нравственные и патриотические ориентиры, способствовать образованию в России того национального патриотического движения, которое должно завершить дело Белой борьбы.

Капитан Иванов указывал и на другую, не менее важную, с его точки зрения, ипостась РОВСа как единственного преемника Российской Императорской Армии. Действуя в эмиграции, РОВС на протяжении десятилетий сохранял в своих рядах кадры частей и соединений Русской Императорской и Белой армий, в силу имеющихся у него возможностей, занимался военной подготовкой молодежи и поддержанием военных знаний офицеров на современном уровне, для чего была создана система различного рода курсов и военно-учебных заведений. Но последние завершили свою деятельность с началом Второй мировой войны, а спустя еще несколько десятилетий - в 70 - 80-е годы прекратили свое существование и почти все полковые объединения, превратившиеся к тому времени во своему составу в организации ветеранов.

Русский Обще-Воинский Союз, по утверждению И.Б. Иванова, никогда не превращался в «ветеранскую» или «мемориальную организацию», а был и остается организацией борческой, целью которой была и остается борьба за Россию, хотя формы и методы ее изменялись в зависимости от конкретных условий и реальных возможностей. И хотя ныне РОВС, признавал капитан Иванов, не может рассматриваться как «кадр исторических полков Русской Императорской Армии», но на нем как преемнике и хранителе ее традиций лежит не менее важная историческая миссия - участие в строительстве принципиально новой армии, налаживание в ней политико-воспитательной работы на новых принципах и идеях, воспитание нового и настоящего офицера. Это означало решение сложного комплекса политических и идеологических задач. РОВСу предстояло участвовать в создании новой системы государственного воспитания нации, предложить свою конкретную программу этой деятельности, уделяя при этом особое внимание делу патриотического воспитания и военной подготовки российского юношества. В перспективе в Национальной России именно на РОВС, по мнению И.Б. Иванова, следовало возложить ответственность за это.

Все это, в конечном итоге, должно было способствовать уже сегодня строительству новой Русской Национальной Армии, выработке ее концепции, в том числе тщательной проработке политических и моральных аспектов, сохранению и подготовке в рядах РОВСа кадров для выполнения этой задачи, что и составляет главное содержание

военной стороны работы Союза. Перспективная же задача РОВСа в этом направлении виделась в непосредственном участии в проведении коренного военного и государственного строительства России²⁰.

В марте 2000 года в России состоялись президентские выборы. Новым президентом России стал В.В. Путин. Начало новой эпохи в истории России и ее политические перспективы вызвали живой интерес в стране и за рубежом. В журнале «Наши Вести», издание которого перешло в 90-е годы в руки отдела РОВСа в России, была опубликована передовая статья под названием «Что принесет России правление Путина?». В ней указывалось на две группы оценок прогнозистов, занимающих патриотическую позицию. Первая точка зрения заключалась в том, что новый президент, хотя и является «продуктом» КГБ, но тем не менее, не был тесно связан с компартией, а в отличие от Ельцина и Горбачёва заявляет о себе как о патриоте и стороннике сильного государства. К тому же, в условиях реально существовавшего политического выбора в ходе минувшей президентской кампании фигура Путина представлялась явно предпочтительнее других главных кандидатов (от КПРФ - Г.А. Зюганова и от «Яблока» - Г.А. Явлинского). Поэтому поддержка на выборах Путина представлялась единственно правильной позицией, а его правление должно было привести Россию к оздоровлению.

Другая точка зрения заключалась в том, что Путин пришел к посту президента не как самостоятельный политик, а как выдвиженец определенных кругов, «назначенный» Ельциным своим преемником. Он выдвигался не для того, чтобы проявлять на посту президента чрезмерную самостоятельность. Даже если предположить, что, став президентом, Путин может попытаться разорвать согласованные «кондиции», то выдвигавшие его люди из окружения Ельцина должны были заручиться гарантиями его преданности и позаботиться о том, чтобы «иметь петлю на его шее». Кроме того, аналитики, стоявшие на этой точке зрения, считали, что даже если Путин и освободится от «вожжей олигархов», то и тогда России нечего ожидать от бывшего офицера КГБ и, став президентом, он начнет продвигать к вершинам власти свое прежнее окружение.

Так или иначе, но в указанной статье констатировалось, что степень поддержки нового президента патриотическими кругами (а под ними подразумевались прежде всего члены и сторонники РОВСа) зависит от его практических действий²¹.

В 2000 году состоялось памятное и печальное событие в истории Русского Обще-Воинского Союза и Российского Зарубежья - 70-летие похищения в Париже председателя РОВСа генерала Кутепова. В связи с этим и в память выдающегося русского военачальника и одного из вождей Белого движения Русским Обще-Воинским Союзом в 2000 - 2001 учебном году был объявлен и проведен Всероссийский Кутеповский конкурс, участие в котором принимали учащиеся старших классов средних школ, кадетских корпусов, других средних учебных заведений, а также вузов.

Был определен широкий круг тем конкурсных работ, посвященных истории Белого движения и Русской Белой эмиграции. Конкурс преследовал цель популяризации этой тематики, привлечения молодежи к самостоятельному изучению истории Белого движения и последующей эмиграции.

Председатель РОВСа штабс-капитан В.А. Вишневский скончался в США после тяжелой болезни 8 сентября 2000 года. С этого времени центр руководства и деятельности Русского Обще-Воинского Союза переместился в Россию. В исполнение обязанностей председателя РОВСа вступил его первый заместитель капитан И.Б. Иванов. При этом он оставлял за собой должность начальника отдела РОВСа в России.

12 сентября 2000 года Иванов издал в Санкт-Петербурге свой приказ № 1 Русскому Обще-Воинскому Союзу. Главной в нем стала проблема судьбы и перспектив Союза. В приказе упоминалось об опросе, проведенном штабс-капитаном Вишневским среди членов зарубежной части РОВСа, который не выявил единства мнений. Опрос не был тайным и вызвал страстное обсуждение не только среди чинов Союза, но и среди активной части Российского Зарубежья. В этих условиях, указывалось в анализируемом документе, в эмиграции нашлись лица (не имеющие отношения к работе РОВСа, уточнялось в приказе), развернувшие активную агитацию не только за закрытие зарубежной

части Союза, но и его отдела в России, иначе говоря, за ликвидацию Русского Обще-Воинского Союза в целом.

В приказе нового председателя РОВСа категорически отвергались подобные суждения. «Со своей стороны я подтверждаю политическую линию РОВСа, определенную Основателем Союза - продолжение Белой Борьбы всеми возможными и доступными для нас средствами (выделено в тексте - В.Г.), как в эмиграции, так и, конечно, в России», - подчеркивал И.Б. Иванов в своем приказе. Вместе с тем, в нем указывалось на необходимость провести реорганизацию управления и организационной структуры Союза, утвердить новое «Положение о РОВСе», отвечающее условиям сегодняшней работы в эмиграции и России.

В приказе № 1 РОВСу были зафиксированы и некоторые организационные решения. Исполняющим обязанности заместителя председателя Союза был назначен капитан СВ. Волков, с оставлением его в должности представителя РОВСа в Москве. В состав Совета чинов РОВСа при председателе Союза были дополнительно назначены вышеупомянутый СВ. Волков и есаул Я.Л. Михеев, бывший некоторое время секретарем и казначеем РОВСа²².

Для того, чтобы укрепить связи с зарубежной частью Русского Обще-Воинского Союза, приказом № 2 РОВСу от 14 сентября 2000 года²³, в соответствии с предварительным согласованием, почетным председателем Союза был назначен атаман Всеволодского Войска Донского в Зарубежье и председатель Союза казаков Дона, Кубани и Терека, профессор Николай Васильевич Фёдоров. Последний, в свою очередь, уполномочил есаула Я. Л. Михеева быть своим заместителем-сотрудником в делах РОВСа.

9 декабря того же года капитаном Ивановым был издан приказ № 3 Русскому Обще-Воинскому Союзу. В нем, в частности, указывалось, что минувшие три месяца ушли на то, чтобы «сделать переключку» в Союзе, «выяснить каковы наши силы, средства и воля к продолжению Белой борьбы, на кого в эмиграции и в России мы можем рассчитывать, а на кого нам полагаться не следует». Сообщалось, что новый председатель РОВСа постарался связаться со всеми членами Совета чинов РОВСа при председателе Союза, с его представителями в разных странах, руководителями объединений и организаций, входящих в РОВС, с целью выяснения их мнения о порядке дальнейшей работы Союза. Большинство подразделений и представительств РОВСа была проведена серьезная работа по проведению Дня Непримируемости, 300-летия Российской Гвардии, 80-летия эвакуации Русской Армии из Крыма и начала Галлиполийского сражения и др.

Из принципиальных вопросов жизни и деятельности Русского Обще-Воинского Союза в этом приказе была поднята проблема разработки и утверждения нового «Положения о РОВСе». Этот вопрос ставился при трех предшествовавших председателях Союза. Но при поручике Гранитове практических шагов в этом направлении не было предпринято. Капитан Бутков успел рассмотреть представленный ему проект изменений, но не утвердил нового «Положения», т.к. считал необходимым его доработать. Штабс-капитан Вишневский остановил работу по выработке «Положения» до выяснения поставленного им вопроса о возможностях продолжения работы РОВСа.

Капитан Иванов подчеркивая в своем приказе № 3, что выработка и утверждение нового «Положения» - «одна из наших важнейших внутриорганизационных задач». Была образована Комиссия по выработке нового «Положения о Русском Обще-Воинском Союзе» в составе членов Совета при председателях РОВСа, а именно: капитана, доктора СВ. Волкова, есаула, инженера Я.Л. Михеева, штабс-капитана Д.Г. Браунса, штабс-капитана В.Ф. Жукова, подесаула АА. Голубинцева, профессора Н.Е. Гиацинтова. Председателем Комиссии был назначен заместитель председателя РОВСа, капитан, доктор исторических наук СВ. Волков. Проект «Положения о РОВСе» должен был быть представлен не позднее 10 февраля 2001 года.

В этом же приказе № 3 были подведены итоги опроса и обмена мнениями о продолжении деятельности РОВСа и прежде всего о судьбе его зарубежной части, который был инициирован прежним председателем Союза штабс-капитаном Вишневским. В

связи с этим группа эмигрантов, старых членов РОВСа во главе с атаманом, профессором Н.В. Фёдоровым выступила от имени ряда военных эмигрантских организаций с обращением, отрывок из которого был приведен в приказе. В нем содержался призыв не допустить закрытия РОВСа, ибо это «ОТРЕЗАЕТ ГОЛОВУ НАЧИНАЮЩЕМУ УКРЕПЛЯТЬСЯ Отделу РОВСа в России и РАЗВИТИЮ БЕЛОГО ДЕЛА (выделено в тексте - В.Г.)». Расформирование РОВСа называлось «моральным дезертирством». Подводя в своем приказе итог состоявшемуся в ходе дискуссии обмену мнениями, председатель РОВСа капитан Иванов указывал, что теперь вопрос о продолжении деятельности или закрытии Союза снят: «Все живое, инициативное, не сломленное, верное и верящее, помнящее старый девиз РОВСа, что «и один в поле - воин» - продолжает Белую борьбу».

Вместе с тем, в указанном приказе РОВСу указывалось на сложность современной ситуации в России, когда в власти приходит «новая» элита - выходцы из КГБ, подминающая под себя на руководящих постах ельцинские «второй и третий эшелоны» бывших партаппаратчиков КПСС, что может заставить Союз работать на положении «полуподполья».

Тем же приказом № 3 председателем РОВСа были внесены изменения в пункт 17 действующего «Положения о РОВСе, касающийся зачисления в Союз. Было снято ранее действовавшее требование о рекомендациях и допускалось зачисление в состав РОВСа членами-соревнователями лиц, которые в силу уважительных причин не могли представить требуемые рекомендации от чинов Союза или руководителей Патриотических организаций, но полностью разделяли Белую идеологию и отвечали предъявляемым требованиям. Для таких лиц устанавливался срок два года для перевода в действительные члены (с рекомендациями - один год). Внесение этого изменения призвано было ускорить численный рост РОВСа. Было внесено и еще одно организационное изменение: переименование в традиционные чины (звания) Русской Армии (Флота) по РОВСу лиц, имеющих воинские чины (звания), полученные в Вооруженных Силах РФ или других армий, теперь производилось только одновременно с зачислением в действительные члены РОВСа (ранее это практиковалось уже для членов-соревнователей)²⁴.

Но приказ председателя РОВСа № 3 от 9 декабря 2000 года не завершился, как предполагалось, дискуссией в Русском Обще-Воинском Союзе по вопросу о дальнейшем существовании Союза и прежде всего о его зарубежной части. В начале декабря за рубежом произошло событие, на которое председатель РОВСа отреагировал своим приказом от 19 декабря 2000 года. В нем говорилось, что секретарь РОВСа Браунс Д.Г., пойдя на грубое нарушение воинской дисциплины, по своей инициативе и без ведома кого-либо из вышестоящих руководителей РОВСа, разослал по эмигрантским организациям «подметные письма», в которых от своего собственного имени пытался объявить о «закрытии» зарубежной части РОВСа и о «передаче» некоторых реликвий и архивов, принадлежащих РОВСу, на сохранение другой организации - «Объединению Бывших Российских Кадет». В результате тем же приказом Д.Г. Браунс был освобожден от должности секретаря РОВСа и исключен из Союза. Дела и печать РОВСа передавались прежнему секретарю Союза - есаулу Я.Л. Михееву²⁵.

Вместе с тем, указанный приказ не исчерпал данную тему. 4 февраля 2001 года последовало специальное заявление Русского Обще-Воинского Союза, подписанное его руководителями Н.В. Фёдоровым и И.Б. Ивановым²⁶. В нем выражались недоумение и протест в связи с публикациями рядом печатных изданий объединений российских зарубежных кадет сообщений о том, что зарубежная часть РОВСа, якобы, официально закрыта, а его архивы и реликвии передаются «Объединению Российских Кадет за рубежом». Руководители РОВСа потребовали публикации опровержений, заявляя, что в противном случае происшедшее будет трактоваться как провокация «в отношении старейшей Белой антикоммунистической организации», направленная на подрыв и дезорганизацию ее работы.

В 2001 году в Санкт-Петербурге по инициативе нового руководства Русского Обще-Воинского Союза началось издание журнала «Вестник РОВСа», ставшего ценным

источником информации о его проблемах и деятельности, средством поддержания связи между русской и зарубежной частями Союза и, наконец, собирания и консолидации его сторонников внутри России.

1 сентября 2001 года был издан приказ РОВСу № 13, посвященный 77-летию Союза. Наряду с поздравлением чинов РОВСа и прежде всего белых воинов - ветеранов Союза во главе с его старейшим членом и почетным председателем Н.В. Фёдоровым в приказе содержалась резко критическая оценка процессов, происходящих в современной России, и констатировалась очевидность того, что путь к возрождению страны будет мучительно долгим. «Время сейчас работает не на Россию, - подчеркивалось в этом документе. - Чем дольше в стране продержится режим образца Ельцина - Путина или ему подобный, тем меньше у России останется надежд когда-нибудь вновь подняться с колен».

В приказе указывалось, что партийно-советская паразитарная элита (или анти-элита), ведущая свою родословную с октября 1917 года и под тем или иным видом правящая в России уже 84 года, не сдаст своих позиций без борьбы. Вопрос заключался только в том, выльется ли эта борьба в политические формы (что было бы предпочтительнее, но на что не много надежд) или станет новым витком периодически вспыхивающей на протяжении всех 84 лет гражданской войны. В этих условиях ставились главные задачи РОВСа: довести до русского народа те христианские и патриотические идеалы, за которые с оружием в руках сражалось Белое движение; указать народу правильные духовные, нравственные и политические ориентиры; способствовать формированию в России подлинного национально-патриотического движения, которое смогло бы завершить дело Белого движения; подготовить идейную и морально-нравственную основу для будущего строительства Российской Национальной Армии²⁷.

30 ноября 2001 года был издан приказ РОВСу, специально посвященный исполнившемуся в этот день 100-летию почетного председателя Союза профессора Н.В. Фёдорова²⁸. 15-летним гимназистом он вступил в отряд белого партизана есаула В.М. Чернецова, а затем всю Гражданскую войну прошел в рядах белых на Юге России. После эвакуации находился в военном лагере Чилингир, а затем на острове Лемнос и в Болгарии. Вся последующая жизнь и научная карьера Николая Васильевича была связана с США, куда он переехал в 1929 году. Он изучал и преподавал гидравлику в американских университетах. Был удостоен звания профессора, почетного члена Американской ассоциации прогресса науки, Нью-Йоркской академии наук и ряда других обществ и организаций. С другой стороны, вся его жизнь была связана с донским казачеством в эмиграции. В 1965 году Фёдоров был избран атаманом Всевеликого Войска Донского за Рубежом, а затем и председателем Тройственного Союза казаков Дона, Кубани и Терека.

Н.В. Фёдоров скончался в США 28 сентября 2003 года. Со смертью последнего Белого воина, до конца дней своих являвшегося почетным председателем РОВСа, ушли в историческое прошлое и сами понятия Русская белая эмиграция и Русское военное Зарубежье, охватывавшие участников Белой борьбы в России эпохи Гражданской войны 1917-1922 годов. Эстафета перешла в руки их потомков и идеологических преемников.

19 февраля 2004 года в соответствии с приказом РОВСу № 36 капитан И.Б. Иванов вступил в должность председателя РОВСа (ранее он был исполняющим эти обязанности) и утвердил почетным председателем этого Союза есаула Я. Л. Михеева²⁹, который с декабря 2003 года являлся и атаманом Всевеликого Войска Донского за Рубежом.

Русский Обще-Воинский Союз, как в годы советской власти, так и в постсоветский период, всегда особое внимание уделял положению в вооруженных силах страны. Время президентства В.В. Путина не стало исключением из правил. В деятельности нового президента укрепление личной власти и государственности играло особую роль, и здесь нельзя было обойтись без армии. Тем более, что еще в период премьерства Путина начался новый этап военных действий в Чечне, именуемый в дальнейшем офици-

ально «контртеррористической операцией», а в публицистике - «второй чеченской войной». Но особое значение для нового президента имело установление полного контроля над армией. В марте 2001 года В.В. Путин назначил на пост министра обороны своего старого товарища еще по службе в УКГБ Ленинграда С.Б. Иванова, работавшего в дальнейшем в 1-м и 2-м Главных управлениях КГБ. По мнению руководства РОВСа, этим назначением «армии было нанесено оскорбление»³⁰. Возмущенные заявления РОВСа вызвало восстановление в Вооруженных Силах России большевистской символики: красного знамени и пятиконечной звезды на армейском знамени.

По мнению руководства РОВСа, «армия в идейном отношении продолжает оставаться наиболее консервативным и наиболее просоветским институтом», для нее характерны «технический развал и катастрофическое моральное разложение», а во главе армии «стоят люди, неспособные (либо не ставящие перед собой такой задачи) сделать из нее эффективный инструмент для защиты национальных интересов».

В публикуемых на страницах «Вестника РОВС» материалах дается характеристика кризисной ситуации в вооруженных силах страны, как в стратегических ядерных силах (ракетные войска стратегического назначения, морские стратегические ядерные силы и стратегическая авиация), так и в силах общего назначения, сухопутных войсках, ВМС и ВВС. С тревогой констатируя военно-технический упадок, отсутствие закупок современных систем вооружений, указывалось на то, что к 2010 - 2015 годам Россия может фактически лишиться полноценного ядерного щита. Вооруженные силы страны не в состоянии адекватно противостоять стратегическим угрозам со стороны США, НАТО, Китая и др. По мнению руководителей и аналитиков РОВСа, руководством страны и вооруженных сил допускаются серьезные и трудноисправимые ошибки в военно-стратегическом планировании, оборонной политике, военном строительстве и др. Но угрозы и риски безопасности России связаны не только с военными, военно-политическими и военно-экономическими, но и с социальными, демографическими и другими проблемами, вытекающими из катастрофических результатов и последствий предшествующей ельцинской политики. Высочайшая смертность и низкая рождаемость в стране ведут к тому, что в ближайшие 20-30 лет в России не будет людских ресурсов для пополнения вооруженных сил³¹.

Перечисленный набор действительно существующих тяжелейших проблем и серьезных угроз, с которыми столкнулась современная Россия не может не волновать людей мыслящих и патриотически настроенных (заметим к тому же - исповедующих различные политические взгляды), думающих о завтрашнем дне страны. Центральный вопрос - это стратегия решения существующих проблем, пути, способы и последовательность выхода из кризиса. Для руководства РОВСа такой путь видится в отстранении от власти всего правящего слоя (а не только президента Путина) с тем, чтобы у руля власти как можно скорее оказалось «русское национально мыслящее руководство».

Лидеры Союза полагали, что должны произойти глубокие перемены в военной политике и военном строительстве, при этом особое внимание должно уделяться проблемам воспитания, морали, нравственности, традиций, боевого духа. И здесь опыт российской военной истории, традиции Императорской и белых армий призваны, по мнению руководителей Русского Обще-Воинского Союза, сыграть исключительно важную роль. С этой точки зрения особое внимание должно уделяться военно-патриотической работе с молодежью, подрастающим поколением. Но в последние годы, как следовало из документов и материалов Русского Обще-Воинского Союза, заявлений его руководящих деятелей, возможности РОВСа в использовании средств массовой информации, доступа для работы в войсках, с военной молодежью, в созданных кадетских корпусах серьезно ограничивались и перекрывались, а Белая работа в России сталкивалась с растущим противодействием. Это объяснялось внутривнутриполитическими переменами.

Серьезную озабоченность руководителей и членов РОВСа вызывала и вызывает утрата геополитических позиций России в мире. В начале 2002 года ежемесячное издание «Белый Листок», выходящее в г. Ланарке (провинция Онтарио, Канада) под редак-

цией последнего начальника отдела РОВСа в Канаде полковника Г.М. Моисеева, так прокомментировало решение президента В.В. Путина покинуть русские военные базы на Кубе и во Вьетнаме: «Никак нельзя оставлять кубинскую базу, ни в коем случае нельзя уходить из Юго-Восточной Азии, никак нельзя терять возможности иметь там свои точки, особенно если учесть постоянное продвижение американского окружения русского пространства....Под каким бы названием ни была сегодня Россия, при каком бы ни была правительстве, а покидать необходимые точки опоры в глобальных размерах не только в военном смысле, но и в дипломатическом, никак и никогда не следует». Полковник Моисеев указывал, что «Россия теряет влияние в арабском мире, в Африке, в Южной Америке, в Европе не может отмахнуться от натовских поползновений, а тут извольте - уходим из наших баз, и делайте там, что хотите. Это уж никак не великодержавная политика». «Но может быть, - размышлял и заключал автор «Белого Листка», - Путин и не желает видеть Россию Державной?»³².

В 2003 - 4 годах на страницах двух номеров официального издания Русского Обще-Воинского Союза журнала «Вестник РОВС» была опубликована большая статья «Из пут», в названии которой обыгрывались, таким образом, и фамилия президента России и сложные политические процессы, происходящие в стране, в том числе оппозиционные власти настроения и действия, имеющие место в вооруженных силах и офицерском корпусе страны, направленные, в конечном счете, на то, чтобы вывести Россию из того тяжелейшего положения, в котором она оказалась. Хотя данная статья была опубликована без указания авторства, со скромным подзаголовком «Записки офицера РОВСа», она носила, по существу программно-оценочный характер. Анализируя политику современного режима, в статье подчеркивалось, что его внутривнутриполитический курс можно сформулировать так: «Все спутать в сознании народа, дабы продолжать крепко удерживать его в путях советского наследия». «Первоочередная задача Русского Национального (то есть Белого) движения как раз и состоит в том, чтобы как можно скорее выпутать сознание россиян из этих пут», - указывалось в статье.

Проводя историческую взаимосвязь между Гражданской войной в России 1917-1922 годов, событиями последующих десятилетий и современностью, в указанной статье подчеркивалось: «До сих пор Белые не признавали и не признают законности существующего в России режима -юридически и практически являющегося наследником режима большевистского. А если так, то в Гражданской войне, развязанной Лениным и его кликой против русского народа, даже и формальную точку поставить нельзя». Современная фаза уже более чем восьмидесятилетнего противостояния народа и антинародной власти определялась как «холодная гражданская война». На действующую власть возлагалась ответственность за происходящую «социальную бойню», когда ежегодная смертность составляет до 2 млн. человек, 600 тыс. из которых составляют трудоспособные люди (из них 80% мужчины), гибель которых была обусловлена в основном социальными причинами³³.

Специальный раздел характеризуемой статьи был посвящен резкой критике КГБ и прежде всего его Первого Главного Управления (ЛГУ) (политическая разведка), выходцем из которой был, как известно, президент Путин и ряд его современных сподвижников. Приведем лишь некоторые наиболее резкие заявления, прозвучавшие здесь. Ссылаясь на материалы так называемого «суда над КПСС», указывалось, что в конце 1980-х -1991 годах КГБ активно занимался тайными финансовыми махинациями. «Именно ПГУ КГБ сыграло важнейшую роль в деле тотального ограбления народа и формирования в стране сегодняшней антинациональной олигархической системы», - подчеркивалось в издании РОВСа. В результате вчерашняя партноменклатура и кегэбешники превратились в крупнейших «бизнесменов» и «банкиров», сегодняшних хозяев обворованной страны. «Нетрудно понять..., почему клика ПГУ КГБ в 2001 году вдруг оказалась у власти, и чьи интересы она сегодня защищает на самом деле»³⁴, - резюмировалось в статье. Очевидно, что подобные заявления и обвинения были направлены непосредственно против президента В.В. Путина.

С большой озабоченностью в статье говорилось о попытках заигрывания современных российских властей с эмиграцией, использовании монархических лозунгов, создании лжемонархических партий и движений и даже получении бывшими высокопоставленными коммунистами, вошедшими в современную правящую элиту, эмигрантских орденов и потомственного дворянства.

Во второй части статьи «Из пут», опубликованной в 2004 году, речь шла об оппозиционных власти настроениях и действиях в российских вооруженных силах в связи с такими событиями, как созыв в 2003 году в Москве так называемого «Общероссийского офицерского собрания» и попытке создания новой общественно-политической организации - «Военно-державного союза России» (ВДСР).

Инициаторами созыва «Общероссийского офицерского собрания» выступили такие организации, как Союз Офицеров, Союз Советских Офицеров, Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки, Союз казаков России и др., при активной поддержке КПРФ и целого ряда мелких политических партий и движений, претендующих на олицетворение патриотической платформы. Это собрание приняло решение о вынесении предупреждения о неполном служебном соответствии министру обороны СБ. Иванову и выразило недоверие начальнику Генерального штаба А.В. Квашнину и секретарю Совета безопасности В.Б. Рушайло. Итогом этого форума стало решение о создании «Военно-державного союза России», призванного объединить деятельность офицерских организаций с деятельностью патриотической общенности страны, включая партии и общественные движения, на идее сопротивления интервенции». Стратегической целью ВДСР было провозглашено «приведение к власти национально-патриотических сил»³⁵. Оппозиционность воплощалась прежде всего в отрицательном отношении к декларируемой властью «военной реформе» и недооценке ею стоящих перед Россией проблем и нависших над нею угроз.

Эта «военная оппозиция» состояла в абсолютном большинстве своем из бывших офицеров и генералов (нередко высокопоставленных в прошлом). Она не вызывала симпатий РОВСа в силу ее социалистической направленности и приверженности соответствующим идеалам. По мнению руководителей РОВСа, в негласном противоборстве враждующих кланов - Армии (в недавнем прошлом - Советской Армии) и ФСБ (ранее КГБ) (а именно при помощи чекистов и посредством их продвижения на ключевые посты в вооруженных силах новый президент и стремился установить контроль над армией) в любом случае, по мнению РОВСа, проигрывал русский народ. Сохранение существующей власти оценивалось как «верная дальнейшая деградация и смерть страны, которая может наступить уже в ближайшее десятилетие».

В противовес обозначенной перспективе единственным и спасительным путем для России руководству РОВСа виделось: 1) возвращение к традиционным Духовным ценностям Русского народа; 2) устранение от власти старой советской паразитической элиты; Национально мыслящее Русское правительство; правопреемство от Российской Империи, а не от СССР; немедленное изменение политического курса в соответствии с национальными интересами; 3) полное искоренение советчины; суд и официальное осуждение коммунизма со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями; реституция; призывание к ответственности наследников коммунистического режима за преступления перед Русским народом, совершенные после 1991 года; 4) создание РУССКОЙ Армии на основе лучших исторических традиций Российского Воинства; всемерное укрепление боевой мощи - как важнейшая государственная задача; воссоединение искусственно расчлененных коммунистической элитой Русских Земель; восстановление России в ее исторических границах³⁶.

Одним из мотивов конфронтации организаций современного РОВСа с властями России являлись и являются утверждения руководителей Союза о засилии чекистов, начиная с самого президента В.В. Путина, в современных органах власти и управления в стране и покрытии ими большевистских преступников, фактической реабилитации и прославлении Дзержинского и его коллег и соратников из органов ВЧК-ГПУ-КГБ. Особое раздражение у руководителей РОВСа вызывает празднование сотрудами

российских спецслужб своего профессионального праздника 20 декабря (в день основания ВЧК, из чего и проистекло советское название праздника - «День чекиста»), сопровождаемое обычно личным участием президента Путина в этих торжествах.

Возмущение руководителей Русского Обще-Воинского Союза вызывают все чаще звучащие в последние годы в российских средствах массовой информации (в том числе из уст сотрудников спецслужб) заявления о заслугах отечественной разведки и контрразведки в деле борьбы с белой эмиграцией (в том числе посредством проведения спецопераций и похищения председателей РОВСа генералов Кутепова и Миллера), демонстрация на телеэкранах страны фильма из сериала «Лубянка», посвященного борьбе советских спецслужб с РОВСом в 20-30-е годы и др.³⁷

Последовательно критикуя российские спецслужбы, связанные, якобы, своими традициями и корнями с ВЧК-ОГПУ-КГБ, и «партию КГБ» у власти, руководители РОВСа в России, вместе с тем, внимательно следят за отношением последних к Союзу. На страницах журнала «Вестник РОВС» в 2003 году был опубликован на эту тему материал со ссылкой на газету «Версия», которая на свой запрос получила ответ из ФСБ, что это ведомство «не располагает фактами участия РОВСа в экстремистской деятельности». Но вслед за этим прозвучало следующее утверждение представителей Союза: «Мы располагаем фактами, что ФСБ не приветствует деятельность РОВСа, перебравшегося из эмиграции в город на Неве. Но если нет экстремизма, то причина недружелюбия может быть только одна - идеологические соображения»³⁸.

Предметом особой озабоченности РОВСа и родственных ему организаций стало периодическое появление в российских и зарубежных СМИ сообщений о планах перезахоронения праха ряда видных генералов эмигрантов (П.Н. Врангеля, А.И. Деникина) в Россию. Дело в том, что в свое время главнокомандующий Русской Армией, основатель и первый председатель РОВСа генерал Врангель завещал при благоприятных политических переменах в России перезахоронить его прах на Родине. Но современное руководство Русского Обще-Воинского Союза, весьма негативно оценивая современную ситуацию в России и политику ее властей, отрицательно относится к их попыткам взять в свои руки инициативу перезахоронения праха барона П.Н. Врангеля (как и А.И. Деникина) в России. По мнению РОВСа, «перезахоронение Белых Вождей руками чекистов - это, прежде всего, попытка нейтрализовать влияние Белой Идеи, сбить с толку ее потенциальных сторонников». Идея властей о перезахоронении белых генералов трактовалась и как очередная «кость», которую Кремль бросает Русскому Зарубежью. В этом контексте посещение президентом Путиным Сен-Женевьев де Буа комментировалось как попытка расположить к себе и приручить Русское Зарубежье, точнее - его остатки, перессорившиеся между собой и дезориентированные. Подобные действия объяснились, наконец, и как стремление современных российских властей к консервации советского наследия: «Раз мы перезахораниваем даже (!) Белых генералов - этих «врагов народа», то, как же вы можете после этого говорить о сносе мавзолея Ленина и памятников советским руководителям!?? Это не демократично! Давайте уважать и красных героев!»³⁹.

Поэтому в 2004 году «Вестник РОВС» поспешил не без удовлетворения сообщить своим читателям о том, что семья покойного главнокомандующего Русской Армии и председателя РОВСа заявила о том, что не считает возможным перезахоронение его праха на Родине, так как «в РФ не существует моральных и политических условий для этого». Издание РОВСа прокомментировало это заявление внука генерала Врангеля, сделанное осенью 2003 года, следующим образом: «Было бы кошунством, если бы прах Белого Вождя покоился там, где еще возвышается ленинский мавзолей и памятники другим большевистским преступникам»⁴⁰.

Отрицательно руководство РОВСа отнеслось и к договоренности дочери генерала Деникина с руководством России о перезахоронении праха отца на родине⁴¹. Как известно, это событие произошло в Москве 3 октября 2005 года. РОВС выступил в связи с этим с осуждающим заявлением.

Русский Обще-Воинский Союз с большой тревогой следит за происходящим в последнее время процессом сближения Русской Православной Церкви Заграницей (большей ее частью во главе с митрополитом Лавром, в то время как меньшая ее часть во главе с митрополитом Виталием стоит на других позициях) с Московской Патриархией, опасаясь возможного слияния и самоликвидации РПЦЗ. Руководители РОВСа не без серьезных на то оснований рассматривают происходящее как часть большого политического процесса, в котором важную роль играет президент России В.В. Путин. В политическом плане объединение церковей означало бы, по мнению лидеров РОВСа, «конец существования Белой эмиграции как исторического явления», так как в условиях многообразия организаций и настроений эмиграции именно РПЦЗ символизировала общность и сущность ее. Полагая, что упразднение Русской Православной Церкви Заграницей означало бы «примирение и согласие» с существующим, атеистическим по сути своей режимом, только использующим православный декор, и, более того, с сохраняемыми и возрождаемыми им традициями «советчины», руководители Русского Обще-Воинского Союза резко выступают против этого. Смысл объединения, по их мнению, «объективно сводится к элементарному предательству РПЦЗ тех основ, на которых она возникла»⁴².

С вышеизложенным в определенной степени связана и еще одна острая и актуальная проблема - это сохранение исторических ценностей и реликвий Русского Зарубежья. Дело в том, что иконы, а часто и русские знамена, и штандарты, вывезенные за границу Русской Армией и другими белогвардейскими частями, хранятся именно в русских православных храмах. В последние годы власти Российской Федерации широко развернули действия, направленные на возвращение исторических и культурных ценностей на родину. В противовес этому в информационных материалах и печати РОВСа, в приказах его председателей подчеркивается необходимость энергично противодействовать этому процессу. В одном из приказов РОВСу капитана И.Б. Иванова, например, специально указывалось, что боевые знамена могут быть переданы только Российскому Национальному Правительству и возрождающему Российскому Воинству, а не властям современной Российской Федерации, считающим страну преемницей СССР и отказывающим белогвардейцам в реабилитации. Предписывалось обеспечение безопасности знамен и штандартов Императорской и Белых армий, запрет передачи их кому-либо и возвращение их на родину только при условии благоприятных политических перемен в России и только по приказу председателя РОВСа. В случае невозможности предотвратить захват или выдачу в Российскую Федерацию или в другую часть расчлененной России русских воинских знамен и штандартов предписывалось их уничтожение, дабы не допустить поругания священных хоругвей Русского Воинства⁴³.

РОВС и его отдел в России прилагали и прилагают большие усилия, направленные на популяризацию истории и идеологии Белого дела и Белого движения в современной России. Именно эту цель преследовал состоявшийся 15-16 июля 2003 года в Санкт-Петербурге и Царском Селе 1-й Съезд представителей печатных и электронных изданий, освещающих вопросы истории, идеологии и современного наследия Русского Белого движения. В нем приняли участие 25 официальных делегатов от 17 изданий из России и Русского Зарубежья.

В выступлении председателя РОВСа И.Б. Иванова с сожалением констатировалось, что в постсоветское время российская власть, связанная своим происхождением с коммунистическим режимом, оказалась не заинтересована в разрушении прежних мифов о Белой борьбе и Белом движении и в правильном духовно-нравственном, идейно-политическом и историческом ориентировании народа⁴⁴. Поэтому задачей печатных и электронных изданий, целенаправленно освещающих вопросы Белого движения (которых в настоящее время существует в общей сложности более двадцати), и являлось исправление сложившейся ситуации, а Съезд был призван наладить их взаимодействие и сделать их работу более эффективной.

Лейтмотивом в выступлениях и обсуждении оказался вопрос о современном значении Белой идеи и Белой борьбы. «Белая Идея противостоит как коммунистиче-

скому тоталитаризму, так и криминальной капиталистической олигархии, - подчеркивалось в выступлении руководителя Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа И.В. Огурцова. - В своем развитии она стремится к разрешению социальной проблемы на основе заложенных в христианско-православной цивилизации ценностей, открывающим России путь к новым формам социума, основанного на справедливости»⁴⁵.

В резолюции Съезда указывалось, что «возрождение Великого, Единого, Свободного Российского Государства возможно лишь с опорой на духовные ориентиры и традиции Исторической России, через осознание Русским народом своей Истории, уважительное отношение к подлинным Героям и Святыням Отечества». Поэтому «борьба за восстановление исторической правды о Русском Белом Движении - есть часть борьбы за будущее России», - подчеркивалось в этой резолюции. Было решено создать общую информационную систему и систему распространения изданий о Белом движении в крупных городах и региональных центрах России и Зарубежья⁴⁶.

15 ноября 2004 года в Москве состоялся 2-й Съезд представителей печатных и электронных изданий, освещающих вопросы истории, идеологии и современного наследия Русского Белого движения. Его главным организатором стала редакция альманаха «Белая Гвардия». В этом форуме приняли участие представители около двадцати печатных и электронных изданий из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя и других городов.

Особое значение в деятельности современного руководства Русского Обще-Воинского Союза имеет расширение сети его представительств и организаций на территории не только Российской Федерации, но и Исторической России, с целью воссоединения в очередной раз русских земель и консолидации их вокруг Москвы. С этой точки зрения весьма значимой ему представляется работа РОВСа на Украине (в Малороссии), борьба с украинским сепаратизмом и национализмом. В 2003 году на страницах журнала «Вестник РОВС» была помещена большая статья под рубрикой «Воссоединение и сепаратизм»⁴⁷, опубликованная по материалам брошюры С. Родина «Похищение Руси. Историческое исследование. «Украинцы»: их происхождение, подлинная история и реальное настоящее». В 2004 году представительство РОВСа на Украине получило статус отдела Русского Обще-Воинского Союза, который возглавил бывший представитель РОВСа в Киеве поручик И.В. Родин.

15 декабря 2004 года во время политического кризиса на Украине и разгоравшейся «оранжевой революции» РОВС выступил с резким заявлением, в котором в частности говорилось: «Для всех ясно, что исход дела на Украине во многом определит не только дальнейшую участь этой важнейшей составной части бывшей Российской Империи, но и прямо определит судьбу РФ и всего Содружества Независимых Государств (СНГ). Поэтому именно они, и только они, а не кто-либо другой, имеют реальные правовые основания участвовать в урегулировании создавшейся ситуации и в любой форме противодействовать иноземному вмешательству в дела Украины, ибо Украина - является членом СНГ, а не членом НАТО, ЮС и т.п. инородных структур!»⁴⁸. К сожалению, как и предполагалось, власти России не смогли предпринять сколько-нибудь действенных мер для разрешения украинской ситуации в общих интересах народов России, Украины, СНГ, для укрепления славянского единства и воссоздания Евразийского пространства, Исторической России.

Важное место в деятельности Русского Обще-Воинского Союза, отдела РОВСа в России и его представительств на местах занимала в последние годы и занимает сегодня проблема реабилитации вождей и видных деятелей Белого движения, увековечения их памяти посредством установления памятников, мемориальных досок, проведения вечеров их памяти и т.п. Эта деятельность происходит в нелегких условиях и часто не дает желаемых результатов, а бывает, что дает и результаты, обратные ожидаемым.

В 1997 году Военная Коллегия Верховного суда РФ пересмотрела дело генерала П.Н. Краснова, осужденного к смертной казни в 1947 году, и признала его не подлежащим реабилитации. В 1999 году Военный Суд Забайкальского военного округа, рас-

смотрев вопрос о реабилитации адмирала А.В. Колчака, признал предпринятую в отношении его Иркутским военно-революционным комитетом в 1920 году меру воздействия в виде расстрела обоснованной⁴⁹.

Еще обиднее обстояло дело с попыткой реабилитации бывшего командира 15-го казачьего кавалерийского корпуса войск СС генерала Гельмута фон Паннвица, осужденного к смертной казни в 1947 году. 22 апреля 1996 года Главная военная прокуратура официально признала: «...фон-Паннвиц в период Великой Отечественной войны являлся гражданином Германии, военнослужащим немецкой армии и выполнял свои воинские обязанности. Данных о том, что фон-Паннвиц или подчиненные ему части допускали зверства и насилия в отношении мирного населения и пленных красноармейцев в деле не имеется. В связи с этим следует признать, что фон-Паннвиц ... осужден необоснованно». Но через пять лет Главная военная прокуратура вернулась к делу генерала и вынесла уже другое решение. По заключению начальника Управления реабилитации жертв политических репрессий, генерал-майора юстиции В.К. Кондратова, генерал фон Паннвиц «за совершенные преступления осужден обоснованно ... и реабилитации не подлежит»⁵⁰.

В деле увековечения в России памяти видных деятелей Белого движения путем установления мемориальных досок и памятников у русских антикоммунистов и членов РОВСа есть определенные успехи. 30 августа 2003 года, например, на острове Русский к югу от Владивостока состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски на доме, где в 1913-14 годах жил генерал Л.Г. Корнилов, тогда командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии. Мемориальная доска была сооружена на пожертвования чинов Русского Обще-Воинского Союза, и в торжественной церемонии ее открытия участвовали представитель РОВСа в г. Владивостоке В.А. Козько, представитель Союза в г. Уссурийске А.Ю. Бушин и члены РОВСа. 13 декабря 2003 года в г. Сальске (Ростовская область) состоялось открытие памятника генерал-лейтенанту С.И. Маркову, погибшему 25 июня 1918 года у станции Шаблиевка. Огорчительным, правда, для местных антикоммунистов и чинов РОВСа оказалось то обстоятельство, что памятник открывали под звуки гимна РФ, который его противники традиционно именуют советским гимном, а сама церемония открытия прошла, по их оценке, в духе идеологической установки ее организаторов на «согласие и примирение белых под красными»⁵¹.

4 ноября 2004 года в Иркутске был открыт памятник адмиралу А.В. Колчаку. Но его установление сопровождалось серией публичных скандалов. Это сопровождалось заявлениями властей, что это памятник ему не как Верховному Правителю, а научному и военно-морскому деятелю России. Огорчительным для антикоммунистов оказался и тот факт, что автором памятника явился В.М. Клыков, человек прокоммунистических взглядов, публично заявивший, что «этот памятник не столько Колчаку, сколько примирению»⁵². К тому же, иркутские коммунисты организовали сбор подписей за снос этого только что установленного памятника.

Усилия по установлению аналогичных памятников предпринимались и на территории некоторых ныне ставших самостоятельными государств. Например, 8 августа 2003 года в Эстонии, в г. Нарва на месте братского кладбища воинов Северо-Западной армии генерала Юденича состоялось открытие нового мемориала. У братской могилы белых воинов была отслужена панихида митрополитом Таллинским и всея Эстонии Корнилием⁵³.

Важной задачей Русского Обще-Воинского Союза являлось и является установление и развитие связей с возникающими в разных странах организациями потомков русских эмигрантов, осуществление тех или иных совместных акций с ними. Это относится в первую очередь к славянским странам, где существовали в свое время крупные эмигрантские колонии и многочисленные организации РОВСа, - Болгарии и Чехословакии. После так называемых «бархатных революций» в них возникли условия для создания союзов и обществ, связанных своими корнями с существовавшими и действовавшими здесь несколько десятилетий назад организациями.

В 1992 году в Болгарии был зарегистрирован «Союз Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии». Ныне в рядах этой организации состоят в основном представители второго поколения русской послереволюционной эмиграции. Среди задач этого Союза: прекращение ассимиляции русских в Болгарии; объединение представителей различных волн русской эмиграции; установление и поддержание связей с русскими Белыми организациями в России и других странах Русского Зарубежья. Союз издает газету «Белая Волна», редактором которой является инженер, доктор Л.Е. Ходкевич, председатель «Союза Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии», сын белого офицера, полковника Е.И. Ходкевича. Союз учредил свою медаль в память 80-летия окончания Гражданской войны в России, которая была вручена, в частности, председателю РОВСа И.Б. Иванову, посетившему Болгарию по приглашению этой организации в мае 2002 года. Была согласована программа сотрудничества, направленная на дальнейшее укрепление связей с Белыми организациями в России и в странах русского рассеяния.

В 1993 году в Чехии потомки русских эмигрантов создали Комитет «Они были первыми». Это официально зарегистрированная организация, членами которой являются граждане Чешской республики. Цель Комитета - восстановить память о похищенных советскими спецслужбами и погибших в сталинских лагерях российских эмигрантах. За время работы Комитета проведено несколько научных конференций, осуществлены публикации. В г. Пржибрам, в Средней Чехии в Музее третьего сопротивления создана постоянная экспозиция «Преддверие ада, или Из Чехии в ГУЛАГ». При поддержке чешского правительства были открыты мемориальные доски, посвященные жизни и деятельности российских эмигрантов - жертв ГУЛАГа.

В 1995 году парламент Чехии признал ответственность чехословацкого правительства за трагическую участь чехословацких граждан и других лиц, отправленных из Чехословакии в ГУЛАГ, принес официальные извинения и выразил всем, кто остался в живых, или потомкам репрессированных свое соболезнование. В 2002 году в Чехии был принят закон о выплате чехословацким жертвам ГУЛАГа денежной компенсации. В 2003 году в Чехии по инициативе Комитета «Они стали первыми» был отмечен 120-летний юбилей со дня рождения генерала С.Н. Войцеховского, о котором уже шла речь в нашей книге. Президент страны В. Гавел посмертно наградил генерала Войцеховского высшим чешским орденом Белого Льва военной степени. В Брно была открыта мемориальная доска, посвященная С.Н. Войцеховскому, а в Праге организована выставка о его жизни и деятельности. Заслуженным крестом министра обороны Чешской республики были награждены русские эмигранты полковники К.Л. Капнин и А.М. Шкеленко и штабс-капитан М. Петров, которые, как и Войцеховский, были арестованы в 1945 году и погибли в ГУЛАГе.

Осенью 2003 года в связи со смертью почетного председателя РОВСа профессора Н.В. Фёдорова Комитет «Они были первыми» обратился к членам Русского Обще-Воинского Союза со словами соболезнования и, в частности, заявил: «Уход из жизни старейшего участника Белого Движения с новой силой ставит перед нами задачу никогда не допустить забвения Белого Дела и довести роковой бой с коммунизмом до окончательной победы. Хотя существует хотя бы единственный человек, доверяющий миражам коммунистической утопии, - борьба наших дедов и отцов и впоследствии наша - не окончена!»⁵⁴.

В числе международных акций Русского Обще-Воинского Союза, проведенных на рубеже XX и XXI веков, особое место занимала кампания в защиту чилийского генерала и бывшего президента страны А. Пиночета и его соратников, участников антикоммунистического переворота в Чили в сентябре 1973 года, завершившегося гибелью тогдашнего президента С. Альенде. Дело в том, что в конце 90-х годов развернулось международное преследование названных лиц. Неоднократно арестовывался экс-президент А. Пиночет - главная фигура тех событий почти 30-летней давности, обвиняемый в насильственном свержении и смерти законно избранного президента, узурпации власти, установлении военной диктатуры, преследовании и смерти тысяч чилий-

цев. После сентябрьского (1973 года) военного переворота из Чили эмигрировал один миллион жителей при численности населения страны (к 1973 году) менее 10 млн. человек, 100 тыс. человек были брошены в тюрьмы и концлагеря, более 30 тыс. человек погибло.

О коммунистической опасности в Чили и угрозе перехода власти в руки коммунистов в 1973 году речь всерьез все-таки не шла, ибо президент С. Альенде и его соратники были сторонниками социалистических взглядов (в их реформистском понимании), но не радикально-коммунистических. Погибший в ходе переворота чилийский президент был выразителем национально-освободительных и антиамериканских (направленных против США) настроений и действий, которые активно ширились в рассматриваемый период в странах Латинской и Центральной Америки. Для широких слоев чилийцев и граждан других стран С. Альенде стал олицетворением демократии, человеком, погибшим за демократические идеалы в борьбе с путчистами. Именно это и обусловило широкий размах движения за судебное преследование генерала Пиночета, развернувшееся не только в Чили, но и во многих других странах мира, в том числе олицетворяющих собой идеалы так называемой «западной демократии».

Но антикоммунистические организации и в их числе РОВС, выступая в защиту генерала Пиночета, утверждали, что он внес выдающийся вклад в борьбу с коммунизмом. С целью поддержать опального сенатора и генерала-антикоммуниста Русский Обще-Воинский Союз наградил его медалью «В память 80-летия Белой борьбы». В ответ в ноябре 1999 года Пиночет направил благодарственное письмо, в котором благодарил за награду и поддержку, оказываемую ему, более года находящемуся в качестве заложника в иностранном государстве, и уверял, что это станет стимулом в его борьбе с коммунизмом, мстящим ему в настоящее время.

2 марта 2000 года после того, как власти Великобритании (которые вряд ли можно было обвинить в какой-либо симпатии к коммунизму) освободили А. Пиночета руководство, РОВСа выступило с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Мы благодарим Бога за вызволение Генерала Пиночета из неволи. И мы горды тем, что в тяжелые для Генерала Пиночета дни заточения, РОВС оказал ему поддержку и, в меру своих сил, содействовал его освобождению. Тем самым и русские Белые антикоммунисты внесли свою малую лепту в дело освобождения великого чилийского патриота, выдающегося государственного и политического деятеля нашего времени»⁵⁵.

Кампания в защиту генерала Пиночета была тесно связана с акцией РОВСа и ряда других антикоммунистических организаций в поддержку его соратника, чилийского бригадного генерала (в отставке) Мигеля Краснова, сына белого генерала С.Н. Краснова, казненного в СССР в 1947 году. М.С. Краснов принял активное участие в антикоммунистическом перевороте в Чили в 1973 году под руководством генерала Пиночета. В последние годы, под нажимом левых сил в Чили он неоднократно арестовывался, следствие по его делу продолжается несколько лет. В конце 2003 года он был арестован в очередной раз. В этих условиях Русский Обще-Воинский Союз выступил одним из инициаторов создания в декабре того же года «Комитета в защиту генерала М.С. Краснова». Утверждая, что дело против него носит явно политический характер, имеющий целью официально осудить одного из идейных чилийских антикоммунистов, честно выполнившего свой воинский и патриотический долг, РОВС и созданный Комитет обратились ко всем русским национальным организациям и ко всем антикоммунистам с просьбой поддержать генерала Краснова своими обращениями и письмами, направляя их по адресу журнала «Вестник РОВС»⁵⁶.

Эта история имела свое продолжение. В 2005 году указанный журнал поместил открытое письмо генерала М. Краснова, приговоренного чилийским судом к десяти годам лишения свободы. Краснов же утверждал, что обвинения, выдвинутые против него, несправедливы, и он невиновен⁵⁷.

Таким образом, в своей внешнеполитической деятельности и в проводимых международных акциях Русский Обще-Воинский Союз и его руководство последовательно придерживаются непримиримых и радикальных антикоммунистических позиций,

при этом нередко солидаризуясь с политическими фигурами, весьма одиозными в глазах широкого международного общественного мнения.

Последние десять с лишним лет были сложным временем в жизни Русского Обще-Воинского Союза. Кардинально изменился состав его членов, что не могло не наложить свой отпечаток на его деятельность. В течение почти семи десятилетий своего существования РОВС состоял из эмигрантов и вел свою работу главным образом за пределами России. В начале 90-х годов Союз получил возможность вести деятельность в России и пополнять свои ряды за счет ее граждан. Несомненное влияние на работу РОВСа оказала происходившая в нем смена поколений: уходили из жизни последние ветераны Белой борьбы - участники Гражданской войны в России, стремительно редели ряды тех, кто участвовал в антибольшевистской борьбе в Годы Второй мировой войны. Дело основателей РОВСа продолжали в Русском Зарубежье потомки - уже не столько дети, сколько внуки и правнуки тех, кто вел борьбу за Белое дело в годы Гражданской войны и после ее окончания. Вместе с тем, позиции Союза за рубежом слабели, ибо среди представителей третьей (60 - 80-е годы) и четвертой (постсоветской) волн эмиграции, идеи Белой борьбы не находили былого интереса, поддержки и понимания.

Но, несмотря на глубокий кризис и даже звучавшие призывы к прекращению деятельности и роспуску РОВСа, он продолжал свое существование. В условиях свертывания масштабов работы зарубежной части РОВСа центр тяжести его деятельности постепенно переносился в Россию. Вместе с тем, ожидаемой востребованности Белой идеи и традиций Белого движения в постсоветской России, и в первую очередь со стороны политиков и представителей государственной власти, не произошло. Все это вело к растущему негативному восприятию и конфронтации со стороны руководства РОВСа и его российского отдела в отношении политики властей современной Российской Федерации.

Руководство РОВСа традиционно подчеркивает незыблемость своих основополагающих принципов, верность заветам вождей Белого движения. «Единая, Великая, Неделимая Россия», - по-прежнему главная цель современного РОВСа, а путь к сохранению и возрождению России видится в «обретении Народом и Армией Национального самосознания» и «в возвращении страны на свой исторический путь развития, прерванный в 1917 году»⁵⁸.

Руководители РОВСа сегодня стремятся укрепить международные позиции своей организации, укрепляя связи с зарубежными организациями потомков и идейных преемников эмигрантов-белогвардейцев. Свидетельством этому встреча представителей Русского Обще-Воинского Союза, Союза Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии и Чешского Комитета «Они были первыми», состоявшаяся в сентябре 2004 года в канун 80-летия РОВСа в столице Чехии Праге. Русский Обще-Воинский Союз пытался и пытается расширить свою социальную опору в России, распространить сеть своих представительств в стране и за ее пределами, на пространстве Содружества Независимых Государств с целью продолжения борьбы за возрождение исторической России, стремится найти новых союзников в лице современных российских и зарубежных антикоммунистических организаций. От успешности этой работы будет зависеть будущее РОВСа.

Заключение

Русская военная эмиграция, ставшая результатом Гражданской войны в России и сложившаяся после ее окончания, трансформировалась в условиях межвоенного периода в Русское военное Зарубежье, сложное и многогранное военное, военно-политическое, социальное, социокультурное и духовно-нравственное образование, скрепляемое историческими, культурными и боевыми традициями, верностью данной присяге, привычной для военного сообщества взаимоподдержкой и взаимовыручкой. Оно стало важной частью и своеобразным, достаточно устойчивым ядром складывавшейся за пределами родины Зарубежной России.

Русский Обще-Воинский Союз возник в 1924 году в сложных условиях начального периода послереволюционной эмиграции как организационный, военно-административный центр и ядро собирания военнослужащих старой Императорской и белых армий, разбросанных по различным зарубежным странам и континентам и находящимся в сложных условиях вынужденной адаптации к новому, зарубежному существованию и перехода на трудовое положение. По мере своего развития РОВС, с его сложной и разветвленной инфраструктурой, стал одним из ведущих центров консолидации, ключевых и основополагающих элементов Российского военного Зарубежья, а его деятельность стала важной и неотъемлемой составной частью жизни российской эмиграции, сфокусированной не только на выживание, но на продолжение борьбы с советской властью и возвращение на родину. И хотя в 20-е годы (а иногда и в дальнейшем) руководители РОВСа нередко ставили знак равенства между ним и Армией, в действительности об этом можно было говорить лишь с известной долей условности, так же как и именовать его руководящие структуры командованием.

Этому препятствовал ряд факторов. Во-первых, бывшие военнослужащие, даже сохранив в значительной мере узы взаимосвязей и военной организации, перешли на трудовое положение, собственными усилиями зарабатывая на существование себе и своим семьям, поэтому фактор выживания, адаптации к инородной среде и трудового самообеспечения был основополагающим и доминирующим в сопоставлении с военным и военно-мобилизационным. Русский Обще-Воинский Союз даже в период апогея своего развития и деятельности непосредственно объединял в своих рядах не более 20 - 25 % военнослужащих бывших белых армий и других антибольшевистских формирований (а с учетом солдат и офицеров бывшей Императорской армии, не принимавших участия в Гражданской войне в России, и того меньше -15-18%). Члены РОВСа составляли активное меньшинство Русского военного Зарубежья и эмиграции в целом. Основная часть бывших военнослужащих в эмиграции не входила в состав РОВСа, да и вряд ли находилась под его непосредственным влиянием и контролем. Во-вторых, правящие круги иностранных государств в большинстве своем настороженно, с подозрением или даже негативно относились к существованию российских военных организаций, объединений и союзов и, тем более, входивших в централизованную и унифицированную систему РОВСа, держали их под контролем полиции и спецслужб и не верили в возможность нового и успешного военного похода против СССР с использованием боевых сил эмиграции.

В своем становлении, развитии и эволюции, а также с учетом влияния на жизнь российского зарубежного сообщества Русский Обще-Воинский Союз прошел ряд качественно разных этапов. Первый, подготовительный характеризовался выработкой единых организационных форм и принципов и созданием воинских объединений, союзов и обществ, поиском оптимальных взаимоотношений между ними и движением к унификации и централизации. Центром объединительных процессов выступал главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель и его штаб. Второй этап охватывает время от официального создания РОВСа 1 сентября 1924 года до начала Второй мировой войны, когда он претендовал на то, чтобы считаться действующим и жизнеспособным центром, руководящей и направляющей силой, сплачивающей вокруг себя Российское военное Зарубежье на основе традиций Императорской и белых армий и во имя борьбы

с советской властью. Руководство РОВСа полагало, что без его участия не могут решаться сколько-нибудь принципиальные вопросы борьбы и подготовки к новой войне с СССР, и именно он призван объединить для этого вокруг себя все жизнеспособные общественные силы эмиграции. Вместе с тем, в рамках указанного этапа можно выделить несколько периодов (как это и сделано в настоящей книге), когда наряду с наработкой опыта, поиском новых форм деятельности и борьбы, решением некоторых возникающих вопросов, шаг за шагом происходило нарастание кризисных явлений и тенденций, что было особенно характерно для 30-х годов.

Годы Второй мировой войны стали следующим этапом в жизни и деятельности Русского Обще-Воинского Союза, а лучше сказать его угасания, ибо в это время он влачил жалкое существование. Столь давно ожидаемая большая война и иностранная интервенция против СССР не привела к ожидаемой востребованности в ней эмигрантских воинских контингентов под руководством РОВСа. События развивались совершенно по другому сценарию: РОВС и его руководство рассматривались фашистской Германией как антантофилы и были дезорганизованы, и изолированы. Впрочем, и созданное на базе бывшего II отдела РОВСа дружественное ему ОРВС не преуспело в поиске симпатий руководства фашистской Германии. Оно просто не нуждалось в союзниках русской национальности, ведя войну против СССР ради уничтожения не только советской власти и сталинского режима, но и русского государства, неполноценной, по убеждению фашистов, славянской нации. Даже на заключительном этапе войны, когда дело шло к поражению Третьего рейха и необходимо было пушечное мясо, эмигранты не были востребованы Гитлером как союзники, а стали одним из неполноценных и второстепенных партнеров в создаваемом сообществе КОНР и РОА под общим руководством бывшего советского генерала Власова.

После окончания Второй мировой войны РОВС прекратил свое существование как организованная военная и военно-политическая сила, как, впрочем, и Русское послереволюционное военное Зарубежье в целом, с присущим ему ранее внутренним единством и организацией. В послевоенный период в качественно меняющемся мире Российского Зарубежья слабеющий и дезорганизованный РОВС пытался как-то заявлять о себе прежде всего как об общественно-политическом и идеологическом явлении, олицетворяя былые заслуги и традиции непримиримой военно-политической борьбы с коммунизмом и советской властью. Одновременно РОВС все больше превращался в мемориальную организацию (что всегда официально отрицали его руководители), хотя и особого типа. Она объединяла бывших военнослужащих, непримиримых противников советской власти, профессиональных антикоммунистов, считающих своим делом и долгом в новых условиях активную идеологическую и политическую борьбу с советской властью. РОВС стремился в послевоенные десятилетия привлечь в свои ряды эмигрантские организации и представителей второй волны эмиграции, а также эмигрантскую молодежь, хотя с каждым годом и поколением объединять ее под знаменами Белой борьбы становилось все сложнее.

Крах СССР в 1991 году знаменовал начало заключительного и продолжающегося сегодня этапа деятельности Русского Обще-Воинского Союза. Он характеризуется прямо противоположными тенденциями. С одной стороны, казалось бы, был достигнут главный результат - советская власть прекратила свое существование. РОВС получил возможность работать на территории современной России. С другой стороны, не произошло ожидаемой полной декоммунизации страны и одновременно с этим реабилитации и возведения на исторический и политический олимп представителей Белого дела и носителей традиций последнего. В числе главных претендентов современные лидеры РОВСа надеялись увидеть себя. Наконец, рубеж веков характеризовался уходом из жизни последних представителей белого движения, и современный Русский Обще-Воинский Союз пытается объединить в своих рядах потомков белых воинов и их идеологических единомышленников. Он находится в сложном организационном состоянии, пытаясь создать свои ячейки и представительства в российских регионах и на пространстве Исторической России, поддерживать связи с зарубежными родственными

организациями и сотрудничать на антикоммунистической -Белой и патриотической идейно-политической платформе с другими подобными, как их принято называть, национальными организациями.

Деятельность Русского Обще-Воинского Союза в сложных условиях эмиграции и особенно в межвоенный период сыграла значимую роль в сохранении традиций российской военной культуры и тем самым в формировании Российского военного Зарубежья посредством учреждения в его центрах, воинских объединениях, обществах и союзах военных библиотек, музеев, архивов, проведения воинских праздников, сохранения ритуалов, ценностей и реликвий российских вооруженных сил и воспитания на них подрастающего поколения русской эмигрантской молодежи, а также всемерного содействия развитию военно-научной исследовательской мысли и творчества, формированию системы военного образования, подготовки и переподготовки офицерских кадров. Ведущим авторитетом, в развитии системы эмигрантского военного образования за рубежом, несомненно, был видный деятель РОВСа генерал Н.Н. Головин.

Борясь за влияние в эмиграции и реализуя свою программу действий и борьбы, Русский Обще-Воинский Союз должен был в той или иной степени поддерживать отношения и взаимодействовать с другими организациями Российского Зарубежья. Это касалось в первую очередь организаций, стоявших на родственных идейно-политических позициях и выступавших за непримиримую борьбу с советской властью и коммунистами с использованием всех доступных средств, как в СССР, так и за его пределами. К подобным организациям относились, например, НСНП/НТСНП, Братство Русской Правды, Лига Обера и некоторые другие. Но попытки наладить с ними союзнические отношения и тесное взаимодействие не приносили, как правило, желаемых результатов или, напротив, оборачивались острыми конфликтами в силу тех или иных расхождений или амбиций лидеров, претензий на собственный приоритет и верховенство. Нередко это происходило не без «помощи» советских спецслужб.

Еще более сложный и противоречивый характер носили взаимоотношения РОВСа с политическими организациями и движениями Российского Зарубежья. В немалой степени это объяснялось искусственным отгораживанием РОВСа и входящих в его систему воинских объединений, союзов и обществ от политики, под которой подразумевались прежде всего такие негативные явления, как политическая борьба, рознь и неизбежный раскол эмиграции и прежде вместо вооруженных сил вместо их консолидации во имя борьбы с СССР. Симпатии руководителей РОВСа и абсолютного большинства его членов принадлежали, несомненно, правому крылу эмигрантского политического спектра и особенно монархизму. Но именно с монархистскими политическими движениями и группировками отношения руководства РОВСа как раз и складывались наиболее трудно и конфликтно, ибо каждая из сторон, образно говоря, «тянула одеяло на себя» и пыталась стать главенствующей силой, что касалось в первую очередь Высшего Монархического Совета. Все это оборачивалось конфликтами и коллизиями и препятствовало складыванию «единого фронта» эмиграции в антисоветской борьбе.

Русский Обще-Воинский Союз был не одинок в претензиях на консолидацию и руководство Российским военным Зарубежьем. В военной среде эмиграции он имел конкурентов в лице «кирилловцев» и Союза Легитимистов (с их собственной военной организацией - Корпус Императорских Армии и Флота), РНСУВ, Союза Добровольцев, а также различного рода правозэкстремистских и профашистских организаций (РНСД, РОНД, Всероссийская Фашистская Организация, Русская Фашистская Партия, Всероссийская Фашистская Партия, Всероссийская Национал-Революционная Трудовая и Рабоче-Крестьянская Партия Фашистов и др.). Все это также раскалывало военную эмиграцию.

В эмиграции и особенно в 20-е годы предпринималось немало попыток проведения различного рода форумов с целью объединения Российского Зарубежья в решении его актуальных проблем и прежде всего в борьбе с советской властью. Руководство РОВСа традиционно относилось к ним достаточно настороженно, прямо запрещая или рекомендуя своим членам воздержаться от участия в подобных мероприятиях, делая

исключения лишь в отдельных случаях, когда подобные форумы явно носили беспартийный или неполитический характер, или, разрешая своим членам участвовать, но не как представителям армии. Таким образом, существующие сложности отношений, различного рода противоречия, взаимные подозрительность, настороженность и недоверие препятствовали налаживанию сотрудничества и единства действий Русского Зарубежья. Практически с самого начала и чем далее, тем более, в тяжелых условиях изгнания, неустроенности, материальных и иных лишений эмиграция все больше погружалась в «болото» разборок, сведения старых и уже новых счетов, конфликтов, зачастую умело разжигаемых советскими спецслужбами. Аналогичный процесс происходил и внутри Российского военного Зарубежья и самого Русского Обще-Воинского Союза, что препятствовало налаживанию единого боевого антисоветского фронта действий и реализации претензий РОВСа на руководство им.

Одной из наиболее трудных проблем для РОВСа, претендовавшего на объединение вокруг себя Российского военного Зарубежья, являлась идейно-политическая платформа подобного единения и будущего устройства России. Его лидеры пытались намеренно уйти от политики, сложных и острых вопросов организации будущей России, путей решения ключевых вопросов ее бытия, концентрируя внимание эмигрантов-военнослужащих на проблемах продолжения борьбы с советской властью и по-прежнему исповедуя концепцию «непредрежденства» («непредрежденчества»). Но, как и в годы Гражданской войны, подобный искусственный уход от острых вопросов повседневности и будущего России, отсутствие целостной и ясной программы борьбы и устройства России не мог уже удовлетворить значительную часть эмигрантов, а, тем более, вновь поднять их на борьбу с оружием в руках. В результате в идейно-политическом противоборстве с советской властью, в 20-30-е годы не только провозглашавшей, но и реализовавшей (хотя и ценой колоссального перенапряжения сил нации и жертв) замыслы великого переустройства страны, модернизации ее экономики, осуществления державных амбиций и превращения России/СССР в мощное государство, лидеры РОВСа (и в целом эмиграции) шаг за шагом утрачивали свои позиции.

Анализ развития Русского Обще-Воинского Союза (и в целом Российского военного Зарубежья) на протяжении межвоенного периода позволяет выделить качественно разные процессы, развившиеся в его «верхах» и «низах», которые жили своей собственной жизнью. Руководящие деятели и активисты РОВСа, его радикально настроенная часть видели главное предназначение Союза в консолидации военнослужащих ради продолжения борьбы, подготовку к новой войне с СССР. В то же время абсолютное большинство бывших солдат и офицеров и в том числе чинов РОВСа постепенно и все основательнее адаптировались в повседневную жизнь зарубежного сообщества, тех стран, в которых они оказались, сохраняя лишь формальные связи со своими воинскими объединениями и РОВСом в целом. В силу происходивших процессов надежды руководителей Русского Обще-Воинского Союза на то, что в случае новой большой войны с СССР абсолютное большинство бывших военнослужащих встанет под его знамена, были явно эфемерными и не имевшими под собой каких-либо серьезных оснований. Это в полной мере подтвердила Великая Отечественная война, когда лишь незначительная часть чинов РОВСа (и Российского военного Зарубежья) приняла участие в боевых действиях против СССР.

Глубоко противоречивый характер носили взаимоотношения Русского Обще-Воинского Союза и зарубежных государств, руководителей Союза, с одной стороны, и иностранных политиков, и военных, с другой. Налицо было осознание руководством РОВСа уже в 20-е годы неспособности эмиграции собственными силами вести успешную борьбу с советской властью и добиться ее свержения, и в силу этого шли дискуссии и происходил настойчивый поиск иностранных союзников, которые могли бы оказать всестороннюю поддержку в борьбе, а главные надежды связывались с иностранной интервенцией против СССР. Но при этом иностранные государства, их политическое и военное руководство, спецслужбы вынашивали и стремились реализовать прежде всего собственные интересы, используя эмиграцию и в том числе РОВС в качестве

пособников в их осуществлении. Имевшее место сотрудничество носило ограниченный, скрытый и завуалированный характер, а помощь эмиграции в ее антисоветской борьбе со стороны иностранных государств, как правило, была весьма скромной и была связана с теми или иными согласованными проектами. Зарубежные спецслужбы пытались использовать активистов Русского Обще-Воинского Союза в первую очередь для осуществления разведывательных акций и получения информации об СССР. Это сотрудничество, чем далее, тем более, носило явно неравноправный характер и, получая субсидии под целевые задания, сотрудники РОВСа обрабатывали их, в лучшем случае используя результаты и в интересах Союза и эмиграции в целом.

Руководители Русского Обще-Воинского Союза внимательно всматривались в международные конфликты, назревавшие или происходившие в 20-30-е годы и, прежде всего, так или иначе связанные с СССР. Но на Востоке руководство РОВСа не нашло взаимопонимания с политиками и военными Японии, вынашивавшими и реализовавшими собственные великодержавные замыслы. По существу, завершились полным провалом попытки руководства РОВСа наладить сотрудничество с франкистами в Гражданской войне в этой стране, организовав в помощь им массовую отpravку русских эмигрантов-добровольцев. Хотя эта война расценивалась как вооруженное противостояние с мировым коммунизмом, найти и отправить туда сколько-нибудь значительные контингенты русских эмигрантов-антикоммунистов РОВСу не удалось. Неудачей окончились и аналогичные замыслы сотрудничества с Финляндией во время ее войны с СССР в 1939 - 40 годах.

Большим вопросом для Русского Обще-Воинского Союза, как и всей антисоветски настроенной части эмиграции, оказался выбор антантофильской или прогерманской ориентации в условиях назревавшего в 30-е годы в Европе крупного международного конфликта, а затем и Второй мировой войны. Руководители РОВСа являлись в период Гражданской войны в России видными военачальниками белых армий, которые сотрудничали главным образом с державами Антанты (а еще ранее, в годы Первой мировой войны, именно последние были союзниками России). Это предопределило и внешнеполитические симпатии лидеров РОВСа (и в большинстве своем всего Российского военного Зарубежья) в их пользу в годы эмиграции, тем более, что основные контингенты военнослужащих и центры РОВСа находились на территории стран Большой и Малой Антанты. В Германии РОВС изначально обладал гораздо более слабыми позициями, и здесь действовали эмигрантские военные общества, союзы и объединения во многом другой ориентации.

Но логика последующего развития международных отношений и политических процессов в Европе заключалась в растущем укреплении позиций Германии и ее союзников, их ремилитаризации и расширении агрессивных действий на континенте. В свою очередь, все возрастающим интересом и популярностью среди значительной части русских эмигрантов-военнослужащих и в том числе среди руководителей и чинов РОВСа в 30-е годы пользовались идеи, социальная и политическая практика фашизма. Но они не смогли наладить сотрудничества с руководством фашистской Германии, в глазах которой являлись носителями антантофильской ориентации. Более того, на территориях, вошедших в состав Третьего рейха, Русский Обще-Воинский Союз под давлением германских властей вынужден был свертывать деятельность своих организаций, передавая их в распоряжение Объединения Русских Воинских Союзов, формально самостоятельного эмигрантского военного объединения, хотя и дружественного РОВСу. Руководство РОВСа было изолировано и ограничено в возможностях своей деятельности на территориях стран, оккупированных фашистской Германией, и лишено возможностей поддерживать связи со своими организациями, расположенными в странах антигитлеровской коалиции и в нейтральных государствах.

Вторая мировая и Великая Отечественная война являлись, казалось бы, столь давно ожидаемым военным походом иностранных государств под эгидой Германии против СССР. Руководители РОВСа и ОРВС, их видные деятели и активисты высказались в поддержку войны, развернутой фашистской Германией против СССР и предло-

жили свои услуги, надеясь на конечную компенсацию. Но в силу великодержавного шовинизма и антиславянских идеологических постулатов германского нацизма, предложения ведущих организаций Русского военного Зарубежья об антисоветском сотрудничестве оказались невостребованными, а возможности воевать на стороне фашистской Германии - крайне ограниченными. Лишь на заключительной стадии войны, когда над Третьим рейхом нависла угроза краха, начинает складываться известное сотрудничество немецких фашистов с эмигрантами-коллаборационистами, но при этом приоритет в формировании русских частей на германской службе был отдан не в руки представителей Российского военного Зарубежья и ОРВС, а в руки бывших советских офицеров и генералов. В результате, лишь малая часть русских эмигрантов и в том числе бывших военнослужащих (да и чинов РОВСа) участвовали во Второй мировой войне на стороне фашистской Германии. Известным исключением стала Югославия, где сформированный Русский Корпус вел борьбу на стороне Германии, но воевал прежде всего с югославским коммунистическим партизанским движением, а взаимоотношения с представителями германских властей изначально носили непростой и конфликтный характер.

Русский Обще-Воинский Союз в своей идеологической программе всегда подчеркивал как основополагающий тезис приверженность державности и русскому патриотизму, возрождение «Единой, Великой и Неделимой России». Но в условиях Великой Отечественной войны он, как и дружественный ему ОРВС, были лишены возможности использовать патриотический мотив, ибо всем было очевидно, что руководство фашистской Германии не склонно использовать русскую антисоветскую эмиграцию даже в качестве марионеток. Будущее победоносного Третьего рейха не оставляло места для низшей, славянской расы и какого-либо делегированного ей самоуправления, тем более немыслимо было мечтать о каком-то российском единстве и величии. Таким образом, мощный козырь русского патриотизма в Великой Отечественной войне (как, впрочем, и в Гражданской войне), оказался использован советским руководством в борьбе против Германии и солидаризовавшейся с ней частью русской эмиграции. А поражение фашистской Германии и ее союзников и победа СССР в составе антигитлеровской коалиции лишила русскую военную эмиграцию и РОВС шансов на будущее.

Непростым и противоречивым явлением для Русского Обще-Воинского Союза и в целом для Российского военного Зарубежья стал так называемый «активизм». Он означал приверженность части эмигрантов и прежде всего чинов РОВСа активным методам борьбы против Советской России/СССР. По сути своей «активизм» представлял собой белый реваншистский экстремизм с набором военно-политических концепций и доктрин, направленных на ослабление и свержение существующего в СССР политического строя посредством использования различных форм борьбы, включая массированное военное вторжение на советскую территорию, высадку десантов, организацию восстаний, диверсионно-террористическую деятельность. Но Русский Обще-Воинский Союз, представляя собой легально существующее на территории иностранных государств объединение, не мог афишировать подобные формы и способы деятельности. Поэтому с самого начала 20-х годов так называемая «активная работа» (или «особая работа») на советской территории была вынесена как бы за пределы официальной деятельности РОВСа, и ее по поручению великого князя Николая Николаевича возглавил генерал Кутепов. После того, как он стал председателем РОВСа две главных слагаемых его деятельности (официальная, направленная на сохранение армии в иной форме и оказание помощи бывшим военнослужащим, и «активная» - разведывательно-диверсионная и террористическая деятельность на территории СССР) слились воедино. И, вместе с тем, так называемая «активная» или «особая» работа против СССР не дала ожидаемых результатов ни с точки зрения дестабилизации правящего режима и подъема антисоветской борьбы местного населения, ни для повышения морального духа эмиграции.

С устранением генерала Кутепова советскими спецслужбами тема «активной работы» стала предметом острых дискуссий в эмиграции и своеобразным камнем преткновения для нового руководства РОВСа и его председателя генерала Миллера. По-

следний был сторонником пересмотра тактики борьбы РОВСа и под «активной работой» подразумевал не прямую вооруженную борьбу и прежде всего посредством диверсионно-террористической деятельности, а соби́рание сил и подготовку кадров и баз на советской территории, а также информационно-идеологическую работу в СССР и в зарубежных государствах.

Острая дискуссия вокруг «активной работы», развернувшаяся в РОВСе и в кругах эмиграции в 30-е годы, вобрала в себя и неудовлетворенность со стороны части эмигрантов и чинов РОВСа «пассивностью» нового руководства Союза, надежды выдвинуть в его ряды более решительных людей, и стремление пробудить жизненные силы и вовлечь в борьбу с советской властью широкие слои Российского Зарубежья, сосредоточившиеся в сложнейших и кризисных условиях рассматриваемого периода главным образом на собственном выживании, и, наконец, желание «активистов» обратить внимание на себя со стороны радикально антисоветски настроенных политиков и военных зарубежных стран. Эта дискуссия была сама по себе проявлением острого кризиса стратегии и тактики РОВСа.

«Активизм» и белоэмигрантский экстремизм вызывали серьезную озабоченность руководства СССР и встречали возраставшее и все более эффективное противодействие со стороны советских спецслужб с использованием последними многообразия форм и методов борьбы - от целенаправленной работы по разложению до спецопераций и физического устранения руководителей РОВСа. Все это усугубляло кризисные процессы в Союзе и привело к его резкому ослаблению к концу 30-х годов.

В условиях Второй мировой войны Русский Обще-Воинский Союз не только не смог выступить консолидирующей и организующей силой эмиграции в антисоветской борьбе, а, напротив, сам оказался в изоляции и тяжелейших условиях выживания. Поражение фашистской Германии во Второй мировой войне привело к глубочайшим изменениям в составе и географии размещения российской эмиграции, качественно изменилось и само Российское военное Зарубежье. Все это резко ослабило возможности деятельности и влияние на него со стороны Русского Обще-Воинского Союза.

Из реальной и влиятельной военно-политической силы, какой он считался в межвоенный период, РОВС превратился в послевоенные годы скорее в некое олицетворение былых традиций антисоветской борьбы, в координационный центр стареющих и уже неспособных к активной борьбе ветеранов Гражданской войны, старающихся, вместе с тем, сохранить старые земляческие связи и традиции воинского братства, в один из многочисленных антисоветских эмигрантских общественных и идеологических центров.

Немногие из ветеранов белого движения и участников Гражданской войны, чинов РОВСа дожили до прекращения существования СССР в 1991 году. И хотя Русский Обще-Воинский Союз обрел почву для существования на российской земле, но желанной и ожидаемой исторической и политической реабилитации лидеров и участников белого движения и, тем более, восхождения его идеологических преемников к высотам власти в современной России не произошло.

Страна в очередной раз пережила тяжелое «смутное время», со всеми вытекающими из него негативными последствиями для государства, общества и человека, и в настоящее время еще далеко не завершился трудный и мучительный выход из сложившейся ситуации. Тем не менее, в последние десять с лишним лет развернулся заинтересованный диалог между новой Россией, ее политиками и общественностью, с одной стороны, и нашими зарубежными соотечественниками, в разные годы вынужденно покинувшими ее, с другой. Одной из тем развернувшегося диалога является трудный поиск истины по широкому спектру драматичных проблем XX века и в том числе таких, как 1917 год и Гражданская война в России, роль и историческое место Российского Зарубежья в летописи отечественной и мировой истории XX века.

Проблемы новейшей истории тесно и часто неразрывно связаны с нашей современностью, трудным и противоречивым временем, переживаемым нынешней Россией. У современников, наблюдающих и оценивающих сегодня действия российских поли-

тиков и государственных мужей, увы, чаще больше оснований для пессимизма, нежели для оптимизма. Что касается позиции современного Русского Обще-Воинского Союза и его руководителей, действующих ныне уже главным образом непосредственно на территории России, то, как уже характеризовалось выше, они занимают резко критическую позицию к современной власти, правящему режиму и ведущейся им политике.

При всей сложности, неоднозначности и противоречивости процессов, протекающих в современной России, один из главных уроков, вытекающих из опыта минувшего века, заключается в том, чтобы в нынешней ситуации не допустить дальнейшего углубления раскола общества по имущественному, социальному, политическому, национальному и другим признакам. Нужны воля и государственная мудрость политиков, чтобы начать новое собрание, консолидацию общества.

Необходим диалог власти и общества, развитие гражданских начал у жителей нашей страны, многие из которых, бедствуя, с трудом зарабатывая себе на жалкую жизнь, увы, не мыслят себя гражданами и истинными вершителями судеб отечества. Пусть историческим напоминанием и уроком нынешним российским политикам и новым «хозяевам жизни», так называемым олигархам, будут вековые традиции русского бунтарства и революционности. Хотелось бы, чтобы вышеупомянутые лица уяснили и другой урок минувшего бурного, великого и трагического века. Он, несомненно, был веком социальности, социального прогресса. И именно развитие социальных отношений, своевременное лечение социальных болезней, развитие, защита и уважение гражданских прав и свобод - надежный путь для недопущения новых кровавых коллизий. При всей сложности современной ситуации, очень хотелось бы верить в здоровые силы русского общества, его прочные исторические и культурные корни, патриотизм россиян и способность их извлечь необходимые уроки из истории, преодолеть тенденции раскола и непримиримости, прийти к консолидации государства, общества и человека во имя будущего цивилизованной, сильной и уважаемой в мире России.

Документальные приложения

ИЗ ПРОЩАЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ ГЕНЕРАЛА А.П. КУТЕПОВА К ЖИТЕЛЯМ ГАЛЛИПОЛИ

14 декабря 1921 года
Галлиполи

Граждане Галлиполи! Год назад, в холодные осенние дни прибыли на греческую территорию русские войска, потерявшие после героической борьбы свою Родину. Но здесь, вдали от родных очагов, русские войска встретили радушный прием и теплое участие. Население г. Галлиполи и его окрестностей, без различия национальностей и вероисповедания, отнеслось к пришельцам, как гостеприимные хозяева. Вам, жители маленького полуострова, мы обязаны тем. Что наше пребывание на чужбине было скрашено братским приемом и сердечным отношением. Покидая теперь Галлиполи, мы сохраним о вас теплое чувство признательности, которое мы привезем с собой в будущую восстановленную Великую Россию. Мы надеемся, что и у вас останется хорошая память о русских войсках и, оставляя на вашей земле дорогие нам могилы, мы уверены, что под вашим попечением они останутся в неприкосновенности. Будьте счастливы! Русское вам спасибо за кровь и гостеприимство!

Русские в Галлиполи. - Берлин, 1923. - С.442.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ

№ 35

1 сентября 1924 года
Сремски Карловци

Продолжая заботы по объединению зарубежного офицерства Русской Армии, в прошлом году я предоставил возможность всем офицерским союзам войти в ее состав.

В настоящее время большинство существующих в странах Западной Европы офицерских союзов вошли в состав Русской Армии; исключение составили немногие же союзы, которые не сочли возможным отказаться от партийно-политической работы. Некоторое число офицеров не вошли ни в один из союзов, одни, проживая в государствах, где местная политическая обстановка исключает возможность этого. Другие же по причине личного характера (нахождение семей в Советской России, обременение работой и т.д.).

Верю, что когда Родине потребуются наши силы, все честные воины встанут в наши ряды.

В то же время. Стремясь обеспечить моим соратникам лучший заработок, я предоставил возможность начальникам Галлиполийских и Лемносских групп на Балканах переселять в другие страны в полном составе, из других выделять отдельные группы. Связь переехавших с Балкан с начальниками и родными частями осталась неизменной.

Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах, приказываю:

1) образовать Русский Обще-Воинский Союз согласно прилагаемого при сем Временного положения.

2) Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества или союзы, пожелавших числиться в составе Русской Армии.

3) Сохранить за офицерскими обществами и союзами, включенными в состав РОВС, их названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления, установленные ныне действующими уставами.

4) Установить в войсковых группах порядок внутренней жизни и внутреннего управления в зависимости от местных условий и от состава этих групп - в группах исключительно офицерских - применительно к порядку, принятому в офицерских обществах и союзах, а в группах, в состав коих входят как офицеры, так и солдаты и казаки, - применительно к уста-

новленному в войсковых частях.

Председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза выработать по этому поводу инструкцию.

5) Общее управление делами Русского Обще-Воинского Союза сосредоточить в моем Штабе.

б) Теперь же образовать нижеследующие отделы Русского Обще-Воинского Союза:

а) Первый - из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии.

б) Второй - из офицерских обществ и союзов, войсковых групп, расположенных в Германии и Королевстве Венгерском.

в) Третий - из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии.

г) Четвертый - из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Королевстве СХС и в Греции.

д) Пятый - из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, находящихся на территории Болгарии и Турции.

Примечание: Установленный ныне порядок подчинения воинских частей, находящихся на территории Королевства СХС и Болгарии, входящих в состав РОВС. остается без изменений.

7) Предоставить председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза образовывать при себе Совет из представителей Правлений офицерских обществ и союзов и представителей воинских частей, находящихся в пределах Отдела, применительно к положению о Совете Офицерских объединенных обществ в Королевстве СХС. Положение о таковых Советах по разработке в соответствии с местными условиями и настоящим приказом предоставить мне не позднее 1-го ноября с.г.

Третий Отдел Русского Обще-Воинского Союза подчиняю помощнику моему генерал-лейтенанту Миллеру.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

*Государственный архив российской Федерации (ГАРФ).
Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.90 - 90 об.*

В дополнение к приказу моему № 35 ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Военных Представителей Главнокомандующего Русской Армией в тех государствах, где таковые имеются, именовать впредь Русскими Военными Представителями в соответствующих странах.

2. Русскому Военному Представителю в Польше быть Военным Представителем в Польше, Эстонии, Литве и Латвии.

3. Управление Военного Представителя Главнокомандующего Русской Армией при Королевском Правительстве Венгрии упразднить с 1-го октября сего года.

4. Совет офицерских объединенных обществ в Королевстве С.Х.С. переименовать в Совет Четвертого Отдела Р.О.В.С.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.87.

**ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ**

Секретно
№ 37
1 сентября 1924 года
Сремски Карловци

Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Русской Армией Генерального Штаба Генерал-от-Инфантерии ЭКК назначается Председателем Четвертого Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Помощник Главнокомандующего Русской Армией, Генерального Штаба Генерал-лейтенант МИЛЛЕР назначается Председателем Первого Отдела Русского Обще-Воинского Союза с оставлением в занимаемой должности.

Главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армией по военным и морским делам в Париже, Генерального Штаба Генерал-лейтенант ХОЛЬМСЕН, назначается Русским Военным Представителем во Франции и Помощником Председателя Первого Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Помощник Главнокомандующего Русской Армией и Начальник всех частей и управлений Русской Армии, расположенных в Болгарии, Генерального Штаба Генерал-лейтенант АБРАМОВ, назначается Председателем Пятого Отдела Р.О.В.С, с оставлением в занимаемых должностях.

Военный Представитель Главнокомандующего Русской Армией в Польше, Генерального Штаба Генерал-лейтенант Махров, назначается Русским Военным Представителем в Польше, Эстонии, Литве и Латвии и Председателем Третьего Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Военный Представитель Главнокомандующего Русской Армией при Королевском Правительстве Венгрии и Начальник Отдела Делегации по защите интересов Русских беженцев в Германии, Генерал-майор фон-Лампе, назначается Русским Военным Представителем в Германии и Венгрии, Начальником Отдела Делегации по защите интересов Русских беженцев в Германии и Председателем Второго Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.5826. Он.1. Д. 15. Л. 88

УТВЕРЖДАЮ
Генерал-лейтенант Врангель
1 сентября 1924 г.
Сремски Карловци

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О РУССКОМ ОБЩЕ-ВОИНСКОМ СОЮЗЕ

§1

ЦЕЛЬ СОЮЗА

Русский Обще-Воинский Союз образуется с целью объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов русской Императорской Армии.

§2

ЗАДАЧА Р.О.В.С.

Задача Р.О.В.С. заключается в поддержании среди членов его воинского рыцарского духа и воинской этики и в общем руководстве и согласовании деятельности в этом направлении обществ и союзов, вошедших в его состав воинских частей и отдельных групп, а также в содействии по оказанию материальной и моральной помощи своим членам.

§3

СОСТАВ Р.О.В.С.

Р.О.В.С. состоит из двух частей и групп, рассредоточенных в разных странах на работах, воинских обществ и союзов, вошедших в состав Русской Армии и отдельных воинов, не имеющих

по тем или иным причинам возможности войти в состав тех или иных союзов, но пожелавших числиться в составе Русской Армии.

§4

УПРАВЛЕНИЕ Р.О.В.С.

Русский Обще-Воинский Союз делится в территориальном отношении на отделы.

§5

Во главе Р.О.В.С. стоит Главнокомандующий Русской Армией.

§ 6

Во главе отделов Русского Обще-Воинского Союза стоят их Председатели. Председатели Отделов назначаются Главнокомандующим Русской Армией и подчиняются ему непосредственно.

§ 7

Общее руководство Русским Обще-Воинским Союзом Главнокомандующий Русской Армией осуществляет через свой Штаб и Председателей отделов.

§ 8

В видах облегчения руководства и управления деятельностью воинских обществ и союзов, воинских частей и групп, входящих в состав Отдела Р.О.В.С. и согласовывающих работы в пределах задач Р.О.В.С (§1 и 2) Председатели Отделов могут учреждать при себе Советы Отдела Р.О.В.С. из представителей воинских обществ, союзов и групп.

Подробности организации советов отделов и круг их деятельности, в зависимости от местных условий, определяются инструкцией, составленной Председателями отделов Р.О.В.С. и утверждаемой Главнокомандующим Русской Армией.

§9

Воинские общества и союзы, вошедшие в состав Р.О.В.С., сохраняют свои названия, самостоятельность внутренней жизни и порядок внутреннего Управления, установленного соответствующими уставами и положениями, кроме вопросов, предусмотренных в §§ 1 и 2 настоящего Положения, указания по которым даются Председателями Отделов Р.О.В.С.

§ 10

Воинские Союзы и Общества, имеющие свои отделы в разных странах, возглавляемые Центральными правлениями, входят в состав соответствующего Отдела Р.О.В.С, а Центральные правления их находятся в тех странах, где живет Главнокомандующий или в стране по его назначению и получают все указания через Штаб Главнокомандующего или местного Председателя Отдела Р.О.В.С.

§11

ВСТУПЛЕНИЕ В Р.О.В.С.

Воинские общества и союзы, еще не вошедшие в состав Р.О.В.С. и желающие вступить в него, заявляют об этом соответствующему по месту нахождения Председателю Отдела Р.О.В.С. Последние убедившись в том, что данным обществом или союзом выполняются соответствующие для него требования, включают его в состав Р.О.В.С.

§12

Отдельные воины, не имеющие возможности по местным условиям вступить в состав какого-либо военного общества или союза, о своем желании поступить в состав Р.О.В.С. сообщают соответствующему по месту их жительства Председателю Отдела Р.О.В.С. Последний, по рассмотрении документов и по сбору соответствующих сведений, принимает меры по включению их в какое-либо воинское общество или союз, или числят их на особом учете.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Кусонский

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д. 15. Л.89 - 89 об.

**ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1924 ГОДА**

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Всепреданнейше представляя при сем ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Временное Положение о Русском Обще-Воинском Союзе приемлю смелость ходатайствовать перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ принять на СЕБЯ звание Почетного Председателя Союза.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепреданнейший слуга П. Врангель

ГАРФ. Ф.5826. Он.1. Д.15. Л. 95.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ОТДЕЛОВ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА

№ 655/А
1 сентября 1924 г.
Сремски Карловци

В дополнение к приказу моему от 1 сентября необходимо преподать нижеследующие руководящие указания:

Имея ввиду, что общая политическая обстановка может принудить все части Армии войти в состав Русского Обще-Воинского Союза, необходимо постепенно привести эту организацию к чисто воинскому началу, заменив им выборное. В некоторых обществах и союзах эта мысль, родившись снизу, уже получила осуществление. Еще в прошлом году Общество Офицеров Российского Воздушного Флота в Королевстве С.Х.С. возбудило ходатайство о том, чтобы председателем общества было лицо по назначению. В настоящее время такое ходатайство возбуждено офицерским союзом в Королевстве Венгрии.

Необходимо, чтобы и прочие офицерские общества и союзы пришли к сознанию желательности подобного порядка вещей.

При проведении этого начала в жизнь, при председателях офицерских обществ и союзов могли бы остаться выборные правления.

Председатели отделов Р.О.В.С. и председатели обществ и союзов в этом случае стали бы начальниками с соответствующими дисциплинарными правами.

В одних странах намеченное может быть осуществлено быстрее и полнее, в других проведение воинского начала может затянуться на более долгий срок и осуществляться лишь постепенно, но всюду необходимо настоятельно и всемерно стремиться к тому, чтобы воинское качество было проведено полностью.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.5826. Он.1. Д.15. Л.99.

О РУССКОМ ОБЩЕ-ВОИНСКОМ СОЮЗЕ

№ 673/А
11 сентября 1924 года

Сремски Карловци Генералу-от-инфантерии Экку Генерал-лейтенанту Миллеру Генерал-лейтенанту Хольмсену Генерал-лейтенанту Абрамову Генерал-лейтенанту Махрову Генерал-лейтенанту Барбовичу Генерал-майору Зборовскому Генерал-майору фон-Лампе Полковнику Базаревичу Полковнику Флорову

Секретно

Приказом моим от 1 сентября с.г. за № 35 образован «Русский Обще-Воинский Союз».

При существующей политической борьбе против Армии несомненно некоторые политические группы сделают все возможное, чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тайный смысл в том, чтобы бороться против его осуществления.

Ввиду этого считаю нужным указать Вам следующее:

Образование единого мощного «Русского Обще-Воинского Союза» венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с Русской Армией и, сохраняя ныне существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, приводит всё в стройную систему.

Вместе с сим - и это самое главное - образование «Русского Обще-Воинского Союза» подготавливает возможность на случай необходимости, под давлением общей политической обстановки принять Русской Армии новую форму бытия, в виде воинских союзов, подчиненных Председателям Отделов «Русского Обще-Воинского Союза».

Это последнее соображение - даст возможность Армии продолжить своё существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза, не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности.

Никаких других целей образование «Русского Обще-Воинского Союза» не преследует, что Вам и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

ПЕРЕПИСКА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА И ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕОДОРОВНА удостоила меня нижеследующим письмом, которое предуказала предать гласности, что я и исполняю.

Список с письма:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Болезненно жгало сердце Мое, когда Я прочитала манифест Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя ИМПЕРАТОРОМ ВСЕРОССИЙСКИМ.

До сих пор нет точных известий о судьбе МОИХ возлюбленных СЫНОВЕЙ и ВНУКА, а потому появление нового ИМПЕРАТОРА Я считаю преждевременным. Нет еще человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды.

Боюсь, что этим манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а, наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России. Если же ГОСПОДУ БОГУ по ЕГО неисповедимым путям, угодно было призвать к СЕБЕ МОИХ возлюбленных СЫНОВЕЙ И ВНУКА, то Я, не заглядывая вперед, с твердой надеждой на милость БОЖИЮ, полагаю, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет указан НАШИМИ ОСНОВНЫМИ ЗАКОНАМИ, в союзе с ЦЕРКОВЬЮ ПРАВОСЛАВНОЮ совместно с РУССКИМ НАРОДОМ.

Молю БОГА, чтобы он не прогневался на НАС до конца и скоро послал НАМ спасение путем, ЕМУ только известным.

Уверяю, что ВЫ, как старший Член ДОМА РОМАНОВЫХ, одинаково со МНОЮ мыслите.

МАРИЯ.
21 сентября
4 октября 1924 г.
Хуадор

С подлинным верно
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Я счастлив, что ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕОДОРОВНА не усомнилась в том, что я одинаково с НЕЮ мыслю об объявлении себя Великим Князем КИРИЛЛОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ИМПЕРАТОРОМ ВСЕРОССИЙСКИМ.

Я уже неоднократно высказывал неизменное мое убеждение, что будущее устройство ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО может быть решено только на РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, в соответствии с чаяниями РУССКОГО НАРОДА.

Относясь отрицательно к выступлению Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА призываю всех, одинаково мыслящих с ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМ и мною, к исполнению нашего истинного долга перед родиной - неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России.

Да поможет нам ГОСПОДЬ.

7/20 октября 1924 г.
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
Шуаньи.

ГАРФ. Ф.5794. Оп.1. Д.41. Л.2.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ ГЕНЕРАЛУ П.Н.КУСОНСКОМУ

№ 1594/а
17 ноября 1924 года
Париж

Дорогой Павел Алексеевич, Прилагаю приказ В. Кн. (Великого Князя - В.Г.). Вы сами, конечно, учтете все его значение. Неясному, двойственному положению, длившемуся более 1 1/2 года, положен предел. Отныне В. Кн. Принимает на себя руководство и ответственность за таковое.

Приказ этот не предназначается для печати, однако. Он должен быть известен, его надлежит сообщить всем начальникам Отделов Р.О.В.С, всем входящим в Р.О.В.С. войсковым частям и союзам, как в Европе, так и в других странах света, где имеются организации, с нами связанные. Приказ этот в военной среде должен несомненно произвести благоприятное впечатление, что необходимо использовать, чтобы перейти, наконец, к порядку назначения председателей в в. (воинских - В.Г.) союзах. Это и предусмотрено приказом.

В связи с принятием на себя В. Кн. Непосредственно руководства работой, ему должны быть переданы и все имеющиеся средства, которые впредь будут использоваться по указаниям В. Князя. Таким образом Отделы Финансовый и Контроля из ведения моего выходят и в ближайшее время должны перебраться в Париж. В то же время ведение средствами, передаваемыми нами В. Князю, остается в руках лиц, коим интересы Армии особенно близки. Для доклада В. Князю по всем сметным предположениям В. Кн. Избрал Генерала Миллера, при коем остается настоящий начальник Финансового Отдела А.И. Цакони. Равным образом намечается передача Контроля в настоящем его составе с Н.Н. Чебышевым во главе.

Таким образом В. Князь, принимая на себя руководство зарубежным воинством, будет окружен близкими Армии людьми, людьми, которым особенно близки ее интересы.

Заместителем Генерала Миллера я намечаю Генерала Экка.

Запросите согласие Генерала Драгомирова по назначению его Начальником IV Отдела Р.О.В.С. В случае получения его согласия, я буду ходатайствовать об утверждении его в должности.

Итак, дорогой Павел Алексеевич, рубикон, наконец, перейден.

Жму вашу руку
Ваш П. Врангель

П/с. Настоящее письмо предназначается одновременно и Н.Н. Чебышеву.

ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д. 14. Л. 229.

ЦИРКУЛЯР ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ Н.Н. ЧЕБЫШЕВУ

Генерал Врангель
Н.Н. Чебышеву
№ 1646 а
25 ноября 1924 года

В связи с принятием на себя Великим Князем руководства Армией (включая все военные организации), все находящиеся в моем распоряжении средства должны поступить отныне в распоряжение Великого Князя.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволил утвердить доложенную мною смету Армии по 1-е апреля; никаких расходов сверх этой сметы без разрешения Великого Князя впредь производиться не будет.

Предписываю составить полное сведение о суммах, которые ныне передаются в распоряжение Великого Князя, после выделения сумм, необходимых для удовлетворения сметных предположений по 1-ое апреля, включая ликвидационные пособия.

Сведения эти надлежит прислать Генералу Миллеру в Париж.

Вам надлежит принять все меры, чтобы Финансовый и Контрольный отделы могли в ближайшее же время быть переведенными в Париж, в частности в срочном порядке закончить разборку архивов обоих отделов и завершение отчета по расходованию средств, вырученных от продажи просроченных закладов Ссудной казны.

Генерал Врангель

ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д. 14. Л. 241 - 242.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ

№53
3 декабря 1924 года
Гор. Париж

16-го сего ноября от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА мною получено следующее распоряжение:

«Главкомандующему Армией Генералу барону Врангелю. Получив письмо ЕЁ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬНИ ИМПЕРАТРИЦЫМАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, оглашенное 7/20 сентября сего года, я призвал всех, одинаково мыслящих с ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВОМ и мною, объединиться и продолжить работу на дело спасения России.

Для полного объединения в моем лице всех военных, я впредь принимаю на себя руководство через Главкомандующего, как Армией, так и всеми военными организациями.

Приказания войсковым частям и означенным военным организациям будут мною отдаваться через Главкомандующего.

Все начальники отдельных частей, военных учреждений, военных заведений, военных организаций, а также председатели офицерских союзов и объединений будут назначаться мною.

Приказываю Главкомандующему объявить настоящее мое решение всем, кому надлежит, к точному и неуклонному исполнению.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
16-го ноября 1924 г.
Шуаньи.

Объявляя настоящее распоряжение Верховного Главкомандующего, приказываю, в дополнение приказа моего № 35, принять к руководству следующее:

- 1) Все военные организации, сохраняя свои названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок «внутреннего» установления, будут иметь во главе Председателя или Начальника не «выборного», а назначаемого ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ.
- 2) «Выборность» членов Правлений сохраняется, но Председателю Союза (Общества)

предоставляется право отвода членов Правления. В этом случае подлежащий замене член Правления или замещается очередным кандидатом, или производятся новые выборы недоступающего члена.

3) Общее руководство деятельностью всех военных организаций в каждой стране или группе стран возлагается на соответствующего Председателя отдела Р.О.В.Союза, причем для облегчения последнему работы по руководству и согласованной деятельности всех военных организаций, входящих в данный Отдел, при Председателе Отделом должны быть образованы, в качестве совещательного Органа, особые «совещания» из Председателей Союзов, Обществ и Начальников воинских частей, входящих в данный Отдел.

4) Образованные в некоторых странах полковые объединения ряда полков сохраняются, но лицо, возглавляющее такие объединения, впредь будет назначаться. Лицо это, будучи председателем полкового объединения, вместе с тем является и начальником кадрового состава полка.

Примечание. 1) В «кадровый состав» полка входят все офицеры, принимавшие в составе своего полка участие в Великой и Гражданской войнах. В состав «полкового объединения» могут входить все лица, когда-либо служившие в полку в офицерских чинах.

2) если полк сохраняется как отдельная строевая часть, то командир этой части является и председателем полкового объединения.

5) Для руководства кадровым составом полка, Начальник его создает при себе совещание из чинов кадра по своему назначению.

6) Согласно письма начальника канцелярии Верховного Главнокомандующего от 30 ноября сего года за № 2, образованное на основании п.4 сего приказа, объединение Гвардейских полков будет впредь возглавляться особым лицом, назначаемым ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ.

7) Все назначения лиц, предусмотренные в пп.1, 3, 4 и 6 сего приказа, будут производиться ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ по моему представлению.

8) Во всех остальных частях приказ мой № 35 от 1-го сентября остается в силе.

Подлинный подписал генерал Врангель
Скрепил генерал-лейтенант Кусонский
С подлинным верно генерал-лейтенант Архангельский

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.111 - 111 об.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА П.Н ВРАНГЕЛЯ РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 6

16 января 1926 г.

Сремски Карловци

Переданные мною в свое время Верховному Главнокомандующему имевшиеся в моем распоряжении казенные средства в настоящее время истощены.

Начальник канцелярии по военным вопросам при Верховном Главнокомандующем Генерал-Лейтенант Кондзеровский, письмом от 12 января с.г. за № 9 по повелению ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА уведомляет меня, что Великий Князь «не предвидит никаких средств для обеспечения с 1 марта с.г. сметы Р.О.В.Союзу, почему 1 марта является сроком окончания всяких сметных ассигнований на Р.О.В.Союз».

В предвидении неизбежного сокращения средств, мною с первых дней по оставлении Родины была намечена и в течение пяти лет упорно и планомерно проводилась в жизнь работа по переходу Армии к новым формам бытия, применительно к новым условиям жизни, по переходу частей на трудовое положение, по проведению в жизнь начал самообеспечения.

Общими усилиями всех чинов Армии эта большая работа ныне закончена.

Армия стала на ноги.

Люди собственным трудом не только обеспечивают свое существование, но отчислениями с заработка покрывают наиболее острые нужды своих родных частей. Выработавшаяся за эти годы самодеятельность значительно сократила круг деятельности начальников, давая возможность, по мере того, как часть становилась на ноги, младшим начальникам переходить на частные заработки, уделяя свободное от частной работы время для выполнения служебных в

отношении своей части обязанностей.

Уже 3 июня минувшего года было предоставлено право переходить на частные заработки начальникам отдельных частей, а с 1 января сего года все начальники обеспечивают себя собственным трудом; тогда же, 3 июня минувшего года, старшие войсковые начальники были поставлены в известность о том, что в недалеком будущем и они будут вынуждены искать себе частные работы.

При этом, однако, указывалось, что «и тогда, когда от Главнокомандующего до солдата все будут жить на частные заработки, Армия не умрет».

Когда в первые дни оставления нами Родины Французское Правительство поспешило заявить, что в отношении армии «Франция считает себя освобожденной от всяких обязательств», когда последние средства Правительства Юга России оказались в руках образовавшегося в Париже «Совещания Послов», когда враги Армии готовились справлять по ней тризну, я обратился к вам, родные соратники, с призывом общими силами спасти Армию - последнее достояние Великой России. С тех пор прошло пять лет. Армия жива.

ОНА БУДЕТ ЖИТЬ ВОПРЕКИ ЖЕЛАНИЯМ ВРАГОВ, ЖИТЬ И ДАЛЕЕ.

1. Призываю всех чинов Р.О.В.С., во имя сохранения родных вам частей и ваших союзов, продолжить пополнение ваших войсковых запасных капиталов, капиталов взаимопомощи и т.д.

2. Приказываю всем начальникам Отделов Р.О.В.С: а) принять все меры к скорейшему устройству тех чинов войсковых кадров, которые еще не обеспечены частными заработками, б) принять меры к переводу на основы самокупаемости войсковых собраний, общежитий и т.д., в) принять меры к привлечению средств для помощи Р.О.В.С. от местных частных и правительственных организаций.

Со своей стороны в этом отношении я сделаю все, чтобы сохранить родную Армию до того дня, когда Верховный Главнокомандующий призовет нас к выполнению долга перед Родиной.

Непоколебимо верю, что с помощью Божьей и тех русских людей, которые не раз в трудные дни жизни Армии мужественно подымали голос в ее защиту, Армия будет сохранена.

Успех дается тем, кто умеет жить, умеет дерзать, умеет терпеть.

АРМИЯ БУДЕТ ЖИТЬ.

Настоящий приказ объявить всем чинам Армии (Р.О.В.С).

Генерал ВРАНГЕЛЬ
Генерал-лейтенант КУСОНСКИЙ

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.29. Л.87 - 87 об.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА П.Н. ШАТИЛОВА ГЕНЕРАЛУ П.А. КУСОНСКОМУ

6 июня 1926 года
Аньер

Дорогой Павел Алексеевич,

С одной стороны, ввиду Твоей просьбы поделиться с Тобою сведениями о том, что в настоящее время происходит в Париже, в связи с пребыванием Петра Николаевича здесь, с другой стороны, вследствие того, что просто я имел потребность поделиться своими настроениями, я постараюсь описать, насколько могу, сложившуюся здесь обстановку.

Должен Тебя предупредить, что не все мною воспринимается, учитывается Петром Николаевичем точно также, как и мною, но мне кажется, что моя оценка событий, как принадлежащая лицу, стоящему в стороне, может представить особый интерес, ибо я могу быть не только объективным, но и более откровенным.

В общем, положение для Русской Армии складывается чрезвычайно тяжелое. Может быть за все время нашего изгнания никогда еще наша судьба не находилась под такую сильную угрозою удара, направленного на истребление нашего армейского организма. Как ни грустно сознавать это, но этот удар направляется не нашими врагами, а окружением того Лица, которое мы признали своим Вождем, да, конечно, и им самим. Я лично считаю, что Р.А. (Русская Армия - В.Г.) может жить, особенно в нынешних новых и тяжелых условиях ее бытия, имея во главе того, кто спас ее после разложения Новороссийска, кто вывез ее из Крыма и кто 6 лет работает на создание условий, при которых Р.А., при всяких изменениях обстановки, могла бы

продолжать свое существование. Ясно, что я говорю про Петра Николаевича. И вот ныне возможность нахождения его на должности ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО находится под серьезным ударом.

Тебе, конечно, известно, как постепенно углубляется недоверие и резкость ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ по отношению к П.Н. (Петру Николаевичу Врангелю - В.Г.). Во время первых дней пребывания П.Н. в БРЮССЕЛЕ я докладывал ему о той сгущенной атмосфере, которая к тому времени создалась в ШУАНЬИ. Ты, конечно, хорошо знаешь, что со стороны П.Н. всегда проявлялась по отношению к В.К.Н.Н. (великому князю Николаю Николаевичу - В.Г.) полнейшая лояльность. П.Н. я ни в каком случае не могу упрекнуть в каком-либо даже невольном промахе, который мог бы способствовать обострению отношений между ними. П.Н. Сам, будучи совершенно уверен в том, что с его стороны не было и ничего такого, что могло бы послужить к ухудшению отношений, говорил мне, что я ошибаюсь в оценке настроения ШУАНЬИ, и что, напротив, он имеет ряд доказательств обратного (личное письмо в ответ на сообщение о средствах; ссылка, в одном из распоряжений В.К. на приказ № 82, польза коего раньше ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ оспаривалась), и вот, в уверенности в возможности дальнейшего сотрудничества с В.К. и с полным желанием наладить вопрос обеспечения Р.А. средствами, П.Н. приехал в Париж. Первая его встреча с В.К., казалось, давала основание рассчитывать на улучшение в дальнейших отношениях В.К. с П.Н. Но это впечатление продолжалось недолго.

С места возник вопрос о возможности вступления военнослужащих в состав образовавшихся после Зарубежного Съезда объединений, «Патриотического» и «Центрального», не посоветовавшись с П.Н., В.К. дал словесное А.Н. КРУПЕНСКОМУ разрешение на участие военных в этих объединениях. ...В конце концов, вчера получено через Генерала КОНДЗЕРОВСКОГО предписание В.К., подтверждающее приказ № 82 в отношении указанных выше политических группировок, но лишь временно, до той поры, пока их работа не будет ясна В.К.

...Вчера получил, через Генерала КОНДЗЕРОВСКОГО ответ, в котором от имени В.К. сообщается о переложении не позднее 1 Августа 1926 года, работы Штаба Р.А. на Управление Ютдела, о сокращении, кроме того, сметы еще на 150 долларов и о переезде П.Н. в Брюссель. Далее указывается, что П.Н. должен докладывать В.К. обо всех решительно суммах, находящихся в его, П.Н. ведении или имеющих поступить впредь и что в случае, если новых средств изыскано не будет, то от В.К. последует распоряжение об изменении на этот случай организации Р.О.В.С.

Ты не можешь себе представить, какое тяжелое чувство я испытывал, читая это распоряжение. Оно сплошь пропитано недоверием П.Н. и желанием отнять у него возможность производить по своему усмотрению даже самые мелкие ассигнования. Как видишь, обстановка сложилась совершенная нетерпимая. Полное игнорирование Петра Николаевича ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ и проявление недоверия к первому подчеркивается в каждом сношении, в каждом разговоре с людьми, непосредственно работающими с Е.И.В. (Его Императорским Высочеством - В.Г.). Мало того, намеченные шаги совершенно ясно для меня направлены к полному уничтожению всего того, что было с таким трудом достигнуто за 6 лет нашего изгнания. Все подготавливается к тому, чтобы с передачей работы Штаба Управлению I Отдела постепенно создать впечатление ненужности должности ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО и, переместив генерала ЛУКОМСКОГО на место Генерала Хольмсена, сосредоточить в руках первого все доклады по Р.О.В.С. с тем, чтобы, как показывает в своем сношении КОНДЗЕРОВСКИЙ, подготовить для нашей организации еще какую-нибудь экзекуцию. Во всем этом деле окружению В.К. надо было бы еще осуществить мероприятия, которые вынудили бы П.Н. уйти самого, так как прямое отчисление для них было бы невыгодно. Работа в этом отношении уже началась.

Сношения КОНДЗЕРОВСКОГО; последнее предписание В.К., не разрешающее вопроса о применении приказа № 82; беседы Лукомского; уклонение В.К. от принятия докладов от П.Н., - все это свидетельствует о желании создать обстановку, при которой сохранение П.Н. за собою должности ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО стало бы невозможно.

Мне всегда казалось, что окружение В.К. очень желает уничтожить наш армейский организм, с тем, чтобы лишить П.Н. возможности иметь неустанное влияние на своих соратников. Однако, я еще недавно думал, что ШУАНЬИ никогда не решится подрубать тот сук, на который оно отчасти и само опирается. И не согласится на уход П.Н. Однако, в последние дни я убедился в том, что эти мои предположения неверны и сегодня было этому убедительное доказательство.

В беседе с П.Н. Лукомский объяснил, что в нынешних условиях взаимного недоверия, единственным выходом из положения был бы, пожалуй, отход П.Н. от работы, о возможности

чего, в связи с создавшимся в ШУАНЬИ и П.Н. отношениях, он, П.Н., высказывается.

Я сегодня долго говорил с П.Н. Мы взвешивали все доводы, которые, казалось бы, требуют от П.Н. и дальнейшей борьбы, как за свое положение, так и за существование Р.А. Эти доводы, конечно, требуют полного напряжения всех усилий для противодействия создавшимся в ШУАНЬИ ликвидационным стремлениям. Но, с другой стороны, взвешивая все шансы на успех этой борьбы, мы не могли с грустью не констатировать, что условия не равны. Одной стороне дозволено все. П.Н. не имеет даже возможности сообщения кому бы то ни было фактической стороны дела. Он фактически лишен возможности делать непосредственные доклады В.К., все же окружение последнего настроено против П.Н. и нисколько не заинтересовано в сохранении Р.А. (Р.О. В.С.). П.Н. лишен даже возможности расходовать остатки средств по своему усмотрению. Оставаясь же на должности ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО примириться со всем происходящим и просто плыть по течению, участвуя тем самым в разложении воинской организации - не в его характере и недостойно его прошлого. Положение усугубляется еще и тем, что в ПАРИЖЕ почти во всех политических организациях ясно сознается ничтожность личности В.К. По заявлению, сделанного на собрании одной из центральных политических организаций, карта В.К. бита. Люди из крайне правого лагеря заявляют, что они сделали ставку на «пустое место». Более левые круги только и думают о том, чтобы им без скандала отойти от Вождя. К П.Н. один за другим приходят политические и общественные деятели, дабы поведать ему о глубине своего разочарования. Может создастся сама собою обстановка, при которой злонамеренные лица начнут убеждать В.К., что источником начинающегося к нему охлаждения является П.Н. При таких условиях может произойти прямое его отчисление, что Армия переживет еще более тягостно, нежели уход его в порядке необходимости сберечь возможно дольше последние остатки наших средств.

Завтра П.Н. едет в ШУАНЬИ, куда его вызывает В.К. Лично у меня мало надежды на то, что это свидание может урегулировать сложившиеся ненормальные отношения. Я прежде всего уверен в том, что В.К. просто не даст П.Н. возможности высказаться. Если же наступит некоторое смягчение отношений, то все равно дальнейшая работа окружения постепенно создаст обстановку, еще худшую нынешней. Я бы видел еще спасение в отъезде П.Н. в СРЕМСКИ КАР ЛОВЦЫ, но, к сожалению, этого не позволяют нам средства, во-первых, а во-вторых, уже получено, как я писал выше, распоряжение В.К. о переезде по финансовым соображениям П.Н. в Брюссель.

Дай Бог, чтобы все то, что я написал, хотя бы в части являлось ошибочным или преувеличением, чему я, однако, не верю совершенно. Поведать же Тебе мои мысли я счел своим долгом.

Есть еще один вопрос, меня озабочивающий. Необходимо стремиться к тому, чтобы возможный уход П.Н., если он состоится, не имел бы последствием разрушение армейской организации. Надо принять все меры к тому, чтобы все начальники отделов остались бы на месте. Конечно, если П.Н. примет к этому меры. Но надо, чтобы и мы друг друга в этом поддерживали. Я убежден, что разложение в рядах общественности выедет В.К. из строя. Тогда только имя П.Н. сможет вновь спаять нашу армейскую среду, если только она к тому времени не разложится окончательно под влиянием действий наших внутренних врагов. А для этого надо нам всем быть на местах, пока не последует свыше кое кого фактическое отчисление.

О получении Тобою этого письма в срок не откажи уведомить меня, независимо от ответа по существу.

Крепко жму Тебе руку и желаю всего хорошего.

Твой

Подпись

ГАРФ. Ф.5853. Он.1. Д.26. Л.125 - 134.

ПРИКАЗ РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 1

25-го апреля 1928 года

Шуаньи

Сегодня волей Божией скончался горячо любимый и высокочтимый всеми соратниками Главнокомандующий Русской армией Барон Петр Николаевич Врангель.

Глубоко скорблю со всеми о столь безвременной и тяжелой утрате. Мир его праху и вечная память.

В Великую войну Барон Врангель начал свое славное боевое поприще геройской атакой во главе 2-го эскадрона Конной Гвардии, взявши в конном строю Германскую батарею. Затем блестяще командовал кавалерийскими частями до дивизии включительно.

За Гражданскую войну, командуя различными частями Добровольческой Армии, он одержал ряд славных побед.

С назначением Главнокомандующим Добровольческой Армией вселил в нее дух, давший ей возможность вести долгую, тяжелую борьбу с превосходными силами противника.

После беспримерной эвакуации Крыма Генерал Барон Врангель на чужбине, при самых тяжелых условиях, сохранил кадры доблестных частей Армии.

Благодарное чувство к заслугам горячо любимого Главнокомандующего Барона Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех Русских людей.

Подлинный подписал:
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
С подлинным верно:
Генерал-Лейтенант Хольмсен

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 157.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. КУТЕПОВА

№ 1
г. Париж
2 Мая 1928 года

1.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ 29-го Апреля с.г. отдал по Русскому Обще-Воинскому Союзу следующий приказ:

«Генерала от Инфантерии и Кутепова назначаю Председателем Русского Обще-Воинского Союза, объединяющего части Зарубежного Русского Воинства и все существующие воинские организации и союзы.

По всем вопросам, касающимся Русского Обще-Воинского Союза, Генерал от Инфантерии Кутепов докладывает непосредственно мне».

Объявляя о таком приказе Верховного Главнокомандующего, уверен, что все чины Союза помогут мне в дальнейшем ведении нашего трудного общего дела.

2.

Русский обще-Воинский Союз и все русские люди, находящиеся за рубежом, только что понесли тяжелую утрату в лице только что скончавшегося Главнокомандующего Генерал-Лейтенанта Барона Петра Николаевича Врангеля.

Беспредельная вера в нашего Верховного Главнокомандующего, Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, должны поддерживать в нас всегдашнюю бодрость и вселять непоколебимое убеждение в скором окончании нынешнего безвременья.

Неизгладимая же память о нашем покойном Главнокомандующем и Председателе Русского Обще-Воинского Союза, Генерале Бароне Врангеле, да укрепит в нас желание упрочить в Зарубежном Русском Воинстве славные традиции нашей старой доблестной Русской Армии.

Подлинный подписал:
Генерал от Инфантерии КУТЕПОВ
С подлинным верно: Генерал-Лейтенант Стогов

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 162 - 162 об.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. КУТЕПОВА

№ 8

14 июня 1928 г.

г. Париж

Настроение общественных кругов всего Русского Зарубежья с особой яркостью подчеркнуло исключительное значение нашего военного единства, выявившееся с такой силой в пережитые нами дни кончины Главнокомандующего, Генерала ВРАНГЕЛЯ.

С полной убежденностью можно сказать, что так называемое разложение эмиграции коснулось, главным образом, тех ее элементов, кои стояли вне воинских организаций. Такие явления, как преступность, смена вех и т.п. удел не состоявших в твердых военных организациях, т.к. последние служат сдерживающим началом.

Чем ближе момент падения советской власти, тем крепче мы должны держаться наших военных организаций.

Только этим мы принесем России будущего ту пользу, которую она вправе рассчитывать получить от Зарубежного Воинства в деле создания Армии, отвечающей потребностям возрожденной Родины.

В настоящее время первейшая и главнейшая наша задача заключается в единении и сохранении тех заветов, кои в нас заложены прежней нашей службой под увенчанными славой ИМПЕРАТОРСКИМ знаменами и той поистине героической борьбой, которую русские офицеры, солдаты и казаки выдержали с поработителями Русского народа.

Даже враги, исследуя минувшую войну, отдали должное нашей доблести и выносливости, поставив в этом отношении нашу Армию на первое, вполне ею заслуженное, место.

Но, к сожалению, нельзя не указать и некоторых присущих нам недостатков - невыдержанности в долгих усилиях и нетерпения.

У нас нет упорства и настойчивости.

Докажем же в переживаемое нами лихолетье, что Русское Зарубежное Воинство не только сохранило доблесть и заветы нашей старой Армии, но, путем трудной эмигрантской жизни, научилось выдержке и длительным усилиям и, несмотря на подчас тяжелые условия, сохранило свою военную организацию и сумеет ее довести до момента возрождения своей Родины, чтобы помочь ей создать прежнюю могучую и славную Армию.

Русский Обще-Воинский Союз должен составить действительно одну общую и могучую военную организацию, послушную воле Верховного Главнокомандующего ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Генерал-от-Инфантерии КУТЕПОВ

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 174.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. КУТЕПОВА РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

г. Париж

24 -го Декабря 1928 г.

(6-го Января 1929 г.)

§1

5-го Января 1929 года (23 Декабря 1928 года) в 9 часов 30 минут вечера волею Божьей почил наш Верховный Главнокомандующий ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ.

Скорбная весть разносится теперь по всему миру, и все русские люди узнают о тягостной утрате.

Тоскливо сжимается русское сердце от нового испытания.

В лице почившего Великого Князя, мы потеряли того, Кто всей своей жизнью являл достойный пример служения Родине.

Да будет же светлая память о нашем Вожде той силой, которая сплотит всех нас для продолжения задачи, поставленной себе Великим Князем. Будем безо всяких отклонений следовать путем бескорыстного служения Родине, которым вел нас в БОЗЕ почивший Верховный

Главнокомандующий.

§ 2

С сего числа вступаю в исполнение обязанностей, которые ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ выполнял в отношении Русского Обще-Воинского Союза, объединяющего части Зарубежного Русского Воинства и все существующие воинские организации и союзы.

Велика наша скорбь и наша тяжелая утрата, но я уверен, что и это испытание не сломит нашего воинского духа и жертвенной готовности освобождения нашего Отечества.

Генерал Кутепов

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.211.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 1

г. Париж

27 января 1930 года

26 января генерал Кутепов в 10 ч. 30 м. утра вышел из дома и более не возвращался к себе.

В виду неизвестного отсутствия Председателя Р.О.В.Союза генерала-от-ин-фантерии Кутепова, я, как старший заместитель его, вступил в должность Председателя Р.О.В.Союза.

Генерал Миллер

Генерал-лейтенант Стогов

Часовой-1930 N25-С.2.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО РОВСа О СОБЫТИЯХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Не для печати

№ 276

15 апреля 1932 года

г. Париж

Для уяснения дальневосточных событий и возможных последствий для российских национальных интересов считаю необходимым сообщить Вам следующие основные положения, с которыми и прошу ознакомить подчиненных Вам членов Р.О.В.Союза.

1) Внутрироссийская обстановка такова, что рассчитывать на свержение советской власти одними внутренними силами без толчка извне не приходится;

2) Ни одно пограничное с СССР государство, по целому ряду причин, не выступит против СССР с исключительной целью свержения коммунистического строя, если не последует каких-либо особых мировых событий;

3) Советская власть, как исполнительный орган III Интернационала, преследующая цели мировой революции и распространяющая коммунистическую пропаганду как в самой Японии, так и, в особенности, среди широкой массы населения Китая, двухлетней разрухой подготовленного к восприятию и уже отчасти воспринявшего лозунг - «грабь награбленное», является для Японии абсолютным врагом, и это вполне понимается наиболее прозорливыми государственными деятелями Японии;

4) Для выполнения своей национальной задачи на азиатском материке, Япония, казалось бы, неминуемо должна столкнуться с советским правительством, которое никогда не прекратит свою коммунистическую пропаганду в Китае;

и 5) Япония, в случае своего столкновения с СССР будет бороться как с коммунизмом (в этом наши интересы совпадают с японскими), так и во имя своих собственных японских интересов, не совпадающих с национальными - Российскими.

Исходя из этих основных положений, нам предстоит избрать свою собственную линию

поведения.

Ожидать выступления против СССР какой-либо державы с исключительной целью уничтожения советской власти, как несущей коммунистическую заразу, не приходится. ПОЛАГАТЬСЯ ТОЛЬКО НА Волю Божию, а самим скрестить руки и ждать - было бы преступно. Необходимо искать выход, между прочим, и в попытке сговора с Японией, основываясь на частичном совпадении наших интересов. При этом надо иметь в виду, что, во-первых, русские действия в крупном масштабе для свержения советской власти на Дальнем Востоке немыслимы без сговора с Японией и, во-вторых, что отсутствие такого сговора могло бы лишь увеличить последующую опасность для Русских интересов на Дальнем Востоке со стороны Японии. Риск потери для России выхода на Тихий океан, вследствие японо-советского столкновения, - несомненен, но уменьшить этот риск возможно лишь путем предварительного сговора с Японией.

Япония, если сочтет для себя выгодным и своевременным, выступит против СССР и вне зависимости от сговора с Русскими национальными силами, но отсутствие такого сговора может лишь облегчить дальнейшее развитие России на Дальнем Востоке.

Стремясь к такому сговору и к самостоятельным, при известном соглашении с Японией, действиям на Русском Дальнем Востоке, направленным к свержению там советской власти, нам надо, насколько возможно, усилить свой собственный вес в глазах Японии, для чего особенно необходимо, чтобы наша военная дальневосточная эмиграция была организована и готова во всех отношениях для поддержки восстаний, могущих возникнуть на советской территории.

Конечно, надо стремиться и к тому, чтобы и вся русская эмиграция действовала не разрозненно и сообща выявила бы собой подлинный лик Русского народа и говорила одним языком.

Пропустить такой исторический момент было бы равносильно преступлению перед Отечеством. Если мы не используем его и Япония, без нашего участия, то есть без участия русских национальных элементов, разрешит дальневосточную проблему в узких пределах своих японских интересов, то можно опасаться, что в дальнейшем будет исключена всякая возможность применения в этих краях наших сил.

Приложения: копии настоящего письма для рассылки во вверенные Вам организации Р.О.В. Союза.

Генерал Миллер

ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.48. Л. 142 - 142 об.

**РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТЫ, ПРОВЕДЕННОЙ ГЕНЕРАЛОМ Е.К.МИЛЛЕРОМ
СРЕДИ СТАРШИХ НАЧАЛЬНИКОВ РОВСа В НАЧАЛЕ 1934 ГОДА,
О НАИБОЛЕЕ ПРИЕМЛЕМЫХ КАНДИДАТАХ НА ДОЛЖНОСТЬ
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА**

Фамилии генералов и адмиралов	1-й кандидат	2-й кандидат	3-й кандидат	4-й кандидат	5-й кандидат	Всего из 24 поданных голосов
Абрамов	15	1	3	1	-	20
Драгомиров	4	5	2	-	-	11
Кедров	3	5	2	-	-	10
Шатилов	1	5	-	1	-	7
Барбович	-	1	7	-	-	8
Краснов	-	2	-	-	-	2
Витковский	-	2	-	-	-	2
Эрдели	-	1	1	-	-	2
Лукомский	-	-	2	-	-	2
Деникин	1	-	-	-	-	1
Репьев	-	-	1	-	-	1

Дитерихс	-	-	1	-	-	1
Головин	-	-	1	-	-	1
Кусонский	-	-	1	-	-	1
Подгорный	-	-	-	1	-	1
Зинкевич	-	-	-	-	1	1

ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.344.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ПОДСЧЕТА ГОЛОСОВ, ПОЛУЧЕННЫХ К 8 АВГУСТА 1935 г.,
В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПРОСА, ПРОВЕДЕННОГО В ОТДЕЛАХ РОВСа,
ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ ПОПУЛЯРНОСТИ КАНДИДАТОВ НА ДОЛЖНОСТЬ
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА**

Фамилии генералов	I отдел	II отдел	III отдел	Всего
Драгомиров	13	7	3	23
Барбович	5	11	6	22
Шатилов	5	4	2	11
Кедров	2	4	3	9
Головин	3	2	4	9
Краснов	3	2	0	5
Зинкевич	0	2	3	5
Кусонский	0	1	4	5
Витковский	0	2	3	5
Абрамов	4	0	0	4
Казанович	1	2	1	4
Эрдели	0	1	2	3
Гулевич	0	1	2	3
Архангельский	1	1	0	2
Занкевич	1	0	1	2
Зегелов	1	0	1	2
Дениккн	0	1	1	2
Стогов	0	0	2	2
Дитерихс	1	0	0	1
Скоблин	1	0	0	1
Тихменев	1	0	0	1
Скалон	1	0	0	1
Эристов	0	1	0	1
Гурко	0	0	1	1
Флуг	0	0	1	1

ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.88.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 16
г. Париж
29 августа 1936 г.

Ввиду выхода генерал-майора Туркула из состава Р.О.В.С. впредь до назначения нового командира полка или возвращения Туркула в Р.О.В.С. и к занимаемой должности - группы Дроздовцев должны непосредственно или через начальство групп I армейского корпуса подчиняться во всех отношениях начальникам соответствующих отделов Р.О.В.С.

Генерал Миллер

ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.1.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА НА ЧЕСТВОВАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ 50-ЛЕТИЮ ПРОИЗВОДСТВА ЕГО В ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРСКИЙ ЧИН

4 октября 1936 г.
г. Париж
Зал «Гужон»

Ваше Высокопреосвященство, милостивые государыни и дорогие друзья.

От всей души благодарю Вас за Ваше доброе отношение ко мне, выразившееся как в том, что Вы пожаловали сюда, так и в тех многочисленных приветствиях, которыми Вы меня осчастливили и которыми я буду гордиться весь остаток моих дней.

Вполне понимаю, что большинство их относится не только ко мне лично, но, главным образом, к Председателю Русского Обще-Воинского Союза, самой многочисленной и сплоченной организации в эмиграции.

Благодарю Вас, что Вы пришли вместе со мной помолиться за то, что каждому из нас дороже всего - за достижение цели всех наших усилий и стремлений - «на враги же победу и одоление»...

«Жизнь прожить - не поле перейти», да не поле, а целый неизведанный материк, и сегодня я только могу благодарить Бога за Его милость ко мне, дозволившую мне благополучно пройти этот полувековой путь.

Что нужно страннику, отправляющемуся в долгую дорогу, чтобы благополучно достигнуть далекой цели? Во-первых, крепкие ноги, т.е. крепкая моральная основа для прохождения жизненного пути, во-вторых, благоприятная жизненная обстановка, хорошая погода и верные спутники, готовые оградить не только от заведомых врагов, но и от случайного укуса бешеной собаки или от изводящего роя комаров, и, в-третьих, верные указатели на пути, направляющие спутника среди безбрежного пространства именно к желанной цели.

И я должен благодарить Бога и людей, что для моего жизненного пути все это щедро дано.

«Указатели», чтобы не сбиться с должного направления - это мои бывшие начальники на разных ступенях моей службы, которые меня учили, показывая пример, как надо служить, и благодарным взором я обращаюсь к ним: Великий Князь Николай Николаевич, а затем, первые годы службы в генеральном штабе под руководством почтеннейшего генерала Ф.А. Фельдмана, которому я бесконечно много обязан, ибо он дал направление моей дальнейшей службы. Командуя полком, я многому и в жизненном, и в служебном отношении научился у начальника дивизии, доблестного генерала Плешкова, будущего командира 1 Сибирского стрелкового корпуса.

Я благодарно вспоминаю генерала Забелина, привлечшего меня второй раз в жизни на Новопетергофский проспект, в Николаевское кавалерийское училище для командования им, и затем всех трех командующих 5-й армией - генералов Плеве, В.И. Гурко и А.И. Драгомирова, которые, каждый по своему, были именно указателями мне в эти уже не молодые мои годы, как нужно служить и работать. Всем троим я многим и многим обязан.

И, наконец, совместная служба с генералом Врангелем - это был тоже указатель пути, по которому нужно следовать, чтобы придти к цели, твердо им намеченной.

Сейчас же, в эмиграции, в черные дни унижения и разорения нашей Родины, когда, конечно, наша цель еще не достигнута, пусть сегодняшний день праздника Председателя Русского Обще-Воинского Союза, когда Вы все пожаловали сюда, свяжет всех нас теснее, чем было до сих пор.

Дадим же себе слово не успокоиться, пока Россия не освобождена.

Вестник Общества Галлиполийцев. - 1936. - № 49. - С. 1 - 2.

**ПРИКАЗ ВИЦЕ-АДМИРАЛА М.А. КЕДРОВА
РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ**

№18

23 сентября 1937 г.

г. Париж

Вследствие безвестного отсутствия Генерала Миллера, впредь до вступления на должность Председателя Русского Обще-Воинского Союза его первого Заместителя, Генерал-Лейтенанта Абрамова, я принял на себя временное исполнение обязанностей Председателя Русского Обще-Воинского Союза.

Подлинный подписал
Вице-Адмирал Кедров
Скрепил и верно
Генерал-Лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.2. Л.63.

**ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА Ф.Ф. АБРАМОВА
РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ**

№1

24 Сентября 1937 г.

г. Белград

§1

21 сентября с.г. в Париже Начальник Русского Обще-Воинского Союза Ген. Миллер, выйдя из квартиры в город, домой более не возвратился.

Допуская предательское покушение на жизнь ген. Миллера со стороны наших врагов, я как 1-й заместитель ген. Миллера, вступаю в исполнение обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза с оставлением за собой обязанностей начальника III-го Отдела Р.О.В.С. и с постоянным пребыванием в гор. Софии.

§2

Помощнику начальника РОВС-а Вице-Адмиралу КЕДРОВУ, оставаясь в этой должности, вступить в исполнение должности Начальника 1-го Отдела Р.О.В.Союза.

Подлинный подписал
Генерал-Лейтенант АБРАМОВ
Скрепил и верно
Генерал-Лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.60.

ПИСЬМО ЖЕНЫ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА Н.Н. МИЛЛЕР В СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Милостивый Государь,
Господин редактор,

Не имея сил и возможности лично ответить всем объединения и лицам, выразившим мне соболезнования и добрые пожелания, обращаюсь к помощи Вашей газеты с просьбой передать всем мою глубокую благодарность и признательность за молитвы, теплые чувства и внимание, которые так ценны в эти ужасные дни. Примите уверения в совершенном почтении и уважении.

Наталья Миллер
7 октября 1937 года

Часовой. - 1937. - № 198. - С.3.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА СЛЕДОВАТЕЛЮ НКВД 10 ОКТЯБРЯ 1937 г.

Мне был предложен вопрос как я себе рисую выход из создавшегося для меня положения?

Выход лично для меня не зависит ни в какой мере от меня и потому рисовать себе его всё равно, что писать на воде.

Но этот вопрос заставил меня задуматься над гораздо более важным вопросом, где моя личность и моя судьба являются только маленьким эпизодом, а именно о выходе из создавшегося положения - разделении русского народа на две группы - эмиграцию, могущую свободно высказывать свои мысли (правда с риском подвергнуться судьбе ген. Кутепова и моей), и населения СССР, о мысли и настроении которого мало известно (по крайней мере вне СССР), а приезжающими из СССР лицами, покидающими СССР навсегда, они рисуются разны, но никто из них ещё не сказал, что массы населения действительно живут хорошо, благоденствуют и благодарят судьбу за установление над ними таких порядков, такой власти...

Ясно, что простая моя «ликвидация» в той или иной форме во многих кругах эмиграции может вызвать только новое озлобление, как это было после похищения ген. Кутепова.

Но мне говорят, что Кутепов жив. Это большой козырь для приискания путей примирения хоть бы и части эмиграции...

Какова (действительная) воля народа - за или против Советской власти и коммунистического режима? - Ждать ли народного взрыва или жизнь улучшается? ... Непредрешающая эмиграция, согласная идти по воле народа, должна быть осведомлена об этом русскими людьми (не гг. Эррио и другими иностранцами, которым никто не верит), но которым она может иметь полное доверие. Такими лицами сейчас находятся в России генерал Кутепов и Я, имена которых для членов РОВСа и для других офицерских и общественных организаций несомненно авторитетны - в разных кругах одно или другое имя.

Если бы нам дана была возможность лично убедиться объездом обоим вместе хотя бы части страны в том, что население не враждебно ко власти, что положение его улучшается, что оно довольно установившимися порядками в области экономической и общегосударственной - административной, и что оно не стремится в массе к перемене власти и общегосударственного порядка, одним словом, что существующее положение отвечает «воле народа», то наш долг был бы об этом сообщить эмиграции, дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию, население которой получило наконец такое правительство и такое государственное устройство, которое его удовлетворяет и соответствует улучшению его благосостояния.

Но нужны по крайней мере два голоса - Кутепова и мой, чтобы эмиграция, хотя бы не предубежденно, поверила им или по крайней мере прислушалась и задумалась бы о большинстве.

А там уже будет зависеть от Советского Правительства дать желающим вернуться возможность послать своих ходяков и вообще поставить возвращающихся в такие условия жизни, чтобы они не противоречили бы нашим заявлениям.

Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет, а вопрос о необходимости борьбы и самоуничтожения русских людей отпадет для большинства эмиграции тотчас же, в самое ближайшее время...

**РАСПОРЯЖЕНИЕ О ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА
В ОТНОШЕНИИ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА**

Военная коллегия
Верховного Суда
Союза СССР
Коменданту НКВД СССР
тов. Блохину
11 мая 1939 г. № 00180/л
Москва ул. 25 Октября
д. № 23 телефон 2-27-19

Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденного к расстрелу по закону от 1 Декабря 1934 года.

Председатель Верховной Коллегии
(В. Ульрих) подпись
Выданная личность
Иванов под № 110
Подтверждаю
Начальник Внутренней тюрьмы
Миронов подпись

ЦА ФСБ. Материалы на Е.К. Миллера. С.3.

ПРЕДПИСАНИЕ О ВЫДАЧЕ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА СССР
Начальнику
Внутренней Тюрьмы ГУГБ НКВД
СССР тов. Миронову
11 мая 1939 г.

Предписание

Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД тов. Блохину.

Народный комиссар
внутренних дел СССР Л.
Берия подпись

Арестованного Иванова под № ПО выдал коменданту НКВД.

Начальник Внутренней Тюрьмы
ГУГБ НКВД
Старший лейтенант государственной
безопасности
Миронов подпись
11.V/ 39 г.

Одного осужденного принял.

АКТ

Приговор в отношении поименованного сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховного Суда СССР приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД В. Блохин /подпись/
Начальник Внутренней тюрьмы
ГУТБ НКВД Миронов /подпись/
11/V. 39 г.

ЦА ФСБ. Материалы на Е.К. Миллера. Л.3 об.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА Ф.Ф. АБРАМОВА РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№16
20 марта 1938 г.
г. Белград

Выяснившиеся за последние пять месяцев общественно-политические условия не позволяют мне продолжать исполнение обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза на месте моего постоянного жительства. Ввиду чего приказываю в исполнение должности Начальника Русского Обще-Воинского Союза вступить Генерального Штаба Генерал-Лейтенанту А.П. Архангельскому.

Призываю всех чинов Русского Обще-Воинского Союза оказать своему новому Начальнику всемерную поддержку на его трудном и ответственном посту во имя великой идеи, которой мы все служим, - во имя спасения нашей Родины.

Приношу искреннюю благодарность всем, кто в трудные дни после гибели Генерала Миллера оказал Русскому Обще-Воинскому Союзу и его возглавлению свое доверие и моральную поддержку.

Генерал-Лейтенант Абрамов

Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 58. - С.8.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№17
23 марта 1938 г.
г. Брюссель

Приказом Русскому Обще-Воинскому Союзу от 20-го марта сего года за №16 Генерал Абрамов сдал должность Начальника Русского Обще-Воинского Союза, приказал мне принять таковую и вступить в ее исполнение.

Повинуясь по долгу службы сему Приказу, я, с полным сознанием возложенной на меня тяжелой ответственности и с твердой уверенностью в помощи мне всех чинов Русского Обще-Воинского Союза - во имя воодушевляющей всех нас идеи спасения Родины принял должность Начальника Русского Обще-Воинского Союза и вступил в исполнение обязанностей с сего числа.

Всю переписку, подлежащую отправлению на имя Начальника Русского Обще-Воинского Союза, направлять на мое имя по адресу:
366, rue Vanderkindere. Uccle.
Bruxelles. Belgique.

Генерал-Лейтенант Архангельский

Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 58. - С. 8.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 23

15 апреля 1938 г.

г. Брюссель

I

В связи с назревающими событиями у нас на Родине, мы должны быть более, чем когда-либо готовы, дабы, когда пробьет долгожданный и желанный час, вложить все силы, знания и большой опыт, приобретенный нашей прежней службой и долгим пребыванием в чужих странах, в огромную работу по восстановлению Национальной России и возвращению Ей былого величия, мощи и славы.

Чтобы выполнить это высокое назначение, мы, прежде всего, должны быть единым, мощным и сплоченным воинским организмом, основанном:

1) на строгой дисциплине, принятой на себя добровольным, во имя спасения Родины, вхождением и состоянием в Русском Обще-Воинском Союзе;

2) на самом высоком культе чести и достоинства, которыми всегда отличался Корпус Офицеров Русской Императорской Армии, естественным наследником и продолжателем коей являлись Армии, боровшиеся за освобождение России от большевиков;

3) на беззаветном выполнении своего служебного долга;

4) на неуклонном соблюдении во всех взаимоотношениях, как между собой, так и с другими организациями, борющимися за Россию, самой безукоризненной офицерской этики;

5) на жертвенной, бескорыстной готовности служения Родине, завещанной нам вождями Белого Движения.

Такой воинский организм, в единении со своими начальниками, стойко преодолет все препятствия на нашем пути, а на Родной земле явится мощным идейным ядром, готовым для кристаллизации около него здорового национального движения возрождающейся России и которое послужит естественной живой связью между нею и славным 1000-летним прошлым Великой России с ее вековыми устоями и заветами.

II

Для успешного выполнения нашего долга перед Россией, мы раньше всего должны быть готовы к продолжению нашей службы Ей по прямому нашему назначению, как офицеры.

Циркулярным предписанием моего предшественника, Генерала Абрамова от 5 марта сего года за № 93, уже предложено Начальникам Отделов Русского Обще-Воинского Союза организовать повторительные курсы по освежению воинских знаний чинов Русского Обще-Воинского Союза, по усвоению последними строевых уставов Красной Армии, а также тактики броневых войск и воздушного флота.

Подтверждаю к исполнению это предписание.

Предлагаю также Начальникам Отделов Русского Обще-Воинского Союза организовать, сообразно местным возможностям, систематические занятия по ознакомлению чинов Р.О.В.Союза с главнейшими явлениями военной, политической, экономической и социальной жизни, как у нас на Родине, так и в главнейших иностранных государствах, в особенности в тех, в которых наметились новые пути национального возрождения и социальных реформ.

Основной целью этих занятий ставить не разработку каких-либо программ или доктрин, которые могут быть выработаны только на Родной земле, при соприкосновении с действительной русской жизнью и в соответствии с духовной и материальной обстановкой, какая скажется после свержения большевиков, а только для понятия об основных принципах и направлениях, в которых ныне работает мысль военных и государственных деятелей, и о тех практических ме-

рах, которые принимаются в различных странах для проведения этих принципов в жизнь, в зависимости от их исторических и бытовых основ.

III

Организацию и посещение занятий по изучению политических и социальных вопросов нельзя смешивать с политической деятельностью и работой в составе политических организаций и партий.

Долгий опыт убедил нас в мудрости нашего Главнокомандующего Генерала Врангеля, воспретившего приказом 1923 года № 82, вхождение чинов Русского Обще-Воинского Союза в состав политических партий и обществ.

Этот приказ, по примеру своего предшественника Генерала Абрамова, подтверждаю к твердому и неуклонному исполнению, руководствуясь своевременно изданными дополнениями и разъяснениями.

Каждый член Р.О.В.С. может и должен выбрать между организацией воинской - Русским Обще-Воинским Союзом и организациями политическими, в зависимости от того, где он считает для себя более соответственным и более полезным для дела работы на Россию приложить свои силы.

Уход таких лиц из Русского Обще-Воинского Союза для работы в организациях политических (кроме, разумеется, пробольшевицких) не может считаться изменой нашему делу, а исключение коих из организаций Русского Обще-Воинского Союза вследствие состояния их в политических организациях и партиях - наказанием их за желание работать на политическом поприще.

Эти лица могут всегда возвратиться в ряды Русского Обще-Воинского Союза по представлению своих соответствующих начальников и представителей обществ и организаций, если, конечно, за время состояния вне Русского Обще-Воинского Союза, они ничем себя не запятнали в смысле нарушения офицерской этики.

IV

Многочисленные приветствия, полученные мною после вступления моего в должность Начальника Русского Обще-Воинского Союза и от воинских организаций, и от отдельных Г.г. Генералов и офицеров, а равно и от общественных деятелей и организаций, ярко подчеркивает, насколько наш Русский Обще-Воинский Союз дорог его чинам и ценится всей национальной общественностью.

Докажем, что мы достойны этой любви и высокой оценки.

Приказываю всем чинам Русского Обще-Воинского Союза сплотиться еще теснее около своих частей, союзов и объединений и напрячь все свои силы для сохранения и укрепления Русского Обще-Воинского Союза и для дружной работы по осуществлению важных задач, стоящих перед нами.

Наша сила в единении, в сознании правоты нашего Белого Дела и в горячем стремлении и решении довести его до конца.

Генерал-Лейтенант АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 61. - С.1 - 3.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

Не для печати
№ 36
г. Брюссель
22 октября 1938 г.

§1

В соответствии с современным политическим положением в Европе и некоторыми осложнениями в вопросе местонахождения Управления Русского Обще-Воинского Союза, а также в виду нежелательности для германских властей, чтобы проживающие в Германии русские военнослужащие подчинялись эмигрантскому военному центру, находящемуся вне пределов Германии, приказываю:

II отдел Русского Обще-Воинского Союза в теперешнем его составе, во главе с Началь-

ником его, Генерального Штаба Генерал-Майором фон-Лампе, выделить из Русского Обще-Воинского Союза в самостоятельную группу, с переименованием его в «Объединение Русских Воинских Союзов».

§2

Не сомневаюсь в том, что вновь созданное объединение, во главе с его начальником, Генерал-Майором фон-Лампе, назначенным представителем Главного Командования в 1920 году и бывшим Начальником отдела со дня основания Генералом Врангелем Русского Обще-Воинского Союза будет и в своей самостоятельной деятельности единодушным с нашим Русским Обще-Воинским Союзом, образуя тесный общий фронт в борьбе против коммунизма и оставаясь верным заветам всех наших белых вождей.

§ 3

Считаю своим долгом сердечно поблагодарить Генерал-Майора фон-ЛАМПЕ за долготное, твердое, полное такта и доброжелательности к подведомственным чинам руководство II отделом, а также заместителя его, Капитана I ранга НОВОПАШЕННОГО и непосредственных его сотрудников и председателей воинских организаций и представителей начальника отдела в других странах: Генерал-Лейтенанта БЕРЕЗОВСКОГО, Генерал-Майора БРЕСЛЕРА, Подполковников ХОДНЕВА и ЭНГЕЛЬГАРДТА, Капитана КОЛОГРИЕВА и Есаула ВРЯНИНА, а также всех чинов II отдела Русского Обще-Воинского Союза за преданность нашему общему делу и выразить уверенность в том, что в недалеком будущем все мы воссоединимся в единой Национальной Российской Армии.

§4

Одновременное состояние военнослужащих в Русском Обще-Воинском Союзе и в Объединении Русских Воинских Союзов - разрешается.

Подлинный подписал:
Генерал-Лейтенант АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ГАРФ. Ф.5796. Он.1. Д.3. Л. 95.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 5

9 февраля 1939 г.

г. Брюссель

Объявляю обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, последовавшее после моего представления доклада Его Императорскому Высочеству о Русском Обще-Воинском Союзе и его участии в объединении русской эмиграции, к которому призывает Великий Князь.

Алексей Петрович,

С удовлетворением выслушал Ваш доклад о состоянии Русского Обще-Воинского Союза и вхождении его в общее объединение эмиграции, к которому Я призываю.

Объединение эмиграции необходимо, Ибо только этим путем она может иметь авторитет и получить право на участие в разрешении русских вопросов.

Призывая к объединению эмиграции. Я считаю необходимым, чтобы все организации продолжали свое существование на прежних основаниях и прилагали все усилия к упрочению своих рядов и сохранению единства.

Русский Обще-Воинский Союз, являясь наибольшим ядром Русского Зарубежного Воинства, должен стремиться к сохранению своего единства и сплоченности.

Когда настанет момент, Я призыву всех к исполнению своего долга перед Родиной и мне отраднo знать. Что Русский Обще-Воинский Союз готов откликнуться на Мой призыв.

Я высоко ценю героическую борьбу, которую вели Белые Армии на всех фронтах, и не сомневаюсь, что чины Союза готовы и ныне отдать все силы на освобождение и восстановление России на ее исторических началах.

Прошу Вас передать чинам Русского Обще-Воинского Союза мой искренний привет.

Искренно Ваш ВЛАДИМИР
6 февраля 1939 г. С. Бриан

Под сенью Российского Императорского Дома развивалась и крепла Россия в течение более 300 лет и привет Его Главы и высокая оценка, данная его Императорским Высочеством подвигам Белых Армий и нашей готовности отдать все силы на служение Родине, нам особенно дороги и мы должны приложить все усилия для того, чтобы быть их достойными.

Входя в общее объединение эмиграции, к которому призывает Глава Российского Императорского Дома, Русский Обще-Воинский Союз должен продолжать свою работу, сохраняя в силе, как это подтверждено и его Императорским Высочеством, все свое основоположение, на котором он должен быть построен нашими Вождями и создателями Белого Движения. Поэтому мы должны знать, что на нас остается и вся ответственность за сохранение нашего единства и сплоченности и за нашу подготовку к выполнению стоящих перед нами задач.

Призываю членов Русского Обще-Воинского Союза к неустанной, как и раньше, работе, почерпая новые для сего силы в словах и оценке нас Главой Российского Императорского Дома.

Генерал-Лейтенант Архангельский

Часовой. - 1939. - № 230. - С.2 - 3.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 25

1-го сентября 1939 г.

Брюссель

1-го Сентября 1924 года Главкомандующий Русской Армией Генерал Врангель, отвечая стремлениям Зарубежного Русского Воинства к объединению и считая необходимым в новых формах бытие Армии связать возможно теснее всех, кто числит себя в ее рядах, образовал Русский Обще-Воинский Союз.

Пятнадцатилетний опыт существования последнего доказал правильность основ созданной Генералом Врангелем организации и ее жизнеспособность.

Несмотря на то, что Русский Обще-Воинский Союз потерял в течение этих лет своего незабвенного Основателя, двух трагически погибших в борьбе за Россию своих Начальников - Генералов Кутепова и Миллера и сам многократно подвергался разного рода испытаниям и нападкам, он тем не менее сохранил и свою идеологию, и свою стойкость и свое единство.

Чины его по-прежнему верны заветам и основоположениям своих Вождей и Белой идее, свято хранят лучшие традиции Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ Армии и готовы отдать все свои силы для борьбы за освобождение и восстановление Великой России.

Будем же и впредь бодры духом и, сохраняя все основы Русского Обще-Воинского Союза, неустанно работать над собой, дабы, когда придет желанный час, встретить его во всеоружии знаний и опыта, с непоколебленными воинскими добродетелями как надлежит честным, до самозабвения жертвенно преданным Родине, верным сынам Ее.

Памятуя, что в единении сила, призываю воинских чинов, временно отошедших от Русского Обще-Воинского Союза вследствие каких-либо недоразумений или случайной потери связи и оставшихся верными Родине и своему долгу, теперь же возвратиться в родные ряды и приказываю упростить возвращение таких лиц в свои части и организации.

Генерал-Лейтенант Архангельский

Часовой. - 1939. - № 244. - С.3.

**НОВОГОДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА
РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО**

При зареве пожарищ, при громе орудий является новый 1941 год.

Миновал еще год, как мы оставили родные пределы для продолжения нашей святой борьбы - за Россию.

Господь в своих неисповедимых путях, не судил еще даровать нашей Родине - освобождение, нам - счастье выполнить наш долг до конца.

Но мы о нем помним, верны - РОССИИ.

В крови и муках рождается новый мир. В построении его неизбежно примет участие и наша Россия. Час ее освобождения и нашего ей служения, не только здесь, но и на Родной Земле, близится.

Русские воины, верные своему долгу - будьте и в этом новом году, как всегда едины и тверды духом. Будьте готовы и достойны принять участие, совместно с Русским Народом, в освобождении и строительстве Великой РОССИИ.

Да поможет нам в этом Всемогущий Господь.

Генерал-лейтенант Архангельский
Брюссель, 1 января 1941 года

Часовой. - 1940. - № 254. - С. 7.

**ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.А. ФОН ЛАМПЕ
ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ВОИНСКИХ СОЮЗОВ**

№ 44

20 июля 1941 года

г. Берлин

Объявляю обращение Главы Российского Императорского Дома: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма - большевизма, который поработил и угнетает народы России в течение почти двадцати четырех лет, Я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма».

ВЛАДИМИР
26-го июня 1941
С. Бриан

ГАРФ. Ф.5853. Он.1. Д.69. Л.242.

**ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.А. ФОН ЛАМПЕ
ОБЪЕДИНЕНИЮ РУССКИХ ВОИНСКИХ СОЮЗОВ**

№ 46

17 августа 1941 года

г. Берлин

1.

21-го мая с.г. в предвидении неизбежности боевого столкновения между Германией и Россией я, будучи уверенным в том, что все чины Объединения, как основоположники белой борьбы, веденной большинством из них в 1917 - 1920 гг. против коммунистов, захвативших власть на нашей Родине, будут стремиться принять непосредственное участие в борьбе, которую возьмет на себя германская армия, - обратился к главнокомандующему армией (О.К.Х.) генерал-фельдмаршалу фон-Браухичу с нижеследующим письмом:

«Русские военные эмигранты с первого дня героической борьбы Германии за свое суще-

ствование с глубоким вниманием присматриваются к событиям, связанным с этой борьбой, и не считая себя в праве сказать свое слово, всеми силами стараются заменить ушедших в армию на фронт бойцов на их должностях в глубоком тылу, чтобы хотя в небольшой степени принять участие в борьбе Германии против Англии, векового врага Национальной России.

Для нас нет никаких сомнений в том, что в последний период борьбы она выразится в военном столкновении Германии с Союзом Советских Социалистических Республик. Это неизбежно уже в силу того, что коммунистическая власть, стоящая во главе нашей родины, никогда не сдержит ни своих договоров, ни своих обещаний уже по самой своей коммунистической сущности.

Мы твердо верим, что в этом военном столкновении доблестная Германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей ее коммунистической властью совнаркома. Мы верим в то, что в результате этой борьбы придет мир и благополучие не только для Германии, но и для Национальной России, верными которой остались мы, политические русские военные изгнанники, за все двадцать лет нашего пребывания вне России. Мы верим также, что в результате этой борьбы, которую ведет Германия, родится союз между Германией и Национальной Россией, который обеспечит мир Европы и процветание Вашего и Нашего Отечества.

И потому теперь, когда наступает новый, быть может самый решительный час, самая решительная стадия борьбы, в которой мы уже не можем удовольствоваться скромной ролью в тылу, а должны принять то или иное активное участие - я считаю своим долгом заявить вашему Превосходительству, что я ставлю себя и возглавляемое мною Объединение Русских Воинских Союзов в распоряжение Германского Верховного Командования, прося Вас, господин Генерал-фельдмаршал, дать возможность принять участие в борьбе тем из чинов его, которые выразят свое желание это сделать и физически окажутся пригодными».

22 июня с.г. мои предположения оправдались полностью - война Германии против СССР стала свершившимся фактом. От чинов Объединения, начиная с начальников отделов, моих непосредственных помощников и моих представителей на местах, и кончая отдельными членами Объединения и русскими военными служащими, ранее в его состав не входившими, я стал получать в массе заявления о готовности предоставить свои силы в распоряжение германского военного командования для общей борьбы и о стремлении принять участие в этой борьбе наравне с добровольными формированиями многих государств Европы. В силу этого я повторил мое обращение к генерал-фельдмаршалу Браухичу и, кроме того, пятого июля передал мое обращение по тому же вопросу на имя Вождя Германии рейхсканцлера Адольфа Хитлера. В этом последнем моем обращении я уже имел возможность дополнительно упомянуть о том, что к моему заявлению решили примкнуть также и руководители русских воинских организаций, оставшихся от Русской армии генерала Врангеля в Болгарии и бывшей Югославии.

10 июля я получил от министра Мейснера, в ответ на мое после обращения - сообщение, что по повелению рейхсканцлера мое письмо передано на обсуждение главного командования германскими вооруженными силами (О.К.В.). Сегодня в ответ на мои два письма генерал-фельдмаршалу фон-Брахичу мною получено сообщение, что в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии.

Этот ответ указывает на то, что в данное время и в предложенной мною форме применение русских воинских чинов в борьбе неосуществимо.

2.

Естественно, что чины русских зарубежных воинских организаций стремятся принять участие в борьбе с оружием в руках под русским Национальным флагом, как это делается сейчас добровольцами Бельгии, Дании, Испании и других стран.

В силу полученного мною от О.К.В. ответа это оказалось неосуществимым. На этом основании я считаю, что чины Объединения не связаны более в своих решениях. Принятым мною на себя от лица всего Объединения, обязательством и потому предоставляю каждому из них право в дальнейшем осуществлять свое стремление послужить делу освобождения Родины путем использования каждым в индивидуальном порядке предоставляющихся для этого возможностей (занятия должностей переводчиков в германской армии и ее тылу, поступления на службу на почту и т.д.).

Всем, эту возможность получившим, от лица Объединения и от себя лично, желаю полного успеха в проведении в жизнь принятого ими решения.

Однако усматривая, что полученный мною ответ, как видно из его краткого содержания, относится к настоящему времени и памятуя, что обстановка на войне не только меняется, но и

повелевает, я считаю, что мы, зарубежные русские воины, не должны терять надежды на то, что нам в конечном счете когда-либо удастся осуществить наши стремления в том виде, который нам кажется естественным. В силу этого приказываю:

1. Чином Объединения, которые поступят на ту или иную, связанную с борьбой за освобождение России службу, держать связь со своими начальниками воинских групп, входящих в состав Объединения.

2. Начальникам отделов Объединения и представителям на местах вести учет всех подчиненных им чинов, получивших службу и также поддерживать связь, позволяющую снестись с каждым из них во всякое время.

3.

Начальников отделов Объединения и моим представителям на местах принять все доступные им меры для того, чтобы настоящий мой приказ дошел до сведения всех чинов Объединения.

Начальник Объединения
Генерального Штаба Генерал-Майор фон-Лампе.

ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д. 69. Л.244 - 244 об.

ИЗ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА НАЧАЛЬНИКУ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛУ А.П.АРХАНГЕЛЬСКОМУ (1946 г.)

...Началась война. Вы отдали приказ 1 сентября 1939 г.: «Чины РОВС-а должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину». Что касается принявших иностранное подданство - это дело их совести. Но призывать служить одинаково ревностно всем - и друзьям и врагам России - это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов.

Советы выступили войной против Финляндии. Вы «в интересах (якобы) русского национального дела» предложили контингенты РОВС-а Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть «национального дела» в том, что русские люди сражались бы в рядах финляндской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще, и русский народ. А теперь уже нет сомнений в том, что при заключении перемирия Ваши соратники, соблазненные Вашими призывами были бы выданы Советам головой, как выдают теперь «власовцев».

Допустим, что это были ошибки. Всякий человек может добровольно заблуждаться. Но дальше уже идут не ошибки, а преступления.

Челобития Ваши и начальников отделов РОВС-а о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения, - такие челобитные иначе как преступными назвать нельзя.

Пропаганда РОВС-а толкала чинов Союза и в немецкую армию, и в иностранные легионы, и на работу в Германию, и в организацию Шпеера, вообще всюду, где можно было послужить потом и кровью целям, поставленным Гитлером. Уже 23 апреля 1944 г., когда не только трещали все экзотические легионы, но и сама германская армия явно шла к разгрому, Вы еще выражали сожаление: «даже к участию в «голубой испанской дивизии» не были допущены белые русские... Для нас это было горько и обидно...».

Но самое злое дело - это «Шютцкор» - корпус, сформированный немцами из русских эмигрантов, преимущественно из чинов РОВС-а в Югославии. Он подавлял сербское национальное восстание против немецкого завоевания. Тяжело было читать ростовчинские афиши главных вербовщиков и Ваше «горячее пожелание всем сил и здоровья для нового подвига и, во всяком случае, для поддержания зажженного ген. Алексеевым света в пустыне». Должно быть, праведные кости ген. Алексеева, покоящиеся на сербской земле, перевернулись в гробу от такого уподобления.

У Вас не могло быть даже иллюзии, что немецкое командование пошлет «Шютцкор» на Восточный фронт, ибо оно никогда такого обещания не давало.

В результате почти весь «Шютцкор» погиб. Погибло и множество непричастных русских людей не только от злодейства чекистов, но и благодаря той ненависти, которую вызвали в на-

селении Югославии недостойные представители нашей эмиграции. Русскому имени нанесен был там жестокий удар.

Правда, в 1944 г. Вы охладели к «Шютцкору», «из которого стали уходить здоровье и хорошие элементы», но было уже поздно. Ваши устремления направились на РОА, или так называемую «Армию Власова». И в то время, как несчастные участники ее, попав в тупик, проклиная свою судьбу, только и искали способов вырваться из своей петли, Вы с сокрушением писали: «нас не только не допускают в РОА, но, во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними».(...).

Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос: что было бы, если бы все призывы руководителей РОВС-а были услышаны, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели.

Вот те мысли, которые были высказаны мною на закрытом собрании, по возможности щадя Вас, и которые, по словам ген. Ионова, вызвали «общее негодование лучшей части Белого воинства против ген. Деникина».

Позвольте мне не поверить ни Вам, ни ген. Ионову.

После четверти века небывалых в истории испытаний уцелевшее русское воинство, раскиданное по всему земному шару, в большинстве своем и «в лучшей части» сохранило русский дух и русское лицо.

Ваше Превосходительство! Когда-то, в роковые дни крушения Российской империи, я говорил:

- Берегите офицера! Ибо от века и доньне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности.

К Вам и к тем, что с Вами единомышленны, эти слова не относятся.

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН.

Родина. - 1991. - № 6 - 7. - С. 104.

И.А. ИЛЬИН

ЧТО ТАКОЕ РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ (Р.О.В.С.)

**(Ко дню двадцатипятилетия, протекшего со дня его основания
Главнокомандующим П.Н. Врангелем)**

Двадцать пять лет тому назад, - 1 сентября 1924 года, - последний Главнокомандующий Русской армией, Петр Николаевич Врангель, преобразовал кадры ее в некое новое и небывалое еще в русской истории, воинское братство, наименованное им «Русским Обще-Воинским Союзом». С тех пор прошло четверть века. Это было трудное время, бурное, соблазнительное и для многих мучительное: эпоха политических и военных крушений. Сокрушалось всё, что изменяло чести, верности и духовной свободе. Русский Обще-Воинский союз, положивший в основу своего бытия именно эти начала, пережил эту эпоху и понес свое русское национальное знамя вперед. Да сохранит его ГОСПОДЬ и впредь, по последней предсмертной молитве его Главнокомандующего: «БОЖЕ, спаси Армию!»...

Пишущему эти строки пришлось недавно услышать вопрос о том, что такое Русский Обще-Воинский Союз, и не есть ли он политическая партия? - Ответ, данный им по личному разумению, он ныне предлагает на всеобщее обсуждение.

«Русский Обще-Воинский Союз никогда не был политической партией и, если он когда-нибудь превратится в таковую, то он изменит своему основному существу.

«Политическая партия делит свой народ на своих и чужих, и ищет успеха именно своим; примеров тому было у нас достаточно перед глазами. Она отправляется не от Целого и думает не о Целом, а представляет интересы только одной части народа (все равно - класса, сословия, профессионального союза или церкви). Этот партийный интерес она стремится выдать за все-народный и тем навязать его всему народу; и для этого она добивается власти. Для приобретения власти она ведет агитацию, раздает обещания, восхваляет себя, старается захватить так называемые общественные высоты (редакции, банки, влиятельные должности и т. д.), вносит пристрастный дух партийности во всю культуру, извращает все критерии жизни, интригует,

пачкает других и обычно неумолимо лжет везде в свою пользу.

«Всем этим Р.О.В.С. никогда не занимался и таких целей себе никогда не ставил. Он искал не власти, а служения; отстаивал не партийное дело, а национально-государственное; объединял, а не разделял; жертвовал, а не приобретал. Он носил в себе дух национальной, патриотической армии, а не частного сообщества граждан, организовавшихся для легального, а по теперешнему времени, может быть и полуполигального или даже и вовсе нелегального захвата власти. Этому духу Р.О.В.С. доселе и оставался верен.

«Ныне он не есть армия, ибо силою вещей законная русская власть исчезла и у этой бывшей славной армии нет ни верховной власти, ни территории, ни оружия, ни настоящей военно-армейской организации. Но он есть кадр русской армии, орденом спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволением. И к этому воинскому кадру и духу примыкает в таком же порядке единочувствия, единомыслия и единоволения кадр непартийных политических деятелей, не служивших в армии, но верных России, духу Целого и белой борьбе за родину. И примыкать к этим двум кадрам, думается мне, надлежит всякому, кто помышляет о спасении России, а не о партийном делении ее народа и не о партийном захвате власти. Этот дух надо сохранить и передать русскому народу во что бы то ни стало».

«Но не означает ли это», был задан вопрос, «что члены Р.О.В.С. обречены на государственное безмыслие и на отсутствие всякой политической программы?»

Ответ был: «Наоборот, государственное безмыслие начинается именно там, где люди представляют своим главарям думать за них, а сами повторяют чужие выдумки. Этого никогда не было среди членов Р.О.В.С.-а. С самого основания Добровольческой Армии люди шли в нее по собственной инициативе, сами думали, сами решали, свободно подчинялись и не считались со своим чином, шли нередко рядовыми бойцами и за совесть боролись. С тех пор в Союзе культивировалась всегда организационная субординация и духовно-политическая индивидуализация. Какое же тут безмыслие?»

«Что же касается программы, то за эти долгие годы мы видели много программ. Все они были беспочвенны, ибо составлялись заочно, в отдалении от России, на глазок, без подлинного знания о тех процессах, которые совершаются в России; - все они устаревали через несколько месяцев после своего изобретения; все они имели доктринерский характер и ограничивались заимствованиями у Западной Европы. Это удовлетворяло только близоруких и наивных людей, думающих по бумажке и боящихся куда-то опоздать. Нам надо думать самостоятельно и готовить в душе новую Россию».

30 августа 1949 г.

Проф. И.А. Ильин. О грядущей России. Избранные статьи. - Джорданвилл, Н.Й., 1991. С. 353 - 354.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА А.А ФОН ЛАМПЕ РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№3

27 января 1957 г.

г. Париж

I

Объявляю для сведения приказ генерала Архангельского от 25 января с.г.

«I. Мой возраст и продолжающееся мое недомогание не дают мне более возможности отдавать так, как это следовало бы, все мои силы исполнению обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза.

Ввиду этого я считаю себя не только не в праве возвращаться к исполнению этих обязанностей, но и обязанным теперь же сдать свою должность своему преемнику.

За годы исполнения мною обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза, которые я, повинувшись по долгу службы, приказу моего предшественника, взял на себя 23 марта 1938 года, произошло много мировых событий и чинам РОВСа пришлось пройти тяжкий путь и сам Союз несколько раз находился в трудном положении.

Но верность долгу и советам наших Вождей - чинов Русского Обще-Воинского Союза и их постоянная мне моральная поддержка помогли преодолеть все эти трудности и РОВС благо-

получно их пережил и сохранил свою спайку, единство и верность Белой Идее. Хорошо понимая все значение этой моральной поддержки и верности долгу чинов Русского Обще-Воинского Союза, дававших силы для выполнения нашего долга перед Родиной и Союзом, приношу искреннюю сердечную благодарность моим непосредственным помощникам, Начальникам Отделов Союза и лицам, равным им по положению, начальникам воинских групп, председателям воинских организаций и всех подразделений Союза, общей работой коих живет Союз, и всем чинам его, состоящим несмотря на все трудности нашего бытия в его рядах.

Вечная слава живым, вечная память ушедшим в иной Мир.

II. Назначаю Начальником Русского Обще-Воинского Союза моего Первого Помощника и Заместителя Генерального Штаба Генерал-Майора Алексея Александровича Лампе.

Горячо желаю ему успеха в трудном деле руководства Союзом, дабы довести РОВС до Родной Земли.

Призываю всех чинов Союза помогать генералу Лампе во всех проявлениях жизни Союза искренне и усердно - так, как они это делали в отношении меня.

Прошу дорогого и высокоуважаемого Алексея Александровича принять мою искреннюю и сердечную благодарность за ту работу, которую он выполнял по должности моего первого помощника и заместителя и особенно за время исполнения им, вследствие моей болезни, обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза. За это время Генерал-Майор Лампе сделал много для РОВСа.

III. Сдавая ныне должность, я шлю горячие пожелания все чинам Русского Обще-Воинского Союза, - который всегда останется для меня родным и близким, - всякого благополучия, жизненных успехов, сохранения и впредь своей спайки и единства, верности долгу и заветам наших Вождей, дабы исполнить свой долг до конца и, приняв участие в освобождении и в возрождении нашей Великой, Исторической России во всей Ее былой славе и мощи, продолжить затем Ей служение на Родной Земле.

Да здравствует наш родной Русский Обще-Воинский Союз - законный Наследник и Преемник Российской Императорской и Белых Армий и все чины его.

Генерал-Лейтенант Архангельский
Брюссель, 25-го января 1967 г.».

II.

Исполняя волю Начальника РОВСа Генерала Архангельского, законного преемника Генералов Врангеля, Кутепова и Миллера, я, по долгу службы, сего числа принял на себя должность Начальника РОВСа.

Состоя в рядах Союза со дня его основания генералом Врангелем, я волнением вступаю в должность Начальника Союза и хорошо понимаю, что в обстановке переживаемого нами времени я могу надеяться на успешное выполнение возложенной на меня генералом Архангельской задачи только при содействии всех чинов Союза и потому, - приветствуя их, этого содействия мне, во имя целостности нашего Союза - от них ожидаю.

III.

Зачисляется почетным членом РОВСа генерал-лейтенант Архангельский, несший тяжкие обязанности начальника РОВСа в течение почти девятнадцати лет. За этот громадный промежуток времени наш Союз пережил не мало тяжелых испытаний, из которых выходил, конечно, только благодаря руководству нашего начальника Союза.

Да закрепит зачисление генерала Архангельского почетным членом Союза ту связь, которая, конечно, всегда будет прочной и желанной и для него, и для всех нас.

IV.

Назначается: Возглавляющий Объединение частей и групп 1-го армейского корпуса и председатель Общества Галлиполийцев генерал-майор Харжевский (Владимир Григорьевич) - моим первым помощником по должности Начальника РОВСа, с оставлением его в занимаемых должностях.

Начальник Русского Обще-Воинского Союза
Генерального Штаба Генерал-Майор Лампе

А.А. фон Лампе. Пути верных. - Париж, 1960. - С.15 - 17.

УТВЕРЖДАЮ.
Начальник Русского
Обще-Воинского Союза
Генерального штаба
Генерал-Майор ЛАМПЕ
1-го декабря 1958 г. г. Париж.

ПОЛОЖЕНИЕ О РУССКОМ ОБЩЕ-ВОИНСКОМ СОЮЗЕ (Р.О.В.С.)

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СОЮЗА.

1.

Генерал Врангель, возглавляя Русскую Армию, а потом создавая Русский Обще-Воинский Союз, сказал: «То знамя, которое из рук генералов Корнилова, Алексеева и Деникина перешло ко мне, я сохраню на чужбине. Я скорее сожгу это знамя, чем изменю начертанное на нем слово «Отечество».

По его завету Русский Обще-Воинский Союз, являющийся единственным преемником Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ армии и армий БЕЛЫХ фронтов Гражданской войны в России, образован приказом от 1-го сентября 1924 года с целью объединить русских воинов, сосредоточенных в разных странах и укрепить связь между ними.

2.

Основным принципом Русского Обще-Воинского Союза является беззаветное служение Родине, непримиримая борьба против коммунизма и всех тех, кто работает на расчленение России. Русский Обще-Воинский Союз стремится к сохранению основ и лучших традиций и заветов Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ армии и армий БЕЛЫХ фронтов Гражданской войны в России.

3.

Основой своего служения России Русский Обще-Воинский Союз ставит уважение к праву Русского Народа самому распоряжаться после падения коммунистической власти в стране судьбой государства по своей державной воле. Поэтому, уважая на мудрость народную, проводящую Россию через все испытания ее тысячелетней истории к славе и процветанию, Русский Обще-Воинский Союз не предрешает государственного строя России и считает для себя обязательными заветы Вождей Белого движения.

4.

Предметом особых забот Русского Обще-Воинского Союза является помощь нуждающимся и, в особенности, престарелым и больным членам Союза.

СОСТАВ СОЮЗА.

5.

Русский Обще-Воинский Союз состоит из добровольных объединений и союзов, как частей Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ армии, так и армий БЕЛЫХ фронтов Гражданской войны в России, а также русских воинских организаций, возникших за рубежом.

УПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА

6.

Во главе Русского Обще-Воинского Союза стоит его начальник - назначающий сам своего преемника приказом по союзу.

7.

Русский Обще-Воинский Союз в территориальном отношении разделяется на отделы, во главе которых стоят их начальники, назначаемые и сменяемые приказами начальника Русского Обще-Воинского Союза. Начальники отделов по мере надобности в предоставленном им районе образуют отделения и назначают их начальников. Начальники отделений утверждаются в своих должностях приказами начальника Русского Обще-Воинского Союза.

8.

Общее руководство Русским Обще-Воинским Союзом осуществляется его начальником через начальников отделов и отделений. При начальнике Русского Обще-Воинского Союза может быть образован совет старших начальников союза, действующий по указанию начальника Русского Обще-Воинского Союза, как орган совещательный.

Такие же советы могут быть образованы также и при начальниках отделов Союза, их распоряжением.

Подробности организации этих совещательных органов, круг их деятельности в зависимости от местных условий, определяются начальниками отделов, при которых они состоят и утверждаются начальником Русского Обще-Воинского Союза.

ВСТУПЛЕНИЕ В СОЮЗ.

9.

Воинские организации, желающие войти в состав Русского Обще-Воинского Союза, подают заявления о том начальнику Русского Обще-Воинского Союза непосредственно или через начальника отдела. Это право предоставляется также и воинским организациям новой и новейшей эмиграции.

Воинские объединения, организации и союзы, входящие в состав Русского Обще-Воинского Союза, сохраняют свои наименования и самостоятельность их внутренней жизни, установленной их уставами и положениями, а также, конечно, и настоящим «Положением о Русском Обще-Воинском Союзе». Председатели и возглавители этих объединений и союзов назначаются начальником Русского Обще-Воинского Союза по представлению начальников отделов, которым они подчиняются.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА

10.

Все без исключения чины объединений, организаций и союзов, входящих в состав Русского Обще-Воинского Союза, автоматически состоят также членами Русского Обще-Воинского Союза со всеми правами и обязательствами таковых. При выходе из своих организаций они автоматически выходят и из Русского Обще-Воинского Союза. При выходе же из Русского Обще-Воинского Союза они исключаются из своих основных организаций.

11.

Воинские чины, не состоящие в организациях, объединениях и союзах, а также других подразделения Русского Обще-Воинского Союза, в том числе и чины новой и новейшей эмиграции, могут быть по их желанию зачислены в Русский Обще-Воинский Союз, распоряжением соответствующих начальников отделов. Тем из них, которые не войдут ни в одну из организаций, - ведется особый учет и они остаются в резерве чинов отдела, пользуясь всеми правами чинов Русского Обще-Воинского Союза.

12.

Для легализации существования и деятельности отделов Русского Обще-Воинского Союза в каждой стране, кроме настоящего «Положения» они живут по уставам, согласованным с законами страны, и регистрируются местными властями.

13.

Воинские союзы и объединения, имеющие свои отделы в разных странах и возглавляемые своими главными правлениями, входят в состав соответствующих отделов Русского Обще-Воинского Союза. Возглавляющие эти отделы подчиняются соответственным начальникам отделов Русского Обще-Воинского Союза. Возглавители их получают все указания от начальника Русского Обще-Воинского Союза в порядке подчинения.

Примечание: Объединения и группы частей 1-го армейского корпуса, составляющие нераздельную часть Русского Обще-Воинского Союза, подчиняясь по месту своего расположения соответствующим начальникам отделов, подчиняются кроме того и возглавляющим объединения частей 1-го армейского корпуса. Эти последние подчиняются начальнику Русского Обще-Воинского Союза через возглавляющего части и группы корпуса, назначаемого начальником Русского Обще-Воинского Союза.

Отделы и отделения Общества Галлиполийцев и Союза участников Первого Кубанского генерала Корнилова похода, также составляющие органическое целое с Русским Обще-Воинским Союзом, - в своей жизни и деятельности руководствуются указаниями главного правления и председателя Общества Галлиполийцев и председателя Союза участников Первого генерала Корнилова похода (назначаемых начальником Русского Обще-Воинского Союза), через которых и подчиняются последнему.

ПОЛИТИКА СОЮЗА.

14.

Политическую линию Русского Обще-Воинского Союза ведет начальник его, соображаясь раньше всего с интересами Национальной России и в соответствии с общемировой политической обстановкой.

Члены Русского Обще-Воинского Союза, как то было указано в приказе Главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля от 3 сентября 1923 года за № 82-м не могут состоять в политических партиях. Но они могут входить (кроме лиц должностных) в национально-политические организации русской эмиграции, программы коих не противоречат целям и задачам Русского Обще-Воинского Союза. Однако каждый раз это право должно иметь отдельное разрешение соответствующего начальника отдела, который и определяет соответствует ли этому данная политическая организация. За начальником отдела сохраняется право аннулировать данное им разрешение. Одновременное занятие ответственных должностей чинами Русского Обще-Воинского Союза в Союзе и в национально-политической организации - не разрешается.

УДАЛЕНИЕ ИЗ СОЮЗА

15.

Удаление чинов Русского Обще-Воинского Союза из рядов последнего может быть:

а) В дисциплинарном порядке. Решение этого вопроса зависит: удаление генералов и штаб-офицеров - от начальника Русского Обще-Воинского Союза и удаление обер-офицеров - от начальников соответственных отделов по принадлежности.

б) По приговору Суда Чести.

Суды Чести Русского Обще-Воинского Союза в своей деятельности руководствуются указаниями «Сводки руководящих указаний по организации и деятельности Судов Чести», объявленной при приказе Русскому Обще-Воинскому Союзу от 10-го июля 1932 года за № 30-м.

16.

Лица, удаленные из Русского Обще-Воинского Союза в дисциплинарном порядке или же по приговору Судов Чести, не могут состоять ни в одной из организаций, входящих в Русский Обще-Воинский Союз, и исключаются из них одновременно с исключением из Русского Обще-Воинского Союза.

ПОПОЛНЕНИЕ СОЮЗА

17.

Для пополнения личного состава Русского Обще-Воинского Союза устанавливается зачисление в ряды Союза совершеннолетних сыновей членов Союза (в качестве наследственных членов) и совершеннолетних членов национальных организаций русской эмиграции по рекомендации возглавителей этих последних. Также допускается прием таких же лиц, хотя бы в организациях не состоящих, но разделяющих идеологию Русского Обще-Воинского Союза и имеющих письменную рекомендацию не менее как двух членов Русского Обще-Воинского Союза.

Все эти лица зачисляются в Русский Обще-Воинский Союз членами соревнователями и только по истечении года со дня их зачисления они, по постановлению правлений организаций, а не состоящих в таковых, по распоряжению начальников отделов Русского Обще-Воинского Союза получают все права действительных членов Русского Обще-Воинского Союза.

Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА В.Г. ХАРЖЕВСКОГО РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 80

5-го Июня 1967 г.

г. Лейквуд

С.А.Ш.

1.

28-го мая с.г. в Париже скончался Начальник Русского Обще-Воинского Союза Генерал Алексей Александрович ЛАМПЕ. Все белые воины - в трауре.

Ибо они чтут память своего Начальника, Руководителя, который при всех сложных обстоятельствах нашей жизни, следовал путем, указанным нам нашими Вождями. Во многих случаях, особенно в период последней войны, проявлял исключительное мужество.

Приняв на себя трудные обязанности Начальника Русского Обще-Воинского Союза, че-

стно служил России до последнего вздоха.

Вечная память доблестному белому воину и нашему Начальнику.

Все белые воины выражают искреннее сочувствие вдове его - Глубокоуважаемой Наталии Михайловне.

2.

На основании последнего Приказа почившего ныне Генерала Лампе (№ 79 от 19 мая 1967 г.) я вступил в исполнение должности Начальника Русского Обще-Воинского Союза.

Обязуюсь вести Союз по испытанным белым путям служения России, призываю всех членов Союза, верных Белому Знамени, оказать мне поддержку.

Начальник Союза
Генерал-Майор Харжевский

Часовой. - 1967. - № 493. - С. 7.

УКАЗ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ О ГЕНЕРАЛАХ А.П. КУТЕПОВЕ И Е.К.МИЛЛЕРЕ

ЦИРКУЛЯРНО
АРХИЕРЕЙСКИЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ
27 апр./10 мая 1996 г. №50

ВСЕМ ЕПАРХИАЛЬНЫМ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ И НАСТОЯТЕЛЯМ ЦЕРКВЕЙ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИНОДА ПОДЧИНЕННЫМ

УКАЗ.

27 апр./7 мая 1996 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей Слушали:

Обращение председателя Русского Общевоинского Союза поручика В.В. Гранитова. Относительно генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера, похищенных большевистскими агентами в Париже: ген. Кутепов 26-го янв. 1930 г., а ген. Миллер 22 сентября 1937 г. По документам некоторых рассекреченных архивов КГБ, установлены данные об их смерти. Преосвященный Архиепископ Серафим, Брюссельский и Западно-Европейский, недавно обратил внимание, что церковное отпевание генералов не было совершено.

Председатель РОВСа просил благословения для совершения отпевания нашей Церковью генералов Кутепова и Миллера.

Постановили: 1) Совершить отпевание мученически скончавшихся генералов Александра П. Кутепова и Евгения К. Миллера в Синодальном соборе в г. Нью-Йорке, во время предстоящего Архиерейского Собора, вечером, в день Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, 29 авг. / 11 сент. 1996 г.

2) Издать циркулярный указ о совершении панихиды по погибшим генералам во всех храмах Русской Зарубежной Церкви в тот же день, или в ближайшее воскресенье.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА
Митрополит Виталий

Заместитель Секретаря
Архиерейского Синода
Епископ Иларион

Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.

ПРИКАЗ № 1 РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

12 сентября 2000 г.
г. С-Петербург

п. 1.

8 сентября 2000 г. в США после тяжелой болезни скончался от рака легких Председатель Русского Обще-Воинского Союза, штабс-капитан ВИШНЕВСКИЙ Владимир Александрович. Да успокоит господь его душу!

Похороны почившего штабс-капитана ВИШНЕВСКОГО назначены на 13 сентября.

Русский обще-Воинский Союз скорбит о смерти своего Председателя и выражает соболезнование родным и близким покойного. Вечная ему память!

п. 2.

Как Первый Заместитель Председателя РОВСа, с его числа я являюсь исполняющим обязанности Председателя Русского Обще-Воинского Союза, с оставлением за собой должности начальника отдела РОВСа в России.

п. 3.

Учитывая постоянное сокращение (в силу естественных причин) и преклонный возраст (многим он уже не позволяет участвовать в активной работе) членов зарубежной части РОВСа, покойный ныне штабс-капитан ВИШНЕВСКИЙ, вступив в должность Председателя, сразу же поставил вопрос о дальнейшей судьбе Союза. Им был проведен опрос, в ходе которого чины зарубежной части Союза должны были ответить, считают ли они возможным и нужным продолжение работы РОВСа в Зарубежье, или же они считают, что настало время свернуть работу Союза в эмиграции, проведя все необходимые ликвидационные мероприятия.

Опрос показал, что мнения членов Союза по этому вопросу разделились. Одна высказалась за закрытие РОВСа в Зарубежье, другие же члены РОВСа и даже целые организации и объединения, входящие в состав Союза, категорически выступили за продолжение работы, указывая на то, что закрытие старейшей русской антикоммунистической организации, являющейся единственным законным наследником Белого Движения, пойдет вразрез с той линией, которую проводил РОВС все семьдесят пять лет своего существования, и будет непоправимой политической ошибкой.

Что касается позиции руководителей РОВСа в России, то мною и Представителем РОВСа в г. Москве капитаном ВОЛКОВЫМ С.В. Председателю Союза были направлены доклады с изложением нашего отношения по поднятому им вопросу.

Учитывая отсутствие единого мнения чинов РОВСа, штабс-капитан ВИШНЕВСКИЙ отложил решение поднятого им вопроса, оставив его открытым.

Опрос, организованный Председателем РОВСа, не был тайным, поэтому он стал предметом горячего обсуждения не только среди чинов РОВСа, но и среди всей активной части русского Зарубежья. На этом фоне в эмиграции нашлись и такие лица (к работе РОВСа отношения не имеющие) которые повели весьма активную агитацию не только за закрытие зарубежной части РОВСа, но и за одновременное закрытие отдела РОВС в России, то есть за ликвидацию РОВСа вообще! А такой шаг означал бы следующее:

1. Факт ликвидации РОВСа мог бы быть расценен как признание Белыми ненужности дальнейшего ведения борьбы. А, учитывая, что РОВС является единственным преемником Белого Движения, ликвидация союза дала бы нашим врагам повод говорить и о формальном конце Белого Движения, начатого Белыми добровольцами в 1917 году;

2. оказалась бы прерванной не только историческая преемственность Белого Движения, но и Русской ИМПЕРАТОРСКОЙ Армии, так как РОВС - единственная организация, которая эту преемственность символизирует и осуществляет;

3. В России был бы развален костяк возрождающегося Белого Движения, ибо отдел РОВСа в России сейчас таким единственным костяком и является (есть, конечно, в РФ еще и небольшие группки более или менее Белого толка, но все они имеют лишь местное значение, а главное - в смысле идейной подготовленности и организации - им, к сожалению, еще очень далеко до уровня РОВСа);

4. Ликвидация РОВСа открыла бы возможность национал-большевикам и прочим политическим авантюристам, а также и просто безответственным самозванцам беспрепятственно использовать и порочить в их махинациях и политических спекуляциях имя Белого Движения. Ведь единственная организация. Которая с полным правом может говорить сегодня от лица Белого Движения - это РОВС, и пока он существует разного рода фальсификаторам и врагам Бе-

лого Дела не так то легко осуществлять подобные акции, ибо они знают, что всегда рискуют получить должный отпор с нашей стороны...

Перечень негативных последствий, к которым привела бы ликвидация РОВСа, можно было бы продолжить, но в этом нет необходимости, ибо и без того понятно, что всевозможные политические дивиденды (и немалые) от ликвидации РОВСа получили бы только враги Белого Дела и Исторической России.

Вот почему я считаю своим долгом поблагодарить все те объединения и союзы, а также и отдельных чинов РОВСа, которые, понимая огромную политическую важность сохранения Русского Обще-Воинского Союза, выразили готовность продолжить, несмотря на все трудности, Белую работу в эмиграции до конца.

Со своей стороны я подтверждаю политическую линию РОВСа, определенную Основателем Союза - продолжение Белой Борьбы всеми возможными и доступными для этого средствами, как в эмиграции, так и, конечно, в России!

Да практические наши возможности пока не так велики, как нам хотелось бы. Но это не дает нам права малодушно «умыть руки» и не освобождает нас от обязанности вести борьбу, тем более, что возможности наши (даже и в эмиграции) далеко не исчерпаны. Более того, Белое дело, хотя и очень медленно (и это объяснимо), но верно приобретает в России все большее число сторонников. Посему, я не считаю целесообразным в настоящее время говорить о прекращении деятельности РОВСа в эмиграции, тем более, что результаты опроса, проведенного покойным штабс-капитаном Вишневым показали, что мы еще имеем в Зарубежье достаточное число людей, готовых продолжать активную работу в рядах Обще-Воинского Союза.

Другое дело, что РОВСоюзу сегодня действительно необходимо провести реорганизацию управления и организационной структуры, скорректировать, в соответствии с современной политической обстановкой и нашими реальными возможностями, свою доктрину; выработать и утвердить новое «Положение о РОВСе», отвечающее условиям сегодняшней работы в эмиграции и в России. И эти вопросы я намерен поставить на повестку дня в самое ближайшее время.

п. 4.

НАЗНАЧАЮ: доктора исторических наук, капитана ВОЛКОВА Сергея Владимировича - Исполняющим обязанности Заместителя Председателя РОВСа, с оставлением его в должности Представителя Русского Обще-Воинского Союза в г. Москве.

п. 5.

В состав Созета чинов РОВСа при Председателе Союза, созданного покойным капитаном В.Н. БУТКОВЫМ, дополнительно НАЗНАЧАЮ:

1. Капитана ВОЛКОВА Сергея Владимировича (как и.о. Заместителя Председателя);
2. Есаула МИХЕЕВА Ярополка Леонидовича - бывшего Секретаря и бывшего Казначая РОВСа.

п. 6.

Всех членов Совета чинов РОВСа при Председателе Союза прошу срочно связаться со мною и сообщить свое мнение по вопросу порядка дальнейшего управления и организационной структуры РОВСа.

И.о. Председателя РОВСа, капитан И.Б. Иванов

*Наши Вести - 2000 - № 460. - С. 20-2;
Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.*

ПРИКАЗ № 36 РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

п.1. На основании Приказа № 2 п.5 Русскому Обще-Воинскому Союзу от 14 августа 1999 г. и Приказа № 3 п. 3 от 7 февраля 2000 г., я сего 19 февраля 2004 года, вступил в должность Председателя Союза.

п.2. УТВЕРЖДАЮ есаула МИХЕЕВА Ярополка Леонидовича Почетным Председателем Русского Обще-Воинского Союза.

Есаул Я.Л. МИХЕЕВ, бывший кадет Первого Русского Вел. Кн. Константиновича кадетского корпуса в Югославии, много лет состоял в руководстве Общества Галлиполийцев в США, а затем возглавил это объединение, всегда являвшееся идейным костяком РОВСа. Капитаном В.Н. Бутковым ЯРОПОЛК ЛЕОНИДОВИЧ был назначен на пост казначая Русского Об-

ще-Воинского Союза, одновременно на него было возложено и исполнение обязанностей секретаря РОВСа. Будучи ближайшим помощником Атамана Н.В. Фёдорова, есаул МИХЕЕВ состоял официальным заместителем Его Превосходительства по линии работы Русского Обще-Воинского Союза. А в декабре 2003 года Войсковым Кругом ВВД он единогласно избран Атаманом Всевеликого Войска Донского за Рубежом.

От души желаю многоуважаемому ЯРОПОЛКУ ЛЕОНИДОВИЧУ сил и успехов на его ответственных постах.

19 февраля 2004 г., Санкт-Петербург.
Председатель РОВСа, капитан И.Б. Иванов.

Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.7.

ИЗ ПРИКАЗА № 43 РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

6 августа 2004 г.
Санкт-Петербург

п.1

В целях единения ныне здравствующих и молитвенного воспоминания погибших в борьбе за освобождение Родины и скончавшихся на посту членов Русского Обще-Воинского Союза, а также в память основания Союза ПРИКАЗЫВАЮ:

С сего 2004 года установить ежегодный Праздник Русского Обще-Воинского Союза 29 августа (11 сентября нов. ст.) - на совершение памяти усекновения Честной Главы Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна - как в ближайший, сообразный случаю, праздник к дате основания РОВСа.

И.Б. Иванов, Председатель РОВС

Вестник РОВС. - 2005. - №10 - 11. - С.1.

БЕЛЮЮ ИДЕЮ НЕ ПОХОРОНИТЕ!

ЗАЯВЛЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА ПО ПОВОДУ ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЯ ЧЕКИСТАМИ ПРАХА ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В понедельник, 3 октября 2005 года, правящая в РФ верхушка предполагает провести в Москве очередной громкий пропагандистский спектакль - перезахоронение праха одного из вождей Белого движения, Ген. шт. генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872-1947)...

Хотя первоначальная задумка путинских идеологов привезти из США прах А.И. Деникина и назидательно закопать его на своём партийном кладбище у Кремлёвской стены всё же оставлена (во избежание ненужных чекистам осложнений останки генерала решено привезти в Донской монастырь), суть мероприятия от этого нисколько не меняется!

Очевидно, что существующий в РФ антинациональный режим, активно продолжающий дело разрушения теперь уже последних остатков Исторической России, постоянно нуждается в идеологическом прикрытии своих преступлений - как прошлых, так и нынешних. Одновременно наследникам ленинской банды необходимо и заблаговременно нейтрализовать потенциальную опасность возобновления борьбы против неё под знамёнами и лозунгами Русского Белого движения: сегодня Белая Идея является исключительно актуальной и потенциально весьма опасной для путинского и подобных ему режимов на территории расчленённой России! Символическое перезахоронение властями РФ праха бывшего Главнокомандующего ВСЮР ген. Деникина и крупнейшего Белого идеолога профессора И.А. Ильина как раз и призвано служить этим грязным политическим целям профессиональных фальсификаторов с Лубянки. (Отметим, что большим разнообразием пропагандистская фантазия лубянских идеологов не отличается: шумные «шоу» с перетаскиванием гробов из-за границы в РФ уже успели порядком поднадоесть

той публике, на которую они рассчитаны).

Однако расчет чекистов на то, что, воткнув кресты в могилы вождей и идеологов Белого Дела, им тем самым удастся навсегда похоронить саму Белую Идею, как и всякую мысль в Русском Народе о продолжении Белой борьбы - не оправдается!

Белые организации Русского Зарубежья и России уже высказывали свою точку зрения по поводу очередного кощунственного спектакля, поставленного по сценарию пиэришников от КГБ. Корни и цели новой политической мистификации кремлёвских временщиков очевидны, и она получила заслуженную оценку со стороны наследников и идейных сторонников Белого движения. Очевидно, что провалилась и идея чекистов перезахоронить в ЭрЭфии одновременно с ген. Деникиным прах Главнокомандующего Русской Армией Ген. шт. генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля. Здесь бывшие советские, а ныне «федеральные» чиновники получили отпор: потомки генерала Врангеля, в частности, его сын, барон Алексей Петрович Врангель, своевременно выступили с протестом по поводу чекистских планов, справедливо отметив, что время для перезахоронения Белых вождей на Родине ещё не наступило, ибо преступления коммунизма в РФ так до сих пор юридически и не осуждены, а существующий в РФ режим является прямо наследником большевистских преступников, против которых как раз и боролись Русское Белое движение и генерал Врангель!

Увы, такая принципиальность и идейная стойкость сегодня свойственны далеко не всем проживающим в Зарубежье потомкам Белых воинов. Завершившийся на рубеже XX-XXI веков физический уход из жизни последних участников Белой борьбы 1917-1922 гг., трагический раскол Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), осуществлённый при самом активном вмешательстве из Москвы, постыдное сползание на сменовеховские позиции целого ряда «русских» зарубежных организаций и лиц из числа потомков эмигрантов - всё это сегодня значительно облегчает чекистам проведение подобного рода «активных мероприятий». Остаётся только сожалеть, что из-за неуёмного личного тщеславия, глупости и политической наивности, а иногда и из корыстных побуждений (частный «бизнес» в РФ) подобные организации и лица безропотно, а порою и с рвением (!) позволяют себя использовать на жалких ролях «свадебных генералов» и статистов в организованных чекистами пропагандистских спектаклях.

Можно не сомневаться, что при проведении очередного перезахоронения чекистам обеспечит «церковное прикрытие» и Московская Патриархия, давно уже позорно подвизающаяся в роли своеобразного политуправления, с лакейской готовностью обслуживающего все извращения правящей в РФ верхушки. А федеральный бомонд, состоящий из чекистов, откормленных высокопоставленных чиновников и советских «знаменитостей» типа Никиты Михалкова, вместе с ряженной в «белогвардейцев» и в «казаков» массовой, как всегда на подобных мероприятиях составят фоновое обрамление ставящегося на костях спектакля...

Но как бы ни кощунствовали сегодня наследники коммунистического режима на бессловесных и беззащитных могилах Белых героев, как бы не мародерствовала «партия КГБ», беззастенчиво грабя и спекулируя на ниве Православных и патриотических ценностей Русского Народа, Белую Идею им не похоронить!!!

Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза

РУКОВОДИТЕЛИ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА

- 1) генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель 1924 -1928
- 2) генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов 1928 - 1930
- 3) генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер 1930 - 1937
- 4) генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов 1937 - 1938
- 5) генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский 1938 - 1957
- 6) генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе 1957 - 1967
- 7) генерал-майор Владимир Георгиевич Харжевский 1967 - 1979
- 8) капитан Михаил Петрович Осипов 1979 - 1983
- 9) войсковой старшина Владимир Иванович Дьяков 1983 - 1984
- 10) поручик Петр Алексеевич Калениченко 1984 - 1986
- 11) капитан Борис Михайлович Иванов 1986 - 1988
- 12) сотник Николай Иванович Иович 1988 - июль-август
- 13) поручик Владимир Владимирович Гранитов 1988 - 1999
- 14) капитан Владимир Николаевич Бутков 1999 - 2000
- 15) штабс-капитан Владимир Александрович Вишневецкий 2000 - февраль-сентябрь
- 16) капитан Игорь Борисович Иванов 2000 - 2005

Указатель имен и биографические данные *

Абрамов Николай Федорович (1909 - 1943), советский разведчик. Родился в семье полковника (впоследствии генерала) старой армии Ф.Ф. Абрамова. После эвакуации отца с белыми из Крыма остался в России и воспитывался в семье сестры отца на Кубани. Окончил семилетку. Работал водолазом в Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ на Черном море. Привлечен к сотрудничеству с ИНО ОГПУ, прошел разведывательную подготовку. Устроен матросом на советское торговое судно, с которого, якобы, бежал в Гамбурге в сентябре 1931 года. Явился в полицию и после кратковременного задержания при помощи генерала фон Лампе перебрался в Софию к отцу, который являлся начальником III отдела РОВС и одновременно был заместителем председателя РОВСа генерала Миллера. Был привлечен к деятельности «Внутренней линии» Союза и в течение ряда лет передавал добытую секретную информацию советской разведке. В конце 1936 - начале 1937 года попал под подозрение начальника «Внутренней линии» капитана Фосса. Им организуется слежка за Н.Ф. Абрамовым и расследование его деятельности. О подозрениях в его сотрудничестве с советской разведкой были поставлены в известность и болгарские власти. Они предъявили ему требование покинуть пределы Болгарии как нежелательному иностранцу. В ноябре 1938 года он с женой покинул Болгарию и переехал во Францию. В 1939 году вернулся в СССР. После начала Великой Отечественной войны направлен на подпольную работу в Одессу и погиб здесь 18 февраля 1943 года.

Абрамов Федор Федорович (1870 - 1963), генерал-лейтенант, видный деятель и председатель РОВСа. Родился 23 декабря 1870 года. Из дворян Войска Донского. Казак станицы Митякинской. Окончил Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Начал воинскую службу хорунжим в 6-й Лейб-гвардии Донской батарее конной кавалерии. Участвовал в Русско-японской войне. В 1912 - 14 гг. был командиром Первого Уланского Петербургского полка, затем начальником Тверского кавалерийского училища. В 1914 году присвоено звание генерал-майора. В годы Первой мировой войны занимал должность генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии, которой командовал генерал Плеве, а его начальником штаба и непосредственным руководителем был генерал Миллер. В 1917 году являлся начальником 5-й Донской дивизии. На Дону с января 1918 года. Вступил в ряды Добровольческой армии и первоначально при генерале Каледине командовал Донским партизанским отрядом (Северной группой партизанских отрядов) (до февраля 1918 года). Участник 1-го Кубанского похода. С мая 1918 года был начальником 1-й Донской конной дивизии в Донской армии генерала Краснова. В августе 1918 года произведен в генерал-лейтенанты. С ноября 1919 по март 1920 года - инспектор кавалерии Донской армии. С апреля 1920 года - командир Донского корпуса (сформированного из остатков Донской армии) в Русской армии генерала Врангеля. С октября 1920 года - командующий 2-й армии. В эмиграции командовал Донским корпусом. Временно (с мая 1923 - по 12 апреля 1924 года) был начальником штаба Врангеля в Сремских Карловцах, а также помощником генерала Врангеля. В апреле 1924 года уехал в Болгарию. Жил в Софии и возглавлял здесь III отдел РОВСа (первоначально при образовании в сентябре 1924 году именовавшийся V отделом). При генерале Миллере в качестве председателя РОВСа был одновременно и его первым помощником и заместителем. В 1934 году во время болезни и лечения генерала Миллера исполнял обязанности председателя РОВСа. По решению властей Франции в июне 1934 года за германофильские настроения и деятельность подлежал высылке из страны. В 1934 году вернулся в Софию, где по-прежнему возглавлял III отдел РОВСа, являясь и заместителем председателя Союза. После похищения генерала Миллера вступил в должность председателя РОВСа. 20 марта 1938 года сдал должность руководителя РОВСа генералу А.П. Архангельскому, но оставался начальником III отдела Союза. В годы Второй мировой войны продолжал жить в Софии. Участвовал в формировании казачьих частей в составе германской армии. В сентябре 1944 году при наступлении советских войск срочно покинул Болгарию и переехал в Германию. В ноябре 1944 года вошел в Комитет Освобождения Народов России. В апреле 1945 года находился в распоряжении Совета казачьих войск ВС КОНР. После окончания Второй мировой войны переехал во Францию, а в 1948 году

* При подготовке биографического указателя использованы материалы энциклопедических и справочных изданий, опубликованных в нашей стране и за рубежом, а также документы РГВА, РГВИА, ГАРФ, ЦА ФСБ, ряда региональных управлений ФСБ, Государственного архива Финляндии. Вместе с тем, автор допускает возможность неполноты и неточности отдельных сведений и с благодарностью примет все пожелания, замечания и дополнения.

- в США и жил в доме пенсионеров Казачьего комитета в г. Фривуд Эйкрс. Погиб 8 (по другим данным - 9) марта 1963 года в городе Лейквуде под колесами автомобиля. Похоронен на кладбище города Лейквуд, штат Нью-Джерси.

Агабеков (Бек) Л.П. (? - ?), поручик. В 90-е годы - представитель РОВСа в штате Флорида (США).

Адлерберг Александр Александрович (1849 - 1931), граф, генерал от инфантерии. Родился 11 июля 1849 года. Окончил Пажеский корпус в 1870 году. Офицер Лейб-гвардии Преображенского и Лейб-гвардии Финляндского полка. Командовал Лейб-гвардии Финляндским полком при подавлении восстания в Кронштадте в 1905 году. В годы Первой мировой войны служил под непосредственным руководством Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Присвоено звание генерала от инфантерии. Являлся инспектором запасных войск. В годы Гражданской войны находился в Добровольческой армии и ВСЮР. Инспектор запасных войск. В 1919 году выехал в Константинополь. В эмиграции проживал в Загребе, где возглавлял местный отдел Общества русских офицеров в Королевстве СХС. В январе 1925 года вызван по предписанию великого князя Николая Николаевича в Париж и рассматривался в качестве кандидата на должность начальника I отдела РОВСа. Но это назначение не состоялось в результате резкого противодействия этому со стороны генерала Врангеля. В дальнейшем до своей смерти являлся начальником Загребского отдела РОВСа. Умер 9 апреля 1931 года в Загребе.

Азеф (Азев) Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) (1869 - 1918), политический деятель. Родился в местечке Лиски Гродненской губернии в многодетной семье портного и мелкого торговца. Учился в гимназии в Ростове-на-Дону, в политехническом институте в Карлсруэ и в аналогичном институте в Дармштадте (Германия), который окончил в 1898 году с дипломом инженера-электрика. С юности примкнул к революционному движению, а с 1893 года стал секретным агентом Департамента полиции. Стал одним из видных деятелей партии эсеров, организатором ряда крупных террористических акций, продолжая одновременно сотрудничать с полицией. Был разоблачен В.Л. Бурцевым, и 7 января 1908 года ЦК партии эсеров официально объявил его провокатором. Его двойная игра длилась 15 лет и 7 месяцев. Приговорен ЦК партии эсеров к смертной казни. Но ему удалось скрыться. Умер 24 апреля 1918 года в Берлине.

Аксаков Сергей Сергеевич (? - ?), мичман. Эмигрант. Член Кутеповской боевой организации. В 30-е годы был одним из руководителей летнего лагеря в Болгарии по подготовке боевиков для Кутеповской боевой организации.

Александр (Тунисский) Харолд Руперт Леофрик Джордж (1891 - 1969), британский фельдмаршал, граф. В 1919 году в звании майора находился в Северо-Западной армии генерала Юденича. В начале Второй мировой войны - командир дивизии и корпуса, в 1941-42 гг. командовал английскими войсками в Бирме. В 1942 году возглавлял британское средневосточное командование. В 1943 году командовал 18-й группой армий в Тунисе и 15-й группой союзных армий, высадившейся на острове Сицилия и в Италии. С декабря того же года главнокомандующий союзными войсками на средиземноморском театре военных действий. В 1944 году присвоено звание фельдмаршала, в 1952 году удостоен графского титула. В 1952 - 54 гг. - министр обороны Великобритании.

Алексеев Михаил Васильевич (1857 - 1918), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Сын выслужившегося из фельдфебелей офицера, участника Севастопольской обороны. Окончил гимназию в Твери, Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. В 1898 году полковник и экстраординарный профессор Николаевского академии Генерального штаба. В 1900 - 1903 годах являлся начальником Оперативного управления Генерального штаба. В 1904 году присвоено звание генерал-майора, служил начальником отдела Главного штаба. Участник Русско-японской войны, генерал-квартирмейстер штаба 3-й Маньчжурской армии. В 1908 году присвоено звание генерал-лейтенанта, служил начальником штаба Киевского военного округа. В 1912 году назначен командиром 13-го Армейского корпуса. В начале Первой мировой войны являлся начальником штаба Юго-Западного фронта, в марте 1915 года назначен главнокомандующим Северо-Западного фронта, а с августа 1915 года - начальник штаба Верховного главнокомандующего при Николае II. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант. С марта по май 1917 года Верховный главнокомандующий, в августе - сентябре 1917 года начальник штаба Верховного главнокомандующего. Один из организаторов Белого движения: осенью 1917 года создал в Новочеркасске Алексеевскую организацию, член триумвирата «Донского гражданско-

го совета». Участник 1-го Кубанского похода. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер в Екатеринодаре 25 сентября 1918 года. Похоронен в Белграде на Новом кладбище.

Алексинский Григорий Алексеевич (1879 - 1965 или 1968), политический деятель. Выходец из семьи врача, потомственный дворянин. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1901 - 2 гг. - один из руководителей московского студенческого движения. Участник первой русской революции, агитатор-большевик в Москве, затем в Петербурге. Член Петербургского комитета РСДРП, сотрудник большевистских печатных изданий. Депутат IV и V съездов РСДРП. Член социал-демократической фракции II Государственной Думы. После поражения первой русской революции примыкал к «отзовистам». В годы Первой мировой войны - «оборонец», находился в эмиграции. Вернулся в Россию после Февральской революции. Вступил в плехановскую группу «Единство». Автор опубликованных в июле 1917 года материалов о сотрудничестве В.И. Ленина с германской разведкой. В 1918 году арестован большевиками, но отпущен на поруки. Бежал за границу, и в эмиграции занимал антибольшевистские позиции. В 1920 году заочно судим в Советской России по делу «Тактического центра», признан виновным в контрреволюционных заговорах и лишен права въезда в страну. Член Русского Совета, тесно сотрудничал с генералом Врангелем.

Алексинский Иван Павлович (1871 - 1945), хирург профессор медицины, видный общественный и политический деятель России и русской эмиграции. Родился в селе Опарино Александровского уезда Владимирской губернии. Получил высшее медицинское образование. Ученик профессора Боброва. Ординатор клиники, ассистент, приват-доцент Московского университета. Директор университетской клиники. Член I Государственной Думы, кадет. В эмиграции продолжал врачебную и общественно-политическую деятельность. Член Русского Совета при генерале Врангеле в 1921 - 22 годах. Друг генералов Врангеля и Кутепова. Лечил генерала Миллера. Умер 28 августа 1945 года в Касабланке (Марокко).

Альенде Госсенс Сальвадор (1908 - 1973), чилийский политический деятель. Один из организаторов в 1933 году и лидер Социалистической партии Чили. В 1939 - 42 гг. - министр здравоохранения, с 1945 года - сенатор, в 1966 - 69 гг. - председатель Сената. Президент Чили в 1970 - 73 гг. Убит во время военного переворота в Чили в сентябре 1973 года.

Альфтан Владимир Алексеевич (1860 - 1940), генерал от инфантерии. Из дворян Московской губернии. Окончил Финляндский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Участник Первой мировой войны, командир 3-го армейского корпуса. Генерал от инфантерии. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции в Финляндии. Начальник отдела РОВСа в Финляндии в 1930-е годы. Хотя уже летом 1937 года генерал Миллер отдал ему предписание о сдаче дел, он был официально освобожден от этой должности приказом по РОВСу от 12 ноября 1938 года. Умер 19 декабря 1940 года в Гельсингфорсе и похоронен здесь на Лютеранском кладбище.

Алянчиков Константин Николаевич (1874 - 1936), генерал-лейтенант. Товарищ прокурора Виленского военного округа. Участник Первой мировой войны, командир Сибирского стрелкового полка. Находился в эмиграции во Франции. Сподвижник великого князя Кирилла Владимировича. В 1930 году временно исполнял должность начальника Округа Корпуса Императорской Армии и Флота. Умер 17 августа 1936 года в Париже.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862 - 1938), писатель и журналист, литературный и театральный критик. Родился 14 (26) декабря 1862 года в Калуге в семье священнослужителя. Окончил 8-ю московскую гимназию и юрфак Московского университета. Поступил на оперную сцену Мариинского театра, совершенствовался в пении в Италии. Оставив оперную карьеру, работал журналистом, театральным обозревателем. В 1902 году сослан в Минусинск, затем в Вологду за участие в общественно-политической деятельности. В 1903 году освобожден. Работал корреспондентом в России и за рубежом, занимался писательской деятельностью. В феврале 1917 года арестован и выслан в Иркутск, но освобожден Февральской революцией. После октября 1917 года трижды арестовывался в Петрограде большевиками. В 1921 году уехал с семьей из России в Финляндию. Затем после недолгого пребывания в Праге поселился в Леванто, Италия. Был постоянным сотрудником парижской газеты «Возрождение», писал и для ряда других изданий. Поддерживал «Братство Русской Правды», сотрудничал с РОВСом. Массон. Умер 26 февраля 1938 года в Леванто и похоронен там.

Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич) (1873 - 1963), церковный деятель и богослов, митрополит. Родился в семье приходского священника. Был ректором Московской духовной семинарии, епископом Можайским, епископом Холмским и Люблинским, затем Кишиневским и Хотинским. В 1917 году - член Священного Синода и Высшего Церков-

ного Совета. В 1919 году эмигрировал из России. За границей - член Архиерейского Синода Русской Православной Зарубежной Церкви, с 1935 года выполнял обязанности его председателя, с 1936 года - председатель Синода. Во время второй мировой войны поддерживал власовское движение. В 1951 году переехал в США, с 1964 года находился на покое.

Ангелеев А.В. (очевидно на самом деле - **Ангилеев Владимир Иванович**) (1878 - 1951), генерал-майор. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. Служил в конной пограничной страже. Во время Русско-японской войны состоял при штабе генерала Мищенко. Участник Первой мировой войны: на фронт выступил в составе 124-го Воронежского пехотного полка. С 1915 года - командир полка. В 1916 году присвоено звание генерал-майора. С 1918 года воевал в Добровольческой армии и в дальнейшем во ВСЮР и Русской Армии. В Галлиполи в составе Алексеевского полка. В дальнейшем жил в Болгарии. Член РОВСа. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе, командовал ротой в 3-м полку, присвоено звание гауптмана. После войны проживал в Германии, являлся председателем Союза Георгиевских Кавалеров и Союза русских увечных воинов в Германии. Умер 17 августа 1951 года в Дорнштадте и похоронен на местном кладбище.

Андрей Владимирович (1879 - 1956), великий князь. Сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны (старшей), двоюродный брат Николая II. Родился в Царском Селе. Окончил Михайловское артиллерийское училище, Александровскую военно-юридическую академию, курс Офицерской артиллерийской школы. В 1898 году - подпоручик в 5-й батарее Гвардейской конно-артиллерийской бригады. Командир 5-й, а затем 6-й Лейб-гвардии Донской казачьей батареи. С 1911 года - член Сената и почетный член Военно-юридической академии. В 1915 году произведен в генерал-майоры и назначен командующим Лейб-гвардии конной артиллерии и в свите Его Величества. В 1917 году уехал на Кавказ, арестовывался Временным правительством, а затем неоднократно большевиками. В 1920 году из Новороссийска выехал в эмиграцию во Францию. В 1921 году вступил в брак со знаменитой балериной М.Ф. Кшесинской. Проживал в Париже в Биаррице. С 1947 года - председатель Гвардейского объединения. Почетный председатель Совета Российского Зарубежного воинства. Умер 30 октября 1956 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Анисимов В.А. (? - 1929), офицер, боевик РОВСа. Заброшен в СССР в ноябре 1929 года еще с двумя офицерами. Во время похода сломал ногу и застрелился.

Антонов Александр Степанович (1888 - 1922), руководитель тамбовских повстанцев. Родился 26 июня (8 июля) 1888 года в Москве в семье отставного фельдфебеля. Учился в Кирсановском трехклассном училище Тамбовской губернии. В 1906 году стал одним из основателей Тамбовской группы независимых эсеров, преобразованной в 1907 году в Тамбовский союз независимых эсеров. Участник революционного движения и ряда террористических актов. В 1910 году арестован, судим и приговорен к каторжным работам. После Февральской революции был освобожден и вернулся в Тамбов, стал работать в Тамбовской городской милиции. С октября 1917 года - начальник Кирсановской уездной милиции. Осенью 1918 года под его руководством началось антисоветское крестьянское восстание, охватившее ряд сел Тамбовской губернии, которое было подавлено. В 1919 году им был создан вооруженный отряд, численность которого стремительно увеличивалась, так же как и охваченная восстанием территория. В ноябре 1920 года возглавил оперативный штаб восстания. В 1921 года оно было подавлено. В конце июня 1922 года был убит чекистами при попытке ареста.

Апухтин Константин Валерианович (1881 - 1945), генерал-лейтенант. Родился 6 марта 1881 года. Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба и Офицерскую кавалерийскую школу. Офицер Лейб-гвардии Уланского Ее Величества и Крымского конного полков. Участник Первой мировой войны, полковник, командир 17-го уланского полка. Во ВСЮР с августа 1919 года: начальник штаба гарнизона Одессы и начальник штаба десантного отряда, занявшего ее; командир 2-го Таманского полка Кубанского казачьего войска Днестровского отряда войск Новороссийской области; командир сводной конной бригады; начальник штаба отряда генерала Оссовского; начальник штаба 5-й пехотной дивизии. Участник похода генерала Бредова, начальник штаба отдельной кавалерийской дивизии. В июле 1920 года эвакуирован в Югославию, возвратился в Крым и до эвакуации являлся командиром Запасного кавалерийского полка в Русской Армии. В феврале 1921 года - командир Запасного кавалерийского дивизиона на Галлиполи. Затем переехал в Королевство СХС, служил в пограничной страже. С 1924 года - в Корпусе Императорской Армии и Флота. С 1928 года - генерал-майор, с 1929 года - генерал-лейтенант. Заведующий делами, а во второй половине 30-х годов - начальник Корпуса Императорской Армии и Флота. В 1941 году - в Русском Корпусе в Югославии. Умер в этой стране в 1945 году.

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) (1863 - 1936), церковный деятель и богослов, митрополит. Родился 17 марта 1863 года в селе Ватагино Крестинского уезда Новгородской губернии в дворянской семье. Окончил Петербургскую духовную семинарию и принял монашество. Был ректором Московской и Казанской духовных академий, епископом Чебоксарским, Уфимским, архиепископом Волынским, Харьковским, митрополитом Киевским и Галицким. Член Синода с 1912 года. Доктор богословия. Твердый монархист и противник революций, один из духовных лидеров Союза Русского Народа. Фактически первым из иерархов выступил с инициативой восстановления патриаршества в России, один из кандидатов в патриархи на Поместном церковном соборе в 1917 году. В мае 1919 года собрал в Ставрополе съезд русских православных церковнослужителей, создавший Временное Церковное управление на Юго-Востоке России, преобразованное в Сремских Карловцах (в Сербии) во Всеаграничное высшее русское церковное управление. В 1920 году покинул Россию. Возглавлял в эмиграции ВЦУ/ВВЦУ. С сентября 1922 по 1936 год являлся председателем Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. С 1935 года фактически отошел от дел. Умер в ночь с 10 на 11 августа 1936 года в Сремских Карловцах (Югославия). Похоронен в Белграде.

Артамонов Виктор Алексеевич (1873 - 1942), генерал-майор. Родился 9 октября 1873 года. Окончил Симбирский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер лейб-гвардии Волынского полка. Генерал-майор, военный агент в Сербии. В годы Гражданской войны во ВСЮР и в Русской Армии. В 1919 - 20 гг. - представитель главнокомандующего ВСЮР и Русской Армии в Белграде. В эмиграции жил в Югославии, служил в югославской армии. В марте 1939 года по поручению начальника РОВСа генерала Архангельского проводил расследование по делу Н.Ф. Абрамова, сына генерала Ф.Ф. Абрамова. Умер 23 января 1942 года в Панчево (Югославия).

Архангельский Алексей Петрович (1872 - 1959), генерал-лейтенант. Из потомственных дворян. Родился 5 марта 1872 года. Окончил 2-й Московский кадетский корпус по 1-му разряду и Александровское военное училище. По окончании его в 1890 году вышел подпоручиком в Лейб-гвардии Волынский полк. По окончании Николаевской академии Генерального штаба по цензу командовал ротой и батальоном в Лейб-гвардии Егерском полку, служил на штабных должностях в 18-й пехотной дивизии и армейском корпусе. В 1912 году присвоено звание генерал-майора. С 1914 года - дежурный генерал Главного штаба. С мая до декабря 1917 года - начальник Главного штаба. В августе 1917 года присвоено звание генерал-лейтенанта. С конца 1917 года начальник управления, ведающего командным составом Главного штаба, преобразованного во Всероссийский Главный штаб Красной армии до 15 сентября 1918 года. Вел антисоветскую деятельность. Поддерживал связь с Московским отделением «Национального центра» и с Добровольческой армией. В феврале 1919 года перешел линию фронта и прибыл в Добровольческую армию. Послан на Южный фронт и перешел к белым. 1 марта 1919 года он прибыл в Добровольческую армию. Настоял на суде и был оправдан судом и специальным приказом генерала Деникина. 26 февраля 1919 года зачислен в резерв чинов при штабе главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Затем член комиссии по рассмотрению наградных представлений, о производстве и классных чинов. Помощник начальника общего отдела Военного управления. После эмиграции из Крыма - начальник общего отдела и дежурный генерал штаба, с декабря 1920 года - начальник отделения личного состава штаба главнокомандующего Русской Армией, затем - помощник начальника штаба главнокомандующего. С ноября 1926 года после ликвидации штаба генерала Врангеля состоял при нем в Брюсселе, скреплял его приказы. Являлся председателем «Общества офицеров Генерального штаба» в Бельгии, председателем объединения Лейб-гвардии Волынского полка. 20 марта 1938 года приказом генерала Абрамова назначен председателем РОВСа. С 1949 года - председатель Совета Российского Зарубежного воинства. 25 марта 1957 года сдал должность председателя РОВСа генералу фон Лампе и через два дня произведен в почетные члены Союза. Умер 2 ноября 1959 года в Брюсселе и похоронен на кладбище Юккль в Брюсселе.

Архипов Андрей Дмитриевич (1893 - 1979), полковник. Родился 13 марта 1893 года в Ялте в семье рыбака. Окончил Ялтинскую гимназию и Алексеевское военное училище. Участник Первой мировой войны в рядах 270-го пехотного Гатчинского полка, командир роты. В 1918 году вступил в ряды Добровольческой армии. Служил в Марковской дивизии, командовал 3-м офицерским пехотным полком, полковник. После эвакуации из Крыма - в Галлиполи в Марковском полку. В дальнейшем жил в Париже, окончил Зарубежные Высшие военнаучные курсы генерала Головина. С 1924 года - в РОВС. В июне 1941 года выехал на Восточный фронт. В 1942 - 43 годах - командир роты в Добровольческом батальоне по борьбе с парти-

знами. С июня 1943 года - в Дабендорфской школе РОА, командир роты, потом курсантского батальона. С ноября 1944 года - командир 1-го гренадерского полка (1601-го - по немецкой нумерации) 1-й пехотной дивизии РОА. Переброшен с дивизией в Чехословакию. Попал в плен к союзникам, помещен в лагерь, но избежал выдачи советской стороне. Переехал в США, принимал активное участие в работе Комитета Объединенных Власовцев. Умер в Санта-Барбаре (США) 1 мая 1979 года.

Архипов Михаил Николаевич (1885 - 1972), полковник. Родился в Гельсингфорсе. Окончил 1-й кадетский корпус. Павловское училище, Археологический институт, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: полковник Лейб-гвардии Волынского полка, начальник штаба 22-го армейского корпуса, командующий войсками Казанского военного округа. После прихода большевиков к власти бежал в Финляндию, а затем в Швецию. Осенью 1918 года назначен генералом Марушевским руководителем вербовочной комиссии в белую армию Северной области в эмигрировал в Стокгольме. 14 мая 1919 года прибыл в Мурманск и до февраля 1920 года был начальником штаба командующего войсками Мурманского района. В конце февраля того же года с остатками войск бежал в Финляндию. В 1921 году стал представителем генерала Врангеля в этой стране, возглавлял местное русское офицерское объединение. Затем был представителем РОВСа в Финляндии. С 1969 года был сотрудником журнала «Военная Бель». Умер 10 февраля 1972 года в Финляндии.

Арцишевский Ф.Е. (? - ?), генерал-майор артиллерии. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны. В эмиграции руководитель Балтийского Союза в Германии в 30-е годы. После создания в 1938 году Объединения Русских Воинских Союзов возглавлял Традиционную Группу Западной Добровольческой Армии, входившую в ОРВС.

Асано Такаси (? - ?), полковник японской службы. В 1938 году полковник Квантунской армии, стал основателем и фактическим командиром «Русского отряда Асано», «бригады Асано», названной по его фамилии.

Асмолов Василий Владимирович (? - 1962), поручик. Родился в семье известного табачного фабриканта, почетного мирового судьи. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии, в органах пропаганды, поручик. В 1920 году служил в штабе генерала Врангеля в Крыму. Эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 года. В эмиграции жил во Франции. Служил в канцелярии РОВСа у генерала Кутепова в Париже, близкий его сотрудник. В дальнейшем - делопроизводитель I отдела РОВСа. Сотрудничал в журнале «Часовой» с первых дней его основания. Умер 5 октября 1962 года и похоронен в Кормей-ан-Паризис во Франции.

Багговут-Коломийцев (Багговут-Коломийцев или Боговут-Коломийцев) Владимир Петрович (? - ?), предприниматель. До революции жил в Одессе, занимался торговлей и поставками Добровольному флоту. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции: в Турции, Франции, Болгарии. Занимался предпринимательской деятельностью. Вступил в отношения с представителями различных советских организаций. В 1922 году стал генеральным секретарем «Союза возвращения на родину». В 20 - 30-е годы поддерживал связи с советскими экономическими и внешнеторговыми органами, а также с советскими спецслужбами, выполняя ряд их заданий.

Бажанов Борис Георгиевич (1900 - 1982 или 1983), политический деятель, редактор, издатель. Родился в Могилеве-Подольском в семье врача. Член партии большевиков с 1919 года. Учился в Киевском университете, Высшем техническом училище в Москве. В 1919 году вступил в РКП(б), был избран секретарем Могилевского уездного комитета партии. В 1920 году - заведующий губернским отделом народного образования в Виннице, на партийной работе в Могилеве-Подольском, секретарь Ямпольского ревкома. В том же году поступил в Московское высшее техническое училище, в 1921 году избран секретарем партячейки МВТУ. С 1922 года - на работе в аппарате ЦК партии большевиков: в организационно-инструкторском отделе, секретарь комиссии по пересмотру Устава партии, секретарь Оргбюро ЦК. С августа 1923 года - личный секретарь генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина, работал в секретариате Политбюро ЦК партии. С 1926 года одновременно работал в наркомате финансов, был редактором «Финансовой газеты». Выехал в командировку в Среднюю Азию и в январе 1928 года бежал в Иран. Жил во Франции и Англии. Опубликовал мемуары под названием «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». В 1940 году во время «Зимней войны» пытался формировать антисоветские отряды (так называемой Русской Народной Армии) из советских военнопленных в Финляндии. После окончания войны прекратил эту работу. Затем отошел от активной политической деятельности, работал в области науки и техники. Умер в Париже.

Базаревич Сергей Иосифович (? - 1960), полковник. Окончил Николаевское инженерное училище и Офицерскую электротехническую школу. Участник Первой мировой войны,

дивизионный корпусной инженер, полковник инженерных войск. Участник Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России и в Русской Армии. Заведующий учебной частью, офицер Инженерной школы, эвакуировавшейся в Королевство СХС. 1924 год - начальник отдела Делегации, ведающей интересами русской эмиграции в этой стране. Русский военный агент в Югославии в 20-е - 30-е годы. В 1941 году вошел в состав Русского Бюро в Сербии. Умер 27 января 1960 года в Дорнштадте (Германия) и похоронен здесь.

Баиов (Байов) Алексей Константинович (1871 - 1935), генерал-майор. Родился 8 февраля 1871 года в семье генерала, командира дивизии в Умани. Окончил Владимиро-Киевский кадетский корпус, Императорский археологический институт, 2-е Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1890 году вышел офицером в лейб-гвардии Егерский полк. Преподаватель Николаевской академии Генерального штаба, с 1906 года - экстраординарный профессор и в дальнейшем профессор. В годы Гражданской войны участвовал в формировании армии Юденича. В 1919 году эмигрировал в Эстонию и преподавал в военно-учебных заведениях, вел военно-научную деятельность. Печатался в газете «Возрождение» и в журнале «Часовой». Умер 8 мая 1935 года в Ревеле.

Байдалаков Виктор Михайлович (1900 - 1967), политический деятель. Родился 1 мая 1900 года в г. Конотопе. Окончил среднюю школу и Елисаветградское кавалерийское училище. Хорунжий Донского казачьего войска. Участник Гражданской войны на стороне белых на Юге России. После эвакуации из Крыма находился в Галлиполи, затем ее эмигрировал в Югославию. Окончил химическое отделение Белградского университета. Инженер-химик. Основатель и бессменный председатель Национального Союза Нового Поколения (НСНП), затем Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП), впоследствии Национально-Трудового Союза (НТС). В годы Великой Отечественной войны вел работу среди советских военнопленных и на оккупированной территории. Летом 1944 года арестован гестапо вместе с группой сотрудников. Освобожден по настоянию генерала Власова. В 1955 году после раскола НТС ушел с должности председателя и основал Российский Национально-Трудовой Союз за веру и свободу. Последние годы жизни жил в Вашингтоне. Преподавал в Джорджтаунском университете. Издавал журнал «Вольная мысль». Умер в Вашингтоне 17 июля 1967 года.

Байкалов Анатолий В. (? - ?), общественный деятель. После окончания Гражданской войны в России проживал в эмиграции. Стоял на активных антисоветских позициях. В 1948 году стал один из инициаторов создания «Российского Национально-освободительного Движения», переименованного впоследствии в «Российское Национальное Объединение». Являлся членом его главного правления.

Бакшеев Алексей Проклович (1873 - 1946), генерал-лейтенант. Родился 12 (24) марта 1873 года в поселке Атамановский Читинского округа Забайкальского казачьего войска. Из забайкальских казаков. Есаул 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. С июня 1919 по апрель 1920 года - помощник атамана Забайкальского казачьего войска, генерал-майор. В 1922 году - председатель войскового правительства Забайкальского казачьего войска, заместитель председателя Земского Собора, генерал-лейтенант. В дальнейшем жил в эмиграции в Харбине. Член правления Восточного казачьего союза. В 1930-х годах - начальник Дальневосточного союза казаков, начальник отдела БРЭМ. С 22 августа 1935 по 1938 год - председатель БРЭМ. К 1940 г. - начальник Захинганского бюро БРЭМ в Хайларе. В августе 1945 года арестован в Маньчжурии. Судим Военной коллегией Верховного Суда СССР в Москве в августе 1946 года и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в Москве 30 августа 1946 года.

Балабанов Е.М. (? - ?), эмигрант, финансовый советник председателя РОВСа генерала Миллера в 30-е годы, вел переписку с Женовой, где хранились депозиты РОВСа.

Балабин Евгений Иванович (1897 - 1973), генерал-лейтенант. Родился 22 декабря 1897 года. Из дворян Войска Донского, казак станицы Новочеркасской, Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Офицер лейб-гвардии Казачьего полка. Участник Первой мировой войны, командир бригады 9-й Донской казачьей дивизии, генерал-лейтенант. В годы Гражданской войны служил в Донской армии, в начале 1918 года являлся командующим в Макеевском районе, в апреле - в Заплавской группе, командующий боевой линией у Новочеркаска, член войскового круга и Донского правительства. В эмиграции проживал в Чехословакии. В 1940 - 45 годах - атаман общеказачьего объединения в Германии, Словакии и Венгрии. В ноябре 1944 года вошел в состав КОНР. Являлся начальником управления казачьих формирований, служил в штабе казачьих войск при штабе РОА, член совета ка-

зачьих войск КОНР. В апреле 1945 года находился в распоряжении Совета казачьих войск. Умер 25 октября 1973 года в Вене.

Баратов Николай Николаевич (1865 - 1932), генерал от кавалерии. Родился 1 февраля 1865 года в станице Владикавказской. Окончил Владикавказское реальное училище, 2-е военное Константиновское училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны, командир 1-го Сунженско-Владикавказского полка. В 1905 году присвоено звание генерал-майора. Участник Первой мировой войны: начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии; командующий группой войск на Кавказском фронте; командующий отдельным экспедиционным корпусом в Персии. Присвоено звание генерала от кавалерии. С 1918 года - представитель Добровольческой армии и ВСЮР в Закавказье. Весной 1920 года - управляющий МИДом в Южно-Русском правительстве. В эмиграции занимался с 1920 года по поручению генерала Врангеля помощью военным инвалидам. С 1930 года и до смерти - председатель Зарубежного союза русских военных инвалидов и главный редактор военно-научной и литературной газеты «Русский инвалид». Умер в Париже 22 марта 1932 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Барбович Иван Гаврилович (1874 - 1947), генерал-лейтенант. Родился 27 января 1874 года в Полтавской губернии в семье офицера. Из дворян. Окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище и вышел рядовым во 2-й Драгунский Ингерманландский полк в 1894 году. Затем учился в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе и Офицерской кавалерийской школе в Санкт-Петербурге. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны - ротмистр и командир эскадрона. Впоследствии - командир 30-го Гусарского Ингерманландского полка. В 1916 году присвоено звание полковника. В феврале 1918 года демобилизовался и жил в Харькове. Летом-осенью 1918 года организовал отряд и двинулся с ним на соединение с Добровольческой Армией. Вступил в ее ряды в январе 1919 года. С марта 1919 года - командир 2-го конного генерала Дроздовского полка; с июня того же года - командир отдельной кавалерийской бригады, а затем - командир 2-й кавалерийской дивизии. Командир 5-го конного корпуса, преобразованного в ходе отступления в 5-ю кавалерийскую дивизию. В декабре 1919 года присвоено звание генерал-майора. В 1920 году в Русской Армии генерала Врангеля - командир 1-й Сводной кавалерийской дивизии; с апреля - Командир Сводного (с июля - Конного) корпуса. В июле 1920 года присвоено звание генерал-лейтенанта. В Галлиполи - начальник кавалерийской дивизии. С сентября 1921 года - чиновник в военном министерстве Королевства СХС, начальник кавалерийских групп в этой стране и командир кавалерийской дивизии. С сентября 1924 года - помощник начальника IV отдела РОВСа у генерала от инфантерии Экка. В январе 1933 года назначен начальником IV отдела РОВСа. Являлся также председателем Объединения кавалерии и конной артиллерии. В октябре 1944 года во время наступления Красной армии покинул Белград и затем жил в лагере беженцев под Мюнхеном. Скончался в госпитале на Швабинге в Мюнхене 21 марта 1947 года.

Барк Николай Эвальдович (1900 - 1943), русский офицер. Сын директора Беловежской Пущи. В годы Гражданской войны в России воевал на стороне белых.

В эмиграции служил во Французском легионе на Мадагаскаре. Прибыл отсюда в Испанию для участия в Гражданской войне на стороне генерала Франко. Умер 14 июля 1943 года в Базеле, Швейцария от тропической болезни.

Барсов А. (? - ?), русский генерал. Жил в эмиграции в Германии. Входил в РОВС, но вышел из него «в поисках активности». Входил в РОНД-РНСД в 30-е годы. В 1937 году являлся председателем контрольно-ревизионной комиссии Российского-Национально-Освободительного Движения. По некоторым данным, исключен из последнего в 1937 году.

Баумгартен фон Вильгельм Вильгельмович (ок.1880 - 1962), генерал-майор. Окончил Николаевскую инженерную академию. Участник Первой мировой войны, полковник, начальник инженерной части 3-й армии. С сентября 1918 года находился на руководящих должностях по инженерной части в Добровольческой армии, январь 1919 года - и.д. начальника инженерных снабжений. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 года - корпусной инженер 1-го армейского корпуса, затем помощник командира Технического полка. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. В 1933 году - и.о. начальника группы 1-го армейского корпуса и председатель отдела общества Галлиполийцев в Югославии. Возглавлял Общество взаимопомощи воспитанников Николаевской инженерной академии в Белграде. Генерал-майор. После 1945 года жил в Аргентине, председатель Общества Галлиполийцев в Южной Америке и с 1949 года - начальник отдела РОВСа. Умер 13 мая 1962 года в Буэнос-Айресе.

Баумгартен Ф.Б. (? - 1940), генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. После окончания Гражданской войны проживал в эмиграции в Королевстве СХС. Являлся председателем общества офицеров инженерно-технических и железнодорожных войск здесь. Член РОВСа. Умер 25 декабря 1940 года в Югославии.

Бахметьев (Бахметев) Борис Александрович (1880 - 1951), ученый, политический и общественный деятель. Родился в Тифлисе. Окончил Тифлисскую классическую гимназию и Петербургский институт инженеров путей сообщения, а после его окончания продолжал образование в Цюрихском политехническом институте. С 1905 года в течение 12 лет преподавал в Петербургском политехническом институте, являлся профессором по кафедрам гидравлики, гидроэнергетики, теоретической и прикладной механики. В 1911 году защитил докторскую диссертацию в Институте инженеров путей сообщения. С началом Первой мировой войны активно включился в общественно-политическую деятельность: участвует в работе Международного Красного Креста на территории России, является членом Военно-промышленного комитета и Закупочной комиссии, занимаясь организацией поставок военного и прочего снаряжения для российской армии из США и Англии. В 1917 году в ранге товарища министра торговли и промышленности Временного правительства отбыл в США, а вскоре был назначен послом России в этой стране. Состоял в этой должности до 1922 года. В дальнейшем оказывал большую помощь эмигрантам, создал Русский гуманитарный фонд в США и возглавлял его многие годы. После подписания в 1922 году Раппальского договора прекратил свою работу в качестве посла и возвратился к научно-инженерной деятельности. Открыл консультационную фирму по вопросам проектирования гидравлических систем, стал пайщиком ряда фирм. С 1931 года - профессор кафедры гражданского строительства инженерного факультета Колумбийского университета. С 1917 года входил в Американское общество гражданских инженеров (в 1945 году избран его почетным членом), Американское общество инженеров-механиков, Институт аэрокосмических наук. В середине 40-х годов стал одним из членов-учредителей Американского национального фонда научных исследований. Входил в Национальный внешнеполитический совет, Ассоциацию прогресса науки, Академии наук штатов Нью-Йорк и Коннектикут. Он завещал Колумбийскому университету посольский архив, пожертвовал ему миллион долларов и организовал в университете Школу восточно-европейских исследований. В увековечение его заслуг его именем названы Бахметьевский гуманитарный фонд и Бахметьевский архив российской и внешнеполитической истории и культуры, созданный при Колумбийском университете.

Белов Павел Алексеевич (1897 - 1962), генерал-полковник. В 1918 году вступил в ряды Красной Армии и окончил ее командиром эскадрона. После войны находился на различных командных должностях, окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Накануне войны - помощник инспектора кавалерии Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны - командир 2-го кавалерийского корпуса, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, командующий 61-й армией. После окончания войны - командующий войсками ряда военных округов, в 1955 - 60 годах - председатель ЦК ДОСААФ. Депутат Верховного Совета СССР.

Беляев Иван Тимофеевич (1875 - 1957), генерал-майор русской армии и генерал-лейтенант боливийской армии. Родился 19 апреля 1875 года. Окончил 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В 1893 году вышел в Лейб-гвардии стрелковый артиллерийский дивизион. Участник Первой мировой войны. В 1914 году присвоено звание полковника, в 1916 году - генерал-майора. Командир артиллерийской бригады на Кавказском фронте. С 1918 года - в Добровольской армии и ВСЮР: 1918 года - командир батареи, начальник артиллерии 1-й конной дивизии; 1919 год - инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса, а затем - инспектор артиллерии Кавказской армии. Эвакуирован из Новороссийска в марте 1920 года. Галлиполиец. Жил в эмиграции в Болгарии, а с 1923 года - в Парагвае. Один из руководителей русского офицерства здесь. В 1932 - 35 годах участник войны между Боливией и Парагваем на стороне последнего. Занимался театром военных действий и находился в распоряжении начальника парагвайской армии. Провозглашен национальным героем страны. После его смерти в Асуньоне 19 января 1957 года в стране был объявлен национальный траур. Погребен в специальном пантеоне в первой оседлой индейской колонии как «духовный отец этих детей природы».

Бем Евгений Юльевич (1870 - 1951), генерал-майор. Родился 1 марта 1870 года. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую Инженерную академию. Участник Первой мировой войны, генерал-майор, командир 18-го инженерного полка, инспектор инженерной части Киевского военного округа. В годы Гражданской войны воевал на Северном фронте: начальник отдела военных сообщений фронта. В феврале 1920 года командирован главнокомандующим генералом Миллером и правительством Се-

верной области для переговоров в Финляндию. В дальнейшем руководил жизнью русских беженцев здесь. В дальнейшем переехал и жил во Франции. В конце 1930 года - организатор и руководитель Военно-инженерных курсов в Париже, в 1931 году - начальник Высших военно-инженерных курсов. Член РОВСа. В эмиграции являлся председателем объединения бывших воспитанников Николаевской Инженерной академии и Инженерных училищ. В 1942 году назначен начальником 1 отдела РОВСа. Умер 17 мая 1951 года в Париже.

Бендерский (? - ?), полковник. В эмиграции руководил в 20-е годы «Союзом Офицеров, служивших в Российской Армии и Флоте» в Тяньцзине. Союз входил в состав РОВСа.

Берия Лаврентий Павлович (1899 - 1953), советский политический деятель, маршал СССР. Родился 17 февраля 1899 года в крестьянской семье в с. Мерхеули, Абхазия. Окончил Сухумское высшее начальное училище в 1915 году, механико-техническое строительное училище в Баку в 1919 году и Бакинский политехнический институт в 1922 году. В партии большевиков с марта 1917 года. Техник-практикант гидротехнического отряда Румынского фронта с июня по декабрь 1917 года. В период Гражданской войны находился в оккупированном Баку. По поручению партии «Гуммет» поступил на службу в мусаватистскую контрразведку осенью 1919 года и работал там по март 1920 года. В органах ВЧК - ОГПУ с 1921 года, начинал ее в Азербайджанской ЧК; в дальнейшем на различных должностях в них и в 1926 - 31 годах - председатель ГПУ Грузинской ССР и в 1931 году - председатель Закавказской ГПУ. Затем до 1938 года - на партийной работе в Закавказье, первый секретарь ЦК компартии Грузии. С августа 1938 года - первый заместитель наркома внутренних дел СССР, с ноября 1938 по декабрь 1945 года - нарком. В 1941 - 53 годах - заместитель председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР. После смерти Сталина, с 5 марта по 26 июня 1953 года - первый заместитель председателя СМ СССР, министр внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности - с июня 1941 года; маршал СССР - с июля 1945 года. 26 июня 1953 года арестован на заседании Президиума ЦК КПСС и на пленуме ЦК партии в июле того же года выведен из состава ЦК и исключен из партии. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23 декабря 1953 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Бермондт-Авалов (Бермонт-Авалов) Павел Рафаилович (Михайлович) (1884 - 1973), генерал-майор, князь. Родился 4/17 марта 1884 года в семье казаков Уссурийского казачьего войска. Получил музыкальное образование. Военную службу начал в 1901 году вольнонаемным капельмейстером 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Участник Русско-японской войны, произведен в прапорщики. 1908 год - хорунжий. Участник Первой мировой войны, закончил ее майором. В начале 1918 года - во главе Особого русского корпуса, формируемого из русских военнопленных и немецких добровольцев в Германии. Генерал-майор. С июня 1919 года совместно с корпусом немецкого генерала фон дер Гольца участвует в боевых действиях против советских войск. В сентябре 1919 года вошел в «Русский западный правительственный комитет» и стал командующим Западной Добровольческой армией. Вопреки запрету генерала Юденича начал боевые действия против латвийских войск. В октябре 1919 года отстранен Юденичем от командования и объявлен изменником. В Риге усыновлен грузинским князем Аваловым и изменил отчество на Михайлович. В декабре 1919 года интернирован в Германии. Затем переехал в Югославию. Затем снова жил в Германии. Придерживался правых взглядов, возглавлял в 30-е годы в течение ряда лет (1933 - 39) профашистское Русское Национал-Социалистическое Движение. В 1941 году эмигрировал в США. Умер 27 декабря 1973 года в Нью-Йорке.

Бернацкий Михаил Владимирович (1876 - 1943), профессор, экономист, общественный и политический деятель. Родился 8 июля 1876 года в Киеве. Окончил юрфак Киевского университета. Защитил магистерскую диссертацию. Слушал лекции в Берлине. Преподавал политэкономии в Тенишевском училище, затем в Политехническом и Технологическом институтах Петербурга. Кадет, гласный Петроградской городской думы. После Февральской революции занимал различные должности во Временном правительстве, был министром финансов. В октябре 1917 года арестован, но вскоре освобожден. С мая 1918 года входил в «Национальный центр». Член «Особого совещания» и управляющий отделом финансов при главнокомандующем ВСЮР генерале Деникине, руководил финансами и при генерале Врангеле. В ноябре 1920 года эмигрировал в Турцию, а затем переехал во Францию. Руководитель Финансового комитета в Париже, основанного Земгором и Совещанием русских послов. Занимался научной деятельностью, читал лекции в Парижском университете, Русском коммерческом институте, Русском высшем технологическом институте, вел экономический семинар в Институте славяноведения в Париже. Умер в ночь с 16 на 17 июля 1943 года в Париже.

Беседовский Григорий Зиновьевич (1896 - 195?), политический деятель. Анархо-синдикалист, затем левый эсер. С 1919 года - член украинской партии левых эсеров (борьбистов). Большевик с 1920 года. Руководитель губернского совнархоза и губернского совета профессиональных союзов в Полтаве, член Всеукраинского ЦИК. С 1922 года находился на дипломатической работе в Австрии, Польше. Японии. С 1927 года работал советником советского полпредства во Франции. В октябре 1929 года бежал из полпредства и стал невозвращенцем. Активный деятель антисоветской эмиграции во Франции. Автор книги «На пути к термидору».

Бискупский Василий Викторович (1878 - 1945), генерал-майор, по другим данным, - генерал-лейтенант. Родился 27 июня 1878 года. Окончил 2-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В 1910 году присвоено звание-генерал-майора. Участник Первой мировой войны: командир Лейб-гвардии Московского полка (1916 - 1917 гг.), командир 3-й кавалерийской дивизии (1917 -1918 гг.). Командующий войсками у гетмана Скоропадского в 1918 году. После поражения бежал в Германию. Претендовал на командование Добровольческим корпусом генерала фон дер Гольца. В июле - сентябре 1919 года - глава Западнорусского правительства в Берлине. Участник путча Каппа в Германии в марте 1920 года. После подавления его бежал вместе с генерал-фельдмаршалом Людендорфом. В дальнейшем жил в Германии. Стал одним из руководителей общества «Ауфбау», созданного в Мюнхене при помощи Э. Людендорфа в целях налаживания взаимодействия русских правых эмигрантов и германских националистов. По некоторым данным, в его доме скрывался А. Гитлер после «Пивного путча». Активно взаимодействовал и поддерживал великого князя Кирилла Владимировича. Издавал газету «Двуглавый орел». Генерал от кавалерии по Корпусу Императорской Армии и Флота. С 1 мая 1936 года и в дальнейшем в период Второй мировой войны возглавлял Управление по делам русских эмигрантов в этой стране и на территории Третьего рейха. По некоторым данным, был причастен к заговору против Гитлера 20 июля 1944 года, составлял список будущего русского правительства из эмигрантов. Умер в Мюнхене 18 июня 1945 года.

Бичерахов Лазарь Федорович (1882 - 1952), генерал-лейтенант. Родился в Санкт-Петербурге. Из казаков станицы Ново-Осетинской терской области, сын офицера. Окончил 1-е Петербургское реальное училище и Алексеевское военное училище. Участник Первой мировой войны, подъесаул Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска, начальник партизанского отряда в Персии. В начале 1918 года прибыл из Персии в Баку и Дагестан, стал руководителем борьбы с большевиками в Дагестане. Командующий войсками «Диктатуры Центрокаспия», затем возглавлял союзное кавказско-каспийское правительство. Уфимской директорией произведен в генерал-майоры с назначением командующим войсками Западно-Каспийского побережья. В начале 1919 года после расформирования его войск англичанами перешел на службу во ВСЮР. Генерал-лейтенант. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции. В 1944 году присоединился к власовскому движению. Умер 22 июля 1952 года под Ульмом (Германия).

Блюм Леон (1872 - 1950), французский политический деятель, лидер и теоретик социалистической партии Франции. В 1936 году возглавил правительство Народного фронта в этой стране. После немецкой оккупации Франции в 1940 году арестован и интернирован в Германии. Возглавлял правительство Франции в 1946 - 47 годах. Автор доктрины «гуманистического социализма».

Блохин Василий Михайлович (1895 - 1955), сотрудник советских спецслужб, генерал-майор, лишенный этого звания в 1954 году. Родился в крестьянской семье в селе Гавриловское Владимирской губернии. В 1933 году окончил Архитектурно-строительный институт, а в 1937 году - Московский институт повышения квалификации хозяйственников. До революции - пастух, каменщик. Участник Первой мировой войны: прошел путь от рядового до старшего унтер-офицера. В июне-ноябре 1917 года - председатель ротного комитета 218-го пехотного полка. С 1919 года - в Красной Армии: командир взвода. С 1921 года в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ: командир взвода войск ВЧК (1921), комиссар для особых поручений, комендант НКВД. 11 мая 1939 году ему в качестве коменданта Административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД СССР выдан содержащийся в тюрьме председатель РОВСа генерал Миллер, который был расстрелян в этот вечер. В дальнейшем продолжал работать в этой структуре НКВД-НКГБ-МГБ. В июле 1945 года ему присвоено звание генерал-майора. В 1952 - 53 годах - заместитель начальника АХУ МГБ. В апреле 1953 года уволен из МГБ по болезни. В ноябре 1954 года лишен звания генерал-майора как дискредитировавшего себя за время работы в органах. Скончался 3 февраля 1955 года.

Бобровский Сергей Павлович (? - ?), военный инженер, генерал-майор. В годы Первой мировой войны был командирован Главным Техническим Управлением в Англию для на-

блюдения за выполнением заказов по автомобильной и железнодорожной части. В 1917 году вернулся в Россию, но к здесь к власти пришли большевики, и он вернулся в Лондон. В начале 1920 года отправился на Дальний Восток к адмиралу Колчаку, но прибыл после его падения. Весной 1920 года отбыл в Чили, а оттуда переехал в столицу Аргентины - Буэнос-Айрес. Затем перебрался в Парагвай. Участвовал в качестве военного специалиста в парагвайской армии и прекрасно зарекомендовал себя в ходе парагвайско-болливийской войне 1932 - 35 гг., где победу одержал Парагвай.

Богаетский Африкан Петрович (1872 - 1934), генерал-лейтенант. Родился 27 декабря 1872 года в семье офицера. Казак станицы Новочеркасской, Черкасского округа, из дворян Войска Донского. Окончил донской кадетский корпус. Николаевское кавалерийское училище (1892 г.), Николаевскую академию Генерального штаба (1900 г.). Участник Первой мировой войны: начальник штаба и командир 4-го Гусарского полка, командир Лейб-гвардии сводного казачьего полка, начальник штаба полевого атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича, начальник Забайкальской казачьей дивизии и 1-й гвардейской казачьей дивизии, заместитель начальника штаба 4-го конного корпуса. В 1915 году ему присвоено звание генерал-майора. В годы Гражданской войны: командующий казачьими войсками в районе Ростова у генерала Каледина в январе 1918 года; командир партизанского полка Добровольческой Армии и командир ее 2-й бригады. В 1918 году - председатель Донского правительства, генерал-лейтенант. С начала 1919 по январь 1920 года - председатель Южно-Русского правительства. Атаман войска Донского в 1920 году. В 1920 году находился с «Казачьим Кругом» в Крыму у генерала Врангеля. Эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 года. Создал в эмиграции Объединенный совет Дона, Кубани и Терека. Проживал в Константинополе, Софии, Белграде. С 1923 года жил в Париже. Являлся атаманом Войска Донского и почетным председателем Казачьего Союза во Франции. Активно сотрудничал с руководством РОВСа. Умер 21 октября 1934 года в Париже и похоронен 28 октября на казачьем кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

Богданович А.А. (? - 1934), боевик РОВСа. Зброшен в СССР в 1934 году, арестован здесь и в декабре 1934 года расстрелян.

Богданович Павел Николаевич (1883 - 1973), полковник. Родился 26 мая 1873 года в Киеве. Окончил Царицынскую гимназию, Киевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Первой мировой войны, капитан, состоял при штабе 8-й пехотной дивизии. В 1914 году попал в плен, из плена бежал в Голландию. В годы Гражданской войны в России - во ВСЮР и Русской Армии. В 1921 году возглавлял военную миссию при посольстве в Париже по представлению главнокомандующего Русской Армией, штаб-офицер для поручений при главноуполномоченном главнокомандующего в Париже. Полковник (1922, одновременно с чином подполковника). Был приглашен генералом Кутеповым для работы в отделении его штаба. Основатель и начальник Национальной Организации Русских Разведчиков. Член правления общества друзей «Часового», член Союза Преображенцев, объединения 13-го гренадерского полка. В 1942 - 44 гг. - в Управлении делами русской эмиграции в Париже, был заместителем генерала Головина в качестве председателя Совещания при управляющем делами русской эмиграции и руководителе всех русских военных союзов и объединений. В 1943 году был обвинен гестапо в принадлежности к николаевскому монархическому движению, оставшемуся верным покойному великому князю Николаю Николаевичу, но сумел избежать ареста. Редактор еженедельника «Парижский Вестник». С 1948 года жил в Аргентине. В 1953 году - начальник штаба НОРР. Умер 6 марта 1973 года в Буэнос-Айресе.

Богомолов Александр Ефремович (1900 - 1969), советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. На дипломатической работе с 1939 года: в 1939 - 41 годах - генеральный секретарь, заведующий I западным отделом НКВД; в 1940 - 41 годах - советник полпредства и полпред во Франции; в 1941 - 43 годах - посол при союзных правительствах в Лондоне; в 1943 - 44 годах - полпред при Французском комитете национального освобождения; в 1944 - 45 годах - посол во Франции; в 1950 - 52 годах - заместитель министра иностранных дел; в 1952 - 54 годах - посол в Чехословакии; в 1954 - 57 годах - посол в Италии; в 1957 - 62 годах - на работе в центральном аппарате МИД. В 1962 года вышел в отставку.

Болтин Николай Николаевич (1881- 1954), полковник. Окончил Пажеский корпус. Участник первой мировой войны, служил во 2-м Лейб-гвардии Драгунском Псковском полку и Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку. В годы Гражданской войны воевал на стороне белых. Жил в эмиграции. Участник Гражданской войны в Испании на стороне генерала Франко. Один из организаторов Русского отряда в Терсио Донна Мариа де Молина. Награжден испан-

ским военным орденом и после окончания войны произведен в почетные полковники Национальной милиции. Умер в Мадриде 20 января 1954 года.

Болтунов Александр Дмитриевич (1868 - 1933), генерал-майор. Родился 10 января 1868 года. Окончил Киевское реальное училище, Московское пехотное юнкерское училище, Алексеевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1911 году - старший адъютант штаба Кавказского военного округа. Преподавал в Тифлисском юнкерском училище. Был начальником штаба 6-го округа отдельного корпуса пограничной стражи. Участник Первой мировой войны: командир 155-го пехотного Кубанского полка, начальник штаба 4-й Туркестанской стрелковой дивизии и 1-го Кавказского армейского корпуса. С октября 1918 года в Добровольческой армии, а затем во ВСЮР и Русской армии. Начальник Кубанского (Алексеевского) училища в 1918 - 21 годах. Галлиполиец. Являлся начальником Николаевского инженерного училища в Болгарии. Специалист по проблемам военного воспитания. Умер 21 октября 1933 года в Пернике, Болгария.

Бордзиловский Антон Викентьевич (1876 - 1962), генерал-майор. Родился 3(15) ноября 1876 года в Сибири. Из дворян Могилевской губернии. Окончил Сибирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Подполковник артиллерии, служил по дворцовому ведомству в Гатчинском дворце. В годы Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта, с июля 1918 года - помощник командира Тобольского добровольческого отряда (затем 6-й Степной Сибирский стрелковый полк), присвоено звание полковника, в 1919 году - командир 25-го Тобольского Сибирского стрелкового полка, командир отряда 1-й армии, начальник 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии, помощник командира 2-го корпуса. В декабре 1919 года присвоено звание генерал-майора. В январе 1920 году - командующий отдельной Тобольской группой (начальник колонны). В 1921 году служил в Дальневосточной армии, начальник гарнизона Спасска, командир 1-й стрелковой бригады. В эмиграции жил в Китае, руководил в 20-30-е годы «Офицерским Союзом» в Харбине; председатель отдела РОВСа и кадетского объединения в Харбине. До 1945 года - председатель объединения Сибирского кадетского корпуса в Шанхае. После 1945 года переехал в США, начальник отдела РОВСа. Умер 30 мая 1962 года в Принстоне.

Борис III (1894 - 1943), царь Болгарии. Положительно относился к переезду и размещению русских эмигрантов и прежде всего бывших военнослужащих Русской Армии генерала Врангеля в Болгарии после окончания Гражданской войны в России. Содействовал правому перевороту в стране в 1923 году. Проводил прогерманскую внешнюю политику.

Борис Владимирович (1877 - 1943), великий князь, генерал-майор свиты. Сын великого князя Владимира Александровича и великой княжны Марии Павловны (старшей), двоюродный брат Николая II. С 1903 года - в Лейб-гвардии гусарском полку. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны командовал Лейб-гвардии атаманским полком. С 1915 года - походный атаман всевеликого казачьего войска при верховном главнокомандующем. Генерал-майор. После революции и Гражданской войны проживал в эмиграции во Франции, в Бельвю. Умер 8 ноября и похоронен 12 ноября 1943 года в кафедральном соборе Св. Александра Невского в Париже на рю Дарю.

Боткин С.Д. (? - ?), политический деятель эмиграции. Жил в Берлине. Возглавлял с начала 20-х годов Организацию по защите интересов русских беженцев в Германии, признаваемую правительством Германии. Представитель Сопещения русских послов в Германии.

Браунер Алексей Александрович (? - ?), капитан. Участник Гражданской войны на стороне белых. В эмиграции проживал в Болгарии. Активный деятель РОВСа. Один из руководителей «Внутренней линии» в Болгарии. С 1934 по 1944 год был штатным сотрудником болгарской Дирекции полиции и начальником противокommунистической и противотеррористической группы в этой стране. В 1934 году являлся председателем президиума II съезда национальных организаций и групп эмиграции, состоявшегося в Париже.

Браунс Дмитрий Георгиевич (? - ?), штабс-капитан. Участник Второй мировой войны, подпоручик Русского корпуса. После включения Союза чинов Русского Корпуса в состав РОВСа в 1988 году стал членом РОВСа и в том же году назначен секретарем Союза. В 90-е годы являлся представителем РОВСа на Западном побережье США и секретарем РОВСа. Назначен в состав Совета чинов РОВСа при председателе Союза. Произведен в штабс-капитаны приказом председателя РОВСа 1 января 2000 года, но позднее от этого чина отказался. 1 января 2000 года был заменен на посту секретаря РОВСа, но после смерти председателя РОВСа капитана Буткова, под давлением сторонников сотрудничества с официальными властями РФ, был вновь назначен секретарем Союза. В декабре 2000 года освобожден от обязанностей секретаря РОВСа и исключен из Союза за попытку издать распоряжение в обход руководства Союза и

сфальсифицировать «закрытие» РОВСа, а также незаконно передать имущество Союза зарубежным организациям, сотрудничающим с властями РФ.

Браухич Вальтер фон (1881 - 1948), немецкий генерал-фельдмаршал, родился в офицерской семье. Участник Первой мировой войны. С 1938 года - генерал-полковник, главком сухопутных войск фашистской Германии. С 1940 года - генерал-фельдмаршал. В декабре 1941 года отстранен от занимаемой должности за поражение под Москвой. Умер в английском плену.

Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (1873 - после 1945), генерал-лейтенант. Выходец из дворян. Окончил 1-й Московский: кадетский корпус, Константиновское военное училище. Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. С 1918 года - в Добровольческой армии и ВСЮР. С ноября 1918 года - в Киевском центре, с января 1919 года - в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. С июля 1919 года - начальник 7-й пехотной дивизии, затем 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе. В начале 1920 года возглавил поход войск из Одессы в Польшу. С июля 1920 года - в Русской Армии в Крыму. В эмиграции проживал в Болгарии. В 1930 - 31 гг. состоял в распоряжении председателя РОВСа. Председатель Союза «Долг Родине». Возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х годах - заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 году арестован, вывезен в СССР и погиб в лагерях.

Бредов Федор Эмильевич (1884 - 1959), генерал-майор. Родился 22 апреля 1884 года в Ивангороде. Окончил 1-й кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. После окончания училища вышел офицером в лейб-гвардии Финляндский полк. В годы Первой мировой войны - подполковник, начальник штаба 63-й пехотной дивизии. В 1915 году попал в плен и вернулся из него в 1918 году. Служил в Вооруженных силах Юга России с 1 февраля 1919 года: служил в штабе войск Юго-Западного края (Одесса), начальник штаба 3-й пехотной и Дроздовской дивизий, полковник; с августа 1920 года до эвакуации Крыма - начальник штаба 2-го армейского корпуса. В Галлиполи - начальник штаба 1-й пехотной дивизии. С апреля 1922 года в Болгарии. В 1922 году выслан отсюда в Королевство СХС. Затем вернулся в Болгарию, оставался начальником штаба 1-й пехотной дивизии, работал землемером, Генерал-майор с 1922 года (по другим данным - с 1921 года). Состоял в РОВСе. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе: адъютант 1-го юнкерского батальона, адъютант 2-го батальона 2-го полка, командир юнкерской роты, адъютант 3-го и 5-го полка, командир 1-го батальона того же полка. Присвоено воинское звание гауптмана. После 1945 года - в США, председатель объединения лейб-гвардии Финляндского полка. Умер 15 марта 1959 года в Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище.

Бруссо (? - ?), французский генерал. В 1921 году он являлся комендантом лагеря на острове Лемнос.

Бубнов (? - ?), белый офицер. Член Боевой организации генерала Кутепова в 20-е годы. В мае - июне 1928 года две недели находился в Москве с целью совершения покушения на члена Политбюро ЦК партии большевиков Н.И. Бухарина. Не имея возможности совершить этот террористический акт, вернулся в 1928 году за границу.

Будберг Алексей Павлович фон (1869 - 1945), генерал от инфантерии, барон. Сын видного царского сановника барона А.А. Будберга. Окончил Пажеский корпус, 1-е Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. В Первой мировой войне: начальник штаба 10-й армии, командир 14-го армейского корпуса. В январе 1918 года уехал на Дальний Восток. С 1918 до весны 1919 года жил сначала в Японии, а затем в Маньчжурии, с мая 1919 года - в штабе адмирала Колчака. Август - октябрь 1919 года - военный министр в его правительстве. С ноября 1919 года - в эмиграции. Жил сначала в Харбине, а затем в 1921 году уехал в США. Жил в Сан-Франциско. Летом 1925 года был назначен председателем (начальником) 1-го Североамериканского отдела РОВСа. Занимал эту должность при генералах Врангеле, Кутепове и Миллере в качестве председателей Союза. Являлся также председателем Общества ветеранов Великой войны. Умер 14 декабря 1945 года.

Булак-Балахович Станислав-Мария Никодимович-Михайлович (1883 - 1940), генерал-майор. Родился 10 февраля 1883 года. Из крестьян Ковенской губернии. Участник Первой мировой войны, произведен в офицеры за боевое отличие. Штаб-ротмистр 2-го Уланского полка. В феврале 1918 года вступил в формирующуюся Красную Армию, командовал Лужским пехотным полком. В сентябре 1918 года перешел в эстонскую армию, затем вступил в ряды Северо-Западной армии генерала Юденича. Прошел в ней путь от ротмистра до генерал-майора (с июня 1919 года), начальника пехотной дивизии, а затем начальника южного участка Северного

корпуса. В августе 1919 года исключен из армии и бежал в Эстонию. В конце января 1920 года арестовал генерала Юденича в Ревеле и отправился с ним в сторону Юрьева (Тарту), требуя выплаты денежной компенсации. Его замысел был сорван после вмешательства союзных миссий и эстонских военнослужащих. В дальнейшем переехал в Польшу, с 1920 года - командующий Русской Народной Армией здесь. Совершал рейды с ее территории против Советской России. Затем работал директором лесных разработок. Убит 10 мая 1940 года в Варшаве.

Бургон Нортайль (? - ?), французский генерал. Командующий экспедиционным корпусом Франции в Турции в 1920 - начале 1921 года.

Бурлин Петр Гаврилович (1879 - 1954), генерал-майор. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, полковник. В годы Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта: начальник штаба командующего Приморской области; в белых частях во Владивостоке, руководитель местной офицерской организации; помощник начальника штаба главнокомандующего фронтом в Омске, а затем начальник этого штаба; начальник канцелярии управляющего военным ведомством. Генерал-майор. В эмиграции в Китае. В 20-е годы - помощник генерала Лукомского на Дальнем Востоке, атаман Енисейского казачьего войска. С 1930 года - советник при Генеральном штабе китайской армии. С 1932 года - профессор военной академии. С 1948 года - на Тайване, а затем - в Австралии. Умер 11 февраля 1954 года в Сиднее.

Бурцев Владимир Львович (1862 - 1942), общественный деятель, публицист, издатель. Родился 17 ноября 1862 года в семье офицера, штабс-капитана в форте Перовский, Закаспийской области. Учился в Казанском и Петербургском университетах на физико-математическом и юридическом факультетах. Участник народовольческих кружков. В 1885 году был арестован, судим и приговорен к ссылке в Сибирь. Бежал из ссылки в Иркутской губернии и уехал в Швейцарию, а затем во Францию и, наконец, в Англию. Издавал народвольческую литературу. В 1905 году амнистирован и вернулся в Россию. Стал одним из редакторов журнала «Былое» в Петербурге. Увлечен разоблачением провокаторов, в частности, разоблачил Е. Азефа. В 1907 году вновь эмигрировал из-за угрозы ареста. Вернулся в 1914 году, арестован на границе и сослан в Туруханский край. Освобожден по ходатайству французского правительства и в конце 1915 года вернулся в Петроград. В 1917 году издавал газету «Общее дело», где резко критиковал большевиков. Отрицательно отнесся к захвату власти большевиками в Петрограде и сразу был арестован ими. Освобожден в феврале 1918 года и эмигрировал из страны. Жил и работал в Париже, активно сотрудничал в эмигрантской печати, возобновил издание «Общего дела». Критиковал политику советской власти и разоблачал деятельность советских спецслужб за рубежом. Вел личное расследование похищений генералов Кутепова и Миллера. Опубликовал об этом книгу в Париже в 1939 году под названием «Большевицкие гангстеры в Париже». Писал и антифашистские статьи, за что преследовался гестапо после оккупации Франции. Последнее время жил в крайней нищете и умер в Париже в лечебнице для бедных от заражения крови 21 августа 1942 года. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Бутков Владимир Николаевич (1916 - 2000), капитан. Родился на Дону 19 июня 1916 года в семье священника. Вместе с родителями эмигрировал после революции в Болгарию. Окончил унтер-офицерские, а затем Военно-училищные курсы при III отделе РОВСа, а затем младший класс Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Головина. С 16 лет состоял в РОВСе. Во время Второй мировой войны служил в корпусе генерала Туркула, командовал батальоном, произведен в чин капитана. После окончания войны находился в лагере для перемещенных лиц Шляйсхайм (Австрия). В конце 1948 года покинул лагерь и в январе 1949 года прибыл в Касабланку (Марокко). Активно участвовал в работе подотдела РОВСа здесь и издавал его ежемесячный бюллетень. В 1952 году назначен представителем русских эмигрантов при французском дипломатическом кабинете в г. Рабате. В 1954 году организовал в Марокко отдел НОРР, ставший молодежным филиалом подотдела РОВСа. В 1958 году переехал в США, вступил в Нью-йоркское отделение РОВСа. Защитил здесь докторскую диссертацию по русской истории. Работал в ряде американских университетов. Десять лет был атаманом Общеказачьей станицы Вашингтонской, с 1986 года стал старшим группы Дроздовского полка в США. В марте 1999 года был назначен заместителем председателя РОВСа, а с 1 июня того же года - его председателем. Умер 11 февраля 2000 года и погребен на кладбище Успенского Ново-Дивеевского женского монастыря в Спринг Валлей (штат Нью-Йорк, США).

Бухарин Николай Иванович (1888 - 1938), видный деятель партии большевиков и советского государства. Родился в Москве в учительской семье. Учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета. С 1906 года - член партии

большевиков. Неоднократно арестовывался. В 1911 году был сослан на Север и бежал за границу. Принимал активное участие в деятельности эмиграции. В апреле 1917 года вернулся в Россию. Зарекомендовал себя как один из молодых руководящих деятелей партии большевиков. На VI съезде большевиков в 1917 году впервые избран в состав ЦК партии. В дальнейшем неизменно входил в ее руководство. Избран членом Учредительного Собрания. В 1919 году избран в состав Политбюро ЦК партии большевиков, стал членом исполкома Коминтерна, а затем - заместителем председателя последнего. В 20-е годы - член Политбюро ЦК ВКП(б) и редактор газеты «Правда». В 1929 году снят с этих постов. В марте 1938 года приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 15 марта. Реабилитирован в 1988 году.

Бушин Александр Юрьевич (1969 - -), подпоручик РОВСа. Родился в г. Воздвиженке Уссурийского района Приморского края. Окончил истфак Уссурийского государственного педагогического института (УГПИ). С 1993 года - учитель истории в школе, с 1994 года - ассистент кафедры отечественной истории УГПИ. Окончил аспирантуру при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока во Владивостоке. С 1998 года - преподаватель УГПИ. С марта 2000 года и по настоящее время - представитель РОВСа в г. Уссурийске. С 2004 года - подпоручик РОВСа.

Вандервельде Эмиль (1866 - 1938), бельгийский политический деятель. С середины 90-х годов - руководитель Бельгийской рабочей партии. С 1894 года - член бельгийского парламента. С 1900 года - председатель международного социалистического бюро II Интернационала. В 1914 году впервые вошел в состав буржуазного правительства Бельгии и дальнейшем, до 1937 года неоднократно занимал министерские посты в правительственном кабинете (иностранных дел, юстиции и др.).

Вейнерт (? - ?), русский врач. Жил в 20-е годы в эмиграции. Лечил генерала Врангеля в Брюсселе во время болезни, оказавшейся смертельной для него весной 1928 года.

Вера Константиновна (1906 - 2001), великая княжна. Родилась 24 апреля 1906 года в Павловском дворце под Петербургом. Младшая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княжны Елисаветы Маврикиевны (рожденной принцессы Саксен-Альтенбургской). В 1918 году бежала с матерью и братом в Швецию по приглашению шведской королевы. С 1920 года жила в Бельгии, с 1922 года - в Германии. Возглавляла миссию Красного Креста. Вела активную переписку в период Второй мировой войны с начальником РОВСа генералом Архангельским и начальником ОРВС генералом фон Лампе. В 1945 году бежала в британскую оккупационную зону. После Второй мировой войны продолжала работу в Красном Кресте. В 1951 году переехала в США. Работала в благотворительных организациях, поддерживала связи с РОВСом и Обществом Галлиполийцев. С 1871 года - на пенсии. Жила в штате Нью-Йорк Толстовском центре в Валлей Коттедж, в старческом доме для русских эмигрантов. Замуж не выходила и не имела иностранного гражданства, оставаясь до конца дней «беженкой». Умерла 11 января 2001 года и похоронена 15 января на кладбище Успенского Ново-Дивеевского женского монастыря в Спринг Валлей, штат Нью-Йорк (США).

Веснич (? - ?), политический деятель. Министр финансов в правительстве Сербии в начале 20-х годов.

Виктория Федоровна (Виктория-Мелита) (? - ?), великая княгиня, дочь герцога Кобургского и Марии Александровны (дочери императора Александра II), герцогиня Саксен-Кобургская. Первым браком находилась за братом императрицы Александры Федоровны эрцгерцогом Эрнстом Гессенским. После развода с ним вышла замуж за своего двоюродного брата великого князя Кирилла Владимировича. Подобные браки были запрещены русской православной церковью. Но в порядке особого исключения царь Николай II разрешил этот брак своему дяде, а его жена получила титул великой княгини. Великий князь Кирилл Владимирович был лишен за этот брак права престолонаследия. После революции 1917 года в России выехала вместе с мужем и детьми в Финляндию, а затем в Швецию. В 20 - е годы жила с семьей в родовом поместье в Германии. Во второй половине 20-х годов переехала с мужем в город Сен-Бриан во Францию и жила в эмиграции в этой стране.

Виноградов В.Н. (? - ?). Русский эмигрант в Маньчжурии. Один из руководящих деятелей БРЭМ и ее второй секретарь в 30-е годы. В марте 1938 года вышел в отставку с этой должности.

Витковский Владимир Константинович (1885 - 1978), генерал-лейтенант. Родился 21 апреля 1885 года. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1905 году окончил и начал офицерскую службу в Лейб-гвардии Кексгольмском полку. С этим полком вступил в Первую мировую войну: командовал ротой и батальоном здесь. К концу войны - командир 199-го пехотного Кронштадского полка.

1917 год - произведен в полковники. В начале 1918 года вступил в Яссах в отряд полковника Дроздовского: командир роты, батальона в офицерском стрелковом полку, участник похода Яссы - Новочеркасск. Летом 1918 года - командир Солдатского батальона, затем - Самурского полка. Командует 2-м офицерским стрелковым полком 3-й Дроздовской дивизии, впоследствии - Дроздовский стрелковый полк. В ноябре 1918 года - командир бригады 3-й дивизии. В декабре присвоено звание генерал-майора. В феврале 1919 года - начальник 3-й пехотной дивизии, переименованной в Дроздовскую дивизию. За отличие в Харьковской операции 1919 года произведен в генерал-лейтенанты. В августе 1920 года - командир 2-го армейского корпуса. После эвакуации из Крыма - начальник 1-й сводной пехотной дивизии на Галлиполи. После специального назначения генерала Кутепова назначен командиром 1-го армейского корпуса. В 20-е годы переехал во Францию и жил в Париже. После похищения генерала Кутепова в 1930 году - председатель Общества Галлиполийцев. 21 ноября 1937 года приказом председателя РОВСа генерала Абрамова он назначен временно исполняющим должность начальника I отдела Союза, а затем стал начальником этого отдела на постоянной основе. 3 апреля 1938 года назначен новым председателем РОВСа генералом Архангельским председателем приема-проверочной комиссии денежных средств Союза. 5 апреля 1939 года назначен по совместительству 3-м заместителем начальника РОВСа. В годы Второй мировой войны и после поражения Франции продолжал жить во Франции и исполнять возложенные на него обязанности. В ноябре 1942 года освобожден от должности начальника I отдела РОВСа. В 1950 году переехал в США и назначен начальником Североамериканского отдела РОВСа. В 1954 году переехал на жительство из Нью-Йорка в Пало-Альто и 25 марта того же года приказом начальника РОВСа назначен по совместительству 2-м помощником начальника Союза. Умер 19 января 1978 года в Пало-Альто (США).

Витте Сергей Юльевич (1849 - 1915), российский государственный деятель, граф. Родился 7 июня 1849 года в Тифлисе в семье начальника канцелярии кавказского наместника. Выходец из потомственных дворян. Окончил Кишиневскую гимназию и физико-математический факультет Новороссийского университета. С 1870 года служил в дирекции Одесской железной дороги. С 1892 года - управляющий министерством путей сообщения и министерством финансов, с 1893 года - министр финансов. В 1905 - 6 годах - председатель Совета министров. В 1905 году присвоено графское звание. С 1906 года - член Госсовета и комитета финансов. С 1911 года - председатель комитета финансов. Умер 28 февраля 1915 года в Петрограде.

Вишневский Владимир Александрович (1920 - 2000), штабс-капитан. Родился в июле 1920 года в Хабаровске в военной семье. Родителей потерял в младенчестве и рос под опекой деда и бабушки. В ходе Гражданской войны был эвакуирован из Хабаровска во Владивосток, а в конце 1922 года вместе с кадетским корпусом, где воспитывался его дядя - Н. Вишневский выехал в Шанхай. Затем переехал в Королевство СХС, где окончил русскую начальную школу в Белграде, 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус в 1928 году и Югославскую военную академию в 1940 году. Во Второй мировой войне принял участие сначала как подпоручик Югославской армии, а затем воевал в рядах Русского Корпуса. Был произведен в чин лейтенанта вермахта. После окончания войны находился в Австрии, а затем переехал в Венесуэлу. Здесь окончил заочный строительный факультет и работал гражданским инженером до 1991 года. Затем переехал к одному из сыновей в США. С 1993 года жил в Вашингтоне. Привлечен к работе в РОВСе его председателем капитаном Бутковым. В 1999 году назначен представителем РОВСа в Вашингтоне и первым заместителем председателя Союза. Произведен по линии РОВСа в поручики и штабс-капитаны. С 7 февраля 2000 года исполнял обязанности, а с 11 февраля того же года после смерти капитана Буткова стал председателем РОВСа. Умер 8 сентября 2000 года и похоронен 13 сентября.

Владимир Кириллович (1917 - 1992), великий князь. Сын великого князя Кирилла Владимировича и великой княгини Виктории Федоровны. Родился 17/30 августа 1917 года. Вместе с родителями выехал в эмиграцию. Жил во Франции. После смерти отца был провозглашен 31 октября 1938 года восприемником звания Главы Российского Императорского Дома. После окончания Второй мировой войны выехал в США. Умер 21 апреля 1992 года в Майами, штат Флорида. Похоронен 29 апреля 1992 года в великокняжеской усыпальнице в Санкт-Петербурге.

Власов Андрей Андреевич (1900 - 1946), генерал-лейтенант. Родился в Нижегородской губернии, 13-й ребенок в семье зажиточного крестьянина. Учился в духовном училище, а затем в духовной семинарии в Нижнем Новгороде. В 1918 году стал учиться агрономии. В 1919 (по другим данным - в 1920) году вступил в Красную Армию. Окончил четырехмесячные курсы

комсостава. Командир взвода на Южном фронте во 2-й Донской дивизии в боях против войск генерала Деникина, затем в этой должности, командиром роты, командиром пешей и конной разведкой полка - против войск Врангеля. Затем командовал отрядом по борьбе с махновцами. Затем командир роты, командир полковой учебной части 26-го стрелкового полка. В 1929 году окончил курсы комсостава «Выстрел». В 1930 году вступил в ВКП(б). Преподаватель тактики в Ленинградской школе комсостава, помощник командира учебной части. В 1933 году слушатель 1-го курса Военной вечерней академии РККА. В 1935 году - командир 11-го стрелкового полка Туркестанской дивизии, ставшего лучшим полком Казанского военного округа, затем - помощник командира 72-1 дивизии. В 1938 году - командир дивизии. В 1938 - 39 годах советник Чан Кайши в Китае. Вернувшись в СССР, стал командиром 99-й стрелковой дивизии. К началу Великой Отечественной войны командир 4-го механизированного корпуса в 6-й армии Юго-Западного фронта. С 22 июня 1941 года его корпус вступил в боевые действия в районе Перемышля. В августе и сентябре 1941 года - командующий 37-й армией в ходе обороны Киева. С ноября 1941 года - командующий 20-й армией Юго-Западного фронта, участник битвы Московской битвы, где его деятельность получила высокую оценку. В марте 1942 года назначен заместителем командующего Волховским фронтом. С апреля 1942 года - командующий 2-й ударной армией в составе Ленинградского, а затем Волховского фронта. С конца мая части армии вели бои в окружении. 12 июля 1942 года сдался в плен немцам. Стал сотрудничать с гитлеровцами. С ноября 1944 года - председатель президиума Комитета Освобождения Народов России и главнокомандующий Вооруженными Силами КОНР. 12 мая 1945 года арестован южнее Праги. Судим, приговорен к высшей мере Военной коллегией Верховного суда СССР как военный преступник и предатель и повешен 1 августа 1946 года.

Власов А. (? - ?), эмигрант. Покинул Россию после Гражданской войны и жил в Европе. Осенью 1941 года стал участником формирования и членом русского отряда (роты), воевавшего в составе 9-й армии вермахта против советских войск в районе Вязьмы - Ржева.

Власов Н.П. (? - ?), сотрудник НКВД, следователь по делу генерала Миллера в 1937 году.

Власьевский Лев Филиппович (? - 1946), генерал-майор. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, начальник личной канцелярии генерала Семёнова. В 1930-е - первой половине 40-х годов - один из руководящих деятелей Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Председатель БРЭМ в 1943 - 45 гг. Арестован в августе 1945 года. Судим в Москве в августе 1946 года и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 августа 1946 года.

Воинов С.С. (? - ?), белый офицер, член Боевой организации генерала Кутепова в 20-е годы. Был заброшен в СССР в ноябре 1929 года и сумел вернуться назад. Но погиб во время следующей операции.

Войков Петр Лазаревич (1888 - 1927), деятель российского революционного движения, советский дипломат и политический деятель. Член РСДРП с 1905 года и большевик с 1917 года. Один из организаторов установления советской власти и боевой работы на Урале. С 1924 года - советский полпред в Польше. Убит в Варшаве эмигрантом Борисом Ковердой в 1927 году.

Войцеховский Сергей Львович (1900 - 1984), русский эмигрант и общественный деятель. В 20-е годы принимал активное участие в работе РОВСа и деятельности кутеповской Боевой организации. После провала «Треста» принимал активное участие в общественной работе по защите интересов русской эмиграции в Польше. Инициатор создания Русского общественного комитета в Варшаве и управлял делами в нем. Сотрудничал в журнале «Часовой». В начале 1941 года назначен немцами председателем Особого Русского комитета в Польше. После окончания Второй мировой войны выехал в США. Работал в Толстовском фонде. Активно печатался в русскоязычной прессе. Умер 21 января 1984 года в США.

Войцеховский Сергей Николаевич (1883 - 1951), генерал-майор русской службы, генерал армии в Чехословакии. Родился 16 октября 1883 года в Витебске. Из дворян, сын офицера. Окончил Великолукское реальное училище, Константиновское артиллерийское училище. Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, подполковник, начальник штаба 1-й Чехословацкой дивизии, командир 1-го Чехословацкого полка. В годы Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта. Один из руководителей восстания Чехословацкого корпуса, 26 мая под его командованием группой войск Чехословацкого корпуса был взят Челябинск. В июне 1918 года присвоено звание полковника. В октябре - декабре 1918 года - командующий Самарской группой войск, с осени командир 6-го Уральского армейского корпуса, генерал-майор. С января по август 1919 года - командир 2-го Уфимского армей-

ского корпуса. С конца августа - командующий Уфимской, а с сентября 1919 года - Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией. С января 1920 года - главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 февраля того же года - командующий войсками Российской восточной окраины (Дальневосточной армии). В эмиграции жил в Чехословакии, военный министр, генерал армии. Участвовал в антифашистском сопротивлении. 11 мая 1945 года арестован сотрудниками СМЕРШ в Праге, доставлен в СССР, судим. Умер 7 апреля 1951 года в лагере под Тайшетом (Иркутская область).

Войцеховский Юрий Львович (? - 1944), общественный и политический деятель. После Гражданской войны в России жил в эмиграции. В годы Второй мировой войны назначен немецкими властями начальником управления делами российской эмиграции в Бельгии. Скончался 1 сентября 1944 года в Бельгии.

Волков В.И. (? - ?), офицер, член кутеповской Боевой организации в 20-е годы. Заброшен в СССР в ноябре 1929 года еще с двумя офицерами. Сумел вернуться из СССР, но погиб во время следующей похода.

Волков Сергей Владимирович (1955 - -), ученый-историк, капитан РОВСа. Родился 7 января 1955 года в Москве. Окончил Московский государственный университет. Доктор исторических наук. В 1993 - 97 годах - редактор журнала «Наши Вести», а затем - член его редколлегии. После учреждения отдела РОВСа в России - его представитель в Москве. В сентябре 2000 года назначен исполняющим обязанности заместителя председателя РОВСа с оставлением и в прежней должности. С сентября 2000 года - первый заместитель председателя РОВСа и член Совета старших чинов Союза. Член редколлегии журнала «Вестник РОВСа». В 2000 году произведен в чин капитана по РОВСу. Автор ряда монографий и других изданий по истории Гражданской войны в России и Русского Зарубежья. Составитель и научный редактор серии «Белое движение».

Вонсяцкий Анастасий Андреевич (1898 - 1965), политический деятель. Из дворян, сын жандармского полковника. В 1916 году поступил в Николаевское кавалерийское училище. В ноябре 1917 года вступил в Белое движение, воевал в Гражданской войне, дослужился до капитана. В 1920 году эмигрировал, жил во Франции, три года работал на заводе в Париже. Женится на американской миллионерше, благодаря чему получил большие средства для политической деятельности. В конце 1920-х годов оказывал финансовую помощь РОВСу, состоял в редакции журнала «Часовой», сотрудничал с «Братством Русской Правды». В 1933 году создал в США «Всероссийскую Фашистскую Организацию», в 1933 - 41 гг. издавал журнал «Фашист». Безуспешно пытался создать единый правый антикоммунистический фронт. В 1942 году арестован в США и приговорен к пяти годам тюрьмы по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Срок отбыл полностью. После выхода из тюрьмы отошел от политики. Умер от сердечного приступа в Сент-Питтерсберге, штат Флорида, США.

Воронко-Гольдберг Анна Феликсовна (1890 - 1971), русская эмигрантка во Франции. Умерла в Русском доме в Париже 8 декабря 1971 года и похоронена на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Врага Р. (? - ?), польский офицер. В 20 - 30-е годы начальник русской секции 2-го бюро Генерального штаба Польши. Тесно взаимодействовал с представителями русской военной эмиграции в ходе ведения последними так называемой «специальной работы» против СССР.

Врангель Алексей Петрович (1925 - -), барон, сын генерала П.Н. Врангеля. Родился в эмиграции. В настоящее время живет в Ирландии. В канун 80-летия РОВСа приказом его председателя капитана И.Б. Иванова ему было предоставлено почетное право ношения серебряной миниатюрной копии знака РОВСа.

Врангель Мария Дмитриевна (1858 - 1944), баронесса, мать генерала П.Н. Врангеля. После эмиграции из России жила в Европе, в основном в Бельгии. Умерла в Брюсселе в 1944 году и похоронена на кладбище коммуны Юккль.

Врангель Николай Егорович (Георгиевич) (1847 - 1923), барон, предприниматель, отец генерала Врангеля. После эмиграции из России жил в Сремских Карловцах в Королевстве СХС. Умер и похоронен здесь.

Врангель (урожденная Иваненко) Ольга Михайловна (1882 - 1968), баронесса, жена генерала Врангеля. Потомственная дворянка, дочь камергера Высочайшего Двора, фрейлина Их Императорских величеств. В годы Первой мировой войны - сестра милосердия. В эмиграции в Югославии открыла санаторий для русских воинов и их семей. В дальнейшем проживала в Бельгии. После Второй мировой войны переехала в США. Умерла в Св. Клиффе в окрестностях Нью-Йорка 8 сентября и похоронена 11 сентября 1968 года на кладбище женского монастыря Новое Дивеево под Нью-Йорком.

Врангель Петр Николаевич (1878 - 1928), генерал-лейтенант, барон. Родился 15 августа 1878 года в городке Ново-Александровске Ковенской губернии. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт в Санкт-Петербурге, сдал экзамены на чин корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище. Служил чиновником для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе. Добровольцем ушел на Русско-японскую войну, зачислен сотником во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. В начале 1906 года - штаб-ротмистр 55-го Драгунского Финляндского полка. В марте 1907 года вернулся в чине поручика в Лейб-гвардии Конный полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба и Офицерскую кавалерийскую школу. Служил командиром эскадрона Его Величества в своем родном полку. В годы Первой мировой войны проходит путь от ротмистра и командира эскадрона до генерал-майора, командира полка, бригады, дивизии и, наконец, корпуса. В 1917 году, когда армия разваливается, он отправляется в Крым, в одно из имений своей жены. С августа 1918 года П.Н. Врангель служит в Добровольческой армии: командир бригады, дивизии, корпуса. В ноябре 1918 года произведен в генерал-лейтенанты, а в конце декабря того же года принимает у генерала Деникина эту армию. После ее разделения Врангель командует Кавказской Добровольческой армией. В результате разногласий с главнокомандующим генералом Деникиным подает прошение об отставке, и 8 февраля 1920 года был уволен со службы. Покинул пределы ВСЮР и отбыл в Константинополь. 22 марта 1920 года вернулся в Севастополь и на заседании Военного совета был единогласно избран главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Переформировал войска в Русскую Армию. В ноябре 1920 года эвакуировался с войсками из Крыма. Из Константинополя переехал в Сремски Карловци, под Белградом, где расположил свой штаб главнокомандующего. 1 сентября 1924 года издал приказ об образовании РОВСа. В ноябре 1926 года переехал к семье в Брюссель. Умер здесь 25 апреля 1928 года, что явилось результатом осложнения от перенесенного гриппа или же, по существующей версии, отравления агентом ОГПУ. Похоронен в Брюсселе на кладбище Юккль-Кальвет. В октябре 1929 года его прах был перезахоронен в русском православном храме Св. Троицы в Белграде.

Врцинский (? - ?), русский генерал-эмигрант. Проживал в Германии. Арестовывался немецкими властями летом 1940 года. Дальнейшая судьба неизвестна.

Выгран Владимир Николаевич (1889 - 1983), генерал-майор. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище, откуда выпущен офицером в 9-й Уланский Бугский полк. С этим полком проходит Первую мировую войну, к концу ее - ротмистр. В конце 1917 года вступает в Добровольческую армию. В 1918 году сформировал сводный полк 9-й кавалерийской дивизии и впоследствии командовал им. Присвоено звание полковника. В начале 1920 года развертывает этот полк в дивизию и становится ее начальником. Ему присвоено звание генерал-майора. В результате потерь дивизия преобразована в 6-й кавалерийский полк под его командованием. Летом 1920 года - командир бригады, а осенью - начальник 1-й конной дивизии. В Галлиполи - командир 1-й бригады сводной кавалерийской дивизии. В Королевстве СХС - инспектор русского состава Пограничной стражи этого государства. Принимает участие в деятельности РОВСа. 1938 год - начальник кадров кавалерийской дивизии. Принимает участие в деятельности Союза военных инвалидов и является председателем отдела этого Союза в Скопле (Югославия). В годы Второй мировой войны принимает участие в борьбе с партизанами на стороне фашистской Германии. Во время наступления Красной армии в 1945 году эвакуировался в Зальцбург, контролируемый американцами, и возглавил здесь бюро комитета Русского Красного Креста. Затем переехал во Францию и, наконец, в США, где участвовал в работе Комитета помощи русским инвалидам. Умер 23 июня 1983 года в Сан-Франциско.

Гавел Вацлав (1936 - -), писатель, драматург, политический деятель. Родился 5 октября 1936 года в состоятельной семье в Праге (Чехословакия). Окончил вечернюю гимназию, учился на экономическом факультете Чешской Высшей технической школы. Окончил театральный факультет Академии изящных искусств. Работал в театрах, автор пьес. Один из составителей запрещенной Хартии - 77. После 1968 года - председатель объединения «Круг независимых писателей», который был запрещен в 1969 году. Подвергался арестам и судебным преследованиям. Лидер возникшей в ноябре 1989 года в ходе студенческих демонстраций протеста оппозиционной организации «Гражданский форум». В декабре 1989 года избран Президентом ЧССР. В дальнейшем - президент Чешской республики. В 2003 году ушел в отставку.

Гавриил Константинович (1887 - 1955), великий князь. Родился 3/16 июля 1887 года в Павловске. Сын великого князя Константина Константиновича и великой княжны Елизаветы Маврикиевны. Окончил Кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Александр-

ровский лицей. Прослушал курс Николаевской академии Генерального штаба. Шеф старшего класса корпуса лицея имени Николая П. Участник Первой мировой войны. В 1917 году был арестован и содержался в тюрьме. После освобождения выехал в эмиграцию. Проживал во Франции, в Париже. Являлся почетным покровителем нескольких русских эмигрантских организаций. Умер в Париже 28 февраля 1955 года и похоронен на кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

Гайда Радола (настоящее имя - Гедль Рудольф) (1892 - 1948), чехословацкий военно-политический деятель. Унтер-офицер австро-венгерской армии в Первой мировой войне. В 1915 году перебежал на сторону черногорцев, а оттуда бежал в Россию. С весны 1918 года - командир 7-го полка Чехословацкого корпуса, один из инициаторов и руководителей его мятежа в мае 1918 года. С сентября 1918 года - генерал-майор, командир 2-й чехословацкой дивизии, с октября - командир Екатеринбургской группы, в 1919 году - генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией у Колчака. В июле 1919 года смещен Колчаком и исключен из списков армии. В ноябре 1919 года во Владивостоке возглавил выступление оппозиционных Колчаку правозсеровских и либеральных кругов, после подавления которого выехал на родину. Один из руководителей чешских крайних националистических организаций. 16 декабря 1927 года лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. В 1945 году арестован в Праге и судим. Умер после заключения в 1948 году в Праге.

Гартман Борис Григорьевич (Егорович) (1878 - 1950), генерал-майор. Родился 19 июня 1878 года в Нижнем Новгороде. Окончил Пажеский корпус и выпущен в 1898 году в корнеты Лейб-гвардии конного полка. Участник похода против Китая в 1900 году. Участвовал в Русско-японской войне в составе 2-го Читинского казачьего полка и Дагестанского конного полка. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба и вновь вернулся в Лейб-гвардии конный полк. Первая мировая война: полковник и командир Лейб-гвардии конного полка; 1916 год - генерал-майор и командир конной гвардии; 1917 год - обер-квартирмейстер в отдельном кавалерийском корпусе в Персии, а затем - начальник Курдистанского отряда в том же корпусе. 1918 год - командовал сводным отрядом из полков Туземной (Дикой) Кавказской дивизии. 1919 год - представитель ВСЮР в Великобритании и находился там до 1924 года. В 1924 году переехал с семьей в Бельгию. С 1 февраля 1925 года - начальник бельгийского подотдела РОВСа, а затем - начальник V отдела Союза, которым руководил многие годы. Председатель Союза русских офицеров в Бельгии. Председатель объединения Лейб-гвардии Конного полка. Умер 29 апреля 1950 года в Ментоне, Франция. Похоронен на русском кладбище Кокад в Ницце.

Гассель фон Ульрих (? - ?), германский дипломат. В годы Второй мировой войны - посол Германии в Риме. Летом 1944 года арестован по обвинению в причастности к покушению на Гитлера 20 июля 1944 года.

Гегела-Швили (Гегелашвили) Соломон Давидович (1885 - 1973), полковник, князь. Родился 1 мая 1885 года. Окончил Воронежский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, полковник, командир дивизиона 22-й артиллерийской бригады. С 1918 года в Добровольческой армии и ВСЮР: командир 2-й батареи 2-го артиллерийского артдивизиона; командир батареи Учебно-подготовительной школы; командир артдивизиона во 2-й артиллерийской бригаде и Корниловской артиллерийской бригаде. Участник похода генерала Бредова. Воевал на Польском фронте, а с мая 1920 года - в Русской Армии. Был последним командиром Корниловского артдивизиона. Эвакуировался в ноябре 1920 года из Крыма. Находился на Галлиполи, потом переехал в Чехословакию. В 1924 года - штаб-офицер и командир батареи Чехословацкой армии в 1924 году. 17 июля 1942 года назначен начальником Юго-Восточного отдела Объединения Русских Воинских Союзов и являлся им до конца войны. Генерал фон Лампе рассматривал его в качестве своего преемника в должности начальника ОРВС. До 1944 года - в Праге, а после 1945 года - начальник отдела РОВСа в Германии. Затем переехал в Аргентину. Являлся помощником начальника, а затем начальником отдела РОВСа и Общества Галлиполийцев в этой стране. Умер 5 февраля 1973 года в Буэнос-Айресе и похоронен здесь на Британском кладбище.

Георгиевский Михаил Александрович (1888 - 1950), политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1917 - 19 гг. - приват-доцент исторического факультета Варшавского университета, с 1915 года располагавшегося в Ростове-на-Дону. С конца 1919 года находился в эмиграции. Специалист по древнееврейскому языку. Преподавал в Белградском университете и в русской гимназии Белграда. С 1930 по 1941 год - секретарь исполнительного бюро и главный идеолог НТСНП. Осенью 1941 года

отошел от политической деятельности. 8 октября 1944 года арестован СМЕРШ. Расстрелян в 1950 году.

Гернгросс Борис Владимирович (? - после 1939), генерал-майор. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, полковник, командир 14-го гусарского полка. В декабре 1917 года - командир «украинизированной части». В 1918 году служил в гетманской армии, с сентября того же года - начальник Елисаветградского кавалерийского училища. В дальнейшем служил во ВСЮР и Русской Армии. С января 1920 года - командир 14-го гусарского полка, затем в штабе 2-й кавалерийской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, командир 3-го кавалерийского полка, затем - 2-й кавалерийской бригады. В эмиграции жил в Югославии, являлся председателем полкового объединения в Горице. В 1931 году - командир 2-й бригады кавалерийской дивизии, а затем начальник этой дивизии. Преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде. 1 ноября 1938 года освобожден приказом начальника РОВСа генерала Архангельского от должности начальника кавалерийской дивизии. Умер после 1939 года в Белграде.

Геруа Александр Владимирович (1870 - после 1940), генерал-лейтенант. Родился 24 марта 1870 года в семье генерал-майора. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-лейтенант, командир 18-го армейского корпуса. После прихода большевиков к власти служил в Красной армии, являясь начальником Северного участка Петроградского района. Но с марта 1918 года вел активную антисоветскую работу, переправлял офицеров к белым. Затем в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии, представитель Добровольческой армии, потом - Русской Армии в Румынии. Там же проживал в эмиграции. В феврале 1924 он назначен Врангелем одним из руководителей работы по объединению офицерских союзов на Балканах. Активный деятель РОВС. Согласно одной версии он погиб в Румынии в годы Второй мировой войны, другая - он был захвачен в 1944 году здесь, депортирован в СССР и погиб здесь.

Гескет Борис Сергеевич (1890 - 1944), полковник. Родился 13 декабря 1890 года в Варшаве. Из дворян Полтавской губернии, сын генерал-майора. Окончил Александровский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, из которого вышел в 1911 году подпоручиком в Лейб-гвардии Измайловский полк. Участник Первой мировой войны, полковник Лейб-гвардии Измайловского полка. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР. После поражения белых эмигрировал и проживал в Сербии. В годы Второй мировой войны командовал 4-м полком в Русском охранном корпусе в Сербии, присвоено звание оберста. Погиб 23 октября 1944 года.

Гиацинтов Н.Е. (? - -), ученый и общественный деятель. Потомственный марковец. Профессор Нью-Йоркского университета, член Американской, Французской и Российской академий. С 1 октября 1999 года введен в Совет чинов РОВСа при председателе Союза.

Гиммлер Генрих (1900 - 1945), немецкий политический деятель, один из лидеров германского фашизма и руководителей карательной системы нацистской Германии. С 1929 года руководил СС, с 1936 года - шеф гестапо, с 1943 года - имперский министр внутренних дел, с 1944 года - командующий резервной армией. В январе - марте 1945 года - командующий группой армий «Висла» на советско-германском фронте. Рейхсфюрер войск СС. В мае 1945 года покончил жизнь самоубийством.

Гинденбург Пауль фон (1847 - 1934), немецкий генерал-фельдмаршал и политический деятель. Участник австро-прусской (1866 г.) и франко-прусской (1870 - 71 гг.) войн. Участник Первой мировой войны, с ноября 1914 года командовал войсками Восточного фронта, с августа 1916 года - начальник Генерального штаба Германии, фактически главнокомандующий. В 1914 года присвоено звание генерал-фельдмаршала. В 1925 - 33 годах - президент Германии.

Гире Михаил Николаевич (1856 - 1932). Родился в семье потомственного дипломата, министра иностранных дел России. Окончил Пажеский корпус и вышел в уланы. Доброволец Русско-турецкой войны (1877 - 78 гг.), за сражение под Шипкой удостоен Георгиевского креста. Профессиональный дипломат. Служит в МИД с 1878 года: младший советник МИД, посланник в Бразилии, Китае, Баварии, Румынии, посол в Константинополе, с 1915 года - посол в Италии, а также и старейшина дипломатического корпуса в Риме где и встретил Российскую революцию 1917 года. В 1919 году участвовал в работе Парижской мирной конференции. В 1920 году при Врангеле - старший дипломатический представитель комитета по защите русских беженцев во Франции. Председатель Совещания (бывших) русских послов в эмиграции. Умер 27 ноября 1932 года и похоронен 30 ноября 1932 года в Париже на кладбище Баттиньоль.

Гитлер Адольф (настоящая фамилия - Шикльгрубер) (1889 - 1945), немецкий политический деятель. Глава национал-социалистической рабочей партии Германии (с 1921 г.) и

фюрер нацистской Германии (в 1933 году стал рейхсканцлером, а в 1934 году объединил этот пост с постом президента). Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 года.

Глазепан Петр Владимирович (1875 - 1951), генерал-лейтенант. Родился 3 марта 1882 года в Гжатске. Из дворян Лифляндской губернии, сын офицера. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны, полковник, командир особого ударного отряда. С декабря 1917 года в Добровольческой армии: участник и командир отряда в 1-м Кубанском походе; командир кавалерийского дивизиона; командир 1-го офицерского конного полка; начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей дивизии; начальник 4-й дивизии; Ставропольский генерал-губернатор; начальник Сводно-Горской конной дивизии. В Добровольческой армии с ее основания: командир отряда в 1-м Кубанском походе. В ноябре 1918 года присвоено звание генерал-майора. В 1919 году направлен генералом Деникиным к Юденичу, являлся губернатором Северо-Западной области (с июля по ноябрь 1919 года) и командующим Северо-Западной армией после генерала Юденича (ноябрь 1919 - начало 1920 гг.). В ноябре 1919 года присвоено звание генерал-лейтенанта. Затем находился в эмиграции в Эстонии и Польше. Весной 1920 года формировал и до августа 1920 года (по другим данным - до мая 1921 года) командовал 3-й Русской армией. Затем формировал Русский легион в Венгрии. С 1922 года жил в Германии, с 1925 года - в Данциге, с 1939 года - в Варшаве. С 1946 года - организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 года в Мюнхене.

Глебов Фаддей (Федор) Львович (1885 - 1945), генерал-лейтенант. Родился 8 мая 1885 года в пос. Казанском Петропавловского уезда. Из казаков Сибирского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров в 1916 году. Подъесаул. В годы Гражданской войны воевал в белых войсках Восточного фронта: в июне 1918 года сформировал 5-ю казачью сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка; к маю 1919 года - есаул, помощник командира полка; с августа 1919 года - командир 10-го Сибирского казачьего полка, войсковой старшина, а затем полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны 1920 года - командир Сибирского казачьего полка, осенью того же года присвоено звание генерал-майора; с весны 1921 года - командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии; с сентября по декабрь 1921 года - командующий Гродековской группой войск, в том же месяце отстранен от командования и арестован; в июне 1922 года - командир особой группы частей армии приамурского Временного правительства, командир 4-го казачьего корпуса; с июля - командир Дальневосточной казачьей группы. Генерал-лейтенант (с 1921 года). Затем проживал в эмиграции в Китае. С июня 1925 года - заместитель атамана Сибирского казачьего войска. С 1927 года - инспектор и почетный советник при командире «Международного волонтерского корпуса» английском полковнике Гордоне по делам «Русского отряда» этого корпуса. В 1942 - 44 годах - председатель Российского эмигрантского комитета. Умер 23 октября 1945 года в Шанхае.

Глобачев Константин Иванович (1870 - 1941), генерал-майор. С 1903 года - на службе в корпусе жандармов. Выходец из потомственных дворян Екатеринославской губернии. Родился 24 апреля 1870 года в Гродненской губернии. Окончил Полоцкий кадетский корпус, 1-е Павловское училище. По окончании его 1898 году произведен в офицеры, через год - подпоручик. Окончил 2 курса Николаевской академии Генерального штаба и направлен в Лейб-гвардии Кексгольмский полк. Дослужился здесь до штаб-ротмистра гвардии в 1903 году, когда перешел на службу в Отдельный корпус жандармов, будучи произведен в ротмистры. Направлен в Польшу: менее года - адъютант Петроковского губернского жандармского управления, полтора года заведовал розыскным пунктом в Белостоке. С сентября 1905 года - начальник жандармского управления Лодзи и одновременно Лодзинского охранного отделения. В декабре 1909 года назначен начальником Варшавского охранного отделения. В 1912 году - начальник Нижегородского губернского жандармского управления. С февраля 1914 года - начальник Севастопольского жандармского управления. С февраля 1915 года - начальник Петроградского охранного отделения, произведен в генерал-майоры Отдельного корпуса жандармов. После Февральской революции арестован, находился под следствием и освобожден в августе (по другим данным - в октябре) 1917 года. После прихода большевиков к власти вновь арестован и освобожден в начале 1918 года. В сентябре 1918 года бежал на Украину. Служил в полиции в Киеве и Одессе, в главном управлении снабжения ВСЮР. С ноября 1919 года - начальник Одесского морского контрразведывательного района. В 1920 году выехал в Константинополь, заведовал паспортной частью (и возглавлял паспортно-пропускной пункт) при генерале Лукомском. Являлся помощником военного агента здесь генерала Черткова. Был начальником информационного бюро контрразведки Русской Армии в Константинополе. В июле 1923 года уе-

хал с семьей в США, где находился на разных работах. В 1929 году получил американское гражданство и в 1930 году приехал в Париж, где стал заместителем генерала Драгомирова, назначенного при генерале Миллере ответственным за секретную работу по связи с Россией, и до мая 1934 года возглавлял контрразведку РОВСа. В 1934 году возвратился в США, где и умер 1 декабря 1941 года.

Говоров Алексей Владимирович (? - после 1941), генерал-лейтенант. Сын священника. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, подполковник. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии и ВСЮР: участник 1-го Кубанского похода; начальник штаба 1-й Донской конной дивизии, полковник, а затем генерал-майор, начальник штаба 3-го Донского корпуса. В Русской Армии - начальник штаба дивизии; начальник штаба Донского корпуса. В 1920 году присвоено звание генерал-лейтенанта. В эмиграции жил во Франции. В сентябре 1928 года назначен Кутеповым председателем французского отдела Союза участников 1-го Кубанского, генерала Корнилова, Похода. Летом 1933 года начальник I отдела РОВСа генерал Шатилов и председатель Главного правления Союза Первопоходников генерал Казанович приняли решение об отстранении его от исполняемых обязанностей. Против этого выступило 1 октября 1933 года общее собрание чинов этого Союза во Франции. 17 октября 1933 года Говоров исключен председателем РОВСа генералом Миллером из Союза «за выступление, явно антидисциплинарного характера, вносящее раскол в ряды РОВСа». Умер во Франции после 1941 года.

Гоженко Н.А. (? - ?), поручик. В 90-е годы - представитель РОВСа в Венесуэле.

Головин Николай Николаевич (1875 - 1944), генерал-лейтенант, профессор. Родился 22 февраля 1875 года в Москве. Из дворян, сын офицера. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании ее и будучи подполковником в феврале 1908 года удостоен звания экстраординарного профессора этой академии по кафедре истории военного искусства. В дальнейшем - профессор академии, затем заслуженный профессор. В 1911 году присвоено звание генерал-майора. Один из организаторов Общества ревнителей военных знаний. Участник Первой мировой войны: начальник штаба 7-й армии; исполняющий обязанности начальника штаба Румынского фронта. В 1916 году присвоено звание генерал-лейтенанта. В период Гражданской войны - в штабе адмирала Колчака, с октября 1919 по январь 1920 года - начальник его штаба. С января 1920 года - в эмиграции. Инициатор и руководитель Высших военно-научных курсов в Париже (с 1927 года). Автор ряда фундаментальных трудов во военной истории и военному искусству, редактор ряда военных журналов и изданий в эмиграции. Активный деятель РОВСа. После начала Великой Отечественной войны возглавил Совет при управляющем делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкове и руководил всеми союзами и объединениями бывших русских военных во Франции. Один из руководителей I отдела РОВСа. Незадолго до своей смерти разработал Устав внутренней службы Русской освободительной армии генерала Власова. Умер 10 июня 1944 года в Париже от разрыва сердца, по одной из версий, получив предупреждение от тайной армии французского Движения сопротивления о вынесении ему смертного приговора за сотрудничество с гитлеровцами. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Голубинцев Анатолий Александрович (1923 - -), подьесаул, доктор медицины. Сын эмигранта. Проживает в США. Офицер Штаба Главного Управления Казачьих Войск. С 1 октября 1999 года введен в Совет чинов РОВСа при председателе Союза.

Горбачевский О. (? - ?), эмигрант. После Гражданской войны проживал в Европе. Осенью 1941 года стал одним из участников формирования и членом русского отряда (роты), воевавшей в составе войск 9-й армии вермахта против советских войск в районе Вязьмы - Ржева.

Горгулов Павел Тимофеевич (1895 - 1932). Родился в станице Лабинской Кубанской области, поручик старой армии, хорунжий Кубанского казачьего войска. Участник Гражданской войны в рядах белых армий на Юге России, завершил ее в войсках генерала Врангеля. Эмигрировал и проживал в Чехословакии. Изучал медицину в Пражском университете. В 1928 году переехал во Францию. Нелегально занимался врачебной практикой (венерические болезни), занимался литературной деятельностью под псевдонимом Поль Бред, Автор ряда романов, произведений прозы и поэзии. Провозгласил себя главой русской национально-фашистской партии. 7 мая 1932 года совершил покушение и смертельно ранил президента Франции П. Думера. Казнен 14 сентября 1932 года по приговору суда в Париже.

Гордеев-Зарецкий Михаил Тимофеевич (? - 1945), подполковник. Окончил Тверское кавалерийское училище. Служил в 4-м гусарском Мариупольском полку. Участник первой мировой войны. Участник Гражданской войны в России на стороне белых на Юге России. Галлиполиец. В эмиграции жил в Югославии. Организатор Военно-училищных курсах IV отдела

РОВСа и руководил ими. Командовал ротой допризывной подготовки для русской эмигрантской молодежи при этом же отделе РОВСа. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе и дослужился до чина гауптмана. Умер 13 декабря 1945 года в лагере Келлерберг.

Гордон (? - ?), английский офицер. Во второй половине 20-х годов - полковник, командир «Международного волонтерского корпуса» в Китае.

Граббе (Никитин) Александр Николаевич (1864 - 1947), граф, генерал-майор. Из дворян Войска Донского. Казак станицы Пятинабинской 2-го Донского округа. Сын генерала от инфантерии. Родился 12 ноября 1864 года. Окончил Пажеский корпус. В 1887 году начал офицерскую службу в Лейб-гвардии Казачьем полку. Адъютант великого князя Михаила Николаевича в 1897 - 1910 годах. В декабре 1904 году присвоено звание полковника, в январе 1914 года - генерал-майора. Командир царского конвоя в 1914 - 17 годах. В марте 1917 года самовольно покинул службу и уехал на Кавказ. Жил в Турции, Германии, Монте-Карло. Член Особой Комиссии под председательством генерала Эрдели по делу генерала Скоблина, действовавшей в 1937 - 38 годах. В 1940 году уехал в США. Умер в Нью-Йорке 15 марта 1947 года.

Гранитов Владимир Владимирович (1915 - 1999), поручик, общественный деятель. Родился в офицерской семье в Петрограде 4 апреля 1915 года. В эмиграции жил в Югославии. Окончил русскую гимназию, университет по специальности инженера-строителя, трехлетние Военно-училищные курсы при IV отделе РОВСа и Высшие военно-научные курсы генерала Головина в Белграде. Принят в полковое объединение 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка и привлечен в качестве офицера в роту допризывной подготовки молодежи. В 1941 году поступил на службу в Особый Корпус. Вторую мировую войну окончил поручиком. По окончании войны переехал к семье в Мюнхен (Германия), а в 1948 году уехал в Аргентину, где участвовал в организации Объединения чинов Русского Корпуса, входил в состав местной организации РОВСа. В 1960 году переехал в США, где возглавил Союз Чинов Русского Корпуса. Работал в крупной железнодорожной компании по проектированию мостов. Заместитель председателя РОВСа с 1 июля 1988 года. С 1 августа 1988 по 1999 год являлся председателем РОВСа. Умер 20 мая 1999 года в Сан-Франциско (США).

Граф Георгий (Геральд, Густав) Карлович (1885 - 1966), контр-адмирал. Морской офицер и писатель. В годы Первой мировой войны служил на крейсере «Новик». Монархист-легитимист. В эмиграции являлся начальником канцелярии великого князя Кирилла Владимировича в звании капитан II ранга, а потом капитана I ранга. После его смерти в 1938 году - личный секретарь и начальник управления делами Главы Российского Императорского Дома великого князя Владимира Кирилловича. В 1938 году произведен в контр-адмиралы. Летом 1941 года, после вторжения Германии в СССР был арестован немцами.

Гриценко В.Н. (? - -), поручик. В 90-е годы - представитель РОВСа в Канаде.

Губин Георгий Антонович (1900 - 1965), участник Белого движения, эмигрант. Родился в Луганске. В годы Гражданской войны вступил в Добровольческую армию, возможно служил в Дроздовских частях ВСЮР и Русской Армии. Галлиполиец. В эмиграции жил в Болгарии, а с 1923 года - в Чехословакии, в Праге. Получил здесь высшее образование и диплом инженера-строителя. Член РОВСа. В конце Второй мировой войны фактически возглавлял Галлиполийское Землячество в Праге. В мае 1945 года был арестован, но вскоре освобожден. Руководил строительной фирмой до ее национализации в 1948 году. В дальнейшем жил, работал и умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович (1872 - 1969), предприниматель. Родился 23 ноября 1872 года в Шуше Елисаветпольской губернии (Нагорный Карабах). С 1882 года учился в Москве. Окончил Лазаревский институт Восточных языков в 1890 году; поступил на физмат Новороссийского университета в Одессе; с 1894 года продолжил высшее образование в Лейпциге, где получил степень доктора естественных наук (геология) и доктора философии. С 1899 года живет в Лондоне, являясь представителем нефтяного дела своей семьи в Европе, в 1907 году основал в Лондоне судостроительное общество. С 1925 года занялся домостроительством. В 1925 году основал в Париже газету «Возрождение» и являлся ее владельцем. Председатель правления Центрального объединения, созданного после Русского Зарубежного съезда в Париже в 1926 году. В Женеве в последние годы жизни основал Фонд имени братьев Гукасовых, занимающийся охраной языка и культурных ценностей армянского народа. Основал типографию «Наварр». Умер 27 апреля 1969 года в Париже и похоронен в Женеве согласно его завещания.

Гукасов А.Н. (? - ?), русский офицер-эмигрант в Маньчжурии. В годы Второй мировой войны командовал пехотным отрядом в «Русском отряде Асано».

Гулевич Арсений Анатольевич (1866 - 1947), генерал-лейтенант, профессор. Потомок старинного дворянского рода. Родился 14 февраля 1866 года в Москве. Окончил 3-ю Московскую военную гимназию, 1-е Александровское военное училище и вышел фельдфебелем в Лейб-гвардии Финляндский полк. В 1892 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба и направлен в штаб войск гвардии Санкт-Петербургского военного округа. С 1898 года - штаб-офицер в Военно-Ученом комитете Главного штаба. За книгу «Война и народное хозяйство» удостоен звания экстраординарного профессора и работает в этой должности. 1908 год - командир Лейб-гвардии Преображенского полка. С 1910 года - в царской свите. 1912 года - начальник штаба войск гвардии Санкт-Петербургского военного округа. В 1913 году ему присвоено звание заслуженного профессора Николаевской военной академии. В начале Первой мировой войны - начальник штаба 9-й армии, генерал-лейтенант. Январь 1915 года - начальник штаба Юго-Западного фронта. Конец 1916 года - командир 42-го, а затем 21-го армейского корпуса. В белом движении - представитель генерала Юденича в Финляндии. После окончания Гражданской войны - в эмиграции. Председатель объединения Лейб-гвардии Преображенского полка (Союза преображенцев). В 1934 году - заместитель председателя зарубежного Союза русских военных инвалидов. С 1937 года возглавил Гвардейское объединение. Член РОВСа. В конце 1937 - начале 1938 годов рассматривался в качестве одного из кандидатов на пост начальника РОВСа. Умер 12 апреля 1947 года в Париже. Похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864 - 1937), генерал от кавалерии. Родился 8 мая 1864 года в семье генерал-фельдмаршала И.В. Гурко. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1899 - 1900 годах военный агент при армии буров во время англо-бурской войны (1899 - 1902 гг.). Участник Русско-японской войны и после нее возглавлял комиссию по составлению истории этой войны. В 1911 году вышло ее описание в 11 томах. В 1911 -14 годах - начальник 1-й кавалерийской дивизии. Участник Первой мировой войны: в 1915 году - командир 6-го армейского корпуса, в 1916 году - командующий Особой армией. В январе 1917 года командовал армиями Западного фронта. В мае того же года за критику Временного правительства понижен в должности до начальника дивизии. В июле 1917 года арестован за переписку с находящимся в заключении Николаем II и в августе выслан за границу. В 1919 году отказался возглавить белые армии на Севере и Северо-Западе России. В дальнейшем жил в эмиграции. Почетный сотрудник журнала «Часовой». Умер в Риме в ночь с 10 на 11 февраля 1937 года.

Гусельщиков Андриан Константинович (1871 - 1936), генерал-лейтенант. Родился 16 августа (по другим данным - 26 мая) 1871 года в семье офицера. Казак станицы Гундоровской, из дворян Области Войска Донского. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. С 1901 года офицер в 10-м Донском казачьем полку. Участник Первой мировой войны, войсковой старшина, помощник командира 52-го Донского казачьего полка. В 1918 году руководитель восстания в станице Гундоровской, командир сформированного здесь Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района. С 1918 года - полковник. С 1 октября 1918 года - генерал-майор, начальник Северного отряда. В 1919 году - начальник 6-й Донской дивизии, затем 8-й Донской дивизии. С февраля 1919 года - генерал-лейтенант. Осенью 1919 года - командир 2-го Донского корпуса, а затем -3-го Донского корпуса. С марта 1920 года до эвакуации Крыма - начальник 3-й Донской конной дивизии. В эмиграции в 1920-21 гг. - командир 3-й (по другим данным - 2-й) Донской дивизии в Донском корпусе генерала Абрамова, расположенной в Чилингарском лагере в Чаталджинском районе Турции, затем на острове Лемнос. С 1921 года жил в Болгарии, в дальнейшем - во Франции. Умер 21 февраля 1936 года в Виши.

Гучков Александр Иванович (1862 - 1936), предприниматель и политический деятель. Родился 14 октября 1862 года в Москве в купеческой семье. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, слушал лекции в Берлинском, Венском и Гейдельбергском университетах. В 1885-86 годах служил в лейб-гвардии. В 1899 году - доброволец в англо-бурской войне (на стороне буров), ранен, попал в плен. В 1900 году находился в Китае во время так называемого боксерского восстания. В 1903 году участвовал в повстанческом движении в Македонии против турок. Главноуполномоченный Российского общества Красного Креста в Русско-японской войне и попал в плен. Один из основателей партии «Союз 17 октября» (октябристы), с 1906 года возглавлял ее. Один основателей российских масонских лож. В 1910 - 11 годах - председатель Государственной Думы. В годы Первой мировой войны - член Государственного Совета и председатель Центрального военно-промышленного комитета. Весной 1917 года - военный и морской министр во Временном правительстве. После отставки поддерживал правые силы, участие в подготовке военного переворота. В ноябре 1917 года фи-

нансировал создание Добровольческой армии. В январе 1919 года командирован за границу для установления связей со странами Антанты, организация поставок английского оружия. В эмиграции участвовал в разработке планов срыва Генуэзской конференции, организации военного переворота против правительства Стамболийского в Болгарии, поддерживал тесные связи с генералом Врангелем. Умер 14 февраля 1936 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Даватц Владимир Христианович (1883 - 1944), публицист. С 1914 года - доцент Харьковского университета, а затем - профессор Харьковских Высших женских курсов. Во время Гражданской войны в России - редактор харьковской газеты «Новая Россия», гласный городской думы, член городской управы. В конце 1919 года поступил вольноопределяющимся бронепоезда «На Москву», произведен в младшие фейерверкеры и подпоручики. В 1920 году сотрудничал в Крыму в газетах «Юг России», «Таврический голос» и др. После эвакуации находился в Галлиполи, а затем в Болгарии и Сербии. Активный сторонник генерала Врангеля. Публиковался в различных эмигрантских изданиях. Был редактором белградской газеты «Новое Время» до ее закрытия в 1930 году. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе и погиб в бою в ноябре 1944 года.

Давыдов Лев (? - ?), генерал. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на стороне белых. В дальнейшем жил в эмиграции в Германии. Входил в РОВС, но вышел из него. В 1930-е годы входил в состав профашистских организаций в Германии - Партии Российских Освобожденцев - Российского Национал-Социалистического Движения, где был председателем партийного совета и приемно-проверочной комиссии и Российского Национально-освободительного Движения, где был председателем суда чести.

Данилов Юрий Никифорович (1866 - 1937), генерал от инфантерии. Родился 13 августа 1866 года в Киеве. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Вышел из училища подпоручиком в 27-ю артиллерийскую бригаду. С 1894 года - в штабе Киевского военного округа, с 1898 года - в Главном штабе. С 1905 года - начальник отделения Главного управления Генштаба, с мая 1906 года - помощник 1-го обер-квартирмейстера. С декабря того же года - командир 166-го пехотного Ровенского полка. С октября 1908 года назначен обер-квартирмейстером. С июля 1909 года - генерал-квартирмейстер Генерального штаба, занимался разработкой плана войны с Германией и Австро-Венгрией. С началом Первой мировой войны назначен генерал-квартирмейстером при верховном главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче. С августа 1915 года - командующий 25-м армейским корпусом, а в августе 1916 года назначен начальником штаба Северного фронта. Участник переговоров об отречении Николая II в начале марта 1917 года. С 29 апреля 1917 года - командующий 5-й армией. После выступления генерала Корнилова отчислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. В конце февраля 1918 года возглавлял группу военных консультантов при советской мирной делегации в Брест-Литовске, выступал против Брестского мира. По возвращении в Петроград участвовал в разработке планов строительства новой армии. Подал в отставку и выехал на Украину. Осенью 1920 года - начальник военного управления при правительстве генерала Врангеля. В дальнейшем в эмиграции в Константинополе, принимал участие в создании Русского Совета. Затем жил в Париже, сотрудничал с великим князем Николаем Николаевичем. В дальнейшем вел военно-научную деятельность. Автор ряда трудов по Первой мировой войне и книги о великом князе Николае Николаевиче. Умер в Париже 8 февраля 1937 года.

Ден фон Петр Владимирович (1882 - 1971), полковник. Родился 6 февраля 1882 года в Ставрополе. Окончил Пажеский корпус. Участник Первой мировой войны. Полковник и командир 17-го драгунского полка. Участник Гражданской войны в составе Добровольческой армии и ВСЮР. В 1919 году - представитель в Грузии. В 1919 - 20 годах - командир эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В эмиграции проживал в Италии: председатель отдела Союза пажей и член Союза дворян. Председатель Союза инвалидов в Италии. Сотрудник журнала «Военная быль», печатался в «Часовом». Умер 19 января 1971 года в Риме.

Деникин Антон Иванович (1872 - 1947), генерал-лейтенант. Родился 4 декабря 1872 года в деревне Шпеталь Дольный Варшавской губернии в семье офицера пограничной стражи, выслужившегося из солдат. Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище и направлен во 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1899 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны, в ходе которой прошел от штаб-офицера для поручений до начальника штаба дивизии. Август 1905 года - начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса. Затем на штабных и

командных должностях. Июнь 1914 года - генерал-майор. В начале Первой мировой войны - генерал-квартирмейстер 8-й армии, затем прошел путь от командира бригады до командира 8-го армейского корпуса. Март 1917 года - помощник начальника штаба верховного главнокомандующего; май - главнокомандующий армиями Западного фронта; июль - главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. В августе 1917 года арестован за участие в Корниловском мятеже и заключен в Быховскую тюрьму. В ноябре 1917 года бежал в Новочеркасск и принял активное участие в формировании Добровольческой армии. В январе 1918 года - начальник 1-й Добровольческой дивизии. В 1-м Кубанском походе - заместитель командующего армией, а после смерти генерала Корнилова 31 марта 1918 года - командующий Добровольческой армией. В октябре 1918 года после смерти генерала Алексеева - главнокомандующий армией. Декабрь 1918 года - главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. 22 марта 1920 года передал этот пост генералу Врангелю, а сам отбыл в Англию. После Англии жил в Бельгии и Франции. В 1945 году переехал в США. Умер 7 августа 1947 года в больнице Мичиганского университета в Детройте и похоронен 11 августа на кладбище Энергии в Детройте, штат Мичиган. 15 декабря 1952 года перезахоронен на Свято-Владимирском православном кладбище в Касвилде, штат Нью Джерси. В октябре 2005 год прах генерала доставлен в Россию и захоронен в Москве.

Депре (? - ?), французский генерал, начальник штаба французского экспедиционного корпуса в Турции в 1920 году.

Десфонтейнес Э.Э. (? - ?), общественный деятель. После Гражданской войны в России жил в эмиграции. Занимался антисоветской деятельностью. В 1948 году стал одним из инициаторов создания «Российского Национально-освободительного Движения».

Детердинг Генри (1866 - 1939), бизнесмен. Голландец, английский подданный. Председатель правления англо-голландского нефтяного треста «Роял Датч Шелл». Был женат на русской, помогал русским эмигрантам. Участник антисоветских кампаний.

Димитриев (? - ?), русский офицер. Участник Гражданской войны на стороне белых. После Гражданской войны - в эмиграции в Германии. Организатор в 1933 году Российского Освободительного Народного Движения.

Дитерихс Михаил Константинович (1874 - 1937), генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1900 году. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны - командующий экспедиционным корпусом (2-я бригада Русской армии в Салониках, Греция); начальник штаба Особой Петроградской армии; генерал-квартирмейстер Ставки верховного главнокомандующего; начальник штаба Ставки. В 1915 году присвоено звание генерал-майора. В феврале 1918 - январе 1919 годов - начальник штаба Чехословацкого корпуса. Руководитель комиссии по расследованию убийства царской семьи. Начальник штаба Верховного Правителя и главнокомандующего Колчака и военный министр Омского правительства в июле - ноябре 1919 года. В 1919 году присвоено звание генерал-лейтенанта. С конца 1919 по июль 1922 года - в эмиграции. С июля 1922 года - командующий Забайкальской армией. Земским Собором в Приморье избран Правителем Дальнего Востока и воеводой Земской Рати. В октябре 1922 года эмигрировал в Китай. 19 июня 1930 года назначен начальником Дальневосточного отдела РОВСа. Умер в Шанхае 9 сентября (по другим данным - 8 октября) 1937 года.

Дмитриев Николай Николаевич (1876 - 1931), капитан I ранга. Окончил Морской корпус. Участник Первой мировой войны, капитан I ранга. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР и Русской Армии. С лета 1918 года - начальник охраны побережья Азовского моря. В 1919 году - командир белой флотилии на Азовском море. В ноябре 1920 года - начальник управления Одесского военного порта. В эмиграции жил во Франции. В начале 20-х годов - морской агент в Париже. Умер 16 февраля 1931 года в Париже.

Дмитриев Е.К. (? - 1934), член РОВСа и его Боевой организации. В 1934 году заброшен в СССР, арестован здесь и в декабре 1934 года расстрелян.

Добровольский Северин Цезаревич (1880 - 1946), Родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Окончил Псковский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Александровскую военно-юридическую академию. Последняя должность в старой армии - полковник, военный прокурор XI-й армии в г. Кременце. Октябрьскую революцию встретил враждебно и в ноябре 1917 года покинул армию и выехал в Петроград, где принимал участие в антисоветской деятельности. В декабре 1918 года бежал в Финляндию. Весной 1919 года прибыл в Архангельск, где занял должность Полевого военного прокурора Северной области (Северного фронта). В феврале 1920 года эвакуировался из Архангельска. В эмиграции жил в Финляндии, в Выборге, а после его захвата советскими войсками в ходе «Зимней войны»

с Финляндией, переехал в Хельсинки. Вел активную антисоветскую деятельность, руководил деятельностью РОВСа в Финляндии, поддерживал тесные связи с управлением Союза в Париже, особенно, когда его председателем был генерал Миллер, с которым его связывали близкие взаимоотношения со времени Гражданской войны на Севере России. Руководил заброской эмиссаров РОВСа в СССР. Издавал журнал «Клич» и принимал участие в выпуске ряда других антисоветских газет и литературы, в том числе в период Второй мировой войны. 23 апреля 1945 года был арестован в Хельсинки Главным управлением контрразведки «СМЕРШ». Доставлен в СССР и по приговору Военного трибунала Московского военного округа приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 25 января 1946 года.

Довгалевский Валериан Савельевич (1885 - 1934), советский дипломат и политический деятель. Инженер. Член партии большевиков с 1908 года. С 1921 года - нарком почт и телеграфов РСФСР. С 1923 года - заместитель наркома СССР. В 1924 - 25 годах - полпред в Швеции, в 1925 - 27 годах - в Японии, в 1927 - 34 годах - во Франции. Член ЦИК СССР. Умер в 1934 году и похоронен на Красной площади в Москве.

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866 - 1927), князь, камергер, крупный землевладелец, политический деятель. Родился 9 мая 1866 года в Москве (по другим данным - в Царском Селе). Из дворянской семьи, восходящей к Рюриковичам. Окончил физмат Московского университета. Один из основателей «Союза Освобождения» и Конституционно-демократической партии. Депутат II Государственной Думы, где возглавлял кадетскую фракцию. В конце ноября 1917 года арестован большевиками и освобожден в феврале 1918 года. В октябре 1918 года переехал на Юг, к генералу Деникину, работал в Осваге. С 1920 года в эмиграции. В 1922 году входил в Русский совет, возглавляемый генералом Врангелем. Стремился активизировать связь эмиграции с антибольшевистскими силами в России. В июле 1924 года перешел польско-советскую границу, был арестован, но не опознан и отправлен обратно. В июне 1926 года перешел границу Румынии с СССР, но после 40 дней пребывания в стране был арестован. 11 месяцев провел в Харьковской тюрьме и был расстрелян в ночь с 9 на 10 июня 1927 года в числе 20 представителей видных дворянских и буржуазных семей «в ответ» на убийство советского посла в Варшаве П.Л. Войкова.

Доманов Тимофей Иванович (1887 - 1947), генерал-майор. Родился в семье старшего урядника в станице Мигулинской Верхне-Донского округа Войска Донского. Окончил школу прапорщиков казачьих войск. Участник Первой Мировой войны в рядах 12-го Донского казачьего полка. В 1918 - 19 годах служил в Донской армии в чине хорунжего и сотника, командовал сотней в Гундоровской Георгиевском казачьем полку. Оставлен в Новороссийске при эвакуации в марте 1920 года и попал в плен к красным. В 1922 - 25 годах находился в Соловецком лагере особого назначения, затем работал шахтером в Донбассе. Осужден и в 1934 - 37 годах находился в заключении в Ейской тюрьме. В конце 30-х годов являлся начальником снабжения на электростанции в Пятигорске. В 1940 году арестован и осужден к 10 годам ИТЛ. Во время Великой Отечественной войны бежал на Дон. Приступил к формированию казачьих антисоветских отрядов на немецкой службе. Весной 1943 года служил в чине есаула в штабе походного атамана полковника Краснова. Произведен в войсковые старшины. После убийства 17 июня 1944 года полковника Павлова произведен генералом Красновым в полковники, исполнял обязанности, а затем был назначен походным атаманом. В сентябре 1944 года был направлен с казачьими войсками в Северную Италию, командовал Казачьим Станом (Отдельным казачьим корпусом). В ноябре 1944 года произведен генералом Красновым в чин генерал-майора вермахта. В середине апреля 1945 года объявил о признании генерала Власова главнокомандующим и о подчинении Отдельного казачьего корпуса ВС КОНР. В мае 1945 года выдан англичанами советской власти. 16 января 1947 года повешен по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Домрачев Димитрий Владимирович (1910 - 2001), штабс-капитан. Родился 15 мая 1910 года в Тифлисе. Во время Гражданской войны вместе с группой раненых, больных и членов семей воинов Добровольческой армии вывезен англичанами в Египет. В 1923 году вместе с матерью переехал в Королевство СХС, где в то время находился его отец. Окончил русскую гимназию в Белграде, работал на военном заводе в сербском городе Крагуевац. В 1941 году вступил в Русский Корпус, где служил до конца Второй мировой войны. Был интернирован и три года находился в лагере Келлерберг (Австрия). В 1948 году вместе с семьей переехал в Аргентину. Сотрудничал в журнале «Наши Вести». Неоднократно избирался на пост председателя Союза Св. Благ. Кн. Александра Невского - аргентинского отделения Союза чинов Русского Корпуса. В 90-е годы и до самой смерти являлся представителем РОВСа в Аргентине. Умер 15 июня 2001 года в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Драгомиров Абрам Михайлович (1868 - 1955), генерал от кавалерии. Родился 21 сентября 1868 года в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губернии, сын генерала от инфантерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба в 1893 году. В 1910 - 12 годах - командир 9-го гусарского Киевского полка. В годы Первой мировой войны: командир сводной кавалерийской дивизии; командир сводного кавалерийского корпуса; командир 9-го армейского корпуса; командующий 5-й армией; главнокомандующий армиями Северного фронта. С августа 1918 года - помощник главнокомандующего Добровольческой армии. С сентября того же года - председатель Особого совещания при главнокомандующем, возглавлял Гражданское управление. Сентябрь 1919 года - главнокомандующий Киевской областью и командующий группой войск киевского направления. Март 1920 года - председатель Военного Совета для выбора приемника генерала Деникину. Генерал для поручений в Русской Армии генерала Врангеля. В эмиграции - в Сербии в той же должности. До августа 1928 года являлся председателем Общества русских офицеров и общества Русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС. Затем переехал в Париж. Видный деятель РОВСа. С 1931 году возглавил секретную работу Союза против СССР. В результате проведенного в 1936 году председателем РОВСа генералом Миллером секретного опроса генералов - старейших членов РОВСа Драгомиров был признан самой желательной кандидатурой на пост будущего руководителя Союза. После исчезновения генерала Миллера 22 сентября 1937 года генерал Абрамов предложил Драгомирову занять должность председателя РОВСа, но тот отклонил это предложение. Спустя несколько месяцев генерал Абрамов вновь предложил ему возглавить РОВСа, но тот вновь отказался. При генерале Архангельском в качестве председателя РОВСа назначен его приказом 5 апреля 1939 года первым заместителем начальника Союза. Являлся председателем Центрального правления Общества офицеров Генерального штаба. В годы Второй мировой войны - в резерве чинов при штабе РОА. Скончался 9 декабря 1955 года в Ганьи под Парижем. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Драцепко Даниил Павлович (1876 - ?), генерал-лейтенант. Выходец из мещан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище в 1897 году и вышел офицером в 37-й пехотный Екатеринославский полк. Участник Русско-японской войны. В 1908 году окончил Николаевскую академию генерального штаба и служил в Кавказском военном округе. Участник Первой мировой войны. В 1914 году - подполковник и начальник разведывательного отделения в управлении генерал-квартирмейстера Кавказской отдельной армии. В 1915 году - полковник. С марта 1916 года - начальник штаба 39-й пехотной дивизии. С марта 1917 года - командир 153-го Бакинского пехотного полка. С июля 1917 по январь 1918 года - в штабе Кавказского фронта. С 1918 года - в Белом движении: командующий группой войск Западного Кавказского побережья (по март 1919 года); в 1918 году - генерал-майор; командующий группой войск Астраханского направления (март- сентябрь 1919 года); генерал-лейтенант (1919 год); начальник 1-й конной дивизии (сентябрь 1919 - март 1920 года); начальник штаба десантного отряда генерала Улагая (июль 1920 года); командующий 2-й армией в Крыму (сентябрь - октябрь 1920 года), освобожден от этой должности по его просьбе. После поражения белых эмигрировал и проживал в Сербии. В 1922 году - служащий в военном ведомстве в Загребе. В апреле 1931 года - начальник Загребского района РОВСа. 11 мая 1942 года назначен командиром полка Русского охранного корпуса в Югославии с чином генерал-майора.

Дрейлинг фон Роман Константинович (? - 1945), полковник. Выходец из дворян, сын офицера. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, полковник лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода в 1-м конном полку. С марта 1919 года - начальник штаба отдельной конной бригады, затем начальник штаба 1-й конной дивизии. С октября 1918 года - в распоряжении атамана Кубанского казачьего войска, член Кубанской комиссии по пересмотру уставов, член комиссии для рассмотрения проекта устава, затем - помощник начальника Кубанского генерала Алексева военного училища. В апреле 1920 года - начальник штаба войск Кавказского побережья. В эмиграции жил в Югославии. Преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде. В 1933 году - член правления Союза Первопоходников, староста Русского Сокольства. Член РОВСа. В марте 1939 года по поручению начальника РОВСа генерала Архангельского занимался в Особой комиссии расследованием дела Н.Ф. Абрамова, сына генерала Абрамова. В сентябре 1945 года вывезен в СССР из Белграда. Умер в 1945 году в лагере Явас (Мордовия).

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881 - 1919), генерал-майор. Родился 7 октября 1881 года в Керчи. Выходец из дворян, сын генерала. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище и вышел офицером в Лейб-гвардии Волынский

полк. Участник Русско-японской войны в 34-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: в штабе Юго-Западного фронта и штабе 27-го армейского корпуса; начальник штаба 15-й пехотной дивизии (с августа 1915 года); в январе 1917 года - полковник; начальник штаба 64-й пехотной дивизии (январь - апрель 1917 года); командир 60-го пехотного Замосцкого полка (апрель - ноябрь 1917 года); начальник 14-й пехотной дивизии (ноябрь 1917 года), но в командование ею не вступил. Уехал в Яссы, где генерал Щербаков формировал Добровольческий корпус для отправки на Дон. Формирует 1-ю отдельную бригаду русских добровольцев. Во главе отряда в начале 1918 года совершает рейд из Ясс на Дон. Здесь его отряд переформирован в 3-ю пехотную дивизию и участие во 2-м Кубанском походе. С мая - командир 3-й пехотной дивизии. 31 октября 1918 года тяжело ранен 1 января 1919 года умер от гангрены. 3-я пехотная дивизия была переименована в 3-ю генерала Дроздовского пехотную дивизию.

Думер Поль (1857 - 1932), французский политический деятель. В 1896 - 1902 годах - генерал-губернатор Индокитая. Неоднократно назначался министром Франции. В 1931 - 32 годах - президент страны. Будучи президентом Франции, убит русский эмигрантом, бывшим белым офицером Горгуловым в мае 1932 года.

Дьяков Владимир Иванович (? - 1985), войсковой старшина. Из казаков станицы Митякинской Области Войска Донского. Окончил реальное училище и Новочеркасское военное училище. Подъесаул. С 1917 года - в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода, адъютант Партизанского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Алексеевском полку до эвакуации Крыма. Войсковой старшина. Галлиполиец. Несколько лет жил в Болгарии, затем переехал во Францию. С 15 декабря 1983 по июль 1984 года - начальник РОВСа. Умер 15 сентября 1985 года в Альби (Франция).

Дьяконов Павел Павлович (1878 - 1943), генерал-майор. Родился в Москве в мещанской семье. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, Казанское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В конце 1913 года направлен в Лондон в качестве помощника военного атташе. После начала Первой мировой войны подал рапорт с просьбой о переводе в действующую армию и в сентябре 1914 года был направлен на фронт. С начала 1916 года - командир 2-го Особого полка русского экспедиционного корпуса во Франции. В начале 1917 года переведен в Генеральный штаб, а в сентябре того же года назначен военным атташе в Великобританию. Генерал-майор. После закрытия аппарата военного атташе в мае 1920 года отбыл на жительство во Францию. В марте 1924 года стал сотрудничать с ИНО ОГПУ. После оккупации Франции немцами в 1940 году был арестован, но, получив незадолго до этого советский паспорт, был освобожден по требованию НКВД СССР. В конце 1940 года выехал вместе с дочерью из Франции и в мае 1941 года прибыл в СССР. После начала Великой Отечественной войны был арестован, но вскоре освобожден. Некоторое время жил в эвакуации в Ташкенте, а затем переехал в Кара-су (Киргизия). В ноябре 1942 года выехал с эшеленом в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге тяжело заболел, на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу и 28 января 1943 года умер.

Дюгюи (? - ?), французский адмирал, представлял французский генштаб на переговорах с великим князем Николаем Николаевичем, генералом Врангелем и их сподвижниками в конце 1925 года.

Дюминель (? - ?), французский адмирал. Участник подписания конвенции в Крыму с генералом Врангелем 13 ноября 1920 года об условиях эвакуации Русской Армии.

Евлогий (в миру - **Георгиевский Александр Семенович**) (1868 - 1946), церковный и общественный деятель. Родился 10 апреля 1868 года в селе Сомово Одоевского уезда Тульской губернии. Окончил Белевское духовное училище, Тульскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. В 1895 году постригся в монашество и в сане иеромонаха стал преподавателем Тульской семинарии. Работал инспектором Владимирской духовной семинарии, затем посвящен в сан архимандрита и назначен ректором Холмской семинарии в Галиции. Епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии, затем епископ Холмской епархии, архиепископ Холмский, архиепископ Волынский. Член II и III Государственной думы, примыкал к фракции националистов. После интронизации патриарха в ноябре 1917 года избран в члены Патриаршего Синода. Переехал в Киев и вел борьбу за «единую и неделимую Русскую Церковь» против украинских автокефалистов. Арестовывался украинскими националистами, а затем польскими властями. После освобождения выехал в августе 1919 года к генералу Деникину в Екатеринодар, а затем эмигрировал в Константинополь. Вслед за этим переехал в Белград. В

1920 году Высшее церковное управление назначило его управляющим всеми западноевропейскими русскими церквями на правах епархиального архиерея. В 1921 году вошел в Высший монархический совет, а позднее стал заместителем его председателя. В 1922 году указом патриарха Тихона возведен в сан митрополита. В 1924 году отказался признать за Собором Русской православной церкви за границей законной канонической власти над своей епархией, что было воспринято как раскол Зарубежной церкви. В 1927 году ему было запрещено совершать священнослужение, но он отказался это признать. В том же году он и его духовенство приняли требование митрополита Сергия (Страгородского) дать подписку о «лояльности» советской власти, с оговоркой, что это означает аполитичность. В 30-е годы перешел под юрисдикцию Вселенского патриарха. В годы Великой Отечественной войны придерживался патриотических настроений. Умер 8 августа 1946 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Ежов Николай Иванович (1895 - 1940), советский политический деятель, генеральный комиссар государственной безопасности. Родился в семье рабочего в Петербурге. Окончил 1 класс начального училища. До революции - рабочий на различных предприятиях. Участник Первой мировой войны, рядовой. В партии большевиков - с марта 1917 года. В Красной Армии - с 1919 года. С 1921 года находился на партийной и советской работе. В 1936 году с должности заведующего отделом руководящих партийных органов ВКП(б) назначен на пост наркома внутренних дел, который занимал по ноябрь 1938 года. С апреля 1938 по апрель 1939 года - нарком водного транспорта. Арестован 10 апреля 1939 года и приговорен к высшей мере наказания 4 февраля 1940 года. Расстрелян 6 февраля 1940 года.

Ельцин Борис Николаевич (1931 -), политический деятель. Родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области. Окончил Уральский политехнический институт. После окончания работал на различных производственных должностях. С 1968 года на партийной работе: в Свердловском обкоме КПСС (1976 - 85 гг. - первый секретарь), с 1985 года - в ЦК КПСС: заведующий отделом строительства, секретарь ЦК, первый секретарь Московского горкома, кандидат в члены Политбюро. 1987 - 89 гг. - первый заместитель председателя Госстроя СССР - министр СССР. В 1989 году избран народным депутатом СССР, а в 1990 году - народным депутатом РСФСР и председателем Верховного Совета РСФСР. В июне 1991 года избран президентом РСФСР. В 1996 -2000 гг. избран президентом РФ на второй срок. Ушел в отставку в декабре 1999 года.

Ермолов А.М. (? - ?), эмигрант, начальник отделов РОВСа в Европе с декабря 1983 года.

Ефимовский (? - ?), политический деятель. После Гражданской войны жил в эмиграции. Монархист, редактор «Русской Газеты» в 20-е годы.

Ефремов К.А. (? - ?), общественный деятель. После окончания Гражданской войны в России жил в эмиграции в Чехословакии. В годы Второй мировой войны являлся начальником Оперного пункта Управления делами российской эмиграции в Праге.

Жадвойн Николай Леонидович (? - 1954). Сын действительного **статского** советника. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Ротмистр лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны в России в белых войсках Восточного фронта, куда прибыл летом 1919 года из Парижа. Участник Сибирского Ледяного похода в Уфимской кавалерийской дивизии. В июне 1920 года - в штабе генерала Лохвицкого в Чите, затем начальник разведывательного отделения штаба 1-го корпуса. Полковник. В эмиграции в Китае, представитель великого князя Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке в 20-е годы. Затем переехал в Калифорнию (США). Умер после февраля 1954 года.

Жданов Гавриил Васильевич (? - 1945), генерал-майор. Из мещан. Участник Первой мировой войны, полковник. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода, затем во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии. После эвакуации жил в эмиграции. Член РОВСа. Генерал-майор. После смерти генерала Пешни в декабре 1937 года назначен начальником РОВСа генералом Абрамовым командиром Марковского полка. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе. Убит в 1945 году.

Жеребков Юрий Сергеевич (? - ?), русский эмигрант, инженер и политический деятель. Выходец из казачьей семьи, внук одного из генерал-адъютантов последнего императора Николая II и сын генерала. В июле 1941 года назначен немецкими властями управляющим делами русской эмиграции во Франции. Приказом германского главнокомандования в этой стране от 21 апреля 1942 года Комитет Взаимопомощи Русским Эмигрантам во Франции был реформирован в Управление Делами Русской Эмиграции, а Жеребков стал именоваться начальником этого управления. В ноябре 1944 года на учредительном съезде Комитета освобождения

народов России в Праге стал членом КОНРа и его представителем при МИД Германии. В конце войны пытался переехать в Швейцарию, но ему было отказано в визе. Нелегально перешел границы и был интернирован американцами.

Жеромский Геннадий Сигизмундович (? - -), штабс-капитан. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе. В 1942 году был произведен в подпоручики. После окончания войны переехал в Австралию. Возглавил отдел Союза чинов Русского Корпуса в этой стране. В 1999 году назначен представителем РОВСа в Австралии с производством по линии РОВСа в чин штабс-капитана.

Жижин Василий Дмитриевич (1874 - 1941), юрист. Родился 23 апреля 1874 года. До революции - прокурор Судебной Палаты. После окончания Гражданской войны проживал в эмиграции во Франции. Сотрудничал с РОВСом. В январе 1930 года был привлечен его руководством к поискам генерала Кутепова. Но комиссии Жижина не удалось добиться каких-либо успехов. Умер 4 октября 1941 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Жиленков Георгий Николаевич (1910 - 1946), генерал-лейтенант РККА и ВС КОНР. Родился в Воронеже, выходец из крестьян. Окончил индустриально-технический техникум в Москве. Начинал трудовую деятельность подручным слесаря в слесарной мастерской в Воронеже. С 1929 года - на освобожденной комсомольской работе, затем - на партийной работе. В январе 1940 года - второй секретарь Ростокинского райкома ВКП (б) Москвы. С июня 1941 года - член РВС 32-й армии, бригадный комиссар, генерал-лейтенант. В октябре 1941 года взят в плен. Под фамилией Максимова работал шофером в немецкой военной транспортной колонне. В мае 1942 года был опознан и арестован. Дал правдивые показания и заявил о готовности к сотрудничеству с гитлеровцами. Переведен в Берлин и назначен в отдел пропаганды особого назначения при ОКВ, где находился до августа 1942 года. В августе назначен начальником организационно-пропагандистского отдела штаба РННА в Осинторфе, за невыполнение приказа о ее расформировании три недели находился под арестом. В конце 1942 года вступил в Русский комитет при генерале Власове. С января 1943 года редактировал газету «Доброволец». В начале 1943 года принимал участие в формировании ударного батальона РОА в Пскове, а затем вернулся в Берлин. В 1944 году принимал участие в разработке структуры КОНР, один из авторов и главный редактор Пражского Манифеста. Начальник Главного управления пропаганды КОНР, редактор газеты «Воля народа». Весной 1945 года пытался вступить в переговоры с англо-американцами. 18 мая того же года интернирован в лагере Аугсбург. 1 мая 1946 года передан советским представителям. 1 августа 1946 года повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Жолондковский (? - ?), русский полковник, участник Гражданской войны на стороне белых. В эмиграции проживал в Румынии. В первой половине 30-х годов руководил секретной работой РОВСа против СССР на южном (румынском) направлении.

Жуков Василий Федорович (1924 - -), штабс-капитан. Родился 14 января 1924 года в семье белоэмигранта, урядника Кубанского казачьего войска. Учился в русской гимназии в Болгарии. В 1935 году вступил в НОРР. Прошел унтер-офицерские курсы РОВСа. В годы Второй мировой войны - юнкер 5-й роты 3-го полка, в 1943 году произведен в подпоручики. Служил в роте связи Русского Корпуса. После окончания войны 15 лет прожил в Северной Африке, а затем переехал в США, где и проживает по настоящее время. Начальник Национальной Организации Русских Разведчиков. В 1999 году назначен членом Совета чинов РОВСа при председателе Союза. По линии РОВСа произведен в чин штабс-капитана.

Забелин Александр Федорович (1856 - 1933), генерал от инфантерии. Родился 18 мая 1856 года. Из дворян Бакинской губернии. Окончил Николаевскую гимназию, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В годы Русско-японской войны - начальник военных сообщений Маньчжурской армии. С 1910 года - начальник главного управления военно-учебных заведений. Проживал в эмиграции. В 20-е годы - председатель «Объединения бывших служащих военно-учебных заведений в Королевстве СХС. Умер 22 ноября 1933 года в Русском доме в Сен-Женевьев де Буа и похоронен на местном кладбище.

Завадский-Краснопольский (? - ?), капитан. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В годы последней воевал на стороне белых на Юге России и закончил ее капитаном сводно-технической роты. Приказом генерала Врангеля от 11 марта 1925 года исключен из списков Русской Армии (РОВСа).

Заварзин Павел Павлович (1868 - ?), генерал. Окончил Одесское реальное училище и Одесское пехотное юнкерское училище. С 1888 года - подпоручик в 16-м стрелковом батальоне Его Величества. В мае 1898 года переведен в Отдельный корпус жандармов. В июне того же года служил адъютантом Бессарабского губернского жандармского управления. В дальней-

шем на различных должностях в Бессарабском, Таврическом, Московско-Киевском, Могилевском, Донском жандармских управлениях. В 1906 - 1909 годах - начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Варшаве. С 1909 года - в той же должности в Москве. С 1912 года - начальник Одесского губернского жандармского управления. С 1916 года - начальник Варшавского губернского жандармского управления (ввиду оккупации временно прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению). Полковник Отдельного корпуса жандармов. В годы Гражданской войны, по некоторым данным находился на Юге России. В дальнейшем эмигрировал. В эмигрантских документах фигурирует как генерал.

Зайцов Арсений Александрович (1889 - 1954), полковник. Окончил Пажеский корпус, Николаевское инженерное училище, курс Николаевской академии Генерального штаба с перерывом (до 1914 и 1916 - 17). Участник Первой мировой войны, полковник Лейб-гвардии Семеновского полка. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии и ВСЮР: командир роты, начальник штаба полка, командир батальона. Участник похода генерала Бредова. В июле 1920 года эвакуирован в Югославию и возвратился в Крым. Находился на штабных должностях в Русской Армии до эвакуации. После поражения белых выехал в эмиграцию. В эмиграции в Чаталдже, Лемносе, затем в Болгарии. Осенью 1922 года был здесь начальником штаба Донского корпуса. После 1924 года - в Париже. В 20-е годы - помощник генерала Кутепова по работе в Боевой организации, помощник его по секретной работе в качестве председателя РОВСа, начальник контрразведки штаб-квартиры РОВСа. Один из создателей Высших военно-научных курсов генерала Головина и его многолетний помощник. Получил звание профессора. В 1937 - 38 годах - член Особой Комиссии под председательством генерала Эрдели по делу генерала Скоблина. Автор работ по истории Гражданской войны в России и военному делу. Умер 2 апреля 1954 года в Париже.

Закржевский Н.Д. (? - ?), капитан, пианист. Участник Гражданской войны на стороне белых. С 1920 года в эмиграции в Турции, а затем в Болгарии. В эмиграции входил в состав РОВСа. Принимал участие в организации и деятельности «Внутренней линии» РОВСа в Болгарии. С 1930) до 1935 год возглавлял «Внутреннюю линию» РОВСа во Франции. Организовал здесь свой джаз-оркестр и нередко аккомпанировал Н.В. Плевицкой.

Закутный Дмитрий Ефимович (1897 - 1946), генерал-майор. Родился 7 ноября 1897 года на хуторе Калмыцкий Области Войска Донского. Из крестьян. Окончил сельскую школу, сдал экзамен за пять классов реального училища. В дальнейшем окончил курсы усовершенствования при разведывательном управлении РККА и Академию Генерального штаба РККА. Участник Гражданской войны в России на стороне красных: с конца февраля 1918 года - в Зимовниковском партизанском отряде, с 1 марта - в РККА. В 1919 году - адъютант в отдельном артиллерийском дивизионе 1-й Советской Донской рабоче-крестьянской дивизии, затем - во втором артдивизионе 37-й стрелковой дивизии и др. В 1922 году - командир взвода конной разведки. В дальнейшем на различных командных и штабных должностях в Красной Армии. В ноябре 1935 года присвоено звание полковника. В 1939 году - начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, в ноябре того же года - комбриг, а в июне 1940 года - генерал-майор. 21 июля 1941 года - командир 21-го стрелкового корпуса, который разбит в Гомельской области. Взят в плен, находился в опросном лагере в Лодзи, затем - в целом ряде других лагерей. Вступил в сотрудничество с гитлеровцами. В 1943 году - в пропагандистском учреждении «Винета» при министерстве по делам восточных территорий. С 1944 года сотрудничает с генералом Власовым: член президиума КОНР, начальник Гражданского управления. В феврале 1945 года эвакуировался с учреждением в Карлсбад. В мае 1945 года арестован союзниками и в июне передан советской стороне. В ночь на 1 августа 1946 года повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Занкевич Михаил Ипполитович (1872 - 1945), генерал-лейтенант. Родился 17 сентября 1872 года. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию генерального штаба. Начал службу офицером лейб-гвардии Павловского полка. Участник Первой мировой войны, генерал-майор, генерал-квартирмейстер Генерального штаба. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, куда прибыл в июле 1919 года из Франции. Генерал-квартирмейстер Ставки, в начале 1920 года - начальник штаба адмирала Колчака. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-лейтенант. В эмиграции жил во Франции. Председатель объединения лейб-гвардии Павловского полка и объединения Павловского кадетского корпуса. Умер 14 мая 1945 года.

Заустинский (? - ?), ротмистр. Участник Гражданской войны на стороне белых. После ее окончания жил в эмиграции. В конце августа - начале сентября 1941 года выступил инициатором создания и стал командиром русского отряда (роты) в составе 9-й армии вермахта на со-

ветско-германском фронте. Отряд вел бои против советских войск в районе Вязьмы - Ржева осенью 1941 года.

Захарченко-Шульц (урожденная - **Лысова**) **Мария Владиславовна** (1894 - 1927). Из семьи пензенских помещиков. Окончила Смольный институт в 1911 году. Ее первый муж, поручик Михно, погиб в начале Первой мировой войны, и она, оставив дома малолетнюю дочь ушла добровольцем на фронт. Участница Гражданской войны на стороне белых. Ее эмиграция началась с Галлиполи. Одна из видных боевиков РОВСа и доверенная сподвижница генерала Кутепова. Принимала активное участие в установлении контактов и сотрудничестве с «Трестом». Неоднократно бывала в СССР и в том числе для проведения террористических актов после провала «Треста». В июне 1927 года участвовала в попытке поджога общежития чекистов на Малой Лубянке. После этого пыталась бежать за границу. Будучи обнаружена чекистами при попытке перехода границы в Смоленской области и находясь в безвыходном положении, застрелилась.

Зборовский Виктор Эрастович (1889 - 1944), генерал-майор. Из казаков станицы Ладожской Кубанского войска. Окончил 1-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, в котором был вахмистром. В 1909 году вышел хорунжим в Отдельный Кубанский дивизион (Варшавский). Переведен в царский Конвой (1912 год) и назначен младшим офицером Лейб-гвардии Кубанской сотни, в составе которого в чине сотника выступил на фронт Первой мировой войны в 1915 году. После тяжелого ранения и переформирования Конвоя назначен адъютантом Кубанского гвардейского дивизиона. После октября 1917 года прибыл на Кубань. С начала 1918 года в Добровольческой армии. Весна 1919 года - полковник и командир дивизиона. С июля 1919 года командовал бригадой, с декабря 1919 года - Кавказской Горской дивизией. С февраля 1920 года - в Конвое главнокомандующего ВСЮР, а с марта - командир Конвоя. В августе 1920 года - участник десанта на Кубань, где был тяжело ранен. Эвакуирован на остров Лемнос, где командовал Кубанским гвардейским дивизионом. После переброски Кубанского корпуса в Сербию и переформирования его в Кубанскую казачью дивизию назначен в 1921 году ее начальником с производством в генерал-майоры. Начальник казачьей войсковой группы в Королевстве СХС. Видный деятель РОВСа. В 1941 годы в первые дни формирования вступил в Русский охранный корпус и был назначен командиром 1-го полка с чином оберста. 26 сентября 1944 года тяжело ранен партизанами и 9 октября того же года умер от ран. 1-й полк Русского Корпуса приказом от 6 февраля 1945 года переименован в «1-й казачий генерала Зборовского полк».

Зегелов А.А. (? - ?) генерал от инфантерии. Кадровый военный, участник Первой мировой войны и Гражданской войны на стороне белых. Генерал от инфантерии. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции в Югославии. В 20-е годы являлся председателем Центрального Правления «Общества Русских Офицеров в Королевстве Югославии», входившего в РОВС.

Зелич (? - ?), итальянский моряк. В 1921 году - капитан парохода «Адрия», которое врезалось и потопило 15 октября яхту «Лукулл», которая являлась местом пребывания генерала Врангеля и его штаба. Но никого из этих высокопоставленных лиц на борту яхты в этот момент не было.

Зинкевич Михаил Михайлович (1883 - 1945), генерал-майор. Сын генерал-майора. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, из которого вышел в 6-ю Восточно-Сибирскую артиллерийскую бригаду. Участник Русско-японской войны. В 1910 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: 1915 года - подполковник и и.д. начальника штаба Сибирской казачьей дивизии на Кавказском фронте. 1916 - 17 годы - полковник и начальник штаба этой дивизии. С 1918 года в Добровольческой армии: участник 2-го Кубанского похода, помощник командира Партизанского пехотного полка; 1920 год - генерал-майор и помощник начальника Алексеевской пехотной дивизии. После поражения белых выехал в эмиграцию. После 1922 года - командир Алексеевского пехотного полка на руднике Перник в Болгарии. И в дальнейшем являлся в эмиграции командиром Алексеевского пехотного полка. Председатель областного отдела общества Галлиполийцев в Болгарии, начальник группы 1-го армейского корпуса в Болгарии. Видный деятель РОВСа. В годы Второй мировой войны - командир батальона в 5-м полку Русского охранного корпуса в Югославии, обер-лейтенант. 24 декабря 1944 года Скончался от ран, полученных в бою с партизанами. Произошло это 22 или 23 февраля 1945 года (хотя есть и данные, что это случилось еще 24 декабря 1944 года).

Зотов Н.П. (? - ?). русский военнотружущий, эмигрант. В годы Гражданской войны в России воевал на стороне белых. Проживал в эмиграции. Участник Гражданской войны в Ис-

пани на стороне генерала Франко. Воевал в Иностранном легионе, был пять раз ранен и стал инвалидом.

Зуев Николай Алексеевич (1892 или 1893 - 1952 или 1954), полковник. Из казаков Оренбургского казачьего войска, сын урядника. Окончил Симбирский (Оренбургский) кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, поручик Сибирской артиллерийской бригады. В годы Гражданской войны в Добровольческой армии и ВСЮР, на бронепоезде «Офицер», затем капитан, до марта 1920 года - командир бронепоезда «Степной». С марта 1920 года - командир Туапсинской группы бронепоездов. Подполковник. В Русской Армии до эвакуации Крыма - командир дивизиона бронепоездов. Полковник. В эмиграции жил в Болгарии и Франции, таксист. Член Боевой группы генерала Кутепова, в 1927 - 38 годах 4 раза ходил в СССР. Инструктор летнего лагеря в Болгарии для подготовки боевиков-добровольцев из русской молодежи и преподаватель Высших военно-научных курсов в Болгарии в 30-е годы. Во время Второй мировой войны служил в германских войсках на Восточном фронте. После 1945 года переехал и жил в США. Умер 25 апреля 1952 (или 1954) года в Нью-Йорке.

Зюганов Геннадий Андреевич (1944 - -), политический деятель. Родился 26 июня 1944 года в селе Мымрино Знаменского района Орловской области. Окончил физико-математический факультет Орловского государственного педагогического института и аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Доктор философских наук. Трудовую деятельность начал учителем в школе. С 1968 года - пна комсомольской работе (1972 - 74 гг. - первый секретарь орловского обкома), с 1974 года - на партийной работе (с 1983 г. - в ЦК КПСС). Один из инициаторов создания КП РСФСР и избран ее секретарем и членом Политбюро в 1990 году. С 1995 года - председатель ЦК КПРФ.

Иванов Борис Михайлович (1895 - 1993), капитан, начальник РОВСа. Родился 29 июля 1895 года в семье офицера. Окончил 1-ю Пензенскую гимназию и Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны, прапорщик 31-го пехотного полка. С декабря 1917 года в Добровольческой армии в распоряжении генерала Корнилова и в офицерском отряде полковника Симановского. С 1918 года - в Корниловском полку. Участник 1-го Кубанского похода. Затем во ВСЮР и в Русской Армии - в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, подпоручик. Затем находился в Панчево (Югославия), штабс-капитан. В 1925 году переехал в Болгарию, капитан. В годы Второй мировой войны - в Русском Корпусе в Югославии. После окончания войны переехал в США, являлся председателем объединения Корниловского полка и начальником Мичиганского отдела РОВСа, затем начальник отдела РОВСа в США. С 25 марта 1986 года - первый заместитель начальника РОВСа. С 5 июня 1986 по 20 июня 1988 - председатель РОВСа. Сотрудничал с журналом «Первопоходник», а также с рядом других эмигрантских изданий. Умер 22 апреля 1993 года в Детройте, США. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорджданвилле, штат Нью-Йорк.

Иванов Игорь Борисович (1965 - -), капитан, общественно-политический деятель. Родился в Ленинграде. Окончил профессионально-техническое училище, Морскую школу, Российский государственный педагогический университет. Работал регулировщиком радиоаппаратуры на заводе. С конца 80-х годов активно включился в общественно-политическую, антикоммунистическую деятельность. Сопредседатель Историко-патриотического объединения «Русское Знамя» в 1889 -91 годах. Один из организаторов формирования Российской Национальной Гвардии, член ее штаба в Санкт-Петербурге. Член РОВСа и официальный представитель его в Санкт-Петербурге (с сентября 1992 года). С 22 февраля 1996 года - начальник 1-го отдела РОВСа в России. С января 1997 по май 2001 года - редактор журнала «Наши Вести». Основатель и член редколлегии журнала «Вестник РОВСа» с мая 2001 года. Штаб-капитан РОВСа с 1999 года. С 14 августа 1999 года назначен 2-м заместителем председателя РОВСа, с производством по линии РОВСа с 1 января 2000 года в чин капитана; с февраля по сентябрь 2000 года - 1-й заместитель председателя Союза. С 14 сентября 2000 года - и.о. председателя РОВСа, с 19 февраля 2004 года -председатель Союза.

Иванов Сергей Борисович (1953 - -), генерал-полковник, государственный деятель. Родился 31 января 1953 года в Ленинграде. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета, высшие курсы КГБ в Минске и 101-ю школу Первого Главного управления КГБ (ныне Академия Службы внешней разведки РФ). С 1981 по 1998 год прошел путь от оперуполномоченного Первого Главного управления КГБ СССР до заместителя начальника одного из управлений Службы внешней разведки РФ. С августа 1998 года - заместитель директора ФСБ, начальник Департамента анализа, прогноза и стратегического планирования ФСБ. С ноября 1999 года - секретарь Совета Безопасности РФ. В марте 2001 года назна-

чен министром обороны РФ и занимает эту должность до настоящего времени. Генерал-полковник запаса.

Иванов Сергей Никитич (? - ?), русский эмигрант, радиоинженер. В 30-е годы жил в Берлине и являлся представителем «Всероссийской Фашистской Организации», созданной в 1933 году в США Вонсяцким. В годы Великой Отечественной войны сотрудничал с германскими властями, являлся агентом абвера. В 1942 году с разрешения и при поддержке главнокомандующего группой армий «Центр» фельдмаршала Клюге создал и руководил так называемой «Русской Национальной Народной Армией». Весной - летом 1943 года выезжал во главе группы в район расположения особой русской бригады СД «Дружина» подполковника В.В. Галя для формирования на ее базе отдельной Гвардейской бригады».

Изюмов Владимир Андреевич (1895 - 1969), ротмистр. Родился 27 мая 1895 года. Участник Гражданской войны на стороне белых. После ее окончания - в эмиграции. Жил во Франции. Член РОВСа. Адьютант генерала Миллера, когда тот являлся председателем РОВСа в 30-е годы. Уволен по сокращению штатов в середине 30-х годов. Умер в Париже 11 февраля 1969 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Ильин Иван Александрович (1883 - 1954). Видный правовед, религиозный философ, литературный критик, публицист. Родился 28 марта 1883 года в дворянской семье присяжного поверенного. Окончил юрфак Московского университета. Приват-доцент Московского университета. Отрицательно отнесся к приходу большевиков к власти. Неоднократно арестовывался ими. Получил степень доктора государственного права и стал профессором Московского университета. В 1922 году выслан из России. Жил в Германии, являлся профессором Русского научного института в Берлине. Тесно связан с РОВСом и начальником его I отдела в Берлине генералом фон Лампе, а его идейные разработки использовались РОВСом и НТСНП. Из-за преследований гестапо вынужден был в 1938 году покинуть Германию и переехать в Швейцарию, где и проживал до конца своих дней. Крупнейший идеолог правоцентристского лагеря российской эмиграции. Издавал журнал «Русский колокол». Являлся автором целого ряда книг. Умер 21 декабря 1954 года в Швейцарии.

Ильин С.Н. (? - 1923), общественный и политический деятель. Видный участник антибольшевистского движения в России и в эмиграции. Один из участников создания Русского Совета под руководством генерала Врангеля и его учредительного заседания 7 марта 1921 года. Начальник гражданской канцелярии генерала Врангеля в начале 20-х годов.

Имнадзе Евгений Семенович (1875 - ?), генерал-майор. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. На военной службе с 1893 года, офицер - с 1894 года. Участник Первой мировой и Гражданской войны во ВСЮР: в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР; начальник Одесского военного училища. После Гражданской войны проживал в эмиграции в Болгарии, а затем в США. Жил в Детройте, а с 1932 года - в Нью-Йорке. В 1930-е годы - начальник 2-го Североамериканского отдела РОВСа.

Ионов Александр Михайлович (1880 - 1950), генерал-майор. Сын войскового атамана Семиреченского казачьего войска. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, после которого направлен в конную артиллерию. В 1908 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: начальник штаба 4-й Туркестанской стрелковой дивизии; в 1915 году - начальник штаба Эриванского отряда, затем - 8-й кавалерийской дивизии и 3-й Туркестанской дивизии. В 1917 году - командир 2-го Семиреченского казачьего полка. Войсковой круг избрал его Семиреченским атаманом. Арестован большевиками, но освобожден казаками. В 1919 году командирован адмиралом Колчаком во Владивосток, откуда в дальнейшем эвакуировался в Канаду. Жил в Монреале. С 3 июля 1930 года стал начальником отдела РОВСа в этой стране. После переезда в США - начальник Северо-Американского отдела РОВСа. Военный писатель. Умер в Нью-Йорке 18 июля 1950 года.

Кавабэ Торасиро (? - ?), полковник японской службы. В 30-е годы служил в штабе Квантунской армии и явился разработчиком плана объединения русских эмигрантских отрядов в единую русскую воинскую часть с целью использования ее при возможном вторжении в СССР.

Казанович Борис Ильич (1871 - 1943), генерал- лейтенант. Окончил Могилевскую классическую гимназию, Московское юнкерское училище, откуда в 1892 году вышел офицером в 5-й Туркестанский линейный батальон. В 1899 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны, обер-офицер для поручений при штабе 10-го корпуса в распоряжении командующего войсками Приамурского военного округа. 1908 год - полковник, штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа. Участник

Первой мировой войны, начальник штаба и командир 6-й Симбирской стрелковой дивизии. Декабрь 1916 год - генерал-майор. С декабря 1917 года в Добровольческой армии и по март 1918 года командовал Партизанским пешим казачьим отрядом. В мае - июне 1918 года в Москве, куда направлен за финансовой помощью в «Национальный центр». С июня 1918 года по январь 1919 года - командир 1-го армейского корпуса. С декабря 1919 по февраль 1920 года - командующий войсками Закаспийской области, с августа по сентябрь того же года - командир сводной Кубанской дивизии. С ноября 1920 года - в эмиграции, сначала на Галлиполи, затем в Королевстве СХС. Жил в Белграде. 8 февраля 1927 года назначен генералом Врангелем председателем Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода; являлся также председателем Общества офицеров Генерального штаба в Югославии. С 1931 года - председатель Общества изучения Гражданской войны. Скончался в больнице города Панчово под Белградом 2 июня 1943 года и похоронен на Новом кладбище.

Казем-Бек Александр Львович (1902 - 1977), политический деятель. Родился в Казани в семье чиновника. После революции 1917 года покинул Россию и жил в эмиграции. В 1923 году на съезде русских студенческих организаций был учрежден Союз молодой России (Союз Младороссов, позднее Младоросской партии), и он стал его руководителем. С 1926 года его штаб-квартира размещалась в Париже. В 1941 году уехал из Франции в Америку. В 1956 (или 1957) году вернулся в СССР и работал в отделе внешних сношений Московской Патриархии, был помощником митрополита Никодима, главы иностранного отдела патриархии. Являлся сотрудником «Журнала Московской Патриархии». Умер в феврале 1977 года и похоронен около церкви патриаршей резиденции в Перedelкино.

Каледин Алексей Максимович (1861 - 1918), генерал от кавалерии. Родился 12 октября 1861 года на хуторе Каледина, станице Усть-Хоперской Области войска Донского. Выходец из старинного казачьего рода, сын полковника. Окончил Воронежский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1903 - 6 годах являлся начальником Новочеркасского юнкерского училища, а в 1906 - 10 годах - начальником штаба Донского войска. Участник Первой мировой войны, командовал 12-й кавалерийской дивизией, 12-м армейским корпусом, 8-й армией, генерал от кавалерии. С июня 1917 года - Донской атаман. Стал руководителем борьбы с большевиками на Дону. 29 января 1918 года застрелился.

Калениченко Петр Алексеевич (1897 - 1987), поручик, начальник РОВСа. Родился в Екатеринодаре. Окончил 2-е Екатеринодарское реальное училище. Участник Первой мировой войны, вольноопределяющийся 75-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с января 1918 года - доброволец в отряде капитана Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского похода. Ранен и уволен по инвалидности в январе 1919 года. С февраля 1920 года служил на бронепоезде до эвакуации Крыма. На Галлиполи произведен в офицеры. Жил в эмиграции в Болгарии и во Франции. Работал техником в Париже. С июля 1984 по 5 июля 1986 года - председатель РОВСа. Умер в Монморанси, под Парижем 10 августа 1987 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Каминский Б.В. (? - ?), полковник, бригаденфюрер СС. В 1942 - 44 годах - командир иррегулярной бригады, 29-й штурмбригады СС «РОНА». Принимал участие в руководстве подавлением Варшавского восстания в августе 1944 года.

Капнин Константин Львович (1890 - после 1945), подполковник. Из дворян, сын подполковника. Окончил Сумский кадетский корпус, Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, капитан, и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса. С августа 1918 года - в Добровольческой армии, участник 2-го Кубанского похода в штабе 1-й пехотной дивизии. С конца апреля 1919 года - начальник штаба Одесской бригады, а с ноября того же года - начальник штаба Корниловской дивизии, подполковник. С марта 1920 года - полковник. После эмиграции жил в Чехословакии. Арестован в 1945 году в Праге. Доставлен в СССР, судим и умер в лагерях.

Карташёв Антон Владимирович (1875 - 1960), богослов, историк церкви, церковный, общественный и политический деятель. Родился 11 июля в семье уральского шахтера в Киштьме. Окончил духовное училище, Пермскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. По окончании которой в 1899 году исполнял должность доцента в ней по кафедре истории Русской церкви. Затем работал в Петербургской публичной библиотеке, где заведовал богословским отделом, преподавал Высших женских курсах в Петербурге. В 1909 году стал одним из основателей и председателем петербургского Религиозно-Философского общества. С марта 1917 года - товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, а с июля того же

года - обер-прокурор. В 1917 году вступил в партию кадетов и стал членом ее ЦК. С августа 1917 года - министр исповеданий Временного правительства. После октября 1917 года арестован, но после трехмесячного заключения освобожден. Один из организаторов «Национального Центра». В январе 1919 года покинул Россию и в дальнейшем жил за рубежом. Активный деятель эмиграции: с января 1919 года - председатель Русского Комитета (с мая 1919 года - Политического совещания) в Финляндии и оказывал помощь армии Юденича, член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата Вселенского престола и др. В июне 1921 года на съезде Национального объединения избран руководителем созданного Национального Совета. Вел регулярную политическую переписку с генералом Врангелем. Один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925 - 1960). Автор книг и статей по истории церкви, взаимовлияния православия и культуры в России. Умер в Париже 10 сентября 1960 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Карцев (? - ?), ротмистр. Участник Гражданской войны в России на стороне белых. После ее окончания эмигрировал и жил в Европе. В конце августа - начале сентября 1941 года стал одним из участников формирования русского отряда (роты) в составе войск 9-й армии вермахта на советско-германском фронте. Воевал в составе этого отряда осенью 1941 года против советских войск в районе Вязьмы - Ржева.

Каульбарс Александр Васильевич (1844 - 1930), барон, генерал от кавалерии. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Начинал службу в Лейб-гвардии егерском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877 - 78 годов. В 1884 году ему присвоено звание генерал-майора, а в 1894 году - генерал-лейтенанта. Принимал участие в подавлении боксерского восстания в Китае. Участник Русско-японской войны, командующий 3-й Маньчжурской армией. После войны - командующий войсками Одесского военного округа. Поддерживал местное отделение «Союза русского народа». В 1909 году - член Военного совета. Присвоено звание генерала от кавалерии. В начале первой мировой войны - начальник управления воздушного флота. Участник Гражданской войны. В эмиграции возглавлял Союз русских летчиков. Умер в Париже 25 января 1930 года. На его панихиде 26 января предполагал быть председателем РОВСа генерал Кутепов, но был похищен в этот день.

Квашнин Анатолий Васильевич (1946 - -), генерал армии. Родился 15 августа 1946 года в Уфе. Окончил Курганский машиностроительный институт, академию бронетанковых войск и академию Генерального штаба. Начал службу в звании лейтенанта в 1967 году с должности заместителя командира танковой роты. В дальнейшем - начальник штаба и командир танкового полка, начальник штаба и командир танковой дивизии, первый заместитель командующего армией. С 1992 года служил в Генеральном штабе Вооруженных Сил РФ в должности заместителя, первого заместителя начальника Главного оперативного управления. В декабре 1994 года возглавлял группировку федеральных войск в Чечне, одним из командующих неудачным штурмом Грозного 1 января 1995 года. В 1995 - 97 годах - командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. С мая 1997 года - исполняющий обязанности, а с июня - начальник Генерального штаба ВС РФ и первый заместитель министра обороны РФ и находился в этой должности до лета 2004 года, когда был освобожден от этих обязанностей. В 1997 году присвоено звание генерала армии.

Кевиш (? - 1942), кадровый офицер вермахта. Монархист по убеждению, он, по некоторым данным, не являлся членом национал-социалистической партии Германии и не питал симпатий к Гитлеру. В 1941 году - начальник штаба Главнокомандующего германскими войсками на Юго-Востоке, оберет. Стоял у истоков создания Русского Корпуса в Сербии и подписал 12 сентября 1941 года приказ о формировании Русского Охранного Корпуса здесь. Умер в июле 1942 года.

Кедров Михаил Александрович (1877 - 1945), вице-адмирал. Родился 13 сентября 1877 года в Епифани. В 1899 году окончил 1-й Морской корпус и был направлен в мичманы 18-го Флотского экипажа. В 1907 году окончил Морскую артиллерийскую академию первым. Его учеба в академии прерывалась участием в Русско-японской войне, где он являлся флаг-офицером при адмирале Макарове. Участвовал в Цусимском бою. В 1909 году командовал военным крейсером «Воевода». В 1910 году - флагманский артиллерист Артиллерийского штаба адмирала Эссена, произведен в капитаны II ранга. В 1912 году зачислен флигель-адъютантом императора, произведен в капитаны I ранга. Командовал рядом военных кораблей. В начале Первой мировой войны - флаг-капитан начальника бригады линкоров контр-адмирала Максимова. В 1914 - 1915 годах - представитель русского флота при британском флоте. С 1915 года командовал линкором «Гангут». 1916 год - начальник 1-й минной дивизии Балтийского флота и

командующий морскими силами Рижского залива; произведен в контр-адмиралы. При Временном правительстве в 1917 году являлся помощником морского министра с правом управления морским министерством и начальником Морского Генерального штаба. Летом 1917 года - командир бригады линкоров при адмирале Колчаке в качестве командующего Черноморским флотом. Затем назначен морским агентом в Лондоне и Париже. В 1918 году Верховный правитель адмирал Колчак возложил на него ответственность за организацию заграничного транспорта для снабжения белых армий. В октябре 1920 году при генерале Врангеле назначен командующим Черноморским флотом. Руководил эвакуацией Крыма, за что произведен генералом Врангелем в вице-адмиралы. После перевода остатков флота на французскую базу в Бизерту (Тунис), выехал в Европу и проживал в дальнейшем в Париже. В эмиграции возглавил Военно-Морской союз. При генерале Кутепове был назначен вторым помощником председателя РОВСа. Председатель Союза генерал Миллер назначил его на эту же должность. В сентябре 1937 года он назначен генералом Абрамовым по совместительству и начальником I отдела РОВСа. Был освобожден от этих обязанностей председателем РОВСа Абрамовым в ноябре 1937 года. Умер в Париже 29 октября 1945 года и похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Кейтель Вильгельм Бодевин Иоганн Густав (1882 - 1946), немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Родился 22 сентября 1882 года в земле Брауншвейг в семье помещика. Кадровый военный, на военной службе с 1901 года. Участник Первой мировой войны. В 1938 - 45 годах - начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ). С 1940 года - генерал-фельдмаршал. 8 мая 1945 года подписал акт о капитуляции Германии. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге 16 октября 1946 года.

Кемаль-паша Мустафа (1881 - 1938), общественно-политический деятель Турции. Родился патриархальной семье мелкого таможенного служащего, потом торговца в Салониках. Окончил военные училища Салоник и Монастира, Академию Генерального штаба в Стамбуле. Участник Первой мировой войны, прошел путь от командира дивизии до командующего 7-й армией на Сирийском фронте. В 1919 году - инспектор 3-й армии в Самсуне, возглавил Представительный комитет, фактически самостоятельное правительство в противовес стамбульскому. После поражения и распада Османской империи - руководитель национально-освободительной революции в Турции в 1918 - 23 годах. 3 августа 1921 года назначен верховным главнокомандующим. Первый президент Турецкой республики в 1923 - 38 годах. За заслуги перед страной прозван Ататюрк (буквально - отец турок). Скончался 10 ноября 1938 года и похоронен в Анкаре.

Керенский Александр Федорович (1881 - 1970), политический деятель. Родился 22 апреля 1881 года в Симбирске в семье директора гимназии. Обучался сначала на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Вступил в Петербургскую коллегия адвокатов, присяжный поверенный. В декабре 1905 года был арестован по подозрению в принадлежности к эсеровским боевым дружинам и освобожден в апреле 1906 года. В 1912 году избран депутатом IV Государственной Думы по списку трудовиков, стал лидером их думской фракции. С 1912 года один из руководителей российского политического масонства, входил в думскую масонскую ложу, в Верховный совет масонов России и являлся его секретарем в 1915 - 16 годах. После Февральской революции заместитель председателя Петроградского Совета и министр юстиции во Временном правительстве. В марте вступил в партию эсеров. В втором составе Временного правительства - военный и морской министр. С июля являлся министром-председателем Временного правительства. После прихода большевиков к власти пытался организовать поход конного корпуса генерала Краснова на Петроград, а после его неудачи скрывался и в июне 1918 года из Мурманска выехал за границу. Находился в Англии, затем жил во Франции, а с 1940 года - в США. В 50 - 60-е годы работал в Стенфордском университете, в Гуверовском институте войны, революции и мира. Подготовил трехтомное документальное издание о деятельности Временного правительства, писал мемуары. Умер 11 июня 1970 года в Нью-Йорке.

Кестринг Эрнст Август (1876 - 1953), генерал от кавалерии вермахта. Принимал участие в формировании антибольшевистских казачьих формирований в годы Великой Отечественной войны. В январе 1944 года вступил в командование войсками восточных областей, именовался также командующим Восточными добровольческими войсками вермахта.

Киреев (? - ?), генерал-лейтенант, Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции проживал сначала в Италии. Был председателем Союза Офицеров в Италии. Который входил в состав I отдела РОВСа. Затем жил во Франции. Летом 1941 года, будучи замести-

телем начальника I отдела Союза в неоккупированной зоне Франции, был арестован немецкими властями.

Кириенко Иван Касианович (Касьянович) (1880 - 1971), генерал-майор. Родился 12 октября 1880 года в Киевской губернии в офицерской семье. Из дворян. Окончил Киевский кадетский корпус и Киевское пехотное училище, откуда вышел в 166-й пехотный ровненский полк. В 1905 - 7 годах служил в 88-м Перновском полку, принимал участие в Русско-японской войне. Участник Первой мировой войны: начал ее командиром роты 310-го Шацкого полка; присвоено звание подполковника, а затем - полковника; летом 1917 года формировал в Киеве 1-й запасной георгиевский полк. В конце октября того же года с группой офицеров направился на Дон к Каледину и поступил в распоряжение генерала Алексеева. Сформировал батальон, преобразованного затем в 3-й батальон Корниловского полка. Участник 1-го Кубанского похода. Во время 2-го Кубанского похода произведен в генерал-майоры. Находился на административных должностях в штабе Добровольческой армии. В Русской армии генерала Врангеля - комендант 1-го армейского корпуса. В эмиграции - на Галлиполи, в Салониках, Греции. В 1923 году переехал в Белград. В 1925 - 26 годах - председатель Центрального (Главного) правления Союза первопоходников. В годы Второй мировой войны в составе командного состава Русского Охранного Корпуса в Югославии. После Второй мировой войны переехал в Бельгию, где поселился в старческом доме в Бэнле-Комте и умер здесь 25 мая 1871 года.

Кирилл Владимирович (1876 - 1938), великий князь. Родился 30 сентября 1876 года в семье великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. Окончил Морской кадетский корпус и Военно-морской отдел Николаевской морской академии. Участник Русско-японской войны, начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане. В 1907 году в связи с морганатическим браком лишен права на престолонаследие. В 1910 году присвоено звание капитана I ранга. В 1916 году - командир Гвардейского экипажа и произведен в контр-адмиралы. Поддержал победу Февральской революции. За брак со своей двоюродной сестрой Викторией-Мелитой, к тому же ранее находившейся ранее в браке и разведенной, был лишен права престолонаследия. С июня 1917 года - в Финляндии, с 1920 года жил в Швеции, Германии и, наконец, постоянно во Франции, в городе Сен-Бриане. В 1922 году объявил себя местоблюстителем престола, а 31 августа 1924 года объявил себя императором Кириллом I. Умер 12 октября 1938 года в Париже. Похоронен 19 октября 1938 года в Кобурге (Германия) в фамильном склепе герцогов Саксен-Кобург-Готских. В 1995 году перезахоронен вместе с супругой в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге.

Киселев (? - ?), белый офицер-эмигрант. После окончания Гражданской войны жил в Финляндии, член РОВСа. Командир отряда из системы Русских народных отрядов, создаваемых в период советско-финляндской войны (1939 - 40 гг.) Бажановым по договоренности с начальником РОВСа генералом Архангельским.

Кислицин Владимир Александрович (1863 - 1944), генерал от кавалерии. Родился 9 января 1863 года в Киеве. Выходец из дворян. Окончил Холмскую гимназию, Одесское военное училище, Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Полковник 11-го драгунского полка, командир стрелкового полка 1-й кавалерийской дивизии. Командующий 3-й кавалерийской дивизией и 3-м кавалерийским корпусом у гетмана Скоропадского в 1918 году. После поражения гетманских войск бежал в Германию. В 1919 году прибыл в Архангельск и служил генералом для поручений при главнокомандующем Северным фронтом генерале Миллере. С июля 1919 года в белых войсках Восточного фронта: полковник, командир 2-й бригады Уфимской кавалерийской дивизии, начальник этой дивизии. С января 1920 года - генерал-майор. В 1920 году - начальник 1-й кавалерийской дивизии в Чите, затем начальник 1-й сводной Маньчжурской имени атамана Семёнова дивизии. С мая 1920 года - генерал-лейтенант. С конца 1920 года в эмиграции в Харбине. В 1921 году некоторое время формировал корпус для атамана Семёнова. До 1936 года служил в железнодорожной полиции. Учился на Высших медицинских курсах (до 5-го курса, когда они были закрыты). Окончил Зубоврачебную школу со званием зубного врача и техника. Окончил Зарубежные высшие военнаучные курсы в Париже. Глава легитимистского движения на Дальнем Востоке. Генерал от кавалерии (после 1929 г.). После создания в 1934 году БРЭМ входил в ее руководство, начальник ее 7-го отдела, с мая 1938 по ноябрь 1943 года - начальник БРЭМ. Возглавлял прояпонский Союз военных. Председатель Эмигрантского Совета, Совета национальностей при БРЭМ, Общества домовладельцев, Союза налогоплательщиков. Помощник начальника штаба добровольческих дружин. Умер 17 мая 1944 года в Харбине.

Климович Евгений Константинович (1871 - 1930), генерал-лейтенант, сенатор. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Павловское военное училище. Вышел подпоручиком в 69-й пехотный полк. В 1898 году перешел на службу в Отдельный корпус жандармов. В 1905 году - начальник Московского охранного отделения, а в 1907 году - помощник московского градоначальника. В 1909 году назначен Керчь-Еникальским, а в 1914 году - ростовским градоначальником. В годы Первой мировой войны - московский градоначальник (с мая 1915 года) и по совместительству и.о. главноначальствующего Москвы (с июня 1915 года), директор Департамента полиции в товарищ министра внутренних дел (с февраля 1916 года). Генерал-лейтенант, сенатор. В 1916 году уволен в отставку. Во время революции 1917 года арестован. Бежал на юг и явился в штаб Добровольческой армии, но первоначально не получил назначения. Затем служил здесь и во ВСЮР по ведомству внутренних дел. В начале мая 1920 года назначен генералом Врангелем начальником особого отдела штаба главнокомандующего (контрразведка) и помощником начальника Гражданского управления. В августе 1920 года в связи с успешными действиями по очищению тыла Русской Армии в его руки передана вся государственная стража. После эвакуации из Крыма возглавлял контрразведку генерала Врангеля в эмиграции. Жил в Белграде и умер 8 июня 1930 года в русской больнице в Панчево (Югославия) и похоронен на местном кладбище.

Клюге Ханс Гюнтер фон (1882 - 1944), немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Родился в генеральской семье. В годы Первой мировой войны - штабной офицер. С 1934 года - командующий войсками военного округа. С 1940 года - генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал 4-й армией, группой армий «Центр». В 1942 году уволен в отставку. Установил контакты с антигитлеровским офицерским движением. В июле 1944 года назначен войсками группы армий «Запад», но вскоре отозван, и по пути в Берлин покончил жизнь самоубийством.

Коверда Борис Софронович (1907 - 1987), деятель эмиграции. Родился 21 июня 1907 года в семье служащего Виленского крестьянского банка. Учился в белорусской, а потом в русской гимназии в Вильно. Являлся сотрудником газеты «Белорусское слово» в Вильно, заведовал конторой, выполнял обязанности корректора и переводчика на белорусский язык. В июне 1927 года застрелил в Варшаве советского полпреда в Польше П.Л. Войкова. Польский суд приговорил его к пожизненному заключению, замененному затем 10 годами каторжной тюрьмы. Освобожден в 1937 году. Переехал в США. Работал в газете «Новое русское слово» выпускающим редактором. Умер 18 февраля 1887 года в Вашингтоне и похоронен 20 февраля на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в штате Нью-Йорк.

Козлов (? - ?), капитан. Участник Гражданской войны на стороне белых. После ее окончания эмигрировал и жил в Европе. В конце августа - начале сентября 1941 года стал участником формирования русского отряда (роты) в составе 9-й армии вермахта на советско-германском фронте. Осенью 1941 года воевал в составе этого отряда против советских войск в районе Вязьмы - Ржева.

Козубский Александр Иосифович (? - ?), подполковник. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище в 1909 году и научные курсы Николаевской академии Генерального штаба в 1917 году. Штаб-ротмистр 4-го гусарского полка в конце Первой мировой войны. В 1918 году - в армии гетмана Скоропадского на Украине. В ноябре 1918 года присвоено звание ротмистра. С августа 1919 года в Донской армии ВСЮР. После эвакуации - на Галлиполи, затем - в Югославии. Преподаватель Николаевского кавалерийского училища. Член РОВСа, руководитель группы по изучению СССР в Югославии в начале 30-х годов. В 1934 году - председатель Общества Галлиполийцев в Белграде.

Козько Виталий Анатольевич (1959 - -), поручик РОВСа. Родился в Москве. Окончил Уссурийский совхоз-техникум, агроном-организатор. Окончил Уссурийский сельскохозяйственный институт, работал агрономом. Представитель РОВСа во Владивостоке с 2000 года.

Коковцов Владимир Николаевич (1853 - 1953), граф, государственный деятель. Из дворянской семьи. С 1872 года служил в министерстве юстиции. С 1882 года - помощник начальника Главного тюремного управления МВД, с 1896 года - товарищ министра финансов, с 1902 года - государственный секретарь. В 1904 - 5 и 1906 - 14 годах - министр финансов. С 1911 по 1914 год - председатель Совета министров. В 1916 году был главой комиссии по делам торговли и промышленности Государственного Совета. В 1918 году эмигрировал во Францию. Был председателем правления Коммерческого банка, являлся одним из руководителей Русского Комитета Объединенных Организаций.

Колосовский (? - ?), полковник Дроздовского полка. В эмиграции в Париже. Очевидно, возглавлял группу Дроздовского стрелкового полка в Париже. После выхода из РОВСа ге-

нерала Туркула и общего собрания дроздовцев от 3 августа 1936 года подал рапорт генералу Миллеру о выходе чинов указанного полка из РОВСа.

Колтышев Пётр Владимирович (1894 - 1988), полковник. Родился 27 мая 1894 года в Ораниенбауме. Окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училища. Участник Первой мировой войны: служит во 2-м стрелковом Финляндском полку; и.д. старшего адъютанта штаба 40-го армейского корпуса в 1916 году; учится в 1917 году на курсах при Николаевской академии Генерального штаба и причислен к Генеральному штабу, капитан; и.д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии. С начала 1918 года - рядовой в 1-й Добровольческой бригаде полковника Дроздовского. Оперативный адъютант в ходе Дроздовского похода из Ясс на Дон. Начальник штаба 3-й дивизии генерала Дроздовского в Добровольческой армии, затем - в штабе Добровольческой армии и главнокомандующего - полковник. С отъездом генерала Деникина - рядовой в 1-м офицерском генерала Дроздовского полку, затем - помощник командира этого полка, помощник коменданта Севастополя генерала Стогова. В эмиграции - на Галлиполи, затем - в Болгарии и, наконец, - во Франции, где более 35 лет проработал шофером такси. Оказывал помощь генералу Деникину при собирании материалов для его «Очерков истории русской смуты». Умер 9 августа 1988 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Колчак Александр Васильевич (1874 - 1920), адмирал. Родился 4 ноября 1874 года в селе Александровском в семье штабс-капитана морской артиллерии, в дальнейшем генерал-майора. В 1894 году окончил Морской кадетский корпус и произведен в мичманы. Служил на военных кораблях в Петербурге, Владивостоке. В 1900 году произведен в лейтенанты, стал заниматься научной деятельностью в области океанографии и гидрологии. Участник полярной экспедиции Э.В. Толля в 1900 - 1902 годах; в 1906 году избран действительным членом Русского Географического общества. Участник Русско-японской войны: командир эсминца, затем береговой артиллерийской батареи. После сдачи Порт-Артура взят в плен. С образованием Морского Генерального штаба в 1906 году был назначен начальником отдела в нем. В 1908 году перешел в Морскую академию. В 1909 - 10 годах командовал кораблем в экспедиции с целью исследования Северного морского пути. С 1912 года служил на Балтийском флоте. С декабря 1913 года капитан 1-го ранга, флаг-капитан оперативной части штаба командующего флотом. Участник Первой мировой войны: с сентября 1915 года командовал минной дивизией, затем морскими силами в Рижском заливе. В апреле 1916 года произведен в контр-адмиралы; в июне назначен командующим Черноморским флотом в производстве в вице-адмиралы. В августе 1917 года в качестве начальника российской военно-морской миссии отбыл в США. Отрицательно оценил приход к власти большевиков и в декабре 1917 года поступил на британскую военную службу. 4 ноября 1918 года прибыл в Омск и занял пост военного и морского министра правительства Директории. В ходе переворота 18 ноября 1918 года провозглашен Верховным правителем России, произведен в адмиралы. В январе 1920 года арестован чехословаками и передан иркутскому «Политцентру», а после перехода власти в Иркутске к ВРК попал в его руки. Судим и расстрелян 7 февраля 1920 года, после чего тело его было сброшено в прорубь.

Коморовский Альбин Тадеуш Витольд Николаевич (1898 - ?), ротмистр. Выходец из потомственных дворян Царства Польского, приписанных к Киевской губернии, Герба Корчак. Окончил реальное училище в Мариуполе и Елисаветградское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны. С августа 1918 года - в Партизанском Мариупольском отряде, затем в 10-м Гусарском Ингерманландском полку, преобразованного позднее соответственно в 5-й, а затем в 1-й кавалерийский полк, где служил полковым адъютантом. Галлиполиец. Затем переехал в Королевство СХС - Югославию. Служил в пограничной страже, затем на других работах. Переехал в Белград, студент Белградского университета, слушатель Высших военно-научных курсов генерала Головина. С 1930 года - секретарь Фонда Спасения России. С 1931 года - старший адъютант в штабе кавалерии при начальнике кавалерии генерале Барбовиче, затем на этой же должности в штабе начальника кавалерии и артиллерии РОВС. Секретарем IV отдела РОВСа. Генеральный секретарь II съезда национальных организаций в Париже (31 марта - 3 апреля 1934 года). Арестован в декабре 1935 года сербской тайной полицией вместе с советским разведчиком Линицким по обвинению в просоветской деятельности. Оправдан по суду и выслан из Югославии.

Кондзеровский (Кондырев) Пётр Константинович (1869 - 1929), генерал - лейтенант. Родился в Санкт-Петербурге 22 июня 1869 года. Окончил 1-й кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. 1893 год - подпоручик в Лейб-гвардии Егерском полку. 1895 года - штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба. До 1897 года служит обер-офицером для поручений при штабе 18-го армейского корпуса в Финляндском военном округе. В 1898 - 99 годах - ко-

мандир роты в Лейб-гвардии Егерском полку. С 1899 года и до начала Первой мировой войны служил в главном штабе. С декабря 1908 года - дежурный генерал Главного штаба, генерал-майор. Участник Первой мировой войны: с июля 1914 года дежурный генерал при Верховном главнокомандующем. В 1916 году произведен в генерал-лейтенанты. В 1917 году при Временном правительстве назначен членом Военного совета. В 1918 году выехал с семьей в Финляндию. В годы Гражданской войны служил у генерала Юденича: член Особого комитета, затем Национального русского центра под псевдонимом Кондырев, начальник штаба Северо-Западной армии. С ноября 1919 года являлся представителем Северо-Западной армии в Финляндии. В конце 1920 года выехал в Париж. В ноябре 1924 года назначен начальником военной канцелярии Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича; с мая 1928 года - начальник военной канцелярии председателя РОВСа. Скончался в Париже 16 августа 1929 года и похоронен на парижском кладбище Батиньоль.

Кондратьев Иван Михайлович (1889 - 1945), полковник. Родился 15 октября 1889 года во Владикавказе. Из мещан. Окончил Тифлисскую гимназию и Тифлисское военное училище. Участник Первой мировой войны, подполковник, командир 22-го Сибирского стрелкового полка. В годы Гражданской войны - в Добровольческой армии, участник 1-го кубанского похода. В августе 1918 года - в Южной армии, затем - в Донской армии, командир роты в батальоне 43-го Донского казачьего полка. С января 1919 года - полковник. В конце 1919 года ранен и эвакуирован в Египет. С октября 1920 года служил во 2-м Корниловском полку Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции первоначально находился в Галлиполи, командир роты Корниловского полка. В дальнейшем проживал в Болгарии. 9 февраля 1938 года назначен начальником РОВСа генералом Абрамовым командиром Корниловского Ударного полка. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе, командовал ротой, получил чин гауптмана. Убит 21 февраля 1945 года у г. Хум в Югославии.

Коноплев-Горный Иван Степанович (? - ?), штабс-капитан. После Гражданской войны - в эмиграции. Жил в 20-е годы в Германии и являлся членом РОВСа. Был исключен по подозрению в сотрудничестве с большевиками. Затем жил в Праге, Вене. Начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе считал, что именно он написал донос на него германским властям, следствием чего явился арест этого видного деятеля Союза 28 июля 1933 года и 42-дневное содержание в одиночном заключении. После этого, по данным фон Лампе, жил в Греции.

Корженевский Всеволод Васильевич (1880 - 1959), полковник. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны, полковник. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР и Русской Армии в тяжелой артиллерии до эвакуации Крыма. В дальнейшем жил в эмиграции. Галлиполиец. Осенью 1925 года в составе 5-го артдивизиона находился во Франции. Начальник подотдела РОВСа в Австралии в 1937 году. Умер 15 августа 1959 года в Брисбене (Австралия).

Корнилий (? -), священнослужитель. Митрополит Таллиннский и всея Эстонии в начале XXI века.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870 - 1918), генерал от инфантерии. Родился 18 августа 1870 года в станице Каркаралинской Семипалатинской области в семье казачьего офицера (хорунжего). Окончил Омский кадетский корпус, Михайловское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. В 1905 - 7 годах на различных должностях в военных округах. В 1907 - 11 годах военный агент в Китае. Участник Первой мировой войны: начальник 49-й, затем 48-й пехотных дивизий. В апреле 1915 года тяжелораненым попал в плен, из которого бежал в июле 1916 года. Осенью того же года назначен командиром 25-го пехотного корпуса на Юго-Западном фронте. В начале марта 1917 года назначен командующим Петроградским военным корпусом, в начале мая - командующим 5-й армией, 7 июля - командующим Юго-Западным фронтом, а 19 июля того же года - Главкомверхом. 25 августа его войска двинулись на Петроград, но выступление Корнилова потерпело неудачу, а сам он 2 сентября был арестован и содержался в г. Быхове. 19 ноября бежал на Дон. Вместе с генералом Алексеевым приступил к формированию и возглавил Добровольческую армию; вошел в триумvirат, возглавлявший Донской гражданский совет. 31 марта 1918 года убит при штурме Екатеринодара.

Корнилова (после замужества - **Шапрон дю Ларре**) **Наталья Лавровна** (? - 1983), дочь генерала Л.Г. Корнилова. После революции в России жила в эмиграции, в частности, в Бельгии. Умерла в Брюсселе 24 января 1983 года.

Котляревский Николай Михайлович (1890 - 1966), статский советник, потомственный дворянин. Окончил Одесскую гимназию и Новороссийский университет. Служил в министерстве юстиции. Уполномоченный Красного Креста в годы Первой мировой войны. С апреля

1920 года и в дальнейшем в эмиграции - личный секретарь барона Врангеля до его кончины. Занимался перевозом и перезахоронением его праха из Брюсселя в Белград в 1929 году; привозил в порядок архив барона. Умер 5 июня 1966 года в Брюсселе.

Кравченко Владимир Михайлович (? - ?), полковник. Белый офицер, участник Гражданской войны в России. В дальнейшем проживал в эмиграции. В годы Великой Отечественной войны служил в Русской Национальной Народной Армии. Затем служил в РОА, являлся заместителем начальника пропагандистских курсов РОА в Дабендорфе, помощником генерала Ф.И. Трухина.

Краинский Николай Васильевич (1869 - после 1943), врач-психиатр, профессор. Окончил медицинский факультет Харьковского университета математический факультет Петербургского факультета. Работал в психиатрических лечебных заведениях, заведовал лечебницами в Новгороде, Виннице, Вильно. Одновременно занимался научно-исследовательской деятельностью - автор более 200 научных работ в области патологии мозга и психофизиологии. Доктор медицины с 1915 года, доцент Киевского университета. Доброволец в Русско-японской и Первой мировой войнах. В период Гражданской войны вступил рядовым в Добровольческую армию. После поражения белых эмигрировал из России. После 1920 года жил в Королевстве СХС - Югославии. Доцент Зарубежного университета, с 1930 года профессор криминалистической психопатологии Белградского университета. Преподавал военную психологию на белградских Военных курсах генерала Головина. Автор работ по психологии революции и гражданской войны. Печатался в правых изданиях Русского Зарубежья.

Крамарж Карел (1860 - 1937), чехословацкий политический и государственный деятель. В 1890 - 1918 годах - один из лидеров младочехов. В 1918 - 19 годах - глава правительства Чехословакии. В 1919 году - руководитель Национально-демократической партии. С 1935 года - руководитель партии национального объединения.

Краснов Мигель (Михаил Семенович) (1946 - -), чилийский бригадный генерал. Родился 15 февраля 1946 года в Тироле (Австрия). Сын казненного в 1947 году в СССР генерала С.Н. Краснова, внучатый племянник генерала П.Н. Краснова. В 1948 году переехал с матерью в Чили. Активный участник военного переворота в Чили в сентябре 1973 года. За участие в этом выступлении приговорен чилийским судом сегодня к 10 годам лишения свободы.

Краснов Петр Николаевич (1869 - 1947), генерал от кавалерии, политический деятель, прозаик, публицист. Родился 10 сентября 1869 года в Санкт-Петербурге. Из дворян Войска Донского, сын генерала, казак станицы Каргинской (по другим данным - станицы Вёшенской) Области Войска Донского. Окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище и вышел в Лейб-гвардии Атаманский полк. В дальнейшем окончил Николаевскую академию Генерального штаба и Кавалерийскую школу. Рано проявил себя как талантливый журналист и военный обозреватель, сотрудничая в ряде газет и журналов. В 1897 году был начальником конвоя в русской миссии полковника Артамонова в Абиссинии. В 1901 году был в Китае во время боксерского восстания. Как военный журналист прибыл на Русско-японскую войну, но принимал участие и в военных действиях. С 1910 года - командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 1910 года - командир 10-го Донского казачьего полка. С начала Первой мировой войны - командир бригады в 1-й Донской, а затем в Туземной (Дикой) дивизии. В ноябре 1914 года - генерал-майор. В 1915 году назначен начальником 2-й казачьей сводной дивизии. В 1917 году - начальник 1-й Кубанской дивизии, затем - командир 3-го конного корпуса. За участие в выступлении генерала Л.Г. Корнилова был арестован, но затем освобожден и восстановлен в должности. В октябре 1917 года пытался с частью войск корпуса захватить Петроград и свергнуть власть большевиков, но неудачно, был арестован и бежал над Дон. 3 мая 1918 года во время Донского восстания был избран Кругом спасения Дона Донским атаманом, освободил район Войска Донского от большевиков, создал Донскую армию. Ориентировался на Германию. В августе 1918 года Большой Казачий круг произвел его, генерал-майора в генералы от кавалерии. После поражения Германии в войне и неудачных попыток взять Царицын сдал атаманскую власть генералу Богаевскому. В феврале 1919 года выехал в Батуми, а оттуда - в Эстонию. Возглавил пропагандистско-политический отдел штаба Северо-Западной армии генерала Юденича. Затем эмигрировал. Проживал в Германии. Автор многочисленных статей и ряда книг. В сентябре 1943 года был назначен германскими властями начальником Главного управления казачьих войск. 28 мая 1945 года выдан в г. Лиенце англичанами советским властям. В ходе Московского судебного процесса был приговорен к высшей мере и 16 января 1947 года повешен.

Краснов Семен Николаевич (1893 - 1947), полковник русской службы, генерал-майор германской армии. Родился 13 марта 1893 года в имении Краснополье Хоперского окру-

га Области Войска Донского. Из дворян, сын офицера-казака. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны, подьесаул, начальник пулеметной команды лейб-гвардии Казачьего полка. С января 1918 года - в офицерской казачьей дружине при донском атамане, с февраля того же года - начальник пулеметной команды бронепоезда, есаул. В дальнейшем - в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода в Партизанском полку. В Донской армии, с мая 1918 года - командир 1-й сотни 1-го полка 1-й Донской конной дивизии, затем сотник в лейб-гвардии Казачьем полку. С марта 1919 года - войсковой старшина. С августа 1920 года - в Русской Армии, начальник личного конвоя главнокомандующего до эвакуации Крыма. В октябре 1920 года произведен в чин полковника. После эвакуации находился на Лемносе, помощник командира лейб-гвардии Казачьего полка, затем командир дивизиона этого полка. С 1921 года жил в Югославии, с августа 1924 года - в Париже. Монархист-легитимист. В годы Второй мировой войны был начальником отдела Управления делами русских эмигрантов во Франции, затем в казачьих частях германской армии. Начальник штаба Главного управления казачьих войск. В 1944 году присвоено звание генерал-майора немецкой кавалерии. Выдан англичанами советской стороне 19 мая 1945 года и вывезен в СССР. Казнен 17 августа 1947 года в Москве.

Красса (? - 1921), матрос. Участник Гражданской войны на стороне белых. В ноябре 1920 года эвакуировался из Крыма. Служил на яхте «Лукулл», где располагались после эвакуации генерал Врангель и его штаб. Погиб 15 октября 1921 года во время столкновения итальянского парохода «Адриа» с названной яхтой в Константинополе.

Крегер Ивар (? - 1932), крупный шведский предприниматель. После финансового краха покончил с собой 12 марта 1932 года.

Крейтер фон Владимир Владимирович (? - 1950), генерал-майор. Окончил Суворовский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Откуда вышел в Сумский гусарский полк. Затем окончил Николаевскую академию Генерального штаба и причислен в 1914 году к генштабу. Участник Первой мировой войны: в 1916 году - капитан и старший адъютант штаба 3-й кавалерийской дивизии; в 1917 году - полковник и начальник штаба этой дивизии. С конца 1918 года - в Добровольческой армии: начальник штаба бригады, затем - начальник штаба 2-й дивизии в 5-м кавалерийском корпусе. В Русской Армии генерала Врангеля - начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, а затем конного корпуса генерала Барбовича. В октябре 1920 года - генерал-майор и командир 2-й бригады во 2-й кавалерийской дивизии. В эмиграции жил в Панчово, Сербия; в начале 20-х годов служил в пограничной страже. Осенью 1941 года после ареста генерала Скородумова возглавил Русское Бюро в Сербии и оставался в этой должности до конца Второй мировой войны. В декабре 1944 года был кооптирован в КОНР. В конце войны - начальник штаба Зальцбургской группы войск генерала Туркула. Умер 23 июня 1950 года в г. Дахау, близ Мюнхена и похоронен на местном кладбище.

Кривицкий Вальтер Германович (настоящие ф.и.о. - **Гинзбург Самуил Гершевич**) (1899 - 1941), советский разведчик, капитан госбезопасности. Родился в семье торгового служащего в Подволочинске (Австро-Венгрия) 28 июня 1899 года. Член партии большевиков с 1919 года и взял партийный псевдоним В. Кривицкий. В 1918 - 21 годах - работал по линии Регистрационного отдела Западного фронта, а также занимался нелегальной партийной работой по линии Коминтерна в Австрии и Польше. С 1921 года - сотрудник 4-го управления Генштаба РККА. В 1923 году, после окончания специальных курсов в Академии РККА направлен в Германию, где участвует в создании советской агентурной сети. Работая в центральном аппарате Разведупра Красной армии, нелегально ездил в Италию, Швейцарию, Австрию. В 1926 году снова работает в Германии. Затем возглавляет разведывательную школу в Москве. С 1931 года - в ИНО ОГПУ. В 1934 году - заместитель директора Института военной промышленности. В 1935 году назначается главой советской военной разведки в Западной Европе. Осенью 1937 года, получил указание вернуться в СССР и опасаясь расправы, попросил политического убежища во Франции, а затем - в США. Автор ряда статей и книги воспоминаний. «Я был агентом Сталина». В 1941 году, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством в одном из отелей Вашингтона, по неофициальной версии - убит советскими агентами.

Кривошея Николай Евгеньевич (1897 - 1971), офицер, капитан. Окончил Полтавский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Капитан Марковского артиллерийского дивизиона. Галлиполиец. Участвовал в Гражданской войне в Испании на стороне генерала Франко, командовал Русским отрядом в Терсио Наваррских рекете. В 1940 году уехал в Испанский легион в Цеуте в чине тениенте. Прослужив в Испанском легионе 30 лет, переведен в Генеральный штаб Испании. Умер в Мадриде 12 декабря 1971 года.

Критский Михаил Александрович (1882 - 1969), поручик, военный писатель. Родился в Москве, окончил Поливановскую гимназию в этом городе и юрфак Московского университета. Добровольцем направился на Первую мировую войну, рядовой в артиллерии. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии. В 1919 году - старший адъютант в разведывательном отделе штаба корпуса генерала Кутепова; в 1919 - 20 годах - в штабе главнокомандующего, поручик. В эмиграции - на Галлиполи, затем - в Париже. Член РОВСа. В конце 20-х годов - секретарь в канцелярии председателя РОВСа генерала Кутепова, затем - сотрудник генерала Миллера. Автор ряда книг. Умер 30 сентября 1969 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Кромиади (псевдоним - **Санин**) **Константин Григорьевич** (1893 - 1990), полковник. Родился в городе Карее Эриваньской губернии. Участник Первой мировой войны в чине поручика. С весны 1917 года - командир батальона партизанского отряда полковника Л.Ф. Бичерахова в Персии. Принимал участие в защите Баку от турок в январе 1918 года. Участник Гражданской войны на стороне белых, которую окончил в звании полковника. После окончания Гражданской войны в России проживал в эмиграции в Берлине, работал таксистом. В начале сентября 1941 года приглашен работать в министерство по делам восточных территорий Германии. Участвовал весной-летом 1942 года в создании Русской Национальной Народной армии, был (под псевдонимом Санин) комендантом центрального штаба, ответственным за кадры, строевую и хозяйственную часть. В конце августа 1942 года отстранен от занимаемой должности. В 1943 году являлся руководителем учебной и пропагандистской команды и начальником штаба формируемой отдельной Гвардейской бригады, но большая часть ее перешла летом того же года на сторону партизан, и 28 августа он был отозван в Берлин. После встречи 1 сентября 1943 года с генералом Власовым стал его сотрудником - комендант штаба и затем по совместительству работал в отделе восточной пропаганды ОКВ. Осенью 1944 года назначен начальником личной канцелярии генерала Власова. 25 апреля 1945 года назначен представителем генерала Власова перед союзными войсками. Находился в лагерях для перемещенных лиц. В мае 1947 года был одним из инициаторов создания «Боевого Союза Молодежи Народов России» (БСМНР). В начале 1948 года был одним из организаторов созыва секретного объединенного съезда бывших деятелей «Освободительного Движения Народов России» (ОДНР), в результате которого большая группа участников ОДНР вступила в БСМНР. После переименования в мае 1948 года БСМНР в «Союз Борьбы за Освобождение Народов России» принимал в его работе активное участие. В 50-е годы работал начальником отдела кадров радиостанции «Освобождение», затем - на пенсии. Умер 25 апреля 1990 года в Мюнхене. Похоронен на кладбище Вестфридгоф.

Крупенский Александр Николаевич (? - 1939), политический деятель. Дворянин, выходец из Бессарабии, имел там образцовое хозяйство с блестяще поставленным садоводством. Камергер. Последний предводитель дворянства в Бессарабии. Монархист. В 1921 году на 1-м монархическом съезде в Рейхенгеле избран председателем. Участник Зарубежного съезда в Париже в 1926 году, член «Патриотического объединения», избранного этим съездом. Один из руководителей Высшего Монархического Совета, а в 1926 году избран его председателем. Член редколлегии журнала «Двуглавый Орел». Похоронен 15 мая 1939 года на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Крыленко Николай Васильевич (1885 - 1938), советский государственный и политический деятель. Родился 2 мая 1885 года в д. Бехтеево, Сычѳвского уезда Смоленской губернии в семье служащего, ссыльного участника революционного движения. В 1909 году экстерном сдал экзамены за историко-филологический факультет Петербургского университета, а в 1914 году - за юрфак Харьковского университета. Член партии большевиков с 1904 года. Неоднократно арестовывался, находился в эмиграции. В 1916 году мобилизован в армию, прапорщик 13-го Финляндского стрелкового полка 11-й армии Юго-Западного фронта. После Февральской революции председатель полкового и дивизионного комитетов и, наконец, армейского комитета 11-й армии. Делегат I съезда Советов и избран членом ЦИК. Делегат II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и член ВЦИК. Назначен наркомом и членом комитета по военным и морским делам. Один из руководителей подавления похода Керенского - Краснова на Петроград. С 9 ноября верховный главнокомандующий. Депутат Учредительного собрания. В дальнейшем один из организаторов советского суда и прокуратуры. 29 июля 1938 года приговорен к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской деятельности и в тот же день расстрелян.

Куклин Евграф Иванович (1885 - 1930), полковник Забайкальского казачьего войска, генерал-майор китайской службы. Окончил Оренбургское военное училище. Участник

Первой мировой войны, адъютант командующего 1-м Аргунским казачьим полком забайкальских казаков. Войну закончил есаулом. В Гражданскую войну в России воевал на стороне белых, полковник. После ее окончания эмигрировал в Харбин. С 20-х годов проживал в Китае, являлся начальником штаба 65-й дивизии, возглавляемой генералом Нечаевым, воевавшей в составе войск китайского маршала Чжан Цзо-Лина. Умер от сыпного тифа 3 декабря 1930 года.

Курбатов Анатолий Андреевич (1884 - ?) генерал-майор. Родился 21 мая 1884 года. Из казаков станицы Ново-Николаевской Области Войска Донского, сын артиста Императорских театров. Окончил реальное училище К.А. Мазинга в Москве и Алексеевское военное училище. Участник Первой мировой войны, полковник. В 1918 году в Донской армии. В 1919 - начале 1920 года - командир 4-й Донской пластунской бригады. В Русской Армии - командир 7-го Донского казачьего полка до эвакуации Крыма. С мая 1920 года - генерал-майор. После эвакуации Крыма - комендант Чилингарского лагеря в Чаталджинском районе Турции в 1920 - 21 гг. в системе Донского корпуса, затем на острове Лемнос. Командир 1-й бригады 2-й Донской казачьей дивизии.

Кусонский Алексей Павлович (? - ?), сын генерала П.А. Кусонского. Проживал в эмиграции в Бельгии. Во время вторжения Германии в Бельгию в 1940 году мобилизован в бельгийскую армию. Попал в немецкий плен.

Кусонский Павел Алексеевич (1880 - 1941), генерал-лейтенант. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: 1915 год - старший адъютант оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, подполковник; 1917 год - помощник начальника оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера Ставки верховного главнокомандующего, полковник с августа 1917 года. Вместе с Корниловым прибывает на Дон. В июне 1918 года - генерал для поручений при командующем Добровольческой армии. Январь 1919 года - генерал-квартирмейстер штаба Кавказской Добровольческой армии. Июнь 1919 года - генерал-майор и начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса. Осень 1920 года - начальник штаба 2-й армии. После эвакуации из Крыма - помощник начальника штаба главнокомандующего Русской Армии. 16 февраля 1922 года ему присвоено звание генерал-лейтенанта. В 1924 - 26 годах исполнял обязанности начальника штаба главнокомандующего. После расформирования штаба находился в распоряжении генерала Врангеля и переехал вместе с ним из Королевства СХС в Бельгию, Брюссель. Принимал активное участие в работе РОВСа и его центрального управления. В 1934 году был назначен начальником военной канцелярии РОВСа и освобожден от этой должности в конце 1937 года новым председателем Союза генералом Абрамовым. После вступления генерала Архангельского в руководство РОВС в марте 1938 года переехал в Брюссель и вновь возглавил канцелярию Союза. 22 июня 1941 года вместе с группой офицеров-эмигрантов арестован гестапо. Содержался в замке, превращенном немцами в крепостную тюрьму. 26 (по другим данным, - 23-го) августа 1941 года был жестоко избит эсэсовцами и в тот же день умер. 30 ноября 1944 года после освобождения Бельгии западными союзниками бельгийские власти с воинскими почестями перенесли его прах на почетный участок кладбища Юккль в Брюсселе.

Кутепов Александр Павлович (при рождении - **Тимофеев Александр Константинович**) (1882 - 1930), генерал от инфантерии. Родился 16 сентября 1882 года в семье личного дворянина К.М. Тимофеева в городе Череповце, входившем тогда в состав Новгородской губернии. После смерти отца и вторичного замужества матери был усыновлен лесничим П.А. Кутеповым. Учился в Архангельской губернской мужской гимназии, окончил Петербургское Владимирское военное училище. Вышел в 85-й пехотный полк, находившийся на фронте войны с Японией. После окончания Русско-японской войны поручик Кутепов переведен в Лейб-гвардии Преображенский полк, стал командиром учебной роты этого полка. В составе полка прошел всю Первую мировую войну, будучи сначала командиром 4-й роты, потом - командиром роты Его Величества, командиром 2-го батальона и на этой должности в 1916 году произведен в полковники, и, наконец, в 1917 году стал командиром этого полка. В дни Февральской революции в Петрограде пытался защитить старую власть, командуя сборным отрядом, но безуспешно. С декабря 1917 года - в Добровольческой армии. В конце декабря - начале января являлся начальником гарнизона Таганрога. В 1-м Кубанском походе командовал 3-й ротой 1-го офицерского (впоследствии Марковского) полка. В марте 1918 года был помощником командира Корниловского полка полковника Неженцева, и после его смерти стал 30 марта командиром этого полка. В июне 1918 года - участник 2-го Кубанского похода, и после смерти генерала Маркова стал командиром 1-й пехотной дивизии. После взятия в конце 1918 года Новороссийска был назначен Черноморским генерал-губернатором, произведен в генерал-майоры. Затем,

командуя частями 1-го армейского корпуса в ходе Харьковской операции был произведен 23 июня 1919 года в генерал-лейтенанты. Осенью корпус под его командованием дошел до Курска и Орла, а затем отступает до Новороссийска. В марте 1920 года корпус Кутепова был переброшен в Крым, принимал участие в боях в Северной Таврии. После ухода генерала Деникина в марте 1920 года с должности главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Кутепову предлагали занять его место, но он отказался, предложив кандидатуру генерала Врангеля. После разделения генералом Врангелем Русской Армии на две назначен 4 сентября 1920 года командующим 1-й армией. В эмиграции назначен Врангелем помощником главнокомандующего и командующим 1-м армейским корпусом в Галлиполи. 20 ноября 1920 года произведен в генералы от инфантерии. В декабря 1921 года с частями 1-го армейского корпуса эвакуировался в Болгарию. 12 марта 1922 года он был арестован здесь по приказу правительства Стамбульского и выслан в Югославию. В 1924 году освобожден генералом Врангелем от должности помощника главнокомандующего Русской Армии и поступил в распоряжение великого князя Николая Николаевича, возглавив тайную боевую работу против СССР. 29 апреля 1928 года генерал Кутепов в соответствии с приказом великого князя Николая Николаевича занял пост председателя РОВСа. После смерти великого князя Николая Николаевича 5 января 1929 года в руках Кутепова оказалась полнота власти с отношении РОВСа и Армии. 26 января 1930 года похищен в Париже агентами ОГПУ. Согласно официальной версии советских спецслужб, умер спустя несколько дней при транспортировке в СССР на борту парохода.

Кутепов Павел Александрович (1925 - 1983), сын генерала Кутепова. Родился 27 января 1925 года в Париже. После похищения отца переехал с матерью в Ригу, а затем в Югославию. Учился в Русском кадетском корпусе в Белой Церкви (Югославия). В годы Второй мировой войны, по одним данным, служил в Русском охранном корпусе, сформированном русскими эмигрантами по договоренности с немцами и был адъютантом его командующего генерала Штейфона, по другим источникам, - участвовал в югославском движении Сопротивления, в 1944 году перешел линию фронта и служил переводчиком в Красной Армии. В 1945 году был арестован советской контрразведкой в Праге и осужден к 10 (по другим данным - к 25) годам заключения. Реабилитирован и освобожден в 1954 году. Работал на предприятиях Иваново. С 1960 года - в отделе внешних сношений Московской Патриархии, был главным редактором бюро переводов и информации.

Кутепов Павел Александрович (примерно 1859 - ?), отчим генерала А.П. Кутепова, женившийся после смерти отца будущего генерала на его матери - О.А. Тимофеевой и усыновивший мальчика. Родился в семье священника в Бузулукском уезде Самарской губернии. Окончил Лисинское лесное училище. Служащий в лесном ведомстве, казначействе и других учреждениях. Лесничий в Череповецком лесничестве Новгородской губернии, а затем во 2-м Холмогорском лесничестве Архангельской губернии. Чиновник по крестьянским делам в Кемском уезде Архангельской губернии. В начале XX века (примерно 1903 год) выехал из Архангельской губернии. Личный дворянин.

Кутепова (урожденная - **Кутт**) **Лидия Давыдовна** (по другим данным - **Давидовна**) (1898 - 1958), жена генерала Кутепова. После смерти мужа с 1930 по 1935 год жила в Риге, а в 1935 году переехала с сыном в Югославию. После прихода к власти коммунистов выехала в Париж. В 1945 году была арестована в Праге советской контрразведкой и осуждена к 10 годам заключения. Реабилитирована и освобождена в 1954 году. Умерла 5 мая 1958 года в Париже и похоронена на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Кутепова (в первом браке - **Тимофеева**) **Ольга Андреевна** (? - ?), мать генерала А.П. Кутепова.

Куусинен Отто Вильгельм (Вилли) (1881 - 1964), государственный и политический деятель. Родился в г. Лаукаа в Финляндии. Окончил историко-философский факультет Гельсингфорского университета. С 1904 года - член социал-демократической партии Финляндии, в 1911 - 17 годах - председатель Исполкома партии. В январе - феврале 1918 года - член Совета народных уполномоченных Финляндской рабочей республики. В 1921 - 39 годах - секретарь Исполкома Коминтерна (с декабря 1921 - по декабрь 1922 года - генеральный секретарь ИККИ). С 1923 года - член президиума ИККИ. С конца 1939 года - глава правительства Финляндской демократической республики, сформированного в Териоки. В 1940 - 45 годах - председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. С 1940 года - депутат Верховного Совета СССР. С 1941 года - член ЦК ВКП(б), а с июня 1957 года - секретарь и член Президиума ЦК КПСС. Академик АН СССР с 1958 года.

Кушелевский (? - ?), полковник. В начале 1930 года возглавлял военные организации РОВСа в Южной Америке.

Лампе фон Алексей Александрович (1885 - 1967), генерал-майор. Родился 18 июля 1885 года в местечке Вержболово, в Литве, в семье жандармского полковника. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское военное инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны в рядах 6-го саперного батальона. С 1907 года в Лейб-гвардии Семеновском полку. Участник Первой мировой войны. 1916 год подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса. В 1917 году исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В начале 1918 года отказался от службы в Красной армии. Летом - осенью 1918 года вместе с полковником Штейфоном возглавлял Добровольческий центр в оккупированном немцами Харькове, который занимался переброской офицеров в Добровольческую армию. С августа 1918 года зачислен в Добровольческую армию, в которую прибыл в конце того же года. Являлся начальником оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля, затем на той же должности у генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1919 году ему присвоено звание полковника. В мае 1920 года командирован генералом Врангелем в Германию и Данию для представления интересов Русской Армии. В декабре 1920 года выполнял поручения генерала Врангеля в Константинополе. В 1921 году ему присвоено звание генерал-майора. В 1921 году он назначен военным представителем Русской Армии в Венгрии, а также выполняет аналогичную работу в Дании. Летом 1922 года назначен военным представителем Русской Армии в Берлине с сохранением прежних обязанностей и в Венгрии. С момента основания РОВС в 1924 году возглавлял его II отдел с центром в Берлине и являлся его бессменным руководителем. По его утверждению, после понижения генерала Кутепова новый начальник РОВС генерал Миллер предлагал ему исполнять его обязанности по секретной боевой работе в СССР, но он отказался, так как не имел опыта и считал себя способным к этой деятельности. С 1934 года был заместителем председателя Русского Общества Красного Креста в Германии. Накануне Второй мировой войны основал и возглавил Объединение Русских Воинских Союзов, просуществовавшее все военные годы. Член Совета штаба РОА, генерал-майор резерва. В феврале 1945 года вошел в КОНР. После Второй мировой войны - начальник филиала Международной организации Красного Креста в беженском лагере Тизис (Австрия), ведал регистрацией и выдачей удостоверений бывшим советским гражданам, ставшим невозвращенцами. В 1946 году переехал во Францию и проживал в Париже, был назначен заместителем начальника РОВСа. С 1949 года одновременно являлся заместителем председателя Совета Российского Зарубежного Воинства. 25 марта 1954 года назначен первым помощником начальника РОВСа. С 30 июня 1955 года являлся временно исполняющим должность начальника Союза, а 25 января 1957 года стал его официальным начальником, а также председателем Совета Российского Зарубежного Воинства. 19 мая 1967 года сдал должность начальника РОВСа. Умер 28 мая 1967 года в Париже. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа. -

Ламсдорф Григорий П. (? - ?), граф, майор. После Гражданской войны в России проживал в эмиграции. Участник Гражданской войны в Испании на стороне генерала Франко. В годы Великой Отечественной войны участвовал в основании в 1942 году и деятельности антибольшевистской Русской Национальной Народной Армии. В дальнейшем служил в РОА, был начальником штаба полка в Вооруженных сил КОНР, присвоено звание майора.

Ларионов Виктор Александрович (1897 - 1990 ?), капитан Русской Армии и ВС КОНР. Родился 13 июля 1897 года в Санкт-Петербурге. Окончил 13-ю Петроградскую гимназию, в 1916 - 17 годах учился в гардемаринских классах и в Константиновском артиллерийском училище. С ноября 1917 года в Добровольческой армии, участник 1-го и 2-го Кубанского походов. Воевал в составе 1-й офицерской генерала Маркова батареи, в Марковской артиллерийской бригаде. Закончил войну в чине капитана. Эмиграцию начинал в Галлиполи, затем переехал в Болгарию. Член РОВСа и активный боевик в организации генерала Кутепова, член «Внутренней линии». Руководитель боевой группы, совершившей террористический акт в Ленинградском партклубе 7 июня 1927 года. В том же году по требованию советского правительства выслан из Финляндии. Проживал во Франции, принимал активное участие в подготовке террористов. Возглавлял парижский кружок «Белая идея», был сторонником активной боевой деятельности против СССР. В начале 1938 года объявлен французскими властями персоной нон грата за германофильскую деятельность. Переехал в Германию. В годы Второй мировой войны принимал активное участие в антисоветской деятельности. В 1941 - 44 годах активно сотрудничал с капитаном Фоссом и другими представителями абвера. С осени 1944 года служил офицером по особым поручениям в Управлении безопасности КОНР. После войны жил в Мюнхене (Германия) и вел активную антисоветскую деятельность.

Лебедев Олег Иванович (1892 - 1973), генерал-майор. Из казаков стан. Роговской Кубанской области. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Есаул 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны воевал в составе Добровольческой армии и ВСЮР в составе 1-го Екатеринодарского полка. В декабре 1918 года присвоено звание полковника. С марта 1919 года командир названного полка, затем начальник Алексеевского военного училища в Екатеринодаре. После эмиграции находился на острове Лемнос. Затем в качестве начальника названного училища вместе с ним переехал в Болгарию. Являлся также начальником гарнизона Семьена в Болгарии. Присвоено звание генерал-майора. В дальнейшем переехал во Францию. Член комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВС в феврале - марте 1935 года. Затем переехал в США. Являлся командиром «Русского гарнизона» № 297 в американской армии. Умер 14/15 ноября 1973 года в Нью-Йорке.

Левашов Анатолий Николаевич (? - 1960), полковник. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. После начала Гражданской войны - в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода. С 1919 года - капитан в батарее своей бригады в Сводно-гвардейском полку. Участник Бредовского похода. Затем находился в Югославии и вернулся в Крым. Служил в Русской Армии до эвакуации Крыма. С сентября 1920 года - полковник. Галлиполиец, командир 3-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Переехал в Болгарию, а затем - в Брюссель (Бельгия), где возглавлял группу 1-го армейского корпуса. Создатель и руководитель Русской Стрелковой Дружины имени генерала Врангеля в Брюсселе, при которой действовали и Военно-училищные курсы V отдела РОВСа. До 1939 года - председатель Общества Галлиполицев в Бельгии. Умер 13 июля 1960 года в Брюсселе.

Левитский В.М. (? - ?), публицист. С 20-х годов в эмиграции. Проживал во Франции. Активный участник антибольшевистского движения. Систематически публиковался в известных эмигрантских изданиях и прежде всего в газете «Возрождение». Тесно сотрудничал с Русским Обще-Воинским Союзом.

Ленин (настоящая фамилия - **Ульянов**) **Владимир Ильич** (1870 - 1924), советский государственный и политический деятель. Из дворян. Родился 10 апреля 1870 года в Симбирске, в семье деятеля народного просвещения. Окончил гимназию в Симбирске, учился на юридическом факультете Казанского университета и сдал экзамены экстерном за юрфак Петербургского университета. С юности принимал участие в революционном движении. Один из видных деятелей РСДРП, а затем лидер большевиков. С октября 1917 и до своей смерти председатель советского правительства - Совета народных комиссаров. Умер 21 января 1924 года в Москве.

Лехович Владимир Андреевич (1860 - 1941), генерал-лейтенант. Родился 31 марта 1860 года. Окончил Орловский Бахтинский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В 1880 году вышел в Лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1898 году окончил курс Офицерской артиллерийской школы и командовал 2-й батареей в 1-й Лейб-гвардии артиллерийской бригаде. Присвоено звание полковника. В 1906 году генерал-майор и командир 2-й Лейб-гвардии артиллерийской бригады. В 1909 году назначен помощником начальника Главного артиллерийского управления. В 1910 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта. Участник Первой мировой войны. В 1915 году являлся помощником начальника Главного артиллерийского управления по снабжению фронта. 22 февраля 1917 года назначен помощником военного министра, но Февральская революция помешала ему занять эту должность. 6 марта 1917 года назначен начальником Главного артиллерийского управления, которую занимал до ноября того же года, а затем уехал в Киев. С августа 1919 года состоял при Управлении ВСЮР по артиллерийскому снабжению. В феврале 1920 года уехал в Сербию, где проживал в Белграде и в эмиграции являлся председателем Общества артиллеристов. В 1924 году переехал в США, где стал начальником Общегвардейского объединения. С 31 марта 1925 года был назначен начальником II Североамериканского отдела РОВСа в Восточной Америке, Освобожден от этой должности по его ходатайству приказом генерала Кутепова от 8 апреля 1929 года в связи с планируемым отъездом в Европу. В начале 30-х годов переехал во Францию. Умер 7 июня 1941 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Ливен Анатолий Павлович (1873 - 1937), князь, полковник. Родился 16 ноября 1873 года в Санкт-Петербурге. Окончил гимназию, кадетский корпус, Санкт-Петербургский университет и Николаевское кавалерийское училище. Служил в Кавалергардском полку, но вышел в отставку в чине корнета. Участник Первой мировой войны, ротмистр Кавалергардского полка. В 1918 году стал участником организации добровольческих частей в Прибалтике. В январе

1919 года сформировал и возглавил «Либавский добровольческий стрелковый отряд», с августа 1919 года командующий Либавской добровольческой группой, соединившейся с Северо-Западной армией, затем начальник 5-й пехотной дивизией. В 1919 году произведен в полковники. После тяжелого ранения выехал в 1919 году за границу. В эмиграции жил во Франции и Латвии. Участник Рейхенгальского монархического съезда в 1921 году. В 1931 году возглавлял Общество взаимопомощи военнослужащих в Латвии. Умер 3 апреля 1937 года в Латвии.

Линицкий Леонид Леонидович (1900 - 1954), полковник советской разведки. Родился на Украине, в городе Ахтырке в семье командира сотни пограничной стражи. Окончил гимназию и в эмиграции медицинский факультет Белградского университета. В начале 1917 года добровольцем ушел на Первую мировую войну, унтер-офицер. В годы гражданской войны воевал с партизанами против немцев, служил в Красной армии. Готовился к разведывательной деятельности и заброске в тыл белых, но тяжело раненым попал в плен. Был эвакуирован в Турцию, затем жил в Югославии. В 30-е годы стал сотрудничать с ИНО ОГПУ, создал нелегальную резидентуру. В декабре 1935 года арестован сербской тайной полицией. Приговорен к 2 годам 8 месяцам каторги. Получил советское гражданство и после освобождения выехал в СССР. Работал в больнице, а в годы Великой Отечественной войны был возвращен на службу в разведку. После ее окончания работал с нелегальных позиций в Индии, а затем - в Китае и др. Скоропостижно умер от сердечной недостаточности при исполнении служебных обязанностей.

Литвинов Максим Максимович (настоящие ф.и.о. - **Финкельштейн/Валлах/ Моисей Моисеевич**) (1876 - 1951), советский государственный и политический деятель. Родился в Белостоке (Царство Польское) в купеческой семье. Член РСДРП с 1898 года. Агент газеты «Искра». Один из видных деятелей партии большевиков. После прихода большевиков к власти был назначен их представителем в Великобритании. В 1918 году арестован и обменян на арестованного большевиками в Москве британского дипломата Б. Локкарта. С 1918 года член коллегии наркомата по иностранным делам. В 1921 году - полпред в Эстонии. Заместитель, а с 1930 по 1939 год - нарком иностранных дел СССР. В 1941 - 43 годах - заместитель наркома и посол в США. В 1934 -41 годах - член ЦК ВКП(б), в 1937 - 50 годах - депутат Верховного Совета СССР. Погиб в автомобильной катастрофе, по одной из версий, подстроенной по заданию Сталина, в 1951 году.

Лодыженский Александр Александрович (1886 - 1976), политический и общественный деятель. Окончил училище правоведения. Офицер Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, чиновник Государственной канцелярии, начальник канцелярии по гражданскому управлению штаба Верховного Главнокомандующего в период Первой мировой войны. Осенью 1917 года - участник освобождения быховских узников - руководителей и видных участников Корниловского выступления (августа 1917 года). С 1917 года в Добровольческой армии. Член Особого Сопровождающего при Главнокомандующем ВСЮР, управляющий делами Южно-Русского правительства, а затем помощник управляющего до эвакуации Новороссийска. И.о. симферопольского губернатора в Русской Армии в 1920 году. В эмиграции проживал во Франции, работал шофером такси. Сотрудничал с РОВСОМ. Возглавлял Бюро при Лиге Обера в 30-е годы. Являлся членом правления «Русского Национального Союза Участников Войны», возглавляемого генералом Туркулом. С 1956 года был председателем «Представительства Русской Национальной эмиграции во Франции». Умер 4 августа 1976 года.

Локкер-Лампсон Оливер (? - ?), английский разведчик. Поддерживал связи с русскими эмигрантами.

Лоренц В. (? - ?), обергруппенфюрер СС. Один из организаторов и представитель германского правительства на Учредительном собрании русских антибольшевистских организаций в Праге в ноябре 1944 года.

Лохвицкий Николай Александрович (1868 - 1933), генерал-лейтенант. Из дворян Санкт-Петербурга. Родился 7 октября 1868 года в Москве в семье адвоката. Окончил Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Преподавал в Павловском военном училище. Первую мировую войну начал полковником, командиром 95-го Красноярского пехотного полка. В 1916 году во главе особой бригады отбыл из Владивостока во Францию. Командовал Русским экспедиционным корпусом здесь, получил чин генерал-лейтенанта. Во время Гражданской войны в России прибыл на Дальний Восток, получил от адмирала Колчака командование 1-й армией, а после его гибели уехал в Европу. С 1923 года жил во Франции, входил в Союз Легитимистов и возглавлял Парижскую группу Союза. Был председателем Совета по военным и морским делам при великом князе Кирилле Владимировиче. Служил в Военно-исторической комиссии военного министерства Франции. Умер в ночь на 5 ноября 1933 года в Париже. Похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Лукаш Иван Созонтович (1892 - 1940), русский писатель и журналист. Родился в Петербурге в семье отставного солдата. Окончил Петербургский университет. Журналист, автор ряда брошюр. В 1918 - 20 годах находился в составе Добровольческой армии в качестве старшего унтер-офицера из вольноопределяющихся, сотрудничал в ряде газет. После эвакуации из Крыма жил в Константинополе, на Галлиполи, а затем в Тырново, Софии, Вене, Праге, Берлине. Сотрудничал в эмигрантских газетах, автор ряда книг и сборников рассказов. Умер 15 мая 1940 года в Медоне, Франция.

Лукомский Александр Сергеевич (1868 - 1939), генерал-лейтенант. Из дворян. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Начал службу во 2-м саперном батальоне. После окончания академии в 1897 году продолжал службу старшим адъютантом штаба 112-й пехотной дивизии. В 1902 - 7 годах служил в той же должности в штабе Киевского военного округа. В 1907 году - полковник. Начальник штаба пехотной дивизии. В 1909 году исполнял обязанности начальника мобилизационного отдела Главного штаба. В 1910 году ему присвоено звание генерал-майора и он продолжал служить начальником мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. Провел мобилизацию в армию в 1914 году. В 1915 году являлся помощником военного министра. С апреля 1916 года - генерал-лейтенант и начальник 32-й пехотной дивизии, а с конца того же года - генерал-квартирмейстер Ставки и заместитель председателя Особого совещания по обороне государства. В 1917 году служил начальником штаба Верховного главнокомандующего при генерале Корнилове. После неудачи его выступления арестован и находился в Быховской тюрьме. Бежал на Дон и принял участие в организации Добровольческой армии. В декабре 1917 года назначен начальником штаба этой армии. С февраля 1918 года был представителем Добровольческой армии при Донском атамане, а затем направлен в командировку по ряду городов юга России для связи с офицерскими организациями. В августе 1918 года назначен заместителем председателя Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой армии, а с сентября того же года стал помощником главнокомандующего и начальником военного и морского управления при генерале Деникине. В сентябре - декабре 1919 года был председателем Особого совещания. С марта 1920 года являлся представителем генерала Врангеля в Константинополе. После ноября 1920 года находился в распоряжении главнокомандующего Русской Армией. В соответствии с распоряжением великого князя Николая Николаевича от 26 июня 1925 года все воинские союзы и организации Дальнего Востока и Америки были изъяты из ведения генерала Врангеля и переданы ему. Он именовался начальником управления Американских и Дальневосточных воинских союзов. После 1928 года находился в распоряжении председателя РОВСа. Умер в Париже 25 февраля 1939 года и похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Львов Георгий Евгеньевич (1861 - 1925), князь, политический и государственный деятель, крупный землевладелец. Родился 21 октября 1861 года в Дрездене. Окончил юридический факультет Московского университета. Председатель Тульской губернской земской управы и гласный ее в течение 17 лет. Участник земских съездов 1904 - 1905 годов. Был депутатом I Государственной Думы от конституционно-демократической партии, но вскоре ее покинул. Председатель и министр внутренних дел Временного правительства. После прихода к власти большевиков арестован в конце января 1918 года в Тюмени, привезен в Екатеринбург и три месяца содержался в тюрьме. С 1918 года - в эмиграции. Входил в состав «Русского политического совещания». Жил во Франции. Умер в марте 1925 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Львов Николай Николаевич (1867 - 1944), политический деятель. Родился 2 апреля 1867 года. Из дворян, крупный землевладелец. Окончил юридический факультет Московского университета. Один из создателей Конституционно-демократической партии, а затем один из основателей Партии мирного обновления. В 1912 году он был в числе основателей Партии прогрессистов. Депутат I - IV Государственных дум. В 1918 - 20 годах сотрудничал в белогвардейской прессе. В ноябре 1920 года эмигрировал из России. Член Русского Совета при генерале Врангеле в 1921 - 22 годах.

Льотич Димитри (? - 1945 ?), гражданин Сербии, адвокат по профессии. Возглавлял политическую партию (патриотическое движение) «Збор», тесно сотрудничал с белой русской эмиграцией в 30-е - 40-е годы. Сербский патриот и русофил. Входил в состав двух сербских правительств в период Второй мировой войны. В 1941 году занимался формированием сербского антикоммунистического корпуса. Погиб в самом конце Второй мировой войны при невыясненных обстоятельствах.

Людендорф Эрих (1865 - 1937), немецкий военный и политический деятель, генерал. Участник Первой мировой войны. С ноября 1914 года - начальник штаба Восточного фронта, с

1916 года - 1-й генерал-квартирмейстер верховного командования германской армии. Являясь помощником генерала П. Гинденбурга, фактически руководил военными действиями германских войск на Восточном фронте, а с августа 1916 года - действиями всех вооруженных сил Германии. В октябре 1918 года уволен в отставку, уехал в Швейцарию. После возвращения в Германию весной 1919 года стал одним из руководителей правого крыла политических сил страны. Казначей созданного в 1921 году политико-экономического общества «Ауфбау». Участник Капповского мятежа 1920 года и руководитель (вместе с А. Гитлером) фашистского путча 1923 года в Мюнхене. В 1924 - 28 годах являлся депутатом рейхстага от нацистской партии. В 1925 году выдвигался кандидатом в президенты Германии.

Маклаков Василий Алексеевич (1869 - 1957), политический деятель. Родился 10 мая 1869 года в Москве в семье врача, будущего профессора медицины. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, но исключен за неблагонадежность. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, а затем сдал экстерном экзамены за юрфак того же университета. Работал присяжным поверенным. Член ЦК партии кадетов и член II - IV Государственных дум. Возглавлял юридическое совещание при Временном правительстве в 1917 году. Член Предпарламента. Осенью 1917 года - посол Временного правительства во Франции. В 1919 году вошел в состав Русского политического совещания в Париже. В сентябре 1920 года посетил Крым и встретился с генералом Врангелем. С 1924 года являлся председателем Эмигрантского комитета во Франции. Умер 15 июля 1957 года в Бадене (Швейцария).

Максимов Анатолий Федорович (? - -), поручик. Представитель РОВСа во Франции в 90-е годы.

Малов Андрей Геннадьевич (1970 - -), капитан. Уроженец Воронежа. Окончил истфак Воронежского государственного университета. В 1992 году принимал участие в боевых действиях в Приднестровье. В 1993 - 95 годах - учитель истории в школе. С 1995 года - офицер-воспитатель Воронежского кадетского корпуса. Член РОВСа с 1998 года. В 90-е годы с созданием отдела РОВСа в России назначен представителем отдела в Воронеже. В составе группы членов РОВСа, принимавших участие в боевых действиях в 1990-е годы, зачислен председателем РОВСа в действительные члены Союза Дроздовцев в США. 1 января 2000 года приказом председателя РОВСа произведен в капитаны (по Дроздовской линии). В январе 2000 года назначен членом Совета старших чинов отдела РОВСа в России. С 2004 года - начальник отдела РОВСа в Москве и председатель Союза Дроздовцев.

Малышкин Василий Федорович (1896 - 1946), генерал-майор. Родился 26 декабря 1896 года на Марковском руднике под Юзовкой. Из служащих. Окончил Новочеркасскую гимназию, Чугуевское военное училище, Военную академию РККА. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны служил в Красной Армии с апреля 1918 года: командир роты, затем батальона, помощник командира полка, а в 1919 - 21 годах был командиром полка. После окончания академии в 1927 году был назначен начальником штаба 33-й стрелковой дивизии, затем начальником штаба Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава «Выстрел». В 1931 году - начальник сектора управлений военных учебных заведений. В 1933 - 35 годах - начальник пехотной школы в Киеве. В 1935 году - военный комиссар и командир 99-й стрелковой дивизии. В 1936 году назначен заместителем начальника штаба Забайкальского военного округа. В 1937 году - начальник штаба 57-го особого корпуса а Улан-Удэ. В августе 1938 года арестован как «враг народа», на следствии признался, но на суде отказался от своих показаний. Дело было отправлено на доследование, а в октябре 1939 года прекращено за отсутствием состава преступления. В дальнейшем - старший преподаватель Академии Генерального штаба и начальник штаба 19-й армии. В 1939 году присвоено звание комбрига, а в 1941 году - генерал-майора. Захвачен немцами в плен 24 октября 1941 года. Назвался рядовым Володиным, но был опознан. Находился в лагерях, вступил в сотрудничество с гитлеровцами. Стал ближайшим сотрудником генерала Власова. С ноября 1944 года - член президиума КОНР, начальник Главного организационного управления. Генерал-майор ВС КОНР. В феврале эвакуировался из Берлина в Карлсбад. В апреле 1945 года по поручению генерала Власова вступил в переговоры с американцами. Был арестован и в мае 1945 года заключен в лагерь Аугсбург. 25 марта 1946 года был передан в советскую оккупационную зону. В ночь на 1 августа 1946 года был повешен по приговору суда.

Малюшицкий (? - ?), прапорщик, инженер. В эмиграции проживал в Чехословакии. Работал инженером. Являлся членом РОВСа, а затем в годы Второй мировой войны - ОРВС. Выступал от имени ОРВС на Собрании русской эмиграции в Праге 6 июля 1941 года.

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867 - 1951), финляндский государственный и военный деятель. Родился 4 июня 1867 года в Лоухисаари в юго-западной части Финляндии в шведской семье. Окончил Гельсингфорстский университет и Николаевское кавалерийское училище. Служил в русской армии. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант, командир 6-го кавалерийского корпуса на Румынском фронте. В 1918 году - главнокомандующий белофинской армии, одержавшей победу в Гражданской войне в этой стране. В декабре 1918 - июле 1919 года являлся регентом Финляндии. С 1931 года - председатель совета государственной обороны страны. В 1933 году ему присвоено звание маршала. С 1939 года был главнокомандующим финской армией. Президент страны в 1944 - 46 годах. Умер в Лозанне (Швейцария) и похоронен в Хельсинки.

Мария Кирилловна (1907 - 1951), дочь великого князя Кирилла Владимировича и Виктории-Мелиты, герцогини Саксен-Кобургской (в дальнейшем великой княгини Виктории Федоровны), великая княгиня, принцесса Лейнингенская. После революции в России выехала с родителями в Финляндию, а затем в Швецию. В дальнейшем жила в эмиграции в Германии.

Мария Федоровна (урожденная **Мария София-Фредерика Дагмар**) (1847 - 1928), датская принцесса, жена императора Александра III, русская императрица. Родилась 26 ноября 1847 года в Копенгагене в семье датского короля Кристиана IX и королевы Дании Луизы. В 1864 году была помолвлена со старшим сыном императора Александра II великим князем Николаем Александровичем, а после его внезапной смерти в 1865 году стала женой его брата великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III. После присоединения к русской православной церкви получила имя Марии Федоровны. Глава ведомства учреждений императрицы Марии и Российского общества Красного Креста. После революции 1917 года жила в Крыму и выехала за границу в апреле 1919 года. Жила в Дании, Англии и снова Дании, в Видере, недалеко от Копенгагена. Умерла здесь 13 октября 1928 года и похоронена в городе Роскилле, в Роскильском соборе, усыпальнице датских королей.

Марков 2-й Николай Евгеньевич (1866 - 1945), политический деятель. Из дворян. Родился в Курске. Окончил Институт гражданских инженеров. В 1905 году в Курске был одним из основателей Партии народного порядка, слившейся с Союзом русского народа. Являлся членом его Главного совета, а затем его действующим председателем. Член III и IV Государственных дум, один из лидеров правых в них. В 1918 - 20 годах находился в армии генерала Юденича. Затем проживал в эмиграции. В 1921 - 27 годах был председателем Высшего монархического совета. Ориентировался на великого князя Кирилла Владимировича и Германию. Умер в 1945 году в Висбадене (Германия).

Марков Сергей Леонидович (1878 - 1918), генерал-лейтенант. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1915 году являлся начальником штаба 4-й стрелковой дивизии и командиром 13-го стрелкового полка; присвоено звание генерал-майора. В марте - июле 1917 года был начальником оперативного штаба Главнокомандующего Русской армией; присвоено звание генерал-лейтенанта. С августа 1917 года являлся начальником штаба Западного и Юго-Западного фронтов. Участник корниловского выступления. Арестован и содержался в Быховской тюрьме. Бежал из нее и с ноября 1917 года принимал активное участие в создании Добровольческой армии. С 24 декабря являлся начальником штаба командующего войсками этой армии. С января 1918 года назначен начальником штаба 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского похода. В дальнейшем занимал должности командира Сводно-офицерского полка, командира 1-й отдельной пехотной бригады, начальника 1-й пехотной дивизии. Убит 18 июня 1918 года у ст. Шаблиевка. Его именем был назван 1-й офицерский полк, а позднее - 2-я пехотная дивизия.

Мартель (де-Мартель) (? - ?), граф, французский политический деятель. Верховный комиссар Франции на Юге России в период Гражданской войны, участник подписания конвенции с генералом Врангелем в Крыму 13 ноября 1920 года об условиях эвакуации Русской Армии.

Марушевский Владимир Владимирович (1874 - 1951 или 1952), генерал-лейтенант. Родился 13 июля 1874 года в Петергофе. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил гимназию в Санкт-Петербурге, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Служил в гвардии, преподавал в Николаевской академии генштаба. В годы Первой мировой войны был начальником штаба 2-й финляндской стрелковой дивизии, командиром 7-го финляндского стрелкового полка и начальником 3-й особой русской бригады во Франции. После Февральской революции вернулся в Россию, был последним начальником Генерального штаба русской армии. После октября 1917 года

за отказ сотрудничать с новой властью был арестован и некоторое время содержался в «Крестах». После освобождения он выехал в Финляндию, а затем в Швецию. В ноябре 1918 года прибыл в Архангельск и до начала августа 1919 года являлся командующим войсками Северной области. В 1919 году ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. В августе того же года с особой миссией отбыл в страны Скандинавии и Финляндию. В дальнейшем жил в эмиграции. Находясь в 20-е годы в Венгрии, возглавлял организацию РОВСа здесь. Затем покинул эту страну. Умер в Загребе (Югославия).

Масленников Александр Михайлович (1858 - 1950), юрист, политический деятель. Получил юридическое образование, работал присяжным поверенным. Член III и IV Государственной Думы, прогрессист. После окончания Гражданской войны проживал в эмиграции. Член Высшего Монархического Совета в эмиграции, участник Зарубежного съезда от Германии. Умер 17 декабря 1950 года в Париже.

Маслов Сергей Семенович (1887 - не ранее мая 1945), политический деятель, публицист. Родился 1 ноября 1887 года в Нижнедевицке Воронежской губернии. Из мещан. Окончил 6-классное городское училище и среднее агрономическое училище в Харькове. Член партии эсеров с 1906 года. С 1914 года после окончания ссылки проживал в Вологде, стал одним из организаторов Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации. После Февральской революции стал одним из организаторов Вологодского временного губернского комитета, возглавлял губком партии эсеров. Был участником и членом президиума Всероссийского съезда крестьянских депутатов и выбран в состав его исполкома. Был избран председателем Вологодского губернского Совета крестьянских депутатов и губернского земельного комитета, редактором местной газеты эсеров «Вольный голос Севера». Член Учредительного собрания от Вологодской губернии. Член «Союза возрождения России» и по его заданию готовил в 1918 году подготовку антисоветских переворотов в Вологде и Архангельске. Член Верховного управления Северной области в Архангельске в августе-сентябре 1918 года. В сентябре того же года выехал из Архангельска в Сибирь. Но после колчаковского переворота в Омске был арестован, а затем вынужден был жить нелегально. Осенью 1919 года перешел линию фронта и вернулся в Советскую Россию. Сдался советским властям в Уфе, отправлен в Москву, но вскоре был освобожден. Работал в сельскохозяйственных учреждениях. В декабре 1920 года основал ячейку «Крестьянской России» из студентов и преподавателей Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а затем подобные организации появились вне Москвы. В конце 1921 года эмигрировал, создавал ячейки «Крестьянской России» среди эмигрантов. Жил в Праге. Вошел в состав эмигрантского Земгора. Был одним из учредителей Союза русских писателей и эмигрантов. В 1927 году «Крестьянская Россия» была преобразована в партию «Крестьянская Россия - трудовая крестьянская партия», а он стал ее генеральным секретарем. Активно публиковался, сотрудничал в ряде эмигрантских изданий, выступал с докладами. В годы Второй мировой войны занимал оборонческую позицию, призывал эмиграцию к защите СССР. После занятия Праги был арестован СМЕРШ и расстрелян.

Матушевский (? - ?), полковник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на стороне белых. Проживал в эмиграции в Болгарии. Руководитель группы Дроздовского полка в этой стране.

Махин Федор Евдокимович (? - ?), полковник. Выходец из оренбургских казаков. Окончил военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, подполковник. Эсер. После революции принимал участие в строительстве Красной Армии. Летом 1918 года командовал 2-й армией красных, но перешел на сторону их противников. С июля 1918 года - в Народной Армии Комуча: командующий ее частями Хвалынского района, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, командующий Южной группой этой армии, с октября по декабрь 1918 года - начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии, командующий Актюбинской группы Оренбургской армии. С декабря 1918 года находился в командировке за границей. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции в Югославии.

Махров Петр Семенович (1876 - 1964), генерал-лейтенант. Родился 1 сентября в Тамбове. Из дворян. Окончил Минскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны. В 1917 году являлся генерал-квартирмейстером 1-й армии, а с августа по ноябрь 1917 года служил начальником штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта. Ему присвоено звание генерал-майора. После прихода к власти большевиков покинул армию. В 1918 году служил в армии гетмана Скоропадского. С октября 1918 года являлся членом Военно-исторической комиссии по сбору документов Великой войны по Юго-Западному и Румын-

скому фронтам. С февраля по апрель 1919 года был начальником военных сообщений в Крымско-Азовской армии. Затем находился в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. В августе - сентябре 1919 года служил начальником военных сообщений Кавказской Добровольческой армии, затем являлся генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего ВСЮР. С марта по май - начальник штаба главнокомандующего ВСЮР и Русской Армией. С июня 1920 года назначен представителем главнокомандующего при польском правительстве, присвоено звание генерал-лейтенанта. Назначен командующим 2-й формирующейся армией в составе Русской Армии на базе интернированных войск генерала Бредова и частей Булак-Балаховича. Находился в Польше до декабря 1924 года. После образования РОВСа назначен начальником его III отдела, а после его реорганизации - начальником Польско-Прибалтийского отдела. С 1 сентября 1925 года был освобожден великим князем Николаем Николаевичем от этой должности. В 1925 году переехал на жительство во Францию. В начале 1930-х годов конфликтовал с руководством РОВСа. После нападения Германии на СССР обратился 23 июня 1941 года к советскому послу во Франции с просьбой об отправке его в Советский Союз и зачислении в армию хотя бы рядовым. Арестован французскими властями и заключен в тюрьму в Ницце, а затем в лагерь в Вернэ. Освобожден в декабре 1941 года по ходатайству генерала Нисселя, но был лишен статуса эмигранта (русского беженца), восстановления которого добился только в конце 40-х годов. Умер 29 февраля 1964 года в каннах и похоронен на местном кладбище.

Мацылев Сергей Александрович (1893 - 1954), полковник. Окончил 2-й кадетский корпус и Александровское военное училище. В 1913 году вышел в 1-й саперный батальон. Участник Первой мировой войны. Капитан, командир батальона. С 1918 года в Добровольческой армии. Служил в Партизанском, преобразованном затем в Алексеевский, пехотном полку до ноября 1920 года. Полковник. В эмиграции находился на Галлиполи, затем проживал в Болгарии и во Франции - в Париже. Был председателем объединения Алексеевского полка. С 1929 года являлся сотрудником журнала «Часовой», заведовал его парижской конторой. В 1931 году был управляющим делами Высших военно-технических курсов в Париже. С 1934 года являлся помощником начальника военной канцелярии РОВСа. В марте - апреле 1935 года являлся членом комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа. После похищения генерала Миллера участвовал в розыске генерала Скоблина. Был помощником начальника канцелярии, а с конца 30-х годов начальником канцелярии I отдела РОВСа. Освобожден от этой должности 5 августа 1941 года. После Второй мировой войны был начальником I отдела РОВСа. Скончался 8 ноября 1954 года в Париже и похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Мейндорф фон Елена Петровна (урожденная **Врангель**) (? - ?), дочь генерала Врангеля. После прихода большевиков к власти жила в эмиграции.

Мейснер (Мейсснер) Отто (1880 - 1953), немецкий политический деятель. Родился 13 марта 1853 года в г. Бишвиллере (Эльзас). Поступив в молодости на государственную службу, в течение более 20 лет проработал в должности начальника рейхсканцелярии, сначала при президенте фон Гинденбурге (1924 - 1934), а затем при Гитлере (1934 - 1945). Используя свое влияние в правительственных кругах, вместе с сыном президента Гинденбурга Оскаром оказал влияние на престарелого президента, убедив его провозгласить Гитлера канцлером. В благодарность Гитлер сохранил за ним пост статс-секретаря рейхсканцелярии. В 1937 году назначен рейхсминистром. 11 апреля 1949 года предстал перед военным трибуналом в Нюрнберге, но был оправдан. Умер в Мюнхене 27 мая 1953 года.

Меллер-Закомельский Александр Владимирович (? - 1977), барон, офицер и политический деятель. Сын крупного помещика. Учился в Александровском лицее, окончил Пажеский корпус. Корнет Лейб-гвардии Конного полка. С весны 1919 года воевал в рядах Добровольческой армии: в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской, в начале 1920 года в пулеметной команде в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штаб ротмистр. Жил в эмиграции во Франции и в Германии, В 1930-е годы один из лидеров эмигрантского фашистского движения в этой стране. В 1933 году главный идеолог РНД, редактор его газеты «Пробуждение России». Затем являлся одним из руководителей профашистского «Русского Национал-Социалистического Союза». Умер 5 мая 1977 года в Барселоне (Испания).

Мельгунов Сергей Петрович (1879 - 1956), историк, публицист, редактор, издатель, политический деятель. Родился 25 декабря 1879 года в Москве в семье преподавателя истории Николаевского института. Из дворян. Окончил гимназию и историко-филологический факультет Московского университета. Сотрудничал в ряде журналов. Преподавал русскую историю в средних учебных заведениях. Член народно-социалистической партии с 1907 года. С 1911 года глава кооперативного издательства «Задруга» в Москве. В 1913 - 22 годах был редактором

журнала «Голос минувшего». После прихода большевиков к власти был членом московского комитета по защите Учредительного собрания. В 1918 - 19 годах член «Союза возрождения России», а в 1919-20 годах - «Тактического центра». Неоднократно арестовывался. В 1920 году по делу «Тактического центра» был приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет заключения. В 1922 году выслан из страны. Проживал в Берлине, а затем в Париже. Издавал сборник «На чужой стороне» и журнал «Голос минувшего на чужой стороне». Являлся членом редколлегии еженедельника «Борьба за Россию». Автор ряда книг. Умер 26 мая 1956 года в Шампани-Сюр-Марн, близ Парижа.

Мельницкий Дмитрий Петрович (1883 - ?), генерал-майор. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, подполковник. В годы Гражданской войны воевал в Донской армии: инспектор артиллерии 6-й Донской казачьей дивизии, с весны 1920 года в резерве Донской артиллерии, в апреле - октябре 1920 года был прикомандирован к штабу Войска Донского. После эмиграции находился на Галлиполи. С сентября 1922 года проживал в Болгарии, а осенью 1925 года в составе Алексеевского артдивизиона переехал во Францию. Генерал-майор. В 1931 году возглавлял группу РОВСа в Лионе. В феврале 1932 года был исключен из РОВСа за необоснованные обвинения и распространение слухов, порочащих начальника I отдела Союза генерала Шатилова. Продолжал критику в адрес руководство РОВСа и генерала Шатилова и в дальнейшем. Последний вызвал Мельницкого на дуэль, которую в конце концов удалось отменить после письменного извинения генерала Мельницкого в журнале «Часовой» в 1933 году.

Мельский А. (? - ?), русский эмигрант, проживал в Германии, член РОНД В период войны СССР с Финляндией выезжал в эту страну для борьбы с большевиками.

Менделеев П.И. (? - ?), общественный и политический деятель. Проживал в эмиграции во Франции. Состоял в Союзе дворян.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874 - 1934), советский политический деятель. Родился 19 августа 1874 года в дворянской семье. Окончил гимназию в Санкт-Петербурге и юридический факультет Петербургского университета. Работал присяжным поверенным. В 1902 году примкнул к социал-демократическому движению, стал большевиком. В первую русскую революцию был арестован и находился в тюрьме. В 1907 году выехал в эмиграцию. Вернулся в Россию в июле 1917 года и был включен в состав Бюро военной организации при РСДРП (б). После Октябрьской революции являлся комиссаром Петроградского ВРК в Госбанке, а затем заместителем наркома финансов. После переезда правительства в Москву остался в Петрограде в качестве члена президиума Петросовета и члена коллегии комиссариата юстиции Петроградской Трудовой Коммуны. В апреле 1918 года направлен генеральным консулом в Берлин, но вскоре выслан оттуда. Являлся заместителем наркома на Украине. С осени 1919 года работал в ВЧК. В 1920 году возглавил Особый отдел ВЧК. В сентябре 1923 года стал заместителем председателя ГПУ. 30 июля 1926 года, после смерти Дзержинского был назначен председателем ОГПУ и занимал его до своей смерти 10 мая 1934 года.

Мержанов Борис Анатольевич (? - 1962), полковник. Из казаков Великого Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Московское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, капитан. В 1918 году в гетманской армии, сотник, помощник начальника части в чине войскового старшины. С ноября 1919 года во ВСЮР: начальник штаба 6-й Донской пластунской бригады, подполковник; с марта 1920 года в резерве чинов Генштаба при штабе Донского корпуса до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции проживал в Югославии, был председателем суда чести IV отдела РОВСа. В годы Второй мировой войны был адъютантом 2-го полка в Русском охранном корпусе в Югославии в чине гауптмана, а с января 1942 года являлся командиром этого полка в чине оберсера. После Второй мировой войны переехал в США. Умер 15 июля 1962 года в Нью-Йорке.

Мессинг Станислав Адамович (1890 - 1937), чекист. Родился в Варшаве, в семье музыканта и акушерки. Гимназию не окончил и начал трудовую деятельность в типографии. В 1907 году вступил в социал-демократическую партию Польши и Литвы. Принимал участие в революционном движении, дважды арестовывался. Участник Первой мировой войны на Кавказском фронте. В 1917 году являлся членом полкового солдатского комитета. Участник Октябрьской революции в Москве. С 1918 года на чекистской работе. С июня 1920 года - заместитель председателя, а с января 1921 года - председатель Московской ЧК. В том же году назначен председателем Петроградской ЧК и полпредом ВЧК по Петроградской губернии. 1922 год - член коллегии ГПУ. В 1929 - 31 годах - начальник Иностранного отдела ОГПУ и второй заместитель председателя ОГПУ. В 1931 году снят с этой должности и переведен на работу в нарком-

мат внешней торговли. Затем занимал различные партийные и государственные должности. 15 июня 1937 года арестован, а 2 сентября того же года судим, приговорен к высшей мере и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 6 сентября 1956 года.

Мещерский (парижский) (? - ?), князь. После Гражданской войны в России эмигрировал из страны. Жил в Европе. Осенью 1941 года стал одним из участников формирования и членом русского отряда (роты) сражавшихся против советских войск в составе войск 9-й армии вермахта осенью 1941 года.

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867 - 1939), генерал-лейтенант. Родился 25 сентября 1867 года в городе Двинске в старинной дворянской немецкой семье лютеранского происхождения. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании училища был направлен в Лейб-гвардии гусарский Его Величества полк. По окончании в 1892 году академии служил в Финляндском военном округе и был переведен в Генеральный штаб. Около десяти лет был русским военным агентом в ряде европейских стран. В 1901 году произведен в чин полковника. В 1907-1909 годах командовал 7-м гусарским Белорусским полком. Затем несколько месяцев исполнял обязанности командира 7-й кавалерийской дивизии. В 1909 году был произведен в генерал-майоры. В это время он занимал должность обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. В 1910 - 12 годах являлся начальником Николаевского кавалерийского училища. С началом Первой мировой войны был назначен начальником штаба 5-й армии. В 1915 году был произведен в генерал-лейтенанты. 28 декабря 1916 года вступил в командование 26-м армейским корпусом. 7 апреля 1917 года в ходе стычки с солдатами был ранен, арестован ими и под конвоем отправлен в Петроград. Был зачислен в резерв чинов Петроградского военного округа, а осенью 1917 года направлен представителем Ставки при Итальянском Главном командовании. Летом 1918 года был вызван в Париж российским послом Маклаковым для руководства реформированием русских войск, находящихся во Франции и Македонии. Составил докладную записку о решении этой задачи, но непосредственно к выполнению этих обязанностей так и не приступил. В январе 1919 года прибыл в Архангельск, где получил назначение на должность генерал-губернатора Северной области с предоставлением в отношении русских войск области прав командующего отдельной армии и стал членом правительства, управляющим отделом иностранных дел. Решением правительства Северной области 30 мая 1919 года ему была выражена глубокая благодарность и признательность «за воссоздание русской армии, управление генерал-губернаторством и отделом иностранных дел», и он был произведен в генералы от кавалерии. Но, очевидно, считал это решение несоответствующим всем канонам производства в чины и, находясь в эмиграции, именовал себя генерал-лейтенантом. 10 июня 1919 года приказом Верховного правителя адмирала Колчака был назначен главнокомандующим Северным фронтом. Летом 1919 года стал заместителем председателя Временного правительства Северной области, а фактически возглавлял (в связи с пребыванием его председателя Н.В. Чайковского в Париже) это правительство до его падения в феврале 1920 года. 19 февраля 1920 года на ледоколе «Козьма Минин» покинул Архангельск и в конце февраля прибыл в Норвегию. Здесь принял на себя власть Северного правительства и учредил Временный комитет по делам беженцев в Норвегии и Финляндии. Летом 1920 года отбыл в Париж, где был назначен главноуполномоченным генерала Врангеля, а в 1922 году возглавил его штаб. В феврале 1924 года был освобожден от обязанностей начальника штаба генерала Врангеля, и ему было поручено представлять Русскую Армию в Парижском Политическом совещании в качестве помощника главнокомандующего. Осенью 1924 года был освобожден от обязанностей помощника главнокомандующего и перешел полностью на работу под руководством великого князя Николая Николаевича, заведовал финансовой частью. После смерти великого князя генерал Миллер исполнял те же обязанности и при генерале Кутепове, а в 1929 году занял и должность старшего помощника (заместителя) председателя РОВСа. После похищения Кутепова в январе 1930 года стал председателем Союза. Похищен агентами советских спецслужб в Париже 22 сентября 1937 года, доставлен на пароходе в Ленинград, а оттуда - в Москву. Содержался в качестве секретного узника под фамилией Иванов в тюрьме на Лубянке. 11 мая 1939 года приговорен к расстрелу и в этот же день приговор был приведен в исполнение.

Миллер (урожденная **Шипова**) **Наталья Николаевна** (1870 - 1945), жена генерала Е.Е. Миллера. Дочь генерал-адъютанта Н. Шипова, фрейлина императрицы. После 1917 года жила в эмиграции. Умерла 10 мая 1945 года и похоронена на Сен-Женевьев де Буа.

Миллер Николай Евгеньевич (1900 - 1967 года), сын генерала Е.К. Миллера. После Гражданской войны жил в эмиграции. В начале Великой Отечественной войны арестовывался

немцами, но был освобожден по настоянию эмигрантских организаций. Умер 22 апреля 1967 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Миллер Софья Евгеньевна (1898 - 1946), дочь генерала Е.К. Миллера. После революции 1917 года жила в эмиграции во Франции. Умерла 12 апреля 1946 года и похоронена на Сен-Женевьев де Буа.

Миллюков Павел Николаевич (1859 - 1943), историк, политический деятель. Родился 15 января 1859 года в Москве в семье городского архитектора, инспектора художественных училищ, профессора Московской школы ваяния и зодчества. Окончил 1-ю московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета. Оставлен на его кафедре русской истории, с 1886 года приват-доцент. В 1892 году защитил степень магистра русской истории. В 1895 году уволен из университета с запрещением преподавания и выслан в Рязань. В дальнейшем выезжал за рубеж и читал лекции в Болгарии и США. Один из лидеров созданной в 1905 году конституционно-демократической партии (партии народной свободы). Депутат III и IV Государственной Думы и лидер кадетской фракции и них. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. Приход большевиков к власти встретил враждебно. Депутат Учредительного Собрания. Выехал на Дон, где создавалась Добровольческая армия; автор ее Декларации. Затем переехал в Киев, где вступил в контакт с немецким командованием, за что был осужден ЦК партии кадетов и сложил с себя обязанности председателя ЦК этой партии. Приветствовал интервенцию стран Антанты. С конца 1918 года за границей: в Румынии, Париже, Лондоне. С 1920 года жил в Париже, являлся главным редактором газеты «Последние Новости». В 1922 году во время его выступления в Берлине на него было совершено покушение монархистами и был убит В.Д. Набоков, бросившийся защищать его. Автор ряда книг и статей по истории русской революции. Умер во французском городе Экс-ле-Бене 31 марта 1943 года; позже его прах был перезахоронен в семейном склепе в Париже.

Мионов (? - ?), старший лейтенант, начальник Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД на Лубянке в 1939 году, когда здесь содержался генерал Миллер. 11 мая 1939 года в его присутствии труп генерала был сожжен в крематории.

Михайлов Иван Андрианович (? - 1946), политический деятель. В годы Гражданской войны в России - министр финансов в Омском правительстве адмирала Колчака. После окончания Гражданской войны проживал в эмиграции в Маньчжурии, вел антисоветскую деятельность, сотрудничал с японцами. После поражения Японии арестован в Маньчжурии. Судим в Москве в августе 1946 года и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 августа 1946 года.

Михайлов М.А. (около 1887 - 1936), полковник. Родился во Владимирской губернии. Окончил Одесское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, служил в штабе Юго-Западного фронта. В годы Гражданской войны воевал на Восточном фронте белых под командованием генерала Каппеля. Начальник штаба 2-го Уфимского стрелкового корпуса. Участник Сибирского (Ледяного) похода. Участвовал в образовании Временного Приморского правительства Меркулова, затем - председатель русско-японской согласительной комиссии во Владивостоке. С 20-х годов жил в эмиграции в Китае. Являлся начальником штаба группы русских войск в Шаньдуне. Скончался в германо-американском госпитале в Тяньцзине 7 июля 1936 года.

Михайлов Н. (? - 1938), студент, секретарь И.Л. Солоневича. Погиб во время покушения на Солоневича в Софии, в помещении газеты «Голос России» 3 февраля 1938 года.

Михайлович Дражи (1893 - 1945), лидер сербских националистов. Сербский генерал в 1942 году. В 1941 - 45 гг. - глава формирований четников. В 1942 - 45 гг. - военный министр Югославского эмигрантского правительства. Казнен по приговору Народного суда Федеративной Народной Республики Югославия как военный преступник.

Михеев Ярополк Леонидович (1930 - -), инженер, есаул. Родился 29 апреля 1930 года в городе Косовска Митровица (провинция Косово, Югославия) в военной семье. Потомственный казак станицы Клетской Усть-Медвецкого округа Области Войска Донского. Окончил 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус в Югославии, городской колледж Нью-Йорка и Технологический институт в Торонто (Канада), а также ряд военных курсов, в том числе офицерские курсы Национальной Гвардии. Член Общества американских военных инженеров. Работал инженером, участвовал в проектировании объектов в штате Флорида для американской космической программы. Вел активную работу в Организации Российских Юных разведчиков. Как потомственный Лемносец состоит в Обществе Галлиполийцев в США. С 1987 и в 90-е годы был вице-председателем и казначеем Общества Галлиполийцев в США, а затем председателем этого Общества. Являлся секретарем Донского Войскового Сове-

та в Зарубежье, скаутмастером ОРИОР. С января 2000 года он - подьесаул и ввиду продолжительной болезни штабс-капитана Браунса назначен секретарем и казначеем РОВСа. В 2000 году произведен в звание есаула, а в декабре 2000 года в связи с исключением Браунса из РОВСа назначен секретарем и казначеем РОВСа на постоянной основе. Член Совета старших чинов РОВСа при председателе Союза. Член редколлегии журнала «Вестник РОВС». В декабре 2003 года был избран Атаманом Всевеликого Войска Донского за Рубежом. В феврале 2004 года назначен почетным председателем РОВСа.

Модрах Владимир Карлович (? - ?), полковник, руководитель «Комитета взаимопомощи русских эмигрантов», учрежденного приказом главнокомандующего германскими вооруженными силами во Франции от 9 апреля 1941 года. После начала Великой Отечественной войны этот орган и его руководитель работали совместно с управляющим делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребковым. По сообщению последнего от 22 ноября 1941 года, Модрах покидал Комитет и направлялся в Россию.

Мономахов (? - 1928), офицер. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции. Член Боевой организации генерала Кутепова в 20-е годы. Участник теракта в Ленинградском партклубе в 1927 году и в бюро пропусков ОГПУ в Москве в июле 1928 года. По одним данным, погиб при преследовании чекистами, по другим - пропал без вести.

Мурузов (? - ?), один из руководителей румынских спецслужб в 30-е годы.

Мусин-Пушкин Н.В. (? - ?), граф, член Русского Совета при генерале Врангеле в 1921 - 22 годах.

Муссолини Бенито (1883 - 1945), итальянский политический деятель. Политическую деятельность начинал в рядах социалистической партии, из которой был исключен в 1914 году. В 1919 году основал фашистскую партию. Захватил власть в Италии в 1922 году и установил фашистскую диктатуру. Фашистский диктатор Италии в 1922 - 43 годах. В 1945 году захвачен итальянскими партизанами и по приговору военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии казнен.

Мутэ (? - ?), французский политический деятель, министр колоний Франции в 1937 году.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869 - 1922), политический деятель. Родился 21 июля 1869 года в Петербурге в семье министра юстиции. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1894 - 99 годах находился на службе в Государственной канцелярии при Госсовете, камер-юнкер. Одновременно с 1895 года профессор в училище правоведения. Секретарь Санкт-Петербургского юридического общества при университете. Автор учебника и статей по уголовному праву. В 1904 году за свои либеральные политические убеждения и действия лишен звания камер-юнкера. Член ЦК кадетской партии с ее основания в 1905 году. Член I Государственной думы. В годы Первой мировой войны - офицер ополчения и делопроизводитель в Главном штабе в Петрограде. После Февральской революции являлся членом комиссии по выработке закона об Учредительном собрании и др. С ноября 1918 года - министр юстиции Крымского краевого правительства. С 1920 года находился в эмиграции. Погиб 28 марта 1922 года в Берлине, бросившись на террориста, покушавшегося на П.Н. Миллюкова.

Наголии (Наголян) Г. (? - ?), полковник. С 1938 года - майор, помощник командира «Русского отряда Асано» в Маньчжурии при японском советнике и фактическом командире этого формирования полковнике Квантунской армии Асано Такаси. В годы Второй мировой войны - полковник и командир «Российских военных отрядов армии Маньчжоу-Го».

Шумейко Вячеслав Григорьевич (1883 - 1979), генерал-майор. Родился 25 февраля 1883 года. Из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 года - начальник полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского похода. Летом 1918 года - командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска. В сентябре 1918 года - полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии. С декабря 1918 года - генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с января 1919 года зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Казачьего войска. В 1919 году - командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 года - командир конной группы, генерал-лейтенант. После окончания Гражданской войны находился в эмиграции. Кубанский войсковой атаман. В годы Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей на германской службе, временно исполнял обязанности начальника Главного управления казачьих войск. В апреле

1945 года - член Совета казачьих войск. После 1945 года переехал в США. Умер 30 октября 1979 года в Нью-Йорке.

Невоводский Николай Дмитриевич (1878 - 1939), генерал-лейтенант. Из дворян, сын генерала. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. В 1915 году произведен в полковники; командир артдивизиона 15-й артиллерийской бригады. В мае 1917 года генерал-майор и командующий 64-й артиллерийской бригадой. В конце 1917 года командир артиллерии 12-го армейского корпуса. В феврале 1918 года покинул службу и вступил рядовым в 1-ю отдельную бригаду русских добровольцев полковника Дроздовского, но вскоре стал начальником артиллерии бригады. Принял участие в походе от Ясс до Новочеркасска и присоединился к Добровольческой армии. 31 мая 1918 года назначен инспектором ее артиллерии. С января 1919 года инспектор артиллерии Крымско-Азовской Добровольческой армии. В феврале того же года произведен в генерал-лейтенанты. С июня 1919 года инспектор артиллерии Северного Кавказа. С октября 1919 по январь 1920 года начальник гарнизона Кисловодска в всего Минераловодского района. После поражения белых эмигрировал из России. В феврале 1924 года назначен Врангелем одним из руководителей работы по объединению офицерских союзов и обществ на Балканах. До 1 сентября 1924 года руководил офицерскими союзами и обществами в Греции, входившими в состав Русской Армии. Затем переехал во Францию и жил в Париже. Возглавлял созданный в 1932 году «Союз Добровольцев» и являлся издателем основанной генералом Деникиным газеты «Доброволец». Погиб под колесами грузовика в Кенси под Парижем в октябре 1939 года. Похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Неженцев Митрофан Осипович (1886 - 1918), полковник. Сын коллежского асессора. Окончил Александровскую гимназию, Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании последней причислен к генштабу, капитан. Участник Первой мировой войны. Был начальником разведывательного отделения штаба 8-й армии. В мае 1917 года приступил к формированию Добровольческого ударного отряда. 1 августа того же года сформированный им Добровольческий ударный полк прибыл в Ставку после успешных боев на Юго-Западном фронте. Подполковник. Участник боев в Киеве в октябре 1917 года. В ноябре - декабре 1917 года части его полка совершили марш в Новочеркасск, и он становится командиром Корниловского ударного полка. Полковник. Участник 1-го Кубанского похода. Убит 30 марта 1918 года под Екатеринодаром.

Нечаев Константин Петрович (? - после 1945), генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны, полковник. Участник Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта: в 1918 году - командир кавалерийского отряда; командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной Армии, затем в Казанском (бывшем Каргопольском) драгунском полку; с начала 1919 года - генерал-майор, командир кавалерийской бригады 3-го корпуса (Отдельная Волжская кавалерийская бригада), участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 года - начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, а с сентября - начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семёнова дивизии. Генерал-лейтенант. Жил в эмиграции в Китае. В 20-е годы - командир Русского отряда и командир 65-й дивизией, военный советник китайского маршала Чжан Цзо-лина. После гибели последнего русские части генерала Нечаева расформированы. До 1945 года он проживал в Дайрене. После начала боевых действий СССР против Японии в Маньчжурии бежал в Тяньцзинь, попал в плен к американским войскам, Был передан советской стороне, доставлен в СССР, судим и казнен в читинской тюрьме.

Никитин Александр Львович (1956 - 2005), поручик РОВСа. Потомственный петербуржец. Окончил истфак ЛГУ. Состоял ученым хранителем и научным сотрудником в Артиллерийском и Суворовском военно-исторических музеях Санкт-Петербурга. Затем работал техником геологической партии на Урале, служил псаломщиком в церкви, был помощником адвоката и частной юридической фирме. Член РОВСа с 1992 года. В 2000 году назначен представителем отдела РОВСа в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии и произведен по РОВСу в чин поручика. В январе 2000 года вошел в состав Совета старших чинов отдела РОВСа в России. Член редколлегии журнала «Вестник РОВС». Умер 11 января 2005 года и похоронен на городском кладбище Петродворца.

Николаев Василий Васильевич (1872 - 1935), полковник. Родился 3 декабря 1872 года. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Участник Первой мировой войны, полковник 21-го пехотного полка. В годы Гражданской войны служил в Вооруженных Силах Юга России. С декабря 1919 года являлся начальником хозяйственной части Константиновского военного училища. На той же должности служил в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции жил в Болгарии, а затем в США. С 31 марта 1929 года возглавлял 2-й Се-

веро-Американский отдел РОВСа Являлся председателем Общества Галлиполийцев в США. Умер 28 мая 1935 года в Нью-Йорке.

Николай Николаевич (старший) (1831 - 1891), великий князь, генерал-фельдмаршал. Третий сын императора Николая I. Получив военное образование, службу начал в Лейб-гвардии Конном полку. С 1852 года командовал бригадой гвардейской кавалерии. Участник Крымской войны, генерал-майор. С 1855 года - член Госсовета. С 1856 по 1864 годы - командир гвардейской Кавказской дивизии, гвардейским Резервным Кавказским корпусом, Отдельным гвардейским корпусом. 1864 - 1880 годы - командующий войсками гвардии Санкт-Петербургского военного округа. В 1864 - 91 годах - генерал-инспектор по инженерной части и генерал-инспектор артиллерии. Командующий армией в русско-турецкой войне 1877 - 78 годов, произведен в чин генерал-фельдмаршала.

Николай Николаевич (младший) (1856 - 1929), великий князь, двоюродный дядя последнего царя Николая II, генерал-адъютант. Окончил Николаевское военно-инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В Русско-турецкую войну 1877 - 78 годов находился в штабе своего отца, главнокомандующего Русской армией. Позднее - командир полка гвардейских гусар. В 1895 - 1905 годах - генерал-инспектор кавалерии. В 1905 - 8 годах - председатель национального совета обороны, а затем по 1914 год - командующий войсками гвардии и Петроградского военного округа. С начала Первой мировой войны и до августа 1915 года был верховным главнокомандующим русскими войсками. В дальнейшем - наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом. 2 марта 1917 года назначен Николаем II главнокомандующим, но 9 марта отстранен от этой должности Временным правительством. В марте 1919 года эмигрировал из Крыма в Италию, а затем жил в эмиграции во Франции. 16 ноября 1924 года принял на себя, через главнокомандующего, руководство Армией и всеми военными организациями. Умер 5 января 1929 года в г.Антиб (Франция) и похоронен 8 января в Каннах.

Никольский Владимир Павлович (1873 - до 1960), генерал-майор. Родился 14 августа 1873 года. Окончил Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. В дальнейшем перешел на службу в Корпус жандармов и дослужился до генерал-майора, начальника штаба Корпуса жандармов в 1913 - 16 годах. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции проживал в Болгарии. В мае 1921 года входил в ближайшее окружение генерала Врангеля. В эмиграции проживал в Болгарии, в 1938 году жил в Софии. Умер до 1960 года.

Ниссель Анри Альберт (1866 - 1955), французский генерал. Окончил Высшую военную школу Сен-Сир. Служил в Алжире, Марокко. Участник боев Первой мировой войны во Франции. В 1917 - начале 1918 года - военный атташе Франции в России, начальник военной миссии Франции здесь. По возвращении во Францию командовал корпусом. Затем находился на различных командных, а потом дипломатических постах в Прибалтике, Алжире, Польше. Член Высшего военного совета Франции. В 1931 году вышел в отставку.

Новиков (? - ?), генерал. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В начале 20-х годов жил в эмиграции в Германии.

Новицкий Владимир (? - 1941), русский эмигрант, вольноопределяющийся, член Восточного отдела ОРВС. В 1941 году был направлен переводчиком на Восточный фронт и погиб 10 августа 1941 года под Рославлем. 27 сентября 1941 года последовал специальный приказ по ОРВС № 48 начальника ОРВС генерала фон Лампе, уведомлявший о его смерти как «первой жертве Объединения в возобновившейся борьбе против коммунистов».

Носанов (? - ?), боевик РОВСа. Прошел подготовку в организации «Белая идея», забрасывался на советскую территорию, а затем руководил подготовкой молодых боевиков этой организации в 30-е годы.

Обер Теодор (? - ?), швейцарский адвокат и политический деятель. Выступал защитником на судебном процессе убийц советского дипломата Воровского в Лозанне в 1923 году Конради и Полунина, добился их оправдания и превратил судебный процесс в процесс по обвинению советской власти. Летом 1924 года по его инициативе была создана Лига по борьбе в III Интернационалом (Лига Обера), которая сотрудничала с РОВСом.

Оболенский Николай Леонидович (1878 - 1960), князь, политический деятель. Родился 7 июля 1878 года. После Гражданской войны в России проживал в эмиграции во Франции. В 20-е годы был начальником канцелярии великого князя Николая Николаевича. Умер 11 марта 1960 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Огурцов Игорь Вячеславович (1937 - -), общественный и политический деятель. Родился 22 августа 1937 года в Сталинграде в семье кораблестроителя. Окончил ЛГУ. Востоковед по образованию. В 1964 году основал в Ленинграде подпольную антисоветскую организацию - Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХОН). В 1967 году арестован КГБ и осужден на 15 лет заключения и 5 лет ссылки. В 1987 году был освобожден и эмигрировал в Германию. Действительный член Парижской секции Пен-клуба. В 1992 году вернулся в Россию. В 1997 году основал и возглавил Санкт-Петербургский международный благотворительный фонд «Милосердие». Руководитель ВСХОН.

Ознобишин Димитрий Михайлович (1869 - 1956), генерал-майор. Окончил Александровский лицей и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник подавления «боксерского» восстания в Китае. До Первой мировой войны и во время ее - помощник военного агента в Париже. До сентября 1924 года являлся председателем Союза офицеров-участников Великой войны и освобожден от этой должности в связи с отъездом из Парижа, в дальнейшем снова жил в Париже. После Второй мировой войны - начальник походной канцелярии великого князя Владимира Кирилловича. Военный коллекционер. Создал в Париже музей лейб-гвардии Атаманского полка.

Оприц Илья Николаевич (1886 - 1964), генерал-майор. Родился 28 марта 1886 года. Из дворян Великого войска Донского, сын тайного советника, казак станицы Усть-Медведицкой. Окончил Пажеский корпус и вышел в 1906 году в Казачий Его Величества полк. Участник Первой мировой войны. В июне 1917 года - есаул и командир сотни того же полка, в августе того же года - полковник. В январе 1918 года арестован на Дону военно-революционным комитетом. Участник общедонского восстания в апреле 1918 года. Помощник командира, а затем командир Лейб-гвардии казачьего полка. В распоряжении начальника отделения Генерального штаба ВСЮР. В ноябре 1920 года присвоено звание генерал-майора. В эмиграции находился на острове Лемнос, являясь командиром Лейб-гвардии Казачьего дивизиона, а затем жил в Бельгии и во Франции. Председатель объединения Лейб-гвардии Казачьего полка и председатель Общества ревнителей русской военной старины. Участник выступления 23 февраля 1935 года начальников воинских частей 1-го Армейского корпуса в Париже. Член комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа в феврале - марте 1935 года. Умер 25 августа 1964 года в Курбсуа (Франция) и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Орехов Василий Васильевич (1896 - 1990), капитан, редактор журнала «Часовой». Родился в Орловской губернии. Выходец из дворян этой губернии. Учился в кадетском корпусе, гимназии, Киевском политехническом институте. В 1914 году добровольцем ушел на фронт Первой мировой войны и вступил в 113-й пехотный Старорусский полк 29-й пехотной дивизии. Окончил офицерские курсы. С 1917 года в Добровольческой армии, а затем во ВСЮР и Русской Армии. Капитан, командир мортирной команды и бронепоезда, командир железнодорожной роты. После эвакуации Крыма находился на Галлиполи, а затем был эвакуирован в Болгарию. В 1925 году переехал во Францию, жил в Париже. Работал слесарем на заводе «Рено». С 1924 года - член РОВСа. В 1929 году стал одним из основателей и бессменным редактором журнала «Часовой». В конце 30-х годов переехал в Брюссель. В 1950 году являлся редактором постоянной независимой русской программы мадридского радио. После Второй мировой войны стал один из организаторов и до 1987 года возглавлял Российское Национальное Объединение. Умер 6 июля 1990 года в Брюсселе.

Осипов Михаил Петрович (1897 - 1983), капитан. Окончил Ярославский кадетский корпус и Сергиевское артиллерийское училище. В 1918 году служил в 8-м Украинском корпусе, а затем в Добровольческой армии - в артиллерийской бригаде 34-й пехотной дивизии, капитан. После эвакуации из Крыма находился в Галлиполи, а затем проживал в эмиграции в Болгарии. В 1932 году переехал в Париж. Окончил Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина в Париже. Приглашен к работе в РОВС генералом фон Лампе, являлся при нем казначеем РОВСа. Генерал Харжевский назначил его заместителем начальника РОВСа, а после его смерти он возглавлял Союз в 1979 - 83 годах. Умер 15 декабря и погребен на кладбище Сен-Женевьев де Буа 25 декабря 1983 года.

Охотин Лев Павлович (? - ?), политический деятель. После окончания Гражданской войны в России проживал в эмиграции. Вел антисоветскую деятельность. Являлся членом Российского Фашистского Союза в Маньчжурии и секретарем его лидера - К.В. Родзаевского. Арестован в Маньчжурии после окончания Второй мировой войны. Судим в Москве в августе 1946 года и приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей.

Павлов Александр Николаевич (? - ?), русский военный моряк, старший лейтенант, издатель. После окончания Гражданской войны в России проживал в эмиграции. Вышел в от-

ставку с военной службы. Примыкал к монархистам, входил в первой половине 20-х годов в организацию «Белый Крест». Редактор эмигрантской газеты «Единый Фронт», издававшейся в Париже в 30-е годы. Газеты стала в 1933 - 35 годах одним из организаторов резких нападков и по существу травли руководства РОВСа и персонально генералов Миллера и Шатилова.

Павлов Сергей (настоящее имя - **Ерофей**) **Васильевич** (1896 - 1944), генерал-майор. Родился 4 октября 1896 года в Новочеркасске. Сын войскового старшины Донского войска. Окончил кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (по другим данным - не окончил его, а служил в казачьей сотне этого училища) и Винницкую военно-воздушную школу. Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте, военный летчик. В декабре 1917 года вступил в один из донских партизанских отрядов, принимал участие в боях с красногвардейцами. В 1918 - 20 годах воевал в Донской армии. В марте 1920 года оставлен в Новороссийске и жил в Советской России / СССР под чужой фамилией. Окончил заочный инженерно-строительный институт и работал на заводе «Локомотив» в Новочеркасске инженером-конструктором. В 1941 году создал подпольную антисоветскую организацию для подрывной деятельности в период немецкого наступления. После занятия немцами территории Дона в августе 1942 года легализовался и стал формировать казачьи части на Дону. В сентябре 1942 года на казачьем Сходе в Новочеркасске был избран походным атаманом Войска Донского. В 1942 году присвоено звание полковника. Принимал участие в боях с советскими войсками во главе сформированного им 1-го Донского казачьего полка. Возглавил эвакуацию казачьих беженцев с Дона. Организатор и создатель Казачьего Стана в 1943 - 44 годах. Возглавлял обширное казачье поселение в Белоруссии, под Новогрудком в мае-июне 1944 года. Убит 17 июня 1944 года у села Омневичи в Белоруссии своим адъютантом и советским агентом, сотником Д.В. Богачевым. Посмертно произведен генералом Красновым в чин генерал-майора. При отступлении останки Павлова были перезахоронены в г. Варта (Польша).

Палеолог Сергей Николаевич (1877 - 1933), дипломат, общественно-политический деятель. Родился 18 июля 1933 года. Потомственный дворянин Харьковской губернии. Окончил юрфак Московского университета. В царской России - государственный чиновник и дипломат. Камер-юнкер и чиновник особых поручений при МВД. Вице-директор департамента общих дел МВД. С декабря 1915 года - член Совета министров. Уволен со службы после Февральской революции. В годы Гражданской войны в России - член Совета начальника Управления внутренних дел при главнокомандующем ВСЮР, помощник и начальник этого Управления. С апреля 1920 года проживал в Югославии, с июня того же года являлся председателем Белградской беженской колонии, с июля - общебеженский представитель. С августа 1920 года - правительственный уполномоченный Юга России в Белграде по делам русских беженцев, с сентября - член Державной комиссии Королевства СХС, занимавшейся вопросами беженцев. Активно поддерживал Русскую Армию и генерала Врангеля. В 1921 году участвовал в Карловацком Церковном Соборе, а в 1926 году - в Русском Зарубежном съезде. Сотрудник газеты «Царский вестник». Возглавлял «Русскую Освободительную Казну» - «Казну Спасения России» в Югославии в 20-е годы и организовывал сборы в нее для ведения «особой работы» в СССР. С 1 мая 1930 года вошел в «Братство Русской Правды», основал Русскую Освободительную Казну в память Царя-Мученика Николая II. Умер 21 марта 1933 года в Белграде и похоронен 4 апреля на Новом кладбище Белграда.

Панниц (Панниц) фон Гельмут Вильгельмович (1898 - 1947), генерал-лейтенант. Родился 14 октября 1898 года в офицерской семье в Силезии. Окончил Прусский кадетский корпус. Кадровый кавалерийский офицер вермахта. Участник Первой мировой войны на Восточном фронте. После войны занимался управлением сельскохозяйственными поместьями. В 1933 году был восстановлен на военной службе. Великую Отечественную войну начал командиром кавалерийского разведывательного дивизиона 45-й пехотной дивизии «Линде», штурмовавшей Брестскую крепость. 8 ноября 1942 года, будучи полковником, назначен командиром крупного формирующегося соединения казачьих войск, преобразованного 21 апреля 1943 года в 1-ю кавалерийскую казачью дивизию. Затем ему присвоено звание генерал-майора кавалерии. В конце февраля 1945 года назначен командиром 15-го казачьего кавалерийского корпуса с присвоением звания генерал-лейтенанта войск СС. 29 марта был избран походным казачьим атаманом. 12 мая того же года сдался со своими частями английским войскам. В мае 1945 года был выдан англичанами советской стороне. В январе 1947 года судим, приговорен к смертной казни и повешен. 22 апреля 1996 года был реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ, но в 2001 году было принято решение, что он реабилитации не подлежит.

Пантюхов Олег Иванович (1882 - 1973), полковник, общественный деятель. Родился 25 марта 1882 года. Окончил Тифлисский кадетский корпус и Павловское военное училище.

Участник Первой мировой войны, полковник лейб-гвардии 1-го стрелкового полка, начальник 3-й Московской школы прапорщиков. Основоположник русского скаутизма, глава русских скаутов. Участник боев со сторонниками советской власти в Москве в ноябре 1917 года. В годы Гражданской войны во ВСЮР, с весны 1919 года служил в ОСВАГе, занимался работой с молодежью. Эвакуирован из Севастополя до августа 1920 года. В эмиграции жил в США, на ноябрь 1951 года - начальник отдела Гвардейского объединения в этой стране. Председатель объединения лейб-гвардии 1-го стрелкового полка и представитель его в США. Умер 25 октября 1973 года в Ницце (Франция). В 1982 году учреждена юбилейная медаль «В память 100-летия со дня рождения полковника О.И. Пантюхова».

Пашич Никола (1845 - 1926), политический деятель Сербии. Один из организаторов в 1881 году Радикальной партии. Премьер-министр Сербии в 1891 -92 гг., 1904 -18 гг. (с перерывами), принц-регент и премьер-министр Королевства СХС в 1921 - 26 годах (с перерывами). Вел переговоры с генералом Шатиловым о размещении войск Русской Армии в Сербии в 1921 году.

Пелле (? - ?), французский генерал. Верховный комиссар Франции в Константинополе в 1921 году.

Пельхау Генрих (он же - **Денкер**, он же - **Светозаров А.П.**) (? - ?), балтийский немец, живший до революции в России, офицер-доброволец в Добровольческой армии в годы Гражданской войны. После окончания ее жил в Германии, принял германское подданство, и, по некоторым данным, являлся членом Национал-социалистической партии Германии с 20-х годов. В 1933 году был одним из организаторов и являлся руководителем созданного в Германии Российского Освободительного и Национального Движения.

Петен Анри Филипп (1856 - 1951), французский военачальник и политический деятель. В Первую мировую войну командовал французскими армиями. С 1917 года - главнокомандующий. В 1918 году ему присвоено звание маршала. В 1940 - 44 годах, во время оккупации Франции немецкими войсками, являлся главой капитулянтского правительства, затем коллаборационистского режима «Виши». В 1945 году приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением.

Петриченко Георгий Иванович (? - до 1960), полковник. Окончил Одесский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, капитан лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии и ВСЮР, в апреле 1919 года - в Сводно-гвардейском полку. Затем находился в составе Русской Армии до эвакуации Крыма, командир батареи, подполковник. Галлиполиец. Осенью 1925 года в составе Гвардейского отряда находился в Болгарии, полковник. Член РОВСа. Проживал в Болгарии и в дальнейшем. На 20-е мая 1928 года жил в Софии. Председатель Особой Комиссии при III отделе РОВСа по расследованию дела Николая Абрамова в 1938 году.

Петров М. (? - после 1945), штабс-капитан. Участник Гражданской войны на стороне белых. В дальнейшем жил в эмиграции в Чехословакии. В 1945 году арестован чекистами. Увезен в СССР, судим и умер в ГУЛАГе.

Петров Павел Петрович (1882 - 1967), генерал-лейтенант. Родился 26 января 1882 года в Псковском уезде. Окончил Санкт-Петербургское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта, начальник штаба 6-го Уральского армейского (стрелкового) корпуса в 1919 году. В 1922 году - начальник штаба войск Приамурского временного правительства (Земской рати). С 1922 года жил в эмиграции. В 20-е годы - начальник отдела РОВС в Мукдене. Был командирован генералом Дитерихсом в Японию и являлся председателем Общества русских эмигрантов в этой стране и заведующим русской школой. С 1931 года - начальник канцелярии Дальневосточного отдела РОВСа в Мукдене. После Второй мировой войны переехал в США и с 1947 года жил в Сан-Франциско. Являлся преподавателем русского языка в Армейском школе в Монтерес в 1948 - 55 годах. Председатель Общества ветеранов Великой войны. Умер 24 июля 1967 года в Сан-Франциско.

Пешня Михаил Алексеевич (1885 или 1886 - 1937), генерал-майор. Из мещан. Окончил гимназию, Виленское пехотное училище, Главную (офицерскую) гимнастическо-фехтовальную школу. В 1907 году вышел в 73-й пехотный Крымский полк. Участник Первой мировой войны, командир роты, батальона, и в конце 1917 года - командир названного полка, полковник. С весны 1918 года в Корниловском ударном полку, командир батальона, а затем полка. После развертывания его в дивизию - командир 1-го Корниловского ударного полка, помощник командира Корниловской дивизии, а в мае - июне 1920 года временно исполнял обя-

занности командира этой дивизии. В мае 1920 года присвоено звание генерал-майора. В ноябре 1920 года - начальник Марковской дивизии. После эвакуации на Галлиполи - командир Марковского пехотного полка. Переехал в Болгарию, а в 1925 году вместе с кадром Марковского пехотного полка - во Францию. Работал шахтером, рабочим на заводе, таксистом. Окончил Высшие военно-научные курсы генерала Головина. Командир объединения Марковского полка в Париже. С октября 1937 года - член Особой Комиссии под председательством генерала Эрдели по делу генерала Скоблина. Умер 4 декабря 1937 года от тяжелой болезни в Париже. Похоронен на кладбище Серван недалеко от Парижа.

Пильц Александр Иванович (1870 - 1944), государственный и общественно-политический деятель. Могилевский губернатор, товарищ министра внутренних дел и иркутский генерал-губернатор в дореволюционной России. После окончания Гражданской войны в России жил в эмиграции. Участник совещания в Константинополе в марте 1921 года по созданию Русского Совета. Жил в эмиграции в Болгарии и умер 25 февраля 1944 года в Софии.

Пиночет Угарте Аугусто (1915 - -), генерал-капитан, чилийский военачальник и политический деятель. Родился 25 ноября 1915 года в г. Вальпараисо в семье таможенного чиновника. Окончил стрелковую школу в г. Сантьяго и Военную академию. В 1947 году в звании капитана служил начальником концлагеря Писагуа. В 1956 - 58 годах - военный атташе Чили в США. В 1959 -64 годах являлся заместителем начальника чилийской Военной академии. В 1968 году - бригадный генерал, находился в дальнейшем на различных командных должностях. В 1972 году - и.о. командующего сухопутными войсками, начальник штаба сухопутных войск. В 1973 году трижды занимал пост командующего сухопутными войсками. Один из руководителей военного переворота в Чили 11 сентября 1973 года. С 11 сентября этого года - глава хунты, с 17 декабря 1974 по март 1990 года - президент Чили. В 1981 году провозглашен конституционным президентом Чили, одновременно руководитель Совета Национальной безопасности, главнокомандующий вооруженными силами страны. Присвоил себе чин генерал-капитана. В 1986 году над ним состоялся заочный международный суд в Каракасе. В 1988 году в Чили состоялся плебисцит, и ему было отказано в доверии. В результате он отказался от должности президента. С марта 1990 года восемь лет являлся командующим сухопутными войсками страны. Сенатор.

Плевицкая (урожденная - **Винникова**) **Надежда Васильевна** (1884 - 1940), певица. Родилась 7 сентября 1884 года в селе Винниково Курской губернии, в многодетной крестьянской семье отбывшего службу солдата. Закончила три класса церковно-приходской школы. В 14 лет отдана в монастырь в качестве прислужницы, ей предстояло пострижение в монахини. Но, будучи послана по делам в Курск, сбежала. Начала петь в хоре Л. Липкина, выступала в летних садах и кафешантанах, исполняла народные песни. Присутствовавший на одном из концертов Л. Собинов пригласил ее участвовать в нем в благотворительном концерте. Ее оценили, и она стала выступать в самых престижных столичных концертных залах, гастролировала по стране, в царском Селе, в Мариинском театре, пела в присутствии императорской фамилии. В годы Гражданской войны оказывалась то по одну, то по другую линию фронта. В 1919 году была захвачена красными. Вышла замуж за генерала Скоблина. Жила на Галлиполи, а потом вместе с новым мужем во Франции. После похищения генерала Миллера и ставшей очевидной причастности к этому бежавшего генерала Скоблина была арестована в сентябре 1937 года. В декабре 1938 года суд присяжных Департамента Сены приговорил ее к 20 годам каторжных работ. 21 сентября 1940 года она умерла в каторжной тюрьме в городе Ренн.

Плеве Павел Адамович (1850 - 1916), генерал от кавалерии. Окончил военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877 - 1878 годов. В 1878 - 80 годах служил в болгарской армии, управляющий военным министерством. В 1907 году присвоен чин генерала от кавалерии. С 1909 года - командующий войсками военного округа. Участник Первой мировой войны: командовал 5-й армией, 12-й армией; в 1915 - 16 года - командующий Северным фронтом.

Плешков Михаил Михайлович (1856 - 1927), генерал от кавалерии. Родился 1 ноября 1856 года. Из дворян Могилевской губернии. Окончил гимназию, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал от кавалерии, командир 1-го Сибирского армейского корпуса. В годы Гражданской войны воевал на Восточном фронте белых. В августе 1918 года предпринял попытку организации вооруженного переворота во Владивостоке. В эмиграции жил в Харбине. Руководил работой организаций РОВСа. на Дальнем Востоке с центром в Харбине с конца 1924 года. Умер 21 мая 1927 года в Харбине.

Подгорный Яков Иванович (1877 - после мая 1945), капитан I ранга. В службе в 1900 года. Офицер (подпоручик по адмиралтейству) с 1904 года. Окончил Либаковский класс

подводного плавания в 1907 году. Капитан II ранга. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии и ВСЮР: в Новороссийском военном порту, с января 1919 года - в Донской армии, командир бронепоезда и начальник управления морской тяжелой артиллерии. В июне 1919 года присвоено звание капитана I ранга. Эвакуирован, но в июне 1920 года прибыл в Крым. 21 ноября 1920 года - командир транспорта «Далланд». Эвакуировался с флотом в Бизерту. В марте 1921 года прибыл в Марсель. В эмиграции проживал в Чехословакии. В 1928 - 31 годах являлся редактором и издателем журнала «Зарубежный морской вестник». Возглавлял Группу общества Галлиполийцев и Группу офицеров флота в Пльзене. В декабре 1937 года возглавил созданный на базе подотдела в Чехии VI отдел РОВСа. С 1939 году был начальником Юго-Восточного отдела ОРВС. Освобожден от этой должности «по болезни» летом 1942 года. Арестован СМЕРШ в Праге в мае 1945 года, вывезен в СССР и умер в тюрьме в Москве во время следствия.

Подчертков Александр Александрович (1889 - 1954), полковник. Родился в Санкт-Петербурге, сын полковника. Окончил Александровский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, полковник. В годы Гражданской войны в России служил в Добровольческой армии и ВСЮР, на январь 1919 года - начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР. С мая 1919 года - в распоряжении штаба армейской группы на Маныче, затем вновь в оперативном отделении штаба ВСЮР. Затем служил в Русской Армии до эвакуации Крыма. В мае 1921 года входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля в Константинополе, старший адъютант штаба Русской Армии. С 1923 года проживал в Югославии, в декабре 1926 года жил в Париже. С 1939 года - в Марокко, начальник подотдела РОВСа в Марокко. Член полкового объединения. Умер 14 декабря 1954 года в Касабланке (Марокко).

Полунин Аркадий Павлович (около 1899 - 1933), ротмистр, общественный деятель эмиграции. Родился в семье инженера путей сообщения. Участник Первой мировой войны. Ротмистр Кавказского конно-горного артдивизиона. Участник Гражданской войны на стороне белых на Юге России. После окончания Гражданской войны в России проживал в эмиграции. Проходил как участник судебного процесса в связи с убийством генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции в Швейцарии В.В. Воровского в 1923 году и был оправдан. Служил секретарем Российского Общества Красного Креста в Женеве, во второй половине 20-х годов был близок к руководству РОВСа и входил в окружение генерала Врангеля. Жил в Париж. Умер в г. Дрё (Франция) 23 февраля 1933 года и похоронен на местном кладбище.

Полухин Яков Тимофеевич (1895 - 1937), русский офицер, капитан. Окончил Константиновское артиллерийское училище и гимнастическую фехтовальную школу в Галлиполи. Участник Первой мировой и Гражданской войны в рядах белых на Юге России. Штабс-капитан Марковского артдивизиона. Галлиполиец. После Гражданской войны проживал в эмиграции. Участник Гражданской войны в Испании на стороне генерала Франко, командир русского подразделения. За боевые отличия и произведен в чин тениенте (поручика). Погиб в бою в конце августа (по другим данным - в начале сентября) 1937 года в Кинто де Эбро. Посмертно награжден высшей испанской военной наградой - коллективной лауреадой.

Попов Александр Николаевич (? - ?), полковник. Окончил военную юридическую академию. Военный юрист. В 1913 году служил в Виленском военноокружном суде. В Первую мировую войну служил в военно-судных учреждениях. В начале ее - прокурор военно-судной части при 1-й армии генерала Ренненкампа, в конце войны - в гвардейских частях в районе г. Проскурова. Полковник. Информация о его деятельности в годы Гражданской войны носит очень противоречивый характер. В 20-е годы завербован чекистами. Выступал в качестве одного из членов руководства легендированной чекистами «Внутренней русской национальной организации». Неоднократно выезжал за рубеж, встречался с генералом Кутеповым. За несколько дней до похищения Кутепова в Париже встречался с ним в Берлине. После его похищения вернулся в СССР.

Попов Владимир Владимирович (? - ?), казначей Фонда Спасения России в Париже в 30-е годы. В конце 1937 года ему на некоторое время переданы полномочия начальника канцелярии и казначея РОВСа.

Попов Иван Иванович (1888 - ?), полковник. Родился в Якутске. Окончил Иркутское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, полковник. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта: начальник штаба 2-го Сибирского армейского корпуса; с ноября 1919 года - командующий вой-

сками Барнаульского и Бийского районов. Участник Сибирского Ледяного похода в Северной колонне, с середины февраля 1920 года - начальник штаба колонны. В эмиграции проживал в Австралии. Возглавлял «Кружок по изучению Великой войны» в Австралии, входивший в РОВС. Председатель Русского клуба в Брисбене.

Попов И.Н. (? - ?), русский эмигрант, уборщик управления РОВСа в Париже в 1937 году.

Поремский Владимир Дмитриевич (псевдоним - **Вл. Арсеньев**) (1909 - 1997), общественно-политический деятель. Родился 30 января 1909 года в Ченстохове (Польша), в семье офицера стрелкового полка пограничной службы. Окончил русскую гимназию в Белграде, учился в Белградском университете, окончил Сорбонну и получил степень кандидата естественных наук, а также Химический институт в Лилле и получил диплом инженера-химика. В 1921 году с родителями перебрался в Королевство СХС. Вел активную антибольшевистскую деятельность в эмиграции. С 1934 года - член и председатель французского отдела НСРМ / НТСНП. В начале Второй мировой войны приехал в Берлин и являлся членом Подпольного исполкома Бюро НТС. Нелегально посещал оккупированные немцами области России. В июне 1944 года был арестован гестапо и освобожден в апреле 1945 года после вмешательства генерала Власова. После капитуляции Германии пытался вести переговоры с английскими военными властями о предотвращении насильственной репатриации членов РОА. Арестован англичанами и заключен в лагерь для интернированных в Неймюнстере. Освобожден по тяжелой болезни в конце 1946 года. Председатель НТС в 1955 - 72 годах. Умер 22 января 1997 года во Франкфурте-на-Майне (Германия).

Правиков Дмитрий Александрович (по другим данным - **Андреевич**) (1863 - ?), генерал-майор. На воинской службе с 1881 года, офицер - с 1883 года. Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР по ведомству министерства внутренних дел. В начале 1920 года эвакуирован на остров Антигона. В эмиграции жил в Париже.

Пржевальский Михаил Алексеевич (1859 - 1934), генерал от инфантерии. Родился 5 ноября 1859 года. Из дворян Тверской губернии. Окончил Полтавскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию и Николаевскую академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны - генерал от инфантерии, командующий войсками Кавказского фронта. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР, а с осени 1918 года командовал белыми войсками на территории Закавказья. В начале 1920 года эвакуировался из Новороссийска на остров Лемнос. В октябре 1920 года выехал в Русскую Армию в Крым. В эмиграции жил в Югославии. Член объединения Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Умер 13 декабря 1934 года в Белграде.

Прилуцкий (? - ?), боевик РОВСа. Прошел боевую подготовку в организации «Белая идея». Забрасывался на советскую территорию в 30-е годы.

Промтов Михаил Николаевич (1857 - 1951), генерал-лейтенант. Выходец из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Офицерскую артиллерийскую школу. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, командир 23-го армейского корпуса. В годы Гражданской войны в России служил во ВСЮР и Русской Армии. С февраля 1919 года находился в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. С мая 1919 года - член особой комиссии. В сентябре 1919 - январе 1920 года - командир 2-го армейского корпуса войск Новороссийской области. В эмиграции жил в Югославии. С декабря 1924 до сентября 1929 года - директор Крымского кадетского корпуса. В ноябре 1930 года под его общим руководством в Белграде открыты начальные, средние и высшие курсы военной подготовки. Умер в 1951 году в Белграде.

Путин Владимир Владимирович (1952 - -), государственный деятель. Родился 7 октября 1952 года в Ленинграде. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. Служил во внешней разведке КГБ, подполковник запаса. В дальнейшем помощник проректора по международным вопросам ЛГУ, советник председателя Ленсовета, в 1991 году назначен председателем комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, в 1994 - 96 годах - первый заместитель председателя правительства Санкт-Петербурга, председатель комитета по внешним связям. С 1996 года - в Администрации президента: заместитель начальника управления делами, заместитель руководителя Администрации - начальник Главного контрольного управления при президенте, первый заместитель руководителя Администрации президента. С июля 1998 года - директор ФСБ РФ, с марта 1999 года - секретарь Совета Безопасности РФ. С августа 1999 года - глава правительства РФ, а с декабря того же года и по настоящее время - президент РФ.

Радкович Георгий Николаевич (1898 - 1928), штабс-капитан. Участник Первой мировой войны, офицер лейб-гвардии Егерского полка. Участник Гражданской войны на стороне белых. После окончания ее находился в эмиграции. Член Боевой организации генерала Кутепова в 20-е годы. Неоднократно нелегально бывал в СССР. Убит в СССР в 1928 году.

Разумеев Александр (? - ?), инженер. С 20-х годов находился в эмиграции. В 30-е годы являлся инструктором летнего лагеря в Болгарии для подготовки боевиков Кутеповской боевой организации.

Раскольников (настоящая фамилия - **Ильин**) **Федор Федорович** (1892 - 1939), советский военный, политический деятель и дипломат. Родился 28 января 1892 года в семье священника в Петербурге. Окончил реальное училище, учился в Петербургском политехническом институте, окончил Отдельные гардемаринские классы. С 1910 года - член РСДРП, большевик. В 1914 году призван во флот, мичман. После Февральской революции активно участвует в революционной деятельности, заместитель председателя Кронштадского Совета. В октябре 1917 года - член исполкома Советов Северной области, член Петроградского ВРК. В ноябре 1917 года - комиссар Морского Генштаба, за революционные заслуги произведен в лейтенанты флота. Член Учредительного Собрания. С января 1918 года - заместитель наркома по морским делам. С июля 1918 года - член РВС Восточного фронта, с августа - командующий Волжской военной флотилией, а в сентябре-декабре того же года - член РВСР. В декабре 1918 года во время разведывательного похода захвачен англичанами и заключен в тюрьму в Лондоне, освобожден в мае 1919 года в обмен на захваченных английских офицеров. С 1919 года находился на военной, дипломатической и журналистской работе. С 1930 года - полпред в Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 году был отозван из Болгарии, но из-за угрозы ареста отказался вернуться в СССР. В 1939 году объявлен «врагом народа», исключен из партии, лишен советского гражданства. Умер (по некоторым данным - убит) 12 сентября 1939 года в Ницце.

Распутин (настоящая фамилия - **Новых**) **Григорий Ефимович** (1864 или 1865, а по другим данным - 1872 - 1916), крестьянин Тобольской губернии. Стал известен как «прорицатель» и «исцелитель». Пользовался неограниченным доверием царицы и самого царя Николая II. Убит в результате заговора в дворце князя Ф. Юсупова в Петрограде в декабре 1916 года.

Рейсе Натан Маркович (известен под именем **Игнатия Станиславовича Порецкого** (**Людвига**)) 1899 - 1937), политический деятель и советский разведчик. Родился 1 января 1899 года в галицийском городке Подводочиск, на границе России и Австро-Венгрии, в еврейской мелкобуржуазной семье. Окончил Львовскую гимназию, учился на юридическом факультете Венского университета. В 1919 году вступил в Коммунистическую рабочую партию Польши (а по некоторым сведениям, еще раньше - в компартию Австрии) и в дальнейшем принимал активное участие в революционном движении и деятельности Коммунистического Интернационала. В 1921 году был завербован для работы в Разведупре РККА. В 1927 году стал членом ВКП (б). Зарекомендовал себя как талантливый разведчик и вербовщик. В июле 1937 года заявил о разрыве со Сталиным и отказе вернуться в СССР. 4 сентября 1937 года был убит в Швейцарии сотрудниками НКВД.

Репьев Михаил Иванович (1865 - 1937), генерал-лейтенант. Родился 14 сентября 1865 года. Из потомственных дворян Симбирской губернии. Окончил Симбирский кадетский корпус, Константиновское военное училище, Офицерскую артиллерийскую школу. В 1884 году вышел в 91-й Двинской полк. Затем служил в 37-й артиллерийской бригаде. В 1890 году перешел на службу в Главное Артиллерийское управление, где дошел до помощника начальника отдела, подполковника. После окончания в 1910 году Офицерской артиллерийской школы назначен командиром батареи в 8-й артиллерийский дивизион, и ему присвоено звание полковника. В июне 1914 года назначен командиром 1-го дивизиона 37-й артиллерийской бригады. В этом же году ему присвоено звание генерал-майора. Участник Первой мировой войны: в январе 1917 года - начальник 16-й пехотной дивизии, а в ноябре того же года назначен командиром 18-го армейского корпуса. В 1918 году - член совета по ликвидации Румынского фронта. С сентября 1918 года в Добровольческой армии: инспектор артиллерии Астраханского корпуса, 1-го армейского корпуса, 5-го кавалерийского корпуса, Киевской области, затем в резерве чинов войск Киевской, а после этого - Новороссийской области, начальник обороны Новороссийска. В 1919 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта. Эвакуирован из Новороссийска, и в мае 1920 года вернулся в Крым, в Русскую Армию. Назначен инспектором артиллерии 1-й армии, а с октября и до эвакуации Крыма - инспектор артиллерии Русской Армии. В декабре 1920 года - инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса на Галлиполи, находился в этой должности и в дальнейшем в эмиграции. Переехал в Болгарию, потом в Югославию, а с 1924 года жил в Париже. Один из основателей и первый председатель Главного правления Общества Галлиполиий-

цев, председатель отдела этого общества во Франции. С января 1926 года - председатель Общества офицеров-артиллеристов во Франции. Председатель объединения Симбирского кадетского корпуса. С 1933 года - помощник командира 1-го армейского корпуса. Председатель комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВС в марте - апреле 1935 года. Умер 29 апреля 1937 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Риббентрон Иоахим (1893 - 1946), политический деятель, рейхсминистр Германии. Видный деятель НСДАП. Министр иностранных дел Германии в 1938 - 45 годах. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1946 году.

Роберти (де Роберти) Николай Александрович (1880 - 1930), полковник. Сын генерал-майора. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Начал службу в 1900 году офицером артиллерии. В годы Первой мировой войны - сначала капитан, затем подполковник в штабе генерала Юденича на Кавказе. Закончил ее полковником. Участник Белого движения на Юге России. Служил в Добровольческой армии и ВСЮР. В конце 1918 - начале 1919 года - начальник штаба генерала Кутепова как генерал-губернатора в Новороссийске. За злоупотребления в должности арестован и содержался на гауптвахте. Затем, якобы, бежал и скрывался у «зеленых». В ноябре 1920 года, будучи больным, захвачен большевиками в Крыму. До 1922 содержался в Бутырской тюрьме в Москве, а затем - в концлагере. Освобожден в конце 1922 года. Преподавал в советском военном училище. Завербован чекистами и играл роль одного из членов руководства легендированной ими «Внутренней русской национальной организации». В январе 1930 года вместе с полковником А.Н. Поповым встречался в Берлине с генералом Кутеповым. Признался ему, что является агентом чекистов и участвует в их операции. После похищения Кутепова в Париже вернулся в СССР. В мае 1930 года был судим, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Москве.

Рогожин Анатолий Иванович (1893 - 1972), полковник. Родился 12 января 1893 года в станице Червленной, Терской области, в семье казачьего офицера. Окончил Владикавказский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В чине хорунжего вышел в 1-й Кизляр-Гребенский генерала Ермолова полк Терского казачьего войска, находившийся в то время в составе русских войск в Персии. Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте. В 1917 году произведен в чин сотника. В составе Терского казачьего дивизиона принимал участие в борьбе с революционными выступлениями на Тереке в 1917 - 18 году. В марте 1918 года исполнял обязанности адъютанта дивизиона. В июне 1918 года участвовал в восстании терских казаков против большевиков. В начале 1919 года - командир Лейб-гвардии 2-1 Кубанской сотни в Каменноугольном бассейне. С августа 1919 года командовал 1-й сотней Терского гвардейского дивизиона. Произведен в чины подьесаула и есаула. Весной 1920 года назначен командиром Терского гвардейского казачьего дивизиона и прибыл в Крым, где дивизион был переформирован в сотню. Эвакуировался на остров Лемнос, откуда с сотней вызван для несения службы в личном Конвое главнокомандующего генерала Врангеля. После службы в пограничной стражи в Югославии назначен помощником командира Кубанского гвардейского казачьего дивизиона, а в 1937 году стал командиром Собственного Его Императорского Величества Конвоя. В 1941 году, будучи в чине полковника, прибыл в Белград на формирование Русского Корпуса и был назначен командиром батальона 1-го полка. 11 февраля 1944 года назначен командиром 5-го полка, а 30 апреля, после смерти генерала Штейфона принял командование Русским Корпусом. Организовал его сдачу в Австрии английскому командованию. Был арестован английской контрразведкой с целью выдачи в СССР, но освобожден. С 1952 года жил в США. Основал журнал «Наши вести» - издание Союза чинов Русского Корпуса. Умер 6 января в Лейквуде (США) и похоронен на кладбище Успенского Ново-Дивеевского женского монастыря в Спринг Валлей (штат Нью-Йорк, США).

Родзаевский Константин Владимирович (1907 - 1946), политический деятель. Из семьи нотариуса. В 1925 году бежал из СССР в Харбин. Учился в Харбинском университета, сразу же вступив в существовавшую в нем фашистскую организацию. В 1926 - 27 годах - один из участников образования Союза национальных Синдикатов Русских Рабочих Фашистов дальнего Востока. В 1931 году стал одним из инициаторов создания Русской Фашистской партии, а в 1932 году стал ее председателем. Один из руководителей Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии в 1930-е - 1945 гг. Арестован после поражения Японии во Второй мировой войне. В 1945 году скрывался от чекистов в Маньчжурии, написал покаянное письмо Сталину. 25 октября 1945 года сдался СМЕРШу, поверив обещаниям его агентов. Судим в Москве в августе 1946 года и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 августа 1946 года.

Родин Игорь Викторович (1960 - -), поручик РОВСа. Родился в Киеве. Окончил школу прапорщиков Киевского военного округа. До 1990 года служил командиром комендантского взвода в Киеве. Затем работал начальником службы коммерческой безопасности, помощником директора фирмы, заместителем начальника склада, водителем. С 1997 года - представитель РОВСа в Киеве, а с 2004 года - начальник II отдела РОВСа в России (на Украине). Поручик РОВСа с 2004 года. Инициатор возрождения в Киеве Императорского Русского Военно-Исторического Общества, его секретарь и казначей. Член Украинского Института Военной Истории. Сотрудник журнала «Вестник РОВС».

Розанов Сергей Николаевич (1869 - 1937), генерал-лейтенант. Офицер с 1889 года. Участник Первой мировой войны, генерал-майор. В годы Гражданской войны служил на Восточном фронте белых: командующий войсками в Енисейской губернии, начальник Приамурского края, командующий войсками Приамурского военного округа. Присвоено звание генерал-лейтенанта. В эмиграции жил во Франции. Умер в Медоне (Франция) 28 августа 1937 года.

Розенберг Альфред (1893 - 1946), политический деятель Германии. Главный редактор «Фелькишер беобахтер», центрального органа национал-социалистической партии с 1923 года. С 1933 года - руководитель внешнеполитического отдела партии. С 1941 года - министр оккупированных восточных территорий. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге в ночь на 16 октября 1946 года.

Романовский Иван Павлович (1877 - 1920), генерал-лейтенант. Родился 16 апреля 1877 года в Луганске. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, генерал-майор, 1-й генерал-квартирмейстер Ставки верховного главнокомандующего. С ноября 1917 года - в Добровольческой армии, с декабря - начальник строевого отдела ее штаба. Участник Первого Кубанского похода, с февраля 1918 года - начальник штаба Добровольческой армии. Генерал лейтенант с ноября 1918 года. С января 1919 года - начальник штаба главнокомандующего ВСЮР, а затем его помощник. Уволен 10 марта 1920 года. Эвакуирован в Константинополь, где убит 23 марта 1920 года.

Романовский Сергей Георгиевич (1890 - 1974), капитан II ранга, князь, герцог Лейхтенбергский, пасынок великого князя Николая Николаевича. Окончил Морской корпус. Участник Первой мировой войны: в штабе командующего Черноморским флотом, командир отряда катеров. Участник Гражданской войны в Белом движении на Юге России: служил в отряде кораблей, принимая участие во взятии Херсона и Николаева в 1919 году, являлся представителем флота во 2-м корпусе генерала Слащёва. В январе 1920 года выехал в Рим. Являясь по матери двоюродным братом короля Италии Умберто, жил в Италии, возглавляя здесь Русское собрание и Гоголевскую библиотеку. Сотрудничал с РОВСом. Умер в Риме.

Ронжин Иван Александрович (1867 - 1927), генерал-лейтенант. Окончил Симбирский кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище и Александровскую военно-юридическую академию. В 1901 году - полковник и помощник прокурора Одесского военно-окружного суда. С 1906 года служил в военно-морском ведомстве. В 1908 году ему присвоено звание генерал-майора. В декабре 1912 года - генерал-лейтенант и председатель Севастопольского военно-морского суда. С декабря 1914 года являлся членом Главного военно-морского суда. С основания Добровольческой армии служил в ней, в декабре 1917 года являлся начальником судной части штаба этой армии. В феврале 1918 года направлен вместе с генералом Лукомским на переговоры с Кубанским правительством. Захвачен большевиками, бежал и через Москву вернулся в Добровольческую армию. С 1919 года - главный военный прокурор ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции находился на Галлиполи, затем переехал в Болгарию. Являлся военным представителем генерала Врангеля в Болгарии. В феврале 1924 года назначен Врангелем одним из руководителей работы по руководству и объединению офицерских обществ на Балканах. Был видным деятелем РОВСа. Переехал во Францию и умер 28 августа 1927 года в Ментоне (Франция). Похоронен на местном кладбище.

Ростовцев Н.А. (? - ?), политический деятель. Активный участник антибольшевистского движения. После окончания Гражданской войны покинул Россию. Член Русского Совета генерала Врангеля в 1921 - 22 годах.

Руммель Б.Ф. (? - ?), поручик. Представитель РОВСа в штате Аризона и городе Лос-Анжелосе (США).

Рушайло Владимир Борисович (1953 - -), государственный деятель, генерал-майор милиции. Родился 28 июля 1953 года в Тамбове. Окончил Омскую высшую школу милиции МВД СССР. С 1984 года работал на различных руководящих должностях в оперативных подразделениях МВД, с 1996 года - первый заместитель начальника главного управления по орга-

низованной преступности (ГУОП) МВД РФ. В 1997 году - советник председателя Совета Федерации РФ. С мая 1998 года - заместитель министра внутренних дел РФ, начальник ГУОП. В 1999 - 2001 годах - министр внутренних дел РФ. С марта 2001 до марта 2004 года - секретарь Совета Безопасности РФ.

Рычков Вениамин Вениаминович (1870 - 1935), генерал-лейтенант. Родился в Тифлисе. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант, командир 27-го армейского корпуса. С 1917 года - участник ряда подпольных антибольшевистских организаций, участник Ярославского восстания летом 1918 года, затем в белых войсках Восточного фронта белых. Участник взятия Казани и начальник гарнизона Казани с начала августа 1918 года. С августа - командир Казанского отдельного корпуса. С октября 1918 года по сентябрь 1919 года - главный начальник Тюменского военного округа, затем начальник снабжения фронта. В эмиграции с 1920 года в Харбине, начальник местной железнодорожной полиции и внутренней охраны. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Общества окончивших кадетские корпуса, товарищ председателя общества Александровцев. С 9 января 1935 года - председатель БРЭМ. Умер 22 августа 1935 года в Харбине.

Савинков Борис Викторович (лит. псевдоним - **В. Ропшин**) (1879 - 1925), политический деятель, литератор. Родился 19 января 1879 года в Харькове. Учился в Петербургском университете, но был исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1898 году вошел в социал-демократическую группу «Революционное знамя», в 1903 году вступил в партию эсеров. Вошел в Боевую организацию партии эсеров и принимал участие в организации ряда террористических актов. Арестован в Севастополе в 1906 году и приговорен к смертной казни, но бежал в Румынию. Затем переехал во Францию. После начала Первой мировой войны - «оборонец», доброволец в армии Франции, военный корреспондент. После Февральской революции вернулся в Россию. Был назначен комиссаром Временного правительства в 8-й армии, а затем на Юго-Западном фронте. В июле 1917 года стал товарищем министра, управляющим военным министерством. Во время похода генерала Корнилова на Петроград - военный губернатор города и и.о. командующего войсками Петроградского военного округа. В октябре того же года исключен из партии эсеров. Враждебно встретил приход большевиков к власти. Комиссар Временного правительства при войсках генерала Краснова во время их наступления на Петроград, затем - член «Донского гражданского совета» на Дону. В феврале 1918 года организовал «Союз защиты Родины и Свободы». Организатор ряда антисоветских заговоров. Осенью 1918 года направлен главой Уфимской Директории Н.Д. Авксентьевым с военной миссией во Францию, возглавлял там колчаковское бюро печати. Во время советско-польской войны 1920 года был председателем «Русского политического комитета», участвовал в создании на территории Польши отрядов, совершавших рейды в Советскую Россию. В августе 1924 года в результате чекистской операции был выманен в Россию, арестован и судим. Был приговорен к смертной казни, но т.к. признал свою вину, то расстрел был заменен на 10 лет тюрьмы. Покончил жизнь самоубийством, выбросившись 7 мая 1925 года из окна здания ВЧК, хотя существуют и другие версии.

Савич Я.И. (? - ?), политический деятель. После окончания Гражданской войны в России жил в эмиграции. Активный участник антибольшевистского движения. Член Высшего Монархического Совета в 30-е годы.

Савицкий Петр Николаевич (1895 - 1968), политический деятель. Родился в семье председателя земской управы. Окончил экономический факультет Петроградского политехнического института. Служил в российском посольстве в Норвегии. В годы Гражданской войны некоторое время служил в штабе генерала Врангеля. В эмиграции - член Русского Совета. Был секретарем П.Б. Струве. В Болгарии работал в журнале «Русская мысль». Вместе с Н.С. Трубецким стал инициатором евразийского движения. Жил и работал в Праге, был заведующим кафедрой экономики Русского свободного университета. В 1945 году арестован СМЕРШ, доставлен в СССР, судим и 10 лет провел в ГУЛАГе. В 1956 году, выйдя на свободу, уехал в Чехословакию, где подвергался аресту за сборник стихов, где была отражена лагерная тема. После освобождения работал в государственной комиссии по аграрной географии. Вес большой научный вклад в экономическую географию, историософию, геополитику.

Сакирич (? - ?), полковник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России на стороне белых. В дальнейшем эмигрировал и жил в Европе. В конце августа - начале сентября 1941 года стал участником формирования русского отряда (роты) в составе 9-й армии вермахта на советско-германском фронте. Воевал в составе этого отряда против советских войск осенью 1941 года в районе Вязьмы - Ржева.

Сапунов (? - 1921), мичман. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России на стороне белых. Осенью 1920 года эвакуировался из Крыма. Служил на яхте «Лукулл», где размещались генерал Врангель и его семья. Погиб во время столкновения итальянского парохода «Адрия» с названной яхтой в Константинополе 15 октября 1921 года.

Сахаров Игорь Константинович (1912 - 1977), полковник. Родился 7 августа 1912 года в Саратове в семье офицера (в дальнейшем генерала) К.В. Сахарова. В 1923 году вместе с семьей выехал к отцу в Берлин. В первой половине 30-х годов служил в армиях Аргентины, Уругвая и Китая. Участник Гражданской войны в Испании на стороне генерала Франко, лейтенант, член Фаланги. В 1940 - 42 годах проживал в Берлине. Был в числе основателей Русской Национальной Народной армии, входил в ее штаб. Весной - в начале лета 1943 года принимал участие в формировании отдельной Гвардейской бригады. В начале июля выехал в Берлин и получил назначение на должность оперативного адъютанта при генерале Власове. В дальнейшем служил в РОА, полковник, командир противотанкового отряда, затем 1604-го (4-го пехотного) гренадерского полка Вооруженных сил КОНР. Бежал в американскую оккупационную зону. Жил в лагерях для беженцев. В 1948 году стал одним из создателей Союза Андреевского Флага, член Военно-политического совета и Главного управления САФ. В августе 1950 года участвовал в создании Комитета Объединенных Власовцев. В начале 50-х годов переехал в Австралию. В 1977 году погиб в автокатастрофе.

Сахаров Константин Вячеславович (1881 - 1941), генерал-лейтенант. Родился 18 марта 1881 года. Окончил Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В 1917 году присвоено звание полковника. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 года. С декабря 1917 по декабрь 1918 года служил в Добровольческой армии. В ноябре 1918 года присвоено звание генерал-майора. С января по март 1919 года - представитель генерала Деникина у генерала Колчака. С апреля по май 1919 года - генерал для поручений в штабе Колчака. С июня 1919 года - командующий Западной армии, с июля - командующий 3-й армией, с октября - командующий Московской группой армий, с ноября до декабря - главнокомандующий армиями Восточного фронта. В 1919 году присвоено звание генерал-лейтенанта. С января по февраль 1920 года - командующий 3-й армией. В эмиграции в Германии с октября 1920 года. Был одним из руководителей русских фашистов в Германии. В 1931 году вышел из РОВСа. Умер в Берлине 23 февраля 1941 года.

Светозаров А.П. - см. **Пельхау Генрих**.

Свечин Михаил Андреевич (1876 - 1969), генерал-лейтенант. Родился 16 мая 1976 года в Санкт-Петербурге в семье генерала. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба и Офицерскую кавалерийскую школу. Офицер лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, командир лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. С 30 декабря 1917 года - в Донской армии, участник Степного похода. С конца марта 1918 года - начальник обороны Новочеркасска, затем начальник оперативного отдела штаба Южной (Заплавской) группы, с апреля - и.о. начальника штаба этой группы. С мая по ноябрь 1918 года - член Донской миссии к гетману, затем в распоряжении донского атамана. С декабря 1918 года - член делегации в Англию и во Францию от ВСЮР. В марте 1920 года эвакуировался из Новороссийска в Константинополь. В мае 1920 года - в Югославии. В эмиграции проживал в Югославии, Германии и Франции. Начальник подотдела РОВСа. В 1940 году, после капитуляции Франции, руководитель РОВСа на Юге Франции. Входил в состав французского «Легиона Комбатантов», созданного коллаборационистом маршалом Петеном. К 1963 году - председатель 4-го отдела Гвардейского объединения. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 апреля 1969 года в Ницце (Франция).

Семёнов Григорий Михайлович (Семёнов-Мерзин) (1890 - 1946), генерал-лейтенант. Есаул Забайкальского казачьего войска. В 1917 году - комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. С ноября 1917 года вел бои с большевиками в Вернеудинске, Сформировал в Маньчжурии и командовал Особым Маньчжурским корпусом, Маньчжурской особой дивизией, 1-й сводной Маньчжурской дивизией. С октября 1918 года - командир 5-го Приамурского корпуса, а с декабря того же года - командующий Восточно-Сибирской отдельной армией. С июня 1919 года по начало августа 1919 года - командир Восточно-Сибирского армейского корпуса, а с августа - помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края. С ноября 1919 года - командующий войсками Читинского (с 5 декабря - Забайкальского) военного округа, а с декаб-

ря - главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа. С февраля 1920 года - главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с вышеназванными должностями с ноября 1918 года - походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с апреля 1919 года - походный атаман Забайкальского и Дальневосточных войск, а с июня того же года - войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с апреля 1920 года - походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины. С апреля 1921 года - походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, тесно сотрудничал с японцами. После начала войны СССР с Японией арестован 22 августа 1945 года, доставлен в СССР. Судим в Москве в августе 1946 года и приговорен к повешению. Приговор приведен в исполнение 30 августа 1946 года.

Семёнов Юлий Федорович (1873 - 1947), политический деятель. Кадет, масон. В 1918 - 21 годах - председатель «Русского национального совета» в Грузии, оказывавшего поддержку генералам Деникину и Врангелю. После окончания Гражданской войны в России проживал в эмиграции в Париже. Редактор парижской газеты «Возрождение». Один из организаторов Зарубежного съезда 1926 года. С 1937 года - вице-председатель Национального объединения русских писателей и журналистов. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Семёнов Николай (? - -), священнослужитель. Внук генерала Н.Н. Духонина. Настоятель храма-памятника во имя Св. Праведного Иова Многострадального в Брюсселе в 90-е годы. В январе 2000 года назначен представителем РОВСа в Бельгии.

Серафим (? - ?), церковный деятель, митрополит. В годы Великой Отечественной войны был митрополитом Русской Православной Церкви Заграницей. Выступал в поддержку войны Германии против СССР и власовского движения.

Сергеев И.В. (? - ?), общественно-политический деятель. После окончания Гражданской войны в России находился в эмиграции в Маньчжурии. В 30-е годы один из видных деятелей и первый секретарь БРЭМ. В марте 1938 года подал в отставку с этой должности.

Серебрянский Яков Исаакович (1892 - 1956), полковник государственной безопасности. Родился 26 ноября 1892 года в Минске, в еврейской семье подмастерья-часовщика, а затем - приказчика. Окончил 4-классное городское училище в Минске. В 1907 году примкнул к ученической организации эсеров-максималистов, а затем вступил в ряды партии эсеров. В ВКП(б) с 1923 года. С юношеских лет в революционном движении, арестовывался, находился в заключении. Участник Первой мировой войны, рядовой 105-го Оренбургского полка на Западном фронте. Участник Гражданской войны на стороне красных. Участник Гилянской экспедиции в Персию в 1919 - 20 годах, начальник общего отдела в Особом отделе Персидской Красной армии. С мая 1920 года работал в центральном аппарате ВЧК и был демобилизован в августе 1921 года. В ноябре 1923 года вновь принят особоуполномоченным Закордонной части ИНО ОГПУ. В дальнейшем занимал различные должности в разведывательном аппарате в стране и за рубежом. В апреле 1929 года был назначен начальником 1-го отделения ИНО и одновременно руководителем Особой группы при наркомате внутренних дел. Руководил операцией по похищению генерала Кутепова в Париже в январе 1930 года. В дальнейшем продолжал работу в советской разведке. В ноябре 1938 года был арестован и в июле 1941 года приговорен к высшей мере наказания, но в связи с развернувшейся Великой Отечественной войной был амнистирован, восстановлен в партии и продолжал работу в разведке. В мае 1946 года уволен по состоянию здоровья, а июле 1953 года уволен из МВД в запас Министерства обороны. В октябре 1953 года арестован и 30 марта 1956 года умер на допросе у следователя. В дальнейшем был реабилитирован.

Силкин Дмитрий Алексеевич (1889 - после 1945), полковник в Русской Армии, генерал-майор германской армии. Родился 22 октября 1889 года в Новочеркасске. Окончил Новочеркасское реальное училище и Новочеркасское военное училище. Подъесаул 4-го Донского казачьего полка, участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны - в Добровольческой армии: в июне 1918 года - командир сотни 2-го офицерского конного полка, затем до 26 ноября 1919 года - помощник командира этого полка. Есаул, затем войсковой старшина, полковник. В Русской Армии с июля по 8 августа - командир 2-го конного полка, а затем и до эвакуации Крыма - командир конного дивизиона Дроздовской дивизии. Галлиполиец. Затем в составе Дроздовского полка в Болгарии. В дальнейшем проживал в Париже, работал шофером. С 1931 года возглавлял группу Дроздовского конного дивизиона в Париже. Во время Второй мировой войны - в казачьих частях германской армии, командир бригады в 1-й казачьей пешей дивизии, заместитель походного атамана казачьих войск. 16 мая 1945 года произведен в генерал-майоры. 19 мая того же года выдан в Лиенце и вывезен в СССР. Умер в лагере.

Симанский Пантелеймон Николаевич (1866 - 1938), генерал-лейтенант. Родился 30 сентября 1866 года. Из дворян Псковской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус, Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер Лейб-гвардии Павловского полка. Участник первой мировой войны, генерал-лейтенант, командир 47-го армейского корпуса. В годы Гражданской войны в Северо-Западной армии, в октябре - ноябре 1918 года - командир 1-й стрелковой дивизии Отдельного Псковского добровольческого корпуса в Пскове, с декабря того же года по январь 1919 года - командир Либавского отряда. В эмиграции проживал в Польше. В 20-е годы возглавлял «Академический Союз», объединявший преимущественно бывших военнослужащих в Варшаве. Военный историк, писатель, председатель Российского общественного комитета в Польше. Умер 22 апреля 1938 года в Варшаве.

Сиракава (? - ?), японский военнослужащий. Квантунский генерал-губернатор в 20-е годы.

Скалон Михаил Николаевич (1874 - 1940), генерал-лейтенант. Родился 19 апреля 1874 года. Окончил Пажеский корпус и вышел офицером в Лейб-гвардии Гусарский полк. Участник Русско-японской войны. В 1912 году ему присвоено звание полковника. Участник Первой мировой войны: командир 36-го пехотного Орловского полка, командир Лейб-гвардии 4-го стрелкового полка, начальник 33-й пехотной дивизии. С декабря 1914 года - генерал-майор. Участник Гражданской войны на стороне белых: командир отряда войск Новороссии в ноябре 1919 - феврале 1920 года; командир сводно-гвардейской пехотной дивизии в группе войск генерала Бредова в феврале - марте 1920 года, участник похода генерала Бредова в Польшу. С июля 1920 года в Крыму: командир 4-го армейского корпуса Русской Армии, командующий 2-й армией, и.о. губернатора Таврии, начальник гражданского управления и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции жил в Болгарии, Чехословакии, Германии. Рескриптом великого князя Николая Николаевича от 30 ноября 1924 года был назначен состоящим в его распоряжении. Был членом РОВСа и ряда эмигрантских военных организаций. Председатель объединения 4-го стрелкового Императорской фамилии полка. Умер 28 февраля 1940 года в Праге.

Скалон фон Николай Дмитриевич (? - ?), полковник. Сын генерала от кавалерии. Участник Первой мировой войны, полковник Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. В годы Гражданской войны - в Вооруженных силах Юга России, в марте 1920 года - командир 2-го сводно-гвардейского кавалерийского полка. В Русской Армии в конце августа - начале 1920 года - врио, командира Гвардейского кавалерийского полка. После поражения белых проживал в эмиграции. В 30-е годы жил в Германии, возглавлял отдел «Российского Освободительного Национального Движения» в Дрездене, а в 1935 года возглавил созданное «Российское Национальное и Социальное Движение».

Скоблин Николай Владимирович (1893 или в 1894 - 1938?), генерал-майор. Родился 9 июня 1893 года (по другим данным - в 1894) в городе Нежине в семье отставного полковника. Окончил Нежинскую классическую гимназию и Чугуевское военное училище. В декабре 1914 года произведен в офицеры. Участник Первой мировой войны и закончил ее капитаном, командиром батальона 126-го пехотного Рыльского полка. В декабре 1917 года вступил добровольцем в Корниловский полк и в ноябре 1918 года стал командиром этого полка; ему присвоено звание полковника. С марта 1920 года - начальник Корниловской дивизии, генерал-майор. Начиная эмиграцию на Галлиполи, а затем жил во Франции. В эмиграции являлся командиром Корниловского ударного полка. В 1930 году был завербован ОГПУ. В сентябре 1937 года принимал участие в похищении генерала Миллера в Париже. После этого скрылся. Согласно наиболее распространенной версии бежал при помощи советской разведки в республиканскую Испанию и погиб там в 1938 году.

Скородумов Михаил Федорович (1892 - 1963), генерал-майор. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. Вышел в 1912 году подпоручиком в Лейб-гвардии Павловский полк. Участник Первой мировой войны. Дослужил до командира батальона, был ранен и взят в плен немцами в 1916 году. Год и семь месяцев находился в плену, был обменен и в 1917 году вернулся в Петроград. После прихода большевиков к власти находился в конспиративной контрреволюционной организации и с 1918 года в Добровольческой армии. Участник похода генерала Бредова, был интернирован в Польше, а затем до эвакуации Крыма находился в Русской Армии. Полковник. Командир батальона Корниловского военного училища на Галлиполи, а затем переехал в Болгарию. Будучи комендантом в г. Ловеч был выслан болгарскими властями вместе с генералом Кутеповым и оказался в Югославии. Присвоено звание генерал-майора. В июне 1941 году назначен немцами начальником «Бюро по защите интересов Русской

эмиграции в Сербии», а 12 сентября был назначен ими командиром Русского Корпуса. Но 14 сентября того же года был арестован гестапо и находился под арестом три недели. Будучи освобожден три года демонстративно занимался сапожным ремеслом. В 1944 году вступил рядовым в Русский Корпус. Затем уехал в Австрию для спасения своей семьи. После Второй мировой войны переехал в США. Умер 15 ноября 1963 года в Лос-Анджелесе и был похоронен на Холливудском кладбище.

Слащён Яков Александрович (1885 - 1929), генерал-лейтенант. Родился 29 декабря 1885 года в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Окончил реальное училище в Санкт-Петербурге, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: командир роты и батальона Лейб-гвардии Финляндского полка. В ноябре 1916 года присвоено звание полковника. С июля по декабрь 1917 года - командир Лейб-гвардии Московского полка. В Добровольческой армии с января 1918 года. По заданию генерала Алексеева формировал части этой армии в районе Минвод, начальник штаба в отряде Шкуро. С июня 1918 года - командир Кубанской пластунской бригады. В апреле 1919 года присвоено звание генерал-майора. Является начальником 5-й, а затем 4-й пехотной дивизии; с ноября 1919 года - командир 3-го армейского корпуса. С марта 1920 года - командир 2-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. Снят с должности и с августа 1920 года находился в распоряжении главнокомандующего. В эмиграции, с 21 декабря 1920 года в отставке. 3 ноября 1921 года вернулся в СССР и служил в РККА, преподавал на командных курсах «Выстрел». Убит 11 января 1929 года в Москве.

Смирнов Яков Яковлевич (1890 - ?), полковник. Родился в г. Холм (Польша). Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны воевал в войсках адмирала Колчака. После окончания Гражданской войны в России проживал в Китае (Маньчжурии). Сотрудничал с японцами. В 1935 - 42 годах служил во 2-м отделе Главной японской военной миссии в Харбине. Преподавал на курсах в Академии Генерального штаба Японии в Токио. С января 1943 года командовал «Русским отрядом Асано», существовавшим потом под различными наименованиями. С августа 1943 года стал сотрудничать с советской разведкой. В августе 1945 года распустил вверенное ему подразделение, оставив только офицеров. По заданию советского командования охранял мосты через р. Сунгари, чтобы не допустить их взрыва японцами. В августе 1945 года арестован сотрудниками СМЕРШ и приговорен к заключению в ИТЛ.

Смысловский Борис Алексеевич (псевдонимы - Регенау, Хольмстон) (1897 -1988), штабс-капитан русской армии, генерал-майор вермахта. Родился 21 ноября 1897 года в Террийоках (Финляндия). Сын подполковника. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Николаевскую академию Генерального штаба (сдал экзамены за ее ускоренный курс в 1917 году, хотя, по другим данным, - не окончил курс). Участник Первой мировой войны, штабс-капитан Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. Воевал в Гражданской войне в Добровольческой армии. Участник 2-го Кубанского похода в сводно-гвардейском дивизионе, начальник штаба Сводно-гвардейского отряда. Участник похода генерала Бредова; Кубанского десанта; затем начальник разведывательного отдела штаба 3-й Русской армии в Польше, начальник штаба Сводно-гвардейского отряда. Окончил войну в звании капитана. В эмиграции жил в Польше и в Германии. В конце 20-х годов окончил высшие военные курсы рейхсвера (Труппенамт) (хотя это оспаривается рядом авторов). По некоторым данным, был начальником штаба Варшавского подотдела РОВСа. В конце июня 1941 года в чине майора вермахта приступил к формированию 1-го русского учебно-разведывательного батальона абвера, сформированного при штабе группы армий «Север». В конце 1942 года ему присвоено звание подполковника, и он являлся начальником «Зондерштаба Р» («Особый штаб «Россия»). В его подчинении находилось 12 учебно-разведывательных батальона, номинально составлявших «Особую дивизию Р». В декабре 1943 года арестован немцами, и этапирован в Торунь, где полгода находился под следствием. После освобождения приступил к формированию 1-й Русской национальной дивизии. Затем под псевдонимом Артур Хольмстон приступил к формированию «Зеленой армии особого назначения». Произведен в генерал-майоры и назначен в марте 1945 года командующим 1-й Русской Национальной армии. Вывел свои части в княжество Лихтенштейн. В 1947 году выехал в Аргентину. По приглашению правительства этой страны занял должность советника по борьбе с терроризмом. Организовал Российское Военное Национальное Освободительное движение имени генерала Суворова (Суворовский Союз), редактировал газету «Суворовец». В середине 50-х годов переехал в США. В 1966 году вернулся в Европу. Умер 5 сентября 1988 года в Вадуце (Лихтенштейн).

Соколов-Кречетов (Соколов) Сергей Александрович (Алексеевич?) (псевдоним - Сергей Кречетов) (1878 или 1879 - 1936), поэт, литературный критик, политический деятель,

масон. Окончил юрфак Московского университета. Владелец московского издательства «Гриф». Участник Первой мировой войны в армии генерала Самсонова, ранен и попал в плен в 1914 году. С весны 1919 по март 1920 года - в Добровольческой армии; один из идеологов Белого движения. С весны 1920 года - в Париже, а с 1922 года - в Германии, где возглавлял издательство «Медный всадник». Создал и возглавил «Братство Русской Правды». После прихода к власти в Германии нацистов переехал в Париж и умер здесь 14 мая 1936 года.

Соколовский Василий Иоанникович (1884 - 1943), полковник. Родился 31 декабря 1884 года. Окончил ряд учебных заведений, в том числе Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, подполковник. В годы Гражданской войны в Добровольческой армии. ВСЮР и Русской Армии: с сентября 1918 года находился в распоряжении начальника 1-й конной дивизии; с ноября - начальник штаба 1-го конного корпуса, а с декабря того же года - начальник штаба армейской группы генерала Врангеля; с мая 1919 года назначен начальником штаба корпуса генерала Шкуро, а осенью того же года - начальник штаба в 1-й Кавказской казачьей дивизии. Находился в Крыму в Русской Армии до эвакуации. Полковник. После Галлиполи переехал с Константиновским военным училище в Болгарию. Затем проживал во Франции и возглавлял группу Константиновского военного училища. С 1934 года являлся членом Общества офицеров Генерального штаба, председателем объединения Киевлян-Константиновцев в Париже. С 1930-х годов - начальник Константиновского военного училища. Член РОВСа. Участник выступления начальников воинских частей 1-го Армейского корпуса в Париже 23 февраля 1935 года с требованием реорганизации РОВСа. Член комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВС в марте - апреле 1935 года. Умер 2 мая 1943 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Солоневич Иван Лукьянович (1891 - 1953). Родился 14 ноября 1891 года в селе Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии в семье сельского учителя. В 1916 году закончил юридический факультет Петроградского университета. Известный спортсмен, вице-чемпион России по гиревому спорту. Сотрудничал в газетах «Северо-Западная жизнь», а затем - «Новое время». Придерживался монархических взглядов. Свержение самодержавия воспринял как трагедию. В годы гражданской войны вступил добровольцем в белую армию, работал в пропагандистском аппарате. Перед взятием красными Одессы пытался эмигрировать вместе с семьей, но заболел тифом и вынужден остаться. Непродолжительное время находился в заключении в одесской ЧК. В 20-е годы работал в СССР на разных профессиях - грузчик, кооператор, счетовод, сценарист, фотограф, профсоюзный инспектор по спорту и туризму в Москве. В 1932 году вместе с братом Борисом пытался бежать в Финляндию через Карелию, но неудачно. В 1933 году был арестован ОГПУ. Оказался вместе с сыном Юрием в карельских лагерях, строил Беломоро-Балтийский канал. Летом 1934 года вместе с братом и сыном бежал в Финляндию. Затем переехал во Францию и издал здесь книгу «Россия в концлагере», переведенную на 17 языков. Затем переехал в Болгарию. Жил в Софии, с 1936 года издавал здесь газету «Голос России». В эмиграции распространялись слухи о их причастности к НКВД. В начале ноября 1936 года была предпринята неудачная попытка боевиков из «Внутренней линии» РОВС устранить братьев Солоневичей, но неудачно. 3 февраля 1938 года в результате взрыва в помещении газеты «Голос России» погибли его жена и секретарь. Ответственность за покушение связывали с НКВД или РОВС. В августе 1938 года по настоянию РОВС газета «Голос России» была закрыта болгарскими властями. А вслед за этим Солоневич переехал в Германию, сотрудничал с министерством пропаганды. Но с началом Великой Отечественной войны отказался пропагандировать успехи вермахта. Был арестован и сослан в Померанию под надзор гестапо «за пораженческие настроения. В 1947 году переехал из Европы в Южную Америку - в Аргентину, а затем - в Уругвай. Издал здесь книгу «Народная монархия». Умер в Монтевидео во время хирургической операции 24 апреля 1953 года.

Солоневич Тамара Владимировна (? - 1938), жена И.Л. Солоневича. В 1928 году выехала в Германию на работу в советском торгпредстве в качестве референта-переводчика. После ареста мужа вступила в фиктивный брак с гражданином Германии, что спасло ее от возвращения в СССР. После бегства И.Л. Солоневича из СССР их семья воссоединилась. Погибла 3 февраля 1938 года во время взрыва в помещении газеты «Голос России».

Солоневич Юрий Иванович (? - ?), сын И.Л. и Т.В. Солоневич. Родился в России. В 1933 году вместе с отцом был арестован НКВД и находился в карельских лагерях. Бежал в Финляндию вместе с отцом и дядей летом 1934 года. Жил вместе с родителями в эмиграции.

Ставицкий Иван Павлович (1873 - 1966) генерал-лейтенант. Родился в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын инженер-механика флота. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. По окончании училища

вышел в 1895 году в 4-й железнодорожный батальон. Участник Русско-японской войны и окончил ее инженером 4-го Сибирского корпуса. Подполковник. Участник Первой мировой войны: полковник и начальник инженеров 8-й армии. За подготовку Брусиловского прорыва присвоено в 1916 году звание генерал-майора. В годы Гражданской войны в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии. В 1918 году служил в управлении начальника военных сообщений и являлся заместителем начальника военно-инженерного управления. С октября 1918 года по январь 1919 года находился в резерве Главного начальника снабжений. С октября 1919 года был начальником базы, а в 1920 году - начальник гарнизона Феодосии. С августа 1920 года назначен начальником снабжений Русской Армии. Генерал-лейтенант. В декабре 1920 года назначен представителем генерала Врангеля в Софии (Болгария). С 1925 года переехал во Францию и жил в Париже. Работал инженером. Член РОВСа. Член комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа в марте - апреле 1935 года. Умер 5 февраля 1966 года в Кормейан-Паризи под Парижем и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Сталин (настоящая фамилия - **Джугашвили**) **Иосиф Виссарионович** (1879 - 1953), советский государственный и политический деятель. Родился 9 декабря 1879 (по другим сведениям - 6 декабря 1878) года в г. Гори Тифлисской губернии. Из семьи сапожника. Окончил Горькое духовное училище, учился в Тифлисской духовной семинарии и исключен из нее в 1899 году. В 1898 году вошел в первую грузинскую социал-демократическую организацию «Месаме-даси» («Третья группа»). С 1901 года участник РСДРП, после II съезда партии - большевик. В 1912 году введен в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. После прихода большевиков к власти - член ЦК РСДРП(б), член ВЦИК и нарком по делам национальностей. С апреля 1922 года - генеральный секретарь ЦК партии большевиков, с 1939 года - председатель правительства. Умер 5 марта 1953 года и похоронен в Москве.

Стамболийский Александр (1879 - 1923), болгарский политический и государственный деятель. С 1902 года лидер Болгарского земледельческого народного союза. Во время Влайского восстания в Болгарии 1918 года - президент Радомирской республики. В 1919 - 23 годах - премьер-министр правительства Болгарии. Свергнут в результате военного переворота, происшедшего в Болгарии в ночь на 9 июня 1923 года и расстрелян без суда и следствия во дворе софийской тюрьмы.

Станиславский Андрей Васильевич (1883 - 1941), полковник. Родился 30 ноября 1883 года. Из дворян. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии, начальник разведывательного отделения штаба этой армии, полковник. Некоторое время служил в военной разведке Красной армии: 3-й обер-квартирмейстер ГУГШ, врид. начальника Военно-статистического отдела. В сентябре 1918 года выехал в район Брянска в командировку и перешел линию фронта. С августа 1919 служил во ВСЮР и Русской Армии в штабе главнокомандующего до эвакуации Крыма. В 1921 являлся помощником начальника информационного отдела того же штаба. С 20-х годов жил в Париже. Являлся помощником начальника русской частей во Франции генерала Шатилова, а затем был начальником канцелярии I отдела РОВСа при его начальниках - генералах Шатилове, Эрдели, Миллере и вице-адмирала Кедрове. Подал в отставку и освобожден от этой должности в ноябре 1937 года. Умер 21 июля 1941 года.

Степанов (? - ?), старший лейтенант. Морской офицер, участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России на стороне белых. В ноябре 1920 года эвакуировался из Крыма. Служил на яхте «Лукулл», где располагались после эвакуации генерал Врангель, его семья и штаб.

Стогов Николай Николаевич (1872 - 1959), генерал-лейтенант. Родился 10 сентября 1872 года. Окончил Николаевский кадетский корпус, 2-е Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Вышел в 1893 году офицером в лейб-гвардии Волынский полк. В 1908 году присвоено звание полковника. Участник Первой мировой войны: командир 3-го Финляндского стрелкового полка; генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии; начальник штаба этой армии; командир 16-го армейского корпуса; начальник штаба Юго-Западного фронта. В 1917 году присвоено звание генерал-лейтенанта. В апреле 1918 года мобилизован в Красную Армию и в мае - августе 1918 года являлся начальником Всероссийского Главного штаба, но одновременно являлся участником подпольного Национального центра в Москве и руководил ее военной организацией, а также возглавлял штаб Добровольческой армией Московского района. В 1919 году бежал к генералу Деникину. Служил во ВСЮР и Русской Армии: начальник укрепленной позиции в районе Ростова; начальник штаба Кубанской армии; комендант Севастополя и командующий войсками тылового района до эвакуации Кры-

ма. В эмиграции жил в Сербии, а с 1924 года - в Париже. В 1927 году - делопроизводитель Комитета по руководству физическим развитием русской молодежи. С 1928 года - помощник начальника военной канцелярии РОВСа, а с июля 1930 до июня 1934 года был ее начальником. С 1934 года и до конца жизни возглавлял Общество офицеров Генерального штаба, также руководил Объединением офицеров лейб-гвардии Волынского полка в Париже, Союзом Георгиевских кавалеров, Союзом российских кадетских корпусов и др. В феврале 1941 года был назначен заместителем начальника I отдела РОВСа. Умер в декабре 1959 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Струве Петр Бернгардович (1870 - 1944), политический деятель, историк, экономист, издатель. Родился 26 января 1870 года в Перми в семье пермского губернатора. Окончил 3-ю гимназию в Петербурге, учился на естественном, а затем на юридическом факультете Петербургского университета и сдал экзамены за юрфак экстерном. Один из лидеров «легальных марксистов», затем один из создателей либерального «Союза освобождения», а с 1906 года - член ЦК партии кадетов. С 1906 года преподавал политэкономические дисциплины в Петербургском политехническом институте, а позднее - на Бестужевских женских курсах и в университете. В 1913 году защитил магистерскую диссертацию и избран экстраординарным профессором Петербургского университета. В 1917 году защитил докторскую диссертацию и избран академиком РАН. В апреле-мае 1917 года - директор экономического департамента МИДа. В ноябре 1917 года - в Новороссийске, где вошел в состав «Донского гражданского совета». С февраля 1918 года находился в Москве и входил в ряд подпольных антисоветских организаций. В декабре 1918 года перебрался в Финляндию и стал членом Национального комитета при генерале Юдениче. В 1919 году - в Англии и Франции, где организовал кампанию по сбору средств для белых армий. С лета 1919 года находился на Юге России и являлся членом Особого совещания при генерале Деникине. С апреля 1920 года возглавил управление внешних сношений в правительстве генерала Врангеля в Крыму. В октябре 1920 года, незадолго до эвакуации Крыма выехал из него и обосновался в Париже, вместе с тем, подолгу живя в других центрах русской эмиграции - Праге, Берлине, Варшаве, Белграде. Занимался общественно-политической и научной деятельностью. В 1941 году арестовывался немцами в Белграде и находился в тюремном заключении. Умер 26 февраля 1944 года в Париже.

Суворов Михаил Николаевич (1877 - 1948), генерал-майор. Родился 15 августа 1877 года в семье офицера. Из дворян Калужской губернии. Окончил 2-й московский кадетский корпус, Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер Лейб-гвардии Егерского полка, и.д. начальника штаба Гвардейской стрелковой дивизии, начальник штаба 2-й Латышской стрелковой дивизии, командир 121-го стрелкового полка. Участник Первой мировой войны. Генерал-майор. В сентябре 1918 года взят заложником в Петрограде. Работал в подпольной антибольшевистской организации. С мая по август 1919 года - в Северо-Западной армии, член Политического совещания при генерале Юдениче. В эмиграции проживал во Франции. Член объединения Лейб-гвардии Егерского полка, член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 1 февраля 1948 года в Париже.

Султан Килыч-Гирей (Келеч Гирей) (? - 1947), кавказский князь, генерал-майор. Окончил Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны, полковник. В августе 1917 года участвовал в составе Туземной конной дивизии в походе генерала Корнилова на Петроград. Затем служил в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода. В марте 1918 года - командир Черкесского конного полка, затем - командир 2-й бригады 1-й конной дивизии. С декабря 1918 года - начальник Черкесской конной дивизии. Генерал-майор. После разгрома войск генерала Деникина бежал в Грузию. После установления советской власти в Грузии выехал в эмиграцию. Жил во Франции. С началом Великой Отечественной войны призывал горцев Кавказа сражаться с большевиками. Вел активную работу в центральном комитете партии горцев. Занимался формированием кавказских национальных частей германской армии. В 1943 году сформировал из кавказцев, эмигрантов и военнопленных дивизию, которая воевала с партизанами в Югославии. В марте 1945 года уехал из Германии в австрийский город Делах, где был задержан англичанами и передан советскому командованию. Судим в Москве и казнен 16 января 1947 года.

Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович, граф - он же - князь **Ф.Ф. Юсупов**.

Таборицкий фон Сергей Владимирович (? - ?), русский эмигрант. Участник покушения на П.Н. Милюкова в марте 1922 года в Берлине, в результате которого был убит В.Д. Набоков. Приговорен к 12 годам тюрьмы. Амнистирован в 1927 году прусским министерством юстиции. С мая 1936 года и в дальнейшем в годы Второй мировой и Великой Отечественной

войн являлся помощником, затем заместителем начальника Управления делами российской эмиграции в Германии генерала Бискупского.

Таганцев Николай Николаевич (1873 - 1946), видный юрист, сенатор в дореволюционной России. После окончания Гражданской войны в России жил в эмиграции в Париже. В 1937 году у него брал консультации генерал Эрдели по вопросам работы Особой комиссии по делу Скоблина. Умер 25 мая 1946 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Гаки Х. (? - ?), японский офицер. В годы Второй мировой войны - подполковник, начальник японской военной миссии Маньчжурии.

Таннер Вяйне Альфред (1881 - 1969), политический деятель Финляндии. В 1919 - 26 и 1957 - 63 годах - председатель социал-демократической партии, в 1926 - 27 - премьер-министр, в 1939 - 40 годах - министр иностранных дел. Способствовал вовлечению Финляндии в войну против СССР вместе с Германией. Осужден в 1946 году как военный преступник и освобожден в 1948 году.

Тардьё Андре (? - ?), французский политический и государственный деятель. Возглавлял правительство Франции в 1929 - 30 и 1932 годах.

Таубе фон Михаил Александрович (1869 - 1961), барон, русский государственный деятель. До революции - царский сенатор, управляющий министерством народного просвещения царского правительства. Член Международного трибунала в Гааге. После Гражданской войны проживал в эмиграции. Являлся профессором Мюнстерского университета в Германии. Летом (по другим данным - осенью) 1941 года назначен германскими властями во Франции экспертом по русским делам. Умер 29 ноября 1961 года и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Твердый Леонид Доримедонтович (по другим данным - **Дормидонтович**) (1872 - 1968), генерал-лейтенант. Окончил Алексеевское пехотное училище, юрфак Московского университета, Военно-юридическую академию и Санкт-Петербургский археологический институт. В 1895 году вышел подпоручиком в 15-й стрелковый полк. После окончания Военно-юридической академии в 1900 году служил по Военно-морскому судебному ведомству в Кронштадте. Участник Русско-японской войны: штабс-капитан и прокурор в Порт-Артуре. Участник Первой мировой войны: полковник и прокурор Севастопольского Военно-морского суда. В 1915 году присвоено звание генерал-майора. Участник Гражданской войны на Юге России, занимал высшие должности в Военно-морском судебном отделении Морского управления. В 1920 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта Военно-морского судебного ведомства Эвакуировался с флотом в Бизерту, был обер-аудитором в штабе эскадры и до 1924 года являлся председателем комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В 1925 году переехал в Париж, работал в конторе видного нотариуса. Принимал активное участие в деятельности Военно-морского собрания и РОВСа. Советник по юридическим вопросам четырех председателей РОВСа. Участник комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВС в марте-апреле 1935 года. В июне 1935 года - член суда чести в Париже, рассматривавшего обвинения капитана Федосеенко в адрес генерала Скоблина. Почетный член Морского собрания в Париже; председатель Объединения чинов 4-й стрелковой железной бригады («железных стрелков»). Умер 21 апреля 1968 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Тесленко Н.В. (? - ?), политический деятель. Депутат Государственной Думы. После окончания Гражданской войны в России находился в эмиграции в Турции. Принимал активное участие в общественно-политической жизни русской эмиграции здесь.

Тимофеев Константин Тимофеевич (? - ?), личный дворянин, отец генерала А.П. Кутепова.

Тимофеева (фамилия от первого брака; во втором браке - **Кутепова**) **Ольга Андреевна** (примерно 1863 - ?), мать генерала А.П. Кутепова. Родилась в Старорусском уезде Новгородской губернии. Окончила Новгородскую гимназию. Личная дворянка.

Ткачев Вячеслав Матвеевич (1885 - 1965), генерал-майор. Родился 24 сентября 1885 года. Из дворян Кубанской области, казак станицы Келермесской этой области. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Офицерскую воздухоплавательную школу, Севастопольскую авиационную школу. Участник Первой мировой войны, полковник, генерал-инспектор авиации (и.д. начальника полевого управления авиации) при штабе верховного главнокомандующего. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии и ВСЮР, в апреле - августе 1918 года находился в плену. С декабря 1918 года - командир 1-го Кубанского авиационного отряда, затем командир 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона. С мая 1919 года - генерал-майор. С декабря 1919 года - член Кубанского войскового правительства по внутренним делам. С апреля по октябрь 1920 года - начальник авиации Русской Армии. В эмиграции жил в Югославии, являлся председателем суда чести

при IV отделе РОВСа. Председатель Общества Воздушного флота в Нови Сад. Походный атаман Кубанского казачьего войска в годы Великой Отечественной войны, в составе Русского Корпуса. Арестован в декабре 1944 года и вывезен в СССР. До 1955 года находился в лагерях ГУЛАГа. Умер 24 марта 1965 года в Краснодаре.

Тополджиков (? - ?), болгарский офицер. В 1922 году - полковник, начальник Генерального штаба Болгарской армии.

Трахтерев О.С. (? - ?), юрист. После окончания Гражданской войны проживал в эмиграции во Франции. Председатель Общества русских адвокатов во Франции.

Трепов Александр Федорович (1862 - 1928), русский государственный деятель. Сын петербургского градоначальника. Окончил Пажеский корпус. Служил в армии. С 1892 года - переяславский уездный предводитель дворянства, с 1892 года - служащий Государственной канцелярии. С 1897 года - сенатор первого департамента Правительствующего Сената, с 1914 года - член Государственного Совета. С октября 1915 по декабрь 1916 года - управляющий министерства путей сообщения, министр путей сообщения. С 10 ноября по 27 декабря 1916 года - председатель Совета министров России. После революции 1917 года - в эмиграции. Председатель Монархического объединения во Франции. Входил в Высший Монархический Совет. Находился в окружении великого князя Николая Николаевича. Участвовал в работе Зарубежного съезда 1926 года.

Третьяков Сергей Николаевич (1882 - 1944), предприниматель и политический деятель. Родился 26 августа 1882 года в Москве. Из купцов. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Директор ряда крупных предприятий. Член ЦК партии прогрессистов с 1912 года. С марта 1917 года - товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности и лидер Московского Торгпрома. В сентябре 1917 года вошел в состав Временного правительства в качестве председателя Экономического совета. После захвата власти большевиками арестован вместе с другими членами Временного правительства и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в феврале 1918 года эмигрировал в Финляндию и затем переехал на Юг России. Заместитель П.Н. Милюкова в созданном осенью 1918 года в Киеве Союзе государственного объединения России. В ноябре 1918 года был участником Яского совещания представителей антибольшевистских сил России и Антанты. Осенью 1919 года через США перебрался на Дальний Восток и в ноябре 1919 года вошел в Омское правительство в качестве министра торговли и правительства и заместителя Председателя Совета министров. В январе 1920 года эмигрировал и стал одним из организаторов созданного в Париже в феврале 1920 года Торгово-промышленного и Финансового союза и заместителем его председателя. В 1929 году был завербован советской разведкой. В течение ряда лет с помощью установленной в его парижском особняке, где размещался РОВС, специальной аппаратуры прослушивал и доводил до чекистов всю информацию о его деятельности. Разоблачен немцами в период оккупации ими Франции, арестован гестапо в августе 1942 года и казнен 16 апреля 1944 года в концлагере Ораниенбурга.

Трофимов Павел Михайлович (1894 - 1929), офицер-дроздовец, капитан. Родился 2 сентября 1894 года в Могилевской губернии в семье известного врача, в дальнейшем приват-доцента Киевского университета. Окончил Виленскую классическую гимназию и учился на экономическом отделении Петроградского политехнического института. В 1914 году перешел в Киевское Николаевское пехотное военное училище и оставлен здесь после его окончания. В июле 1917 года направлен на фронт, в 14-й стрелковый полк Железной дивизии. В начале 1918 года с отрядом полковника Дроздовского совершил рейд из Ясс на Дон. Служил командиром пулеметной роты, а потом командиром 1-го батальона Дроздовского полка. Присвоено звание капитана. В эвакуации находился в Галлиполи, а затем проживал в Болгарии и Чехословакии. Окончил в Праге двухгодичное Русское высшее училище техников путей сообщения. В 1926 - 27 годах являлся председателем правления Галлиполийского землячества в Праге. С 1925 года принадлежал к организации генерала Кутепова и вел специальную работу в ряде стран, нацеленную, в конечном счете, на СССР. В декабре 1929 года погиб в СССР, выполняя поручение генерала Кутепова.

Троцкий (настоящая фамилия - **Бронштейн**) **Лев Давидович** (1879 - 1940), политический и государственный деятель. Родился 26 октября 1879 года в дер. Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье зажиточного земледельца, крупного арендатора. Учился в реальном училище в Одессе, а потом в Николаеве. С 1896 года участвовал в социал-демократическом движении. Неоднократно арестовывался. На VI съезде РСДРП вместе с «межрайонцами» вошел в ЦК партии большевиков, членом которого являлся до 1927 года. В сентябре 1917 года избран председателем Петроградского Совета. В созданном на II съезде Со-

ветов правительства занял пост наркома по иностранным делам. В марте 1918 года назначен председателем Высшего Военного Совета и наркомом по военным делам, а 2 сентября того же года - председателем Реввоенсовета. Освобожден от работы в Реввоенсовете в 1925 году, в 1926 году выведен из Политбюро ЦК, а в 1927 году - из ЦК партии большевиков. В ноябре 1927 года исключен из партии, а в январе 1928 года выслан из СССР. После ряда неудачных покушений был смертельно ранен 20 августа 1940 года на вилле Койякана в Мексике испанским коммунистом и агентом НКВД Р. Меркадером.

Трубецкой Сергей Евгеньевич (1890 - 1949), князь, политический деятель. Родился в Москве в семье известного философа Е.Н. Трубецкого. Получил высшее образование. Участник Первой мировой войны, полковник. Принимал активное участие в антибольшевистском движении в России, в 1922 году арестован и выслан из Советской России. С ноября 1923 года руководил информационной работой Штаба Русской армии. С 1924 до ноября 1937 года являлся начальником общей (гражданской) канцелярии РОВСа при генералах Кутепове и Миллере. Возглавлял информационно-пропагандистский отдел (информационное отделение) РОВСа. В начале ноября 1937 года был освобожден начальником РОВСа генералом Абрамовым от обязанностей начальника канцелярии и информационного отделения РОВСа «по сокращению штатов» и с благодарностью. Умер 23 октября 1949 года в Париже.

Трусов Валериан Александрович (1879 - 1957), генерал-майор. Родился 30 сентября 1879 года в Рязанской губернии. Из дворян той же губернии. Окончил Нижегородский (Ярославский?) кадетский корпус, Тверское кавалерийское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. Начал службу офицером 2-го драгунского полка, а в 1912 году переведен в гвардию. Участник Первой мировой войны: полковник, помощник командира стрелкового полка 17-1 кавалерийской дивизии; командир Горджинского конного пограничного полка; помощник командира полка Офицерской кавалерийской школы. Участник Гражданской войны: с июня 1919 года - в распоряжении начальника 1-й дивизии Северо-Западной армии; с августа и в декабре - в 7-м пехотном Уральском полку и до декабря 1919 года - командир этого полка, а затем командир 1-й бригады 2-й пехотной дивизии; в августе – сентября 1920 года - командир Сводной кавалерийской дивизии, а осенью - начальник 1-й казачьей дивизии в 3-й Русской армии в Польше. В январе 1920 года присвоено звание генерал-майора. В эмиграции жил в Польше. С 1939 года являлся начальником отдела РОВСа в Варшаве. Затем бьи начальником русских военнослужащих и чинов ОРВС в пределах Генерал-губернаторства (Польши). С 20 сентября 1942 года находился в распоряжении начальника ОРВС генерала фон Лампе. После Второй мировой войны переехал в США. Умер 24 декабря 1957 года в США.

Трухин Федор Иванович (1896 - 1946), генерал-майор Красной Армии, затем генерал-майор ВС КОНР. Родился 29 февраля 1896 года в Костроме в семье предводителя губернского дворянства. Окончил 2-ю Костромскую гимназию и два курса юрфака Московского университета и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны, обер-офицер. После прихода к власти большевиков перешел на их сторону. С ноября 1918 года - в Красной Армии. Окончил Гражданскую войну командиром 362-го стрелкового полка. В дальнейшем находился на различных командных должностях. Окончил Военную Академию имени М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. В 1935 году ему присвоено звание полковника, а в 1940 году - генерал-майора. В конце июня 1941 года назначен заместителем начальника штаба Северо-Западного фронта, ранен и попал в плен 27 сентября того же года. В декабре 1941 года согласился работать пропагандистом в лагерях для советских военнопленных. В октябре 1942 года вступил в НТСНП. Возглавлял Дабендорфскую школу РОА. С декабря 1944 года - начальник штаба Вооруженных сил Комитета освобождения народов России. 8 мая 1945 года захвачен чешскими партизанами и на следующий день передан советскому командованию. Повешен 1 августа 1946 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Туркевич (? - ?), офицер-эмигрант. Один из руководителей контрразведывательной деятельности «Внутренней линии» во Франции в 30-е годы.

Туркул Антон Васильевич (1892 - 1957), генерал-майор. Родился в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губернии. Окончил Тираспольское реальное училище, ускоренный курс юнкерского училища и произведен в прапорщики. Участник Первой мировой войны: командир ударного батальона в 19-й пехотной дивизии, капитан. В Белом движении в отряде Дроздовского, участник похода Яссы - Дон, с апреля 1918 года - командир офицерской роты. С января 1919 года - командир 1-го Дроздовского полка. В апреле 1920 года присвоено звание генерал-майора. В Русской Армии с августа 1920 года назначен начальником Дроздовской дивизии. Галлиполиец, назначен командиром Сводного Дроздовского полка. После Турции проживал в Болгарии, а затем во Франции. Являлся издателем и редактором журнала «Доброволец». Вид-

ный деятель РОВСа. Активный участник выступления начальников 1-го Армейского корпуса в Париже 23 февраля 1935 года. Член комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа в марте-апреле 1935 года. В 1936 году основал и возглавил Русский Национальный Союз Участников Войны. За это в июле 1936 года был освобожден председателем РОВСа генералом Миллером от должности командира Дроздовского стрелкового полка и уволен из РОВСа. В апреле 1938 года по постановлению правительства Франции выслан из страны и жил в Германию, а после советско-германского пакта о ненападении переехал в Италию и жил в Риме. Затем перебрался в Болгарию и жил под Софией. В годы Великой Отечественной войны тесно сотрудничал с немцами. В декабре 1944 года был кооптирован в КОНР с сохранением чина. В начале 1945 года приступил к формированию отдельного корпуса ВС КОНР под Зальцбургом (Австрия). Сдался со своими частями американцам. Арестован союзниками и находился в заключении. После Второй мировой войны создал и стал председателем Комитета русских невозвращенцев. В августе 1950 года стал организатором съезда кадров РОА и возглавил созданную политическую организацию «Комитет Объединенных Власовцев». Издавал в Мюнхене газету «Доброволец». Умер в ночь с 19 на 20 августа 1957 года в Мюнхене и похоронен 14 сентября того же года на Сен-Женевьев де Буа.

Тхоржевский Иван Иванович (1870 - ?), общественный и политический деятель. Родился в семье адвоката. Окончил исторический факультет Петербургского университета, затем преподавал в нем. В 1913 - 16 годах служил управляющим канцелярией министерства земледелия. Участник Белого движения в годы Гражданской войны в России. В эмиграции проживал во Франции. Активно сотрудничал в газете «Возрождение». В 1948 году - редактор одноименного журнала. Состоял в Торгово-Промышленном Союзе и Национальном объединении русских писателей и журналистов во Франции.

Ульрих Василий Васильевич (1893 - 1951), советский юрист, генерал-полковник юстиции. Родился в Риге в состоятельной семье. Окончил реальное училище, учился на коммерческом отделении Политехнического института. В 1915 году был мобилизован в армию. Участник Первой мировой войны, подпоручик саперного батальона. С 1918 года работал в наркомате внутренних дел РСФСР, заведующий финансовым отделом НКВД. В годы Гражданской войны стал чекистом, работал в Петроградской ЧК, В 1922 году - заместитель начальника контрразведывательного отдела ГПУ. В дальнейшем находился на работе в судебных органах. С 1924 года член Военной коллегии Верховного суда СССР. 1926 года - председатель Военной коллегии Верховного суда СССР. С 1948 года - начальник курсов усовершенствования при Военно-юридической академии, профессор этой академии. Умер в 1951 году и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Ухтомский Николай Александрович (? - ?), князь. Активный участник Гражданской войны в России на стороне белых. После ее окончания проживал в эмиграции, работал газетным репортером. После окончания Второй мировой войны арестован в Маньчжурии. Судим в Москве в августе 1946 года и приговорен к 20 годам исправительно-трудовых лагерей.

Федотов Александр Иванович (? - ?), полковник. Участник Первой мировой войны в лейб-гвардии Петроградском полку, полковник. С августа 1918 года в Добровольческой армии. С 30 сентября 1918 года - командир роты генерала Маркова 1-го Офицерского (Марковского) полка. После окончания Гражданской войны покинул Россию. В эмиграции проживал в Болгарии. Руководил Военно-училищными курсами при III отделе РОВСа. В 1938 году возглавил созданную Роту Молодой Смены имени генерала Кутепова.

Фену (? - ?), полковник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России на стороне белых. В дальнейшем жил в эмиграции в Финляндии. Член РОВСа. Во второй половине 30-х годов рассматривался руководство РОВСа в качестве одного из кандидатов на руководство подотделом Союза в Финляндии.

Фёдоров Николай Васильевич (1901 - 2003), профессор, общественно-политический деятель. Родился 30 ноября 1901 года на хуторе Рогожине, в казачьей семье. Учился в Новочеркасской имени атамана графа М.И. Платова гимназии. Гимназистом вступил в декабре 1917 году в партизанский отряд есаула В.М. Чернецова. Затем служил во ВСЮР и Русской Армии. После эвакуации из Крыма находился в Чилингарском лагере, а затем на острове Лемнос. После этого в составе Атаманского военного училища прибыл в Болгарию. Служил в болгарской армии, играл в там музыкальных оркестрах, был произведен в чин подофицера (подхорунжего). Поступил в Сводный университет в Софии, а в 1929 году поступил в Колумбийский университет США, получил диплом магистра инженерных наук, а затем - гражданского инженера. Два года работал на Гавайях, а затем вернулся в Колумбийский университет, вел научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность, заведовал лабораторией гидродинами-

ки этого университета, преподавал гидравлику. Стал профессором, а затем заслуженным профессором, почетным членом Британской Королевской ассоциации прогресса науки, почетным пожизненным членом Американского общества гражданских инженеров, почетным членом Нью-Йоркской академии наук. В 1965 году стал исполняющим обязанности, а потом был избран Атаманом Всевеликого Войска Донского, а затем и председателем Тройственного Союза казаков Дона, Кубани и Терека. 14 сентября 2000 года он был назначен почетным председателем РОВСа. Умер 28 сентября 2003 года в городе Саффири штат Нью-Йорк (США)

Фёдоров Николай Федорович (1895 - 1984), общественный деятель. Учился в Санкт-Петербургском технологическом институте. В 1919 году вступил добровольцем в Северо-Западную армию генерала Юденича. Вместе с ней отступил в Эстонию, где вошел в «Христианский Союз Молодых Людей» и стал ее секретарем. Основал «Молодежную Русскую Дружину» («Союз Русской молодежи» в Таллине. С 1926 года жил во Франции. В Париже вошел в состав «Русского Студенческого Христианского Движения» (РСХД) и стал одним из руководителей его правого крыла. В Париже он основал 5-й отряд скаутов при РСХД, а 18 мая 1928 года, порвав со скаутизмом, основал первую дружину Витязей при РСХД. В октябре 1934 года он вместе с парижской дружиной Витязей вышел из РСХД и сформировал независимую организацию, названную «Национальной Организацией Витязей». Похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Фёдоров (? - ?), вестовой генерала Кутепова. Жил в эмиграции в Париже вместе с ним.

Флоров (? - ?), полковник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России на стороне белых. Находясь в эмиграции, в 20-е годы был одним из сподвижником генерала Врангеля в консолидации Российского военного Зарубежья и создании РОВСа.

Фок Анатолий Владимирович (1879 - 1937), генерал-майор. Родился 3 июля 1879 года в Оренбурге. Из дворян Новгородской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. В 1900 году вышел офицером в Гренадерскую артиллерийскую бригаду. В 1913 году - капитан. Участник Первой мировой войны: командир батареи и в 1917 году - командир 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона, полковник Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. С июня 1918 года - в Добровольческой армии: начал рядовым в конно-горской батарее 3-й дивизии, а затем 2-й конно-горской батарее, командир 1-го конно-горского дивизиона, командир артиллерийского дивизиона 1-й конной дивизии. С декабря 1918 года - инспектор артиллерии 1-го Кубанского корпуса и командир 2-го конно-артиллерийского дивизиона; с ноября 1919 года - командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, а затем - начальник тыла Кавказской армии. В августе 1919 года присвоено звание генерал-майора. С марта 1920 года - снова командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, затем - Отдельного сводно-артиллерийского дивизиона; с апреля - командующий артиллерией Перекопского укрепрайона; затем командир 6-й артиллерийской бригады, а с октября 1920 года - инспектор артиллерией 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. После Галлиполи переехал в Болгарию, но был выслан правительством Стамбульского и переехал во Францию. Рабочий на заводе и окончил Высшие военно-научные курсы генерала Головина. Активный деятель РОВСа. 15 сентября 1933 года назначен председателем отдела Общества Галлиполийцев во Франции. Командир артиллерийской бригады В 1-м армейском корпусе. Один из инициаторов выступления командиров этого корпуса в Париже 23 февраля 1935 года и член комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа в марте - апреле 1935 года. В 1936 году вышел из РОВСа в знак протеста против исключения из него генерала Туркула. В годы Гражданской войны в Испании вступил в 1936 году добровольцем в армию генерала Франко. Произведен в чин тениенте (поручика) и воевал на Арагонском фронте. Погиб в августе 1937 года в бою в Кинто де Эбро в районе Сарагосы.

Фомин Николай Георгиевич (Юрьевич) (1888 - 1964), капитан I ранга. Родился 8 декабря 1888 года в Нижнем Новгороде. Из дворян Тверской губернии. Окончил Морской корпус. Старший лейтенант, флаг-капитан по оперативной части Черноморского флота, затем начальник 1-го оперативного отделения Морского Генерального штаба. Участник Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта: с июля 1918 года - в Народной Армии, начальник штаба Волжской флотилии, и.д. начальника оперативной части (начальника штаба) речной обороны, затем - начальник управления по оперативной части Морского министерства; с марта по июнь 1919 года - начальник штаба Речной Боевой Камской флотилии; с октября по ноябрь того же года - в Японии; с апреля 1919 года - капитан I ранга; зимой 1919-20 года - командир ледоколов на Байкале. С 1920 года проживал в Харбине и Мукдене, входил в окружение атамана Семёнова. С мая 1921 года - начальник штаба Сибирской флотилии до эвакуации и в походе от Гензана до Шанхая и далее в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. С 1924 года находился в Шанхае - командир «Русского отряда» (Шанхайского Русского полка), руководи-

тель монархической организации, ориентировавшейся на великого князя Кирилла Владимировича. Старшина Русской национальной общины в Шанхае в 20-е -30-е годы. С 1936 по июнь 1946 года - член кают-компании в Шанхае. С 1949 года - на острове Тубабао, с 1950 года - в Австралии. Начальник Австралийского округа Корпуса Императорской Армии и Флота, почетный председатель кают-компании. Умер 3 августа 1964 года в Сиднее (Австралия).

Фосс Клавдий Александрович (? - ?), капитан русской и майор болгарской службы. Участник Гражданской войны на Юге России, капитан Дроздовского дивизиона. Находился в эмиграции в Болгарии, являлся помощником генерала Абрамова, одним из организаторов и руководителей деятельности «Внутренней линии» РОВСа в 20-е - 30-е годы. После начала Великой Отечественной войны выехал добровольцем на Восточный фронт. По доносу НТСНП был арестован гестапо и доставлен в Берлин, где шло следствие. После положительной аттестации со стороны начальника разведслужбы Генштаба Болгарии полковника Костова и соответствующего ответа на запрос гестапо был освобожден. Продолжал службу на оккупированных немцами территориях СССР: по одним данным, - в абвере, по другим, - в гестапо. Существует даже утверждение, что он был начальником гестапо в г. Николаеве.

Фостиков Михаил Архипович (1886 - 1966), генерал-лейтенант. Из казаков стан. Баталпашинской Кубанской области, сын вахмистра, внук офицера. Окончил Ставропольскую гимназию, Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В июле 1918 года в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии. В июне 1918 года присвоено звание полковника. Летом 1919 года назначен командиром бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына; в сентябре - декабре - командир 1-го Кубанского полка; с декабря 1919 года до марта 1920 года - начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии. В декабре 1919 года присвоено звание генерал-майора. В марте 1920 года - командующий повстанческой «Армией Возрождения России» на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии - начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. В октябре 1920 года присвоено звание генерал-лейтенанта. После эвакуации Крыма являлся командиром Кубанского корпуса. Затем переехал в Королевство СХС. Умер 29 июля 1966 года в городской больнице Белграда.

Франк К.Г. (? - ?), протектор Богемии и Моравии в 1944 году, один из организаторов Учредительного форума русских антибольшевистских организаций в Праге в ноябре 1944 года, где был создан Комитет Освобождения Народов России.

Франко Баамонде Франсиско (1892 - 1975), испанский генерал. Один из руководителей мятежа против республиканского правительства Испании летом 1936 года. Вождь испанской правонационалистической «Испанской фаланги» с 1937 года. Каудильо (глава государства) Испании с 1939 года, генералиссимус.

Франс (? - ?), французский политический деятель. Верховный комиссар Франции в Константинополе в 1920 - начале 1021 года.

Фрезер Евгения Германовна (1905 - 2002), писательница. Родилась в Архангельске. Покинула Россию после окончания Гражданской войны в 1920 году и выехала вместе матерью (шотландкой) в Шотландию, где воспитывалась и получила образование. Вместе с мужем, работавшим в британской колониальной администрации, несколько десятилетий провела в странах Азии. На склоне лет вернулась в Великобританию и жила в Эдинбурге. Автор нескольких книг, наиболее известной из которых стала «Дом над Двиной». Почетный доктор Университета Данди. Умерла в Эдинбурге в 2002 году и похоронена в Данди.

Фын Юй Сян (Фын Юйсян) (1882 - 1948 или 1951), китайский генерал, член Гоминьдана. Участник национально-освободительного движения и Гражданской войны в Китае. В последние годы жизни порвал с правительством Чан Кайши. По одним данным, скончался в 1948 году, по другим, - погиб по время пожара на борту теплохода «Победа» недалеко от Крыма в 1951 году, возвращаясь из американской эмиграции в КНР.

Ханжин Михаил Васильевич (1871 - 1961), генерал от артиллерии. Родился 17 октября 1871 года в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию, Офицерскую артиллерийскую школу. Вышел в офицеры в 1893 году. Участник Русско-японской войны, командир батареи. В 1905 году присвоено звание полковника, а в 1910 году - генерал-майора. Участник Первой мировой войны: командир 19-й артиллерийской бригады; начальник 12-й пехотной дивизии; инспектор артиллерии 8-й армии и Румынского фронта; полевой инспектор артиллерии при штабе верховного главнокомандующего в 1917 году. В том же году присвоено звание генерал-лейтенанта. Участник Гражданской

войны на Восточном фронте: участник восстания 1918 года на Урале; во второй половине 1918 года - командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске; с января по июнь 1919 года - командующий Западной армией. В апреле 1919 года присвоено звание генерала от артиллерии. С июля 1919 года находился в ставке адмирала Колчака; с октября 1919 года по январь 1920 года являлся военным министром Омского правительства. В январе 1920 года выехал в Маньчжурию. С 1928 по 1930 год являлся начальником Дальневосточного отдела РОВСа в Дайрене. 5 сентября 1945 года был арестован советскими властями в Дайрене и вывезен в СССР. С 1945 по 1954 год находился в лагерях ГУЛАГа, затем был выслан в Казахстан. Затем жил у сына в Ташкенте, а последний год жизни провел у своих детей в Джамбуле. Умер в этом городе 20 декабря 1961 году. Реабилитирован 18 октября 1991 года.

Харжевский Владимир Григорьевич (1892 - 1981), генерал-майор. Родился 6 (19) мая 1892 года в семье личного почетного гражданина в Подольской губернии. Окончил реальное училище в Виннице. Вольноопределяющийся и прапорщик запаса. В 1914 году - студент Горного института в Петрограде. Участник Первой мировой войны на Румынском фронте: призван как прапорщик запаса и дослужился в 1917 году до звания капитана. В конце 1917 года вступил в отряд полковника Дроздовского и вместе с ним прошел от Ясс до Новочеркасска в начале 1918 года. Участник 2-го Кубанского похода. Командир офицерского батальона. С сентября (по другим данным - с декабря) 1919 года - командир 2-го стрелкового Дроздовского полка, полковник. В сентябре 1920 года присвоено звание генерал-майора. С осени 1920 года в связи с болезнью генерала Туркула являлся начальником Дроздовской дивизии. Галлиполиец, затем находился с Дроздовским полком в Болгарии, а затем проживал в Чехословакии. Окончил Пшебрамскую горную академию в Праге, горный инженер. Активный член РОВСа, сторонник и участник боевой деятельности против СССР. Руководил Обществом Галлиполийцев в Чехословакии и был председателем объединения частей и групп 1-го армейского корпуса в этой стране. Являлся одним из организаторов специальной работы против СССР. В конце 30-х годов был заместителем председателя VI отдела РОВСа, преобразованного в ноябре 1939 года в Юго-Восточный отдел ОРВС; с мая 1939 по сентябрь 1942 года одновременно являлся и начальником русской воинской группы в Праге. Летом 1941 года арестовывался немецкими властями в связи с причастностью к деятельности «Внутренней линии». Но в заключении он пребывал непродолжительное время, а затем был начальником русской воинской группы ОРВС в Праге. Освобожден от этой должности 6 сентября 1942 года. С 1945 года жил в Германии, а с 1949 года работал бухгалтером в Марокко. С переездом в США руководил Обществом Галлиполийцев. 27 января 1957 года назначен первым помощником начальника РОВСа. 19 мая 1967 года назначен начальником РОВСа и являлся его руководителем до 1979 года. Одновременно возглавлял Дроздовское объединение. Умер в Лейквуде (США) 4 июля 1981 года.

Харрингтон (? - ?), британский военачальник, генерал. Участник Первой мировой войны.

Хенкен (? - ?), британский капитан, представлял британский генштаб на переговорах с великим князем Николаем Николаевичем, генералом Врангелем и их сподвижниками в конце 1925 года.

Ходкевич Евгений И. (? - 1970), полковник. Родился в Витебске в потомственной дворянской семье. Окончил Витебскую гимназию и Виленское военное училище. По болезни прекратил военную службу, лечился в Уфе и два года был там земским начальником. Участник Первой мировой войны с 1914 года. Служил в 4-м гренадерском Несвижском Генерал-Фельдмаршала, Князя Барклая де Толли полку. С 1918 по 1920 год - воевал во ВСЮР и Русской Армии, стал танкистом. Присвоено звание полковника. В ноябре 1920 года покинул Россию, в дальнейшем жил в г. Бургасе в Болгарии. Работал в болгарской строительной (трудовой) армии; шеф батальона. Скончался в Софии в 1970 году.

Ходкевич Леонид Евгеньевич (1930 - -), инженер, доктор, общественный деятель. Сын белого офицера, полковника, эмигранта в Болгарии. Учился в русской гимназии в Болгарии, а после ее закрытия закончил болгарскую гимназию. Учился в университете, затем перешел в военно-морское училище, но как сын белогвардейца не смог закончить его, поэтому перешел вновь и закончил гражданский университет. Работал инженером, защитил диссертацию. Затем работал в Швейцарии и Германии. Затем вернулся в Болгарию и живет в Софии. Председатель созданного в 1992 году «Союза Русских белогвардейцев и их потомков в Болгарии».

Ходорович Николай Александрович (1857 - 1936), генерал от инфантерии. Окончил Киевское реальное училище, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. С окончанием училища в 1879 году направлен в Лейб-гвардии Литовский полк. Накануне Русско-японской войны являлся начальником штаба 33-й пехотной ди-

визии. Участник Русско-японской войны: командир 165-го Луцкого полка; этапов 3-й Маньчжурской армии. В феврале 1905 года присвоено звание генерал-майора. В 1911 году - генерал-лейтенант и начальник штаба Омского военного округа. Участник Первой мировой войны: в 1915 году -помощник главного начальника Киевского военного округа, а с апреля 1916 года - главный начальник этого округа. В 1917 году присвоено звание генерала от инфантерии. Сыграл большую роль в формировании Чехословацкого корпуса. Во ВСЮР с лета 1919 года в Киеве, в распоряжении главнокомандующего ВСЮР. Выехал за границу и в мае 1920 года находился в Королевстве СХС, проживал в дальнейшем в эмиграции в этой стране и служил в армии. В 1922 году проживал в Чехословакии, получал небольшую субсидию от этого правительства за помощь в формировании Чехословацкого корпуса. 31 мая 1930 года назначен начальником VI отдела РОВСа в Чехословакии. Умер 21 июля 1936 года в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище.

Хольмсен Иван Алексеевич (1865 - 1941), генерал-лейтенант. Родился 28 сентября 1865 года. Окончил Финляндский кадетский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1886 году вышел в подпоручики Лейб-гвардии Семеновского полка. После окончания академии в 1896 году служил старшим адъютантом штаба Финляндского военного округа; заведующим передвижением войск. В 1900 году назначен военным агентом в Афины, а в 1906 году - на эту же должность в Константинополь. Перед Первой мировой служил командиром бригады 1-й Гренадерской дивизии. На войну ушел генерал-майором, командиром 1-й бригады 53-й пехотной дивизии. В феврале 1915 года попал в плен с частями XX корпуса. В годы Гражданской войны назначен Верховным Правителем военным представителем в Берлине и Париже. В 1919 году - представитель ВСЮР в Германии, присвоено звание генерал-лейтенанта; в 1920 году - представитель генерала Врангеля в этой же стране. В 1922 году руководил представительством Врангеля в Париже. В феврале 1924 года генерал Врангель возложил на него руководство работой офицерских обществ и союзов во Франции, Бельгии и Англии. 31 июля 1925 года назначен приказом генерала Врангеля начальником I отдела РОВС и возглавлял его по март 1930 года. 4 апреля 1930 года назначен генералом для поручений при председателе Союза, являлся главным казначеем РОВСа. В феврале 1929 года назначен председателем объединения Гренадер (Гренадерского объединения). Член объединения Лейб-гвардии Семеновского полка. В 1938 году сдал свои должности в РОВСе и перед началом Второй мировой войны выехал в Норвегию. Умер в Осло 19 марта 1941 года.

Хольмстон - см. **Смысловский Б.А.**

Хорват Дмитрий Леонидович (1858 - 1937), генерал-лейтенант. Родился 25 июля 1858 года. Окончил Николаевское инженерное училище. Офицер лейб-гвардии Саперного батальона. В 1902 - 18 годах - управляющий Китайско-Восточной железной дорогой, генерал-лейтенант. В годы Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. В июле - ноябре 1918 года возглавлял «Деловой кабинет» в Харбине и Владивостоке, провозглашал себя Временным Верховным правителем России, но под давлением союзников сложил с себя это звание. В 1919 году -Верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке, в Китае и Маньчжурии, с мая по июль 1919 года - командующий войсками Приамурского военного округа. Один из руководителей русской эмиграции на Дальнем Востоке, но постепенно отходил от активной политической деятельности. Умер 16 мая 1937 года в Пекине.

Хрипунов А.С. (? - ?), русский общественный и политический деятель. Активный участник земского движения в России. В Гражданской войне в России - на стороне белых. В дальнейшем в эмиграции. Председатель Главного комитета Российского земского союза в эмиграции, активно сотрудничал с генералом Врангелем и РОВСом. Участник Зарубежного съезда в 1926 году, где избран заместителем председателя Центрального Объединения, состоял в Торгово-Промышленном Союзе.

Цакони А.И. (? - ?). Участник Гражданской войны в России на стороне белых. В эмиграции - начальник финансового отдела Русской Армии. После подчинения РОВСа великому князю Николаю Николаевичу и передачи в его распоряжение всех средств Русской Армии и РОВСа и назначению генерала Миллера заведующим финансовым отделом находился в распоряжении последнего.

Цинке (? - ?), немецкий офицер. Подполковник германского вермахта в 1941 году.

Цуриков Николай Александрович (? - 1957), публицист, писатель и политический деятель. В Гражданской войне на стороне белых на Юге России. После эвакуации из Крыма жил в Чехословакии. Активно сотрудничал в эмигрантских изданиях. Активный деятель РОВСа, тесно сотрудничал с генералами Кутеповым и Миллером. Член правления VI отдела

РОВСа, а затем Юго-восточного отдела ОРВС и возглавлял его Информационное бюро. Работал в Национальном представительстве Русской эмиграции в Союзе борьбы за свободу России.

Чайковский Николай Васильевич (1850 - 1926), общественный и политический деятель. Родился 26 декабря 1850 года в Вятке. Потомственный дворянин. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета, участвовал в студенческом движении. С 1869 года - член революционного народнического кружка, который вошел в историю как кружок «чайковцев». Подвергался арестам. В 1874 году эмигрировал и в 1907 году вернулся в России. С 1904 года - эсер, затем член ЦК трудовой группы, впоследствии Трудовой народно-социалистической партии, а после 1917 года - председатель этой партии. Один из видных деятелей российской кооперации, Всероссийского союза городов. Крупный масон. После Февральской революции 1917 года - член исполкома Петроградского Совета первого состава, один из организаторов Всероссийского съезда крестьянских депутатов и член избранного исполкома. Член Учредительного собрания и один из руководителей «Всероссийского союза защиты Учредительного собрания. Член «Союза возрождения России». С августа 1918 по февраль 1920 года являлся председателем Верховного управления, а затем Временного правительства Северной области. Но в январе 1919 года выехал в Париж для участия в работе Русского политического совещания и в Архангельск больше не возвращался. В феврале-марте 1920 года входил в состав правительства при генерале Деникине. В эмиграции жил в Париже, а затем - в Лондоне. Являлся членом различных антисоветских организаций в эмиграции. Умер 30 апреля 1926 года и похоронен на кладбище Хэрроу.

Чаплин Георгий Ермолаевич (1886 - 1950), капитан I ранга, полковник английской армии. Родился 5 апреля 1886 года в Санкт-Петербурге. Из дворян. Окончил Анненское училище, учился в Санкт-Петербургском технологическом институте (не закончил), сдал экзамен при Морском корпусе, окончил Морскую академию. Участник Первой мировой войны: капитан III ранга на эсминце «Михаил», командир отряда миноносцев Балтийского флота, служил в экипаже английской подводной лодки и в штабе Балтийского флота. В 1917 году присвоено звание капитана II ранга. Один из руководителей антисоветского переворота в Архангельске 2 августа 1918 года и являлся первым командующим войсками Северной области. После неудачной попытки правого антиправительственного переворота в сентябре 1918 года в Архангельске и ареста Верховного управления области удален из Архангельска и служил на различных командных должностях. Был начальником речных и озерных флотилий Северной области. С 1920 года в эмиграции, проживал в Англии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 года. Приказом по РОВСу от 15 августа 1930 года назначен председателем «Союза участников гражданской войны в Англии». В 1939 - 47 годах служил в английской армии. Полковник. Умер 1 февраля 1950 года в Лондоне.

Чебышев Николай Николаевич (1865 - 1937), юрист и политический деятель. Закончил в 1889 году юрфак Санкт-Петербургского университета. Служил в I-м департаменте Правящего Сената. С 1894 года работал при Московской судебной палате. С 1899 года - городской судья Можайска и в дальнейшем занимал различные судебные должности. В 1917 году - прокурор Московской судебной палаты. Сенатор, действительный статский советник. С сентября 1918 года - Член Совета государственного контроля при гетмане Скоропадском в Киеве. С декабря 1918 года находился в Екатеринодаре, где возглавлял управление внутренних дел в правительстве Деникина. Позднее сотрудничал в редакции газеты «Великая Россия» в Ростове-на-Дону. С декабря 1919 года находился в Новороссийске, а затем в Константинополе, являлся начальником Бюро русской печати. В январе 1921 года основал еженедельный журнал «Зарница». В 1921 году стал консультантом по политическим делам при представителе генерала Врангеля в Берлине генерале Лампе. Являлся председателем Союза русских судебных деятелей, товарищем председателя берлинского монархического союза. 25 июля 1923 года назначен генералом Врангелем начальником его гражданской канцелярии в Белграде и возглавлял ее по август 1926 года. С 1926 года жил в Париже, являлся сотрудником газеты «Возрождение». Скончался 22 февраля 1937 года в Белграде.

Чекотовский Игнатий Игнатьевич (1875 - 1941), генерал-лейтенант. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. В 1895 году вышел офицером в 35-й драгунский Белгородский полк. Участник Первой мировой войны: командир 12-го драгунского Стародубского полка, полковник. В начале 1918 года присоединился к отряду Дроздовского. В Добровольческой армии с июня 1918 года. Во 2-м Кубанском походе был командиром 2-го конного офицерского полка. В октябре 1918 года - командир бригады и генерал-майор. В октябре 1919 года - командир 2-й кавалерийской дивизии, а в ноябре-декабре того же года - командир 5-го конного корпуса. В Русской Армии находился в распоряжении главнокомандующего до эвакуации

Крыма. Являлся комендантом русского посольства в Константинополе. В эмиграции жил в Королевстве СХС. В 1924 году являлся начальником Николаевского кавалерийского училища в Белой Церкви. После роспуска училища переехал в 1926 году в Париж. В мае 1927 года назначен великим князем Николаем Николаевичем председателем объединения офицеров конницы и конной артиллерии во Франции. В 1927-31 годах был председателем отдела Союза Инвалидов в Париже. Член РОВСа. Участник комиссии по реорганизации Центрального Управления РОВСа в марте - апреле 1935 года. Умер в Париже 25 декабря 1941 года.

Чернецов Василий Михайлович (1890 - 1918), полковник. Родился в станице Калитвенской. Из казаков станицы Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Окончил Каменское реальное училище, Новочеркасское военное училище. Участник Первой мировой войны, есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1918 года организовал и возглавил партизанский отряд своего имени. Полковник с января 1918 года. Взят в плен и убит под Глубокой 21 января 1918 года.

Чернощеков В.В. (? - ?), полковник. Участник Гражданской войны в России в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии. Офицер-дроздовец. В дальнейшем в эмиграции, входил в РОВС. В 1936 году вошел в «Русский Национальный Союз Участников Войны» генерала Туркула, в связи с чем был исключен из РОВСа. В 1937 году - член правления РНСУВ.

Чертков Григорий Григорьевич (1872 - 1932), генерал-майор. Родился 2 (3) мая 1872 года. Из дворян Московской губернии, сын обер-егермейстера. Окончил Пажеский корпус. Участник Первой мировой войны: полковник Кавалергардского полка, 9-го уланского полка, командир 12-го драгунского полка; генерал-майор, командир 1-й бригады 12-й кавалерийской дивизии. В годы Гражданской войны - во ВСЮР и Русской Армии. В начале 20-х годов - военный агент в Константинополе. В дальнейшем жил в эмиграции во Франции. Член РОВСа. Умер 19 мая (20 июня) в Вильжуифе (Франция).

Черячукин Александр Васильевич (1872 - 1944), генерал-лейтенант. Родился 18 марта 1872 года. Из дворян Войска Донского, сын чиновника (по другим данным - чиновника), казак станицы Богоявленской (по другим данным - Константиновской) 1-го Донского округа Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Вышел в 1893 году в 6-ю Лейб-гвардии Донскую казачью батарею. В 1908 году присвоено звание полковника. Участник Первой мировой войны: 1915 год - генерал-майор и командир 2-й Заамурской конной бригады; начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии; 1917 год - начальник 2-й казачьей сводной дивизии. С конца 1917 - до февраля 1918 года - командующий Западным, затем Северо-Западным фронтом у генерала Каледина. С мая по июль и в сентябре - декабре 1918 года направлен генералом Красновым заместителем и атаманом «Зимовой станицы» - посол на Украине у гетмана Скоропадского и с делегацией герцога Лейхтенбергского побывал в Германии. 30 сентября 1918 года присвоено звание генерал-лейтенанта. С декабря 1918 года по начало 1920 года - посол Войска Донского в Польше. С марта 1920 года - начальник Донского кадетского корпуса до его расформирования в 1923 году, эвакуирован с корпусом в Египет. Затем жил в эмиграции во Франции, рабочий на заводе. С 1925 года до 1 сентября 1930 года - председатель Союза Донских артиллеристов во Франции и начальник Донской казачьей группы в этой стране. В 30-е годы - член объединения лейб-гвардии Конной артиллерии. До 1934 года - заместитель войскового атамана Великого войска Донского. Член Общества Офицеров Генерального штаба. Умер 12 мая 1944 года в Ницце и похоронен на русском кладбище Кокад.

Чехов (? - ?), генерал-майор. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на стороне белых. В дальнейшем находился в эмиграции в Китае. Принимал участие в вооруженных действиях в период Гражданской войны в Китае в 20-е годы.

Чжан Шуэ-Лян (Чжан Сюэлян) (1901 - ?), китайский военный и политический деятель. Сын Чжан Цзо-Лина (Чжан Цзолия), командующий Северо-Восточной армией. В 1928 - 31 годах - фактический правитель Маньчжурии.

Чжан Цзо-Лин (Чжан Цзолин или Чжан Цзолин) (1876 - 1928), китайский маршал. Военный правитель Маньчжурии 1918 - 1928 годах. Руководитель одной из вооруженных группировок китайских милитаристов в период Гражданской войны в Китае в 20-е годы. Поддерживал тесные связи с русскими военными эмигрантами, которые воевали в рядах его армии. Убит японцами в 1928 году, по некоторым данным, за попытку переориентироваться на США.

Чичерин Георгий Васильевич (1872 - 1936), политический деятель и дипломат. Родился 12 ноября 1872 года в семье отставного дипломата, происходившего из старинного дворянского рода. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета.

Служил в архивах МИД. Член РСДРП с 1905 года. С 1904 года проживал за границей и вернулся в Россию в начале 1918 года. Вступил в РСДРП (б). Сразу был назначен заместителем наркома иностранных дел, а с марта 1918 до 1930 года был наркомом иностранных дел Советской России, а затем СССР. Умер 6 июля 1936 года в Москве.

Шаповалов Михаил Михайлович (1898 - 1945), генерал-майор РККА, генерал-майор ВС КОНР. Родился 11 января 1898 года в г. Грайворон Курской области. Выходец из крестьян. Окончил 7 классов Белгородского реального училища. В мае 1915 года отправился вольноопределяющимся на фронт Первой мировой войны. Участник Гражданской войны на стороне красных, воевал против войск Петлюры, Колчака, белополяков и др.; прошел путь от командира эскадрона до командира полка. Член партии большевиков с 1919 года, но исключен в 1921 году в ходе партийной чистки. После войны на различных командных должностях в РККА. Окончил Киевскую высшую педагогическую военную школу, химические курсы усовершенствования командного состава, Московскую высшую военно-химическую школу и дополнительный специализированный химический курс усовершенствования начальствующего состава РККА. В 1937 году, будучи начальником штаба Владивостокского укрепрайона, был арестован и 8 месяцев находился в заключении. После освобождения служил начальником артиллерийской школы в Севастополе. В 1939 - 41 годах - слушатель ВАФ. С августа 1941 года командовал 320-й стрелковой дивизией под Феодосией, затем - моторизованной группой у Керчи. 1 октября 1941 года присвоено звание генерал-майора. 2 июня 1942 года назначен заместителем командира, а через месяц - командиром 1-го отдельного стрелкового корпуса Особой армии. 14 августа 1942 года сдался в плен на Кубани. С 1943 года - начальник оперативного отдела Зондерштаба «Р» абвера в Варшаве, начальник штаба «Особой дивизии Р», а после ее расформирования занимал должность начальника лагеря. В декабре 1944 года в чине генерал-майора ВС КОНР приступил к формированию истребительно-противотанковой русской добровольческой бригады для обороны Берлина. В феврале 1945 года назначен командиром 3-й пехотной дивизии ВС КОНР (700-й по немецкой нумерации). В мае 1945 года попал в Пршибраме (Чехословакия) в засаду чешских партизан и был расстрелян.

Шапрон дю Ларре (урожденная **Корнилова**) **Наталья Лавровна** (? - 1983), дочь генерала Л.Г. Корнилова. После революции выехала в эмиграцию и жила в Бельгии. Умерла 24 января 1983 года в Брюсселе.

Шарпи (? - ?), французский генерал. Участник Первой мировой войны. В январе 1921 года был назначен командующим французским экспедиционным корпусом в Турции.

Шатилов Павел Николаевич (1881 - 1962), генерал от кавалерии. Родился 13 ноября 1891 года в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. Окончил Московский кадетский корпус, Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны - в конвойной сотне. Затем служил на штабных должностях. Участник Первой мировой войны: 1914 - январь 1917 года - начальник штаба 7-й и 8-й кавалерийских дивизий, 2-й кавалерийской дивизии на Кавказском фронте, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В 1916 году присвоено звание полковника. С августа по ноябрь 1917 года - генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. В июле 1917 года присвоено звание генерал-майора. С сентября по декабрь 1917 года содержался в Тифлисской тюрьме за участие в мятеже генерала Корнилова. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 года: в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР; с января 1919 года - начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конного корпуса, начальник штаба Добровольческой армии. С мая 1919 года - генерал-лейтенант. С июля по декабрь 1919 года - начальник штаба Кавказской армии, затем по начало января 1920 года - начальник штаба Добровольческой армии. 8 февраля 1920 года уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 года - помощник главнокомандующего ВСЮР, а с июня 1920 по 1922 год - начальник штаба Русской Армии. В ноябре 1920 года присвоено звание генерала от кавалерии. В эмиграции в Константинополе состоял при генерале Врангеле. С 1922 по 1924 год находился в распоряжении генерала Врангеля. Переехал во Францию. С декабря 1924 года - начальник рабочих групп и частей Русской Армии на территории Франции и Бельгии; с декабря 1924 по начало июля 1925 года по совместительству - и.д. начальника I отдела РОВСа. Находясь в распоряжении генерала Врангеля, с июля 1927 года он был назначен по совместительству начальником частей и групп Русской Армии во Франции. 1 ноября 1928 года приказом генерала Кутепова освобожден с этого же числа от этой должности в связи с ее упразднением. С 1 апреля 1930 по 1934 год являлся начальником IV отдела РОВСа. С 1934 года - член Общества офицеров Генерального штаба. После оккупации Франции немцами был арестован гестапо и 10 месяцев находился в заключении. Был освобожден под поручительство русских эмигрантов, сотрудничавших с Гер-

манией. На ноябрь 1951 года - почетный председатель объединения Лейб-гвардии Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 года в Аньере (Франция).

Шептунов Борис Николаевич (? - 1946), политический деятель. Эмигрант, активный участник антисоветской деятельности на Дальнем Востоке. Начальник «Монархического Объединения» Восточной Маньчжурии. В августе 1945 года арестован чекистами в Маньчжурии. В августе 1946 года приговорен к расстрелу на судебном процессе в Москве. Расстрелян 30 августа 1946 года.

Шинкаренко Николай Всеволодович (Шинкаренко-Брусилев) (1890 - 1969), генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище, Участник Первой мировой войны, подполковник 12-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 года: командир эскадрона во 2-м конном полку, с середины 1918 года - командир полка; в 1919 году - начальник Кабардинской конной дивизии. В Русской Армии в июне 1920 года - командир отдельной конной бригады, затем начальник Туземной дивизии. В 1920 году присвоено звание генерал-майора. С конца 1920 года проживал в эмиграции. Доброволец и участник Гражданской войны в Испании на стороне генерала Франко, Произведен в чин тенiente; тяжело ранен из одним из боев здесь. Сотрудник журнала «Военная Быль», писал под псевдонимом Н. Белогорский. Погиб в автомобильной катастрофе 21 декабря 1969 года в Сан-Себастьяне (Испания).

Шкеленко Антон Максимович (1889 - 1948), полковник. Выходец из крестьян. Окончил Дисненское городское училище, Виленское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, капитан, и.д. помощника начальника отделения 1-го отдела управления генерал-квартирмейстера Ставки верховного главнокомандующего. В 1918 году служил в армии гетмана Скоропадского, начальник мобилизационной части. Затем служил в Добровольческой армии и ВСЮР: с апреля 1919 года - старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии, затем - начальник штаба той же дивизии, с июня 1919 года - врид. начальника штаба отряда генерала Виноградова. С конца июля 1919 года находился в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего, затем - помощник начальника оперативного отдела управления генерал-квартирмейстера, с марта 1920 года - начальник оперативного отделения. На той же должности служил в Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. В дальнейшем проживал в эмиграции в Чехословакии. В 1945 году арестован чекистами, судим и находился в лагерях. Умер в 1948 году в лагере в СССР, но, возможно, - в Польше.

Шкуро Андрей Григорьевич (настоящая фамилия - **Шкура**) (1886 - 1947), генерал-лейтенант. Родился 7 февраля 1886 года. Из дворян, сын полковника, казак станицы Пашковской Кубанской области. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны, полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 года возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска. В июне того же года сформировал на Кубани добровольческий отряд и в июле 1918 года присоединился к Добровольческой армии, начальник Кубанской партизанской отдельной бригады. С ноября 1918 года - начальник Кавказской конной дивизии. С ноября 1918 года - генерал-майор. До апреля 1919 года - начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с мая того же года - командир 3-го Кубанского конного корпуса. В январе - марте 1920 года - командующий Кубанской армией. В апреле 1920 года - генерал-лейтенант. После окончания Гражданской войны жил в эмиграции во Франции. Возглавлял Союз Активных Борцов за Россию и как руководитель политической организации не был принят в РОВС. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Великой Отечественной войны. Начальник казачьего резерва под руководством начальника Главного управления казачьих войск генерала Краснова в годы Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант войск СС. В мае 1945 года выдан англичанами советской стороне. Судим в Москве и казнен 16 января 1947 года.

Шотан Камиль (1885 - 1963), французский политический деятель. В 20-е - 30-е годы - один из руководителей партии радикалов. В 1930, 1933 - 34 и 1937 - 38 годах возглавлял правительство Франции. Вице-премьер после распада Народного фронта в 1938 - 40 годах. Занимал капитулянтскую позицию во время вторжения войск Германии во Францию в 1940 году.

Шпигельглаз Семен Михайлович (1897 - 1940), майор государственной безопасности. Родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. Окончил 1-е Варшавское реальное училище и учился на юридическом факультете Московского университета. С юношеских лет участвовал в революционном движении, арестовывался полицией. В мае 1917 года призван в армию с 3-го курса университета; закончил школу прапорщиков, служил в 42-м запасном полку. С апреля 1918 года - заведующий финансовой частью Мос-

ковского губернского военкомата. С января 1919 года работал в органах Военного контроля, а затем в Особом отделе ВЧК. В том же году вступил в партию большевиков. В дальнейшем работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД: до 1922 года в Контрразведывательном, а с 1922 года - в Иностранном отделе, помощник и заместитель начальника этой структуры. В феврале - марте 1938 года - врио, начальника 7-го отдела, затем заместитель начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД. В сентябре 1937 года руководил операцией по похищению генерала Миллера в Париже. Арестован НКВД 2 ноября 1938 года и 29 января 1940 года расстрелян. В ноябре 1956 года приговор отменен определением Военной коллегии Верховного суда и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Штейфон Борис Александрович (1881 - 1945), генерал-лейтенант. Родился 8 декабря 1881 года в Харькове. Из мещан. Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны: полковник, начальник штаба 101-й пехотной и 3-й Финляндской стрелковой дивизии; штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С апреля 1918 года - во главе центра Добровольческой армии в Харькове, оккупированном немцами; занимался переброской офицеров в Добровольческую армию. Летом 1918 года - начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 года - начальник штаба 3-й пехотной дивизии; в начале 1919 года - командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда. С декабря 1919 года - начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник похода генерала Бредова. В мае 1920 года возвратился в Крым, в Русскую Армию: в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего до эвакуации Крыма. В январе 1920 года присвоено звание генерал-майора. Комендант лагеря в Галлиполи, начальник штаба 1-го армейского корпуса здесь. Присвоено звание генерал-лейтенанта. Затем проживал в эмиграции в Югославии. Член РОВСа, но был исключен из него приказом генерала Врангеля в декабре 1926 года за нарушение воинской дисциплины. Тем не менее, тесно сотрудничал с РОВСом и рядом других антисоветских организаций эмиграции и в дальнейшем. Опубликовал ряд военно-исследовательских работ, присвоено звание профессора военных наук. В 1941 году назначен начальником штаба формирующегося Русского Корпуса, после ареста генерала Скородумова исполнял обязанности, а 2 октября 1941 года стал командиром Русского Корпуса. В 1943 году (по другим данным в 1944 году) ему присвоено звание генерал-лейтенанта вермахта, и он награжден германским Крестом военных заслуг II класса с мечами. Умер 30 апреля 1945 года в г. Загребе и похоронен на германском кладбище в Любляне.

Штубендорф (? - ?), русский генерал. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на стороне белых. В эмиграции проживал в Германии. Арестовывался немецкими властями летом 1940 года.

Штюмер (? - ?), лейтенант флота. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на стороне белых. После окончания Гражданской войны в России жил в эмиграции. В 20-е годы возглавил «Союз участников Великой и Гражданской войн» на Филиппинских островах. В августе 1926 года эта организация включена в состав РОВСа, а Штюмер утвержден ее председателем.

Шуберский Александр Николаевич (1875 - 1963), генерал-майор. Родился 20 августа 1875 года в Санкт-Петербурге. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер лейб-гвардии Конной артиллерии. Участник Первой мировой войны, генерал-майор, и.д. начальника штаба Гвардейской стрелковой дивизии, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа. В 1918 году служил в армии гетмана Скоропадского: член военно-ученого совета при Главном управлении Генштаба. 30 ноября 1918 года назначен и.о. начальника Генштаба. В дальнейшем во ВСЮР: в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с апреля 1919 года - начальник штаба 2-го Кубанского корпуса, с сентября того же года - генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области, затем в резерве чинов войск Киевской области, а в дальнейшем - Новороссийской области. Эвакуирован из Новороссийска в Константинополь и в дальнейшем проживал в Югославии. Член объединения лейб-гвардии Егерского полка. В 1930 году организован Высшие военно-научные курсы в Белграде, а в 1935 году возглавил Военно-Научный институт в Белграде. После 1945 года жил на юге Франции, являлся председателем отдела Союза русских военных инвалидов в Ницце, председатель отдел Союза Пажей. Умер 11 июня 1963 года в Ментоне (Франция).

Шульгин Василий Витальевич (1878 - 1976), политический деятель. Родился 1 января 1878 года в Киеве в семье профессора истории Киевского университета. Окончил 2-ю Киевскую гимназию и юридический факультет Киевского университета. Был избран земским глас-

ным, работал журналистом. Депутат II - IV Государственных дум. Монархист, в числе лидеров их правого крыла. Участник Первой мировой войны, в 1914 году ушел добровольцем в армию, был ранен, затем стал начальником земского передового перевязочно-питательного отряда. Вошел в Прогрессивный блок IV Государственной думы и входил в его руководство, член особого совещания по обороне. В конце февраля 1917 года - член Временного комитета членов Государственной Думы. Вместе с А.И. Гучковым принимал отречение царя Николая II. В начале октября 1917 года переехал в Киев и возглавил «Русский национальный союз». После прихода большевиков к власти создал в ноябре 1917 года секретно-осведомительную организацию под названием «Азбука». Участвовал в формировании Добровольческой армии. Сотрудничал с «Национальным центром» в 1918 году. В августе 1918 года прибыл в Добровольческую армию и при участии генерала А.М. Драгомирова разработал «Положение об Особом Совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии», и в январе 1919 года возглавил комиссию Совещания по национальным делам. С конца 1919 года редактировал в Екатеринодаре газету «Россия» (затем - «Великая Россия»). В конце 1920 года выехал в эмиграцию. В 1925 - 26 году нелегально побывал в СССР по каналам легендированной чекистами организации «Трест». Автор ряда книг. В конце 30-х годов жил в Югославии, отошел от активной политической деятельности. В 1944 году был арестован сотрудниками СМЕРШ в Белграде, вывезен в СССР, судим и заключен во Владимирскую тюрьму. Освобожден в 1956 году. Умер во Владимире 13 февраля 1976 года.

Шульгин (? - ?), капитан. Участник Гражданской войны на стороне белых. В эмиграции жил в Финляндии. Активный деятель РОВСа. 12 ноября 1938 года приказом начальника Союза генерала Архангельского назначен начальником подотдела РОВСа в Финляндии.

Шурюгин (? - ?), эмигрант. Покинул Россию после окончания Гражданской войны в стране. В конце августа - начале сентября 1941 года стал участником формирования русского отряда (роты) в составе 9-й армии вермахта на советско-германском фронте. Воевал в составе этого отряда против советских войск осенью 1941 года в районе Вязьмы - Ржева.

Щавинский (Шавинский) Вадим Всеволодович (? - ?), подполковник или полковник. Участник Гражданской войны на Юге России, служил в Марковском артиллерийском дивизионе. В дальнейшем жил в эмиграции. В начале 60-х годов - председатель Главного правления Общества Галлиполийцев и правления объединения Марковского артиллерийского дивизиона. В 1964 году назначен начальником I отдела РОВСа.

Экк Эдуард Владимирович (1851 - 1937), генерал от инфантерии. Родился 11 апреля 1851 года в семье тайного советника. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Получил домашнее образование и окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Начинал службу офицером Лейб-гвардии Семеновского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877 - 78 годов. В 1897 году присвоено звание генерал-майора, а в 1904 году - генерал-лейтенанта. Участник Русско-японской войны, командир 71-й пехотной дивизии на Маньчжурском фронте. В 1910 году присвоено звание генерала от инфантерии. Участник Первой мировой войны, с 1912 по 1917 год командовал 7-м армейским корпусом. В 1917 году - командир 23-го армейского корпуса. С января 1919 года находился в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. В 1919-20 годах - председатель военно-полевого суда при главнокомандующем. В Русской Армии - председатель высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации Крыма. Находился в Галлиполи, затем - в Королевстве СХС. Председатель совета объединенных офицерских обществ. С 1924 по 1933 год являлся начальником IV отдела РОВСа. Умер 5 апреля 1937 года в Белграде и похоронен на Новом кладбище.

Эрдели Иван Георгиевич (1870 - 1939), генерал от кавалерии. Родился 15 октября 1870 года. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Вышел офицером в Лейб-гвардии Гусарский полк в 1890 году. Служил на различных штабных должностях. В 1907 году - командир 8-го драгунского Астраханского полка, в 1910 году - Лейб-гвардии драгунского полка, с 1911 года - в свите Его Высочества. В 1910 году присвоено звание генерал-майора. В 1912 - 14 годах служил генерал-квартирмейстером штаба Санкт-Петербургского военного округа. Участник Первой мировой войны: начальник штаба 9-й армии, начальник 14-й кавалерийской дивизии. С 1916 года - генерал-лейтенант. С ноября того же года - начальник 64-й пехотной дивизии; с марта 1917 года - командир 18-го армейского корпуса, затем - командующий 11-й армией и Особой армией на Юго-Западном фронте. В 1917 году присвоено звание генерала от кавалерии. В августе 1917 года арестован за участие в мятеже генерала Корнилова и находился в Быховской тюрьме. В Добровольческой армии с ноября 1917 года: представитель этой армии при Кубанском правительстве, участник 1-го Кубанского похода; командир отдельной конной брига-

ды; начальник 1-й конной дивизии. С октября 1918 года находился в распоряжении главнокомандующего. С апреля 1919 года - главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа). До марта 1920 года - начальник Владикавказского отряда. Эвакуирован, а с марта 1920 года - возвратился в Русскую Армию в Крым и находился в распоряжении ее главнокомандующего. В эмиграции жил во Франции. С июня 1934 до апреля 1935 года являлся начальником I отдела РОВСа. Являлся председателем Союза офицеров-участников Великой войны во Франции. На протяжении нескольких месяцев в 1937 - 38 годах был председателем Особой Следственной Комиссии, учрежденной руководством РОВСа по делу генерала Скоблина. Умер 10 июля 1939 года в Париже и похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Эрн Николай Францевич (1879 - 1972), генерал-майор в России и генерал-лейтенант в парагвайской армии. Родился в июне 1879 года. Окончил 2-ю Тифлискую гимназию, Елисаветградское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба и Офицерскую кавалерийскую школу. Выпущен в 1900 году офицером в Лейб-гвардии Казачий полк. Участник Первой мировой войны; начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии; командир Драгунского Северского полка, начальник штаба экспедиционного корпуса во Франции. В 1917 году присвоено звание генерал-майора. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии: помощник дежурного генерала в штабе главнокомандующего штаба армии. В эмиграции - в Королевстве СХС, в штабе главнокомандующего в Сремских Карловцах, преподаватель Крымского кадетского корпуса. После 1923 года переехал в Парагвай, преподаватель военной школы (академии) здесь. С 1925 года - начальник Парагвайского отдела РОВС. Участник войны Парагвая с Боливией 1932 - 35 годов, руководил сооружением военных укреплений, генерал-инспектор парагвайской армии, советник генерального штаба, профессор академии. Произведен в генерал-лейтенанты парагвайской армии, а затем назначен генерал-инспектором армии Парагвая и председателем комиссии по ее реорганизации. Умер 19 июля 1972 года в Асуньоне.

Эррио Эдуард (1872 - 1957), французский политический и государственный деятель. Лидер французской партии радикалов. С 1916 года неоднократно входил в качестве министра в правительства страны. Премьер-министр Франции в 1924 - 25, 1926, 1932 годах. Правительство Эррио установило в 1924 году дипломатические отношения с СССР и подписало договор о ненападении с СССР в 1932 году. В 1947 - 54 годах - председатель Национального Собрания Франции. В 1905 - 55 годах (с перерывом) - мэр Лиона.

Юденич Николай Николаевич (1862 - 1933), генерал от инфантерии. Родился в Москве, в семье дворянина, коллежского советника. Окончил Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1881 году выпущен из училища подпоручиком в гвардейский полк. Участник Русско-японской войны: командир 18-го стрелкового полка, полковник, командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии, генерал-майор. В 1913 году - начальник штаба Казанского военного округа, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны: командующий Кавказской армией в 1915 - 17 годах, главнокомандующий русскими армиями на Кавказском фронте в марте - апреле 1917 года. В 1915 году произведен в генералы от инфантерии. Эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию. В годы Гражданской войны - главнокомандующий войсками на Северо-Западе России, командующий Северо-Западной армией. В эмиграции жил в Англии, затем во Франции. Умер 5 октября 1933 года в Ницце.

Юдихин Яков (? - ?), русский эмигрант, денщик генерала Врангеля в 20-е годы.

Юзефович Яков Давыдович (1872 - 1929), генерал-лейтенант. Из дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании училища вышел в 7-ю конно-артиллерийскую батарею. После окончания академии в 1899 году служил на штабных должностях в Варшавском военном округе. В 1901 - 4 годах - и.о. старшего адъютанта штаба этого округа. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны: начальник штаба Туземной (Дикой) дивизии; начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, генерал-майор; командир 26-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 года. С января 1919 года - начальник штаба Кавказской Добровольческой армии; с лета по ноябрь того же года - командир 5-го конного корпуса; с ноября - в резерве чинов при штабе главнокомандующего. С апреля 1920 года - руководитель строительства укреплений в Северной Таврии. В июне - сентябре 1920 года - генерал-инспектор конницы. В сентябре 1920 года отбыл для командования 3-й армией в Польшу. В эмиграции жил в Германии, Эстонии. В феврале 1924 года Врангель возложил на него руководство работой офицерских обществ и союзов в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве. Умер в 1929 году в Тарту.

Юсупов Феликс Феликсович (1887 - 1967), князь. Родился в Санкт-Петербурге. Один из инициаторов, организатор и один из активных участников убийства Г.Е. Распутина в декабре 1916 года. После этого отбывал ссылку в собственном имении под Курском. В 1917 году жил в Крыму в своем имении Кореиз. Затем покинул Россию и проживал в эмиграции. Умер 27 сентября 1967 года. Похоронен на Сен-Женевьев де Буа.

Явлинский Григорий Алексеевич (1952 - -), политический деятель. Родился 10 апреля 1952 года в Львове. Окончил Московский институт народного хозяйства. Кандидат экономических наук. Работал на различных должностях во Всесоюзном НИИ управления угольной промышленности, в Госкомтруде СССР. С 1989 года - начальник отдела и секретарь Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе, затем председатель Госкомиссии РСФСР по экономической реформе. В 1990 году - заместитель председателя Совета министров РСФСР. В 1991 году - экономический советник председателя правительства России, заместитель председателя комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР. С октября по декабрь 1991 года - член Политического консультативного комитета при президенте СССР. В 1993 году - один из основателей избирательного объединения «Яблоко». Депутат Государственной Думы, руководитель фракции «Яблоко» в 90-е - 2003 годах.

Якушев Александр Александрович (1876 - 1937). Родился в семье преподавателя кадетского корпуса. Окончил Александровский лицей. Работал в нем воспитателем, был управделами Министерства путей сообщения до революции. Действительный статский советник. В 1918 - 19 годах проживал в Петрограде, участвовал в деятельности антисоветских организаций. Затем работал в наркомате путей сообщения консультантом по водному транспорту. С 1921 года начал секретно работать с органами ВЧК-ОГПУ. Одна из ключевых фигур в операции «Трест». В 1934 году арестован и осужден в СССР. В 1937 году расстрелян.

Ясевич Петр Константинович (1889 - 1970), полковник. Окончил Виленскую гимназию, Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, капитан. С 1 сентября 1918 году - в Донской армии. Во ВСЮР - с октября 1918 года, помощник начальника штаба 7-1 Донской казачьей дивизии. В конце октября 1919 года переведен в Генштаб. С ноября того же года - начальник штаба Донской сводно-партизанской дивизии, а с марта 1920 года - начальник этой дивизии. С конца марта - в резерве чинов Генштаба при штабе Донского корпуса, а затем в оперативной части Донского корпуса до эвакуации Крыма. Полковник. После эвакуации был на острове Лемнос. В 1921 году - начальник штаба Лемносской группы, начальник штаба Донского корпуса. В эмиграции жил в Болгарии. Член РОВСа. Входил в руководство РОВСа, когда генерал Абрамов был его начальником в конце 1937 - начале 1938 года. В 1945 году арестован чекистами и вывезен в СССР. Судим и находился в лагерях ГУЛАГа. Умер 10 декабря 1970 года на станции Потьма в Мордовии.

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

¹ Автор использует понятия Российское и Русское Зарубежье, как синонимы. Именно граждане русской национальности составили ядро эмиграции, но в то же время термин «российская» («российское») несет в себе и подчеркивает историческую взаимосвязь между наименованием прежнего государства (Россия, Российская Империя) и его гражданами, вынужденными покинуть родину, и создавшими за его пределами особое образование - Российское Зарубежье или как принято нередко более возвышенно говорить - Зарубежную Россию, Россию № 2.

² Голдин В.И. Армия в изгнании. Очерки истории Русского Обще-Воинского Союза. - Архангельск - Мурманск. 2002; его же. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. - Архангельск - Мурманск, 2005.

³ Мещеряков Н.Л. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции). - М., 1922; Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в настоящее время. - М. - Пг., 1923; Алексеев Н. На службе империалистов (англорусский конфликт и белая эмиграция). - М., 1923; Василевский И.М. Что они пишут (мемуары бывших людей). - М., 1925 и др. Наряду с издаваемыми книгами и брошюрами, публиковалось и значительное число статей по этой тематике.

⁴ Потехин Ю.Н. Павлины без крыльев. Из архива контрреволюции. - М., 1924; Бобрищев-Пушкин А.В. Война без перчаток. - Л., 1925; Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. - М., 1928; Арсеньев Е. Поджигатели войны. Четыре покушения на полпредство СССР в Варшаве. - М. - Л., 1931; Кудрявцев Р. Белогвардейцы за работой. - М., 1932; Михайлов Е.А. Белогвардейцы-поджигатели войны. - М., 1932 и др.

⁵ Калинин И.М. В стране братушек. - М., 1923; его же. Под знаменем Врангеля. - Л., 1925; Владимиров Л. Возвратите их на Родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. - М., 1924; Лунченков И. За чужие грехи. Казаки в эмиграции. - М. - Л., 1925; Слободский А. Среди эмиграции. Мои воспоминания. Киев - Константинополь. 1918 - 1920. - Харьков, 1925; Лунченков И. За чужие грехи. Казаки в эмиграции. - М. - Л., 1925; Федоров Г. Путешествие без сантиментов. (Крым, Галлиполи, Стамбул). Воспоминания беженца. - Л. - М., 1926 и др.

⁶ Раковский Г.Н. В Конец белых от Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). - Прага, 1921; Русская армия в изгнании. 1920 - 1923. - Б.м., 1923; Русские в Галлиполи. - Берлин, 1923; Трехлетие Общества Галлиполийцев (1921 - 1924). - Белград, 1924; Крюков П.И. Казаки в Чатаджи и на Лемносе в 1920 - 1921 гг. - Белград, 1924; Даватц В.Х. Годы: Очерки 5-летней борьбы. - Белград, 1926; Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская Армия на чужбине. - Белград, 1928; Даватц В.Х. Годы. Очерки 10-летней борьбы. - Белград, 1929; Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. - Белград, 1931; Рытченков С. 259 дней Лемносского сидения. - Париж, 1933; Львов Н.Н. Белое дело. - Белград. - 1924; Головин Н.Н. Мысли об устройстве российской вооруженной силы. - Париж, 1938; Ларионов В. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Парклуба. - Париж, 1931 и др.

⁷ Армия и флот. Военный справочник. - Париж, б.г.; Корниловский ударный полк. - Париж, 1936; Русские в Германии. - Берлин, 1921; Русская эмиграция в Болгарии. - София, 1923; Русские в Праге. 1918 - 1928. - Прага, 1928; Русские во Франции. - Париж, 1937 и др.

⁸ Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. - Харбин, 1942.

⁹ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. - Париж, 1930; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон Врангель. К десятилетию кончины. - Белград, 1938; Цуриков Н.А. Генерал Александр Павлович Кутепов. - Прага, 1930; Генерал Кутепов. - Париж, 1934; Похищение генерала Кутепова большевиками. В двух выпусках. - Париж, 1930; Бурцев В.Л. Большевицские гангстеры в Париже. - Париж, 1939. Теме похищений генералов Кутепова и Миллера было посвящено большое число статей в русскоязычных эмигрантских журналах 30-х годов, как, впрочем, и последующих десятилетий.

¹⁰ Перечень периодических военных изданий эмиграции см.: Военная мысль в изгнании. - М., 1999. - С.-550 - 558. Этой проблеме посвящено специальное исследование: Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать. - М., 2000. См. также: Издательское и библиографическое дело русского зарубежья. - СПб., 1999.

¹¹ Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. - Калинин, 1977; его же. Белая эмиграция и Вторая мировая война. - Калинин, 1979; Барихновский Г.В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921 - 1924 гг.). - Л., 1978; Голииков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. Изд. Третье, доп. - М., 1980; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. - М., 1981; Мухачев И.А. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. - М., 1982; Афанасьев А.Л. Полынь в чужих полях. - М., 1984 и др.

¹² Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание...: Пути и судьбы русской эмиграции. - М., 1990; Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов. 2-е изд. - М., 1987; Башкиров Г.Б., Васильев Г.В. Путешествие в Русскую Америку. Рассказы о судьбе эмиграции. - М., 1990; Большаков В.В. Русские березы под Парижем. - М., 1990; Коваленко Ю.М. Париж. Очерки о русской эмиграции. - М., 1991; Куликов Н.Г. Я твой, Россия. - М., 1990; Бортневский В.Г. Избранные труды. - СПб., 1999; Сони В.В. Крах белоэмиграции в Китае. - Владивосток, 1987 др.

¹³ Проблемы изучения истории российского зарубежья. - М., 1993; Русская эмиграция в Европе: 20-е - 30-е годы XX в. - М., 1996; Память сердца. Сборник материалов конференции Головинские чтения. - М., 1996; Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. - М., 1997; Российское зарубежье: История и современность. - М., 1998; Русский исход. - СПб., 2004 и др.

¹⁴ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: гражданские беженцы, армия, учебные заведения. - М., 1994; Тарле Г.Я. Российское зарубежье и родина. - М., 1993; Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917 - 1930-е годы. - Уфа, 1998; Россия в изгнании. Судьбы российской эмиграции за рубежом. - М., 1999; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-х - 40-х годов. - М., 2000; Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин, Париж. Центры Зарубежной России. - М., 1999; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 - 1939): сравнительно-типологическое исследование. - Тверь, 2002; Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в изгнании. - Челябинск, 1997; Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Кн. 3. Вторая волна отечественной эмиграции и ее культура. - Астрахань, 1999; Пронин Л.А. Историография российской эмиграции, - Екатеринбург, 2000. К сожалению, в последнем издании практически не нашла отражения и не получила осмысления историография российской военной эмиграции.

¹⁵ Российская эмиграция на Дальнем Востоке. - Владивосток, 2000; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917 - 1924). - М., 1997; 2000; Печерица В.Ф. Восточная ветвь российской эмиграции. - Владивосток, 1994; его же. Духовная культура русской эмиграции в Китае. - Владивосток, 1999; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. 4.1. Русские в Китае. - Владивосток, 2000; 4.2. Русские в Японии, Америке и Австралии. - Владивосток, 2000; его же. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. - Владивосток, 2002; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920 - 1940-е гг. - М., 2003; Русская эмиграция в славянских странах: Югославия, Чехия, Болгария. - Красноярск, 1997; Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20 - 30-е гг.). - М., 1995; Кудрякова Е.Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. - М., 1995; Казнина О.А. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997; Голдин В.И., Тетеревлева Т.П., Цветное Н.Н. Русская эмиграция в Норвегии // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. - Архангельск, 1997 и др.

¹⁶ Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Известные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. - СПб., 1996; его же. Избранные труды. - СПб., 1999; Русское Зарубежье: государственный патриотизм и военная мысль. - М., 1994; Российская военная эмиграция в 1920 - 30-е годы. - Нальчик, 1998; Бегидов А.М. Военное образование в Зарубежной России. - М., 2001; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918 - 1945 гг. - М., 2000; его же. Российская военно-политическая эмиграция в 1920 - 1945 гг. - М., 2003; Огороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920 - 1990 гг. - М., 2003 и др.

¹⁷ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920 - 45 гг. - М., 2000; Чистяков К.А. Убить за Россию? Из истории русского эмигрантского «активизма». 1918 - 1939. - М., 2000; Индивидуальный политический террор в России. - М., 1996 и др.

¹⁸ Дробязко СИ. Вторая мировая война 1939 - 1945: Русская освободительная армия. - М., 1998; Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. - М., 2000; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой вой-

не. - М., 2001; Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936 - 1945 гг.). - М., 2001; ее же. Российская послереволюционная эмиграция во время Второй мировой войны. - М., 2002; Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944 - 1945 гг. - СПб., 2001; его же. Против Сталина. Власовцы и точные добровольцы во Второй мировой войне. - СПб., 2003 и др.

¹⁹ Антошин А.В. Международные отношения в эпоху «холодной войны»: взгляд российской эмиграции. - Екатеринбург, 2004.

²⁰ Венков А.В., Шишов А.В. Белые генералы. - Ростов-на-Дону, 2000; Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. - Смоленск, 2003; его же. Генерал Деникин. - Смоленск, 1999; Ипполитов Г.М. Деникин. - М., 2000; Смирнов А.А. Атаман Краснов. - М., 2003; Клавинг В.В. Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции (1917 - 1923 гг.). - СПб., 1998; его же. Белая гвардии. - СПб., 1998; Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. - М., 1997; Алабин И.Г., Судравский В.Д. Донской генералитет в изгнании. Опыт библиографического словаря. - М., 2000; Рыбас СЮ. Генерал Кутепов. - М., 2000; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. - СПб., 1996; Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. - Екатеринбург, 1999; Волков Е.В. Колчаковские генералы: опыт исторического исследования. - Челябинск, 2001; Волков СВ. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. - СПб. - М., 2003; Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. - М., 2003; Голдин В.И. Испытания длиной в жизнь: судьба генерала Миллера // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1 и др.

²¹ Более подробно см.: Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки современной историографии (вторая половина 1980-х - 90-е годы). - Архангельск, 2000. Смотрите также: Гражданская война в России: события. Мнения, оценки. - М., 2002; Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. - М., 1998 и др.

²² Ершов Е.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918 - 1945 гг. - М., 2000; его же. Российская военно-политическая эмиграция в 1920 - 1945 гг. - М., 2003; Российский Обще-Воинский Союз: Краткий исторический очерк. - СПб., 1994; О कोरोков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920 - 1990. - М., 2003 и др.

²³ Очерки истории российской внешней разведки. Т.2 - 3. - М., 1996 - 1997; Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки. - М., 1999; Млечин Л.М. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. - М., 1991; его же. «Фермер» сообщает из Парижа. - М., 1992; его же. Алиби для великой певицы. - М., 1997; его же. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. - М., 1999; Колпакиди А.Д., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. - М., 2000; их же. Внешняя разведка России. - СПб. - М., 2001; Гладков Т. Награда за верность - казнь. - М., 2000; Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом. - М., 2001; Энциклопедия секретных российских спецслужб России. - М., 2004. Назовем также некоторые статьи по этой проблематике: Михайлов Л. Генерал дает согласие; "Фермер" сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. 1989. № 48, 49, 50; Голдин В.И. «Листая старую тетрадь расстрелянного генерала» // Гандвик ТВ. 1995. № 13; Краевский Б.Л. Похищение генерала Миллера // Дворянское собрание. 1995. № 2; Наумов В., Краюшкин А. Заключенный под номером ПО // Московские новости. 1994. № 63 и др. Значительное число публикаций по данной теме содержится в специализированных изданиях последних лет: журнал «Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки», газета «Новости разведки и контрразведки», «Совершенно секретно» и др.

²⁴ Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии в 1921 - 45 гг. - Харьков, 1996.

²⁵ Постников СП. Библиография русской революции и гражданской войны 1917 - 1921. - Прага, 1938; его же. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1923 - 1937. - Прага, 1957; Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. - Париж, 1968 Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т.1 - 2. - Сан-Франциско - Париж - Нью-Йорк, 1958 - 1959; Лампе А.А. Пути верных. - Париж, 1960; Алдан А.Г. Армия обреченных. - Нью-Йорк, 1969; Кромияди К. За землю, за волю. - Сан-Франциско, 1980; Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. - М., 1998; Прянишников Б. Незримая паутина: ВЧК - ГПУ - НКВД против эмиграции. - Нью-Йорк, 1979; Шуберский А.Н. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде. - Ментона, 1955; Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерала Н. Головина 1927 - 1977. - Мюнхен, 1977; Ярем-

чук А.П. Русские добровольцы в Испании. 1936 - 1939. - Сан-Франциско, 1983; Marris M.R. The Unwanted-European Refugees. - New York, 1985, Beaune D. L'enlèvement du General Koutiepoiff. Documents et commentaries. Aix-en-Provence, Publ.de l'Univ. De Provence, 1998; Brackman R. The Secret File of Joseph Stalin. A Hidden Life. - London - Portland, 2001; Goldin V.I., Long J.W. Resistance and Retribution: The Life and Fate of General E.K. Miller. - In: Revolutionary Russia. December 1999. Vol. 12. No. 2; Lehovich V. Red Against White. The Life of General Anton Denikin. - New York, 1974. Последняя книга издана в 1992 году на русском языке в Москве под названием «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина».

²⁶ Прянишников Б. Незримая паутина: ВЧК - ГПУ - НКВД против эмиграции. -СПб., 1993; Назаров В.В. Миссия русской эмиграции. - Москва, 1994; Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. - М.,1997; его же. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. -М., 2002 и др.

²⁷ Robinson P. The White Russian Army in Exile, 1920 - 1941. - Oxford, 2002. Монография основывается и является частью докторской (Рп.О.)диссертации этого автора.

²⁸ Русский заграничный исторический архив. - Прага, 1929; Фонды Русского Заграничного исторического архива. Межархивный путеводитель. - М., 1999.

²⁹ Политическая история русской эмиграции. 1920 - 1940 гг. - М., 1999; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и белоэмигрантских архивов. - М., 1995; Русское Зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. Российский военный сборник. Вып. 6. - М., 1994; Какая армия нужна России. Взгляд из истории. Российский военный сборник. Вып. 9. - М., 1996; Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Вып. 13. - М., 1997; Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Вып. 16. - М.,1999; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920 - 1945). - Южно-Сахалинск, 1994; Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы. Документы в архивах Москвы. - М., 1998 и др.

³⁰ Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов. Т.1 - 2. - М.,1998 - 2001; Чему свидетелями мы были.- Кн. 1 - 2. - М.,1998; Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности. Архив Сталина. Документы органов партийной и государственной власти. - М., 2004.

³¹ Армия и флот. - Париж, б.г.; Русские во Франции. - Париж, 1937; Русская эмиграция. - М., 2003 и др.

³² Лампе А.А. Пути верных. - Париж, 1960; Витковский В.К. В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963; Войцеховский СЛ. Трест. Воспоминания и документы. - Л. -Канада, 1974 и др.; воспоминания генерала А.С. Лукомского, вице-адмирала М.А. Кедрова и ряда других деятелей военной эмиграции, хранящиеся в ГАРФ.

³³ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. - М., 1997 и др.

³⁴ Кривицкий В. Я был агентом Сталина (Записки советского разведчика). - М., 1991; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. - М., 1991; Агабеков Г. ЧК за работой. - М., 1992; его же. Секретный террор. - М., 1998.

³⁵ Сквозь бури гражданской войны. - Архангельск, 1990; Россия, 1917: взгляд сквозь годы. - Архангельск, 1998; Гражданская война в России и на Русском Севере. - Архангельск, 1999.

³⁶ Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918 - 1920 гг.) -Архангельск, 1989; Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 - 1920. - М., 1993; Белый Север. 1918 - 1920 гг. Вып. 1 - 2. - Архангельск, 1993; Зброшенны́е в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918 - 1919) глазами ее участников. - Архангельск, 1997; Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х - 90-е годы). - Архангельск, 2000; Армия в изгнании. Очерки истории Русского Обще-Воинского Союза. - Архангельск - Мурманск, 2002; Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. - Архангельск, 2005 (совместно с П.С. Журавлёвым и Ф.Х. Соколовой); Роковой выбор. - Архангельск - Мурманск, 2005;

³⁷ Зброшенны́е в небытие. - Архангельск, 1997; Resistance and Retribution. The Life and Fate of General E.K. Miller // Revolutionary Russia. 1999 (December). Vol. 12. No. 2.

³⁸ Голдин В.И., Тетеревлёва Т.П., Цветное Н.Н. Русская эмиграция в Норвегии. 1918 - 1940 // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. - Архангельск, 1997; Это же исследование опубликовано и на норвежском языке: Russiske emigranter i Norge // Frykt og Forventning. - Arkhangelsk, 1996.

ГЛАВА 1

¹ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С.175.

² Русская Армия в изгнании. С.1 - 2; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С.25; Россия в изгнании. С.56, 150 - 151. Из более 100 тыс. эвакуированных военных чинов около 50 тыс. принадлежало к строевым частям армии и флота, было вывезено более 6 тыс. раненых и больных (все желающие, преимущественно офицеры и юнкера), до 40 тыс. чинов тыловых учреждений и частей, а также более 3 тыс. чинов военно-учебных заведений. - Русская армия в изгнании. СЛ.

³ Русская военная эмиграция. Т.1. Кн. 1. С.30; Последние дни Крыма (впечатления, факты, документы. - Константинополь, 1920. С.24; Русские в Галлиполи. - Берлин, 1923. С. 16.

⁴ После вступления частей Красной армии в Крым здесь была организована большая «чистка». По некоторым данным, в Крыму было расстреляно 40 или даже более тысяч человек. Но, по мнению авторов документального издания «Русская военная эмиграция», подготовленного в основном по материалам советских спецслужб, расстреляно было около 12 тысяч человек. - Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.23 - 24.

⁵ Русская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность. С.5; Россия в изгнании. С. 58; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917 - 1924). С.58; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920 - 1940-е гг. С.9, 12; Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. - Владивосток, 1999. С.4.

⁶ Приводимая цифра включает в себя и 95 тыс. солдат и офицеров бывшей Императорской армии, попавших в плен в годы Первой мировой войны и оставшихся жить в дальнейшем в странах Европы, но не учитывает 215 тыс. бывших российских военнослужащих, попавших в плен в 1914 - 1917 годах и осевших затем на жительство в Польше в Прибалтийских государствах. Среди последних большинство, как нам представляется, составляли уроженцы и жители этих регионов бывшей Российской империи, которые не считали себя беженцами и эмигрантами. - Мировые войны XX века. Кн.1. Первая мировая война. - М., 2002. С.629 - 630.

⁷ Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.26.

⁸ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. С.26.

⁹ Россия в изгнании. С. 151.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5853. Оп.1. Д.12. Л.256.

¹¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.22. Л.7 - 8.

¹² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.3. Л.9 - 10.

¹³ Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. К 10-летию кончины. С. 145.

¹⁴ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.25. Л.43; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С.141; Раковский Г. Конец белых от Днепра до Босфора. С.246; Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.250.

¹⁵ В сводке штаба Французской Восточно-Средиземноморской эскадры, датированной декабром 1920 года, давалась следующая диспозиция расположения русских беженцев, находящихся на содержании французского правительства: лагеря и госпитали в Константинополе - 9 тысяч человек; лагерь в Чаталдже - 19 тысяч, лагерь в Галлиполи - 29 тысяч, лагерь в Мудросе - 16 тысяч; на рейде Бейкоса - 4 тысячи, в Бизерте - 6 тысяч. В общей сложности - 83,6 тыс. человек. 22 тысячи беженцев было направлено в Сербию. Были отправлены из Константинополя по паспортам или бежали из лагерей - 20 тысяч человек. - Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. - С.269.

¹⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.3. Л.1 - 1 об., 3 об.

¹⁷ Россия в изгнании. С. 168 - 169; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С.28; Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.30, 347 - 350; Крюков П.И. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920 - 21 гг. С.40 - 41; Калинин И. Под знаменем Врангеля. Записки бывшего военного прокурора. С.181 - 201.

¹⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.7. Оп.2. Д.734. Л. 10.

¹⁹ Витковский В.К. В борьбе за Россию. С.28 - 30.

²⁰ ГАРФ. Ф.7504. Оп.1. Д.1. Л.8 об. - 9; Опишня И. Галлиполийский Кутеп-паша // Возрождение. - 1956. - № 49.

²¹ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С.28 - 29; Русская военная эмиграция. Т.1.. Кн.1. С.32.

²² Россия в изгнании. С.62.

²³ Русские в Галлиполи. - Берлин, 1923. С.59.

- ²⁴ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция М.Д. Врангель». Рулон 8.
- ²⁵ По данным авторов издания «Русская Армия в изгнании» стоимость вывезенного из Крыма казенного имущества составила до 10 млн. франков, из которого лишь малая часть (стоимостью до 15 млн. франком) была выдана эвакуированному русским военным служащим и беженцам. Остальное перешло в руки французов. - Указ. соч. С.2.
- ²⁶ РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.734. Л.5.
- ²⁷ РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.734. Д.34. Л.6 об.; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С.140; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С.35; Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.35, 37; Часовой. - 1958. - № 386. - С. 14.
- ²⁸ Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С. 140.
- ²⁹ РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.734. Л.8 - 8 об.; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С.151.
- ³⁰ Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. СП; Владимиров Л. Возвратите их на Родину. С.24 - 25; Витковский В.К. В борьбе за Россию. С.31 - 38.
- ³¹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189. Л.74 - 75.
- ³² Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель.
- ³³ Россия в изгнании. С.173, 175.
- ³⁴ В Чехословакию была перевезена примерно 1 тыс. военнопленных, в Грецию - 3 тыс. чел., в Венгрию - 300 чел. - Русская Армия в изгнании. С.8-9.
- ³⁵ Россия в изгнании. С.173, 175; Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.43; ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.5; Козлитин В. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С.47 - 48.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.25. Л.43 об.; Ф.5853. Оп.1. Д.31. Л.287 об.
- ³⁷ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189. Л.1 - 21.
- ³⁸ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.30; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С.49 - 50.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.7. Л.321.
- ⁴⁰ Россия в изгнании. С.422.
- ⁴¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 - 1939. М., 1994. С.39.
- ⁴² Русский Совет. - Париж, 1921. С.1 - 11; ГАРФ. Ф.7504. Оп.1. Д.1. Л.1 - 5 об.; ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189. Л.3, 7-8.
- ⁴³ Нормы представительства по избранию в состав Русского Совета в соответствии с Положением о нем выглядели следующим образом: от казачества - 3 чел., от горских народов - 3, от объединенных бывших членов законодательных палат - 6, от бывших земских гласных - 2, от бывших городских гласных - 2, от торгово-промышленных организаций - 2, от финансовых организаций - 2, от русских академических групп - 2. - Русский Совет. С.9 - 11; ГАРФ. Ф.7504. Оп.1. Д.1. Л.5 - 5 об.
- ⁴⁴ Русский Совет. С.12 - 15, 30 - 37; ГАРФ. Ф.7504. Оп.1. Д.1. Л.6 об - 8; 16 - 19; ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189. Л.65.
- ⁴⁵ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189. Л.74 - 75, 75 об. - 80 об.
- ⁴⁶ Русская военная эмиграция. Т.1. Кн.1. С.40.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.12. Л.257.
- ⁴⁸ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20- х годов. С.54.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.1. Л.53.
- ⁵⁰ Шатилов П. Русский Обще-Воинский Союз // Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С.173.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.1. Л.318 - 319.
- ⁵² ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.9. Л.84.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.10. Л.138.
- ⁵⁴ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.129; Русская военная эмиграция. Т.2. С.159 - 160.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф.7333. Оп.1. Д.36. Л.5.

- ⁵⁶ Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. - Смоленск, 2003. С.240.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.5843. Оп.1. Д.21. Л.1 - 1 об.; Д.15. Л.7 - 8.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.2. Л.92 - 95; Россия в изгнании. С.90 - 91.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.7. 22 - 25.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.7. Л.159 - 160.
- ⁶¹ Россия в изгнании. С.92; ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.5. Л.14, 20.
- ⁶² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.12. Л.258.
- ⁶³ Россия в изгнании. С.92, 422 - 424.
- ⁶⁴ Генерал Шуберский. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. - Ментона, 1955. - С.8.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.3. Л.71 об - 72.
- ⁶⁶ Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.9 - 10. С.258, 281.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.8. Л.6. Названная организация именовалась также Международной Лигой борьбы с коммунизмом, Лигой по борьбе с III интернационалом или Лигой Обера - по имени ее руководителя адвоката Теодора Обера. Она была учреждена в июне 1924 года. Подробнее о ее программе и деятельности см.; О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С.26 - 27.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д. 14. Л.6 - 9; Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. С.24.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.14. Л.104; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.51.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.57 об - 58; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.45.
- ⁷¹ Лехович Д. Белые против красных. С..297.
- ⁷² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.12. Л.258.
- ⁷³ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С. 160.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.12. Л.1 И; Д.14. Л.96.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.14. Л.46 - 47.
- ⁷⁶ Русская военная эмиграция. Т.2. С. 153.
- ⁷⁷ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.131, 162; ГАРФ. Ф.6460. Оп.1. Д.3. Л.43 - 44.
- ⁷⁸ ГАРФ. Ф.5829. Оп.1. Д.12. Л.2.
- ⁷⁹ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.161.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.3. Л.22 - 24.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.3. Л.30.
- ⁸² Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 60. - С.2 - 5.
- ⁸³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.14. Л.186; Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.107.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.13. Л.148 - 151.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.13. Л.153 - 158.

ГЛАВА 2

¹ В связи с манифестом великого князя Кирилла Владимировича вдовствующая императрица Мария Федоровна направила 4 октября (21 сентября) 1924 года письмо великому князю Николаю Николаевичу, в котором сочла это решение преждевременным и выразила беспокойство, что «этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России». Она указала также, что если известия о гибели царской семьи подтвердятся, то государь император будет объявлен «в соответствии с Основными законами, Церковью Православной и с Русским Народом». Публикуя с ее разрешение адресованное ему письмо императрицы, великий князь Николай Николаевич сделал письменное заявление 7/20 октября, подчеркнув, что они мыслят одинаково. Он подтвердил свое убеждение, что «будущее устройство государства Российского может быть решено только на Русской Земле, в соответствии с чаяниями Русского Народа». «Отрицательно относясь к выступлению Великого Князя Кирилла Владимировича, призываю всех одинаково мыслящих с Ее Величеством и мною, к исполнению нашего истинного долга перед родиной - неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России», - заявил Николай Николаевич (ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.18. Л.395). Объективно говоря, все это ускорило, в конечном счете, его решение о вступлении в руководство РОВСа.

² ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.14. Л.307 - 312.

³ ГАРФ. Ф.5926. Оп.1. Д.15. Л.89 - 90 об.

⁴ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.5 об.

- ⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.95.
- ⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.97.
- ⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.27. Л.19 - 21, 25.
- ⁸ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.58. Л.3 - 4.
- ⁹ ГАРФ. Ф.5827. Оп.1. Л.57. Л.14 - 17.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.57. Л.20 - 33.
- ¹¹ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.49.
- ¹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.18. Л.72.
- ¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.18. Л.108 - 109.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.4. Л.117 - 117 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.62. Л.198; Д.28. Л.43; Д.30. Л.20; Ф.5863. Оп.1. Д.118. Л.395 об.; Центральный архив Федеральной службы безопасности. Материалы на Е.К. Миллера; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.49.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.14. Л.229.
- ¹⁷ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. - Париж, 1930. - С.358.
- ¹⁸ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. С.358 - 359.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.112; Д.28. Л.85; Ф.5853. Оп.1. Д.18. Л.331.
- ²⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.18. Л.110 - 111.
- ²¹ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.14. Л.317 - 320.
- ²² ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.14. Л.320.
- ²³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.491; Ф.5853. Оп.1. Д.19. Л.70.
- ²⁴ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.23. Л.195.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.2. Л.16 - 17.
- ²⁶ Россия в изгнании. С.115.
- ²⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.7.
- ²⁸ ГАРФ. Ф.5926. Оп.1. Д.15. Л.5 об.
- ²⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.620; Д.62. Л.150 об, 152 - 153, 157 - 158.
- ³⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.461 об.
- ³¹ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.51.
- ³² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.27. Л.45, 240; Д.62. Л.109 - 111..
- ³³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.30. Л.71, 74.
- ³⁴ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.28. л.141 - 145.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.2. Л.17.
- ³⁶ Россия в изгнании. С.117.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.50. Л.33.
- ³⁸ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.28. Л.155 - 56.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.27. Л.101, 296 - 97; Д.62. Л.107, 114, 117.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л. 88, 90-90 об; Д.23. Л.195; Д.28. Л.157; Д.62. Л.95, 170.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.28. Л.50 - 51; Д.62. Л.145; Д.15. Л.6.
- ⁴² ГАРФ. Ф.5829. Оп.1. Д.12. Л.1; Ф.5826. Оп.1. Д.23. Л.185. Воспоминания и впечатления о пребывании в США, на Дальнем Востоке, а также о своей работе в Париже генерал Лукомский изложил в рукописях, переданных затем в Русский Заграничный Исторический Архив в Праге и хранящихся ныне в ГАРФ - Ф.5829. Оп.1. Д.9, 10, 12.
- ⁴³ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.450; ГАРФ. Ф.5826. Д.26. Л.20 - 20 об., 133 - 34; Д.28. Л.51; Д.62. Л.96; Д.15. Л.6 об.
- ⁴⁴ В воспоминаниях начальника РОВСа в конце XX века капитана В.Н. Буткова, а в начале 30-х годов молодого члена РОВСа в Болгарии, мы встречаем утверждение, что «внутренняя линия» - это «работа секретного сектора разведки РОВСа», а «внешняя» линия - это работа на различных курсах в качестве лектора, техника, инструктора и т.п. В обывательских кругах эмиграции «внутренняя» линия получила трактовку как ругательное название «грязной» деятельности. В действительности, по утверждению Буткова, «работа по «внутренней» линии РОВСа была нормальной работой разведки организации (выделено в тексте - В.Г.), везде и всегда существовавшая». Бутков считал, что первым руководителем разведки РОВСа в Болгарии, а потом во Франции был Генерального Штаба полковник А.А. Зайцов. Он действительно занимался в 20-30-е годы секретной работой РОВСа, о чем пойдет речь в нашей книге в дальнейшем. В 20-е годы он являлся помощником генерала Кутепова в «особой работе» на Россию/СССР и проживал в Париже. Он переехал туда после 1924 или 1925 года, ибо есть упоминание, что осенью 1925 года он был прикомандирован к Галлиполийской роте в Болгарии. В

принципе, он мог быть и одним из организаторов «внутренней линии» в Болгарии. По утверждению Буткова, именно полковник Зайцов - необыкновенно талантливый офицер генштабист и знающий свое дело разведчик» создал в Болгарии «замечательную сеть сотрудников-информаторов, действовавших повсюду, где только жили и работали чины воинских организаций РОВСа». Он тесно сотрудничал с болгарской военной разведкой и Дирекцией болгарской полиции, информируя их о деятельности коммунистических организаций и планах их террористической работы. Ближайшими помощниками полковника Зайцова были капитаны А.А. Браунер и К.А. Фосс. После отъезда А.А. Зайцова во Францию он передал последнему непосредственное руководство «внутренней линией» в Болгарии. Правда, Бутков утверждает, что это произошло в начале 30-х годов, хотя в действительности Зайцов работал с генералом Кутеповым в Париже во второй половине - конце 20-х годов. Как свидетельствуют документы (в том числе которые будут в дальнейшем приведены в этой книге), полковник Зайцов вел секретную деятельность и в 30-е годы и поддерживал тесное взаимодействие с «внутренней линией». - Бутков В.Н. Исторические записки и воспоминания члена Русского Обще-Воинского Союза Гл. 1. «Внутренняя линия» в Болгарии: РОВС против ОГПУ // Вестник РОВС. - 2001. - № 1-2. С.18.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.15; Последние Новости. - 1937. - 13 октября.

⁴⁶ Русские без Отечества. С. 74.

⁴⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.24. Л.41; Д.61. Л.24, 77, 121; Ф.5829. Оп.1. Д.12. Л.2.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1 Д.15. Л.7; Д.30. Л.40.

⁴⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1 Д.25. Л.42; Д.58. Л.18.

⁵⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.91. Л.38; Русские без Отечества. С.74; Россия в изгнании. С.100.

⁵¹ Россия в изгнании. С. 102.

ГЛАВА 3

¹ Россия в изгнании. С.99.

² Россия в изгнании С.108.

³ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.15. Л.278, 283.

⁴ Ильин И.А. Белая идея // Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.9 - 10. С.305.

⁵ Вестник РОВС. - 2002. - № 5. С.8.

⁶ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.450 - 51.

⁷ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.495 - 97; Ф.5829. Оп.1. Д.12. Л.9 - 10; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.51.

⁸ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войн, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.585 - 87, 589 -90.

⁹ Подробнее см.; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.50 - 82.

¹⁰ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны. Революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.473 - 74.

¹¹ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.55.

¹² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.29. Л.7.

¹³ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189 а. Л.476 - 77.

¹⁴ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.25. Л.77; Д.29. Л.36, 85; Там же. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.474.

¹⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.29. Л.87 - 87 об.

¹⁶ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л.53.

¹⁷ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л.12, 17 - 18;

¹⁸ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.54.

¹⁹ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.54.

²⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.29. Л.120 - 120 об.; Д.35. Л.7 - 8.

²¹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л.526 - 27, 573; рулон 190. Л.43 -

- 44; ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.23. Л.189; Д.26. Л.72; ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.18. Л.111 - 136; Д.19. Л.54, 55; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.58.
- ²² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.65. Л.55 - 61, 66, 71; Д.65. Л.53; Д.30. Л. 14 - 14 об., 18; Д.26. Л.127 - 128; Ф.5955. Оп.1. Д.19. Л.54 - 55.
- ²³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.100.
- ²⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.26. Л.125 - 134.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 136 - 137.
- ²⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.25. Л.31.
- ²⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.1. Л.23.
- ²⁸ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.30. Л.21 - 21 об.
- ²⁹ Правда, весной 1927 года возникли определенные сложности взаимоотношений Врангеля с генералом Кусонским. Это нашло отражение, например, в переписке Врангеля и Шатилова. 25 июня Врангель указывал ему, что он не прав, приписывая барону желание отвести Кусонского от сотрудничества. Председатель РОВСа подчеркивал, что он ценит его ясный ум и глубочайшую порядочность, считает его порядочным человеком и выдающимся работником. Но, вместе с тем, Врангель указывал, что «для политической борьбы он совершенно не пригоден, главным образом благодаря его исключительной доверчивости к людям и весьма почтенной в жизни, но опасной в политической борьбе, прямолинейности». - Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л.245. Так или иначе, Врангеля продолжало связывать с Кусонским тесное сотрудничество. Он питал к нему доверие, о чем свидетельствует и их сохранившаяся последующая переписка.
- ³⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.5; Д.35. Л.12 - 13.
- ³¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.30. Л.24 - 25 об.
- ³² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.96. Л.94 - 95; Шуберский А. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. С.9 -10.
- ³³ Российский военный сборник. Вып. VI. Русское Зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. С.40.
- ³⁴ Подробнее смотрите, например: Бегидов А.М. Военное образование в зарубежной России. 1920 - 1945. - М., 2001; Шуберский А. Указ. соч.
- ³⁵ Старков Б.А. Трагедия советской военной разведки // Кривицкий В. «Я был агентом Сталина». - М., 1991. С.25.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.3. Л.270 - 272.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.20. Л.167 - 168.
- ³⁸ Россия в изгнании. С. 132 - 133; Политическая история русской эмиграции. С.8; Балакшин П.П. Финал в Китае. Т.1. С.265 - 266; ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.140.
- ³⁹ Политическая история русской эмиграции. С.40 - 42.
- ⁴⁰ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л.208, 228; Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 140; Россия в изгнании. С. 132 - 33.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.163. Л.165, 174, 179 - 182. 187 189. 194.
- ⁴² Русские без Отечества. С.82 - 83.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.664.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.18. Л.395 об.; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.86. Л.4 - 5.
- ⁴⁶ ГАРФ. 5826. Оп.1. Д.28. Л.47.
- ⁴⁷ Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. - Белград, 1931. С. 185.
- ⁴⁸ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 191. Л.362 - 370.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.106.
- ⁵⁰ Бортневский В.Г. Избранные труды. С.384.
- ⁵¹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л.201.
- ⁵² Там же. С.202, 212, 227.
- ⁵³ Там же. С.202 - 203.
- ⁵⁴ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 190. Л.228, 240.
- ⁵⁵ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.65, 76.

- ⁵⁶ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С.66 - 68; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С.52 - 53.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.30. Л.126 - 129; Ф.5955. Оп.1. Д.23. Л.84 - 87.
- ⁵⁸ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля. Рулон 191. Л.493.
- ⁵⁹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 191. Л.484.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.60.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.30. Л.169 - 171.
- ⁶² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.33. Л.183 - 84.
- ⁶³ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 191. Л.618 - 19.
- ⁶⁴ Возрождение. - 1928. - 12 мая.
- ⁶⁵ Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. С. 14. О течении болезни генерала Врангеля рассказывает переписка его секретаря Котляревского и генерала фон Лампе. 11 апреля Котляревский писал из Брюсселя в Берлин: «Ужасное горе! Сегодня выяснилось, что у П.Н. (Врангеля - В.Г.) туберкулезный процесс левого легкого в очень сильной активной форме. Анализ мокрот показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Температура очень высокая. Если Господь смилуетя, то, как только температура немного понизится, увезем в горы». 16 апреля Котляревский сообщал фон Лампе: «За вчерашний день произошло очень большое ухудшение. Температура дает огромные колебания от 39 до 36,2 и обратно 39. Вчера были явления характера мозгового. Врачи считают положение чрезвычайно опасным и считают, что благоприятный исход болезни будет чудом. Какое страшное, ужасное горе!»» Это известие шокировало генерала фон Лампе: «Главкомандующий умирает... Все рухнет, заменить некем...», - записал он в своем дневнике. 20 апреля было датировано последнее перед смертью Врангеля письмо Котляревского Лампе, поступившее в Берлин 24 апреля: «Здоровье П.Н. Не лучше, сердце работает хуже, очень большая слабость. Вопрос легких сейчас не на первом плане, главное - деятельность сердца и нервное возбуждение». Несмотря на мучительные боли и потери сознания, генерал Врангель продолжал решать самые важные дела. По словам Котляревского, Врангель «за три недели уже чувствовал, что умирает, и совершенно сознательно отдавал приказания на случай смерти». - Русские без Отечества. С.116 - 117.
- ⁶⁶ Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. С. 15 - 16.
- ⁶⁷ Время. - 1930. - 27 апреля; ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.37. Л.31.
- ⁶⁸ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля.; Колпакиди А.И. Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С.57 - 55.
- ⁶⁹ Карпенко СВ. Врангель Павел Николаевич // Новый исторический вестник. - 2001. - № 1. - С.219 - 231.
- ⁷⁰ На официальный запрос автора в Службу внешней разведки был получен ответ от 28 августа 2003 года за подписью руководителя пресс-службы СВР Б.Н. Лабусова, в котором извещается о планируемом выходе в свет четвертого тома в рамках общей серии из 12 томов по истории русской военной эмиграции. Автор письма уверяет, что в этом издании автор настоящей книги сможет получить ответы на поставленные вопросы. Что ж, как говорится, поживем - увидим. К сожалению, официального ответа из ФСБ на аналогичный запрос получено не было.
- ⁷¹ Часовой. - 1974. - № 579. С.20.
- ⁷² ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция М.Д. Врангель». Рулон 7; Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. - Б.г. Б.М.
- ⁷³ Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. С. 15.

ГЛАВА 4

- ¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф.69. Оп.1. Д.83. Л.4 об - 5.
- ² ГААО. Ф.127. Оп.1. Д.71. Л.328.
- ³ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция М.Д. Врангель. Рулон 7.
- ⁴ ГАРФ. Ф.5826 Оп.1. Д.15. Л.6.
- ⁵ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 163 - 163 об.
- ⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.34. Л.93.

- ⁷ Часовой. - 1929. - № 7 - 8. - С.3.
- ⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.593.
- ⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.181.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л. 197.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.23. Л.104 - 106.
- ¹² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.211. Текст приказа генерала Кутепова приведен полностью в документальном приложении к настоящей книге.
- ¹³ Часовой. - 1929. - № 1 - 2. - С.5.
- ¹⁴ Галлиполийский вестник. - 1937. - 15 сентября. - № 51. С.2.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.19. Л.44; ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция М.Д. Врангель». Рулон 8.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.545.
- ¹⁷ Политическая история русской эмиграции. С.43 - 44.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.220.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.26. Л.220; Ф.5829. Оп.1. Д.12. Л.26; Лехович Д. Указ. соч. С.303.
- ²⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1 Д.1. Л.92.
- ²¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1 Д.1. Л.89; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С.60, 122, 123.
- ²² Генерал Кутепов и чины армии // Часовой. - 1929. - № 1 - 2. - С.4; Наши вести. - 1995. - №439. - С.5.
- ²³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.108. Л.110 - ПО об.
- ²⁴ Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Спецоперации советской разведки. С.58 -59; Очерки истории российской внешней разведки. Т.3. С. 112.
- ²⁵ Прянишников. Б. Незримая паутина. С.161.
- ²⁶ Ипполитов Г.М. Деникин. - М.,2000. С.450.
- ²⁷ Ипполитов Г.М. Деникин. С.450; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.36.
- ²⁸ В современной литературе эти имена обычно пишутся соответственно - Чжан-Сюэлян и Чжан Цзо-Лин (или Чжан Цзолинь).
- ²⁹ Политическая история русской эмиграции. С.42 - 43.
- ³⁰ Генерал Кутепов. - Париж, 1934.
- ³¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.28. Л.110 об.
- ³² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.6 об.
- ³³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.91. Л.38.
- ³⁴ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.108. Л.8.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.6666. Оп.1. Д.18. Л.45 - 45 об.; Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.6 об.; Армия и Флот. С.51.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.28. Л.97.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.6 об.; Армия и Флот. С.40.
- ³⁸ Генерал Кутепов. - Париж, 1934.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.107. Л.168.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.106. Л.87.
- ⁴¹ Похищение генерала А.П. Кутепова большевиками. Следственные и политические материалы. Вып.1. - Париж, 1930. - С.10 - 17.
- ⁴² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.41. Л.89 об; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.0136. Оп.18. Пап.140. Д.591. Л.15 - 15 об.
- ⁴³ Михайлов Л. «Фермер» сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. - 1989. - № 49, 50; Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа; его же. Сеть: Москва - ОГПУ - Париж; Лукьянов А. Тайный груз на борту теплохода «Мария Ульянова» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 20; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С. 59 - 65.
- ⁴⁴ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция М.Д. Врангель». Рулон 8.
- ⁴⁵ Л.Д. Кутепова получала деньги, собираемые в качестве пожертвований членами РОВСа, а затем ей были переданы средства, оставшиеся от собранных эмигрантской общественностью денежных сумм на поиски генерала Кутепова. Генерал Миллер писал 6 февраля 1933 года в Софию генералу Абрамову, что с Кутеповой все обошлось мирно, она получила свое должное и поместила благополучно деньги в «Banque de France» в какие-то государственные ценные бумаги. При этом он признавался, что с женой генерала Врангеля - О.М. Врангель все обстоит хуже, ибо она получает деньги от сербов с опозданием на 4 месяца, и считал необ-

ходимым урегулировать этот вопрос в переписке с бывшим русским посланником в Сербии Штрадманом. - ГАРФ. Ф.9П6. Оп.1. Д.20. Л.466.

ГЛАВА 5

¹ В официальных документах, как например в послужном списке генерала Миллера, хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве, он поименован полным именем - Евгений-Людвиг Карлович, но в соответствии с русской традицией его именовали обычно просто Евгений Карлович.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.409. Оп.1. Д.139576. Л.17.

³ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.74807, 139576; ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.38 об.

⁴ Белый Север. Вып.1. - Архангельск, 1993. С.20.

⁵ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.492. Л.1.

⁶ ГАРФ. Ф.16. Оп.1. Д.4. Л. 10. 86.

⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.39450. Оп.1. Д.202. Л.156.

⁸ Вестник Временного правительства Северной области. - 1919. - 3 сентября; Северный фронт. - М., 1961. С.71 - 72; Миллер Е.К. Борьба за Россию на Севере // Белое дело. Берлин, 1928. Т.4. С.8 - 9.

⁹ Судя по всему, генерал фон Лампе в чем-то ошибается. Его разговор с генералом Кутеповым по пути в Белград должен был состояться раньше, ибо 6 октября уже произошла церемония перезахоронения генерала Врангеля в Белграде. Если же их разговор состоялся действительно 9 октября, то это было уже по возвращении из Королевства СХС.

¹⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д. 40. Л.71 - 72, 80, 92 - 92 об., 95.

¹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.40. Л.89 - 90.

¹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.40. Л.97.

¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.40. Л.91.

¹⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.40. Л.11.

¹⁵ Возрождение. - 1930. - 10 февраля.

¹⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1 Д.18. Л.354.

¹⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.118. Л.374.

¹⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.111.

¹⁹ ГАРФ. Ф.5827. Оп.1. Д.259. Л.3.

²⁰ Часовой. - 1930 - № 29. - С.3; № 33. - С.2.

²¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.352 - 53, 384 об.

²² Часовой. - 1930. - № 33. - С.2; № 35. - С.1 - 2; ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.7; Армия и Флот. С.78.

²³ Армия и Флот. С.40.

²⁴ Русские без Отечества. С.74.

²⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.44. Л.53 - 54; 9116. Оп.1. Д.20. Л.461; Д.24. Л.366 об.

²⁶ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С.28.

²⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.175; Часовой. - 1930. - № 31. - С.3.

²⁸ Например, осенью 1931 года ежемесячные дотации РОВСа на Военно-Морской Союз составляли 1700 франков, в том числе 1200 франков шли лично вице-адмиралу Кедрову. - ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.451.

²⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.118. Л.369 - 370, 374; Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.162, 197 - 198.

³⁰ Новое русское слово. 1937. 10 октября.

³¹ Прянишников Б. Незримая паутина. С.62.

³² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.37. Л.25 - 31; Д.199. Л.29 - 31.

³³ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.90. Л.34.

³⁴ Россия и Славянство». - 1930. - 24 мая.

³⁵ Часовой. - 1930. - № 33. - С.3.

³⁶ В организации РОВСа в Болгарии входило 2880 офицеров, 2173 солдата и казака и 1752 женщин и детей. Наиболее крупными организациями Союза здесь были Общество Галлиполийцев - 2552 чел. и Союз бывшего Донского корпуса - 2321 чел. - ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.26. Л.208.

³⁷ Генерал Миллер в Болгарии. - София, 1930. - С. 19.

³⁸ Часовой. - 1933. - № 11 - 111. - С.33.

- ³⁹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.24. Л.21.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.47. Л.4.
- ⁴¹ Шуберский А. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. С.12; Армия и флот. С.140; Козлитин В. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С.162. Российский военный сборник. Вbin.VI. Русское Зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. С.39. Зарубежные Высшие военно-научные курсы в Белграде работали до 1944 года. На них обучалось около 200 офицеров, в том числе 77 из них полностью закончили курс обучения. - Козлитин В. Указ. соч. С. 162.
- ⁴² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.141 об.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.477 об.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.335, 495.
- ⁴⁵ Вестник РОВС. - 2001.- № 1 - 2. С.18 - 19.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.24. Л.367; Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.15.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.46. Л.20 об. - 21.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.46. Л.20.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.46. Л.20 об.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.48. л.159.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.159.
- ⁵² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.6. Л.15.
- ⁵³ Армия и Флот. С.35 - 36, 40 - 42.
- ⁵⁴ Окороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920 - 1945 гг.). - М., 2000. С.3; его же. Русская эмиграция. С.36 - 38; 39 - 43; 65 - 67; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.14; Армия и Флот. С.140; Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. С.17 - 18.
- ⁵⁵ Окороков А.В. Русская эмиграция. С.47 - 52.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.15, 22.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.545.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.49. Л.15 - 21 об.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.14 - 14 об.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д. 198. Л.1.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.198. Л.1 - 5; Ф.5856. Оп.1. Д.522 а. Л.63 - 65; Ф.9116. Оп.1. Д.28. Л.8; Бюллетень союза «Молодая Россия». - 1930. - № 2. - С. 1 - 7.
- ⁶² ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.195. Л.3 - 4 об.
- ⁶³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.47. Л.10 - 14.
- ⁶⁴ Часовой. - 1933. - № 110 - 111. - С.33.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.1. Л.126.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.118. Л.26.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.118. Л.32 - 33.
- ⁶⁸ Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. С.185.
- ⁶⁹ Возрождение. - 1930. - 9 сентября.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.158. Л.111 - 112.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф.5836. Оп.1. Д.158. Л.102.
- ⁷² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.2. Л.53.
- ⁷³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.48. Л.28; Часовой. - 1932. - № 76. - С.2.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.48. Л.38 - 41; Часовой. - 1932. - № 76. - С.2.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1 Д.48. Л. 142 - 142 об.
- ⁷⁶ Деникин А.И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. - Париж, 1932. - С.5, 14, 28, 35.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.15; Последние Новости. - 1937. - 13 октября.
- ⁷⁸ Часовой. - 1932. - № 81. - С.21 - 22; ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.13 - 13 об.
- ⁷⁹ Прянишников Б. Незримая паутина. С. 162 - 163.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1 Д.4. Л.35; Д.26. Л.361; Часовой. - 1933. - № 106. - С.20.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.49. Л.200, 205 - 206.
- ⁸² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.475 об., 476 - 477; Д.28. Л.12 об, 18.
- ⁸³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.28. Л.17 - 17 об.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.6. Л.14.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.6. Л.14 - 15; Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.66.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.443 - 445.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.50. Л.150.
- ⁸⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. - Л.133 - 138.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.121 - 126 об.

- ⁹⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.138 - 139.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.7. Л.22 об.
- ⁹² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.440.
- ⁹³ Единый Франт. - 1933. - № 11.
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.7. Л.22 об.
- ⁹⁵ Ино ОГПУ // Часовой. - 1933. - № 106. - С.4 - 5.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.435.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.66 - 67.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.7. Л.22 об.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.28. Л.7 - 8 об.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.141 об., 376.
- ¹⁰¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.52. Л.17, 18, 57, 78, 79.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.52. Л.63 - 63 об.
- ¹⁰³ Вестник Общества Галлиполийцев. - 1933. - № 1. - С. 1, 3 - 4.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.35 - 38.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.49. Л.57 - 57 об.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.33, 168.
- ¹⁰⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.47 - 51.
- ¹⁰⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Д.75.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.13 об; Д.53. Л.105.
- ¹¹⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.83.
- ¹¹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.52. л.12 - 12.
- ¹¹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.53. Л.514 - 515, 541.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.16 - 19; Политическая история русской эмиграции. С.69.
- ¹¹⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.51 об, 57. Д.55; Например, генерал Лампе пишет Миллеру 2 апреля 1933 года: «Конечно, у меня мелькает мысль о том, что когда-либо может настать время, что Германия пойдет против большевизма вообще...и тогда место нашего центра будет в Германии (Берлин - Мюнхен). Это надо иметь в виду, но, конечно, это может прийти очень не скоро. Но и перевод в Брюссель, как это вообще ни сложно и ни тяжело, получит в Германии благоприятное впечатление. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.51а. Л.57.
- ¹¹⁵ Головин Н.Н. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Доклад 1 марта 1934 года. - Белград, 1934. С.29 - 56.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.24. Л.113.
- ¹¹⁷ Деникин А.И. Международное положение, Россия и эмиграция. - Париж, 1934. - С.1, 15, 16.
- ¹¹⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.46 - 50.
- ¹¹⁹ Структура РОВС определялась следующим образом: I отдел - Франция, Италия, Англия, Финляндия, Голландия, Чехословакия, Польша и французские колонии; II отдел - Германия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Австрия; III отдел - Югославия, Румыния; IV отдел - Болгария, Греция; 1-й Североамериканский отдел; 2-й Североамериканский отдел; Южноамериканский отдел; Дальневосточный отдел - в Японии, Манчжурии, Китае; подотделы в Канаде и Австралии; мелкие группы - по всему миру. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л. 26.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.25 - 29.

ГЛАВА 6

- ¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.28. Л.1 - 1 об.
- ² Вестник Общества Галлиполийцев. - 1934. - № 7. СЛ.
- ³ Часовой. - 1934. - № 125 - 126. - С.28 - 30; Вестник Общества Галлиполийцев. -1934. - № 11. - С.1 - 4.
- ⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.15, 22; Последние Новости. - 1937. - . 6, 13 октября.
- ⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.24. Л.143 - 144.
- ⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.387 - 389.
- ⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.363 - 367.
- ⁸ Вестник Общества Галлиполийцев. - 1934. - № 9.
- ⁹ ГАРФ. Ф.5853, Оп.1. Д.54. Л.92 - 93 об.; Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.236.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.2. Л.1.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.92 - 93 об.; Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.236.

- ¹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.73 - 77.
- ¹³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л. 339, 411.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.362.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.298 об. - 301.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.54. Л.74.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.339 - 340.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.340 - 341.
- ¹⁹ Имеется в виду то, что с 1930 года генерал Шатилов стал работать начальником I отдела РОВСа при Миллере в качестве председателя Союза, хотя они лично были знакомы много лет, по крайней мере, по совместной работе в главном командовании Русской Армии с начала 20-х годов. Напомним, что Е.К. Миллер принял от П.Н. Шатилова должность начальника штаба этой армии в 1922 году.
- ²⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.341 - 341 об.
- ²¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.341, 344.
- ²² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1 Д.20. Л.324 - 324 об.
- ²³ В конце письма генерал Миллер еще раз подчеркнул, что ожидает генерала Абрамова к себе и ни в коем случае не может передать «официально временное» замещение себя и меньше всего вице-адмиралу Кедрову, который, напомним, был его вторым заместителем. По его утверждению, Кедров в лучшем случае будет ширмой для мелких и тем более крупных вопросов.
- ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.308.
- ²⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.306 - 308.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.332.
- ²⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.9 - 10.
- ²⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.56 об, 58 об.
- ²⁸ Часовой. - 1934. - № 128. - С.2.
- ²⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.332 - 323.
- ³⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.60 - 61,146.
- ³¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.63 - 63 об.
- ³² РОВС и его «радители» // Вестник Общества Галлиполийцев. - 1934. - № 13. - СЛ.
- ³³ ГАРФ. Ф.5863. Оп.1. Д.55. Л.35, 67 - 67 об.
- ³⁴ Вестник Общества Галлиполийцев. - 1934. - № 13. - СЛ.
- ³⁵ Часовой. - 1934. - № 128. - С.4.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.66 - 67.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.75 - 76.
- ³⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.77.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.44 - 45 об.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.96. Л.159 - 161.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.35 об.
- ⁴² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.149.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.67.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.5895. Оп.1. Д.92. Л.1 об.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.141 об.; ГАРФ. Ф.5895. Оп.1. Д.92. Л.1 об.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.56. Л.57 - 59 об, 67.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.62 - 64.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.71 - 73.
- ⁴⁹ Вестник Общества Галлиполийцев. - 1934. - 15 ноября. - СЛ.
- ⁵⁰ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С.164 - 165.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.9; Последние Новости. - 1937. - 6, 23 октября.
- ⁵² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.165, 167 - 169, 178.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.31. Л.10; Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.130 об.; Последние Новости. - 1937. - 22 октября.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.56. Л.42 - 44; д.57. Л.16.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.55. Л.64; Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.61 - 61 об.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.30 - 30 об; 58.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.196. Л.36 - 36 об.
- ⁵⁸ Впрочем, впоследствии генерал Кусонский утверждал, что было бы ошибкой называть это выступлением Витковского и К.: «Витковский был просто сброшен со счетов (его подчиненными - В.Г.) и лишь желая сгладить и придать более «приличный характер» визиту явился

вместе на Колизе и предварительно доложил Е.К.М. (Миллеру - В.Г.), что командиры хотят переговорить с ним». - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.94.

⁵⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.93 - 94, 123.

⁶⁰ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С. 181 - 82.

⁶¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.68.

⁶² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.214.

⁶³ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С.181 - 182, 186 - 187.

⁶⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.88 - 88 об, 121 - 126 об.

⁶⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. 127, 132.

⁶⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.204; Млечин Л. Сеть. Москва- ОГПУ - Париж. С.187 - 188.

⁶⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.88 - 88 об, 97 - 98 об, 100; Ф.9116. Оп.1. Д.16. Л.9.

⁶⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.83 - 84; Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.107 - 111.

⁶⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.101 об - 104.

⁷⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.57. Л.116 - 116 об.; Ф.9116. Оп.1. Д.26. Л.213.

⁷¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.201 - 201 об.; Д.6. Л.5.

⁷² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.24. Л.52.

⁷³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.107, 111.

⁷⁴ ГАРФ. Ф.5863. Оп.1 Д.58. Л. 60; Ф.9116. Оп.1. Д.6. Л.5 об.

⁷⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.29. Л.101.

⁷⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.88.

⁷⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.29. Л.97.

⁷⁸ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С.162, 167 - 168.

⁷⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.21. Л.45 - 46; Д.20. Л.178.

⁸⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л. 135 об.

⁸¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.59. Л.126 об - 126.

⁸² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.121, 141.

⁸³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.141 об.

⁸⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.119.

⁸⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.130 об. - 131.

⁸⁶ ГАРФ. Ф.5786. Оп.1. Д.31. Л.22; Последние Новости. - 1937. - 6 октября.

⁸⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.129 - 129 об.

⁸⁸ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.4. Л.79 - 80.

⁸⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61 Л.183 - 184; Ф.9109. Оп.1. Д.4. Л.95; Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.88

- 89.

⁹⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.89.

⁹¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.3 - 3 об.; Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.183 - 184, 201.

⁹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.183 об., 201, 221; Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.1.

⁹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.228 - 229.

⁹⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.184, 191, 202, 217 об, 215 - 220.

⁹⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.64 - 72.

⁹⁶ Политическая история русской эмиграции. С.394 - 395.

⁹⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.41, 84, 90 об.

⁹⁸ Вестник РОВС. - 2002. - № 5. СП.

⁹⁹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.40 - 44.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.35 - 37.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.59. Л.39 - 40; Ф.9116. Оп.1. Д.3. Л.37 - 38.

¹⁰² ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.4. Л.43; Д.2. Л.1 - 2.

¹⁰³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.60. Л.22 об. - 23.

¹⁰⁴ Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л. 94; Вестник Общества Галлиполийцев. - 1936. - № 40. - СЛ.

¹⁰⁵ Ф.5853. Оп.1. Д.64. Л.288 об.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.21. Л.16 об.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.21. Л.12, 16.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.30 об.

¹⁰⁹ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С. 189.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.136.

¹¹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.59. Л.33 - 34.

¹¹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.59. Л.6 - 7, 25, 47.

¹¹³ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С.190.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.89.

- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.82.
¹¹⁶ «Грани.- 1982.-№124.-С.189. »
¹¹⁷ Добровольец. - 1936. - Февраль.
¹¹⁸ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.4. Л.13 - 13 об., 74 - 74 об.
¹¹⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.136.
¹²⁰ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 174.
¹²¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.139 - 139 об., 142 - 144.
¹²² Стогов Н.Н. Парагвай и русские офицеры // Часовой. - 1936. - № 176. - С. 16. Первая часть этой статьи была опубликована в № 174 журнала «Часовой» за тот же год. См. также: Русский Обще-Воинский Союз: Краткий исторический очерк. С.7 -8; ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.28; О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С.173 - 174.
¹²³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.59. Л.137, 143.
¹²⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.4.
¹²⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.4. Л.8.
¹²⁶ Часовой. - 1936. - № 172.
¹²⁷ Русский Обще-Воинский Союз: Краткий исторический очерк. - СПб., 1994. С.9.
¹²⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.38.
¹²⁹ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936 - 1945 гг.). - М., 2001. С.23.

ГЛАВА 7

- ¹ Русские во Франции. Справочник. - Париж, 1937. - С.65 - 66.
² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.37 - 38 об.
³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.30 об., 46.
⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.46 - 49.
⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.54.
⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.90 - 91.
⁷ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.196. Л.45; Д.200. Л.1.
⁸ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.4. Л. 117 об.
⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.12 - 12 об.
¹⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.43, 45, 54, 84.
¹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.40.
¹² Войцеховский СЛ. Новая Германия и «Русский вопрос» // Часовой. - 1937. - № 194. - С.2 - 4; его же. Единственное решение // Часовой. - 1937. - № 198. - С.2 - 4.
¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.71 - 76; Прянишников Б. Незримая паутина. С.270, 287.
¹⁴ 7 февраля 1937 года генерал Шатилов писал в Софию генералу Абрамову, что он с самого начала гражданской войны в Испании считал, что там на испанской земле идет продолжение нашей Белой борьбы. Он много раз говорил с генералом Миллером и начальником канцелярии I отдела РОВС полковником Станиславским, убеждая центр установить личную связь с Главной квартирой (штаб-квартирой генерала Франко) и получить практическую возможность для нашего участия (в войне). Но требуемые для этого огромные денежные средства вызывали негативное отношение к этому у генерала Миллера и соответственно к командировке туда. Но тогда сам Шатилов стал устанавливать такие связи, и в итоге Миллер санкционировал его поездки в Рим и Саламанку, где состоялись переговоры с представителями командования мятежников. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.80 - 82.
¹⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. С.76 - 78, 86 - 90. Добавим, что в ходе поездки в Рим генерал Шатилов не преуспел в переговорах с МИД Италии. В письме полковнику Берросо в штаб Франко 3 февраля 1937 года он сообщал: «Мои меры в Риме по отношению проезда наших добровольцев по территории Испании не увенчались успехом.». Ваш посланник, продолжал он, отнесся положительно к этим усилиям, но МИД Италии после соглашения с Англией стремился не осложнять отношений. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.77.
¹⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.20. Л.37 об., 38.
¹⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.80 - 82.
¹⁸ Часовой. - 1937. - № 197. - Сб.
¹⁹ Кривицкий В.Г. «Я был агентом Сталина». С.243 - 245.
²⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.61. Л.49.
²¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л. 126.

²² В циркуляре, подготовленном и разосланном 27 сентября 1937 года вице-адмиралом Кедровым по воинским организациям I отдела РОВС, утверждалось, что уже в третьем часу ночи сухопутные и морские границы Франции были взяты под усиленный контроль пограничных властей. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.162.

²³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. л.126 - 127.

²⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.162.

²⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д. 62. Л.205.

²⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.133.

²⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.117 - 118.

²⁸ Часовой. - 1937. - № 198. - С.13.

²⁹ ГАРФ. Ф.5856. Оп.1. Д.522 а. Л.50.

³⁰ В состав Особой комиссии входили генерал-лейтенанты Тихменев и Тверской, а также И.И. Тхоржевский и секретарь - полковник граф Шереметев.

³¹ Часовой. - 1938. - № 208. С.1 - 2.

³² Возрождение. - 1938. - 9, 16 декабря.

ГЛАВА 8

¹ Центральный архив ФСБ России. Материалы на Е.К. Миллера. С.24 - 26.

² Там же. С.14- 18 об, 20 - 23.

³ Там же. СП - 12 об.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. С.406 - 414, 454 - 457; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928 - 1941. -Новосибирск, 1997. С.265.

⁵ Центральный архив ФСБ России. Материалы на Е.К. Миллера. Л.9 - 10 об.

⁶ Там же. С. 7 - 8 об.

⁷ Там же. Л.4 - 4 об.

⁸ Там же. Л.2 - 3 об.

ГЛАВА 9

¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.134.

² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.63; Ф.9116. Оп.1. Д. 27. Л.121.

³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.131; Д. 64. С.288 об; Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.60.

⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.67 об - 68 об.

⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.109 об. - ПО.

⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.2. Л.67.

⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.140, 151, 182.

⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.120; Вестник РОВС. - 2002. - № 5. СП.

⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.41. Л.128.

¹⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.143 - 144.

¹¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.118.

¹² Категорическим противником переноса центра РОВСа в Софию выступала, например, парижская эмигрантская газета «Возрождение».

¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.64(5). Л.288 об - 289; Д.62. Л.207; Ф.9116. Оп.1. Д.23. Л.13.

¹⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.97 - 97 об.

¹⁵ Часовой. - 1937. - № 199. - С.5 - 7.

¹⁶ Последние Новости. - 1937. - И октября; Галлиполийский вестник. - 1937. - № 53. С.21.

¹⁷ Галлиполийский Вестник. - 1937. - № 53. - С.2.

¹⁸ Ларионов В. Удар в спину // Галлиполийский вестник. - 1937. - № 53. С.21.

¹⁹ Последние Новости. - 1937. - 11- 23 октября.

²⁰ Галлиполийский вестник. - 1937. - № 54. С.28.

²¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.56 - 56 об.

²² ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.73 об. - 74 об.

²³ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.84 - 84 об.

²⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.145.

²⁵ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.84.

- ²⁶ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.87 - 89; Часовой. - 1938. - № 208. - С.1 - 2.
- ²⁷ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 58. С.25.
- ²⁸ Прянишников Б. Незримая паутина. С.329 -330.
- ²⁹ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С.193 - 194.
- ³⁰ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.73.
- ³¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.83, 138 - 138 об.
- ³² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.23. Л.2, 3 - 3 об., 10 об., 13 - 14; Д.27. Л.168.
- ³³ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.61 об., 68.
- ³⁴ Прянишников Б. Незримая паутина. С.332; Часовой. - №208. - 1938. - 10 марта; ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.37; Д.64. Л.205 об.; Ф.9116. Оп.1. Д.23. Л.1Р об.; Д.27. Л.168.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.159 - 160.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.44, 304 об, 329; Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.83, 86; Ф.9116. Оп.1. Д.41. Л.119; Д.27. 143 об - 144 об.; Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.91, 97, 109.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.79 - 80.
- ³⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.91, 150 - 154.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.362; Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.55.
- ⁴⁰ Млечин Л. Сеть. Москва - ОГПУ - Париж. С. 194 - 195.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.45; Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.82; Часовой. - 1937. - № 202 - 203. - С.24 - 26; Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 55. С.4 - 7.
- ⁴² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.44.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.85.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.169.
- ⁴⁵ Часовой. - 1938. - № 204. - С.2.
- ⁴⁶ Генерал Зинкевич писал, например, генералу фон Лампе 6 декабря 1937 года о неприемлемости кандидатуры генерала Гулевича для основного ядра движения. -ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.37.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.103; Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 58. - С.10.
- ⁴⁸ Бутков В.Н. Исторические записки и воспоминания члена Русского Обще-Воинского Союза. Глава I. «Внутренняя линия» в Болгарии: РОВС против ОГПУ // Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. С.20. Автор настоящей книги специально ссылается на то, что сведения об указанных назначениях, произведенных, якобы, генералом Абрамовым, извлечены из воспоминаний капитана Буткова. В официальных документах РОВСа, автором не найдены соответствующие подтверждения этих назначений. У автора настоящей книги существуют определенные сомнения, и, кроме того, в статье присутствуют и неточности с указанием персоналий. Сомнительно, например, что генерал Абрамов официально ввел должность начальника штаба РОВСа, упраздненную в 1926 году. Скорее всего, указанный полковник Ясевич скорее всего стал ближайшим помощником Абрамова по руководству РОВСом, нежели начальником штаба Союза. К тому же, если Бутков именует его М.Н. Ясевичем, то в энциклопедическом издании С.В. Волкова «Белое движение» присутствует Петр Константинович Ясевич. В этой же главе Бутков называет В.В. Бредова - младшего, а в главе III (Вестник РОВС. - 2002. -№ 5. СП) Ф.Э. Бредова - младшего, и именно последнее представляется нам соответствующим истине. Бутков называет в назначениях генерала А.В. Ангелеева, а в указанном энциклопедическом издании СВ. Волкова мы находим Владимира Ивановича Ангилеева. Аналогичная ситуация с генерал-майором Ждановым: у Буткова он упоминается с инициалами А.И., а у Волкова - Гавриил Васильевич. Кстати, полковник Кондратьев у Буткова пишется с инициалами С.И., хотя на самом деле его имя и отчество - Иван Михайлович. Очевидно, что память подвела капитана Буткова.
- ⁴⁹ Часовой. - 1938. - № 208.- С.3 - 6.
- ⁵⁰ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 58. - С.24.
- ⁵¹ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 58. - С.25 - 32.
- ⁵² Галлиполийский вестник. - 1938. - № 58. - С.5 - 6.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.89; Часовой. - 1938. - № 214. - С.15.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.91.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.30 об.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.64. Л.98, 105 об.; Ф.9116. Оп.1. Д.23. Л.44; Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.94 - 94 об.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.64. Л.240.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.63.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.83.

- ⁶⁰ В письме генералу Абрамову от 12 мая 1938 года Кусонский упоминал, что получил его письмо 2 мая, но не отвечал. Так как за 8 дней осуществил переезд в Брюссель и дал обязательство посещать суд и следователя Марша. Он упоминал, что служит в Силлаке и имеет возможность помогать генералу Архангельскому только вечером, но это секрет и лучше не упоминать об этом, чтобы не повредить начальнику РОВСа. - ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.25.
- ⁶¹ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 59. - С.7 - 8.
- ⁶² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.65. Л.148; Д.64. Л.376.
- ⁶³ Часовой. - 1938. - № 212.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.63. Л.233 - 35.
- ⁶⁵ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С.92 - 93; Часовой. - 1938. - № 206. - С.2.
- ⁶⁶ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 62. - С.26.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.87 - 89; Часовой. - 1938. - № 208. - С.1 - 2.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.23. Л.19 - 22.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.65. Л.89; Часовой. - 1938. - № 221. - С.23; Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 66. - С.18 - 19.
- ⁷⁰ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.22.
- ⁷¹ Часовой. - 1938. - № 214. - С.15 - 16; ГАРФ. Ф.9109. Оп.1. Д.5. Л.110 об.
- ⁷² П.В. День. Русский Обще-Воинский Союз и национальные политические организации // Часовой. - 1939. - № 215. - С.20 - 22.
- ⁷³ Добровольский С. Взаимоотношения РОВС с другими национальными организациями // Часовой. - 1938. - № 217 - 218. - С.27 - 28.
- ⁷⁴ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 61. - С.6 - 8.
- ⁷⁵ Часовой. - 1938. - № 211. - С.3.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.65. Л.89 - 91.
- ⁷⁷ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 66. - С.12 - 15; 1939. - № 74. С.25 - 32; Российский военный сборник. Вып. VI. С.39; Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. С.17.
- ⁷⁸ Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 64. С.22 - 28.
- ⁷⁹ Галлиполийский Вестник. - 1939. - № 70. С.2 - 5.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.67. Л.61 - 62.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.67. Л.97.
- ⁸² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.97.
- ⁸³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.67. Л.34 об., 91 - 91 об.
- ⁸⁴ Галлиполийский Вестник. - 1939. - № 70. С.25 - 27; № 71. С.15.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.15 - 16.
- ⁸⁶ Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. С.20 - 22.
- ⁸⁷ Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. С.21 - 22; Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 66. - С.12 - 15.
- ⁸⁸ Часовой. - 1939. - № 234. - С.20; ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.67. Л.92 - 92 об.
- ⁸⁹ Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. С.21 - 22.
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.62. Л.134.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.65. Л. 247 - 249.
- ⁹² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.104 - 105 об.
- ⁹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.66. Л.163 - 165; Часовой. - 1939. - № 230. - СЛ.
- ⁹⁴ Галлиполийский Вестник. - 1939. - № 70. С.5.
- ⁹⁵ Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. - Париж, 1939. С.57, 64.
- ⁹⁶ Огороков А.В. Русская эмиграция. С.174 - 175; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920-1940-е годы. С.137 - 138.
- ⁹⁷ РГВА. Ф.308. Оп.19. Д.61. Л.15; Харбинское Время. - 1938. - 18 марта; Отечественная история. - 1992. - № 3. С.97; Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. - 1996. - № 1. С.78 - 81.
- ⁹⁸ Подгорный Я. Военное значение аншлусса // Галлиполийский Вестник. - 1938. - № 59. - С.21 - 27.
- ⁹⁹ Часовой. - 1938. - № 222. - С.18.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1 Д.67. Л.69 об.
- ¹⁰¹ Галлиполийский Вестник. - 1939. - № 70. С.25.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.95.
- ¹⁰³ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.99 - 100.

- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.70. Л.91.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.68. Л.92.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.68. Л.46, 96 - 97, 99, 101.
- ¹⁰⁷ Галлиполийский Вестник. - 1939. - № 68. С.2.
- ¹⁰⁸ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.3. Л.82; Паласиос-Фернандес С. Русские добровольцы в испанской гражданской войне // Цейхгауз. - 1995. - № 4. - С.35 - 37; «Письма из Испании» // Часовой. - 1939. - № 234. - С.5 - 7; Геруа Б.В. Уроки Испанской войны // Часовой. -1939. № 230. - С.5 - 5; Часовой. - 1938. - № 204. - С.27; Часовой. - № 236. - С.13.
- ¹⁰⁹ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. (1936 - 1945 гг.). - М., 2001. С.38.
- ¹¹⁰ Часовой. - 1939. - № 252 - 253. - С.4 - 5; Назаров М. Миссия русской эмиграции. С.290.
- ¹¹¹ ГАРФ. Ф.5853.. Оп.1. Д.68. Л.108.
- ¹¹² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д. 68. Л.109-118.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.68. Л.198 - 202.
- ¹¹⁴ Бутков В.Н. Исторические записки и воспоминания члена Русского Обще-Воинского Союза. Гл.П. «Молодая смена» РОВСа //Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. С.17 - 19; Окоороков А.В. Русская эмиграция. С.39 - 41, 57; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.14 - 15.
- ¹¹⁵ Александров К.М. Против Сталина. - СПб., 2003. С.16.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.8.

ГЛАВА 10

- ¹ Часовой. - 1939. - № 244. - С.3.
- ² Часовой. - 1939. - № 245. - С.4.
- ³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920 - 45 гг. С. 166.
- ⁴ Часовой. - 1939. - № 244. - С.5.
- ⁵ Орехов В. В эти дни // Часовой. - 1939. - № 243. - С.3.
- ⁶ Орехов В. Будем достойны русского имени // Часовой. - 1939. - № 246. - С.2.
- ⁷ Часовой. - 1939. - № 244. - С.1; № 245. С.1 - 2.
- ⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.68. Л.661.
- ⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.68. Л.1, 4 - 8, 19, 63 - 64, 67.
- ¹⁰ Войцеховский СЛ. Трест. Воспоминания и документы. - Заря - Канада, 1974. С. 169 - 170.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.25.
- ¹² Войцеховский СЛ. Эпизоды. - Л. - Канада, 1974. С.35; его же. Трест. С. 168.
- ¹³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л. 112; Цурганов Ю.С Неудавшийся реванш. С.90 - 91.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.7. Л.56.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1 Д.3. Л.129.
- ¹⁶ Советское вторжение в Финляндию // Часовой. - 1939. - № 246. - С.1 - 2.
- ¹⁷ Часовой. - 1940. - № 247. - С.2 - 3.
- ¹⁸ Военный Журналист. - 1940. - № 11. С.1 - 3.
- ¹⁹ Архангельский А.П. Финский опыт РОВС-а // Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. С.25 - 27.
- ²⁰ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. - СПб., 1990. С.295 - 297.
- ²¹ По данным генерала Архангельского, удалось привлечь к сотрудничеству около 200 чел. из общего числа около 500, а сам Бажанов утверждал, что их количество составило 450 чел. Впрочем, последняя цифра представляется явно преувеличенной, скорее всего Бажанов в данном случае выдавал желаемое за действительное. - Бажанов Б. Указ. соч. С.298; Архангельский А.П. Финский опыт РОВС-а // Вестник РОВС. - 2004. - № 8-9. С.28.
- ²² Бажанов Б. Указ. соч. С.299.
- ²³ Если генерал Архангельский писал о численности распропагандированных и приведенных из-за линии фронта красноармейцев численность большей, чем число солдат в отряде Киселева, автор статьи в журнале «Военный журналист» называет цифру более 200 красноармейцев, а сам Бажанов - 300 красноармейцев, но оговаривается при этом, что он получил это известие, но не успел проверить сведения. - Бажанов Б. Указ. соч. С.300; Архангельский А.П. Указ. соч. С.28.; Е.Ш. Опыт формирования русских национальных частей в Финляндии // Военный журналист. - 1940. - № 17. - С.2.

- ²⁴ Архангельский А.П. Указ. соч. С.28.
- ²⁵ Родина. - 1991. - № 6 - 7. С.104.
- ²⁶ Часовой. - 1940. - № 249. - С.2 - 5; № 251. - С.1 - 4.
- ²⁷ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.6. Л.116.
- ²⁸ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.27. Л.1..
- ²⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.22.
- ³⁰ Конец войны с Финляндией и русский вопрос // Военный Журналист. - 1940. -№ 12. С.1 - 2.
- ³¹ Военный Журналист. - 1940 - № 14. - С.1, 3 - 4; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.27.
- ³² Военный Журналист. - 1940. - № 9. - С.2; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.22 - 23; Наше понимание монархии. Несколько положений в защиту монархии // Военный Журналист. - 1939 - 40. - № 9 - 14; Современное понимание русской монархии // Военный Журналист. - 1940. - № 28.
- ³³ Записка генерала А.И. Деникина // Часовой. - 1940. - № 251. - С П - 12.
- ³⁴ Часовой. - 1941. - № 255. - С Ю - 11; ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.32, 50.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.32.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.25 - 26, 50 - 52.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.73..
- ³⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.1 П.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.58 - 59.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.23.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.45 об.
- ⁴² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.22.
- ⁴³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.22.
- ⁴⁴ Цурганов Ю.С Неудавшийся реванш. С.24.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.45 об.
- ⁴⁶ Галлиполийский Вестник. - 1940. - № 87. С.16.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.70.
- ⁴⁸ Новая и новейшая история. - 1993. - № 5. - С.69 - 89.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.93 - 95.
- ⁵⁰ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920 - 1945 гг. С. 166.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.14 - 14 об.
- ⁵² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.65 - 65 об, 72.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.93 - 95.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.119 - 119 об; 340 - 340 об.; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии в 1921 - 1945 гг. С.379; Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936 - 1945 гг.). - М., 2001. С.44.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.120 - 121.
- ⁵⁶ Витковский В.К. В борьбе за Россию. С.69 - 71.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.123, 129, 132.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф.5953. Оп.1. Д.69. Л.244.

ГЛАВА 11

- ¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.335.
- ² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.336.
- ³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.350, 355.
- ⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.8. Л.8.
- ⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.380.
- ⁶ Русские без Отечества. С.141.
- ⁷ Русские без Отечества. С.141 - 142.
- ⁸ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.8. Л.П.
- ⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.134.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.8. Л.16 - 17; 5853. Оп.1. Д.69. Л.380 - 381.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.17. Л.30 об., 90, 111.
- ¹² ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.17. Л.91.

¹³ Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. - С.22. По утверждению капитана Буткова, К.А. Фосс служил именно в абвере. Бутков особо оговаривался, что капитан Фосс ничего общего с гестаповцами не имел. Вместе с тем, существуют утверждения, что Фосс не просто служил в гестапо в годы Великой Отечественной войны, но и возглавлял гестапо в г. Николаеве.

¹⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.294.

¹⁵ ГАРФ. Ф.9116. Оп.1. Д.17. Л.46 - 46 об.

¹⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.144 об.

¹⁷ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936 - 1945 гг.). С.65 - 66.

¹⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.341; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С.380.

¹⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.353 - 3.54 об.

²⁰ Витковский В.К. В борьбе за Россию. С.71.

²¹ Генерал фон Лампе в своем письме в германские органы власти указывал, что знает генерала Кусонского с 1914 года с положительной стороны. Он пользовался исключительным доверием председателей РОВСа генералов Врангеля, Кутепова и Миллера. Гибель генерала Миллера всегда была тяжелым моральным ударом для него, указывал Лампе, который усугублялся доносами и клеветой, но Кусонский всегда держался с достоинством. Кусонскому уже 63-й год, подчеркивал автор письма, и заключение для него является тяжелым моральным и физическим испытанием. Поэтому Лампе просил освободить Кусонского. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.144 - 146

²² Клавиш- В.В. Белая гвардия. - СПб., 1999. С.363.

²³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л. 143 - 146, 156, 352

²⁴ Лехович Д.В. Белые против красных. С.320 - 321.

²⁵ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. С.154 - 155.

²⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.299, 310

²⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.137.

²⁸ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.244 об.

²⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.298.

³⁰ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.300 об.

³¹ ГАРФ. Ф.6461. Оп.2. Д.18. Л.298.

³² Родина. - 1991. - № 6 - 7. - С.104.

³³ Русские без Отечества. С. 143; Русский Обще-Воинский Союз. - СПб., 1994. СЮ, 12.

³⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.299, 334.

³⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.156.

³⁶ ГАРФ. Ф.5845. Оп.1. Д.4. Л.7 - 7 об.

³⁷ Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. - 1996. - № 6. С.81 - 82.

³⁸ Окорочков А.В. Русская эмиграция. С. 175; Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. С.177; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке. С.144.

³⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.366 об; Д.70. Л.23.

⁴⁰ ГАРФ. Ф.6461. Оп.2. Д.18. Л.291; Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. - М., 1993. С.58 -59; Русские без Отечества. С144 - 145.

⁴¹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.9. Л.36.

⁴² Окорочков А.В. Русская эмиграция. С.141.

⁴³ Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. - Буэнос-Айрес, 1953. С.6 - 7.

⁴⁴ Хольмстон-Смысловский Б.А. Указ. соч. С.7; Дробязко СИ. Вторая мировая война 1939 - 1945: Русская освободительная армия. - М., 1998. С.14 - 15; Русские без Отечества. С.145 - 146.

⁴⁵ Дробязко СИ. Указ. соч. С.15.

⁴⁶ Дробязко СИ. Указ. соч. С.15; Хольмстон-Смысловский Б.А. Указ. соч. С.9.

⁴⁷ Это объяснялось наличием у Смыловского сомнительных связей и подозрений в двурушничестве, виной чему были, в частности, его отношения с Украинской повстанческой армией и отказ, якобы, выдать местного украинского атамана полковника Боровца, и польской Армией Крайовой и т.п. Более, общее объяснение, вероятно, связано с тем, что в это время в немецком руководстве происходила дискуссия и налицо было существенное расхождение мнен-

- ний в отношении использования русских эмигрантов и коллаборационистов. В частности, Смысловскому вменяли в вину и его отказ подписать Смоленский документ (манифест) генерала Власова. - Хольм-стон- Смысловский Б.А. Указ. соч. СЮ; Дробязко СИ. Указ. соч. С.15.
- ⁴⁸ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С.181.
- ⁴⁹ Русские без Отечества. С.149 - 151; Дробязко СИ. Вторая мировая война. С.15, 32 - 34; О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 170 - 174.
- ⁵⁰ Цит. по: Русский Обще-Воинский Союз. Краткий очерк истории. - СПб., 1994. С.13.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.70. Л.79.
- ⁵² ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.60. Л.144 - 144 об.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.70. Л.53-53 об, 79, 91.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.70. Л.23 - 24 об.
- ⁵⁵ Кривошеева. Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. С.81 - 82.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.8. Л.57.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.341.
- ⁵⁸ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны (1941 - 1945). - СПб., 1999. СЗО.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1 Д.69. Л.339.
- ⁶⁰ Русский Корпус на Балканах... С. 43 - 46.
- ⁶¹ Русский Корпус на Балканах... С.48; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 386.
- ⁶² По свидетельству генерала Скородумова данная им подписка была следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, начальник Бюро по защите интересов русской эмиграции генерал С. даю честное слово русского офицера, что буду молчать и ни одного слова не скажу о немецкой политике на Востоке». -Русский Корпус на Балканах... С.49.
- ⁶³ Ткачев Б. Казачество при формировании Русского Корпуса // Наши вести. -1996. - № 443. С.13.
- ⁶⁴ Заметим, что спустя некоторое время, уже в 1942 году генералу фон Лампе поступила информация от сына генерала Крейтера, что этот генерал принял командование корпусом, так как, якобы, проводилось расследование в связи со сведениями о неарийском происхождении генерала Штейфона. По утверждению источника, расследование просил провести сам Штейфон, и этим занялось гестапо. - ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.70. Л.115.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.161; Русские без Отечества. С.151 - 152.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф.5759. Оп.1. Д.53. Л. 17.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф.6461. Оп.2. Д.18. Л.291 - 293.
- ⁶⁸ Лампе А.А. Пути верных. С.200 - 202; Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. С.102 - 103.
- ⁶⁹ Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С.387; Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. С.99; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. С.305..
- ⁷⁰ Русские без Отечества. С. 154; Русский Корпус на Балканах... С.33, 52 - 53.
- ⁷¹ Русские без Отечества. С. 151 - 156; Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941 - 1945 гг. - Нью-Йорк, 1963. С.381, 404; О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С.53; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.123; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С.388 - 390; Вестник РОВС. - 2002. - № 5. С.9.
- ⁷² Смирнов А.А. Атаман Краснов. С.259 - 261.
- ⁷³ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.9. Л.6, 61, 62.
- ⁷⁴ Смирнов А.А. Атаман Краснов. С.266, 275 - 279.
- ⁷⁵ На Казачьем посту. - № 14. - 15 ноября 1943 года. - С.2.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1 Д.21. Л.249.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф.5759. Оп.1. Д.53; Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.86.
- ⁷⁸ Русские без Отечества. С. 158.
- ⁷⁹ Русские без Отечества. С. 158.
- ⁸⁰ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.170 - 171.
- ⁸¹ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.165 - 167.
- ⁸² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.116; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.165 - 169.
- ⁸³ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.169.
- ⁸⁴ Лампе А.А. Пути верных. С.10.

- ⁸⁵ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.8. Л.98.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.619.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.8. Л.108 - 108 об.
- ⁸⁸ Войцеховский СЛ. Эпизоды. С.53, 186.
- ⁸⁹ Войцеховский СЛ. Трест. Воспоминания и документы. С. 176 - 177.
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.257.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.266.
- ⁹² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.253 - 253 об.
- ⁹³ Русские без Отечества. С. 159.
- ⁹⁴ Родина. - 1991. - № 6-7. - С.104.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.249.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.18. Л.142.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.264.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.260, 262, 264, 267.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.271.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.53, 53 об., 285.
- ¹⁰¹ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.283.
- ¹⁰² Русские без Отечества. С. 159; Окуроков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. - М., 2000. СПб - 117; Вестник РОВС. - 2002. - № 5. - С П.
- ¹⁰³ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.282.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.281.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. д.21. Л.297; Ф.5759. Оп.1. Д.53. Л.56.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.290 - 290 об.
- ¹⁰⁷ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.295.
- ¹⁰⁸ ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.299.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф.5759. Оп.1. Д.53. Л.58, 59 об.
- ¹¹⁰ ГАРФ. Ф.5759. Оп.1. Д.53. Л.59.
- ¹¹¹ ГАРФ. Ф.5759. Оп.1. Д.56. Л.1; 16 об.
- ¹¹² ГАРФ. Ф.5796. Оп.1. Д.21. Л.262, 290 об., 295; Русские без Отечества. С.160; Русский Корпус на Балканах... . СПб., 1999. С.36; Дробязко СИ. Вторая мировая война 1939 - 1945: Русская освободительная армия. С.41.
- ¹¹³ Алдан А.Г. Армия обреченных. - Нью-Йорк, 1969;. Дробязко СИ. Указ. соч. С.41; Александров К.М. Против Сталина. - СПб., 2003. С.213.
- ¹¹⁴ Вестник РОВС. - 2002. - № 5. С П; Наши Вести. - 1984. - № 394. - С.13; Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта Власова. - СПб., 2001. С51.
- ¹¹⁵ Русские без Отечества. С.147, 162 - 163; Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. С.30; Дробязко СИ. Вторая мировая война. С.42.
- ¹¹⁶ Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. С.9; Дробязко СИ. Указ. соч. С. 15.
- ¹¹⁷ Хоффман Й. История власовской армии. - Париж, 1990. С.237.
- ¹¹⁸ Смирнов А.А. Атаман Краснов. С.317 - 319, 345 - 346.
- ¹¹⁹ Лампе А.А. Пути верных. С.202.
- ¹²⁰ Лампе А.А. Пути верных. С.233.
- ¹²¹ Толстой Н. Не стреляйте, здесь русский генерал! Лихтенштейн против Кремля // Родина. - 1991. - №6 - 7. - С П б - 117; Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. С П - 12.
- ¹²² Дробязко СИ. Вторая мировая война. С.13.
- ¹²³ Русский Корпус на Балканах. 34, 359; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С.388 - 390.
- ¹²⁴ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. С.15; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С.211 - 212; Рутыч Н.Н. Указ. соч. СИЗ.
- ¹²⁵ Капитан 1-го ранга Чаплин // Часовой. - 1947. № 268. - С.6 - 7; Кручинин АС. Россия и Англия в судьбе Г.Е. Чаплина // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917 - 1990-е гг.). - М.,2002. С.246 - 249.
- ¹²⁶ цит по: Ипполитов Г.М. Деникин. С.464.
- ¹²⁷ Родина. - 1991. - № 6-7. - С.104,
- ¹²⁸ В память погибших. - Париж, 1991. Подсчет сделан автором настоящей книги.
- ¹²⁹ По данным М. Геллера и А. Некрича, после Второй мировой войны было репатрировано в СССР 2972 тыс. советских и приравненных к ним граждан. 20 % из возвращенных были

приговорены к смертной казни или получили 25 лет заключения; 15 - 20 % - 5 - 10 лет заключения; 10 % - ссылку в отдаленные районы Сибири и Севера; 15 % - принудительные работы во восстановлению разрушенного хозяйства. - Геллер М., Некрич А. История России. 1917 - 1995. - М., 1996. Т.2. - С.7.

¹³⁰ Черкасов-Георгиевский В.К. Вожди белых армий. С.505 - 507; Околоков А.В. Русская эмиграция. С. 174 - 177.

¹³¹ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. С. 179 - 181.

¹³² Семеновский судебный процесс // Кентавр. - 1993. - № 6. - С.82 - 97.

ГЛАВА 12

¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. - М., 2003. С. 12; Козлов А.И. Генерал Деникин. - Ростов-на-Дону, 2000. С.345 - 346.

² Родина. -1991. - № 6 - 7. - С.104.

³ Чечерюкин-Мейнгардт В. Галлиполиец Губин // Наши Вести. - 2000. - № 458. -СЮ - 11.

⁴ Вестник РОВС. - 2003. - № 6 - 7. - С.25.

⁵ Вестник РОВС. - 2003. - № 6 - 7. - С.23 - 25.

⁶ Часовой. - 1955. - № 352.

⁷ Наши вести. - 2000. - № 459. - С.22.

⁸ Орехов В. Белое дело и его наследники // Часовой. - 1947. - № 268. - С.5.

⁹ Генерал А.П. Архангельский (к X-летию возглавления Русского Обще-Воинского Союза) // Часовой. - 1949. - № 270. - СП.

¹⁰ Околоков А.В. Русская эмиграция. С.204 - 206.

¹¹ Кручинин А.С Россия и Англия в судьбе Г.Е. Чаплина // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917 - 1970-е гг.). С249 - 250.

¹² Проф. И.А. Ильин. О грядущей России. Избранные статьи. - Джорданвилль, Н.Й. США, 1991. С.354.

¹³ Околоков А.В. Русская эмиграция. С.202 - 203, 215 - 216; Александров К.М. Против Сталина. С.123.

¹⁴ Лампе А.А. Пути верных. С.15 - 17; Часовой. - 1955,- № 356. - С.4.

¹⁵ Наши вести. - 2000. - № 459. - С.22.

¹⁶ Положение о Русском Обще-Воинском Союзе // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.

¹⁷ Лампе А.А. Пути верных. С.20.

¹⁸ Часовой. - 1064. - № 458-459. - С.25.

¹⁹ Часовой - 1967. - № 493. - С.6 - 7.

²⁰ Наши вести. - 2000. - № 459. - С.22.

²¹ Часовой. - 1967. - № 496. - С.21.

²² Часовой. - 1967. - № 498. - С.19.

²³ Орехов В. Мысли белогвардейца // Часовой. - 1974. - № 579. - С.2.

²⁴ Орехов В. Пятьдесят лет Русского Обще-Воинского Союза. - Информационный бюллетень Российского Национального Объединения. - 1974. - № 237. - С.2 // Часовой. - 1974. - № 579. - С.21.

²⁵ Белая годовщина // Часовой. - 1984. - № 648. - С.15.

²⁶ Наши Вести. - 2000. - № 459. - С.23.

²⁷ Наши Вести. - 2000. - № 459. - С.19 - 20.

²⁸ Часовой. - 1987. - № 668. - С.29.

²⁹ Наши Вести. - 2000. - № 459. - С. 23.

ГЛАВА 13

¹ Письмо председателя РОВСа поручика В.В. Гранитова 9 января 1992 года сопредседателю Санкт-Петербургского Общества «Русское Знамя» И.Б. Иванову // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.

² Вестник РОВС. - 2002. - № 3-4. - С. 14, 16.

³ Письмо В.В. Гранитова И.Б. Иванову 9 января 1992 года // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.

- ⁴ Наши Вести. - 2000. - № 459. - С. 19; № 460. - С. 18.
- ⁵ Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ⁶ Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ⁷ Наши Вести. - 2000. - № 459. - С.23.
- ⁸ Наши Вести. - 1998. - № 453. - С.2 - 3.
- ⁹ Наши Вести. - 2000. - № 458. - С.24.
- ¹⁰ Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ¹¹ Волков С. О задачах белого движения в России // Наши Вести. - 1995. - № 438; его же. Спуск флага // Вестник РОВС. - 2004. - № 6 - 9. - С.45.
- ¹² Распоряжение № 13 1-му отделу Русского Обще-Воинского Союза в России от 11 сентября 1997 года // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза; Из истории Дня Непримируемости // Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.37 - 40.
- ¹³ 23 февраля - день порабощителей Отечества (Заявление российского отдела РОВС) // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза; Будет ли в Российской Федерации новый воинский праздник? // Наши Вести. - 2000. - № 459. - С.26 - 27; День порабощителей Отечества. Обращение к военнослужащим Армии и Флота РФ, воинам запаса // Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.4.
- ¹⁴ Наши Вести. - 1999 - 2000. - № 456 - 457. - С.47; 2000. - № 458. - С.20.
- ¹⁵ Наши Вести. - 2000. - № 458. - С.20.
- ¹⁶ Наши Вести. - 1999 - 2000. - № 456 - 457. - С.46.
- ¹⁷ Наши Вести. - 2000. - № 458. - С.19.
- ¹⁸ Наши Вести. - 2000. - № 460. - С.20.
- ¹⁹ Наши Вести. - 2000. - № 458. - С.23 - 24.
- ²⁰ Иванов И.Б. Новое время ставит новые задачи // Наши Вести. - 2000. - № 459. - С.18 - 21.
- ²¹ Наши Вести. - 2000. - № 458. - С.1 - 2.
- ²² Наши Вести. - 2000. - № 460. - С.20 - 21.
- ²³ Наши Вести. - 2000. - № 460. - С.22.
- ²⁴ Приказ № 3 Русскому Обще-Воинскому Союзу от 9 декабря 2000 г. // Текущий архив РОВСа.
- ²⁵ Приказ № 4 Русскому Обще-Воинскому Союзу от 19 декабря 2000 г. // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ²⁶ Наши Вести. - 2000 - 2001. - № 461. - С.25.
- ²⁷ Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. - С.5.
- ²⁸ Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.2.
- ²⁹ Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.7.
- ³⁰ Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.41.
- ³¹ Вестник РОВС. - 2003. - № 6 - 7. С.4 - 5; Иванов И.Б. Помни войну! // Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.32 - 40.
- ³² Цит. по: Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.41.
- ³³ Из пут (записки офицера РОВСа) // Вестник РОВС. - 2003. - № 6- 7. - С.40.
- ³⁴ Там же. С.41.
- ³⁵ Из пут (записки офицера РОВСа) // Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.43.
- ³⁶ Там же. С.44.
- ³⁷ Заявление Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) // Посев. - 2001. - № 1. - С.9; Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.48 - 50; Приказ № 7 Русскому Обще-Воинскому Союзу от 11 февраля 2001 г. // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ³⁸ «Белая сволочь» // Вестник РОВС. - 2003. - № 6 - 7. - С.43.
- ³⁹ Вестник РОВС. - 2003. - № 6 - 7. - С.42 - 43.
- ⁴⁰ Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.49.
- ⁴¹ «Помни, что имя носишь» // Вестник РОВС. - 2005. - №10 - 11. С.38. Опубликованный материал заканчивается словами: «Трагически не повезло некоторым Белым вождям с потомками! Как же горько отдать всю жизнь служению Отечеству, чтобы в конце ее или после смерти получить предательство собственных детей! Но такова жизнь, и к печально известной кампании Николая Абрамова и Павлика Кутепова ныне добавилась еще и мадам Грей».
- ⁴² Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.44 - 46.
- ⁴³ Вестник РОВС. - 2001. - № 1 - 2. - С.2 - 5.

- ⁴⁴ Белое дело. I съезд представителей печатных и электронных изданий. История, идеология, современность Русского Белого движения. Резолюции и материалы. Справочное издание. - М., 2003. - С.6 - 7.
- ⁴⁵ Там же. С.43.
- ⁴⁶ Там же. С.46.
- ⁴⁷ Современная практика украинского сепаратизма // Вестник РОВС. - 2003. - № 6 - 7. - С.45 - 49.
- ⁴⁸ Грозные события на Украине // Вестник РОВС. - 2005. - № 10 - 11. - С. 17.
- ⁴⁹ Смирнов А.А. Атаман Краснов. С.350; Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.42.
- ⁵⁰ Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.54.
- ⁵¹ Вестник РОВС. - 2004. - № 7 - 8. - С.15, 50, 57.
- ⁵² Вестник РОВС. - 2005. - № 10 - 11. - С.37.
- ⁵³ Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.48.
- ⁵⁴ Десять лет работы Комитета «Оли были первыми» // Вестник РОВС. - 2004. - № 8 - 9. - С.51 - 52.
- ⁵⁵ Наши Вести. - 1999 - 2000. - № 456 - № 457. - С.45; 2000. - № 458. - С.21 - 22.
- ⁵⁶ Наши Вести. - 1999. - № 454. - С.19 - 20; Вестник РОВС. - 2003. - № 6 / 7. - Задняя обложка; № 8 - 9. - С.50.
- ⁵⁷ Вестник РОВС. - 2005. - № 10 - 11. - С.49 - 51.
- ⁵⁸ Вестник РОВС. - 2002. - № 3 - 4. - С.4.

Список сокращений

БРП - Братство Русской Правды
БРЭМ - Бюро по Делах Русских Эмигрантов
ВДСР - Военно-Державный Союз России
ВМС - Высший Монархический Совет
ВС КОНР - Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России
ВСХОН - Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа
ГААО - Государственный Архив Архангельской области
ГАРФ - Государственный Архив Российской Федерации
ГБРЭМ - Главное Бюро по Делах Русских Эмигрантов
ГПУ - Государственное Политическое Управление
КГБ - Комитет государственной безопасности
КОНР - Комитет Освобождения народов России
Королевство СХС - Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев
КПРФ - Коммунистическая партия Российской Федерации
НКВД - Народный комиссариат внутренних дел
НОРР - Национальная Организация Русских Разведчиков
НСРМ - Национальный Союз Русской Молодежи
НСДАП - Национал-социалистическая рабочая партия Германии
НТСП - Национальный Союз Нового Поколения
НТСНП - Национально-Трудовой Союз Нового Поколения
ОБРО - Осведомительное Бюро
ОГПУ - Объединенное Государственное Политическое Управление
ОРВС - Объединение Русских Воинских Союзов
ОРЮР - Организация Российских Юных Разведчиков
РГВА - Российский государственный военный архив
РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
РЗИА - Русский Заграничный Исторический архив
РНА - Русская Национальная Армия
РННА - Русская Национальная Народная Армия
РНСД - Российское Национальное и Социальное Движение
РНСУВ - Русский Национальный Союз Участников Войны
РОА - Русская Освободительная Армия
РОВС - Русский Обще-Воинский Союз
РОНД - Российское Освободительное Национальное Движение
РПЦЗ - Русская Православная Церковь Заграницей
СМЕРШ - «Смерть шпионам», официальное название советской военной контрразведки в 1943 - 46 годах
СССР - Союз Советских Социалистических Республик
ФСБ - Федеральная служба безопасности России
ФСР - Фонд Спасения России

Об авторе

Голдин Владислав Иванович родился в 1951 году в Архангельске. Окончил отделение истории и английского языка Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова, аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена и докторантуру МГУ имени М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный работник высшей школы РФ. С 1994 года и по настоящее время - проректор по научной работе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Архангельске. Историк, политолог, специалист в области международных отношений. Автор более 200 научных работ, изданных в России, Великобритании, Германии, Нидерландах, Скандинавских странах и Финляндии. Член президиума Головного совета по общественным наукам, член Головного совета по гуманитарным наукам, член Научно-методического совета по истории Министерства образования и науки РФ. Заместитель председателя президиума Поморского научного центра Северо-Западного отделения Российской академии образования, ученый секретарь Поморского регионального отделения РАЕН. Главный редактор международного «Баренц-журнала», заместитель главного редактора «Вестника Поморского университета», член редколлегии международного журнала циркумполярных исследований «Acta Borealia». Руководитель и координатор ряда международных научных программ, победитель конкурсов грантов РФФИ и РГНФ, Фонда Сороса, Совета мшшстров Северных стран, Баренц-секретариата и др. Работал в рамках международных исследовательских проектов в Великобритании, Германии, Норвегии, Финляндии, Швеции и США. Заместитель председателя докторского диссертационного совета ПГУ по историческим наукам. Подготовил 2 докторов и 9 кандидатов исторических наук.

Одна из исследовательских специализаций автора - история Гражданской войны в России и Русского Зарубежья. В числе последних изданных монографий: «Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х - 90-е годы)» (Архангельск, 2000), «Армия в изгнании. Очерки истории Русского Обще-Воинского Союза» (Архангельск - Мурманск, 2002), «Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны» (Архангельск - Мурманск, 2005), «Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны» (Архангельск, 2005).